891.733
P674
1910

v. 1

BOOK 891.733.P674 1910 v.1 c.1
PISEMSKII # POLNOE SOBRANIE SOCHINENII

3 9153 00201571 9

Please note:
This volume is also available at: books.google.com

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
Boston Library Consortium Member Libraries

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso01pise

Арт. зав. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, СПБ.

Polnoe sobranie
PG 3337 .P5 1910 t.1
Aleksei Feofilaktovich Pisemskii
T.1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ автобіографіей и двумя портретами А. Ѳ. Писемскаго и съ критико-біографическимъ очеркомъ В. В. Зелинскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1910 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1910.

891.733
P674
1910
v.1

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

АВТОБІОГРАФІЯ.

(По двумъ черновымъ спискамъ).

Пишу откровенную и, по возможности, полную біографію мою и излагаю ее въ той формѣ, въ какой въ старинныхъ романахъ излагали лица свою прошедшую жизнь.

Я происхожу отъ стариннаго дворянскаго рода. Одинъ изъ предковъ моихъ, нѣкто дьякъ Писемскій, былъ посылаемъ царемъ Іоанномъ Грознымъ въ качествѣ посла въ Лондонъ, для осмотра племянницы королевы Елизаветы, на каковой племянницѣ царь предполагалъ жениться. Другой предокъ мой изъ рода Писемскихъ пошелъ въ монастырь и удостоился быть причисленнымъ къ лику святыхъ, въ сонмѣ которыхъ до сихъ поръ именуется Макаріемъ Писемскимъ, и мощи его почіютъ въ Макарьевскомъ на рѣкѣ Унжѣ монастырѣ.

Вотъ и вся историческая слава моего рода.

Позднѣйшіе Писемскіе, о которыхъ я слыхалъ, были по большей части люди богатые; но та ближайшая вѣтвь, отъ которой собственно я происхожу, была совершенно захудалая: дѣдъ мой былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Богатый родственникъ его, малороссійскій помѣщикъ, взялся устроить судьбу отца моего — Ѳеофилакта Гавриловича Писемскаго, которому тогда было четырнадцать лѣтъ.

Это устройство судьбы ребенка состояло въ томъ, что отца моего пообмыли, пообшили, выучили грамотѣ и опредѣлили солдатомъ въ войска, пошедшія завоевывать Крымъ, который былъ потомъ завоеванъ, а войска двинули дальше на Кавказъ. Бо́льшая часть офицеровъ, у которыхъ хоть что-нибудь было на родинѣ, вышли въ отставку; отецъ же мой, которому рѣшительно не на что было надѣяться, послѣдовалъ за войсками. Какова была его первоначальная служба—это можно видѣть изъ монолога ветерана Лихарева въ маленькой пьескѣ моей — „Ветеранъ и новобранецъ“, въ явленіи VI-мъ.

Прослуживъ такимъ образомъ лѣтъ тридцать въ дѣйствующей арміи,

отецъ мой уже въ чинѣ майора нашелъ возможность побывать на родинѣ, то-есть въ Костромской губерніи, которая отстояла отъ Кавказа на двѣ тысячи почти верстъ; но онъ тѣмъ не менѣе бо́льшую часть пути совершилъ, въ сопровожденіи четырехъ денщиковъ, верхомъ, находя ѣзду въ экипажѣ совершенно для себя непріятною и очень безпокойною. На родинѣ ему пришлось жениться на моей матери. Отцу моему въ это время было лѣтъ сорокъ пять, а матери тридцать семь.

Плодомъ этого брака, между прочими дѣтьми, былъ и я, родившійся въ 1820-мъ году 10 марта, въ усадьбѣ Раменье, Чухломскаго уѣзда, Костромской губерніи. Четверо дѣтей, бывшихъ передо мною, померли, а равно померли и бывшіе послѣ меня пять человѣкъ. Если дозволительно дѣтямъ произносить судъ надъ своими родителями, то я могу такимъ образомъ опредѣлить моего отца и мою мать. Отецъ мой въ полномъ смыслѣ былъ военный служака того времени, строгій исполнитель долга, умѣренный въ своихъ привычкахъ до пуризма, человѣкъ неподкупной честности въ смыслѣ денежномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сурово-строгій къ подчиненнымъ; наши крѣпостные люди его трепетали, но только дураки и лѣнтяи, а умныхъ и дѣльныхъ онъ даже баловалъ иногда. Мать моя была совершенно иныхъ свойствъ: нервная, мечтательная, тонкоумная и, при всей недостаточности воспитанія, прекрасно говорившая и весьма любившая общительность. Собой она, за исключеніемъ весьма умныхъ глазъ, была нехороша, и по поводу ея наружности покойный отецъ мой, когда я былъ уже студентомъ, имѣлъ со мной такого рода бесѣду:

— Скажи ты мнѣ, Алексѣй, отчего это мать твоя, чѣмъ дальше живетъ, тѣмъ красивѣе становится?

— Оттого, папенька, что у маменьки много душевной красоты, которая съ годами все больше и больше выступаетъ.

— Такъ!—согласился со мной отецъ:—а я такъ вотъ, кажется, все такой же остаюсь, какимъ былъ.

— Нѣтъ, и вы, папенька, дѣлаетесь лучше: вы нынче дѣлаетесь добрѣе и не такъ гнѣвливы.

— Гораздо, братецъ, меньше сержусь! — воскликнулъ старикъ уже со слезами на глазахъ: — я столько нагрѣшилъ съ этой моей гнѣвливостью, что и не отмолить мнѣ грѣховъ моихъ...

Что́ собственно касается меня, то, по разсказамъ, я росъ очень болѣзненно въ раннемъ дѣтствѣ и ужасно капризничалъ: то у меня являлась страсть сосать сафьяновые башмаки, то требовалъ грязной воды, въ которой меня мыли, то требовалъ куска, который отецъ проглотилъ; былъ даже, говорятъ, лунатикъ, такъ что меня лавливали входящимъ на чердакъ. Всѣ эти продѣлки мои не помѣшали мнѣ однако сдѣлаться какимъ-то божкомъ для отца и матери, да сверхъ того еще для двухъ тетокъ, барышень Шиповыхъ, не вышедшихъ замужъ, которыя, непремѣнно предполагая сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ, пылали ко мнѣ ка-

кою-то материнской любовью, такъ что между сосѣднимъ дворянствомъ говорили, что у меня не одна мать, а три.

Сначала дѣтство мое, до десяти лѣтъ, я провелъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ (Ветлугѣ), куда отецъ мой опредѣленъ былъ отъ комитета о раненыхъ городничимъ. Воспоминанія о житьѣ въ этомъ городкѣ у меня остались какія-то смутныя: помню я нашъ домъ, довольно большой, съ мезониномъ, гдѣ обиталъ я; помню полъ, очень негладкій, играя на которомъ, я занаживалъ себѣ руки; помню высокую бѣлую церковь, а въ ней рыжаго протопопа Копасова; помню кадку изъ-подъ стрехи, въ которой нянька меня купала, а больше всего помню ясные, свѣтлые дни и большую рѣку, къ которой меня нянька никогда близко не подпускала. Затѣмъ я уже жилъ въ настоящей деревнѣ, куда переселились мои родители.

Особенно рѣзовъ и шаловливъ, по словамъ всѣхъ, я не былъ, но всегда любилъ устраивать игры: въ попы (то-есть представлять, какъ попы служатъ), въ лошадки, пахалъ грядки, сидѣлъ на лабазѣ, подстерегая медвѣдя. Словомъ, описаніе моего дѣтства находится въ „Людяхъ сороковыхъ годовъ“, въ главѣ II.

Учиться меня особенно не нудили, да я и самъ не очень любилъ учиться; но зато читать, и читать особенно романы, любилъ до страсти: до четырнадцатилѣтняго возраста я уже прочелъ, въ переводѣ, разумѣется, бо́льшую часть романовъ Вальтеръ-Скотта, „Донъ-Кихота“, „Фоблаза“, „Жильблаза“, „Хромого бѣса“, „Серапіоновыхъ братьевъ“ Гофмана, персидскій романъ „Хаджи-Баба“; дѣтскихъ же книгъ я всегда терпѣть не могъ и, сколько припоминаю теперь, всегда ихъ находилъ очень глупыми.

Наставники у меня были очень плохіе и все русскіе.

Въ дѣтствѣ я, кромѣ латинскаго языка, никакому новому языку не учился, что́ мнѣ впослѣдствіи приносило и даже до сихъ поръ приноситъ большой вредъ. Тщетно я въ гимназіи и въ университетѣ старался ознакомиться съ французскимъ и нѣмецкимъ языками, которымъ, впрочемъ, до нѣкоторой степени и выучивался, но только ненадолго: не проходило и полугода, какъ я забывалъ языкъ. И вообще, кажется, у меня очень слаба способность къ языкамъ, къ исторіи и къ естественнымъ наукамъ; тогда какъ къ наукамъ философскимъ, то-есть къ математикѣ, къ логикѣ, къ метафизикѣ, эстетикѣ, этикѣ, я весьма склоненъ. Въ 1834 году, то-есть когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, меня отдали въ костромскую гимназію во второй классъ. Учиться тамъ я началъ понятливо и довольно прилежно, но гораздо бо́льшую стяжалъ себѣ славу на актерскомъ поприщѣ. Здѣсь, участвуя въ составлявшихся между гимназистами спектакляхъ, я игралъ между прочимъ роль пана Прудіуса въ пьесѣ „Казакъ-стихотворецъ“. Описаніе этого событія можно прочесть въ „Людяхъ сороковыхъ годовъ“, въ главѣ X.

Съ дальнѣйшимъ ходомъ ученья во мнѣ начала раскрываться писа-

тельская способность: въ пятомъ классѣ былъ признанъ учителемъ словесности прекраснымъ стилистомъ, въ шестомъ классѣ я уже написалъ повѣсть, назвавъ ее „Черкешенкой“, а въ седьмомъ сочинилъ еще большую повѣсть „Чугунное кольцо“, которыя, вѣроятно, отличались болѣе стилемъ, такъ какъ я въ нихъ описывалъ такія сферы, которыя совершенно были для меня невѣдомы.

Въ 1840 году я кончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ университетъ, будучи большимъ фразеромъ, и въ этомъ случаѣ я благодарю Бога, что избралъ математическій факультетъ, который сразу же отрезвилъ меня и сталъ пріучать говорить только то, что̀ самъ ясно понимаешь; но этимъ, кажется, только и кончилось благодѣтельное вліяніе университета. Научныхъ свѣдѣній изъ моего собственнаго факультета я пріобрѣлъ немного, но зато познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Корнелемъ, Расиномъ, Жанъ-Жакомъ Руссо, Вольтеромъ, Викторомъ Гюго и Жоржъ-Зандомъ, сознательно оцѣнилъ русскую литературу и при окончаніи курса, что̀ было въ 1844 году, стяжалъ снова славу актера: я такъ сыгралъ Подколесина въ пьесѣ Гоголя „Женитьба“, что, по мнѣнію тогдашнихъ знатоковъ театра, былъ выше игравшаго въ то время эту роль на Императорской сценѣ актера Щепкина. Успѣхъ этотъ описанъ мною отчасти въ разсказѣ моемъ „Комикъ“.

Но этимъ и кончилась моя научная и эстетическая жизнь. Впереди мнѣ предстояло горе и необходимость служить: отецъ мой уже померъ, мать, пораженная его смертью, была разбита параличомъ и лишилась языка; средства къ существованію были весьма небольшія. Все это понимая, я впалъ, по переѣздѣ моемъ въ деревню, въ меланхолію и ипохондрію, изъ каковой спасла меня любовь.

Еще ранѣе того, во время моего гимназическаго и университетскаго воспитанія, я влюблялся идеально въ моихъ кузинъ, изъ которыхъ первая описана въ лицѣ Софи въ „Взбаламученномъ морѣ“, а вторая въ лицѣ Мари въ „Людяхъ сороковыхъ годовъ“; но вышесказанная любовь была уже реальная и поглотила скоро всего меня. Любовь эта мною выражена, во-первыхъ, въ романѣ моемъ „Боярщина“—въ отношеніяхъ Шатилова къ Аннѣ Павловнѣ, и потомъ второй разъ въ „Людяхъ сороковыхъ годовъ“—въ отношеніяхъ Вихрова къ Фатѣевой. Но жизнь и родные не удовлетворялись этимъ моимъ блаженствомъ, какъ не удовлетворялась имъ и моя собственная совѣсть; надежда на авторство могла тогда показаться сумасшествіемъ, и потому я рѣшился, во-первыхъ, посвятить себя службѣ, а потомъ жениться, избравъ для этого дѣвушку совершенно уже не кокетку, изъ семьи хорошей, но небогатой. Свадьба наша совершилась 11 октября 1848 года. Жена моя отчасти обрисована мною въ „Взбаламученномъ морѣ“ въ лицѣ Евпраксіи, которой сверхъ того придано въ романѣ названіе „ледешка“...

(Изъ автобіографіи, написанной для Дерели).

Хронологическій порядокъ моихъ литературныхъ трудовъ таковъ: первая повѣсть, мною написанная еще въ 1846 году, была „Боярщина“, но по цензурнымъ условіямъ она пролежала въ моемъ письменномъ столѣ болѣе 10-ти лѣтъ, и такимъ образомъ первою повѣстью, явившеюся въ свѣтъ въ 1850 году, былъ „Тюфякъ“, за которой слѣдовали повѣсти: „Бракъ по страсти“, „Monsieur Батмановъ“, „Комикъ“, разсказъ „Питерщикъ“ и комедія „Ипохондрикъ“, долго не игранная на сценѣ. Всѣ эти вещи я печаталъ въ московскомъ журналѣ „Москвитянинъ“ (давно уже прекратившемся). Затѣмъ перешелъ въ петербургскіе журналы и съ 1854 года по 1856 напечаталъ въ журналѣ „Современникъ“ романъ „Богатый женихъ“, повѣсть „Виновата ли она?“ и два разсказа: „Лѣшій“ и „Фанфаронъ“, а въ журналѣ „Отечественныя Записки“ пьесу „Ветеранъ и новобранецъ“, разсказъ „Плотничья артель“ и критическую статью о нашемъ знаменитомъ писателѣ Гоголѣ. Въ 1856 году я командированъ былъ правительствомъ для составленія этнографическихъ описаній и, какъ результатъ этого путешествія, я помѣстилъ въ журналѣ „Морской Сборникъ“ и журналѣ „Библіотека для чтенія“ рядъ очерковъ, которые вы найдете въ книжкѣ моихъ небольшихъ статей. Возвратившись изъ путешествія, напечаталъ въ 1858 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ свой большой романъ „Тысяча душъ“, подробно разобранный и отчасти переведенный въ сокращеніяхъ покойнымъ Делло въ „Revue des deux Mondes“ и впослѣдствіи переведенный и на нѣмецкій языкъ, и въ то же время помѣстилъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ „Боярщину“ и разсказъ „Старая барыня“, а затѣмъ, сдѣлавшись редакторомъ „Библіотеки для чтенія“, напечаталъ въ ней повѣсть „Старческій грѣхъ“, тоже переведенную нынѣ на нѣмецкій языкъ, и трагедію изъ крестьянскаго быта — „Горькая судьбина“, за которую и получилъ отъ академіи наукъ I-ю уваровскую премію; потомъ помѣстилъ въ журналѣ „Русское Слово“ разсказъ „Батька“. Въ 1863 году оставилъ редакторство „Библіотеки для чтенія“ и, переселившись изъ Петербурга въ Москву, помѣстилъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ свой большой романъ „Взбаламученное море“, изобразивъ въ концѣ этого романа начинающійся у насъ развиваться нигилизмъ. Послѣ этого напечаталъ въ журналѣ „Всемірный Трудъ“ трагедію „Самоуправцы“, историческую трагедію изъ временъ Бирона „Поручикъ Гладковъ“. Въ 1869 г. напечаталъ въ журналѣ „Заря“ свой большой романъ „Люди сороковыхъ годовъ“, имѣющій до нѣкоторой степени автобіографическій характеръ, а потомъ черезъ два года помѣстилъ въ журналѣ „Бесѣда“ романъ „Въ водоворотѣ“, хорошо извѣстный многимъ. Въ 1873 году напечатана въ журналѣ „Гражданинъ“ комедія „Подкопы“. Въ 1874 году помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ драму „Ваалъ“ и въ 1875 г. драму „Просвѣщенное время“, а въ 1876 году въ журналѣ

Гатцука драму „Финансовый геній“ и наконецъ въ прошломъ (1877) году помѣстилъ въ журналѣ „Пчела“ романъ „Мѣщане“.

Пишу вамъ этотъ подробный перечень моихъ трудовъ, потому что въ посылаемыхъ мною вамъ книгахъ они размѣщены совершенно не въ томъ порядкѣ, какъ писались, а время — вещь многознаменательная: мѣняя все въ мірѣ, оно кладетъ, разумѣется, печать этихъ перемѣнъ и на трудъ авторовъ. Сначала я обличалъ глупость, предразсудочность, невѣжество, смѣялся надъ дѣтскимъ романтизмомъ и пустозвонными фразами, боролся противъ крѣпостного права, преслѣдовалъ сановничьи злоупотребленія, обрисовывалъ цвѣтки нашего нигилизма, котораго посѣвы ужъ созрѣваютъ въ плодъ; въ концѣ концовъ принялся за сильнѣйшаго, можетъ-быть, врага человѣческаго—за *Ваала* и за *поклоненіе золотому тельцу*, и только въ прошломъ (1877) году былъ глубоко утѣшенъ тѣмъ, что мѣщане и купцы (что подъ этими кличками я разумѣю—вы уясните изъ романа моего „Мѣщане“), мѣщане и купцы отодвинуты на задній планъ и въ массѣ случаевъ опозорены... Открылось воочію всѣхъ, что мошенничества разныхъ предпринимателей и поставщиковъ колоссальны, что торговля идетъ на постыднѣйшемъ обманѣ; банковскія воровства чуть не каждодневно совершались и совершаются, и надъ всей этой мерзостью, какъ честные ангелы, возсіяли наши солдаты и офицеры; но довольно, всего не перескажешь, что кипитъ и волнуется въ моей, кажется, старческой душѣ!..

1878 г.

А. Ѳ. ПИСЕМСКІЙ.

Критико-біографическій очеркъ В. В. Зелинскаго.

I.

Вступленіе.

Сороковые годы текущаго столѣтія—знаменательная эра въ исторіи нашей литературы. Вся умственная жизнь Россіи, весь духовный прогрессъ нашъ сосредоточивался тогда главнымъ образомъ въ литературѣ. Литературой охватывалось и питалось тогдашнее большинство образованныхъ людей нашего отечества. Въ высшей степени живительный и благотворный духъ тогдашней литературы не могъ не увлекать собой талантливыхъ и горячихъ натуръ. Наша литература представляла въ то время нѣчто небывалое въ исторіи развитія человѣческаго рода: въ ней какъ-то сразу почуялась особенная, необыкновенно могучая и захватывающая жизненная струя. Страстный анализъ и переработка всѣхъ прежнихъ идеаловъ, могущественная проповѣдь отрѣшенія отъ всѣхъ тѣхъ романтическихъ иллюзій, какими жили тридцатые годы, горячее и искреннее проникновеніе идеями народнаго блага, глубокое покаяніе въ вѣковыхъ неправдахъ, лежавшихъ на совѣсти русскаго человѣка, и т. п.—вотъ главныя пружины, двигавшія и возвышавшія литературу, которая, въ свою очередь, совершенно овладѣвала впечатлительными и благородными умами и охраняла ихъ духъ и энергію. „Время это,—говоритъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ:—для русской литературы было замѣчательно хорошее. Пушкинъ именно тогда былъ оцѣненъ всей Россіей; были поняты и Лермонтовъ и Гоголь. Достойный истолкователь ихъ, Бѣлинскій, былъ на верху своей славы. Благодаря ему въ лучшей части нашего общества пробудилось и окрѣпло такое сознательное отношеніе и такой глубокій интересъ къ произведеніямъ своей и чужой словесности, какого мы, пожалуй, напрасно стали бы

искать и въ Западной Европѣ. Именно въ моментъ появленія „Бѣдныхъ людей“ „закипѣла литература“, по выраженію Достоевскаго: появился Гончаровъ, привлекъ всеобщее вниманіе талантливый Герценъ; послышались имена Григоровича, Некрасова, Тургенева.

Всѣ такъ-называемые тревожные вопросы, которые были подняты въ сороковые годы, все это новое движеніе въ литературѣ, названное нами выше могучей струей, впослѣдствіи стало называться *народностью*. Самый же способъ и характеръ разработки и постановки этихъ вопросовъ, а именно: болѣе живое, реальное и широкое пониманіе дѣйствительности, болѣе глубокое и практическое отношеніе къ ней, большій объемъ простора въ пониманіи окружающей жизни и совершенное отчужденіе отъ того риторическаго ганья, которымъ преисполнена была прежняя жизнь и литература, — это новое направленіе въ литературѣ получило названіе *натуральной школы*. Весь успѣхъ литературы и ея движеніе впередъ, по замѣчанію Бѣлинскаго, зависятъ больше *отъ объема и количества предметовъ*, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире границы литературы и ея содержаніе, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. *Натуральная* литературная школа именно этимъ и обладаетъ. Всѣми почти признано, что эта новая „натуральная школа“ нашей литературы ведетъ свое начало отъ Гоголя. „Горькій смѣхъ Гоголя,—по словамъ Н. Н. Булича,—нарушилъ продолжительное праздничное ликованье, смутилъ торжество, освѣтилъ настоящимъ, хотя и зловѣщимъ свѣтомъ огромное историческое пространство, счастливые острова, гдѣ, казалось, жили только доблестные герои. Вмѣсто нихъ мы разглядѣли Чичиковыхъ и Ноздревыхъ, Коробочекъ и Маниловыхъ и большую компанію другихъ лицъ, съ которыми скоро пришлось переживать тяжелыя историческія испытанія“.

Несмотря на то, что на Гоголя, какъ основателя натуральной школы въ литературѣ, и на молодыхъ его подражателей долго сыпались обвиненія со стороны тогдашнихъ консерваторовъ за *отрицательное*, или, какъ потомъ стали выражаться, за *обличительное направленіе*, — за то, что они постоянно изображаютъ все „бѣдность да бѣдность, да несовершенство человѣческой жизни“, — въ изображеніи отрицательныхъ явленій, если они не противорѣчили жизненной правдѣ, и заключался успѣхъ литературы. Скептически-отрицательное отношеніе къ жизни имѣло здѣсь не отвлеченный, безцѣльный характеръ отрицанія ради отрицанія, а реальный гражданскій, демократическій смыслъ.

Участникомъ замѣчательнаго и въ высшей степени плодотворнаго литературнаго движенія впослѣдствіи сдѣлался и Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. Онъ также принадлежитъ къ знаменитой литературной школѣ сороковыхъ годовъ и занимаетъ мѣсто рядомъ съ такими главнѣйшими представителями ея по беллетристикѣ, какъ И. С. Тургеневъ, Л. Н. Толстой, Ѳ. М. Достоевскій, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ...

Но къ этой блестящей группѣ дѣятелей русскаго слова Алексѣй Ѳеофилактовичъ присоединился, такъ сказать, офиціально уже въ то время, когда для торжествующей русской литературы наступили печальные дни. Какъ извѣстно, наша литература въ началѣ 1848 года подпала подъ весьма тяжелый гнетъ небывало-строгой цензуры. Кромѣ общихъ цензурныхъ комитетовъ, еще каждое министерство начало цензуровать статьи, касающіяся его вѣдомства. Все сразу притихло и обезличилось въ литературѣ. И такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Въ эти тяжелые годы литература не могла проявлять прежней плодотворной и живительной силы, а потому и потеряла прежнее обаяніе для общества. Узкая дѣятельность ея не простиралась далѣе того заколдованнаго круга исключительно сердечныхъ волненій и любовныхъ приключеній, въ которомъ она, сдавленная въ желѣзныхъ тискахъ всевозможныхъ цензуръ, должна была вертѣться, какъ бѣлка въ колесѣ. Въ это именно мрачное время пріостановки умственнаго движенія въ Россіи, перерыва плодотворной дѣятельности нашей литературы, А. Ѳ. Писемскій и обозначился на литературномъ горизонтѣ. Вотъ интересная характеристика, сдѣланная П. В. Анненковымъ, какъ этого момента литературы, такъ и самаго кружка писателей, къ которому вначалѣ примкнулъ Писемскій: „Время было довольно неопредѣленное. Только-что прогремѣла революція 1848 г. въ Парижѣ, подымая за собой народныя массы въ большей части европейскихъ столицъ—въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ и друг., и неожиданно обнаруживая, какъ много существовало въ нихъ, подъ покровомъ обманчивой тишины и внѣшняго благочинія, недовольства порядками жизни и политическихъ страстей. Ничего подобнаго у насъ не встрѣчалось. Наша тишина была неподдѣльная, испытанная. Начиная съ богатѣйшаго земельнаго собственника и черезъ весь рядъ именитаго и зауряднаго чиновничества до послѣдняго торгаша на улицѣ, всѣ въ одинъ голосъ гордились и радовались тому, что политическіе бури и ураганы никогда не досягаютъ и никогда не достигнутъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, нашихъ предѣловъ. Нашлись однакоже мудрецы, которымъ было мало этого. Относя спокойствіе государства и общества къ дѣйствію одного крѣпостного права, которое они поэтому и возвели въ непререкаемый догматъ русской жизни, мудрецы еще думали, что къ выраженіямъ народнаго патріотическаго настроенія должно относиться дружелюбно, но дѣйствовать такъ, какъ будто его вовсе и не оказывалось. Вѣдь нельзя же, говорили они, полагать, что волны европейскихъ событій никогда не докатятся до насъ и не подроютъ гдѣ-нибудь втихомолку основъ, на которыхъ построена наша жизнь. Правильно понятый патріотизмъ — искать такихъ опасныхъ подземныхъ теченій и благодарить тѣхъ, которые ихъ открываютъ. Результаты этой теоріи извѣстны. Кромѣ всего прочаго, явились подозрительныя отношенія къ наукѣ, враждебное настроеніе противъ утопистовъ, идеалистовъ, ученыхъ, расплодившихся безъ мѣры и безъ вѣдома

правительства подъ сѣнью университетовъ. Цензура печати наравнѣ съ цензурой нравовъ и убѣжденій отданы были на произволъ всѣмъ „вѣдомствамъ и всѣмъ частнымъ лицамъ, которыя обнаружили бы къ ней охоту и способности".

Такъ продолжалось до конца крымской кампаніи, когда возникло движеніе, возвѣстившее наступленіе новаго общественнаго періода. Въ этотъ грозный промежутокъ времени замолкли и такъ-называемые дѣятели сороковыхъ годовъ. Почти всѣ они состояли еще налицо и находились въ цвѣтущей порѣ силъ; но у нихъ отобраны были, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, ихъ научныя основы и предложено замѣнить ихъ покамѣстъ другими, поправленными согласно требованіямъ эпохи. Образовалась умственная пустота въ общественной жизни, прерываемая обычнымъ появленіемъ журналовъ, со страницъ которыхъ несся какой-то смутный говоръ, рядъ мнѣній и положеній, словно переряженныхъ или нарочно искалѣченныхъ для того, чтобы они не походили на дѣльныя мнѣнія и положенія и не могли ввести читателей въ искушеніе остановиться на нихъ и посвятить имъ свое вниманіе. Въ эту пору перерыва умственной жизни общества послышались голоса изъ органа М. П. Погодина и славянофиловъ, „Москвитянина", которые, при господствовавшемъ молчаніи, показались знаменьемъ времени, какъ бы указывавшимъ на скорое появленіе новыхъ силъ и литературныхъ задачъ. Вокругъ журнала, и, кажется, безъ особенныхъ стараній редактора, образовалась группа молодыхъ писателей, имѣвшая своихъ критиковъ, этнографовъ, философовъ, беллетристовъ и драматурговъ, которую петербургскіе ихъ собраты приняли спервоначала за отрожденіе славянофильства, благодаря тому, что группа выказывала если не враждебность, то полное равнодушіе къ предшествующей публицистической дѣятельности западнаго кружка и искала другихъ основъ для развитія, чѣмъ онъ. Члены новаго кружка, почти всѣ безъ исключенія, обладали значительнымъ критическимъ чутьемъ, и это помогло имъ различать несостоятельность нѣкоторыхъ сторонъ русской жизни, хотя бы и выращенныхъ вѣками и носящихъ на себѣ печать самой почтенной древности. Исконные славянофилы постоянно избѣгали всѣхъ такихъ разоблаченій. Другое отличіе школы отъ ея первообразовъ заключалось въ убѣжденіи, что указанія западной науки должны еще способствовать къ очищенію и укрѣпленію русской народности на ея родной почвѣ, — положеніе, неохотно допускаемое коренными славянофилами, которые видѣли въ немъ признакъ скрытаго отщепенства. Обѣ партіи связывались только однимъ общимъ чувствомъ нерасположенія къ отрицанію важности народнаго быта, къ абстрактному философствованію въ области критики и публицистики, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, отличался весь прошлый петербургскій литературный періодъ... Московскій кружокъ новыхъ дѣятелей составлялъ замѣчательное явленіе даже и по количеству весьма талантливыхъ людей, къ нему пристроившихся. Онъ

числилъ въ своихъ рядахъ, между другими, менѣе извѣстными именами, еще Ап. Григорьева, Т. И. Филиппова, Е. Н. Эдельсона, Б. Н. Алмазова, А. А. Потѣхина, наконецъ А. Н. Островскаго и А. Ѳ. Писемскаго.

II.

Происхожденіе Писемскаго, его дѣтство, гимназическіе и университетскіе годы.

А. Ѳ. Писемскій происходилъ изъ среды русскаго мелкопомѣстнаго дворянства, культура котораго въ началѣ нынѣшняго столѣтія отличалась не только малообразованностью и даже грубостью, но порой и полной безграмотностью. Основы семейнаго быта этого сословія главнымъ образомъ покоились на традиціяхъ Домостроевскаго режима, какъ нельзя лучше согласовавшагося съ неумолимой суровостью по отношенію къ своимъ немногочисленнымъ крѣпостнымъ. Неблестящая матеріальная обезпеченность, а часто и вовсе крайняя скудость средствъ не содѣйствовали здѣсь болѣе или менѣе идеальному облагораживанію нравовъ и развитію гуманности; напротивъ, господствующее мѣсто занимали тутъ матеріальные расчеты и вообще трезвая житейская практичность, доходившая порой до черствaго кулачества и скаредства. Зато въ этой мелкопомѣстной дворянской средѣ очень часто можно было встрѣтить тотъ простой традиціонный русскій типъ, съ своеобразными исторически сложившимися чертами русской жизни, который къ тому времени уже вовсе выродился въ богатомъ дворянствѣ, доходившемъ порой до забвенія родного языка. Тогда какъ богатый и знатный дворянинъ стремился стоять на высотѣ европейской цивилизаціи и по изысканно-утонченной культурности походить на образованнаго европейца, — бѣдный помѣщикъ стоялъ ближе къ крестьянину и русской природѣ; жизнь его была проще, нравы чище. Тутъ нерѣдко можно было встрѣтить непосредственно честныхъ и прямодушныхъ людей, закаленныхъ въ суровомъ опытѣ жизни. Такова именно была та среда захудалаго дворянства, изъ которой вышли родители и ближайшіе предки А. Ѳ. Писемскаго. Болѣе отдаленные предки его, по словамъ самого писателя, по большей части были люди богатые; а еще болѣе отдаленные, какъ мы видимъ изъ автобіографіи А. Ѳ. Писемскаго, принадлежали къ знатнымъ или вообще отличались нѣкоторою извѣстностью. Отецъ нашего писателя, Ѳеофилактъ Гавриловичъ Писемскій, былъ въ чинѣ майора, который онъ получилъ, прослуживъ лѣтъ тридцать въ дѣйствующей арміи въ Крыму и на Кавказѣ. Устройствомъ судьбы Ѳеофилакта Писемскаго занялся одинъ богатый родственникъ его, малороссійскій помѣщикъ, такъ какъ отецъ его, т.-е. дѣдъ нашего писателя, былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Впрочемъ, устройство судьбы Ѳеофилакта Гаври-

ловича состояло лишь въ томъ, что его, четырнадцатилѣтняго мальчика, пообмыли, пообшили, выучили грамотѣ и опредѣлили солдатомъ въ войска, пошедшія завоевать Крымъ. Образъ и характеръ своего отца Писемскій вывелъ въ разсказѣ „Плотничья артель“ и въ особенности въ романѣ „Люди сороковыхъ годовъ“. Въ этомъ наполовину автобіографическомъ романѣ своемъ Писемскій рисуетъ своего отца въ лицѣ полковника Вихрова и самого себя въ лицѣ сына Вихрова — Павла.

Мы довольно опредѣленно можемъ себѣ представить фигуру и характеръ полковника Михаила Поликарпыча Вихрова. Это былъ человѣкъ „поля, боя и нужды“; онъ не зналъ и не любилъ никакихъ комфортабельныхъ тонкостей въ житейскомъ быту. Будучи необразованъ, онъ тѣмъ не менѣе уменъ, разсудителенъ и честенъ. Въ немъ видна прямота души, настойчивость въ характерѣ и при этомъ весьма любовное, мягкое отношеніе къ своему сыну—будущему нашему писателю.

Имѣя уже около сорока пяти лѣтъ, Ѳеофилактъ Гавриловичъ вернулся на свою родину, т.-е. въ Костромскую губернію, отстоявшую отъ Кавказа почти на двѣ тысячи верстъ. Пріѣхавъ на родину, Ѳеофилактъ Гавриловичъ немедленно женился на матери нашего писателя, Евдокіи Алексѣевнѣ Шиповой, происходившей изъ довольно достаточнаго семейства и имѣвшей уже въ то время тридцать семь лѣтъ. Родившіяся отъ этого брака дѣти умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ: изъ бывшихъ у Писемскаго десяти человѣкъ дѣтей, выросъ одинъ только Алексѣй Ѳеофилактовичъ, родившійся по счету пятымъ. Мать Писемскаго была двоюродная сестра извѣстнаго въ двадцатыхъ годахъ масона Ю. Н. Бартенева, имѣвшаго въ свое время большое вліяніе на знаменитаго министра духовныхъ дѣлъ при Александрѣ I, насадителя библейскихъ обществъ и покровителя господствовавшаго тогда въ высшемъ кругу мистицизма, князя А. Н. Голицына. Этотъ Ю. Н. Бартеневъ, двоюродный дядя Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго, изображенъ послѣднимъ въ его романѣ „Масоны“, въ лицѣ добраго и строго-честнаго полковника Марѳина. Профессоръ А. И. Кирпичниковъ полагаетъ, что этотъ же Ю. Н. Бартеневъ изображенъ въ талантливомъ и умномъ лицѣ романа „Взбаламученное море“ — Ливановѣ. Кромѣ того, у Алексѣя Ѳеофилактовича былъ еще другой двоюродный дядя по матери — Всеволодъ Никитичъ Бартеневъ, бывшій флотскій офицеръ. Этотъ Бартеневъ изображенъ Писемскимъ въ его романѣ „Люди сороковыхъ годовъ“, въ лицѣ Эспера Ивановича — симпатичнаго, интеллигентно-эстетическаго господина. Судя по той необыкновенно поэтической теплотѣ, мягкости и даже отчасти сентиментальности, съ какими нарисованъ въ романѣ Эсперъ Ивановичъ, можно думать, что нашъ писатель любилъ Всеволода Никитича Бартенева больше, чѣмъ своего отца. Очевидно, что изъ всей родни Писемскаго этотъ Бартеневъ былъ наиболѣе воспитанъ и образованъ, а потому онъ былъ въ глазахъ Алексѣя Ѳеофилактовича,

тогда впечатлительнаго и пылкаго юноши, наиболѣе обаятеленъ и вслѣдствіе этого, разумѣется, имѣлъ на нашего писателя господствующее и рѣшительное вліяніе въ отношеніи интеллектуальнаго и нравственнаго развитія.

Дѣтство А. Ѳ. Писемскаго, до десяти лѣтъ, прошло въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Ветлугѣ, гдѣ отецъ его служилъ отъ комитета о раненыхъ городничимъ. „Описаніе моего дѣтства,—говоритъ Писемскій въ своей автобіографіи:—находится въ „Людяхъ сороковыхъ годовъ“, въ главѣ II“. Дѣйствительно, во второй главѣ названнаго романа весьма много живыхъ сценъ изъ дѣтства Писемскаго, выведеннаго тамъ подъ именемъ Паши. Прочитавъ эту главу, мы видимъ, что Писемскій проводилъ свое дѣтство подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ могущественной природы; онъ развилъ и закалилъ себя тѣлесно и душевно бодрыми, освѣжающими впечатлѣніями деревенской жизни. Мальчикъ выучился верховой ѣздѣ и до страсти полюбилъ ее. „Главное удовольствіе при этомъ.—читаемъ мы въ романѣ:—доставляли ему опасность и могущество власти надъ лошадью. Онъ одинъ-одинехонекъ уѣзжалъ верстъ за семь черезъ довольно большой лѣсъ; кругомъ тишина, ни души человѣческой, и только что-то поскрипываетъ и потрескиваетъ по сторонамъ. Лошадь идетъ, навостривъ уши, вздрагивая и какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Но вотъ огромная глинистая гора; Павелъ слегка только сдерживаетъ поводья. Лошадь осторожнѣйшимъ образомъ сходитъ съ горы, немного присѣдая назадъ и скользя копытами по глинѣ; Павелъ убѣжденъ, что это онъ ее такъ выѣздилъ. За горой надобно проѣхать довольно крутой мостъ; на серединѣ его большая дыра. Павелъ нарочно погоняетъ лошадь и направляетъ ее на эту дыру; но она ее перескакиваетъ. Слѣдующую рѣчку Павелъ рѣшился переѣхать въ бродъ. Рѣчонка тоже пѣнится и шумитъ; лошадь немного заартачилась; Павелъ смѣло понукаетъ ее; лошадь осторожно входитъ въ воду. На серединѣ рѣки ей захотѣлось напиться, и для этого она вдругъ опустила голову; но Павелъ дернулъ поводьями и даже выругался: „Ну, чортъ, запалишься!“ Въ такого рода приключеніяхъ онъ доѣзжаетъ до села, объѣзжаетъ тамъ кругомъ церковной ограды, кланяется съ сидящею тамъ у окна матушкой-попадьей и, видимо гарцуя передъ нею, проскакиваетъ село и возвращается домой“.

Выпросивши у отца ружье, мальчикъ почти каждый день, въ сопровожденіи своего товарища Титки, дворовaго мальчика, и собаки Куцки, началъ ходить на охоту. „Охотникомъ искуснымъ, — говорится въ романѣ:— онъ не сдѣлался; но зато привыкъ рано вставать и смѣло ходить по лѣсамъ. Какихъ онъ ни видалъ высокихъ деревьевъ, какихъ передъ нимъ ни открывалось разнообразныхъ и красивыхъ лощинъ! Утомившись, онъ очень любилъ лечь гдѣ-нибудь на травѣ вверхъ лицомъ и смотрѣть на небо. Но вдругъ ему начинало представляться, что оно у него какъ бы внизу, самыя деревья какъ будто бы растутъ

внизъ, и вершины ихъ словно купаются въ воздухѣ,—а онъ лежитъ на землѣ потому только, что къ ней чѣмъ-то прикрѣпленъ; но уничтожься эта связь, и онъ упадетъ туда, внизъ, въ небо. Павлу дѣлалось при этомъ и страшно и весело...“ Такимъ-то именно образомъ шло въ дѣтствѣ безыскусственное, вольное и широкое воспитаніе Писемскаго подъ сѣнью самой природы. Что же касается до собственно-научнаго образованія, то оно было незавидно въ дѣтскіе годы Писемскаго. Онъ могъ получить въ эти годы въ домѣ отца своего только то скудное образованіе, какое въ то время было свойственно средѣ мелкопомѣстнаго дворянства.

Вотъ что̀ говорится въ романѣ „Люди сороковыхъ годовъ“ и о воспитаніи героя Паши: „По случаю безвыѣздной деревенской жизни отца, наставниками его пока были: приходскій дьяконъ, который версты за три бѣгалъ каждый день поучать его часа два; потомъ былъ взятъ къ нему разстрига-попъ, но оказался ужъ очень сильнымъ пьяницей; наконецъ училъ его старичокъ, переѣзжавшій нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ одного помѣщика къ другому и переучившій, по крайней мѣрѣ, поколѣнія четыре. Какъ ни плохи были такого рода наставники, но все-таки учили его дѣлу: читать, писать, ариѳметикѣ, грамматикѣ, латинскому языку. У него никогда не было никакой гувернантки, изобрѣтающей приличныя для его возраста causeries съ нимъ; ему никогда и никто не читалъ дѣтскихъ книжекъ, а онъ прямо схватился за кой-какіе романы и путешествія, которые нашелъ на полкѣ у отца въ кабинетѣ; словомъ, ничто какъ бы не лелѣяло и не поддерживало въ немъ дѣтскаго возраста, а скорѣй игра и ученіе все задавали ему задачи больше его лѣтъ“.

Въ 1834 году, т.-е. когда Писемскому исполнилось четырнадцать лѣтъ, отецъ отвезъ его въ костромскую гимназію и опредѣлилъ во второй классъ. Вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ тутора и репетитора, былъ помѣщенъ старшій его лѣтами гимназистъ Стойновскій, а въ прислуги имъ оставленъ дворовый парень лѣтъ 14-ти. Здѣсь умѣстно будетъ привести изъ романа „Люди сороковыхъ годовъ“ трогательную сцену разставанія отца съ сыномъ, свидѣтельствующую о томъ, какъ сильно любилъ Писемскій своего отца: „Когда отецъ наконецъ сталъ собираться въ деревню, Павелъ на первыхъ порахъ почти былъ радъ тому. Но вотъ пришелъ день отъѣзда; всѣ встали, какъ водится, очень рано; напились чаю. Полковникъ былъ мраченъ, какъ передъ боемъ; стали укладывать вещи въ экипажъ, закладывать лошадей, — и заложили! Павелъ продолжалъ смотрѣть на все это равнодушно; полковникъ поднялся, помолился и подошелъ поцѣловать сына. Тотъ вдругъ бросился къ нему на шею, зарыдалъ на всю комнату и произнесъ со стономъ: „Папаша, другъ мой, не покидай меня навѣки!“ Полковникъ задрожалъ, зарыдалъ тоже: „Нѣтъ, не покину, не покину!“—бормоталъ онъ; потомъ, едва вырвавшись изъ объятій сына, сѣлъ въ экипажъ: у него голова

даже не держалась хорошенько, а какъ-то болталась. „Папаша, папаша, милый!“—стоналъ Павелъ. Полковникъ махнулъ рукой и велѣлъ везти скорѣе. Павелъ, какъ бы все похоронивъ на свѣтѣ, съ понуренной головою и весь въ слезахъ возвратился въ комнаты...“ По крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ послѣ разлуки съ отцомъ мальчикъ тосковалъ о немъ. Учиться въ гимназіи „я началъ понятливо и довольно прилежно,— говоритъ о себѣ въ своей автобіографіи Писемскій:—но гораздо бо́льшую стяжалъ себѣ славу на актерскомъ поприщѣ“. Послѣднее обстоятельство, имѣвшее, какъ извѣстно, большое вліяніе на всю послѣдующую жизнь Писемскаго, случилось, какъ мы знаемъ изъ вышеуказаннаго романа, такъ. Въ одинъ изъ однообразныхъ, скучныхъ дней гимназической жизни прошелъ слухъ, что въ городъ пріѣхала труппа бродячихъ актеровъ и будетъ играть „Днѣпровскую русалку“. Репетиторъ Писемскаго, Стойновскій, обратился къ своему воспитаннику:

— Пойдемте сегодня въ театръ?

— Пойдемте,—отвѣчалъ Писемскій; у него при этомъ какъ-то екнуло сердце.—Я никогда еще въ театрѣ не бывалъ,—прибавилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— Я самъ театръ очень люблю,—отвѣчалъ Стойновскій: волненіе и въ немъ было замѣтно сильное.

Достали афишу и билеты и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали представленія. Имъ казалось, что время идетъ весьма медленно. Стойновскій еще нѣсколько владѣлъ собой, Писемскій же безпрестанно смотрѣлъ на большіе серебряные часы, которые отецъ ему оставилъ, чтобы онъ не опаздывалъ въ гимназію. Его особенно волновало то, что онъ слыхалъ названія: „сцена“, „ложи“, „партеръ“, „занавѣсъ“; но что́ такое собственно это было, и какъ все это соединить и расположить, онъ никакъ не могъ придумать въ своемъ воображеніи... Наконецъ они въ театрѣ... „Надобно сказать,—далѣе описывается въ томъ же романѣ „Люди сорокового́выхъ годовъ“:—что театръ помѣщался не такъ, какъ всѣ въ мірѣ театры— на поверхности земли, а подъ землею. Онъ передѣланъ былъ изъ кожевеннаго завода и до сихъ поръ еще сохранилъ запахъ дубильнаго начала, которымъ пропитаны были его стѣны. Посѣтителямъ нашимъ, чтобы попасть въ партеръ, надобно было спуститься внизъ, по крайней мѣрѣ, сажени двѣ. Когда они усѣлись наконецъ на деревянныя скамейки, Павелъ (Писемскій) сейчасъ понялъ, гдѣ это ложи, кресла, занавѣсъ. Заиграла музыка. Павелъ (Писемскій) во всю жизнь свою, кромѣ одной скрипки и плохихъ фортепіанъ, не слыхалъ никакихъ инструментовъ, но теперь, при звукахъ довольно большого оркестра, у него какъ бы вся кровь прилила къ сердцу; ему хотѣлось въ одно и то же время подпрыгивать и плакать. Занавѣсъ поднялся. Съ какой жадностью взоръ нашего юноши ушелъ въ эту таинственную глубь какой-то очень красивой рощи, сзади которой виднѣлся занавѣсъ, съ Богъ знаетъ куда уходящею далью, а передъ нимъ что-то сѣрое шевелится на полу—это была рѣка Днѣпръ!..“

Какъ ни бѣдна была обстановка этого импровизованнаго театра и какъ ни грубо исполняли свои роли крайне плохіе актеры, тѣмъ не менѣе юный Писемскій находился какъ бы въ волшебномъ туманѣ: „весь этотъ театръ со всей обстановкой и всѣ испытанныя тамъ удовольствія показались ему какими-то необыкновенными, не воздушными, не на землѣ (а какъ и было на самомъ дѣлѣ, подъ землею) существующими, какимъ-то пиромъ гномовъ, одуряющимъ, не дающимъ свободно дышать, но тѣмъ не менѣе очаровательнымъ и обольстительнымъ!“ Это очарованіе достигло еще большей силы тогда, когда Писемскій вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ Стойновскимъ во время антракта пробрались на сцену... „Вошли, и—Боже мой!—что представилось глазамъ Павла (Писемскаго)! Точно чудовища какія, высились огромныя кулисы, надвинутыя одна на другую, а за ними горѣли тусклыя лампы,—мелькали набѣленныя и не совсѣмъ красивыя лица актеровъ и ихъ пестрые костюмы. По срединѣ сцены стоялъ огромный кустъ, подпертый сзади палками; а вверху даже и понять было невозможно всѣхъ сцѣпленій. Рѣка оказалась не что иное, какъ качающіяся рамки, между которыми было большое отверстіе въ полу. Павелъ (Писемскій) заглянулъ туда и увидѣлъ внизу привѣшенную доску, уставленную по краямъ лампами, а на ней сидѣла, качалась и смѣялась какая-то, вся въ бѣломъ, необыкновенной красоты женщина...“

Мы обстоятельно говоримъ въ настоящемъ очеркѣ о первомъ посѣщеніи Писемскимъ театра именно потому, что считаемъ этотъ моментъ въ жизни Алексѣя Ѳеофилактовича первымъ и неотразимымъ толчкомъ къ пробужденію въ немъ страстной любви къ сценѣ, игравшей въ жизни нашего писателя, какъ мы выше сказали, весьма значительную роль. Подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія, вынесеннаго юнымъ Писемскимъ изъ видѣннаго имъ первый разъ въ жизни на сценѣ театральнаго представленія, онъ задумалъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ товарищемъ-руководителемъ Стойновскимъ устроить театръ у себя на дому. Конечно, главнымъ иниціаторомъ такой неслыханной для нихъ затѣи былъ Стойновскій. Дѣло было на святкахъ. Сцену и зрительную залу они устроили въ большой залѣ, находившейся въ опустѣвшемъ домѣ, гдѣ они обитали. Декораціи и занавѣсъ нарисовалъ самъ Стойновскій, весьма кстати обладавшій искусствомъ рисованія. Мѣстами для сидѣнія публики послужила разная старинная мебель, найденная въ этомъ же домѣ. Костюмы для актеровъ составлены были изъ первыхъ попавшихся подъ руку матеріаловъ—гимназическихъ вещей, мундирчиковъ, конскихъ волосъ, бычачьихъ пузырей и т. п. Для представленія были избраны „Казакъ-стихотворецъ“ и „Воздушные замки“. Роль Маруси уговорили играть очень хорошенькаго собой гимназистика, который пѣлъ въ гимназическомъ хорѣ и имѣлъ превосходный тоненькій голосокъ. Пригласили одного актера изъ городского театра выучить юношей пѣть нужные куплеты. Юный Писемскій приготовился играть комическую роль пана

Прудіуса въ „Казакѣ-стихотворцѣ“. Наконецъ насталъ назначенный для спектакля день. Публики, состоявшей изъ гимназическихъ учителей и гимназистовъ съ ихъ родственниками, собралось столько, что едва могла она помѣститься въ „новомъ театрѣ“. Писемскій, съ искусно сдѣланной съ помощью бычачьяго пузыря, бритой хохлацкой головой, чубомъ и очень длинными усами, устроенными при посредствѣ конскихъ волосъ, очень походилъ на пожилого хохла. Онъ игралъ старательнѣйшимъ образомъ, такъ что у него „въ груди даже дрожало“—съ такимъ чувствомъ онъ выходилъ, говорилъ и пѣлъ. Публика много разъ хохотала надъ нимъ и хлопала ему. Словомъ, въ этомъ блистательно сошедшемъ спектаклѣ Писемскій былъ самымъ выдающимся исполнителемъ, перещеголявшимъ даже своего талантливаго въ этомъ дѣлѣ товарища-тутора Стойновскаго. Послѣдній такъ былъ удрученъ этимъ неожиданнымъ для него обстоятельствомъ, что совсѣмъ возненавидѣлъ Писемскаго и уѣхалъ отъ него.

Съ этихъ поръ Алексѣй Ѳеофилактовичъ измѣнилъ свой образъ жизни. Воображая себя будущимъ великимъ актеромъ, онъ часто позировалъ и занимался декламаціей. Всѣ свои дѣтскія забавы и игры онъ совершенно оставилъ и началъ вести „эстетическій образъ жизни“, подражая своему дядѣ Всеволоду Никитичу Бартеневу, горячему проповѣднику просвѣщенія, любителю и знатоку литературы и искусства. Этотъ дядя оказывалъ большое вліяніе на Писемскаго во все время его гимназическихъ лѣтъ. Получая отъ В. Н. Бартенева разныя книги—романы, журналы, путешествія, юноша съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе погружался въ чтеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ часто посѣщалъ театръ. Кромѣ того, онъ задумалъ еще учиться музыкѣ. По мѣрѣ интеллектуальнаго развитія, пробуждавшагося въ молодомъ гимназистѣ отъ всесторонняго обильнаго чтенія, въ немъ начала пробиваться и писательская способность. Въ шестомъ классѣ онъ написалъ повѣсть, назвавъ ее „Черкешенкой“, а въ седьмомъ сочинилъ и другую, еще бо́льшую — „Чугунное кольцо“. Будучи весьма высокаго мнѣнія о своемъ произведеніи, Писемскій послалъ „Чугунное кольцо“ въ столичныя редакціи, но повѣсть не была принята ими. Что касается содержанія этой повѣсти и при какихъ обстоятельствахъ она была писана — объ этомъ говорится въ романѣ „Люди сороковыхъ годовъ“. Отсюда мы узнаёмъ, что писаніе этой повѣсти совпадаетъ и даже находится въ связи съ первой романтической любовью Писемскаго къ своей кузинѣ, бывшей уже значительно старше его возрастомъ и отосившейся къ нему, какъ къ мальчику.

„Павелъ сдѣлался боленъ,—читаемъ мы въ романѣ:—и ему не велѣно было выходить изъ дому. Скука имъ овладѣла до неистовства—и главное оттого, что онъ не могъ видѣться съ Мери. Оставаясь почти цѣлые дни одинъ-одинешенекъ, онъ передумалъ и перемечталъ обо всемъ; наконецъ, чтобы чѣмъ-нибудь себя занять, вздумалъ сочинять

повѣсть, и для этого сшилъ себѣ толстую тетрадь и прямо на ней написалъ заглавіе своему произведенію: „Чугунное кольцо“. Героемъ своей повѣсти онъ взялъ казака, по фамиліи *Ятвасъ*. Въ фамиліи этой Павелъ хотѣлъ намекнуть на молодцоватую наружность казака, которою онъ какъ бы говорилъ: „я васъ!“, и, чтобы замаскировать это, вставилъ букву *т*. Ятвасъ этотъ влюбился въ губернскомъ городѣ въ одну даму и ее влюбилъ въ самого себя. Въ концѣ повѣсти у нихъ произошло рандеву въ бесѣдкѣ на губернскомъ бульварѣ. Дама призналась Ятвасу въ любви и хотѣла подарить ему на память чугунное кольцо; но по этому кольцу Ятвасъ узнаётъ, что это была родная сестра его, съ которой онъ разстался еще въ дѣтствѣ; обоюдный ужасъ — послѣ этого казакъ уѣзжаетъ на Кавказъ, и тамъ его убиваютъ, а дама постригается въ монахини“.

Относительно писательскаго таланта, пробудившагося въ Писемскомъ, какъ мы уже видѣли, еще на гимназической скамьѣ, въ романѣ „Люди сороковыхъ годовъ“ есть одинъ любопытный эпизодъ. Писемскій разсказываетъ, какъ герой его, Павелъ Вихровъ, сблизился съ учителемъ математики, хохломъ; вмѣстѣ они ходили на охоту, и учитель этотъ свободомысленными рѣчами возбудилъ въ юношѣ критическое отношеніе къ гимназическому начальству. „Всѣ эти толкованія,—читаемъ мы въ романѣ: — сильно запали въ молодую душу моего героя, и одно только врожденное чувство приличія останавливало его, что онъ не дѣлалъ съ начальствомъ сценъ и ограничивался въ отношеніи его глухой и затаенной ненавистью“. Но недолго продолжалась эта сдержанность. Инспекторъ гимназіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же учитель словесности, представлялъ собою креатуру директора, такъ какъ послѣдній возвелъ его въ инспекторскій санъ благодаря тому, что тотъ сошелся съ его дочерью и долженъ былъ жениться на ней. Передъ экзаменами инспекторъ-учитель задалъ имъ сочиненіе на тему „Великій человѣкъ“. По словесности Вихровъ тоже былъ первый, потому что прекрасно зналъ риторику и логику и, кромѣ того, сочинялъ прекрасно. Счастливая мысль мелькнула въ его головѣ; давно уже желая высказать то, что наболѣло у него на сердцѣ, онъ подошелъ къ учителю и спросилъ его: можно ли, вмѣсто заданной имъ темы, написать на тему: „Случайный человѣкъ“? — „Напишите!“ — отвѣчалъ тотъ, вовсе не понявъ его намѣренія. Павелъ пришелъ и въ одну ночь накаталъ сочиненіе. О, какимъ огнемъ негодованія горѣлъ онъ при этомъ! Онъ писалъ: „Народы образованные болѣе всего цѣнятъ въ гражданахъ своихъ достоинства. Всѣ великіе люди Греціи были велики и по душевнымъ своимъ свойствамъ. У народовъ же необразованныхъ гораздо болѣе успѣваютъ лесть и низость; вотъ откуда происходитъ *случайный человѣкъ*. Онъ можетъ не имѣть никакихъ личныхъ достоинствъ и на высшую степень общественныхъ почестей возводится только слѣпымъ случаемъ! Торговецъ блинами становится корыстолюбивымъ государственнымъ мужемъ,

лакей — графомъ, пѣвчій—знатной особой". Сочиненіе это произвело, какъ и надо ожидать, страшное дѣйствіе... Инспекторъ-учитель показалъ его директору; тотъ—женѣ; жена велѣла выгнать Павла изъ гимназіи. Директоръ, очень добрый въ сущности человѣкъ, поручилъ это исполнить зятю. Тотъ собралъ совѣтъ учителей и блѣдный, съ дрожащими руками, прочелъ ареопагу злокачественное сочиненіе; учителя, которые были помоложе, потупили головы, а отецъ Никита произнесъ, хохоча себѣ подъ носъ:

— Сатирикъ! Какъ же, вѣдь всѣ они у насъ сатирики!

— Я полагаю, господа, выгнать его надо?—обратился инспекторъ-учитель къ совѣту.

— Это очень ужъ жестоко,—послышалось легкое бормотанье между учителями помоложе.

— Зачѣмъ же ему учиться, вѣдь ужъ онъ сочинитель!.. — подхватилъ, опять смѣясь, отецъ Никита.

Еле-еле удалось отстоять своего друга все тому же учителю математики.

Изъ того, хотя и весьма немногаго, что мы знаемъ про гимназическіе годы Алексѣя Ѳеофилактовича, можно судить, что его умственное и эстетическое развитіе поднялось главнымъ образомъ благодаря серьезному чтенію книгъ и частому посѣщенію театра. Что же собственно касается учебныхъ предметовъ, которые преподавались въ гимназіи, то едва ли они оставили въ головѣ Писемскаго болѣе или менѣе значительный слѣдъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по его словамъ, не имѣлъ способности къ общеобразовательнымъ предметамъ—исторіи, языкамъ, естествознанію. Притомъ еще, какъ извѣстно, и самое преподаваніе невысоко стояло въ гимназіяхъ того времени. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что лучшія задушевныя мечты Писемскаго въ продолженіе ученическихъ лѣтъ его клонились болѣе къ писательству и къ театру, а не къ учебнымъ занятіямъ.

Окончивъ въ 1840 году гимназію, Писемскій поступилъ въ московскій университетъ, но не на филологическій факультетъ, какъ можно было ожидать по его литературнымъ наклонностямъ, а на физико-математическій, называвшійся въ то время философскимъ факультетомъ.

Писемскій, подобно многимъ своимъ товарищамъ, не ограничивался одной математикой, а слушалъ лекціи профессоровъ другихъ факультетовъ. Въ эпоху пребыванія Писемскаго въ университетѣ, студенчество горячо относилось къ литературѣ; преимущественно оно зачитывалось Гоголемъ и увлекалось высокоталантливымъ Бѣлинскимъ. Подъ вліяніемъ послѣдняго, какъ любимаго и авторитетнаго критика, въ кружкахъ студентовъ велись шумные и безконечные споры, оправшіеся большею частью на философскую почву. Что и Писемскій не чуждъ былъ такого увлеченія литературой, а равно и участія въ плодотворныхъ философскихъ спорахъ,—это мы знаемъ изъ романа „Люди сороковыхъ годовъ", въ которомъ все это про-

дѣлывалось Павломъ Вихровымъ. Біографъ А. Ѳ. Писемскаго, С. А. Венгеровъ, почти не признаётъ интеллигентнаго вліянія университетской среды на Алексѣя Ѳеофилактовича. „Писемскій, — говоритъ онъ: — остался какъ-то въ сторонѣ отъ общаго духа университета, интересовался главнымъ образомъ театромъ и изъ идей вѣка былъ серьезно увлеченъ только жоржъ-зандизмомъ...“ Со своей стороны, мы не можемъ допустить, чтобы Писемскій, будучи въ свои юношескіе годы такой талантливой и впечатлительной натурой и притомъ обладая сильною наклонностью къ писательству, могъ оставаться въ сторонѣ отъ окружающихъ вліяній университетской среды. Что касается его страстнаго увлеченія театромъ, то это, по нашему мнѣнію, не только не могло совершенно отвлекать его отъ литературы, какъ главнаго источника и двигателя умственнаго развитія тогдашней университетской молодежи, но, наоборотъ, должно было вызывать въ немъ особыя стремленія къ близкому ознакомленію съ болѣе выдающимся продуктивнымъ содержаніемъ литературныхъ произведеній. Не слѣдуетъ забывать, что Алексѣй Ѳеофилактовичъ увлекался театромъ не изъ простого развлеченія и пріятнаго времяпрепровожденія, а какъ страстный охотникъ и талантливый актеръ; его страсть къ театру не ограничивалась тѣмъ, чтобы быть простымъ только зрителемъ сценическихъ дѣйствій: онъ главнымъ образомъ добивался активной дѣятельности на сценѣ. Слѣдовательно театръ, въ такомъ именно смыслѣ, даже и не могъ существовать для Писемскаго помимо поэзіи и литературы. Кромѣ того, зная жизнь и характеръ Писемскаго съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ его до поступленія въ университетъ и принимая во вниманіе его послѣдующую за окончаніемъ университета блестящую литературную дѣятельность, поставившую его наравнѣ съ первостепенными современными ему дѣятелями литературы, — весьма трудно согласиться съ г. Венгеровымъ, что Писемскій былъ въ сторонѣ отъ общаго духа университета, или, говоря другими словами: будто по развитію и стремленіямъ онъ стоялъ ниже своихъ университетскихъ товарищей. Да откуда же онъ взялся у насъ? Какія другія вліянія и вѣянія подготовили его на столь выдающуюся дѣятельность? Въ самомъ дѣлѣ, не случайно же сѣлъ человѣкъ за письменный столъ и вдругъ, по мановенію волшебной палочки, сталъ удивлять общество блестящими произведеніями. Должны же быть гдѣ-нибудь начало и причина этой дѣятельности.

Относительно среды вліяній, содѣйствовавшихъ развитію Писемскаго именно въ университетскіе годы, мы приведемъ выдержку изъ рѣчи Б. Н. Алмазова, сказанной имъ въ засѣданіи „Общества любителей россійской словесности“ 14 января 1875 г., по поводу юбилея 25-лѣтней литературной дѣятельности Алексѣя Ѳеофилактовича. „Какія же вліянія,—говоритъ онъ:—способствовали развитію такого въ высшей степени самороднаго таланта, какъ талантъ Писемскаго? Литературными образцами для нашего юбиляра были творенія двухъ нашихъ великихъ

писателей-художниковъ, Пушкина и Гоголя; на эстетическія его теоріи имѣли большое вліяніе критическія статьи Бѣлинскаго, а вообще умственное его развитіе совершилось подъ воздѣйствіемъ профессоровъ московскаго университета начала сороковыхъ годовъ. Что касается до вліянія, происходящаго отъ личнаго сношенія съ людьми, то мы знаемъ одного только литератора, который имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Писемскаго,— и этотъ литераторъ, какъ ни покажется это страннымъ на первый разъ, былъ не кто другой, какъ Павелъ Александровичъ Катенинъ. Какъ, подумаютъ многіе, тотъ Катенинъ, который, по словамъ Пушкина, *воскресилъ Корнеля геній-величавый*, Катенинъ, крайній сторонникъ и самый отчаянный поклонникъ французскаго псевдоклассицизма, переводчикъ Корнеля, имѣлъ вліяніе на такого писателя-реалиста, какъ Писемскій? Какъ это ни странно, а это правда. Познакомился Писемскій съ Катенинымъ случайно. Катенинъ жилъ въ трехъ верстахъ отъ родового имѣнія Писемскихъ (въ Костромской губерніи), гдѣ родился, получилъ первоначальное воспитаніе и проводилъ потомъ время гимназическихъ и университетскихъ вакацій будущій авторъ романа „Тысяча душъ“, трагедіи „Горькая судьбина“ и комедій: „Ваалъ“, „Ипохондрикъ“, „Подкопы“. Ветеранъ литературы, Катенинъ, фанатически вѣрный своимъ идоламъ, Корнелю и Расину, и корану псевдоклассической поэзіи, „L'art poétique“ Буало, подружился съ молодымъ студентомъ, жаркимъ поклонникомъ Гоголя и статей Бѣлинскаго,—Бѣлинскаго, у котораго, по духу тогдашнихъ эстетическихъ теорій, имена Корнеля и Расина чуть-чуть не были бранными словами. Какъ же проводили время, сходясь между собою, эти два совершенно противоположные по литературнымъ убѣжденіямъ человѣка? Катенинъ декламировалъ передъ Писемскимъ произведенія французскихъ лжеклассиковъ, Писемскій читалъ Катенину произведенія Гоголя. Разумѣется, послѣ чтенія у нихъ были горячіе споры. „Вашъ Гоголь дрянь, гадость!“—кричалъ въ какомъ-то ожесточеніи Катенинъ. Писемскій, возражая Катенину, обзывалъ, вѣроятно, тоже не совсѣмъ лестными эпитетами Корнеля и Расина. Но, когда умолкалъ споръ, Писемскій слушалъ какую-нибудь трагедію какого-нибудь французскаго классика, а немного погодя Катенинъ слушалъ повѣсть или комедію Гоголя.

„Въ чемъ же отразилось вліяніе Катенина на Писемскаго? Во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ сценическихъ пріемахъ нашего юбиляра, ибо я никакъ не могу пройти молчаніемъ сценическій талантъ Писемскаго. Вамъ, милостивые государи, которые чествуете двадцатипятилѣтіе его художественно-литературной дѣятельности, которые не разъ наслаждались въ этой самой залѣ его необыкновенно искуснымъ чтеніемъ, вамъ, вѣроятно, будетъ пріятно вспомнить объ одномъ изъ сценическихъ успѣховъ Писемскаго, и потому вы мнѣ позволите сдѣлать отступленіе въ моей рѣчи. Поэзія и сцена недальняя родня между собой, и, говоря о литературныхъ достоинствахъ писателя, позволительно сказать и объ его достоинствахъ, какъ актера.

„Въ 1844 году наше, тогда еще младшее, поколѣніе прослышало, что въ Долгоруковскомъ переулкѣ, въ меблированныхъ комнатахъ,—въ тѣхъ самыхъ, которыя потомъ описаны съ такимъ юморомъ въ одномъ изъ романовъ нашего автора (вѣроятно, номера г-жи Гартунгъ въ „Людяхъ сороковыхъ годовъ"),—живетъ какой-то студентъ московскаго университета, 2-го отдѣленія философскаго факультета, который читаетъ своимъ пріятелямъ Гоголя и читаетъ такъ, какъ никто еще до того времени не читывалъ. Наше поколѣніе горячо и восторженно принимало къ сердцу всѣ интересы искусства, и потому мы сильно волновались, услышавъ эту новость, и рвались послушать, какъ Писемскій читаетъ Гоголя. Но намъ, школьникамъ, было слишкомъ недоступно общество студентовъ, а студенты философскаго факультета однимъ своимъ наименованіемъ наводили на насъ священный страхъ... Вдругъ доходитъ до насъ слухъ, что на одномъ такъ называемомъ благородномъ театрѣ будетъ даваться „Женитьба" Гоголя, и что въ ней роль Подколесина будетъ играть Писемскій. Съ трудомъ мы пробрались на этотъ спектакль. Конечно, не мы были судьями надъ Писемскимъ, но мы были свидѣтелями того изумленія, съ какимъ избранное московское общество смотрѣло на игру Писемскаго. Въ то время Подколесина игралъ на Императорскомъ театрѣ великій нашъ комикъ Щепкинъ; но кто ни взглянулъ на Писемскаго, всякій сказалъ, что онъ лучше истолковалъ этотъ характеръ, чѣмъ самъ Щепкинъ. Не стану, милостивые государи, распространяться о сценическихъ дарованіяхъ Писемскаго; бо́льшая часть изъ нашихъ посѣтителей, слышавшая его чтеніе, уже можетъ вообразить, каковъ онъ долженъ быть на сценѣ. Скажу только, что Писемскій обязанъ Катенину тѣмъ удивительнымъ умѣніемъ владѣть собой, тою удивительною отчетливою и сдержанною интонаціей голоса, которою мы любуемся въ тѣ минуты, когда онъ читаетъ намъ трагическія мѣста изъ своихъ произведеній".

Что касается высокой декламаціи и дикціи Алексѣя Ѳеофилактовича, этого столь рѣдкаго у насъ въ Россіи мастерства, то здѣсь кстати будетъ замѣтить, что, кромѣ Алмазова, объ этомъ свидѣтельствуютъ и другіе современники Писемскаго. Такъ, И. Ѳ. Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Писемскомъ сообщаетъ, между прочимъ, о его чтеніи своей „Плотничьей артели" на вечерѣ у Краевскаго. „Это было не чтеніе,— говоритъ онъ:—а высокая сценическая игра; каждое лицо выглядѣло, какъ живое, со своимъ тономъ, со своимъ жестомъ, со своей индивидуальностью. Художественное наслажденіе было полное, всѣ были въ неописанномъ восторгѣ..." Вообще въ этомъ отношеніи, т.-е. какъ превосходный чтецъ, декламаторъ, Писемскій извѣстенъ былъ въ пятидесятыхъ годахъ всему образованному Петербургу и его окрестностямъ. Алексѣя Ѳеофилактовича наперерывъ приглашали читать то въ Петербургѣ, то въ другихъ окрестностяхъ. „Очень часто, — замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Горбуновъ:—по вечерамъ, а иногда и днемъ, мы отпра-

влялись съ нимъ куда-нибудь на чтеніе. Мы сдѣлались извѣстными чтецами и вошли въ моду; насъ приглашали въ самое высшее общество.— „Мы съ тобой точно дьячки,—сказалъ онъ одинъ разъ:—намъ бы попросить митрополита, чтобы онъ разрѣшилъ стихарь надѣть“. Артистическую способность художественнаго чтенія Алексѣя Ѳеофилактовича подтверждаетъ и біографъ его, П. В. Анненковъ: „Онъ дѣйствительно,— читаемъ мы въ воспоминаніяхъ его о Писемскомъ: — передавалъ мастерски собственныя сочиненія, находя чрезвычайно выразительныя интонаціи для всякаго лица, выводимаго имъ на сцену (въ драматическихъ его пьесахъ это выходило особенно эффектно). Такъ же мастерски разсказывалъ онъ множество уморительныхъ анекдотовъ изъ его встрѣчъ съ разными лицами своей молодости. Подобныхъ анекдотовъ были у него цѣлые короба, и въ каждомъ изъ нихъ выражался болѣе или менѣе законченный комическій типъ. Многіе изъ такихъ типовъ были имъ обработаны позднѣе и попали въ его сочиненія“. Въ своихъ романахъ Писемскій не пропускалъ случая подчеркнуть свои сценическія дарованія. Почти въ каждомъ произведеніи его непремѣнно есть лицо, превосходно читающее и этимъ производящее большой эффектъ. Нечего и говорить, что въ „Людяхъ сороковыхъ годовъ“ Вихровъ то и дѣло поражаетъ слушателей и зрителей необыкновеннымъ декламаторскимъ искусствомъ своимъ.

А. Ѳ. Писемскій окончилъ университетъ въ 1844 году и выпущенъ изъ него со степенью дѣйствительнаго студента. Окончаніе университетскаго курса Писемскимъ совпало съ блестящимъ успѣхомъ его въ роли Подколесина, успѣхомъ, который главнымъ образомъ и создалъ въ Москвѣ славу Писемскаго, какъ талантливаго актера.

III.

Первые годы жизни А. Ѳ. Писемскаго по окончаніи университета и начало его литературной дѣятельности.

Тотчасъ по выходѣ изъ университета, Алексѣй Ѳеофилактовичъ уѣхалъ на родину въ Кострому и тутъ поступилъ на службу въ костромскую палату государственныхъ имуществъ. Въ 1846 г. онъ вышелъ въ отставку и два года прожилъ въ провинціи, увлекаясь въ это время тою жоржъ-зандовскою свободною любовью, о которой онъ упоминаетъ въ своей автобіографіи. Наконецъ наступилъ 1848 годъ,—годъ весьма важный и знаменательный въ жизни Алексѣя Ѳеофилактовича. Въ этомъ году, въ іюльской книжкѣ „Сына Отечества“ появилась первая повѣсть Писемскаго „Нина“, и въ этомъ же году, 11 октября, Алексѣй Ѳеофилактовичъ сочетался съ дочерью основателя „Отечественныхъ Записокъ“, Екатериной Павловной Свиньиной, двоюродной сестрой извѣстнаго поэта Аполлона Николаевича Майкова.

Бракъ Писемскихъ, по всей вѣроятности, состоялся не по любви, а

по разумному выбору. Это можно заключить изъ того, что Писемскій ко времени своей женитьбы достаточно успѣлъ уже охладиться и разочароваться въ своихъ юныхъ романтическихъ мечтаніяхъ; это свидѣтельствуетъ намъ повѣсть его „Нина“, изъ которой ясно видно, какими холодными глазами глядѣлъ въ то время Писемскій на любовь. Но во всякомъ случаѣ Алексѣй Ѳеофилактовичъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Всѣ, знавшіе чету Писемскихъ, отзывались объ Екатеринѣ Павловнѣ, какъ о женщинѣ самыхъ рѣдкихъ достоинствъ. Такъ, въ своихъ воспоминаніяхъ П. В. Анненковъ говоритъ: „Эта примѣрная женщина умѣла успокоить его болѣзненную мнительность и освободила его не только отъ заботъ по хозяйству и воспитанію дѣтей, но, что̀ важнѣе, — освободила его и отъ своего вмѣшательства въ его личную, интимную жизнь, тоже исполненную капризовъ и порывовъ; она же и переписала на своемъ вѣку по крайней мѣрѣ двѣ трети всѣхъ его сочиненій съ черновыхъ оригиналовъ, представлявшихъ всегда страшно запачканную макулатуру изъ кривыхъ строчекъ, крупныхъ каракуль и чернильныхъ пятенъ...“ „Если принять во вниманіе,—замѣчаетъ С. А. Венгеровъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ: — какую массу написалъ на своемъ вѣку Писемскій, то подвигъ этотъ окажется не маленькимъ. Вообще Екатерина Павловна, какъ выразился въ разговорѣ съ нами одинъ писатель, хорошо знавшій чету Писемскихъ, представляетъ собою настоящій типъ „литературной жены“, жившей всѣми литературными тревогами и треволненіями мужа, близко принимавшей къ сердцу всѣ перипетіи его творчества, лелѣявшей его талантъ и что̀ было въ ея возможности дѣлавшей для того, чтобы талантъ этотъ былъ поставленъ въ наиболѣе выгодныя для своего развитія условія. Ко всему этому присоединялась безконечная снисходительность, которой нужно было имѣть очень большой запасъ, чтобы выносить „порывы“ покойнаго Алексѣя Ѳеофилактовича, не всегда безукоризненно-семейнаго характера...“ Личность Екатерины Павловны также зналъ и цѣнилъ и покойный Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Алексѣю Ѳеофилактовичу онъ говоритъ: „Я уже, кажется, вамъ сказалъ разъ, но ничего,—можно повторить! не забывайте, *что вы выиграли главный кушъ въ жизненной лотереѣ* (курсивъ Тургенева): имѣете прекраснѣйшую жену и славныхъ дѣтей...“

Только-что женившись, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, по настоянію родныхъ, вновь поступаетъ на службу, чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ костромскому губернатору, которымъ былъ тогда извѣстный впослѣдствіи петербургскій генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ. Въ 1849 году Писемскій былъ назначенъ асессоромъ костромского губернскаго правленія. Въ этой должности онъ прослужилъ до 1853 года. Какъ уже выше было упомянуто, Алексѣй Ѳеофилактовичъ въ одномъ году съ своей женитьбой и выступилъ на литературное поприще. Собственно говоря, онъ пытался выступить на этомъ поприщѣ еще въ

1847 году, но неудачно: онъ послалъ въ „Отечественныя Записки“ большую повѣсть, подъ названіемъ „Боярщина“. Повѣсть съ удовольствіемъ была принята редакціей, но запрещена цензурой. Это обстоятельство было причиной того, что Писемскій пріобрѣлъ въ литературныхъ кружкахъ и отчасти въ публикѣ нѣкоторую извѣстность прежде, чѣмъ появился въ печати,—такъ какъ недопущенная къ печати „Боярщина“, какъ и все въ то время запретное, распространилась въ публикѣ въ рукописномъ видѣ. Слѣдовательно первымъ произведеніемъ Писемскаго, появившимся въ печати, былъ разсказъ „Нина“. Но и тутъ преслѣдовала Писемскаго неудача: разсказъ этотъ, хотя и былъ напечатанъ, но, по словамъ Б. Н. Алмазова, въ такомъ сокращенномъ и измѣненномъ видѣ, что авторъ и не перепечатывалъ его потомъ. Эти первые неудачные опыты писательства Алексѣя Ѳеофилактовича охладили въ немъ охоту къ литературной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что въ это время и сама литература подпала подъ тѣ тяжелыя цензурныя условія, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашего очерка. Писемскій бросилъ даже начатую имъ большую повѣсть „Тюфякъ“ и совершенно отдался своей службѣ.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о службѣ Писемскаго. Онъ дѣйствительно служилъ, а не числился только на службѣ, и потому служба его не прошла даромъ: она, давъ ему широкую возможность сталкиваться съ самыми разнородными типами и изъ губернскаго общества, и изъ помѣщиковъ, и изъ народа,—содѣйствовала его послѣдующему развитію таланта. Вотъ что по поводу этого сказалъ Б. Н. Алмазовъ въ своей рѣчи на юбилеѣ Писемскаго:

„Говоря о вліяніяхъ, которыя отразились на нашемъ юбилярѣ, я долженъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое сильно подѣйствовало на развитіе его таланта. Это обстоятельство—его служебная дѣятельность. Бо́льшая часть нашихъ писателей, изображающихъ чиновничій бытъ и служебную сферу, знаютъ то и другое только съ виду, или даже просто по слуху. Они или служили въ какихъ-нибудь канцеляріяхъ и знаютъ службу только по канцелярскимъ формамъ, или просто только числились на службѣ и даже мало знакомы съ физіономіями своихъ начальниковъ и еще меньше съ физіономіями своихъ товарищей и подчиненныхъ. Но Писемскій отнесся совсѣмъ иначе къ службѣ, чѣмъ эти господа; онъ, можно сказать, отдался всею душою служенію русскому государству и, служа, только и думалъ, какъ бы побороть ту темную силу, съ которою борются и наше высшее правительство и лучшая часть нашего общества. Чтобы показать вамъ наглядно, какими чувствами и мыслями руководился онъ въ своей служебной дѣятельности, приведу мѣсто изъ его романа „Тысяча душъ“. Вотъ что говоритъ Писемскій о своемъ героѣ Калиновичѣ, назначенномъ вице-губернаторомъ въ одну изъ тѣхъ губерній, гдѣ въ самомъ роскошномъ видѣ процвѣтали взяточничество, казнокрадство и всевозможныя превышенія власти:

„Калиновичъ могъ дѣйствительно быть названъ представителемъ той молодой администраціи, которая хотя болѣзненно, но замѣтно уже начинаетъ пробиваться то тутъ, то тамъ сквозь толстую кору подьяческихъ плутней. *Какъ сознательный юристъ, молодой вице-губернаторъ, еще на университетскихъ скамейкахъ, по устройству собственнаго сердца своего, чувствовалъ всегда большую симпатію къ проведенію безстрастной идеи государства, съ возможнымъ отторомъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ.* Въ управленіи приняты имъ были тѣ же основанія“.

Взглядъ на государство и на службу, приписанный здѣсь герою романа, есть взглядъ самого автора; имъ руководился онъ постоянно при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, и мы смѣло можемъ сказать, что онъ много принесъ пользы на службѣ, хотя никогда не занималъ видныхъ должностей. Я укажу вамъ на одну замѣчательную сторону служебной дѣятельности Писемскаго — на его дѣятельность, какъ слѣдователя по уголовнымъ преступленіямъ. Тутъ онъ изучалъ каждаго преступника, какъ изучаетъ добрый и старательный врачъ каждаго больного: оставаясь буквально и неумолимо вѣренъ закону, онъ относился къ допрашиваемому преступнику съ такимъ участіемъ, съ такою любовью, что и тотъ начиналъ любить его и разсказывалъ ему про себя все, потому только, что „ужъ онъ больно хорошій и умный баринъ“.

„Я сказалъ здѣсь о службѣ Писемскаго не для того, чтобы хвалить его, какъ чиновника. Вы понимаете, какой огромный матеріалъ для своихъ литературныхъ произведеній пріобрѣлъ авторъ, служа такъ усердно интересамъ русскаго государства, какъ глубоко узналъ онъ чиновническій людъ, какъ глубоко проникъ въ душу русскаго человѣка“.

Въ то время, когда Алексѣй Ѳеофилактовичъ, повидимому, совсѣмъ забросилъ свое писательство и предался своимъ служебнымъ и семейнымъ дѣламъ, въ Москвѣ произошло распаденіе славянофиловъ на двѣ вѣтви. Старые славянофилы: Аксаковъ, Кирѣевскіе, Хомяковъ, Самаринъ и др., сгруппировались вокругъ „Московскаго Сборника“, а „Москвитянинъ“ перешелъ въ руки кружка молодыхъ литераторовъ-славянофиловъ, впослѣдствіи получившихъ названіе *почвенниковъ*. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, знавшіе „Боярщину“ Писемскаго по рукописи, предложили ему принять участіе въ журналѣ. Писемскій согласился, тѣмъ болѣе, что къ тому времени онъ успѣлъ смѣнить трудную и хлопотливую должность слѣдователя на болѣе спокойную и однообразную службу асессора; онъ окончилъ повѣсть „Тюфякъ“ и послалъ ее въ редакцію. „Тюфякъ“ былъ напечатанъ въ 1850 году и имѣлъ блестящій успѣхъ. Само собой разумѣется, что этотъ успѣхъ возвратилъ Писемскаго литературѣ. Онъ сейчасъ же принялся за другую повѣсть: „Бракъ по страсти“, которая появилась въ томъ же „Москвитянинѣ“.

Какое впечатлѣніе произвели эти повѣсти на современниковъ, можно

видѣть изъ слѣдующаго разсказа П. В. Анненкова: „Хорошо помню впечатлѣніе, произведенное на меня, въ глуши провинціальнаго города,— который, если и занимался политикой и литературой, то единственно сплетнической ихъ исторіей,—первыми разсказами Писемскаго: „Тюфякъ“ (1850) и „Бракъ по страсти“ (1851) въ „Москвитянинѣ“. Какой веселостью, какимъ обиліемъ комическихъ мотивовъ они отличались и притомъ безъ претензій на какой-либо скороспѣлый выводъ изъ умо-рительныхъ типовъ и характеровъ, этими разсказами выводимыхъ. Тутъ била прямо въ глаза русская мѣщанская жизнь, вышедшая на Божій свѣтъ, торжествующая и какъ бы гордящаяся своей открытой дикостью, своимъ самостоятельнымъ безобразіемъ. Комизмъ этихъ картинъ возникалъ не изъ сличенія ихъ съ какимъ-либо ученіемъ или идеаломъ, а изъ того чувства довольства собой, какое обнаруживали всѣ нелѣпые ихъ герои въ средѣ безсмыслицъ и невѣроятной распущенности. Смѣхъ, вызываемый разсказами Писемскаго, не походилъ на смѣхъ, возбуждаемый произведеніями Гоголя, хотя, какъ видно изъ автобіографіи нашего автора, именно отъ Гоголя и отродился. Смѣхъ Писемскаго ни на что не намекалъ, кромѣ забавной пошлости выводимыхъ субъектовъ, и чувствовать въ немъ что-либо похожее на „затаенныя слезы“— не представлялось никакой возможности. Наоборотъ, это была веселость, такъ сказать, чисто-физіологическаго свойства, т.-е. самая рѣдкая у новѣйшихъ писателей, та, которой отличаются, напримѣръ, древнія комедіи римлянъ, средневѣковые фарсы и наши простонародныя передѣлки разныхъ площадныхъ шутокъ...“

Поощренный такимъ несомнѣннымъ успѣхомъ первыхъ повѣстей — „Тюфякъ“ и „Бракъ по страсти“, Писемскій проявляетъ необыкновенную энергію и плодовитость. Онъ усердно пишетъ одну за другой повѣсти, комедіи, романы, очерки изъ народнаго быта. Съ 1850 по 1854 годъ, кромѣ названныхъ двухъ повѣстей, онъ успѣлъ помѣстить въ различныхъ журналахъ: „Комикъ“, „Ипохондрикъ“, „Богатый женихъ“, „Питерщикъ“, „М-г Батмановъ“, Раздоръ“, „Лѣшій“, „Фанфаронъ“.

Отдавшись совсѣмъ литературѣ, Алексѣй Ѳеофилактовичъ задумалъ бросить службу, на которой онъ состоялъ, какъ мы упоминали выше, въ Костромѣ—асессоромъ губернскаго правленія. Столь быстрый и рѣшительный успѣхъ его въ литературѣ навелъ его на мысль о болѣе широкой аренѣ дѣятельности и о переселеніи въ Москву или Петербургъ. „Всѣ симпатіи его,—говоритъ П. В. Анненковъ:—были на сторонѣ Москвы, гдѣ началась его литературная карьера и гдѣ онъ имѣлъ много друзей; но практическій его умъ подсказалъ ему мысль, что въ Москвѣ пріобрѣтается почетное имя, но только въ Петербургѣ завоевывается твердое общественное положеніе. Писемскій завязалъ отношенія съ однимъ изъ редакторовъ „Современника“, И. И. Панаевымъ, и послалъ въ журналъ свой романъ „Богатый женихъ“ (1851 г.). Подождавъ немного, пока не улеглась острая полемика между представителями петербургской

печати и молодымъ кружкомъ „Москвитянина“, къ которому принадлежалъ авторъ „Тюфяка“ и „Брака по страсти“, Алексѣй Ѳеофилактовичъ (самъ относившійся индифферентно къ боровшимся въ то время литературнымъ партіямъ) въ 1853 году появился на берегахъ Невы. Въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ 50-хъ годовъ Писемскій сразу обратилъ на себя общее вниманіе, какъ совершенно новый литературный типъ, какъ чисто-русскій самородокъ. Отличное знакомство Писемскаго съ русскою жизнью провинціальныхъ центровъ и деревенскаго захолустья, огромный запасъ наблюденій и яркихъ образовъ — качество, ярко выступавшее въ его произведеніяхъ — выдвинуло Писемскаго на первый планъ. Интересъ къ автору „Плотничьей артели“ и его произведеніямъ былъ возбужденъ чрезвычайно сильный и въ обществѣ и въ литературѣ.

IV.

Художественные принципы творческой дѣятельности А. Ѳ. Писемскаго.

Прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшей жизни Писемскаго въ Петербургѣ, бросимъ взглядъ на его основные художественные принципы творческой дѣятельности, которые сдѣлали его однимъ изъ величайшихъ послѣ Гоголя реалистовъ русской литературы.

„Писемскій, — говоритъ А. И. Кирпичниковъ: — прямой ученикъ и наслѣдникъ Гоголя, который опредѣляетъ программу всей послѣдующей реальной литературы знаменитыми словами: „Легко изображать характеры большого размѣра; тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно: черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный, или алый, какъ огонь, плащъ,—и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ виду очень похожи между собой, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей,—эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ“. У Писемскаго есть такой „изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ“, и онъ, какъ способный ученикъ, въ одномъ отношеніи идетъ даже дальше геніальнаго учителя: Гоголь нѣтъ-нѣтъ да и покажетъ изъ-за выводимыхъ имъ на сцену фигуръ свой длинный и острый носъ и свои проницательные, насмѣшливые глаза, а Писемскій до того уходитъ въ свою работу приглядыванія, выпытыванія и потомъ возсозданія, что совсѣмъ скрывается за своими созданіями. Онъ всѣми мѣрами открещивается отъ претензіи поучать читателя, а только подаетъ ему факты: „на-ка, молъ, клади въ мѣшокъ, а дома разберешь, что тебѣ пригодно и что нѣтъ“ Вотъ это-то

и разумѣлъ, я думаю, Достоевскій, говоря, что Писемскій „уменъ, добродушенъ, *даже наивенъ*“. Эта наивность иначе называется объективностью: она неотъемлемое свойство всякаго здороваго, вполнѣ эпическаго произведенія. Это наивность Гомера, наивность народныхъ сказокъ и былинъ, наивность Сервантеса. Достоевскій не чувствуетъ себя способнымъ къ ней и не желаетъ этого. Но онъ настолько уменъ и справедливъ, что цѣнитъ ее въ другихъ“.

Чтобы полнѣе ознакомиться съ эстетической теоріей Алексѣя Ѳеофилактовича и уяснить себѣ его авторское profession de foi, заключавшееся въ требованіи отъ художника одной правды, одного безпристрастнаго эпическаго творчества, чуждаго какой бы то ни было партійности, — мы обратимся къ авторской исповѣди самого Писемскаго. Такимъ документомъ, заключающимъ въ себѣ теоретическую программу литературныхъ произведеній Писемскаго, прежде всего нужно считать написанную имъ въ 1855 году критическую статью по поводу выхода въ свѣтъ второй части „Мертвыхъ душъ“ Гоголя.

Въ первой половинѣ этой статьи, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Алексѣй Ѳеофилактовичъ характеризуетъ русскую литературу до Гоголя и во время его. Здѣсь онъ указываетъ на главные недостатки нашей литературы до Гоголя, выражавшіеся, во-первыхъ, въ стремленіи писателей выйти изъ себя, написать нѣчто сверхъ своихъ силъ и душевнаго содержанія, а во-вторыхъ, — какъ въ логическомъ, неизбѣжномъ результатѣ этого, — „сочинительствѣ, книжности“. Недостатки эти Писемскій находитъ даже въ наиболѣе реальныхъ произведеніяхъ нашей литературы до Гоголя, какъ, напримѣръ, въ комедіяхъ Фонвизина и въ „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова. Что же касается современныхъ Гоголю писателей—Марлинскаго, Полевого, Кукольника, Бенедиктова и менѣе популярныхъ, то эти, по его мнѣнію, только и отличаются „сочинительствомъ“. „Никто, конечно, не позволитъ себѣ сказать, — говорится въ статьѣ Писемскаго: — чтобы всѣ эти писатели не владѣли талантами, и талантами, если хотите, довольно яркими, но замѣчательно, что всѣ они, при видимомъ разнообразіи, имѣли одно общее направленіе, ушедшее совершенно въ иную сторону отъ истинно-поэтическаго движенія, сообщеннаго-было Пушкинымъ; направленіе, которое я иначе не могу назвать, какъ направленіемъ *напряженности, стремленіемъ сказать больше своего пониманія—выразить страсть, которая сердцемъ не пережита,* — словомъ, создать что-то выше своихъ творческихъ силъ“. Хотя Гоголь, по словамъ Алексѣя Ѳеофилактовича, пересоздаетъ нашу литературу, — „онъ первый даетъ типическій языкъ каждому типу“,—но и онъ не совсѣмъ чуждъ сказанныхъ недостатковъ. Въ заключеніе своей статьи Писемскій приводитъ слѣдующее многозначительное пожеланіе писателямъ: „Наконецъ, въ заключеніе, могу пожелать всѣмъ нашимъ писателямъ настоящаго времени, призваннымъ проводить животворное начало Гоголя или внести въ ли-

тературу свое новое, — одного: чтобъ, имѣя въ виду ошибки великаго мастера, каждый шелъ по истинному пути, не насилуя себя, и, оставаясь къ себѣ строгимъ въ эстетическомъ отношеніи, говорилъ, сообразуясь съ средствами своего таланта, публикѣ *правду*".

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ напечатанія этой критической статьи, въ которой такъ ясно и опредѣленно выражается авторская художественная физіономія самого Алексѣя Ѳеофилактовича, на происходившемъ въ Москвѣ 19 января 1875 года празднованіи двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности Писемскаго, юбиляръ обратился къ восторженно встрѣтившей его публикѣ съ слѣдующей рѣчью: „Милостивыя государыни и милостивые государи! Благодарю за ваше привѣтствіе! Волнующія меня въ настоящую минуту чувствованія мѣшаютъ мнѣ высказать то, что хотѣлось бы сказать. Ограничусь немногими словами. Пройденный мною двадцатипятилѣтній литературный путь, какъ и путь товарищей моихъ по дѣлу, былъ не легокъ. Сознавая всю слабость и недостаточность трудовъ моихъ, я считаю себя въ правѣ сказать только то, что думалъ и чувствовалъ, и ни для какихъ внѣшнихъ и суетныхъ цѣлей не ломалъ и не насиловалъ моего пониманія людей и событій и маленькихъ авторскихъ способностей, которыя даны мнѣ отъ природы. Единственною путеводною звѣздою во всѣхъ трудахъ моихъ было желаніе сказать моей странѣ, по крайнему разумѣнію, хоть, можетъ-быть, и нѣсколько суровую, но все-таки *правду* про нее самоё. Насколько я успѣвалъ въ этомъ случаѣ—не мое дѣло судить!" И здѣсь Алексѣй Ѳеофилактовичъ съ благородной гордостью указываетъ на ту же *правду*, какъ существенный путеводитель и результатъ его двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности, о какой именно правдѣ онъ говорилъ за двадцать лѣтъ передъ этимъ.

Спустя еще два года, а именно въ 1877 году, Писемскій, получивъ отъ Ѳ. И. Буслаева, извѣстнаго московскаго профессора и ученаго изслѣдователя русской словесности, его рѣчь о значеніи романа, отвѣтилъ ему очень интереснымъ письмомъ, въ которомъ имѣются нѣкоторыя автобіографическія подробности о развитіи эстетическихъ взглядовъ Алексѣя Ѳеофилактовича, выясняющія характеръ его литературнаго направленія и подкрѣпляющія изложенныя въ рѣчи слова. Вотъ это письмо:

„Почтеннѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ!

„Я до сихъ поръ не успѣлъ написать вамъ болѣе подробное письмецо въ отвѣтъ на вашу присланную мнѣ брошурку. Причина тому то, что я оканчивалъ мой романъ „Мѣщане", а еще болѣе того, что я болѣю. Брошурку вашу, какъ только-что получилъ, я прочелъ немедленно и изъ нея вижу, что вы отъ романа, совершенно справедливо считаемаго вами за самаго распространеннаго и прочнаго представителя современной художественной литературы, требуете дидактики, наученія, такъ какъ онъ *можетъ популяризировать всю необъятную массу*

свѣдѣній и многовѣковыхъ опытовъ. Дѣйствительно, не связанный ни трудною формою чисто-лирическихъ произведеній, ни строгою вѣрностью событіямъ историческихъ повѣствованій, ни тѣсными рамками драмы, романъ свободнѣй на ходу своемъ и можетъ многое захватить и многое раскрыть, но достигаетъ ли онъ этого на практикѣ, какъ только авторъ задалъ себѣ подобную задачу? Почти безошибочно можно отвѣчать, что нѣтъ! Нѣкоторые романисты нашего вѣка: французскіе, нѣмецкіе и англійскіе, пытались явно поучать публику: въ романѣ у Евгенія Сю „Семь смертныхъ грѣховъ“ показано, какъ наказываются на землѣ смертные грѣхи; у нѣмцевъ есть, что какой-нибудь юный лавочникъ высказываетъ столько возвышенныхъ мыслей и благородныхъ чувствованій, что читатель хочетъ не хочетъ, а долженъ, повидимому, слушаться сего юноши. У насъ Чернышевскій, въ романѣ своемъ „Что дѣлать“, назначилъ даже современному человѣчеству, какую оно должно имѣть квартиру, и какъ та должна быть раздѣлена. Но увы! Это глупое человѣчество не устрашилось нисколько представленными картинами Евгенія Сю и продолжаетъ попрежнему творить смертные грѣхи; лавочнику никто не вѣритъ въ искренность его словъ, и онъ все-таки остается лавочникомъ; квартиръ своихъ пока никто не дѣлитъ и не устраиваетъ по плану автора „Что дѣлать“, и всѣмъ симъ поучительнымъ произведеніямъ, полагаю, угрожаетъ скорое и вѣчное забвеніе. Но не такова судьба большихъ старыхъ романистовъ. Беру ихъ на выдержку: Сервантесъ, врядъ ли думавшій кого-либо поучать своимъ Донъ-Кихотомъ, явилъ только картину умирающаго рыцарства, и она помнится всѣмъ читающимъ міромъ. Смолетъ, описавшій морскіе нравы, далъ намъ такія изъ мѣди литыя фигуры, по которымъ хорошо пойметъ каждый, какого закала англинская раса; Валтеръ Скотъ запечатлѣлъ на вѣки-вѣченскіе въ умахъ человѣчества старую, поэтическую Шотландію; даже Жоржъ-Зандъ, повидимому, самая тенденціозная писательница (во времена моей и вашей молодости, вы, конечно, это помните, она считалась у насъ въ Россіи растолкователь ницею и чуть ли даже не поправительницей евангелія), но въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, на нее совершенно клеветали: Жоржъ-Зандъ была не проповѣдница, а страстная, поэтическая натура. Она описывала только тѣ среды, которыя ея женское сердце или заѣдали, или вдохновляли, — у насъ ни Пушкинъ, создавшій намъ „Евгенія Онѣгина“ и „Капитанскую дочку“, ни Лермонтовъ, нарисовавшій „Героя нашего времени“ неотразимо крупными чертами, нисколько, кажется, не помышляли о поученіи и касательно читателя держали себя такъ: *„на-ка, клади въ мѣшокъ, а дома разберешь, что тебѣ пригодно и что нѣтъ!“* Въ Гоголѣ, при всей его высотѣ комическаго полета, къ сожалѣнію, въ концѣ его же дѣятельности мы видѣли совершенно противоположное явленіе: сбитый съ толку разными своими совѣтчиками, лишенными эстетическаго разума и рѣшительно не понимавшими ни характера ни предѣловъ да-

рованія великаго писателя, онъ еще въ „Мертвыхъ душахъ“ пытался поучать русскихъ людей посредствомъ лирическихъ отступленій и возгласовъ: „Ахъ, тройка, птица-тройка“, и въ своемъ поползновеніи явить образецъ женщины въ особѣ безсмысленной Улиньки (послѣ пушкинской Татьяны!), въ концѣ концовъ въ перепискѣ съ друзьями дошелъ наконецъ до чортиковъ. Признаюсь, писемъ съ подобными претензіями и въ то же время фразистыхъ и пошлыхъ я не читывалъ ни у одного самаго глупаго и бездарнаго писателя. Но перехожу опять къ роману, въ отношеніи котораго мое такое убѣжденіе, что онъ, какъ всякое художественное произведеніе, долженъ быть рожденъ, а не придуманъ, что, бывши плодомъ матеріальнаго и духовнаго организма автора, въ то же время долженъ представлять концентрированную дѣйствительность: будь то внѣшняя открытая дѣйствительность или потаенная, психическая... Лично меня всѣ считаютъ реалистомъ-писателемъ, и я именно таковъ, хотя въ то же время съ самыхъ раннихъ лѣтъ искренно и глубоко сочувствовалъ писателямъ и другого пошиба, только желалъ одного — чтобы было дѣло въ умныхъ рукахъ. Подкрѣплю это примѣромъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ сильно гремѣлъ Кукольникъ своими патріотическими драмами и повѣстями изъ жизни художниковъ съ безконечными толками объ искусствѣ. Все это мнѣ было противно читать, и я инстинктивно чувствовалъ, что нѣтъ тутъ ни патріотизма, ни драматизма, ни художества, ни художниковъ, а есть только истерическіе крики! Затѣмъ, когда я уже сдѣлался студентомъ, я прочелъ „Вильгельма Мейстера“. Не могу описать вамъ того благоговѣйнаго восторга, который овладѣлъ мною; изъ бесѣдъ и разговоровъ дѣйствующихъ лицъ я познакомился съ цѣлой теоріей драматическаго и сценическаго искусства. „Гёте, — воскликнулъ я: — точно выворачиваетъ все мое нутро!.. Онъ освѣтилъ какъ бы искрой электрической все, что копошилось и въ моихъ скудныхъ помыслахъ объ драматическомъ искусствѣ“. Потомъ другой примѣръ: въ половинѣ сороковыхъ годовъ стали появляться писатели, стремящіеся описывать тонкія ощущенія и возвышенныя чувствованія выводимыхъ ими лицъ. Бѣдняжки, они при этомъ становились на цыпочки, вытягивали, сколько могли, свои мозговыя руки, чтобы дотянуться до своихъ не очень высокихъ героевъ, и вдругъ, какъ бы ради уничтоженія сего направленія, былъ переведенъ на русскій языкъ (въ „Современникѣ“, кажется) романъ Гёте „Предрасполагающее средство“, гдѣ могучій поэтъ видимо безъ всякаго труда и сверху переставилъ, какъ шашки, нѣсколько лицъ, исполненныхъ тончайшихъ ощущеній и самаго возвышеннаго образа мыслей. Ни дать ни взять какъ волъ обо.... муравьевъ.

„Чувствую, почтеннѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, что я написалъ вамъ не столько разсужденій и возраженій, сколько исповѣдь своихъ личныхъ эстетическихъ воззрѣній. Но что же дѣлать? Такъ написалось, и въ заключеніе скажу еще два-три слова: вы мнѣ какъ-то говорили: „вы, ро-

манисты, должны насъ учить, какъ жить; ни религія, ни философія, ни наука вообще для этого не годится". А мы, романисты, съ своей стороны можемъ сказать: „а вы, гг. критики и историки литературы, должны насъ учить, какъ писать". Въ сущности ни то ни другое не нужно, а желательно, чтобы это шло рука объ руку, какъ это и было при Бѣлинскомъ и продолжалось нѣкоторое время послѣ него. Бѣлинскій въ этомъ случаѣ былъ замѣчательное явленіе: онъ не столько любилъ свои писанія, сколько то, о чемъ онъ писалъ, и какъ самъ, говорятъ, выражался про себя, онъ былъ *недоносокъ-художникъ* (онъ, какъ извѣстно, писалъ драму и, по слухамъ, неудачную) и потому такъ высоко цѣнилъ доносковъ-художниковъ. Дружески пожимаю вашу руку, остаюсь съ пожеланіемъ всего хорошаго, а паче всего здоровья".

Вообще изъ автобіографическихъ данныхъ Алексѣя Ѳеофилактовича о его эстетическихъ воззрѣніяхъ видно, что онъ былъ врагомъ всякаго „сочинительства"; въ своихъ художественныхъ твореніяхъ онъ руководился одной только правдой. Этотъ лозунгъ онъ провозглашаетъ какъ въ началѣ своей литературной дѣятельности, такъ и въ концѣ ея. Нельзя назвать ни одного романа, ни одной повѣсти, ни одного очерка Алексѣя Ѳеофилактовича, гдѣ бы онъ отступилъ въ чемъ-либо отъ своей „путеводной звѣзды". Такой замѣчательный фактъ неуклонной дѣятельности Писемскаго подъ однимъ знаменемъ въ продолженіе всей его жизни ясно говоритъ о цѣльности и опредѣленности его творчества. *Правду*— за которую Писемскій такъ твердо стоялъ въ своихъ эстетическихъ воззрѣніяхъ — онъ понималъ въ смыслѣ вѣрнаго, неприкрашеннаго, правдиво-жизненнаго изображенія дѣйствительности. „Въ этой области,— какъ говоритъ С. А. Венгеровъ: — правда Писемскаго настолько жизненно-вѣрна и глубока, что едва ли кто изъ другихъ русскихъ писателей можетъ тутъ стать въ уровень съ нимъ. Да и въ иностранной литературѣ развѣ одинъ только Теккерей можетъ сравниться съ Писемскимъ по цѣльности стремленія всегда и во всемъ выставить жизнь безъ малѣйшей крошки идеализаціи, безъ малѣйшей сентиментальности къ чему бы то ни было „священному".

Другая особенность у Писемскаго, касающаяся собственно внѣшней стороны его литературной дѣятельности — это строго *повѣствовательный, эпическій* характеръ его произведеній. Мало обращая вниманія на ту предварительную работу, которая происходитъ въ душѣ человѣка прежде, чѣмъ человѣкъ совершитъ тотъ или другой поступокъ, Писемскій прямо обращается къ *міру дѣяній,* въ неразрывномъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій. Поэтому-то, по словамъ проф. Миллера, онъ и можетъ быть названъ по преимуществу писателемъ „эпическимъ", т.-е. строго выдерживающимъ повѣствовательный характеръ. У него вы почти не встрѣтите монологовъ, въ которыхъ человѣкъ высказываетъ наединѣ съ самимъ собою все то, что происходитъ въ его сознаніи и въ его чувствованіяхъ. Писемскій не любитъ такихъ монологовъ, избѣгаетъ

ихъ нарочно, считая такіе монологи искусственными, ненатуральными, не отвѣчающими, за немногими исключеніями, жизненной правдѣ. Не любитъ также Писемскій вдаваться въ лишнія подробности описаній, предпочитая рисовать немногими крупными, но все же не лишенными художественности и изящества, чертами; любитъ изображать эффектныя, сильныя сцены, и въ отношеніи интересной завязки и постройки своихъ произведеній, живости разсказа, все болѣе и болѣе завлекающаго, захватывающаго, рѣзко выдается—по словамъ В. П. Острогорскаго — между писателями сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Эпическое направленіе Писемскаго дало ему возможность проявлять полную объективность. Вотъ почему,—какъ говоритъ В. Г. Авсѣенко,—эпическое творчество Писемскій считалъ выше всего. Когда ему выражали сожалѣніе, что онъ для театра удаляется отъ романа, въ которомъ талантъ его гораздо сильнѣе, онъ отвѣчалъ: „Что дѣлать, для романа эпическое спокойствіе нужно, а у меня его теперь нѣтъ. Пьесу легче сдѣлать; тамъ отдѣльныя сцены, кусочки, это можно урывками писать“. То же мнѣніе выражалъ Писемскій и въ письмѣ къ Тургеневу въ 1877 году по поводу романа „Новь“, въ которомъ (письмѣ), между прочимъ, пишетъ: „художникъ прежде всего долженъ быть объективнымъ и безпристрастнымъ и вовсе не обязанъ писать для услады какихъ-либо партій“.

Направленіе таланта Писемскаго, какъ беззавѣтнаго реалиста, преимущественно стремилось въ сторону созиданія отрицательныхъ типовъ нашей жизни. „Область Писемскаго — область будничности по преимуществу, будничности съ ея пошлостью“,—говоритъ О. Ѳ. Миллеръ. Съ этой именно стороны Алексѣй Ѳеофилактовичъ и состоитъ въ кровномъ родствѣ съ самой сущностью большей части произведеній Гоголя. Изъ всѣхъ послѣдователей Гоголя никто не стоитъ такъ близко къ нему, какъ Писемскій. Оттого, по самому содержанію своему, произведенія Писемскаго находятся въ непосредственной связи съ гоголевскими. Главной темой въ произведеніяхъ Гоголя были пошлость и грязь нашей жизни; эту же тему продолжаетъ разрабатывать Писемскій, пользуясь сравнительно большимъ просторомъ арены дѣятельности. Гоголь только могъ дѣлать намеки на то, что личности, подобныя городничему, Хлестакову, Чичикову и под., существуютъ не только въ томъ провинціальномъ кругу, откуда онѣ взяты, но что онѣ попадаются и въ другихъ сферахъ; Писемскій же прямо выдвигаетъ передъ нами цѣлый рядъ чисто-гоголевскихъ личностей на самыхъ высокихъ общественныхъ ступеняхъ. Но, несмотря на такую непосредственную близость къ Гоголю, Писемскій почти нигдѣ не повторяетъ своего учителя, онъ только навсегда усваиваетъ его методъ и глубоко разрабатываетъ темы, мало затронутыя самимъ Гоголемъ или выдвинутыя русскою жизнью уже послѣ него.

„Вы помните, конечно,—говоритъ профессоръ Кирпичниковъ:—знаменитое раздѣленіе губернскаго общества въ 1-й главѣ „Мертвыхъ

душъ“ на *тоненькихъ* и *толстыхъ;* Гоголь въ своей знаменитой поэмѣ, по крайней мѣрѣ въ 1-й ея части, занимается *толстыми;* Писемскій же принимается за тоненькихъ, а такъ какъ эти тоненькіе все больше „увиваются около дамъ“ и преимущественно въ ихъ обществѣ „проявляютъ каждый свои наклонности“, то—и за русскихъ дѣвицъ и барынь, которыхъ Гоголь обѣгалъ такъ старательно. Зато въ этой области Писемскій встрѣтился съ геніальными предшественниками, съ которыми онъ не могъ не считаться, тѣмъ болѣе, что на произведеніяхъ ихъ онъ и самъ былъ воспитанъ: разумѣю авторовъ „Онѣгина“ и „Героя нашего времени“, и здѣсь же столкнулся онъ съ высокодаровитыми сверстниками, продолжателями дѣла Пушкина и Лермонтова; назову хоть Тургенева и Гончарова. Результатъ получился такой: Писемскій воспользовался богатымъ (не по количеству, а по качеству) матеріаломъ, ему указаннымъ, обставилъ его новыми данными, доставленными ему жизнью, но остался вѣренъ методу и точкѣ зрѣнія излюбленнаго учителя“. Если Писемскій, по мнѣнію Кирпичникова, въ чемъ-либо и не былъ ученикомъ Гоголя, а вполнѣ самимъ собой, такъ это—въ раннихъ повѣстяхъ и очеркахъ изъ народнаго быта. Въ умѣньи изображать великорусскаго мужика положительно въ то время не было ему равнаго. „Можно ли сравнивать,—говоритъ Кирпичниковъ: — карикатурныя гоголевскія фигуры дядей Митяевъ и Миняевъ съ мастерскими, написанными съ такой душевной теплотой изображеніями костромскихъ мужиковъ Писемскаго? Онъ какъ будто совсѣмъ преображается, когда входитъ въ этотъ родной и симпатичный ему міръ (недаромъ хорошо знавшій и искренно любившій его Анненковъ самого его называетъ чистымъ типомъ умнаго великорусскаго мужика); онъ оказывается способнымъ создавать характеры высокогероическіе, моменты глубокотрогательные, страсти сильныя и въ то же время цѣломудренныя. Да, какъ ни страннымъ кажется это слово въ примѣненіи къ Писемскому, я рѣшаюсь утверждать, что его Петръ въ „Плотничьей артели“ и даже его кутила—питерщикъ—люди съ цѣломудренными страстями, несмотря на всю наивную рѣзкость рѣчей своихъ. Но онъ остается самимъ собою въ томъ отношеніи, что ни на іоту не подкрашиваетъ дѣйствительности, не допускаетъ никакихъ натяжекъ и слащавости. Что мужицкая рѣчь у Писемскаго обладаетъ необыкновенной типичностью и мѣткостью, это признавали и въ концѣ 60-хъ годовъ самые горячіе его противники. Что его мужицкіе характеры отличаются почти монументальной законченностью и выразительностью, признаетъ всякій, кто хоть пробѣжитъ его „Плотничью артель“.

Замѣчательно, что Алексѣй Ѳеофилактовичъ въ самыхъ первыхъ своихъ произведеніяхъ является какъ бы непосредственнымъ продолжателемъ своего великаго учителя Гоголя. Онъ прямо начинаетъ съ болѣе глубокой разработки той гоголевской темы, которой Гоголь, въ нѣсколько карикатурномъ видѣ, коснулся въ своей „Женитьбѣ“. Эта

тема — пошлость, которая въ ряду прочихъ всевозможныхъ пошлыхъ явленій нашей общественной жизни унижаетъ и безобразитъ нашу семейную жизнь. Первая повѣсть Писемскаго, „Боярщина“, представляетъ замѣчательно яркую, блестящую, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрную картину тяжкаго, безотраднаго положенія женщины подъ гнетомъ мужа. Здѣсь выведена безотвѣтная страдалица Анна Павловна, героиня повѣсти, не лишенная привлекательности. Несмотря на трагическое положеніе Анны Павловны въ домѣ своего мужа, ни она ни безхарактерный и легкомысленный Эльчаниновъ не подумали бы сойтись открыто, если бы все это не устроилъ Савелій, втайнѣ любившій Анну Павловну и потому принявшій горячее участіе въ ея судьбѣ. Когда Анна Павловна умерла на его рукахъ, онъ отправился на службу, на Кавказъ, *пѣшкомъ*.

Въ „Боярщинѣ“,—по замѣчанію С. А. Венгерова,—талантъ Писемскаго непосредственно изображать явленія жизни проявился во всей своей силѣ. Задоръ-Мановскій потому именно и возстановляетъ васъ противъ обязательности въ брачныхъ отношеніяхъ quand-même, что онъ въ одно и то же время и глубоко-антипатиченъ и глубоко-жизненепенъ. Вы чувствуете, что имѣете дѣло не съ тенденціознымъ дѣтищемъ авторской фантазіи, а съ фактомъ реальной дѣйствительности, схваченнымъ авторомъ со всею смѣлостью крупнаго таланта. Сверхъ того, „Боярщина“ замѣчательна со стороны своей необыкновенно-яркой колоритности, которой у Писемскаго едва ли не болѣе, чѣмъ у кого-либо изъ другихъ русскихъ писателей. Сколько краски въ Задоръ-Мановскомъ, въ веселой вдовушкѣ Клеопатрѣ Маюровой, въ уморительной сценѣ между Эльчаниновымъ и Задоръ-Мановскимъ, когда ихъ положили спать въ одну комнату и они устраиваютъ своего рода дуэль на мелкихъ непріятностяхъ, дѣлаемыхъ другъ другу. Къ колоритности же слѣдуетъ отнести обиліе страсти, которою „Боярщина“ пропитана, такъ сказать, насквозь. Сильную сторону „Боярщины“ составляетъ фигура Эльчанинова. Въ обрисовкѣ его сказалась основная черта всего творчества Писемскаго—его безнадежный скептицизмъ по отношенію къ прочности и возвышенности человѣческихъ чувствъ...“

„Боярщина“, это первое серьезное произведеніе Писемскаго, въ смыслѣ біографическомъ, имѣла большое вліяніе на литературную судьбу Алексѣя Ѳеофилактовича. Запрещенная вначалѣ цензурой, она, какъ уже упоминалось нами выше, сдѣлала Писемскаго извѣстнымъ въ литературныхъ кружкахъ прежде, чѣмъ онъ началъ печататься; кромѣ того, будучи запрещена, какъ „протестъ противъ брака“, она подала поводъ критикамъ, а за ними и публикѣ, считать Алексѣя Ѳеофилактовича какимъ-то спеціальнымъ жоржъ-зандистомъ и протестантомъ противъ этой главной основы общества. Но въ сущности такое мнѣніе о Писемскомъ сложилось какъ-то случайно, лишь по поводу крайне недостаточнаго и даже мало основательнаго мотива къ запрещенію повѣсти со стороны цензуры.

„Анна Павловна,—говоритъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ въ его публичной лекціи:—вовсе не изъ тѣхъ неудержимо-свободныхъ натуръ, которыя не могутъ выносить стѣсненій, налагаемыхъ бракомъ; это доброе, кроткое, привязчивое созданіе, къ тому же нѣмка по происхожденію и по сентиментальности, не только неспособная возмущаться противъ краеугольнаго установленія, но готовая претерпѣть все за идею семьи; она и отъ мужа сторонится только потому, что тотъ ругаетъ при ней ея отца, для котораго она принесла себя въ жертву. Со всякимъ сколько-нибудь сноснымъ мужемъ она прожила бы всю жизнь безъ малѣйшей попытки „бунтовать“. Виновата ли она, что судьба послала ей звѣря, который ее больную выбрасываетъ изъ дому, въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ ни гостиницъ ни друзей, гдѣ ей буквально некуда дѣваться, кромѣ дома Эльчанинова? А когда она умерла, ее пожалѣлъ только бѣднякъ Савелій да ея разбитый параличомъ мужъ. Гдѣ же здѣсь протестъ противъ брака? Нѣтъ никакого протеста и въ другихъ романахъ Писемскаго, гдѣ всѣ женщины, которыхъ авторъ выставляетъ порядочными, остаются вѣрны долгу даже и при легкомысленныхъ и плохихъ мужьяхъ; а въ повѣсти „Виновата ли она?“ авторъ прямо заявляетъ отъ себя (конечно, не изъ страха цензуры): „Измѣнить своему долгу, на какомъ бы то ни было основаніи — проступокъ для женщинъ, за который ихъ осудитъ и общественное мнѣніе и собственная совѣсть“.

Во второмъ своемъ (по времени) произведеніи, въ „Нинѣ“, Писемскій осмѣиваетъ свою юношескую, романтическую вѣру въ возможность идеальной и въ то же время сильной и всепоглощающей женской страсти, разочарованіе въ которой можетъ свести женщину въ могилу. Тутъ выводится провинціальная дѣвушка, Нина, дочь сына аптекаря, стараго романтика Вильгельма Ѳедоровича, и прозаически русской нѣмки Ѳеклы Петровны. Въ этой дѣвушкѣ автору представлялась загадочная натура, что-то не отъ міра сего. „Не знаю, почему,—говоритъ герой романа:—я въ этой дѣвушкѣ предполагалъ многое. Нельзя сказать, чтобы она была красавица; но она была очень мила: высокая не по лѣтамъ, стройная, съ маленькой головкой, но въ то же время съ прекрасно-развитой грудью, въ большихъ темно-голубыхъ глазахъ ея и въ дѣтской улыбкѣ была видна какая-то задумчивость, что придавало ея круглому личику такое выраженіе, какъ будто бы она о чемъ-то постоянно грустила, и мнѣ казалось, что это была тоска Миньоны по небесамъ. „Не для здѣшняго міра рождена ты!“—часто думалъ я, глядя на нее; но иногда мысли мои мѣнялись: я представлялъ Нину черезъ десять и двадцать лѣтъ—и невольно задавалъ себѣ вопросъ: что будетъ тогда съ нею? Странное дѣло—этотъ вопросъ всегда рѣшался одинаковымъ образомъ: мнѣ казалось, что рано или поздно на это спокойное теперь созданіе пахнетъ суровое горе жизни, и что Провидѣніе наложитъ на нее крестъ тяжелыхъ испытаній, а я буду утѣшать ее. Мало этого, мнѣ казалось, что ея страданія проистекутъ изъ собственныхъ ея заблужденій, кото-

рыя постигнутъ ее потому, что она, какъ мнѣ казалось, вполнѣ наслѣдовала художественную натуру отца, слѣдовательно натуру, способную увлекаться и ошибаться; въ этой мысли меня еще болѣе убѣждало то, что Нина прекрасно пѣла и играла на фортепіано. Были даже минуты, когда я, въ порывѣ моей мечтательности, думалъ жениться на Нинѣ и съ полнымъ вниманіемъ развить всѣ ея наклонности и предохранить ее отъ неизбѣжнаго зла".

Въ „Нинѣ" наглядно показано, какъ „поэтическія натуры" быстро промѣниваютъ мечты на бронзовые канделябры и большія зеркала, и какъ „небесныя натуры" просто и легко переходятъ въ провинціальныхъ сплетницъ. Уже съ этого разсказа начинаетъ опредѣляться направленіе Писемскаго, какъ пессимиста, охарактеризовавшаго себя извѣстною фразою: „что же мнѣ дѣлать, что я ни въ чьей душѣ ничего хорошаго не вижу".

Повѣсть „Тюфякъ", обратившая особенное вниманіе на Писемскаго критики и публики и сразу поставившая автора ея въ первый рядъ между современными ему писателями, также написана на семейную тему. Герой повѣсти—молодой человѣкъ Павелъ Васильевичъ Бешметевъ,—хотя и добрый, и неглупый, и честный, но настолько не обладающій энергіей и знаніемъ жизни, что легкомысленно женится на довольно пустой и провинціальной барышнѣ, которая выходитъ за него почти съ отвращеніемъ, по принужденію родителей. Узнавъ настоящій характеръ своей красавицы-жены и ея чувство къ себѣ и къ другимъ, Бешметевъ спивается съ кругу. Это главная интрига повѣсти. Второстепенная же интрига состоитъ въ томъ, что сестра Бешметева, которую судьба соединила съ легкомысленнымъ кутилой и хвастуномъ, любитъ другого, но послѣ борьбы остается вѣрна своему долгу и переводитъ имѣніе на дѣтей. Вотъ и весь незамысловатый сюжетъ повѣсти. Но чѣмъ такъ сильно понравилась публикѣ и критикѣ эта повѣсть Писемскаго? — „Разнорѣчія быть не можетъ,—отвѣчаетъ А. И. Кирпичниковъ:—вѣрностью и живостью воспроизведенія нашей неприглядной дѣйствительности... Дѣло здѣсь, конечно, не въ сюжетѣ,—далѣе говоритъ Кирпичниковъ:—а въ необыкновенно тонкой обрисовкѣ характеровъ и въ такомъ изображеніи жизни, которое, представляя значительный эпическій интересъ, доводитъ читателя до полнѣйшей иллюзіи. Съ первыхъ же страницъ вы забываете, что у васъ въ рукахъ *романъ*, вымыселъ: все, что разсказываетъ авторъ,—а разсказываетъ онъ, какъ замѣтилъ Достоевскій, мастерски: просто, безъ претензій, но съ большимъ юморомъ,—вамъ представляется до того жизненнымъ, будто это происходитъ съ людьми, которыхъ вы только случайно не знаете, но подобныхъ имъ вы встрѣчали цѣлыя сотни..."

Павелъ Васильевичъ Бешметевъ, по своему характеру, принадлежитъ къ такимъ типамъ нашей литературы, какъ Обломовъ Гончарова и Лаврецкій изъ „Дворянскаго гнѣзда" Тургенева. „Бешметевъ, — говоритъ

О. Ѳ. Миллеръ:—не заблагоразсудилъ поступить такъ, какъ поступилъ гоголевскій Подколесинъ,—онъ не выпрыгнулъ изъ окна, а преспокойно воспользовался невѣстою, которую высватали за него противъ ея воли. Дѣло въ томъ, что самъ-то онъ ее полюбилъ, т.-е. полюбилъ чисто-физической любовью. До женитьбы онъ видѣлъ ее всего нѣсколько разъ, даже не говорилъ съ ней, и она ему издали понравилась. Подумать о томъ, какого она о немъ мнѣнія, по всей вѣроятности, ему помѣшалъ его странный характеръ, который и доставилъ Бешметеву прозвище „тюфяка“. Характеръ этотъ въ повѣсти Писемскаго объясняется прежде всего темпераментомъ. Зависимость подобнаго рода характера отъ барской среды гораздо яснѣе показана въ „Обломовѣ“ Гончарова, чѣмъ въ „Тюфякѣ“ Писемскаго. Мы совершенно несогласны въ этомъ отношеніи съ Писаревымъ, въ сужденіи котораго о „Тюфякѣ“ и объ „Обломовѣ“ должна быть, мы думаемъ, сдѣлана перестановка: то, что говорится Писаревымъ объ Обломовѣ, слѣдуетъ отнести къ Бешметеву, и наоборотъ. Только неограниченною властью надъ Бешметевымъ именно темперамента и можетъ быть объяснена та рѣшимость, съ какою соглашается онъ на бракъ съ Жюли. Бешметевъ—человѣкъ развитой, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ — склоняется на торговую сдѣлку, придуманную разорившимся отцомъ невѣсты и поддерживаемую разными провинціальными барынями. Но жертвой этой сдѣлки, по счастью, является дѣвушка довольно пустая, а потому и не возбуждающая особеннаго состраданія, хотя Писемскій, раскрывая передъ нами всѣ послѣдствія ея насильнаго брака, заставляетъ насъ наконецъ страдать вмѣстѣ съ нею“.

Ап. Ал. Григорьевъ, разбирая въ 1859 году, въ „Русскомъ Словѣ“, „Дворянское гнѣздо“ Тургенева, дѣлаетъ слѣдующее сопоставленіе Бешметева съ Лаврецкимъ: „Лаврецкій отчасти то лицо, которое съ необычайною силою и энергіею, всею безпощадною послѣдовательностью правды, но не освѣтивши никакимъ разумно-художественнымъ свѣтомъ, изобразилъ Писемскій въ высшемъ до сихъ поръ по тону и по душевнымъ задачамъ своемъ произведеніи, въ „Тюфякѣ“. Его *любовь изъ-за угла* къ Варварѣ Павловнѣ, его женитьба, самая драма, разыгравшаяся съ нимъ въ его брачныхъ отношеніяхъ, представляютъ немалое сходство съ любовью, женитьбой и драмой брачныхъ отношеній героя Писемскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это сходство только внѣшнее. Лаврецкій — тюфякъ только по виду, тюфякъ до тѣхъ поръ только, пока онъ спалъ моральнымъ сномъ. Бешметевъ Писемскаго — звѣрь, звѣрь съ нашимъ роднымъ и нѣжно нами любимымъ хвостомъ, и авторъ почти-что холитъ и лелѣетъ въ своемъ героѣ это, поистинѣ столь драгоцѣнное украшеніе. Страшная по своей правдѣ, до возмущенія души страшная сцена за обѣдомъ, гдѣ Павелъ, выпивши, бесѣдуетъ о женѣ съ лакеемъ при самой женѣ, и множество другихъ подробностей полагаютъ неизмѣримую разницу между нимъ и Лаврецкимъ. Сходство между ними только внѣшнее, а между тѣмъ Ла-

врецкій въ глазахъ Марьи Дмитріевны, называющей его тюленемъ, Паншина, своей жены, m-r Эрнеста и, вѣроятно, m-r Жюля, пишущаго фельетоны о m-me de-Lavrétzky, cette grande dame si distinguée, qui demeure rue de P.,—въ глазахъ ихъ онъ—тюфякъ, или, какъ выражается m-r Эрнестъ въ письмѣ къ его женѣ, gros bonhomme de mari. Больше еще, — даже въ глазахъ Маріи Тимоѳеевны, этой уже совершенно непосредственной и вовсе не зараженной утонченными вкусами натуры, онъ тоже тюфякъ, хоть и очень хорошій человѣкъ. „Да онъ, я вижу, на всѣ руки... Каковъ тихоня?“—говоритъ она съ удивленіемъ, узнавши объ отношеніяхъ его къ Лизѣ... Стало-быть, и она не подозрѣвала, что онъ можетъ увлечь женщину... Все дѣло въ томъ, что Лаврецкій по натурѣ своей гораздо болѣе *тюфякъ*, чѣмъ герой Писемскаго. Герой Писемскаго—не просто тюфякъ: онъ, съ одной стороны, звѣрь, съ другой—циникъ, циникъ, коснѣющій въ своемъ цинизмѣ, циникъ, для котораго нѣтъ и выхода изъ его цинизма. Между самою женитьбой его и, стало-быть, между первымъ чувствомъ къ женщинѣ, или, лучше сказать, къ женственности, и таковымъ же Лаврецкаго — большое различіе. Побудительныя причины женитьбы Павла Бешметева исключительно животненныя: среда, въ которую онъ брошенъ, среда, съ которой не разорвало его—странное дѣло!—и университетское образованіе, а которая между тѣмъ такова, что *развитая* и *честная* сестра его балуетъ его животненные инстинкты и ускоряетъ благополучно безнравственный бракъ съ нелюбящей его нисколько дѣвушкой, на основаніи всегдашней надежды, что, дескать, „стерпится-слюбится“, эта среда холитъ, лелѣетъ и раститъ его хвостъ. Въ томъ, что Писемскій взялъ своего героя неотдѣлимо отъ его среды жизни, заключается и могущественная сила его произведенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ психологически-художественная ошибка. Натура страстная до звѣрства, сильная и впечатлительная, дикарь и тюфякъ, Павелъ Бешметевъ влечетъ къ себѣ глубокое сочувствіе; но невольно вѣдь возбуждается вопросъ: какимъ образомъ мимо этой страстной и впечатлительной натуры прошло развитіе вѣка, какъ оно не подѣйствовало на него внутренне? — ибо внѣшнимъ образомъ онъ съ нимъ знакомъ, онъ читалъ, учился, учился даже основательнѣе героя „Дворянскаго гнѣзда“, который почти-что самоучка... Павелъ Бешметевъ влюбляется чисто-животненно, любитъ нисколько не тоньше Задоръ-Мановскаго, другого героя Писемскаго („Боярщина“); Павелъ Бешметевъ способенъ былъ бы жить, какъ мужъ, съ своею женою, даже зная за нею невѣрности, что для Лаврецкаго невозможно, потому что онъ влюбился въ идеалъ, а не въ плоть, любилъ идеалъ; разъ идеалъ разбился,—разбилась и любовь“.

Въ заключеніе выясненія повѣсти „Тюфякъ“ приведемъ еще общій взглядъ С. А. Венгерова на героя этой повѣсти. „Въ критикѣ,—говоритъ онъ:—неоднократно дебатировался вопросъ, къ какимъ типамъ слѣдуетъ отнести Бешметева, къ положительнымъ или къ отрицательнымъ.

Одни говорили, что авторъ симпатизируетъ своему герою, другіе находили, что окончаніемъ повѣсти Писемскій хотѣлъ сказать: „по дѣламъ вору и мука“.

Ни то ни другое, какъ намъ кажется, не вѣрно. Дѣло-то въ томъ, что у Писемскаго въ *хорошихъ* его произведеніяхъ нѣтъ ни положительныхъ ни отрицательныхъ типовъ. Нѣтъ потому, что Писемскій всегда стремился къ жизненной правдѣ, а въ жизни нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ категорій. Въ жизни утромъ человѣкъ дѣлаетъ гадость, а вечеромъ ведетъ себя, какъ самый порядочный человѣкъ. Въ жизни человѣкъ, даже идя на подвигъ, по дорогѣ можетъ выкинуть весьма банальную пошлость. А попробуйте написать это въ романѣ — и критики васъ загрызутъ за „невыдержанность“ характеровъ. Писемскій никогда за этою мнимою „выдержанностью“ не гнался. Онъ гнался только за жизненностью. Поэтому-то критики такъ часто попадали впросакъ, утверждая, что Писемскій тѣмъ-то и тѣмъ-то произведеніемъ, тѣмъ-то и тѣмъ-то лицомъ хотѣлъ то-то и то-то сказать. Чего только ни приписали, напр., неповинному въ теоретизированіи Алексѣю Ѳеофилактовичу по поводу „Тысячи душъ“. А на самомъ-то дѣлѣ онъ ничего не хотѣлъ сказать, а хотѣлъ только разсказать.

Возвращаясь къ Бешметеву, скажемъ, что онъ ни положительный ни отрицательный типъ, а просто типъ жизненный. Поэтому, когда онъ подавляетъ въ себѣ „человѣка“, alias звѣря, и даетъ себя эксплоатировать, онъ симпатиченъ, а во второй части, когда онъ самъ становится молотомъ и какъ рабъ, получившій свободу, дико ею злоупотребляетъ, онъ, конечно, становится намъ отвратительнымъ

Въ обрисовкѣ Бешметева ярче, чѣмъ въ обрисовкѣ другихъ типовъ Писемскаго, сказалось основное свойство его таланта — воспріимчивость только къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя обыденны, а отсюда способность всѣмъ своимъ произведеніямъ сообщать рѣзко-житейскій отпечатокъ. Какая въ самомъ дѣлѣ благодарная тема для „трогательнаго“ разсказа эта исторія бѣднаго Бешметева, который, благодаря своей добротѣ и мягкости, долженъ жертвовать всѣмъ, что ему дорого. Ужъ навѣрное всякій другой, затронувши подобный сюжетъ, постарался бы вызвать ту завершительную читательскую слезу, ради которой господа сочинители такъ безбожно подкрашиваютъ прозу житейской суеты и слякоти. Но, реалистъ до мозга костей, Писемскій никогда за этою сентиментальною слезою не гнался...

Писаревъ, по мнѣнію цитированнаго критика, прекрасно охарактеризовалъ среду, изображенную въ „Тюфякѣ“ — „стоячей водой“. Помѣщичья и чиновничья жизнь сороковыхъ годовъ представляетъ собою дѣйствительно „стоячую воду“, захватывающую своей тиной все живое,—плѣсень, отъ вѣка не знавшую свѣжей струи. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Венгеровъ, напрасно Писаревъ негодовалъ на нравственную неприглядность дѣятелей этой стоячей воды. На нихъ нельзя

сердиться, какъ нельзя сердиться на тѣ грибки, которые появляются на свѣтъ Божій благодаря гніенію болотныхъ элементовъ.

Бахтіаровъ и Батмановъ, взятые вмѣстѣ, даютъ чрезвычайно мѣтко и трезво схваченный типъ губернскаго печоринства. Еще самъ Лермонтовъ ясно сознавалъ, что печоринство въ дѣйствительной жизни проявляется не только въ такихъ выдающихся представителяхъ его, какъ самъ Печоринъ. И вотъ онъ рядомъ съ Печоринымъ выводитъ Грушницкаго. Но Писемскій Грушницкими не удовольствовался. Такая побѣда была слишкомъ незначительна для его отрезвляющаго таланта. Онъ добрался до самого Печорина. Бахтіаровъ и Батмановъ не мелкота. Они пожираютъ цвѣтъ губернскихъ сердецъ и несомнѣнно составляютъ цвѣтъ губернскаго общества не только тѣмъ, что превосходные кавалеры, но потому, что въ нихъ и душевной смѣлости больше. Но вотъ въ пониманіи житейскаго значенія этой смѣлости и сказался безпощадный реализмъ Писемскаго. Опытъ обыденной жизни показалъ Алексѣю Ѳеофилактовичу, что изъ тысячи случаевъ одинъ разъ сравнительная душевная смѣлость Батмановыхъ ведетъ къ печоринству, но всѣ остальные 999 разъ просто къ нахальству, котораго, къ слову сказать, и въ самомъ Печоринѣ немало. А уже гдѣ душевная смѣлость превратилась въ нахальство, тамъ уже ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, чтобы смѣлая душа поступила къ сибирской купчихѣ на содержаніе. Впрочемъ, и въ этомъ почетномъ званіи Батмановъ не теряетъ губернской душевной смѣлости: „одѣвается черкесомъ и все ходитъ съ винтовкой“.

Въ слѣдующей за „Тюфякомъ“ повѣсти—„Бракъ по страсти“ Писемскій впервые выступаетъ горячимъ заступникомъ за русскую женщину, которая, не получивъ никакого серьезнаго образованія, несмотря даже на прекрасные нравственные задатки, не въ состояніи противиться растлѣвающему вліянію жизни съ пошлякомъ-мужемъ и окружающей тиной общества. Идею эту онъ еще болѣе развиваетъ въ „Богатомъ женихѣ“ и повѣсти „Виновата ли она?“ Виня въ недостаткѣ умственнаго и нравственнаго развитія нашей женщины и въ ея опошленіи мужчину, Писемскій, обыкновенно суровый и безпощадный къ нему, представляетъ женщинъ особенно тепло и сердечно.

Какъ художникъ съ крупнымъ талантомъ, Писемскій не останавливается однако долго на одной какой-нибудь идеѣ, одномъ вопросѣ, и старается затронуть все, что волновало русское общество въ эпоху разгара литературной дѣятельности Алексѣя Ѳеофилактовича. Въ разсказѣ „Комикъ“, напечатанномъ въ „Москвитянинѣ“ послѣ „Брака по страсти“, выведено положеніе истиннаго, но сбившагося съ настоящей дороги художника въ нашемъ провинціальномъ обществѣ. Романъ „Богатый женихъ“, напечатанный въ „Современникѣ“, представляетъ намъ героя (по прозванію Шамилова), который имѣетъ претензію на высшее философское образованіе, вѣчно возится съ книгами, которыхъ не въ состояніи одолѣть, — статьями, которыя только начинаетъ, и съ тщет-

ными надеждами окончить когда-либо кандидатскій экзаменъ. Шамиловъ представляетъ собою типъ одного изъ тѣхъ „новыхъ людей“, которыхъ Писемскій впослѣдствіи изображалъ неоднократно.

„Этотъ новый человѣкъ, — говоритъ профессоръ Кирпичниковъ: — образованнѣй и какъ будто благороднѣй прежнихъ героевъ: „науку страсти нѣжной“ онъ въ грошъ не ставитъ; ухаживать за женщинами ради удовлетворенія своего самолюбія и властолюбія онъ считаетъ подлостью. Онъ признаётъ въ себѣ гражданина и возмущается грязнымъ эгоизмомъ окружающаго его общества. Если у него есть крестьяне, онъ собирается заняться устройствомъ ихъ быта; онъ собирается заняться и наукой, и литературой, и серьезной общественной дѣятельностью; но, къ сожалѣнію, все только *собирается*, какъ Тентетниковъ собирался писать книгу о Россіи. Онъ хорошо *говоритъ* и о дѣлѣ и о чувствахъ, но дѣла не дѣлаетъ, а чувства имѣетъ только пассивныя и отрицательныя. Онъ свободенъ отъ беззастѣнчиваго эгоизма Печориныхъ и Батмановыхъ, но лишенъ ихъ молодечества, удали и смѣлой правдивости. Онъ также любитъ рисоваться, позировать и, позируя, обманываетъ не только другихъ, но и самого себя. Въ сущности онъ такъ же безполезенъ для общества и такъ же пагубенъ для женщины, которая имѣетъ несчастіе полюбить его. Разница только въ томъ, что Печорина или Батманова обманутая женщина будетъ ненавидѣть, а Эльчанинова или Шамилова— презирать и, пожалуй, отчасти жалѣть. Но такая жалость, смѣшанная съ презрѣніемъ, едва ли не больше разбиваетъ вѣру въ людей, чѣмъ ненависть. Эльчаниновъ и Шамиловъ — разновидности того же типа, который всѣмъ намъ такъ хорошо извѣстенъ по „Дневнику лишняго человѣка“, „Гамлету Щигровскаго уѣзда“ и главное—по Рудину. Какъ уже давно указано, Писемскій по времени обогналъ Тургенева, а по способу обрисовки между Рудинымъ и Шамиловымъ такая же разница, какъ между Печоринымъ и Батмановымъ...

Не пощадилъ Писемскій и не вполнѣ сошедшій еще со сцены въ то время типъ гусарско-печоринскій. Правда, типъ этотъ давно уже не красовался на столь высокомъ пьедесталѣ, какъ въ 30-е годы, и не блестѣлъ въ столичномъ большомъ свѣтѣ; тѣмъ не менѣе продолжалъ еще встрѣчаться нерѣдко въ провинціи, гдѣ онъ чуть что не до конца пятидесятыхъ годовъ обращался, какъ старыя и истертыя монеты. Подобнаго рода уѣздные демоны-сердцеѣды выведены Писемскимъ въ „Тюфякѣ“ въ лицѣ Бахтіарова и въ повѣсти „М-г Батмановъ“—въ героѣ, носящемъ эту самую фамилію.

За романомъ „Богатый женихъ“ слѣдуетъ комедія „Ипохондрикъ“, появившаяся въ печати въ 1855 году, въ „Москвитянинѣ“; герой этой комедіи — человѣкъ съ мнительнымъ, слабымъ и въ высшей степени нервнымъ характеромъ, ставится въ столкновеніе съ людьми черезчуръ уже рѣшительными и готовыми на все. Въ біографическомъ смыслѣ эта комедія замѣчательна тѣмъ, что многія черты Дурнопечина (героя ко-

медіи) списаны Алексѣемъ Ѳеофилактовичемъ съ самого себя. За „Ипохондрикомъ“ въ томъ же году и въ томъ же журналѣ появился разсказъ изъ крестьянскаго быта „Питерщикъ“. Затѣмъ въ 1853 году въ „Современникѣ“ напечатаны были: комедія „Раздѣлъ“ и разсказъ изъ крестьянскаго быта „Лѣшій“. Какое высокое мѣсто въ нашей литературѣ занялъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ въ столь короткое время, т.-е. въ какіе-нибудь два съ небольшимъ года со времени появленія въ печати его „Тюфяка“ — можно судить уже по тѣмъ критическимъ статьямъ, которыя тогда писались о немъ.

Между прочимъ, Ап. Григорьевъ въ статьѣ: „Русская изящная литература въ 1852 году“, ставитъ автора „Тюфяка“, „Брака по страсти“ и „Ипохондрика“ на первомъ мѣстѣ и даже отдѣльно въ ряду писателей, которыхъ произведенія проникнуты живымъ началомъ, и называетъ его „писателемъ съ самымъ яркимъ, самобытнымъ и крѣпкимъ дарованіемъ“. Задачу таланта Писемскаго, поскольку она высказалась въ „Тюфякѣ“ и въ „Бракѣ по страсти“, Григорьевъ разъясняетъ въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ:

„Разоблачать фальшь, прикрывающую себя эффектомъ, разоблачать побужденія, которыя по виду только благородны, разоблачать претензіи на страсти и съ строгою послѣдовательностью преслѣдовать животненное, прикрывающееся возвышенными стремленіями, мелкое, драпирующееся грандіознымъ плащомъ, показать, однимъ словомъ, и фальшивую сторону тѣхъ страстей, которыя такъ долго въ нашей литературѣ показывались только съ блестящей ихъ стороны,—вотъ какова была задача таланта г. Писемскаго“. „Тюфякъ“, по мнѣнію Григорьева, самое прямое противодѣйствіе болѣзненному бреду писателей натуральной школы. Герой романа, т.-е. самъ „тюфякъ“, съ его любовью изъ-за угла, съ его неясными и неуясненными ему самому благородными побужденіями пополамъ съ самыми грубыми наклонностями, съ самымъ дикимъ эгоизмомъ, этотъ герой, несмотря на то, что вамъ его глубоко, болѣзненно жаль, тѣмъ не менѣе — Немезида всѣхъ этихъ героевъ замкнутыхъ угловъ съ ихъ непонятыми никѣмъ и имъ самимъ непонятными стремленіями, проводящихъ „бѣлыя ночи“ въ бреду о какихъ-то идеальныхъ существахъ, къ которымъ не смѣютъ подойти въ дѣйствительности, или страдающихъ въ дѣйствительности отъ этихъ же самыхъ идеальныхъ существъ; только г. Писемскій, можетъ-быть, и даже вѣроятно, съ душевною болью отнесся къ этому герою какъ слѣдуетъ, комически. Съ другой стороны, „Бракъ по страсти“—столько же прямое и еще болѣе художественное противодѣйствіе міросозерцанію другой школы фальшивой образованности. Прибѣгаемъ опять къ поясненію смысла этого произведенія, сдѣланному нашимъ критикомъ. „Нельзя не благодарить г. Писемскаго,—говоритъ онъ:—за то, что онъ тронулъ вопросъ любви съ такой оригинальной стороны, нельзя не видѣть, что мысль, лежащая въ основѣ его повѣсти, вынесена имъ не изъ теоретическаго понима-

нія, но изъ многостороннихъ наблюденій надъ жизнью, что, однимъ словомъ, сама жизнь натолкнула его на эту мысль. Голосовъ въ пользу любви раздавалось много въ нашей, какъ и во всякой другой литературѣ; любовь угнетенная являлась во всевозможныхъ видахъ; было такъ же много протестовъ противу многоразличныхъ условій, стѣсняющихъ любовь. Во множествѣ произведеній, порожденныхъ этими, въ сущности благородными и возвышенными побужденіями, попадались, конечно, и такія, которыя брали вопросъ съ настоящей стороны, стояли за безусловно-правое дѣло; но были и произведенія, которыя только запутывали и затемняли дѣло, порождая ложныя мысли объ одной изъ самыхъ благороднѣйшихъ страстей человѣка. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они, безъ сомнѣнія, приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы. Самая дурная сторона ихъ была совершенная разрозненность съ дѣйствительною жизнью, искаженіе дѣйствительности по произволу, для проведенія нѣсколькихъ, иногда даже непонятыхъ самими авторами, мыслей. Если они дѣйствовали на публику, то какъ-то странно, возбуждая въ ней рѣшительно неудовлетворимыя и неприложимыя стремленія, разжигая мысль причудливыми и соблазнительными формами любви, выдумываемой авторомъ въ его праздныхъ мечтаніяхъ".

Такого-то рода представленіе страстей и отношеній показалъ г. Писемскій въ своей повѣсти. Насколько такая задача его таланта исторически необходима въ нашей литературѣ, видно изъ самаго бѣглаго взгляда, кинутаго на ея недавнее, предшествовавшее состояніе. На одну повѣсть, въ родѣ „Безъ разсвѣта", гдѣ съ правдивой и притомъ съ драматической стороны взяты совершенно законныя требованія и совершенно незаконное имъ противодѣйствіе, найдется куча вялыхъ и безобразныхъ по духу и по формѣ произведеній, обязанныхъ своимъ бытіемъ напряженію эгоизма, желанію драпироваться плащомъ Ромео. Немудрено, что критика этой школы такъ сильно подняла свой голосъ противъ безпощадной повѣсти г. Писемскаго, ибо, какъ говоритъ тотъ же критикъ, „ничего выдуманнаго, т.-е. фальшиваго, нѣтъ въ этой повѣсти. Передъ вами—происшествіе изъ дѣйствительной жизни, какихъ вамъ, можетъ-быть, не разъ случалось быть свидѣтелемъ, происшествіе до такой степени правдивое, что кажется, будто оно списано съ какого-нибудь дѣйствительно случившагося событія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти лица, находящіяся въ повѣсти, эти отношенія между ними, вся обстановка, вы ихъ видали не разъ. Только ясность, съ которой озаренъ внутренній смыслъ всего событія и раскрыты внутреннія пружины, двигающія лицами, показываетъ вамъ, что вы имѣете дѣло съ свободнымъ продуктомъ таланта, правда, твердо опершагося на дѣйствительность и всѣ формы своего произведенія взявшаго изъ нея..."

Въ высшей степени строгая объективность Писемскаго ставилась многими критиками въ особенное достоинство Писемскому и даже восхищала ихъ. Вотъ какъ, напримѣръ, отзывался объ этомъ въ 1851 году

критикъ „Библіотеки для чтенія“: „Авторъ далеко запряталъ свою личность: изъ его повѣсти вы не узнаете ни его убѣжденій ни образа мыслей, каждое дѣйствующее лицо говоритъ и дѣйствуетъ по-своему, и ни одно изъ нихъ не носитъ чужого отпечатка. Такая полнота и художественность возможны только при совершенномъ отреченіи отъ всякаго идеализированія и при исключительномъ обращеніи къ дѣйствительности. Въ произведеніи Писемскаго нѣтъ пристрастія къ тому или другому лицу; онъ не увлекается нравственными преимуществами одного лица передъ другимъ, но съ безпристрастностью художника, поставившаго себѣ цѣлью быть вѣрнымъ природѣ, воспроизводитъ каждое изъ нихъ со всею искренностью и чистотою таланта“. Въ такомъ же духѣ писали въ то время о талантѣ Писемскаго и въ „Современникѣ“.

V.

Жизнь Писемскаго въ Петербургѣ и его литературная дѣятельность.—«Тысяча душъ» и отношеніе критики къ этому роману.

Петербургскій литературный кругъ принялъ Писемскаго чрезвычайно радушно. Непосредственный умъ, остроуміе, мастерство чтенія быстро доставили Писемскому всеобщую извѣстность и поклоненіе. Его нарасхватъ приглашали участвовать на литературныхъ вечерахъ и спектакляхъ, развозили читать по знатнымъ домамъ и даже при Дворѣ. Вообще, до первыхъ годовъ шестого десятилѣтія, въ теченіе пяти-шести лѣтъ Писемскій, по словамъ П. Д. Боборыкина, пользовался самой большой популярностью. Онъ сдѣлался достояніемъ Петербурга, жилъ бойко, редакторы журналовъ за нимъ ухаживали, его видали часто и въ свѣтскихъ салонахъ, знали какъ чтеца и какъ актера-любителя. Прежде всего Писемскій сошелся въ Петербургѣ съ редакціей „Современника“. Сотрудники этого журнала цѣнили Алексѣя Ѳеофилактовича, какъ крупный талантъ, и съ радостью открывали свои страницы для помѣщенія его талантливыхъ произведеній, хотя и сознавали, что безпристрастный въ своихъ взглядахъ и принципахъ авторъ „Тюфяка“ не совсѣмъ сочувствуетъ направленію кружка, сплотившагося вокругъ „Современника“.

Наиболѣе удалось сойтись Алексѣю Ѳеофилактовичу съ сотрудникомъ „Современника“, извѣстнымъ критикомъ того времени А. В. Дружининымъ. Когда же Дружининъ перешелъ въ „Библіотеку для чтенія“, гдѣ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, а немного позднѣе и редакторомъ, и куда перенесъ свои „Письма иногороднаго подписчика“, вмѣстѣ съ нимъ сталъ во враждебныя отношенія съ „Современникомъ“ и Писемскій.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ, въ силу своего независимаго міросозерцанія, вообще не стремился къ особенному сближенію ни съ однимъ литературнымъ кружкомъ. Живя въ Петербургѣ, онъ одинаково помѣщалъ свои произведенія и въ „Современникѣ“ („Фанфаронъ“, „Виновата ли она?“), и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ („Ветеранъ и ново-

бранецъ", „Плотничья артель", критическая статья о Гоголѣ, „Тысяча душъ"), и въ „Библіотекѣ для чтенія" („Старая барыня", „Боярщина"). Такое перекочевываніе писателей изъ одного журнала въ другой въ началѣ пятидесятыхъ годовъ было заурядным явленіемъ.

Самое первое время пребыванія Писемскаго въ Петербургѣ съ матеріальной стороны было для него весьма трудно. Его цѣль—обезпечить себя и создать прочное положеніе—оказывалась пока недостижимой. Алексѣю Ѳеофилактовичу пришлось довольствоваться весьма немногимъ, едва сводя концы съ концами,—и то благодаря только разумной осторожности и предусмотрительной экономіи жены его, Екатерины Павловны. Писемскій переносилъ эти матеріальныя стѣсненія далеко не спокойно; онъ хандрилъ, досадовалъ на свою бѣдность и лихорадочно искалъ средствъ выйти изъ нея. Это опять заставило его искать опоры въ службѣ. На первыхъ порахъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ опредѣлился въ одинъ изъ петербургскихъ департаментовъ и, будучи уже популярнымъ авторомъ „Тюфяка", „Брака по страсти" и др. талантливыхъ произведеній, вынужденъ былъ силою обстоятельствъ „стараться нравиться и выказывать себя умницей" передъ покровительствовавшимъ ему чиновнымъ міромъ.

Все это вмѣстѣ взятое весьма невыгодно отразилось на литературной дѣятельности Писемскаго. Сравнительно съ своей обычной творческой производительностью, Алексѣй Ѳеофилактовичъ писалъ очень мало. Такъ, въ продолженіе всего 1854 года напечатаны имъ были всего два незначительныя произведенія: „Фанфаронъ"—въ „Современникѣ" и „Ветеранъ и новобранецъ"—въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ слѣдующемъ 1855 году тоже немного было напечатано Писемскимъ—всего три вещи: вышеупомянутая критическая статья о Гоголѣ, „Плотничья артель" и „Виновата ли она?". Первыя два произведенія помѣщены были въ „Отечественныхъ Запискахъ", а „Виновата ли она?"—въ „Современникѣ". Зато въ этомъ году Алексѣю Ѳеофилактовичу болѣе посчастливилось, по крайней мѣрѣ, въ качественномъ отношеніи своихъ произведеній. „Плотничья артель"—это chef d'oeuvre его разсказовъ изъ народнаго быта, въ которыхъ впервые выступали настоящіе русскіе мужики, нимало не прикрашенные авторомъ и говорившіе настоящимъ мужицкимъ языкомъ,—имѣла громадный успѣхъ. По словамъ П. И. Полевого, „Плотничья артель" „поразила всѣхъ силою и правдивостью творчества". По словамъ другихъ критиковъ, до Писемскаго никто—даже самъ Гоголь—не заглядывалъ такъ глубоко въ сердце простого русскаго человѣка. Словомъ, всѣ—и публика и критика—восхищались необыкновенною жизненностью народныхъ типовъ Писемскаго, ихъ замѣчательно-характерною рѣчью и отрѣшеніемъ отъ всякаго идеализованнаго нейзанства. Немалый успѣхъ выпалъ также и на долю повѣсти „Виновата ли она?". Въ критическомъ обзорѣ литературы за 1855 годъ, Чернышевскій въ „Современникѣ" назвалъ

эту повѣсть лучшимъ произведеніемъ изъ всего появившагося за этотъ годъ.

Въ 1856 году морское министерство обратилось къ нѣсколькимъ пользовавшимся извѣстностью литераторамъ съ предложеніемъ отправиться на казенный счетъ въ разныя россійскія побережья, для изслѣдованія быта приморскихъ краевъ въ этнографическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Въ числѣ этихъ избранныхъ былъ и Писемскій. Онъ ѣздилъ въ Астрахань и на побережье Каспійскаго моря. Результатомъ этого путешествія появились два небольшіе путевые очерка Писемскаго въ „Морскомъ Сборникѣ“.

Въ 1857 году Писемскій напечаталъ только одинъ разсказъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, подъ названіемъ „Старая барыня“. Такая малая литературная продуктивность Писемскаго въ этомъ году объясняется тѣмъ, что въ продолженіе всего этого года Алексѣй Ѳеофилактовичъ занятъ былъ писаніемъ романа „Тысяча душъ“. Зато слѣдующій 1858 годъ можно назвать апогеемъ литературной карьеры Писемскаго. Въ этомъ году онъ сдѣлался редакторомъ журнала „Библіотека для чтенія“, въ которомъ въ этотъ же годъ напечаталъ одну изъ лучшихъ повѣстей своихъ — „Боярщину“, написанную имъ еще въ 1846 году. Самое же главное—въ этомъ году Писемскій предсталъ предъ русскимъ образованнымъ обществомъ съ chef d'oeuvre'омъ всѣхъ своихъ произведеній—съ романомъ „Тысяча душъ“, имѣвшимъ огромнѣйшій успѣхъ и въ критикѣ и въ публикѣ.

Главный герой „Тысячи душъ“, Калиновичъ—типъ карьериста-чиновника, безсердечнаго эгоиста, который въ жертву своего чиновничьяго честолюбія и желанія пожить въ роскоши приноситъ послѣдніе остатки совѣсти. Какъ типъ чиновничьяго карьериста съ высшимъ образованіемъ, не давшимъ человѣку никакихъ нравственныхъ устоевъ и разумныхъ идеаловъ, образъ Калиновича,—какъ замѣчаетъ В. П. Острогорскій,—единственный въ русской литературѣ по своей яркости и глубинѣ. Въ обрисовкѣ типа Калиновича и вообще во всемъ романѣ „Тысяча душъ“ проявились со всею силою уже неоднократно подчеркнутыя основныя качества таланта нашего писателя и прежде всего его всепоглощающій, глубоко-жизненный реализмъ, не знающій никакихъ сентиментальныхъ компромиссовъ и никакихъ другихъ стремленій, кромѣ непоколебимаго стремленія къ безусловному воспроизведенію житейской дѣйствительности.

Чтобы выяснить сущность знаменитаго романа, приведемъ выдержку изъ критическаго разбора этого романа О. Ѳ. Миллера,—выдержку, характеризующую только главнаго героя романа — Калиновича. „У Достоевскаго, — говоритъ этотъ критикъ: — мы видимъ человѣка, который дошелъ до ужаснаго преступленія — до убійства, но онъ дошелъ до него не потому, чтобы желалъ комфорта, а потому, что у него и у многихъ вокругъ него не хватало самаго необходимаго, самаго су-

щественнаго, и на него, вслѣдствіе этого, сильно подѣйствовали особыя, прочитанныя имъ книги. Калиновичъ у Писемскаго ради комфорта совершаетъ цѣлый систематическій рядъ преступленій, но не такихъ, за которыя ссылаютъ на каторгу. Онъ сумѣлъ не дойти и до того, до чего дошелъ гоголевскій Чичиковъ,—до тѣхъ поступковъ, вслѣдствіе которыхъ Павелъ Ивановичъ угодилъ наконецъ въ острогъ. Преступленія Калиновича совершенно другого рода. Это преступленія не уголовнаго свойства, онъ только, какъ извѣстно, другихъ подводитъ, и даже очень искусно, подъ уголовщину. Его преступленія свойства чисто-нравственнаго; тѣмъ не менѣе онъ остается Чичиковымъ въ новомъ вкусѣ,—Чичиковымъ съ университетскимъ образованіемъ.

„Писемскій не говоритъ такъ подробно о воспитаніи своего героя, какъ Гоголь о воспитаніи Павла Ивановича, но онъ ясно указываетъ на то, что Калиновичу, какъ и Чичикову, пришлось самому пробивать себѣ дорогу, и что въ дѣтствѣ онъ испыталъ сильный отцовскій гнетъ, подъ вліяніемъ чего и проявилось въ немъ желаніе добиться наконецъ довольства и свободнаго положенія въ жизни. Но неужели Калиновичъ не вынесъ уже рѣшительно ничего изъ тѣхъ „святыхъ стѣнъ университета“, о которыхъ онъ упоминаетъ впослѣдствіи, въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ подчиненныхъ, также бывшимъ студентомъ? Изъ стѣнъ университета онъ вынесъ до нѣкоторой степени, какъ это ни грустно, *утонченное* понятіе о комфортѣ. Въ понятіе о комфортѣ вошла у Калиновича потребность почета, потребность играть роль, выдвинуть себя поступками, заслуживающими почтенія, потребность власти и, при помощи этой власти, проведенія, какъ онъ ихъ называетъ, „святыхъ убѣжденій“. Но эти „святыя убѣжденія“ нужны Калиновичу для того, чтобы *выказаться* при помощи ихъ. Если онъ впослѣдствіи, достигнувъ своей цѣли, то-есть довольно значительнаго положенія, становится слишкомъ неосторожнымъ и вслѣдствіе того попадаетъ въ бѣду,—то тутъ съ его стороны вовсе нѣтъ благороднаго увлеченія честными убѣжденіями,—онъ увлекается только своимъ властолюбіемъ. Представьте себѣ Калиновича сознающимъ, что, проводя „святыя убѣжденія“, онъ рискуетъ потерять свое видное положеніе, а съ нимъ и комфортъ,—и вы не усомнитесь сказать, что онъ въ такомъ случаѣ не подорожитъ убѣжденіями. Правда, Писемскій нѣсколько облагородилъ Калиновича тѣмъ, что далъ ему сознаніе черноты своихъ поступковъ,—такое сознаніе, котораго у Чичикова нѣтъ. Чичиковъ того мнѣнія, что все, совершаемое имъ, совершенно въ порядкѣ вещей; недаромъ отецъ еще въ дѣтствѣ ему внушалъ, что стремленье къ наживѣ—верховный двигатель. Но вѣдь и Калиновичъ, хотя онъ и сознаётъ черноту своихъ поступковъ, вовсе не удерживается такимъ сознаніемъ отъ дальнѣйшихъ поступковъ такого же рода. Онъ сходится съ Чичиковымъ въ томъ, что, по его мнѣнію, „безъ этого вѣдь нельзя“. Вспомните письмо, написанное имъ изъ Петербурга къ Настенькѣ, ко-

торой онъ далъ при прощаньи надъ могилой ея матери клятву вернуться, чтобы жениться на ней, но, давая эту клятву, заранѣе зналъ, что ее нарушитъ. Въ письмѣ изъ Петербурга онъ говоритъ ей: „дѣлаясь лжецомъ и обманщикомъ, я поступилъ не какъ вѣтренный и пустой мальчишка, а какъ человѣкъ, глубоко сознающій всю черноту своего поступка, который омывалъ его кровавыми слезами, но поступить иначе не могъ". Далѣе, говоря уже совершенно прямо, что онъ все-таки на ней не женится, онъ тѣмъ не менѣе проситъ, чтобы она пріѣхала къ нему, и она дѣйствительно пріѣзжаетъ—въ силу той привязанности, которую Писемскій, съ обычной незатѣйливостью своихъ выраженій, называетъ *собачьей* (есть дѣйствительно что-то нечеловѣческое въ такой личной привязанности несмотря ни на что). А Калиновичъ, послѣ новаго рѣшительнаго шага съ ея стороны (вспомните, что это сводитъ въ могилу ея добраго отца), совершаетъ у нея на глазахъ цѣлый рядъ новыхъ подлостей. Литературный трудъ, на который разсчитывалъ онъ въ Петербургѣ, оказывается плохою опорой; рекомендательное письмо князя къ директору департамента, на которое онъ не менѣе возлагалъ надеждъ, также не приводитъ ни къ чему положительному. Надежды рушатся, а жажда комфорта, въ виду столичныхъ соблазновъ, все болѣе и болѣе овладѣваетъ Калиновичемъ. Расхаживая по Петербургу, онъ не можетъ отдѣлаться отъ мысли, какъ бы добиться того, чтобы и ему можно было жить припѣваючи, какъ живутъ другіе. Подъ неотразимымъ вліяніемъ этой мысли онъ пользуется неожиданной встрѣчей съ княземъ и уже самъ напрашивается на то, отъ чего когда-то рѣшительно отказался—на бракъ съ кривобокой Полиной. Чтобы достигнуть цѣли, онъ добровольно подвергаетъ себя цѣлому ряду нравственныхъ униженій. Вспомните, какъ князь, пользуясь выгодою своего положенія, даетъ ему почувствовать, что надо было раньше объ этомъ подумать, что теперь уже, можетъ-быть, поздно. При этомъ князь съ такимъ язвительно-самодовольнымъ многословіемъ говоритъ о томъ, какъ трудно жить литературнымъ трудомъ и какое ребячество на него разсчитывать. И Калиновичъ долженъ все это выслушать, самымъ заискивающимъ образомъ обращаясь съ княземъ, который наконецъ берется-таки быть посредникомъ между нимъ и Полиной. Но тутъ начинается новый рядъ еще болѣе низкихъ поступковъ. Вспомните, что Калиновичъ выдаетъ князю вексель на 50 тысячъ въ счетъ тѣхъ благъ, которыя получитъ онъ отъ Полины. Вспомните, что, когда Полина его разспрашиваетъ объ его отношеніяхъ къ Настенькѣ, онъ, не колеблясь, выдумываетъ про эту, беззавѣтно отдавшуюся ему дѣвушку, будто бы она ему измѣнила. Далѣе Настенькѣ, въ видѣ вознагражденія, посылается 25 тысячъ рублей, которыхъ она, разумѣется, не беретъ. Затѣмъ дается взятка баронессѣ, черезъ которую Калиновичъ надѣется получить мѣсто, и баронесса, разумѣется, беретъ эту взятку. Столь же благополучно, на вечерѣ у той же баронессы, другая взятка, въ видѣ проигрыша, дается графу. Послѣ

всего этого Калиновичъ имѣетъ полное право сказать: „а мы съ вами, князь, ужаснѣйшіе мошенники!“. Князь совершенно съ этимъ согласенъ, удивляясь только наивности Калиновича: „...Все зло,—говоритъ онъ:— лежитъ въ вашемъ глупомъ университетскомъ воспитаніи, гдѣ набиваютъ голову всякаго рода великолѣпными, чувствительными идейками, которыя никогда и нигдѣ въ жизни неприложимы...“ Но, видно, университетское зло не очень глубоко въѣлось въ Калиновича. Чувствуя нравственное паденіе своего героя, авторъ старается указать на то, что многіе люди, способные его упрекнуть, въ сущности нисколько не лучше его. Слѣдуетъ большая лирико-сатирическая тирада, которая оканчивается словами: „...А васъ, старцы, любящіе только геросвъ добродѣтельныхъ, я не беру въ присяжные: вонъ изъ судилища! Вся жизнь ваша была занятнана еще худшимъ! Всѣ ваши мечты были направлены на пріобрѣтеніе, какимъ бы то ни было путемъ, благоустроенныхъ имѣній, каменныхъ домовъ и очаровательныхъ дачъ. Вы и теперь о томъ только молите Бога, чтобы для дѣтей вашихъ вышла такая же линія!“ Авторъ, очевидно, хочетъ этимъ сказать, что дрянность Калиновича есть общественная наша дрянность. Публика, повидимому, поняла это: Гоголь уже пріучилъ ее къ пословицѣ: „на зеркало нечего пенять...“ Она отнеслась къ роману съ полнѣйшимъ сочувствіемъ; критика отозвалась о немъ по большей части съ тѣмъ же сочувствіемъ“.

Дѣйствительно, романъ „Тысяча душъ“ при своемъ появленіи былъ привѣтствованъ всѣми лучшими органами печати, за исключеніемъ только „Русской Бесѣды“ и „Современника“, съ восторгомъ. „Новый замѣчательный романъ г. Писемскаго,—писалъ Анненковъ:—не есть собственно, какъ знаютъ теперь, вѣроятно, всѣ русскіе читатели,— исторія душъ одной небольшой части нашего православнаго міра, столь хорошо извѣстнаго автору, а исторія ложнаго исправителя нравовъ и гражданскихъ злоупотребленій нашихъ, поддѣльнаго государственнаго человѣка, г. Калиновича. Авторъ превосходныхъ разсказовъ изъ народной и провинціальной нашей жизни покинулъ на время обычную почву своей дѣятельности, перенесся въ кругъ высшаго петербургскаго чиновничества, и съ своимъ неизмѣннымъ талантомъ воспроизведенія лицъ, крупныхъ оригинальныхъ характеровъ и явленій жизни попробовалъ кисть на сложномъ психическомъ анализѣ, на изображеніи тѣхъ искусственныхъ, темныхъ и противоположныхъ элементовъ, изъ которыхъ требованіями времени и обстоятельствъ вызываются люди, подобные Калиновичу. Авторъ не измѣнилъ своей манерѣ при томъ: отличительное качество его таланта—выражать мысль свою посредствомъ *дѣла*—и одного дѣла, не прибѣгать къ помощи описанія характеровъ, а прямо возлагать на точное изображеніе ихъ всѣ свои авторскія надежды, выдавая публикѣ цѣликомъ образы и фигуры, безъ всякаго косвеннаго ходатайства или хитрой рекомендаціи,—всѣ эти качества

въ большей части случаевъ остались за нимъ и теперь. Разница только въ томъ, что по самой глубинѣ, разнообразію, *смѣшанному* свойству побужденій, одушевляющихъ новый міръ, куда вступилъ авторъ, природныя качества его таланта уже не могли дѣйствовать съ той свободой, полнотой и увѣренностью въ себѣ, какими отличались прежде. Въ большей мѣрѣ, чѣмъ при какомъ-либо созданіи изъ простой, цѣльной (хотя бы и грубой) жизни, тутъ требовались выборъ, долгія соображенія, мучительная работа отысканія вѣрной и выразительной ноты для главнаго пѣвца, къ которой способенъ бы былъ пристроиться и весь хоръ остальныхъ голосовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой задачи, имъ себѣ заданной, и новый романъ, можетъ-статься, болѣе всѣхъ прежнихъ произведеній его свидѣтельствуетъ о силѣ его таланта, одолѣвающей при случаѣ весьма значительныя препятствія... Съ благодарностью за характеръ Калиновича, за множество живыхъ, превосходныхъ сценъ и подробностей, а еще болѣе за то количество мыслей, которое возбуждаетъ романъ какъ своимъ содержаніемъ, такъ и самой постройкой своей, покидаемъ мы нашего автора. Еще полные отрадныхъ впечатлѣній, мы осмѣливаемся однакожъ выразить желаніе, чтобъ за огромнымъ, вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ романа, авторъ не забылъ другого вида своей дѣятельности, тѣхъ простыхъ разсказовъ, гдѣ многообразная жизнь нашего народа, съ ея свѣжими, оригинальными, симпатическими явленіями, выступаетъ рядомъ художественныхъ, непогрѣшительныхъ картинъ, надолго привязывающихъ къ себѣ фантазію, чувство и воспоминаніе читателя. Сфера Калиновичей душна и туманна, но сфера, въ которой движутся люди безподобнаго „Питерщика“, „Старой барыни“ и проч., всегда будетъ производить обаятельное дѣйствіе. Она тепла и отрадна, какъ домашній очагъ, гдѣ мы свободно можемъ любить всѣхъ безъ различія, даже и погибшихъ членовъ семьи, случайно отдѣленныхъ отъ нея порокомъ или заблужденіемъ“.

Еще приведемъ нѣсколько словъ о „Тысячѣ душъ“ изъ статьи Писарева, помѣщенной имъ въ „Русскомъ Словѣ“, подъ названіемъ: „О Писемскомъ, Тургеневѣ и Гончаровѣ“. „О такомъ романѣ, — читаемъ мы здѣсь: — какъ „Тысяча душъ“, нельзя говорить вскользь и между прочимъ. По обилію и разнообразію явленій, схваченныхъ въ этомъ романѣ, онъ стоитъ положительно выше всѣхъ произведеній нашей новѣйшей литературы. Характеръ Калиновича задуманъ такъ глубоко, развитіе этого характера находится въ такой тѣсной связи со всѣми важнѣйшими сторонами и особенностями нашей жизни, что о романѣ „Тысяча душъ“ можно написать десять критическихъ статей, не исчерпавши вполнѣ его содержанія и внутренняго смысла“.

VI.

Разсказы изъ народнаго быта. — Драма «Горькая судьбина». Разрывъ Писемскаго съ петербургскими связями и переселеніе его въ Москву. — Романъ «Взбаламученное море».

За романомъ „Тысяча душъ“ появилось другое замѣчательное произведеніе Писемскаго, которое многіе ставятъ выше всего написаннаго Алексѣемъ Ѳеофилактовичемъ, — знаменитая драма „Горькая судьбина“ — единственная, по словамъ П. Н. Полевого, вполнѣ удачная драма изъ простонароднаго быта, изъ всѣхъ, какія до сихъ поръ являлись на русской сценѣ.

Но здѣсь мы сдѣлаемъ маленькое отступленіе отъ хронологическаго порядка и скажемъ нѣсколько словъ вообще о произведеніяхъ Писемскаго изъ народнаго быта, каковы: „Плотничья артель“, „Питерщикъ“, „Лѣшій“ и „Батька“. Поименованные разсказы, точно такъ же, какъ, напримѣръ, драматическій случай „Ветеранъ и новобранецъ“, вызванный событіями 1854 г., представляютъ собою дань, которую Алексѣй Ѳеофилактовичъ, вмѣстѣ съ другими писателями, заплатилъ своему времени. Рѣдко кто изъ писателей того времени не появлялся въ печати съ очерками, разсказами и повѣстями изъ быта крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ. И въ этой области своего творчества Писемскій является такимъ же великимъ мастеромъ, какъ и въ большинствѣ остальныхъ.

Мы уже приводили въ началѣ нашего очерка слова проф. Кирпичникова о томъ, что „въ умѣньи изображать великорусскаго мужика положительно въ то время не было ему (Писемскому) равнаго“. Конечно, народъ у Писемскаго выставленъ съ тѣмъ же избыткомъ натурализма, какъ и все другое въ его произведеніяхъ. Такъ, въ „Плотничьей артели“, о которой мы выше замѣтили, какъ о замѣчательномъ разсказѣ, имѣвшемъ громадный успѣхъ, Писемскій показываетъ намъ, до какой степени извращеннымъ бываетъ даже такое превосходное бытовое учрежденіе, какъ эта *артель*. Тутъ все прибираетъ къ своимъ рукамъ хищный „кулакъ“ Пузичъ, хотя, впрочемъ, на него оказываетъ нѣсколько умѣряющее вліяніе умный и дѣловитый Петръ, который вполнѣ сознаётъ себя силою и относится даже къ барину безъ того униженнаго подобострастія, которое удавалось иногда сохранять русскому крестьянину и въ крѣпостное время.

Въ разсказѣ „Питерщикъ“ Писемскій выводитъ личность, которая неудержимо стремится въ Петербургъ, гдѣ ей повезло. Среда, изъ которой выхвачена эта личность—промышленное, смѣтливое, находчивое крестьянское населеніе Костромской губерніи. „Впрочемъ, — говоритъ О. Ѳ. Миллеръ: — питерщику повезло въ Петербургѣ только въ первый разъ; во второй ему уже не повезло, но въ совершенно особомъ смыслѣ: онъ не избѣгъ развращающаго вліянія столичной широкой жизни, хотя

и этого бы съ нимъ не случилось, если бы не особыя домашнія обстоятельства. Счастливый въ своемъ первомъ бракѣ, въ который онъ вступилъ по любви, питерщикъ является во второмъ жертвою приказа отца; вотъ онъ съ горя и ѣдетъ опять въ столицу, гдѣ спускаетъ рѣшительно все въ развеселомъ житьѣ; но здоровая натура беретъ опять верхъ, и онъ трудомъ наживаетъ себѣ новое состояніе. Такимъ образомъ Писемскій въ этомъ типѣ умѣлъ съ различныхъ сторонъ отнестись къ нашей простонародной средѣ, оставшись одинаково далекимъ отъ ложной идеализаціи и отъ крайняго сгущенія мрачныхъ красокъ...“

Разбирая подробно разсказы „Питерщикъ“ и „Лѣшій“, П. В. Анненковъ предпосылаетъ своей статьѣ слѣдующую общую характеристику творчества Писемскаго въ области изъ народной жизни: „Два разсказа Писемскаго,—говоритъ Анненковъ:—„Питерщикъ“ и „Лѣшій“, мы можемъ назвать двумя семейными драмами изъ простого быта. Оставляя роману оптическій обманъ перспективы, такъ необходимый ему, эпизоды и пристройки, составляющіе важную часть обольщенія, которое онъ производитъ на глазъ читателя, г. Писемскій ограничился простыми очерками, какъ онъ называетъ свои разсказы, скромной, одночленной постройкой. По нашему мнѣнію, онъ показалъ этимъ вѣрность эстетическаго чувства своего, потому что народная драма дѣйствительно должна сосредоточиваться въ полусвѣтѣ простого жилища, доступнаго не всякому глазу. Если она пышно выносится на свѣтъ, передъ всѣми, если роскошно зацвѣтаетъ на удивленіе каждому зрителю, то уже можно почти навѣрное сказать, что для нѣжнаго растенія этого употреблены искусственныя средства, какъ, говорятъ, употребляется электричество, чтобъ возбудить ростъ и производительность нѣкоторыхъ фруктовыхъ деревьевъ. Вспомнимъ, что всякое глубокое чувство въ народѣ неговорливо и стремится скорѣе внутрь, въ темную глубь души, чѣмъ наверхъ, къ свѣту, къ похвальбѣ самимъ собою или къ заявленію самого себя. Въ нѣдрахъ человѣческаго сердца и должно его отыскивать. Отсюда необходимость для народной драмы самой простой обстановки, чтобъ дать возможность писателю собрать все свое вниманіе на одномъ, много—на двухъ лицахъ. Это ему особенно необходимо, если вспомнимъ, какъ легко опознаться и принять собственныя свои предположенія за дѣйствительныя чувства выводимыхъ лицъ. Простота созданія въ разсказахъ г. Писемскаго доказываетъ, что онъ, какъ опытный писатель и какъ художникъ, знающій предметъ свой, понялъ всѣ эти требованія. Оттого и разсказы г. Писемскаго имѣютъ *задушевный* характеръ, смѣемъ такъ выразиться, отличающій ихъ отъ другихъ произведеній изъ народнаго быта. Драма лежитъ въ естественныхъ своихъ границахъ, и оттого чувство, одушевляющее ея героевъ, кажется вѣрнѣе и истиннѣе. Разсказы г. Писемскаго исполнены жизненной теплоты, и онъ блистательно опровергъ ими упрекъ въ холодной наблюдательности, въ равнодушіи къ своимъ лицамъ, или, лучше, въ неприличномъ благо-

воленіи ко всѣмъ имъ безразлично, какой часто дѣлали ему за другія, болѣе молодыя его произведенія".

Въ разсказѣ „Батька" Писе́мскій выставилъ исключительно мрачную сторону жизни изъ семейныхъ нравовъ нашего простонародья. Отъ этого разсказа получается ужасающее впечатлѣніе.

Приведемъ теперь мнѣніе критики о драмѣ „Горькая судьбина". Общій критическій взглядъ А. И. Кирпичникова на эту драму таковъ: „Горькая судьбина", — говоритъ онъ: — вмѣстѣ съ „Записками охотника" — самый сильный протестъ противъ крѣпостного права; тѣмъ сильнѣе этотъ протестъ, что авторъ вовсе не задавался мыслью протестовать, а только старался остаться вѣрнымъ дѣйствительности. Только тенденціозное невѣжество могло думать, что образованные представители правящаго класса въ Россіи были когда-нибудь довольны варварствомъ крѣпостныхъ порядковъ. Слезы императрицы Екатерины въ спорѣ съ Сумароковымъ — очень краснорѣчивое доказательство того, какъ тяжело было покоряться этой горькой необходимости. Суровыя мѣры противъ потрясателей этой „основы" объясняются именно сознаніемъ ея непригодности и антипатичности въ принципѣ: извѣстно, что люди больше всего раздражаются тогда, когда ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ, ими вполнѣ и съ болью сердца сознаваемомъ. Не рѣшаясь устранить вѣковое зло, правительство возлагало всѣ надежды на русское благодушіе, обусловленное отсутствіемъ побѣдителей и побѣжденныхъ, на частныя ограничивающія и сдерживающія мѣры, а главное, на образованіе дворянства, на распространеніе среди него гуманныхъ идей посредствомъ институтовъ, гимназій, университетовъ; ближайшая цѣль, повидимому, достигалась. Отошло въ вѣчность поколѣніе екатерининскихъ дворянъ, культурныхъ только по внѣшности, а на дѣлѣ безсовѣстно пользовавшихся своими противоестественными правами. Сходятъ со сцены и дворяне-абсентеисты александровской эпохи, смотрѣвшіе на мужика, какъ на доходную статью. Выступаетъ новое поколѣніе, образованное, гуманное, проникнутое сознаніемъ своего долга по отношенію къ крестьянамъ. Представьте себѣ, что встала бы изъ гроба Екатерина II съ своими либеральными совѣтниками и увидала бы, какъ Чеглоковы-Соковины, окончивъ курсъ наукъ въ университетахъ, разъѣзжаются по своимъ деревнямъ; да она заплакала бы на этотъ разъ уже отъ радости за счастье Россіи. Такіе помѣщики, проживая безвыѣздно въ деревняхъ, будутъ совѣтниками, помощниками, естественными защитниками своихъ крестьянъ, которые подъ ихъ разумнымъ управленіемъ будутъ умнѣть и богатѣть не по днямъ, а по часамъ; помѣщики настроятъ школъ, больницъ, банковъ и пр., и Россія, разбитая на массу мелкихъ общинъ, руководимыхъ просвѣщенными землевладѣльцами, процвѣтаетъ на зависть всѣмъ сосѣдямъ. Все это было бы возможно, если бъ въ основѣ отношеній не лежало вѣковое проклятіе, именуемое крѣпостнымъ правомъ. А какіе

результаты получаются при этомъ условіи — отвѣтъ даетъ драма Писемскаго.

„Я уже говорилъ, что Писемскій дѣлается неузнаваемъ, когда переходитъ изъ барскаго, городского общества въ деревенское, мужицкое: изъ пессимиста и циника становится идеалистомъ. Въ „Горькой судьбинѣ“ всѣ главныя дѣйствующія лица — прекрасные люди. Лучше всѣхъ, конечно, Ананій: умный, работящій, идеально честный, богатырь по силѣ характера, онъ въ то же время довѣрчивъ и добръ, какъ ребенокъ; онъ такъ далекъ отъ всякой мысли о преступленіи, что и послѣ ужасной бѣды, которая стряслась надъ нимъ, прежде всего идетъ совѣтоваться къ священнику. Жена его Лизавета — кроткое, доброе, любящее созданіе, изъ тѣхъ не особенно умныхъ и храбрыхъ, но беззавѣтно привязчивыхъ женщинъ, которыя бываютъ идеальными женами именно при сильныхъ мужьяхъ. Хорошая и справедливая женщина и ея мать; большинство мужиковъ — хорошіе и честные люди. А лучше и справедливѣй всѣхъ самъ гуманный баринъ, который горячо и искренно защищаетъ своего соперника-мужика передъ Золотиловымъ. Что же вышло изъ этого сожительства столькихъ прекрасныхъ людей? Добрый и умный баринъ допивается съ горя до чахотки; лучшій мужикъ его деревни идетъ подъ кнутъ и въ Сибирь съ грѣхомъ убійства на душѣ, а несчастная Лизавета остается на позоръ и поношеніе доплакивать свою жизнь. Правдоподобенъ ли такой сюжетъ? Безусловно правдоподобенъ. Начнёмъ съ того, что онъ не выдуманъ Писемскимъ, а взятъ имъ изъ жизни, изъ уголовнаго дѣла. Это, конечно, далеко не безспорное доказательство типичной, *художественной* правдивости, но и ея здѣсь даже больше, чѣмъ необходимо. Чеглоковъ вовсе не подготовленъ и не способенъ къ серьезной заботѣ о хозяйствѣ и о судьбѣ своихъ мужиковъ; но именно въ силу своей гуманности и своихъ либеральныхъ убѣжденій онъ можетъ, а въ силу своей молодости и недовольства обществомъ помѣщиковъ долженъ увлечься красивой и симпатичной крестьянкой. Лизавета не лжетъ барину, когда говоритъ, что еще дѣвушкой заглядывалась на него; но не лжетъ и мужу, когда оправдываетъ свою измѣну насиліемъ и угрозами; въ ней настолько сильно чувство долга, что безъ посторонняго давленія она легко совладала бы съ капризомъ своего сердца. Чеглоковъ, конечно, неспособенъ къ насилію; но тутъ есть бурмистръ, который привыкъ и умѣетъ „служить господамъ“ и исполнять ихъ желанія даже раньше, чѣмъ они ихъ выскажутъ. Но и бурмистръ по натурѣ своей вовсе не злодѣй, не Маринелли изъ „Эмиліи Галотти“, а только продуктъ крѣпостного права. Такова завязка; что въ такой же степени правдоподобенъ весь ходъ драмы, доказывается ея огромнымъ успѣхомъ на сценѣ...

„Въ общемъ „Горькая судьбина“ оставляетъ сильное, стройное и необыкновенно законченное впечатлѣніе, въ особенности благодаря финальной сценѣ появленія Ананія съ повинной и его прощанія съ женой

и со всею деревней. Зрителю безусловно ясно будущее всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: умретъ добрый и умный баринъ послѣ надѣланныхъ имъ мерзостей и глупостей; заключютъ сосѣдки Лизавету за ея грѣхъ, замучитъ ее новый баринъ, какъ виновницу смерти своего брата. Не пропадетъ только одинъ Ананій, несмотря на кнутъ и каторгу. Искупивъ свой грѣхъ страданіемъ, онъ и въ „мертвомъ домѣ“ будетъ живымъ и хорошимъ человѣкомъ, однимъ изъ тѣхъ хорошихъ людей, изученіе которыхъ излѣчило Достоевскаго отъ его ипохондріи и вселило въ него несокрушимую вѣру въ русскій народъ...“

По словамъ О. Ѳ. Миллера, „Горькая судьбина“ слишкомъ капитальное, нестарѣющее произведеніе, одно изъ украшеній русской сцены и едва ли не самое глубокое изъ всѣхъ вообще произведеній Писемскаго. „Да, именно *глубокое*, такъ какъ авторъ тутъ вдумчивѣе, чѣмъ когда-либо, заглянулъ въ народную душу и выставилъ намъ ее, при всемъ своемъ реализмѣ, и съ идеальной ея стороны, но выставилъ просто, правдиво, жизненно. Драма озаглавлена „Горькая судьбина“ — съ явнымъ, повидимому, намекомъ на роковую силу обстоятельствъ, вытекающихъ изъ условій быта. Но развязка драмы свидѣтельствуетъ о томъ, что, по народному взгляду, никакими роковыми обстоятельствами не снимается съ человѣка отвѣтственность за его поступки. Въ этомъ смыслѣ драма представляется и глубоко-нравственною, несмотря на свою реалистическую откровенность, на то, что все называется въ ней своимъ именемъ. По глубинѣ психологическаго замысла—въ смыслѣ не только личной, но и народной психологіи —„Горькая судьбина“ рѣшительно выдается изъ ряда не однихъ драматическихъ, но и всѣхъ вообще произведеній Писемскаго. Почти вездѣ онъ только реалистъ; тутъ же съ реализмомъ связывается у него и тотъ особый идеализмъ освѣщенія фактовъ, который отмѣченъ иностранною критикою, какъ существенная принадлежность всѣхъ вообще выдающихся представителей *русскаго реализма*“.

Прибавимъ ко всему этому, что „Горькая судьбина“ удостоена уваровской преміи и была поставлена въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра въ 1863 году. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась одною изъ тѣхъ классическихъ пьесъ драматическаго репертуара, которыя никогда не сходятъ со сцены.

Къ апогейному времени литературной дѣятельности Писемскаго примыкаетъ еще замѣчательная повѣсть его „Старческій грѣхъ“. Этой повѣстью, по мнѣнію А. И. Кирпичникова, можетъ гордиться русская литература, какъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и цѣлостныхъ произведеній кануна освобожденія крестьянъ и великой эпохи преобразованій. „Я увѣренъ, — говоритъ онъ: — что черезъ 40—50 лѣтъ „Тысяча душъ“, „Горькая судьбина“ и „Старческій грѣхъ“ будутъ расходиться въ дешевыхъ изданіяхъ... А читая Писемскаго, наши внуки оправдаютъ и страшную ломку, которую вынесло общество, и поймутъ всѣ крайности и даже безобразія, которыя выплыли на свѣтъ при этой ломкѣ...“

Такое положеніе Алексѣй Ѳеофилактовичъ занималъ въ нашей литературѣ еще и въ 1860 году, а также и въ продолженіе почти всего 1861 года. Но въ концѣ этого года случилось обстоятельство, повредившее значительно Писемскому въ его успѣхахъ. Въ то время во всѣхъ журналахъ, по примѣру „Свистка“ и „Современника“, вошло въ моду помѣщать въ концѣ книжекъ сатирическіе фельетоны. Завела такой фельетонъ и „Библіотека для чтенія“, редакторомъ которой съ 1858 года былъ Писемскій. Между другими фельетонистами выступилъ въ своемъ журналѣ и самъ онъ въ концѣ 1861 года, подъ псевдонимомъ Никиты Безрылова, и первымъ фельетономъ своимъ, помѣщеннымъ въ декабрьской книжкѣ журнала, вызвалъ противъ себя бурю негодованія со стороны прогрессивной петербургской печати за насмѣшки надъ литературными вечерами и воскресными школами. Дѣло дошло даже до того, что вслѣдствіе второго фельетона Писемскаго, напечатаннаго въ январской книжкѣ „Библіотеки для чтенія“ за 1862 г., издатели „Искры“, Курочкинъ и Степановъ, послали Алексѣю Ѳеофилактовичу вызовъ на дуэль. Хотя дуэль и не состоялась, но вся эта прискорбная исторія произвела на Писемскаго такое потрясающее впечатлѣніе, что, по словамъ Анненкова, онъ впалъ въ то состояніе изнеможенія, какое находило на него при всякихъ крупныхъ неудачахъ жизни. Онъ отказался отъ редакціи „Библіотеки для чтенія“, прервалъ всѣ связи съ Петербургомъ, отказавшись въ то же время и отъ участія въ дѣлахъ Литературнаго фонда,—и со всей семьей переселился въ Москву. Тамъ онъ засѣлъ за большой романъ „Взбаламученное море“, который и напечаталъ въ 1863 г.

„Взбаламученное море“ изображаетъ жизнь Россіи въ 40-хъ годахъ, въ эпоху освобожденія крестьянъ и сейчасъ же послѣ нея. Въ приснопамятныя времена крѣпостного права, по „Взбаламученному морю“, въ Россіи все гадко и мерзко: чиновники всѣ поголовно взяточники; крупные баре — низкіе сластолюбцы, мелкіе — грубые невѣжды и дураки, лишенные всякаго чувства человѣческаго достоинства; женщины— или развратницы, или ханжи; мужики и дворовые—рабы угнетенные и звѣроподобные. Слабымъ-слабымъ свѣтомъ мерцаетъ что-то въ учащейся молодежи, въ студентахъ московскаго университета; они кое-чему учатся, кое-о-чемъ думаютъ и мечтаютъ, но ихъ протесты противъ гадкой дѣйствительности сводятся только къ бросанію дохлыхъ кошекъ нелюбимымъ танцовщицамъ и къ неуваженію родителей, и ихъ юныя силы уходятъ на пустую болтовню и зубреніе тетрадокъ къ экзаменамъ. Кончился послѣдній экзаменъ, и молодежь разбѣгается по обширной землѣ русской; бѣднота стремится получить мѣстечко, чтобы пьянствовать и грабить народъ; а юные помѣщики ѣдутъ въ деревню соблазнять крѣпостныхъ дѣвушекъ, или въ Петербургъ служить по протекціи. Близятся эпоха реформъ; для реформъ нужны люди, а гдѣ взять ихъ? Есть люди умные и ловкіе, какъ Никтополіоновъ, но они безчестные

христопродавцы; есть люди съ нѣкоторымъ образованіемъ и пониманіемъ добра, какъ Бакановъ, но они фразеры, лѣнтяи и жиды; а всѣ остальные и невѣжды и мошенники вмѣстѣ. Такимъ образомъ „благодѣтельная гласность“ переходитъ въ руки недоучившихся кадетъ, которые дѣлаютъ изъ нея шантажъ; освобожденіе крестьянъ только подаетъ поводъ къ созданію новыхъ формъ грабительства народа. Подпольныя изданія и разнузданная литература фантазируетъ недоучившуюся молодежь, и та идетъ бунтовать народъ, и лучшіе, самые смѣлые и правдивые представители ея попадаютъ на каторгу; остаются только негодяи и трусы. Заключаетъ Писемскій свой романъ словами: „Если здѣсь не отразилась вся Россія, то зато тщательно собрана вся ея ложь“.

Въ чемъ же сказался талантъ и трезвый умъ Писемскаго въ этомъ произведеніи? Конечно, въ художественной его части и именно въ изображеніи людей 40-хъ годовъ, которыхъ онъ хорошо зналъ и къ которымъ онъ самъ принадлежалъ. Лучше всѣхъ у него вышелъ самъ герой Бакановъ, жизнь и направленіе котораго Писемскій изображаетъ слѣдующими мѣткими словами: „Онъ праздно выросъ, недурно поучился, поступилъ по протекціи на службу, благородно и лѣниво послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами и больше мечталъ, какъ бы пошалить, порѣзвиться и попріятнѣй провести время. Онъ представитель того разряда людей, которые до 1855 г. замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ, читать потихоньку „Колоколъ“. Внутри, въ душѣ у этихъ господъ нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія, но зато натираться чѣмъ угодно снаружи — величайшая способность“. Бакановъ, правда, набросанъ слишкомъ широкими мазками, не отдѣланъ, не вырисованъ; но онъ все-таки же типъ и живой человѣкъ, живой въ своей избалованности и самодовольствѣ, въ своихъ юношескихъ увлеченіяхъ, въ благородныхъ порывахъ и часто безчестныхъ дѣйствіяхъ, живой въ искренности и недолговѣчности своихъ мученій совѣсти, въ своихъ вспышкахъ энергіи и въ своей полнѣйшей безхарактерности. Нельзя уважать такого человѣка, нельзя вѣрить словамъ его и обѣщаніямъ, и въ его раздорѣ съ женой, конечно, всякій станетъ на ея сторону, но никто и не удивится, если впослѣдствіи дѣти будутъ больше любить своего безпутнаго и слабаго отца, чѣмъ всегда правдивую и строгую къ себѣ мать.

Живой человѣкъ и несчастная героиня романа, кончающая свою карьеру въ парижской долговой тюрьмѣ, Софи Ленева, въ изображеніи физической красоты которой Писемскій достигаетъ гомеровскаго эффекта: онъ не говоритъ ни объ одной чертѣ ея, кромѣ толстой черной косы, но онъ такъ живо рисуетъ ея чарующее дѣйствіе на всѣхъ мужчинъ, умныхъ и глупыхъ, молодыхъ и старцевъ, государственныхъ людей и писателей, откупщиковъ и офицеровъ, что читатель не можетъ не понять,

какое это „прелестное Божье созданіе“. И это прелестное Божье созданіе въ 17 лѣтъ добровольно выходитъ замужъ за богатаго старика, который ей противенъ; въ 26 л. продается откупщику, а потомъ мѣняетъ своихъ возлюбленныхъ, какъ перчатки, и даже одновременно ведетъ нѣсколько интригъ. Что же? Отъ природы ли она такая развратница, или внѣшнія условія ея жизни такъ страшно тяжелы, что толкаютъ ее въ этотъ омутъ? Ни то ни другое. Въ 17 лѣтъ она только дурно воспитанная и избалованная дѣвочка, слишкомъ высоко цѣнящая богатство, какъ, впрочемъ, и всѣ вокругъ нея. Она вовсе не считаетъ себя обязанною говорить всегда правду, а вывернуться ловкой ложью считаетъ даже достоинствомъ; но это потому, что и въ домѣ и въ пансіонѣ, гдѣ ее ничему не обучали, кромѣ французской болтовни, всѣ вокругъ нея лгали, кто какъ умѣлъ. Она не прочь пококетничать съ кѣмъ угодно, но только потому, что легкое кокетство для всякой хорошенькой дѣвушки считается обязательнымъ; это ея естественное орудіе для успѣха въ жизненной борьбѣ. У нея нѣтъ никакихъ нравственныхъ правилъ, но потому, что ей никто не внушалъ ничего. У нея есть только инстинктивное пониманіе добра и зла; но этотъ инстинктъ остается неразвитымъ всю жизнь; она болѣе всего любитъ свои удобства, роскошь, всеобщее поклоненіе, и у нея нѣтъ силы противиться внѣшнимъ толчкамъ.

Въ объятія старика Ленева ее толкаетъ провинціальное общество и флигель-адъютантъ, который поухаживалъ за ней ровно настолько, чтобы возбудить въ ней надежды, и потомъ равнодушно ушелъ отъ нея изъ страха за свою карьеру. Въ объятія откупщика толкаетъ ее Баклановъ, который на основаніи провинціальныхъ сплетенъ устраиваетъ ей возмутительную грубую сцену и безжалостно покидаетъ ее въ самую ужасную для нея минуту. Черезъ нѣсколько лѣтъ она мечтаетъ возродиться къ новой жизни, сойдясь съ тѣмъ же Баклановымъ; но онъ женатъ, отецъ семейства, а главное, ужасно безхарактеренъ, и изъ его слабыхъ и холодныхъ объятій она, пользуясь своей свободой, бросается, что называется, „во всѣ тяжкія“. Кто броситъ камень въ эту невмѣняемую женщину? Конечно, прежде всего то общество, которое проводило такіе пріятные вечера въ ея гостиной, убранной на деньги откупщика, и склонялось передъ нею даже на генералъ-губернаторскихъ балахъ...

Для историка литературы—а къ „Взбаламученному морю“ уже можно отнестись съ исторической объективностью — драгоцѣнна всякая черта сходства въ изображеніи русскаго культурнаго человѣка двумя романистами съ такимъ несходнымъ міросозерцаніемъ, какъ Достоевскій и Писемскій. Ничего подобнаго Бакланову и Софи Леневой мы, конечно, не встрѣчаемъ и не можемъ встрѣтить у Достоевскаго; онъ не знаетъ такихъ людей да и знать не хочетъ. Но у этихъ эгоистическихъ, легкомысленныхъ и безпутныхъ субъектовъ есть одна черта, — и черта не второстепенная,—которая роднитъ ихъ съ героями Достоевскаго, это—

русское благодушіе, готовность поступиться своимъ интересомъ, чтобы не нанести другому явнаго и существеннаго вреда. До чего Софи Ленева любитъ деньги! За нихъ отдаетъ она и свою свободу, и честь, и свое столь нѣжно любимое прекрасное тѣло. И все-таки, когда говорятъ ей, что на крестьянъ, отказавшихся признать ея право наслѣдства, идетъ „команда“, она падаетъ къ ногамъ Бакланова и кричитъ:—„Не надо, не надо! Я отъ всего лучше отступлюсь!“ А замѣтьте, что эти самые крестьяне только вчера разобидѣли ее и разозлили до того, что она готова была вцѣпиться своими холеными ручками въ бороду старосты. И замѣтьте, что Баклановъ, обладающій, какъ мужчина, болѣе крѣпкими нервами, вполнѣ понимаетъ ее и ссылается только на посредника, который уже не *можетъ* отступиться. Очевидно, Баклановъ и самъ на ея мѣстѣ поступилъ бы такъ же, хотя и онъ такъ же мало, какъ Софи, умѣетъ жить безъ денегъ. Не такъ дѣйствовалъ бы деликатный и краснѣющій, какъ дѣвица, лордъ Плумбокъ, если бъ кто-нибудь осмѣлился задѣть его имущественныя права. Софи Ленева, жрица свободной любви, противополагается въ романѣ женѣ Бакланова Евпраксіи, женщинѣ долга и семейнаго очага. Въ ней Писемскій попытался создать идеалъ русской женщины, но, какъ реалистъ, положилъ въ основу этого идеала живое лицо (свою жену, какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ, женщину, дѣйствительно, рѣдкихъ достоинствъ, по отзывамъ всѣхъ ее знавшихъ)... Устами этой-то Евпраксіи Писемскій высказываетъ очень трезвую и въ то же время глубоко-гуманную мысль, мысль, которую позднѣй съ такой настойчивостью въ длинномъ рядѣ образовъ проводилъ Достоевскій, ею и помирившій съ собою молодое поколѣніе...

VII.

Московскій періодъ жизни Писемскаго и его произведенія этого періода.

По переѣздѣ въ Москву въ 1863 году, Алексѣй Ѳеофилактовичъ прежде всего окончилъ слѣдующее за „Взбаламученнымъ моремъ“ произведеніе — „Русскіе лгуны“, представляющее собою коллекцію живыхъ и яркихъ типовъ русскаго захолустнаго житья, гдѣ отсутствіе сколько-нибудь серьезныхъ интересовъ и потребность хоть чѣмъ-нибудь развлечь невыносимую скуку доводятъ людей до легендарнаго вранья. „Лгуны Писемскаго замѣчательны тѣмъ,—говоритъ С. А. Венгеровъ:—что они лгутъ совершенно безъ всякой надобности и безъ всякой корыстной цѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ азартомъ, что положительно нѣтъ возможности приписать эту страсть индивидуальной природѣ каждаго изъ лгуновъ. Право, тутъ есть какія-то стихійныя причины, лежащія въ условіяхъ русской жизни...“

На первыхъ порахъ, поселившись въ Москвѣ, Писемскій примкнулъ къ редакціи „Русскаго Вѣстника“, въ качествѣ завѣдующаго беллетристиче-

скимъ отдѣломъ. Затѣмъ, въ 1866 году, по протекціи тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, онъ поступилъ въ совѣтники московскаго губернскаго правленія. Несмотря на то, что послѣ „Взбаламученнаго моря“ и „Русскихъ лгуновъ“ критика стала относиться къ Писемскому все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ негодованіемъ, онъ въ это именно время началъ пожинать плоды своихъ литературныхъ трудовъ. Литературный трудъ его теперь оплачивался очень дорого, по 250 руб. за листъ, такъ что за свои романы ему приходилось получать довольно крупные куши, тысячъ въ десять или двѣнадцать. Напримѣръ, за небольшую комедію „Финансовый геній“ „Газета Гатцука“ заплатила ему тысячу рублей. При такихъ условіяхъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ въ нѣсколько лѣтъ настолько обезпечилъ себя матеріально, что въ 1873 году совсѣмъ оставилъ службу, а участіе его въ редакціи „Русскаго Вѣстника“ прекратилось гораздо раньше. Уже къ концу шестидесятыхъ годовъ Писемскій пріобрѣлъ въ Москвѣ, въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ, на Поварской улицѣ, клочокъ земли, обстроилъ его чистыми наемными помѣщеніями, подъ собственнымъ наблюденіемъ, и съ замѣчательнымъ расчетомъ пространства и воздуха отвелъ себѣ на дворѣ особый флигель съ садикомъ, очень тщательно отдѣлавъ его для спокойной трудовой жизни. Такимъ образомъ, со стороны матеріальнаго обезпеченія, Писемскій достигъ наконецъ того, чего добивался всю жизнь.

Теперь бы, казалось, ничто не препятствовало Алексѣю Ѳеофилактовичу мирно и счастливо доживать въ своей семьѣ остатокъ своей жизни. Однако этотъ періодъ былъ самымъ мрачнымъ и тяжелымъ во всей жизни Писемскаго; подъ внѣшнимъ видомъ благосостоянія сердце его таило въ себѣ много горя, душевныя страданія уже не покидали его до самой смерти, отражаясь отчасти и на достоинствахъ написанныхъ послѣ 1864 года произведеній. Хотя между этими произведеніями есть вещи выдающіяся, крупныя, высокое достоинство которыхъ вынуждена была признавать даже враждебно относившаяся къ Писемскому критика, но все же ни одно изъ нихъ не достигло той высоты и того значенія, какихъ достигали романы, очерки и драмы Писемскаго въ лучшую пору его дѣятельности—въ концѣ 50-хъ годовъ. Алексѣй Ѳеофилактовичъ сознавалъ это самъ и неоднократно жаловался на „усталость“. „Истомился, шестьдесятъ листовъ вѣдь написалъ, — говорилъ онъ В. Г. Авсѣенкѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, по окончаніи романа „Люди сороковыхъ годовъ“, сильно усталый, больной и отчасти недовольный собою:— вѣдь я, шутка сказать, уже восемьсотъ лицъ вывелъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ...“

Когда Тургеневъ, прочитавъ „Мѣщанъ“, написалъ Писемскому: „Чтеніе „Мѣщанъ“ доставило мнѣ много удовольствія, хотя, конечно, поставить этотъ романъ на одну высоту съ „Тысячью душъ“, „Взбаламученнымъ моремъ“ и другими вашими крупными вещами нельзя; но вы сохранили ту силу, жизненность и правдивость, которыя особенно

свойственны вамъ и составляютъ вашу литературную физіономію. Виденъ мастеръ, хотя и нѣсколько усталый, думая о которомъ, все еще хочется повторить: „Вы, нынѣшніе, нутка!“.—Писемскій отвѣчалъ ему на это: „Касательно романа вы совершенно справедливо сказали: я дѣйствительно усталъ писать, а еще болѣе этого жить, тѣмъ болѣе, что хоть, конечно, старость не радость для всѣхъ, но у меня она особенно уже нехороша и исполнена такихъ мрачныхъ страданій, какихъ не желалъ бы я и злѣйшему врагу своему“.

Враждебное отношеніе критики и нѣкоторой части публики тѣмъ болѣе должно было раздражать впечатлительнаго автора „Тысячи душъ“, что оно относилось не столько къ его литературному таланту, сколько къ его воззрѣніямъ на то, что совершалось въ Россіи въ началѣ 60-хъ годовъ,—воззрѣніямъ, которыя онъ, по своему обыкновенію, высказывалъ смѣло и открыто, облекая ихъ въ живые и сильные образы своихъ художественныхъ произведеній. Онъ не могъ въ угоду „новымъ вкусамъ“ и „модными идейкамъ“ измѣнить свой прочно установившійся взглядъ, хотя онъ—какъ удостовѣряетъ П. Д. Боборыкинъ—напередъ зналъ, что его „предадутъ проклятію въ тогдашней передовой журналистикѣ“.

При такихъ условіяхъ, и безъ того уже расположенный къ хандрѣ и мнительности, Писемскій съ каждымъ годомъ становился мрачнѣе. „Я окончательно дѣлаюсь мученикомъ моей хандры“,—писалъ онъ Анненкову въ августѣ 1875 г. „Ипохондрическое настроеніе,—жалуется онъ въ началѣ 1871 г. г-жѣ Бларамбергъ *): — владѣетъ мною вполнѣ: ко всякой умственной работѣ полнѣйшее отвращеніе, къ письменному столу подойти нѣтъ силъ“. „Физически я здоровъ,—сообщаетъ онъ около того же времени Тургеневу:—но никакъ нельзя этого сказать про мою умственную и нравственную сторону: ипохондрія мучитъ меня невыносимѣйшимъ образомъ. Не только что не могу писать, но даже отъ всякаго, хоть сколько-нибудь умственнаго занятія чувствую полнѣйшее отвращеніе, такъ что написать настоящее письмо для меня уже сильный трудъ, который одолѣть я могъ не ранѣе, какъ въ три дня. Слава Богу, что все болѣе и болѣе раскрывающееся во мнѣ религіозное чувство еще даетъ нѣкоторое успокоеніе и подкрѣпленіе моей страдающей душѣ“

Въ мартѣ 1878 г. Писемскій снова жалуется Тургеневу: „Подъ какими тягостями и скорбями живемъ мы, и выразить не могу. Каждодневно и на каждомъ шагу только и приходится слышать: умеръ, умеръ, умеръ. Одинъ московскій университетъ потерялъ четырехъ профессоровъ. Актеры тоже мрутъ, и между прочимъ Шумскій, но зато процвѣтаютъ газетчики, всякаго рода подрядчики и поставщики, и контористы“. И далѣе Писемскій говоритъ о себѣ: „Мнѣ, по моему душевному настроенію,

*) Еленѣ Ивановнѣ, извѣстной беллетристкѣ, пишущей подъ псевдонимомъ *Ардовъ*. *Примѣч. ред.*

чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Упадокъ силъ у меня такой, что я едва совладѣлъ, чтобы написать это, кажись, недлинное письмецо".

Особенно же увеличилась хандра Писемскаго послѣ того, какъ надъ нимъ неожиданно разразилась страшная катастрофа. Любимый сынъ его, Николай, замѣчательный по уму и благородству характера, молодой человѣкъ, только-что блистательно кончившій университетскій курсъ и уѣхавшій въ Петербургъ, гдѣ у него было уже мѣсто и открывались большія надежды на будущее, внезапно покончилъ жизнь самоубійствомъ, причины котораго остались невыясненными. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ безпрерывной хандры, отъ природы здоровый, можно сказать, желѣзный организмъ Писемскаго съ каждымъ годомъ началъ все болѣе и болѣе хилѣть. Наступила преждевременная дряхлость. „Въ позднѣйшихъ нашихъ встрѣчахъ,— разсказываетъ Анненковъ: — я замѣчалъ годъ отъ году все бо́льшую перемѣну въ Писемскомъ. Онъ замѣтно отяжелѣлъ и осунулся, а красивое лицо, съ крупными умными чертами, его отличавшими, пріобрѣтало все болѣе и болѣе болѣзненное выраженіе. Онъ ничѣмъ не страдалъ, но жаловался на утрату силъ. Помню, что однажды онъ зашелъ ко мнѣ по дорогѣ къ мѣсту служенія, въ форменномъ своемъ вицмундирѣ, и на замѣчаніе, что привольная московская жизнь кончается обыкновенно протестомъ всего организма нашего, отвѣчалъ печально: „Это имѣетъ смыслъ по крайней мѣрѣ, а вотъ я, вставая утромъ съ постели, уже чувствую безъ всякаго повода усталость во всемъ существѣ". Не трудно было угадать, что первый серьезный недугъ или первое серьезное несчастье сломитъ этотъ организмъ, надорванный уже мыслью и постояннымъ безпокойнымъ состояніемъ духа, несмотря на внѣшній, крѣпкій составъ его, обманывавшій всѣхъ, кто видѣлъ Писемскаго".

Покинувъ службу, Писемскій ежегодно лѣтомъ отправлялся за границу для свиданія съ другимъ оставшимся сыномъ, который приготовлялся въ Гёттингенѣ, по порученію московскаго университета, къ занятію мѣста адъюнкта по каѳедрѣ права, равно и для поправленія здоровья. Два лѣта сряду (1874—1875) встрѣчалъ Писемскаго въ Баденѣ Анненковъ, и съ перваго же раза поразилъ его видъ разрушенія, произведеннаго въ Писемскомъ горемъ и временемъ. Писемскій, по словамъ Анненкова, походилъ на руину.

Какъ оазисы въ степи, выпали на долю Писемскаго въ эту эпоху его жизни нѣсколько такихъ свѣтлыхъ впечатлѣній, которыя на нѣкоторое время разсѣевали его сплинъ. Такое впечатлѣніе доставилъ Писемскому нѣмецкій переводъ „Тысячи душъ" д-ра Кайслера. Тургеневъ поспѣшилъ обрадовать Писемскаго по этому поводу слѣдующимъ письмомъ отъ 9 октября 1869 г.: „Передо мною на столѣ лежитъ нѣмецкій переводъ вашихъ „Тысячи душъ", изданный въ Берлинѣ, въ двухъ довольно изящныхъ томикахъ. Вѣроятно, это вамъ небезызвѣстно; но что̀, можетъ-быть, еще не дошло до васъ—это то, что вашъ романъ имѣетъ очень значитель-

ный успѣхъ въ Берлинѣ и вообще въ нѣмецкой публикѣ—и что, вѣроятно, дѣло на этомъ не остановится. Я заглянулъ въ переводъ: кажется, хорошо и вѣрно; переводчикъ (нѣкто д-ръ Кайслеръ) почелъ за нужное кое-что выкинуть, ну, да Богъ съ нимъ! Вотъ и вы шагнули черезъ границы своей родины, и Alexis Pisemsky станетъ именемъ знакомымъ европейскому уху". „Лучшій критикъ берлинскій Френцель, — читаемъ мы въ слѣдующемъ письмѣ: — въ № 501 „National Zeitung" посвятилъ вамъ цѣлую статью, гдѣ называетъ вашъ романъ — „рѣдкимъ явленіемъ", я вамъ говорю, вы теперь въ Германіи—извѣстность". Послѣ присылки Писемскому статьи Френцеля и 5 отрывковъ изъ разныхъ газетъ, расхваливавшихъ романъ Писемскаго, въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ Тургеневъ писалъ: „Успѣхъ вашихъ „Тысячи душъ" весьма поощряетъ Кайслера къ предпріятію перевода „Взбаламученное море". Душевно радуюсь всему этому, во-первыхъ, за васъ и, во-вторыхъ, за русскую литературу вообще. Стало-быть, въ насъ что-то есть, коли нѣмцы, вообще насъ недолюбливающіе и недовѣряющіе намъ, насъ переводятъ. Отзывы нѣмецкой критики о „Тысячѣ душъ" — всѣ безъ изъятія самые благопріятные; ваши лица находятъ достойными Диккенса, Теккерея и т. д." Но болѣе всего обрадовалъ Писемскаго тотъ фактъ, что Юліанъ Шмидтъ въ его „Zeitgenossensche Bilder" удостоилъ Писемскаго цѣлой статьи, на одномъ ряду съ первоклассными европейскими писателями. Подъ впечатлѣніемъ этой чести и по совѣту Тургенева, Писемскій, въ бытность свою въ Берлинѣ въ 1875 г., посѣтилъ Юліана Шмидта, чтобы лично поблагодарить его за лестный отзывъ. Немало радости должны были доставить Писемскому письма французскихъ и голландскихъ переводчиковъ съ просьбою разрѣшить переводъ его произведеній и наконецъ фактъ появленія французскаго перевода нѣсколькихъ его романовъ въ самыхъ распространенныхъ парижскихъ газетахъ.

VIII.

Юбилей А. Ѳ. Писемскаго.—Участіе его въ Пушкинскомъ праздникѣ.—Смерть писателя.

Радостными событіями уже самаго послѣдняго періода жизни Алексѣя Ѳеофилактовича явились двадцатипятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности и празднованіе открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, въ которомъ Писемскій принялъ дѣятельное участіе. Празднованіе юбилея происходило въ 1875 году. „Въ обществѣ любителей русской словесности,—сообщаетъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ Тургеневу:—какъ я ни отбояривался, какъ ни приводилъ тысячи резоновъ, однако положили въ нынѣшнемъ январѣ праздновать мой 25-лѣтній юбилей. Все это, разумѣется, на бѣдную, сѣдую голову, не чаявшую никакихъ себѣ чествованій, со стороны петербургской журналистики вызвало цѣлое

море брани и оскорбленій, но отказаться не было возможности, потому что это значило обидѣть". Но самое празднованіе прошло тепло и задушевно и не вызвало никакихъ дурныхъ отзывовъ въ петербургской журналистикѣ. Напротивъ, даже самый либеральный органъ того времени—„Голосъ" отозвался объ этомъ торжествѣ такимъ образомъ: „Въ то время, какъ я пишу эти строки, въ ушахъ моихъ еще раздается гулъ тѣхъ восторженныхъ рукоплесканій, которыя выпали сегодня на долю одного изъ представителей современной русской беллетристики, Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго. Засѣданіе Общества любителей россійской словесности, посвященное привѣтствію талантливаго писателя съ совершившимся двадцатипятилѣтіемъ его блестящей и многоплодной литературной дѣятельности, открылось въ началѣ второго часа пополудни въ университетской библіотекѣ. Число желавшихъ присутствовать на этомъ скромномъ, но многознаменательномъ торжествѣ было такъ велико, что, по выраженію С. А. Юрьева, если бъ можно было увеличить вдвое, втрое размѣры залы университетской библіотеки, то и тогда пришлось бы многимъ отказать въ выдачѣ входныхъ билетовъ".

Изъ юбилейныхъ рѣчей наиболѣе выдѣлялась рѣчь С. А. Юрьева. Темою онъ взялъ—показать связь между писателемъ и обществомъ и ихъ взаимныя отношенія. Вотъ краткое ея содержаніе. Жизнь общества выражается въ его литературѣ, представителемъ которой является писатель. Въ нашемъ народѣ родятся таланты, и они живутъ не безцѣльно: въ нихъ народъ воплощаетъ самого себя и видитъ свой образъ въ твореніяхъ своихъ избранниковъ, посредствомъ которыхъ доходитъ до самопознанія. То, что для народа будетъ *самопознаніемъ,* то для общества будетъ *сознаніемъ:* въ произведеніяхъ своихъ писателей оно видитъ себя и сознаётъ себя. Литература—это общественное богатство, передъ которымъ ничто всѣ другія сокровища міра: отнимите отъ общества литературу — и оно со всѣми его капиталами, желѣзными дорогами, чиновничьимъ тщеславіемъ и т. п. останется нищимъ: у него не будетъ самосознанія, этой высшей силы, этого блага разумнаго и человѣческаго существованія людей. Въ дорогой плеядѣ нашихъ писателей, способствовавшихъ общественному сознанію, стоитъ А. Ѳ. Писемскій. Въ его произведеніяхъ вообще и драматическихъ въ частности отразился духъ нашего времени, болѣзненные симптомы котораго заставляютъ содрогаться всякое благородное сердце. Съ одной стороны — это страшный недугъ, подобно злой эпидеміи, охватившій собою все наше общество—алчность къ наживѣ, деньгамъ и матеріальнымъ благамъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а съ другой — чудовищный упадокъ общественной нравственности, отрицаніе самыхъ священныхъ началъ человѣческой жизни и легкость частныхъ и общественныхъ отношеній. Краснорѣчивыми аргументами такой египетской проказы служатъ *Ваалъ* и *Подкопы.* Но писатель, помимо отрицательныхъ сторонъ, долженъ представить и положительныя стороны жизни, безъ

которыхъ произведенія его, какое бы высокое художественное значеніе они ни имѣли, будутъ лишены права на признаніе въ нихъ полнаго выраженія современной жизни: писатель долженъ показать идеалъ, который онъ носитъ въ своей душѣ. Какой же идеалъ у Писемскаго? Онъ изображаетъ только однѣ аномаліи, язвы и безобразія. Такъ. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что писатель не имѣетъ идеала. Чѣмъ яснѣе идеалъ у писателя, тѣмъ вѣсче выступаютъ всѣ противорѣчія и уклоненія, и тѣмъ настоятельнѣе и энергичнѣе является въ писателѣ преслѣдованіе тѣхъ противорѣчій; онъ освѣтитъ ихъ свѣтомъ своего идеала, и передъ нами еще ярче и безобразнѣе возстанутъ эти чудовища жизни.

Вторымъ и уже самымъ послѣднимъ радостнымъ событіемъ въ грустной жизни Алексѣя Ѳеофилактовича былъ пушкинскій праздникъ, на время разогнавшій его хандру. „Писемскій, конечно, горячо сочувствовалъ этому торжеству, — читаемъ мы въ „Странѣ“ 1881 г. № 13:— участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ „Общества любителей русской словесности“, былъ вообще въ духѣ и отпускалъ свои характерныя остроты. Такъ, по поводу сильныхъ хлопотъ, которыми были заняты распорядители пушкинскаго праздника, объ одномъ изъ этихъ распорядителей, дѣйствительно выбивавшемся просто изъ силъ, А. Ѳ. разсказывалъ: „Ю. (С. А. Юрьевъ) до того растерялся, что ему скажешь — здравствуй!—а онъ обругается; подашь ему руку, а онъ тебѣ подаетъ чортъ знаетъ что!“ Вообще, во время этихъ праздниковъ, Писемскій былъ очень оживленъ и остроуменъ, несмотря на то, что передъ ними онъ былъ боленъ. Но это было уже послѣднее его оживленіе“.

Еще за мѣсяцъ до открытія памятника Алексѣй Ѳеофилактовичъ писалъ Дерели: „Къ великому огорченію моему, я, по моимъ недугамъ, не могу принять особенно энергическое участіе, въ смыслѣ внѣшнихъ распоряженій по торжеству, но, во всякомъ случаѣ, приду на него съ сердцемъ, исполненнымъ радости, и съ благоговѣніемъ преклонюсь передъ статуей моего великаго учителя, произведеніями котораго я еще съ четырнадцатилѣтняго возраста питался, какъ манной небесной“. Чѣмъ дальше, тѣмъ это восторженное настроеніе все больше росло. „Собственно я, — пишетъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ г-жѣ Бларамберг: — лично весь поглощенъ предстоящимъ празднованіемъ открытія памятника Пушкину. Это, положа руку на сердце, могу я сказать, *мой праздникъ* (курсивъ Писемскаго), и такой ужъ для меня больше въ жизни не повторится“. Самъ Писемскій принялъ участіе въ празднествахъ произнесеніемъ рѣчи о Пушкинѣ, какъ объ историческомъ романистѣ... Пушкинскій праздникъ былъ дѣйствительно „послѣднимъ оживленіемъ“ Писемскаго. Черезъ полгода, 21 января 1881 г. онъ умеръ, незадолго передъ смертью сраженный новымъ несчастіемъ: безнадежною болѣзнью второго сына — Павла, читавшаго въ московскомъ университетѣ гражданское судопроизводство.

IX

Произведенія Писемскаго, написанныя послѣ 1864 года.—Впечатлѣніе, произведенное романомъ „Въ водоворотѣ“.

Въ московскій періодъ своей жизни, а именно послѣ 1864 г., Алексѣемъ Ѳеофилактовичемъ были написаны слѣдующія произведенія: трагедіи—„Самоуправцы“, „Бывые соколы“ и „Поручикъ Гладковъ“. Всѣ три напечатаны были во „Всемірномъ Трудѣ“ М. А. Хана за 1867 и 1868 года. Въ 1869 году появилось въ журналѣ „Заря“ большое произведеніе Писемскаго „Люди сороковыхъ годовъ“. Этотъ романъ интересенъ для біографа Писемскаго по множеству автобіографическихъ свѣдѣній, на которыя въ началѣ нашего очерка мы не разъ ссылались. Хотя критика большею частью отнеслась къ роману недоброжелательно, но все же романъ имѣлъ крупный успѣхъ.

„Здѣсь,—пишетъ Алексѣю Ѳеофилактовичу издатель „Зари“, покойный В. В. Каширевъ, отъ 16 января 1869 г.:—„Люди сороковыхъ годовъ“ производятъ большое впечатлѣніе; наши ученые сотрудники съ Бестужевымъ-Рюминымъ во главѣ пришли въ неописанный восторгъ отъ романа“. Такъ же понравились „Люди сороковыхъ годовъ“ и Тургеневу. „Получая „Зарю“,—пишетъ онъ Писемскому:—я могу слѣдить за вашимъ романомъ. Говоря правду, второй и третій № показались мнѣ слабѣе; я уже было-струхнулъ,—но въ послѣднихъ №№ вы опять выказали себя прежнимъ Писемскимъ, мастеромъ и силачомъ. Любопытно мнѣ очень, какъ и куда вы теперь повернете“.

За романомъ „Люди сороковыхъ годовъ“ появился въ „Бесѣдѣ“ 1871 года романъ „Въ водоворотѣ“. Въ романѣ этомъ затронутъ такъ называемый женскій вопросъ. Нѣкоторые критики въ отношеніи Писемскаго къ этому вопросу и въ симпатичномъ образѣ героини романа, Елены, поклонницы „новыхъ идей“—видятъ крутой поворотъ во взглядѣ на молодое поколѣніе, который совершился будто бы въ Писемскомъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни. Однако, по мнѣнію О. Ѳ. Миллера, для того, чтобы понять тѣ явленія, которыя рисуетъ Писемскій въ своемъ романѣ,—явленія, сводимыя главнымъ образомъ къ практическому протесту противъ ограниченія круга дѣятельности женщины одной семьей, надо припомнить ту картину нашей недавней семейной пустоты и безнравственности, которую нарисовалъ тотъ же Писемскій въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ; одно является естественнымъ слѣдствіемъ другого.

Елену въ „Водоворотѣ“ Миллеръ сравниваетъ съ тургеневскимъ Базаровымъ: оба они стараются совершенно освободиться отъ всего напускного, доставшагося по преданію. Но, зарываясь въ этомъ стремленіи сбросить съ себя все лишнее, они сбрасываютъ и то, чего окончательно сбросить нельзя: они начинаютъ подавлять свои естественныя

свойства. Базаровъ хочетъ совершенно вытравить въ себѣ всякое поэтическое чувство, всякую симпатическую наклонность, связывающую его съ другими людьми, — тогда когда они составляютъ принадлежность его богатой природы. Елена, вооружась противъ семейнаго гнета, готова совершенно отвергнуть семью; а между тѣмъ чувства жены и матери такъ и сказываются въ ней, отвергающей женственность. Но про нее, какъ и про Базарова, мы во всякомъ случаѣ должны сказать, что эти типы сильные, стойкіе въ своихъ правилахъ и въ этомъ смыслѣ цѣльные.

Романъ „Въ водоворотѣ“ былъ принятъ критикою, какъ и другія произведенія Писемскаго, враждебно, между тѣмъ публика—въ особенности представительницы того „новаго типа женщинъ“, который обрисованъ въ лицѣ Елены — бросилась на чтеніе романа съ увлеченіемъ и отзывалась о немъ восторженно. Впрочемъ, рядомъ съ враждебными критическими разборами романа „Въ водоворотѣ“ были, напримѣръ, и такіе отзывы: „Новый романъ г. Писемскаго, — писалъ рецензентъ „Голоса“ (1871 г. № 209):—не уступаетъ нисколько лучшимъ его произведеніямъ прежняго времени. При иныхъ, болѣе благопріятныхъ для нашей изящной словесности условіяхъ, при болѣе здравомъ взглядѣ на художественныя произведенія, этотъ романъ встрѣтилъ бы такой же почетный успѣхъ, какой, въ свое время, имѣлъ его прекрасный романъ „Тысяча душъ“.

Мнѣніе, высказанное въ „Голосѣ“, раздѣляли многіе. Такъ, напримѣръ, вотъ что писалъ Н. С. Лѣсковъ Алексѣю Ѳеофилактовичу по поводу этого романа; „Не мнѣ писать вамъ похвальные листы и давать „книги въ руки“, но по нетерпячести своей не могу не крикнуть вамъ, что вы богатырь! Прочелъ я 3 книжку „Бесѣды“... Молодчина вы! Помимо мастерства, вы никогда не достигали такой *силы* въ работѣ. Это все изъ матерой бронзы, этому всему вѣка не будетъ...“ „Благодарю васъ,— пишетъ г. Лѣсковъ въ другомъ письмѣ: — за высокое и превысокое наслажденіе, доставляемое мнѣ „Водоворотомъ“. Я прочелъ вчера IV кн. „Бесѣды“ и совсѣмъ въ восторгѣ отъ романа, и въ восторгѣ не экзальтаціонномъ, а прочномъ и сознательномъ. Во-первыхъ, характеры поражаютъ вѣрностью и послѣдовательностью развитія; во-вторыхъ, рисовка артистическая; въ-третьихъ, экономія соблюдена съ такою строгостью, что романъ выходитъ совсѣмъ образцовый (это лучшее ваше произведеніе). А наипаче всего радуюсь, что... „орлу обновившася крыла и юность его“. Зачѣмъ вы жалуетесь на „склонъ своихъ дней“, когда вы еще такъ сильны и молоды душою и воображеніемъ. Вы еще романистъ на всемъ знойномъ зенитѣ вашихъ силъ“. Вслѣдъ затѣмъ г. Лѣсковъ передаетъ упреки нѣкоторыхъ близкихъ Писемскому лицъ въ цинизмѣ. По мнѣнію г. Лѣскова, это „вздоръ“, ибо, „за исключеніемъ сцены въ Роше-де-Канкаль и глагола „ты ее изнурилъ“, остальное нимало не шокируетъ. Сцена же родовъ

такъ цѣломудренно-прекрасна, что въ ней „виденъ Богъ въ своемъ твореніи“, и ее надо ставить рядомъ со сценою родовъ сына Домби у Диккенса. Это просто грандіозно“.

X.

Драматическіе памфлеты и сатиры Писемскаго и послѣдніе два его романа.

Черезъ два года послѣ романа „Въ водоворотѣ“, въ „Гражданинѣ“ 1873 г. напечатана была комедія Писемскаго „Подкопы“ или „Хищники“, содержащая въ себѣ рѣзкую сатиру на нашу высшую администрацію. Писемскій неоднократно передѣлывалъ эту комедію и долго не могъ придумать для нея подходящее заглавіе. Въ рукописи она озаглавлена сначала „Хищники“, потомъ „Большіе замыслы“, „Безкровная битва“, „Гражданская битва“; наконецъ Писемскій рѣшился озаглавить ее „Подкопы“. За этой комедіей, въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ, то-есть по 1876-й годъ, появились: „Ваалъ“, „Просвѣщенное время“ и „Финансовый геній“. Первыя двѣ напечатаны были въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, а послѣдняя въ „Газетѣ Гатцука“. Какъ въ „Ваалѣ“, лучшемъ изъ драматическихъ произведеній послѣдняго періода литературной дѣятельности Писемскаго, такъ и въ другихъ произведеніяхъ этого же періода поклоненіе золотому тельцу Писемскій считаетъ болѣзнью всѣхъ классовъ русскаго общества, и только одна молодежь составляетъ исключеніе. Смѣло и безпощадно клеймитъ Писемскій въ своихъ комедіяхъ язву того времени—различнаго рода финансовыхъ тузовъ, въ видѣ концессіонеровъ, директоровъ банковъ и акціонерныхъ предпріятій, биржевыхъ игроковъ, червонныхъ валетовъ и т. п. Такія обличительныя драматическія произведенія пришлись по духу того времени: они очень нравились публикѣ и имѣли несомнѣнный успѣхъ на сценѣ. Самъ Писемскій придавалъ большое значеніе этимъ своимъ произведеніямъ. Такъ, въ одномъ письмѣ по поводу ихъ онъ говоритъ: „Сначала я обличалъ глупость, предразсудочность, невѣжество, смѣялся надъ дѣтскимъ романтизмомъ и пустозвонными фразами, боролся противъ крѣпостного права, преслѣдовалъ чиновничьи злоупотребленія, обрисовывалъ цвѣтки нашего нигилизма, котораго теперь уже созрѣваютъ плоды, и въ концѣ концовъ принялся за сильнѣйшаго, можетъ-быть, врага человѣческаго, за Ваала и за поклоненіе золотому тельцу, и только въ прошломъ году былъ глубоко утѣшенъ тѣмъ, что мѣщане и купцы (что подъ этими кличками я разумѣю—вы уясните себѣ изъ романа моего „Мѣщане“) отодвинуты на задній планъ и въ массѣ случаевъ опозорены. Открылось воочію всѣхъ, что мошенничества разныхъ предпринимателей и поставщиковъ колоссальны, что торговля идетъ на постыднѣйшемъ обманѣ; банковскія воровства чуть не каждодневно совершались и совершаются, и подъ всею

мерзостью, какъ чистые ангелы, возсіяли наши солдаты и офицеры,— но довольно. Всего не перескажешь, что кишитъ и волнуется въ моей ужъ, кажется, старческой душѣ".

Также и другіе признавали важность и серьезное значеніе этихъ обличительныхъ комедій. Такъ, напримѣръ, Анненковъ въ 1875 г. писалъ Писемскому по поводу „Просвѣщеннаго времени": „Меня не удивлятъ ея успѣхъ на сценѣ, ибо крупные характеры и крупная интрига пьесы, намѣченные чрезвычайно твердою рукою, должны были произвести большой эффектъ. Такъ и должны писаться политическія комедіи, которыя всегда сродни памфлету, и родства этого стыдиться не должно. Въ послѣднее время вы сдѣлались отцомъ драматическаго памфлета и оказываете въ этомъ новомъ родѣ мастерство, не подверженное сомнѣнію. Продолжайте разрабатывать этотъ новый родъ и не измѣняйте своей манеры: родъ этотъ очень важенъ, очень полезенъ и сбережетъ ваше имя и вашу память въ людяхъ современныхъ и будущихъ".

Въ 1878 году напечатанъ былъ романъ „Мѣщане" и въ 1880 году послѣдній романъ Алексѣя Ѳеофилактовича — „Масоны". Темой романа „Мѣщане" избранъ достаточно окрѣпшій русскій „буржуа", или, называемый по-русски, „Колупаевъ-Разуваевъ". Къ этимъ „колупаевымъ-разуваевымъ" и къ ихъ живымъ порядкамъ, — говоритъ О. Ѳ. Миллеръ: — проникнутъ глубокой ненавистью герой романа — очевидно, сочувственный Писемскому Бѣгушевъ. „Бога на землю!— восклицаетъ онъ: — пусть сойдетъ снова Христосъ и обновитъ души, а иначе въ человѣкѣ все порядочное исчахнетъ и издохнетъ отъ смрада вашихъ матеріальныхъ благъ". Бѣгство на время въ Европу нимало не помогло Бѣгушеву. „Всякій европейскій человѣкъ ему казался лавочникомъ, и онъ съ клятвою увѣрялъ, что отъ каждаго изъ нихъ носомъ даже чувствовалъ запахъ мѣдныхъ пятаковъ". Когда началась Восточная война, онъ за нее ухватился, какъ за якорь спасенія. „Меня въ этой войнѣ одно радуетъ, — говорилъ онъ: — что пусть хоть на время рыцарь проснется, а мѣщанинъ позатихнетъ". И вотъ онъ умножилъ собою число тѣхъ русскихъ людей, которые „такъ умѣютъ умирать, вовсе не умѣя жить"...

Въ своемъ послѣднемъ романѣ: „Масоны", Писемскій точно будто бы вызываетъ на борьбу съ мѣщанствомъ и его порядками этихъ представителей ученія, бывшаго своего рода исторической силой еще и въ первой половинѣ настоящаго вѣка, а затѣмъ окончательно у насъ заглохшаго. Въ лицѣ главнаго героя романа, Марѳина, мы (приводимъ слова О. Ѳ. Миллера) знакомимся съ тѣми нравственными устоями, какіе на время представляло масонство въ отпоръ укоренившемуся въ нашихъ нравахъ безудержу. Но рядомъ съ цѣльнымъ, вполнѣ выдерживающимъ въ своемъ масонствѣ Марѳинымъ, Писемскій, съ обычнымъ своимъ натурализмомъ, показываетъ намъ и полнѣйшее крушеніе ма-

сонскихъ идеаловъ передъ страстью къ женщинѣ, и самой ничтожной женщинѣ, въ лицѣ симпатичнаго, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ Аггея Никитича... Весь свой вѣкъ, такъ сказать, стихійно-честный, затѣмъ наконецъ, подъ вліяніемъ масонства, возводящій честность въ руководящее начало, Аггей Никитичъ подъ старость, ради г-жи Вибель, сдается на взятки. „Въ масонствѣ я былъ дуракъ, — сознаётся самъ Аггей Никитичъ: — миссіонерство мнѣ не удалось, и теперь я членъ одного изъ сибирскихъ управленій... Я въ Сибири встрѣтилъ пани Вибель, пріѣхавшую туда съ однимъ бариномъ Рамзаевымъ, который теперь сталъ сибирскимъ откупщикомъ. Онъ, какъ аристократъ великій, окружилъ ее богатою роскошью, но она,—какая игра судьбы,—встрѣтясь со мною въ Иркутскѣ, ринулась ко мнѣ всей душой, наплевала на своего магната и живетъ теперь со мной на моей маленькой квартиркѣ...“ „На откровенныхъ словахъ сего простого, но все-таки поэтическаго человѣка я и кончаю мой романъ!“ — заключаетъ авторъ.

На этомъ закончимъ и мы настоящій критико-біографическій очеркъ, заключивъ его словами проф. А. И. Кирпичникова: „Писемскій въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ — талантливый художникъ-реалистъ, давшій цѣлый рядъ живыхъ, яркихъ образовъ и указавшій намъ язвы наши. Мы должны сохранить благодарную память о томъ, кто намъ скажетъ, чѣмъ мы дурны“

БОГАТЫЙ ЖЕНИХЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

День былъ сентябрьскій. По небу неслись мутнаго цвѣта облака, по временамъ накрапывалъ дождикъ, съ сѣверо-запада дулъ влажный вѣтеръ. По главной и почти единственной улицѣ уѣзднаго города К. тащились двѣ клячи. Передняя была запряжена въ тяжело навьюченную телѣгу; ею правилъ малорослый мужичонка въ лаптяхъ, въ рубахѣ и въ теплой шапкѣ; сзади его, изъ-за мѣшковъ, торчала женская голова, обвязанная платкомъ, — голова эта дремала. Другая лошадь везла какія-то допотопныя дрожки, вдоль которыхъ лежалъ кучеръ съ усами, въ сѣромъ кафтанѣ и съ ногъ до головы перепачканный въ грязи. Передъ воротами стараго деревяннаго домишка поѣздъ остановился. Мужикъ слѣзъ, ушелъ въ калитку и началъ возиться съ воротами. Одно окно въ домѣ было отворено; изъ него струями появлялся табачный дымъ. По деревянному тротуару плелась мѣщанка-старуха. Проходя мимо дрожекъ, она заглянула кучеру въ лицо, поклонилась ему и проговорила:

— Здорово, голубчикъ!

Тотъ молча кивнулъ головой.

— Господскій, что ли?

— Господскій.

— А чьи такіе?

— Изъ Дементьева.

— Къ Кузьминичнѣ, знать, пристали?

— Ну да.

— Съ господами?

— Къ барину съ запасомъ.

— Такъ-съ!.. Прощай, голубчикъ! — заключила старуха и поплелась далѣе.

У открытаго окна она остановилась, взглянула въ него и потупилась.

— Ай, свѣты мои, какой румяный! Точно красный ставецъ рожа-то!.. Дементьевскіе... а забыла ужъ чьи такіе,—говорила она сама съ собой, идя далѣе.

На поворотѣ улицы встрѣтилась ей другая мѣщанка, помоложе.

— Здорово, Матренушка! Что, мати, есть ли кто на постоѣ?— спросила старуха.

— Нѣтути, тетенька, совсѣмъ нынче нѣтути: большакъ то запилъ у меня, такъ ужъ не до того,—отвѣчала та какимъ-то необыкновенно звонкимъ и тоненькимъ голосомъ.

— Извѣстно, мати, гдѣ ужъ... къ Кузьминишнѣ такъ изъ Дементьева пристали. Прости, голубушка!

— Прощай, тетенька!

Онѣ разошлись. Проходя мимо окна, мѣщанка помоложе также поклонилась и, заглянувши въ него, проговорила потихоньку:

— Экій песъ красный сидитъ!

Между тѣмъ телѣга въѣхала на дворъ, кучеръ слѣзъ и, неизвѣстно за что ударивши свою лошадь по мордѣ, подошелъ къ телѣгѣ.

— Нуте-ка вы, сони, просыпайтесь,—сказалъ онъ, толкнувъ въ плечо дремавшую женщину.

— Что больно толкаешься! — проговорила та, взмахнувъ глазами.

— Толкаешься! Не видишь, что пріѣхали? Вылѣзай: подъ ручку, что ли, прикажете принять?

— Ну-те! — говорила женщина, вылѣзая изъ телѣги. — Ой, тошнехонько: всѣ ноженьки отсидѣла.

Босоногій мальчишка въ домотканномъ чепанѣ, созерцавшій безсмысленными сѣрыми глазами всю эту сцену съ крыльца, вдругъ кубаремъ слетѣлъ съ лѣстницы, подбѣжалъ къ женщинѣ, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Здорово, Аркадьюшка! Батька тебѣ кланяется.

— Валенки, мамонька, привезла?

— Забыла, батюшка, изъ ума вонъ, забыла!

— Эка какая безтолковая!.. Машка ужъ износитъ ихъ у меня.

— Что дѣлать-то, родной, забыла.

Но заглянемъ лучше во внутренность дома. Если читатель бывалъ въ уѣздныхъ городахъ, то, вѣроятно, знаетъ устройство мѣщанскихъ домишекъ. Они состоятъ главнымъ образомъ изъ сѣней, которыя ведутъ съ одной стороны въ избу, а съ другой—въ двѣ-три комнаты. Въ этихъ двухъ-трехъ комнатахъ бываетъ обыкновенно двѣ-три печи и по крайней мѣрѣ десятка полтора оконъ. Домишко Кузьминичны былъ точно такого же устройства. Въ двухъ ея комнатахъ квартировалъ въ настоящее время молодой помѣщикъ изъ Дементьева, Степанъ Герасимычъ Сальниковъ. Въ обществѣ, впрочемъ, онъ былъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Степочки, такъ какъ этимъ именемъ называла его маменька. несмотря на тридцатилѣтній возрастъ, до котораго уже достигнулъ молодой человѣкъ. Въ большой комнатѣ, въ которой онъ сидѣлъ подъ окномъ и курилъ, полъ былъ совершенно покривленъ: кое-гдѣ стояла кожаная мебель, на стѣнѣ висѣли небольшое зеркало и цѣлая коллекція картинокъ, изображающихъ печальную исторію Женевьевы Брабантской. Здѣсь я нужнымъ считаю замѣтить, что у Кузьминичны никто изъ помѣщиковъ не останавливался, потому что домишко ея былъ уже совершенно старъ и холоденъ и въ такой мѣрѣ изобиловалъ мышами и клопами, что эти непріятныя твари, кажется, были въ состояніи совершенно заѣсть человѣка, а сверхъ того и сама хозяйка была преснесноснѣйшаго характера женщина и пила запоемъ. Одно удобство этой квартиры — была необыкновенная ея дешевизна: два съ полтиной ассигнаціями въ недѣлю. Что же касается до наружности Степана Герасимыча, то онъ весьма справедливо вызвалъ со стороны мѣщанокъ вышеозначенныя замѣчанія, потому что дѣйствительно былъ очень красенъ съ лица. По выпущеннымъ воротничкамъ домотканной рубашки изъ-подъ халата, сшитаго хотя и изъ толстой холстинки, но съ карманами, и отороченнаго плисомъ, и наконецъ по тщательно сдѣланному пробору волосъ, которые, сверхъ того, по современной модѣ были зачесаны на вискахъ назадъ, — по всему этому легко можно было догадаться, что молодой человѣкъ занимался своею наружностью. Но при всемъ этомъ, я долженъ откровенно сказать, онъ былъ нехорошъ собой. Представьте себѣ какого-то грязнаго цвѣта волосы, въ лицѣ никакой значительности, никакого выраженія, глаза до невѣроятности маленькіе и узкіе и, сверхъ всего этого, покровы лица почти совершенно розоваго цвѣта, съ какими-то непріятными синими жилками.

Покуривши трубки, Степанъ Герасимычъ нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, посмотрѣлся въ зеркало и потомъ, вѣ-

роятно, для того, чтобы разсѣять скуку уединенія, вынулъ изъ чемодана длинный ящикъ и открылъ его. Оказалось, что въ немъ хранилась флейта, на которой молодой человѣкъ тотчасъ и началъ играть народныя пѣсни: «Во лузяхъ», «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста», «Сѣни мои, сѣни», и такъ далѣе; что касается до выполненія, то Степанъ Герасимычъ игралъ, какъ я понимаю, такъ, что въ иныхъ мѣстахъ выходило у него не совсѣмъ то, что бы слѣдовало; но, при всемъ томъ, онъ съ перваго же раза давалъ въ себѣ узнать если не знатока, то любителя музыки. Игра его продолжалась по крайней мѣрѣ полчаса. На улицѣ начала собираться обыкновенная публика въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ домахъ открылись окна. Въ комнатѣ давно уже появился знакомый намъ мальчикъ; видя, что баринъ занятъ, и онъ также занялся: подошелъ къ окну и началъ ловить замирающихъ мухъ, насаживая ихъ на соломинки.

— Ухъ... будетъ... даже вспотѣлъ, — произнесъ наконецъ музыкантъ, переставая играть.—Аркашка, вычисти трубку!.. Что ты тутъ дѣлаешь?

— Ничего-съ. Мамонька пріѣхала съ запасомъ.

— На одной?

— Нѣтъ-съ. Мамонька — съ дядей Григорьемъ, да Кузьма еще пріѣхалъ на Рыжкѣ. Письмо къ вамъ, — отвѣчалъ мальчишка, подавая барину толстый пакетъ.

— Ну, хорошо. Гдѣ же мать-то?

— На печкѣ лежитъ: озябла.

— А привезла ли она тебѣ что-нибудь?

— Колобокъ привезла.

— Покажи-ка.

Мальчишка вытащилъ изъ кармана какой-то сѣроватый комокъ и подалъ барину, который сначала понюхалъ его, потомъ, отломавши отъ него порядочный кусокъ, положилъ себѣ въ ротъ.

— Хорошъ,—говорилъ онъ, прожевывая.—Очень хорошъ,— прибавилъ онъ и еще отломилъ.

У мальчишки начали бѣгать глаза.

— Ну, на, возьми, — сказалъ наконецъ баринъ: — да не вдругъ ѣшь, а то ты сразу и смелешь все, а тутъ и нѣтъ ничего.

Мальчишка положилъ колобокъ въ карманъ и началъ вычищать трубку. Продувши ее, онъ подалъ барину, который отперъ стоящую около него жестяную сахарницу, въ коей хранился не сахаръ, а табакъ, набилъ самъ трубку, закурилъ ее, а сахарницу заперъ. Вслѣдъ затѣмъ молодой человѣкъ

распечаталъ письмо и началъ читать. Письмо было длинное и написано какими-то іероглифами. Содержаніе его было слѣдующее:

«Безцѣнный другъ мой

«Степочка!

«Во-первыхъ, посылаю тебѣ мое родительское благословеніе навѣки нерушимо. По твоему желанію отправляю къ тебѣ съ Кузьмой Рыжку въ дрожкахъ, а также и запасу. Прими, другъ мой, поаккуратнѣе. Я нарочно посылаю къ тебѣ Аксинью: она вѣрная и не растащитъ,—только лѣнива, за что ты, пожалуйста, чаще ее брани. Запасу отправлено: одинъ пудъ ситной, одинъ пшеничной и три пуда оржаной муки, пудъ толокна, до котораго, я знаю, ты большой охотникъ... оно у насъ нынче отличное вышло. Еще посылаю два десятка яицъ, полпуда соленой баранины, двадцать фунтовъ масла, которое, надѣюсь, что будешь беречь, оно нынче очень въ цѣнѣ, прекрасная наша скотница изволила дать только по двадцати фунтиковъ съ коровы; не знаю, что и дѣлать мнѣ съ этой плутовкой. Хотѣла-было послать тебѣ два полотка, да этта всѣ ихъ продала на Преображенской ярмонкѣ. Еще отправляю тебѣ четыре пуда посыпки. Окулинскимъ мужикамъ велѣла къ тебѣ привезти воза два соломы, и поэтому ты, батюшка, вели Рыжку кормить рѣзкой, потому что сѣна не накупишься: оно у васъ, говорятъ, по двадцати пяти копеекъ пудъ. Денегъ тебѣ не посылаю, такъ какъ полагаю, что чаю и сахару тебѣ должно стать на все время. Еще прошу тебя, сдѣлай милость, кури поменьше: этотъ проклятый табакъ убыточенъ да и вреденъ. У насъ теперь все, слава Богу, благополучно: только жеребца твоего не знаю отчего одолѣли бородавки. Молотить начали; нынѣшняя рожь, видно, хороша въ полѣ, а не въ сусѣкѣ. Съ нашего маленькаго овина всего сняли двѣнадцать четвериковъ. Нога моя попрежнему болитъ, рана все прибываетъ. Совѣтовали-было медовую лепешку прикладывать — приложила, но еще хуже. Призывала изъ Дурандина лѣкарку: она говоритъ, что мнѣ надобно киноварью подкуриваться. Надняхъ заѣзжалъ ко мнѣ становой подушную добирать и сказывалъ, что онъ видѣлъ тебя на вечерѣ у Алексѣя Сергѣича, и что ты танцовалъ съ барышнями, чѣмъ я душевно была обрадована. Пожалуйста, знакомься, мой другъ, съ хорошими людьми; ты теперь женихъ и долженъ дорожить репутаціею, потому что поведеніе дороже всего. Насчетъ родственницы Алексѣя Сергѣича, о которой ты пишешь, я ничего не могу сказать. Похвалы, конечно, я слышу о ней ото всѣхъ, но сама никогда не видала. Но меня единственно только то безпо-

конть, что она, какъ я слышала, не имѣетъ никакого состоянія. Надобно, мой другъ, подумать и объ этомъ. Я тебѣ при жизни, какъ самъ ты знаешь, болѣе тридцати душъ отдѣлить не могу. Если, какъ ты говоришь, насчетъ награды отъ Алексѣя Сергѣича, то лучше этого не надо; онъ человѣкъ съ состояніемъ,—но вѣрно ли это? Еще я имѣю безпокойство и объ ея образованіи, врядъ ли она будетъ тебѣ по характеру. Она, какъ я слышала, дѣвушка нынѣшняго свѣта, къ хозяйству не пріучена, будетъ требовать многаго... Чтобы послѣ не раскаяться. Ты пишешь, что думаешь сшить себѣ новый фракъ; но я полагаю, нельзя ли тебѣ его сдѣлать изъ паненькинова сюртука, который тебѣ и посылаю; онъ почти новенькій; ты изъ него можешь сшить какое хочешь платье. Несчетно цѣлую тебя.

«Остаюсь мать твоя
«Аграфена Сальникова».

Прочитавъ письмо, молодой человѣкъ тотчасъ же занялся пріемкой запаса и въ этомъ случаѣ оказалъ значительную опытность и большую внимательность. Онъ велѣлъ достать безмѣнъ, самъ, своими собственными руками, взвѣсилъ муку, баранину, масло, посыпку, пересчиталъ яйца, положилъ все это въ погребъ, заперъ и ключи взялъ къ себѣ. Окончивши хозяйственныя заботы, онъ велѣлъ мальчишкѣ ставить самоваръ; а самъ, возвратившись, принялся писать отвѣтъ. Въ почеркѣ и орѳографіи его чрезвычайно много было замѣтно семейнаго сходства съ письмомъ матери.

«Безцѣнная маменька
«Аграфена Кондратьевна!

«Спѣшу отвѣчать на ваше письмо и поцѣловать заочно ваши ручки. Запасъ я весь самъ принялъ: онъ въ совершенной цѣлости; только баранина, должно-быть, отъ дороги завяла. Сюртукъ паненькинъ я смотрѣлъ и въ завтрашній день пошлю за портнымъ. Мнѣ самому не хочется шить новаго: нынѣшнія сукна чрезвычайно гнилы и непрочны; впрочемъ, на-дняхъ я сшилъ себѣ бѣлую жилетку, потому что, какъ вы знаете, жилетокъ у меня совершенно не было, и она вышла очень хороша. Только теперь желалъ бы имѣть манишки; на петербургскихъ ужъ есть дырочки. Время свое, безцѣнная маменька, я провожу какъ нельзя пріятнѣе. Не могу описать вамъ, съ какимъ удовольствіемъ всѣ меня здѣсь принимаютъ. Не знаю, какъ благодарить васъ, милая маменька, что вы отпустили меня повеселиться въ городъ. Сегодня вечеръ у Алексѣя Сергѣича: меня тоже приглашала добрѣйшая супруга его и, узнавши, что я играю, просила меня придти къ нимъ съ

флейтой и поиграть. Насчетъ ихъ ростевницы, о которой вамъ писалъ, я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что Алексѣй Сергѣичъ непремѣнно ее наградятъ. Рѣдкіе родители такъ могутъ любить дочь родную, какъ они любятъ Вѣру Павловну, которыя имѣютъ сами такія достоинства, что заставляютъ меня сомнѣваться въ томъ, пойдутъ ли онѣ за меня; что же касается, то и я въ этомъ дѣлѣ безъ расчету дѣйствовать не буду и съ Алексѣемъ Сергѣичемъ буду говорить подробно. Становой точно видѣлъ, какъ я танцовалъ; въ этотъ вечеръ мы очень веселились,—послѣ ужина начали танцовать новый танецъ гросфатеръ: я не умѣлъ, но меня выучили. Сахару у меня довольно, но чаю врядъ ли хватитъ. Аркашка служитъ мнѣ хорошо, только сапоги рветъ ужасно; новенькіе сапожки, которые вы съ нами отпустили, онъ уже всѣ стопталъ и растрепалъ. Прося вашего родительскаго благословенія и цѣлуя еще несчетно разъ ваши ручки, остаюсь сынъ вашъ

«Степанъ Сальниковъ».

Самоваръ былъ поданъ... Нельзя сказать, чтобы чайный приборъ былъ прихотливъ. Бокъ самовара, напримѣръ, былъ значительно помятъ, конфорка тоже, у чайника придѣлана была, вѣроятно, для крѣпости, оловянная ручка, и наконецъ стаканъ очень толстаго, но не совсѣмъ бѣлаго стекла. Кушая чай, молодой человѣкъ явнымъ образомъ обнаруживалъ въ себѣ борьбу любви къ этому напитку съ расчетливостью. Сначала онъ положилъ одну ложечку чаю и тотчасъ же спилъ ее съ однимъ кускомъ сахару; видимо было, что онъ пилъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, всыпалъ въ чайникъ еще ложечку чаю и ту выпилъ почти такъ же скоро. Я твердо убѣжденъ, что ему хотѣлось еще третью, но онъ не рѣшился изъ экономіи. Напившись чаю, онъ принялся курить трубку; но и здѣсь опять можно было замѣтить расчетливость. Онъ, кажется, съ умысломъ не выколачивалъ всей трубки и набивалъ ее потомъ слегка, чтобъ такимъ образомъ самого себя обмануть количествомъ.

Ужъ разъ начавъ отзываться о молодомъ человѣкѣ такъ откровенно, я не могу удержаться, чтобы не разсказать о немъ еще нѣкоторыхъ подробностей. У маменьки Степочки было около шестисотъ душъ, изъ которыхъ она болѣе половины нажила сама, и нажила прямо, можно сказать, хозяйствомъ и бережливостью. Она гнала деготь, сплавляла лѣсъ, откармливала какихъ-то необыкновенныхъ свиней, за которыхъ ей платили по сту рублей, сама ѣздила въ Москву продавать индюшекъ и масло. Жила она всегда очень скромно,

въ старомъ флигелечкѣ, и любила гостить у родныхъ, — сама же всегда совѣстилась принимать ихъ въ свой, какъ она называла, лабазъ. Лѣтомъ ходила она въ канифасныхъ, а зимой въ холстинковыхъ капотахъ, ѣздила въ линейкѣ еще десятыхъ годовъ, крестьянъ своихъ до того умѣла пріучить, что рѣдкій изъ нихъ не торговалъ чѣмъ-либо; а про хлѣбъ и говорить нечего — начиная съ барыни до послѣдняго мужика, амбары были полны. Степочку Аграфена Кондратьевна безмѣрно любила и, кажется, сама не перенесла бы, если бы что съ нимъ случилось; но при всемъ томъ держала его въ полнѣйшемъ повиновеніи. Въ свое время, несмотря на расчетливость, она старалась-было дать ему образованіе. Сначала училъ его священникъ, а потомъ даже какой-то изъ дворянъ учитель, лѣтъ уже сорокъ занимавшійся образованіемъ дѣтей; но, къ большому горю, должна была убѣдиться, что у мальчика рѣшительно нѣтъ никакого желанія и никакихъ способностей къ наукамъ. Послѣ трехгодичнаго ученія оба его наставника едва добились только того, что онъ коекакъ умѣлъ читать и переписывать прописи. Нельзя сказать, чтобы Аграфена Кондратьевна, при всей своей любви, не употребляла противъ сына нѣкоторыхъ мѣръ строгости. Злые языки послѣ говорили, что будто бы она даже и заколотила его въ малолѣтствѣ. Кромѣ ученія, въ другихъ отношеніяхъ ребенокъ обнаруживалъ чрезвычайно много достоинствъ. Опрятный, бережливый, любившій всякую дрянь, какая ему ни попадалась: желѣзо ли, козанокъ ли, камешекъ ли какой цвѣтной, — тотчасъ запрятать въ свой сундукъ и запереть. Къ хозяйству онъ былъ также очень способенъ: еще съ двѣнадцати лѣтъ онъ выдавалъ мѣсячину не хуже большого, зналъ, какъ пять пальцевъ, когда принимаются сѣять яровое и озимое, и всегда почти первый усматривалъ, когда начинала *течь рожь*. Но Аграфенѣ Кондратьевнѣ, какъ матери, конечно, хотѣлось болѣе: она желала, чтобы сынъ ея, на казенный счетъ, выучился превосходно всѣмъ наукамъ, потомъ получилъ бы мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ и наконецъ женился на милліонеркѣ. Но выходило не совсѣмъ то. Ахая и горюя, она отдала сына въ гимназію. Несмотря на то, что мальчику уже былъ тринадцатый годъ, его едва только приняли въ первый классъ, гдѣ онъ и пробылъ два года, и только на третій годъ, и то болѣе за хорошее поведеніе, переведенъ былъ во второй. Здѣсь началась та же исторія. Аграфена Кондратьевна потеряла терпѣніе и взяла сына; но, все еще не теряя надежды устроить карьеру его, она обратилась съ просьбою къ родному брату, служившему въ Пе-

тербургѣ, умоляя его не оставить сироту Степочку и опредѣлить на хорошее мѣсто. Братъ изъявилъ согласіе. Съ плачемъ и воплемъ отправленъ былъ молодой человѣкъ въ Петербургъ съ своимъ собственнымъ мужикомъ, промышлявшимъ тамъ обручнымъ мастерствомъ. Но съ первой же почты начали отъ него приходить самыя неутѣшительныя письма. Онъ писалъ, что дяденька человѣкъ очень гордый, принялъ его очень сухо и не только что не пригласилъ жить у себя, какъ думала это маменька, но даже ни разу не оставилъ у себя обѣдать, и что опредѣлилъ на мѣсто безъ жалованья, тогда какъ въ Петербургѣ за воду даже платятъ, а къ другому ужъ лучше не приступайся, что онъ, то-есть Степочка, остановился у своего мужика, которому за столъ и за квартиру долженъ будетъ платить по 30 рублей въ мѣсяцъ, и что наконецъ петербургскій воздухъ для него очень вреденъ, и онъ все хвораетъ. Такъ прошелъ годъ. Въ заключеніе всего, Аграфена Кондратьевна получила письмо и отъ брата, очень непріятнаго и даже обиднаго содержанія. Онъ ей писалъ:

«Любезная сестра!

«При всемъ моемъ желаніи быть полезнымъ для твоего сына, я ничего не могу для него сдѣлать. Степанъ твой не хочетъ да и не можетъ здѣсь служить. До сихъ поръ я не могу отъ него добиться, чтобы онъ съ толкомъ переписывалъ бумаги. Тебѣ стыдно и грѣшно было запустить такъ его воспитаніе; къ тому же и теперь ты содержишь и одѣваешь его какъ лакея, такъ что мнѣ совѣстно моихъ чиновниковъ, и я уже на свой счетъ велѣлъ ему сдѣлать фракъ, каковыя деньги, то-есть двѣсти рублей, и прошу мнѣ выслать. Я знаю, что ты безумно скупа, но хоть бы припоминала пословицу, что «глупому сыну не въ помощь богатство». Если Степанъ и на дальнѣйшее время останется такъ же безуспѣшенъ по службѣ, то я не въ состояніи буду долѣе его держать».

Глубоко оскорбившись, Аграфена Кондратьевна сама написала брату колкое письмо, въ которомъ, между прочимъ, объясняла, что сынъ ея былъ и будетъ одѣтъ всегда прилично, а не такъ, какъ лакей; что безвинно оскорблять мальчика и называть его дуракомъ грѣшно, особливо близкому человѣку; но что все это происходитъ отъ того, что важные родственники всегда тяготятся сдѣлать какое-нибудь одолженіе, и что наконецъ она сыномъ своимъ не желаетъ отягощать его, потому что Степочка ея, благодаря Бога, и безъ дяденькиной протекціи будетъ имѣть кусокъ хлѣба.

Братъ, въ свою очередь, тоже очень оскорбился этимъ пись-

момъ и тотчасъ же велѣлъ Степочкѣ отправляться къ маменькѣ на печку, чему послѣдній очень обрадовался и въ тотъ же почти день собрался и уѣхалъ изъ Петербурга. Возвращеніе сына на родину, впрочемъ, очень огорчило Аграфену Кондратьевну; но потомъ, разсудивъ хорошенько, что, видно, это такъ угодно Богу, она рѣшилась его держать въ деревнѣ, пріучать покуда къ хозяйству, которое, повидимому, онъ очень любилъ, а потомъ женить повыгоднѣе.

На словахъ онъ очень не дуракъ, — разсуждала она сама съ собою, — о нѣкоторыхъ вещахъ разсуждаетъ очень здраво и умно; поведенія прекраснаго; собой недуренъ, особенно въ петербургскомъ платьѣ; бережливъ до невѣроятности и даже скупъ, чему она тоже душевно радовалась, будучи твердо увѣрена, что имѣніе ея не будетъ со временемъ промотано. Насчетъ хорошей партіи тоже сомнѣваться нечего, потому что, сравнительно съ другими, онъ богатѣйшій въ губерніи женихъ. На этомъ Аграфена Кондратьевна успокоилась и зажила съ сыномъ припѣваючи. Степочка совершенно попалъ въ свою сферу: онъ ходилъ по работамъ, сидѣлъ на мельницѣ, толковалъ съ дворовыми людьми, вѣсилъ, мѣрялъ, подряжалъ плотниковъ, и тому подобное. Для полнаго охарактеризованія молодого человѣка, я считаю за нужное прибавить, что главная его мечта была — имѣть свою собственность, и потому, несмотря на малое количество денегъ, которое получалъ отъ матери, онъ уже успѣлъ скопить около тысячи рублей. Поселившись въ деревнѣ, онъ выпросилъ сначала у Аграфены Кондратьевны особенный огородецъ, потомъ пару лошадей, а затѣмъ почти половину папенькинаго гардероба, сберегаемаго лѣтъ двадцать, и наконецъ уговорилъ мать отдать ему, хоть покуда на словахъ, особую небольшую усадьбу съ тридцатью душами, въ которой онъ самъ и хозяйничалъ: продавалъ изъ нея все, собиралъ съ мужиковъ оброки и всѣ вырученныя деньги прилагалъ къ своему капиталу, тщательно скрывая отъ матери свои доходы и говоря ей, что ничего еще не пріобрѣлъ. Виды его насчетъ собственности простирались еще далѣе. Онъ желалъ, чтобы маменька отдѣлила ему не тридцать, а триста душъ, и отдѣлила по всѣмъ актамъ, а не на словахъ; но Аграфена Кондратьевна и слышать этого не хотѣла. Главныя потребности Степана Гераспмыча были весьма просты: онъ очень любилъ ходить въ баню и былъ страстный охотникъ пить чай и курить трубку; за послѣднее Аграфена Кондратьевна всегда ему выговаривала; но Степочка оправдывался тѣмъ, что онъ куритъ Вахрамѣева табакъ — не дорогой, но здоровый. Платье себѣ онъ шилъ рѣдко,

но зато былъ такъ опрятенъ, что на всемъ его гардеробѣ вы, конечно, не открыли бы ни одного пятнышка. Одно только было ему непріятно, что, поживши въ деревнѣ съ годъ, онъ началъ замѣтно полнѣть, и потому все платье сдѣлалось ему значительно узко. Въ свободныя отъ хозяйства минуты Степанъ Герасимычъ игралъ на флейтѣ, — искусство, которому онъ выучился въ Петербургѣ, и выучился совершенно случайно. Ему удалось на толкучкѣ купить флейту за три гривенника. Пріобрѣтя инструментъ, онъ началъ учиться надувать его и въ настоящее время игралъ уже, по слуху, нѣсколько пѣсенъ и даже двѣ мазурки и вальсъ, и учился разбирать ноты. До музыки онъ былъ съ дѣтства большой охотникъ. Живя въ Петербургѣ, несмотря на свою расчетливость, онъ раза два ходилъ слушать органъ Палкина и былъ нѣсколько разъ въ театрѣ въ оперѣ. Но главная его страсть, кажется, была къ золотымъ и брильянтовымъ вещамъ. По настоящее время у него было четверо часовъ, нѣсколько булавокъ, запонокъ, перстней. Собой и своей наружностью онъ постоянно былъ доволенъ, за исключеніемъ, впрочемъ, красноты, которою, особенно въ жаркое время года, ужасно тяготился. Но да не подумаетъ читатель, что для сердца молодого человѣка не были доступны и другія, болѣе нѣжныя движенія. Прекрасный полъ давно уже волновалъ его воображеніе. Нѣсколько приключеній, случившихся по этому предмету съ Степаномъ Герасимычемъ, ясно доказывали, что онъ для любви былъ способенъ на самоотверженіе: такъ, напримѣръ, ухаживая за одною барышнею, очень бѣдною и собой даже дурною, онъ такъ позволилъ себя завлечь, что его чуть не увезли и не обвѣнчали на ней. Кромѣ этихъ исключительныхъ привязанностей, молодой человѣкъ интересовался вообще всѣми дѣвицами и молодыми дамами и былъ съ ними замѣчательно любезенъ и разговорчивъ. Разговаривать, впрочемъ, онъ любилъ со всѣми: и съ барышнями, и съ своимъ братомъ, и съ сосѣднимъ мужикомъ. На двадцать девятомъ году молодой человѣкъ наконецъ окончательно рѣшился жениться, на что была вполнѣ согласна и Аграфена Кондратьевна. На семейномъ совѣщаніи положено было: ѣхать Степочкѣ въ сентябрѣ для пріисканія невѣсты и для разсѣянія, мѣсяца на два, въ уѣздный городокъ Б...

Пріѣхавъ и поселившись у Кузьминичны, Степанъ Герасимычъ, по приказанію маменьки, сдѣлалъ всѣмъ визиты и былъ принятъ всѣми очень хорошо, особенно въ домѣ Алексѣя Сергѣича. Конечно, всѣ разумѣли его, какъ Степочку, и очень хорошо знали, что онъ былъ совершенно неспособенъ

къ наукамъ, что на словахъ иногда такъ провирался, что изъ рукъ вонъ, а многимъ даже хорошо была извѣстна его неимовѣрная скупость. Но благоустроенное состояніе заставляло забывать все, и нѣкоторые папеньки и маменьки всѣ странные поступки молодого человѣка относили къ одному только благоразумію. Почтенный и богатый Алексѣй Сергѣичъ хватилъ въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ. Онъ отзывался о Степанѣ Герасимычѣ, какъ о скромномъ, но очень неглупомъ человѣкѣ и весьма недурно воспитанномъ, приводя въ доказательство то, что будто бы онъ музыкантъ и очень хорошо играетъ на флейтѣ. Въ обществѣ даже поговаривали, что врядъ ли онъ не намѣренъ просватать за него свою родственницу — дѣвушку, по общей молвѣ, небогатую, но превосходно воспитанную. Молодыя дамы и дѣвицы не раздѣляли, впрочемъ, этого выгоднаго мнѣнія о m-r Сальниковѣ и называли его между собою *противнымъ*.

Напившись чаю, Степанъ Герасимычъ позвалъ къ себѣ Аксинью, которая между тѣмъ ужъ отогрѣлась на печкѣ, и вступилъ съ нею въ разговоры. Сначала разспросилъ онъ ее очень подробно, на сколько маменька запродала хлѣба, не появляется ли въ озими червь отъ сырости, каковъ въ загородахъ для скотины кормъ, и даже поинтересовался узнать, сколько въ имѣніи родилось мальчиковъ. Часу въ восьмомъ онъ началъ сбираться на вечеръ.

— Видала ли ты, Аксинья, такіе жилеты? — сказалъ онъ, показывая ей новый бѣлаго пике жилетъ.

— Гдѣ, батюшка, видѣть-то, — нѣтъ-съ! Что мы, деревенскія дуры, видѣли... ничего, акромя лѣсу, не видали!

— Ну, постой, погоди, я тебѣ покажу еще одну штучку. Узнаешь ли ты, что это такое?..— сказалъ съ лукавою улыбкою баринъ.—Аркашка, ты, смотри, не сказывай матери, что это такое,—прибавилъ онъ и, развернувши свой атласный шарфъ, показалъ его Аксиньѣ.

Та первоначально ахнула, потомъ похвалила.

— Что это такое?—повторилъ Степанъ Герасимычъ.

— Не знаю, что такое: платъ, либо кушакъ? Должно-быть, кушакъ-съ.

Баринъ захохоталъ во все горло, Аркашка тоже.

— Ты-то что, пострѣлъ пучеглазый, смѣешься! — сказала Аксинья сыну.

— Видала ли ты меня, Аксинья, нарядымъ-то?—спросилъ Степанъ Герасимычъ, переставая смѣяться и вынимая собственными руками изъ сундука фрачную пару, бѣлый жилетъ, шарфъ и манишку.

— Нѣтъ-съ, хорошенько-то не видала! Разъ въ церкви... да и то мелькомъ: изъ-за народу-то не видно было.

— Ну, такъ ты подожди въ лакейской; я одѣнусь и покажусь тебѣ.

Аксинья вышла. Степанъ Герасимычъ, съ помощью Аркадія, началъ одѣваться и, когда былъ совсѣмъ готовъ, велѣлъ позвать Аксинью.

— Что, хорошо ли? — спросилъ онъ.

— Хорошо, батюшка; только отчего это у васъ аполетъ-то нѣтъ? Вотъ изъ Егорьевскаго барина такъ въ аполетахъ.

— То, дура, военный, а я штатскій.

— Такъ-съ... Вы куда же это теперь изволите собираться-то?

— Въ гости, танцовать. Тамъ все невѣсты будутъ; я имѣю, признаться сказать, тутъ маленько расчетецъ на одну барышню!

— Ну вотъ, батюшка, слава Богу! Маменька насчетъ этого больно желаетъ. Мнѣ передъ отъѣздомъ изволила говорить: очень бы, говоритъ, Аксиньюшка, я этого желала.

— Эхъ, маменька, маменька!.. — произнесъ молодой человѣкъ со вздохомъ. — Желать она, конечно, желаетъ, да дѣлаетъ-то не то. Кабы напередъ обезпечила да собственнымъ-то домомъ меня завела, такъ жениться-то бы было и сподручнѣе; а то говоритъ: возьми тридцать душъ да и заговѣйся на томъ; а жить-то потомъ мнѣ, а не маменькѣ, придется. Ну, такъ я и долженъ имѣть на это свое собственное соображеніе.

— Вѣстимо, батюшка, свой разумъ царь въ головѣ, — подхватила Аксинья.

— Да... то-то царь въ головѣ; а какъ женишься безъ соображенія-то, такъ и выйдетъ Богъ знаетъ что. Тутъ первый пунктъ — состояніе. Вотъ нынче приказные, и тѣ хотятъ, чтобы приданое было, да тысячъ пять денегъ, да года три еще тесть-то его хлѣбомъ кормитъ... такъ оно и составитъ кой-что!

— Вы ужъ, батюшка, богатую берите; бѣдную намъ на что? Бѣдную-то намъ не надобно!

— До бѣдныхъ я и самъ не охотникъ. Теперешнее дѣло мое вотъ какое: у невѣсты ничего нѣтъ, да дяденька есть съ кубышкой: такъ и починай ее; а дѣвушка-то красавица изъ себя, какъ картинка; третьяго-дня я во снѣ даже видѣлъ, что будто она ужъ спитъ со мной.

— Дай Богъ, батюшка, добрая бы только была да справедливая, какъ маменька ваша: требуетъ, напримѣръ, хошь и строго, а все въ дѣлѣ. На всемъ околоткѣ спросите: нигдѣ отъ насъ жалобъ нѣтъ; только вотъ насчетъ мѣсячины маленько идетъ...

— Нѣтъ, Аксинья, ты этого не говори: мѣсячины идетъ довольно.

— Ну, батюшка, ваше дѣло! Конечно, намъ говорить не приходится.

— Ну, теперь ступай; завтра для меня ничего не готовь: можетъ-быть, куда-нибудь обѣдать позовутъ; а нѣтъ, такъ и вашего поѣмъ. Квасъ чтобы былъ: я его съ толокномъ очень люблю. Запасъ, пожалуйста, поберегай, а то не опять же сюда загонять подводы. Если будетъ оставаться что̀ съ вечера, такъ ты на другой день и не готовь: перебьемся какъ-нибудь.

— Слушаю-съ, — отвѣчала Аксинья и пошла-было.

— Аксинья! — кликнулъ Степочка: — Рыжка, я думаю, отдохнулъ: скажи-ка Кузьмѣ, чтобы мнѣ заложилъ его въ дрожки; а то скверно: все пѣшкомъ хожу... Какъ будетъ готово, такъ доложили бы мнѣ...

Оставшись одинъ, молодой человѣкъ началъ глядѣться въ зеркало и, видимо, остался доволенъ собою и своимъ туалетомъ. Но я съ своей стороны не скажу этого, — костюмъ его былъ даже совершенно неприличенъ для наслѣдника шестисотъ душъ: фракъ — еще петербургскій, который сшилъ ему дядя, и потому этотъ фракъ принадлежитъ къ той давно минувшей модѣ, когда таліи носили только-что не на лопаткахъ и очень много настегивали ваты; бѣлаго пике жилетъ, которымъ богатый женихъ такъ гордился, былъ никуда негодно сшитъ, да и самое пике было весьма двусмысленной доброты; про петербургскія манишки съ дырочками и говорить нечего: онѣ ниже всякихъ словъ; брюки тоже: вытянутыя на колѣнкахъ, съ морщинами и съ какими-то тоненькими штрипками,— однимъ словомъ, очень нехороши! Но все это Степанъ Герасимычъ скрасилъ, надѣвъ одни изъ своихъ часовъ съ толстою золотою цѣпочкою и украсивши свои руки двумя перстнями. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ и въ шарфъ воткнулъ брильянтовую булавку.

Проектъ его ѣхать на Рыжкѣ не состоялся, потому что Кузьма... Но здѣсь я нужнымъ нахожу сказать нѣсколько словъ о Кузьмѣ: во-первыхъ, онъ былъ, надо полагать, очень хорошій кучеръ, потому что въ самую темную ночь, даже подгулявши гдѣ-нибудь на праздникѣ, привозилъ домой барыню въ ея колымагѣ совершенно благополучно; во-вторыхъ, коечто зналъ по коновальному дѣлу и очень любилъ пускать лошадямъ кровь, и вообще этихъ животныхъ любилъ исключительно и только настойчивостью своего характера выпрашивалъ у барыни получше для нихъ кормъ. Но, при всѣхъ этихъ

кучерскихъ достоинствахъ, онъ имѣлъ одинъ огромный недостатокъ: былъ чрезвычайно грубъ какъ со своимъ братомъ, такъ и съ господами, чувствуя особое расположеніе говорить и дѣйствовать имъ наперекоръ, и въ малѣйшихъ пустякахъ старался ихъ переумничать.

Степанъ Герасимычъ сидѣлъ по крайней мѣрѣ полчаса въ ожиданіи лошади. Наконецъ у него недостало терпѣнія; онъ вышелъ на крыльцо. Кузьма и не думалъ закладывать дрожки, а преспокойно сидѣлъ въ избѣ и перебранивался съ Аксиньей, утверждая, что лошадь и безъ того измучена...

Зная, что Кузьму переспорить не было никакой возможности, Степанъ Герасимычъ только плюнулъ; а черезъ нѣсколько минутъ, надѣвши пальто на ватѣ, сшитое изъ папенькиной зеленаго цвѣта шинели, и круглую складную шляпу, купленную имъ еще въ Петербургѣ, по случаю, онъ шелъ уже по деревянному тротуару, бережно обходя всѣ лужи, что̀ было сдѣлать довольно трудно: ночь была хоть глазъ выколи. Но несмотря на это молодой человѣкъ дошелъ благополучно и имѣлъ только маленькую непріятность отъ двухъ собакъ, которыя крѣпко-было къ нему привязались. Но онъ зналъ для спасенія отъ этихъ безпокойныхъ животныхъ прекрасный способъ: присѣсть на корточки къ землѣ, и собаки, воображая, что на нихъ берутъ камень, полаявши, обыкновенно разбѣгаются, что̀ и въ этотъ разъ было имъ исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ. Флейту свою Степанъ Герасимычъ велѣлъ Аркашкѣ, часа черезъ два, принести въ лакейскую Алексѣя Сергѣича и потихоньку себя вызвать.

II.

У Алексѣя Сергѣича Ухмырева, къ которому отправился Степанъ Герасимычъ танцовать, любезничать съ барышнями и сыграть что-нибудь, по желанію хозяйки, на флейтѣ, было уже довольно много гостей. Весь домъ, какъ водится, былъ освѣщенъ. Трудно описать, насколько этотъ домъ былъ для всѣхъ городскихъ и уѣздныхъ господъ пріятнымъ убѣжищемъ, — не говоря уже того, что въ немъ все было для уѣзднаго городка даже слишкомъ богато, или, лучше сказать, все блестѣло, начиная съ паркетнаго пола до бронзовой, подъ чехломъ, люстры. Драпировка была тоже вездѣ, гдѣ только ей позволительно быть: и на всѣхъ окнахъ, и на дверяхъ, и даже между двумя колоннами, отдѣляющими въ наугольной комнатѣ небольшое возвышеніе, обстановленное съ боковъ цвѣтами. Но все это было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ ра-

душнымъ пріемомъ, который находилъ въ этихъ стѣнахъ каждый, особенно играющій хоть немного въ карты, такъ какъ хозяинъ и хозяйка были страстные до нихъ охотники. Въ продолженіе цѣлаго года не проходило почти ни одного вечера, чтобы въ этомъ гостепріимномъ домѣ не играли стола на два въ карты. Званые обѣды тоже повторялись довольно часто, а запросто — такъ ужъ, конечно, каждый день кто-нибудь изъ постороннихъ обѣдалъ. Про самого Алексѣя Сергѣича говорили еще нѣчто не въ его пользу: признавая въ немъ доброту, многіе понимали его такъ, что живетъ онъ на широкую ногу не по гостепріимству, а по самолюбію; потому что богатство предпочитаетъ всему и въ знакомствѣ очень неровенъ: передъ богатыми и знатными унижается, такъ что видѣть непріятно, а кто побѣднѣе, такъ поднимаетъ носъ и даже никогда не платитъ визитовъ. Смѣялись также очень надъ тѣмъ, что онъ, стараясь представить изъ себя барича и человѣка образованнаго, разсказывалъ, что будто бы не можетъ ѣсть того да другого, что мѣстной мадеры и наливки запаху даже слышать не въ состояніи и привыкъ пить только заграничныя вина, и наконецъ, что будто бы очень много читаетъ. Но этому рѣшительно никто не вѣрилъ, и нѣкоторые утверждали фактами, что пить и ѣсть онъ можетъ все и что книги выписываетъ для одного форса, самъ же ихъ и не разрѣзываетъ, такъ какъ онъ человѣкъ самаго маленькаго образованія: очень некраснорѣчивъ въ разговорахъ, да кромѣ того и въ языкѣ имѣетъ небольшую помѣху, потому что когда говоритъ, то какъ будто бы заикается. Къ нему даже прикладывали пословицу: «родись не уменъ, не пригожъ, а счастливъ», на томъ основаніи, что въ молодости своей онъ былъ, какъ говорили, совсѣмъ пустой малый: картежникъ, мотишка и собой весьма непрезентабельный, но при всемъ этомъ успѣлъ однакоже внушить любовь въ богатой вдовѣ — теперешней его супругѣ — и, женившись на ней, вышелъ, по состоянію, въ люди. Но никто ничего подобнаго не говорилъ про m-me Ухмыреву: она пользовалась не только всеобщимъ уваженіемъ, но даже любовью: въ устахъ всѣхъ и каждаго именовалась она наидобрѣйшею Авдотьею Егоровною. И въ самомъ дѣлѣ, это была дама самаго деликатнаго воспитанія и самыхъ нѣжныхъ отъ природы чувствъ. Ни къ кому во всю жизнь не относилась она безъ ласковаго эпитета. Говоря съ самою бѣдною женщиною, она называла ее *милушкой* или *душа моя*. Дамъ равныхъ съ нею она именовала *многоуважаемая* или *неоцѣненная моя*. Съ молодыми дѣвицами была тоже очень привѣтлива: *chère Catiche, mon aimable Nina*, — относилась она къ нимъ. Раз-

говаривая съ молодыми людьми, она обыкновенно прибавляла: *внучекъ мой*, *сынокъ мой*, *остроумный шалунъ нашъ*. Даже лакеевъ своихъ она называла ласкательными именами: *Петруша*, *Ванюша*. Доброта ея доходила, впрочемъ, и до нѣкоторыхъ крайностей: она ни за что въ мірѣ не согласилась бы ѣсть ни мяса, ни дичи, ни рыбы, если бы только передъ обѣдомъ сказали ей, что это мясо коровы, которую третьягодня закололи, что жаренаго тетерева вчера застрѣлили, и что наконецъ эту прекрасную стерлядь въ ухѣ почти живую положили въ кастрюлю. Покойниковъ она тоже очень боялась, или, лучше сказать, просто не могла о нихъ слышать,—вслѣдствіе чего ея мужъ и всѣ хорошіе знакомые тщательно скрывали отъ нея, если кто-нибудь въ городѣ умиралъ. Къ собакамъ и кошкамъ, которыхъ въ домѣ держалось огромное количество, была страстна. Въ карты, какъ я и прежде объяснялъ, Авдотья Егоровна очень любила играть и была большая мастерица этого дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ играла съ такимъ благородствомъ и съ такою уступчивостью, что людямъ благороднымъ, но дурно играющимъ, съ нею было даже совѣстно играть, люди же неблагородные, но хорошо играющіе, этимъ, конечно, пользовались. Злорѣчія моя добрая дама очень не любила и всякій разъ дѣлала грустный видъ, когда ей кто-нибудь начиналъ разсказывать въ этомъ родѣ. Въ настоящее время ей было слишкомъ за сорокъ, чтобы не сказать: и всѣ пятьдесятъ. Лицо ея, какъ я полагаю, нѣкогда довольно нѣжное, походило уже теперь на испеченное яблоко. Одѣвалась она не только хорошо, но даже богато, и очень любила душиться модными духами. Это послѣднее обстоятельство служило поводомъ къ легкой насмѣшкѣ насчетъ ея. Нѣкоторые подозрѣвали, что будто бы эта почтенная женщина считаетъ еще себя не совсѣмъ дурною и вѣритъ въ возможность производить нѣкоторое впечатлѣніе своею наружностью. Но я съ этимъ несогласенъ и отношу изысканность ея туалета къ одному опрятству и хорошимъ привычкамъ.

Съ годъ тому назадъ домъ Алексѣя Сергѣича еще болѣе одушевился: въ немъ появилась племянница Авдотьи Егоровны, Вѣра Павловна Ензаева, московская барышня, родившаяся и воспитанная въ богатствѣ, но въ настоящее время сирота и безъ всякаго состоянія. Алексѣй Сергѣичъ, а болѣе того Авдотья Егоровна любили ее, кажется, какъ родную дочь и, не имѣя родныхъ дѣтей, цѣлью своей жизни поставили себѣ упрочить ея будущность. Одѣвали ее какъ куклу. Собственно для нея выписали они изъ Москвы превосходный лихтенталевскій рояль и наконецъ затѣяли танцовальные вечера. Авдотья Его-

ровна съ восторгомъ разсказывала всѣмъ знакомымъ, какая музыкантша ея племянница, и какъ она всегда плачетъ, когда chère Véra въ сумерки разыгрываетъ какую-нибудь увертюру. Что касается самой молодой дѣвушки, то на первомъ же балѣ, который Алексѣй Сергѣичъ далъ по случаю ея пріѣзда и на которомъ Авдотья Егоровна представила ее обществу, всѣми почти дамами было замѣчено: во-первыхъ, что Вѣрѣ слишкомъ и даже очень слишкомъ за двадцать; во-вторыхъ, о цвѣтѣ лица ея рѣшили, что днемъ онъ желтоватъ, а румянецъ даже болѣзненный; это подтвердилъ и мѣстный докторъ: онъ разсказывалъ многимъ, что дѣвушка очень слабаго сложенія, страдаетъ нервными припадками и склонна къ чахоткѣ; и наконецъ, въ-третьихъ, было открыто, что Вѣра не имѣетъ настоящаго свѣтскаго образованія, а только учена, и потому о своей учености черезчуръ много думаетъ, и вообще нелюбезна, особенно съ дамами и дѣвицами, изъ которыхъ съ нѣкоторыми она даже не проговорила ни одного слова, а разсуждаетъ больше съ мужчинами, и то все о поэзіи, музыкѣ и тому подобныхъ предметахъ, что̀ и относили къ кокетству и гордости съ ея стороны. Бо̀льшая часть мужчинъ не соглашалась съ мнѣніемъ дамъ. Они утверждали, что у Вѣры Павловны прекрасные каріе глаза, цвѣтъ лица не желтоватый, а матовый, который къ ней очень идетъ, и что наконецъ она ума необыкновеннаго для женщины.

Въ настоящее время танцовальные вечера у Алексѣя Сергѣича, по случаю дворянскаго съѣзда, были весьма многолюдны. Не говоря уже о прекрасномъ полѣ, котораго въ провинціи всегда бываетъ достаточно, но даже кавалеровъ, и кавалеровъ танцующихъ, было четверо, а именно: знакомый нашъ Степанъ Герасимычъ, отпускной уланъ Карелинъ, вышеупомянутый докторъ, хотя уже немолодой и женатый, но большой еще любезникъ съ дамами; нѣкто m-r Мишель, преумненькій и премиленькій мальчикъ 17 лѣтъ, приготовлявшійся поступить въ гусары, и наконецъ еще нѣкто m-r Шамиловъ, молодой помѣщикъ, съ полгода уже пріѣхавшій въ свою небольшую усадьбу. Но сей послѣдній, впрочемъ, черезчуръ много важничалъ, выгибалъ изъ себя какого-то ученаго человѣка, мало танцовалъ и, по послѣднимъ замѣчаніямъ, очень интересовался Вѣрой Павловной, которая и сама, повидимому, предпочитала его прочимъ молодымъ людямъ.

Тетка и дядя, впрочемъ, этому не сочувствовали; по крайней мѣрѣ Алексѣй Сергѣичъ во всеуслышаніе отзывался очень дурно о Шамиловѣ и называлъ его недоученнымъ философомъ и несноснымъ фантазеромъ.

Но обращаюсь къ самому разсказу. Гостей, какъ я и прежде

замѣтилъ, было довольно. Въ кабинетѣ играли на двухъ столикахъ: на одномъ самъ хозяинъ съ тѣми, кто позначительнѣе, а на другомъ была партія гораздо пониже. Разговоръ между игроками былъ обыкновенный, карточный: то-есть спорили о томъ, у кого была дама и у кого король, и наконецъ, кто глупо и нерасчетливо сыгралъ, — и споръ этотъ, какъ водится, былъ довольно запальчивый и исполненный личностей другъ противъ друга. Низшая партія была гораздо скромнѣе; она только немилосердно курила въ четыре трубки. По залѣ ходили двѣ дѣвицы: Иринъ Шмакова и Софи Моросенко. Обѣ эти барышни воспитывались вмѣстѣ въ губернскомъ пансіонѣ и, по дружбѣ родителей, а еще болѣе того — по влеченію своихъ собственныхъ сердецъ, еще на школьной скамейкѣ соединились узами тѣснѣйшей дружбы. Выходя изъ пансіона и раздѣлившись семидесятиверстнымъ пространствомъ, онѣ обливались горькими слезами, долгое время грустили другъ о другѣ и завели потомъ каждонедѣльную переписку. Онѣ имѣли чрезвычайно много между собою тайнъ и при личныхъ своихъ свиданіяхъ всегда говорили о своихъ знакомыхъ личными мѣстоименіями: *онъ* и *она*. При такой нравственной симпатіи, по наружности онѣ были различны: Иринъ Шмакова была высокая, худощавая брюнетка и гордилась стройностью таліи. Откровенно говоря, она была нехороша собою. Но Софи Моросенко цвѣла здоровьемъ: маленькая ростомъ, черезчуръ румяная, совершенно безъ таліи, но въ то же время съ очень пріятною физіономіей. Несмотря на различіе комплекцій, обѣ дѣвицы, по чувству дружбы, всегда сохраняли буквальное сходство въ туалетѣ. Въ настоящемъ случаѣ онѣ были одѣты въ розовыя газовыя платья, съ бѣлыми поясами и съ незабудками на головѣ. Молодая дама, нѣкая Катерина Петровна, была тоже ихъ другъ и знала всѣ ихъ тайны. Въ костюмѣ своемъ она, конечно, не подражала имъ. На ней былъ верденомовый полукапотъ, отдѣланный черными кружевами. Она была бы недурна, если бы выраженіе ея лица менѣе походило на птичье. Ее разумѣли, какъ даму милую, но немного вредную на языкѣ. Разговоръ въ настоящемъ случаѣ эти дамы вели между собою на французскомъ діалектѣ и смѣялись насчетъ Вѣры Павловны, которую всѣ онѣ не любили, потому что она съ ними почти никогда не занималась, что̀ бы ей слѣдовало дѣлать, какъ хозяйкѣ дома. Въ гостиной тоже играли на двухъ столикахъ: Авдотья Егоровна, какъ и мужъ, составляла партію позначительнѣй, а на другомъ столикѣ сражались въ преферансъ три старыя барыни старыми картами и, кажется, по копейкѣ серебромъ, но зато съ пѣной на губахъ отъ злобы

другъ противъ друга; по стѣнѣ около оконъ сидѣло нѣсколько молоденькихъ барышень.

Въ наугольной комнатѣ, на томъ возвышеніи, о которомъ я прежде упоминалъ, сидѣла Вѣра Павловна. Она была очень интересна въ бѣломъ газовомъ платьѣ, между цвѣтами и слегка облокотившись на маленькій столикъ. Передъ нею, нѣсколько въ почтительномъ отдаленіи, сидѣлъ молодой человѣкъ. Лицо его, довольно пріятное, имѣло отчасти ученое выраженіе, то есть онъ былъ въ очкахъ, съ длинными и небрежно зачесанными назадъ волосами, въ визитномъ полуфракѣ и гладко натянутыхъ перчаткахъ, и вообще нѣсколько смахивалъ на итальянскаго художника. Это былъ m-r Шамиловъ. Собесѣдники нѣкоторое время молчали. Молодой человѣкъ сидѣлъ задумавшись, обрывая лепестки съ розана, который онъ сорвалъ съ близъ стоящаго куста.

— За что вы такъ истерзали этотъ несчастный розанъ? — сказала дѣвушка съ улыбкою.

— Я-съ?.. — проговорилъ молодой человѣкъ, какъ бы придя въ себя. — Я и самъ не знаю, что дѣлаю, — прибавилъ онъ.

— Вы не любите цвѣтовъ?

— Нѣтъ.

— Не вѣрю.

— Почему же?

— Такъ: надобно быть очень злымъ человѣкомъ, чтобы не любить цвѣтовъ... море... лѣсъ... небо... какъ все это хорошо! Особенно лѣсъ! Я очень его люблю... мнѣ кажется, что всякое деревцо думаетъ, и что, можетъ-быть, они говорятъ между собой, когда шелестятъ листочками.

— Лѣсъ я самъ люблю болѣе другого. Онъ, по крайней мѣрѣ, поражаетъ меня своимъ величественнымъ спокойствіемъ.

Вѣра Павловна покачала головою.

— Не шутя говорю, — продолжалъ молодой человѣкъ: — я въ природѣ чувствую одно только величіе и спокойствіе. Красоты я въ ней не вижу; если она и существуетъ, то очень вдали; вблизи природа груба.

— А цвѣты? Неужели вы не чувствуете ихъ красоты?

— Точно ту же красоту я вижу и въ нарисованномъ цвѣткѣ.

— Нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ, m-r Шамиловъ! Я никогда не соглашусь съ вами, — возразила дѣвушка. — Я очень люблю цвѣты: они живутъ, чувствуютъ.

— Полноту вашихъ чувствованій, Вѣра Павловна, вы переносите на природу. Изъ вашихъ словъ она мнѣ кажется гораздо лучше, чѣмъ я самъ ее вижу.

На нѣсколько минутъ разговоръ прекратился.

— Пишете ли вы теперь? — начала опять дѣвушка. — Помните, вы мнѣ говорили, что у васъ начато объ идеалахъ поэзіи. Это должно быть очень любопытно.

— Да, я началъ, но отсталъ, — отвѣчалъ Шамиловъ. — Теперь въ моей головѣ болѣе серьезная мысль, которая мучитъ меня день и ночь, но за которую все-таки недостаетъ воли приняться.

— Отчего же?

— Оттого, что я теперь болѣе способенъ чувствовать, чѣмъ мыслить, — отвѣчалъ Шамиловъ.

Вѣра посмотрѣла на него.

— Какая же ваша мысль? — спросила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я думаю, — началъ Шамиловъ нѣсколько профессорскимъ тономъ: — приняться за большое дѣло: написать драму изъ греческой жизни.

— Изъ греческой жизни? — спросила Вѣра Павловна съ удивленіемъ.

— Чему же вы такъ удивились?

— Да такъ; немного странно нынче писать изъ греческой жизни. Что же это будетъ — въ родѣ Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ»?

— Совсѣмъ въ другомъ! — возразилъ Шамиловъ, какъ бы нѣсколько уже обиженнымъ тономъ. — Послушайте, — продолжалъ онъ многозначительно и ударивъ себя въ грудь: — въ писательствѣ, какъ и во всякомъ другомъ хорошемъ дѣлѣ, должно или что-нибудь дѣлать серьезное, или ничего не дѣлать. Не романы же слагать à la Dumas, не повѣсти же разсказывать, какъ разсказываютъ ихъ наши беллетристы, — и читать-то подобную галиматью терпѣнья нѣтъ.

Вѣра въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ и очень внимательно смотрѣла на него.

— Въ чемъ же собственно будетъ состоять сюжетъ вашей трагедіи? — спросила она.

— Вы, конечно, знаете, что въ Греціи существовало постоянно, одна за другой, нѣсколько философскихъ школъ. Эти-то школы я и думаю олицетворить въ одномъ человѣкѣ, который первоначально живетъ, мыслитъ, составляетъ нѣкоторую систему и результаты своего мышленія вводитъ въ общество, которое, конечно, на первомъ шагу ему противодѣйствуетъ. Въ немъ возбуждается драма; но онъ не слабѣетъ и торжествуетъ, — это первый актъ. Но потомъ, по процессу мышленія, онъ достигаетъ новыхъ результатовъ и составляетъ

новую школу; противъ него снова возстаютъ, укоряютъ его прежними выводами, не сознавая того, что новые результаты вовсе не противоположны прежнимъ и вовсе не уничтожаютъ ихъ, но, напротивъ того, вытекаютъ изъ нихъ же и представляютъ собою одно только органическое развитіе мысли. Драма въ философѣ возбуждается страшная; но онъ снова торжествуетъ и снова достигаетъ новыхъ результатовъ. Такъ онъ проходитъ всѣ системы и наконецъ впадаетъ въ скептицизмъ, къ которому Грецiя была уже готова, и вмѣстѣ съ нею падаетъ. Но главное дѣло въ томъ, что вся драма будетъ обставлена обычаями изъ греческой жизни, все должно быть проникнуто этимъ художественнымъ греческимъ чувствомъ, всѣ сцены будутъ происходить въ этихъ аѳинскихъ портикахъ, въ ихъ таинственныхъ храмахъ, или наконецъ на площадяхъ, подъ чуднымъ и прекраснымъ небомъ...

— Это будетъ чудесно, — сказала Вѣра: — въ стихахъ?

— Конечно.

Между тѣмъ въ залѣ, куда вошелъ Степанъ Герасимычъ, происходили совершенно другого рода сцены: тамъ ходили тѣ же двѣ дѣвицы и дама. М-г Сальниковъ расшаркался предъ ними.

— У себя Алексѣй Сергѣичъ? — отнесся онъ къ Ринѣ Шмаковой.

Та посмотрѣла ему въ лицо и немного сконфузилась; дама сдѣлала гримасу.

— У себя-съ? — повторилъ Степанъ Герасимычъ.

— Дома, — отвѣчала дѣвушка и очень уже сконфузилась.

— А гдѣ я ихъ могу видѣть?— продолжалъ гость допрашивать.

— Онъ, кажется, тамъ, — подхватила съ пренебреженіемъ дама, указывая на кабинетъ.

— Mercі, madame! — отвѣчалъ Степанъ Герасимычъ и, снова расшаркавшись, ушелъ въ кабинетъ.

— Можно ли быть такъ глупымъ: спрашиваетъ насъ, какъ швейцара! — сказала дама. — Я хотѣла его послать въ лакейскую спросить объ этомъ.

— Я чуть не умерла со стыда, — произнесла m-lle Шмакова. — Сначала я и не поняла, что̀ онъ меня спрашиваетъ.

— Я видѣла, что вы растерялись, и потому поспѣшила къ вамъ на помощь, — проговорила дама.

При входѣ Сальникова въ кабинетъ, хозяинъ издалъ звуки радости и, тотчасъ же взявши гостя за обѣ руки, дружески потрясъ ихъ и потомъ поцѣловалъ его въ уста.

— Какъ ваше здоровье? — спросилъ тотъ, расшаркавшись прочимъ игрокамъ.

— Ничего, хорошо; ну, а вы что... какъ?..

— Я такъ-съ... такъ же, какъ и вы... Здоровье Авдотьи Егоровны?

— Авдотья Егоровна у меня все хилѣетъ, — сегодня, впрочемъ, ничего.

— Вѣра Павловна тоже, полагаю, здоровы?

— Здорова. Прошу присѣсть.

— Благодарю васъ, все сидѣлъ.

— Прикажете трубку, сигару, папироску? Мальчикъ!.. Чего прикажете?

— Позвольте ужъ безпокоить васъ трубкой.

— Трубку, скорѣй, да чаю сюда! — сказалъ хозяинъ и на нѣсколько минутъ отвернулся отъ Степана Герасимыча, потому что долженъ былъ играть.

Сыгравши партію, онъ снова обратился къ гостю и, не находя, кажется, о чемъ бы съ нимъ заговорить, глядѣлъ на него ласково.

— Какъ проводите ваше время? — спросилъ Степанъ Герасимычъ.

— Такъ себѣ: послѣ обѣда все дуемся въ карты, а поутру погулялъ немного... А вы — не гуляете?

— Здѣсь нѣтъ-съ!.. Здѣсь непріятно гулять... собакъ очень много... По рядамъ пройтись, конечно, пріятно, но вѣдь деньги надобно мотать; а въ деревнѣ-съ я цѣлый день въ полѣ; тамъ, по-моему, запахъ этакій пріятный, рожью, сѣномъ... я очень люблю, какъ сухое сѣно пахнетъ.

— Да, запахъ пріятный! Я самъ люблю... Матушка ваша здорова?

— Слава Богу-съ; только рана на ногѣ все ихъ безпокоитъ.

— Рана!?. и большая?

— Я думаю, въ мѣдный пятакъ.

— Въ мѣдный пятакъ однакожъ? Какая большая! А давно?

— Третій годъ.

— Третій годъ, скажите, пожалуйста! Какъ, я думаю, это имъ непріятно!

— Ничего-съ: маменька ужъ привыкли, — подъ старость ужъ ничего; вотъ намъ, молодымъ людямъ, было бы непріятно, потому что танцовать нельзя.

— Да, конечно, молодые люди другое дѣло! Но и старики тоже чувствуютъ,—проговорилъ хозяинъ, снова обращаясь на нѣкоторое время къ игрѣ.

Степанъ Герасимычъ между тѣмъ пилъ чай и курилъ

трубку, и когда онъ допилъ свой стаканъ, то роберъ уже кончился. Алексѣй Сергѣичъ всталъ и взялъ его подъ-руку.

— Вы не видали еще жены? — спросилъ онъ.

— Не имѣлъ еще счастья...

Они пошли и, проходя залу, оба улыбнулись дамамъ.

— Eudoxie!.. Степанъ Герасимычъ!.. — сказалъ Алексѣй Сергѣичъ, подходя къ женѣ.

— Bonsoir, m-r Salnicoff, — произнесла та самымъ привѣтливымъ голосомъ, протягивая гостю руку.

— Ваше здоровье? — спросилъ тотъ.

— Благодарю васъ! Сегодня я здорова.

— Можетъ-быть, оттого, что вы сегодня пріятно проводите время.

— Да! Но я никогда не скучаю. Благодаря нашихъ знакомыхъ, мы никогда почти не бываемъ одни.

— Знакомые ваши, я думаю, вамъ болѣе обязаны, — возразилъ Степанъ Герасимычъ:—потому что вы ихъ такъ угощаете, что другіе, я думаю, во всю жизнь дома того не видали.

При этомъ откровенномъ замѣчаніи молодого человѣка нѣкоторые изъ сидѣвшихъ вблизи гостей покраснѣли, а другіе только улыбнулись; хозяйка потупилась.

— Вы помните ваше обѣщаніе насчетъ флейты? — сказала она, какъ бы желая перемѣнить разговоръ.

— Я никогда не позволю себѣ забыть обѣщаній, которыя я давалъ дамамъ.

— Право?

— Дамы сами такъ добры и такъ милы, что обманывать ихъ грѣшно.

— А какъ между тѣмъ часто мужчины обманываютъ женщинъ, — замѣтила одна изъ игравшихъ дамъ.

— Конечно-съ, это бываетъ; но это, сами согласитесь, какіе-нибудь прохвосты? — проговорился опять Степанъ Герасимычъ.

Авдотья Егоровна опять потупилась, нѣкоторые изъ гостей засмѣялись; молодой человѣкъ, кажется, и самъ замѣтилъ, что ужъ черезчуръ откровенно выражался, а потому и самъ нѣсколько смѣшался.

— Вѣра Павловна, можетъ-быть, еще не вышли изъ своей комнаты?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ; она, кажется, въ наугольной.

Степанъ Герасимычъ отошелъ отъ хозяйки. Между тѣмъ Алексѣй Сергѣичъ, подведя гостя къ женѣ, хотѣлъ-было вернуться въ свой кабинетъ, но, увидѣвъ въ зеркало, что Вѣра

сидитъ съ Шамиловымъ, надулся и съ сердитымъ лицомъ пошелъ въ наугольную, взглянулъ значительно на племянницу, посмотрѣлъ исподлобья на ея собесѣдника, толкнулъ ногой валявшійся окурокъ папиросы и, проговоривъ: «какъ здѣсь насорено», ушелъ опять въ гостиную, гдѣ подошелъ къ женѣ и прошепталъ ей что-то на ухо. Авдотья Егоровна отвѣчала ему самымъ добрымъ взглядомъ.

— Ничего, mon ange,—проговорила она.

Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.

— Клянусь тебѣ честью—ничего!..

Алексѣй Сергѣичъ опять пожалъ плечами и пошелъ.

— Alexis!—крикнула Авдотья Егоровна.

Alexis обернулся.

— Пожалуйте сюда.

Alexis подошелъ.

— Не извольте дуться: я этого не люблю и приказываю вамъ мнѣ улыбнуться, а сердитымъ не уходить,—проговорила m-me Ухмырева, протягивая мужу руку, которую тотъ поцѣловалъ; но все-таки ушелъ въ кабинетъ насупившись.

Сальниковъ, пройдясь по гостиной, вошелъ, какъ бы нечаянно, въ наугольную.

— Вы здѣсь!—сказалъ онъ, съ пріятною улыбкою обращаясь къ Вѣрѣ.

— Здѣсь, —отвѣчала та, переглянувшись съ Шамиловымъ.

Степанъ Герасимычъ сѣлъ.

— Какая сегодня погода ужасная!—началъ онъ.

— Почему же ужасная?—спросилъ Шамиловъ.

— Дождикъ цѣлый день,—отвѣчалъ Сальниковъ.—Я полагаю, что и вы, Вѣра Павловна, тоже не любите ненастной погоды,—прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Напротивъ: я очень люблю осень.

— Всѣ дѣвицы обыкновенно любятъ хорошую погоду.

— Не знаю.

— Въ хорошую погоду можно гулять; но въ ненастье, особенно дамы, принуждены бываютъ сидѣть дома.

— Я люблю сидѣть дома.

— Но все-таки, mademoiselle, согласитесь, что въ Петербургѣ всѣ дамы въ хорошую погоду всегда прогуливаются на Невскомъ: когда я жилъ тамъ, такъ часто наблюдалъ за этимъ,—и, рѣшительно, въ ясные дни всѣ дѣвицы гуляютъ.

— Я не жила въ Петербургѣ.

Впослѣдствіи мы успѣемъ замѣтить, что Степанъ Герасимычъ любилъ ввернуть кстати словцо о Петербургѣ, о своей жизни тамъ, и даже иногда говорилъ: «у насъ, въ Петербургѣ»,

а въ припадкѣ любезности употреблялъ иногда и французскія слова, которыхъ онъ зналъ ровно четыре: madame, mademoiselle, pardon и mercі, считая въ простотѣ сердца за самый высшій тонъ спрашиваніе о здоровьѣ, о погодѣ и о томъ, какъ проводится время.

— Видали ли вы, Петръ Александрычъ, Фанни Эльслеръ?— отнеслась Вѣра къ Шамилову.

— Тысячу разъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Дѣйствительно ли она такъ хороша, какъ о ней пишутъ?

— Выше всякихъ словъ. Въ каждой позѣ ея вы видите античную статую; въ продолженіе цѣлаго балета она не устанетъ, не утомится, не позволитъ себѣ ни разу выйти изъ своей роли. Глядя на нее, вы уже не видите ничего—ни декорацій ни кордебалета, и даже не слышите музыки: все это совершенно лишнее при ней.

— Вы недавно изъ Петербурга?—спросилъ Степанъ Герасимычъ.

— Недавно-съ,—отвѣчалъ нехотя Шамиловъ.

— Играютъ тамъ нынче «Аскольдову могилу»?

— Я думаю...

— Какая прекрасная пьеса! Изволите ли помнить, когда этотъ мужикъ, что ли, какой, али дворовый человѣкъ поетъ эту пѣсню: «Вѣетъ вѣтерокъ», такъ даже сердце замираетъ; и актеръ, который игралъ, отличнѣйшій... я никогда не слыхалъ такого прекраснаго голоса; вотъ между простолюдинами есть тоже отличные голоса, но нѣтъ, не могутъ сравниться. Я самъ также играю на флейтѣ и пою русскія пѣсни, но, признаюсь, пришелъ въ восторгъ.

— Вы только и видали одну «Аскольдову могилу»?—спросила Вѣра.

— О, нѣтъ-съ! Я нѣсколько пьесъ видалъ; тогда нѣмцы все играли, тоже очень хорошо.

— Вы говорите по-нѣмецки?—спросилъ Шамиловъ, закуривая папиросу.

Степанъ Герасимычъ нѣсколько замялся.

— Да-съ... какъ вамъ сказать... нѣтъ, нынче совершенно забылъ.

— Что же вамъ за удовольствіе было сидѣть на нѣмецкихъ операхъ, когда вы не знаете языка?

— Да что же? Это ничего, словъ не слыхать, а дѣлаютъ все они такъ же, какъ и мы, совершенно по-русски.

— Неужели?—проговорилъ Шамиловъ и захохоталъ.

Вѣра Павловна тоже не могла удержаться.

— Я, впрочемъ, всего три раза былъ: такъ, можетъ-быть, не замѣтилъ,—подхватилъ Степанъ Герасимычъ.

Вошла Авдотья Егоровна.

— Chère Véra, что же вы, ангелъ мой, не танцуете?—сказала она, подходя къ племянницѣ, беря ее за руку и цѣлуя.— Вы не удивляйтесь, господа, — прибавила она, обращаясь къ молодымъ людямъ:—я влюблена въ эту дѣвушку.

Шамиловъ молчалъ.

— Вѣра Павловна сами, вѣроятно, въ васъ влюблены, — замѣтилъ Степанъ Герасимычъ.

— Нѣтъ, она меньше меня любитъ... Танцуйте, милочка моя.

— Я готова, ma tante, но кому же танцовать?—сказала Вѣра, вставая.

— Тамъ барышни, mon ange, дожидаются; ты, какъ хозяйка, затѣй: кавалеры есть: m-r Сальниковъ et vous, m-r, j'espère, que vous serez si aimable de danser ce soir,—отнеслась она къ Шамилову.

Тотъ поклонился.

— Какъ сегодня насчетъ кавалеровъ непріятно разстроилось, — продолжала хозяйка: — нашъ молодецъ-уланъ куда-то пропалъ, милѣйшій докторъ рѣшительно отказался сегодня, а бѣдный Мишель страдаетъ флюсомъ.

— Это значитъ-съ, нашего полка убыло,—сострилъ Степанъ Герасимычъ.

— Да, — отвѣчала Авдотья Егоровна. — Я пойду попрошу милую Катерину Петровну сыграть французскую кадриль. Ахъ, какая она добрая! Въ прошлый четвергъ была такъ обязательна, что почти цѣлый вечеръ играла одна; я думала, что на другой день она будетъ безъ рукъ,—проговорила ласковая Авдотья Егоровна и ушла.

— Танцуйте и спасите меня отъ этого господина,—сказала Вѣра по-французски Шамилову.

Тотъ, конечно, тотчасъ же пригласилъ ее и пригласилъ по-русски.

У Степана Герасимыча вытянулось лицо.

— Какъ я несчастливъ!—сказалъ онъ.

— Чѣмъ?—спросила Вѣра.

— Лишился счастья съ вами танцовать.

— Дамъ много.

— Да, это правда; но я...

Вѣра ушла.

Кадриль составилась въ четыре пары—Степанъ Герасимычъ танцовалъ съ Софи Моросенко и каждый разъ, встрѣчаясь съ

Вѣрой, улыбался ей, но, впрочемъ, былъ очень любезенъ и съ своею дамою.

— Вы любите танцы?—спросилъ онъ ее.

— Люблю.

— Дѣвицы, впрочемъ, всѣ охотницы танцовать.

— И кавалеры тоже любятъ.

— Да-съ; но кавалеры хуже танцуютъ.

— Отчего же хуже? М-г Карелинъ прекрасно галопируетъ.

— Это правда, я съ вами согласенъ; но это, вѣроятно, оттого, что они въ военномъ платьѣ.

— Вовсе нѣтъ. Онъ очень ловокъ.

— Какъ я благодаренъ здѣшнимъ дамамъ, — продолжалъ Степанъ Герасимычъ.

— За что?

— Прошлый разъ онѣ меня выучили гросфатеръ.

— А вы развѣ его не танцовали?

— Нѣтъ-съ, я признаюсь откровенно, что еще не очень ловкій тансёръ, хоть и люблю танцы... Pardon, mademoiselle! Какъ я предъ вами виноватъ!—произнесъ онъ вдругъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Что такое?—спросила она.

— Я былъ такъ неловокъ, что выбралъ мѣсто около печки: въ танцахъ и безъ того жарко; но здѣсь, я самъ чувствую, что я весь вспотѣлъ.

Софи Моросенко покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ и уже рѣшительно не въ состояніи была болѣе говорить со своимъ кавалеромъ. Совершенно другой разговоръ происходилъ между Вѣрою и Шамиловымъ, который, впрочемъ, былъ не въ духѣ.

— Ахъ, какъ я рада, м-г Шамиловъ, что съ вами встрѣтилась... —говорила Вѣра.—Будемте друзьями, будемте передавать другъ другу наши мысли, чувства, — все, что на умъ придетъ. Мнѣ тоже, какъ и вамъ, скучно и неловко здѣсь... Тяжело жить безъ отца, безъ матери, и въ чужомъ еще домѣ!

— Но ваши родные такъ васъ любятъ!

— Да, они меня любятъ; мнѣ даже совѣстно, какъ они меня любятъ. Тетка моя очень добра, дядя тоже добръ; но они съ такими странными понятіями, такъ странно думаютъ и заботятся о моей судьбѣ, что...—Вѣра не докончила.

— За что вашъ дядя меня ненавидитъ, или, лучше сказать, презираетъ меня съ ногъ до головы?

— Это неправда... Изъ чего вы замѣтили?

— Изъ всего! Онъ только-что не выгоняетъ меня!

— Нѣтъ, это такъ: онъ такой чудакъ. Впрочемъ, тутъ другія есть причины.

— А именно?

— Неужели вы не догадываетесь, что это за меня?—произнесла Вѣра.

Кадриль кончилась. Шамиловъ поклонился своей дамѣ и сталъ въ дверяхъ. Вторая кадриль началась очень скоро. Пріѣхалъ уланъ Карелинъ, молодцоватый и стройный мужчина, и подошелъ-было къ Вѣрѣ Павловнѣ просить ее на кадриль; но она уже была ангажирована Степаномъ Герасимычемъ. Сальниковъ не замедлилъ начать съ нею разговоръ.

— Я былъ такъ несчастливъ, но теперь вознагражденъ, — сказалъ онъ.

Вѣра ничего не отвѣчала.

— Вы любите лѣтомъ жить въ деревнѣ?—продолжалъ Степанъ Герасимычъ.

— Мнѣ жить вездѣ все равно.

— Но вы, вѣроятно, были въ усадьбахъ вашего дяденьки?

— Нѣтъ, не была.

— У Алексѣя Сергѣича такъ много прекрасныхъ усадебъ. Они, вѣроятно, показывали ихъ вамъ.

— Я не видала ни одной.

— Я сосѣдъ по деревнѣ вашего дяденьки; у нихъ очень хорошія усадьбы, главное — покосы отличные... но, можетъ-быть, вы больше занимаетесь книгами и музыкой—хозяйства не любите?

— Мнѣ негдѣ хозяйничать: у меня ничего нѣтъ.

— Какъ смѣшно Арина Васильевна танцуетъ, — сказалъ Сальниковъ, указывая глазами на Иринъ Шмакову, съ явнымъ желаніемъ поострить на ея счетъ.

— Это съ чего вамъ показалось? Она очень мила, — сказала Вѣра.

— Нѣтъ, вы имъ льстите. Можетъ-быть, онѣ у себя дома милы, но при васъ, я полагаю... — началъ-было Степанъ Герасимычъ, но не кончилъ, потому что Вѣра совершенно отвернулась отъ него и начала смотрѣть на Шамилова, который въ раздумьѣ стоялъ еще на прежнемъ мѣстѣ.

За кадрилью послѣдовалъ галопъ. Уланъ явился во всемъ блескѣ; онъ мастерски и неутомимо танцовалъ этотъ бойкій танецъ. Началъ онъ съ Вѣрою. Пріятно было видѣть ихъ въ парѣ, хотя молодая дѣвица и танцовала не съ большою охотою и нѣсколько небрежно; но въ то же время она была неимовѣрно граціозна и чрезвычайно легко слѣдовала за своимъ кавалеромъ. Окончивъ галопъ, Вѣра Павловна тотчасъ сѣла около Шамилова.

— Гдѣ вы?—спросила она.

— Я засмотрѣлся на васъ, хоть и не желалъ бы, чтобъ вы танцовали.

— Отчего?

— Такъ: это слишкомъ обыкновенно, а вы женщина необыкновенная.

— Пойдемте галопъ...

— Я? Но я сто лѣтъ его не танцовалъ.

— Я хочу.

Шамиловъ подалъ руку Вѣрѣ и началъ.

— Браво, m-r Шамиловъ, и вы?—произнесла игравшая на фортепіано Катерина Петровна.

Шамиловъ прогалопировалъ тоже очень ловко и если не лучше, то по крайней мѣрѣ не хуже улана; но, впрочемъ, сей послѣдній свое искусство и ловкость окончательно доказалъ, танцуя съ другими дѣвицами. Онъ сумѣлъ примѣниться къ манерѣ каждой изъ нихъ, хоть эти манеры и были довольно разнообразны, и наконецъ тѣхъ, которыя были ужъ черезчуръ тяжелы на ногу, онъ просто носилъ на рукахъ, и выходило недурно. Возгорѣлось сердце и у Степана Герасимыча, и ему захотѣлось тоже протанцовать. Онъ пригласилъ-было первоначально Вѣру, но та объявила, что устала, и рѣшительно отказалась. М-r Сальниковъ взялъ Ирину Шмакову и пошелъ. Къ несчастью, ноги молодого человѣка, вѣроятно, не привыкшія къ галопу, начали выдѣлывать такія удивительныя штуки, что онъ чуть-чуть не уронилъ свою даму и въ заключеніе всего изорвалъ ея платье и наступилъ ей на ногу, и наступилъ такъ больно, что дѣвушка вскрикнула, почти насильно вырвалась у него изъ рукъ и со слезами на глазахъ сѣла на свое мѣсто. Уланъ засмѣялся во всеуслышаніе.

— Каково отхватываетъ!—отнесся онъ къ Шамилову:—его надобно еще года два на кордѣ гонять.

Степанъ Герасимычъ немного растерялся и не совсѣмъ еще пришелъ въ себя, какъ былъ вызванъ въ лакейскую: Аркаша принесъ ему флейту. Возвратясь въ залу съ инструментомъ, онъ началъ глазами искать хозяйку, которая и сама тотчасъ его замѣтила.

— Какъ вы добры, Степанъ Герасимычъ!—сказала она:—это ваша флейта? Mesdames, m-r Salnicoff va nous procurer le plaisir de l'entendre jouer de la flûte.

— Еще новость!—произнесла Катерина Петровна.

— Что прикажете?—отнесся музыкантъ къ хозяйкѣ и дѣвицамъ.

— Что-нибудь, что вы сами любите по преимуществу,—произнесла первая.

— Я не смѣю играть русскія пѣсни, а выберу лучше что-нибудь изъ иностраннаго,—проговорилъ Степанъ Герасимычъ и началъ играть—вальсъ-казакъ...

Нѣтъ, почтенный читатель мой, здѣсь я кидаю мое перо: мнѣ совѣстно передавать вамъ то неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвела на общество игра избраннаго мною героя, или, лучше сказать, не столько игра его, которая, конечно, была далеко не совершенна и съ значительными ошибками, сколько самая физіономія. Представьте себѣ: довольно полныя щеки молодого человѣка еще болѣе раздулись, лицо еще болѣе покраснѣло, и наконецъ все это соединялось съ выраженіемъ его глазъ, которые сдѣлались очень похожими на глаза убитаго теленка. Нѣкоторыя легкомысленныя дѣвицы потихоньку засмѣялись, но прочія дамы просто не въ состояніи были его видѣть. Къ числу послѣднихъ, кажется, принадлежала и сама хозяйка; въ первую минуту она совершенно растерялась; потомъ ей, кажется, хотѣлось какъ-бы-нибудь вывести своего protégé изъ того щекотливаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ, и наконецъ она рѣшительно уже не могла его видѣть и отвернулась. Впослѣдствіи добрая Авдотья Егоровна, несмотря на свою скромность, разсказывала, что она просила Степана Герасимыча играть, никакъ не предполагая, чтобы онъ такъ фальшиво исполнялъ и — еще хуже того — имѣлъ, при этомъ случаѣ, такую непріятную наружность.

— Ахъ, ты, шутъ гороховый! Онъ, вѣрно, въ пастухахъ былъ,—проговорилъ уланъ Шамилову.—Monsieur, a monsieur Salnicoff!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Степану Герасимычу: — не умѣете ли вы: «Пастухъ выйдетъ на лужокъ, заиграетъ во рожокъ»? Это отличная пѣсня. Вы должны ее хорошо играть.

— Мегсі, мегсі, Степанъ Герасимычъ, вы устали, — перебила хозяйка.

— Помилуйте, ничего-съ; дома я больше играю,—отвѣчалъ Степочка.

— Онъ и пѣть умѣетъ,—шепнулъ Шамиловъ улану.

— Будто?.. Мы его сейчасъ заставимъ! Степанъ Герасимычъ! Дамы желаютъ, чтобы вы спѣли что-нибудь,—сказалъ онъ.

Авдотья Егоровна обратила на улана умоляющій взоръ.

— Намъ очень пріятно будетъ слышать, какъ поетъ m-r Salnicoff,—замѣтила Вѣра.

Молодой человѣкъ, услышавъ эти льстивыя слова, произнесенныя очаровательнымъ для него голосомъ, пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Я не пою, помилуйте... сами согласитесь... пѣть въ такомъ обществѣ,—говорилъ онъ.

— Спойте, пожалуйста,—повторила Вѣра Павловна.

Авдотья Петровна взглянула на племянницу съ упрекомъ.

— Начинайте! Мужчинѣ робѣть не къ лицу,—проговорилъ уланъ.

Если ужъ это такъ угодно дамамъ, то я не смѣю не повиноваться, и извиняюсь, что пою только русскія пѣсни,—произнесъ музыкантъ, откашлянулся и запѣлъ:

„При долинушкѣ стояла, калину ломала..."

Голосъ его и метода были довольно оригинальны. Онъ началъ самой тоненькой фистулой, а потомъ вдругъ переходилъ на басъ.

Уланъ ему захлопалъ въ ладоши; Шамиловъ ушелъ въ нагольную; Алексѣй Сергѣичъ, появившійся въ дверяхъ кабинета, качалъ женѣ головой. Авдотья Егоровна предприняла рѣшительное средство: она сѣла сама за рояль и начала играть французскую кадриль, пригласивъ гостей танцовать.

— Уже танцовать?—произнесъ вдругъ остановленный Степочка и, видно, не уразумѣвши хорошенько тактику хозяйки, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился приглашать даму. Далѣе затѣмъ вечеръ одушевился. Сначала пріѣхалъ умненькій Мишель, съ подвязанной щекой, который, несмотря на болѣзнь, не въ состояніи былъ просидѣть дома, а наконецъ явился и любезный докторъ. Составилась мазурка. Степанъ Герасимычъ опять подлетѣлъ-было приглашать Вѣру, но она уже танцовала съ Шамиловымъ. Въ этомъ танцѣ герой мой тоже нѣсколько разъ былъ поставленъ въ довольно непріятное положеніе: такъ, напримѣръ, въ одной фигурѣ, подобно другимъ, онъ вышелъ на средину залы и проговорилъ: «горю, горю на камешкѣ; кто меня любитъ, тотъ меня выкупитъ». Но—увы!—его, вѣроятно, никто изъ дѣвицъ не любилъ, потому что никто не подошелъ къ нему. Уланъ простеръ-было свою дерзость до того, что хотѣлъ послать къ нему выглядывавшую изъ дверей горничную; но добрѣйшая Авдотья Егоровна и тутъ поспѣшила на помощь къ молодому человѣку и выкупила его; къ ней, конечно, тотчасъ же всѣ кинулись на выкупъ. Очень также Степанъ Герасимычъ сплошалъ при выборѣ качествъ. Тотъ же злодѣй-уланъ, взявши двухъ дамъ, подошелъ къ нему и спросилъ: l'amour ou l'espérance?

Степанъ Герасимычъ, какъ мы знаемъ, мало знакомый со звуками французскаго языка, затруднился и переспросилъ.

Карелинъ опять повторилъ по-французски.

— Пирансъ,— бухнулъ Сальниковъ на авось.

— Какъ онъ жалокъ,—проговорила Вѣра Шамилову.

— У кого спокойно въ ухѣ спятъ насмѣшки, тотъ дуракъ,— отвѣчалъ тотъ.

— Конечно. Но онъ, должно-быть, добрый; иногда мнѣ онъ бываетъ скученъ и несносенъ, но чаще жалокъ.

— Честь дѣлаетъ вашему сердцу, но никакъ не ему.

— Мнѣ кажется, что онъ все чувствуетъ и понимаетъ, но не сердится, потому что добръ.

За мазуркою слѣдовалъ гросфатеръ. Степанъ Гераспмычъ, должно-быть, дѣйствительно, какъ замѣтила Вѣра Павловна, былъ добраго характера, потому что, послѣ всѣхъ его промаховъ и насмѣшекъ на его счетъ, онъ очень скоро поправлялся и черезъ минуту же дѣлался веселымъ и беззаботнымъ. Въ гросфатерѣ, танцуя съ предметомъ своей страсти, то-есть съ Вѣрою, онъ до того одушевился и расшалился, что началъ не только бѣгать, но и прискакивать. Докторъ и уланъ не утерпѣли и сыграли съ нимъ новую шутку. Въ фигурѣ перепрыгиванія черезъ платокъ они такъ нечаянно и такъ высоко подняли платокъ, что онъ, конечно, запнулся и растянулся на полу и въ первую минуту хотѣлъ, кажется, разсердиться, но, увидѣвши, что всѣ смѣются, и самъ захохоталъ.

Всѣ эти маленькія непріятности, испытанныя моимъ героемъ въ танцахъ, были окончательно изглажены исключительнымъ вниманіемъ, которое адресовалъ къ нему хозяинъ за ужиномъ. Онъ посадилъ его около себя и безпрестанно потчевалъ. Шамиловъ тоже сидѣлъ невдалекѣ; но Алексѣй Сергѣичъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія и, кажется, съ умысломъ распорядился въ подаваніи кушанья такимъ образомъ, что ему приходилось брать послѣднему; около него не стояло даже ни рюмки ни стакана, но хозяинъ какъ будто бы и не замѣчалъ этого. Зато Петръ Александрычъ былъ вознагражденъ вниманіемъ съ другой стороны, и вниманіемъ, конечно, болѣе для него лестнымъ. Вѣра Павловна, какъ это замѣтили всѣ, цѣлый ужинъ не спускала съ него глазъ.

— Desirez-vous du vin?—сказала она, подвигая къ нему бутылку съ лафитомъ и стаканъ.

Шамиловъ налилъ, взглянулъ на нее значительно и, проговоря: «votre santé»—выпилъ стаканъ залпомъ.

Алексѣй Сергѣичъ, замѣтивъ это, нахмурился и взглянулъ тоже значительно на жену, которая ему улыбнулась. Во время этого полумимическаго разговора между главными лицами моего разсказа, развязный докторъ любезничалъ съ Иринъ и

Софи. Онъ отнималъ у нихъ квасъ, говоря, что это имъ вредно, кидалъ въ нихъ хлѣбными шариками и наконецъ показывалъ имъ что-то такое жестами, отъ чего обѣ дѣвицы смѣялись. Уланъ занимался съ Катериной Петровной. Въ половинѣ ужина Шамиловъ разговорился съ докторомъ; и заговорили они нѣчто о медицинѣ.

— Знаете ли вы новую теорію Либиха?—сказалъ Шамиловъ.

— Новую теорію?—спросилъ полушутливымъ тономъ докторъ:—нѣтъ, не знаю; а я вотъ вижу по глазамъ, ее знаютъ Ирина Васильевна и Софья Николаевна; барышни обыкновенно знаютъ всѣ теоріи,—прибавилъ онъ, указывая на двухъ дѣвушекъ.

Шамиловъ замолчалъ.

— Онъ врачъ?—спросилъ докторъ.

— Кто-съ?

— Этотъ ученый, о которомъ вы говорили.

— Либихъ? Не знаю. Онъ извѣстенъ, какъ великій физіологъ.

— А, физіологъ? Это очень хорошо. Физіологія прекрасная наука... Сдѣлайте милость, барышни, не смѣйтесь надъ нами; мы увѣрены, что вы знаете всѣ науки лучше насъ... Что же онъ такое сочинилъ?—говорилъ докторъ, обращаясь то къ Иринѣ и Софи, то къ Шамилову.

— А вамъ любопытно знать?—спросилъ тотъ.

— Очень,—отвѣчалъ докторъ.—Ахъ, Боже мой, — продолжалъ онъ жалобнымъ голосомъ: — вотъ что значитъ жить въ провинціи! Столичные люди думаютъ, что насъ уже ничто и не интересуетъ.

— Либихъ-съ сдѣлалъ смѣлый шагъ,—перебилъ Шамиловъ:—онъ физіологію окончательно сблизилъ съ органическою химіею.

— Неужели? Это превосходно!—воскликнулъ докторъ.

— Угодно вамъ знать нѣкоторыя подробности этой теоріи?

— Сдѣлайте милость,—отвѣчалъ врачъ какимъ-то двусмысленнымъ тономъ: видимо, что во всей этой сценѣ онъ подтрунивалъ надъ молодымъ человѣкомъ.—Сдѣлайте милость,—повторилъ онъ.

— Она очень проста,—отвѣчалъ Шамиловъ:—Либихъ процессъ пищеваренія подвелъ подъ законы броженія и въ результатѣ получилъ составные элементы организма: фибринъ, бѣлковину и проч.

— Это очень хорошо! Безподобно!—воскликнулъ докторъ опять съ какою-то странною улыбкою.

— Все это глупости!—произнесъ вдругъ Алексѣй Сергѣичъ во всеуслышаніе.

Шамиловъ посмотрѣлъ на него.

— Что такое глупости?—спросилъ онъ.

— Все, что вы ни говорили, все это глупости,—отвѣчалъ хозяинъ.

Докторъ захохоталъ.

— Какой скептикъ: все отрицаетъ!

Шамиловъ ничего не отвѣчалъ и только улыбнулся.

— Все это плутовство и обманъ, чтобы деньги у насъ выманивать,—прибавилъ Алексѣй Сергѣичъ.

Шамиловъ и докторъ замолчали; послѣдній опять началъ шутить съ барышнями. На сцену вышелъ Степанъ Герасимычъ: онъ отнесся, черезъ весь столъ, къ Катеринѣ Петровнѣ.

— Вамъ, Катерина Петровна, не угодно было со мной сегодня танцовать,—сказалъ онъ.

— Вы меня сами не удостоили этой чести,—отвѣчала молодая дама.

— Я не смѣлъ-съ: вы все занимались музыкой.

— Пожалуйста, не оправдывайтесь! Мы всѣ очень хорошо знаемъ, что вы вѣтренникъ, за всѣми ухаживаете, и потому я вамъ не вѣрю.

— Совершенно несправедливый укоръ! Конечно, я уважаю равно какъ дѣвицъ, такъ и дамъ, но...

— Но вы всего больше любите танцы и свою флейту, а надъ женщинами смѣетесь и способны только увлекать и обманывать насъ, несчастныхъ.

Лицо Степана Герасимыча просіяло отъ удовольствія.

— Вы все на меня сегодня нападаете,—произнесъ онъ жеманно.

— Гдѣ вы галопу-то выучились?—спросилъ уланъ:—въ Петербургѣ или здѣсь?

— Въ Петербургѣ,—отвѣчалъ Степочка.

— Стало-быть, вы тамъ много танцовали?

— Я думаю, больше, чѣмъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

— Гдѣ же это вы тамъ танцовали?

— У дяди: у нихъ каждую субботу были великолѣпные вечера; но, впрочемъ, по-моему, танцовать немного, но съ тѣми, съ кѣмъ желаешь, пріятнѣе самыхъ большихъ танцевъ,—проговорилъ Степанъ Герасимычъ и при послѣднихъ словахъ взглянулъ на Вѣру и хотѣлъ-было еще что-то говорить, но ужинъ кончился.

Хозяинъ былъ такъ къ нему внимателенъ, что самъ наложилъ ему трубку и, узнавъ, что онъ пришелъ пѣшкомъ, тотчасъ же велѣлъ заложить для него лошадь.

Шамиловъ стоялъ около Вѣры со шляпою.

— Когда мы увидимся?—спросила она.

— Не знаю. Здѣсь бывать я болѣе не могу.

— Ничего,—пріѣзжайте послѣзавтра.

— Нѣтъ-съ, не могу.

— Пришлите мнѣ, по крайней мѣрѣ, то, что у васъ написано о Гамлетѣ: я умираю со скуки.

— Съ большимъ удовольствіемъ; но какимъ образомъ?

— Я пришлю къ вамъ мою дѣвушку: отдайте ей.

— Bien... Adieu!

— Bonne nuit!

Молодые люди разстались. Степанъ Герасимычъ, выкуривъ трубку, искалъ-было Вѣру, чтобъ проститься съ нею, но она уже ушла въ свою комнату. Алексѣй Сергѣичъ проводилъ его до передней.

III.

Я еще прежде говорилъ, что Степанъ Герасимычъ, при всей благоразумной расчетливости и при всемъ своемъ, во многихъ отношеніяхъ, скромномъ поведеніи, былъ влюбчивъ. Въ этомъ случаѣ онъ какъ будто бы измѣнялъ самому себѣ. Изъ предыдущихъ сценъ, вѣроятно, и самъ читатель замѣтилъ, что въ настоящее время молодой человѣкъ интересовался Вѣрой Павловной; но я скажу еще болѣе: онъ былъ въ нее влюбленъ безъ ума и питалъ въ сердцѣ непреклонное намѣреніе жениться на ней. Объясняя маменькѣ въ письмѣ, что думаетъ прежде разузнать о состояніи молодой дѣвицы и дѣйствовать въ этомъ случаѣ благоразумно, онъ говорилъ неправду, или, по крайней мѣрѣ, это была одна только мечта; но въ самомъ дѣлѣ, какъ я убѣжденъ, онъ готовъ былъ съ нею идти подъ вѣнецъ хоть сейчасъ же и взять ее, что называется, въ одномъ только платьѣ, готовъ былъ даже для этого счастья истратить весь свой капиталъ и продать нѣкоторыя изъ своихъ брильянтовыхъ и золотыхъ вещей. Вѣра Павловна овладѣла его сердцемъ мгновенно, при первомъ свиданіи, и я рѣшительно затрудняюсь объяснить это обстоятельство:—какимъ образомъ, почему и чѣмъ именно понравилась ему Вѣра.

Возвратясь съ вечера, влюбленный молодой человѣкъ былъ очень разсерженъ заспавшимся Аркашкой, который, вмѣсто того, чтобы подать барину огня и раздѣть его, началъ метаться изъ угла въ уголъ, бормотать какую-то чепуху, и, въ заключеніе всего, уйдя въ лакейскую, сунулся на завалокъ и захрапѣлъ. Мальчишка этотъ имѣлъ одну очень характе-

ристическую черту: онъ обыкновенно съ закатомъ солнца начиналъ почти-что замирать, и въ осенніе и зимніе вечера вызвать его къ бодрствованію было дѣломъ невѣроятной трудности. Въ настоящемъ случаѣ Аркашка заспался совершенно; напрасно Степанъ Герасимычъ будилъ его различными способами,—мальчишка открывалъ только на время глаза, но никакъ не могъ возвратиться къ полному самосознанію. Степанъ Герасимычъ наконецъ вышелъ изъ себя, плюнулъ и отступился. Раздѣвшись собственноручно и уложивъ бережно свой туалетъ, онъ легъ, но не спалъ, а мечталъ о Вѣрѣ. Мечтанія его зашли очень далеко: онъ воображалъ, что Вѣра Павловна ужъ его жена, что въ приданое за ней дано триста душъ, что въ этихъ трехстахъ душахъ должно быть непремѣнно полтораста тяголъ: онъ собираетъ съ нихъ оброки, изъ которыхъ одна треть проживается, а прочее идетъ къ приращенію капитала. Онъ мечталъ, какъ молоденькая жена будетъ поить его чаемъ, и какъ на именины добрый и богатый дяденька Алексѣй Сергѣичъ подаритъ ему бронзовые часы, которые стояли у него въ гостиной и которые очень нравились Степану Герасимычу. Много, очень много еще и другого передумалъ молодой человѣкъ и наконецъ заснулъ. Поутру постигла его маленькая непріятность: Аксинья съ плачемъ и воплемъ доложила, что въ погребѣ запасу держать нельзя, потому что крысы съѣли почти всю солонину и прогрызли, негодныя, два мѣшка съ мукою. Извѣстіе это обезпокоило Степана Герасимыча. Побранивъ Аксинью, онъ самъ отправился въ погребъ и при собственныхъ глазахъ весь запасъ велѣлъ перевѣсить къ потолку. Обѣдать себѣ не велѣлъ ничего готовить и началъ придумывать, подъ какимъ бы предлогомъ отправиться ему къ Алексѣю Сергѣичу поутру — отобѣдать тамъ и даже, если возможно, то и отужинать. «Скажу я,—придумалъ онъ наконецъ:—что получилъ отъ маменьки письмо, въ которомъ она велитъ Алексѣю Сергѣичу кланяться, а у Авдотьи Егоровны поцѣловать ручку».

Затѣмъ утро пошло своимъ порядкомъ. Пришелъ портной изъ мѣщанъ, по имени Ермогенъ, а по прозванію Безухой, осмотрѣлъ присланный Степану Герасимычу отъ маменьки сюртукъ папенькинъ и, объявивъ, что изъ этой штуки фракъ выйдетъ, и что сукно еще хорошо и нынче, надо полагать, рублевъ отъ шести идетъ, заломилъ за работу десять рублей ассигнаціями. Степанъ Герасимычъ, не согласившись, чтобы сукно стоило только шесть рублей, отозвался очень дурно о нынѣшнихъ сукнахъ, говоря, что они только хороши на видъ, но прочности никакой не имѣютъ, съ чѣмъ согласился и

портной. О цѣнѣ за работу они, само собой разумѣется, спорили очень долго. Степочка какъ пять пальцевъ разсчиталъ, что Безухому за-глаза довольно взять семь рублей.

— Семь рублей, баринъ, нынче за мужицкую поддевку берутъ, — возразилъ портной.

Но баринъ опять, какъ дважды два четыре, доказалъ ему, что въ поддевкѣ гораздо больше шитья, чѣмъ во фракѣ. Наконецъ они помирились на восьми рубляхъ. Очень хотѣлось также Степочкѣ, чтобы фракъ его былъ сшитъ на манеръ визитнаго полуфрака Шамилова; но Ермогенъ отказался шить по этому фасону, утверждая, что эта мода нехороша, и что онъ лучше сошьетъ по другой, самой модной, по которой онъ ужъ и сшилъ одному чиновнику изъ уѣзднаго суда фракъ.

Отдавая сюртукъ, Сальниковъ поинтересовался узнать, сколько отъ него будетъ остатковъ сукна.

Портной, прикинувъ пальцемъ, сказалъ, что въ остаткѣ будетъ воротникъ и обшлага, такъ какъ они были ужъ очень засалены, да два клина.

— Ты мнѣ принеси эти остаточки: мнѣ нужно починить одну вещь, — сказалъ Степанъ Герасимычъ.

По уходѣ портного молодой человѣкъ, причесавъ очень старательно свои волосы и надѣвъ свой отороченный плисомъ халатъ, закурилъ трубку, сѣлъ у окна и обратилъ свои мысли къ предмету своей любви. У воротъ показался сѣрый въ яблокахъ жеребецъ, запряженный въ щегольскія пролетки на лежачихъ рессорахъ. Пріѣхалъ Алексѣй Сергѣичъ. Степанъ Герасимычъ былъ удивленъ и обрадованъ, потому что Ухмыревъ, какъ мы знаемъ и какъ извѣстно было всѣмъ его знакомымъ, дѣлалъ визиты весьма рѣдко, то-есть только въ большіе праздники, и то по выбору. Подобное же экстренное посѣщеніе могло служить явнымъ доказательствомъ его особаго расположенія. Алексѣй Сергѣичъ вошелъ, сохраняя свое собственное достоинство, но въ то же время пожалъ хозяину руку съ величайшимъ радушіемъ и поцѣловалъ его, прося покорнѣйше не перемѣнять костюма и оставаться въ томъ negligé, въ которомъ онъ его засталъ. Степанъ Герасимычъ нашелся выразить свое привѣтствіе гостю только тѣмъ, что предложилъ ему свою только-что закуренную трубку. Но Алексѣй Сергѣичъ отказался отъ трубки и, вынувъ изъ серебрянаго porte-cigare гаванскую сигару, просилъ одолжить его огнемъ. Наконецъ гость и хозяинъ усѣлись, и на нѣкоторое время послѣдовала между ними молчаливая, но въ высшей степени умилительная сцена. Они по крайней мѣрѣ четверть часа смотрѣли другъ на друга такъ нѣжно, какъ будто были

или самые близкіе родственники, или по крайней мѣрѣ закадычные, лѣтъ десять не видавшіеся друзья.

— Хорошо изволили почивать? — заговорилъ Степанъ Герасимычъ.

— Съ вечера хорошо; но наутрѣ желудокъ безпокоилъ.

— Я тоже-съ... Молодые люди, впрочемъ, обыкновенно не спятъ послѣ вечеровъ... Вѣра Павловна ужъ проснулись?

— Должно-быть. Я не видѣлъ еще ее.

— Который имъ годъ?

— Кому?

— Вѣрѣ Павловнѣ.

— Она молода.

— Какая она прекрасная дѣвица!

Алексѣй Сергѣичъ съ пріятною улыбкою наклонилъ голову.

— Вы, вѣроятно, желаете ихъ выдать замужъ?

Алексѣй Сергѣичъ развелъ руками и проговорилъ:

— Это зависитъ отъ партіи. Если представится партія, конечно...

— У нихъ есть состояніе? Богаты онѣ-съ? — спросилъ Степанъ Герасимычъ, набивая себѣ новую трубку.

Этотъ вопросъ нѣсколько удивилъ Алексѣя Сергѣича: онъ многозначительно пожалъ плечами.

— У ней есть состояніе, потому что я его имѣю, — отвѣчалъ онъ, подумавъ.

— Я самъ очень желалъ бы составить себѣ партію,—произнесъ Степанъ Герасимычъ.

Алексѣй Сергѣичъ посмотрѣлъ на него.

— Вы думаете жениться? — спросилъ онъ.

— Очень бы желалъ.

— У васъ невѣсты будутъ; но надобно имѣть въ виду хорошее семейство. Такъ?

— Да-съ. Я ужъ имѣю въ виду одну дѣвушку.

Алексѣй Сергѣичъ ничего не отвѣчалъ.

— Она вамъ знакома-съ,—продолжалъ Степанъ Герасимычъ.

— Мнѣ...

— Я говорю про Вѣру Павловну, — отрѣзалъ Степанъ Герасимычъ, но, впрочемъ, немного сконфузился и болѣе обыкновеннаго покраснѣлъ.

Что же касается до Алексѣя Сергѣича, то и онъ также покраснѣлъ и соображалъ приличный отвѣтъ.

— Можетъ-быть, я не буду имѣть счастья понравиться Вѣрѣ Павловнѣ! — продолжалъ молодой человѣкъ.

Алексѣй Сергѣичъ опять сильно пожалъ плечами и сдѣлалъ значительную физіономію.

— За другихъ, Степанъ Герасимычъ, говорить, конечно, трудно, — началъ онъ: — но по-моему ничего бы не могло быть лучше. Я дядя, а не отецъ: я не могу тутъ дѣйствовать такъ, какъ бы должно... Такъ?

— Вѣра Павловна, вѣроятно, послушаютъ васъ.

— Такъ-съ, хорошо, прекрасно... Но она живетъ у меня въ домѣ, мнѣ настаивать неловко, не правда ли? Съ моей стороны для васъ все... понимаете? Но тутъ есть другая сторона. Такъ?

Я еще прежде замѣчалъ, что Алексѣй Сергѣичъ не былъ боекъ на языкъ и имѣлъ только нѣкоторый навыкъ поддерживать общественный разговоръ; но въ важныхъ случаяхъ, въ минуты душевнаго волненія, онъ совершенно терялъ даръ слова и выражался больше вопросами и какими-то неправильными фразами.

— Я замѣчалъ, что Вѣра Павловна благосклонны ко мнѣ.

— Безподобно-съ! Но лично про меня будемте судить. Я въ этомъ дѣлѣ только могу тонъ давать. Согласны вы съ этимъ? Такъ?

Степанъ Герасимычъ открылъ-было ротъ.

— Постойте, — перебилъ Алексѣй Сергѣичъ: — я буду говорить еще. У меня есть жена, а ея родная тетка... согласны? Тетка теперь и должна на нее дѣйствовать, а я буду дѣйствовать на тетку... Понимаете?

Степочка кивнулъ головою.

Алексѣй Сергѣичъ, думая, вѣроятно, что Степочка въ самомъ дѣлѣ уразумѣлъ его слова, продолжалъ:

— По моему расчету, все это должно сойтись въ одномъ центрѣ, потому что съ той и другой стороны будетъ вамъ рука. Такъ?..

— Вы, можетъ-быть, самому позволите мнѣ объясниться съ Вѣрой Павловной?

— Убереги васъ Богъ! — перебилъ его торопливо Ухмыревъ. — Тутъ только время будетъ свое выигрывать. Мы, мужчины, видимъ предметъ такъ, какъ онъ есть — прямо, а женщины представляютъ его себѣ навыворотъ. Въ этомъ дѣлѣ мы будемъ давать тонъ — а время свое сдѣлаетъ!

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Степанъ Герасимычъ начиналъ еще нѣсколько разъ разговоръ объ этомъ предметѣ, потому что изъ всѣхъ предыдущихъ рѣчей Алексѣя Сергѣича онъ весьма нехорошо понялъ, что̀ хотѣлъ тотъ сказать; но Ухмыревъ на всѣ его вопросы отвѣчалъ: «время и больше ничего». При прощаніи Степанъ Герасимычъ, по свойственной ему наивности, объяснилъ, что онъ сегодня желаетъ придти поутру

къ нимъ на цѣлый день, но совѣстится. На это Алексѣй Сергѣичъ сказалъ, что, думая такимъ образомъ, онъ крайне его обижаетъ, и просилъ его ходить къ нимъ, не стѣсняясь, каждый день и пробывать у нихъ съ утра до поздней ночи, что даже, по его мнѣнію, это было необходимо при настоящемъ стеченіи обстоятельствъ.

По отъѣздѣ гостя Сальниковъ пришелъ въ неописанный восторгъ: набивши безъ всякой осторожности трубку, онъ даже не заперъ свою табачницу и началъ насвистывать и выдѣлывать ногами какой-то танецъ, нѣсколько похожій на галопъ, затѣмъ схватилъ мальчика своего, перевернулъ его нѣсколько разъ, проговоря: «что ты не вертишься!» — а потомъ послалъ его, чтобы онъ позвалъ мать. Аксинья явилась.

— Поди сюда, Аксинья: я тебѣ одну штучку скажу.

— Что, батюшка?

— Дѣло съ барышней на-мази.

— Слава те Господи! Маменькѣ изволили писать?

— Напишу. Ты только не болтай никому.

— Ай, нѣтъ, батюшка! Никогда за мной этого не бывало.

— Кузьмѣ, главное, не говори; а то онъ въ кабакѣ, пожалуй, разболтаетъ.

— Ой, что это! Стану ли я съ этимъ разбойникомъ говорить? Мы съ нимъ ругаемся, что вотъ ни пріѣхала сюда, все ругаемся! Молодецъ вы, батюшка, у насъ родились, — продолжала Аксинья съ чувствомъ: — мы вотъ и промежъ собой все говоримъ: «экій у насъ баринъ-то красавецъ!»

— Теперь еще ничего. А вотъ я себѣ платье новое сошью, такъ ты тутъ посмотри!..

— Ну, батюшка, коли милость будетъ, такъ посмотрю, а нѣтъ, — такъ и такъ живу.

Въ два часа Степанъ Герасимычъ, нафрантившись какъ слѣдуетъ, отправился къ Ухмыревымъ на цѣлый день.

Алексѣй Сергѣичъ пріѣхалъ домой съ весьма глубокомысленнымъ видомъ. Кому неизвѣстно, что большая часть людей любятъ объявлять претензіи именно на то, чего у нихъ нѣтъ; такъ, напримѣръ, нѣкоторые толстяки — на грацію, школьники — на ученость, губернскія дамы — на высшій тонъ. Въ Алексѣѣ Сергѣичѣ тоже была эта слабость: онъ считалъ себя очень умнымъ и, еще болѣе того, необыкновенно тонкимъ человѣкомъ. Политика его, впрочемъ, была такого рода: снискивая расположеніе важныхъ лицъ, онъ никогда не лѣзъ имъ прямо въ глаза, но первоначально дѣйствовалъ всегда стороной и устраивалъ дѣло такимъ образомъ, что или камердинеръ важнаго человѣка, одѣвая его поутру, или кто-ни-

будь изъ хорошихъ знакомыхъ первоначально разскажетъ о немъ въ такомъ тонѣ, что есть-де нѣкто прекрасный и очень богатый человѣкъ Алексѣй Сергѣичъ, который живетъ рѣшительно на столичный тонъ, и знакомство съ нимъ можетъ всякому доставить огромное удовольствіе. Встрѣчаясь на вечерѣ съ какимъ-нибудь господиномъ, отъ котораго желалъ заслужить вниманіе, онъ за первый долгъ поставлялъ себѣ проиграть тому рублей полтораста или двѣсти серебромъ въ карты и разсчитаться съ самымъ веселымъ духомъ. Въ отношеніи жены, въ важныхъ случаяхъ, онъ тоже дѣйствовалъ очень тонко и никогда своего желанія не высказывалъ прямо, а, по обыкновенію, нахмурился и начиналъ ходить съ задумчивымъ видомъ взадъ и впередъ. Чувствительная Авдотья Егоровна, конечно, сейчасъ же замѣчала это и приступала къ мужу съ разспросами. Послѣ шестичасового, а иногда и болѣе, упорства, супругъ высказывалъ, чего хотѣлъ, и такимъ образомъ отказъ былъ невозможенъ.

Въ предпріятіи своемъ выдать за Сальникова Вѣру Павловну, онъ рѣшился первоначально тонко дѣйствовать на жену, а черезъ нее ужъ и на племянницу.

Авдотья Егоровна сидѣла въ гостиной и пила утренній кофе. Алексѣй Сергѣичъ вошелъ нахмуренный и сѣлъ.

— Qu'avez-vous, cher Alexis? — спросила та: — что съ тобой, милый мой? — прибавила она.

Авдотья Егоровна, вѣроятно, забывая, что супругъ ея не говорилъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ, относилась къ нему иногда по-французски, но, впрочемъ, тотчасъ и переводила.

Алексѣй Сергѣичъ молчалъ.

— Ты боленъ, Alexis? — спросила съ озабоченнымъ видомъ супруга.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Авдотья Егоровна тоже встала и начала умолять, чтобы онъ ей сказалъ, что такое съ нимъ. Борьба продолжалась около часу. М-me Ухмырева была уже близка къ истерикѣ (подобныя объясненія съ мужемъ всегда почти оканчивались для чувствительной дамы истерическими припадками). Наконецъ Алексѣй Сергѣичъ рѣшилъ недоумѣніе и открылъ женѣ, что сейчасъ былъ у Сальникова, и что тотъ сватается за Вѣру Павловну. Авдотья Егоровна еще болѣе встревожилась и объявила, что рѣшительно не имѣетъ надежды, чтобы Вѣра пошла за молодого человѣка.

Алексѣй Сергѣичъ опять насупился.

— Другъ мой! Меня тутъ одно безпокоитъ, одно тревожитъ,—проговорила Авдотья Егоровна грустнымъ голосомъ:— меня, не знаю какъ, ужасаетъ разница ихъ воспитанія и разница даже ума... Въ послѣдній вечеръ я внимательно за нимъ наблюдала: онъ очень простъ и безъ всякаго образованія.

У доброй тетки показались на глазахъ слезы.

— Образованіе пройдетъ, а состояніе останется; я устраиваю ея счастье, а не что-нибудь другое... такъ ли? — возразилъ рѣзко Алексѣй Сергѣичъ.

— Такъ, совершенно такъ, мой другъ! — отвѣчала супруга. — Неужели же, милый мой, я не понимаю твоего благородства? Охъ, Боже мой, я даже не знаю, чѣмъ и когда въ состояніи буду возблагодарить тебя за твою любовь и великодушіе къ моимъ роднымъ! Твои возвышенныя чувства, cher Alexis, будутъ награждены не здѣсь, но тамъ, на небесахъ!

Проговоря эти слова, Авдотья Егоровна воскликнула вдругъ: «ахъ!», и разрыдалась истерически. Алексѣй Сергѣичъ, по обыкновенію, кинулся въ дѣвичью и выслалъ на помощь барынѣ множество горничныхъ, которыя очень скоро и помогли ей; но сидѣть она еще не могла, а полулежала на диванѣ. Когда она открыла глаза, первымъ ея дѣломъ было взять мужа за руку, поцѣловать эту руку и уставить на него самый нѣжный взоръ.

— Меня одно миритъ съ нимъ: мнѣ кажется, онъ добрый,— проговорила она слабымъ голосомъ.

— Не извольте говорить: васъ это безпокоитъ... Довольно... забудьте все... — прервалъ мужъ.

Авдотья Егоровна еще нѣжнѣе взглянула на него и крѣпко сжала его руку.

— Теперь ничего, — начала-было она.

— Пощадите вы себя и меня! — перебилъ ее опять Алексѣй Сергѣичъ.

— Ну, не буду, не буду, милый мой!—отвѣчала покорнымъ голосомъ супруга и велѣла, для подкрѣпленія, принести себѣ чашку бульону, съ которымъ и скушала почти цѣлый французскій хлѣбъ.

Между тѣмъ Вѣра Павловна сидѣла въ своей комнатѣ. Цвѣтъ лица ея въ этотъ день былъ желтѣе обыкновеннаго, вѣки глазъ распухли, губы запеклись; было видно, что она не спала всю ночь. Она смотрѣла въ какую-то развернутую книгу, но не читала.

Взглянувъ на комнату молодой дѣвушки, убранную роскошно и комфортабельно, принявъ въ расчетъ общую молву о ея прекрасномъ туалетѣ и сейчасъ только описанную мною

между дядей и теткой сцену, смѣло, кажется, можно заключить, что родственники ничего не жалѣли для милой племянницы, любили ее по-своему и по-своему старались упрочить ея счастье. Алексѣй Сергѣичъ полагалъ, что счастье ея непремѣнно устроится, если она выйдетъ за человѣка, у котораго по крайней мѣрѣ, какъ, напримѣръ, у Степочки, шестьсотъ душъ; но Авдотья Егоровна желала, чтобы мужъ Вѣры съ состояніемъ соединялъ и личныя достоинства. Жениха съ послѣдними свойствами тщетно ожидали два года; но женихъ съ шестьюстами душами явился и, сверхъ того, отличался еще добротой сердца. Все это было прекрасно, если бы не иначе смотрѣла на жизнь и на весь Божій міръ Вѣра Павловна. Что дѣлать! По годамъ она была еще молода, а по характеру мечтательна; оставшись послѣ матери по одному году, она развилась въ кругу совершенно иныхъ идей и убѣжденій, или, лучше сказать, получила странное и не совсѣмъ женское воспитаніе. Отецъ ея, нѣкогда мистикъ и масонъ и, вдобавокъ еще, нумизматикъ и ботаникъ, всю жизнь жилъ въ Москвѣ и прожилъ тамъ все свое состояніе. Первый вечеръ, на который Вѣра выѣхала съ нимъ, былъ вечеръ собранія членовъ общества «акклиматизаціи животныхъ».

Не понимая рѣшительно прелести въ бѣлыхъ газовыхъ платьяхъ, дѣвушка очень хорошо чувствовала прелесть майской розы и даже знала, къ какому эта роза классу, роду и виду принадлежитъ по системѣ Линнея. Не умѣя еще танцовать мазурки, она уже очень хорошо знала сонеты Петрарки. Я даже удивляюсь, какимъ образомъ моя героиня имѣла пріятныя манеры и очень легко танцовала. Въ этомъ случаѣ, кажется, она болѣе была обязана прекрасному своему тѣлосложенію, нежели ученію. Безъ преувеличенія смѣю увѣрить читателя, что семнадцати лѣтъ Вѣра Павловна прочитала всю отцовскую библіотеку, состоявшую почти изъ двухъ тысячъ томовъ, знала въ совершенствѣ языки французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій; она даже знала—о, ужасъ!—математику, до коническихъ сѣченій включительно; мужчину она воображала или художникомъ, или ученымъ; ровно на восемнадцатомъ году заговорило ея сердце: его затронулъ молодой профессоръ, только-что воротившійся изъ-за границы. До сихъ поръ Вѣра помнила это молодое, но ужъ солидное лицо, украшенное очками, къ которому сверхъ того чрезвычайно шли отвороченные воротнички, его скромныя и деликатныя манеры, тихій и ровный голосъ. Къ концу года этой сильной, но молчаливой страсти профессоръ уѣхалъ въ Петербургъ. О, какъ страдала Вѣра! Какъ пусть сдѣлался для

нея кабинетъ папеньки, въ которомъ она нѣсколько разъ видѣла и слышала его! Она съ жадностью брала каждый нумеръ журнала, думая встрѣтить его статью, или, по крайней мѣрѣ, одно имя его, и наконецъ нашла въ одномъ журналѣ его разсужденіе на степень доктора: «О моллюскахъ». Несмотря на спеціальность предмета и на сухость изложенія, она прочитала, или, лучше сказать, выучила все наизусть; но, Боже мой, какая страсть, и страсть ничѣмъ не поддерживаемая, можетъ устоять противъ времени! Милый образъ съ бѣлыми воротничками началъ постепенно ослабѣвать въ воображеніи дѣвушки. Смерть отца, продажа всего имѣнія, пріѣздъ тетки, переселеніе ея въ уѣздный городокъ — перенесли Вѣру въ совершенно иную сферу. Я не могу описать того, какъ вначалѣ молодая дѣвушка была удивлена образомъ жизни, который вели дядя и тетка, какъ странны казались ей ихъ знакомые и тѣ разговоры, которые происходили въ ихъ гостиной, во время утреннихъ визитовъ: представьте себѣ, каждый день тамъ разговаривали о погодѣ, или лошадяхъ, или о какомъ-то Иванѣ Петровичѣ, котораго на-дняхъ ударилъ параличъ. Молодыя дѣвицы говорили больше о нарядахъ, но никто даже и не заикнулся ни о ботаникѣ ни о живописи, а если нѣкоторыя молодыя дамы и начинали говорить о какой-нибудь журнальной повѣсти, то какъ-то очень странно и совершенно не такъ, какъ говорили объ этихъ предметахъ въ домѣ папеньки: нѣкоторыхъ героевъ или героинь называли хорошенькими, а другихъ противными; вмѣсто того, чтобы сказать, что у такого-то автора много юмора, говорили, какъ онъ смѣшно пишетъ. Всѣ вечера безъ исключенія были посвящены картамъ. Вѣра никакъ не могла себѣ представить, какимъ образомъ ея умная и добрая тетенька можетъ цѣлый вечеръ съ удовольствіемъ заниматься такими пустяками, какъ вистъ или преферансъ. Однажды послѣ обѣда, когда у нихъ никого не было, Авдотья Егоровна просила ее почитать ей что-нибудь вслухъ, но только веселое. Вѣра Павловна обрадовалась: она имѣла подъ руками превосходную вещь, а именно «Записки Пикквикскаго клуба»; но, къ вящшему удивленію ея, тетенька не только не смѣялась, но на второй главѣ даже начала дремать.

Дядя тоже удивлялъ ее: получая всѣ журналы, онъ исключительно интересовался однѣми только модными картинами и всегда почти приносилъ ихъ къ ней, говоря, что этакое платье къ ней шло бы, а такое-то нѣтъ. Авдотья Егоровна очень любила музыку и часто просила племянницу играть; но и здѣсь для Вѣры было очень странно, что тетенька рѣ-

шительно смѣшивала въ головѣ музыку Моцарта съ простыми вальсами и даже предпочитала послѣдніе. Молодая дѣвушка первоначально сосредоточилась сама въ себѣ и обратилась къ своимъ любимымъ занятіямъ. Цѣлые дни она читала, рисовала, играла на фортепіано и восхищалась изъ дядина сада природой, но и только: ей не съ кѣмъ было поговорить, тогда какъ въ умѣ роились тысячи мыслей, а въ сердцѣ... про сердце и говорить нечего: оно, преисполненное чувствами, билось, какъ пташка въ клѣткѣ. Вѣрѣ начало становиться скучно, грустно и наконецъ невыразимо досадно на всѣхъ и на все такъ, что въ одну безсонную ночь она нарисовала на дядю и на все общество карикатуру, которую, впрочемъ, на другой же день изорвала. Просыпаясь, каждое утро она рѣшительно не знала, какъ протянуть день. Обращеніе ея съ дядей, теткой и съ ихъ гостями сдѣлалось холодно и принужденно; у ней начала чаще и чаще болѣть грудь. Въ одно утро Вѣра Павловна, одѣвшись нехотя во вновь сшитое платье, вышла въ гостиную и, по обыкновенію, сѣла на свое любимое мѣсто у окна. Алексѣя Сергѣича не было дома; Авдотья Егоровна раскладывала гранъ-пасьянсъ. Лакей доложилъ о пріѣздѣ какого-то Шамилова; Авдотья Егоровна начала что-то припоминать: «проси», — проговорила она. Вошелъ молодой человѣкъ. Хозяйка привѣтствовала его и объяснила, что очень хорошо знала его отца, который нѣкогда лѣчилъ ее и спасъ отъ горячки. Вѣра Павловна, поклонившись молодому человѣку, вся вспыхнула. Боже мой! Этотъ гость очень походилъ на молодого профессора: то же умное выраженіе лица, тотъ же почти складъ тѣла, та же прическа и наконецъ очки и воротнички, и только въ манерахъ молодого человѣка было больше живости, и вообще онъ былъ очень развязенъ въ обращеніи, потому что тотчасъ же объяснилъ, что намѣренъ держать экзаменъ на ученую степень и пріѣхалъ въ провинцію, чтобы удобнѣе заняться науками. Вѣра, замѣтно сконфуженная, спросила о московскомъ театрѣ и поинтересовалась знать, что̀ даютъ на немъ. Гость, отвѣчая, что въ ходу балеты, описалъ довольно живо обаятельное впечатлѣніе итальянской оперы, пересчиталъ нѣсколько новыхъ французскихъ водевилей и очень много говорилъ объ игрѣ Мочалова въ «Отелло». Во всемъ этомъ разговорѣ Авдотья Егоровна не принимала почти никакого участія. Молодой человѣкъ на первомъ утреннемъ визитѣ просидѣлъ часа три. Старшая хозяйка ужасно утомилась и, когда гость уѣхалъ, она проговорила про себя: «ахъ, какой говорунъ!». Передъ обѣдомъ возвратился Алексѣй Сергѣичъ. Авдотья Его-

ровна сказала ему, что у нихъ былъ покойнаго лѣкаря Шамилова сынъ.

— Видѣлъ я его на вечерѣ у Ягнетева: пустой человѣкъ,— рѣшилъ Ухмыревъ.

— Да, кажется, — подтвердила Авдотья Егоровна: — впрочемъ, довольно боекъ и собою недуренъ.

— Нѣтъ, пустой! — повторилъ опять Алексѣй Сергѣичъ.

Вѣра ни слова не сказала: она сдавила въ груди овладѣвшую ею тоску, ушла къ себѣ въ комнату, гдѣ и просидѣла до самаго обѣда, за которымъ ничего не ѣла. Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна, руководствуясь своей житейской опытностью, можетъ-быть, и основательно, третировали такимъ образомъ новаго знакомаго; но совершенно инымъ показался онъ молодой дѣвушкѣ: онъ первый, который заговорилъ въ ея тактъ, онъ первый, который такъ понравился ей своею наружностью, онъ первый наконецъ, съ которымъ она провела пріятно три часа... и чѣмъ же онъ не показался ея роднымъ? Эти люди, которые, повидимому, такъ ее любятъ, ни въ чемъ въ то же время не хотятъ сочувствовать ей.

— Богъ съ ними! — проговорила она, качая съ грустью головою: — я сирота, они меня призрѣли, кормятъ, одѣваютъ на свои деньги. Чего же я могу отъ нихъ болѣе требовать!

Надобно сказать, что Вѣру постоянно безпокоила мысль, что она тяготитъ родныхъ, хотя это было совершенная неправда. Ухаживаніе Степочки Вѣру Павловну смѣшило бы, если бы она не понимала, что дядя держитъ его сторону; но, впрочемъ, объ этомъ она немного думала и сказала себѣ одинъ разъ навсегда, что этому не бывать. Любовь къ Шамилову, послѣ каждаго свиданія, шла crescendo.

Послѣ описаннаго мною вечера она не спала всю ночь и по преимуществу страдала отъ того, что Шамиловъ былъ такъ жестоко оскорбляемъ въ продолженіе всего вечера ея дядей. Проснувшись поутру, она сейчасъ же послала къ нему свою горничную съ запиской:

«Пришлите мнѣ вашу статью о «Гамлетѣ», которую вы мнѣ обѣщали. Когда мы съ вами увидимся?»

На это посланіе статьи о «Гамлетѣ» не было прислано, но зато получено было письмо, которое и рѣшило окончательно участь молодой дѣвушки.

«Я не могу прислать статью о «Гамлетѣ», — писалъ Шамиловъ: — все это у меня такъ дурно переписано, что мнѣ совѣстно представить на вашъ судъ. Вашъ вопросъ: «когда мы увидимся?» какъ-то страшно отозвался въ моемъ сердцѣ: цѣлую ночь и цѣлое утро сегодня меня мучитъ тревожное, но

ясное предчувствіе, что судьба снова вызоветъ меня изъ моей кельи на битву жизни, битву, на которую я столько положилъ труда и столько проигралъ. Боже мой! Какъ я счастливъ былъ эти два мѣсяца! Нужно ли говорить, чѣмъ были для меня вы — несравненная женщина! Буду ли я скрывать внушенную мнѣ вами любовь, въ которой теперь заключается все мое бытіе? Я не могу ни заниматься ни думать: жизнь моя— вы. Посмотрите, какъ я глупо и смѣшно пишу, но выше самого себя быть нельзя. Я схватываю себя по временамъ за голову, щупаю свой пульсъ: мнѣ кажется, что я не въ своемъ умѣ. Неужели васъ оторвутъ отъ меня? Я въ жизни много утратилъ, много потерялъ! Но зачѣмъ же я снова былъ вызванъ къ этой жизни, и кѣмъ былъ вызванъ? — Вами, до нравственной высоты которой не достигало даже никогда мое воображеніе! Вы и другія женщины, вы и я, — что тутъ общаго? О вашихъ чувствахъ я не спрашиваю: съ меня достаточно будетъ одного съ вашей стороны состраданія, а въ этомъ не откажетъ мнѣ ваше сердце, въ которомъ цѣлое море любви...

«Вотъ какой бредъ посылаю вамъ, вмѣсто моей раціональной статьи о «Гамлетѣ»... О греческой трагедіи на вечерѣ я тоже вамъ солгалъ: я ея не пишу и не буду писать, потому что не знаю, будутъ ли у меня силы жить и дышать, если я не увижу васъ сегодня или завтра.

«Безумный Шамиловъ».

Можетъ-быть, и на васъ, милыя читательницы, произвело нѣкоторое впечатлѣніе это пылкое посланіе молодого человѣка; но какъ же оно должно было подѣйствовать на Вѣру Павловну? Послѣдовавшая по прочтеніи его письма лихорадка служила только слабымъ выраженіемъ чувствованій молодой дѣвицы. Она тотчасъ же написала ему отвѣтъ:

«Любите меня, Шамиловъ. Безъ всякаго ложнаго стыда и не краснѣя, я готова сказать какъ передъ вами, такъ и передъ цѣлымъ свѣтомъ, что быть вашей женой есть единственное мое желаніе. Знаете ли вы, что я бѣдна, что на мнѣ даже платье чужое? Не думаю, чтобы мои родные согласились на нашъ бракъ; они — Богъ имъ судья — думаютъ иначе устроить мою участь. Про васъ говорятъ, что вы тоже бѣдный. Я могу стѣснить васъ, и потому трудитесь, учитесь, пишите; въ васъ силъ много, составляйте себѣ карьеру: я буду ждать и буду васъ любить неизмѣнно. Въ душѣ моей въ настоящую минуту въ отношеніи васъ нѣтъ ни одного сомнѣнія. Я слишкомъ вѣрю въ ваше благородство и слишкомъ люблю васъ. Но если вами руководствуетъ одно случайное увлеченіе, не обманы-

вайте, скажите мнѣ прямо; ошибку поправить въ началѣ легче. Въ тѣ дни, когда не думаете быть у насъ, пишите ко мнѣ. Не удивляйтесь тому, что не можете ничѣмъ заниматься, я сама не могу даже читать; но вы будьте тверже! Вы мужчина и должны, не слабѣя, идти къ вашимъ прекраснымъ цѣлямъ. Греческую трагедію извольте продолжать: можетъ-быть, она составитъ вашу литературную славу. О вашемъ положеніи я буду говорить съ вами лично. Если до васъ будутъ доходить слухи, что меня хотятъ выдать за Степочку, не тревожьтесь: все это я окончу разомъ.

«В...»

Вотъ какой отвѣтъ написала Вѣра Павловна Шамилову, въ ученую келью котораго мы и перейдемъ теперь на нѣсколько времени. Петръ Александрычъ жилъ въ старомъ отцовскомъ домѣ, который старикъ-докторъ купилъ лѣтъ двадцать тому назадъ, въ блестящую эпоху своей практики. Домъ былъ съ семью окнами по фасаду, съ мезониномъ, съ холодной залой, съ малепькимъ кабинетомъ и прочими принадлежностями. Отъ времени и запустѣнія комнаты приняли какой-то мрачный видъ. Нынѣшній хозяинъ проводилъ свое время въ гостиной. Комната эта была съ обыкновенными принадлежностями. Въ ней стояла увѣсистая корельской березы мебель, обитая ситцемъ съ огромными птицами; въ простѣнкѣ между окнами красовалось довольно большое, но составленное въ срединѣ зеркало въ почернѣвшей золотой рамѣ; напротивъ его висѣли два портрета, написанные масляными красками, изображающіе, вѣроятно, доктора и его супругу: старикъ былъ нарисованъ въ цвѣтномъ фракѣ, въ бальномъ жилетѣ и галстукѣ, но главное впечатлѣніе производитъ онъ своими густыми, черными бровями и огромнымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ правой руки, которая держала книгу; докторша была совершенно бѣлокурая дама, съ чертами лица весьма мягкими, и кидалась въ глаза какой-то невиданной прической и очень странно обозначенной таліей, совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало ей быть по сложенію тѣла, но гораздо выше. Съ пріѣздомъ молодого хозяина въ эту комнату внесены были убранства, вѣроятно, никогда въ ней прежде не бывшія: во-первыхъ, на диванѣ, на столѣ и даже на полу раскидано было нѣсколько журналовъ, два романа Поль де-Кока, нѣсколько листковъ изъ журнала «des Débats», курсъ Лапласа, нѣмецкая брошюрка о химіи, нѣсколько толстыхъ тетрадей; большимъ, впрочемъ, почетомъ пользовались сочиненія Гёте на нѣмецкомъ языкѣ и переводы Шекспира Кетчера: они лежали на комодѣ; на окнѣ была раскрыта «Библіотека для

чтенія», и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о греческой жизни; за рамкою отцовскаго портрета былъ заткнутъ портретъ Садовскаго; на столѣ были раскиданы, въ величайшемъ безпорядкѣ, нѣсколько исписанныхъ листковъ бумаги и стояла чернильница съ пяткомъ перьевъ, верхушками которыхъ, должно-быть, прочищали трубку. Самъ хозяинъ, въ халатѣ и съ поэтически разбитыми волосами, ходилъ по комнатѣ и говорилъ съ большимъ жаромъ. У него сидѣлъ уланъ Карелинъ, курилъ и слушалъ. Шамиловъ разсуждалъ о довольно отвлеченномъ предметѣ: онъ опредѣлялъ значеніе музыки и сравнивалъ съ нею поэзію Гейне, говоря, что поэтъ этотъ постигъ тайну производить то же впечатлѣніе словомъ, какое производитъ музыка, и что въ его поэзіи чувства подмѣчаются въ первый моментъ ихъ зарожденія и потому не высказываются ясно и опредѣленно, и что въ этомъ-то состоитъ главная прелесть его стихотвореній. Карелинъ нѣсколько времени прислушивался, потомъ началъ потихоньку зѣвать, наконецъ всталъ и взялся за фуражку.

— Будете сегодня вечеромъ у Алексѣя Сергѣича? — спросилъ онъ.

Шамиловъ немного смѣшался.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ. — Кстати еще о музыкѣ... здѣсь есть великая музыкантша.

— Кто?

— Вѣра Павловна.

— Вы ухаживаете за ней?

— Это съ чего пришло вамъ въ голову? Я съ ней друженъ и больше ничего.

— Только дружны? Ее, впрочемъ, кажется, скоро замужъ выдадутъ за этого милаго Степочку...

Шамиловъ вспыхнулъ.

— Это чудная дѣвушка! Въ такой мѣрѣ благородной, поэтической и развитой натуры я еще не встрѣчалъ въ жизнь мою.

— Ну какъ же вы не влюблены? Вы просто въ нее врѣзались! — замѣтилъ Карелинъ. — Мнѣ, впрочемъ, и самому она нравится; должно-быть, добрая, только немного педантка, чего я терпѣть не могу въ женщинахъ; да и собой ужъ не совсѣмъ свѣжа: цвѣли-цвѣли цвѣтики, да поблекли.

— Странно вы, господа, смотрите на женщинъ, Богъ вамъ судья! — проговорилъ насмѣшливо Шамиловъ.

— Нельзя же всѣмъ быть такими философами, какъ вы,— возразилъ Карелинъ. — По-моему, дѣвушка должна быть молоденькая, живая, съ которой можно было бы поболтать въ кадрили... Чего же больше требовать отъ женщинъ!

— Мнѣ кажется, что отъ женщинъ въ наше время можно требовать чего-нибудь и побольше: и ума, напримѣръ, образованнаго, и сердца благороднаго, и симпатіи ко всему...

— Вы все забираетесь подъ небеса; прощайте, однако! — проговорилъ Карелинъ и ушелъ.

Тотчасъ по уходѣ его Шамилову подали записку отъ Вѣры, въ которой она просила у него сочиненія о «Гамлетѣ». Онъ порылся въ бумагахъ и отыскалъ какой-то измаранный листъ, на которомъ очень часто повторялось имя Гамлета. Это именно и было обѣщанное имъ сочиненіе, но весьма недлинное: не болѣе полулиста; я даже думаю, что оно было только начато. Написавъ и отправивъ знакомое намъ письмо, Петръ Александрычъ остался въ сильно тревожномъ состояніи: онъ безпрестанно глядѣлъ въ окно и, какъ бы ожидая чего-то, прислушивался къ малѣйшему шуму. Предчувствіе не обмануло. Горничная Вѣры принесла ему еще записку отъ барышни, которую мы тоже знаемъ и которая его совершенно обезумила. Шамиловъ, въ сильной радости, вынулъ изъ бумажника послѣднюю ассигнацію въ десять рублей серебромъ, отдалъ посланницѣ; та не брала, но онъ отвернулся и ушелъ въ гостиную, а часу въ восьмомъ, одѣвшись, отправился къ Ухмыревымъ. Хозяева приняли его весьма двусмысленно, исключая Вѣры, которая вся вспыхнула при его приходѣ и тотчасъ же ушла въ наугольную; Петръ Александрычъ послѣдовалъ за ней; она проговорила съ нимъ безъ умолку цѣлый вечеръ; разговоръ ихъ, надобно отдать имъ честь, хоть и не отличался логическою послѣдовательностью, но въ то же время въ немъ было такъ много внутренняго содержанія, такъ много чувствъ... Я въ примѣръ приведу только одно: Шамиловъ, между прочимъ, прочиталъ наизусть объясненіе самозванца съ Мариной Мнишекъ у фонтана, изъ драмы Пушкина, и прочиталъ такъ, что Вѣра Павловна готова была расплакаться и едва имѣла силы скрыть внутреннее волненіе.

Въ душѣ Алексѣя Сергѣича тоже бушевала драма: онъ сидѣлъ насупившись, игралъ, ничего не помня, и проигралъ сто рублей серебромъ самому ничтожному партнеру. Авдотья Егоровна, видя безпокойство мужа, тоже была не въ духѣ и тоже проиграла.

Степочка, по случаю отсутствія танцевъ, тоже очень скучалъ; онъ заговаривалъ-было съ Вѣрой Павловной, но та рѣшительно не отвѣчала ему; и, въ заключеніе всего, пріѣхавшій Карелинъ началъ надъ нимъ подшучивать и между прочимъ сыгралъ съ нимъ предерзкую штуку: онъ воткнулъ въ близъ стоявшій стулъ булавку острымъ концомъ вверхъ и движе-

піемъ руки пригласилъ Степочку сѣсть рядомъ съ нимъ; тотъ, въ простотѣ сердца своего ничего не подозрѣвая, опустился на стулъ со всего размаха, но въ ту же минуту вскочилъ, захватилъ раненое мѣсто рукою и, припрыгивая на одномъ мѣстѣ, закричалъ благимъ матомъ, такъ что хозяйка даже испугалась и вздрогнула, а прочіе обратились къ нему съ вопросомъ: «что такое съ нимъ?». Молодой человѣкъ не преминулъ объяснить истинную причину. Всѣ гости хохотали, но хозяева даже и не улыбнулись.

По отъѣздѣ гостей Ухмыревы имѣли между собою длинный разговоръ въ спальнѣ, въ которомъ часто повторялись имена Шамилова, Вѣры и Сальникова; наконецъ съ Авдотьей Егоровной сдѣлалась истерика, и истерика очень сильная. Прибѣжавшія горничныя дѣвушки не могли уже ей помочь и потому послали за весельчакомъ-докторомъ, который, впрочемъ, не пріѣхалъ, а велѣлъ своей паціенткѣ выпить стаканъ холодной воды и умыться тоже холодной водой: этимъ средствомъ онъ обыкновенно излѣчивалъ Авдотью Егоровну отъ злѣйшей истерики.

IV.

Прошла недѣля, въ продолженіе которой Алексѣй Сергѣичъ не только пріучилъ жену разсуждать, не впадая въ истерику, о предложеніи Степана Герасимыча, но убѣдилъ ее даже до того, что она сама рѣшилась намекнуть объ этомъ Вѣрѣ (чувствительная Авдотья Егоровна всегда и во всемъ почти соглашалась съ мужемъ и постоянно дѣйствовала въ его духѣ). Она должна была, по совѣту Алексѣя Сергѣича, дать вначалѣ тонъ слегка и сказать въ родѣ шутки, что будто бы ей приснился сонъ, въ которомъ она видѣла Вѣру замужемъ за Сальниковымъ. Порученіе это m-me Ухмырева исполнила въ тотъ же вечеръ и въ присутствіи мужа намекнула племянницѣ. Вѣра Павловна сначала поблѣднѣла, а потомъ засмѣялась.

— Приходятъ же вамъ, ma tante, такіе пустяки въ голову!—сказала она.

— Отчего же пустяки?—проговорила Авдотья Егоровна, потупившись.

— Этотъ-съ женихъ не пустяки: у него шестьсотъ душъ въ виду,—замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Хоть бы у него ихъ было шесть тысячъ, онъ все-таки остается тѣмъ же, чѣмъ есть,—возразила Вѣра.

— Чѣмъ же онъ остается? — спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Дурачкомъ.

— Объ умѣ, моя милая, судить весьма трудно, — перебила кротко Авдотья Егоровна: — мы иногда доброту принимаемъ за глупость, а начитанность за умъ, котораго отъ природы, можетъ-быть, совсѣмъ и нѣтъ.

Понятно, что послѣдними словами Авдотья Егоровна намекала на Шамилова.

Вѣра вспыхнула.

— Неужели, ma tante, вы все это говорите серьезно? — начала она обиженнымъ тономъ. — Неужели вы думаете, что я для замужества способна продать себя? Въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь: я скорѣе умру съ голоду, чѣмъ позволю себѣ назваться женою того человѣка, котораго я не любила бы и не уважала. Не шутите такъ, ma tante! Это жестоко! Я сирота, — проговорила Вѣра и со слезами на глазахъ встала и ушла.

Авдотья Егоровна совершенно растерялась; у Алексѣя Сергѣича вся кровь бросилась въ лицо. Нѣсколько времени они молчали; наконецъ Алексѣй Сергѣичъ заговорилъ и, въ этотъ разъ забывши всякую тонкость, вышелъ изъ себя. Онъ почти кричалъ на весь домъ, что Вѣра Павловна неблагодарная, что она въ сорочкѣ родилась, удостоиваясь счастья сдѣлаться женою Сальникова, что въ ней нѣтъ даже чувствъ, и что она ничего не понимаетъ ясно, потому что голова у нея занята какимъ-то особымъ пареніемъ. Шамилова онъ бранилъ нещадно и поклялся своею жизнью не пускать его въ свой домъ. Авдотья Егоровна ничего уже не въ состояніи была ни говорить ни возражать и впала въ жесточайшую истерику. Такъ прошелъ цѣлый вечеръ, и супруги только часу въ девятомъ могли придти въ спокойное состояніе духа, и то потому, что пріѣхало двое почтенныхъ гостей, для которыхъ необходимо было составить партію. Всю ночь Алексѣй Сергѣичъ обдумывалъ, какимъ образомъ ему дѣйствовать въ предпринятомъ намѣреніи, отъ котораго все-таки не хотѣлъ еще отказаться. «Я говорить съ ней не могу: у меня дыханье захватываетъ, когда вижу такое безразсудство и неблагодарность. На женушку тоже надѣяться нечего: она только въ обморокъ умѣетъ падать — и больше ничего; обморокомъ всякое дѣло закончитъ!» — говорилъ онъ съ досадой, ходя по кабинету, и наконецъ рѣшился написать къ Вѣрѣ въ такомъ тонѣ письмо:

«Милостивая государыня,
«Вѣра Павловна!

«Считая себѣ за священный долгъ, по своимъ родственнымъ чувствамъ, я въ то же время имѣю честь вамъ объ-

явить, что Степанъ Герасимычъ Сальниковъ просилъ меня насчетъ руки вашей, которою я, конечно, не могу располагать; но какъ другъ вашъ и дядя, я, руководствуясь моею пятидесятилѣтнею опытностью, беру смѣлость дать вамъ совѣтъ и представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Не упоминаю о значительности состоянія, а также и о душевныхъ качествахъ этого молодого человѣка я не распространяюсь, но доброта его уже доказана. На немъ мишуры нѣтъ, но есть одно прочное и необходимое для семейнаго счастья, и если вы даже сами пожелаете обратить на него ваше вниманіе, то найдете и другія качества, которыхъ теперь и не подозрѣваете. Затѣмъ позвольте именоваться.

«вашимъ,

«милостивая государыня,

«покорнымъ слугою.

«А. Ухмыревъ».

На это письмо Алексѣй Сергѣичъ получилъ чрезъ посланнаго отвѣтъ:

«Почтеннѣйшій дядюшка,

«Алексѣй Сергѣевичъ!

«Приношу вамъ мою благодарность за письменную передачу предложенія, которымъ удостоилъ меня г. Сальниковъ, и за ваши родственные и обязательные по этому случаю совѣты; но, къ сожалѣнію, не могу ни принять перваго ни воспользоваться послѣдними. Я не желаю быть женою г. Сальникова.

«Уважающая васъ племянница

«Вѣра Ензаева».

Этимъ и окончились объясненія насчетъ сватовства Степочки. По наружности все пошло прежнимъ порядкомъ. Я не знаю, на что рѣшился Алексѣй Сергѣичъ, но, кажется, ничего особеннаго не думалъ предпринимать, кромѣ того, что замѣтно сердился на племянницу и цѣлые дни не говорилъ съ нею ни слова. Бѣдная Авдотья Егоровна очень страдала. Въ присутствіи мужа она была холодна съ Вѣрою, но зато, оставаясь съ нею наединѣ и какъ бы желая вознаградить, ласкалась къ ней неимовѣрно. Вѣра въ гостиной, въ залѣ, за обѣдомъ была, по наружности, совершенно спокойна, но въ своей комнатѣ сидѣла по нѣскольку часовъ, не шевелясь на стулѣ, иногда плакала и каждый день переписывалась съ Шамиловымъ, который писалъ ей, что онъ все работаетъ и готовится держать экзаменъ на кандидата. Вѣра, къ сожалѣнію, узнала, что молодой человѣкъ не имѣлъ еще никакой ученой степени, тогда какъ она воображала, что онъ уже пишетъ диссертацію на доктора. Вѣра, наслушавшись отъ па-

пеньки, очень хорошо знала ученыя градаціи и понимала степень ихъ важности. Но Шамиловъ такъ уменъ, такъ талантливъ, что это ничего не значитъ: онъ всѣхъ нагонитъ и перегонитъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ она ему писала: «Трудитесь, учитесь! Не могу ли я быть чѣмъ-нибудь вамъ полезна? Не нужно ли что-нибудь для васъ перевести—я переведу», и Шамиловъ прислалъ ей на англійскомъ языкѣ историческую брошюру и просилъ перевести. О, съ какимъ рвеніемъ принялась молодая дѣвушка за работу, просидѣла всю ночь, и какъ скоро, какъ прекрасно перевела она, и какъ даже чисто и аккуратно переписала!

Въ ближайшее воскресенье Алексѣй Сергѣичъ назначилъ у себя большой обѣдъ. Званъ былъ весь городъ, за исключеніемъ, конечно, Шамилова. Дать въ мѣсяцъ по крайней мѣрѣ однажды большой обѣдъ Ухмыревъ чувствовалъ какую-то органическую потребность; кромѣ того, въ городъ была привезена новинка изъ фруктовъ: это — астраханскіе арбузы и продолговатый виноградъ, извѣстный подъ названіемъ козьихъ сосковъ. Но главный умыселъ тонкаго ума Алексѣя Сергѣича былъ тотъ, чтобы, не пригласивши ненавистнаго ему молодого человѣка, окончательно уронить его въ глазахъ общества и явно показать ему, что онъ не желаетъ быть знакомымъ съ нимъ, что̀, кажется, по-моему было совершенно лишнее, потому что Алексѣй Сергѣичъ бранилъ Шамилова всѣмъ своимъ знакомымъ, называлъ его нищимъ, задѣвалъ даже покойнаго отца его, называя покойнаго доктора невѣждой, жаднымъ, и выдумалъ про старика ужасную небылицу, будто бы тотъ, пріѣхавши къ нему, больному, съ визитомъ, укралъ у него серебряную табакерку. Желая на своихъ обѣдахъ соблюсти самый высшій тонъ, Ухмыревъ назначалъ ихъ всегда въ пять часовъ, и очень не любилъ, если кто изъ гостей пріѣзжалъ не во фракѣ; самъ же являлся не только во фракѣ, но даже въ бѣломъ жилетѣ. Авдотья Егоровна тоже одѣвалась очень парадно: въ шелковое дорогое платье, въ бархатную, рублей въ сто серебромъ, мантилью, украшая себя въ то же время значительнымъ числомъ своихъ прекрасныхъ и дорогихъ брильянтовъ; чепецъ для каждаго обѣда былъ новый; Вѣру всегда тоже упрашивала нарядиться почти по-бальному. Столъ сервировался превосходно. Тончайшаго свойства скатерть и прочее бѣлье, граненый хрусталь, серебро не накладное, англійская посуда — все это было цѣнно, хотя и не отличалось особеннымъ вкусомъ. Алексѣй Сергѣичъ чрезвычайно любилъ видѣть процессъ накрыванія своихъ grands diners и принималъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Самъ раскла-

дывалъ огромную скатерть, наблюдая, чтобъ не осталось ни одной морщины, и потомъ она весьма граціозно связывалась по бокамъ. Варенье въ вазы онъ всегда самъ накладывалъ и собственными руками перетиралъ серебро. Одинъ изъ прежнихъ друзей Алексѣя Сергѣича, но нынѣ заклятый врагъ, разсказывалъ про него довольно забавный анекдотъ, а именно, что будто бы онъ пріѣхалъ однажды къ Ухмыреву въ сумерки, въ лакейской никого не было, и потому онъ прямо прошелъ въ кабинетъ, гдѣ и увидѣлъ совершенно неожиданную картину: Алексѣй Сергѣичъ, съ засученными рукавами, стоялъ на полу на колѣняхъ и чистилъ краснымъ кирпичомъ самоваръ; потъ катилъ съ него градомъ; лицо, бѣлье — все это, какъ водится, было очень перепачкано. „Положимъ,—прибавлялъ врагъ:—что нѣкоторые любятъ стряпать, другіе столярничать, — все это понятно, потому что во всемъ этомъ есть нѣкоторая пища для ума; но чтобы любить лакейскія обязанности, это не видано и не слыхано!»

Въ настоящемъ обѣдѣ Алексѣй Сергѣичъ хлопоталъ немного: онъ только изобрѣлъ какой-то особенный манеръ складывать салфетки и очень долго хлопоталъ, чтобы соблюсти симметрію въ разстановкѣ вазъ, изъ которыхъ двѣ были съ вареньемъ, а одна, побольше, съ козьими сосками. Облекшись потомъ въ свою форму, онъ началъ ходить около накрытаго стола съ замѣтнымъ самодовольствомъ. Авдотья Егоровна еще одѣвалась. Въ такіе дни туалетъ ея обыкновенно продолжался отъ десяти до двухъ часовъ; сначала у каждой затворенной двери ея уборной стояло по горничной, и когда подходили къ нимъ Алексѣй Сергѣичъ или Вѣра, то имъ обыкновенно говорили: «еще нельзя-съ: барыня одѣвается»; но когда уже было надѣто платье и оставалось только возложить на голову чепецъ, надѣть брильянты и покрыться мантильей или шалью, тогда тѣ же горничныя растворяли дверь и начинали приглашать къ госпожѣ мужа и племянницу: «пожалуйте къ барынѣ посмотрѣть, хорошо ли на нихъ сидитъ платье»; или: «идите взглянуть на тетеньку, идетъ ли къ нимъ новый чепчикъ».

Въ настоящее время Авдотья Егоровна одѣвалась какъ-то не съ удовольствіемъ. Всю эту недѣлю она измучилась, видя, что Алексѣй Сергѣичъ все не въ духѣ; туалетъ тоже не ладился: ея не слушалась правая букля, которая выставлялась изъ-подъ чепца или очень много, или очень мало; она послала свою горничную за Вѣрочкой, чтобы посовѣтоваться съ ней насчетъ этой неудачи, но ей донесли, что барышня больна, не одѣта и не выйдетъ къ столу. Нарядившись, Авдотья Его-

ровна хотѣла-было зайти къ племянницѣ, но Алексѣй Сергѣичъ ей запретилъ.

— Сдѣлайте милость, хоть на сегодняшній день не тревожьте вы себя! Взгляните, на что вы похожи. Оставьте ее, пусть капризится и сидитъ въ своей конурѣ.

— Но, другъ мой, я знаю, что это тебѣ будетъ непріятно.

— Напротивъ: мнѣ очень пріятно. Я ее давно очень хорошо знаю и понимаю... Когда ужъ, Авдотья Егоровна, въ сердцѣ нѣтъ родственнаго чувства, такъ ужъ его не займешь,—прибавилъ Алексѣй Сергѣичъ, колотя себя по груди.

У Авдотьи Егоровны нависли на глазахъ слезы, но она скрѣпилась. Передъ каждымъ торжественнымъ случаемъ Авдотья Егоровна обыкновенно старалась владѣть собой и никогда не впадала въ припадки истерики. Къ племянницѣ она не пошла и, въ ожиданіи пріѣзда гостей, усѣлась въ гостиной. Вѣра не была больна; она въ самомъ дѣлѣ капризилась, потому что часу въ первомъ начала-было одѣваться, надѣла уже корсетъ, но болтунья-горничная, которая съ нѣкотораго времени поставила себѣ за правило безпрестанно говорить барышнѣ о Шамиловѣ, застегивая ей платье, доложила, что «Петръ Александрычъ не будетъ на обѣдъ, что дяденька ихъ не позвали и даже строго приказали Петру, который ходилъ приглашать гостей, чтобы онъ какъ-нибудь по ошибкѣ не позвалъ Шамилова, и велѣлъ имъ отказать, когда они пріѣдутъ; но что за Степочкой послали сейчасъ фаэтонъ, а у него, у богача, и экипажишка порядочнаго нѣтъ; этта выѣхалъ на худой-прехудой лошади и въ старыхъ-престарыхъ дрожкахъ, такъ что всѣ купцы выбѣжали изъ лавокъ смотрѣть на это чудо; кучеръ-то словно филинъ сидитъ да вожжами хлопаетъ». Послѣднихъ словъ Вѣра уже не слыхала; она еще въ началѣ монолога поблѣднѣла, а потомъ, сказавъ, что ей дурно, велѣла себя раздѣть и выслала горничную. Оставшись одна, она всплеснула руками и разрыдалась.

Начали съѣзжаться гости, изъ которыхъ мы почти всѣхъ знаемъ. Софи и Иринъ пріѣхали съ папеньками и съ маменьками; на этотъ разъ у этихъ дѣвицъ или былъ какой-нибудь важный секретъ, который онѣ спѣшили открыть другъ другу, или у которой-нибудь изъ нихъ случилось нѣчто непріятное по туалету, потому что онѣ, поздоровавшись съ хозяевами, тотчасъ же ушли въ дальнюю комнату, сидѣли тамъ до самаго обѣда и все что-то шептались. Катерина Петровна, какъ слѣдуетъ львицѣ, пріѣхала одна. Весельчакъ-докторъ только-что вошелъ, тотчасъ же и сострилъ; Карелинъ пріѣхалъ, къ неудовольствію хозяина, въ вицмундирѣ, но, впрочемъ, тот-

часъ же извинился. Авдотья Егоровна съ печальнымъ видомъ разсказывала всѣмъ, что бѣдная Вѣрочка заболѣла и теперь, бѣдняжка, сидитъ въ своей комнатѣ и скучаетъ. Докторъ, выпивши водки и съѣвъ по крайней мѣрѣ въ четверть фунта кусокъ сыру, хотѣлъ-было идти къ ней въ комнату и вылѣчить ее въ одну минуту, но хозяйка его остановила, говоря, что больная немного заснула.

Великолѣпно, истинно великолѣпно катилъ на большихъ рысяхъ Степанъ Герасимычъ въ хозяйскомъ фаэтонѣ; лицо его сіяло отъ удовольствія; съ гордымъ и надменнымъ видомъ взглянулъ онъ на двухъ босоногихъ мальчишекъ, запускавшихъ на серединѣ улицы змѣя, и едва кивнулъ головою поклонившемуся ему чиновнику въ старомъ вицмундирѣ. Въ обманчивомъ самодовольствѣ, молодой человѣкъ воображалъ, что экипажъ этотъ Алексѣй Сергѣичъ подарилъ ужъ ему, вмѣстѣ съ лошадьми, какъ своему племяннику. Въ залу онъ вошелъ съ самою пріятною улыбкою и съ приличною граціею расшаркался со всѣми гостями. Хозяинъ, здороваясь съ нимъ, посмотрѣлъ на него съ большимъ чувствомъ.

— Это вашъ фаэтонъ?—спросилъ Степочку уланъ.

— Никакъ нѣтъ-съ: это экипажъ Алексѣя Сергѣича; онъ мнѣ очень нравится.

— Право?

— Да-съ. Я на-дняхъ самъ думаю выписать себѣ изъ Москвы точно такой же.

— Недурно. Онъ къ вамъ очень идетъ,—сказалъ Карелинъ, подмигнувши Катеринѣ Петровнѣ.

— Благодарю васъ покорно за комплиментъ, — отозвался Степочка и прошелъ въ гостиную.

Онъ подошелъ прямо къ хозяйкѣ и въ порывѣ чувствъ поцѣловалъ у ней руку. При этомъ случаѣ Авдотья Егоровна немного смѣшалась, такъ какъ въ настоящее время обычай цѣловать у дамъ руки совершенно уже изгнанъ изъ общества. Степочка сѣлъ около хозяйки, довольно нецеремонно вытянулъ ноги и началъ играть цѣпочкою своихъ часовъ, — однимъ словомъ, старался представить изъ себя свѣтскаго, бойкаго молодого человѣка. Онъ былъ въ новомъ фракѣ, и это ему очень много прибавило форсу. Но я съ своей стороны рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ Степанъ Герасимычъ могъ оставаться доволенъ своимъ фракомъ, который былъ никуда негодно сшитъ. Конечно, видно, что Безухой старался подражать въ немъ современной модѣ и пустилъ талію довольно низко, но зато вездѣ морщило, косило, одинъ бортъ былъ ниже другого, воротникъ хомутомъ; сукно плохое, какъ крашенная фланель.

— Вѣра Павловна дома?—спросилъ Степанъ Герасимычъ.

— Она дома, но больна, моя милушка, и не выйдетъ къ намъ; мы не увидимъ ее сегодня.

Это извѣстіе весьма опечалило Степана Герасимыча.

— Какое это несчастіе, и въ какой день!—проговорилъ онъ.

— Да! Ужасно грустно,—подтвердила Авдотья Егоровна.

Послѣ этого разговора Степанъ Герасимычъ отошелъ отъ хозяйки, усѣлся на дальній стулъ и задумался. Тонировалъ ли въ этомъ случаѣ молодой человѣкъ, желая представить изъ себя влюбленнаго, или въ самомъ дѣлѣ опечалился, услышавъ о болѣзни Вѣры Павловны, но только онъ по крайней мѣрѣ съ полчаса сидѣлъ какъ темная ночь.

— Вы слышали исторію?—сказала Катерина Петровна улану.

— Нѣтъ.

— Сальниковъ здѣсь сватался, вышла цѣлая аларма. Вѣра теперь отъ этого больна.

— У ней, кажется, съ Шамиловымъ идутъ маленькія шуры-муры.

— И не маленькія, напротивъ: каждый день переписка; я это знаю изъ вѣрныхъ источниковъ. Посмотрите, какъ этотъ чудакъ Степочка грустенъ. Ахъ, какой онъ смѣшной.

— Мнѣ его подурачить хочется.

— За что же?

— Такъ,—ужасно противная физіономія. Я все думаю, какую бы мнѣ съ нимъ штуку сыграть... Гдѣ бы мнѣ достать клочокъ бумаги и карандашъ?

— Зачѣмъ это вамъ?

— Нужно.

— Нѣтъ, скажите!

— Послѣ.

— Нѣтъ, теперь, а не то я всѣмъ разскажу.

— У васъ за этимъ дѣло не станетъ,—отвѣчалъ Карелинъ и началъ что-то шопотомъ разсказывать Катеринѣ Петровнѣ, которая только качала головой.

— Ахъ, какой вы злой изобрѣтатель! Я прежде этого не думала.

— Гдѣ бы достать бумаги?

— Въ кабинетѣ есть, я видѣла; но нѣтъ, мнѣ, право, его жаль.

Уланъ ушелъ въ кабинетъ; воротясь оттуда, онъ подошелъ къ окну, постоялъ тутъ немного и опять отошелъ.

Катерина Петровна между тѣмъ перешла въ гостиную и сѣла около Степочки, который все еще сидѣлъ въ задумчивомъ положеніи.

— Отчего вы, m-r Salnikoff, такъ грустны?—спросила она.

— Я ничего-съ, такъ, раздумался о своей жизни, — отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, вы очень печальны, у васъ что-нибудь на сердцѣ лежитъ. Я знаю: вы влюблены.

— Кто-жъ изъ молодежи не бываетъ влюбленъ. Вы сами бывали, вѣроятно, влюблены.

— Про меня нечего говорить! Я ужъ состарѣлась. Знаете ли, что я противъ васъ немного виновата. Я думала, что вы вѣтренникъ, волокита, но теперь вижу, что ошиблась. Вы постоянны и любите только одну, и я даже знаю, кого именно. У васъ прекрасный вкусъ. Но грустно только то, что на насъ, старухъ, теперь ужъ никакого вниманія не будете обращать.

— Позвольте вамъ сказать, Катерина Петровна, что вы несправедливо изволите думать: я нынче, какъ и прежде, люблю и уважаю всѣхъ дамъ,—возразилъ Степанъ Герасимычъ.

— Нѣтъ, не вѣрю! Вы въ одну влюблены... Отчего же вы теперь такъ грустны? Отчего же не хотите ни съ кѣмъ любезничать?

— Помилуйте-съ, я готовъ; но пріятно ли это будетъ?

— Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ это было бы очень пріятно,—произнесла Катерина Петровна кокетливо.

Степочка улыбнулся и потупилъ глаза.

— Я готовъ-съ,—произнесъ онъ.

— Сдѣлайте милость, начинайте.

— Я не смѣлъ думать, чтобы я могъ быть такъ счастливъ...

Въ это время Петръ, возводимый на торжественный случай въ званіе метръ-д'отеля, возгласилъ громогласно: «столъ готовъ-съ!» Этотъ лакей былъ вообще отличаемъ господами противъ прочей прислуги, и именно за то, что онъ никогда не являлся безобразно-пьянымъ. Но, собственно говоря, онъ только былъ крѣпче другихъ.

— Гдѣ вы сядете?— спросила кокетка Катерина Петровна Сальникова.

— Если позволите, то, конечно...—отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ-нибудь подальше отъ меня?

— Нѣтъ-съ, возлѣ васъ...

Сѣли за столъ. Степочка очутился между уланомъ и Катериной Петровной. Карелинъ началъ съ того, что налилъ себѣ и сосѣду по стакану мадеры и просилъ его, чокнувшись, выпить; Степочка нѣкоторое время отговаривался.

— Выпейте за мое здоровье,—сказала Катерина Петровна.

— Не смѣю отказаться,—произнесъ Сальниковъ и выпилъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ обѣда въ отношеніи моего героя, его

сосѣди вели ту же тактику: Катерина Петровна любезничала съ нимъ, а уланъ поилъ виномъ. Въ странное состояніе духа пришелъ молодой человѣкъ: онъ грустилъ, что не видитъ Вѣры, былъ счастливъ любезностью Катерины Петровны, и наконецъ вино сильно на него подѣйствовало: онъ сдѣлался замѣтно пьянъ. Степочка во всю свою жизнь не болѣе пяти разъ былъ въ нетрезвомъ состояніи, и вино оказывало на него какое-то непонятное дѣйствіе: изъ скромнаго молодого человѣка онъ дѣлался обидчивымъ, строптивымъ, дерзкимъ и даже насмѣшливымъ. Въ настоящемъ случаѣ то же повторилось. Онъ началъ своей дамѣ говорить такія вольности, что она, несмотря на развязность своего обращенія, не въ состояніи была слушать. Къ концу обѣда, когда уже начали подавать козьи соски, вдругъ двери отворились, и вошелъ мужчина, запыленный, въ дорожномъ сюртукѣ, съ дорожнымъ озабоченнымъ лицомъ. Хозяинъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Гаврила Петровичъ!—воскликнулъ онъ, заключая гостя въ объятія и цѣлуя его болѣе чѣмъ троекратно.

— Прекрасно! прекрасно!—говорила хозяйка:—столько времени заѣхать и до сихъ поръ къ намъ не возвратиться.

Гость поцѣловалъ у ней руку. Это былъ мѣстный уѣздный предводитель, большой другъ и пріятель Алексѣя Сергѣича и Авдотьи Егоровны. Онъ все послѣднее время жилъ въ губернскомъ городѣ.

— Малый! Приборъ, водки, сыру,—кричалъ хозяинъ.

— Ничего не надо! Я уже обѣдалъ, — отвѣчалъ гость и съ тѣмъ же озабоченнымъ лицомъ сѣлъ около хозяйки.—Всю ночь сегодня скакалъ на почтовыхъ, завтра сенаторъ къ намъ будетъ.

— Уже! — воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ и поблѣднѣлъ; поблѣднѣло нѣсколько и другихъ чиновничьихъ лицъ, сидѣвшихъ за обѣдомъ.

— Всю гражданскую палату отрѣшилъ отъ должности, теперь принимается за вѣдомство государственныхъ имуществъ. Приходорасходчика тамъ изъ палаты, говорятъ, въ острогъ велѣлъ посадить.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—произнесъ Алексѣй Сергѣичъ и оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

На другомъ концѣ стола тоже раздалось нѣсколько затаенныхъ, но глубокихъ вздоховъ.

— Гдѣ же онъ жить-то у насъ будетъ? Гдѣ жить-то?—воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ озабоченнѣйшимъ тономъ.

— У Рогаткиныхъ я велѣлъ приготовить. Вы, пожалуйста, ужъ наблюдите, чтобы тамъ все вычистили и подправили,— обратился предводитель къ городничему.

— Я сейчасъ же поѣду! — произнесъ тотъ и, не имѣвши почти лица на себѣ, всталъ потихоньку изъ-за стола и на цыпочкахъ, но торопливымъ шагомъ, вышелъ. Между тѣмъ Алексѣй Сергѣичъ и прочіе гости остались въ сильномъ раздумьѣ. Хозяинъ однако вскорѣ нашелся. Онъ велѣлъ налить всѣмъ шампанскаго и, вставъ на ноги, произнесъ:

— Господа! Позвольте вамъ предложить тостъ за здоровье его сіятельства нашего ревизующаго сенатора...

— Ура! ура! — подкрикнули ему чиновники и помѣщики.

— Что онъ-то такъ хлопочетъ; вѣдь не служитъ, кажется,— замѣтилъ винный приставъ стряпчему.

— Ну, да поди ты вотъ, — отвѣчалъ тотъ печальнымъ голосомъ.

Послѣ обѣда около предводителя столпились нѣсколько мужчинъ и стали разспрашивать, какъ и что̀ князь; одинъ только Степочка нисколько не смутился: онъ и въ усъ ничему не дулъ, а, напротивъ, какъ-то еще свысока на всѣхъ сталъ посматривать, толкнулъ локтемъ одного старика и пошелъ-было отыскивать Катерину Петровну, но та уже, спасаясь отъ его любезностей, куда-то скрылась. Степочка подошелъ съ гордымъ видомъ къ предводителю и нѣсколько времени гордо смотрѣлъ на него.

— А зачѣмъ сюда сенаторъ ѣдетъ? — вдругъ спросилъ онъ.

— А вотъ этакихъ неслужащихъ дворянъ въ солдаты брить,—отвѣчалъ предводитель.

— Какъ мнѣ понимать ваши слова?—спросилъ Степочка и закусилъ губы, что̀ у него всегда означало присутствіе сильнаго гнѣва.

— Это онъ на вашъ счетъ говоритъ, — подуськнулъ его уланъ.

— Чего-съ? — отозвался и ему Степочка и хотѣлъ-было обратиться снова къ предводителю, но того уже не было: онъ ушелъ за хозяиномъ, который дернулъ его за руку и просилъ идти съ нимъ въ дальнюю комнату переговорить. Въ комнатѣ этой стояли на столѣ два полные стакана шампанскаго.

— Выпьемте еще за здоровье его сіятельства, нашего теперь командира и владыку...

Предводитель съ нимъ чокнулся и выпилъ.

— Теперь вѣдь дѣло вотъ въ чемъ,—продолжалъ Ухмыревъ:— ну, вотъ онъ пріѣдетъ сюда. Чиновники представятся тамъ ему своимъ чередомъ; но гдѣ же мы, дворяне, увидимъ его?

— Да, пожалуй, я дворянъ представлю, — отвѣчалъ предводитель.

— Прекрасно-съ!—воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ:—но вѣдь

вы представите Сидора... Петра... Алексѣя, всѣхъ вмѣстѣ. Гдѣ ему тутъ различить, кто какой человѣкъ. Такъ я говорю?

— Да такъ-то такъ!—отвѣчалъ предводитель.

— Такъ? — повторилъ опять Ухмыревъ. — Я полагаю, въ этомъ случаѣ вамъ прямо надобно ему объяснить, что вотъ здѣсь въ городѣ собственно живетъ одинъ только помѣщикъ, то-есть я... потому что я могу и партію ему составить и въ домъ къ себѣ принять, а какая ему радость, если вы его познакомите съ какимъ-нибудь Козинымъ, у котораго фрачишки нѣтъ и водкой воняетъ цѣлый день.

— Это можно будетъ сдѣлать,—согласился предводитель.

— Непремѣнно, а чтобы о прочихъ и духу никакого не было, а то они васъ же скомпрометируютъ, — подхватилъ Алексѣй Сергѣичъ и предложилъ еще разъ тостъ собственно ужъ за здоровье предводителя, расцѣловался съ нимъ потомъ и вышелъ къ прочимъ гостямъ. Онъ былъ очень доволенъ этой маленькой бесѣдой, въ продолженіе которой такъ ловко успѣлъ обдѣлать дѣло, что одинъ только въ цѣломъ городѣ, какъ частный человѣкъ, будетъ знакомъ съ сенаторомъ.

Степанъ Герасимычъ между тѣмъ съ прежнимъ озлобленнымъ видомъ ходилъ по залѣ. Подойдя къ окну, онъ взялъ свою шляпу, изъ которой выпала записка. Сальниковъ поднялъ ее и прочелъ сначала равнодушно, прищуря нѣсколько лѣвый глазъ; но тотчасъ же измѣнилъ выраженіе лица, уткнулъ палецъ въ лобъ, нѣсколько времени думалъ; потомъ улыбнулся и началъ незамѣтно выбираться изъ залы. Наблюдавшій его Карелинъ поклонился ему вслѣдъ. Выйдя на улицу, Степанъ Герасимычъ опять пріостановился и задумался. Найденная имъ въ шляпѣ записка была дѣйствительно довольно загадочнаго содержанія:

«Милый Степочка! Я тебя давно люблю и потому рѣшилась тебѣ назначить свиданіе въ гостиницѣ въ 3 №, гдѣ и буду ожидать тебя цѣлый день; тебя встрѣтитъ человѣкъ съ рыжими усами, ты ему скажи одно слово: «Паленый поросенокъ». Вначалѣ онъ будетъ показывать, что сердится на тебя, будетъ, можетъ-быть, браниться; но ты не робѣй и повторяй это слово чаще, и онъ проводитъ тебя ко мнѣ; иначе ты меня не увидишь. Если же, паче чаянія, ты не встрѣтишь этого человѣка, то спроси номерного, и онъ къ тебѣ выйдетъ.

«Ожидаю тебя.

«Неизвѣстная».

Будь въ обыкновенномъ состояніи Степочка, онъ, конечно, принялъ бы эту записку только къ свѣдѣнію; но въ охмеленную голову его пришли Богъ знаетъ какія несбыточныя мысли.

Сначала онъ заподозрѣлъ Катерину Петровну, которая такъ любезничала съ нимъ. «Не отъ Вѣры ли Павловны?»—подумалъ онъ наконецъ, и отъ послѣдней мысли голова его еще болѣе помутилась; запнувшись о камень, при чемъ весьма больно ушибъ себѣ ногу, Сальниковъ опять перемѣнилъ образъ мыслей и началъ предполагать, что это, должно-быть, писала къ нему какая-нибудь незнакомая дама, которая гдѣ-нибудь, вѣроятно, его видѣла и влюбилась въ него.—«Интересно знать, хороша ли она собой! Если дурна, такъ не надобно... но если хорошенькая, такъ ничего!.. идетъ!.. Хи... хи... хи... Стыдно бы тебѣ, Степанъ Герасимычъ, дѣлать этакія проказы! Вспомни—ты скоро женишься... хи... хи... хи... Ничего, пошалю да и закаюсь; мало ли мы, молодые люди, шалимъ; невѣсты на это не смотрятъ. Но какимъ образомъ эта записка въ шляпу ко мнѣ попала!» Послѣднее обстоятельство опять сбило его съ толку. Разсуждая такимъ образомъ, онъ все-таки шелъ къ таинственной гостиницѣ, ошибиться въ которой было невозможно, такъ какъ она была единственная въ городѣ. Войдя на дворъ, онъ дѣйствительно увидѣлъ на рундучкѣ крыльца человѣка съ рыжими усами и въ нанковомъ сюртукѣ.

— Паленый поросенокъ!—проговорилъ Степанъ Герасимычъ, подходя къ нему.

Рыжеусый взглянулъ на него свирѣпо.

— Чего тебѣ надобно? Что ты ругаешься?

— Паленый поросенокъ!—повторилъ онъ.

— Я тебѣ дамъ такого поросенка, что ты у меня вылетишь отсюда! Я не посмотрю, что ты баринъ, или тамъ купецъ какой-нибудь,—убирайся!

— Я тебѣ говорю: дама... Паленый поросенокъ.

— Молчи! Я тебя, право, проучу!

— Паленый поросенокъ!—повторилъ Степанъ Герасимычъ и пошелъ-было въ коридоръ. — Къ дамѣ, я тебѣ говорю, поросенокъ...

Рыжіе усы совершенно вышли изъ себя.

— Вотъ тебѣ паленый поросенокъ! — вскрикнулъ онъ, и какъ мнѣ ни совѣстно, но все-таки я долженъ сказать, что онъ далъ Степану Герасимычу такого рода серьезную затрещину, что у того посыпались звѣзды изъ глазъ. Подобной обиды Сальниковъ, надѣленный отъ природы довольно сильнымъ мужскимъ организмомъ, конечно, никогда бы и никому въ мірѣ не спустилъ, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ: забывши даму, и записку, и слова: «паленый поросенокъ», онъ далъ такую сдачу рыжимъ усамъ, что тѣ свалились съ ногъ. Затѣмъ Степочка придавилъ ему колѣномъ

грудь и началъ ковырять ему глаза, раздирать ротъ, такъ что рыжеусый, какъ только вырвался изъ-подъ него, то однимъ взмахомъ взлетѣлъ на чердакъ и началъ оттуда пускать въ Степочку каменьями. Тотъ, разумѣется, принужденъ былъ отступить, и какъ ни блистательна была одержанная имъ побѣда надъ этимъ загадочнымъ человѣкомъ, но все-таки онъ вышелъ изъ гостиницы совершенно непохожій на себя: новый фракъ его не только былъ измятъ, но въ рукавахъ на многихъ мѣстахъ изодранъ; лицо его пылало гнѣвомъ; хмель же у него отъ сильнаго моціона значительно выскочилъ, — онъ отправился прямо домой и всю дорогу ломалъ себѣ голову, что бы это такое съ нимъ за приключеніе было. Но мы, конечно, можемъ догадаться, что въ третьемъ номерѣ гостиницы никакой дамы не бывало, а стоялъ въ немъ самъ Карелинъ. Рыжіе усы былъ номерщикъ, его дразнили въ городѣ прозвищемъ «паленый поросенокъ», и этого имени онъ такъ не любилъ, что начиналъ обыкновенно браниться и драться со всякимъ, кто только называлъ его такимъ образомъ...

V.

Переписка между Шамиловымъ и Вѣрой шла неутомимо, черезъ посредство довѣренной горничной. Въ каждомъ письмѣ своемъ Шамиловъ молилъ Вѣру о свиданіи и спрашивалъ о причинѣ, по которой его не принимаютъ. Вѣра вначалѣ скрывала, но наконецъ написала откровенно, что жестокій дядя не велѣлъ его принимать. «Пусть онъ не принимаетъ, — писалъ съ своей стороны Шамиловъ:—но мы должны видѣться съ тобой, Вѣра! Ты дашь мнѣ случай видѣть себя внѣ дома этого человѣка». Вѣра не отвѣчала цѣлый день на это письмо; но послѣдовало другое, еще страстнѣе, еще пламеннѣе. Отчаяніе молодого человѣка доходило до послѣднихъ предѣловъ. Не прошло четверти часа, какъ было прислано еще третье посланіе, въ которомъ Петръ Александрычъ прямо говорилъ, что онъ пишетъ его, имѣя подъ руками заряженный пистолетъ. Молодая дѣвушка не въ состояніи была болѣе бороться и написала дрожащею рукою: «Приходите въ пять часовъ въ рощу, къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ скамейка; я буду тамъ гулять». Роща эта лежала около самаго города и служила въ хорошее время мѣстомъ прогулки для многихъ изъ горожанъ; въ ней росли иногда сухарки, боровые рыжики и брусника. Нельзя сказать, чтобы она была опрятно содержима, или, лучше сказать, ее украшала и содержала одна только природа. Въ сторонѣ, ближайшей къ городу, была сдѣлана дер-

новая скамейка. Вѣра часто гуляла на этомъ мѣстѣ, потому что она, какъ мы знаемъ, очень любила лѣсъ, а роща въ полномъ смыслѣ могла быть названа лѣсомъ. Вѣра Павловна вышла въ сопровожденіи горничной. Забывъ совершенно отъ внутренняго волненія, что былъ уже конецъ сентября, она накинула на себя только легонькій лѣтній бурнусъ. Шамиловъ уже сидѣлъ на назначенномъ мѣстѣ. Вѣра его завидѣла еще вдали. Въ одеждѣ и въ самой позѣ молодого человѣка было нѣсколько умышленнаго кокетства. Онъ былъ въ очень хорошо сшитомъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, въ нахлобученной шляпѣ, и сидѣлъ, опершись на палку. Первымъ движеніемъ его было броситься къ Вѣрѣ Павловнѣ; но, увидѣвъ горничную, онъ пріостановился.

— Bon soir, — проговорила Вѣра, сконфузясь и подавая ему руку.

Горничная, сообразивъ, что она лишняя, отошла и, отыскавъ кустъ брусники, присѣла къ нему и сдѣлала видъ, какъ будто ничего не видитъ и не слышитъ, тогда какъ все видѣла и все подмѣчала.

Давно минула для меня, смиреннаго разсказчика, та волшебная пора, въ которую я самъ бывалъ въ положеніи Шамилова, минуло даже и то время, когда въ подобныхъ свиданіяхъ видѣлъ Богъ знаетъ какую глубокую драму. Много было описано мною келейно подобныхъ сценъ, и онѣ, милыя читательницы, можетъ-быть, понравились бы вамъ гораздо болѣе той, которую я буду сейчасъ излагать, потому что молодые люди обнаруживали въ нихъ такъ много страсти, такъ умно, такъ плавно и такъ логически говорили между собою; но, право, я былъ тогда пристрастенъ. Теперь не то, теперь я буду описывать чувствованія пережитыя, но не переживаемыя, и, соблюдая строгую справедливость, отнесусь къ молодымъ людямъ съ симпатіей, но нелицепріятно.

Вѣра сѣла на скамейку, Шамиловъ тоже, но довольно вдалекѣ. Разговоръ нѣкоторое время не начинался.

— Вы очень меня любите?—сказала дѣвушка съ замѣтнымъ усиліемъ надъ собой.

Петръ Александрычъ взглянулъ на нее пламенно.

— Не грѣхъ ли вамъ спрашивать меня объ этомъ! — воскликнулъ онъ тѣмъ впечатлительнымъ тономъ, которымъ произносятъ трагическіе актеры многозначительныя слова своей роли.

Вѣра отвѣчала только взглядомъ.

Молчаніе.

— Я сегодня много плакала,—сказала Вѣра.

— Вы плакали? — спросилъ съ ужасомъ молодой человѣкъ.

— Да... мнѣ было досадно на дядю и тетку за васъ. Любили ли когда-нибудь эти люди!

Шамиловъ горько улыбнулся.

— Чтобы умѣть любить, надо умѣть чувствовать. Но зачѣмъ вы, Вѣра Павловна, говорите мнѣ о другихъ? Говорите мнѣ о себѣ; о себѣ только и больше ни о комъ. Вы для меня цѣлый міръ!

Опять молчаніе.

Мы всѣ, конечно, согласимся, что молодой человѣкъ не сказалъ въ послѣднемъ монологѣ ничего особеннаго, но иначе отозвались эти слова въ сердцѣ Вѣры.

— Любили ли вы прежде?—проговорилъ Шамиловъ.

— Такъ, какъ васъ—никогда. Мнѣ только нравился одинъ человѣкъ; онъ очень походилъ на...

«На тебя»,—конечно, думала сказать молодая дѣвушка, но остановилась.

— Я васъ очень люблю, — договорила она и потомъ, какъ бы нечаянно, прибавила:—а ты любилъ прежде?

Въ любви, какъ извѣстно, переходъ отъ «вы» на «ты» составляетъ довольно значительный шагъ.

— Я? Я любилъ безумно, страстно! Это существо было не отъ міра сего, я видѣлъ ея развитіе, я хотѣлъ во имя ея посвятить всю мою жизнь.

— Вы безумно любили? — спросила Вѣра нетвердымъ голосомъ.

— Не безпокойтесь: ея ужъ нѣтъ въ живыхъ.

— Но, можетъ-быть, вы и теперь ее любите?

— Встрѣтившись съ вами и полюбивши васъ, это немного трудно.

— Не обманывайте меня, Шамиловъ; вы теперь для меня единственная радость, одно только счастье въ мірѣ. Если вы забудете меня, я не перенесу этого и умру.

— Вѣра, дивное ты созданіе!—проговорился Шамиловъ.— Неужели ты думаешь, — продолжалъ онъ въ совершенномъ увлеченіи: — что, полюбивъ тебя, можно разлюбить? Неужели ты не знаешь себѣ цѣны и не сознаёшь своего достоинства?

— Я вѣрю тебѣ,—обмолвилась окончательно Вѣра.

Шамиловъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

Опять послѣдовало продолжительное и краснорѣчивое молчаніе.

— Гдѣ вы думаете служить? — спросила Вѣра, придя нѣсколько въ себя.

— Насчетъ службы не знаю. Теперь у меня другіе планы.

— Скажите.

— Покуда еще и говорить объ этомъ страшно.

— Мнѣ вы должны говорить все.

— Я думаю, выдержавъ экзаменъ на кандидата, издавать журналъ: это единственный для меня выходъ.

— Это прекрасно! Я бы стала тебѣ помогать,—проговорила опять Вѣра.—Я бы стала переводить, переписывать... только это очень трудно. Къ папенькѣ часто ѣздилъ... одинъ журналистъ... ахъ, какъ онъ, бѣдненькій, безпокоился! Пріѣдетъ, бывало, измученный, усталый, худой.

— Трудъ—пустяки, труда я не боюсь,—возразилъ Шамиловъ: — я улучшу журналистику. Я покажу публикѣ, какова она должна быть,—продолжалъ онъ.—Боже мой! Это для меня такая высокая цѣль, что отъ одной мысли голова идетъ кругомъ! Представь себѣ, Вѣра: я цѣлое утро хлопочу съ сотрудниками, у меня въ редакціи не будетъ валяться цѣлая куча романовъ, повѣстей и прочаго, которое потому только не годится, по мнѣнію редактора, въ журналъ, что ему лѣнь все это читать, и что ему пріятнѣе ѣхать обѣдать съ пріятелями. Я все прочту, все разсмотрю, съ корректоромъ стану браниться на каждомъ шагу. По вечерамъ примусь за свои труды. Вы, Вѣра, конечно, будете около меня... или нѣтъ! Я васъ отошлю въ вашу комнату; при васъ я буду не въ состояніи заниматься и буду все любоваться вами.

Отъ этого монолога, кажется, и у Вѣры Павловны тоже пошла голова кругомъ: она потупилась и нѣсколько времени не въ состояніи была проговорить ни одного слова.

— Возможно ли это? Сбудется ли это?

— Сбудется, Вѣра! Любовь къ такой женщинѣ, какъ ты, изъ пигмея сдѣлаетъ великана... Вѣришь ли ты хоть сколько-нибудь въ мои силы?

— Да...—могла только отвѣтить дѣвушка.

Прошло еще нѣсколько минутъ молчанія; горничная пересѣла къ другому кусту брусники.

— Я сейчасъ вспомнила: ко мнѣ сватался этотъ Степочка,— сказала Вѣра.

— Сватался?—спросилъ Шамиловъ, перемѣняясь въ лицѣ.

— Дядя и тетка мнѣ говорили; я имъ сказала, чтобы они мнѣ и не повторяли въ другой разъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!—воскликнулъ Шамиловъ:— у меня рѣшительно сердце каменѣетъ, когда я вижу или слышу объ этомъ человѣкѣ. Я бы больше вѣрилъ въ твою любовь, въ свои собственныя силы и въ возможность будущаго счастья, если бъ этотъ болванъ не перебивалъ мнѣ дороги.

Вѣра усмѣхнулась.

— А тебя развѣ онъ не безпокоитъ? Развѣ ты не чувствуешь тоски, видя передъ собой это животное? — спросилъ Шамиловъ.

— Нисколько!—отвѣчала она:—я нисколько не боюсь его, нисколько не смущаюсь его вниманіемъ и даже не думаю про желаніе дяди и тетки. Я полюбила тебя и сказала себѣ, что буду твоей женою, хотя бы весь свѣтъ возсталъ противъ этого. Ты меня еще не знаешь: я съ характеромъ!

Бесѣда молодыхъ людей, вѣроятно, продолжалась бы еще очень долго, если бъ имъ не напоминала о разставаньи наша сѣверная природа, въ которой, къ концу сентября, въ седьмомъ часу смеркается. Къ сумеркамъ присоединилось облако, отъ котораго повѣяло на нихъ черезчуръ свѣжимъ воздухомъ, и даже пошелъ маленькій снѣжокъ, въ родѣ крупы.

— Барышня! Пора домой; ужъ скоро темно; посмотрите, какъ вы посинѣли,—сказала горничная.

— Adieu,—проговорила Вѣра и пошла.

— Проводите до города... этакій баринъ молодой, а неловкій,—шепнула горничная Шамилову.

Онъ торопливо вынулъ изъ бумажника ассигнацію въ три рубля серебромъ и сунулъ ей въ руку. Нагнавъ Вѣру, онъ взялъ ее подъ руку. Несмотря на вѣтеръ, несмотря на снѣгъ, молодые люди шли не скоро и если не говорили между собой почти ни одного слова, то все-таки понимали другъ друга. Шамиловъ чувствовалъ эту безцѣнную руку на своей рукѣ, чувствовалъ біеніе ея сердца, а Вѣра—она, какъ я полагаю, ничего не видѣла, ничего не понимала, что̀ вокругъ нея происходило. Но вотъ городъ: предусмотрительная горничная тотчасъ же развела ихъ и велѣла одному идти въ одну сторону, а другой — въ другую. Но, когда барышня благополучно возвратилась въ свою комнату, она не преминула отправиться со двора и побѣжала къ своей пріятельницѣ, горничной Катерины Петровны, и сообщила той о всемъ, что̀ видѣла и слышала, весьма подробно; пріятельница эта — своей барынѣ, а барыня—улану и еще кой-кому, и такъ далѣе.

Князь наконецъ пріѣхалъ съ своей комиссіею, и чиновники ужъ ему представлялись; былъ у него и Ухмыревъ въ субботу, одинъ. Если принять во вниманіе нахмуренное чело и вообще недовольное выраженіе лица, съ которымъ Алексѣй Сергѣичъ возвратился домой изъ Семеновскаго, то явно можно было заключить, что онъ остался недоволенъ пріемомъ. Авдотья Егоровна, конечно, сейчасъ же замѣтила это и почти догадалась о причинѣ. но не спрашивала; она очень хорошо знала,

какъ близко это сердцу мужа, и потому не хотѣла растравлять еще болѣе раны. Алексѣй Сергѣичъ самъ заговорилъ.

— Князь чудакъ: онъ слишкомъ много себѣ позволяетъ,— началъ онъ.

— Что такое?—спросила Авдотья Егоровна.

Алексѣй Сергѣичъ поднялъ плечи.

— Я понять не могу, у меня до сихъ поръ все какъ въ туманѣ. Пріѣзжаю — ну, все какъ быть — хорошо, зову его и, конечно, говорю о картахъ, стараюсь узнать, какую любитъ партію, большую или по маленькой... Вдругъ онъ начинаетъ говорить мнѣ дерзости: «Что это такое, говоритъ, за занятіе карты? Это глупо, говоритъ, и вредно». Я вначалѣ сообразить ничего не могъ.—«Ваше сіятельство!—наконецъ говорю:— я не азартный игрокъ, я веду игру коммерческую».—«Тѣмъ хуже, говоритъ, это ужъ совсѣмъ мелкая корысть». А? Нравится тебѣ это? Что онъ этимъ выраженіемъ хотѣлъ сказать? То, что я желаю выиграть десять рублей серебромъ... такъ ли? Такъ онъ, извини, онъ, можетъ, копейки усчитываетъ, а я нѣтъ! Я тутъ промолчалъ, возражать смѣшно. Но еще разъ онъ не скажетъ мнѣ этого; я отвернусь и уйду.

— Не любитъ картъ, не охотникъ играть! — замѣтила Авдотья Егоровна.

— Согласенъ. Но обращеніе непристойно, тонъ неприличенъ... Прекрасно! Теперь онъ будетъ у меня; что же? Я не буду смѣть ни одного столика открывать... Такъ ли?

— Когда онъ будетъ, конечно, не надобно картъ, — отвѣчала Авдотья Егоровна.

Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.

— Но это еще ничего; слушай дальше. Сижу я у него и вдругъ слышу шаги, и входитъ, именно какъ я предчувствовалъ, этотъ Козинъ, гадкій, скверный; но какъ мнѣ было сказано: «прошу покорнѣйше садиться», такъ и ему то же самое,—стало-быть, онъ ставитъ меня совсѣмъ съ нимъ на одну доску, такъ ли?

Авдотья Егоровна покачала только головой.

— Нѣтъ, ты погоди, постой,—говорилъ между тѣмъ Ухмыревъ:—это только цвѣтики, а ягодки впереди. Выхожу я, прощаюсь, хоть бы слово мнѣ, а такъ какъ лошади еще не были у меня поданы, я и остановился въ передней... Слышу, Козинъ тоже прощается, и онъ ему говоритъ:—«Какъ, говоритъ, выѣду, такъ буду у васъ». Что же это такое! Я сошелъ съ лѣстницы, не помня себя. Мнѣ не подъ лѣта сносить подобныя оплеухи!

— Другъ мой, повѣрь, что это ничего! — вздумала-было Авдотья Егоровна успокоить своего супруга.

— Какъ ничего! Очень чего!—возразилъ онъ ей рѣзко:— тутъ двѣ вещи: или онъ совсѣмъ не хочетъ понимать людей, какъ надо, или ему ничего не было сказано. На что же послѣ этого предводитель у насъ? Еще не безъ чего я говорилъ и просилъ. Въ чемъ его прямая обязанность состоитъ, какъ не въ томъ, чтобы сортировать передъ высшими лицами дворянъ!

— Высшіе люди, cher Alexis, чрезвычайно скрытны; по наружному виду ихъ никакъ нельзя узнать объ ихъ мнѣніи; я тебѣ говорю, что онъ къ намъ къ первымъ пріѣдетъ.

— А я тебѣ говорю, что онъ къ намъ совсѣмъ не будетъ!— вскричалъ Алексѣй Сергѣичъ почти уже бѣшенымъ голосомъ и ударивъ себя въ грудь.—Да-съ!

— Нѣтъ, Alexis, ты заблуждаешься.

— Пожалуйста, не спорьте. Вамъ чепчики—и больше ничего! Вы въ этихъ дѣлахъ ни аза не понимаете!—заключилъ онъ и ушелъ, не замѣтивъ даже того, что у чувствительной Авдотьи Егоровны показались на глазахъ, по обыкновенію, слезы, и она готова была упасть въ обморокъ, но удержалась единственно потому, чтобы не разстроить еще болѣе мужа и самой не лишиться силъ ѣхать къ весельчаку-доктору на званый обѣдъ по случаю именинъ его жены.

Между тѣмъ какъ волновался такимъ образомъ Алексѣй Сергѣичъ, князь, начальная и конечная точка всѣхъ его теперешнихъ помышленій, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ халатѣ за письменнымъ столомъ. Передъ нимъ стоялъ въ почтительной позѣ правитель дѣлъ, тоже уже статскій совѣтникъ и съ Владиміромъ на шеѣ. Онъ докладывалъ князю вновь полученныя бумаги.

— Какое-то частное письмо,—сказалъ онъ, подавая князю пакетъ.

Тотъ развернулъ и началъ читать. Съ каждой строчкой его старческое и мрачное лицо начало принимать все болѣе и болѣе добродушное выраженіе; на первой страницѣ письма, наверху ея, былъ поставленъ маленькій крестикъ... Оно было слѣдующаго содержанія:

«Я прибѣгаю къ вашей помощи, князь, и прибѣгаю потому, что вы меня знаете. Я дочь вашего стараго знакомаго Ензаева, та маленькая Вѣрочка, которую вы когда-то ласкали. Я теперь сирота, живу здѣсь у моей родной тетки Ухмыревой. Говорить съ вами откровенно я могу, потому что я дочь Ензаева. Родные хотятъ меня выдать за человѣка, котораго я

ненавижу и люблю другого; но онъ не нравится моему дядѣ Ухмыреву. На васъ теперь, князь, вся моя надежда. Помощь этому человѣку и ваше участіе ко мнѣ спасутъ насъ: достаточно одного вашего слова, чтобы родные мои перемѣнили свое намѣреніе и отдали меня тому, кому принадлежитъ и мое сердце и вся душа моя. Фамилія его Шамиловъ. Спасите насъ, князь; васъ за это Богъ наградитъ!

«Вѣра Ензаева».

Письмо было написано такимъ почеркомъ, по которому ясно было видно, что сочинительница его и сама, кажется, не понимала хорошенько, что дѣлала и что писала.

— Вѣрочка Ензаева!—произнесъ старикъ.—А что, у меня былъ, кажется, какой-то Ухмыревъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ правителю.

— Былъ, кажется, ваше сіятельство.

— Скажите или дайте какъ-нибудь тамъ знать, хоть черезъ городничаго, что я ужо вечеромъ заѣду къ нему.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ правитель и собралъ доложенныя бумаги.—Приказанія больше не будетъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ князь.

Правитель поклонился и вышелъ.

Старикъ началъ какъ бы разсуждать самъ съ собой:

— Сподвижникъ былъ большой... званіе вольнаго каменщика имѣлъ... Сперанскій лучшимъ другомъ считалъ его себѣ... но паче того я покойницу-мать ея любилъ; святая была женщина... Все-то это какъ-то прошло и миновалось; пора бы и моимъ старымъ костямъ на покой!

Ухмыревъ въ это самое время, ничего не подозрѣвая, что его ожидаетъ, былъ съ Авдотьей Егоровной на обѣдѣ у доктора. Вдругъ говорятъ—городничій пріѣхалъ и спрашиваетъ его.

— Что такое?

— Князь,—говоритъ тотъ:—будетъ къ вамъ сегодня вечеромъ.

Алексѣй Сергѣичъ выпучилъ глаза.

— Какъ, когда?—спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Сегодня вечеромъ,—повторилъ городничій.

Алексѣй Сергѣичъ схватился за косякъ, чтобы не упасть.

— Какъ же это такъ? — бормоталъ онъ, какъ бы не вѣря ушамъ своимъ.

— Да такъ, поѣзжайте домой!—внушалъ ему городничій.

Алексѣй Сергѣичъ, сколько лишь достало у него силы совладѣть съ собой и прогнавъ съ лица малѣйшій оттѣнокъ удовольствія, возвратился въ залу и проговорилъ даже нѣсколько сердитымъ голосомъ:

— Сейчасъ ко мнѣ князь самъ напросился на вечеръ.

— Князь?—спросили въ одинъ голосъ хозяинъ и нѣкоторые другіе мужчины.

— Да, надобно ѣхать домой — такая досада! — произнесъ Ухмыревъ, маскируя отчаяннѣйшимъ образомъ все, что происходило у него въ эти минуты въ душѣ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! Какъ это возможно!—совѣтовали ему хозяинъ и гости, не безъ зависти и очень хорошо, кажется, понимавшіе, на какомъ седьмомъ небѣ былъ теперь этотъ честолюбецъ.

Алексѣй Сергѣичъ вызвалъ Авдотью Егоровну и, шепнувъ нѣкоторымъ изъ гостей позначительнѣе, чтобъ къ нему пріѣзжали, отправился.

Обѣщаніе князя пріѣхать къ Ухмыреву совершенно разстроило именинный праздникъ доктора. Болѣе значительныя лица, приглашенныя Ухмыревымъ, передали это по секрету своимъ дражайшимъ половинамъ, изъ числа которыхъ нѣкоторымъ очень захотѣлось ѣхать вмѣстѣ съ супругами, но тѣ рѣшительно отказали имъ въ этомъ, на томъ основаніи, что вечеръ будетъ мужской. Но, какъ бы то ни было, всѣ они скоро уѣхали. Оставшіеся гости, недовольные Алексѣемъ Сергѣичемъ, были не въ духѣ, такъ что рѣшительно не могли составиться танцы, къ крайнему сожалѣнію Степана Герасимыча, котораго Алексѣй Сергѣичъ тоже не позвалъ; но онъ, увидѣвъ, что всѣ гости разъѣзжаются, и что самъ хозяинъ думаетъ вечеромъ попозже отправиться къ Ухмыревымъ, не стѣснился этимъ и рѣшился тоже ѣхать туда.

Возвратясь домой, Алексѣй Сергѣичъ пришелъ въ ужасныя хлопоты: во-первыхъ, онъ велѣлъ снять чехлы со всей мебели и натереть полы воскомъ; у Авдотьи Егоровны взята была склянка съ весьма дорогими духами, которыми и велѣно было, какъ пріѣдетъ князь, курить. Съ поваромъ Ухмыревъ тоже очень долго совѣщался и ему низко-низко кланялся и просилъ его, Бога ради, не испортить мороженаго. Очень также Алексѣя Сергѣича безпокоило, чтобы Вѣра Павловна вышла, и это взялась устроить Авдотья Егоровна. Вѣра, впрочемъ, услышавъ о пріѣздѣ князя, объявила, что она непремѣнно выйдетъ. Избранные гости начали мало-по-малу собираться. Часу въ девятомъ карета князя подъѣхала къ крыльцу. Хозяинъ нѣкоторое время недоумѣвалъ, гдѣ ему встрѣтить гостя: въ лакейской, или на лѣстницѣ. Авдотья Егоровна, по предварительному совѣщанію съ мужемъ, вышла на половину залы.

Князь, сутуловатый, мрачный, во фракѣ съ двумя звѣздами и съ какимъ-то спокойствіемъ и самоувѣренностью въ движеніяхъ, вошелъ.

Алексѣй Сергѣичъ запрыгалъ передъ нимъ собачкой на заднихъ лапкахъ.

— Позвольте мнѣ рекомендовать мою жену, ваше сіятельство!—забормоталъ онъ.

— Честь имѣю представиться, сударыня. Я очень хорошо зналъ вашего брата и весьма обрадовался, услышавъ, что дочь его у васъ живетъ.

— Князь, вы такъ обязательны,—жеманно начала Авдотья Егоровна.

Но Алексѣй Сергѣичъ ей мигнулъ, и она просила гостя въ гостиную.

— Наша племянница, князь, — сказала она, указывая на Вѣру.

— Здравствуйте, Вѣра Павловна, — сказалъ тотъ, протягивая дѣвушкѣ руку: — какъ вы выросли и еще болѣе похорошѣли; узнали ли вы меня? Помните ли вы, какъ я часто у васъ бывалъ? Я душевно порадовался, услышавъ объ васъ.

— Я очень помню васъ, князь; у меня еще и до сихъ поръ есть книга, которую вы мнѣ подарили, — отвѣчала Вѣра съ пылающимъ отъ невольнаго стыда лицомъ.

Алексѣй Сергѣичъ и недоумѣвалъ и былъ въ восторгѣ. Князь между тѣмъ сѣлъ на диванъ и, усадивъ съ собой Вѣру, сталъ съ ней разговаривать объ отцѣ, его сочиненіяхъ, ученыхъ трудахъ, о томъ, что она сама теперь читаетъ, рисуетъ ли, не оставила ли музыку, и т. п.

Авдотья Егоровна дѣлала всевозможныя усилія, чтобы участвовать въ ихъ разговорѣ; но ей никакъ это не удавалось.

Алексѣй Сергѣичъ рѣшительно не находился, какъ ему себя держать. По всѣмъ соображеніямъ, онъ бы, какъ глава въ домѣ, долженъ былъ занимать князя, и тотъ съ нимъ бы долженъ былъ говорить, а никакъ не съ Вѣрой; но князь въ продолженіе цѣлаго вечера не удостоилъ его словомъ, а заставилъ стоять передъ собой истуканомъ, потому что отойти онъ не могъ, считая это, какъ хозяинъ, за невѣжливость; вмѣшаться въ разговоръ тоже не было никакой возможности, потому что говорили о такихъ отвлеченныхъ предметахъ, о которыхъ Алексѣй Сергѣичъ даже во всю свою жизнь и не слыхивалъ. Князь, можетъ-быть, проговорилъ бы цѣлый вечеръ съ Вѣрой Павловной, и прервать его, конечно, никто бы не рѣшился, но это сдѣлалъ Степанъ Герасимычъ. Молодой человѣкъ вошелъ, по обыкновенію, очень свободно, расшаркался передъ Авдотьей Егоровной и, увидавъ Вѣру, очень обрадовался: онъ не видалъ ея недѣли двѣ. Вѣра никогда при немъ не выходила. Не же-

нируясь нисколько присутствіемъ князя, Степанъ Герасимычъ подошелъ къ предмету своей любви и усѣлся около него.

— Вы были больны?—началъ онъ.

Вѣра улыбнулась; Алексѣй Сергѣичъ нахмурился; Авдотья Егоровна готова была упасть въ обморокъ.

— Вы были больны?—повторилъ Сальниковъ.—Молодымъ дѣвицамъ стыдно хворать,—прибавилъ онъ.

— Кто это такой?—спросилъ князь Вѣру по-англійски.

— Дурачокъ одинъ—Сальниковъ.

Князь внимательно посмотрѣлъ на него.

— Я, ваше сіятельство, передъ вами виноватъ, — адресовался вдругъ къ нему Степанъ Герасимычъ: — до сихъ поръ еще не явился къ вамъ...

Князь только осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, но ни слова ему не отвѣтилъ.

Степочка этимъ однако нисколько не сконфузился.

— Мы такъ давно не танцовали,—отнесся онъ къ Вѣрѣ.

— А вамъ хочется?—спросила та.

— Весьма желалъ бы.

— Танцуйте.

— Но я одинъ.

— Такъ что-жъ; одни танцуйте; къ вамъ это очень будетъ идти.

— Позвольте принять ваши слова за насмѣшку; я не могу одинъ танцовать, это только простолюдины одни пляшутъ.

— Вы, можетъ-быть, русскую умѣете?

— Да, конечно, я пляшу ее самоучкой; но въ обществѣ этотъ танецъ не принятъ.

— Ничего. Попляшите теперь.

— Madame! Вы все шутите.

Какъ князь ни былъ серьезенъ, какъ ни непріятно, кажется, было ему, что Степочка подсѣлъ къ Вѣрѣ Павловнѣ, но на этомъ мѣстѣ онъ не удержался и усмѣхнулся; Вѣра тоже; она встала и ушла. Степочка адресовался-было опять къ князю съ разговоромъ, но тотъ опять ни слова ему не отвѣтилъ. Алексѣй Сергѣичъ, какъ послѣ разсказывалъ, истерзался въ этотъ вечеръ. Сіятельный гость явно показывалъ, что онъ пріѣхалъ для одной Вѣры Павловны, потому что почти все время говорилъ съ ней одной и частью съ Авдотьей Егоровной, но съ нимъ почти ни слова. Слабоумный Сальниковъ постоянно вмѣшивался въ разговоръ и постоянно вралъ; прочіе гости стояли, какъ деревянные чурбаны; мороженое тоже не удалось. Отъ ужина князь отказался.

— Для чего я убыточился?—говорилъ послѣ Алексѣй Сер-

гѣичъ.—Худо ли, хорошо ли, но все-таки пятьдесятъ серебромъ издержалъ; одного клико было четыре бутылки заморожено; наконецъ былъ подаваемъ въ четыре рубля серебромъ лафитъ... для здѣшнихъ-то господъ? Какъ же! Имъ въ сласть и полтинная мадера.

Подобнаго рода расчетливость Алексѣй Сергѣичъ обнаружилъ еще первый разъ въ жизнь свою, и обнаружилъ ее только подъ вліяніемъ сильнѣйшей досады на то, что именитый гость велъ себя въ его домѣ совершенно не такъ, какъ онъ желалъ и даже предполагалъ.

Передъ ужиномъ князь спросилъ Вѣру, кто такой Шамиловъ.

Дѣвушка, конечно, сконфузилась.

— Мнѣ его очень хвалили, — продолжалъ старикъ: — я бы съ нимъ желалъ познакомиться. Онъ, вѣрно, бываетъ у вашего дяди. Скажите ему, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ.

Вѣра молчаливымъ и сконфуженнымъ взглядомъ поблагодарила князя.

Уѣзжая, онъ взялъ съ Авдотьи Егоровны честное слово пріѣхать къ нему съ племянницею на цѣлый день. Алексѣя Сергѣича пригласилъ онъ какъ-то двусмысленно, а Степочкѣ даже не поклонился; со всѣми же другими гостями поговорилъ хотя немного, но ласково.

VI.

Въ послѣднее свиданіе Вѣра еще болѣе очаровала Степочку, потому что въ этотъ вечеръ была дѣйствительно очень интересна; но болѣе того: она говорила и шутила съ нимъ, чего прежде никогда не случалось. На другой день Сальниковъ рѣшился во что бы то ни стало добиться толку отъ Алексѣя Сергѣича, который съ нѣкотораго времени какъ-то отмалчивался и не говорилъ ничего опредѣлительно. Онъ отправился къ Ухмыреву еще довольно рано и засталъ того въ кабинетѣ за чаемъ, въ весьма дурномъ расположеніи духа отъ вчерашняго посѣщенія князя.

— Я къ вамъ, — началъ Степанъ Гераспмычъ.

— А что?

— Все насчетъ того.

Алексѣй Сергѣичъ покачалъ головой.

— Насчетъ того... все еще ничего.

— Какъ же это! Мнѣ надобно къ маменькѣ писать.

— Напишите ей, что покуда еще ничего.

— А долго ли?

— Что-съ?

— Ждать.

Алексѣй Сергѣичъ пожалъ плечами.

— Не знаю.

— Годъ, что ли?

— Не менѣе.

— Это долго: нельзя ли полгода?

— Нѣтъ, полгода мало.

— А годъ очень долго.

— Что̀ дѣлать!

Вотъ все, что̀ сказалъ Ухмыревъ, несмотря на то, что Степочка, по нецеремонности своей, дѣлалъ весьма прямые вопросы и даже спрашивалъ, наградитъ ли Алексѣй Сергѣичъ самъ чѣмъ-нибудь Вѣру Павловну, — но и на это получилъ весьма двусмысленный отвѣтъ. Сколько я съ своей стороны понимаю Ухмырева, то онъ, принявъ первоначально въ дѣлѣ сватовства богатаго жениха такое живое участіе, въ настоящее время значительно ослабъ: во-первыхъ, потому, что встрѣтилъ въ Вѣрѣ рѣшительный отпоръ, а во-вторыхъ, и самъ лично былъ очень занятъ пріѣздомъ князя. Сальниковъ возвратился къ себѣ на квартиру разстроенный: его очень пугалъ дальній срокъ, который назначилъ ему Алексѣй Сергѣичъ, тогда какъ онъ ощущалъ непреодолимое желаніе имѣть подругу жизни, отдавая, конечно, Вѣрѣ Павловнѣ въ этомъ случаѣ передъ всѣми другими дѣвицами преимущество. Усѣвшись и закуривъ трубку, онъ предался тихой грусти, а потомъ ему пожелалось излить свою душу передъ себѣ подобнымъ, и на этотъ предметъ позвана была Аксинья, на которую городская жизнь оказала замѣтно большое вліяніе: съ лица ея прошелъ загаръ; являясь къ барину, она надѣвала свой ситцевый сарафанъ и уже не бранилась съ Кузьмой, но, напротивъ того, начала заступаться за него передъ господиномъ.

— Что̀ прикажете? — спросила она.

— Такъ, ничего! Поговорить позвалъ, — началъ Степочка грустнымъ голосомъ. — Барышня-то... помнишь, о которой я тебѣ говорилъ, плохо...

— Что̀ же, батюшка?

— Да такъ; проволочка одна только идетъ. На годъ теперь откладываютъ.

— Вишь ты какое дѣло, — проговорила Аксинья, качая головою.

— Я вотъ теперь думаю, что̀ они важничаютъ: у меня невѣстъ будетъ.

— Вѣстимо-съ, что̀ объ этомъ безпокоиться: невѣсты будутъ.

— Имъ вотъ наградить не хочется: приданаго, видно, жаль; а мнѣ, прахъ ихъ возьми, иное сказать. У меня у самого шестьсотъ душъ, за меня купчиха богатая пойдетъ, а не то что...

— Какъ вамъ тамъ, Степанъ Гарасимычъ, будетъ угодно,— перебила Аксинья: — а мы вотъ и съ Кузьмой переговаривали: имѣнья за этой барышней никакого нѣтъ; ихніе люди даже объ этомъ болтаютъ. Развѣ ужъ она вамъ собой больно по нраву пришла, а ужъ больше ничего нѣтъ-съ.

— Въ томъ-то и штука, что лицомъ понравилась, а имъ, небось, жаль награды, ну, такъ скажи: я бы ее безъ всего взялъ! Она прехорошенькая... Ты видала ее?

— Нѣтъ-съ, не видала. Кучера ихняго Кузьма показывалъ, а барышню не видала.

Степанъ Герасимычъ задумался.

— Осмѣлюсь я вамъ, батюшка, доложить, — начала нѣсколько таинственнымъ тономъ Аксинья: — не знаю, послушаетесь ли вы моего глупаго совѣта, а я бы вамъ сказала: ежели вамъ теперь насчетъ этой женитьбы оченно такъ желается, поворожитесь вы у одной здѣсь женщины: она отъ насъ, изъ Зеленцына, здѣсь теперь въ мѣщанствѣ приписана, безподобно угадываетъ и привораживаетъ отлично. Вы, я думаю, изволите знать у Веденея сына, что̀ на богачихѣ терентьевской женатъ: ну, такъ тоже вначалѣ никакъ ладу не было,—ужъ какъ доставалось ей, сердечной... Приворожила-съ: теперь не наглядится, въ Питеръ даже пересталъ ходить, все ему тошно по ней.

— А что̀, и въ самомъ дѣлѣ! Да не страшно ли? — спросилъ Степочка.

— Ничего нѣтъ страшнаго. Сначала она, доложу вамъ, пива потребуетъ и погадаетъ на пивѣ, спрыснетъ, можетъ-быть, потомъ васъ съ камешка, а тутъ и на вѣтеръ чего-нибудь пуститъ... Только бы взялась, а дѣло сдѣлаетъ. Я ее, Степанъ Гарасимычъ, на себѣ испытала: тоже вотъ здѣсь съ маменькой вашей пріѣзжала, такъ полотенцы пропали у насъ,— сразу отгадала: ни на кого, говоритъ, Аксиньюшка, и сомнѣнія не имѣй, какъ на бѣловолосаго парня... на Григорья покойника, изволите видѣть, намекала; въ тотъ же вечеръ у него, разбойника, въ сумкѣ и нашла-съ.

— Какъ же это сдѣлать?

— Она сюда придетъ.

— Сходи.

— Слушаю-съ.

— Теперь же сходи.

— Слушаю-съ.

— Да не дорого ли она возьметъ?

— Нѣтъ-съ, не дорого: трехгривенный, такъ за глаза будетъ довольно.

— Ну, ступай.

Аксинья отправилась.

Рѣшившись обратиться къ чародѣйству, Степанъ Герасимычъ началъ чувствовать нѣкоторый страхъ. Надобно сказать, что герой мой искренно вѣрилъ во все то, что̀ разсказывалось по избамъ, и ради того часто ходилъ туда въ осенніе и зимніе вечера и нарочно заставлялъ старухъ разсказывать ему про «страшное». Въ сказки онъ тоже почти безусловно вѣрилъ и нѣкоторыя изъ нихъ даже самъ очень недурно разсказывалъ. Иванъ-царевичъ, Царь-дѣвица, Жаръ-птица, Соловей-разбойникъ были для него такія же несомнѣнныя историческія лица, какъ для насъ Кромвель, Ришельё и Фридрихъ Великій. Вовсе не бывъ трусомъ, онъ ни за что бы въ свѣтѣ не рѣшился, въ силу извѣстнаго повѣрья, ночевать въ банѣ.

Ворожея явилась въ сопровожденіи Аксиньи. Это была полная, краснолицая мѣщанка, съ плутоватымъ лицомъ, въ сарафанѣ и въ душегрѣйкѣ. При входѣ первымъ ея дѣломъ было посмотрѣть, не натоптала ли она въ комнатѣ.

— Ты мнѣ погадаешь? — началъ Степочка.

— Можно,—отвѣчала она.

— Ну, а этакъ...

— Приворожить, Секлетея Дмитревна, надо, — вмѣшалась Аксинья.

— Можно,—отвѣчала Секлетея.

— Ну, ворожи,—сказалъ Степочка.

— Денегъ, баринъ, напередъ дай, а тутъ ужъ и спрашивай. Я тебѣ скажу откровенно, — колдунъ, что̀ коновалъ: безъ денегъ ни ступитъ ни шагнетъ, — по рублю ходитъ, на рублѣ сидитъ, на полтину глядитъ, за червонецъ говоритъ.

— А много ли тебѣ?

— Съ богатаго барина надобно брать больше! По началу давай цѣлковый, а какъ дѣло будетъ на мази, полтинникъ еще на чай.

У Степана Герасимыча вытянулось лицо.

— Ну, этого много. За что же это?

— За твое благополучіе, баринъ, за твое единственное счастье пойдутъ эти деньги. Не жалѣй серебра, коли хочешь жить въ золотѣ. Ты богатъ, уменъ и талантливъ; одно только

у тебя есть: на деньгу ты больно крѣпонекъ! Не принесетъ тебѣ она счастья: весь свой вѣкъ ты промаешься, если такъ себя поведешь!

— Ну, да ты уступи что-нибудь,—вмѣшалась опять Аксинья.

— Не могу, голубушка, никакъ не могу. Кабы просто свадьба шла, можно; а тутъ другой человѣкъ дѣйствуетъ.

— Ну на, возьми, пожалуй, — сказалъ Степочка и съ очень недовольною миною, вынувъ изъ кошелька цѣлковый, подалъ его Секлетеѣ Дмитревнѣ.

Та, получивъ деньги, потребовала бутылку пива, которую Аксинья уже купила. Выливъ всю ее въ полоскательную чашку, она начала смотрѣть внимательно на поверхность жидкости... Степочка и Аксинья замерли въ страхѣ, который еще болѣе усилился, когда Секлетея заговорила какимъ-то неестественнымъ голосомъ:

— Разступаются туманы: расходятся облака, дѣло на виду: между парнемъ и дѣвицей большая рѣка: то не самая рѣка, а злой человѣкъ. Парень съ дѣвицей собрались въ одну дорогу, только вмѣстѣ ѣхать имъ нельзя. Высохни ты, рѣка! Пропади ты, злой человѣкъ! Я не высохну, рѣка, не пропаду я, злой человѣкъ... Парню денегъ не надобно жалѣть: сыщетъ онъ гребцовъ, сыщетъ перевозчиковъ. Переѣдетъ онъ къ красной дѣвицѣ, и поѣдутъ они въ одну дорогу, дорогу дальную... Ну, баринъ, разсмотрѣла я твое дѣло: трудное! Кабы знала, не взяла бы съ тебя и рубля серебромъ.

Проговоривъ эти слова, Секлетея Дмитревна выпила всю чашку.

— Ну, а какъ тамъ-то, потомъ-то что же? — спросилъ Степочка.

— Ты, Секлетея Дмитревна, о барышнѣ что-нибудь скажи,— проговорила Аксинья.

— Я, Аксиньюшка, все свое сказала, — отвѣчала та: — а тамъ, какъ знаете, такъ и дѣлайте.

— Нѣтъ, ужъ ты скажи появственнѣе: ты вѣдь все знаешь, — просила Аксинья.

— Знаю-то, конечно, что знаю, но за другое-то, милушка, и плата другая идетъ по нашему ремеслу,—возразила Секлетея.

— Да что ты тутъ все о платѣ толкуешь! Тебѣ, видно, денегъ только выманить хочется! — замѣтилъ Степочка.

— Нѣтъ, баринъ, ты этого не говори: не обижай меня; приворотъ я тебѣ, пожалуй, дамъ, но только онъ тутъ недѣйствителенъ.

— Ты ужъ тамъ какъ хочешь, Секлетея Дмитревна, а на вѣтеръ пусти, — проговорила Аксинья.

— На вѣтеръ пустить — дѣло неважное, да невѣрно: вѣтеръ — вѣтеръ и есть! Я тутъ другое сдѣлаю: вотъ тебѣ, баринъ, крючочекъ,—сказала Секлетея Дмитревна и вынула изъ кармана косточку, которая очень походила на щучью челюсть. — Зацѣпи ты этимъ крючкомъ свою голубушку и держи ты ее ровно часъ и все гляди на востокъ: продержишь — дѣло сдѣлается, не продержишь — самъ виноватъ; и достань ты послѣ этого изъ-подъ ея слѣда земли и усыпли ты той землей отъ ея свѣтлицы до своихъ покоевъ всю дороженьку. Возгруститъ она о тебѣ пуще, чѣмъ по отцѣ и по матери, и придетъ она сама къ тебѣ вольной неволею. Ну, а больше говорить ничего не могу; какъ хотите, такъ и судите.

— А какъ же ты, Аксинья, говорила, что она меня съ камешка умоетъ? — произнесъ Степанъ Герасимычъ.

— Умой его, Секлетея Дмитревна, съ камешка: это помогаетъ, — отнеслась Аксинья къ ворожеѣ.

— Помогать-то, конечно, оно помогаетъ, — отвѣчала та:— да только дѣло это не такое: кабы съ чьей-нибудь стороны оговоръ былъ, такъ такъ; а тутъ оговора никакого нѣтъ: въ деньгахъ тутъ сумнѣваются, прямо вамъ скажу.

— Полно, матушка, умой, — все лучше.

— Эхе-хе-хе, благодѣтели мои, не подъ стать бы мнѣ за этакую цѣну всего мастерства своего показывать... люди-то только вы хорошіе, дѣлать нечего... Давай воды.

Вода была подана въ той же чашкѣ. Секлетея Дмитревна вынула изъ кармана два дикіе кругляка, пошептала что-то надъ ними и, положивъ ихъ въ воду, еще пошептала, а потомъ, поставивъ Степана Герасимыча лицомъ къ западу, начала его умывать своею рукою, какъ обыкновенно умываютъ маленькихъ дѣтей няньки; набрала затѣмъ себѣ въ ротъ воды и спрыснула его три раза, и крѣпко наказала, чтобы онъ не утирался и даже три дня не умывался никакой другой водой.

Между тѣмъ Вѣра Павловна была подъ вліяніемъ совершенно иныхъ чаръ. Она цѣлое утро думала о Шамиловѣ и въ полдень отправила къ нему письмо: «Вчера у дяди былъ князь Сецкій. Онъ прежде былъ очень друженъ съ папенькой и разспрашивалъ меня объ васъ, и потомъ сказалъ мнѣ, что желалъ бы съ вами познакомиться. Поѣзжайте къ нему сегодня же; онъ очень можетъ быть полезенъ для насъ».

Подобнаго рода вниманіе со стороны князя, кажется, весьма польстило самолюбію Шамилова; онъ тотчасъ же одѣлся въ лучшій свой фракъ и отправился.

Князь былъ одинъ. Шамиловъ отрекомендовался; старикъ

осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и, повидимому, остался доволенъ наружностью молодого человѣка.

— Мнѣ очень пріятно, что вы посѣтили меня, — сказалъ онъ, указывая гостю на ближайшій стулъ.

— Я слишкомъ высоко цѣню вниманіе вашего сіятельства,— началъ Шамиловъ.

— Мое вниманіе,—перебилъ князь:—проистекаетъ изъ тѣхъ причинъ, которыхъ вы, вѣроятно, въ настоящую минуту и не подозрѣваете... Вы служите гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ-съ, я еще учусь и готовлюсь на степень кандидата.

— А вы были въ университетѣ?

— Былъ.

— Отчего же вы тамъ не получили этой степени?

Шамиловъ немного смѣшался.

— Вѣроятно, лѣнились,—прибавилъ князь съ улыбкою.

— Отчасти лѣнился, но главное: учился не тому, чему бы слѣдовало,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— На какомъ же вы были факультетѣ?

— На словесномъ, но на второмъ курсѣ увлекся энциклопедіей правовѣдѣнія и получилъ изъ статистики единицу; меня не перевели, а я, вмѣсто того, чтобы исправиться, пристрастился къ математикѣ и въ одинъ годъ прошелъ весь курсъ; потомъ...

— Потомъ васъ опять не перевели, и вы вышли: это нехорошо.

— Болѣе чѣмъ нехорошо, князь! Я слишкомъ наказанъ за мои ошибки... что дѣлать! Для меня всѣ науки были такъ увлекательны, что я никакъ не могъ сосредоточиться на исключительномъ занятіи опредѣленными предметами. Спеціальность дается въ позднѣйшихъ лѣтахъ и достигается усиленнымъ трудомъ.

— На чемъ же вы теперь, по крайней мѣрѣ, сосредоточились?

— Теперь я занимаюсь своимъ факультетомъ и покуда готовлюсь къ экзамену.

— А дальнѣйшая ваша цѣль какая?

— Быть ученымъ!

Старикъ посмотрѣлъ на молодого человѣка внимательно.

— Не привязываетъ ли васъ здѣсь что-нибудь?— проговорилъ онъ.

Шамиловъ вспыхнулъ, но, впрочемъ, отвѣчалъ довольно бойко:

— Во имя здѣшней привязанности, ваше сіятельство, я и

желалъ бы трудиться. Личныя мои желанія умѣренны: сотня новыхъ книгъ въ годъ—и я буду счастливъ.

Старикъ опять посмотрѣлъ на него пристально.

— Вы мнѣ нравитесь,—началъ онъ, нахмуривая брови: — и совѣтую вамъ не чуждаться меня: я могу быть вамъ полезенъ и имѣю особыя причины, по которымъ желаю принять живое участіе въ вашей судьбѣ? Говорятъ, вы очень бѣдны?

— Бѣденъ, князь,—отвѣчалъ Шамиловъ съ благородствомъ.

— Есть ли у васъ книги, всѣ, какія вамъ нужны по вашимъ занятіямъ?

— Книги у меня всѣ есть.

Князь задумался.

— Мнѣ все досадно, отчего вы не вышли кандидатомъ! — началъ онъ: — теперь ужъ вамъ немножко поздно на это готовиться; надобно бы что-нибудь другое дѣлать. Вы, вѣроятно, прежде шалили, мотали? У васъ чрезвычайно подвижная натура.

— Мотать, князь, я не могъ, потому что мотать мнѣ было нечего, но я постоянно увлекался то тѣмъ, то другимъ. Я былъ меломаномъ, театраломъ, считалъ самого себя за великаго актера и потому изучалъ Шекспира.

Князь улыбнулся.

— Основательно ли вы учены, знаете ли вы языки?—спросилъ онъ.

— Учености моей я опредѣлить не могу, но съ языками знакомъ. Я знаю латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій и англійскій.

— Хорошо, очень хорошо.

— Послѣднее время,—началъ Шамиловъ: — я много занимался греческимъ языкомъ, и меня теперь мучитъ желаніе написать греческую драму.

— Это что̀ еще такое?

— Въ настоящее время, князь, я не могу вамъ сказать ничего, потому что самъ еще не убѣжденъ въ достоинствѣ моего труда.

— Ну нѣтъ, покуда вы всѣ эти драмы оставьте, а займитесь вашимъ факультетомъ и окончательно пристройтесь.

Затѣмъ слѣдовала бесѣда, не касающаяся непосредственно моего разсказа. Князь оставилъ Шамилова обѣдать.

Разговоръ переходилъ между ними съ предмета на предметъ. Старикъ, кажется, испытывалъ молодого человѣка: онъ то заговаривалъ съ нимъ по-англійски, то вдругъ останавливался на какомъ-нибудь историческомъ событіи и просилъ ему напомнить подробности этого происшествія. Молодой че-

ловѣкъ отвѣчалъ довольно ловко и только въ англійскомъ языкѣ очень затруднился.

— У васъ по преимуществу развита діалектика,—сказалъ князь: — но по-англійски вы говорите плохо, вы не знаете этого языка. Извините, что я говорю вамъ прямо.

— Я давно, князь, оставилъ этотъ языкъ, особенно въ послѣднее время!..

Перехожу однако къ другимъ лицамъ моего романа.

Авдотья Егоровна предполагала-было ѣхать къ князю съ Вѣрою черезъ два дня и думала, что Алексѣй Сергѣичъ тоже поѣдетъ съ ними, но только-что заговорила ему объ этомъ, какъ онъ надулся, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— А ты, cher Alexis, поѣдешь? — спросила добрая дама нетвердымъ голосомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же, cher ami? Князь былъ такъ внимателенъ къ намъ.

Алексѣй Сергѣичъ насмѣшливо улыбнулся.

— Поѣзжайте, а меня ужъ онъ подождетъ: мнѣ самому пятьдесятъ лѣтъ! — отвѣчалъ Ухмыревъ и ушелъ въ другую комнату.

Авдотья Егоровна поняла, что мужъ ея недоволенъ княземъ, и въ душѣ своей соглашалась, что тотъ велъ себя не совсѣмъ деликатно съ Алексѣемъ Сергѣичемъ.

— Тебѣ, Alexis, можетъ-быть, непріятно, что и я поѣду?

— Это ваша воля.

— Я не поѣду!

— Кажется бы, такъ слѣдовало.

— Но какъ же Вѣра?

— Пускай ѣдетъ одна: не съѣдятъ.

— Но она этимъ огорчится.

— Не безпокойтесь: не огорчится! Мы-то желаемъ быть съ ней, а она думаетъ, какъ бы дальше отъ насъ.

— Я не поѣду, — отвѣтила Авдотья Егоровна и дѣйствительно не поѣхала.

Сославшись на головную боль, она уговорила Вѣру ѣхать одну.

Князь встрѣтилъ молодую дѣвушку очень радушно.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть автора недавно полученнаго мною письма,—проговорилъ онъ.

Вѣра очень сконфузилась и едва имѣла силы проговорить:

— Да, князь!

— Я видѣлъ *его* вчера, — продолжалъ онъ, не спуская съ нея пристальнаго взгляда:—онъ мнѣ понравился: молодъ еще очень, но со способностями...

— Я рада, что онъ вамъ понравился... — проговорила наконецъ Вѣра.

Лицо ея уже окончательно горѣло, и голосъ дрожалъ.

— Отчего же онъ вашимъ роднымъ не нравится? — спрашивалъ князь.

— Дядя и тетка, — начала Вѣра: — смотрятъ на жизнь иначе: они полагаютъ, что все счастье женщины состоитъ въ деньгахъ.

— Ну, а вы какъ думаете, въ чемъ состоитъ счастье?

— Въ любви и уваженіи мужа.

— А жить чѣмъ же?

— Трудами.

— А дѣти будутъ?

— Надобно трудиться больше.

— Стало-быть, вы непремѣнно рѣшились выйти за этого молодого человѣка?

— Непремѣнно, князь.

— Но у него еще званія никакого нѣтъ, онъ даже чина не имѣетъ

— Пусть получитъ чинъ и званіе, я буду дожидаться.

— Этого онъ нескоро можетъ достигнуть.

— Хоть бы всю жизнь.

— И вы все будете его любить?

— Или его, или никого.

— Браво,—сказалъ князь:—вы говорите смѣло, выдержите ли только?

Далѣе разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Вѣра разговорилась: подробно разсказала о своей жизни у дяди и тетки, разсказала также и о Степочкѣ, который князю очень не понравился. Она не скрыла даже и того, что Алексѣй Сергѣичъ, не получившій отъ князя исключительнаго вниманія, очень обижается и огорчается этимъ...

— Онъ такой мелкій человѣкъ,—заключила она:—что ежели вы вотъ теперь... такъ какъ вы сенаторъ и князь, хоть слово ему скажете, онъ все сдѣлаетъ по-вашему; поговорите ему, князь, обо мнѣ и о Шамиловѣ.

Старикъ усмѣхнулся.

— Извольте, для васъ приласкаюсь къ нему. Поѣдетъ ли только онъ теперь ко мнѣ?

— Не знаю, князь, онъ думаетъ, что не нравится вамъ.

— А если я ему напишу поласковѣе письмецо?

— Въ такомъ случаѣ сейчасъ пріѣдетъ.

— Вы думаете?

— Даже увѣрена.

— Я сейчасъ же напишу; вы ему и отдайте.

Проговоря эти слова, князь спросилъ себѣ бумаги и тутъ же написалъ къ Алексѣю Сергѣичу письмо, которое прочиталъ предварительно Вѣрѣ.

«Почтеннѣйшій Алексѣй Сергѣичъ!—писалъ онъ:—я желаю и имѣю надобность съ вами видѣться и переговорить объ обоюдно для насъ интересномъ дѣлѣ. Будьте столь добры, посѣтите меня и извините великодушно старика, что не ѣду самъ къ вамъ, а васъ безпокою. Мнѣ все нездоровится. Остаюсь въ ожиданіи пріятнаго свиданія съ вами

«К. Сецкій».

«P. S. Я весьма сожалѣю, что вы и ваша супруга не пожаловали сегодня вмѣстѣ съ вашею племянницею».

Записка эта произвела на Алексѣя Сергѣича сильное впечатлѣніе, и на этотъ разъ онъ ужъ не въ состояніи былъ скрыть овладѣвшаго имъ чувства удовольствія.

— Князь, видно, что умный и добрый человѣкъ, но странный! По наружному обращенію никакъ нельзя объ этомъ догадаться,—говорилъ онъ Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Я тебя увѣряла, что онъ добрѣйшій человѣкъ, — возразила Авдотья Егоровна.

— Согласенъ; но зачѣмъ же маску носить? Съ нимъ можно одурачиться! Не получи я этого письма, я былъ бы въ дуракахъ: я бы думалъ Богъ знаетъ что, мнѣ и въ голову бы не пришло, что онъ будетъ жалѣть, что мы не пріѣдемъ.

— А я напротивъ: я прежде это знала,—замѣтила Авдотья Егоровна.

— Я рѣшительно не зналъ; я думалъ, что пройдетъ это такъ: онъ и не замѣтитъ. Вотъ мое правило, и хорошо: вездѣ дать свой тонъ... теперь онъ и видитъ, что я заискивать не люблю. По-настоящему, я сегодня же долженъ бы былъ ѣхать къ нему, да поздно, завтра ужъ утромъ пораньше.

На другой день Ухмыревъ поѣхалъ къ князю въ полномъ смыслѣ бариномъ: цугомъ въ щегольской коляскѣ на лежачихъ рессорахъ. У него вообще выѣздъ былъ отличный. На себя онъ надѣлъ ильковую шубу въ тысячу рублей серебромъ, купленную собственно для произведенія эффекта, и ужасно разбранилъ лакея, одѣвшагося въ старую ливрею. Усѣвшись въ экипажъ, онъ развалился.

— Извините меня, Алексѣй Сергѣичъ, — заговорилъ князь послѣ обычныхъ привѣтствій: — что я васъ обезпокоилъ. Мы имѣемъ съ вами общее дѣло, которое близко моему и, вѣроятно, вашему сердцу.

— Я почту, ваше сіятельство, за счастье... — началъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Вы ужъ знаете,—продолжалъ старикъ, перерывая его:— что племянница ваша—дочь моего друга; въ судьбѣ ея я бы желалъ принять самое живое участіе.

— По своимъ родственнымъ чувствамъ, сколько могу... — началъ-было опять Ухмыревъ, но хозяинъ снова перебилъ его.

— Обязанность родственника вы исполняете добросовѣстно; это я слышалъ отъ нея и отъ прочихъ; и это дѣлаетъ вамъ честь; но мнѣ кажется, что надобно подумать, какъ бы упрочить и дальнѣйшую судьбу ея. Она бѣдна, старикъ ей, вѣрно, ничего не оставилъ. Передъ смертью обстоятельства его были очень разстроены, это я вѣрно знаю.

— Если позволите сказать мнѣ съ моей стороны, то я имѣю состояніе, это все равно: она взята нами за дочь,— проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ и остановился; но князь молчалъ.—Она наслѣдница всего нашего состоянія, — прибавилъ Алексѣй Сергѣичъ нѣсколько страннымъ голосомъ.

— Если это такъ, то вы, вѣроятно, не стѣснитесь, если бы выискался для нея женихъ, который бы ей нравился, но который былъ бы не богатъ.

Алексѣй Сергѣичъ замялся.

— По нашимъ чувствамъ, мы бы желали, чтобъ то и другое было...—пробормоталъ онъ.

— Но если того и другого нѣтъ, такъ тутъ какъ?

Ухмыревъ пожалъ плечами.

— Будемте говорить откровенно,—началъ князь.—Во-первыхъ, Вѣру пора выдать замужъ: ей ужъ 25 лѣтъ; и я слышалъ, что у нея теперь есть два жениха: одинъ богатый, который нравится вамъ, а другой бѣдный, по-сердцу ей; и я полагаю, что послѣднему надобно отдать преимущество.

— Я не смѣю съ вами спорить, ваше сіятельство, но скажу, какъ дядя, что партія эта безвыгодна.

— Но если ужъ ваша племянница полюбила его? Если уже она сама себѣ сказала, что хочетъ быть женой его, а не другого, тутъ какъ дѣлать?

— Молодыя дѣвушки, по своей неопытности... Она сама, можетъ-быть, на этотъ предметъ взглянетъ иначе. Любовь пройдетъ, и тогда...

— Нѣтъ-съ, это не такъ,—перебилъ князь:—мнѣ кажется, что Вѣра Павловна одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя не въ состояніи дешево промѣнять свои привязанности. Вы ошибаетесь въ ея сердцѣ. Она мнѣ здѣсь, на этомъ стулѣ, на которомъ сидите вы, говорила: «если мои родные будутъ противо-

дѣйствовать этому браку, я ихъ не послушаюсь и выйду замужъ, хоть бы мнѣ въ этомъ случаѣ угрожала даже бѣдность».

— Я дядя, а не отецъ: я могу только совѣтовать. Молодой человѣкъ—пустой.

— Это ужъ вы слишкомъ сказали! Онъ только молодъ. Я на вашемъ мѣстѣ не противился бы прямо этому браку, но посовѣтовалъ бы молодому человѣку получить предполагаемую имъ степень кандидата, вступить въ службу, а потомъ бы и обвѣнчалъ ихъ.

— Съ своей стороны, ваше сіятельство, я совершенно согласенъ. Для меня нужно только ея счастье, — отвѣчалъ, пожимая плечами, Алексѣй Сергѣичъ.—Я самъ бѣднякомъ женился, и жена моя счастлива.

— Ну, вотъ видите! Стало-быть. примѣръ подъ руками: что же васъ затрудняетъ?

— Я желалъ бы только партію болѣе выгодную.

— Ну, а если ея нѣтъ?

— Я согласенъ и по душѣ своей говорю: дай Богъ ей счастія. Я даже, ваше сіятельство, свое состояніе готовъ съ ней раздѣлить. Мы съ женой бездѣтны: намъ немного надо,— мы съ собой въ могилу не возьмемъ. Намъ только теперь надо думать, чтобы тамъ, впереди, устроить себѣ мѣсто.

При послѣднихъ словахъ Алексѣй Сергѣичъ такъ расчувствовался, что на глазахъ его даже навернулись слезы.

Пробывъ у князя еще часа три, онъ уѣхалъ совершенно очарованный его вниманіемъ и ласкою, и только сѣвъ въ коляску и получивъ нѣсколько толчковъ, вспомнилъ одно обстоятельство, которое заставило его призадуматься и, можно сказать, отравило эту счастливую минуту жизни. Выдать Вѣру за Шамилова онъ былъ готовъ, хотя это и противорѣчило его убѣжденіямъ; но, умилившись въ разговорѣ съ княземъ, онъ проговорился, что готовъ отдать Вѣрѣ половину своего состоянія въ приданое. Исполнить же это на дѣлѣ, по многимъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы узнаемъ впослѣдствіи, было для него весьма затруднительно. Онъ, впрочемъ, заѣхалъ къ Шамилову, котораго не засталъ дома, и велѣлъ ему передать приглашеніе посѣтить его вечеромъ. Возвратясь домой, онъ передалъ весь разговоръ съ княземъ Авдотьѣ Егоровнѣ. Добрая дама первоначально очень обрадовалась, узнавъ, что Алексѣй Сергѣичъ перемѣнилъ свои намѣренія касательно замужества Вѣры, но статья о приданомъ и ее нѣсколько обезпокоила, и она посмотрѣла на мужа съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Но какъ же это, другъ мой, возможно ли намъ это сдѣлать?—замѣтила она.

Алексѣй Сергѣичъ вздохнулъ.

— Проговорился, что̀ дѣлать! Обольстилъ ужъ очень, старая лисица. Придумать не могу, какъ бы отдѣлаться... Иваньково—нельзя! Совсѣмъ безъ хлѣба будешь, да и закладная...— произнесъ Ухмыревъ и опять вздохнулъ.

— Иваньково невозможно, душа моя,

— Да, вотъ оно роденька-то — хлопочи съ ними, обрывай себя,—хуже собственныхъ дѣтей!

Авдотья Егоровна взглянула на мужа нѣжно.

— Мнѣ не жаль-съ,—возразилъ Алексѣй Сергѣичъ: — мнѣ даже для себя было бы пріятно это сдѣлать... Саратовскую деревню развѣ отдать: третій годъ ужъ ничего не получаемъ.

— Конечно, саратовскую удобнѣе всего,—подтвердила Авдотья Егоровна.

Переговоривъ такимъ образомъ съ женою, Ухмыревъ до самаго вечера сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и о чемъ-то размышлялъ.

Шамиловъ, несмотря на сильный дождикъ, явился вечеромъ. Хозяева, по обыкновенію, играли въ карты. Степанъ Герасимычъ присылалъ-было своего мальчишку просить Алексѣя Сергѣича прислать за нимъ экипажъ, потому что очень желаетъ быть у нихъ, но, по случаю дурной погоды, пѣшкомъ придти было невозможно, собственныя же дрожки изломались. Дрожки не то что сломались, а онѣ, попросту, совершенно развалились, вслѣдствіе того, что Кузьма подъ сердитую минуту не пожалѣлъ Рыжки, что̀ есть духу проѣхалъ на нихъ по мостовой и сразу покончилъ ихъ существованіе. Призванный на другой день кузнецъ не взялся даже починить экипажъ и совѣтовалъ отдать его въ ломъ.

Алексѣй Сергѣичъ поступилъ въ этотъ разъ съ Сальниковымъ совершенно неделикатно. Онъ велѣлъ ему сказать, что прислать за нимъ не можетъ, потому что у него лошади раскованы. Однимъ словомъ, ходъ моего романа съ этого дня измѣнился совершенно. Шамиловъ цѣлый вечеръ просидѣлъ съ Вѣрою въ наугольной комнатѣ, почти вдвоемъ; къ нимъ только по временамъ ходили Авдотья Егоровна и Алексѣй Сергѣичъ, и оба, особенно первая, смотрѣли на молодыхъ людей съ какою-то родительскою нѣжностью. Ухмыревъ простеръ свое вниманіе къ Шамилову до того, что выслушалъ съ любопытствомъ и съ довольно глубокомысленнымъ видомъ, когда тотъ разсказывалъ процессъ m-me Лафаржъ.

О чемъ говорили молодые люди, оставаясь наединѣ, передать трудно: рѣчи ихъ были совершенная безскладица, такъ что въ печати онѣ потеряли бы всякій смыслъ. Но при всемъ

томъ они, право, были счастливы. Въ разговорахъ ихъ князь являлся какимъ-то добрымъ, могущественнымъ геніемъ, готовымъ и способнымъ сдѣлать все для ихъ счастья, а Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна—добрыми и идиллическими существами. Но, впрочемъ, яснѣе и понятнѣе всякихъ словъ говорило задушевное выраженіе ихъ молодыхъ лицъ: Вѣра, кажется, была въ такой мѣрѣ преисполнена внутреннимъ счастьемъ, что у ней даже захватывало дыханіе... Боже мой! Сколько нѣжности, сколько чувства выражали ея прекрасные глаза! Что касается до Шамилова, то онъ не умолкалъ; перспектива будущаго счастья была имъ нарисована съ величайшими подробностями: любовь, науки, искусства, труды, избранный кружокъ добрыхъ и умныхъ друзей и даже деньги,—ничто не было забыто, и все это какъ будто бы ужъ было у него подъ руками

VII.

На другой день Вѣра получила отъ князя письмо, въ которомъ онъ буквально передавалъ ей разговоръ съ Ухмыревымъ. Первымъ дѣломъ молодой дѣвушки было итти къ дядѣ, который въ это время сидѣлъ у себя въ кабинетѣ.

— Вы, дядя, вчера говорили съ княземъ?—начала она, но продолжать была не въ состояніи: слезы захватывали у нея дыханіе, и она бросилась ему на шею.

Алексѣй Сергѣичъ съ большимъ чувствомъ прижалъ ее къ своей старческой груди и самъ прослезился.

— Кто вамъ это сказалъ? — говорилъ онъ, утирая слезы.

— Я отъ князя получила письмо.

— Что-жъ онъ пишетъ?

— Онъ обо всемъ мнѣ пишетъ,—отвѣчала Вѣра.—Я, дядя, предъ вами виновата: я не думала, что вы меня такъ любите! Простите меня,—прибавила она и снова его обняла.

— Вы не такъ меня понимали: это оттого-съ. Мнѣ нужно только ваше счастье, а больше ничего. Мнѣ очень пріятно, что князь принимаетъ въ этомъ участіе. Теперь онъ понялъ меня,—доволенъ ли онъ мной? Замѣтно ли это изъ письма, что онъ мной доволенъ?

— Доволенъ, дядя.

— Я это знаю. Сходите къ теткѣ и приласкайтесь къ ней, но только безъ слезъ, а то у нея, знаете, опять, пожалуй, истерика.

Вѣра повиновалась: вошла къ теткѣ съ веселымъ видомъ и обняла ее; но слезы невольно показались на глазахъ. Добрая

m-me Ухмырева, конечно, была не въ состояніи перенести равнодушно этой сцены и тотчасъ же впала въ сильнѣйшую истерику: но это была, какъ она сама послѣ говорила, самая пріятная въ жизни ея истерика. Когда всѣ болѣе или менѣе успокоились, Алексѣй Сергѣичъ приступилъ къ дѣлу, и изъ послѣдующаго разговора мы увидимъ, что онъ рѣшился дѣйствовать совершенно согласно желаніямъ князя.

— Теперь-съ я буду говорить, — началъ онъ. — Вы, Вѣра Павловна, влюблены... прекрасно... слово дать можно; но у него еще службы нѣтъ: ему надобно службу найти, а тамъ и обвѣнчаетесь, — я говорю прямо... я не могу говорить пристрастно.

— Онъ получитъ службу, — отвѣчала Вѣра.

— Какую же? — спросила Авдотья Егоровна.

— Онъ сначала, та tante, выдержитъ экзаменъ на кандидата, а тутъ и должность получитъ.

— Да вѣдь надобно, душа моя, чтобы онъ хорошую получилъ должность, — замѣтила Авдотья Егоровна.

— Тутъ не то, — перебилъ Алексѣй Сергѣичъ: — я тутъ другіе виды имѣю: тутъ князь важенъ.

— Конечно, князь много можетъ сдѣлать, — подтвердила Авдотья Егоровна.

— Не много, а все: онъ въ недѣлю въ люди выведетъ. Я теперь думаю не о томъ, а какъ намъ дѣйствовать.

— Теперь онъ покуда будетъ здѣсь готовиться къ экзамену, — сказала Вѣра.

— Я не говорю: онъ будетъ здѣсь жить... такъ ли? Что же онъ: женихъ вашъ, или нѣтъ? Положимъ, между собой слово дадимъ, скажемъ объ этомъ князю; ну, а прочіе-то? Можемъ ли мы прочимъ объявлять? У меня изъ головы вонъ вышло спросить объ этомъ старика. Я теперь рѣшительно не знаю, какъ онъ на это обстоятельство смотритъ. Такъ?

— Не знаю, дядя, какъ хотите, — отвѣчала Вѣра.

— Я хочу, какъ лучше и приличнѣе. Если скрывать, то можетъ произойти вопросъ: какъ, и что, и зачѣмъ?

— Зачѣмъ же, mon ange, скрывать? — вмѣшалась Авдотья Егоровна.

— Затѣмъ, что я теперь не знаю, какъ князь объ этомъ думаетъ? Я бью на то, чтобы и предложеніе-то шло черезъ князя; мы бы дали слово, а потомъ я сдѣлаю балъ, — да на балѣ всѣмъ и объявить. Вотъ это было бы прилично и съ тономъ: тутъ бы всѣ увидѣли, какой человѣкъ принимаетъ въ этомъ участье, и этихъ бы шиканьевъ и шептаньевъ не было... Правильно ли я говорю, такъ ли?

— Да какъ же это сдѣлать, дядя?

— Сдѣлать легко-съ. Пусть онъ ѣдетъ къ князю, скажетъ такъ и такъ, всѣ свои намѣренія, а тотъ мнѣ письменно передастъ ихъ съ своимъ мнѣніемъ, которое необходимо и которое дастъ всему другой видъ.

— Конечно, участіе князя необходимо, — подтвердила Авдотья Егоровна.

Такъ улаживалъ дѣло Алексѣй Сергѣичъ. Шамиловъ цѣлое утро былъ очень занятъ: онъ начиналъ переводить Тацита, вѣроятно, съ цѣлью перевести его всего и издать въ свѣтъ; по крайней мѣрѣ, я въ правѣ это заключить изъ того, что на первомъ листѣ было написано заглавіе, а на второмъ посвященіе, въ такомъ родѣ:

«Князь!

«Приношу вамъ трудъ мой. Онъ далеко, по своему исполненію, не соотвѣтствуетъ ни вашему ученому и образованному уму, ни личнымъ надеждамъ переводчика, желавшаго выразить въ немъ хоть сколько-нибудь то глубокое уваженіе, которымъ онъ исполненъ къ вамъ.

«Имѣю честь пребыть
«вашего сіятельства
«покорнѣйшимъ слугою
«Петръ Шамиловъ».

На второй страницѣ своего вновь начатаго труда Петръ Александрычъ остановился.

— Какъ мертва и трудна эта латинщина, ужасъ! Никакого терпѣнія нѣтъ, — произнесъ онъ, вставая съ досадою: — и вообще переводить утомительная работа. То ли дѣло самому создавать!

Соскучившись переводить Тацита, Шамиловъ нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, потомъ сбирался-было къ Ухмыреву, но, вспомнивъ, что онъ Вѣрѣ Павловнѣ сказалъ, что все утро будетъ заниматься и придетъ вечеромъ, не поѣхалъ туда и снова рѣшился заниматься, избравъ на этотъ разъ статистику и давъ себѣ слово во что бы ни стало выучить два отдѣла— и, можетъ-быть, дѣйствительно выучилъ бы, но пріѣхалъ уланъ.

— Bonjour, — сказалъ тотъ, входя.

Шамиловъ дружески протянулъ ему руку. Весьма было замѣтно, что онъ обрадовался пріѣзду гостя, оторвавшаго его отъ скучной статистики.

— Что новаго? — спросилъ онъ.

— Ничего: все это время я умиралъ въ своемъ номерѣ со скуки; вы тоже все дома: васъ нигдѣ не видать. Отчего вы не бываете у Ухмыревыхъ?

— Все это время я былъ очень занятъ; но теперь буду тамъ чаще: поотдѣлался немного.

— Что же это вы такое дѣлали?

— Многое читалъ, писалъ.

Разговоръ продолжался нѣсколько времени въ томъ же тонѣ. Карелину сдѣлалось скучно.

— Знаете ли что? Поѣдемте къ Степочкѣ: онъ сегодня именинникъ — и скрываетъ.

— Вы почему знаете?

— Мнѣ торговка сказывала — препочтеннѣйшая женщина, шляется ко мнѣ каждое утро и доставляетъ разныя развлеченія. Она ходила его поздравлять, и онъ ей далъ три гроша на водку. Поѣдемте!

— Что-жъ мы станемъ у него дѣлать?

— Время превосходно проведемъ, за это я берусь, захватимъ съ собою и доктора и заставимъ хозяина купить вина; онъ ужасно скупъ: будетъ сначала терзаться, а тутъ и его самого напоимъ и заставимъ буянить, — онъ отлично буянитъ: какъ-то разъ я столкнулъ его съ моимъ номерщикомъ: такую драку подняли, хоть водой разливать. Partons!

— Нѣтъ, не хочется; что съ нимъ дурачиться. Посидите у меня... лучше поговоримъ о чемъ-нибудь.

— Да что — поговоримъ! Говорить не о чемъ... сбирайтесь!

Шамиловъ еще отговаривался нѣкоторое время; но Карелинъ настоялъ на своемъ: онъ заставилъ его одѣться и, для спѣшности, самъ подавалъ ему умываться.

Степочка дѣйствительно былъ именинникъ; но этотъ знаменательный для каждаго день онъ проводилъ непріятно — по многимъ причинамъ; дѣло касательно сватовства къ Вѣрѣ Павловнѣ рѣшительно не подвигалось; онъ даже не имѣлъ случая, въ продолженіе цѣлой недѣли, употребить магическаго крючка, потому что, бывая у Алексѣя Сергѣича постоянно каждый день, онъ почти не видалъ Вѣры. Несмотря на свое простодушіе, онъ началъ догадываться, что Ухмыревъ и Авдотья Егоровна къ нему рѣшительно перемѣнились: они очень мало говорили съ нимъ, часто уходили въ дальнія комнаты и оставляли его одного. Возвращаясь домой, молодой человѣкъ до того впадалъ въ грусть и тоску, что даже плакалъ. На день именинъ своихъ Степанъ Герасимычъ надѣялся получить отъ маменьки по крайней мѣрѣ рублей сто, на которые и хотѣлъ пріобрѣсти новую шубу, и уже ходилъ каждый день въ лавки и все разсматривалъ разные мѣха и прицѣнялся къ нимъ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ намекнулъ объ этомъ Аграфенѣ Кондратьевнѣ; но мечты его и тутъ не сбылись: скупая старуха

прислала ему только десять рублей, объясняя, что она не пожалѣла бы прислать дорогому имениннику и больше, но теперь сама совершенно безъ денегъ, потому что подрядила строить новый скотный дворъ и купила двухъ черкасскихъ быковъ.

Проснувшись поутру съ грустнымъ расположеніемъ, Степанъ Герасимычъ очень опасался, чтобы въ городѣ не провѣдалъ кто-нибудь, что онъ именинникъ. Опасенія его на этотъ счетъ еще болѣе увеличились, когда ни съ того ни съ сего пришла его поздравить Секлетея Дмитревна, которая, вѣроятно, узнала это отъ Аксиньи. Давъ колдуньѣ три гроша, Сальниковъ позвалъ свою кухарку и началъ ее бранить за болтливость; но Аксинья запиралась и увѣряла, что Секлетея знаетъ объ именинахъ Степана Герасимыча еще по деревнѣ. Чтобы спастись отъ новыхъ посѣщеній, молодой человѣкъ рѣшился идти къ Ухмыреву на цѣлый день, но только-что, одѣвшись, хотѣлъ выйти, какъ явился уланъ, Шамиловъ и весельчакъ-докторъ, за которымъ первые нарочно заѣзжали къ одной его паціенткѣ, гдѣ онъ, къ большому горю жены, проводилъ каждое утро. Степанъ Герасимычъ сконфузился. У Карелина въ рукахъ былъ огромный кулекъ.

— Честь имѣемъ, Степанъ Герасимычъ, поздравить васъ со днемъ вашего тезоименитства, и позвольте намъ, батюшка, этимъ вамъ поклониться — не побрезгуйте!—проговорилъ повѣса и началъ вытаскивать изъ кулька: замороженную индюшку, кусокъ икры, два французскихъ хлѣба, фунта два мятныхъ пряниковъ, пузырекъ съ духами амбре. — Это мы съ Петромъ Александрычемъ; а это вотъ отъ доктора,—прибавилъ онъ и вытащилъ полфунта магнезіи.

Степанъ Герасимычъ разсмѣялся.

— Вы все шутите, господа: я сегодня не именинникъ.

— Охъ, молодые люди, молодые люди, — произнесъ весельчакъ-докторъ своимъ іезуитскимъ тономъ:—какъ вы всѣ нынче скрытны. Я помню, какъ вы родились... что вы таите?

— Нѣтъ-съ, вы это неправду говорите: вы, вѣроятно, считаете меня за меньшаго брата моего, который умеръ, — ему бы теперь былъ еще тринадцатый годъ,—а я ужъ давно родился.

— То-есть вы дѣйствительно давно родились, но, впрочемъ, я въ Москвѣ видѣлъ во снѣ, какъ вы произошли на свѣтъ,— сострилъ весельчакъ-докторъ.

— Что вы, Степанъ Герасимычъ, между пріятелями скрываетесь, — началъ уланъ.

— Господа, сдѣлайте милость, извините, я, можетъ-быть,

въ самомъ дѣлѣ именинникъ, но теперь у меня маменька больна: я совсѣмъ не приготовился.

— Намъ не нужны ваши приготовленія, Степанъ Герасимычъ: мы желаемъ васъ только поздравить, — вмѣшался Шамиловъ.

— Вы поставьте намъ хорошей водки, мы выпьемъ по рюмкѣ, да потомъ полъ-дюжинки шампанскаго, закуску мы сами привезли, то-есть икры и бѣлаго хлѣба, — проговорилъ рѣшительно Карелинъ.

— Шампанское необходимѣе всего... Вы тоже согласны съ этимъ, господинъ Шамиловъ? — заговорилъ докторъ.

— Разумѣется, — отвѣчалъ тотъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — подхватилъ Карелинъ и, посмотрѣвъ строго на Степочку, спросилъ его: — Степанъ Герасимычъ! Именинникъ вы сегодня или нѣтъ? Скажите намъ рѣшительно.

— Да какъ же, господа, я, право, такой невѣжа, что не могу даже васъ принять прилично: я совершенно къ этому не готовъ.

— Это ничего: мы вамъ поможемъ. Гдѣ у васъ деньги? — произнесъ уланъ.

Хозяинъ, конечно, растерялся.

— Деньги, должно-быть, здѣсь, — отозвался докторъ и подалъ улану завѣтный бумажникъ Степана Герасимыча.

Что почувствовалъ мой богатый женихъ, я даже понять и усвоить своимъ авторскимъ чувствомъ не въ состояніи. Онъ было-бросился къ бумажнику и хотѣлъ вырвать его изъ рукъ злодѣевъ, но Карелинъ распорядился очень проворно: сразу отстегнулъ довольно затѣйливо придуманный замочекъ и вынулъ бумажку въ двадцать пять цѣлковыхъ и, даже не посмотрѣвъ, что тамъ есть еще, вышелъ изъ комнаты и послалъ своего кучера купить водки и шампанскаго. Не ограничиваясь виномъ, онъ послалъ Аркадія въ трактиръ и велѣлъ оттуда принести нѣсколько порцій кушанья, спрашивая, впрочемъ, Степана Герасимыча, какое именно онъ любитъ: горячее, холодное, жаркое и проч., — но тотъ только хлопалъ глазами и не въ состояніи былъ даже ничего говорить.

Когда водка и двѣ бутылки шампанскаго были принесены, Сальниковъ обратился съ умоляющимъ взоромъ къ пришедшему кучеру: «А что, братецъ, гдѣ же сдача? Не все же ты издержалъ?» Кучеръ полѣзъ-было въ карманъ, но Карелинъ его остановилъ.

— Погоди разсчитываться! Можетъ-быть, еще за чѣмъ-нибудь пошлемъ: пошелъ на свое мѣсто, — проговорилъ онъ.

Кучеръ повиновался.

Бѣдный Степочка, растерявшійся совершенно отъ ни съ чѣмъ несравнимой дерзости Карелина, выпилъ съ горя залпомъ три рюмки водки и съѣлъ почти всю икру и колачъ.

Незванные гости водки не пили, а налили себѣ шампанскаго по стакану и снова поздравили именинника съ днемъ тезоименитства, который ихъ даже не поблагодарилъ, потому что вино, по обыкновенію, измѣнило характеръ молодого человѣка въ томъ отношеніи, что онъ тотчасъ же утратилъ свое мягкосердечіе.

— Господа, позвольте мнѣ сочинить имениннику стихи, — заговорилъ Шамиловъ.

— Непремѣнно, непремѣнно! — отозвался докторъ: — я еще давеча думалъ, что у васъ, должно-быть, приготовлена рѣчь.

Степанъ Герасимычъ вспылилъ.

— Я не позволю вамъ писать на меня стиховъ, — сказалъ онъ, обращаясь дерзко къ Шамилову.

— Я хочу писать не на васъ, а къ вамъ, — возразилъ тотъ.

— Это все равно-съ... я не маленькій, чтобы вамъ смѣяться надо мной.

— Да кто-жъ, почтеннѣйшій, надъ вами смѣется? Да смѣемъ ли мы это и подумать! — замѣтилъ докторъ.

— Петръ Александрычъ! Что вы остановились? — сказалъ уланъ: — пишите стихи.

Шамиловъ написалъ:

„Сколь радостенъ для насъ сей день,
„Твои пріятны именины!

— Дальше я напишу, — проговорилъ Карелинъ и, взявъ у Шамилова бумагу, написалъ и прочиталъ все вслухъ:

„Ты парень добрый, хоть и пень...
„Не хочешь ли покушать, братъ, мякины?“

Степанъ Герасимычъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы и, вырвавъ у Карелина бумагу, первоначально изорвалъ ее, а потомъ, свернувъ въ комокъ, бросилъ. Умышленно или случайно, но только этотъ комокъ задѣлъ Карелина по головѣ. Онъ тотчасъ же всталъ и грозно выпрямился передъ Степочкой, который въ свою очередь тоже всталъ и, казалось, былъ готовъ къ сильному отпору.

— Какъ вы смѣли бросить въ меня бумагой? — сказалъ Карелинъ.

— А какъ вы сами смѣли смѣяться надо мной? — возразилъ Степочка довольно храбро.

— Я васъ спрашиваю, какъ вы смѣли бросить въ меня бумагой? — повторилъ Карелинъ.

— Я самъ васъ спрашиваю, какъ вы смѣли надо мной смѣяться? — возразилъ Степочка.

— Знаете ли вы, милостивый государь, что̀ такое дуэль?

— Конечно, знаю-съ! Что-жъ вы думаете: я не крестьянскій мальчишка, а такой же, какъ и вы, дворянинъ.

— Я васъ вызываю на дуэль и напередъ вамъ говорю, что застрѣлю васъ.

— Сдѣлайте милость: не поддадимся! Благородные люди по чужимъ кошелькамъ не лазятъ.

— Ни слова больше! Словъ не нужно: мы будемъ драться на-смерть; деньги ваши возьмите!—возразилъ Карелинъ и выкинулъ на столъ двадцатипятирублевую ассигнацію. — Господинъ докторъ! Потрудитесь съѣздить на мою квартиру и привезите мои пистолеты; но главное — позвольте мнѣ шепнуть вамъ два-три слова, — прибавилъ онъ и сказалъ что-то доктору на ухо.

Тотъ отправился. Шамиловъ вышелъ за нимъ на крыльцо.

— Неужели между ними въ самомъ дѣлѣ будетъ дуэль?— спросилъ онъ его.

— Непремѣнно-съ! И мы будемъ секундантами. Не знаю, какъ вы, а я этихъ шутокъ терпѣть не могу, но дѣлать нечего, — отвѣтилъ докторъ и уѣхалъ.

Петръ Александрычъ возвратился въ комнату, и довольно встревоженный. Противники сидѣли молча. Степанъ Герасимычъ безпрестанно пилъ водку. Карелинъ былъ задумчивъ и кусалъ усы.

— Послушайте, Карелинъ: шутите вы или нѣтъ? Съ вашей стороны смѣшно стрѣляться, — отнесся Шамиловъ по-французски къ Карелину.

Тотъ ему мигнулъ.

— Я не хочу на пистолетахъ: давайте на сабляхъ!—проговорилъ вдругъ Степочка.

— Этого нельзя: мы уже выбрали пистолеты, — отвѣчалъ противникъ.

— А я не хочу на пистолетахъ.

— Въ такомъ случаѣ я васъ просто безъ дуэли застрѣлю.

— Нѣтъ, ужъ извините: высоко берете!

— Посмотримъ.

Докторъ возвратился съ парою пистолетовъ. Какъ ни былъ разсерженъ, какъ ни былъ пьянъ Степанъ Герасимычъ, но при видѣ роковыхъ орудій поблѣднѣлъ, какъ полотно, и лицо его вытянулось. Шамиловъ былъ тоже въ нѣкоторомъ безпо-

койствѣ, хотя и подозрѣвалъ, что все это шутка. Карелинъ хладнокровно осмотрѣлъ пистолеты.

— Они заряжены?—спросилъ онъ доктора.

— Заряжены какъ слѣдуетъ.

— Мой секундантъ господинъ Шамиловъ, — началъ Карелинъ:—а вы, докторъ, будете со стороны г. Сальникова; ваша помощь ему будетъ очень нужна: я намѣренъ его прострѣлить насквозь. Назначайте мѣсто.

— Сейчасъ,—отвѣтилъ докторъ и промѣрялъ шагами залу и спальню: въ нихъ оказалось двадцать пять шаговъ.

— Вы станете здѣсь, — сказалъ онъ улану, указывая на стѣну въ залѣ: — а вы, Степанъ Герасимычъ, въ спальнѣ — тоже у стѣны.

Но Степанъ Герасимычъ ничего ясно не понималъ; впрочемъ, онъ привсталъ—и покачнулся. Докторъ его взялъ подъ руки и поставилъ на назначенное мѣсто.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, оставьте: не сробѣемъ!— болталъ онъ, опираясь на стѣну.

Докторъ поклонился и роздалъ бойцамъ по пистолету.

— Вамъ первому стрѣлять, — сказалъ онъ Сальникову и сталъ около него.

Степанъ Герасимычъ выстрѣлилъ: появилось цѣлое облако дыму, но и только; Карелинъ остался невредимъ и началъ цѣлиться. Шамиловъ схватилъ его за руку.

— Вы убьете его,—сказалъ онъ.

— Не мѣшайте,—отвѣтилъ Карелинъ и выстрѣлилъ.

Вмѣстѣ съ дымомъ вылетѣла какая-то масса и ударилась въ лицо Степочки; онъ вскрикнулъ: «ухъ!», присѣлъ и схватилъ себя за лицо—руки окрасились краснымъ цвѣтомъ.

— Ну, братъ, спасибо: все лицо изстрѣлялъ,—проговорилъ онъ и покачнулся.

Докторъ бросился къ нему.

— Вы ранены въ лицо... ничего: поможемъ,—говорилъ онъ встревоженнымъ голосомъ и, схвативъ полотенце, обернулъ имъ всю голову раненаго, который сидѣлъ на полу, качался и стоналъ.

— Подайте ему вашу помощь, докторъ, и пріѣзжайте ко мнѣ, — проговорилъ Карелинъ и, взявъ Шамилова за руку, вышелъ.

— Чѣмъ это вы въ него выстрѣлили?—спросилъ тотъ.

— Клюквой. Поѣдемте ко мнѣ.

Молодые люди отправились.

Докторъ между тѣмъ положилъ раненаго на постель, посовѣтовалъ ему цѣлый день не шевелиться и уѣхалъ. Совѣтъ

этотъ былъ, впрочемъ, почти лишній. Степанъ Герасимычъ немного постоналъ, но потомъ закрылъ глаза и почти тотчасъ же захрапѣлъ.

Между тѣмъ Карелинъ и Шамиловъ пріѣхали въ номеръ къ первому и очень смѣялись надъ сыгранной ими такъ удачно шуткой. Поджидали-было доктора, но тотъ однако не пріѣхалъ. Покончивъ хлопоты съ своимъ паціентомъ, онъ заѣхалъ къ той больной, отъ которой былъ увезенъ, и тутъ остался. Расшалившійся Карелинъ велѣлъ принести бутылку шампанскаго, которую молодые люди и выпили довольно скоро. Вино, какъ извѣстно, располагаетъ къ дружбѣ и къ откровеннымъ разговорамъ. Шамиловъ началъ первый.

— Бывали ли вы, Карелинъ, когда-нибудь влюблены? — спросилъ онъ.

— Разъ семнадцать,—отвѣчалъ тотъ.

— Нѣтъ; я не то васъ хотѣлъ спросить; а вы мнѣ скажите, любили ли вы когда-нибудь глубоко, истинно?

— Какъ глубоко и истинно... я васъ не понимаю!

— Какъ же не понимаете?

— Да такъ: глубоко, истинно... все это пустяки и глупости. Я самъ врѣзался однажды въ крестьянку — чудо какъ была хороша!—я еще былъ мальчишка, жениться даже хотѣлъ, да спасибо генералу: онъ узналъ да три мѣсяца на гауптвахтѣ и выдержалъ.

— Ну, а здѣсь развѣ вы не влюблены въ Катерину Петровну?

— Нѣтъ, такъ... дурачусь. Мнѣ ваша Вѣра Павловна больше нравится; если бы вы мнѣ не перебивали дороги, я бы... Умная дѣвушка; я самъ хоть не очень умный человѣкъ, а умныхъ люблю.

— Не говорите, Карелинъ, объ этой женщинѣ такъ легко.

— А что же?

— А то, что она имѣетъ для меня огромное значеніе.

— Я это знаю: вы въ нее до-зарѣзу влюблены.

— Нѣтъ-съ, не то, что влюбленъ, а я предъ нею благоговѣю, какъ предъ моею спасительницею. Она меня спасла отъ нравственнаго отчаянія, я былъ близокъ почти къ самоубійству. Она одна оживила меня и вдохнула въ меня новыя силы. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать, и могу кое-что дѣлать.

— Стало-быть, вы женитесь на ней?

— Конечно.

— Ну, батенька, смотрите! О состояніи похлопочите, а то этотъ дяденька Ухмыревъ навѣрнякъ надуетъ: онъ—говорятъ—мыльный пузырь: не сегодня, такъ завтра лопнетъ.

— Богъ съ вами, съ вашимъ состояніемъ, Карелинъ! Я на эти вещи смотрю иначе: бракъ не торговая сдѣлка. Вы человѣкъ умный и практическій, но односторонній, или, какъ говорится, съ узкимъ кругозоромъ на этотъ предметъ. Въ наше время состояніе у человѣка въ головѣ и въ той обстановкѣ, посреди которой онъ дѣйствуетъ.

— Какъ бы не такъ! — возразилъ Карелинъ: — чистоганъ вѣрнѣе всякой вашей головы и всякой обстановки.

— Заблуждаетесь, cher Карелинъ, страшно заблуждаетесь,— возразилъ въ свою очередь Шамиловъ. — Это все будетъ-съ, и все это пустяки; мнѣ нужно не то! Мнѣ нужна служебная дорога. Жить въ деревнѣ байбакомъ я не могу. Мнѣ нужна умственная дѣятельность, тѣмъ болѣе, что для такой женщины, какъ Вѣра, стоитъ потрудиться; ее грѣшно оставить деревенской барыней. Хотите ли вы видѣть одно изъ ея писемъ ко мнѣ?

— Покажите.

Шамиловъ подалъ улану первое письмо Вѣры.

— Славный почеркъ! Точно у мужчины, — проговорилъ тотъ.—Вы въ нее очень влюблены?

— Да что влюбленъ... что это такое вы говорите, Карелинъ! Вы просто профанируете ее, меня и чувства наши. Со мной въ отношеніи этой женщины совершилось чудо. Я осязательно испыталъ справедливость шекспировской мысли, что «есть многое на землѣ, чего не разрѣшаетъ разумъ человѣка». Выслушайте меня, если вамъ это будетъ не скучно. Я ѣхалъ сюда изъ Москвы буквально безо всего: безъ цѣли, безъ мысли о будущемъ, отказавшись отъ всѣхъ моихъ прежнихъ интересовъ, и, конечно, все это понималъ, но въ то же время былъ спокоенъ. Мнѣ чувствовалось, что какъ будто бы помимо моей воли совершается роковой переворотъ въ моей судьбѣ. Надобно сказать, что уже лѣтъ пять живетъ во мнѣ предчувствіе, которое говоритъ, что благополучіе моей жизни создастъ женщина. Какъ и гдѣ?—прежде я этого не зналъ; но теперь задача эта рѣшена...

— Пейте шампанское!—перебилъ уланъ.

Шамиловъ выпилъ и продолжалъ говорить. Уланъ наконецъ началъ зѣвать.

— Не хотите ли у меня соснуть? — спросилъ онъ своего гостя.

Шамиловъ отказался, а просилъ только лошади довезти его до Ухмырева.

— Желаю вамъ успѣха,—проговорилъ хозяинъ, прощаясь:— впрочемъ, я бы не совѣтовалъ вамъ туда ѣхать.

— Отчего же?

— Такъ. Вы ужъ немного пьяны.

— Ничего. Это даже хорошо. У грековъ не было вина безъ любви и любви безъ вина.

— То у грековъ, можетъ-быть, а у насъ не совсѣмъ ловко. Впрочемъ, какъ хотите.

Шамиловъ уѣхалъ.

Алексѣя Сергѣича и Авдотьи Егоровны не было дома. Они были у одного купца на крестинахъ, съ которымъ Ухмыревъ не былъ вовсе прежде знакомъ, ничего даже не покупалъ у него въ лавкѣ, хотя его лавка съ красными товарами и была первая въ городѣ; но въ послѣднее время вдругъ началъ превозносить его похвалами и магазинъ его ставить вровень съ англійскимъ магазиномъ въ Петербургѣ. Въ городѣ это объясняли тѣмъ, что будто бы Алексѣй Сергѣичъ занялъ у этого купца пять тысячъ рублей подъ вексель.

Вѣра была одна дома и сидѣла въ гостиной, слабо освѣщенной матовымъ свѣтомъ лампы. Ей было скучно и грустно: она въ этотъ день раза четыре посылала къ Шамилову и звала его притти къ нимъ, желая, во-первыхъ, видѣть его, а во-вторыхъ, передать ему послѣдній разговоръ съ дядей. Посланный каждый разъ возвращался безуспѣшно и докладывалъ, что Петръ Александрычъ еще поутру куда-то уѣхалъ съ уланомъ. Вѣрѣ сдѣлалось досадно: куда и зачѣмъ онъ могъ уѣхать съ Карелинымъ? И что̀ за дружба у него можетъ быть съ этимъ человѣкомъ? Она дала себѣ слово побранить его хорошенько и запретить ему даже быть знакомымъ съ этимъ повѣсой.

Вы, милыя дѣвицы-читательницы, вѣроятно, согласитесь, что Вѣра Павловна въ правѣ была досадовать, вы сами, можетъ-быть, страдали отъ странныхъ поступковъ мужчинъ. Вамъ на первыхъ порахъ и въ голову, конечно, не приходило, что молодые люди вѣтренники и эгоисты, и что чувство любви у нихъ какъ-то на второмъ планѣ. И я знаю, что къ досадѣ васъ руководствуетъ не самолюбивая ревность, не дурной характеръ женщинъ зрѣлыхъ и опытныхъ, но вы только еще не знаете и не привыкли къ слабостямъ мужчинъ. Я заранѣе убѣжденъ, что изъ васъ выйдутъ предобрыя жены, исполненныя самоотверженія, и что вы будете снисходить и извинять многое, — но вначалѣ это невозможно: вначалѣ вы очень строги и требовательны. По крайней мѣрѣ, все это я могу безусловно отнести къ моей героинѣ.

Послышались шаги. Вѣра Павловна взглянула—передъ ней стоялъ Шамиловъ. Досады какъ будто не бывало: она весело

улыбнулась ему и протянула руку; но Петръ Александрычъ схватилъ обѣ ея руки и началъ цѣловать ихъ, а потомъ поцѣловалъ и ее разъ... два... три... до десятка. Молодая дѣвушка первоначально не противилась, а потомъ вдругъ вся вспыхнула, оттолкнула тихонько Шамилова и пересѣла на другой конецъ дивана.

— Какой ты странный сегодня! — проговорила она. — Гдѣ ты былъ?

— Я былъ у дурака, дѣлалъ глупости и самъ былъ цѣлый день пошлымъ глупцомъ, какихъ когда-либо создавалъ свѣтъ,— отвѣчалъ Шамиловъ, схвативъ себя за голову.

Вѣра покачала головой.

— Гдѣ же это ты былъ? — спросила она съ удивленіемъ, всматриваясь въ раскраснѣвшееся лицо молодого человѣка и въ странное выраженіе его глазъ.

— Во-первыхъ, я проснулся сегодня съ неопредѣленнымъ желаніемъ видѣть тебя, Вѣра, но не такъ, какъ позволено мнѣ видѣть, но уже моей подругой; испытаніе, которое кладутъ на насъ, выше силъ моихъ; но ты этого сама хочешь, ты боишься довѣриться Шамилову, какъ человѣку.

— Кто-жъ тебѣ это сказалъ?—спросила Вѣра.

— Ты, мое дивное существо, ты хочешь, чтобы я тебѣ житейскимъ образомъ доказалъ, что я достоинъ твоей любви,— и я тебѣ докажу, хоть бы задержанная страсть уничтожила меня!

— Я этого хочу не для себя, а для тебя.

— Для меня?.. Боже мой! Для меня нужна только ты и ничего больше въ мірѣ... Или нѣтъ, Вѣра, не вѣрь мнѣ: я говорю глупости, я лгу; я желаю полъ-міра; я хочу быть восточнымъ набобомъ, чтобы окружить тебя всѣми удобствами, всѣмъ комфортомъ.

Вѣра подала молодому человѣку снова руку, онъ ее поцѣловалъ и продолжалъ:

— Милое существо мое! Неужели мы для нашей любви должны выдержать годичное испытаніе? Я не перенесу этого: я умру.

— Чего же ты хочешь?

— Жениться на тебѣ какъ можно скорѣе.

— Это невозможно.

— Возможно, Вѣра, очень возможно. Что насъ останавливаетъ? Деньги? Невинное созданіе! Неужели это можетъ насъ остановить? Этихъ денегъ много у твоего дяди и еще болѣе у князя. Неужели этотъ старикъ пожалѣетъ дать намъ кусокъ хлѣба и женить насъ? У него два десятка помѣстьевъ: пусть

онъ отдѣлитъ намъ хоть одно, — и мы будемъ благословлять его. Я это говорю, Вѣра, не свои мысли: это говорятъ всѣ въ городѣ,—мнѣ пересказалъ это Карелинъ, а онъ умный человѣкъ.

Весь этотъ монологъ Вѣрѣ Павловнѣ былъ, видимо, не по сердцу.

— Подите, Шамиловъ, я васъ не узнаю: вы говорите ужасныя вещи,—проговорила она и пересѣла еще дальше.—Я люблю васъ и хочу быть обязанною однимъ только вамъ...

— Что-жъ я долженъ теперь дѣлать?

— Трудиться и работать.

. . . . . .

Не знаю, до чего бы достигнулъ этотъ рѣшительный разговоръ между молодыми людьми, если бъ онъ не былъ прерванъ пріѣздомъ старшихъ хозяевъ.

Посидѣвъ немного, Алексѣй Сергѣичъ увелъ Шамилова въ кабинетъ и началъ, по своей тонкости, издалека: первоначально онъ объяснилъ, какой князь важный человѣкъ, и что онъ, Ухмыревъ, очень радъ, что онъ Петра Александрыча полюбилъ, а потомъ тоже слегка коснулся Вѣры Павловны, и наконецъ кое-какъ, почти въ намекахъ, посовѣтовалъ молодому человѣку ѣхать къ высокопочтенному старику и просить принять участіе въ общеинтересномъ дѣлѣ. Шамиловъ, конечно, все выслушалъ и безусловно во всемъ согласился съ Алексѣемъ Сергѣичемъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную, Вѣра сидѣла на прежнемъ мѣстѣ; Авдотья Егоровна зачѣмъ-то вышла въ свою спальню; Петръ Александрычъ сѣлъ около Вѣры.

— Вы сердитесь на меня?—проговорилъ онъ.

— Вы странный человѣкъ!—отвѣчала Вѣра.

— Я виноватъ! Я говорилъ и самъ не знаю что,—отвѣчалъ Шамиловъ.

— Что вамъ говорилъ дядя?

— Онъ мнѣ совѣтовалъ, чтобы я ѣхалъ къ князю и просилъ его сдѣлать отъ меня предложеніе вамъ.

— Поѣзжайте и больше ни о чемъ не думайте.

— Я васъ послушаюсь и поѣду, но, можетъ-быть, умру.

— Я скорѣе васъ умру,—отвѣтила Вѣра и ушла.

Шамиловъ остался нѣкоторое время задумчивъ; но, впрочемъ, за ужиномъ онъ разговорился и въ этотъ разъ былъ такъ уменъ и любезенъ, что понравился и хозяину и хозяйкѣ. Они, пришедши въ свою спальню, переговорили о немъ.

— Онъ умный малый,—замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Очень умный,—отвѣтила Авдотья Егоровна:—я давно это видѣла, и даже характеромъ схожъ съ Вѣрой.

— Это все ничего: тутъ главное князь,—возразилъ супругъ.

VIII.

На другой день Алексѣй Сергѣичъ, озабоченный исполненіемъ своего плана, чтобы сватовство произошло черезъ князя, пріѣхалъ самъ нарочно къ Шамилову утромъ.

— Скоро ѣдете?—спросилъ онъ, какъ только вошелъ.

Шамиловъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ: онъ едва наконецъ припомнилъ, куда и зачѣмъ ему надобно было ѣхать.

— Мнѣ что-то нездоровится, — проговорилъ-было онъ, но, замѣтивъ, что Ухмыревъ насупился, прибавилъ:—я, впрочемъ, думаю съѣздить.

— Надобно-съ,—рѣшилъ Алексѣй Сергѣичъ.—Я вамъ свой фаэтонъ привезъ: поѣзжайте въ фаэтонѣ.

— Хорошо,—отвѣчалъ молодой человѣкъ и ушелъ одѣваться.

Оставшись одинъ, Ухмыревъ осмотрѣлъ кабинетъ, или, лучше сказать, гостиную своего будущаго родственника и, вѣроятно, остался недоволенъ наружнымъ ея видомъ, потому что покачалъ грустно головой, тронулъ съ пренебреженіемъ пальцемъ запыленнаго и засыпаннаго табачными окурками Шекспира, валявшагося уже на окошкѣ, и вздохнулъ. Но вышелъ Шамиловъ, одѣтый франтомъ. Это понравилось Алексѣю Сергѣичу. Прощаясь съ нимъ, онъ крѣпко сжалъ ему руку.

— Говорите порѣшительнѣе.

Петръ Александрычъ только кивнулъ головой и усѣлся въ тотъ щегольской фаэтонъ, въ которомъ ѣхалъ нѣкогда и Степочка, и даже подумалъ почти то же, что подумалъ мой богатый, но простодушный юноша, съ такою, впрочемъ, варіаціею: «Славный экипажъ, — думалъ Шамиловъ.—Я, кажется, попалъ въ хорошую семью; комфортомъ они меня обставятъ. Досаднѣе всѣхъ Вѣра: она умна, но холодна... О, провинція, невинная провинція!» — воскликнулъ онъ въ заключеніе и предался созерцанію прекрасныхъ видовъ провинціи, которые дѣйствительно были очень хороши.

Князь былъ боленъ и сидѣлъ, окутанный въ горностаевый тулупъ.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ! — проговорилъ онъ: — прошу присѣсть; а я все хвораю: кровь не грѣетъ—все зябну... Что подѣлываете?

— Учусь, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Шамиловъ.

— А давно ли вы были у Ухмыревыхъ?.. Давно ли вы видѣли мою милую Вѣрочку? Что это вы сконфузились, а?

— Вы, князь, вѣроятно, знаете...—началъ-было Шамиловъ.

— Все знаю-съ и говорилъ о васъ и за васъ съ ея дядей: онъ теперь на вашей сторонѣ.

— Я, ваше сіятельство, собственно по этому предмету пріѣхалъ съ просьбой къ вамъ...

— Что такое?

— Вѣра Павловна передала мнѣ, что вы были такъ добры— приняли участіе...

— Говорите со мной, Петръ Александрычъ... васъ такъ, кажется, зовутъ?

— Такъ.

— Да... говорите со мной откровенно, напримѣръ, такимъ образомъ: я-де, князь, до безумія влюбленъ въ Вѣру Павловну, она же вамъ, какъ я слышалъ, сказала... — то ли вы хотѣли мнѣ сказать?

— Именно то-съ.

— Ну, я на это скажу, что влюбиться простительно, но жениться еще рано; рукобитье, какъ говоритъ простой народъ, сдѣлаешь, а въ мужья вы еще не годитесь: получите званіе и начните службу напередъ.

— Но, чтобы получить слово, надобно сдѣлать мнѣ предложеніе; ея роднымъ хочется, чтобы это шло чрезъ посредство васъ.

— Хорошо, я готовъ; но какимъ же образомъ мнѣ это сдѣлать?

— Они говорятъ, чтобъ письмомъ...

— Пожалуй, хоть сейчасъ же. Но, впрочемъ, прежде погодите...

Князь позвонилъ. Вошелъ лакей.

— Подай мою шкатулку.

Человѣкъ поставилъ передъ княземъ огромную шкатулку и ушелъ.

— Вамъ, можетъ-быть, придется подарить невѣсту, и здѣсь вы, конечно, ничего не найдете... Возьмите, вотъ у меня есть удобная для этого вещь,—говорилъ князь, вынимая изъ шкатулки баульчикъ и подавая его Шамилову.

Тотъ принялъ его нерѣшительно.

— Откройте, посмотрите!—сказалъ князь.

Шамиловъ открылъ: это были очень дорогія брильянтовыя серьги.

— Подарите ей отъ себя, а я съ своей стороны пошлю...

— Князь! Ваше великодушіе...—началъ Шамиловъ.

— Безъ фразъ, мой милый, — перебилъ его старикъ.—Что же намъ писать-то? Сядьте тутъ къ столу: я вамъ продиктую. Пишите!

Шамиловъ сѣлъ. Князь началъ диктовать:

«Милостивый государь,

«Алексѣй Сергѣичъ!

«Вашимъ родственнымъ попеченіемъ принята подъ кровъ племянница вашей жены и дочь моего друга, которой вы въ настоящее время, вмѣстѣ съ вашею супругою, замѣнили родителей. Молодой человѣкъ, г. Шамиловъ, уже избранный ея сердцемъ, возложилъ на меня порученіе просить вашего и милой нашей невѣсты согласія на бракъ съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, того, чтобы ему дано было слово, получивъ которое, онъ первоначально изберетъ родъ службы. Свадьба должна быть отложена на столько времени, сколько ему потребно будетъ для приведенія въ порядокъ своего положенія. Передавая сіе, надѣюсь, что все это будетъ благосклонно принято вами и Вѣрою Павловною, которую я, впрочемъ, хочу закупить, съ каковою цѣлью и посылаю при семъ небольшой для нея подарочекъ, оставаясь въ пріятной надеждѣ, что она не стѣснится принять его отъ старика-свата и пріятеля ея отца. Прошу почтить меня отвѣтомъ для передачи его молодому человѣку.

«Пребываю съ истиннымъ моимъ уваженіемъ».

— Не складно, да, можетъ-быть, выйдетъ ладно,—проговорилъ старикъ.—Дайте-ка, я прочитаю.

Шамиловъ подалъ.

— Какъ вы дурно пишете! — проговорилъ князь, проѣгая письмо:—да и съ ошибками.

— Торопился, ваше сіятельство! — отвѣчалъ, смѣшавшись, Шамиловъ.

— Ну, ничего! Господи благослови!—произнесъ старикъ и подписалъ: «Князь Сецкій».

— Теперь потрудитесь выйти въ тѣ комнаты и тамъ запечатать, я очень не люблю запаха сургуча.

Шамиловъ раскланялся и вышелъ. Письмо было отправлено къ Ухмыреву съ особымъ человѣкомъ.

Получивъ его, Алексѣй Сергѣичъ сейчасъ усѣлся за свой письменный столъ. Онъ очень долго думалъ, теръ себѣ лобъ, кусалъ конецъ пера, но ничего не написалъ, кромѣ: «Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, Борисъ Николаевичъ!» Однимъ словомъ, онъ, кажется, не находилъ въ головѣ своей ни приличныхъ мыслей ни приличныхъ выраженій. Потерявъ терпѣніе, онъ пошелъ къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Князь дѣлаетъ письменное отъ Шамилова предложеніе,— сказалъ онъ:—и прислалъ какой-то подарокъ вамъ: на все это надобно написать отвѣтъ. Я хотѣлъ-было самъ; но вамъ приличнѣе: для васъ ближе это дѣло.

Вѣра Павловна сначала прочитала письмо, а потомъ уже открыла ящичекъ. Алексѣй Сергѣичъ попятился назадъ отъ удивленія. Вѣра тоже удивилась: въ баулѣ лежало бриліянтовое ожерелье тысячъ въ пять серебромъ.

— Княжескій подарокъ, — проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ, разсматривая вещь: — хорошъ... очень хорошъ... надобно показать женѣ: вы покуда приготовьте письмо,—прибавилъ онъ и пошелъ къ Авдотьѣ Егоровнѣ.

Добрая дама тоже ахнула, увидѣвъ такую прелестную и дорогую вещь; она едва въ состояніи была понять, что это подарокъ князя, который онъ прислалъ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Comme c'est charmant, comme c'est magnifique! — говорила она, любуясь ожерельемъ.

Алексѣй Сергѣичъ между тѣмъ началъ ходить по комнатѣ; на челѣ его снова появилось облако серьезной мысли.

— Eudoxie!—началъ онъ:—намъ тоже надобно сдѣлать подарокъ въ родѣ этого.

— Ты знаешь, душа моя, что теперь это невозможно.

— Перехватимъ гдѣ-нибудь.

Авдотья Егоровна покачала головой и вздохнула.

— Я лучше могу передѣлать нѣкоторые изъ моихъ бриліянтовъ, которые уже мнѣ понаскучили.

— Но что же все это будетъ: мелочь... дрянь...

— Вовсе нѣтъ: по нынѣшней работѣ ажуръ будетъ очень видная вещица.

— Такъ надобно посылать въ Ярославль: здѣсь не сдѣлаютъ.

— Я пошлю. Балъ будетъ у насъ?

— Непремѣнно.

— Пожалуйста, cher Alexis, меньше расходуйся, ты знаешь наши обстоятельства...

— Нельзя же, чтобъ было неприлично. Такъ ли?

Вѣра Павловна по уходѣ дяди расплакалась, потомъ начала молиться. Ей вдругъ сдѣлалась страшна мысль быть женою Шамилова. Любитъ ли онъ еще ее, не обманываетъ ли, и наконецъ, какъ и когда она сдѣлается его женой, не ошибается ли вмѣстѣ съ ней и добрый князь? Были ли эти мрачныя мысли результатомъ тревожнаго состоянія ея души, или было это темное предчувствіе грядущаго горя, мы увидимъ впослѣдствіи. Успокоившись, она написала отвѣтъ князю, въ которомъ благодарила его за участіе и за подарокъ.—«Я люблю Шамилова,—писала она въ заключеніе:—и желаю быть его женою, это знаетъ онъ, знаете и вы, князь». Алексѣй Сергѣичъ поинтересовался прочесть это письмо и, прочитавъ его, остался имъ не совсѣмъ доволенъ: — «Надобно бы было написать по-

почтительнѣе; неловко, что вы называете его просто: князь! Я думаю, лучше бы вмѣсто этого слова употребить: ваше сіятельство».

— Нѣтъ, дядя, ничего: я князя знаю.

— Какъ хотите; но по-моему неловко, да кромѣ того, вы ничего ни обо мнѣ ни о теткѣ не сказали.

— Я, пожалуй, напишу. Что же вы хотите?

— Во-первыхъ, что мы уважаемъ его мнѣніе, очень рады, что онъ взялъ на себя трудъ, и во всю жизнь останемся ему благодарны.

Вѣра Павловна приписала: «P. S. Добрый мой дядя и тетка, которые столько доказали мнѣ любви, согласны на предложеніе г. Шамилова и поручили принести мнѣ вамъ искреннюю благодарность за все, что вы сдѣлали для меня».

Алексѣй Сергѣичъ и этой припиской остался недоволенъ, и потому онъ просилъ Вѣру написать къ князю другое письмо и о немъ только сказать, что онъ лично пріѣдетъ и объяснится съ его сіятельствомъ. Вѣра исполнила его желаніе.

Вечеромъ къ Алексѣю Сергѣичу, по обыкновенію, пріѣхали картежные партнеры, и составилось, конечно, нѣсколько партій; но хозяинъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и, когда пріѣхалъ Шамиловъ, онъ увелъ его отъ Вѣры въ кабинетъ и говорилъ съ нимъ, или, лучше сказать, разспросилъ подробно, что онъ съ княземъ говорилъ и что тотъ ему совѣтовалъ. Петръ Александрычъ разсказалъ ему подробно, хоть, можетъ-быть, и не совсѣмъ справедливо. Вѣра Павловна была какъ-то печальна; она все еще была подъ вліяніемъ какихъ-то грустныхъ предчувствій. Написавъ письмо, она долгое время всматривалась въ портретъ отца... и странное дѣло! портретъ какъ-будто измѣнился: ей казалось, что добрый старикъ, какимъ онъ былъ нарисованъ, началъ хмуриться и глядѣть сердито. Вѣра Павловна понимала, что это была одна только мечта, но при всемъ томъ отъ дурного впечатлѣнія не избавилась.

На другой день Ухмыревъ былъ у князя, высказалъ ему, конечно, въ намекахъ и отрывистыхъ фразахъ, — что желалъ высказать, и получилъ отвѣтъ, что князь съ удовольствіемъ будетъ у него на балѣ и съ удовольствіемъ выслушаетъ объявленіе о помолвкѣ Вѣры Павловны съ Шамиловымъ.

Распространившаяся молва о балѣ у Ухмыревыхъ привела дамъ и дѣвицъ въ неимовѣрныя хлопоты. Бо́льшая часть изъ нихъ, безъ преувеличенія, приходила въ отчаяніе, что въ городѣ ничего нельзя достать порядочнаго; главный недостатокъ оказался въ атласныхъ башмакахъ, цвѣтахъ и перчаткахъ: башмаковъ совсѣмъ не было, первый въ городѣ башмачникъ не брался шить матерчатыхъ, а предлагалъ сдѣлать изъ

козла — потоньше, но козелъ, какъ извѣстно, для баловъ нейдетъ: цвѣты хотя и были, но явно, что они далеко отстали отъ послѣдней моды; перчатки были только мужскія, и то замшевыя.

Балъ начался и шелъ до ужина обыкновеннымъ порядкомъ. Съѣздъ былъ огромный: человѣкъ до семидесяти. Бо́льшая часть мужчинъ пріѣхали, по совѣту Алексѣя Сергѣича, въ бѣлыхъ галстукахъ и бѣлыхъ или легкихъ лѣтнихъ жилетахъ; но самъ князь, къ общему недоумѣнію, былъ въ черномъ галстукѣ; а болѣе всего поразило многихъ то, что почтенный старикъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ мальчишкой Шамиловымъ и только-что не подъ руку вошелъ съ нимъ. Въ отношеніи же прекраснаго пола я не могу скрыть, что нѣкоторыя дамы и дѣвицы, желая явиться наряднѣе, немного переутрировали свой нарядъ; такъ, напримѣръ, одна дама все свое платье обвѣшала стеклярусомъ; у другой дѣвицы были очень страннаго устройства и размѣщенія на головѣ пунцовые банты, которые очень походили на рога; третьи были ужъ очень бѣдно одѣты: въ перекрашенныхъ платьяхъ, въ мѣдныхъ браслетахъ; но эти, впрочемъ, ничего: онѣ чувствовали свой недостатокъ и были очень застѣнчивы. Главныя лица моего разсказа на этомъ балѣ вели себя какъ слѣдуетъ. Алексѣй Сергѣичъ, какъ хозяинъ и виновникъ всего этого, важничалъ; добрая Авдотья Егоровна блистала брильянтами; милая Вѣра была очень интересна, но совсѣмъ не въ духѣ. Иринъ Шмакова и Софи Моросенко, послѣ Вѣры, между дѣвицами, были милѣе всѣхъ. Степанъ Герасимычъ тоже былъ на балѣ.

Надобно сказать, что герой мой цѣлую недѣлю послѣ дуэли съ уланомъ былъ боленъ; на него подѣйствовало отчасти нравственное потрясеніе, но болѣе того выпитое въ огромномъ количествѣ, при непривычкѣ, вино. Карелинъ чрезъ Секлетею Дмитревну первый узналъ, что Степочка боленъ, и на другой же день пріѣхалъ и попросилъ у него извиненія. Къ чести этого шалуна, я долженъ сказать, что онъ ѣздилъ къ больному каждый день и на настоящій балъ привезъ его въ своемъ экипажѣ,—но, войдя въ залу, опять не утерпѣлъ и тутъ же разсказалъ всѣмъ попавшимся ему на глаза дѣвицамъ и молодымъ дамамъ, какъ онъ съ m-r Сальниковымъ стрѣлялся и какъ залѣпилъ ему цѣлый фунтъ клюквы въ лицо. Степану Герасимычу это было очень непріятно. Послѣ вальса, до начала кадрили, была довольно продолжительная пауза, потому что подавали чай. Вѣра Павловна сидѣла и говорила въ это время съ княземъ. Степану Герасимычу вдругъ пришла счастливая мысль: онъ усѣлся сзади нея, за-

цѣпилъ бахрому ея платья своимъ магическимъ крючкомъ и просидѣлъ въ этомъ положеніи около четверти часа, смотря постоянно на востокъ, слѣдовательно для полнаго успѣха недоставало ему только земли изъ-подъ слѣда обожаемой дѣвицы. Начались танцы, и онъ, по обыкновенію, увлекся этимъ удовольствіемъ, которое ему преимущественно передъ всѣми нравилось.

Ужинъ былъ великолѣпный. Первоначально всѣ болѣе или менѣе стѣснялись присутствіемъ князя, но подаваемое обильно вино одушевило общество: завязались разговоры, споры. Налиты были бокалы шампанскимъ, и хозяинъ провозгласилъ первоначально тостъ за здоровье князя, который, благодаря Алексѣя Сергѣича и всѣхъ прочихъ, немного насупился. Налиты были еще бокалы. Ухмыревъ всталъ:

— Позвольте почтеннымъ гостямъ моимъ объявить, что на-дняхъ наша племянница помолвлена за Петра Александрыча Шамилова—за здоровье жениха и невѣсты!..

— Ура! — вскрикнулъ первый уланъ, поднявъ бокалъ на воздухъ.

— Chère Véra, m-r Chamiloff, je vous félicite,—говорила Катерина Петровна черезъ столъ, и такъ далѣе.

Поздравляли всѣ, кромѣ одного Степана Герасимыча: онъ не сказалъ ни слова, не всталъ съ своего мѣста и не дотронулся даже до бокала. Лицо его приняло пресмѣшное выраженіе, вѣроятно, оттого, что онъ всѣми силами старался смигнуть слезы, которыми наполнились оба его глаза. Злодѣй Карелинъ первый замѣтилъ это.

— Степанъ Герасимычъ! Что такое съ вами? Вы плачете?

— Помилуйте, ничего-съ, вы всегда на меня выдумываете,—заговорилъ-было Степочка, но остановился; у него начало подергивать щеки, а потомъ молодой человѣкъ не имѣлъ силъ владѣть собою: закрылъ лицо руками, зарыдалъ на всю залу, выскочилъ изъ-за стола, вышелъ сначала въ лакейскую, а тамъ въ сѣни, а тутъ ужъ я и не знаю куда.

Уланъ тоже выскочилъ изъ-за стола.

— Извините меня, Алексѣй Сергѣичъ,—отнесся онъ къ хозяину:—я не могу оставить друга въ этомъ положеніи. Вѣра Павловна! Этотъ грѣхъ на вашей душѣ. Я приведу его сюда: пусть здѣсь рыдаетъ, — шепнулъ онъ Катеринѣ Петровнѣ.

Всѣ почти гости хохотали. Князь тоже поинтересовался узнать, что такое, и ему объяснили, что Сальниковъ самъ сватался къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Уланъ возвратился одинъ.

— Гдѣ же Степочка? — спрашивали его нѣкоторые.

— На лѣстницѣ стоитъ, никакъ не идетъ, проситъ послать ему шляпу и шубу.

Весь конецъ ужина и даже время послѣ ужина было посвящено смѣху надъ Степочкой: впрочемъ, менѣе другихъ смѣялись князь, Вѣра и Алексѣй Сергѣичъ. Послѣднему даже была очень непріятна вся эта сцена на балѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

О помолвкѣ Вѣры Павловны за Шамилова заговорилъ первоначально весь городъ, потомъ весь уѣздъ, а наконецъ и вся губернія. Настоящая причина, вслѣдствіе которой Алексѣй Сергѣичъ выдаетъ свою племянницу за того человѣка, котораго онъ прежде презиралъ, была почти открыта. Тутъ князь дѣйствуетъ, рѣшили всѣ единогласно; но почему и для чего? — Этотъ вопросъ былъ тоже гадательно рѣшенъ. Карелинъ, или, можетъ-быть, самъ Шамиловъ кому-то и гдѣ-то проболтались, что врядъ ли Вѣра не побочная дочь князя.

Очень удивляло всѣхъ положительныхъ людей то, что свадьба отложена на цѣлый годъ и даже долѣе, и что женихъ зачѣмъ-то еще поѣдетъ въ Москву или въ Петербургъ, опредѣлится тамъ на какую-то должность, потомъ опять пріѣдетъ и такъ далѣе. Неужели же онъ не можетъ опредѣлиться на службу женатый, такъ же, какъ и холостой, и для чего вся эта проволочка, которая въ свадьбахъ никогда къ добру не ведетъ; а гораздо бы лучше было, если ужъ рѣшились, обвѣнчать, да и дѣлу конецъ.

Между тѣмъ женихъ и невѣста переживали то каждому извѣстное счастье, которому предаются почти всѣ влюбленные и которое заставляетъ ихъ забывать прошедшее, смутно думать о будущемъ, а настоящее... о немъ нечего и говорить... Любовь, какъ извѣстно, освѣщаетъ своимъ волшебнымъ свѣтомъ все: самые обыденные разговоры, самыя обыкновенныя развлеченія — все это принимаетъ какой-то особый смыслъ. Даже наша сѣверная природа, со своими несносно-жаркими лѣтними днями, со своею осеннею слякотью, со своими прекрасными, но иногда ужъ черезчуръ сильными январскими морозами, со своею быстрою весною, и наконецъ блѣдные и незамысловатые ландшафты, — все это, я убѣжденъ, нравится безусловно женихамъ и невѣстамъ, соединяющимся по любви. Шамиловъ послѣ помолвки началъ бывать у Але-

ксѣя Сергѣича въ продолженіе цѣлаго дня. Приходя поутру, онъ нѣкоторое время говорилъ съ будущимъ дядей. Бесѣда между ними была всегда направлена на что-нибудь серьезное: они трактовали о торговлѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, о картахъ. Алексѣй Сергѣичъ даже удивлялся, какъ Петръ Александрычъ имѣетъ объ этихъ предметахъ такъ много основательныхъ свѣдѣній, и особенно онъ его заинтересовалъ, разсказавъ ему пунктуально одно происшествіе, въ которомъ нѣкто, не имѣющій ничего, вдругъ въ одинъ годъ разбогатѣлъ до милліоновъ. Надобно сказать, что это была слабая струна Ухмырева; онъ искренно вѣрилъ въ безумное счастье, которое будто бы иногда даетъ людямъ золотыя горы безъ предварительнаго съ ихъ стороны труда и знанія въ какомъ-нибудь предпріятіи, а такъ, потому только, что имъ нужны деньги,— и по этому предмету самъ зналъ нѣсколько весьма интересныхъ случаевъ. Часу въ одиннадцатомъ выходила Вѣра, и утро у жениха съ невѣстой проходило незамѣтно: они разговаривали, но болѣе читали; ихъ очень заинтересовалъ «Жакъ», романъ Жоржъ-Занда, переведенный въ «Отечественныхъ Запискахъ»; Шамиловъ восхищался каждой строчкой. За столомъ Петръ Александрычъ обыкновенно разсказывалъ, собственно для развлеченія будущей тетушки, различные анекдоты, которые очень всѣхъ смѣшили. Вечеромъ, когда никого не было, устраивался домашній вистъ; играли: Алексѣй Сергѣичъ, Авдотья Егоровна, Вѣра и Шамиловъ. Ухмыревъ, какъ игрокъ, шалилъ, за что Авдотья Егоровна немного на него сердилась и играла съ обыкновеннымъ своимъ благородствомъ. Вѣра кидала карты кое-какъ; Шамиловъ рисковалъ; конечно, оба они не думали о картахъ. Петръ Александрычъ обыкновенно отыскивалъ хорошенькую ножку Вѣры Павловны и, наступивъ на нее, слегка жалъ, — а этого было и довольно для обоюднаго счастья. На этихъ интимныхъ вечерахъ съ нѣкотораго времени начала постоянно присутствовать Катерина Петровна. Ея, конечно, не чуждались, потому что, по хорошему знакомству, почти считали за свою родственницу; она, съ своей стороны, увѣряла, что родной сестрѣ своей не желала бы больше счастья, сколько желаетъ его Вѣрѣ.

Въ этомъ семейномъ кругу о главномъ моемъ героѣ, конечно, забыли и думать и только иногда къ слову переговаривались о различныхъ его глупыхъ выходкахъ и простоватыхъ выраженіяхъ. Шамиловъ съ Катериною Петровною нападали на него безпощадно. Алексѣй Сергѣичъ и добродушная Авдотья Егоровна признавались, что онъ своей глупостью ставилъ ихъ, какъ хозяевъ, въ такое иногда положеніе, что изъ рукъ вонъ;

одна только Вѣра за него нѣсколько заступалась и говорила, что онъ добрый, но ей возражалъ каждый разъ дядя.

— Я зналъ его отца, знаю его мать, — скупцы, глупцы и больше ничего, а онъ ихъ всѣхъ перещеголялъ, — говорилъ Ухмыревъ.

— Зачѣмъ же вы прежде не то говорили?—замѣчала ему Вѣра.

Алексѣй Сергѣичъ перемѣнялъ разговоръ.

Степанъ Герасимычъ во все это время не былъ въ городѣ. Мы видѣли, какъ онъ глупо поступилъ за ужиномъ, услышавъ о помолвкѣ Вѣры; но, по пріѣздѣ его домой, съ нимъ сдѣлалось въ родѣ помѣшательства; онъ уронилъ свои любимые часы на полъ и разбилъ у нихъ стекло, даже укусилъ, совершенно не понимая для чего, себѣ руку и укусилъ больно, бросился потомъ на кровать и протосковалъ всю ночь. Когда на другой день Аксинья доложила ему, что запасъ ужъ почти весь подошелъ, онъ разбранилъ ее и назвалъ воровкой. Та передъ бариномъ смолчала, но, придя въ избу, разрыдалась въ такой степени, что возбудила нѣкоторое участіе въ сухосердномъ Кузьмѣ.

— Что печку-то не топишь? Что нюни-то распустила? О чемъ? — сказалъ онъ.

— Поневолѣ распустишь, какъ разобидѣли на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Такъ васъ, дуръ-бабъ, и надо: затопить, что ли, печку-то?

— Затопи, голубчикъ, — отвѣчала Аксинья какимъ-то подозрительно-нѣжнымъ голосомъ.

И Кузьма затопилъ.

Въ то же утро попалась на глаза Степану Герасимычу ворожея Секлетея, пришедшая къ Аксиньѣ; онъ ее чуть не прибилъ, но та не струсила и сама отвѣчала ему такъ:

— Ты, баринъ, не кричи! Я тебѣ никакого худа не сдѣлала.

— Не кричи и ты! — кричалъ Степочка.

— Я не кричу; ты самъ кричишь! Почище тебя господъ видала, — проговорила Секлетея.

И поспѣшила уйти.

Сальниковъ бросился-было за нею на улицу, но не нагналъ и удовольствовался только тѣмъ, что бросилъ ей вслѣдъ попавшійся ему подъ руку обносокъ лаптя. Придя нѣсколько въ себя, онъ началъ-было пить чай, но и этого любезнаго напитка употребилъ очень немного. Противъ Алексѣя Сергѣича онъ чувствовалъ полное ожесточеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ разсердился на маменьку, къ которой написалъ такого рода письмо:

«Безцѣнная маменька, Аграфена Кондратьевна! Цѣлую

заочно ваши ручки; спѣшу васъ увѣдомить, что Алексѣй Сергѣичъ вышелъ низкій человѣкъ и все только обманывалъ меня: онъ теперь сговорилъ свою племянницу, о которой я писалъ вамъ, за Петра Александрыча Шамилова, а меня все проводилъ и не сдѣлалъ для меня ровно ничего, но еще при самомъ началѣ пріѣзжалъ выманивать у меня въ заемъ денегъ три тысячи пятьсотъ рублей, но я не далъ, потому что у меня нѣтъ столько денегъ. Онъ-было подъѣзжалъ, чтобы я у васъ попросилъ, но я сказалъ, что и у маменьки нѣтъ. Всѣ, милая маменька, теперь сомнѣваются насчетъ состоянія, котораго вы мнѣ не отдѣляете, и всѣ думаютъ, что вы мнѣ никогда ни копейки не дадите, а отъ этого и не уважаютъ меня...»

Но, прежде чѣмъ онъ докончилъ свое посланіе, пріѣхалъ отъ маменьки нарочный и вручилъ ему отъ нея письмо.

«Милый другъ мой Степочка! Къ большому моему огорченію, услыхала я, что ты ведешь себя такъ, какъ я никогда не ожидала: въ именины твои ты напился съ твоими пріятелями пьянъ, и вы даже стрѣляли въ комнатѣ изъ ружья; понять не могу, что̀ такое съ тобой сдѣлалась; я тебѣ всегда толковала, что на другихъ тебѣ смотрѣть нечего: ты еще до сихъ поръ не имѣешь настоящаго разсудка. А еще тебѣ скажу, что и при умѣ потеряться недолго отъ дурной компаніи. Представлю въ примѣръ сына Семена Петровича: то ли ужъ отецъ не давалъ ему воспитанія! А что̀ теперь вышло — живетъ въ деревнѣ, пьетъ да ѣздитъ по сосѣдкамъ; всѣ смѣются, а въ хорошемъ кругу ужъ нигдѣ и не принятъ; и съ тобой то же самое будетъ, — но я напередъ тебѣ, Степочка, какъ мать, говорю, потакать не стану и при жизни лишу наслѣдства—живи, какъ хочешь! Ты теперича, можетъ-быть, еще ничего дурного и не сдѣлалъ, но въ хорошихъ домахъ по одной компаніи надъ тобой смѣются, и именно въ домѣ Алексѣя Сергѣича, которымъ ты такъ дорожилъ, и принятъ ли ты теперь тамъ, я даже не знаю; цѣлыя три недѣли ты мнѣ строчки не написалъ... видно, тебѣ мать нужна, когда денегъ или запасу нѣтъ! Ты бы хоть вспомнилъ, что ты у меня одинъ... Мнѣ сказывали вѣрные люди, что у Алексѣя Сергѣича говорили о тебѣ то, чего бы я никакъ не хотѣла слышать. Еще тебѣ разъ повторяю, что ты долженъ дорожить поведеніемъ пуще глаза; а у меня все это время, какъ нарочно — горе на горѣ: рана ужъ разошлась до полъ-ноги, ни отъ чего никакой помощи нѣтъ — видно, такъ угодно Богу. Наши новыя риги, Степочка, сгорѣли... я чуть не помѣшалась. Тебѣ, другъ мой, стыднѣе всѣхъ огорчать меня при эта-

кихъ обстоятельствахъ. Богъ видитъ, что я никогда ничего не жалѣла для тебя: по теперешнему времени, я даже не желаю, чтобы ты жилъ въ городѣ: пріѣзжай ко мнѣ — я теперь ничѣмъ для тебя по городу помогать не могу. Очень меня огорчило, другъ мой, когда услыхала, что къ вину ты подверженъ. Неужели ты забылъ, что твой папенька отъ этого померъ... Смотри: остерегайся! Запасу тебѣ съ этимъ человѣкомъ не посылаю, потому что я такъ огорчена, что мнѣ ни до чего, просто въ гробъ гляжу. Посылаю тебѣ заочно мое родительское благословеніе, остаюсь любящая тебя мать

«Аграфена Сальникова».

Степанъ Герасимычъ понялъ, что маменька разсердилась не на шутку, а потому послать написанное имъ письмо не смѣлъ, — но рѣшился ѣхать самъ въ деревню, тѣмъ болѣе, что городъ его уже ничѣмъ не привлекалъ. Пріѣхавши, онъ разсказалъ маменькѣ все простодушно. Старуха вначалѣ очень сердилась, цѣлые два дня съ нимъ ни слова не говорила и строго запретила курить ему при себѣ табакъ. Спустя нѣсколько дней молодому человѣку, искусившемуся сладостями городской жизни, сдѣлалось невыносимо скучно въ деревнѣ; по преимуществу его начало въ уединеніи мучить желаніе жениться. Онъ заговорилъ объ этомъ съ Аграфеной Кондратьевной, и она попрежнему была непрочь. Долго они придумывали, какую бы именно дѣвицу выбрать побогаче. Софи Моросенко оказалась удобнѣе всѣхъ: во-первыхъ, она нравилась Степочкѣ; во-вторыхъ, Аграфена Кондратьевна знала и любила это семейство и имѣла свѣдѣнія, что Сонечка была любимая дочь, и что у родителей есть кое-что, и они, по всѣмъ соображеніямъ, наградятъ ее, особенно имѣя въ виду жениха съ такимъ состояніемъ, какъ Степочка. Такимъ образомъ мой герой снова возвратился въ К., въ занимаемую имъ прежде квартиру. Пріѣхавъ поутру, онъ въ тотъ же день рѣшился сдѣлать первый визитъ Моросенкамъ, о которыхъ я и скажу здѣсь нѣсколько словъ. Самъ г. Моросенко былъ человѣкъ довольно странный; Богу одному извѣстно, что̀ таилось у него на душѣ и какого онъ даже былъ ума; въ городѣ этого никто не зналъ. Сама супруга его, Анна Михайловна, не скрывала этого и, говоря о мужѣ, часто выражалась такимъ образомъ: «Вы знаете моего Ивана Иваныча и его глупую скрытность: его понять совершенно невозможно, что̀ онъ за человѣкъ». Наружность его была тоже какая-то таинственная; онъ почти никогда не говорилъ отъ себя никакой мысли, но всегда очень внимательно выслушивалъ отъ каждаго все, что̀ ему говорили, хоть бы это былъ невыносимый вздоръ, и во-

обще до такой степени былъ молчаливъ, что острякъ-докторъ однажды сказалъ про него: «Былъ у меня Моросенко: пришелъ, помолчалъ и ушелъ». Супругѣ своей онъ во всемъ повиновался безусловно и былъ весьма благонравенъ: въ карты не игралъ, не курилъ и ничего не пилъ. Принимая въ расчетъ его постоянное спокойствіе и цвѣтущее здоровьемъ лицо, можно было заключить, что онъ былъ вполнѣ доволенъ окружающею его средою, т.-е. семействомъ, обществомъ и службой. Анна Михайловна имѣла совершенно другой характеръ: она была недовольна всѣми и всѣмъ, часто ссорилась съ знакомыми и постоянно говорила о томъ, какъ бы пристроить дѣтей, съ которыми, говорятъ, очень строго обращалась. Впрочемъ, ее безпокоили и предметы, совершенно для нея посторонніе. Случалась ли лѣтомъ засуха, или шли большіе дожди, она пророчила, что не будетъ ни хлѣба ни корму. Покупалъ ли кто-нибудь имѣніе, она непремѣнно ожидала, что купившій разорится отъ этой покупки. Если умиралъ кто-нибудь, то, по ея мнѣнію, оставшіяся сироты должны были безвозвратно погибнуть. Въ послѣднее время она разсердилась на Ухмыревыхъ, которые дѣйствительно очень нехорошо поступили съ ней. Не говоря уже о томъ, что гордецъ Алексѣй Сергѣичъ, а также и супруга его, не бывали у нихъ въ домѣ мѣсяца четыре; но на-дняхъ были именины Анны Михайловны, она еще недѣли за три говорила объ этомъ въ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляла, что въ этотъ день намѣрена для Сонечки дать вечерокъ. Несмотря на это, эти важные господа не только-что не пріѣхали сами поздравить ее, но даже не прислали лакея, какъ будто забыли совсѣмъ. Оскорбленная до глубины души, г-жа Моросенко поклялась во всю жизнь свою не бывать съ дочерью у Авдотьи Егоровны и строго запретила ѣздить къ нимъ мужу. Не ограничиваясь этимъ, она вздумала давать у себя вечера и всѣми силами отбивать у Ухмырева гостей. Степанъ Герасимычъ пріѣхалъ именно въ тотъ день, когда назначенъ былъ первый вечерокъ. Хозяйка встрѣтила молодого человѣка очень привѣтливо, надѣясь въ немъ видѣть гостя на своихъ вечерахъ, а можетъ-быть, даже и жениха для-Сонечки. Послѣднюю мою мысль подтверждаетъ нижеслѣдующая сцена.

— Вы не заняты сегодня вечеромъ? — спросила она.

— Никакъ нѣтъ-съ. Мнѣ негдѣ быть теперь-съ,—отвѣчалъ Степочка.

— Я думала, что не будете ли вы у Алексѣя Сергѣича; впрочемъ, я думаю, имъ теперь не до гостей, потому что они все любуются женихомъ и невѣстой.

Степана Герасимыча подернуло.

— Какую прекрасную партію составляетъ Вѣра Павловна,— продолжала хозяйка.

Сальниковъ ничего не отвѣчалъ.

— Если вы не заняты, то могу я васъ просить пріѣхать къ намъ на вечерокъ?

— Очень пріятно. Я къ Алексѣю Сергѣичу ужъ не буду больше ѣздить, — отвѣчалъ гость.

— Право? Отчего же? — спросила Анна Михайловна самымъ простодушнымъ тономъ.

— Такъ-съ! Они все меня обманывали.

— Будто! Въ чемъ же это?

— Это моя тайна.

— Не смѣю спрашивать.

Приглашеніе на вечеръ очень развлекло Степана Герасимыча. Вскорѣ вышла Софи, въ простенькомъ домашнемъ платьицѣ, которое къ ней очень шло, и присѣла молодому человѣку съ пріятной улыбкой.

— Софи, — сказала мать: — что-жъ ты не повторишь того романса, который ты разучила вчера?

Софи потупилась.

— Послѣ, maman.

— А я тебя прошу сейчасъ же, потому что послѣ некогда,— сказала Анна Михайловна и взглянула на дочь какимъ-то особымъ взглядомъ, значеніе котораго та, вѣроятно, очень хорошо понимала, потому что тотчасъ же пошла къ фортепіано.

— Вы поете? — спросилъ Степочка, подходя къ дѣвушкѣ.

— Нѣтъ... такъ, — отвѣчала Софи.

— Пропой, — повторила мать.

Такъ какъ голосъ молодой дѣвицы оказался фальшивый сопрано, а фортепіано было совершенно разстроено, то о музыкѣ пропѣтаго романса нельзя бы сказать слишкомъ многаго, но зато слова его были весьма знаменательны:

„Ты видалъ ли ее,
Ты зналъ ли ее,
Какъ въ мечтаньяхъ она
И робка и скромна?
Ты зналъ ли ее?
Ты видалъ ли ее?“

выкрикивала m-lle Моросенко. Заключительный куплетъ романса былъ таковъ:

„Если видѣлъ все вдругъ,
Если понялъ все вдругъ
И зналъ ты ее,
Знай — и я зналъ ее...“

— Какія возвышенныя чувства! И какая прелестная музыка! — произнесла Анна Михайловна.

Степану Герасимычу тоже очень понравилось пѣніе Сонечки. Онъ облокотился на фортепіано, и лицо его приняло самое сладкое выраженіе.

— Вы, вѣроятно, учились пѣть у учителя, — сказалъ онъ по окончаніи романса.

— Нѣтъ, немного въ пансіонѣ, у madame. Вы сами поете,— сказала Софи.

— Что же я пою? Я пою просто самоучкой. Спойте еще сами что-нибудь и доставьте мнѣ это счастье, — проговорилъ Степочка, начиная входить въ экстазъ любезности.

— Мегсі: я что-то сегодня не расположена пѣть, — отвѣчала дѣвушка.

Но я увѣренъ, что маменька заставила бы ее еще спѣть, если бы не пріѣхала знакомая намъ Катерина Петровна; и такъ какъ хозяйка знала, что эта дама очень дружна съ Ухмыревыми, то и рѣшилась хорошенько отдѣлать ихъ при ней, съ тѣмъ, чтобы она передала имъ.

— Давно были у Авдотьи Егоровны?—спросила она гостью, усадивши ее на диванъ.

— Вчера была, — отвѣчала Катерина Петровна.

— Скоро у нихъ будетъ свадьба?

— Право, не знаю; не думаю, чтобы скоро: у нихъ еще это не рѣшено.

— У меня всегда сердце надрывается, когда я слышу, какъ сироты выходятъ замужъ — просто очертя голову. При отцѣ и матери этого никогда не бываетъ, — произнесла хозяйка сострадательнымъ голосомъ.

— Этого нельзя сказать про Вѣру, — возразила гостья.

— Я не про нее и говорю, а вообще; впрочемъ, и въ ея партіи ничего не вижу особеннаго.

— Особеннаго нѣтъ, но они любятъ другъ друга и потому будутъ счастливы; ихъ пара—немного романическая, но что жъ такое? Съ милымъ человѣкомъ и въ хижинѣ бываетъ рай, — отвѣчала Катерина Петровна. — М-r Salnikoff, давно ли вы здѣсь, и гдѣ вы все это время пропадали? — отнеслась она къ Степану Герасимычу.

— Я былъ-съ боленъ, въ деревнѣ, у маменьки,—отвѣчалъ онъ.

— Съ вами что-то такое случилось на помолвкѣ: отчего вы вдругъ вышли изъ-за стола?

Степанъ Герасимычъ покраснѣлъ.

— У меня кровь пошла носомъ.

Катерина Петровна сдѣлала гримасу.

— А я думала, что у васъ кровь прилила къ сердцу.

— Вы всегда надо мной смѣетесь.

— Напротивъ, я сержусь на васъ: вы то говорите мнѣ любезности, то не замѣчаете меня.

— Я васъ всегда замѣчаю-съ.

— Какъ, напримѣръ, сегодня? Вы даже не поклонились мнѣ.

— Я вамъ кланялся, но вы сами не видали: вы стояли ко мнѣ задомъ.

Катерина Петровна сдѣлала гримасу и начала разговаривать съ хозяйкой, которая опять свернула разговоръ на Ухмыревыхъ.

— Я у Авдотьи Егоровны теперь не бываю, — начала она прямо: — и, конечно, уже болѣе съ ними знакома не буду, потому что на все есть свои границы.

— Я ничего не знаю и ничего не слыхала, — замѣтила гостья.

— Можетъ-быть, вы не слыхали и не знаете; но я знаю и рѣшилась говорить объ этомъ вездѣ. Вотъ ужъ болѣе полугода они не знаютъ, какъ двери въ моемъ домѣ отворяются. Можетъ-быть, имъ у насъ и скучно... я съ этимъ не спорю; но все-таки они должны бы были соблюсти приличіе и хоть бы побезпокоились поздравить меня, именинницу, худа ли, хороша ли я есть; но они и это забыли.

— Они васъ не поздравили? — спросила съ удивленіемъ Катерина Петровна.

— Даже лакея не прислали, — отвѣчала хозяйка.

Гостья покачала головой.

— Я ихъ знаю и понимаю давно, Катерина Петровна,—продолжала Анна Михайловна. — Хоть, можетъ-быть, вамъ это будетъ и непріятно, потому что вы такъ хорошо съ ними знакомы; но все-таки я буду говорить правду. Они очень невѣжливы, противъ всѣхъ невѣжливы. Ихняя племянница, я думаю, не проговорила ни съ вами, ни со мной, ни съ моей дочерью, ни съ другими дѣвицами слова. Это мы имъ прощали. Я съ перваго раза сказала, что эта дѣвушка жалкая; и мои слова теперь оправдываются. Она выходитъ — Богъ знаетъ для чего и Богъ знаетъ за кого. Но Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна — другое дѣло. Мы ихъ давно знаемъ, мы ихъ всегда любили и уважали; знаемъ тоже, какое у нихъ состояніе: гордиться имъ, право, передъ нами нечѣмъ...

— Они добрые,—перебила гостья нерѣшительнымъ тономъ.

— Можетъ-быть,—отвѣчала хозяйка.—Но вотъ я вамъ разскажу поступки ихъ со мною нынѣшней зимой: играла я съ Авдотьей Егоровной у нея въ домѣ, въ вистъ; партія, конечно,

была моя маленькая. Пріѣзжаютъ другіе гости; вдругъ она, не кончивши нашей партіи, составляетъ другую и за себя посадила играть ужъ я и не знаю кого.

— Она очень любитъ играть по большой,—возразила опять Катерина Петровна нерѣшительно.

Анна Михайловна насмѣшливо улыбнулась.

— Я ей и не мѣшаю въ этомъ; отчего ей не играть по большой: денегъ у нихъ много, богатыхъ знакомыхъ тоже; но оскорбляюсь невѣжливостью... Про Алексѣя Сергѣича я не желала бы даже говорить: онъ рѣшительно необразованный мужикъ, онъ на своихъ вечерахъ дамамъ не кланяется, а моего Ивана Иваныча, который ужъ никакъ не хуже его, разумѣетъ какъ пѣшку, потому только, что тотъ молчитъ и не возражаетъ ему, когда онъ что-нибудь бормочетъ суконнымъ своимъ языкомъ.

— Я въ многихъ отношеніяхъ не понимаю этого семейства,—проговорила гостья.

— Прежде я сама считала ихъ,— перебила хозяйка: — за добрыхъ людей, а теперь вижу, что ошибалась.

Катерина Петровна нѣкоторое время еще отстаивала своихъ хорошихъ знакомыхъ, но потомъ и сама увлеклась. Невзирая на продолжительное и довольно тѣсное знакомство съ Ухмыревыми, она назвала Алексѣя Сергѣича человѣкомъ очень недальнимъ, а Авдотью Егоровну — смѣшною. Но болѣе всѣхъ по ея отзывамъ пострадала Вѣра Павловна: она прямо сказала, что эта дѣвушка будто бы на женщину непохожа, такъ какъ не имѣетъ никакихъ чувствъ, и годится только въ гувернантки, потому что кромѣ книгъ ничего не понимаетъ. Согласившись такимъ образомъ въ своихъ мнѣніяхъ объ Ухмыревыхъ и о невѣстѣ, двѣ дамы довольно долго спорили о женихѣ, котораго хозяйка въ грошъ не ставила, доказывая это тѣмъ, что у него нѣтъ ни состоянія, ни чина, ни особой красивой наружности.

— Что же въ немъ остается?—заключила она.—Что волосы назадъ зачесываетъ да очки носитъ, такъ это еще не велика важность.

Катерина Петровна никакъ не хотѣла согласиться съ этимъ. Она клялась, что въ этой свадьбѣ жалѣетъ только молодого человѣка, который одинъ тутъ теряетъ, потому что онъ съ большими достоинствами и далеко бы ушелъ, если бы не дѣлалъ глупости и не связывалъ себя этой женитьбой.

— Уменъ, добръ, благороденъ, образованъ, любимецъ теперь князя: чего же въ немъ недостаетъ, и какого же Вѣрѣ Павловнѣ, по ея состоянію, по ея наружности, по ея болѣзнямъ

и лѣтамъ, ожидать жениха? Ей бы я совсѣмъ запретила выходить замужъ: докторъ говоритъ рѣшительно, что у ней чахотка.

Весь этотъ разговоръ Степанъ Герасимычъ слушалъ весьма внимательно и при послѣднихъ словахъ Катерины Петровны вмѣшался въ разговоръ.

— Вы, Катерина Петровна, неправду говорите, — возразилъ онъ.—Вѣра Павловна не въ чахоткѣ-съ.

— Я, кажется, не имѣю причины выдумывать на нее,— отвѣчала та.

— Вамъ, можетъ-быть, завидно, что она замужъ выходитъ?—бухнулъ спроста Степочка.

— Мнѣ завидовать нечему, потому что я замужемъ.

— Да что вы замужемъ-то-съ? У васъ у самихъ мужъ больной... Вы, я думаю, сами года два его не видали?

Эта дерзость Степочки очень разсердила Катерину Петровну. Она посинѣла и едва имѣла духу сказать:

— Вы говорите глупо и дерзко.

— Я говорю-съ правду,—пробормоталъ себѣ подъ носъ Сальниковъ и началъ раскланиваться съ хозяйкой, которая снова пригласила его быть у нихъ на вечерѣ.

Дамы еще нѣкоторое время говорили объ Ухмыревыхъ.

Вечеръ у Моросенко, назначенный въ пику Ухмыревымъ, вышелъ очень недуренъ; но я бы о немъ не сталъ говорить, если бы герой мой не подпалъ новому увлеченію, которое имѣло вліяніе на его дѣйствія и слѣдовательно на дальнѣйшій ходъ моего романа. Надобно сказать, что, несмотря на все стараніе хозяйки сдѣлать у себя общество помногочисленнѣе, съѣхалось очень немного, и то кое-кто. Люди позначительнѣе въ городѣ и играющіе въ карты, случайно, а можетъ-быть, и умышленно, были позваны къ Ухмыреву и, конечно, туда поѣхали. Изъ молодежи, кромѣ Степочки, никого не было. Уланъ недѣли двѣ какъ уѣхалъ къ своей сестрѣ, верстъ за четыреста; Мишель поступилъ ужъ въ гусары. Изъ дѣвицъ, кромѣ Иринъ Шмаковой, состояло налицо три, изъ которыхъ только собственно была одна, дочь бухгалтера, нѣсколько замѣчательная тѣмъ, что очень походила на сумасшедшую Офелію. Но, при всей малочисленности общества, хозяйка сумѣла одушевить его и послѣ всѣмъ говорила:

— У Ухмыревыхъ бываетъ гостей какъ сельдей въ боченкѣ, но все-таки зѣваютъ, а у меня и двѣнадцать человѣкъ, да навеселились какъ нельзя лучше требовать.

Не имѣя возможности составить танцы, Анна Михайловна затѣяла разныя игры, или такъ называемыя petits jeux, за которыя кромѣ молодежи усадила двухъ дамъ и троихъ муж-

чинъ, между которыми былъ помѣщенъ и ея молчаливый супругъ. Есть пословица: на безрыбьѣ и ракъ рыба. Въ продолженіе цѣлаго вечера судьба пріятно ласкала самолюбіе моего Степочки: хозяйка безпрестанно къ нему адресовалась съ разными разговорами; изъ мужчинъ никто надъ нимъ не подшучивалъ; Софи была къ нему очень внимательна, пріятельница ея тоже,— про прочихъ дѣвицъ и говорить нечего. Сумасшедшая Офелія, когда молодой человѣкъ подалъ ей стулъ и попросилъ садиться, переконфузилась совершенно.

— Помилуйте, сдѣлайте милость, не безпокойтесь,—проговорила она.

— Это наша обязанность, кавалеровъ, безпокоиться о дамахъ,—отвѣчалъ Степочка, расшаркиваясь предъ ней.

Игры шли такимъ порядкомъ: начали «Охъ, болитъ». Читатель, можетъ-быть, знаетъ, что въ этой игрѣ каждый изъ участвующихъ называетъ себя именемъ какого-нибудь цвѣтка. Софи наименовала себя фіалкой, Иринъ — васильком, сумасшедшая Офилія — ераникомъ, и такъ далѣе. Степочка былъ всѣхъ изобрѣтательнѣе: онъ назвалъ себя чертополохомъ. Игру начала старшая хозяйка, которая назвала себя майскимъ розаномъ. «Охъ, болитъ!.. Что болитъ?.. Сердце!.. По комъ?.. По чертополохѣ!..» Чертополохъ: «Охъ, болитъ!.. Что болитъ?.. Сердце!.. По комъ?.. По фіалкѣ!..» При этомъ случаѣ майская роза самодовольно улыбнулась, а фіалка сконфузилась и объявила, что сердце ея болитъ по васильковѣ. Василекъ, съ своей стороны, открылся, что тоскуетъ по фіалкѣ, фіалка—по васильковѣ, василекъ — опять по фіалкѣ, и такимъ образомъ разъ пятнадцать. Аннѣ Михайловнѣ это не понравилось.

— Софи! Играть должны всѣ, — сказала она, и скромная фіалка призналась, что сердце ея страдаетъ по чертополохѣ, котораго это очень утѣшило.

— Охъ, болитъ!.. Что болитъ?.. Сердце!.. По комъ?.. По фіалкѣ!.. — произнесъ Степочка во всеуслышаніе и шепнулъ Софи на ухо:

— Вы со мной такъ же долго поговорите, какъ съ Ариной Васильевной.

— Маменька не приказываетъ,—отвѣчала та.

«Охъ, болитъ» перемѣнили на «почту». Въ этой игрѣ Степанъ Герасимычъ морилъ всѣхъ со смѣху своими шутками. Онъ говорилъ:

— Динь-динь-динь!.. Кто ѣдетъ?.. Почта!.. Съ чѣмъ?.. Съ маменькой!..

— Съ чьей маменькой? — спросилъ съ удивленіемъ одинъ изъ игравшихъ мужчинъ.

— Съ моей,—отвѣчалъ Степочка и захохоталъ.

Прочіе тоже засмѣялись. Другой разъ онъ сострилъ такимъ образомъ: «Динь-динь-динь!.. Кто ѣдетъ?.. Никого-съ,—проѣхали мимо!» Послѣдняя шутка его болѣе всѣхъ разсмѣшила одну изъ двухъ незначительныхъ дѣвицъ, которая обнаружила при этомъ довольно замѣчательное качество: она захохотала сиплымъ басомъ, какого у молодой дѣвицы нельзя было никакъ предполагать. Въ игрѣ, называемой: «Пантюшка, гдѣ ты?» случилось слѣдующее обстоятельство. Игра эта состоитъ въ томъ, что всѣ становятся въ кругъ: одному завязываютъ глаза, а другому, также съ завязанными глазами, даютъ въ руки колокольчикъ.—«Пантюшка, гдѣ ты?»—спрашиваетъ первый,—второй звонитъ колокольчикомъ. Первый ловитъ. Степанъ Герасимычъ ловилъ, Софи звонила въ колокольчикъ и, чтобы спастись отъ его преслѣдованій, побѣжала въ гостиную, но онъ за ней, она—въ слѣдующую, потомъ—въ спальню и наконецъ — въ какую-то темную комнату. Сальниковъ не отставалъ.

— Вамъ тутъ нельзя, — проговорила Софи, захлопнувъ дверь; но Степанъ Герасимычъ не послушался: поймалъ ее и съ торжествомъ вывелъ въ залу.

Я боюсь утомить читателя описаніемъ дальнѣйшихъ подвиговъ, которые совершилъ на поприщѣ любезности мой богатый женихъ въ этотъ достопамятный для него вечеръ. Но скажу только то, что Софи, по приказанію ли маменьки, или по собственному желанію, съ нимъ явно любезничала. По окончаніи игръ Степочка по крайней мѣрѣ съ полчаса ходилъ съ нею и съ Иринъ Шмаковой по залѣ.

— Если бы теперь было лѣто, мы бы въ горѣлки поиграли. Я очень шибко бѣгаю,—говорилъ онъ между прочимъ.

— Я сама скоро бѣгаю,—сказала Сонечка.

— Я шибче васъ, — возразилъ Степанъ Герасимычъ. — Теперь я отвыкъ, но когда жилъ въ Петербургѣ, то тамъ ходилъ больше пѣшкомъ; отъ извозчиковъ никогда не отставалъ: верстъ шесть въ часъ проходилъ.

— Вы долго жили въ Петербургѣ?—спросила Иринъ.

— Годъ и два мѣсяца-съ.

— Мы, можетъ-быть, съ папенькой нынѣшній годъ поѣдемъ въ Петербургъ,—отнеслась Иринъ къ Софи.

— Ахъ, нѣтъ, ma chère, не ѣзди; я тебя не пущу: безъ тебя я умру съ тоски,—проговорила Софи.

— Какъ я вамъ завидую, Арина Васильевна, — вмѣшался Степочка.

— Въ чемъ?

— Софья Ивановна о васъ сожалѣютъ, а вотъ обо мнѣ никто не пожалѣетъ!

— И у васъ, можетъ-быть, есть какой-нибудь другъ?— сказала Софи.

— Нѣтъ-съ, никого. Да и что жъ другъ? Онъ—мужчина, мнѣ бы гораздо было пріятнѣе, если бы меня пожалѣла какая-нибудь дѣвица.

Съ Анной Михайловной Степанъ Герасимычъ имѣлъ также весьма значительный разговоръ. Она подозвала его къ себѣ и посадила рядомъ съ собой на диванъ, въ угольной комнатѣ.

— Что вы не женитесь, молодой человѣкъ? — сказала она.

— Судьбы нѣтъ-съ.

— Полноте. Что это за судьба!.. У васъ, молодыхъ людей, это обыкновенная отговорка. Вамъ непремѣнно надобно жениться; маменька у васъ стара, больна. Не лучше ея ногѣ?

— Нѣтъ-съ: все хуже день ото дня.

— Ахъ, бѣдная, бѣдная! Я ее ужъ года два не видала... Утѣшьте ее: женитесь.

— Я готовъ, Анна Михайловна; но нынче дѣвицы очень разборчивы.

— Вы это напрасно, Степанъ Герасимычъ, думаете. Нынче дѣвушкамъ не должно быть разборчивыми. У меня хоть и своя теперь есть дочь на рукахъ, но я вамъ скажу откровенно, что здѣсь всякая дѣвица должна счесть за счастье выйти за васъ.

При всемъ простодушіи, Степочка догадался, какой ему Анна Михайловна давала тонъ; и такъ какъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его вновь задуманнымъ планамъ, то онъ началъ на Софи смотрѣть замѣтно-нѣжными глазами.

II.

Недѣли черезъ полторы по городу огласилась еще помолвка. Степанъ Герасимычъ сдѣлалъ предложеніе Софьѣ Ивановнѣ и получилъ согласіе. Молодой человѣкъ еще прежде помолвки необыкновенно развернулся: нанялъ другую, гораздо лучшую квартиру; привелъ изъ деревни, вмѣсто рыжки, хотя не совсѣмъ откормленнаго, но съ хорошими статями гнѣдого жеребца, купилъ поѣзженныя чухонскія сани и наконецъ собственно для своей особы пріобрѣлъ енотовую шубу въ полтораста рублей серебромъ и каждый день началъ кататься во всемъ этомъ нарядѣ по городу. Проѣзжая мимо дома Ухмыревыхъ, онъ всякій разъ насупливался и принималъ какую-то особенно важную позу. Получивъ слово, онъ задумалъ пре-

зентовать невѣстѣ нѣкоторыя изъ своихъ золотыхъ вещей. Нельзя сказать, чтобы это рѣшеніе не стоило ему, по его страстной любви къ цѣннымъ предметамъ, большого усилія надъ самимъ собою: въ первую минуту онъ было-предназначилъ въ подарокъ свои лучшіе брегетовскіе часы и брильянтовый перстень, но раздумалъ и подарилъ только старую золотую цѣпочку и, съ самымъ крошечнымъ брильянтикомъ, мужскую для галстука булавку. Анна Михайловна только пожала плечами, увидѣвъ эти подарки, но, разсчитывая на будущее, ничего не дала замѣтить ни жениху ни дочери. Такъ какъ обязанность автора—открывать самыя отдаленныя причины дѣйствій своихъ героевъ, то я прямо объясню, что Сальниковъ все это дѣлалъ, имѣя въ виду досадить Вѣрѣ Павловнѣ: онъ нарочно ѣздилъ мимо ихъ дома, желая тѣмъ показать, что франтитъ, веселится и забылъ о ней, жестокой, думать; съ этою же собственно цѣлью онъ поторопился даже присвататься къ m-lle Моросенко. До него дошло стороной, что Шамиловъ послѣ помолвки подарилъ невѣстѣ брильянтовыя серьги,—и онъ своей подарилъ. Невинная Софи, вслѣдствіе маменькиныхъ внушеній, которая сумѣла ей растолковать прелесть быть шестисотной барыней, была въ полномъ восторгѣ и цѣлые дни проговаривала съ своимъ другомъ Иринъ о томъ, какія у нея будутъ отличныя лошади, модные экипажи, каменный домъ, платья, брильянты, и та, съ своей стороны, пришла тоже въ такой восторгъ, что хотѣла оставить папеньку, у котораго ей было очень скучно, и переѣхать жить къ пріятельницѣ. Моросенки вмѣстѣ съ женихомъ собирались ѣхать къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, чтобы принять отъ нея благословеніе и представить ей будущую невѣстку; но старуха, узнавъ объ этомъ, просила не безпокоиться и хотѣла пріѣхать сама денька на два въ городъ. Въ домѣ Алексѣя Сергѣича не было ничего новаго, кромѣ того, что Шамиловъ началъ болѣе заниматься. Въ послѣднее время между нимъ и невѣстой какъ будто что-то произошло, потому что въ разговорахъ съ нею онъ сдѣлался насмѣшливъ и, когда Вѣра ему говорила, что очень его любитъ, двусмысленно улыбался и постоянно называлъ ее: «сѣверная женщина!». Милая моя героиня при другихъ вела себя, какъ и прежде, но въ своей комнатѣ каждое утро обливалась горькими слезами. Катерина Петровна, несмотря на то, что въ предыдущей главѣ позволила себѣ говорить у Анны Михайловны не совсѣмъ выгодно о семействѣ Ухмыревыхъ, ѣздила къ нимъ каждый вечеръ и очень подружилась съ Вѣрой, но болѣе того съ Шамиловымъ, который даже при невѣстѣ называлъ ее другомъ своимъ и, ходя

послѣ занятій гулять, завертывалъ къ ней, чтобы выпить чашку кофе и полюбоваться ея маленькой, но удивительно мило отдѣланной квартиркой. Квартира Катерины Петровны была дѣйствительно прелестная: она состояла всего изъ четырехъ комнатъ, но такихъ чистенькихъ, такихъ свѣтленькихъ, съ такимъ вкусомъ меблированныхъ, что столики, кушетки, ковры, лампочки, даже горничная и лакей — все у ней было прекрасное. Изъ того, что я говорилъ объ этой дамѣ, читатель можетъ заключить, что она, кромѣ нѣкоторой наклонности къ злословію, была очень хорошаго тона, неглупа, весьма недурно образована и отчасти хитра. Но, зная ея прошедшую жизнь, я къ этому прибавлю, что она была съ большимъ характеромъ. Будь на ея мѣстѣ, въ ея семейномъ положеніи, другая женщина, то ей бы рѣшительно не пришло въ голову убирать съ такимъ вкусомъ квартиру, ѣздить раздѣтою на вечера, балы и обѣды. Она была очень несчастлива въ замужествѣ; мужъ ея былъ помѣшанъ; она лѣтъ пять ѣздила по всевозможнымъ водамъ, жила въ Одессѣ, на грязяхъ—ничто не помогало: сумасшествіе усилилось до такой степени, что онъ началъ драться, и ей нѣсколько разъ угрожала опасность лишиться жизни. Медики посовѣтовали помѣстить его въ сумасшедшій домъ, что Катерина Петровна и исполнила; а теперь пріѣхала въ свою губернію, чтобы поустроить хоть сколько-нибудь дѣла по имѣнію. Въ этихъ несчастіяхъ, какъ видитъ самъ читатель, она не потерялась и старалась по возможности разсѣять себя. Однако у ней каждый разъ навертывались на глазахъ слезы, когда ее спрашивали о несчастномъ страдальцѣ.

Въ одно утро Катерина Петровна встала, по обыкновенію, въ одиннадцать часовъ, въ продолженіе двѣнадцатаго одѣлась и начала пить кофе. Хорошенькая горничная доложила:

— Петръ Александрычъ!

И вслѣдъ затѣмъ вошелъ Шамиловъ.

— Bonjour,—сказала хозяйка.

Шамиловъ поклонился и сѣлъ.

— Что Вѣра? Я ее вчера не видала.

— Ничего, — отвѣчалъ тотъ, закуривая сигару и наливая себѣ кофе.

— Я сейчасъ получила письмо отъ Карелина: вамъ кланяется и пишетъ, что умираетъ со скуки; только и разсѣянія, что возитъ въ телѣжкѣ по горницамъ сестриныхъ дѣтей, у которой ихъ цѣлая дюжина.

— А у васъ съ нимъ переписка?

— Нѣтъ. Это что за вопросъ, и такимъ тономъ?

— Онъ васъ очень интересовалъ?

— Перестаньте, Богъ съ вами! Конечно, онъ очень милъ, недуренъ собой...

— Онъ милъ, недуренъ собой и глупъ,—три качества, съ которыми весьма удобно нравиться женщинамъ.

— Вы сегодня злы, нельзя ли узнать только—на кого?

— На всѣхъ и на все.

— Вѣрно, опять съ Вѣрой поссорились?

— Если я поссорился и поссорился теперь окончательно, то, конечно, не съ кѣмъ болѣе, какъ съ самимъ собой.

— Это что̀ за новость?

— Вовсе не новое, а, напротивъ, очень старое. Можно ли себѣ вообразить человѣка, который былъ бы въ такомъ глупомъ положеніи, какъ я? Что̀ я теперь дѣлаю? — Женюсь? Нѣтъ! Свадьба будетъ Богъ знаетъ когда!.. Учусь? — Нѣтъ! Науки съ любовью не очень ладятъ. Князь вонъ теперь все хвораетъ; отъ этого дяденьки и этой тетеньки никакого, конечно, и толку ждать нечего. Но пусть бы все это вознаграждалось любовью и симпатіей со стороны Вѣры. Клянусь моей честью, люби она меня такъ, какъ я понимаю любовь, будь въ ней это женское самоотверженіе, которое одно и составляетъ счастье въ любви, я забылъ бы все и жилъ бы этимъ чувствомъ. Но вы знаете Вѣру: она умна, хороша, образована, мечтательна, но и только. Она вѣритъ, какъ въ дважды-два—четыре, что можетъ на свѣтѣ существовать рыцарская любовь, и что во имя избранной красавицы можно терпѣть и ждать цѣлые годы съ тою перспективою, чтобы быть осчастливлену и вознагражденну поцѣлуемъ ручки.

— Чего жъ вы хотите?

— Ахъ, Боже мой, къ чему откладывать свадьбу? Если нужно, бѣги со мной, но...

— Вы очень нетерпѣливы, Шамиловъ: надо ждать.

— Чего же ждать, позвольте васъ спросить?

— Это вы лучше должны знать.

— Никто этого не знаетъ, повѣрьте мнѣ. Мы ждемъ и сами не знаемъ чего, — проговорилъ Шамиловъ, всталъ и большими шагами началъ ходить по комнатѣ.

— Если говорить откровенно, то мнѣ васъ жаль, Петръ Александрычъ, — начала хозяйка: — я не понимаю Вѣры: я не могла бы такъ любить, какъ любитъ она.

— Еще бы! Вы и она есть маленькая разница; вы не сѣверная женщина: у васъ есть энергія; вы можете влюбить въ себя человѣка безумно и сами его такъ же полюбите; вы не станете бояться того, чтобы не огорчить дяденьку, тетеньку и всю эту родственную обстановку.

— Я въ жизнь свою никогда ничего не разсчитывала, а въ любви была просто сумасшедшая: доказательство — мое замужество. Я вышла за моего мужа, когда всѣ были противъ этого, потому что въ немъ уже и тогда были эти несчастные припадки.

— А послѣ развѣ вы не любили?

Катерина Петровна вздохнула.

— Нѣтъ,—проговорила она.

— И не думаете полюбить?

— Не знаю; да и что пользы въ томъ! Мы, влюбленныя старухи, бываемъ только смѣшны.

— Вы — старуха?

— А какъ же! Мнѣ двадцать семь лѣтъ... И сколько я перенесла въ жизни! Припоминая прошлое, удивляюсь, какъ достало у меня столько силы, что я жива до сихъ поръ.

— Не жалуйтесь на это, Катерина Петровна. Ничто такъ не развиваетъ и не возвышаетъ женщину, какъ жизнь и несчастье. Вѣра—намъ живой примѣръ оранжерейнаго, тепличнаго воспитанія; въ ней все умно, логично, послѣдовательно, но сердца—нѣтъ! Оно убито, — убито наукой и абстрактнымъ германскимъ романтизмомъ. Страсти она понимаетъ въ идеѣ; она будетъ сочувствовать имъ въ книгѣ, но, встрѣтя ихъ въ жизни, испугается. По-моему, пусть женщина будетъ суетна, вѣтрена, глупа, но только чтобы жила сердцемъ, а не мозгомъ.

— Я съ вами не согласна, Петръ Александрычъ, насчетъ Вѣры. Она холодна не столько по воспитанію, сколько по своему флегматическому характеру: она дѣвушка больная, еще теперь стала нѣсколько здоровѣе, а прежде почти черезъ день хворала.

— Послушайте, — перебилъ Шамиловъ: — я хочу съ вами говорить откровенно, потому что, ей-Богу, у меня силъ недостаетъ держать все на душѣ. На первыхъ порахъ она меня очаровала; но потомъ никакого развитія страсти ни въ ней ни во мнѣ, и перваго сравненія, которое я сдѣлалъ ей съ женщиною, созданною непосредственно жизнью, она не выдержала.

— Съ кѣмъ же это вы ее сравнили? — спросила хозяйка.

— А вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Съ вами. Чему же вы удивились?.. Вы женщина въ глубокомъ значеніи этого слова, — женщина, а она — нѣтъ.

При этихъ льстивыхъ словахъ молодого человѣка Катерина Петровна растерялась.

— Я не ожидала, чтобы вы были такой повѣса, — произнесла она, качая головой.

— А вы находите, что я только повѣса и больше ничего.

— Да, или, по крайней мѣрѣ, очень странный человѣкъ.

— Послушайте, Катерина Петровна, — воскликнулъ Шамиловъ, останавливаясь передъ ней:—не удивляйтесь и не упрекайте меня! Знаете, есть одинъ герой романа Рене, про котораго говорятъ, что онъ подстрѣленный орелъ. Прочитайте этотъ романъ, и вы тогда поймете меня. Во мнѣ много силъ, и не такое бы мнѣ поле разрабатывать.

Катерина Петровна пожала плечами.

— Но я все-таки не понимаю, чего вы хотите и чѣмъ недовольны.

— Когда не понимаете, тѣмъ хуже для меня, — проговорилъ молодой человѣкъ и взялся за шляпу.

— Куда же вы? — спросила она съ удивленіемъ и неудовольствіемъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ, не смѣю, не могу волненіямъ любви безумно предаваться», — проговорилъ ей вмѣсто отвѣта Шамиловъ и, поцѣловавъ у нея руку, пошелъ.

Катерина Петровна кричала-было вслѣдъ ему посидѣть хоть немного, но онъ не вернулся. По походкѣ и по выраженію лица видно было, что дорогой его занимала какая-то безпокойная мысль. Придя домой, онъ, не снимая теплаго пальто, схватился за перо и началъ писать на листѣ почтовой бумаги:

«Катерина Петровна!

«Знаю, что стыдно и неприлично мнѣ открыть вамъ то, что я хочу открыть, но «явенъ грѣхъ малу вину творитъ». Мнѣ мало вашей дружбы: я хочу любви, той любви, къ какой вы способны, энергическая душа!..»

— Алексѣй Сергѣичъ заѣхали за вами,—проговорилъ надъ самымъ его ухомъ ухмыревскій лакей въ ливреѣ, такъ что Шамиловъ вздрогнулъ, и первымъ его дѣломъ было изорвать начатое письмо на мелкіе куски.

— Кто? — спросилъ онъ съ сердцемъ.

— Алексѣй Сергѣичъ съ барыней и съ барышней обновляютъ новыя сани и васъ зовутъ.

— Хорошо, приду; ступай.

Лакей ушелъ.

Петръ Александрычъ нехотя надѣлъ шляпу и пошелъ за нимъ.

Сходя съ лѣстницы, онъ проговорилъ:

— «Ахъ, ты, воля, моя волюшка, ты прошла, знать, миновалася».

Въ саняхъ ему было оставлено мѣсто напереди, рядомъ съ Алексѣемъ Сергѣичемъ.

Въ продолженіе всего катанья Шамиловъ молчалъ, Вѣра была грустна и только по временамъ взглядывала робко на жениха. Алексѣй Сергѣичъ занятъ былъ по преимуществу тѣмъ, что наблюдалъ за впечатлѣніемъ, которое производятъ на всѣхъ встрѣчныхъ его новыя сани. Авдотья Егоровна, боявшаяся очень холоду и выѣхавшая въ открытомъ экипажѣ изъ угожденія только мужу, куталась въ шаль, салопъ, муфту и т. п. Такимъ образомъ катающіеся, объѣхавъ раза два весь городъ, не проговорили почти ни слова. Ухмыревъ, завезя барынь и Петра Александрыча домой, самъ поѣхалъ дѣлать визиты. Озябнувшая Авдотья Егоровна ушла къ себѣ въ спальню, чтобы обтереться виномъ и напиться горячаго.

Вѣра осталась съ Шамиловымъ вдвоемъ. Разговоръ у нихъ не начинался. Петръ Александрычъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вѣра какъ будто бы глядѣла въ окно. Прошло, по крайней мѣрѣ, четверть часа въ молчаніи.

— Ты не любишь меня больше, — проговорила наконецъ Вѣра тихимъ голосомъ.

Шамиловъ горько улыбнулся.

— А вы меня любите?

— Ты, кажется, видишь.

— Вижу, Вѣра: это-то мое и несчастье, что я очень хорошо все вижу.

— Что же ты видишь?

— А то, какъ вы осторожно и умѣренно любите. Такого рода спокойное чувство въ женѣ простительно, а въ невѣстѣ немного рано.

Вѣра заплакала.

— Вѣра! Это невыносимо, — началъ Шамиловъ:—съ вами невозможно говорить. Послѣ перваго моего откровеннаго слова вы начинаете плакать.

— Вы сами заставляете меня плакать... ваше недовѣріе, вашъ насмѣшливый тонъ: за что все это? Если вы чѣмъ-нибудь недовольны мной, скажите мнѣ прямо.

Шамиловъ ничего не отвѣчалъ, но, отойдя къ столу, сѣлъ, схватилъ себя обѣими руками за голову и задумался. Вѣра внимательно посмотрѣла на жениха, какъ бы желая узнать, что у него на душѣ, и ей стало жаль его. Она встала съ веселой улыбкой, подошла къ нему потихоньку и поцѣловала въ голову; но Петръ Александрычъ не замѣтилъ этого. Вѣра сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ и взяла его за руку, но онъ оставался въ прежнемъ положеніи.

— Пьеръ! За что ты на меня сердишься? — проговорила добрая дѣвушка.

— Другъ мой!—началъ онъ полутрагическимъ голосомъ:— намъ невозможно оставаться въ томъ двусмысленномъ положеніи, въ которомъ находимся теперь, потому что мы съ каждымъ днемъ утрачиваемъ вѣру во взаимную любовь нашу.

— Что жъ намъ дѣлать?

— Три выхода изъ нашего положенія: первый, какъ я прежде тебѣ говорилъ, просить твоихъ родныхъ обезпечить насъ и послѣзавтра же обвѣнчаться.

— Это невозможно, Пьеръ: у дяди ничего нѣтъ, онъ весь въ долгахъ.

— А князь?

— Князь мнѣ посторонній человѣкъ; онъ и то много сдѣлалъ для меня. Больше я ничего не въ состояніи у него просить.

— Въ такомъ случаѣ, — началъ Шамиловъ:—рѣшись идти подъ вѣнецъ такъ, какъ ты сидишь теперь, въ одномъ этомъ платьѣ, и поѣдемъ въ Москву. Я откажусь отъ всѣхъ моихъ надеждъ и буду давать уроки.

— На это не согласятся родные.

— Убѣжимъ.

— Нѣтъ, Пьеръ... я не могу, я не должна на это согласиться... Я скорѣе умру, чѣмъ позволю себѣ обременить тебя, когда ты самъ еще не имѣешь ничего опредѣленнаго.

— Стало-быть, ни то ни другое вамъ не нравится; но есть третій выходъ: я послѣзавтра же ѣду въ Москву и буду пристраивать свою голову, какъ и гдѣ Богъ приведетъ.

— Зачѣмъ же послѣзавтра? — спросила Вѣра, поблѣднѣвъ.

— Затѣмъ, что здѣсь я только теряю безполезно время: вблизи васъ, Вѣра, я заниматься не могу, надѣяться ни на кого и ни на что не долженъ, потому что всѣ думаютъ только о самихъ себѣ и весьма расчетливо обставляютъ свою личность, такъ что проигрываю одинъ только я. Но, во всякомъ случаѣ, даю вамъ честное слово, что въ годъ, или, можетъ-быть, менѣе, составлю себѣ карьеру, съ пріятною надеждою, что со временемъ и вы рѣшитесь выйти за меня, если только въ продолженіе этого не представится вамъ болѣе выгодная партія, которую я не только не стѣсняю васъ принять, но даже совѣтую, потому что самое благоразуміе,—а его у васъ такъ много, — ясно говоритъ, какъ мало надобно надѣяться на мальчишку, который, можетъ-быть, и нравился, но слишкомъ былъ...

— Не доканчивайте, Петръ Александрычъ, — перебила

Вѣра: — вы слишкомъ ужъ много сказали. Время покажетъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ. Если вамъ нужно, поѣзжайте хоть сегодня же, а я васъ буду всю жизнь любить, чѣмъ бы вы ни были и гдѣ бы вы ни были...

Далѣе Вѣра не въ состояніи была говорить: у нея захватило дыханье; она встала и ушла въ свою комнату. Шамиловъ остался на прежнемъ мѣстѣ.

Къ обѣду Вѣра, впрочемъ, вышла, но у нея былъ такой дурной цвѣтъ лица, что Авдотья Егоровна испугалась.

— Что съ тобою, ангелъ мой? Ты на себя непохожа, — спросила она.

— Ничего, ma tante; я давеча озябла... до сихъ поръ не могу согрѣться.

— Какъ же быть такой неосторожной! Одѣлась легко и, пріѣхавъ, не напилась ничего теплаго.

— Угодно вина? — сказалъ Шамиловъ, наливая рюмку.

— Не хочу, — отвѣтила Вѣра:—такъ пройдетъ.

— Выпить надобно-съ, — замѣтилъ дядя.

Но Вѣра не выпила и ничего почти не ѣла. Шамиловъ также почти не ѣлъ, но вина выпилъ нѣсколько рюмокъ.

— Я нѣкогда читалъ, — началъ онъ: — не помню въ какомъ журналѣ, повѣсть, названную «Кокетка»... удивительно хороша!

— Что такое? — спросила Авдотья Егоровна: — вѣрно, опять что-нибудь смѣшное разскажете.

— Нѣтъ-съ, напротивъ, очень печальное. Тутъ выводится одинъ молодой человѣкъ, живой, страстный, очень неглупый, но слишкомъ молодой. На первомъ же шагу въ большой свѣтъ онъ встрѣтилъ одну дѣвушку, красавицу, богатую и свѣтскую. Она была окружена толпою поклонниковъ, въ фалангу которыхъ и онъ попалъ.

— Врѣзался, значитъ, — объяснилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Именно врѣзался, и врѣзался до сумасшествія; его замѣтили, или, лучше сказать, предпочли. Ему позволили говорить о любви и даже съ своей стороны какъ будто бы что-то подобное высказывали. Два года слѣдилъ онъ за ней какъ тѣнь, потерялъ въ это время службу, здоровье, состояніе, блестящую партію, которую приготовляли-было для него родные. Но вотъ въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ онъ къ нимъ въ домъ, и ему торжественно объявляютъ, что она выходитъ замужъ за старика—урода, но богача.

— Какъ часто въ свѣтѣ это бываетъ!—произнесла Авдотья Егоровна.

— Бываетъ-съ. Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ на

первыхъ порахъ молилъ не обманывать его, безпрестанно высказывалъ сомнѣніе въ ея чувствахъ, молилъ, чтобы она однимъ разомъ покончила его страданія; но она или сердилась на него, или отыгрывалась словами.

— Зачѣмъ же это она все дѣлала? — спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Это объясняетъ заглавіе: «Кокетка», — отвѣчалъ Шамиловъ.

Съ Вѣрой сдѣлался кашель, такъ что она принуждена была закрыть лицо платкомъ.

— Запей водой, душа моя... Что это сегодня съ тобой?— отнеслась къ ней Авдотья Егоровна. — Чѣмъ же кончилось, Петръ Александрычъ?

— Кончилось драматически; она получила аналогическое наказаніе: въ одну ночь, которая у нея не занята была баломъ, онъ подкупилъ людей и вошелъ въ ея будуаръ, худой, блѣдный, и слѣдующую къ ней рѣчь повелъ: «Вы умерщвляли меня нравственно два года и достигли этого; сердце и умъ мой убиты, теперь я пришелъ къ вамъ, чтобъ вы убили меня физически: вотъ ядъ, отравите меня — это послѣдняя моя къ вамъ просьба», и съ этими словами подаетъ ей небольшой пузырекъ. Она испугалась, схватилась за склянку, которая лопнула, и жидкость брызнула ей на лицо. Ядъ обезобразилъ ее, а онъ сошелъ съ ума.

— Ну, врядъ ли это можетъ быть, это сказки, — замѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— За конецъ я не спорю; онъ придуманъ, и придуманъ не совсѣмъ удачно, но предыдущее все справедливо и часто повторяется въ жизни.

Мы легко можемъ догадаться, съ какой цѣлью Шамиловъ разсказывалъ эту интересную повѣсть, въ которой даже кое-что перемѣнилъ, сообразно съ своей задней мыслью. На чей счетъ все это было говорено, тоже поняли. Вѣра едва имѣла силы дойти до наугольной и, закутавшись въ мантилью, сѣла на диванъ; съ ней сдѣлался лихорадочный припадокъ. Авдотья Егоровна совѣтовала ей идти лечь въ постель и напиться мяты, но она отказалась. Алексѣй Сергѣичъ велѣлъ Шамилову приготовить экипажъ. Когда лошади были готовы, Петръ Александрычъ пришелъ проститься съ невѣстой.

— Куда вы? — спросила она.

— Домой: заниматься надо.

— Какую вы славную повѣсть разсказывали!

— Хороша-съ.

— Сегодня мы, вѣрно, съ вами не увидимся? Вы, можетъ-

быть, еще захотите припомнить или сочинить какую-нибудь исторію въ родѣ давешней.

— Мнѣ не для чего сочинять: достаточно, если я стану разсказывать, что̀ со мною самимъ происходитъ, — произнесъ онъ, протягивая руку, которую Вѣра взяла и крѣпко сжала; но Шамиловъ не отвѣтилъ ей тѣмъ же.

Послѣ описаннаго мною дня Вѣра Павловна сдѣлалась серьезно больна, такъ что Шамиловъ перепугался: онъ цѣлый день сидѣлъ въ ея комнатѣ, самъ подавалъ ей лѣкарство и безпрестанно спрашивалъ, лучше ли ей. Авдотья Егоровна не менѣе Петра Александрыча встревожилась и почти не отходила отъ больной. Она съ ужасомъ разсказывала всѣмъ своимъ знакомымъ о болѣзни Вѣрочки слѣдующимъ образомъ:—«Мы были съ Алексѣемъ Сергѣичемъ на вечерѣ. Она не поѣхала съ нами и говорила, что не такъ хорошо себя чувствуетъ; но я думала, что просто полѣнилась, и была тамъ покойна, но, пріѣхавъ, обмерла, потому что нашла ее, бѣдненькую, въ такой истерикѣ, какой со мною никогда не случалось, хоть я и подвержена этой ужасной болѣзни выше всякихъ словъ». Алексѣй Сергѣичъ мало обращалъ вниманія на болѣзнь племянницы и все это время былъ въ полномъ самодовольствѣ: на-дняхъ онъ цѣлое утро сидѣлъ у князя; вмѣстѣ съ нимъ были Шмаковъ и помѣщикъ-охотникъ, у котораго на той недѣлѣ должна была состояться свадьба дочери, и потому онъ униженно просилъ его сіятельство быть посажёнымъ отцомъ. Но князь, ссылаясь на болѣзнь, рѣшительно отказался. Шмаковъ тоже былъ довольно сухо принятъ, несмотря на то, что онъ, по бойкости своего характера, завелъ-было продолжительный разговоръ о своихъ значительныхъ петербургскихъ знакомыхъ; но хозяинъ не дослушалъ и обратился къ Алексѣю Сергѣичу: давно ли и чѣмъ именно больна Вѣра? Кромѣ этого лестнаго предпочтенія отъ князя, Ухмыревъ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ игралъ у одного пріѣзжаго помѣщика, персѣзжавшаго обыкновенно изъ одного города въ другой и заводившаго вездѣ довольно серьезную игру. Алексѣй Сергѣичъ въ душѣ уважалъ этого помѣщика, потому что постоянно видѣлъ его съ большими деньгами и постоянно играющимъ по большой суммѣ.

Съ самой болѣзни, Шамиловъ сдѣлался къ невѣстѣ попрежнему ласковъ и нѣженъ: о происшедшей размолвкѣ ни она ни онъ не говорили ни слова; поѣздку въ Москву Петръ Александрычъ или отложилъ, или, по крайней мѣрѣ, не упоминалъ о ней. Катерина Петровна ѣздила къ Ухмыревымъ довольно часто и обнаруживала къ Вѣрѣ необыкновенное участіе и даже нѣкоторымъ образомъ лесть.

— Вы, Вѣра, еще похорошѣли; какъ идетъ къ вамъ эта блѣдность! — говорила она.

Но къ Шамилову она перемѣнилась совершенно: очень мало говорила съ нимъ, и если относилась иногда въ общемъ разговорѣ, то съ явнымъ желаніемъ уколоть. Петръ Александрычъ на всѣ ея насмѣшливыя замѣчанія или отшучивался, или молчалъ; но наконецъ въ одинъ изъ вечеровъ они явно поссорились.

— Петръ Александрычъ, — сказала Катерина Петровна: — отчего вы, ѣздивъ каждый день мимо меня, такъ нынче недобры, что ни разу не хотите завернуть ко мнѣ: такъ друзьямъ не слѣдуетъ дѣлать. Вѣра Павловна, я вамъ жалуюсь на вашего жениха.

— Отчего же ты не хочешь заѣхать? — спросила Вѣра.

— Очень просто: я тороплюсь видѣть тебя,— отвѣчалъ нахмурившись Шамиловъ.

— Право?—воскликнула Катерина Петровна.

И воскликнула такъ недовѣрчиво, что Вѣра и Авдотья Егоровна посмотрѣли на нее съ удивленіемъ и переглянулись между собою.

Шамиловъ еще болѣе нахмурился и молчалъ.

— Онъ со мной не хочетъ говорить,— замѣтила Катерина Петровна.

— О чемъ же мнѣ прикажете съ вами говорить? — возразилъ Шамиловъ.

— А, mon Dieu! Я вамъ и не думаю приказывать: для меня, право, все равно.

— Видно, не все равно.

— Нѣтъ-съ, все равно, ей-Богу, все равно.

— Вы, кажется, не на шутку пикируетесь, — замѣтила Авдотья Егоровна, желая прекратить эту сцену.

Но Катерина Петровна не унималась и продолжала:

— Какъ нынче друзья перемѣнчивы: нѣсколько дней назадъ Петръ Александрычъ повѣрялъ мнѣ всѣ свои задушевныя тайны, а теперь даже говорить не хочетъ: чѣмъ я тутъ виновата?

— Какія же это ты тайны повѣрялъ? — спросила Вѣра.

Шамиловъ поблѣднѣлъ.

— Не знаю: я никакой имъ не повѣрялъ, скорѣе выпытывалъ ихъ тайны.

— Никакой?.. Ахъ, вы, несправедливый человѣкъ!—воскликнула Катерина Петровна: — ну, смотрите, я васъ выведу же на свѣжую воду.

— Сколько вамъ угодно! И на вся и все, что вы станете

при мнѣ и обо мнѣ говорить, я не буду ни возражать ни оправдываться.

— Это для васъ будетъ самое лучшее,—сказала Катерина Петровна.

И, посидѣвъ немного, уѣхала. При прощаніи она сказала со вздохомъ Вѣрѣ:

— Je souhaite, Véra, que vous soyez heureuse avec votre futur mari.

— Пьеръ, что такое у васъ? — спросила та съ безпокойствомъ Шамилова.

— Ничего особеннаго: эта женщина ниже словъ; я знаю про нее ужасныя вещи, она теперь боится меня и хочетъ запутать,— отвѣчалъ онъ.

— Я сама нынче разлюбила ее: она никого не оставитъ въ покоѣ, всѣхъ пересмѣетъ и о каждомъ скажетъ что-нибудь дурное, — проговорила Авдотья Егоровна.

На другой день она подробно разсказала Алексѣю Сергѣичу весь разговоръ съ Шамиловымъ и просила его объяснить, что такое все это значитъ.

— Ничего не значитъ: болтаютъ, — отвѣчалъ тотъ: — ихъ обоихъ надобно княземъ пугнуть.

III.

Въ началѣ масленицы, на которую готовилось много удовольствій, разнеслась совершенно неожиданная вѣсть: князь, въ ночь на 16 февраля, умеръ скоропостижно. Если вы, читатель, припомните, какое большое участіе принималъ онъ въ свадьбѣ и вообще въ дѣлахъ Вѣры, Шамилова и Ухмыревыхъ, то можете себѣ представить, какъ всѣ они были поражены.

— Батюшки, что это такое! Что мнѣ теперь дѣлать?—воскликнулъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Что же такое, cher Alexis?—спросила его простодушно Авдотья Егоровна.

— Какъ что?—воскликнулъ, по обыкновенію, съ азартомъ Ухмыревъ:—для чего же мы свадьбу-то затѣвали!

— Какъ для чего?

— Такъ. Князь теперь померъ: жени, пожалуй, ихъ да и возьми на свои плечи.

— Можетъ-быть, какъ-нибудь и устроится.

— Чему тутъ устраиваться! Я уступилъ тутъ только желанію князя.

— Но нельзя же, Alexis, намъ теперь что-нибудь предпринимать противъ этого.

— Я ничего и не предпринимаю... не безпокойтесь! Я только говорю, что отступаюсь: дѣлайте какъ хотите, а на меня не надѣйтесь. По моимъ лѣтамъ мнѣ впору о себѣ да о тебѣ думать, — проговорилъ Ухмыревъ и уѣхалъ играть въ карты къ уважаемому имъ помѣщику.

Шамиловъ, услышавъ о смерти князя, пришелъ въ странное и неприличное для мужчины отчаяніе и обнаружилъ при этомъ случаѣ какое-то чисто-женское малодушіе: вмѣсто того, чтобы успокоить полубольную и огорченную Вѣру, онъ въ присутствіи ея началъ просто бѣсноваться, ходилъ безпокойными шагами по комнатѣ, схватившись за голову, колотилъ себя въ грудь и только-что не плакалъ.

— Я это предчувствовалъ, — говорилъ онъ: — это новая шутка надо мной судьбы: князь полюбилъ меня, хотѣлъ и могъ упрочить мое благополучіе и, конечно, не далъ бы задохнуться моимъ способностямъ и моей до сихъ поръ безполезной молодости. Но гдѣ и съ чѣмъ остался я теперь? Что у меня впереди? — бѣдность, неблагодарный трудъ и больше ничего.

— Къ чему-жъ, Пьеръ, такое отчаяніе! Ты молодъ: надѣйся больше на себя; мало ли чѣмъ ты можешь быть.

— Нѣтъ, Вѣра, я не хочу обманывать пустыми надеждами ни себя ни тебя: у насъ ни въ будущемъ ни въ настоящемъ ничего нѣтъ.

— А любовь?

— Умоляю тебя, не говори этого слова: мнѣ страшно его слышать, и страшно не за себя: я знаю свой дальнѣйшій путь,—но за тебя, другъ мой. Я готовъ просить тебя: разлюби и презри меня, употреби на это всю силу твоей воли: я не стою твоей любви; я — ничтожный человѣкъ и безъ помощи князя не буду ничѣмъ. Зачѣмъ же тебѣ свою судьбу связывать съ моей? Оттолкни меня.

Вѣра пристально посмотрѣла на жениха.

— Будемъ, Пьеръ, говорить о чемъ-нибудь другомъ. Ты встревоженъ сегодня, я — тоже: пощади и меня, — проговорила она.

Шамиловъ сѣлъ на отдаленное кресло и задумался. Вѣра начала-было разспрашивать, какъ идутъ его занятія, не задумалъ ли онъ писать чего-нибудь, просила его почитать ей что-нибудь,—Петръ Александрычъ отвѣчалъ односложно и читать рѣшительно отказался.

На другой день былъ назначенъ парадный вывозъ тѣла князя. За катафалкомъ его слѣдовали: все городское духовенство, всѣ чиновники, состоявшіе при немъ и погруженные въ искреннюю печаль, и всѣ наконецъ уѣздные чиновники, по-

гребавшіе его съ притворнымъ чувствомъ, какъ мыши кота. Всѣ они были, разумѣется, въ полныхъ мундирныхъ формахъ. Сзади тянулись экипажи почти всѣхъ городскихъ жителей. Впереди всѣхъ ѣхалъ Алексѣй Сергѣичъ съ Авдотьей Егоровной въ каретѣ, обитой снаружи чернымъ сукномъ, и съ кучеромъ и лакеемъ, тоже облеченными въ глубокій трауръ. Вѣра по случаю болѣзни была дома. Шамиловъ остался при ней, и оба они смотрѣли въ окно на печальную процессію. Сначала она разрыдалась, а потомъ опять занемогла сильнѣе прежняго: у нея открылось, по словамъ доктора, въ родѣ горячки. Несмотря на тяжкую болѣзнь невѣсты, Шамиловъ приходилъ къ ней очень ненадолго: съ самой смерти князя положеніе его въ домѣ Ухмыревыхъ сдѣлалось странное и непріятное. Алексѣй Сергѣичъ едва удостоивалъ его двухъ-трехъ словъ въ день, и то съ явнымъ пренебреженіемъ. Авдотья Егоровна, какъ и всегда, подражала мужу. Просиживая цѣлые дни дома, Петръ Александрычъ ничѣмъ не занимался и только ходилъ по комнатѣ и вздыхалъ. Такъ прошло двѣ недѣли. Вѣра оправлялась очень медленно.

Возвратился отъ сестры уланъ Карелинъ и, объѣхавъ весь городъ, завернулъ къ Шамилову, который очень обрадовался пріѣзду пріятеля.

— Какъ я радъ, что вы вернулись, — говорилъ онъ, обнимая Карелина, и, зная, что тотъ любилъ завтракать съ виномъ, тотчасъ же распорядился по этому предмету.

— Когда ваша свадьба, Петръ Александрычъ? — спросилъ уланъ.

— Самъ не знаю.

— Ужъ не расклеилась ли?

— Это съ чего вамъ пришло въ голову?

— Здѣсь какъ въ трубу трубятъ. Ухмыревъ самъ на-дняхъ говорилъ, что свадьба врядъ ли состоится, и что они думаютъ отказать вамъ.

— Кому же это онъ говорилъ? — спросилъ Шамиловъ довольно равнодушно.

— Не знаю, кому именно, но, я думаю, всѣмъ, кто тутъ былъ: мнѣ въ каждомъ домѣ объ этомъ разсказывали.

— Его воля: какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ.

— Вотъ какъ поговаривать начали; ну, а невѣста что же... она васъ любитъ?

— Я думаю.

— Такъ какъ же? Я бы на мѣстѣ вашемъ этому господину зажалъ ротъ.

— Семейныя дѣла судить трудно; и я вамъ скажу только

одно, что я люблю Вѣру, далъ себѣ слово посвятить ей всю жизнь; она будетъ моя, хоть бы цѣлый міръ былъ мнѣ препятствіемъ.

— А здѣсь говорятъ другое, — возразилъ уланъ: — Катерина Петровна сказала мнѣ, что вы и за ней ухаживали, признавались ей, что не любите Вѣру Павловну, а женитесь на ней по видамъ, чтобы угодить князю.

— Что Катерина Петровна есть мой лютѣйшій врагъ — это я знаю давно, а какого рода были мои съ ней отношенія, объ этомъ я, какъ благородный человѣкъ, считаю за лучшее молчать и предоставляю ей полное право говорить обо мнѣ все, что ей вздумается.

— Зачѣмъ же вы ей меня бранили?.. Что я вамъ сдѣлалъ?

— Если вы ей вѣрите больше, чѣмъ мнѣ, то мнѣ остается только сожалѣть, но оправдываться я не хочу.

Такъ разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ. Уланъ хотѣлъ-было ѣхать, но Шамиловъ просилъ его посидѣть.

— Останьтесь: мы выпьемъ съ вами. Мнѣ такъ грустно, такъ тяжело, что я готовъ сдѣлаться пьяницей; но еще покуда одному пить совѣстно — составьте компанію.

— Можно.

— Что вы любите по преимуществу?

— Все люблю.

Подали вино и закуску. Молодые люди чокнулись и выпили по стакану вина; хозяинъ тотчасъ же предложилъ повторить.

— Да вы однако славно напрактиковались въ это время... а то помните, какой были нѣженка.

— Мало ли чѣмъ я когда-то былъ: теперь я не тотъ... Судьба надо мной удивительно тѣшится.

— Что такое?

— Я теперь въ ужасномъ положеніи... Не знаю, какъ вы понимаете меня, Карелинъ: но видитъ Богъ, что натура моя не пошлая... я не дюжинный человѣкъ и могъ быть чѣмъ-нибудь выше жалкой посредственности, или, по другому выраженію, благоразумной средины, — но теперь во мнѣ многое уже убито, или убьется со временемъ окончательно, потому что, женившись, я изъ-за куска хлѣба долженъ буду взять на себя трудную обязанность домашняго учителя.

— Насчетъ состоянія я вамъ говорилъ еще прежде...

Шамиловъ задумался и вздохнулъ.

— Вы, Карелинъ, человѣкъ практическій и въ то же время благородный; я сдѣлаю вамъ одинъ вопросъ: хорошо ли мужчинѣ и свою энергію и данныя ему Богомъ способности принести въ жертву любви, которой, конечно, каждый изъ насъ

готовъ предаться всякій годъ, и всякій годъ утратить ее и замѣнить новою привязанностью? Вотъ мой вопросъ; разрѣшайте его.

— Очень легко: вамъ просто не хочется жениться.

— Тутъ дѣло не въ желаніи... мало ли мы чего желаемъ подъ вліяніемъ страсти! Но я спрашиваю: долженъ ли я рисковать на безразсудный бракъ и губить себя во имя любви къ чудной и прекрасной дѣвушкѣ, которой, наперед знаю, что не принесу никакихъ радостей?

— Зачѣмъ же вы ухаживали за ней? Это нечестно... Будь я ея братъ, я бы за одни слухи, которые ходятъ по городу, вытянулъ васъ на барьеръ.

— Вы не понимаете меня: я не ухаживалъ за ней, но я полюбилъ и люблю ее... Насъ свела судьба на взаимное несчастье, — возразилъ Шамиловъ.

— Да васъ и понять невозможно, вы какой-то удивительный фантазеръ: то говорите, что любите эту дѣвушку и что всю жизнь хотите посвятить для нея, то идете на гибель. Я бы за васъ не рискнулъ отдать ни сестры ни дочери.

— Понять вы меня можете, но не хотите... Впрочемъ, прекратимъ этотъ разговоръ, который мнѣ очень тяжелъ, — проговорилъ Петръ Александрычъ съ неудовольствіемъ.

— За что жъ вы сердитесь? Я сказалъ вамъ по дружбѣ.

Шамиловъ насмѣшливо улыбнулся.

— Съ нѣкотораго времени я очень сталъ бояться друзей: бо́льшая часть изъ нихъ доказывали мнѣ это чувство тѣмъ, что брали себѣ право перетолковывать всѣ мои поступки и слова въ дурную сторону; а это для меня не совсѣмъ пріятно.

— Прощайте, — произнесъ уланъ, вставая: — вы сегодня не въ духѣ, вѣрно, лѣвой ногой съ постели встали.

— Я не всталъ лѣвой ногой съ постели, но въ жизнь шагнулъ неудачно.

— Ну, меланхолія.

— Погодите, Карелинъ, не обижайтесь моими словами: я не могу быть нераздражителенъ: въ это время меня все терзало. Положите вашу фуражку. Я люблю Вѣру безумно; вы превосходный человѣкъ по одному уже тому, что отстаиваете ея права. Выслушайте меня: на-дняхъ я долженъ ѣхать въ Москву; она теперь больна, и около нея почти никого нѣтъ. Наблюдайте за ней, навѣщайте ее и увѣдомляйте меня... Будьте столько обязательны, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ.

— Это что́ еще за идея пришла вамъ въ голову! Нашли какого наблюдателя! Я въ этихъ дѣлахъ бывалъ обыкновенно дѣйствующимъ лицомъ, а въ посредники врядъ ли гожусь.

— Не шутите, Карелинъ, а лучше возьмитесь за доброе дѣло и дайте мнѣ слово увѣдомлять меня, здорова ли она, жива ли. А то мнѣ и этого не напишутъ.

— Хорошо. Вы однако ужасный чудакъ. Когда жъ думаете ѣхать?

— Дня черезъ два.

— Еще увидимся?

— Непремѣнно.

Простившись съ уланомъ, Шамиловъ по крайней мѣрѣ часа два ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то обдумывалъ; потомъ отправился къ невѣстѣ.

— Вѣра Павловна? — спросилъ онъ попавшагося ему въ залѣ Алексѣя Сергѣича.

— У себя-съ въ комнатѣ, — едва отвѣтилъ Ухмыревъ.

Вѣра сидѣла въ креслахъ и была очень еще слаба; передъ ней стояла Авдотья Егоровна и терла ей виски одеколономъ.

Шамиловъ поцѣловалъ руку у невѣсты и церемонно поклонился теткѣ, которая ему отвѣчала тѣмъ же.

— Гдѣ ты былъ утро? — спросила Вѣра.

— Дома; меня задержалъ Карелинъ: часа два сидѣлъ, — отвѣчалъ Шамиловъ и, усѣвшись на отдаленное кресло, взялъ близъ лежащую книгу и будто бы углубился въ чтеніе.

Авдотья Егоровна, постоявъ немного, вышла.

— Какъ ты чувствуешь себя, Вѣра? — сказалъ Шамиловъ, тотчасъ же вставая и подходя къ невѣстѣ.

— Сегодня мнѣ лучше; голова только дурна.

— Ты рѣшительно себя не бережешь, другъ мой.

— Какъ же мнѣ беречь себя?

— Очень просто: не тревожить и не волновать себя всякими пустяками.

Вѣра вздохнула.

— Развѣ ты самъ не былъ встревоженъ... помнишь, передъ моей болѣзнью! — сказала она.

— Ахъ, Боже мой! Въ первую минуту я, конечно, поддался безполезному отчаянію; но у человѣка, кромѣ сердца, есть еще умъ, который охлаждаетъ и наши радости и наши горести, — возразилъ Шамиловъ. — Мы съ тобой, Вѣра, въ такомъ положеніи, — продолжалъ онъ: — что одна только сила воли съ нашей стороны можетъ спасти насъ. Можешь ли ты, другъ мой, выслушать меня, что я хочу сказать тебѣ?

— Говори.

— Мнѣ надобно ѣхать въ Москву.

— Когда же?

— Послѣзавтра.

— Послѣзавтра пятница — не ѣзди: это тяжелый день!

— Въ такомъ случаѣ въ субботу.

— Поѣзжай... — проговорила Вѣра.

— Если ты будешь плакать и будешь разстраивать еще больше свое здоровье, я не въ состояніи буду ѣхать: останусь здѣсь и буду до конца губить мою карьеру. Другъ мой! Пожалѣй и меня: я близокъ къ сумасшествію, я готовъ сдѣлаться пьяницей... Согласись только съ тѣмъ, что ни у тебя ни у меня ни на кого теперь нѣтъ надежды, кромѣ какъ на свои собственные усиленные труды, которые возможны для меня только въ Москвѣ.

— Что же ты будешь дѣлать въ Москвѣ? — спросила Вѣра.

— Планъ мой вотъ каковъ: я, тотчасъ же по пріѣздѣ, выдержу на кандидата; потомъ, такъ какъ для насъ всего нужнѣе деньги, наберу частныхъ уроковъ: у меня много знакомыхъ профессоровъ, старыхъ товарищей, и всѣ они, я увѣренъ, не откажутся пособить мнѣ въ этомъ. Я буду имѣть, положимъ, семь уроковъ въ недѣлю, по два рубля серебромъ — четырнадцать рублей; въ мѣсяцъ — почти шестьдесятъ, въ годъ — семьсотъ, да съ имѣнія триста, итого около тысячи рублей серебромъ; сверхъ того я буду работать въ журналы; если не успѣю приготовить чего-нибудь своего серьезнаго, займусь переводами, за которые любой журналъ мнѣ дастъ двадцать рублей серебромъ. Вотъ тебѣ мои доходы, которыхъ, право, очень достаточно для нашего существованія: я знаю семейныхъ людей, которые на двѣ тысячи живутъ превосходно. Мы найдемъ хорошенькую, около Сухаревой башни, квартирку, которыя тамъ дешевы, будемъ держать двоихъ людей.

— А служба какъ же?

— Службу я возьму какую-нибудь легкую; но, собственно говоря, мнѣ нуженъ только свободный вечеръ, который я посвящу урокамъ, а ночь — литературнымъ занятіямъ. Здѣсь же я, покуда все это устроится, имѣю въ виду одного человѣчка, который будетъ доставлять мнѣ о васъ подробнѣйшія свѣдѣнія.

— Кто такой?

— Карелинъ.

— Это зачѣмъ? Что у тебя за дружба съ нимъ?

— Ты несправедливо предубѣждена противъ него: онъ человѣкъ неглупый и въ высшей степени благородный и искренно тебѣ преданный.

— Ты почемъ знаешь?

— Я его сегодня немного испыталъ: онъ мнѣ передалъ, что твой дядя гдѣ-то тамъ говорилъ, что свадьба наша не состоится; я притворился и нарочно сказалъ ему, что это очень

возможно. Представь себѣ, онъ вышелъ изъ себя и объявилъ мнѣ пренаивно, что если бы былъ твоимъ братомъ, то вызвалъ бы меня на дуэль.

— Для чего ты такъ говорилъ съ нимъ? — сказала Вѣра, качая головой: — онъ хорошенько не пойметъ твоихъ словъ и будетъ ихъ разсказывать всему городу.

— Заблуждаетесь, Вѣра, рѣшительно заблуждаетесь въ отношеніи этого человѣка; вы его узнаете и оцѣните впослѣдствіи.

Вѣра Павловна болѣе не возражала.

Странное было ея душевное состояніе. Она была умна и давно уже поняла своего жениха, и очень хорошо видѣла, что онъ ее разлюбилъ. Гордость въ ней заговорила. Она видѣла, что это человѣкъ фразы, котораго ни любить ни уважать не стоитъ. «Что жъ такое, ошиблась...» — говорила она сама съ собой, утѣшая себя мысленно, а между тѣмъ въ головѣ ея зрѣлъ новый планъ, полный самоотверженія и душевной муки.

Шамиловъ, обрадованный возможностью уѣхать въ Москву, забывъ всякую деликатность, веселился, какъ малый ребенокъ.

— Опять туда, въ мою родную Москву!.. — восклицалъ онъ:—опять сойдусь съ моими добрыми, образованными друзьями, потому что здѣсь, видитъ Богъ, я постоянно страдалъ: одна только ты мнѣ и сочувствовала.

— А Карелинъ и Катерина Петровна? — спросила его Вѣра.

— Не укоряй меня, Вѣра, этими людьми: Карелинъ прекрасный малый; а Катерина Петровна, твой дядя, тетка, — однимъ словомъ, всѣ мои недоброжелатели — Богъ съ ними, я имъ прощаю.

Часу во второмъ Шамиловъ поѣхалъ проститься съ городскими жителями и на этихъ прощальныхъ визитахъ велъ себя вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы жениху, разлучающемуся надолго съ невѣстой: онъ былъ веселъ, любезничалъ съ дамами и дѣвицами и у всѣхъ просилъ дать ему въ Москву какое-нибудь порученіе, которое обѣщался исполнить тотчасъ же. Между прочими онъ былъ у Анны Михайловны Моросенко и у Катерины Петровны, изъ которыхъ первая двусмысленно спросила его, надолго ли онъ ѣдетъ въ Москву, и пожелала ему тамъ веселиться, на томъ основаніи, что молодымъ людямъ въ столицѣ всегда бываетъ веселѣе, чѣмъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ; о невѣстѣ она не сказала ни полслова. Катерина Петровна не приняла Шамилова. Веселость жениха была замѣчена всѣмъ обществомъ: «Помилуйте, онъ уѣзжаетъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто бы его изъ тюрьмы выпустили, а невѣста, говорятъ, умираетъ и страдаетъ... Глупая,

глупая! Впрочемъ, ей подѣломъ: наказывается за свою гордость; теперь лучше узнаетъ себѣ цѣну»,—говорили многіе.

Алексѣй Сергѣичъ, услыхавъ объ отъѣздѣ Шамилова, обрадовался.

— Ну, слава Богу, какъ гора съ плечъ сваливается,—сказалъ онъ Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Но что же, душа моя, послѣ будетъ?

— Я ничего не знаю и знать не хочу; по крайней мѣрѣ, шляться ко мнѣ въ домъ не будетъ.

Въ субботу, назначенную для отъѣзда, Шамиловъ, часовъ въ десять утра, явился къ невѣстѣ совсѣмъ одѣтымъ по-дорожному. Вѣра уже давно встала.

Онъ прошелъ, по обыкновенію, въ ея комнату.

— Ты ужъ совсѣмъ?— спросилъ она сухо.

— Нѣтъ, я такъ одѣлся, тамъ еще собираются, — отвѣчалъ онъ, не глядя на невѣсту.

Жаль ли ему было ее, или совѣстно, я не знаю, но только его, кажется, очень тяготила предстоящая сцена разлуки.

— Встали ваши?— спросилъ онъ.

— Я думаю.

— Какъ бы мнѣ съ ними проститься?

— Мы выйдемъ въ гостиную.

— Если ты слаба, такъ зачѣмъ тебѣ выходить въ гостиную! Я могу сходить къ нимъ одинъ.

— Они сами придутъ сюда.

— Въ такомъ случаѣ позволь войти и Карелину: онъ пріѣхалъ проводить меня.

— Зачѣмъ же это—посторонній человѣкъ!

— Нельзя же было отказать, когда онъ самъ напросился.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы онъ сюда входилъ; я выйду въ гостиную.

— Но ты слаба.

— Ничего.

Вошла Авдотья Егоровна.

— Вы совсѣмъ?—сказала она Шамилову.

— Почти.

— Ваши лошади пріѣхали.

— Какъ скоро! Я имъ велѣлъ часа черезъ два.

Вѣра посмотрѣла на жениха.

— Вы позавтракайте. Я велѣла приготовить. Сейчасъ подадутъ,—проговорила Авдотья Егоровна.

— Велите, ma tante, подать въ гостиную, мы выйдемъ,— сказала Вѣра.

— Тамъ Карелинъ сидитъ у Алексѣя Сергѣича, — замѣтила тетка.

— Онъ пріѣхалъ меня проводить, — подхватилъ Шамиловъ.

Авдотья Егоровна ушла.

— У меня къ тебѣ одна просьба, Вѣра, — началъ Шамиловъ:—проводи меня равнодушно и спокойно; иначе я утрачу весь небольшой остатокъ моей рѣшительности.

— Ты видишь, я спокойна.

— Но ты это только говоришь, а чувствуешь другое.

— Чувствовать не въ моей волѣ.

— Все въ нашей волѣ,—надѣйся на Бога.

— Я на одного Его и надѣюсь.

— Въ такомъ случаѣ сейчасъ же извольте развеселиться, дайте мнѣ вашу ручку и поцѣлуйте меня: вообразите, что я ѣду въ Москву на двѣ недѣли — дѣлать приданое, — сказалъ Шамиловъ, взявъ невѣсту за руку и цѣлуя ее. — Пойдемъ однако въ гостиную, въ настоящую минуту намъ тяжело оставаться вдвоемъ,—прибавилъ онъ.

Вѣра повиновалась; слабымъ шагомъ она вышла въ гостиную, въ которой сидѣли Авдотья Егоровна, Алексѣй Сергѣичъ и Карелинъ, и, съ большимъ усиліемъ дойдя до дивана, сѣла. Шамиловъ помѣстился около нея.

— Вы ѣдете на перекладныхъ или на почтовыхъ? — спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Самъ не знаю: велѣлъ себѣ привести извозчика, но какой онъ, вольный или почтовый, не справлялся.

— Покушайте чего-нибудь, — сказала Авдотья Егоровна Шамилову.

Уланъ сидѣлъ молча и кусалъ усы.

— Аппетиту нѣтъ,—отвѣчалъ Петръ Александрычъ. — Но, впрочемъ, чтобы не измѣнить русскому обычаю... Карелинъ, хотите вина?

— Наливайте,— отвѣчалъ тотъ.

Шамиловъ налилъ себѣ и ему по рюмкѣ.

— А вамъ угодно? — отнесся онъ къ Алексѣю Сергѣичу.

— Нѣтъ, мнѣ еще рано,—отвѣчалъ тотъ.

Шамиловъ, выпивъ вина, съѣлъ кусокъ сыру и всталъ.

— Пора,—проговорилъ онъ.

Алексѣй Сергѣичъ и уланъ тоже поднялись съ своихъ мѣстъ, но Авдотья Егоровна просила всѣхъ, какъ водится, присѣсть, и всѣ сѣли, потомъ встали, помолились, и началось прощанье. Шамиловъ первоначально поцѣловалъ съ нѣкотораго рода чувствомъ руку тетки, и она его поцѣловала въ голову, тоже

съ чувствомъ. Алексѣю Сергѣичу онъ только пожалъ руки, а съ Карелинымъ поцѣловался и взглянулъ при этомъ случаѣ на Вѣру. Съ нею Петръ Александрычъ очень торопился проститься. Глаза у Вѣры были сухи; но зато обливалась горькими слезами Авдотья Егоровна.

— Поѣзжайте скорѣе!—проговорила она.

Шамиловъ какъ-то неловко еще разъ всѣмъ поклонился и вышелъ.

— Она меня не любитъ совсѣмъ; это, впрочемъ, и лучше!— проговорилъ онъ, садясь въ тарантасъ.

IV.

Въ то время, какъ у Ухмыревыхъ слѣдовали непріятность за непріятностью, въ домѣ Моросенки съ утра до поздней ночи раздавались пѣніе, смѣхи, происходили танцы и различныя игры. Сонечка вмѣстѣ съ женихомъ разучивали: «Ты коса моя, коса...», и пѣли эту пѣсню по нѣскольку разъ въ день; смѣялись они тоже безпрестанно, такъ что маменька начала замѣчать молодымъ людямъ: «Что это вы все смѣетесь, Сонечка, точно дѣти?» Вечера Анна Михайловна начала повторять въ недѣлю не одинъ, а три раза, и успѣла составить танцы, нанявъ для этого за небольшую цѣну жида, прибывшаго въ городъ съ золотыми вещами и умѣвшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно искусно играть на цимбалахъ. Она переманила на свои вечера самыхъ постоянныхъ посѣтителей дома Ухмыревыхъ, у которыхъ стали гораздо рѣже собираться, такъ какъ, по ихъ дурнымъ финансовымъ обстоятельствамъ, боялись ихъ стѣснить, хотя о своихъ обстоятельствахъ ни Алексѣй Сергѣичъ ни Авдотья Егоровна никому не давали замѣтить, всегда были очень рады, когда кто-нибудь къ нимъ пріѣзжалъ, и тотчасъ же устраивали партію. Но объ этомъ всюду разглашали Катерина Петровна и Анна Михайловна; послѣдняя передъ цѣлымъ обществомъ говорила: «Я не ѣзжу къ нашимъ несчастнымъ аристократамъ не столько по непріятностямъ, сколько потому, что мнѣ видѣть ихъ жалко: племянницу они погубили, сами разорились, люди ихъ каждое утро въ ноги кланяются лавочникамъ, чтобы на полтинникъ въ долгъ повѣрили». Катерина Петровна подтверждала это и всѣмъ по секрету разсказывала, что Авдотья Егоровна надняхъ заложила свои брильянты. По случаю смерти князя, въ обществѣ была общая радость: во-первыхъ, ревизія прекратилась, а во-вторыхъ, у этихъ гордецовъ Ухмыревыхъ много спеси посбавилось.

Степочка, несмотря на то, что очень любезничалъ съ невѣстой и былъ, повидимому, веселъ, кажется, не совсѣмъ еще освободился отъ своей прежней страсти. Всякій разъ, когда будущая теща или кто-нибудь изъ гостей начинали говорить о Вѣрѣ Павловнѣ что-нибудь дурное,—а это случалось каждый день, и даже по нѣсколько разъ, — онъ тотчасъ же уходилъ въ другую комнату. Въ одно утро,—это было на другой день послѣ проводовъ тѣла князя, — докторъ пріѣхалъ къ Аннѣ Михайловнѣ и сказалъ, что у Вѣры Павловны воспаленіе въ груди, и что если ей не будетъ лучше сегодня, то онъ опасается за ея жизнь. Степанъ Герасимычъ очень внимательно прислушивался къ этому разговору и, не дождавшись обѣда, ушелъ домой, гдѣ и пролежалъ около двухъ часовъ на постели и все что-то самъ съ собою потихоньку разговаривалъ; потомъ велѣлъ заложить лошадь и нѣсколько разъ проѣхалъ мимо дома Алексѣя Сергѣича, и на этотъ разъ не принималъ никакой особенной осанки, но только смотрѣлъ на окна. Возвратясь домой, онъ принялся немилосердно курить, забылъ свою расчетливость — потому что не только набивалъ трубку безъ всякой осторожности, но даже разсыпалъ табакъ по окну и по полу. Пришла зачѣмъ-то въ комнату Аксинья и, взявъ, что̀ ей было нужно, хотѣла уйти, но баринъ остановилъ ее.

— Аксинья, сходи-ка къ Алексѣю Сергѣичу, — сказалъ онъ.

— Батюшка, я тамъ николи не бывала.

— Ничего, сходи.

— Не знаю; нѣтъ-съ, я больно не смѣла! А вамъ что̀ нужно?

— Такъ, ничего... Тамъ прежняя невѣста моя очень больна, говорятъ—умираетъ.

— Сохрани ее Господи! Барышня молодая... А вамъ, батюшка, все еще, видно, ее жалко.

— Да... Ты сходи и узнай, лучше ли ей.

— Нѣтъ, Степанъ Герасимычъ, ваша воля, я не посмѣю, Кузьмѣ сталѣе сходить: онъ съ ихъ кучеромъ большую дружбу имѣетъ; тотъ еще вчера заходилъ и говорилъ, какъ у насъ какая лошадь занеможетъ, никого, кромѣ тебя, Куземупка, не возьму,—такъ и господамъ доложилъ.

— Ну что̀ Кузьма!

— Отчего же, сходитъ, узна̀стъ: языкъ-то есть.

— Нѣтъ, не хочу.

— Какъ угодно-съ; а мнѣ гдѣ дурѣ-бабѣ въ этакіе дома ходить? Я вотъ, что здѣсь ни живу, на базарѣ не бывала.

Поѣхавъ вечеромъ къ невѣстѣ, Степанъ Герасимычъ опять проѣхалъ мимо дома Алексѣя Сергѣича.

На первой недѣлѣ поста должна была пріѣхать Аграфена Кондратьевна прямо къ Аннѣ Михайловнѣ, которая объ этомъ будущую свекровь покорнѣйше просила, такъ какъ считала себя не въ правѣ допустить почтенную старушку остановиться въ квартирѣ холостого сына, котораго она бы тоже давно перетащила къ себѣ, если бы не боялась городскихъ толковъ въ отношеніи большого сближенія жениха съ невѣстой. Аграфена Кондратьевна изъявила письменно на приглашеніе будущей тещи полное согласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просила, чтобы лошади и люди тоже были при ней, потому что на квартирѣ Степочки будто бы вовсе негдѣ было ихъ помѣстить. На это письмо Анна Михайловна словесно приказала посланному, что очень рада, и что, приглашая Аграфену Кондратьевну, полагаетъ ей доставить всякое спокойствіе. Вотъ какъ хорошо шло между двумя будущими свекровями, которыя обыкновенно, на большей части свадебъ составляютъ на первыхъ порахъ два непримиримые, если не по наружности, то въ душѣ, лагеря.

Въ день, назначенный для пріѣзда Аграфены Кондратьевны, Степочка еще съ ранняго утра явился къ невѣстѣ. Какъ онъ, такъ и Моросенки поджидали старуху довольно нетерпѣливо и не совсѣмъ спокойно; еще съ девятаго часа они уже не отходили отъ окна. Степанъ Герасимычъ увидѣлъ маменьку первый.

— Ѣдетъ-съ,—сказалъ онъ нѣсколько робкимъ голосомъ.

— Сонечка, самоваръ скорѣе! Старушка, я думаю, перезябла съ дороги,—воскликнула Анна Михайловна.

Экипажъ, или, лучше сказать, большая кибитка, имѣющая нѣкоторое сходство съ крытыми санями, везомая тройкою, гусемъ—огромными, но поджаристыми лошадьми, медлѣнно и печально приближалась, по дорогѣ, къ дому Моросенки, стоявшему на самомъ въѣздѣ въ городъ. Передъ воротами лошади замялись: передняя изъ нихъ, вѣроятно, соблазняясь случайно ѣхавшимъ впереди возомъ сѣна, никакъ не хотѣла заворотить на дворъ: она то мялась на одномъ мѣстѣ, то сворачивала въ суметъ. Изъ кибитки послышалось нѣсколько сильныхъ бранныхъ словъ, относившихся къ кучеру, который наконецъ кое-какъ попалъ въ ворота и остановился у крыльца, гдѣ дожидался, въ почтительномъ положеніи, Степанъ Герасимычъ. Кучеръ, съ помощью молодой и краснощекой, въ понизовой шубенкѣ, горничной, выскочившей тотчасъ же изъ саней, съ большимъ трудомъ вытащилъ изъ оныхъ неболь-

шого роста приземистую старуху, совсѣмъ закутанную въ салопъ, пуховые платки, валенки, шерстяныя перчатки и такъ далѣе. Степочка торопливо поцѣловалъ руку у матери.

— Веди... куда итти?.. Олимпіадка, дай же руку!.. Экъ ихъ угораздило въ двѣ версты лѣстницу выстроить! — говорила старуха, медленно поднимаясь по лѣстницѣ и опираясь на руку горничной и сына.

И затѣмъ въ лакейской началось раздѣваніе, которое продолжалось по крайней мѣрѣ четверть часа. Когда Аграфена Кондратьевна сняла съ себя дорожныя принадлежности, то осталась въ ваточномъ холстиниковомъ капотѣ, въ какой-то плисовой шапочкѣ на головѣ и съ бисернымъ шнуркомъ на шеѣ, который поддерживалъ огромные часы, весьма замѣтно обозначавшіеся въ особо пришитомъ на груди кармашкѣ. Анна Михайловна, давно уже поджидавшая, съ мужемъ и дочерью, въ залѣ гостью, при появленіи ея сдѣлала видъ, какъ будто бы только-что узнала о ея пріѣздѣ, и быстро подошла къ ней.

— Наконецъ-то мы васъ дождались! — начала она, взявъ Аграфену Кондратьевну за обѣ руки и цѣлуясь съ ней.—Это моя Сонечка: ее бы вы, вѣрно, не узнали. А это мой мужъ: съ нимъ, кажется, знакомы,—говорила она, указывая по принадлежности.

— Здравствуйте-съ, — отвѣчала Аграфена Кондратьевна, цѣлуя Анну Михайловну и Сонечку.—Мое почтеніе-съ,—прибавила она самому Моросенко, который ей молча поклонился:— извините, что пріѣхала не парадно, а по-деревенски.

— Намъ грѣхъ съ вами, Аграфена Кондратьевна, наблюдать парады,—возразила хозяйка: — мы люди не нынѣшняго свѣта, живемъ по старинѣ... Прошу въ гостиную... Готовъ ли чай, Сонечка?

— Сейчасъ, маменька,—отвѣчала та и убѣжала.

Анна Михайловна ввела гостью въ гостиную и усадила на диванъ.

— Не прикажете ли вамъ скамеечку подъ больную ногу? Вамъ будетъ покойнѣе,—говорила она, подвигая къ ней собственноручно скамейку.

— Ахъ, прошу васъ, не безпокойтесь! Премного вамъ благодарна,—говорила Аграфена Кондратьевна, замѣтно довольная этою почтительностью.

— Какъ ваше здоровье, маменька?—спросилъ Степочка.

— Все то же; а ты здоровъ ли?

— Здоровъ-съ.

Подали чай, съ обильнымъ приложеніемъ булокъ, сухарей и кренделей. Аграфена Кондратьевна начала пить и ѣсть съ

большимъ аппетитомъ: съ первой чашкой она съѣла нѣсколько булокъ, а съ другой—цѣлый крендель, и такъ далѣе.

— Прекрасное-съ печенье, безподобное!

— Домашнее: здѣсь булочники очень нехороши,—отвѣчала Анна Михайловна.

— Булки отличныя въ Петербургѣ, — замѣтилъ Степочка.

— Что про твой Петербургъ и говорить!—возразила Аграфена Кондратьевна:—а по-моему лучше деревни ничего нѣтъ: все свое.

— Конечно, я съ вами согласна, Аграфена Кондратьевна,—сказала Анна Михайловна:—свое и маленькое, но лучше чужого большого.

— Прикажете еще чаю?—спросила Сонечка, принимая отъ Аграфены Кондратьевны чашку и передавая ее человѣку.

— Не будетъ ли ужъ?.. Я и то три выпила.

— Выкушайте еще,—просила Анна Михайловна.

— Пожалуй, только въ прикуску; я небольшая до чаю любительница... Вотъ онъ у меня такъ охотникъ.

— Ахъ, Степанъ Герасимычъ, какъ же вамъ не совѣстно не спросить себѣ чаю!—сказала Анна Михайловна.—Сонечка, какъ ты забыла жениха?

— Хотите?—спросила Сонечка.

— Прошу васъ,—отвѣчалъ женихъ.

Сонечка пошла, налила и сама принесла обѣ чашки, изъ коихъ одну подала Аграфенѣ Кондратьевнѣ, а другую жениху.

— Позвольте у васъ, за ваше безпокойство, поцѣловать ручку,—сказалъ тотъ и поцѣловалъ ручку.

— Каковы у васъ нынче хлѣба?—отнесся наконецъ самъ Моросенко, упорно молчавшій до того времени.

— Какіе-съ хлѣба! Нынче о хлѣбахъ говорить нечего, только-что кормимся!—отвѣчала печально Аграфена Кондратьевна.

— Стало-быть, нехороши?—спросилъ Иванъ Андреичъ.

— Соломой туда и сюда; умолотъ малъ, особенно противъ прежнихъ годовъ.

— Вамъ, я думаю, Аграфена Кондратьевна, нечего объ этомъ безпокоиться: у васъ отъ старинки еще амбары полны,—сказала Анна Михайловна, желавшая, конечно, польстить этимъ старой хозяйкѣ; но та взглянула на нее сердито и спросила:

— А вы почему знаете-съ?

Анна Михайловна, никакъ не ожидавшая подобнаго вопроса, покраснѣла.

— Конечно, я сама не знаю, но объ отличномъ вашемъ хозяйствѣ общая молва,—отвѣчала она.

— Нѣтъ, сударыня, пустяки эта молва: по болѣзни моей, я давно запустила хозяйство, и, по нынѣшнимъ временамъ, у меня зерна лишняго въ амбарахъ нѣтъ... Въ народѣ мало ли что болтаютъ!—проговорила Аграфена Кондратьевна.

Сонечка, покончивъ хлопоты съ чаемъ, сѣла рядомъ съ будущей свекровью, желая съ ней поговорить и приласкаться; но та, или спроста, или съ умысломъ, какъ будто бы не замѣтила этого. Пробило двѣнадцать часовъ. Аграфена Кондратьевна начала зѣвать.

— Не прикажете ли на столъ накрывать? Вамъ, послѣ дороги, отдохнуть надобно,—сказала Анна Михайловна.

— Да, пора,—отвѣчала Аграфена Кондратьевна и за столомъ обнаружила не только значительный аппетитъ, но нѣкоторую даже жадность, въ особенности къ сахару и варенью и вообще къ сладкимъ блюдамъ; послѣ обѣда, отъ полноты желудка, по преклоннымъ своимъ лѣтамъ, она едва могла дышать. Для отдохновенія ея была заранѣе приготовлена особая комната, въ которую она тотчасъ отправилась, улеглась и велѣла своей краснощекой Олимпіадѣ гладить себѣ ноги, а черезъ нѣсколько минутъ заснула среди безмолвной тишины, потому что Анна Михайловна строго приказала людямъ ходить на цыпочкахъ, изъ гостей никого не принимать, и сама, со всей своей семьей, усѣлась въ гостиной.

Послѣ трехчасового отдохновенія Аграфена Кондратьевна наконецъ проснулась и прямо вышла въ гостиную, съ лицомъ измятымъ и сердитымъ. Бо́льшая часть людей, любящихъ, плотно пообѣдавъ, заснуть, просыпаются обыкновенно сердитыми. Въ этомъ случаѣ причина чисто-физическая. Старуха усѣлась на диванѣ и, не обращая ни на кого вниманія, громко крикнула: «малый!»—и когда малый явился, то велѣла подать себѣ квасу, и квасу непремѣнно холоднаго. Удовлетворивъ жажду, она обратилась къ сыну:

— Поди-ка, съѣзди въ городъ: надобно для деревни запасовъ купить; а то тутъ будетъ распутица, и не продерешься изъ нашихъ мѣстъ.

— Чего же-съ?—спросилъ Степочка.

— Да чего!—отвѣчала Аграфена Кондратьевна:—обыкновенно чего! Купи ты мнѣ пудъ сухихъ судаковъ... больше осьми копеекъ за фунтъ не давай... а потомъ спросишь, есть ли ловъ на щуки... Какъ нынче ловятся щуки?—отнеслась она къ хозяйкѣ.

— Не знаю,—отвѣчала та.

— Должно-быть, есть,—вмѣшался господинъ Моросенко.

— Ты почему знаешь? Мы очень рѣдко ѣдимъ эту рыбу,—перебила его Анна Михайловна.

— Если есть, — продолжала Аграфена Кондратьевна къ сыну:—ты купи полпуда... больше полтинника не давай; а если будутъ дорожиться, такъ и не торгуй, прахъ ихъ побери! Соли еще надобно для людей взять; сколько у меня на эту соль выходитъ, счету не могу свести! Возьми два пуда разомъ и скажи, чтобы уступили: маменька, молъ, скажи, беретъ у васъ не по фунтикамъ.

— А деньги пожалуете?—спросилъ Степанъ Герасимычъ.

— Я здѣсь сама раздѣлаюсь... что о деньгахъ безпокоишься! Твоихъ не захвачу,—возразила Аграфена Кондратьевна.

Степанъ Герасимычъ ушелъ. Хотя Анна Михайловна и прежде еще знала, что Аграфена Кондратьевна скупа и необразована, но при всемъ томъ рѣшительно не полагала, что она, при первомъ свиданіи, не сумѣетъ себя вести поприличнѣе. Однако, затаивъ непріятное чувство, она рѣшилась снова приласкаться къ ней.

— Мнѣ было всего пріятнѣе видѣть, какъ почтителенъ къ вамъ и какъ любитъ васъ Степанъ Герасимычъ,—сказала она.

— А еще какъ же бы-съ! Я ему не чужая... Я его съ малыхъ лѣтъ не баловала, да и теперь большой воли не даю: онъ ужъ давно пристаетъ ко мнѣ, отдѣлите да отдѣлите, маменька. Подождетъ еще! Знаемъ мы, каковы отдѣленные сынки.

Анна Михайловна взглянула на мужа и на дочь.

— Степанъ Герасимычъ еще не отдѣленъ вами? — спросила она.

— Нѣтъ-съ! Словесно дала ему тридцать душъ.

— Только тридцать душъ?

— А сколько же? Поживетъ покуда и этимъ! Я сама вышла за покойника: у него десять да у меня тридцать только и было.

— Нынѣшнее время, Аграфена Кондратьевна, по прежнему мѣрять нельзя,—возразила Анна Михайловна:—нынче требованій больше, нынче молодые люди, по необходимости, должны бываютъ издерживать лишнее, потому что такъ принято въ свѣтѣ.

— Я Степочку и не обвиняю: онъ у меня, благодаря Бога, не мотоватъ! А насчетъ хозяйства и бережливости, такъ и очень имъ довольна; примѣрный, по его лѣтамъ. Теперь вотъ мы съ вами-съ сходимся по-родственному: я вамъ напередъ говорю, чѣмъ вы тамъ вашу дочь ни наградите, онъ ничего изъ этого не истратитъ, а еще сбережетъ и прибавитъ.

Анна Михайловна закусила губы: послѣднія слова Аграфены Кондратьевны превышали всѣ границы деликатности, и, будучи сама отъ природы довольно раздражительнаго характера, она

едва удержалась отъ прямой дерзости. Надобно сказать, что свою Сонечку она считала, по красотѣ и по другимъ достоинствамъ, безприданницею, тѣмъ болѣе въ отношеніи Степочки; но на повѣрку выходило это не совсѣмъ такъ.

— Если бы я знала Степана Герасимыча съ дурной стороны,—сказала она:—то, конечно бы, не рѣшилась выдать за него своей дочери; и меня болѣе, въ этомъ случаѣ, безпокоитъ то, будетъ ли онъ любить ее, и будетъ ли она нравиться вамъ.

— Я тутъ себя выгораживаю-съ: ему люба, а мнѣ лучше и не надобно. Когда онъ сказалъ мнѣ о своемъ намѣреніи насчетъ вашей дочери, я прямо сказала, что, по-моему, для тебя лучше не надобно; семейство хорошее, состояніемъ, вѣроятно, не обидятъ; у тебя теперь тридцать душъ; владѣй ими, какъ и прежде владѣлъ; а умру, такъ и все тебѣ останется: на тотъ свѣтъ ничего съ собой не возьму.

— Если вы ужъ начали говорить, Аграфена Кондратьевна, такъ прямо, — сказала Анна Михайловна, начавшая терять окончательно терпѣніе:—то я тоже, какъ мать вашей будущей невѣстки, скажу вамъ:—тридцатью душами нечѣмъ жить молодымъ людямъ. Степанъ Герасимычъ вашъ не служитъ; да и какая же у него можетъ быть служба по его чину, котораго онъ, говорятъ, совсѣмъ никакого не имѣетъ.

— Отчего же мало тридцати душъ?.. А ваше приданое-съ?

— Мое приданое будетъ маленькое.

— А сколько-съ?

— Я, право, затрудняюсь отвѣчать на вашъ вопросъ, котораго никакъ не ожидала и который для меня очень щекотливъ и обиденъ.

— Ахъ, сударыня, я вамъ ничего особеннаго не сказала! Обижаться вамъ тутъ нечѣмъ.

— Я и не обижаюсь.

— Такъ въ чемъ же мы споримъ! Я сказала и говорю, что, покуда жива, болѣе тридцати душъ сыну не дамъ; а вы вашей дочери покуда еще ничего не назначили.

— О, въ такомъ случаѣ, если ужъ вамъ угодно такъ пунктуально знать, чего между благородными не принято, то извольте, я могу дочери дать тысячу пятьсотъ рублей серебромъ, и то для меня очень трудно; я въ этомъ случаѣ поступаю не такъ, какъ другія матери, которыя отъ милліоновъ даютъ гроши: я отдаю послѣднее, обрываю себя и другихъ дѣтей моихъ... Кажется, мы теперь можемъ понять другъ друга.

— Ну, немного же вы обѣщаете! Я думала, больше. Неужели же къ этому приданаго никакого не дадите? Хоть платьевъ-то понашейте.

— Я реестра платьямъ моей дочери не составляла,—извините меня: она всегда была и будетъ одѣта у меня прилично.

— Ваше дѣло-съ,—не знаю. Если Степочка доволенъ вашей наградой, святой часъ—дай Богъ ему жить да богатѣть. Онъ, я думаю, переговаривалъ съ вами объ этомъ: я ему еще въ деревнѣ наказывала, чтобы узналъ поаккуратнѣе.

— Нѣтъ, мы съ Степаномъ Герасимычемъ до сегодняшняго дня держали себя такъ благородно, что совѣстились даже о подобныхъ вещахъ говорить. Я до этого нашего разговора даже не знала, какое у него состояніе. Я своей дочери, Аграфена Кондратьевна, желаю счастья, а не богатства, но вы открываете мнѣ глаза, и я вижу, что ошиблась... У Сонечки будутъ женихи: ей еще девятнадцать лѣтъ, а вашему Степану Герасимычу здѣсь всѣ очень хорошо знаютъ цѣну.

— Вамъ этакъ со мной о Степанѣ Герасимычѣ не слѣдуетъ говорить: вы сами его сейчасъ хвалили, сами его ласкали, принимали да завлекали.

— Я завлекала?! Я?! — спросила Анна Михайловна, позеленѣвъ отъ досады.

— А кто же?

— Аграфена Кондратьевна, вы хоть и въ моемъ домѣ, но, я прошу васъ, удержитесь.

— Мнѣ удерживаться нечего: я женщина простая, не модная и говорю правду. Чтобы Степочка женился, я желаю; сколько назначила ему отдать, того не откажу. Дочку вашу награждайте, какъ хотите, это его дѣло. Я ему совѣтовала быть осмотрительнѣе, но онъ этого не сдѣлалъ, — пеняй на себя: если онъ и ваша дочь будутъ ко мнѣ почтительны, все имъ оставлю, а нѣтъ, такъ и того не увидятъ.

— Однимъ словомъ, вы о благополучіи сына не думаете, но я о дочери моей думаю,—и потому, хоть мнѣ и жаль Степана Герасимыча, но опасаюсь принять его въ свое семейство.

— Зачѣмъ же вы меня, старуху, сюда выписывали? Этими дѣлами не шутятъ! Степочку вамъ жалѣть нечего: вы его не погубите вашимъ отказомъ: захочетъ, такъ найдетъ невѣсту и лучше вашей дочери, потому что у него есть вѣрное состояніе, котораго у васъ нѣтъ.

— А, состояніе, да... конечно; но есть пословица: инымъ не въ помощь и богатство; при вашемъ огромномъ состояніи, вы же ко мнѣ пріѣхали, а не я къ вамъ; вамъ даже некуда было принять меня съ дочерью.

— Ахъ, государыня моя, чѣмъ укорила! Не объѣла васъ въ два часа. Не безпокойтесь: уѣду, — возразила Аграфена Кон-

дратьевна.—Эй, велите закладывать моихъ лошадей!--крикнула она.—Эй!..—повторила еще.

Но никто не являлся.

— Иванъ Андреичъ, прикажи закладывать лошадей Аграфены Кондратьевны,--сказала Анна Михайловна.

Иванъ Андреичъ ушелъ и распорядился по приказанію супруги.

— Грѣхъ вамъ, сударыня, такъ поступать со мной! Я постарше васъ, — начала Аграфена Кондратьевна: — васъ всѣ осудятъ!

— За что же меня осудятъ?

— За обманъ вашъ. Въ деревняхъ между мужиками этого не дѣлается. Чѣмъ вы очень важничаете? Я сама дворянка: вамъ изъ меня силой не выжать ничего. Вы на состояніе мое мѣтили, такъ вотъ вамъ!.. — заключила старуха и показала Аннѣ Михайловнѣ кукишъ.

— Сонечка, уйди,—сказала та дочери.—Вы—мужичка; убирайтесь вонъ изъ моего дома,—прибавила она и ушла вслѣдъ за дочерью.

Оставшись въ гостиной одна, Аграфена Кондратьевна продолжала браниться и употребляла въ отношеніи Анны Михайловны и всего ея семейства такія фразы, которыя вовсе неприлично бы было говорить дамѣ, и тѣмъ болѣе про даму; но наконецъ, къ большому удовольствію хозяевъ, ушедшихъ отъ нея въ самую отдаленную комнату, уѣхала. Степанъ Герасимычъ, ничего подобнаго не ожидавшій, исполнивъ аккуратно возложенныя на него порученія и даже купивъ на свои собственные три четвертака въ подарокъ для маменьки полпуда щукъ, пріѣхалъ-было къ невѣстѣ, но его не приняли, увѣдомивъ чрезъ человѣка, что маменька уѣхала къ нему на квартиру и требуетъ его къ себѣ.

Между тѣмъ Аграфена Кондратьевна продолжала шумѣть и на квартирѣ сына: она кричала на Аксинью за то, что будто бы у той много выходитъ запасу, хотя въ душѣ и была убѣждена въ противномъ. Она издавна имѣла свойственное многимъ людямъ обыкновеніе, разсердившись на одного, нападать и бранить всѣхъ, кто ей ни попадется.

— Я тебя не затѣмъ сюда послала, чтобы ты въ сорокъ лѣтъ плутовать научилась! Вы только здѣсь съ вашимъ бариномъ свадьбы думали затѣвать да меня обирать.

— Матушка Аграфена Кондратьевна, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, ни въ чемъ я неповинна.

— Молчать!—воскликнула барыня.

Вошелъ Степочка.

— А, дѣтище мое ненаглядное, пожаловалъ! Откудова это? Заѣзжалъ ли къ тещенькѣ-то своей? Что ты, Степанъ, задумалъ о своей головѣ, а? Долго ли ты будешь меня мучить?

— Маменька, что такое?

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, долго ли ты надо мной будешь тѣшиться? А мнѣ съ тобой дѣлать нечего. Я тебя и учила, и лаской хотѣла образовать—ничто не помогаетъ.

— Что такое сдѣлалось? Чѣмъ я виноватъ?

— Ничего не сдѣлалось! Хорошо! Меня только что въ зашей не вытолкали! Ты бы имъ съ перваго раза долженъ былъ внушить, что съ маменькой игрушки играть нечего, а надо почитать да уважать! А вы только вмѣстѣ обобрать меня собирались. Я знаю, что ты готовъ меня на первую юбку промѣнять: на хорошее-то ума нѣтъ, а на это хватитъ...

— Я ничего, маменька, противъ васъ не сдѣлалъ... Богъ съ вами! Мнѣ когда что ни прикажете, я все дѣлаю!.. Запасу купилъ-съ.

— Да, дѣлаешь ты... купилъ! Знаю я, какъ ты покупаешь. Вели собираться: я сейчасъ ѣду... Передай тамъ кучеру всѣ покупки.

— Развѣ вы не ночуете? Темно будетъ ѣхать: пожалуй, опрокинетесь.

— Благодарю за безпокойство... Какой нѣжный сталъ!.. Спасибо, хорошо приняли-да употчевали.

Степочка ушелъ и передалъ весь запасъ, по приказанію матери, кучеру, а о деньгахъ ужъ не смѣлъ и заикнуться. Возвратясь въ комнату, онъ засталъ ее сидящею на диванѣ и какъ будто бы нѣсколько поутихнувшею.

— За что вы, маменька, на меня изволили сердиться?— сказалъ онъ, подходя къ ней и цѣлуя ея руку.—Я ничего не знаю, что у васъ тамъ было-съ.

— Сбѣгай: узнай, коли очень любопытенъ!

— Что мнѣ бѣгать! Я, пожалуй, совсѣмъ перестану ходить туда, если вамъ угодно.

— Мнѣ ничего отъ тебя не угодно; какъ хочешь, такъ и живи: дурака не научишь на каждомъ шагу! — проговорила Аграфена Кондратьевна и начала собираться въ дорогу.

Напрасно Степанъ Герасимычъ прислуживалъ ей, подавая то ту, то другую вещь; старуха продолжала сердиться.

— Когда мнѣ прикажете пріѣзжать домой-съ? — спросилъ онъ.

— А хоть совсѣмъ не ѣзди,—мнѣ все равно!.. Ну, Олимпіада, пойдемъ,—проговорила Аграфена Кондратьевна, почти не простясь съ сыномъ, вышла, усѣлась въ сани, перекрестилась и велѣла ѣхать.

Степочка, Аксинья и Кузьма, провожавшіе ее, стояли нѣкоторое время на улицѣ въ раздумьѣ.

— Не знаешь ли, Аксинья, за что маменька такъ разсердилась?—спросилъ Степочка.

— Богъ ихъ вѣдаетъ, не знаю. Олимпіада только сказывала, что онѣ побранились съ той барыней: надо полагать, въ деньгахъ у нихъ что-нибудь вышло.

— Ну, такъ и есть! Вотъ тебѣ и женитьба... Ахъ, ты, жизнь моя!—проговорилъ Степанъ Герасимычъ, вздохнувъ, и ушелъ въ комнату.

Полученное имъ вскорѣ отъ Анны Михайловны письмо разрѣшило всѣ его сомнѣнія.

«Милостивый государь,

«Степанъ Герасимычъ!

«Возвращаю вамъ сдѣланные вами моей дочери подарки и беру назадъ мое слово, которое дала я вамъ, по своей неосмотрительности, насчетъ принятія васъ въ мое семейство. Сонечка моя не можетъ имѣть свекровью такую женщину: мать ваша мнѣ и всему моему семейству наговорила столько дерзостей, что мы еще до сихъ поръ не можемъ опомниться. Очень сожалѣю, что была такъ глупа и позволила вамъ себя дурачить. Сколько я понимаю, вамъ приличнѣе сдѣлать партію съ какой-нибудь мѣщанкой, а дѣвушка благороднаго званія за васъ, скажу вамъ прямо, не пойдетъ».

Далѣе Степанъ Герасимычъ не въ состояніи былъ читать письмо и бросилъ. Всякій, поставивъ себя въ положеніе молодого человѣка, согласится, что оно было очень непріятно: во-первыхъ, ему было очень совѣстно передъ знакомыми, которые, вѣроятно, надъ нимъ будутъ смѣяться, тѣмъ болѣе, что пріѣхалъ въ городъ уланъ, котораго онъ, послѣ всѣхъ его продѣлокъ, боялся пуще огня; во-вторыхъ, маменька очень разсердилась; и въ-третьихъ, потеря невѣсты. Впрочемъ, въ отношеніи послѣдняго онъ какъ-то мало жалѣлъ; а это и могло служить доказательствомъ, что собственно любви въ немъ къ Сонечкѣ не было, но женился бы онъ на ней такъ, по стеченію обстоятельствъ и потому, что его завлекали. Сообразивъ все хорошенько, насколько стало у него умѣнья соображать, онъ рѣшился на другой же день уѣхать изъ города совсѣмъ, пожить нѣкоторое время съ маменькою, помириться съ ней, а на весну поселиться въ своей усадьбѣ. Но при этомъ рѣшеніи онъ хотѣлъ еще разъ пройти мимо Алексѣя Сергѣича — посмотрѣть на тотъ домъ, гдѣ жила она, жестокая. Начало смеркаться. Молодой человѣкъ прошелъ мимо завѣт-

наго жилища разъ—никого не видалъ, другой—тоже никого не видалъ, и хотѣлъ-было ужъ пройти третій, но его нагналъ ѣхавшій въ саняхъ Моросенки Василій Николаичъ Шмаковъ, который былъ въ городѣ и возвращался отъ Анны Михайловны, присылавшей за нимъ, по случаю вышедшихъ семейныхъ непріятностей, для совѣщанія.

— Степанъ Герасимычъ! — крикнулъ онъ, наѣзжая на молодого человѣка.

Тотъ подошелъ.

— Что это у васъ разошлась женитьба?

— Разошлась-съ.

— Слышалъ. Старухи перебранились... Что вы тутъ ходите—поѣдемте ко мнѣ.

— Очень пріятно,—сказалъ Степанъ Герасимычъ и сѣлъ въ сани.

Шмаковъ, несмотря на то, что имѣлъ дочь, жилъ совершенно на холостую ногу и былъ, какъ говорится, человѣкъ совсѣмъ походный. Пріѣзжая въ городъ, онъ обыкновенно останавливался въ гостиницѣ и привозилъ съ собою все, что нужно было для его потребностей, то-есть: шкатулку, въ которой хранились карты и деньги, погребчикъ съ водкой и чайнымъ приборомъ, пару дорожныхъ пистолетовъ, кисетъ съ табакомъ, ящикъ съ сигарами и больше ничего. Когда же онъ бралъ съ собою дочь, то обыкновенно отправлялъ ее къ Аннѣ Михайловнѣ, съ которою издавна былъ очень друженъ. Привезя въ свой номеръ Степана Герасимыча, Шмаковъ тотчасъ же предложилъ ему курить.

— Въ чемъ старухи разбранились?—спросилъ онъ.

— Не знаю-съ: меня не было.

— А вамъ хочется жениться?

— Желалъ бы.

— Да и пора. Отчего это только вамъ все неудача?

— Такой, стало-быть, ужъ я несчастный человѣкъ.

— Ничего, все пройдетъ. Женитесь на моей дочери... хотите? Сейчасъ отдамъ: я слажу со старухой, не разбранюсь. Что же вы сконфузились? Не нравится, что ли?

— Нѣтъ, нравится, да какъ же-съ?

— Такъ же, какъ обыкновенно женятся. Растерялся, молодой человѣкъ? Ничего, подумайте: мы подождемъ.

Степанъ Герасимычъ дѣйствительно растерялся: Шмаковъ далъ ему совершенно новую мысль. Ободренный вниманіемъ хозяина, онъ признался откровенно, какъ разсердилась на него маменька, и какъ обидѣла его своимъ письмомъ Анна Михайловна. Василій Николаичъ совѣтовалъ ему на все плю-

нуть. Затѣмъ разговоръ зашелъ объ имѣніи Аграфены Кондратьевны. Объ этомъ предметѣ Степочка зналъ малѣйшія подробности: онъ перечислилъ всѣ деревни, разсказалъ, сколько въ каждой изъ нихъ тяголъ, по скольку платятъ оброку, и даже высказалъ свое предположеніе насчетъ того, что у маменьки, должно-быть, кромѣ того, тысячъ сто денегъ.

— А умѣете ли вы играть въ карты? — спросилъ вдругъ Шмаковъ.

— Нѣтъ-съ, не умѣю,—отвѣчалъ Сальниковъ.

— Давайте, я васъ поучу въ самую простую—въ палки.

— Въ палки?!—спросилъ Сальниковъ съ удивленіемъ.

— Да, въ палки, только не въ такія, которыми по бокамъ колотятъ... игра такъ называется. Смотрите, — проговорилъ Василій Николаичъ и началъ показывать, какъ играютъ въ названную игру, которую Степанъ Герасимычъ, при всей своей неопытности, скоро понялъ.

— Ну-съ, мы играемъ съ вами по три копейки серебромъ,— сказалъ хозяинъ и началъ.

Въ четыре удара онъ проигралъ Степочкѣ золотой и тотчасъ же отдалъ его; въ слѣдующіе два удара еще золотой и отдалъ; возвысилъ цѣну и уже въ одинъ ударъ проигралъ два червонца и расплатился. Странное и удивительное впечатлѣніе произвело на молодого человѣка это случайное пріобрѣтеніе четырехъ золотыхъ. Сначала онъ не вѣрилъ, что это деньги его, но потомъ убѣдился въ этомъ и, возгорѣвъ желаніемъ выиграть еще, самъ предложилъ Шмакову играть, который согласился и назначилъ фишку по десяти копеекъ серебромъ. Счастье повернулось на его сторону: въ нѣсколько ударовъ онъ выигралъ до шестидесяти цѣлковыхъ и, спросивъ Степана Герасимыча, хочетъ ли онъ еще играть, и получивъ отвѣтъ, что тотъ хочетъ, записалъ эти деньги на сторонкѣ и продолжалъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ игры Степочка былъ уже въ проигрышѣ триста рублей серебромъ.

— Будетъ,—отвѣчалъ Шмаковъ:—вы и то много проиграли.

— А сколько?—спросилъ тотъ.

— Триста серебромъ, — отвѣчалъ хладнокровно Шмаковъ.

У Сальникова вытянулось лицо.

— Теперь разсчитаетесь или послѣ?—спросилъ Василій Николаичъ.

— Чего-съ? — отозвался Степочка, безсмысленно глядя на хозяина.

— Я спрашиваю, есть ли съ вами деньги? Если есть, хорошо, а нѣтъ, такъ расписку дайте: сумма пустячная,— сочтемся.

— Я вамъ, стало-быть, проигралъ тысячу рублей?

— То-есть какъ тысячу? На ассигнаціи еще слишкомъ, а на серебро всего триста.

— У меня теперь нѣтъ денегъ-съ.

— Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ, на нѣтъ и суда нѣтъ. Послѣ заплатите, дайте только расписку.

Съ Степана Герасимыча въ три ручья капалъ потъ, онъ вдругъ всталъ и пошелъ вонъ изъ комнаты; Шмаковъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Выйдя на свѣжій воздухъ, молодой человѣкъ постоялъ нѣсколько времени въ раздумьѣ, потомъ вдругъ бросился бѣжать безъ шапки, въ одномъ только сюртукѣ, въ которомъ сидѣлъ, къ себѣ на квартиру, гдѣ, собравшись на скорую руку, въ городскихъ саняхъ и въ одну лошадь уѣхалъ въ свою усадебку. Чтобы оправдать хоть сколько-нибудь Степочку, я долженъ сказать, что онъ во всю свою жизнь даже и въ воображеніи не представлялъ себѣ возможности проиграть не шутя тысячу рублей, и мнѣ думается, что если бъ онъ самъ выигралъ такую огромную сумму, то не сталъ бы настоятельно требовать уплаты ея.

V.

Разореніе Ухмыревыхъ не подлежало никакому сомнѣнію. Городской ихъ домъ, въ которомъ попрежнему было все очень хорошо убрано, продался съ аукціона. Всѣ знакомые, услышавъ объ этомъ, тотчасъ же пріѣхали навѣстить ихъ, но сдѣлали это не столько изъ участія, сколько изъ любопытства. Алексѣя Сергѣича вообще не любили за его гордость. При этихъ визитахъ онъ самъ, а также и Авдотья Егоровна, надѣли на себя маску притворнаго равнодушія и всѣмъ говорили, что они давно имѣли намѣреніе переѣхать въ деревню и рады, что купецъ согласился взять у нихъ въ уплату долга домъ, но этому, конечно, никто не вѣрилъ. Хуже всего поступали съ Ухмыревымъ мѣстные купцы, у которыхъ прежде былъ ему открытъ кредитъ на сколько угодно. Они почти на дорогѣ остановили его вещи, которыя онъ началъ-было перевозить въ усадьбу, настоятельно требуя уплаты по счетамъ, и поставили его наконецъ въ такое положеніе, что онъ отдалъ имъ эти вещи, которыя они и приняли, но на самыхъ тяжкихъ условіяхъ. Орѣховую московской работы мебель изъ гостиной взялъ за себя торговецъ красныхъ товаровъ; въ москательную лавку пошли бронзовые часы и два канделябра; каретникъ увезъ къ себѣ обратно, за половинную цѣну, новыя четвероместныя сани. Весельчакъ-докторъ поступилъ съ Ухмыревыми, въ этомъ случаѣ, хуже купцовъ, тогда какъ

слишкомъ многимъ былъ имъ обязанъ. Лѣтъ десять тому назадъ онъ пріѣхалъ въ К. въ одномъ, что̀ называется, фракѣ. Алексѣй Сергѣичъ первый пригласилъ его лѣчить къ себѣ, назначивъ ему въ годъ двѣсти рублей серебромъ, твердилъ вездѣ о его добротѣ и безкорыстіи и, прямо можно сказать, своимъ вліяніемъ на общество составилъ ему практику. Кромѣ того, они женили его на одной своей знакомой вдовѣ, женщинѣ необразованной, но съ очень хорошимъ состояніемъ; и когда онъ поразжился, то съ терпѣніемъ переносили его капризы и лѣнь, которой онъ день ото дня предавался замѣтнѣе и гораздо болѣе думалъ объ одной своей, кажется, довольно здоровой паціенткѣ, чѣмъ о всѣхъ другихъ больныхъ. Въ послѣднее время онъ пріѣзжалъ къ Ухмыревымъ обыкновенно послѣ пятаго и шестого посла, и потомъ, когда домъ былъ проданъ и когда съ Авдотьею Егоровною, послѣ этого извѣстія, сдѣлалось дурно, окончательно обличилъ себя:

— У твоей барыни одна болѣзнь! Я не поѣду, — сказалъ онъ посланному:—меня ждутъ больные серьезнѣе ея.

Послѣ тысячи непріятностей, Алексѣй Сергѣичъ кое-какъ уладилъ свой переѣздъ въ деревню; но и тутъ явилось новое препятствіе. Усадьба, въ которую онъ намѣревался ѣхать, за неплатежъ въ Совѣтъ, подпала опекунскому управленію. Ухмыревъ упалъ духомъ и лежалъ цѣлый день въ кабинетѣ. Авдотья Егоровна была въ отчаяніи и плакала навзрыдъ, такъ что горничная ея пошла къ Вѣрѣ Павловнѣ, которая едва начала переходить комнату.

— Вѣра Павловна! Выйдите къ тетенькѣ,—сказала она:—хоть немножко успокойте ее.

— Что̀ такое?—спросила Вѣра съ безпокойствомъ.

— Онѣ очень плачутъ-съ; въ усадьбу намъ ѣхать нельзя: опекунъ опредѣленъ.

Вѣра встала и пошла къ теткѣ.

— О чемъ вы, ma tante, плачете? — сказала она, садясь около нея.

— Такъ, ни о чемъ, — отвѣчала та: — обыкновенная моя болѣзнь.

— Намъ, говорятъ, нельзя ѣхать въ усадьбу? Тамъ опекунъ опредѣленъ?

— Кажется.

— Гдѣ же мы будемъ жить?

Авдотья Егоровна разрыдалась еще сильнѣе.

— Ma tante, я хочу васъ попросить, возьмите у меня ожерелье, которое мнѣ князь подарилъ, и продайте его: оно дорого стоитъ.

Авдотья Егоровна съ удивленіемъ посмотрѣла на племянницу. Надобно сказать, что у ней у самой были еще кой-какіе брильянты; но она рѣшительно не имѣла великодушія разстаться съ этими страстно ею любимыми украшеніями. А Вѣра, молоденькая дѣвушка, сама предлагаетъ взять у нея такую прелестную, цѣнную и единственную вещь, и предлагаетъ такъ равнодушно, какъ будто бы старое, изношенное платье.

— Нѣтъ, мой другъ, это невозможно,—отвѣчала она:—тебѣ самой оно будетъ нужно.

— Нѣтъ, ma tante, оно мнѣ совершенно не нужно; я его ни разу не надѣвала и никогда не надѣну. Умоляю васъ, возьмите, мнѣ, право, оно не нравится; позвольте хоть этими пустяками заплатить вамъ за всѣ ваши благодѣянія.

— Душечка моя! Милочка моя! Мнѣ совѣстно, и дядя не согласится.

— Согласится; я упрошу, я сейчасъ къ нему схожу... Онъ въ кабинетѣ?

Авдотья Егоровна болѣе не противорѣчила и обняла великодушную племянницу, которая прошла въ кабинетъ.

— Вы нездоровы, дядя?—спросила она.

— Да-съ, голова болитъ,—отвѣчалъ сухо Ухмыревъ.

— Я къ вамъ пришла за совѣтомъ.

— Что такое?—спросилъ отрывисто Алексѣй Сергѣичъ.

— Я хочу продать свое ожерелье. Вы не знаете, сколько за него дадутъ?

— Это зачѣмъ?

— Такъ, мнѣ хочется имѣть деньги. Купитъ ли у меня здѣсь кто-нибудь его?

— Нашла здѣсь покупщиковъ! Здѣсь умѣютъ только на чужой счетъ обѣдать; я думаю, обыщи весь городъ, такъ ни у кого ста цѣлковыхъ не найдешь въ карманѣ.

— Гдѣ жъ я могу его продать?

— Не знаю-съ.

— Ну вотъ, дядя, научите, пожалуйста: я, право, хочу имѣть деньги.

— Право, не знаю-съ. Въ Ярославлѣ есть ювелиръ, а здѣсь никого нѣтъ.

— Я вотъ что хочу, дядя, сдѣлать,—начала Вѣра, послѣ непродолжительнаго молчанія:—теперь я это ожерелье продамъ, а деньги вы возьмите у меня на сохраненіе. Чѣмъ вамъ занимать у постороннихъ, такъ вы лучше возьмите у меня; а вамъ теперь, я знаю, деньги нужны.

Алексѣй Сергѣичъ наконецъ понялъ, къ чему племянница

вела весь этотъ разговоръ. Въ лицѣ его появились какія-то гримасы, на глазахъ показались слезы. Во все это время Ухмыревъ, отчасти разстроенный труднымъ положеніемъ своихъ дѣлъ, отчасти сердившійся на Вѣру за любовь ея къ Шамилову, былъ очень холоденъ къ ней и въ продолженіе всей ея тяжкой болѣзни не видалъ ея. Великодушіе Вѣры, котораго онъ никакъ не ожидалъ, пристыдило его.

— Вы хотите мнѣ сдѣлать благодѣяніе, котораго никто въ мірѣ для меня не сдѣлаетъ теперь, потому что я глупъ и не стою этого. За ваше намѣреніе Богъ вамъ заплатитъ: больше я ничего не могу сказать. Меня стоитъ наказать... Я оплакиваю только несчастную жену мою и васъ! Вотъ въ какомъ я теперь положеніи: такъ могу ли я отъ васъ что-нибудь принять! У васъ это послѣднее.

— Вы, дядя, несправедливо говорите: вы должны у меня эту бездѣлицу взять. Если вы сами забыли, что дѣлали для меня, то я помню. Что бы было со мной, если бы не вы приняли меня послѣ смерти батюшки? Я должна была бы умереть съ голоду: но вы меня пріютили, вы замѣнили мнѣ отца, вы доставили мнѣ всѣ удовольствія. Позвольте же мнѣ считать себя вашей дочерью. Если бы у васъ была дочь и у нея бы были лишнія вещи, и она попросила бы васъ взять и продать ихъ, вы, вѣрно бы, не отказали ей въ этомъ. За что жъ вы меня хотите обидѣть?

— Нѣтъ-съ, я недостоинъ называться вашимъ отцомъ: я противъ васъ виноватъ; много виноватъ; за васъ и за жену мою меня Богъ наказываетъ теперь.

— Послушайте, дядя, если вы не возьмете у меня денегъ, имѣніе ваше продадутъ: намъ негдѣ будетъ жить. Вы должны спасти ваше состояніе и для этого продайте и мое, и тетино, и все, что есть лишнее.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, не то бы я долженъ дѣлать, старый дуракъ; я бы долженъ въ карты не играть, дармоѣдовъ бы не кормить десять лѣтъ на заемныя деньги, тогда бы я не обиралъ моихъ родныхъ.

— Прошедшаго, дядя, не воротишь; возьмите у меня ожерелье, не огорчайте тетушку; вы знаете, какъ она слаба; она цѣлый день сегодня плачетъ.

— Для нея извольте; если она только хочетъ, я согласенъ.

— Она согласна; только вы возьмите его поскорѣе у меня и продайте; я сейчасъ вамъ пришлю его.

Алексѣй Сергѣичъ, вмѣсто отвѣта, поцѣловалъ у племянницы руку,

Успокоить Авдотью Егоровну Вѣрѣ было очень нетрудно:

она пришла и сказала ей, что дядя согласенъ, и добрая тетка, по возможности, утѣшилась. Вѣра не обѣдала; утомленная утренними подвигами, она ослабѣла и легла въ постель. Дядя и тетка сидѣли въ ея комнатѣ поперемѣнно. О Шамиловѣ она во все послѣднее время ни слова не говорила, не получала отъ него никакого извѣстія и сама къ нему не писала.

Алексѣй Сергѣичъ сбылъ ожерелье; но кому именно, въ какую сумму и на какихъ условіяхъ—не сказалъ ни женѣ ни племянницѣ, а только написалъ на имя послѣдней вексель въ пять тысячъ рублей серебромъ и заставилъ жену подписаться поручительницей. Вѣра не хотѣла-было брать, но Ухмыревъ настоялъ, говоря, что это необходимо сдѣлать на случай смерти. Опека была снята. По самому послѣднему пути, Ухмыревы переѣхали наконецъ въ деревню. Авдотья Егоровна и Вѣра были очень удивлены по пріѣздѣ въ усадьбу; онѣ рѣшительно не узнали стараго деревяннаго дома: онъ былъ оклеенъ обоями, въ немъ была прехорошенькая мебель, драпировка замѣнила прежнія неуклюжія деревянныя двери. Алексѣй Сергѣичъ приготовилъ имъ сюрпризъ. Во все это время онъ говорилъ: «Какъ намъ будетъ жить въ нашихъ развалинахъ? Надобно бы поправить, а не хочется».

— Зачѣмъ, mon cher, поправлять! Онъ довольно тепелъ,— возражала Авдотья Егоровна.

— Не поправляйте, дядя,—замѣчала Вѣра:—я очень люблю старые дома.

— Не стану-съ: только не соскучьтесь сами, — отвѣчалъ Алексѣй Сергѣичъ и улыбался.

На дѣлѣ вышло не то: онъ его совсѣмъ поправилъ.

— Вотъ твой, Eudoxie, кабинетъ; хорошъ?—спрашивалъ онъ жену.

Та качала головой.

— Гостиная немного темна,—продолжалъ Алексѣй Сергѣичъ, не глядя на Авдотью Егоровну.—Лѣтомъ надобно будетъ перемѣнить рамы: сдѣлаю въ три стекла; терпѣть не могу этихъ клѣтокъ.

— Зачѣмъ, ma tante, дядя столько денегъ издержалъ на поправку дома?—сказала Вѣра теткѣ, оставшись съ нею вдвоемъ.

— Что, ангелъ мой, съ нимъ дѣлать! Онъ не можетъ иначе; это его слабость.

Жизнь Ухмыревыхъ въ деревнѣ пошла однообразно и спокойно. Алексѣй Сергѣичъ, въ первое время, началъ сильно хозяйничать: ходилъ по полямъ, смотрѣлъ самъ за рабочими

и составилъ планъ какого-то огромнаго кирпичнаго завода, и вычислялъ, сколько онъ долженъ будетъ давать ему дохода. Выходило, что очень порядочно—тысячъ до трехъ серебромъ; но оказалось препятствіе, въ томъ отношеніи, что во всей дачѣ не могли отыскать достаточнаго слоя глины. Хозяйство и проекты занимали Ухмырева недолго: онъ снова сдѣлался скученъ и всякій разъ сердился, когда надобно было посылать въ городъ за покупками и выдать для этого денегъ; а потомъ началъ потихоньку совѣтоваться съ приказчикомъ о томъ, нельзя ли чего-нибудь продать изъ хозяйственныхъ вещей, и приказчикъ, стараясь угодить барину, предложилъ отдать на срубъ лѣсную дачу, по дешевымъ, конечно, цѣнамъ, но больше никто не давалъ. Баринъ изъявилъ согласіе и опять успокоился.

На Ѳоминой къ Ухмыревымъ пріѣхалъ совершенно нечаянный гость—Степанъ Герасимычъ, который былъ имъ сосѣдъ по одной изъ маменькиныхъ усадебъ. Но прежде я долженъ сказать, что съ молодымъ человѣкомъ, послѣ его постыднаго бѣгства изъ гостиницы, случилась большая перемѣна. По пріѣздѣ въ свою усадьбу, онъ дня три былъ въ величайшемъ страхѣ, безпрестанно ожидая, что явится Шмаковъ и будетъ отъ него требовать триста рублей серебромъ. Василій Николаичъ однако не ѣхалъ, но прислала нарочнаго Аграфена Кондратьевна и требовала, чтобы Степочка, не медля ни минуты, явился къ ней.

«Вотъ тебѣ и разъ,—подумалъ онъ:—маменька, вѣрно, узнала, что я въ карты проигралъ; она безъ того ужъ была сердита на меня, а тутъ, пожалуй, такую штуку сдѣлаетъ, что и своихъ не узнаешь».

Предположеніе это оказалось совершенно несправедливо. Аграфена Кондратьевна встрѣтила сына со слезами и съ распростертыми объятіями и съ перваго же раза объявила, что хочетъ отдѣлить ему всѣ четыреста душъ, которыя были въ той губерніи, а сама намѣревалась переѣхать на весну въ городъ, а лѣтомъ отправиться на богомолье въ Кіевъ и въ Воронежъ. Къ большему еще удивленію, Степанъ Герасимычъ замѣтилъ, что маменька, которую онъ не видалъ всего четыре дня, такъ похудѣла, какъ бы послѣ мѣсячной лихорадки, была какая-то разстроенная и говорила, сама не понимая что. О свадьбѣ его не упомянула она ни слова; въ церковь свою вдругъ сдѣлала вкладъ въ пятьсотъ рублей серебромъ, чего прежде никогда не бывало, хоть и была всегда довольно богомольна. Со старухой случилось странное происшествіе: суета ея съ Моросенками ужасно ее разстроила: все-таки она была

мать, хоть и грубо, но горячо любившая сына; на дорогѣ съ ней сдѣлалась такая тоска, что она и раскрывалась и пила холодную воду—ничто не помогаетъ; такъ тошно, хоть руки на себя наложить. Первая пришла ей мысль, не отравили ли ее Моросенки, и это, по ея соображенію, было возможно. Степочка у нея одинъ наслѣдникъ: послѣ смерти ея имѣнье ни къ кому не можетъ перейти, кромѣ него. Замѣтивъ, что она не хочетъ его отдѣлить, всего лучше было спровадить ее на тотъ свѣтъ. При этомъ тоска, конечно, еще больше усилилась.

— Батюшки мои,—начала она говорить людямъ:—везите меня поскорѣе: смерть моя приходитъ; дайте мнѣ причаститься, исповѣдаться.

Кучеръ, видя, что съ барыней плохо, погналъ во всю прыть. Отъ воздуха или отъ чего другого, ей начало становиться легче, легче, и когда въѣхала въ усадьбу, то какъ будто бы началъ сонъ клонить. Она, конечно, тотчасъ же улеглась, однако заснуть не могла; полежавъ съ четверть часа и вспомнивъ, что не молилась, она встала, засвѣтила восковую свѣчку и пошла въ залу, гдѣ стоялъ большой образъ, но только-что ступила ногой въ гостиную, чрезъ которую надобно было проходить, вдругъ идетъ ей навстрѣчу другая Аграфена Кондратьевна, въ такомъ же капотѣ, въ такихъ же валенкахъ: сердце у нея замерло, и едва достало силы вскрикнуть, и она тутъ же упала. Прибѣжали дѣвки и нашли ее совершенно безъ чувствъ. Можете себѣ представить, что она чувствовала, опомнившись. День еще промаяла кое-какъ; но съ закатомъ солнца съ ней сдѣлался такой страхъ, что она легла въ свою спальню, зажмурилась, положила около себя всѣхъ своихъ дѣвокъ, а въ залѣ и лакейской велѣла ночевать двумъ даже мужикамъ, и только такимъ образомъ могла провести ночь. Въ отношеніи Степочки она почувствовала полнѣйшее раскаяніе. Ей представилось, что она этого несчастнаго ребенка, сама не зная за что, мучитъ и терзаетъ. Она сейчасъ же послала за нимъ и до самаго пріѣзда его не пила, не ѣла и не спала. Все это она разсказала впослѣдствіи, но въ то время скрыла отъ всѣхъ.

— Вотъ, мой другъ,—сказала она, отдавая Степочкѣ дарственную на четыреста душъ:—живи и хозяйничай, а мнѣ ужъ ничего не нужно.

И черезъ два дня выѣхала изъ своего пепелища, гдѣ прожила она почти сорокъ лѣтъ безвыѣздно, съ удивительнымъ равнодушіемъ, какъ будто бы ей все надоѣло и ничто ужъ не занимало. Къ Степану Герасимычу была она чрезвычайно нѣжна.

— Не забывай меня; покуда еще жива, навѣдывайся ко мнѣ,—говорила она:—жить я тебя съ собою не зову: со мной тебѣ дѣлать нечего; присматривай за хозяйствомъ, женись, если Моросенкиныхъ дочь нравится; я ужъ имъ простила, простили бы и они меня.

— Нѣтъ, маменька, я не желаю-съ,—отвѣчалъ Степочка. Впрочемъ, ему и желать этого было невозможно, особенно послѣ недавней исторіи съ Шмаковымъ.

Прощаясь съ людьми, старуха всѣмъ кланялась въ поясъ и говорила: «простите, Христа ради, меня грѣшную: многимъ я виновата противъ васъ». Степанъ Герасимычъ, проводивъ мать въ городъ, тотчасъ же вступилъ въ управленіе имѣніемъ и, услышавъ, что Алексѣй Сергѣичъ переѣхалъ въ свою деревню, онъ для своего пребыванія избралъ одну изъ усадебъ, которая отъ Ухмыревыхъ была всего въ пяти верстахъ, и сдѣлалъ имъ визитъ. Хозяева удивились, сконфузились и не успѣли еще притти въ себя, какъ Степанъ Герасимычъ влетѣлъ и расшаркался.

— Мы теперь уже не городскіе, а деревенскіе сосѣди,—говорилъ онъ:—я никакъ не думалъ, что буду здѣсь жить.

— Вы теперь въ Тыркинѣ? — спросилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Да-съ, въ Тыркинѣ,

— Оно давно ваше?

— О, нѣтъ-съ: оно было маменькино, а теперь мое.

— Какъ же такъ ваше?

— Маменька мнѣ на бумагѣ отдала четыреста душъ. Она сама не хочетъ заниматься хозяйствомъ. Въ городѣ говорили, что она мнѣ никогда ничего не дастъ: я только тогда смѣялся надъ этимъ.

— Кто-жъ это говорилъ? Вы одинъ сынъ.

— Конечно, одинъ, но говорили. Я теперь хочу никогда въ городахъ не жить. Деревенское знакомство гораздо пріятнѣе: даже у себя дома можно хозяйствомъ заниматься. Я теперь долженъ много устраивать въ этой усадьбѣ; хотѣлось бы еще прикупить кое-чего. Она очень выгодная; но мужики въ отдаленіи—работать некому.

— Что жъ, вы задѣльную деревню желали бы купить?— спросилъ Ухмыревъ.

— Да-съ, задѣльную.

— А ваша свадьба, Степанъ Герасимычъ? — спросила Авдотья Егоровна.

Степанъ Герасимычъ только сплюнулъ на это.

— Они такой сдѣлали пріемъ маменькѣ, — отвѣчалъ онъ,

пожимая плечами: — что въ другихъ благородныхъ домахъ этого никогда не бываетъ.

— Стало-быть, все ужъ кончено? — замѣтилъ Ухмыревъ.

— Да-съ.

Просидѣвъ съ полчаса, Степанъ Герасимычъ не утерпѣлъ и спросилъ о главномъ предметѣ, для котораго онъ, кажется, и пріѣхалъ:

— Вѣра Павловна все еще больны?

— Не то что больна, но слаба, — отвѣчала Авдотья Егоровна.

— Можетъ, онѣ по женихѣ скучаютъ?

— Я думаю.

— Сегодня она выходила? — спросилъ Алексѣй Сергѣичъ жену.

— Выходила. Теперь она чѣмъ-то занята: у нея писемъ много, — отвѣчала та.

— Когда я провожалъ въ городъ маменьку, такъ изъ знакомыхъ ни у кого не былъ; но люди сказывали, что свадьба Вѣры Павловны, какъ и моя, тоже разстроилась.

Авдотья Егоровна переглянулась съ мужемъ, и оба ничего не отвѣчали.

— Говорятъ, Петръ Александрычъ совсѣмъ ужъ уѣхалъ въ Петербургъ и писалъ своему человѣку, чтобы онъ продалъ домъ и выслалъ ему деньги, — въ столицахъ деньги нужны.

— Не знаю-съ, о домѣ мы ничего не слыхали, — проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ.

— А насчетъ свадьбы, справедливо или нѣтъ?

— Какъ сказать, — это зависитъ отъ обстоятельствъ, — отвѣчалъ Ухмыревъ.

— Иногда хорошо, когда свадьба разстраивается. Пріятно жениться на дѣвушкѣ, которая по сердцу, но если нѣтъ, такъ...

— По вашему состоянію, вы всегда можете жениться по наклонности, — сказала Авдотья Егоровна.

— Состояніе еще у меня недавно-съ, и очень былъ бы радъ, если бы та дѣвица, которая мнѣ нравится больше всѣхъ, пошла бы за меня.

Хозяева хорошо понимали, къ чему клонилъ разговоръ Степочка. Авдотья Егоровна конфузилась, Алексѣй Сергѣичъ соображалъ.

— Молодому человѣку надобно имѣть терпѣнье, — проговорилъ онъ. — Что вы курите? Хотите?

— Но не обезпокою ли я даму?

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, — отозвалась Авдотья Егоровна.

— Я вамъ сейчасъ велю подать, — сказалъ Ухмыревъ и ушелъ.

— Какъ я радъ, что опять возобновилъ съ вами знакомство! Я долго не рѣшался къ вамъ ѣхать.

— Намъ очень пріятно васъ видѣть всегда.

— А для меня это счастье.

Алексѣй Сергѣичъ велѣлъ подать Степочкѣ трубку, пошелъ мимо комнаты племянницы и заглянулъ въ растворенную дверь. Вѣра сидѣла задумавшись.

— Что вы? — спросилъ онъ.

— Ничего.

— Тамъ у насъ гость.

— Слышала.

— Что, вамъ не хуже сегодня?

— Нѣтъ, ничего.

— Выйдете къ обѣду?

— Да, непремѣнно.

Алексѣй Сергѣичъ, возвратясь въ гостиную, увелъ оттуда Степочку въ свой кабинетъ.

— Вы давеча сказали, что желали бы прикупить къ усадьбѣ. Купите у меня деревню?

Степанъ Герасимычъ нѣсколько затруднился: говоря о желаніи купить, онъ хотѣлъ только задать передъ Ухмыревыми форсъ, — но, впрочемъ, спросилъ:

— Какую это-съ?

— Марково. Деревня хорошая: у меня въ ней сто душъ.

— А какая ваша цѣна?

— Назначайте сами.

— По-моему, нельзя большой цѣны дать: по сту рублей серебромъ за душу.

— Берите: я уступлю за эту цѣну.

Степанъ Герасимычъ обрадовался и удивился. Цѣна была, какъ говорится, дешевле пареной рѣпы, потому что всѣ мужики были зажиточные и снабженные всѣми мѣстными угодьями; упустить этакій случай было грѣхъ; но какимъ образомъ купить? Столько денегъ у него не было въ наличности; но можно было продать хлѣба, котораго было у него по всѣмъ усадьбамъ несчетное количество.

— Хорошо-съ, я посовѣтуюсь съ маменькой, — отвѣчалъ онъ.

— Что же тутъ совѣтоваться: цѣна ничтожная.

— Еще надобно денегъ сколотить.

— Денегъ вамъ немного надобно: долгъ Совѣту вы переведете на себя, заплатите небольшую недоимку, а мнѣ придется отдать не болѣе трехъ тысячъ.

— Налицо у меня нѣтъ столько, а у маменьки просить не смѣю.

— Не можете ли вы мнѣ по крайней мѣрѣ хоть задатку дать сколько-нибудь?

— Когда-съ?

— Да теперь.

— А отъ васъ я что же, бумагу, что ли, какую получу?

— Мы напишемъ домовое условіе.

— Не знаю, право, какъ это... мнѣ никогда не случалось... Какъ бы это было въ городѣ, я бы тамъ посовѣтовался съ однимъ человѣкомъ, онъ у маменьки всѣ эти дѣла дѣлаетъ.

— Неужели же вы сомнѣваетесь? Если мало для васъ условія, я вамъ дамъ сохранную записку въ вашемъ задаткѣ, это вѣрнѣе всего. Я бы это имѣніе никакъ не сталъ продавать, если бы не необходимость; крайности у меня постоянной нѣтъ, но на переворотъ нужно — больше ничего. Пожалуйста, если можно.

— А какъ вы послѣ отопретесь?

Алексѣй Сергѣичъ смѣшался.

— Отпереться мнѣ нельзя: я благородный человѣкъ; а если умру, жена подпишется ко всему поручительницей. Я вотъ какъ хочу дѣлать.

— Когда же я имѣніе получу?

— По совершеніи купчей.

— Когда же купчую совершимъ мы?

— Это отъ васъ зависитъ: когда собьетесь съ деньгами, тотчасъ и совершимъ.

— Ну, вотъ видите, это долго.

— Да что же васъ затрудняетъ?

— Со мной не бывало никогда этакого дѣла: деньги отдать, а имѣніе не получить; дожидайся, когда...

— Вы отдадите только задатокъ.

— Все равно — деньги-съ.

— Деньги деньгамъ рознь: это — небольшія деньги.

— Вамъ сколько надобно?

— Да хоть пятьсотъ рублей.

— Вотъ сколько!

— Ну, а сколько же вы можете?

— Сто рублей, пожалуй.

— Какъ же это сто?

— Ну, двѣсти.

— Что двѣсти! Я лучше другому продамъ.

Степанъ Герасимычъ думалъ: купить ему очень хотѣлось, а задатку было жаль, да и сомнѣвался, чтобы Ухмыревъ какъ-нибудь не обманулъ, воспользовавшись его неопытностью.

— Согласитесь хоть на четыреста рублей; мнѣ, главное,

деньги теперь нужны: оно можно бы... да только, чтобы вѣрно было.

— Я напишу какое хотите условіе... Неустойка вамъ нужна? Во сколько угодно, хоть въ десять тысячъ серебромъ,— проговорилъ Алексѣй Сергѣичъ и началъ-было писать.

— Нѣтъ-съ, погодите: я лучше въ городъ съѣзжу, мнѣ тамъ напишутъ.

— Хорошо, мнѣ все равно: дайте только задатокъ, я дамъ въ немъ пока расписку.

— А какъ вы эти деньги теперь же издержите? — возразилъ Степочка.

Ухмыревъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Какъ издержу?

— Да, кабы вы не издержали; а то тутъ у васъ и не будетъ, чѣмъ мнѣ отдать назадъ.

— Зачѣмъ же мнѣ отдавать назадъ? Вы имѣніе получите.

— Гдѣ еще имѣніе! Когда я его получу! Мнѣ бы вотъ теперь нужны руки, надо лѣсу запасти на постройку.

— Такъ вы разсчитайтесь со мной хоть сейчасъ же; а завтра совершимъ крѣпость.

— Денегъ нѣтъ столько.

— Когда же онѣ у васъ будутъ?

— По веснѣ.

— Ну что-жъ, это ничего.

— Какое ничего-съ? У меня на задѣлье ходить некому, поэтому я за вашимъ Марковымъ и тянусь — вотъ что-съ!

— Пожалуй, я допущу васъ во владѣніе, поступайте, какъ знаете.

— Это хорошо, а то и маменька разсердится, — скажетъ: купилъ имѣніе, а въ чужихъ рукахъ.

— Извольте, — проговорилъ съ досадой Ухмыревъ и далъ Степочкѣ приказъ къ марковскому старостѣ, чтобы онъ явился къ Степану Герасимычу и исполнялъ всѣ его приказанія, такъ какъ деревня уже запродана ему.

Къ обѣду Вѣра дѣйствительно вышла. Степочка, увидѣвъ ее, сначала покраснѣлъ до самыхъ ушей, а потомъ совершенно растаялъ. Она, видимо, употребляла надъ собой всѣ усилія, чтобы быть съ нимъ ласковой.

Послѣ отъѣзда гостя Алексѣй Сергѣичъ вошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла Авдотья Егоровна, и сѣлъ насупившись, что онъ всегда дѣлалъ передъ каждымъ щекотливымъ объясненіемъ съ женою.

— Я маленькую аферу сейчасъ сдѣлалъ съ этимъ барномъ, — началъ онъ.

— Что такое? — спросила жена.

— Марково запродалъ ему.

Авдотья Егоровна поблѣднѣла.

— Для чего? — спросила она.

— Деньги нужны, да и деревня безполезна.

— Что это, другъ мой! Это лучшая наша деревня.

— Вовсе не лучшая: народъ пребалованный и весь задѣльный, а намъ деньги нужны. Я ее продамъ, такъ буду спокоенъ, оттого что буду чистъ со всѣми долгами.

— Будто ужъ и со всѣми?

— Пора мнѣ знать счетъ-то! А лгуномъ я еще никогда не бывалъ.

— И Вѣрочкѣ деньги ты возвратишь?

— Я про Вѣрочкины деньги и не говорю: это домашній долгъ, мы будемъ обезпечивать ее всѣмъ нашимъ состояніемъ.

— Но если она замужъ выйдетъ, ей сейчасъ будутъ нужны деньги.

Алексѣй Сергѣичъ вспылилъ.

— Прошу васъ не безпокоиться: это мое дѣло; вамъ бы только колоть меня этимъ не слѣдовало.

— Чѣмъ же я тебя уколола?

— Да-съ, ничего: я зналъ прежде, каковы эти деньги будутъ для меня, я какъ огня ихъ боялся, вы же согласились и настояли, а теперь...

— Ахъ, Alexis, какъ ты несправедливъ: она отдала тебѣ послѣднее, а ты сердишься!

— Съ чего же вы взяли, что я сержусь? Напротивъ, я всю жизнь останусь благодаренъ ей, но дайте мнѣ перевернуться. Я цѣлыя ночи, сударыня, не сплю! Вамъ стыдно бы было мнѣ не вѣрить... Богъ съ вами! Мнѣ теперь осталось одно: молить Бога, чтобы прибралъ меня скорѣе... оставайтесь; будете счастливы безъ меня!

— Охъ! — вскрикнула Авдотья Егоровна и начала рыдать.

— Одна исторія, — проговорилъ Ухмыревъ и, махнувъ рукою, ушелъ.

Затѣмъ послѣдовали обычныя сцены. Авдотья Егоровна проплакалась, позвала къ себѣ мужа, приласкалась къ нему; а онъ, съ своей стороны, доказалъ ей пунктуально, что продаетъ деревню такъ выгодно, какъ только можно желать.

Степочка отъ Ухмырева проѣхалъ прямо въ Марково, гдѣ обошелъ сначала всѣ крестьянскіе дворы, подробно разспросилъ хозяевъ о хлѣбѣ, о скотинѣ, о покосахъ и лѣсныхъ дачахъ, а потомъ собралъ на сходку міръ и, объявивъ всѣмъ

мужикамъ, что онъ сторговалъ деревню, прочиталъ имъ приказъ Алексѣя Сергѣича.

— Вы рады ли, что я васъ покупаю? — спросилъ онъ въ заключеніе.

У всѣхъ почти мужиковъ вытянулись лица.

— Намъ, батюшка, все равно, кому ни служить, — отвѣчали нѣкоторые изъ нихъ неторопливо.

— Что, ребята, надобно говорить правду, — произнесъ рыжій мужикъ: — на одинъ конецъ лучше. За Алексѣемъ Сергѣичемъ жить, такъ порядку не видать: то льготы, то вдругъ требуютъ.

— Небось, съ тебя лишнее взяли! Ахъ, братъ Михайла, не то бы тебѣ слѣдовало баять: тебѣ бы за господъ пуще всѣхъ надобно, денно и ночно, молить Бога, а не то что говорить этакія пустыя слова, — сказалъ сѣдой старикъ.

— Я не про себя и говорю, сѣдая борода, а про новаго барина: у него, извѣстно, порядокъ будетъ лучше, — возразилъ Михайла.

— Свой-то бы порядокъ лучше наблюдалъ; немало мы съ тобой на міру-то повозились, а господа-то давно ужъ отъ тебя отступились, — возразилъ тотъ же старикъ.

— Отступились! Много больно знаешь: на печи лежать да по міру ходить — извѣстный у васъ промыселъ-то, у всѣхъ одинъ.

— Нѣтъ, Михайлушка, я по міру не хожу, слава Богу; дѣтки кормятъ.

— Ты, Михайла, вотчину не клепли, — вмѣшался русый мужикъ съ острой бородой: — у насъ, кромѣ тебя, никто этимъ не занимается.

— Я у васъ порядокъ заведу, — произнесъ Степочка: — такой же вотъ, какъ и у насъ въ имѣніи, знаете, я думаю?

— Какъ не знать-съ! Дѣло сусѣднее, — отвѣчалъ опять какъ-то уклончиво тотъ же русый мужикъ.

— Извини, сударь ты мой, меня: хочу я тебя спросить,— началъ прежній старикъ: — больно мнѣ жаль старыхъ-то господъ! Пошто это Алексѣй Сергѣичъ продаетъ насъ? Баринъ добрый, барыня тоже; неужели имъ нужда какая припала?

— Прожились въ городѣ, баловъ очень много давали... я такъ вотъ не люблю; въ именины развѣ кого позову, а больше никогда.

Поговоривъ такимъ образомъ съ мужиками, Степочка уѣхалъ домой. Онъ очень доволенъ былъ покупкой. Мужики хорошіе и зажиточные; одинъ только Михайла... «Ну, да я его въ пастухи возьму»,—разсуждалъ онъ самъ съ собой и на другой

день отправился въ городъ. Онъ имѣлъ тамъ постояннаго ходатая въ особѣ нѣкоего Ивана Ефимовича Ѳеофилактова, бывшаго письмоводителя опеки, котораго по всѣмъ правамъ можно было назвать попечителемъ и покровителемъ всѣхъ уѣздныхъ вдовъ и сиротъ: онъ писалъ имъ отчеты, хлопоталъ о метрическихъ свидѣтельствахъ, управлялъ имѣніями, скупалъ у нихъ на чистыя деньги исковыя дѣлишки, пріискивалъ даже жениховъ; однимъ словомъ — былъ угода на всѣ руки. Услуживая такимъ образомъ, онъ, конечно, не забывалъ и самого себя: въ настоящее время имѣлъ уже свою деревню и каменный домишко въ городѣ; обращенія онъ былъ очень солиднаго; онъ не любилъ говорить пустяковъ.

Выслушавъ, въ чемъ дѣло, Иванъ Ефимычъ началъ тереть лобъ, какъ бы припоминая кое-что.

— Вамъ надобно условіе заключить? — сказалъ онъ.

— Да-съ, условіе.

— Съ неустойкой?

— Съ неустойкой — онъ самъ говорилъ — въ десять тысячъ серебромъ.

— Хм! Какой добрый!

— Я боюсь, не опасно ли.

— Какое опасно! Дѣло вѣрное, хорошее.

— Какъ надобно сдѣлать-то?

— Надобно на гербовой да и у маклера засвидѣтельствовать, а то иначе будетъ недѣйствительно, — отвѣчалъ Ѳеофилактовъ. — Черновую я вамъ напишу, — прибавилъ онъ и разомъ сочинилъ условіе, въ такомъ духѣ:

«Я, Ухмыревъ, запродалъ, на словахъ, Сальникову имѣніе, состоящее К... уѣзда, въ деревнѣ Марковѣ, по послѣдней ревизіи сто душъ, за десять тысячъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы въ числѣ оныхъ денегъ заключался долгъ Опекунскому Совѣту и всѣ казенныя недоимки; мнѣ же, Ухмыреву, получить, что будетъ слѣдовать въ остаткѣ по расчету. Въ задатокъ я получилъ пятьсотъ рублей серебромъ. Купчую крѣпость обязуюсь совершить тотчасъ же по полученіи полнаго расчета; въ случаѣ же отказа съ моей стороны или какихъ-либо другихъ препятствій, обязываю я себя неустойкой въ десять тысячъ рублей серебромъ, которые и долженъ я, продавецъ, уплатить покупателю тотчасъ вмѣстѣ съ задаткомъ; я же, Сальниковъ, обязуюсь сдѣлать Ухмыреву расчетъ по продажѣ хлѣба».

Къ этому условію Алексѣй Сергѣичъ, почти не читавши, подписался, получилъ пятьсотъ рублей и былъ очень доволенъ.

VI.

Наступилъ май мѣсяцъ. Аграфена Кондратьевна уѣхала на богомолье. Степанъ Герасимычъ все хлопоталъ съ продажею хлѣба и сбывалъ его не вдругъ, а съ выдержкой, и поэтому довольно выгодно.

— Ну, баринъ, — говорили ему купцы, издавна закупавшіе въ тѣхъ мѣстахъ хлѣбъ и торговавшіеся съ нимъ въ продолженіе трехъ сутокъ: — какъ ты деньгу любишь! Маменька твоя была туга, а ты еще чище ея.

Вѣра Павловна начала чувствовать постоянную боль въ лѣвомъ грудномъ боку, не сильно, но какъ-то болѣзненно кашляла, и наконецъ съ каждымъ днемъ худѣла и слабѣла, но, несмотря на это, сама она какъ бы рѣшительно не сознавала своей болѣзни и упорно не хотѣла лѣчиться, говоря, что она здорова и ничего особеннаго не чувствуетъ.

Наколотивъ денегъ, Степанъ Герасимычъ началъ требовать окончательной продажи имѣнія. Алексѣй Сергѣичъ былъ душевно радъ съ своей стороны, и оба они отправились въ городъ, чтобы посовѣтоваться насчетъ купчей, и обратились, по желанію Сальникова, къ покровителю вдовъ и сиротъ Ивану Ефимычу, который, къ удивленію купца и къ ужасу продавца, объявилъ, что купчей крѣпости совершить нельзя, потому что на имѣніе, по частной претензіи въ шесть тысячъ рублей серебромъ, наложено запрещеніе, и въ доказательство своихъ словъ предъявилъ запретительную статью. Алексѣй Сергѣичъ схватился за голову. Объ этомъ долгѣ онъ совсѣмъ и забылъ.

— Вотъ тебѣ на!.. — едва имѣлъ онъ силы выговорить.

— Вамъ надобно прежде претензію очистить, — произнесъ Иванъ Ефимычъ спокойнымъ голосомъ.

— Не могу, хоть повѣсьте—не могу; лучше условіе уничтожить. Что дѣлать! Ошибся,—безъ всякаго умысла ошибся...— говорилъ совершенно растерявшійся Ухмыревъ.

— А деньги мои какъ же? — спросилъ Степочка.

— Деньги я вамъ отдамъ.

— Теперь-съ?

— Нѣтъ, не то что теперь: теперь покуда я, пожалуй, вамъ дамъ вексель; а въ удостовѣреніе, пускай марковцы ходятъ къ вамъ на работу; другого нечего не могу придумать.

— Этого нельзя-съ; вонъ и Иванъ Ефимычъ то же скажетъ.

— Нѣтъ-съ, я ничего не скажу: дѣло ваше, — отвѣчалъ тотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покачалъ отрицательно Степану Герасимычу головой, такимъ образомъ, что Ухмыревъ не замѣтилъ этого.

— Такъ что же мнѣ-то дѣлать?

— Я не знаю. Иванъ Ефимычъ, что теперь дѣлать Алексѣю Сергѣичу?

— Какъ это рѣшить вдругъ? Надобно подумать хорошенько: дѣло запутанное... — отвѣчалъ прежнимъ безстрастнымъ тономъ письмоводитель.

— Меня-то, по крайней мѣрѣ, Иванъ Ефимычъ, чѣмъ-нибудь рѣшите? — произнесъ Ухмыревъ умоляющимъ тономъ.

— Васъ чѣмъ рѣшить? Имѣніе продавать нельзя.

— А условіе?

— Это въ волѣ Степана Герасимыча: можно его изорвать, а можно и въ ходъ пустить.

— Какъ это въ ходъ пустить! Господа, помилуйте! Что вы хотите со мной сдѣлать! Степанъ Герасимычъ, прошу васъ, объясните мнѣ, что вы намѣрены дѣлать?

— Я вамъ послѣ скажу-съ.

— Мнѣ дожидаться некогда: у меня по горло дѣла въ деревнѣ; да и я не могу здѣсь быть: мнѣ тошно, глаза бы мои не видѣли этого города!

— Вамъ можно ѣхать: за вами теперь никакого нѣтъ дѣла, — сказалъ письмоводитель.

— Но я долженъ ѣхать съ чѣмъ-нибудь. Это не десять рублей, Иванъ Ефимычъ! Побойтесь вы Бога! Я всю ночь не усну и, можетъ-быть, не перенесу этого.

— Да отъ чего тутъ такъ безпокоиться! Степанъ Герасимычъ, полагаю, не обидитъ васъ,—не сегодня знакомъ,—какъ-нибудь сдѣлаетесь.

— Степанъ Герасимычъ! Скажите мнѣ что-нибудь одно,— произнесъ Ухмыревъ, обращаясь къ Степочкѣ, который ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я завтра вамъ скажу-съ, право, — отвѣчалъ тотъ.

— Что это такое завтра! Тѣшиться, что ли, вамъ надо мной, старикомъ, хочется? Съ меня взять нечего: я банкротъ! Коли такъ, такъ вы ни имѣнія ни задатку не получите!

Проговоря это, Алексѣй Сергѣичъ ушелъ и тотчасъ же уѣхалъ въ деревню.

Пріѣхавъ, онъ ни слова не сказалъ Авдотьѣ Егоровнѣ, но притворился больнымъ, ушелъ въ свой кабинетъ и никому не велѣлъ къ себѣ входить.

Послѣднія слова Ухмырева Степочку обезпокоили.

— Иванъ Ефимычъ, каково онъ меня надулъ! А ты говорилъ, дѣло вѣрное, — сказалъ онъ, оставшись съ своимъ повѣреннымъ.

— Да, есть немножко, опростоволосились, — отвѣчалъ тотъ.

— Теперь съ него и денегъ-то не воротишь?

— Какія у него деньги! Сами слышали, что онъ сказалъ.

— А зачѣмъ же ты меня въ это ввелъ? Что мнѣ теперь дѣлать?

Иванъ Ефимычъ размышлялъ.

— Не знаю, какъ вамъ помочь; хотѣлось бы, — а какъ возьмешься?

— Похлопочи, пожалуйста; я тебя поблагодарю.

— Что мнѣ ваша благодарность! Я и такъ для вашего семейства готовъ служить... Уступите мнѣ это дѣло?..

— Какъ такъ?

— Такъ: передайте его мнѣ совсѣмъ.

— А я-то при чемъ буду?

— Я вамъ двѣсти серебромъ заплачу.

— Ахъ, ты, чудакъ этакій! Я ему пятьсотъ далъ...

— Да хоть бы тысячу дали: это ничего не значитъ; я и это-то на страхъ даю.

— Полно надувать! Возьмешь ты на страхъ! Только научить меня не хочешь, а самъ знаешь.

— Ничего я больше не знаю, какъ хотите,—отвѣчалъ тотъ и взялся за шапку: — подумайте, — прибавилъ онъ.

— Нечего мнѣ думать! Ты хитрить хочешь.

— Нахитришь у васъ! Прощайте!

Оставшись одинъ, Степанъ Герасимычъ началъ внимательно читать условіе.

— Экій штукарь, — прогорилъ онъ: — тутъ написано, что мнѣ надобно получить десять тысячъ серебромъ, а онъ даетъ двѣсти! Я тутъ другое сдѣлаю; мнѣ деньги что? Какъ бы онъ отдалъ за меня Вѣру Павловну, такъ я бы ему все простилъ.

Послѣднюю мысль Степанъ Герасимычъ привелъ въ тотъ же день въ исполненіе и написалъ Алексѣю Сергѣичу письмо:

«Милостивый государь,

«Алексѣй Сергѣичъ!

«Вы давеча на меня осердились, но я обидѣть васъ не хотѣлъ и очень дорожу вашимъ расположеніемъ, и осмѣливаюсь еще разъ просить руки Вѣры Павловны, которая бы меня очень этимъ осчастливила. Вы мнѣ теперь должны, но я бы этихъ денегъ не сталъ требовать за ваше одолженіе. Маменька теперь положилась во всемъ на меня и сказала мнѣ, чтобы я женился на комъ хочу».

Письмо это обрадовало и взволновало Ухмырева. Отлично, если бы такъ все устроилось; но что скажетъ Вѣра, и какъ ей объяснить о томъ: отъ болѣзни характеръ ея рѣшительно измѣнился: она сдѣлалась такъ раздражительна, вспыльчива,

что, не говоря уже объ Авдотьѣ Егоровнѣ, даже самъ Алексѣй Сергѣичъ трусилъ ея. Однако, со свойственною ему тонкостью, онъ опять придумалъ увѣдомить племянницу о новомъ предложеніи Сальникова письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, изложилъ ей, и изложилъ съ большимъ чувствомъ, затруднительность своихъ обстоятельствъ.

Отправивъ это письмо, старикъ рѣшительно замеръ въ своемъ кабинетцѣ отъ страха и безпокойства и сталъ прислушиваться къ тому, что происходило въ домѣ: онъ очень хорошо услышалъ, что невдолгѣ Авдотью Егоровну позвали къ Вѣрѣ. У него окончательно захватило дыханіе. «Ну, будетъ алярма»,—подумалъ онъ, и вдругъ къ нему въ кабинетъ вошла тихими шагами Авдотья Егоровна. Алексѣй Сергѣичъ не смѣлъ ни взглянуть ни спросить ее.

— Вѣра проситъ тебя къ себѣ, — проговорила та.

— Что, матушка?.. Что она? Что съ ней? — пробормоталъ Алексѣй Сергѣичъ.

— Она хочетъ о чемъ-то переговорить съ тобой... Она говоритъ, что Сальниковъ опять къ ней сватается, — отвѣчала хотя и недоумѣвающимъ, но довольно спокойнымъ тономъ Авдотья Егоровна.

— Да, сватается опять... Поди жъ ты!.. Что съ нимъ сдѣлаешь! — отвѣчалъ, нѣсколько поободрившись, Ухмыревъ. — Я пойду?

— Поди.

Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна вошли къ Вѣрѣ. Она сидѣла въ креслѣ, обложенная подушками.

— Что у васъ, дядя, съ Сальниковымъ вышло? — спросила она.

Алексѣй Сергѣичъ вообще, какъ мы знаемъ, не отличался даромъ слова, но тутъ рѣшился не оплошать и пробормоталъ, какъ индѣйскій пѣтухъ:

— Тутъ вышло, изволишь видѣть, вотъ что: я занялъ у него... Онъ говоритъ: давайте условіе на продажу имѣнья... Такъ? Я, что жъ, думаю... даю... Такъ? Хлопъ! Продавать нельзя, а между тѣмъ неустойка въ десять тысячъ... У меня десяти тысячъ нѣтъ... Значитъ, въ яму ступай, старикъ, дѣлать нечего...

Вѣра изъ словъ Алексѣя Сергѣича поняла только одно, что ему совсѣмъ пришлось плохо.

— Зачѣмъ же вамъ, дядя, въ яму; лучше я пойду за него замужъ, — сказала она съ улыбкой.

Авдотья Егоровна взглянула на Вѣру и на мужа.

— Благодарю васъ... и больше того ничего не могу ска-

зать, какъ благодарить васъ, — пробормоталъ тотъ снова, между тѣмъ какъ по щекамъ его текли уже обильныя слезы.

— Какъ же, Вѣра, Шамиловъ? — спросила, потупляя глаза, Авдотья Егоровна, въ первый разъ еще произнесшая при племянницѣ это имя.

Алексѣя Сергѣича подернуло.

— Шамилову, ma tante, я уже отказала, я писала ему объ этомъ и еще напишу, — отвѣчала Вѣра, повидимому, совершенно спокойно, и только при этомъ болѣзненный ея румянецъ на щекахъ какъ-то еще больше разыгрался: — а вы, дядя, отвѣтьте Сальникову, что я согласна идти за него... только нельзя ли какъ-нибудь поскорѣй устроить свадьбу, а то, пожалуй, чего добраго... — Послѣдней мысли Вѣра не договорила.

Алексѣй Сергѣичъ и Авдотья Егоровна постояли еще нѣкоторое время передъ племянницей въ какомъ-то странномъ положеніи.

— Подите, дядя, напишите къ нему сейчасъ же! — повторила Вѣра.

— Хорошо-съ!.. Благодарю... — болтнулъ опять Алексѣй Сергѣичъ и, сопровождаемый Авдотьей Егоровной, вышелъ.

— Я напишу? — отнесся онъ къ женѣ, какъ будто желая знать ея мнѣніе.

— Погоди, Alexis, развѣ ты не видишь, въ какомъ она положеніи.

— Чего годить-то? Она сама этого желаетъ.

— Другъ мой, какъ это ты ничего не видишь!—произнесла Авдотья Егоровна и начала потихоньку плакать; но Алексѣй Сергѣичъ въ этотъ разъ не обратилъ однако на это вниманія; напротивъ того: самъ еще надулся и легъ на диванъ. Тутъ ужъ не выдержала Авдотья Егоровна и подошла къ нему.

— Ну, напиши!.. Конечно, что̀ ужъ теперь дѣлать! — проговорила она, беря и цѣлуя у мужа руку.

— Написать надо! — отвѣчалъ Алексѣй Сергѣичъ, совсѣмъ ужъ довольный и успокоившійся.

Обманутая въ любви своей къ Шамилову, Вѣра еще прежде того рѣшилась, если только потребуютъ обстоятельства, принести себя въ жертву для спасенія родныхъ своихъ; но, когда пришла минута исполнить это, душевныя и тѣлесныя силы покинули ее. Она безъ ужаса не могла представить себѣ своего новаго жениха. Въ ночи съ ней сдѣлался значительный припадокъ кровохарканья, затѣмъ лихорадка и бредъ. Авдотья Егоровна потихоньку отъ мужа и отъ больной

послала за весельчакомъ-докторомъ, умоляя его пріѣхать и описывая подробно болѣзнь Вѣры.

Степанъ Герасимычъ былъ на постройкахъ и сидѣлъ на бревнѣ, толкуя съ подрядчикомъ, когда ему подали письмо Ухмырева, которое прочитавъ, онъ побагровѣлъ и засмѣялся.

— Мелентій! Стройте скорѣе: я женюсь скоро! — открылся онъ подрядчику.

— Добрый часъ! За нами дѣло не станетъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Славно, право, отлично... тра-тра-тра-та-та, тра-тра-тра-та-та...—началъ выдѣлывать языкомъ Степочка и вприскочку пустился въ горницу.

— Аксинья! — закричалъ онъ: — Аркашка, позови мать, живѣй! Поди сюда! — отнесся онъ къ входящей Аксиньѣ: — слово дала. Что, не вѣришь? Ты, смотри, служи молодой барынѣ хорошенько.

— Да чья-то такая, батюшка?

— Чья такая? Ахъ, ты, дура! Вѣра Павловна, старая зазноба!.. Тра-тра-тра-та-та, тра-тра-тра-та-та... Что ты ничего не говоришь?

— Ничего, батюшка, я перекрестилась только, — отвѣчала, крестясь, Аксинья.

— Ты рада?

— Какъ не рада-съ: мы, признаться сказать, очень боялись, чтобы вы на Моросенковой барышнѣ не женились: такое, говорятъ, зелье, что не приведи Господи!

— Шишъ Моросенкѣ; если я ее гдѣ-нибудь встрѣчу, такъ въ глаза разругаю; а эта барышня — чудо!

— Маменькѣ-то когда напишете?

— Я бы сейчасъ написалъ, да гдѣ она? Богъ знаетъ! Маменька ничего: она дала мнѣ волю.

— Конечно-съ... только... вотъ что, Степанъ Герасимычъ, мы люди глупые, учить намъ васъ не приходится, только вотъ въ народѣ слухъ идетъ; болтаютъ тоже всякое: говорятъ, эта барышня не такъ здорова; а у насъ, дураковъ, есть наша мужицкая пословица: «братъ любитъ сестру богатую, а мужъ жену здоровую».

— Это пустяки, Аксинья; я ее вылѣчу: я тысячи рублей не пожалѣю, а вылѣчу. Имъ теперь лѣкарства не на что купить: заневолю захвораешь; а у меня тутъ, слава Богу, на пятерыхъ достанетъ. Ахъ, я дуракъ набитый, какую я глупость сдѣлалъ... у разносчика ничего не купилъ: уѣхалъ онъ?

— Только сейчасъ съѣхалъ: у насъ въ деревнѣ кормилъ.

— Аркашка, возьми сейчасъ лошадь и скачи верхомъ за

купцомъ... вороти его, скажи, что на пять тысячъ у него куплю. Что-жъ ты нейдешь?

— Ступай, чертенокъ этакій!—проговорила Аксинья, толкая сына въ спину.

— Обуться еще надо! — возразилъ-было Аркашка.

— А безъ обувки не съѣздишь? — крикнулъ Степанъ Герасимычъ и погрозилъ ему.

Аркашка убѣжалъ.

— Я невѣстѣ куплю шелковыхъ матерій на десять платьевъ; людямъ ихнимъ тоже куплю по платку... знай нашихъ!

— Насчетъ людей, Степанъ Герасимычъ, лучше выдайте деньгами: гораздо пріятнѣе имъ будетъ, — замѣтила Аксинья.

— Деньги само собой, а платки само собой; я и тебѣ куплю на сарафанъ. Ты, помнишь, все говорила со мной о ней: я тебѣ никогда этого не забуду.

— Я всегда, батюшка, рада вамъ служить. Слава Богу, отъ маменьки вашей худого не видала, а отъ васъ и подавно.

— А Кузьмѣ такъ ничего не дамъ: онъ въ городѣ жилъ, такъ только грубилъ мнѣ.

Аксинья немного покраснѣла. Живя въ городѣ, она очень подружилась съ Кузьмой и теперь все на него дѣлала: мыла, ушивала и даже весь его скарбъ держала въ своемъ чуланѣ.

— Онъ это дѣлалъ, Степанъ Герасимычъ, не отъ чего другого, а по глупости.

— Я ничего, Богъ съ нимъ! Ему кафтанъ тоже непремѣнно сдѣлаю. Аркашку наряжу казачкомъ. У самого у меня платье плохо. Накуплю у него сукна и завтра же поѣду въ городъ и велю себѣ сшить. Да ужъ прежнему швецу не отдамъ: въ тотъ разъ сшилъ фракъ — надѣть теперь нельзя. Какъ маменька прежде меня одѣвала! А теперь ужъ, извините, буду франтить.

Разносчикъ воротился. Читатель, можетъ-быть, даже усомнится, если я скажу, что Степанъ Герасимычъ накупилъ у него цѣлую гору: сукна для себя и для людей, ситцевъ, платковъ, шелковыхъ матерій, даже сургучу и бумаги, однимъ словомъ, на тристa серебромъ. Торговался онъ, сверхъ обыкновенія, очень мало и только нѣкоторую тѣнь расчетливости выразилъ въ томъ, что заплатилъ купцу старенькими бумажками. Цѣлую почти штуку ситцу онъ предназначилъ на обивку старой мебели и все раскладывалъ ее то на диванѣ, то на стульяхъ. Сукно онъ вѣшалъ на себя и осматривалъ, хорошо ли оно будетъ. О выѣздѣ Степочка тоже обезпокоился и велѣлъ Кузьмѣ смазать всѣ хомуты дегтемъ, а лошадей вычистить и заплести имъ гривы.

— Не отчистишь ихъ,—возразилъ Кузьма.

— Не разсуждай, а чисти,—перебилъ баринъ.

Аксинья, получившая отъ барина ситцу на два сарафана, возбудила страшную зависть въ прочихъ дворовыхъ бабахъ, которыя всѣ сбѣжались къ ней въ избу и подняли страшную тревогу. Она, съ своей стороны, сначала отбранивалась, потомъ разревѣлась и отправилась къ барину съ жалобой.

— Возьмите, батюшка, отъ меня сарафаны... вся ваша воля! Бабицы мнѣ проходу не даютъ за нихъ, — произнесла она, вытирая рукавомъ слезы.

Степанъ Герасимычъ, преисполненный счастья, былъ въ такомъ миротворномъ состояніи духа, что не только не разсердился на бабицъ, но еще успокоилъ ихъ, обѣщавъ завтра же купить всѣмъ по сарафану.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, Степанъ Герасимычъ былъ ужъ въ деревнѣ Ухмыревыхъ. Вошелъ онъ робко; его встрѣтилъ Алексѣй Сергѣичъ, но не обнялъ, а проводилъ въ свой кабинетъ.

— У меня всѣ больны, — началъ онъ.

— И Вѣра Павловна?

— Да, ей хуже сегодня; жена тоже заболѣла.

Алексѣй Сергѣичъ былъ разстроенъ происшедшей поутру сценой. Приглашенный Авдотьей Егоровной весельчакъ-докторъ, несмотря на то, что послѣднее время смѣялся и бранилъ Ухмыревыхъ въ каждомъ домѣ, прочитавъ письмо, пріѣхалъ, но обнаружилъ при этомъ случаѣ досаду за доставленное ему безпокойство.

— Что у васъ тамъ такое? — сказалъ онъ встрѣтившей его Авдотьѣ Егоровнѣ.

— Вѣрочка больна,—отвѣчала та и начала исчислять всѣ ея припадки.

— Это ужъ знаю... Гдѣ она? Я по вашимъ словамъ не могу лѣчить.

Авдотья Егоровна провела его къ племянницѣ. Вѣра, увидѣвъ доктора, разсердилась.

— Зачѣмъ это, ma tante? Я здорова, — отнеслась она къ теткѣ.

Докторъ одною рукою взялъ ея пульсъ, а другую приложилъ ко лбу, по которому крупными каплями выступалъ потъ... Вѣра съ досадою оттолкнула руку, которую докторъ обтеръ платкомъ и ушелъ. Авдотья Егоровна послѣдовала за нимъ.

— Что такое съ ней?—спросила она.

— Чахотка,— отвѣчалъ докторъ равнодушно.

— Боже мой! — проговорила Авдотья Егоровна: — но, можетъ-быть, это неопасно, пройдетъ.

— Какъ не пройти! Вы точно маленькая спрашиваете: какъ будто сами не знаете, проходитъ или нѣтъ чахотка; покуда никто еще не выздоравливалъ.

— Но можно поддержать?

— По-вашему, все можно, особенно, когда изнурительная лихорадка ужъ началась; готовьтесь лучше къ другому.

— Докторъ! Умоляю васъ, спасите ее,—произнесла Авдотья Егоровна и хотѣла-было стать на колѣни.

— Какъ вы смѣшны! Богъ, что ли, я? Развѣ я могу оживлять?.. Дайте бумаги!

Авдотья Егоровна едва имѣла силы подать приготовленную уже бумагу и ушла къ себѣ.

Докторъ написалъ рецептъ и вышелъ въ залу, гдѣ встрѣтилъ Алексѣя Сергѣича, который ему сухо поклонился. Ухмыревъ очень разсердился на жену, что та, не посовѣтовавшись, пригласила этого человѣка, котораго онъ поклялся не пускать къ себѣ въ домъ.

— Рецептъ въ гостиной на столѣ... Велите заложить мнѣ лошадей,—проговорилъ скороговоркою врачъ.

— Лошади готовы-съ, у крыльца,—отвѣчалъ Ухмыревъ.

Докторъ пошелъ. Алексѣй Сергѣичъ нагналъ его въ лакейской и подалъ ему за визитъ десять рублей серебромъ, которые тотъ положилъ въ карманъ и уѣхалъ.

— Вотъ оно что! Я ему послѣднее отдаю, а онъ и усомъ не ведетъ; а все женщины перебаловали! — пробормоталъ Ухмыревъ самъ съ собой и пошелъ къ женѣ, чтобы выразить ей свое неудовольствіе, но засталъ Авдотью Егоровну въ ужасномъ положеніи и потому тотчасъ же измѣнилъ тонъ.

— Что вы, Eudoxie?—спросилъ онъ.

— Alexis... Вѣрочка...—простонала та.

— Что такое?

— У ней чахотка, въ послѣднемъ періодѣ; онъ не берется лѣчить.

Ухмыревъ поблѣднѣлъ.

— Это какъ? Вретъ онъ!

— Нѣтъ... Я теперь сама начала понимать ея болѣзнь: у ней это наслѣдственное; мать ея умерла отъ этой же ужасной болѣзни...

Алексѣй Сергѣичъ вдругъ началъ дѣлать изъ лица гримасы и затѣмъ заплакалъ.

— Можетъ-быть, ничего, Богъ милостивъ, пройдетъ! Вы

себя-то не тревожьте... Я Сальникову откажу, не до женихов теперь...

Мы уже видѣли, какъ Алексѣй Сергѣичъ принялъ Степана Герасимыча, но тотъ, на первыхъ порахъ, конечно, не уразумѣлъ и прямо началъ:

— Я могу видѣть Вѣру Павловну?

— Сегодня—не знаю-съ; вы извините: ей гораздо хуже. Я лучше васъ увѣдомлю письмомъ.

— Что, Алексѣй Сергѣичъ, вы все на письмахъ? Вы позвольте мнѣ: я желаю отъ нихъ самихъ слышать.

— Степанъ Герасимычъ! А если она умираетъ?

— Какое же умираетъ! Вы вчера сами ко мнѣ писали.

— Вчера она была здорова.

Степочка разсердился. Вошла горничная Вѣры.

— Барышня проситъ къ себѣ Степана Герасимыча.

Ухмыревъ покраснѣлъ. Женихъ расцвѣлъ и пошелъ за горничной. Вѣра, увидя Степочку, слегка вздрогнула.

— Какъ я несчастливъ, что вы больны, — началъ тотъ, смотря ей въ лицо.

— Да, немного, — отвѣчала Вѣра и потомъ, помолчавъ, спросила:—вамъ долженъ дядя?

— Нѣтъ, такъ, пустяки; я сейчасъ изорву: я нарочно и бумаги эти привезъ, чтобы при васъ же изорвать, — проговорилъ Степочка и, вынувъ изъ кармана условіе, изорвалъ его на мелкіе куски.—Если теперь вамъ или Алексѣю Сергѣичу нужны деньги, я съ большимъ удовольствіемъ дамъ... только вы выздоравливайте.

— А если я умру?

— Какъ возможно-съ? Мы васъ вылѣчимъ: я отличныхъ докторовъ сюда выпишу... Вы, можетъ-быть, слабы-съ, — произнесъ Степочка, замѣтя, что Вѣра болѣе и болѣе блѣднѣла и начала опускать голову.

— Да, выйдите,—проговорила она.

Степанъ Герасимычъ выбѣжалъ и во все горло закричалъ:

— Вѣрѣ Павловнѣ дурно!

Вбѣжали Авдотья Егоровна и горничная. Съ больной повторился припадокъ кровохарканія.

Степанъ Герасимычъ перепугался: онъ суетился, безпрестанно подходилъ къ затворенной двери и всѣхъ спрашивалъ, лучше ли, а потомъ, посовѣтовавшись съ Алексѣемъ Сергѣичемъ, тою же ночью ускакалъ въ губернскій городъ за искуснѣйшимъ въ цѣлой губерніи врачомъ, котораго и привезъ черезъ три дня; но помощь того оказалась безполезной.

Черезъ часъ послѣ его пріѣзда Вѣра скончалась.

Въ продолженіе этихъ трехъ дней Вѣра была почти все въ памяти, писала долго, просила послать за уланомъ Карелинымъ, что-то говорила съ нимъ по секрету, котораго тотъ никому не открылъ; потомъ безпрестанно спрашивала, гдѣ Степанъ Герасимычъ и отчего онъ не ѣдетъ. Дядю и тетку она благодарила за ихъ благодѣянія, и наконецъ, послѣ новаго припадка, ослабѣла чрезвычайно и просила послать за священникомъ: исповѣдалась и причастилась. Услышавъ, что пріѣхалъ Степанъ Герасимычъ, она велѣла его позвать къ себѣ.

— Не оставьте дядю и тетку, — проговорила она, и это были послѣднія ея слова.

На похоронахъ было много слезъ, и слезъ неподдѣльныхъ. Авдотью Егоровну, какъ только скончалась Вѣра, увезли, почти безъ памяти, къ одному сосѣду. Алексѣй Сергѣичъ рыдалъ, какъ маленькій ребенокъ; плакала и вся ихъ дворня; горничная ея, сидя въ людской и проливая слезы, все приговаривала: «не избранила ты меня, не изневолила; точно маменькѣ родной, я тебѣ служила». Степанъ Герасимычъ не отходилъ отъ покойницы и все прощался съ ней, цѣлуя ея холодныя руки и лицо. Похоронами распоряжался Карелинъ.

VII.

Черезъ два года послѣ смерти Вѣры, домъ Алексѣя Сергѣича, состоявшій во владѣніи купца, нанялъ новопріѣзжій въ городъ помѣщикъ Петръ Александрычъ Шамиловъ, который былъ уже женатъ на прежней своей непріятельницѣ, Катеринѣ Петровнѣ. Она годъ тому назадъ овдовѣла. Весь городъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ увидѣть новобрачныхъ: молодая, говорили, очень постарѣла и подурнѣла противъ прежняго, но, несмотря на то, вышла за Шамилова по любви, а, пріѣхавъ, молодые сдѣлали всѣмъ визиты; имъ отплатили, и, между прочими, пріѣхалъ Карелинъ, вышедшій уже въ отставку и служившій въ К. по выборамъ. Шамиловъ самъ гулялъ, а Катерина Петровна недавно встала и потому не принимала, но, услышавъ имя стараго своего знакомаго, велѣла просить. Карелинъ вошелъ: нѣкогда ловкій и стройный, уланъ въ настоящее время значительно раздобрѣлъ, но былъ еще молодецъ.

— Bonjour, m-r Карелинъ! Какъ я рада васъ видѣть! — сказала хозяйка, встрѣчая его.

— Здравствуйте, Катерина Петровна! — отвѣчалъ тотъ, цѣлуя у ней руки.

Оба сѣли.

— Какъ мы съ вами давно не видались. Я въ это время успѣла овдовѣть и опять замужъ выйти.

— Знаю-съ; а Петръ Александрычъ гдѣ?

— Онъ гуляетъ: ему велѣно ходить пѣшкомъ... А вы все холостякъ?

— Что̀ дѣлать! Вашъ мужъ перебиваетъ у меня невѣстъ: имѣлъ виды на покойную Вѣру Павловну — онъ отбилъ, хотѣлъ-было вамъ сдѣлать предложеніе — и тутъ не успѣлъ.

— Вы все такой же насмѣшникъ, какъ и прежде были... Вы служите здѣсь?

— Служу.

— Я моему мужу безпрестанно говорю, чтобы онъ служилъ, не могу убѣдить: воображаетъ себя ученымъ человѣкомъ, а самъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ; въ одинъ день схватится за десять книгъ и ни одной не прочитаетъ... просто выводитъ меня изъ терпѣнія. Я бы даже желала, чтобы онъ хоть въ карты началъ играть, и того не умѣетъ... А вы играете?

— Немного.

— Я тоже нынче, какъ старуха, играю... Мы будемъ съ вами играть. Я васъ буду считать своимъ постояннымъ партнеромъ, хоть и не слѣдовало бы... Я на васъ очень сердита.

— За что?

— За многое, вы сами должны это знать.

— На меня сердитесь, а сами вышли замужъ.

— Да вы знаете ли, какъ я вышла замужъ? Сама даже не могу объяснить, какъ это сдѣлалось. Мысль о немъ никогда мнѣ не приходила въ голову... Я встрѣтила его случайно въ Петербургѣ на улицѣ, онъ узналъ меня, началъ потомъ ходить ко мнѣ; я была, въ моемъ положеніи, ему рада... а тутъ судьба.

Вошелъ Шамиловъ и обнялъ Карелина. Оба они посмотрѣли, при этомъ случаѣ, другъ на друга многозначительно.

— Вотъ мы съ вами опять сошлись, — началъ Шамиловъ.

— Да, разстались вы со мной женихомъ, а теперь женатый мужъ, — отвѣчалъ Карелинъ.

Шамиловъ горько улыбнулся.

— Ахъ, m-r Карелинъ, я вамъ разскажу пресмѣшной анекдотъ про Пьера и его прежнюю невѣсту, — заговорила Катерина Петровна.

Петръ Александрычъ взглянулъ на нее съ неудовольствіемъ, но она продолжала:

— Я еще здѣсь знала, какъ онъ мало былъ занятъ ею; но, женившись на мнѣ, онъ вздумалъ меня увѣрять, что онъ виноватъ противъ нея, потому что она его истинно любила, а

онъ не оцѣнилъ ея. Не правда ли, какъ это было любезно въ отношеніи меня?.. И вдругъ — это было при мнѣ — одинъ нашъ знакомый въ Петербургѣ разсказалъ, что она была помолвлена за Сальникова. Представьте себѣ: онъ вышелъ изъ себя, началъ проклинать бѣдныхъ женщинъ и говорить, что послѣ этого онъ не повѣритъ ни одной изъ нихъ, и даже мнѣ. Сами можете судить, каково мнѣ было слушать подобныя вещи? Не шутя вамъ говорю: мое только терпѣнье надобно имѣть, чтобы любить этого человѣка,—заключила молодая и, конечно, желая смягчить ѣдкость своей насмѣшки, поцѣловала мужа въ голову; но тотъ ни на слова ни на ласку не отвѣчалъ ни малѣйшимъ движеніемъ. Карелинъ тоже не почтилъ этотъ разсказъ большимъ вниманіемъ.

— А что, Петръ Александрычъ, можно у васъ въ кабинетѣ покурить? — отнесся онъ къ Шамилову.

— Пойдемте, — отвѣчалъ Шамиловъ, вставая.

— Велите сюда, Пьеръ, подать трубокъ; я очень люблю запахъ табаку, — проговорила Катерина Петровна.

— Нѣтъ, позвольте въ кабинетѣ: мнѣ нужно сказать Петру Александрычу по секрету, — возразилъ Карелинъ.

— У моего мужа нѣтъ секретовъ отъ меня.

— Это мой секретъ-съ.

— Отчего же вы не хотите сказать мнѣ?

— Я вамъ не вѣрю.

— Ахъ, вы, неблагодарный... Пьеръ мнѣ скажетъ.

— Очень дурно сдѣлаетъ.

— Въ такомъ случаѣ ступайте; вы оба мнѣ наскучили.

Пріятели ушли. Катеринѣ Петровнѣ очень захотѣлось узнать секретъ Карелина: она встала, обошла кругомъ и приложила ухо къ деревянной перегородкѣ, отдѣляющей кабинетъ; до ея довольно тонкаго слуха дошелъ нижеслѣдующій разговоръ:

— Что вы такое хотѣли мнѣ сказать?—говорилъ Шамиловъ.

— Письмо есть къ вамъ: года два ужъ лежитъ у меня, Богъ васъ знаетъ, гдѣ вы пропадали все это время, я ни отъ кого не могъ толку добиться.

— Чье письмо?

— Сами увидите.

Слѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Она сама вамъ его отдала? — проговорилъ Шамиловъ взволнованнымъ голосомъ.

— Сама... за день передъ смертью.

— Мерсі, Карелинъ, но я не понимаю послѣдняго ея поступка.

— Она это хотѣла сдѣлать для родныхъ: онъ и теперь ста-

рухѣ очень много помогаетъ и даже называетъ тетенькой. Самъ Ухмыревъ померъ... слышали?

— Слышалъ... Что она обо мнѣ говорила? Бога ради, не скрывайте: разскажите мнѣ все.

— Ничего не говорила: просила только отдать письмо, когда увижусь съ вами... Вы дурно поступали съ ней.

Шамиловъ вздохнулъ.

— Знаю, Карелинъ, очень хорошо знаю: сначала меня оттолкнуло отъ нея мое несчастное честолюбіе, а тутъ эта бѣдность: «локоть близко, да не откусишь»; судьба мнѣ сторицею воздаетъ за нее: я слишкомъ наказанъ.

— А что?

— Послѣ поговоримъ.

Катерина Петровна очень хорошо поняла смыслъ всего этого разговора, и особенно ее возмутили послѣднія слова мужа. Она хотѣла-было тотчасъ же войти въ кабинетъ; но, когда Карелинъ уѣхалъ, она позвала его къ себѣ.

— Покажите мнѣ письмо, которое отдалъ вамъ вашъ другъ,— начала она.

— Какое письмо? — спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Шамиловъ, садясь у окна.

— Не запирайтесь: я все слышала... Понимаете ли вы, что дѣлаете?

— Что такое я дѣлаю?

— Ничего: вы только принимаете отъ того человѣка, который самъ прежде интересовался мною, письма отъ вашихъ прежнихъ пріятельницъ и потомъ еще говорите ему, что вы теперь наказаны — кѣмъ? — позвольте васъ спросить. Мною, вѣроятно? Какъ это благородно и какъ умно! Еще васъ считаютъ умнымъ человѣкомъ; но гдѣ же вашъ умъ? въ чемъ онъ состоитъ, скажите мнѣ, пожалуйста?.. Покажите письмо.

— Оно писано ко мнѣ, а не къ вамъ; я вашими перепиской не интересуюсь.

— У меня не было и нѣтъ ни съ кѣмъ переписки... Я играть вамъ собою, Петръ Александрычъ, не позволю... Мы ошиблись, мы не поняли другъ друга.

Шамиловъ молчалъ.

— Отдайте мнѣ письмо, или сейчасъ же поѣзжайте, куда хотите, — повторила Катерина Петровна.

— Возьмите... Неужели вы думаете, что я привязываю къ нему какой-нибудь особый интересъ? — сказалъ съ насмѣшкою Шамиловъ.

И, бросивъ письмо на столъ, ушелъ.

Катерина Петровна начала его читать съ замѣчаніями:

«Я пишу это письмо къ вамъ послѣднее въ жизни...»

— Печальное начало...

«Я не сержусь на васъ; вы забыли ваши клятвы, забыли тѣ отношенія, которыя я, безумная, считала неразрывными».

— Скажите, какая неопытная невинность!

«Передо мною теперь...»

— Скучно!.. Аннушка!.. Поди, отдай барину это письмо и скажи, что я совѣтую ему сдѣлать для него медальонъ и хранить его на груди своей.

Горничная ушла и, воротившись, доложила барынѣ:

— Петръ Александрычъ приказали сказать, что они безъ вашего совѣта будутъ беречь его.

Вечеромъ Шамиловъ поѣхалъ къ Карелину, просидѣлъ у него до полуночи и, возвратясь домой, прочиталъ нѣсколько разъ письмо Вѣры, вздохнулъ и разорвалъ его. На другой день онъ цѣлое утро просилъ у жены прощенія.

Гораздо болѣе постоянства въ дѣйствіяхъ своихъ и убѣжденіяхъ обнаруживалъ другой женихъ Вѣры Павловны, Степанъ Герасимычъ. Жилъ онъ въ своей усадьбѣ, строился, хозяйничалъ и былъ опекуномъ надъ имѣніемъ Авдотьи Егоровны, которая въ послѣднее время переѣхала въ К. и поселилась въ маленькомъ домикѣ. Аграфена Кондратьевна еще не умерла, но была уже очень слаба, имѣніемъ совсѣмъ не управляла и предоставила все сыну.

Къ Степочкѣ пріѣхалъ Иванъ Ефимычъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ.

— Кончилъ: долги теперь очищены, въ барышахъ еще; по вашему желанію, остались усадьба да двадцать душъ.

— Спасибо... А себѣ-то взялъ ли что-нибудь за труды?

— Что про меня говорить! Это ужъ зависитъ отъ васъ: поблагодарите, такъ хорошо, а нѣтъ, такъ и Богъ съ вами.

— Не изъ чего, братъ, благодарить, право, самъ ты видишь: лучше нищему не подать.

— У васъ денегъ много.

— Какой ловкій! Я и такъ много просадилъ денегъ на эти дѣла... Ну, да Богъ съ ней! Не чужая; я ее считаю за родную тетку; въ городъ теперь перевезъ... все хвораетъ; полѣчить надобно; хотѣлось-было, чтобы съ маменькой на одной квартирѣ жили, да поди ты, сладишь съ ними: я ужъ отъ своей старухи много скрываю. Ахъ, батюшки, и забылъ совсѣмъ. Аркашка! Позови приказчицу.

— Я-было къ вамъ, Степанъ Герасимычъ, по другому дѣлу,—началъ Иванъ Ефимычъ.

— Погоди, братецъ, надобно распорядиться.

Приказчица явилась: это была Аксинья.

— Ты еще не отправила въ ухмыревскую усадьбу ржи?

— Собираются, батюшка, собираются.

— Экіе у васъ сборы! Я еще третьяго-дня приказалъ. Сегодня же отправьте, да скажите, чтобы пахали хорошенько. Я самъ пріѣду и посмотрю: если будетъ худо, тетенькѣ скажу. Вотъ, Иванъ Ефимычъ, и хлѣбъ-то свой отправляю: ни на столъ ни на посѣвъ нѣтъ. Ты видѣлъ, какой я на покойницу памятникъ купилъ славный?

— Видѣлъ: мимо провезли. Какъ вы изубыточились такъ?

— Нельзя: добрая была. Надобно же мнѣ чѣмъ-нибудь ее помянуть: жить мнѣ Богъ не привелъ съ ней; по крайней мѣрѣ, я теперь чувствую... За какимъ же ты ко мнѣ дѣломъ пріѣхалъ?

— Шмаковъ все пристаетъ и о васъ спрашиваетъ.

— Плутъ онъ, вотъ что скажи ему отъ меня: обыгралъ въ шутку въ карты, а тутъ, черезъ два года, требовать сталъ; вдругъ пріѣхалъ, говоритъ: въ нуждѣ, а не то жаловаться буду; я отступился, отдалъ сто цѣлковыхъ...

— Онъ къ вамъ не затѣмъ пріѣзжалъ: ладитъ все дочку за васъ выдать.

— Шутитъ... я ужъ совсѣмъ не хочу жениться: была у меня невѣста, да Богъ взялъ: у меня на рукахъ теперь двѣ старухи: впору и съ ними хлопотать.

— Надобно же когда-нибудь жениться! А эта дѣвица достойная: приданое у нея, по наслѣдству, отличное идетъ; имѣнье-то у насъ въ опекѣ было. Василій Николаичъ говоритъ: пусть, говоритъ, Степанъ Герасимычъ мнѣ дастъ три тысячи рублей: я ему все это устрою.

— Да, стану я съ нимъ связываться: какъ бы не такъ! Очень мнѣ нужно!

1851.

НИНА.

Эпизодъ изъ дневника моего пріятеля.

Ахъ, обмануть меня не трудно,
Я самъ обманываться радъ!

А. Пушкинъ.

I.

Я зналъ Нину, когда ей было еще тринадцать лѣтъ. Отецъ ея, старый нѣмецъ, былъ когда-то присланъ уѣзднымъ врачомъ въ М. Вильгельмъ Ѳедоровичъ (такъ звали отца Нины), несмотря на свое докторское званіе, никого не лѣчилъ. Странный былъ онъ человѣкъ! Сынъ аптекаря, онъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ былъ приготовляемъ въ лѣкаря; но, кажется, очень мало обнаруживалъ охоты и способностей къ этому званію, потому что былъ страшно лѣнивъ и разсѣянъ и гораздо болѣе любилъ читать «Иліаду» и смотрѣть на картинки, украшавшія «Одиссею», въ нѣмецкомъ переводѣ. Но, несмотря на это, благодаря неусыпному вниманію отца, а отчасти щелчкамъ, на которые не скупился старый аптекарь, Вильгельмъ Ѳедоровичъ лѣтъ въ семнадцать порядочно зналъ естественныя науки и фармакологію: онъ уже готовился поступить въ академію, какъ вдругъ аптекарь умеръ. Вильгельмъ Ѳедоровичъ, сдѣлавшись свободнымъ, тотчасъ же продалъ аптеку и отправился путешествовать. Онъ записывался почти въ каждомъ университетѣ слушателемъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не бывалъ на лекціяхъ болѣе двухъ разъ и во все это время то читалъ Гёте, Шиллера, Шекспира, то знакомился съ проѣзжими артистами, покупалъ статуи, картины, пріобрѣталъ образцовыя сочиненія во всевозможныхъ изданіяхъ и былъ даже, говорятъ, актеромъ въ одной провинціальной труппѣ. Не мотая денегъ почти ни на что, кромѣ означенныхъ покупокъ, онъ въ то же время

проживалъ каждый годъ до восьми тысячъ рублей, потому что безпрестанно терялъ кошельки и почти въ каждомъ трактирѣ варварски обсчитывался.

Такимъ образомъ у Вильгельма Ѳедоровича, послѣ трехъ лѣтъ заграничной жизни, не осталось ничего, онъ вернулся въ Петербургъ, прожилъ нѣсколько времени въ вопіющей бѣдности и, вспомнивъ о медицинѣ, началъ снова приготовляться въ академію. Богу одному извѣстно, какихъ усилій стоило ему, при его слабой памяти и при отвращеніи ко всякому положительному занятію, приготовиться къ экзамену; но онъ поступилъ въ академію и черезъ четыре года былъ уже посланъ лѣкаремъ въ М. На другой же годъ послѣ своего пріѣзда Вильгельмъ Ѳедоровичъ женился на дочери одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, принесшей ему съ собою, сверхъ прекрасныхъ качествъ, сто незаложенныхъ душъ. Онъ очень удивился, когда изъ его Теклы, стройной, нѣжной и скромной Теклы, года черезъ три образовалась толстая, звонкоголосая и бранчивая барыня. На пятый годъ ихъ супружества родилась у ней Нина. Не минуло ей еще трехъ лѣтъ, какъ Вильгельмъ Ѳедоровичъ вышелъ въ отставку и совершенно пересталъ лѣчить. Сдѣлавшись свободнымъ, онъ снова принялся читать «Фауста», толковать о «Гамлетѣ» и писать по временамъ стихи. Голова его вѣчно была наполнена отвлеченностями: онъ не занимался ни хозяйствомъ, ни женой, ни даже воспитаніемъ единственной дочери. Въ городѣ — одни называли его фантазеромъ, а другіе просто сумасшедшимъ; но я любилъ и уважалъ его, я видѣлъ во всѣхъ ошибкахъ его жизни, что онъ былъ, какъ говорится, художникъ въ душѣ. Такіе люди существуютъ на свѣтѣ, и не знаю, справедливо ли преслѣдуютъ ихъ насмѣшками? Вильгельмъ Ѳедоровичъ, какъ и всѣ ему подобные, дѣйствительно самъ не произвелъ ничего хорошаго, но все-таки былъ художникъ, потому что въ пятьдесятъ лѣтъ сохранилъ самую живую, юношескую любовь ко всему прекрасному, имѣлъ тонкій и образованный вкусъ, глубокія и оригинальныя сужденія о произведеніяхъ искусства. Ни жизни ни наукъ не зналъ онъ и даже читалъ мало, потому что читалъ только лучшихъ авторовъ. Прочитавъ любимаго имъ «Фауста» или что-нибудь изъ Шекспира въ сотый разъ, Вильгельмъ Ѳедоровичъ обыкновенно зажималъ глаза и по цѣлымъ вечеромъ просиживалъ въ такомъ положеніи. Это онъ дѣлалъ, какъ самъ часто мнѣ говорилъ, для того, чтобы, удаляясь отъ внѣшнихъ впечатлѣній, яснѣе воспроизвесть прекрасные образы, развить и уяснить себѣ тонкіе намеки, которыхъ такъ много у великихъ писателей, чтобы, разбирая

каждый характеръ отдѣльно, пережить съ нимъ всѣ моменты его нравственной жизни, начиная отъ самыхъ спокойныхъ до сильно драматическихъ. Почтенная супруга Вильгельма Ѳедоровича, Ѳекла Петровна, также думала, что мужъ ея не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Послѣ страннаго его отреченія лѣчить, она выдержала трехнедѣльную горячку и съ тѣхъ поръ начала, что̀ называется, денно и ночно грызть мужа; но нѣмецъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи и никого не лѣчилъ. Лѣтъ черезъ пять и Ѳекла Петровна привыкла къ своему, какъ она выражалась, несчастью и въ утѣшеніе себѣ обыкновенно говорила: «Не всѣмъ Богъ даетъ умныхъ мужей; мой, по крайней мѣрѣ, не пьяница; онъ бы и съ практикою ничего не нажилъ: все, бывало, бѣдныхъ лѣчилъ да еще и лѣкарства на свой счетъ покупалъ». Вотъ каково было семейство, гдѣ родилась моя Нина.

Не знаю почему, я въ этой дѣвушкѣ предполагалъ многое. Нельзя сказать, чтобы она была красавица; но она была очень мила, высокая не по лѣтамъ, стройная, съ маленькою головкою, но, въ то же время, съ прекрасно развитою грудью; въ большихъ темно-голубыхъ глазахъ ея и въ дѣтской улыбкѣ была видна какая-то задумчивость, что̀ придавало ея круглому личику такое выраженіе, какъ будто бы она о чемъ-то постоянно грустила, и мнѣ казалось, что это была тоска Миньоны по небесамъ. «Не для здѣшняго міра рождена ты!» — часто думалъ я, глядя на нее; но иногда мысли мои мѣнялись: я представлялъ Нину черезъ десять и двадцать лѣтъ — и невольно задавалъ себѣ вопросъ: что̀ будетъ тогда съ нею? Странное дѣло, — этотъ вопросъ всегда рѣшался одинакимъ образомъ: мнѣ казалось, что рано или поздно на это спокойное теперь созданіе пахнётъ суровое горе жизни, и что Провидѣніе наложитъ на нее крестъ тяжелыхъ испытаній, а я буду утѣшать ее. Мало этого,—мнѣ казалось, что ея страданія проистекутъ изъ собственныхъ ея заблужденій, которыя непремѣнно постигнутъ ее потому, что она, какъ мнѣ казалось, вполнѣ наслѣдовала художественную натуру отца, слѣдовательно натуру, способную увлекаться и ошибаться; въ этой мысли меня еще болѣе убѣждало то, что Нина прекрасно пѣла и играла на фортепіано. Были даже минуты, когда я, въ порывѣ моей мечтательности, думалъ жениться на Нинѣ и, съ полнымъ вниманіемъ, развить всѣ ея прекрасныя наклонности и предохранить ее отъ неизбѣжнаго зла.

По волѣ судебъ, мнѣ снова было назначено прожить почти цѣлый годъ въ М. На другой же день послѣ своего пріѣзда бросился я къ старому нѣмцу. Нинѣ было уже семна-

дцать лѣтъ, она нѣсколько пополнѣла, въ чертахъ лица ея не было уже прежней нѣжности, но она была попрежнему задумчива, глаза ея были такъ же прекрасны. Чувства мои, мало изгладившіяся продолжительною разлукою, снова возродились; по цѣлымъ часамъ глядѣлъ я на Нину, когда она, склонившись на руку въ какомъ-то раздумьѣ, глядѣла въ окно. Не знаю, понимала ли Нина то, что̀ я чувствовалъ къ ней, но она была со мною холоднѣе, чѣмъ съ прочими, и я полагалъ, что это происходило по совѣту матери: она любила и слушалась ея, а мать терпѣть не могла меня за то, что я, бывая у нихъ, никогда почти не говорилъ съ нею, не разсказывалъ ей городскихъ сплетней, а толковалъ больше съ добрымъ нѣмцемъ. Такъ прошла вся осень.

Съ наступленіемъ зимы въ М., сверхъ обыкновенія, затѣялись собранія: ихъ составилъ Семенъ Семенычъ; къ нему присталъ откупщикъ, и переѣхали въ городъ помѣщикъ Ковылевъ и всѣми уважаемый другой помѣщикъ, Козулинъ; они разобрали вечера и назначили по воскресеньямъ собранія. Нинѣ надобно было выѣзжать. Θекла Петровна была въ ужасныхъ хлопотахъ, сама она не могла выѣзжать, потому что страдала постоянно флюсомъ, который совершенно перекосилъ ея лицо на одну сторону. Нину поручила она Клеопатрѣ Алексѣевнѣ. Мнѣ это весьма не нравилось: избранная патронесса была глупа и надута; она, конечно, не захочетъ, или, лучше сказать, не сумѣетъ заняться порученной ей дѣвушкой. Я сказалъ-было объ этомъ Вильгельму Θедоровичу, но тотъ только махнулъ рукою, приговаривая: «Не наше дѣло, mein Lieber, тутъ самъ чортъ ничего не сдѣлаетъ». Начались собранія и вечера. Я, собственно для Нины, рѣшился выѣзжать. Я видѣлъ, какъ бросилась ей кровь въ лицо, когда она въ первый разъ вошла въ освѣщенную залу и увидѣла толпу разряженныхъ мужчинъ и женщинъ; я видѣлъ, какъ она сначала не смѣла отойти отъ своей патронессы, не смѣла даже взглянуть въ сторону; съ какою-то чисто-дѣтскою робостью подала она потомъ руку подошедшему къ ней кавалеру, просившему ее на вальсъ; видѣлъ, какъ она увлекалась, какъ движенія ея дѣлались постепенно быстрѣе и живѣе; подъ конецъ собранія она уже очень беззаботно танцовала мазурку съ офицеромъ и чему-то смѣялась: съ лица ея пропала обычная задумчивость.

«Ребенокъ! — думалъ я:— какъ она способна воспринимать впечатлѣнія. Но ты недолго проживешь чужою радостью, ты снова задумаешься!»

И дѣйствительно Нина скоро задумалась. Мнѣ въ голову

тогда не приходило, что это было отъ усталости. Когда кончилась мазурка, я подошелъ къ ней.

— Вамъ было весело, Нина Вильгельмовна?—спросилъ я.

— Весело,—отвѣчала она.

— Но отчего же вы задумались?

— Такъ.

— Нѣтъ, не такъ,—возразилъ я:—вамъ скоро все это наскучитъ.

— Никогда, — отвѣчала она: — мнѣ только дома очень скучно.

— Отчего же вамъ дома очень скучно?

— Да такъ! Все сиди, папенька всегда читаетъ, иногда заставляетъ меня слушать — мнѣ это очень скучно; или по цѣлымъ вечерамъ играй ему на фортепіано, а онъ плачетъ— очень весело!

Въ первый разъ еще услышалъ я, что Нинѣ скучно оттого, что отецъ читаетъ и заставляетъ ее играть, — и эта мысль болѣзненно отозвалась въ моемъ сердцѣ. «Она молода, она ничего не понимаетъ»,—подумалъ я въ утѣшеніе себѣ.

Нина, воспользовавшись моимъ молчаніемъ, тотчасъ отошла отъ меня. Я видѣлъ, что она снова начала разговаривать съ своимъ мазурочнымъ кавалеромъ и отъ души смѣялась. Мнѣ сдѣлалось какъ-то горько и досадно: я тотчасъ уѣхалъ.

II.

Уѣздное собраніе, какъ и всѣ почти уѣздныя собранія, имѣло одинъ недостатокъ: въ немъ было чрезвычайно мало кавалеровъ. Положеніе дѣвицъ весьма непріятное! Такъ говорили многіе. Какая-нибудь Дарья Семеновна, дочь почтеннаго отца, дававшаго постоянно вечера, часто принуждена была пропускать танцы. Дарья Семеновна прошлую зиму жила въ Москвѣ и тамъ сдѣлала, какъ говорилъ отецъ, такое впечатлѣніе, что просто удивительно. Что дѣлать? Кавалеровъ мало! Правда, былъ одинъ щеголь, который подлинно танцовалъ, сколько силъ доставало, и ему даже офиціантъ, подавая ужинъ, обыкновенно говорилъ:

— Вамъ, сударь, можно покушать: вы, чай, протанцовались?

— Да, братецъ, нечего сказать! Изрядно пропотѣлъ! — обыкновенно отвѣчалъ онъ.

Принявши это въ соображеніе, никому, конечно, не будетъ удивительно, что появленіе новаго кавалера, блистательнаго, богатаго, красавца, произвело на всѣхъ ощутительное дѣйствіе.

Это было подъ Новый годъ. Семенъ Семенычъ пріѣхалъ позже своего семейства и тотчасъ же подошелъ къ Клеопатрѣ Алексѣевнѣ, ходившей съ моей Ниной и еще двумя дѣвицами.

— Поздравляю барышень съ новымъ кавалеромъ, — сказалъ Семенъ Семенычъ:—Мазуринъ пріѣхалъ.

— Ахъ, какъ это хорошо!—вскрикнула Клеопатра Алексѣевна:—вотъ прелесть!

— Что̀ такое, папа̀?—спросила Дарья Семеновна, проходя мимо.

— Мазуринъ пріѣхалъ.

— Не можетъ быть!—сказала Дарья Семеновна: — зачѣмъ вы, папа̀, такъ ужасно шутите?

— Что жъ за шутки! Сейчасъ присылалъ ко мнѣ за билетомъ.

Дарья Семеновна отошла въ волненіи и, взявши подъ руку одну изъ подругъ, сказала ей:

— Ma chère, мы сегодня съ вами будемъ ходить.—Потомъ, помолчавъ, прибавила: — Кажется, Мазуринъ пріѣхалъ.

— Право?— сказала ея подруга сколько возможно спокойнымъ голосомъ; но лицо ей измѣнило: она сначала вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

Новость, сообщенная Семеномъ Семенычемъ, заняла всѣхъ. Я посмотрѣлъ на Нину: въ лицѣ ея не было обычнаго спокойствія, она, кажется, раздѣляла общее любопытство. Спустя четверть часа Мазуринъ вошелъ въ залу, и взоры всѣхъ, какъ бы невольно, приковались къ нему. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, красавецъ: высокій, стройный ростъ, открытое, умное, съ правильными чертами лицо, благородство въ пріемахъ, изысканная простота въ одеждѣ — все это производило то, что онъ дѣйствительно казался между всѣми какимъ-то отмѣтнымъ соболемъ. Съ четверть часа, вмѣстѣ съ прочими, смотрѣлъ и я, не спуская глазъ, на Мазурина.

— Какъ онъ хорошъ!—сказалъ я одной молодой дамѣ.

— Очень хорошъ, —отвѣчала она: — и страшный богачъ! Говорятъ, у него славные золотые пріиски.

Начался вальсъ. Я видѣлъ, какъ безпокойство пробѣжало по всѣмъ лицамъ танцующихъ дамъ, — и немудрено! Представьте себѣ положеніе ихъ: онѣ должны были танцовать съ своими туземными кавалерами предъ Мазуринымъ, который хотя самъ не танцовалъ, но, ужъ конечно, превосходно вальспируетъ. Франтъ взялъ одну изъ дѣвицъ, Мордохаевъ — дочь откупщика, на которой, говорятъ, хотѣлъ жениться; но это все еще сносно. Ну, а Дарьѣ-то Семеновнѣ съ кѣмъ? Она подошла къ своему родителю и рѣшительнымъ голосомъ сказала ему, какъ

старшинѣ, чтобъ онъ велѣлъ перестать играть вальсъ, и хорошо сдѣлала, потому что ей угрожала немалая опасность: къ ней подходилъ кавалеръ, который былъ не авантаженъ въ вальсѣ и до такой степени, что судья, человѣкъ очень скромный, обыкновенно говорилъ про него:—«Козелъ! совершенный козелъ!». Каково же, предъ Мазуринымъ, танцовать съ козломъ? Вальсъ прекратился; сигналъ поданъ къ французской кадрили; Мазуринъ кладетъ шляпу... натягиваетъ перчатки... одна дѣвица, вмѣстѣ съ Дарьей Семеновной, нарочно прошла мимо него и посмотрѣла самымъ значительнымъ взоромъ. Мазуринъ пошелъ, посмотрѣлъ на дочь откупщика, — она покраснѣла и тяжело вздохнула. Мазуринъ поворотилъ влѣво и... какъ странно нынѣшняя молодежь ведетъ себя въ обществѣ! Этотъ Мазуринъ, вмѣсто того, чтобы почтить или дочь почтеннаго Семена Семеныча, или, по крайней мѣрѣ, дочь откупщика,—прошелъ мимо всѣхъ и подошелъ къ Нинѣ. У меня замерло сердце... Этотъ поступокъ Мазурина какъ бы обличалъ его передо мною: Мазуринъ красавецъ, свѣтскій человѣкъ, онъ всю жизнь провелъ въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, онъ, вѣроятно, любитъ въ женщинѣ только молодость, свѣжесть и невинность, а Нина была тутъ всѣхъ моложе, всѣхъ свѣтлѣе, больше всѣхъ походила на ребенка! Мазуринъ не случайно взялъ ее!.. Онъ ее погубитъ!.. Въ прекрасномъ лицѣ его я сталъ замѣчать много чувственности и съ той же минуты далъ себѣ слово строго наблюдать за Ниною и, если возможно, предостеречь ее. Не могши удержать себя, я подошелъ и сѣлъ отъ нихъ невдалекѣ. Мазуринъ разспрашивалъ Нину объ ея отцѣ, говорилъ, что онъ знаетъ старика, и обѣщался быть у нихъ на другой день. Это еще болѣе усилило мои подозрѣнія. Мазуринъ танцовалъ съ Ниною еще кадриль и взялъ ее на мазурку.

III.

Несмотря на свой нѣсколько странный поступокъ, Мазуринъ все-таки оставался интереснымъ кавалеромъ. Дарья Семеновна, въ то же собраніе, подошла къ отцу и сказала:

— Что, папа, будетъ ли у насъ завтра Мазуринъ на вечерѣ?

— Какъ же это, душа моя, — отвѣчалъ тотъ: — я вѣдь съ нимъ незнакомъ, а самъ-то онъ не знакомится.

— Вы всегда, папа, такъ: ничего не умѣете порядочно сдѣлать!

Семенъ Семенычъ, видно, сознавая справедливость замѣчанія дочери, ничего не отвѣчалъ и задумался.

— Да какъ же?—сказалъ онъ, помолчавъ:—я ужъ не знаю, право, неловко.

— Это ужасно!—сказала Дарья Семеновна и, пожавъ плечами, отошла отъ родителя.

Семенъ Семенычъ, во все остальное время бала, заходилъ къ Мазурину то справа, то слѣва; но Мазуринъ не замѣчалъ этого и занимался по большей части Ниною. Одна изъ дѣвицъ дѣйствовала рѣшительнѣе Дарьи Семеновны; танцуя съ Мазуринымъ французскую кадриль, она сказала:

— Здѣсь городъ небольшой, а очень веселятся.

— Это видно,—отвѣчалъ Мазуринъ.

— Въ собраніи еще не такъ, а вотъ на вечерахъ — очень пріятно; здѣсь много вечеровъ.

— Право?

— Да, вотъ у Семена Семеныча, у Ковылева: его семейства сегодня нѣтъ; у насъ... Я надѣюсь,—прибавила она жеманнымъ голосомъ: — что вы доставите намъ удовольствіе видѣть васъ въ нашемъ домѣ?

Мазуринъ поклонился.

— Отчего же вамъ, папа, — сказала Дарья Семеновна на другой день за утреннимъ чаемъ:—не съѣздить къ Мазурину? Онъ ужъ не мальчикъ.

— Конечно,—отвѣчалъ отецъ:—да все какъ-то неприлично.

— Полноте, папа, что это за глупыя приличія въ уѣздномъ городѣ,—только стѣсняютъ удовольствія!.. Въ столицѣ—другое дѣло... Поѣзжайте!

Семенъ Семенычъ, убѣжденный этимъ доводомъ, часу въ двѣнадцатомъ отправился къ Мазурину съ визитомъ. Дарья Семеновна, оставшись дома одна, хотѣла-было читать французскій романъ, но не могла отъ внутренняго волненія. Черезъ часъ родитель ея возвратился съ сіяющимъ лицомъ.

— Ну, Даша,—говорилъ онъ: — обдѣлалъ дѣло какъ нельзя лучше! Онъ отличнѣйшій малый: извинялся - извинялся, что самъ первый не пріѣхалъ, — вышелъ самъ провожать на крыльцо.

— Да будетъ ли онъ, папа, на вечеръ-то?

— Вотъ на вечеръ! Обѣдать пріѣдетъ!

— Что вы!

— Я тебѣ говорю! Онъ-было у меня началъ просить, чтобы я ему сегодня же позволилъ отплатить визитъ,—нѣтъ, говорю я, милостивый государь, оставимте эти церемоніи: если будете такъ обязательны,—пожалуйте къ намъ сегодня откушать.—«Съ

большимъ, говоритъ, удовольствіемъ!»—и такъ, знаешь, говоритъ свободно,—сейчасъ видно человѣка съ обращеніемъ. Назадъ поѣхавши, къ Ковылеву заѣхалъ. Позвалъ къ себѣ; пусть познакомится и пригласитъ его къ себѣ на вечера.

— Ахъ, папа, какъ вы все прекрасно сдѣлали!—вскричала Дарья Семеновна и побѣжала хлопотать о туалетѣ и о столѣ.

Часа черезъ два гости съѣхались. Передъ обѣдомъ Семенъ Семенычъ подвелъ Ковылева къ Мазурину.

— Позвольте вамъ рекомендовать Григорья Васильевича Ковылева — это истинный повелитель всего, можно сказать, здѣшняго уѣзда.

Ковылевъ отвѣсилъ, насколько сумѣлъ, вѣжливый поклонъ, проговоря густымъ басомъ:—«Сдѣлайте милость, — прошу познакомиться!.. Надѣюсь,—прибавилъ онъ:—что вы уже обяжете посѣщеніемъ: у меня вечера по вторникамъ». Такимъ образомъ Мазуринъ приглашенъ былъ всѣми,—и онъ бывалъ вездѣ. Я видѣлъ, что Нина была главнѣйшимъ предметомъ его вниманія, и онъ умѣлъ искусно пріучить ее къ себѣ. Она простодушно болтала ему всякій вздоръ, отъ души смѣялась, когда онъ разсказывалъ ей пошлые, давно избитые анекдоты; она почти всегда выбирала его въ мазуркѣ: ея самолюбіе, видимо, щекоталось вниманіемъ Мазурина; съ другими кавалерами она сдѣлалась серьезнѣе и улыбалась только одному Мазурину. Въ обществѣ уже начали говорить, что Мазуринъ заинтересованъ Ниною и врядъ ли ужъ не сватался, потому что Ѳекла Петровна, на обѣдѣ у откупщика, что-то очень важничала и такъ подняла носъ, что странно было смотрѣть; къ Нинѣ же всѣ сдѣлались ласковѣе и внимательнѣе: въ провинціи вниманіе къ дѣвушкѣ богатаго жениха — вещь важная. А впрочемъ, и въ столицахъ тоже.

Вдругъ Мазуринъ пересталъ съ Ниною танцовать. Первый вечеръ она была очень весела, до слезъ почти смѣялась и шутила съ другими кавалерами, но потомъ сдѣлалась задумчива и грустна: я видѣлъ, какъ она смотрѣла по временамъ на Мазурина какимъ-то болѣзненнымъ взоромъ; но онъ былъ холоденъ и равнодушенъ, — онъ едва отвѣтилъ на ея прощальный поклонъ. «Она его любитъ страстно!»—подумалъ я и рѣшился, во что бы ни стало, вывѣдать у Нины ея тайну. Цѣлую недѣлю не имѣлъ я возможности исполнить моего желанія, хотя всякій почти день бывалъ у нѣмца. Во все это время я наблюдалъ прилежно за Ниною; она сдѣлалась еще задумчивѣе; по цѣлымъ часамъ сидѣла она надъ своею работою, наклонившись, но работы не прибывало; я часто замѣчалъ, что глаза ея были красны, какъ будто бы она недавно плакала, и много

плакала; при каждомъ скрипѣ полоза на снѣгу она стремительно взглядывала въ окно и потомъ снова погружалась въ задумчивость; одинъ разъ она взглянула, проѣхалъ Мазуринъ: Нина поблѣднѣла и долго глядѣла ему вслѣдъ.

Наконецъ я засталъ Нину одну: мать поѣхала на ярмарку закупать наряды, а отецъ спалъ. При моемъ входѣ Нина встала и хотѣла-было разбудить отца, но я попросилъ не безпокоить старика и сѣлъ напротивъ ея.

— Послушайте, Нина Вильгельмовна,—началъ я:—мнѣ хочется спросить васъ... Будете ли вы со мною откровенны?

— Я съ вами всегда откровенна.

— Нѣтъ, я прошу у васъ такой откровенности, какую бы вы имѣли съ вашей подругою, или, лучше сказать, я васъ прошу быть откровенными со мною такъ, какъ вы откровенны сами съ собою, съ вашею совѣстью.

Нина посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и страхомъ.

— Скажите мнѣ, — продолжалъ я: — кто вамъ больше нравится изъ кавалеровъ?

Нина вспыхнула.

— Всѣ нравятся, — отвѣчала она притворно-спокойнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не всѣ; я знаю, кто вамъ нравится.

— Кто же?—спросила она, но такъ тихо, что я едва могъ разслушать.

— Вамъ нравится...

— Не говорите! — перебила она вдругъ: — скажите только начальную букву.

— Первая буква фамиліи М.

— Неправда!

— Правда, Нина; правда потому, что вы тотчасъ догадались, о комъ я говорю.

Нина ничего не возразила; она была въ сильномъ волненіи; руки ея дрожали, на глазахъ показались слезы.

— Онъ теперь сердитъ на меня, — какъ бы невольно проговорила она.

— А за что?—спросилъ я.

Нина не могла долѣе выдержать моего допроса, она встала и поспѣшно вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вышелъ старый нѣмецъ: Нина его разбудила. Когда она возвратилась въ гостиную, я замѣтилъ, что она недавно плакала. Съ грустью въ сердцѣ уѣхалъ я домой. «Что это за человѣкъ Мазуринъ?—думалъ я.—Нельзя предполагать, чтобы онъ дѣйствовалъ тутъ съ чистымъ намѣреніемъ: онъ свѣтскій человѣкъ, ему тридцать лѣтъ, боюсь я его!.. Бѣдная Нина!..»

Но что мнѣ было дѣлать? Она, видимо, меня чуждалась. Сказать отцу, матери? Это слишкомъ щекотливое дѣло! Можетъ-быть, страсть Нины—пустое ребяческое увлеченіе, которое кончится ничѣмъ, и, можетъ-быть, самъ Мазуринъ кружитъ голову Нинѣ такъ, отъ бездѣлья.

IV.

Я познакомился съ Мазуринымъ. Сначала онъ очень туго сходился со мною: въ немъ уже не было ничего юношескаго. Несмотря на мое стараніе вызвать его на разговоры о любви, о женщинахъ, объ искусствѣ, — онъ отмалчивался, или говорилъ общія фразы. Изъ этого я заключилъ, что Мазуринъ человѣкъ скрытный, и полагалъ, что эта видимая въ немъ поверхностность проистекаетъ не отъ бѣдности содержанія, но отъ скрытности, какъ это часто бываетъ съ людьми, постоянно жившими въ свѣтѣ; но дальнѣйшія мои съ нимъ сближенія разубѣдили меня въ томъ: Мазуринъ былъ если не глупъ, то очень неразвитъ. Я никогда не могъ возбудить въ немъ интереса ни разсказами про различные драматическіе случаи жизни, ни высокими образцами искусства, ни наукою. Послѣ я узналъ, что онъ ничего даже и не читаетъ; но зато онъ далеко ушелъ во внѣшней жизни. Всѣ чувственныя потребности, сильно развитыя въ немъ, были въ то же время деликатны; у него былъ превосходный поваръ, онъ могъ пить только отличное вино; мастерски ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ на лету ласточекъ и съ одного пріема часто оканчивалъ партію на бильярдѣ. Нужно ли говорить, что онъ много занимался своею наружностью: онъ обыкновенно надѣвалъ на голову плотный колпакъ, чтобы не смять своихъ волосъ, клалъ въ футляръ свои пальцы съ длинными ногтями и каждое утро купался въ ароматической ваннѣ; одѣвался онъ щегольски не на показъ, а для себя, изъ собственнаго эстетическаго чувства; одну только сильную нравственную черту характера замѣтилъ я въ немъ: онъ былъ очень упрямъ, что ему нѣкоторымъ образомъ и давало возможность брать почти всегда превосходство надъ другими и господствовать даже надъ сильнѣйшими натурами. Узнавши такимъ образомъ Мазурина, я еще болѣе испугался за мою бѣдную Нину, потому что люди, подобные ему, совершаютъ зло какъ бы инстинктивно и не сопровождаютъ его даже раскаяніемъ по рѣшительному отсутствію сознательной жизни; но меня успокаивало то, что Мазуринъ съ Ниною былъ попрежнему въ холодныхъ отношеніяхъ. Я видѣлъ, что она страдала, но все-таки это было лучше, потому что какъ знать, до чего бы до-

шелъ Мазуринъ, ласкаясь къ этой дѣвушкѣ и поселяя въ ней къ себѣ довѣріе; меня удивляло только то, отчего Мазуринъ такъ перемѣнился къ ней. Я спрашивалъ объ этомъ Нину, но она отмалчивалась и сама была къ Мазурину невнимательна; но я видѣлъ, что это было притворство; она тайно страдала.

Наступилъ Великій постъ. Я пришелъ къ Мазурину часу въ четвертомъ пополудни; въ это время я обыкновенно приходилъ къ нему, потому что онъ, отобѣдавъ, не занимался своимъ туалетомъ, не дрессировалъ своихъ собакъ, а лежалъ и отдыхалъ.

— Je vous salue!—сказалъ Мазуринъ, при моемъ приходѣ приподнимаясь нѣсколько съ дивана:—позвольте мнѣ не перемѣнять моего положенія—оно очень покойно.

— Спокойствіе дороже всего,—сказалъ я.

— Именно.

Въ комнатѣ было немного вещей, и въ углу стоялъ открытый чемоданъ.

— Вы куда-то ѣдете?—спросилъ я.

— Да, въ деревню.

— Надолго?

— Надолго.

Это извѣстіе меня обрадовало. «Слава Богу,—думалъ я:—драма оканчивается комедіей. Нина поскучаетъ, пострадаетъ, что̀ еще не большая бѣда».

— Вы ужъ со всѣми знакомыми простились?—спросилъ я, желая вывѣдать, говорилъ ли онъ Нинѣ объ его отъѣздѣ.

— Да, съ нѣкоторыми.

— Какъ вы думаете проводить время въ деревнѣ?

— Очень пріятно.

— Что̀ же вы будете тамъ дѣлать?

— Въ деревнѣ я обыкновенно просыпаюсь въ 11 часовъ, пью кофе, послѣ одѣваюсь; часу въ первомъ [или иду играть на бильярдѣ, или ѣзжу верхомъ; хожу иногда пѣшкомъ, потомъ обѣдаю и славно обѣдаю; высплюсь; до чаю хожу, ѣмъ разные фрукты изъ моей оранжереи и такъ далѣе... Славно, право, славно! Только женскаго общества совершенно нѣтъ.

— Въ деревнѣ хорошо сосредоточиваться въ самомъ себѣ,—сказалъ я.

— Что̀ такое?

— Я говорю, что въ уединеніи хорошо припоминать свою прошлую жизнь, прошлыя ощущенія.

— Да это можно и въ городѣ: я очень помню и здѣсь все, что̀ со мною было.

— Легко припоминать факты и внѣшнюю только жизнь, но есть еще жизнь внутренняя.

— Все глупости!—возразилъ Мазуринъ.

— Есть ли у васъ библіотека? — спросилъ я послѣ минутнаго молчанія, нѣсколько озадаченный подобнымъ замѣчаніемъ.

— Есть, но я не люблю читать.

— Отчего же?

— Потому что въ романахъ все врутъ.

— Что же такое врутъ?

— Увѣряютъ, напримѣръ, что можно умереть отъ любви. Это вздоръ! Никогда ни одна женщина, ни одинъ мужчина не умирали отъ любви.

Я посмотрѣлъ на Мазурина: въ этотъ разъ онъ былъ необыкновенно веселъ и говорливъ, — это меня нѣсколько удивляло.

— Можно любить и измѣнять, — началъ я: — но все-таки нельзя сказать, чтобы это совершенно безъ страданія, — и какъ знать, чѣмъ могутъ кончиться эти страданія, особенно въ женщинѣ?

— Никакихъ тутъ нѣтъ страданій! Все, что выдумали господа романисты, это дѣло ихъ воображенія; въ жизни нѣтъ этого.

— Нѣтъ,—возразилъ я:—романисты не усиливаютъ жизни, а скорѣе не досказываютъ того, что совершается въ ней. Всѣ поэты міра не высказали, можетъ-быть, того, что произошло въ душѣ одного человѣка въ продолженіе его жизни. Знаете ли, есть стихи:

О, если бъ—безъ слова,
Сказаться душой было можно!

Они описываютъ однѣ только выпуклости, а мало ли тонкихъ, переходныхъ линій.

Мазуринъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливымъ взоромъ.

— Вы иногда очень вычурно говорите: пророчу вамъ быть со временемъ романистомъ.

Въ это время пробило четыре часа. Мазуринъ проворно всталъ и началъ одѣваться. Онъ просилъ у меня извиненія, говоря, что ему нужно кое-что закупить.

«Ничего не понимаетъ», — говорилъ я самъ съ собою, выходя отъ него, и поѣхалъ къ Вильгельму Ѳедоровичу: мнѣ хотѣлось увидѣть Нину и посмотрѣть, что съ нею.

Старый нѣмецъ сидѣлъ, по обыкновенію, обложенный книгами.

— Добрый вечеръ!—вскричалъ онъ, увидѣвъ меня.

Мѣсто, гдѣ обыкновенно Нина сидѣла за работою, было пусто.

— Знаете ли, что̀ я теперь читаю? — продолжалъ нѣмецъ, едва давши мнѣ сѣсть.

— Шекспира?

— Нѣтъ.

— «Фауста»?

— Нѣтъ!.. Я читаю «Вильгельма Мейстера».

— Въ который разъ?

— Конечно, ужъ не въ первый: но еще ни разу не могъ дочитать до конца.

— Это почему?

— Почему?—не знаю... Но нѣтъ, я вамъ скажу,—вы меня поймете. Въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» Гёте глубоко заглянулъ въ душу человѣка, или, по крайней мѣрѣ, въ душу ко мнѣ: этотъ романъ вызываетъ у меня самыя глубокія мои помышленія, самыя тайныя движенія моего сердца, самыя темныя желанія, которыя, хотя и были во мнѣ, но я самъ не подозрѣвалъ ихъ,—а это возрожденіе меня самого мнѣ тяжело, особенно, когда я взгляну на мою обыденную, пошлую жизнь, которая и милліонной доли не удовлетворила того, къ чему я стремился... Но нѣтъ — я говорю неясно, меня трудно понять,—прибавилъ онъ и задумался.

Но я понималъ его. «Боже мой!—думалъ я: — и это говоритъ старикъ, въ которомъ ни житейскія заботы, ни лѣта, ни званіе врача, ничто не уничтожило этой полноты ощущенія, этого художественнаго сочувствія ко всему прекрасному». Но въ то же время мнѣ было горько, что добрый нѣмецъ, погруженный въ свои созерцанія, слишкомъ отторгнулся отъ жизни и, не углубляясь въ нее, не давалъ ей никакого значенія.

Два человѣка были передо мною—Мазуринъ и нѣмецъ, и оба не понимали жизни: первый потому, что совпалъ только съ внѣшнею ея стороною и слѣдовательно былъ ниже ея, а другой, живя въ отвлеченіяхъ, слишкомъ уже поднялся надъ нею, не видѣлъ и не понималъ, что въ этомъ видимомъ хаосѣ таится величайшій порядокъ, самая строгая мысль, что въ этомъ видимомъ спокойствіи разыгрывается вѣчная драма, можетъ-быть, гораздо поразительнѣе той, надъ чтеніемъ которой онъ плачетъ.

Такъ думалъ я,—а все-таки Нина не выходила у меня изъ головы.

V.

На другой день, часу въ десятомъ, я отправился къ нѣмцу. Проѣзжая мимо квартиры Мазурина, я спросилъ объ немъ у дворника; но мнѣ сказали, что онъ еще ночью уѣхалъ. «Не

увезъ ли онъ Нину?» — подумалъ я, входя къ нѣмцу на крыльцо. Вильгельмъ Ѳедоровичъ сидѣлъ, по обыкновенію, съ своими книгами; Нины не было въ гостиной.

— Ѳекла Петровна не пріѣхала еще?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— А Нина Вильгельмовна?

— Нина больна: должно-быть, простудилась.

— Чѣмъ же она нездорова?—едва могъ проговорить я.

— Лихорадочное состояніе: въ ея лѣта, у женщинъ это очень обыкновенная болѣзнь.

Мнѣ сдѣлалось невыразимо грустно. Мнѣ хотѣлось повидаться съ Ниной, и, на этотъ разъ, желаніе мое, сверхъ чаянія, исполнилось.

— Барышня приказала васъ просить къ себѣ,— сказала, входя, горничная.

Я почти побѣжалъ въ спальню больной. Въ первый еще разъ Нина захотѣла меня видѣть: это меня обрадовало и испугало.

— Недолго тамъ будьте,—кричалъ мнѣ вслѣдъ нѣмецъ:— лучше потолкуемте.

Нина лежала на диванѣ.

— Что съ вами, Нина Вильгельмовна?— спросилъ я, садясь на ближній стулъ.

— Ничего,—отвѣчала она протяжно.

Въ голосѣ ея слышалось отчаяніе.

— Какъ ничего! Умоляю васъ—будьте со мной откровенны!

Она всплеснула руками и упала на подушку, потомъ, быстро приподнявшись, схватила меня за руки.

— Онъ уѣхалъ?—спросила она послѣ долгаго молчанія.

Я ничего не отвѣчалъ. Это воспоминаніе снова возбудило въ ней отчаяніе; напрасно я ее успокаивалъ. Старикъ меня кликалъ, и я каждую минуту ожидалъ, что онъ войдетъ въ спальню.

— Послушайте, Нина Вильгельмовна,—сказалъ я:—отчаяніе великій грѣхъ!

— Не говорите этого, Бога ради, не говорите!

— Нѣтъ, Нина Вильгельмовна, я буду говорить. Много людей страдаетъ подобно вамъ: страдаетъ и болѣе вашего, но они молятся—и молитвы ихъ спасаютъ; молитесь и вы!

— Нѣтъ, я не могу молиться, я хочу умереть!

— Послушайте, зачѣмъ вамъ умирать?—говорилъ я ей, но внутренно былъ убѣжденъ, что это легко можетъ случиться.— Неужели вы еще его любите?—спросилъ я послѣ минутнаго молчанія.—Любовь ваша была просто мечта.

— Mein Lieber!—кричалъ старикъ:—подите сюда.

Я принужденъ былъ встать.

— Дайте мнѣ, Нина Вильгельмовна, слово не приходить снова въ отчаяніе, — сказалъ я, взявъ ее за руку. — Послушайте, отрекитесь отъ свѣта, къ которому васъ такъ неправильно приготовляли. Ваше назначеніе не таково: вы дочь художника, вы наслѣдовали его прекрасное сердце; обратитесь къ искусству: вы уже теперь прекрасно играете на фортепіано, прекрасно поете — займитесь этимъ, уединитесь въ вашей домашней жизни, перестаньте думать о замужествѣ и о свѣтѣ. Повѣрьте, у васъ будутъ такія наслажденія, которыхъ вы теперь и не предполагаете; вы будете въ тысячу разъ счастливѣе, потому что это ваше призваніе.

Такъ говорилъ я, вполнѣ убѣжденный, что Нина родилась быть артисткою.

— Это невозможно,—сказала она.

— Почему же невозможно?

— Потому, что маменька не позволитъ: она будетъ требовать, чтобы я вышла замужъ.

— Такъ выбирайте себѣ человѣка благороднаго, человѣка съ душою, а не свѣтскаго бездушника. Какъ знать, можетъ-быть, ужъ есть такой человѣкъ, который готовъ для васъ сдѣлать все, если только вы сами захотите.

Нина посмотрѣла мнѣ въ лицо. Говоря это, я почти не помнилъ самого себя: въ эту минуту Нина была такъ прекрасна; въ ея глазахъ, полныхъ еще слезъ, высказывалось столько благодарности... Она крѣпко сжала мнѣ руку.

— Я буду спокойна,—сказала она.

— Прошу васъ объ этомъ, сдѣлайте это для меня!

— Буду спокойна для васъ.

Я поцѣловалъ ея руку и вышелъ къ нѣмцу, который началъ-было мнѣ снова толковать о «Вильгельмѣ Мейстерѣ»; но я, отозвавшись зубною болью, скоро уѣхалъ. Да, я рѣшился жениться на Нинѣ, если только она полюбитъ меня. Это юное созданіе способно воспринять всѣ впечатлѣнія: я разовью въ ней ея художественныя наклонности, я дамъ ей истинное направленіе, отъ котораго она такъ была удалена неправильнымъ воспитаніемъ; своею любовью и уваженіемъ я заставлю ее забыть минутную свою привязанность, если она только существуетъ. Вотъ что думалъ я, пріѣхавъ домой.

Въ тотъ же вечеръ я опять былъ у нѣмца и видѣлъ Нину; въ этотъ разъ она еще была гораздо спокойнѣе, но была очень грустна и молчалива. На другой день пріѣхала мать, и мнѣ было уже невозможно оставаться съ Ниною наединѣ. Она была попрежнему печальна и мрачна, по временамъ

тяжело вздыхала и по цѣлому почти часу глядѣла на одинъ предметъ, не сводя глазъ. Послѣднее обстоятельство меня очень пугало: я боялся, чтобъ она не помѣшалась. Со мною она сдѣлалась снова холодна и какъ бы остерегалась меня.

Такъ прошла недѣля. Неожиданное обстоятельство заставило меня оставить М. Я получилъ письмо, извѣщавшее меня о тяжкой болѣзни моего отца. Мнѣ тяжело было оставить Нину, но дѣлать было нечего. Грустный и растерянный, пришелъ я къ Вильгельму Ѳедоровичу. Нина сидѣла въ гостиной. У нихъ былъ гость, какой-то толстый баринъ, съ которымъ Ѳекла Петровна, какъ видно, была въ самыхъ пріятныхъ разговорахъ о хозяйствѣ, называя его по временамъ Сергѣй Сергѣевичъ. Одинъ только добрый нѣмецъ замѣтилъ, что лицо мое было блѣдно.

— Что съ вами?—спросилъ онъ.

Я сказалъ ему печальную новость и объявилъ, что сегодня же въ ночь ѣду. При этихъ словахъ я невольно взглянулъ на Нину: она была грустна, но спокойна. Передъ отъѣздомъ я подошелъ и сѣлъ близъ нея.

— Прощайте, Нина Вильгельмовна, — началъ я вполголоса:—не впадайте въ отчаяніе, помните, что есть человѣкъ, искренно любящій васъ.

Нина ничего не отвѣчала.

— Пишите ко мнѣ,—адресъ мой есть у Вильгельма Ѳедоровича. Напишете?

— Можетъ-быть, напишу.

— Нѣтъ, непремѣнно напишите.

— Хорошо...

— Нина Вильгельмовна, прощайте!.. Охъ, какъ мнѣ тяжело... разстаться съ вами. Прощайте! До свиданья!

У меня на глазахъ навернулись слезы.

Нина наклонилась къ пяльцамъ и начала шить. Лицо ея горѣло...

— Мнѣ еще тяжелѣе вашего!—проговорила она.

Я всталъ и вскорѣ уѣхалъ. Послѣднія слова Нины я тогда отнесъ къ себѣ.

VI.

Отца моего не засталъ я уже въ живыхъ. Я много потерялъ въ немъ: онъ былъ мнѣ другомъ, руководителемъ и единственнымъ человѣкомъ, который могъ благодѣтельно ограничивать мою стремительность. Способный глубоко чувствовать всѣ горести, но неспособный переносить ихъ, я упалъ совершенно духомъ, а вмѣстѣ съ этимъ не выдержало и тѣло мое:

я сдѣлался боленъ горячкою; но едва возвратилось ко мнѣ сознаніе, я снова началъ думать о Нинѣ. Писемъ отъ нея не было: мнѣ казалось, что и она больна, что она, можетъ-быть, умерла. «У меня никого нѣтъ теперь! — говорилъ я самъ съ собою: — отца нѣтъ уже въ живыхъ, нѣтъ и Нины!» Я не читалъ обыкновенно ни одного письма изъ М., страшась, что непремѣнно въ которомъ-нибудь изъ нихъ меня увѣдомятъ о смерти Нины. Мысль о томъ, что ея уже болѣе не существуетъ на свѣтѣ, еще болѣе утвердилась тѣмъ, что я отъ Вильгельма Ѳедоровича получилъ письмо съ черною печатью. Сердце мое сжалось. Я посмотрѣлъ только на адресъ и, не смѣя распечатать, бросилъ письмо въ огонь. Но время шло. Здоровье мое поправилось. Пріятели мои мучили меня каждодневно, или говоря мнѣ безъ всякаго смысла утѣшительныя фразы, или давая ни къ чему не ведущіе совѣты. Видя, что я ничѣмъ не занимаюсь, нигдѣ не служу, они твердо убѣдились, что меня непремѣнно надобно женить, и безпрестанно мнѣ о томъ толковали; благодаря ихъ усерднымъ хлопотамъ, были прiисканы двѣ очень выгодныя невѣсты съ прекраснымъ родствомъ и состояніемъ; но я рѣшительно отказался, и мнѣ кажется, что причиною моего отреченія было по преимуществу то, что обѣ дѣвушки нисколько не походили на Нину. Странное дѣло, какъ она совпала съ моимъ идеаломъ!

Спустя три года я опять ѣхалъ черезъ М. Боже мой! Этотъ городъ не имѣлъ уже для меня никакого значенія: въ немъ нѣтъ уже Нины, а слѣдовательно нѣтъ и ничего. Съ глубокою тоскою въѣхалъ я въ ту улицу, гдѣ жилъ Вильгельмъ Ѳедоровичъ... Но вотъ и его домъ... Я невольно выглянулъ изъ экипажа и чуть не упалъ въ обморокъ: у раскрытаго окна сидѣла Нина. Мнѣ хотѣлось-было тотчасъ же взойти къ нѣмцу, но я вспомнилъ, что былъ не одѣтъ; тайное предчувствіе говорило мнѣ, что я не могу въ этомъ домѣ попрежнему являться запросто, и я велѣлъ ямщику что̀ есть духу гнать въ гостиницу. Не могу выразить того, что̀ было со мной въ эти минуты! Мнѣ было весело, очень весело!.. Тоска моя вмигъ улетѣла отъ меня на тысячу верстъ. Попадавшіеся навстрѣчу люди казались мнѣ такими красивыми, такими счастливыми, такими добрыми, лѣтній день какъ будто бы сдѣлался яснѣе и свѣжѣе, и солнце менѣе пекло: всюду было, казалось мнѣ, такъ много жизни, довольства!.. Желтые каменные домы купцовъ, сѣрые, деревянные, плохая мостовая, безконечно длинные заборы, оборванный школьникъ съ сумкою черезъ плечо, баба съ рѣпой и морковью на лоткѣ—все это казалось мнѣ картинно и живописно! Я не чувствовалъ уже въ себѣ вѣчныхъ моихъ спутниковъ,

физическихъ страданій: я какъ будто бы поздоровѣлъ въ одну минуту; я забылъ мое горькое прошедшее и предчувствовалъ впереди отрадное будущее. Нужно ли говорить, какъ торопился я переодѣться. Я самъ сбѣгалъ за водою, чтобы умыться, рылся въ чемоданѣ, бранилъ за неповоротливость моего лакея. Одѣвшись, я почти бѣгомъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Въ лакейской у нѣмца меня остановилъ человѣкъ въ ливреѣ вопросомъ:—«Какъ прикажете доложить?» Это меня удивило: у Вильгельма Ѳедоровича никогда не бывало этого обыкновенія. — «Скажи, что пріѣхалъ какой-то». Слуга ушелъ и, возвратившись черезъ минуту, проговорилъ:—«Пожалуйте». Я быстро прошелъ залу и почти не вѣрилъ себѣ: я шелъ по паркету; мнѣ попадали въ глаза то огромное зеркало, то китайскій бильярдъ, то бронзовый канделябръ, и мало ли что еще! «Неужели это я въ домѣ у Вильгельма Ѳедоровича?» — подумалъ я; но, войдя въ гостиную, я не видѣлъ уже ничего, потому что предо мною была Нина. При моемъ приходѣ она привстала съ креселъ.

— Mon Dieu! Bonjour, нежданный гость! — сказала она, протягивая мнѣ руку:—прошу садиться.

Я не могъ еще придти въ себя... Это была точно Нина; и она была такъ же хороша, но значительно пополнѣла: ея голосъ былъ гораздо звонче, грустная улыбка замѣнилась какимъ-то выраженіемъ надменности.

— А вашъ батюшка?—спросилъ я, садясь въ кресло.

— Батюшка въ деревнѣ, а матушка — здѣсь, — отвѣчала она.—Какъ вы перемѣнились! Постарѣли!.. — вскрикнула она, всмотрѣвшись въ мое лицо.

— Немудрено: я много перенесъ. У меня умеръ отецъ.

— Скажите—какое несчастье!

— Но и вы перемѣнились.

— Право? Что дѣлать,—я уже теперь старуха, третій годъ замужемъ!

— Замужемъ!—повторилъ я, не могши скрыть волненія:—третій годъ замужемъ!

— А вы и забыли? Хорошъ знакомый!

— Я не зналъ и не думалъ, что выйдете такъ скоро замужъ!

— Почему?

Она позвонила въ это время въ колокольчикъ.

— Потому что я оставилъ васъ очень больною, помните, какъ вы тосковали.

— Старыя глупости,—сказала она, сдѣлавши гримасу.

Въ это время вошелъ лакей.

— У васъ никогда не стерто со столовъ! — сказала Нина, нахмурясь:—посмотри, сколько пыли.

— Да я стиралъ,—началъ-было лакей.

Но Нина, нахмурясь, посмотрѣла на него, и онъ молча началъ перетирать всѣ столы.

Тутъ только началъ я разсматривать, что снизу въ прекрасно убранной гостиной, далеко не похожей на ту, въ которой я нѣкогда бывалъ у нѣмца: вмѣсто небольшихъ, съ мелкимъ переплетомъ оконъ, были уже вставлены цѣльныя стекла, мебель орѣховаго дерева съ золотомъ, огромныя зеркала, мягкій, съ прекрасными узорами, подъ ногами коверъ, мраморный каминъ, столъ съ сотнею модныхъ бездѣлушекъ. Вотъ что сдѣлалось изъ любимой комнаты Вильгельма Ѳедоровича, въ которой прежде, кромѣ жесткой и увѣсистой мебели да разбросанныхъ книгъ, ничего не бывало. Я не спрашивалъ Нину, кто ея мужъ: мнѣ стыдно было признаться, что я, боясь услышать о ея смерти, не читалъ писемъ изъ М...

— Вотъ мой мужъ,—сказала Нина, указывая мнѣ на входящаго толстаго мужчину.

Это былъ Сергѣй Сергѣичъ, котораго я видѣлъ прежде у нихъ.

— Рекомендую тебѣ стараго знакомаго,—продолжала она.

— Очень пріятно! — отвѣчалъ тотъ, кланяясь и обтирая катившійся съ лица потъ.

Онъ, видно, очень усталъ и почти повалился въ кресла.

— Куда это ты, помилуй, заѣхалъ?—начала Нина не слишкомъ ласковымъ голосомъ, обращаясь къ своему мужу:—мнѣ нужно было ѣхать съ визитомъ,—а вотъ и просидѣла.

— Въ уѣздный судъ ѣздилъ.

— Прислалъ бы лошадей, самъ бы могъ придти и пѣшкомъ.

— Чего пѣшкомъ—я и такъ усталъ!

— И прекрасно, что усталъ: тебѣ моціонъ очень полезенъ. Дарья Семеновна на-дняхъ уже три раза была у меня съ визитомъ, а я у нея ни разу. Ни на что не похоже! Хорошъ мужъ! Заѣдетъ и сидитъ, точно не знаетъ, что одинъ кучеръ.

— Да что же дѣлать, душа моя?

— Вели по крайней мѣрѣ поскорѣе заложить другую пару: эти устали.

— Ничего, и эти свезутъ.

— Вы всегда такъ, непремѣнно напротивъ.

Сергѣй Сергѣичъ видѣлъ необходимость повиноваться: кряхтя, всталъ онъ съ креселъ и поплелся въ залу.

Я смотрѣлъ на Нину и ни слова не говорилъ: мнѣ было досадно на нее, на себя, на весь міръ; она тоже молчала...

Но безмолвная наша бесѣда прервана была приходомъ третьяго лица: это была Дарья Семеновна, которая имѣла счастье также быть замужемъ за Сашенькою Поддевкинымъ.

— Дашетъ! Ниночка! — вскрикнули въ одинъ голосъ обѣ дамы и звонко поцѣловались.

— Ахъ, душа, какъ я тебѣ рада, — начала хозяйка: — извини, что я у тебя не была, сейчасъ хотѣла ѣхать — вотъ свидѣтель!

Она указала на меня.

— Фи, ma chère, что за счеты визитами! А я сейчасъ была у Лопатиныхъ.

— Ну что? Разскажи, пожалуйста.

— Умора! Тотъ, знаешь, сидитъ тутъ.

— Ну?

— Ну, ничего! Рисуетъ ей въ альбомъ что-то.

— Какія нѣжности!.. Да, поздравляю: въ домѣ Гвоздиковыхъ извѣстная тебѣ исторія кончена.

— Не можетъ быть!

— Я тебя увѣряю!.. Онъ сватается за старшую дочь. Другъ друга стоятъ. Пара будетъ!

— Гдѣ ты вчера была?

— На обѣдѣ у Бахмуровой. Какъ была Ковалева одѣта!

— Воображаю!

— Нѣтъ, трудно вообразить даже! Представь себѣ: ярко-голубое шелковое платье съ черною бархатною отдѣлкою, шоколаднаго цвѣта камаль съ какими-то огромными кистями и блондовый чепецъ съ желтыми лентами,—совершенно червонная дама!

— Ахъ, какое безвкусіе!.. Будешь въ концертѣ у тирольцевъ?

— Нѣтъ, ma chère, не поѣду: дорого очень, три рубля!

— Говорятъ, бѣдное семейство, пѣшкомъ изъ столицы пришли.

— Много ихъ, бѣдныхъ, шляется!

Я не могъ далѣе выдержать и началъ раскланиваться. Нина спросила меня: долго ли я еще здѣсь пробуду; но я сказалъ, что не знаю; она просила меня когда-нибудь пріѣхать къ нимъ отобѣдать. Я молча поклонился.

«Итакъ, — думалъ я, пріѣхавъ домой: — Нина не умерла, Нина вышла замужъ; Нина хозяйничаетъ, бранитъ слугъ, командуетъ мужемъ, помѣшана на визитахъ и сплетняхъ! А я думалъ, что она не для здѣшняго міра рождена! Неужели мнѣ цѣлый вѣкъ суждено ошибаться въ людяхъ? Неужели она такъ измѣнилась? Нѣтъ, всегда она, видно, была такая, но только

я придалъ ей то, что̀ мнѣ хотѣлось видѣть въ ней, и Нину живую облекъ въ форму Нины мечтательной. Дай мнѣ Богъ такъ ошибаться весь вѣкъ и видѣть человѣка лучшимъ, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ! Дорого мнѣ стоило разубѣжденіе въ Нинѣ!..»

Нину болѣе я не видалъ, уѣхалъ изъ М. и забылъ ее; но помню другую Нину, Нину мечты моей!

1848.

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ХОЗАРОВЪ и МАРИ СТУПИЦЫНА.

(Бракъ по страсти.)

Повѣсть.

I.

Мелкія натуры только претендуютъ на любовь и неудачно драпируются плащомъ Ромео и Юліи.

Въ одномъ изъ московскихъ переулковъ, вѣроятно, еще и теперь стоитъ большой каменный домъ, на воротахъ коего нѣкогда красовалась вывѣска съ надписью: «Здѣсь отдаются квартиры со столомъ, спросить Госпожу Замшеву». Осеннее солнце (это было часу въ десятомъ утра) заглянуло, между прочимъ, и въ квартиры со столомъ, и въ комнатѣ, занимаемой хозяйкою, освѣтило обычную утреннюю сцену. Госпожа, или, лучше сказать, дѣвица Замшева сидѣла передъ столомъ и пила чай; передъ нею, нѣсколько въ почтительномъ отдаленіи, стояла баба. Нельзя сказать, чтобы обѣ эти женщины, хотя и были освѣщены волшебнымъ свѣтомъ солнца, представляли живописныя фигуры. Почтеннѣйшая хозяйка, дѣвица слишкомъ за сорокъ, одѣтая въ какой-то не совсѣмъ опрятный капотъ-распашонку, имѣла лицо страшно рябое и очень тоненькія и жидкія косы, которыя обыкновенно, называются мышиными хвостами. Костлявыя руки дѣвицы Замшевой, вообще немного плоской и худой, носили на себѣ остатокъ утренней возни съ провизіею. Про бабу и говорить нечего: это былъ какой-то грязный комокъ,—комокъ, впрочемъ, плотный и здоровый.

— Такъ ты сдѣлаешь супъ изъ телятины, — начала хозяйка: — сосиски подъ капустой и зажаришь голубей, да еще

изъ вашей говядины выбери получше кусочекъ и свари щи и завари кашу.

— Всѣмъ всяво давать?—спросила баба.

— Опять всѣмъ! Развѣ я тебѣ, глупая, не толковала, — возразила хозяйка:—во второй номеръ пошли всего и спроси, чего имъ угодно. Сибариту дай только супу и сосисокъ, Ѳерапонту Григорьичу пошли щей, сосисокъ и каши. Въ четвертый номеръ отошли только супу безъ телятины и каши, да смотри, какъ можно меньше масла.

— Да, вчера и то чуть не прибили,—замѣтила баба.

— Вотъ прекрасно, разсуждаешь еще! Не твое дѣло,—возразила хозяйка.

— Да вѣдь дерутся; этта черноволосый-то въ кухню прибѣжалъ, лаялся-лаялся, ажно ухватъ схватилъ!

— Велика важность, ухватъ схватилъ! Имъ же хуже! Въ пятый номеръ ничего не посылай, кромѣ супу: человѣкъ больной, ему діэта нужна. Въ шестой номеръ пошлешь всего и спросишь: чего хотятъ, да голубей отправь парочку: онъ охотникъ.

— Не запомню, Татьяна Ивановна, вся ваша воля, не запомню,—отвѣчала кухарка.

— Ну, такъ и есть, перемѣшай опять.

— Вся ваша воля, памяти на алтынъ нѣтъ.

— Поди, этакій деревенскій неучъ! Еще не безъ чего четвертый годъ въ Москвѣ живешь,—возразила съ сердцемъ Татьяна Ивановна. — Дай мнѣ умыться, — сказала она и начала доставать изъ комода мыло, полотенце и угольный порошокъ. Кухарка между тѣмъ достала изъ-подъ кровати тазъ съ огромнымъ умывальникомъ. Распустивъ совершенно капотъ-распашонку, Татьяна Ивановна первоначально натерла зубы угольнымъ порошкомъ, выполоскала ихъ потомъ и, вслѣдъ затѣмъ, принялась обмывать руки, лицо и даже грудь. Почти цѣлое ведро было издержано на омовеніе ея сорокалѣтнихъ прелестей, которыя потомъ, какъ водится, были старательно обтерты полотенцемъ, а кухарка отослана къ исполненію ея прямыхъ обязанностей. Оставшись одна, Татьяна Ивановна принялась убирать волосы. Приведя голову въ порядокъ, она вынула изъ комода пузырекъ съ бѣлою жидкостью и начала оною натирать лицо, руки и шею; далѣе, вынувъ изъ того же комода ящичекъ съ краснымъ порошкомъ, слегка покрыла имъ щеки. Украсивъ такимъ образомъ свое лицо и возложивъ на себя извѣстное число юбокъ, Татьяна Ивановна наконецъ надѣла свое холстинковое почти новенькое платье, и — странное дѣло, что̀ значитъ женскій туалетъ!—передъ вами какъ будто

появилась другая женщина; не говоря уже о томъ, что рябины разгладились, стали гораздо незамѣтнѣе, что цвѣтъ лица сдѣлался совершенно другой, что самая худоба стана пополнѣла, но даже коса, этотъ мышиный хвостъ сдѣлался гораздо толще, роскошнѣе и весьма красиво сложился въ нѣчто въ родѣ корзинки.

Одѣвшись совершенно, Татьяна Ивановна намѣревалась приступить къ подвигу хожденія по номерамъ для собиранія денегъ съ своихъ постояльцевъ.

Изъ послѣдующихъ сценъ мы убѣдимся, что это былъ дѣйствительно подвигъ,—подвигъ трудный и рѣдко сопровождающійся должнымъ успѣхомъ. Въ эпоху предпринятаго мною разсказа, у дѣвицы Замшевой постояльцами были: какой-то малороссъ, человѣкъ еще молодой, который первоначально всякій день куда-то уходилъ, но вотъ уже другой мѣсяцъ сидѣлъ все, или, точнѣе сказать, лежалъ дома, хотя и былъ совершенно здоровъ, за что Татьяной Ивановной и прозванъ былъ сибаритомъ; другіе постояльцы: музыкантъ, старый помѣщикъ, двѣ неопредѣленныя личности, танцовальный учитель, съ полгода болѣвшій какою-то хроническою болѣзнью, и наконецъ молодой помѣщикъ Хозаровъ. Татьяна Ивановна, какъ могли мы замѣтить изъ предыдущаго ея разговора въ отношеніи обѣда съ кухаркою, неодинакимъ образомъ третировала своихъ постояльцевъ. Она раздѣляла ихъ на три класса: на *милашекъ*, на *такъ-себѣ* и на *гадкихъ*. Къ числу *милашекъ* принадлежали: двое помѣщиковъ и музыкантъ, который былъ, впрочемъ, тайный милашка, и о немъ она даже мало говорила; къ *такъ-себѣ* относились: сибаритъ и танцовальный учитель; къ *гадкимъ*—двѣ неопредѣленныя личности. Постояльцы, съ своей стороны, именовали Татьяну Ивановну: *почтеннѣйшая*.

Выйдя изъ своей комнаты, Татьяна Ивановна подошла къ первому номеру, то-есть къ сибариту.

— Что, можно?—спросила она, пріотворивъ немного двери.

— Можно,—отвѣчалъ голосъ изнутри.

— Да вы въ постели?

— То-есть я на кровати.

— Ну такъ прикройтесь.

— Войдите, прикрылся.

Для объясненія такого рода переговоровъ, я долженъ здѣсь замѣтить, что малороссъ, несмотря на громкое титло сибарита, имѣлъ не совсѣмъ полный комплектъ утреннихъ и ночныхъ принадлежностей человѣка. Онѣ ограничивались одною ваточною шинелью, которую онъ обыкновенно подстилалъ подъ себя, не прикрывая себя сверху ничѣмъ.

Несмотря на увѣренія постояльца, что онъ прикрылся, дѣвица Замшева не вѣрила и входила въ комнату, стараясь быть къ кровати жильца спиною, и въ томъ же самомъ положеніи начинала съ нимъ вести дальнѣйшіе переговоры.

— Я къ вамъ.

— А что?

— Нѣтъ ли у васъ денегъ?

— Увы, Татьяна Ивановна, совершенно нѣтъ.

— Да какъ же мнѣ-то дѣлать?

— Не знаю, моя почтеннѣйшая!

— Вы за три мѣсяца не платили.

— Вы себя обсчитываете, почтеннѣйшая. Съ процентами больше, чѣмъ за три. Что дѣлать! Я бы вамъ сейчасъ отдалъ за четыре, но нема пенензы.

— Ахъ, какой вы смѣшной! Да что теперь я-то буду дѣлать?

— Одно только: выслушайте меня, почтеннѣйшая Татьяна Ивановна! Неужели же вы думаете, чтобы я, имѣя деньги, отказалъ себѣ въ трубкѣ табаку? Но я теперь не курю, слѣдовательно теперь у меня нѣтъ денегъ.

— А третьяго-дня на что въ трактиръ ходили, и пьяный еще Матрену, безстыдникъ этакій, обругалъ?

— Ахъ, Татьяна Ивановна, не растравляйте раны! Это былъ сонъ, и сонъ прекрасный, но онъ миновался и сегодня не повторится.

— Да не со сна же вы опьянѣли? Гдѣ денегъ-то взяли?

— Денегъ у меня не было, но ко мнѣ явился благодѣтельный геній и сказалъ: «надѣнь мой сюртукъ, мои калоши, пойдемъ въ трактиръ, пей и ѣшь»

— Все вы лжете: оттуда вамъ денегъ-то пришлютъ?

— Ну, это другой вопросъ. Денегъ должны мнѣ прислать: во-первыхъ, отецъ, во-вторыхъ, тетки, въ-третьихъ, братья, въ-четвертыхъ, сестры.

— Да, вотъ такъ и ждите.

— Непремѣнно пришлютъ!

— Ну, смотрите, больше нынѣшняго мѣсяца не стану ждать, — отвѣчала Татьяна Ивановна и съ тою же предосторожностью начала выходить изъ номера.

— Татьяна Ивановна, а Татьяна Ивановна! — кричалъ ей вслѣдъ сибаритъ:—пришлете мнѣ сегодня обѣдать?

— Не знаю.

— Пришлите, пожалуйста, да чтобы супъ-то былъ немного повкуснѣе, а то въ простой водѣ больше жиру; хоть хлѣба присылайте побольше.

Татьяна Ивановна на эти слова ничего не отвѣтила и слѣдующій за тѣмъ номеръ прошла мимо; въ немъ проживалъ секретный ея милашка, музыкантъ, она къ нему никогда не заходила по утрамъ. Въ ближайшій номеръ дѣвица Замшева вошла безъ всякихъ предосторожностей, съ выраженіемъ лица болѣе веселымъ, совершенно добрымъ и нѣсколько даже почтительнымъ. Въ этомъ номерѣ жилъ милашка — старый помѣщикъ, значительно толстый и сильно обросшій усами и бакенбардами. Комната его, по своему убранству, совершенно не походила на предыдущій номеръ: во-первыхъ, на кровати лежала трехпудовая перина и до пяти подушекъ; по стѣнамъ стояли: ящики, ящички, два тульскія ружья, нѣсколько черешневыхъ чубуковъ, висѣли четверня московскихъ шлей съ оголовками и калмыцкій тулупъ; по окнамъ стояли чашки, чайникъ, кофейникъ, судокъ для винъ, графинъ съ водкой и фунта два икры, московскій колачъ и десятокъ редиски. Самъ помѣщикъ, въ толсто-настеганномъ шерстяномъ халатѣ, сидѣлъ передъ новенькимъ огромнымъ самоваромъ изъ красной мѣди и кушалъ чай. Сзади его лакей въ домотканномъ чепанѣ поправлялъ на оселкѣ бритву.

— Кто тамъ? — закричалъ милашка-помѣщикъ, услышавъ скрипъ дверей.

— Хозяйка,—отвѣчалъ лакей.

— А!..—произнесъ помѣщикъ:—что скажете, голубушка? Не хотите ли чаю?.. Ванька, подай ей чаю.

— Я пришла навѣдаться, хорошо ли вамъ.

— Ничего... идетъ; только клоповъ или блохъ много.

— Блохи, должно-быть, безпокоили васъ. Клоповъ здѣсь совершенно нѣтъ. Я вотъ здѣсь третій годъ живу, а никогда ни одного клопа въ глаза не видала,—отвѣчала Татьяна Ивановна:—не знаю, какъ бы вамъ помочь въ этомъ: крапивы развѣ подъ простыню подложить? Говорятъ, это помогаетъ.

— Ничего не надо, и такъ сойдетъ; а вотъ что, голубушка, суповъ-то мнѣ своихъ не подавай: мерзость страшная.

— Я думала, что вы изволите любить.

— Какого тутъ чорта любить! Вари мнѣ щи да и голубями не изволь потчевать: я этой мерзости совсѣмъ не ѣмъ.

— Слышала, батюшка Ѳерапонтъ Григорьичъ, слышала: съ сегодняшняго же дня велѣла приготовлять столъ по вашему вкусу. У насъ вѣдь нельзя-съ, стоятъ больше иностранцы.

— Ну, иностранцевъ и корми супами; а мнѣ этихъ помой не надобно.

— Слушаю-съ,—отвѣчала хозяйка:—а вы, я вижу, еще по-

купочку сдѣлали,—прибавила она, оглядывая комнату:—хомутики изволили купить?

— На цѣлую четверню хватилъ, матушка. Ванька, покажи хозяйкѣ хомуты. Ну, посмотри, во сколько оцѣнишь?

— Не могу сказать, Ѳерапонтъ Григорьичъ: совершенно неопытна въ конскихъ вещахъ.

— Да ты посмотри, какой ремень-то: совершенный бархатъ.

— Вижу, батюшка, ремень отличнѣйшій; но, признаться сказать, мнѣ больше всего нравится шляпка, что̀ для супруги изволили купить.

— Ха-ха-ха!.. Ты вѣдь думала, что я ее на Кузнецкомъ купилъ?

— Да вы и то безпремѣнно на Кузнецкомъ купили, по фасону видно.

— Ха-ха-ха!.. На Ильинкѣ за двадцать пять рублей. Даромъ, матушка, что деревенщина, не надуютъ.

— А я-было къ вамъ пришла, Ѳерапонтъ Григорьичъ...

— А что̀?

— Да деньжонокъ...

— Вотъ тебѣ на! Я вѣдь тебѣ и то за цѣлый мѣсяцъ далъ впередъ.

— Нужно, батюшка, видитъ Богъ, нужно; ну, хочется, чтобы всѣмъ было покойно.

— Нѣтъ, мадамъ, больше не дамъ.

— Батюшка, Ѳерапонтъ Григорьичъ, не погубите, совершенно погибаю: все перезаложила, съ позволенія сказать, юбку третьяго-дня продала на толкучкѣ.

— Да вѣдь и то я тебѣ задавалъ впередъ.

— Благодѣтель мой, вы еще здѣсь пробудете. Сдѣлайте божескую милость: дайте.

— Экая вѣдь ты нуня! Ну, на̀ десять рублей.

— Одолжите, благодѣтель, двадцать.

— Не дамъ, пошла вонъ!—закричалъ, осердившись, помѣщикъ: — дармоѣды этакіе московскіе! — прибавилъ онъ вполголоса.

— Батюшка Ѳерапонтъ Григорьичъ, нужда. Неужели бы я осмѣлилась васъ безпокоить, если бы не крайность моя?

— Ну, ладно, прощай: мнѣ бриться пора.

Татьяна Ивановна пошла.

Для объясненія грубаго тона, который имѣлъ съ Татьяной Ивановной Ѳерапонтъ Григорьичъ, — человѣкъ вообще порядочный, — я долженъ замѣтить, что онъ почтеннѣйшую хозяйку совершенно не отдѣлялъ отъ хозяекъ на постоялыхъ дворахъ и единственное находилъ между ними различіе въ

томъ, что тѣ русскія бабы и ходятъ въ сарафанахъ, а эта изъ нѣмокъ и рядится въ платье, но что всѣ онѣ ужасныя плутовки и подхалимки.

Въ ближайшемъ номерѣ помѣщались двое гадкихъ ея постояльцевъ. Въ комнатѣ ихъ, какъ и въ будуарѣ сибарита, ничего не было, кромѣ двухъ диванovъ, одного стола и стула. Эти два человѣка жили, кажется, очень дружно между собою и цѣлые дни играли въ преферансъ, принимаясь за это дѣло съ самаго утра и продолжая оное до поздней ночи. По наружности они были частью схожи: оба были одѣты въ страшно запачканные халаты; ноги одного покоились въ валеныхъ сапогахъ, а у другого — въ калошахъ; лица были у обоихъ испитыя, нечистыя, съ небритыми бородами и съ взъерошенными—у одного черными, а у другого—бѣлокурыми волосами.

Во время прихода Татьяны Ивановны они были за обычнымъ своимъ дѣломъ, то-есть играли въ преферансъ. Хозяйка вошла къ нимъ въ номеръ съ физіономіею гордою и строгою.

— А вы ужъ съ ранняго утра и за карты! И праздника-то на васъ нѣтъ, грѣховодники этакіе, — сказала она, подходя къ столу.

На эти слова игроки ничего не отвѣчали.

— Ты въ чемъ игралъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ товарища.

— Въ червяхъ безъ одной, — отвѣчалъ другой.

— Нечего тутъ въ червяхъ; денегъ давайте лучше, — проговорила хозяйка.

— Купилъ, — сказалъ одинъ игрокъ.

— Бубны, — перебилъ его партнеръ.

— Да что это, глухи, что ли, вы стали? Я пришла за деньгами.

— Пасъ и не приглашаю, — сказалъ игрокъ.

— Безстыдники этакіе! Еще благородные, а хотятъ чужой хлѣбъ даромъ ѣсть.

— Ну, ну, потише, почтеннѣйшая! — сказалъ одинъ изъ постояльцевъ: — куплю!

— Нечего потише... Что вы, племянники, что ли, мнѣ, васъ даромъ держать?

— Пикендрясы, — проговорилъ его товарищъ.

— Да что я вамъ на смѣхъ, господа, что ли, далась? — сказала, начиная не на шутку сердиться, Татьяна Ивановна:— сегодня же извольте съѣзжать, когда не хотите платить денегъ, а не то, право, въ полицію пойду, разорители этакіе!

— Среди игры, среди забавы,
Среди благополучныхъ дней! —

запѣлъ одинъ изъ игроковъ.

— Безкозырная, — прибавилъ онъ.

— Вистъ съ болваномъ, — отвѣчалъ другой и тоже запѣлъ:

— Среди богатства, чести, славы!

Татьяна Ивановна совершенно вышла изъ себя и плюнула.

— Провалиться мнѣ сквозь землю, если я дамъ вамъ сегодня обѣдать; топить не стану; вьюшки оберу, разбойники этакіе... грабители!.. Туда же въ карты играютъ; милостинками, что ли, другъ другу платить станете? — говорила она, выходя изъ номера.

— Ваня, — сказалъ одинъ изъ постояльцевъ: — гривенникъ есть у тебя?

— Есть, — отвѣчалъ другой.

— Ладно; а то, братъ, дура-то не пришлетъ обѣдать.

— Ничего... Хлѣба купимъ... Пики!

Между тѣмъ Татьяна Ивановна отправилась въ другой номеръ, въ которомъ проживалъ ея постоялецъ *такъ-себѣ* — танцовальный учитель; онъ, худой, какъ мертвецъ, лежалъ на диванѣ подъ изорваннымъ тулупомъ.

— Что, вамъ лучше ли?—сказала, войдя, Татьяна Ивановна.

Больной кивнулъ отрицательно головой.

— Да вы бы въ больницу ѣхали.

— Завтра.

— Да что завтра? Вотъ уже третій мѣсяцъ говорите все «завтра».

— Денегъ нѣтъ!

— Продали бы что-нибудь.

— Все уже продано.

— То-то и есть, все продано; денегъ нѣтъ, а еще рому покупали въ семь рублей, да еще и пьяны напились.

— Для испарины.

— Да для испарины не допьяна пьютъ. Больной человѣкъ, а туда же кутите. Марѳутка сказывала, что едва васъ оттерла.

— Я всю бутылку выпилъ. Что дѣлать? Съ горя!

— Ну, а мнѣ-то какъ же? За цѣлый мѣсяцъ ни копейки не платили, а вѣдь, я думаю, я каждый день нарочно для васъ супъ варю.

— Дайте поправиться.

— Полноте съ вашимъ поправленьемъ. Ноги-то, я знаю, у васъ хороши, да губы-то къ вину очень лакомы. Нѣтъ ли хоть сколько-нибудь?

— Ни копейки нѣтъ.

Татьяна Ивановна махнула рукой и вышла изъ комнаты.

Въ сосѣднемъ номерѣ проживалъ третій ея милашка. Мало

этого: онъ былъ, какъ сама она разсказывала, ея другъ и повѣрялъ ей всѣ свои секреты. Занимаемый имъ номеръ былъ самый чистый, хотя и не совсѣмъ теплый. Въ самомъ тепломъ номерѣ проживалъ секретный ея милашка — музыкантъ. Въ то время, какъ Татьяна Ивановна вошла къ другу, онъ сидѣлъ и завивался. Марѳутка, толстая и довольно неопрятная дѣвка, исправлявшая, по распоряженію хозяйки, обязанность камердинера милашки, держала передъ нимъ накаленные компасы.

— А вы все франтите? — сказала Татьяна Ивановна, входя въ комнату.

— Съ добрымъ утромъ, почтеннѣйшая! Прошу принять мѣсто и побесѣдовать, — отвѣчалъ тотъ, старательно укладывая свои волосы въ щипцы.

— Марѳа вамъ нужна?

— Нѣтъ, я самъ завьюсь... А что?..

— То-то, я хотѣла вамъ велѣть кофею принести.

— Mercі, тысячу разъ mercі, почтеннѣйшая. Съ большимъ удовольствіемъ выпью, — сказалъ милашка, протягивая хозяйкѣ руку.

— Для милаго дружка и сережка изъ ушка, — сказала Татьяна Ивановна.—Поди, свари,—прибавила она, обращаясь къ Марѳѣ.

Та вышла.

Такъ какъ этотъ другъ Татьяны Ивановны долженъ въ моемъ разсказѣ играть главную роль, то я обязаннымъ себя считаю поподробнѣе познакомить читателя съ его наружностью, отчасти біографіею и главными наклонностями. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, поручикъ въ отставкѣ, былъ лѣтъ двадцати семи; лицо его было одно изъ тѣхъ, про которыя говорятъ, что они похожи на парижскія журнальныя картинки: и носъ, напримѣръ, у него былъ немного орлиный, и губы тонкія и розовыя, и румянецъ на щекахъ свѣжій, и голубые, правильно очерченные и подернутые влагою глаза, а надъ ними тонкою дугою обведенныя брови, и наконецъ усы, не такъ большіе и не очень маленькіе. Про прическу и говорить нечего: она была совершенно по модѣ того времени, то-есть на темени приглажена, а на вискахъ и на затылкѣ разбита въ букли. Въ лицѣ его, если хотите, все было хорошо, свѣжо, даже правильно и гармонировало одно съ другимъ; но въ то же время чего-то недоставало, что вы желаете и любите видѣть въ лицѣ человѣка. О подобныхъ физіономіяхъ существуютъ два совершенно противоположныя мнѣнія. Одни говорятъ, что это красавцы, миленькіе, даже молодцы, мало этого, Аполлоны Бельведерскіе; другіе же называютъ ихъ смазливыми рожи-

цами, масками, расписными купидонами и даже форейторами, смотря по тому, какой у кого эпитетъ ближе на языкѣ. О героѣ моемъ предоставляю вамъ, читатель мой, избрать какое будетъ угодно изъ вышеупомянутыхъ мнѣній. Кромѣ своей пріятной наружности, Сергѣй Петровичъ владѣлъ еще многими другими достоинствами. Служа въ полку, онъ слылъ за славнаго малаго, удивительнаго мастера танцовать и вообще за человѣка хорошо образованнаго, потому что имѣлъ очень приличныя манеры, говорилъ по-французски, владѣлъ перомъ и сочинялъ стихи, изъ коихъ двое даже были напечатаны въ какомъ-то журналѣ, но главное—онъ имѣлъ необыкновенно много вкуса. При первой возможности молодой поручикъ такъ мило отдѣлывалъ и меблировалъ свою квартиру, что пріѣзжавшія къ нему, разумѣется, съ мужьями, дамы ахали отъ восторга и удивленія; экипажъ у него былъ одинъ изъ первыхъ между всѣми господами офицерами; жжёнку Хозаровъ умѣлъ варить классически, и вообще съ неподражаемымъ умѣньемъ распоряжался пріятельскими пирушками и всегда почти, по просьбѣ помѣщиковъ, устраивалъ у нихъ балы,—и балы выходили отличные. Двѣ только слабости имѣлъ молодой человѣкъ: во-первыхъ, онъ былъ очень влюбчивъ, такъ что не проходило мѣсяца, чтобы онъ въ кого-нибудь не влюбился, и влюблялся обыкновенно искренно, но только ненадолго; во-вторыхъ, имѣлъ сильную наклонность и большую въ то же время способность—брать взаймы деньги. Надъ первою его слабостью товарищи подтрунивали и называли его *Сердечкинымъ*, вторымъ же недостаткомъ даже тяготились, особенно въ послѣднее время, такъ какъ эта наклонность въ немъ со дня на день болѣе и болѣе развивалась. По выходѣ въ отставку Хозаровъ года два жилъ въ губерніи и здѣсь успѣлъ заслужить то же реноме; но такъ какъ въ небольшихъ городахъ вообще любятъ дѣлать изъ мухи слона и, по преимуществу, на недостатки человѣка смотрятъ сквозь увеличительное стекло, то и о поручикѣ начали разсуждать такимъ образомъ: онъ человѣкъ ловкій, свѣтскій и даже, если вамъ угодно, ученый, но только мотыга, любитъ жить не по средствамъ, и что все свое состояньишко пропировалъ да пробарствовалъ, а теперь вотъ и ждетъ, не выпадетъ ли на его долю какой-нибудь дуры-невѣсты съ тысячью душами, но такихъ будто нынче совсѣмъ и на свѣтѣ нѣтъ. Конечно, читатель изъ одного того, что герой мой, надѣленный, по волѣ судебъ, такимъ прекраснымъ вкусомъ, проживалъ въ номерахъ Татьяны Ивановны,—изъ одного этого можетъ уже заключить, что обстоятельства Хозарова были не совсѣмъ хороши; я же, съ своей стороны,

скажу, что обстоятельства его были никуда не годны. Имѣніе его уже окончательно было продано, въ Москву онъ пріѣхалъ съ двумя тысячами на ассигнаціи; но что̀ значатъ эти деньги для человѣка со вкусомъ? Капля въ морѣ! Въ настоящее время Хозаровъ жилъ старымъ кредитомъ во всевозможныхъ мѣстахъ, гдѣ только ему вѣрили. Къ Татьянѣ Ивановнѣ онъ явился послѣ не совсѣмъ пріятной исторіи съ m-r Шевалдышевымъ, у котораго онъ первоначально стоялъ, и явился, какъ говорится, съ форсомъ, а именно, въ отличномъ пальто и съ эффектною палкою, у которой на ручномъ концѣ красовалась позолоченная головка одного изъ греческихъ мудрецовъ. Первоначально онъ потребовалъ лучшій номеръ, раскритиковалъ его какъ слѣдуетъ, а потомъ, разговорившись съ хозяйкою, нанялъ, и въ дальнѣйшемъ разговорѣ такъ очаровалъ Татьяну Ивановну, что она не только не попросила денегъ въ задатокъ, но даже послѣ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, держала его безъ всякой уплаты и все-таки считала милашкою и даже передавала ему заимообразно рублей до ста ассигнаціями изъ своихъ собственныхъ денегъ. Любить его, нѣсколько корыстно для самой себя, она не смѣла и подумать, но чувствовала къ нему дружбу и гордилась этимъ. Милашка же, съ своей стороны, высказывалъ сорокалѣтней дѣвицѣ самыя задушевныя свои тайны. Что касается до помѣщенія Сергѣя Петровича, то и оно обнаруживало главныя его наклонности, то-есть представляло видимую замашку на франтовство, комфортъ и опрятность; даже постель молодого человѣка, несмотря на утреннее время, представляла величайшій порядокъ, который царствовалъ и во всемъ остальномъ убранствѣ комнаты: нѣсколько гравюръ, представляющихъ охоту, Тальму въ костюмѣ Гамлета, арабскую лошадь, четырехъ дамъ очень недурныхъ собой, изъ коихъ подъ одной было написано: «весна», подъ другой: «лѣто», подъ третьей: «осень», подъ четвертой: «зима». Всѣ онѣ развѣшаны были совершенно симметрично. Въ углу стояло что-то въ родѣ горки, въ которую было вставлено нѣсколько чубуковъ съ трубками, въ числѣ коихъ было до пяти черешневыхъ съ янтарными мундштуками. На столѣ, передъ которымъ сидѣлъ Сергѣй Петровичъ въ старыхъ, но все-таки вольтеровскихъ креслахъ, были размѣщены тоже въ величайшемъ порядкѣ различныя принадлежности мужского туалета: въ срединѣ стояло складное зеркало, съ одной стороны коего помѣщалась щетка, съ другой — гребенка; потомъ опять съ одной стороны—помада въ фарфоровой банкѣ, съ другой—фиксатуаръ въ своей серебряной шкуркѣ; около помады была склянка съ одеколономъ;

около фиксатуара флакончикъ съ духами; далѣе на столѣ лежалъ небольшой портфель, передъ которымъ красовались двѣ неразлучныя подруги: чернильница съ песочницей. По одну сторону портфеля лежало пресспапье, изображающее лягавую собаку, которое придавливало какія-то бумаги; съ другой стороны находилось тоже пресспапье съ изображеніемъ кабаньей головы; подъ нимъ ничего уже не было, и оно, видимо, поставлено было для симметріи. Много еще было другихъ предметовъ, обличающихъ стремленіе къ модному комфорту; такъ, напримѣръ, по стѣнѣ стоялъ турецкій диванъ, подъ ногами хозяина лежала медвѣжья шкура, и тому подобное.

— Вы сегодня ѣдете куда-нибудь? — спросила Татьяна Ивановна.

— Не знаю еще, — отвѣчалъ Хозаровъ.

— А вчера были тамъ?

— Былъ.

— Ну, что?

— Ничего хорошаго; я недоволенъ вчерашнимъ вечеромъ.

— Что такое?

— Она не любитъ меня!

— Ой, не говорите этого, Сергѣй Петровичъ, не говорите, ни за что не повѣрю: вы просто скрываете. Вы, мужчины, прескрытный народъ въ этихъ вещахъ.

— Нѣтъ, вы выслушайте напередъ и растолкуйте мнѣ, какъ это понять. Пріѣзжаю я, какъ вы знаете, въ семь часовъ. Въ залѣ никого. Я прошелъ къ Катеринѣ Архиповнѣ. Она сидитъ одна; разумѣется, сажусь и начинаю разсказывать разныя разности, какъ можно громче смѣюсь, хохочу,—не тутъ-то было! Прошелъ цѣлый часъ, наконецъ являются двѣ старшія дылды; а ея все-таки нѣтъ. Я просто думалъ, что больна; но сами согласитесь, не ѣхать же домой. Усѣлся съ барышнями въ карты; смѣюсь, шучу, а внутри, знаете, такъ и кипитъ,—ничего не помогаетъ; проходитъ еще часъ, два, не является. Наконецъ ужъ я не вытерпѣлъ. «Здорова ли, я говорю, Марья Антоновна?» И какъ бы вы думали, что мнѣ отвѣтили? «Кошку свою, говорятъ, сегодня цѣлый вечеръ моетъ съ мыломъ». Я чуть не лопнулъ отъ досады. Во-первыхъ, это глупо, а во-вторыхъ, неприлично. Хорошо, думаю, мадемуазель, я вамъ отплачу, и тотчасъ же началъ говорить любезности Анетѣ. Та, какъ водится, принялась закатывать свои оловянные глаза, и пошла писать... Вдругъ является, немного, знаете, блѣдная, грустная, поклонилась и сѣла около матери, почти напротивъ меня. Я ни слова и продолжаю любезничать съ Анетой. Та совсѣмъ растаяла, только-что не обнимаетъ...

— Послушайте, Сергѣй Петровичъ,— перебила Татьяна Ивановна:—вы ужасный человѣкъ. За что вы мучите этого ангела?

— Помилуйте, Татьяна Ивановна, что̀ вы говорите? Она меня мучитъ.

— Нѣтъ, вы этого не говорите,—возразила хозяйка:—она, бѣдненькая, вѣроятно, это время мечтала о васъ, а вы, злой человѣкъ, сейчасъ ужъ и стали заниматься съ другой.

— Но послушайте, Татьяна Ивановна: любя человѣка, развѣ вы въ состояніи были бы въ какихъ-нибудь трехъ шагахъ просидѣть два часа и не выйти, и чѣмъ же въ это время заниматься: дурацкимъ мытьемъ какой-нибудь мерзкой кошки!

— Конечно, я бы этого не въ состояніи была сдѣлать, потому что никогда кокетства не имѣла.

— Вотъ видите, вы сами проговорились; стало-быть, она только кокетничаетъ со мной.

— Этого не смѣйте при мнѣ и говорить, Сергѣй Петровичъ! Она васъ любитъ.

— Да изъ чего вы видите?

— Изъ всего; во-первыхъ, вы говорите—она пришла немного блѣдная и потомъ сѣла напротивъ, чтобы глядѣть на васъ.

— Ну, нѣтъ... Такимъ образомъ перетолковывать можно все,—произнесъ Сергѣй Петровичъ, которому, впрочемъ, послѣднія слова хозяйки, кажется, очень были пріятны.

— Послушайте, — начала Татьяна Ивановна, одушевившись:—я любила одного человѣка... полюбила его съ самаго перваго раза, какъ увидѣла. Онъ жилъ въ одномъ со мною домѣ, и что̀ же вы думаете? Я цѣлую недѣлю не имѣла духу войти къ нему въ комнату.

— Это о сосѣдѣ вы говорите?—спросилъ съ улыбкою Хозаровъ.

— Ой, нѣтъ! О другомъ,—возразила, вспыхнувъ, Татьяна Ивановна.

— Не можетъ быть! Вѣрно, о немъ.

— Нѣтъ, право, о другомъ; про этого только такъ говорятъ... Конечно, онъ ко мнѣ неравнодушенъ, да нѣтъ, не по моему вкусу!

— Все это прекрасно, Татьяна Ивановна, да мои-то дѣла плохи.

— Вовсе не плохи. Головой моей отвѣчаю, что она васъ любитъ, и очень любитъ. Это вѣдь очень замѣтно: вотъ иногда придешь къ нимъ; ну, разумѣется, Катерина Архиповна сейчасъ спроситъ о васъ, а она, миленькая этакая, какъ цвѣточекъ какой, тотчасъ и вспыхнетъ.

— Вы когда къ нимъ пойдете, Татьяна Ивановна?—спросилъ Хозаровъ.

— Право, не знаю. Катерина Архиповна ужасно проситъ бывать у нихъ почаще; сегодня думаю вечеркомъ сходить, показать имъ одной моей знакомой продажную брошку; недавно еще подарена ей, да не нравится фасонъ.

— А что, если бъ я попросилъ васъ сдѣлать для меня большое-пребольшое одолженіе?

— Что̀ такое?

— Вотъ дѣло въ чемъ: надобно же узнать рѣшительно, любитъ ли она меня, или нѣтъ?

— Объяснитесь.

— Объясниться я не могу, потому что мнѣ рѣшительно не удается говорить съ ней. Эти двѣ старшія дуры, Пашетъ и Анетъ, просто атакуютъ меня, и я вотъ что̀ выдумалъ: недѣли двѣ тому назадъ она спросила меня, чѣмъ я занимаюсь дома? Я говорю, что дневникъ писалъ. Она, знаете, немного сконфузившись, вдругъ начала меня просить, чтобы я его показалъ ей; я обѣщался; дневника, впрочемъ, у меня никакого не бывало никогда; однако, придя домой, засѣлъ и накаталъ за цѣлые полгода; теперь только надобно передать. Возьмитесь-ка, передайте.

— А что̀ вы въ дневникѣ написали?

— Ничего особеннаго. Пишу, какъ я увидѣлъ ее, полюбилъ; записаны всѣ ея слова.

— Вѣдь вы этакъ ее, Сергѣй Петровичъ, совсѣмъ погубите!—возразила Татьяна Ивановна:—это ужасно для дѣвушки получить такое письмо, особенно отъ человѣка, котораго любитъ!

— Это не письмо, а дневникъ; тутъ она нигдѣ прямо не называется.

— Догадается, Сергѣй Петровичъ, сейчасъ догадается.

— Конечно, догадается. Для того и написано, чтобъ догадалась. Сдѣлайте одолженіе, Татьяна Ивановна, передайте.

— Охъ, Сергѣй Петровичъ, въ грѣхъ вы меня вводите.

— Не въ грѣхъ, почтеннѣйшая, а въ доброе дѣло,—возразилъ Хозаровъ.

— Конечно, про васъ я не могу ничего сказать,—отвѣчала хозяйка:—вы имѣете благородныя намѣренія, а другіе мужчины, ахъ! какъ они бѣдныхъ женщинъ жестоко обманываютъ.

Сергѣй Петровичъ между тѣмъ бережно поднялъ пресспапье, изображающее лягавую собаку, и, вынувъ изъ-подъ него чисто переписанную тетрадку, началъ ее перелистывать.

— Почитайте, пожалуйста, Сергѣй Петровичъ, что̀ вы тутъ написали.

— Нельзя, Татьяна Ивановна, тайна.

— Вотъ прекрасно! Да развѣ у васъ можетъ быть отъ меня тайна? Не пойду же, когда вы такъ поступаете.

— Ну, слушайте. Вотъ, напримѣръ, начало: «Перваго января я увидѣлъ въ собраніи одну дѣвушку, въ бѣломъ платьѣ, съ голубымъ поясомъ и съ незабудками на головѣ».

— Это она самая; я ее видѣла въ этомъ платьѣ; еще, кажется, подолъ воланами отдѣланъ.

— Можетъ-быть; но слушайте: «Она меня такъ поразила, что я сбился съ такта, танцуя съ нею *вальсъ,* и, совершенно растерявшись, позвалъ ее на кадриль. Ахъ, какъ она прекрасно танцуетъ, съ какою легкостью, съ какою граціею! Я заговорилъ съ нею по-французски; она знаетъ этотъ языкъ въ совершенствѣ. Я цѣлую ночь не спалъ и все мечталъ о ней. Дня черезъ три я ее видѣлъ у С. и опять танцовалъ съ нею. Она сказала, что со мною очень ловко вальсировать. Что значатъ эти слова? Что хотѣла она этимъ сказать?..» Ну, довольно.

— Ахъ, какой вы плутъ! Вы просто обольститель! Почитайте, батюшка, почитайте еще.

— Да что вамъ любопытнаго?

— Почитайте, пожалуйста! Я очень люблю, какъ про любовь этакъ пишутъ.

— Ну, вотъ вамъ еще одно мѣсто: «Сегодня ночью я видѣлъ сонъ; я видѣлъ, будто она явилась ко мнѣ и подала мнѣ свою лилейную ручку; я схватилъ эту ручку, покрылъ милліонами пламенныхъ поцѣлуевъ и вдругъ проснулся. «О, если бы,—сказалъ я самъ съ собою:—я вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ могъ произнести: *сонъ въ руку!*» Я проснулся съ растерзаннымъ сердцемъ и написалъ стихи. Вотъ они:

„Прощай, мой ангелъ свѣтлоокій!
Мнѣ не любить, не обнимать
Твой гибкій станъ во тьмѣ глубокой,
Съ тобой мнѣ счастья не видать
Я знаю, ты любить умѣешь,
Но не полюбишь ты меня:
Мечту иную ты лелѣешь;
Но буду помнить я тебя.
Ты мнѣ явилась, какъ видѣнье,
Какъ свѣтозарный херувимъ,
Но то прошло, какъ сновидѣнье,
И снова я теперь одинъ“.

— Прекрасно! Безподобно!—крикнула Татьяна Ивановна:— батюшка Сергѣй Петровичъ, спишите мнѣ эти стишки!

— Послѣ, Татьяна Ивановна, послѣ; я наизусть ихъ знаю.

— Ну, что послѣ? Напишите теперь.

— Право, послѣ. Теперь лучше потолкуемте о дѣлѣ. Я запечатаю вамъ въ пакетъ; вы поѣдете, хоть часу въ седьмомъ, сегодня; ну, сначала обыкновенно посидите съ Катериной Архиповной, а тутъ и ступайте наверхъ, къ барышнямъ. Она, можетъ-быть, сидитъ тамъ одна,—старшія все больше внизу.

— Это можно; я у нихъ по всѣмъ комнатамъ вхожа; онѣ меня, признаться, съ перваго раза, какъ вы меня отрекомендовали, очень хорошо приняли. Будто сначала выйду въ дѣвичью, а тамъ и пройду наверхъ.

— И прекрасно! Только что же вы скажете? Какъ отдадите?

— Да что сказать? Скажу: отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили. Не безпокойтесь, пойметъ...

— Конечно, пойметъ. Чудесно, почтеннѣйшая! Дайте вашу ручку,—сказалъ Сергѣй Петровичъ и крѣпко сжалъ руку друга-хозяйки.

— Только какой вы для женщинъ опасный человѣкъ,—сказала Татьяна Ивановна послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія:—изъ молодыхъ, да ранній.

— А что?—спросилъ съ довольною улыбкою постоялецъ.

— Да такъ. Вы можете, просто, женщину очаровать, погубить.

— Мясникъ, Татьяна Ивановна, пришелъ,—сказала Марѳа, входя въ комнату.

— Ахъ, батюшки, какъ я съ вами заболталась! Прощайте; я-было за деньгами къ вамъ приходила.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, ей-Богу, нѣтъ.

— Ну, нѣтъ, такъ и нѣтъ; пакетъ вашъ теперь отдадите?

— Черезъ часъ пришлю.

— Ну, хорошо, прощайте.

Выйдя отъ Хозарова, Татьяна Ивановна остановилась передъ номеромъ секретнаго милашки и нѣсколько времени пробыла въ раздумьѣ; потомъ, какъ бы не выдержавъ, пріотворила немного дверь.

— Придете обѣдать?—сказала она какимъ-то черезчуръ нѣжнымъ голосомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ голосъ изнутри.

— Почему же?

— Ноты пишу.

— Ну, вотъ, ужъ съ этими нотами! А чай придете пить?

— Нѣтъ, пришлите водки.

Татьяна Ивановна затворила дверь, вздохнула и прошла къ себѣ, велѣвъ, впрочемъ, попавшейся навстрѣчу Марѳѣ отнести во второй номеръ водки.

Сергѣй Петровичъ, оставшись одинъ, принялся писать къ пріятелю письмо, которое отчасти познакомитъ насъ съ обстоятельствами настоящаго повѣствованія и отчасти послужитъ доказательствомъ того, что герой мой владѣлъ перомъ, и перомъ прекраснымъ. Письмо его было таково:

«Любезный другъ, товарищъ дня и ночи!

«Я увѣдомлялъ тебя, что ѣду въ Москву опредѣляться въ статскую службу; но теперь я тебѣ скажу философскую истину: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ; капризная фортуна моя повернула колесо иначе: вмѣсто службы, кажется, выходитъ, что я женюсь, и женюсь, конечно, какъ благородный человѣкъ, по страсти. Представь себѣ, mon cher, невинное существо въ девятнадцать лѣтъ, розовое, свѣжее,—однимъ словомъ, чудная майская роза; сношенія наши весьма интересны: со мною, можно сказать, случился романъ на большой дорогѣ. Прошедшаго года, въ этой дурацкой провинціи, въ которой я имѣлъ глупость прожить около двухъ лѣтъ, я разъ на балѣ встрѣтилъ молоденькую дѣвушку. Просто чудо, mon cher, какъ она меня поразила! Въ ней было что-то непохожее на другихъ, что-то восточное, какая-то грёзовская головка. Я съ нею протанцовалъ нѣсколько кадрилей и тутъ убѣдился, что она необыкновенно милое, рѣзвое дитя, которое можетъ нашего брата-ветерана одушевить, завлечь, однимъ словомъ, унести на седьмое небо; однако тѣмъ и кончилось. Поѣхавъ въ Москву изъ деревни, на станціи съѣзжаюсь я съ однимъ бариномъ; слово за слово, вижу, что человѣкъ необыкновенно добродушный и даже простой; съ перваго же слова началъ мнѣ разсказывать, что семейство свое онъ проводилъ въ Москву, что у него жена, три дочери, изъ коихъ младшая красавица, которой двоюродная бабушка отдала въ приданое подмосковную въ триста душъ, и знаешь что, mon cher, какъ узналъ я послѣ по разговорамъ, эта младшая красавица—именно моя грёзовская головка! Я не могъ удержаться и тогда же подумалъ: «О, судьба, судьба! Видно, отъ тебя нигдѣ не уйдешь». Онъ снабдилъ меня письмомъ къ его семейству, съ которымъ я теперь уже и сошелся по-дружески, познакомясь вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣмъ ихъ кружкомъ. Дѣла идутъ недурно; одно только меня немного смущаетъ—что у нихъ каждый день присутствуетъ какой-то жирный баринъ, Рожновъ, потому что кто его знаетъ, съ какими онъ тутъ бываетъ намѣреніями, а лицо весьма подозрительное и непріятное.

«Такъ-то, mon cher, я женюсь, и непремѣнно женюсь! Да, мой другъ, я теперь убѣдился, что наша прошлая жизнь—все пустяки! На что мы, холостяки, похожи? Грязь, грязь—и

больше ничего! Нѣтъ ни одного отраднаго явленія, нѣтъ человѣка, съ кѣмъ бы раздѣлить чувства Такое ли счастье человѣка, который сидитъ въ прекрасномъ кабинетѣ, сладко полудремлетъ, близъ него милое прелестное существо—вотъ это жизнь! Кромѣ сихъ и оныхъ моихъ дѣлишекъ, я здѣсь въ порядочномъ кругу; особенно одинъ домъ Мамиловыхъ. Представь себѣ аристократическій тонъ во всемъ: мужъ, страшный богачъ, болѣе полугода живетъ въ южныхъ губерніяхъ и занимается торговыми операціями, жена красавица и, говорятъ, удивительная фантазерка и философка. Теперь я съ ними еще не такъ коротокъ, но однако очень дорожу ихъ знакомствомъ и постараюсь сблизиться.

«Прими увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, съ коими и остаюсь покорный къ услугамъ

«Хозаровъ».

II.

Въ залѣ, о которой упоминалъ Хозаровъ, за большимъ круглымъ столомъ, гдѣ помѣщался самоваръ съ его принадлежностями, сидѣли Катерина Архиповна и ея семейство, то-есть: Пашетъ, Анетъ и Машетъ. Впрочемъ, въ средѣ этого семейства помѣщалось новое лицо, какой-то необыкновенно высокій мужчина, который, конечно, кинулся бы вамъ въ глаза по своему огромному носу, клыкообразнымъ зубамъ и большимъ, сѣрымъ, навыкатѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражающимъ глазамъ. По загорѣлому его лицу нетрудно было догадаться, что онъ недавно съ дороги. Это подтверждалось и тѣмъ, что въ комнатѣ было разставлено нѣсколько дорожныхъ вещей. Катерина Архиповна, дама лѣтъ около пятидесяти, черноволосая, немного сердитая на видъ и съ довольно крупными чертами лица, была, кажется, въ весьма дурномъ расположеніи духа. Двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, представляли рѣзкое сходство съ высокимъ мужчиной какъ по высокому росту, такъ и по клыкообразнымъ зубамъ, съ тою только разницею, что глаза у Пашетъ были, какъ и у маменьки, сухіе и черные; глаза же Анетъ, сѣрые и навыкатѣ, были самый точный образецъ глазъ папеньки (читатель, вѣроятно, ужъ догадался, что высокій господинъ былъ супругъ Катерины Архиповны); но третья дочь, Машетъ, была совершенно другой наружности. Это была небольшого роста брюнетка, съ выразительными чертами лица, съ роскошными волосами, убранными для вящшаго очарованія à l'enfant, съ черными и живыми глазами и съ веселой улыбкой.

При внимательномъ, впрочемъ, наблюденіи, въ дѣвушкѣ

можно было замѣтить сходство съ матерью, замаскированное, конечно, молодостью, здоровьемъ, невинностью и какимъ-то еще чуждымъ началомъ, не замѣчаемымъ ни въ одномъ изъ членовъ семейства. Катерина Архиповна, какъ я прежде объяснилъ, была не въ духѣ: какъ-то порывисто разлила она чай по чашкамъ и подала ихъ дочерямъ, а предназначенный для супруга стаканъ даже пихнула къ нему. Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ (имя родоначальника семейства) принялъ довольно равнодушно такъ невѣжливо препровожденный къ нему стаканъ и принялся пить чай съ большимъ аппетитомъ. Отпивъ половину стакана, онъ потихоньку всталъ, взялъ трубку и закурилъ.

— Фу, батюшки, опять съ своимъ куреньемъ! — сказала Катерина Архиповна, отмахивая отъ себя табачный дымъ.

— Ничего, душа моя, я такъ... немножко, — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, тоже размахивая дымъ.

— Это у него ничего, какъ изъ трубы... Жили бы тамъ себѣ, въ деревнѣ, и курили, сколько хотѣлось: такъ нѣтъ, надобно въ Москву было пріѣхать.

— Нельзя было, душа моя. Генералъ, просто, меня прогналъ; встрѣтилъ въ лавкахъ:—«Что вы, говоритъ, сидите здѣсь? Я, говоритъ, давно для васъ мѣсто приготовилъ». Я говорю:—«Ваше превосходительство, у меня хозяйство».—«Плюньте, говоритъ, на ваше хозяйство; почтенная супруга ваша съ часу на часъ васъ ждетъ», а на другой день даже письмо писалъ ко мнѣ; жалко только, что дорогою затерялъ.

Въ продолженіе всей этой рѣчи Катерина Архиповна едва сдерживала себя.

— Я хочу васъ, Антонъ Ѳедотычъ, спросить только одно: перестанете вы когда-нибудь лгать, или нѣтъ?

— Что лгать-то? — отвѣчалъ немного смѣшавшійся Ступицынъ: — спроси Пиронова; при немъ вся эта исторія была.

— Нечего мнѣ Пиронова спрашивать; двадцать пятый годъ я, милый другъ мой, васъ знаю; передъ кѣмъ-нибудь ужъ другимъ выдумывайте и лгите. Ну, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Для какой надобности?

— Да вѣдь я тебѣ говорилъ, душа моя, что генералъ...

— Не говорите вы мнѣ, Бога ради, про генерала, и не заикайтесь про него, не сердите хоть по крайней мѣрѣ этимъ. Вы все налгали, совершенно-таки все налгали. Я сама его, милостивый государь, просила; онъ мнѣ прямо сказалъ, что невозможно, потому что мѣста у нихъ даютъ тѣмъ, кто былъ по крайней мѣрѣ годъ на испытаніи. Разсудили ли вы, ѣхавъ сюда, что вы дѣлаете? Деревню оставили безъ всякаго при-

смотра, а здѣсь — гдѣ мы васъ помѣстимъ? Всего четыре комнаты: здѣсь я, а наверху дѣти.

— Да много ли мнѣ мѣста надобно. Я вотъ хоть здѣсь...

— Скажите на милость: онъ здѣсь — въ залѣ — расположится; одна чистая комната, онъ и въ той дортуаръ себѣ хочетъ сдѣлать. Вы о семействѣ никогда не думали и не думаете, а только о себѣ; только бы удовлетворять своимъ глупымъ наклонностямъ: наѣсться, выспаться, накурить полную комнату табакомъ, и больше ничего; ѣхать бы потомъ въ гости, налгать бы тамъ что-нибудь — вотъ въ Москву, напримѣръ, съѣздить. Сдѣлали ли вы хоть какую-нибудь пользу для дѣтей, выхлопотали, пріобрѣли ли что-нибудь?

— Да я думалъ... — началъ-было Антонъ Ѳедотычъ.

— Ничего вы не думали, — перебила Катерина Архиповна: — солгали гдѣ-нибудь, что въ Москву ѣдете, да послѣ и стыдно было отказаться.

Послѣднія слова очень сконфузили Ступицына.

— Мнѣ нечего стыдиться, — проговорилъ онъ.

— Знаю, что вы давно стыдъ-то потеряли. Двадцать пятый годъ съ вами маюсь. Все сама, вездѣ сама. На какія-нибудь сто душъ вырастила и воспитала всѣхъ дѣтей; старшихъ, какъ помоложе была, сама даже учила, а вы, отецъ семейства, что сдѣлали? За рабочими не хотите хорошенько присмотрѣть, только конфузите вездѣ. Того и жди, что гдѣ-нибудь въ порядочномъ обществѣ налжете и заставите покраснѣть до ушей.

— Бранитесь, бранитесь, какъ хотите; эту пѣсню я уже двадцать пять лѣтъ слушаю, — проговорилъ, махнувъ рукой, Антонъ Ѳедотычъ.

— Да вы хоть кого изъ терпѣнія выведете, — возразила Катерина Архиповна. — Не сидѣлось вамъ въ деревнѣ, въ Москву прискакали; на почтовыхъ, я думаю, ѣхали. Вотъ я посмотрю оброчный счетъ. Привезли ли счетъ-то по крайней мѣрѣ?

— Привезъ; сто рублей всего собрано.

— Знаю я васъ, милостивый государь, сто рублей. Я, впрочемъ, усчитаю. Хоть бы вы это разсудили: что я, для удовольствія, что ли, живу здѣсь?

— Кто васъ знаетъ, зачѣмъ вы здѣсь живете.

— Какъ же, — для любовниковъ! Посмотрите-ка, сколько ихъ въ пятьдесятъ-то лѣтъ завела. Скажите на милость: онъ не знаетъ, зачѣмъ я здѣсь живу! Знаете ли, по крайней мѣрѣ, что у насъ въ Москвѣ тяжба? Это-то вы хоть знаете ли?

— Конечно, знаю.

— Такъ что же-съ, вамъ, что ли, мнѣ поручить хлопотать? Фамилію свою хорошенько не умѣете подписать.

— Вы ужъ очень учены; гдѣ намъ! — возразилъ Антонъ Ѳедотычъ.

— Конечно, лучше вашего все понимаю; какъ угорѣлая ѣзжу по добрымъ знакомымъ да кланяюсь и прошу, чтобъ растолковали да научили. Вотъ съ завтрашняго дня все вамъ передамъ; хлопочите, ходатайствуйте. Слава Богу, свой стряпчій пріѣхалъ, можно успокоиться: обдѣлаетъ дѣло.

— Я военный человѣкъ, статскихъ дѣлъ не знаю.

— Скажите, какой воинъ, — ветеранъ заслуженный; много ли изволили ранъ получить? Въ какихъ сраженіяхъ были?

— Ругайтесь, какъ хотите ругайтесь, я ужъ не стану и говорить, — произнесъ со вздохомъ Антонъ Ѳедотычъ и опять махнулъ рукой.

— Ну, думала, — продолжала Катерина Архиповна: — пріѣхала въ Москву, наняла почище квартиру, думала, дѣло дѣломъ, а можетъ-быть, Богъ приведетъ и дочерей устроить. Вотъ тебѣ теперь и чистота. Одними окурками насоритъ всѣ комнаты. Вотъ въ залѣ здѣсь съ своимъ прекраснымъ гардеробомъ расположится, — принимай постороннихъ людей. Подумали ли вы хоть о гардеробѣ-то своемъ? Вѣдь здѣсь столица, а не деревня; въ засаленномъ фракѣ на васъ всѣ пальцемъ будутъ показывать.

— Что мнѣ гардеробъ-то? Вѣдь я не молоденькій, — возразилъ Антонъ Ѳедотычъ.

— Да вы отецъ семейства; по вашей наружности будутъ судить и о прочихъ.

— Я сошью себѣ фракъ; всего сто рублей.

— Конечно, какъ вамъ не сшить? Сто рублей для васъ пустяки. Вмѣсто того, чтобы жить въ деревнѣ да сколачивать копейку, чтобы какъ-нибудь да поблагороднѣе поддерживать семейство, — не тутъ-то было: въ Москву прискакалъ, франтомъ хочетъ быть; мѣсто онъ пріѣхалъ получать. Вотъ, не угодно ли, есть свободное: въ нашей будкѣ будочникъ померъ.

— Ну, Богъ съ тобой, расписывай, — проговорилъ уже потерявшій совсѣмъ терпѣніе Антонъ Ѳедотычъ, махнулъ рукой, вздохнулъ и вышелъ изъ комнаты на крыльцо.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что всю предыдущую сцену между папенькой и маменькой двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, выслушивали весьма хладнокровно, какъ бы самый обыкновенный семейный разговоръ, и не принимали въ немъ никакого участія; онѣ сидѣли, поджавъ руки: Анетъ поводила изъ стороны въ сторону свои большіе сѣрые глаза, взглядывая

по временамъ то на потолокъ, то на сложенныя свои руки; Пашетъ свои глаза не поводила, а держала ихъ постоянно устремленными на маменьку, или на лежавшій около нея бѣлый хлѣбъ, — доподлинно я не знаю; одна только Машетъ волновалась родительскою размолвкою, или по крайней мѣрѣ ей было это скучно.

Все, что̀ ни говорила Катерина Архиповна своему супругу, — все была самая горькая истина: онъ ничего не сдѣлалъ и не пріобрѣлъ для своего семейства, дурно присматривалъ за рабочими, потому что, вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ работать, онъ начиналъ имъ обыкновенно разсказывать, какъ онъ служилъ въ полку, какія у него тогда были славныя лошади и тому подобное. Генерала онъ только видѣлъ, но тотъ ему ни слова не говорилъ о мѣстѣ; а пріѣхалъ въ Москву единственно потому, что, бывъ въ одной холостой у казначея компаніи и выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, прихвастнулъ, что онъ на другой же день ѣдетъ къ своему семейству въ Москву, не сообразя, что въ числѣ посѣтителей былъ нѣкто Климовъ, его сосѣдъ, имѣвшій какую-то странную привычку ловить Антона Ѳедотыча на словахъ, а потомъ уличать его, что онъ не совсѣмъ правду сказалъ. Услышавъ, что Ступицынъ возвѣстилъ о поѣздкѣ въ Москву, сосѣдъ не упустилъ случая и возгласилъ во всеуслышаніе:—«Солгалъ, братъ Антоша, не поѣдешь ты въ Москву».—«Это ужъ предоставьте мнѣ лучше знать»,—возразилъ уклончиво Ступицынъ.—«Опять повторяю при всей честной компаніи: не поѣдешь ты въ Москву»,—проговорилъ еще громче Климовъ.—«А вотъ увидимъ»,—отвѣчалъ опять уклончиво Ступицынъ.—«Нечего тутъ видѣть, а вотъ что̀, — продолжалъ Климовъ: — ты сказалъ, что завтра поѣдешь; завтра, братъ, я самъ ѣду въ Москву; ѣдемъ вмѣстѣ, а вотъ пари: поѣдешь — моя дюжина шампанскаго, не поѣдешь — твоя!»—«Идетъ», — отвѣчалъ Ступицынъ, и тутъ же два сосѣда ударили по рукамъ. На другой день Ступицынъ пораздумалъ и уже рѣшился-было потихоньку уѣхать въ деревню; но Климовъ пріѣхалъ къ нему со всей честной компаніей. Не ѣхать, значитъ, надобно было отдать пари. «Что̀ будетъ, то будетъ, лучше поѣду»,—подумалъ Антонъ Ѳедотычъ. Къ этому рѣшенію его еще болѣе подстрекали имѣвшіеся въ карманѣ сто рублей, привезенные-было для отправленія къ супругѣ.

Климовъ проигралъ: Антонъ Ѳедотычъ, сильно подгулявъ, поѣхалъ съ нимъ въ Москву.

Для большаго уясненія характера этого человѣка, я долженъ сказать, что Ступицынъ вовсе не могъ быть отнесенъ

къ тѣмъ неприличнымъ лгунамъ, которые несутъ Богъ знаетъ какую чушь, ни съ чѣмъ несообразную. Напротивъ того, онъ говорилъ весьма сбыточныя и обыкновенныя вещи, но только онѣ съ нимъ не случались и не могли даже случаться. Судьба, или, лучше сказать, Катерина Архиповна держала его, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ; очень любя разсѣяніе, онъ жилъ постоянно въ деревнѣ, и то безъ всякихъ комфортовъ, то-есть: ему никогда не давали водки выпить, что̀ онъ очень любилъ, на томъ основаніи, что будто бы водка ему ужасно вредна; не всегда его снабжали табакомъ, до котораго онъ былъ тоже страстный охотникъ; продовольствовали болѣе на молочномъ столѣ, тогда какъ онъ молока терпѣть не могъ, и наконецъ заставляли щеголять почти въ единственномъ фракѣ, сшитомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Всѣмъ этимъ лишеніямъ Антонъ Ѳедотычъ покорялся терпѣливо и не предпринималъ ничего къ выходу изъ подобнаго положенія. Невиннымъ и единственнымъ его развлеченіемъ было то, что онъ, сидя въ своей комнатѣ, создавалъ различные пріятные способы жизни, посреди которыхъ онъ могъ бы существовать: напримѣръ, въ одно холодное утро, на ухарской тройкѣ, онъ ѣдетъ въ городъ; у него тысяча рублей въ карманѣ; онъ садится играть въ карты, проигрываетъ цѣлую ночь. На другой день зоветъ къ себѣ гостей; до пріѣзда еще ихъ выпиваетъ крѣпкой очищенной водки. Друзья съѣзжаются; онъ угощаетъ ихъ превосходнымъ обѣдомъ, съ шампанскимъ и съ мороженымъ; вечеромъ заставляетъ играть своихъ музыкантовъ, которыхъ у него тридцать человѣкъ. Пошаливъ такимъ образомъ, на другой день принимается за дѣло: ходитъ по постройкамъ, а вечеромъ пишетъ письма въ Петербургъ, чтобы ему выслали четыре ящика вина. Словомъ, живетъ на широкую руку, русскимъ бариномъ. Всѣ такого рода мечтанія такъ укоренялись въ головѣ Ступицына, что онъ самъ началъ въ нихъ вѣрить, какъ въ дѣйствительность, и очень любилъ ихъ высказывать себѣ подобнымъ; но—увы! — эти ему подобные, если они хоть немного знали Антона Ѳедотыча, не говоря уже о семейныхъ, эти ему подобные обрѣзывали его на первомъ словѣ: «полно, братъ, врать, Антонъ Ѳедотычъ», «замололи вы, Антонъ Ѳедотычъ». Болѣе же деликатные, особенно изъ дамъ, отходили отъ него обыкновенно въ самомъ началѣ разговора. Были и такіе проказники, которые говорили: «Поври что-нибудь Антонъ Ѳедотычъ». — «Сами извольте врать»,—отвѣчалъ добросердый Ступицынъ.

Катерина Архиповна была прекрасная семьянинка, потому что, несмотря на все неуваженіе къ мужу, котораго она

считала самымъ пустымъ и несноснымъ человѣкомъ въ мірѣ, сохранила свою репутацію въ обществѣ и, по возможности, старалась скрыть между посторонними людьми недостатки супруга; но когда онъ бывалъ боленъ, то даже сама неусыпно ухаживала за нимъ. Пиля его, какъ говорится, каждодневно, она всегда относилась къ нему во второмъ лицѣ множественнаго числа и прибавляла частичку: *съ*. Кромѣ того, надобно отдать ей честь, она была самая расчетливая и неутомимая хозяйка и добрая мать: при весьма ограниченныхъ средствахъ, она умѣла жить чистенько и одѣвала дочерей хотя не богато, но, право, весьма прилично. Двухъ старшихъ она любила такъ-себѣ, посредственно, но младшая была ея идолъ; для нея она готова была принести въ жертву двухъ старшихъ дочерей, мужа, все свое состояніе и самоё себя. Надъ всѣми и надъ всѣмъ она была госпожой въ домѣ и только въ отношеніи Мари дѣлалась рабою, и рабою безпрекословною. Постоянныя хлопоты по хозяйству, о дѣтяхъ, вѣчная борьба съ нуждою, каждодневныя головомойки никуда негодному супругу, — все это развило въ Катеринѣ Архиповнѣ желчное расположеніе и значительно испортило ея характеръ; она брюзжала обыкновенно цѣлые дни, то на людей, то на дочерей, а главное — на мужа. Двѣ старшія дочери, Пашетъ и Анетъ, очень любили новыя платья, молодыхъ мужчинъ и питали самое страстное желаніе выйти поскорѣе замужъ; кромѣ того, онѣ были очень завистливаго характера. Анетъ, какъ и папенька, любила сказать красное словцо, Пашетъ же была очень молчалива и наслѣдовала отъ папеньки только сильный аппетитъ. Обѣ эти дѣвицы были влюблены по нѣсколько разъ, хотя и не совсѣмъ съ успѣхомъ; маменьки онѣ боялись, слушались ея и уважали; вслѣдствіе того и въ отношеніи папеньки раздѣляли вполнѣ ея мнѣніе, то-есть считали его совершенно за нуль и только иногда относились къ нему съ жалобами на младшую, Машетъ, которую обѣ онѣ терпѣть не могли, потому что она была идоломъ маменьки, потому что ей шили лучшія платья и у ней было уже до пятка жениховъ, тогда какъ имъ не досталось еще ни одного. Что касается до Мари, то она, по словамъ Катерины Архиповны, еще не сформировалась, была совершенный ребенокъ и нѣсколько мѣсяцевъ только перестала играть въ куклы и начала читать романы.

Антонъ Ѳедотычъ, котораго мы оставили на крыльцѣ, все еще сидѣлъ тамъ и не входилъ въ комнату. Средство это онъ, особенно въ холодное время года, употреблялъ издавна и всегда почти для себя съ успѣхомъ. Во-первыхъ, уходя на

крыльцо, онъ удалялся отъ супруги; во-вторыхъ, освѣжался на воздухѣ отъ головомойки и наконецъ, въ-третьихъ, возбуждалъ къ себѣ въ Катеринѣ Архиповнѣ участіе. Спустя четверть часа она обыкновенно говорила:—«Что сумасшедшій-то тамъ стоитъ? Простудится еще; эй, дѣвочка, мальчикъ! Подите, скажите барину, что онъ тамъ стоитъ?» Барину сказывали, и онъ возвращался торжествующій и спокойный, потому что Катерина Архиповна послѣ этого обыкновенно его уже не журила и даже иногда говорила, чтобы онъ выпилъ водки. Въ настоящее время Катерина Архиповна, видно, очень разсердилась; прошло уже болѣе четверти часа, какъ Ступицынъ сидѣлъ на рундучкѣ крыльца, а она не высылала; Антону Ѳедотычу становилось очень холодно; единственный предметъ его развлеченія — луна — скрылась за облаками. Вдругъ въ темнотѣ послышались шаги.

— Ахъ! — вскрикнулъ вслѣдъ затѣмъ женскій голосъ.

— Ухъ, чортъ возьми!—произнесъ съ своей стороны Ступицынъ, схватившись за животъ, въ который ударилась чья-то нога.

— Кто это? — повторилъ тотъ же голосъ.

— А ты кто?—спросилъ Ступицынъ.

— Я пришла къ знакомымъ моимъ — сказалъ женскій голосъ:—вы здѣшній?

— Здѣшній. Кого вамъ надо?

— Катерину Архиповну.

— Жену мою?

— Вы супругъ Катерины Архиповны?

— Точно такъ.

— Ахъ, Боже мой, извините, я очень хорошая знакомая Катерины Архиповны. Честь имѣю рекомендоваться: Татьяна Ивановна Замшева.

— Позвольте и мнѣ, съ своей стороны, представиться: Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ. Что мы здѣсь стоимъ? Милости прошу!

Хозяинъ и гостья вошли въ залу, въ которой никого уже не было. Татьяна Ивановна и Антонъ Ѳедотычъ смотрѣли нѣсколько времени другъ на друга съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Обоихъ ихъ поразили нѣкоторыя странности въ наружности другъ друга. Антону Ѳедотычу кинулись въ глаза необыкновенныя рябины Татьяны Ивановны, а Татьяна Ивановна удивлялась клыкообразнымъ зубамъ и сѣрымъ навыкатѣ глазамъ Ступицына. Оба простояли нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Могу ли я видѣть почтеннѣйшую Катерину Архиповну?— проговорила Татьяна Ивановна.

— Не знаю-съ; она тамъ у себя. Я сейчасъ спрошу, — отвѣчалъ Ступицынъ и вышелъ.

Къ супругѣ, впрочемъ, онъ не пошелъ, но, постоявъ нѣсколько времени въ темномъ коридорѣ, вернулся.

— Она чѣмъ-то занята, милости прошу садиться, — проговорилъ онъ и, указавъ гостьѣ мѣсто, самъ сѣлъ на диванъ.

— По семейству, вѣроятно, соскучились и изволили пріѣхать повидаться?—начала Татьяна Ивановна.

— Да, повидаться захотѣлось, — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ:—раньше нельзя было; у меня нынче лѣтомъ были большія постройки: тысячъ на шесть построилъ.

— На шесть тысячъ?

— Почти на шесть. Два скотныхъ двора на каменныхъ столбахъ—тысячи въ двѣ каждый, да кухню новую построилъ въ пятьсотъ рублей. Нельзя, знаете, усадьба требуетъ поддержекъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія; однако у васъ и усадьба должна быть отличная.

— Изрядная. Хлѣбопашество, главное дѣло, въ хорошемъ видѣ: рожь родится самъ-десятъ; это, не хвастаясь, можно сказать, что я устроилъ. Прежде, бывало, какъ самъ-пять придетъ, такъ Бога благодарили.

— Скажите, что значитъ хозяйство.

— Хозяйство — вещь важная, глубокомысленная въ то же время,—сказалъ Ступицынъ.

— Нынче безъ ума нигдѣ нельзя, — замѣтила Татьяна Ивановна.

Разговоръ на нѣсколько минутъ остановился.

— Да это бы ничего, — началъ опять Ступицынъ:—за хозяйствомъ бы я не остановился, да баллотировка была, такъ, знаете, нельзя.

— Вы изволили баллотироваться?

— Нѣтъ, то-есть меня очень просили въ предводители, да не могъ—отказался.

— Отчего же это не захотѣли послужить?

— Нельзя-съ, семейныя обстоятельства; впрочемъ, на одномъ обѣдѣ мнѣ очень выговаривали... совѣстно, а дѣлать нечего.

— Конечно, Антонъ Ѳедотычъ, въ семействѣ иногда и не хочешь, а дѣлаешь.

— Не иногда, а всегда. Вы имѣете дѣтей?

— Я дѣвица.

— А батюшка живъ?

— Померъ. Я живу одна—сиротой... Каковы дороги?

— Кажется, хороши: шоссе отличное, а проселковъ я почти и не замѣтилъ. У меня очень покойный экипажъ.

— Бричка, вѣрно?

— Нѣтъ, коляска; совершенная люлька; прочности необыкновенной, и, вообразите, я ее купилъ у сосѣда за полторы тысячи, и вотъ уже третій годъ ѣзжу, ни одинъ винтъ не повредился.

— Пріятно въ такихъ экипажахъ ѣздить,—замѣтила Татьяна Ивановна:—вотъ мнѣ здѣсь случалось съ знакомыми ѣздить, такъ просто прелесть. Нынче, я думаю, этакихъ экипажей прочныхъ не дѣлаютъ.

— Есть и нынче, только дороги. Нынче, впрочемъ, все вздорожало. Вотъ хоть бы взять съ поваровъ: я платилъ въ англійскомъ клубѣ за выучку повара по триста рублей въ годъ; за три года вѣдь это девятьсотъ рублей.

— Легко сказать: девятьсотъ рублей! Впрочемъ, я думаю, и поваръ вышелъ отличный?

— Безподобный. Онъ у насъ теперь въ деревнѣ; такъ вотъ бѣда: захочешь иногда этакій для знакомыхъ сдѣлать обѣдецъ, закажешь ему, придетъ:—«вся ваша воля, говоритъ, я не могу: запасовъ нѣтъ». Мы думаемъ его сюда привезти. Вотъ здѣсь онъ покажетъ себя; милости прошу тогда къ намъ отобѣдать.

— Покорнѣйше васъ благодарю, я ужъ и такъ много обласкана вниманіемъ Катерины Архиповны. А я заговорилась и не спросила: здоровы ли Прасковья Антоновна, Анна Антоновна и Марья Антоновна?

— Слава Богу. Я, признаться сказать, очень радъ, что онѣ сюда переѣхали, а то въ деревнѣ отъ жениховъ отбою нѣтъ.

— Ну, этимъ для родителей тяготиться нечего.

— Даша!—послышался голосъ Катерины Архиповны:—гдѣ баринъ?

— Въ залѣ, съ Татьяной Ивановной разговариваютъ,—отвѣчала горничная.

— Теперь, я думаю, можно къ Катеринѣ Архиповнѣ?—спросила гостья.

— Можно, я думаю,—отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ, остановленный голосомъ супруги.

Татьяна Ивановна ушла. Антонъ Ѳедотычъ сидѣлъ нѣсколько минутъ въ какомъ-то пріятномъ довольствѣ отъ того, что успѣлъ себя показать новому лицу и еще дамѣ. Посидѣвъ нѣсколько времени, онъ вдругъ всталъ, осмотрѣлъ всю комнату и вынулъ изъ-подъ жилета висѣвшій на шеѣ ключъ, которымъ со всевозможною осторожностью отперъ свой дорожный ларецъ

и, вынувъ оттуда графинъ съ водкою, выпилъ торопливо изъ него почти половину и съ тѣми же предосторожностями заперъ ларецъ и спряталъ ключъ, а потомъ, закуривъ трубку, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлся на прежнемъ мѣстѣ.

Подобнаго рода контрабанду Антонъ Ѳедотычъ употреблялъ въ своей безотрадной жизни при всякомъ удобномъ случаѣ, то-есть когда у него случалось хоть сколько-нибудь денегъ. Для этой собственно цѣли имѣлъ онъ особую шкатулку, которую тщательно запиралъ и никому не показывалъ, что въ ней хранится.

Татьяна Ивановна, войдя къ хозяйкѣ, которая со всѣми своими дочерьми сидѣла въ спальной, тотчасъ же разсыпалась въ разговорахъ: поздравила всѣхъ съ пріѣздомъ Антона Ѳедотыча, засвидѣтельствовала почтеніе отъ Хозарова, и затѣмъ начала разсказывать, какъ ее однажды, когда она шла отъ одной знакомой вечеромъ, остановили двое мужчинъ и такъ напугали, что она послѣ недѣли двѣ была больна горячкою, а потомъ принялась въ этомъ же родѣ за разные анекдоты: описала несчастье одной ея знакомой, на которую тоже вечеромъ кинулись изъ одного купеческаго дома двѣ собаки и укусили ей ногу; разсказала объ одномъ знакомомъ ей мужчинѣ—молодцѣ и смѣльчакѣ, котораго ночью мошенники схватили на площади и раздѣли донага.

— Ахъ, какіе вы ужасы разсказываете!—сказала Катерина Архиповна.

— Какъ же вы отъ насъ пойдете?—замѣтила Мари.

— А какъ Богъ приведетъ; признаться сказать, очень потрушиваю, да ужъ повидаться очень хотѣлось,—отвѣчала Замшева.

— Вы извозчика возьмите,—сказала хозяйка.

— Ай, нѣтъ, Катерина Архиповна, ни за что въ свѣтѣ,— возразила гостья и здѣсь разсказала происшествіе, случившееся съ одной какой-то важною дамою, которая ѣхала домой на извозчикѣ и которую не только ободрали, но даже завезли въ такой домъ, о которомъ она прежде и понятія не имѣла.

Послѣ этого разсказа ужасъ овладѣлъ всѣми дамами.

— Хорошо, что мы никогда на извозчикахъ не ѣздимъ,— сказала мать.—Когда мы выѣзжаемъ,—прибавила она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ:—то знакомые обыкновенно на своихъ лошадяхъ насъ возятъ.

— Мамаша! Татьяну Ивановну, пожалуй, оберутъ,—сказала Мари, принимавшая больше всѣхъ участія въ гостьѣ: — она бы у насъ ночевала.

— Въ самомъ дѣлѣ, ночуйте у насъ, — проговорила хозяйка:—да только гдѣ?

— У меня въ комнатѣ,—отвѣчала Машетъ.

— Ахъ, Боже мой, что вы безпокоитесь; мнѣ, право, очень совѣстно, что доставляю столько хлопотъ,—отвѣчала жеманно Татьяна Ивановна.—Какой у васъ ангельской доброты Марья Антоновна!—прибавила она вполголоса Катеринѣ Архиповнѣ.

— Очень добра, — отвѣчала мать, съ удовольствіемъ глядя на дочь:—вы ночуете въ ея комнатѣ; у ней наверху особый кабинетикъ.

— Ночую, Катерина Архиповна,—отвѣчала Татьяна Ивановна:—я очень боюсь итти.

Передъ ужиномъ Антонъ Ѳедотычъ вошелъ наконецъ въ комнату жены и усѣлся на отдаленное кресло. Впрочемъ, онъ ничего не говорилъ и только, облизываясь языкомъ, весело на всѣхъ посматривалъ. Завѣтный ящикъ еще разъ имъ былъ отпертъ.

— Что это глаза у васъ какіе странные?—замѣтила Катерина Архиповна.

— Вѣтромъ надуло,—отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ.

За ужиномъ Катерина Архиповна ничего не ѣла, потому что все еще была разстроена. Машетъ отучили ужинать въ пансіонѣ; Анетъ никогда не имѣла аппетита, а Татьяна Ивановна отказывалась изъ деликатности. Одна только Пашетъ съ папенькой ратоборствовали: они съѣли весь почти супъ, соусъ, жареное и покончили даже хлѣбъ и огурцы. Послѣ ужина барышни и Татьяна Ивановна, простившись съ хозяевами, отправились наверхъ. Антону Ѳедотычу, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, повелѣно было спать въ залѣ на диванѣ, съ строжайшимъ запрещаніемъ сорить. Пашетъ и Анетъ, не простившись съ сестрою, ушли къ себѣ наверхъ въ общую ихъ спальню. Татьянѣ Ивановнѣ было постлано въ кабинетѣ Мари на кушеткѣ. Гостья за причиненныя хлопоты еще разъ извинилась передъ Катериною Архиповною, которая не утерпѣла и пришла поцѣловать и перекрестить своего идола.

— Ахъ, какія вы, Марья Антоновна, хорошенькія,—сказала Татьяна Ивановна, когда дѣвушка раздѣлась.

Та, улыбнувшись, прыгнула въ постель и начала укутываться въ теплое одѣяло.

— Я къ вамъ съ порученіемъ,—начала Татьяна Ивановна, подойдя къ кровати:—я принесла вамъ отъ Сергѣя Петровича дневникъ, который вы просили, — прибавила она, подавая конвертъ.

Мари сначала съ какимъ-то испугомъ взглянула на посредницу, а потомъ, вся вспыхнувъ, схватила пакетъ и спрятала его подъ подушки.

Татьяна Ивановна хотѣла-было говорить, но Мари показала ей на сосѣднюю комнату сестеръ и приложила въ знакъ молчанія пальчикъ къ губамъ. Татьяна Ивановна поняла, что̀ это значитъ: она кивнула головой, отошла отъ кровати и улеглась на своемъ ложѣ. Прошло болѣе часа въ совершенномъ молчаніи. Татьянѣ Ивановнѣ показалось, что Мари заснула, ее самоё началъ сильно склонять сонъ. Вдругъ видитъ, что дѣвушка. потихоньку вставъ съ постели, начала прислушиваться; Татьяна Ивановна захрапѣла. Мари, видно, этого и поджидавшая, потихоньку встала съ постели, вынула изъ-подъ подушекъ дневникъ и на цыпочкахъ подошла къ лампадѣ. Дрожащими руками она распечатала пакетъ, поцѣловала тетрадку и быстро начала читать. Съ каждою строчкою волненіе ея увеличивалось; щеки ея то блѣднѣли, то горѣли яркимъ румянцемъ. Она, кажется, готова была заплакать. Дочитавъ до конца, она схватила себя за голову и потомъ снова начала перечитывать. Въ срединѣ тетрадки, а именно на томъ самомъ мѣстѣ, какъ могла замѣтить Татьяна Ивановна, гдѣ были написаны знакомые намъ стихи, она еще разъ поцѣловала листокъ. Прочитавъ другой разъ, дѣвушка опять на цыпочкахъ подошла къ своей кровати и улеглась въ постель; но не прошло четверти часа, она снова встала и принялась будить Татьяну Ивановну, которая, будто спросонья, открыла глаза.

— Возьмите,—сказала шопотомъ Мари, подавая ей тетрадку.

— А что̀ же?—спросила Татьяна Ивановна.

— Здѣсь сестрицы найдутъ.

— Да вы сами-то напишите ему что-нибудь.

— Не могу.

— Такъ что̀ же мнѣ ему сказать?

— Скажите, что merci.

Проговоря это, дѣвушка сунула дневникъ подъ подушку Татьянѣ Ивановнѣ и тотчасъ же улеглась въ постель.

«Какая миленькая и умненькая дѣвушка», — проговорила сама съ собою Татьяна Ивановна и совершенно осталась довольна своимъ успѣхомъ: она все видѣла и все очень хорошо поняла.

Возвратившись домой раннимъ утромъ, дѣвица Замшева тотчасъ же разбудила своего милашку Сергѣя Петровича и пересказала ему все до малѣйшей подробности и даже съ нѣкоторыми прибавленіями.

III.

Четвертаго декабря, то-есть въ Варваринъ день, Хозаровъ, вмѣстѣ съ Татьяною Ивановною, былъ въ большихъ хлопо-

тахъ: ему предстоялъ утренній визитъ съ поздравленіемъ и танцовальный вечеръ въ домѣ Мамиловыхъ, знакомствомъ которыхъ онъ такъ дорожилъ. Туалетомъ своимъ онъ занялся съ самаго утра, въ чемъ приняла по своей дружбѣ участіе и Татьяна Ивановна. Первая забота Хозарова была направлена на завивку волосъ, коими уже распоряжалась не Марѳа, а подмастерье отъ парикмахера, который дѣйствительно и завилъ мастерски. Дѣвица Замшева, исполненная дружескихъ чувствованій къ Хозарову, несмотря на свойственную ея полу стыдливость, входила во всѣ подробности мужского туалета.

— Что̀ хотите, Сергѣй Петровичъ,—говорила она: — а сорочка нехороша: полотно толсто и сине; декосъ гораздо былъ бы виднѣе.

— Какія вы, Татьяна Ивановна, говорите несообразности!— возразилъ Хозаровъ:—кто же носитъ декосъ?

— Всѣ носятъ: я жила въ одномъ графскомъ домѣ, тамъ вездѣ декосъ.

— Ошибаетесь, почтеннѣйшая, вѣрно, батистъ: это другое дѣло.

— Слава Богу, ужъ этого-то мнѣ не знать, просто декосъ; декосъ и на графѣ, декосъ и на графинѣ.

— Заблуждаетесь, почтеннѣйшая, и сильно заблуждаетесь. Голландское полотно лучше всего.

— Лучше бы вы, Сергѣй Петровичъ, не говорили мнѣ про полотно,—возразила Татьяна Ивановна:—полотно—полотно и есть: никакого виду не имѣетъ... Въ какомъ вы фракѣ поѣдете? — спросила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіе коихъ постоялецъ ея нафабривалъ усы.

— Разумѣется, въ черномъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Надѣньте коричневый; вы въ томъ наряднѐе, да у чернаго у васъ что-то сзади оттопыриваетъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, вы въ мужскомъ нарядѣ, извините меня, просто ничего не понимаете, — сказалъ Хозаровъ. — Нынче люди порядочнаго тона цвѣтное рѣшительно перестаютъ носить.

— Что̀ и говорить! Вы, мужчины, очень много понимаете,— отвѣчала Татьяна Ивановна:—а ни одинъ не умѣетъ къ лицу одѣться. Хотите, дамъ булавку; у меня есть брильянтовая.

— Нѣтъ, не нужно; а лучше дайте мнѣ денегъ хоть рублей десять; не шлютъ да и только изъ деревни,— что̀ прикажете дѣлать! Нужно еще другія перчатки купить.

— Право, нѣтъ ни копейки.

— Ни-ни-ни, почтеннѣйшая, не извольте этого и говорить.

— Да мнѣ-то гдѣ взять, проказникъ этакій? — говорила Татьяна Ивановна, опуская, впрочемъ, руку въ карманъ.

— Очень просто: взять да вынуть изъ кармана,—отвѣчалъ постоялецъ.

— Ахъ, какой вы уморительный человѣкъ, — сказала она, пожавъ плечами: — какія вамъ послать? — прибавила она.

— Къ Ліону, почтеннѣйшая, къ Ліону: въ два цѣлковыхъ,— отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо. Скоро будете одѣваться?

— Сейчасъ.

— Ну, такъ прощайте.

— Adieu, почтеннѣйшая!

— Зайдете показаться одѣтые?

— Непремѣнно.

— А туда зайдете?

— Нѣтъ.

— Прекрасно... очень хорошо! Ахъ, вы, мужчины, мужчины, вѣтренники этакіе; не стоите, чтобы васъ такъ любили. Сегодня же пойду и насплетничаю на васъ.

— Ну нѣтъ, почтеннѣйшая, вы этого не дѣлайте.

— То-то и есть, испугались! А въ самомъ дѣлѣ, что сказать?.. Я сегодня думаю сходить... Катерина Архиповна очень просила притти помочь барышнямъ собираться на вечеръ. Она сегодня будетъ въ розовомъ газовомъ и, должно-быть, будетъ просто чудо! Къ ней очень идетъ розовое.

— Вы скажите, почтеннѣйшая, что я цѣлый день сегодня мечтаю о балѣ.

— Хорошо... Впрочемъ, вы, кажется, все лжете, Сергѣй Петровичъ.

— Вотъ чудесно!.. Не дай Богъ вамъ, Татьяна Ивановна, такъ лгать. Я просто безъ ума отъ этой дѣвочки.

— Ну, ужъ меньше, чѣмъ она, позвольте сказать; она не говоритъ, а въ сердцѣ обожаетъ. Прощайте.

— Adieu, почтеннѣйшая; да кстати, пошлите извозчика нанять.

— Какого?

— Пошлите къ Ванькѣ Неронову; онъ у Тверскихъ воротъ стоитъ; рыжая этакая борода; или постойте: я къ нему записочку напишу.

«Иванъ Семенычъ! Сдѣлай, братъ, дружбу, пришли мнѣ на день сани съ полостью, и хорошо, если бы одолжилъ сѣраго рысака, въ противномъ же случаѣ—непремѣнно вороную кобылу, чѣмъ несказанно меня обяжешь.—Хозяровъ.

«P. S. О деньгахъ, дружище, не безпокойся, на слѣдующей недѣлѣ разочтусь совершенно».

Взявъ эту записочку и еще разъ попросивъ постояльца зайти и показаться одѣтымъ, Татьяна Ивановна ушла. Хозаровъ между тѣмъ принялся одѣваться. Туалетъ продолжался около часа. Натянувъ перчатки и взявъ шляпу, Хозаровъ началъ разыгрывать какую-то мимическую сцену. Сначала онъ отошелъ къ дверямъ и началъ отъ нихъ подходить къ дивану, прижавъ обѣими руками шляпу къ груди и немного и постепенно наклоняя голову; потомъ сѣлъ на ближайшій стулъ, и сѣлъ не то, чтобы развалясь, и не въ струнку, а свободно и прилично, какъ садятся порядочные люди, и началъ затѣмъ мимическій разговоръ съ кѣмъ-то сидящимъ на диванѣ: кинулъ нѣсколько словъ къ боковому сосѣду, заговорилъ опять съ сидящимъ на диванѣ, сохраняя въ продолженіе всего этого времени самую пріятную улыбку. Посидѣвъ немного, всталъ, поклонился сидящему на диванѣ, кинулъ общій поклонъ прочимъ, должно-быть, гостямъ, и началъ выходить... Прекрасно, безподобно! Это была репетиція грядущаго визита, и она, какъ видитъ самъ читатель, удалась моему герою какъ нельзя лучше.

Въ домѣ Мамиловыхъ, тоже съ ранняго утра, происходили хлопоты: натирали воскомъ полы, выбивали мебель, заливали масломъ кенкетки, вставляли въ люстру свѣчи, офиціантъ раскладывался въ особо отведенной комнатѣ съ своею посудою. Въ одной только спальнѣ хозяйки происходила не совсѣмъ праздничная сцена: Варвара Александровна Мамилова, по словамъ Хозарова, красавица и философка, въ утреннемъ капотѣ и чепчикѣ, сидѣла и плакала; передъ ней лежало развернутое письмо и браслетъ. Варвара Александровна, дама лѣтъ около тридцати, дѣйствительно была хорошенькая; по крайней мѣрѣ имѣла очень нѣжныя черты лица, прекрасныя и чисто-небеснаго цвѣта голубые глаза; но главное—она владѣла удивительно-маленькой и какъ бы совершенно безъ костей ручкою и таковыми же ножками. Лежавшее передъ ней письмо было отъ мужа, отъ этого страшнаго богача, занимающагося въ южныхъ губерніяхъ торговыми операціями, и оно-то заставило именинницу плакать. «Поздравляю васъ, другъ мой Варвара Александровна,—писалъ супругъ:—со днемъ вашего ангела и посылаю вамъ какой только могъ найти лучшій браслетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденнымъ нахожусь, хотя это вамъ будетъ и непріятно, высказать мое неудовольствіе. Начну съ прошедшаго. Во-первыхъ, заискивали во мнѣ вы, а не я въ васъ; во-вторыхъ, въ самый день сватовства я объ-

яснилъ, что желаю видѣть въ женѣ только семьянинку, и вы поклялись быть такой; я, сорокапятилѣтній простакъ, повѣрилъ, потому что и вамъ уже было за двадцать пять; въ женихахъ вы не зарылись; кромѣ того, я зналъ, что вы не должны быть избалованы, такъ какъ жили у вашего отца въ положеніи какой-то гувернантки за его боковыми дѣтьми, а сверхъ того вы и сами вначалѣ показывали ко мнѣ большую привязанность: но какія же теперь всего этого послѣдствія? Чрезъ какой-нибудь годъ вы заболѣли нервною болѣзнью, хотя по лицу этого совершенно было незамѣтно, и начали ко мнѣ приступать, чтобы я переѣхалъ съ вами въ Москву, — я и это сдѣлалъ. Столичный воздухъ пришелся вамъ какъ нельзя лучше по комплекціи: съ другой же недѣли мы стали ѣздить по собраньямъ и по театрамъ. Такого рода жизнь, хотя была и убыточна, но при мнѣ позволительна; теперь же другое дѣло: вы живете однѣ и повторяете то же самое и безъ меня; открыли даже въ вашемъ домѣ, какъ я слышалъ, на цѣлую зиму вечера и въ два мѣсяца прожили пять тысячъ рублей. Во избѣжаніе всего этого, съ будущей весны, то-есть по окончаніи квартирнаго контракта, я намѣренъ переѣхать съ вами на постоянное житье въ К., гдѣ сосредоточу всѣ мои дѣла. Цѣлуя васъ, пребываю—такой-то...»

Вотъ какое было поздравительное письмо страшнаго богача, и, конечно, всякій согласится, что это дерзкое и оскорбительное посланіе могло заставить плакать даму и съ болѣе крѣпкими нервами, чѣмъ Варвара Александровна. Сначала она бросила-было на полъ присланный ей въ подарокъ браслетъ и велѣла отказать офиціанту, которому заказанъ былъ вечеръ, но потомъ, проплакавшись, распорядилась снова о вечерѣ и подняла съ полу браслетъ, а часу въ первомъ, одѣвшись, и одѣвшись очень мило и къ лицу, надѣла даже и браслетъ и вышла въ гостиную, чтобы принимать пріѣзжающихъ гостей съ поздравленіемъ. Впрочемъ, впечатлѣніе письма было, видно, довольно сильно, потому что, какъ Варвара Александровна ни старалась переломить себя, все-таки оставалась нѣсколько грустна и взволнована. Всѣ почти перебывали у ней изъ ея круга; былъ и Бобыревъ, образованный купецъ, и статскій совѣтникъ Желюзовъ, и пріѣзжали трое офицеровъ вмѣстѣ; наконецъ прислала и Катерина Архиповна своего супруга поздравить именинницу.

Антонъ Ѳедотычъ, вымытый, выбритый, напомаженный и весь, такъ сказать, по волѣ супруги, обновленный, то-есть въ новой фрачной парѣ, въ жилетѣ съ иголочки и даже въ новыхъ сапогахъ, не замедлилъ показать себя новой знакомой,

и на особый вопросъ, который Варвара Александровна сдѣлала ему о Мари, потому что та нравилась ей болѣе изъ всего семейства, онъ не преминулъ пояснить, что воспитаніе Мари стоило имъ десять тысячъ.

Послѣ всѣхъ пріѣхалъ мой герой Хозаровъ. Мило было посмотрѣть, какъ вошелъ молодой человѣкъ въ своемъ черномъ фракѣ, бархатномъ жилетѣ и лакированныхъ сапогахъ! Какія у него были прекрасныя перчатки; какъ свободно, какъ даже граціозно онъ раскланялся, даже гораздо лучше, чѣмъ сдѣлалъ это на репетиціи. Кромѣ того, онъ былъ такъ свѣжъ, такіе имѣлъ миленькіе усы, такъ кстати заговорилъ съ хозяйкою о погодѣ, что, конечно, читатель мой, глядя на него, вы никакъ бы не догадались, что онъ выѣхалъ изъ номеровъ Татьяны Ивановны, но ея только великодушію имѣлъ перчатки и писалъ дружескую записку къ извозчику о снабженіи его экипажемъ: вы скорѣе бы подумали, что разговаривать по-французски и дѣлать утренніе визиты его нарочно возили учиться въ Парижъ. Родятся же люди съ подобными свѣтскими способностями! Ну, какое, напримѣръ, особое получилъ воспитаніе мой герой? Сначала родители держали его въ деревнѣ, и то больше въ дѣвичьей или въ лакейской; потомъ, на десятомъ или одиннадцатомъ году, отдали въ корпусъ, гдѣ онъ почти самоучкой выучился немного говорить по-французски и въ совершенствѣ овладѣлъ танцовальнымъ искусствомъ,—но вѣдь только и всего! Потомъ поступилъ онъ въ полкъ, гдѣ, конечно, старался постоянно быть въ хорошемъ обществѣ, и, стремясь докончить свое воспитаніе, читалъ очень много романовъ, и романовъ по преимуществу переводныхъ, чтобы уже имѣть окончательно ясное понятіе о свѣтско-европейской жизни.

Варвара Александровна въ этотъ разъ обратила на молодого человѣка должное вниманіе. Отличнымъ танцоромъ она знала его и прежде; но разговаривать съ нимъ ей какъ-то еще не удавалось. Поговоря же съ нимъ въ настоящій визитъ, она увидѣла, что онъ необыкновенно милый и даже умный молодой человѣкъ, потому что Хозаровъ такъ мило ей разсказалъ повѣсть Бальзака «Старикъ Горіо», что заинтересовалъ ее этимъ романомъ до невѣроятности.

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете?—спросила она гостя.

— Дома,—отвѣчалъ тотъ.

— Voulez-vous manger notre soupe?

— Avec grand plaisir,—отвѣчалъ Хозаровъ.

— Mais, outre cela, passerez-vous avec nous la soirée?

— Votre très humble serviteur!

Послѣ пріѣзжали еще кое-кто: являлся, между прочимъ, и

толстякъ Рожновъ, внушавшій такія опасенія Хозарову; но никого хозяйка не удостоила приглашеніемъ на обѣдъ и звала только на простенькій вечеръ.

Такимъ образомъ Сергѣй Петровичъ и Варвара Александровна обѣдали почти вдвоемъ, въ присутствіи только весьма молчаливой экономки изъ нѣмокъ.

Время шло очень пріятно; хозяйка окончательно развеселилась и была очень любезна съ гостемъ; бесѣда ихъ, какъ водится между образованными людьми, началась о театрѣ, о гуляньяхъ, о романахъ, и наконецъ склонилась на любовь.

— Любви нѣтъ!—сказалъ Хозаровъ.

— Отчего же вы такъ думаете?—спросила хозяйка.

— Потому что женщины не умѣютъ любить.

— Скажите лучше: мужчины не въ состояніи чувствовать любви; они—эгоисты, грубы, необразованы; они въ женщинѣ хотятъ видѣть себѣ рабу, которая только должна повиноваться имъ, угождать ихъ прихотямъ и рѣшительно не имѣть собственныхъ желаній, или, лучше сказать, совершенно не жить.

— Однакожъ мы видимъ, что всѣ мужчины угождаютъ женщинамъ?

— Да, это бывало во времена рыцарства, когда мужчины были нравственны, благородны, великодушны, храбры.

— Напротивъ...—возразилъ-было Хозаровъ.

— А какими вы женитесь, господа?—перебила хозяйка:—какими-то нравственными стариками, неспособными не только чувствовать, но даже понимать чувствъ! У васъ въ головѣ только дѣла и деньги. Вамъ дается молодое и свѣжее существо, которое стремится васъ любить, жить любовью, но вы,—ахъ, Боже мой!—и говорить смѣшно, что вы видите въ женѣ: комфортъ, удобство, ключницу!.. Что же остается бѣдной женщинѣ? Съ кѣмъ ей раздѣлить свое сердце, гдѣ истратить эту юную жизнь, которая кипитъ въ ней? И вотъ она, разумѣется, кидается въ свѣтъ и начинаетъ утѣшать себя мишурными пустяками: нарядами, балами, театрами; но развѣ можетъ занять это ея умъ и сердце? Она весела только по наружности, но внутри страдаетъ. Но этого еще мало: вы, мужья, хотите отнять у нихъ и эти воображаемыя развлеченія; вамъ жаль денегъ, которыми вы, по всѣмъ правамъ, должны бы были платить за отсутствіе чувствъ; вы, господа, называете насъ мотовками, вѣтренницами, и оканчиваете тѣмъ, что увозите куда-нибудь въ глушь, въ деревню! И тогда прощай, бѣдное существо—оно заживо погребено.

— Я на это имѣю другой взглядъ,—возразилъ Хозаровъ:—женщины сами скрываютъ свои чувства; онѣ сами холодны,

или притворяются такими. Я знаю одну дѣвушку; она любитъ одного человѣка; онъ это знаетъ вѣрно; но до сихъ поръ эта дѣвушка себя маскируетъ: когда онъ написалъ къ ней письмо, она прочитала, цѣловала даже безчувственную бумагу, но все-таки велѣла въ отвѣтъ сказать одно холодное «mercі».

— Я не понимаю этого, — сказала Мамилова: — и думаю, что она не любитъ.

— Вы думаете?

— Даже увѣрена, потому что, когда женщина любитъ, она вся — откровенность; не чувствуя сама, она выскажется во всемъ: во взглядѣ, во всѣхъ своихъ поступкахъ, даже въ словахъ!

— Однакожъ это случилось!

— Не съ вами ли?

— А если бы со мной?

— Жалѣю о васъ!

— Почему?

— Потому что васъ не любятъ.

— Можетъ-быть! По крайней мѣрѣ, я люблю.

— А если вы любите, такъ и спѣшите любить, не теряйте ни минуты; ищите, старайтесь нравиться, сватайтесь, а главное—не откладывайте въ дальній ящикъ и женитесь. Пройдетъ время, вы растеряете всѣ ваши чувства, мысли, всего самого себя; тогда будетъ худо вамъ, а еще хуже — вашей будущей женѣ.

— Я могу еще любить, — возразилъ Хозаровъ.

— Можетъ-быть, вы молоды... Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать семь.

— Да!.. Но только ужъ пора жениться — и очень пора!.. Пройдетъ годъ, другой, и вы будете похожи на другихъ... Боже мой! — продолжала хозяйка одушевленнымъ голосомъ:— даже на самыхъ первыхъ порахъ брака какими вы бываете, мужчины! Вамъ скучны ласки этого юнаго существа, и вотъ— вы начинаете обманывать: жалуетесь на желчь, на сплинъ; но пріѣзжаетъ пріятель, съ которымъ какія-нибудь у васъ есть дѣла, и сейчасъ все проходитъ: откуда является энергія, дѣятельность, потому что тутъ говоритъ ваша собственная корысть. Вы всѣми вашими помышленіями посвящены только вашей меркантильной жизни, а женѣ остается одинъ только трупъ, остовъ человѣка, безъ чувствъ, безъ мысли. Нашу любовь, нашу живость, нашу даже, если хотите, болтливость — вы не хотите понять; называете это глупостями, ребячествомъ и на первыхъ порахъ тушите огонь страсти, который горѣлъ бы для васъ, и горѣлъ всю жизнь.

— Вы говорите все это весьма справедливо про браки, которые совершаются по расчету; но другое дѣло — бракъ по страсти.

— Но гдѣ вы возьмете въ сорокъ лѣтъ страсти, — возразила хозяйка: — когда уже вы въ тридцать лѣтъ чувствуете, какъ говорятъ иные, разочарованіе? И что̀ такое ваше разочарованіе? Это не усталость души поэта, испытавшей все въ жизни; напротивъ—матеріализмъ, загрубѣлость чувствъ, апатія сердца—и больше ничего!

— Въ отношеніи разочарованія я совершенно съ вами согласенъ, — сказалъ Хозаровъ: — это такая нелѣпость, которой я рѣшительно не допускаю.

Послѣднія слова герой мой произнесъ искренно: онъ дѣйствительно въ самомъ себѣ не чувствовалъ ничего подобнаго разочарованію; ему даже весьма не нравились знаменитые романы: «Онѣгинъ» и «Печоринъ». Онъ всегда называлъ ихъ баснями. Долго еще разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ; наконецъ хозяйка, кажется, утомилась резонерствовать. Хозаровъ, какъ свѣтскій человѣкъ, тотчасъ же замѣтилъ это и потому раскланялся и уѣхалъ. Домой прибылъ онъ нѣсколько взволнованный; на него сильное впечатлѣніе произвела философка-именинница. Раздѣвшись и усѣвшись въ свое вольтеровское кресло, онъ погрузился въ тихую задумчивость. Вошла Татьяна Ивановна.

— А вы не будете обѣдать? — спросила она.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ: — я обѣдалъ у именинницы. Вотъ, Татьяна Ивановна, я встрѣтилъ женщину, такъ женщина!

— Кого это?

— Варвару Александровну Мамилову... Чудо! Вообразите себѣ: говоритъ, какъ профессоръ; что̀ за чувства, что̀ за страсти! И вмѣстѣ съ тѣмъ эти синіе чулки бываютъ обыкновенно страшные уроды; а эта, представьте себѣ, красавица, образована и учена такъ, что меня просто втупикъ поставила

Татьяна Ивановна покачала головою.

— Лучше вашей Мари никого нѣтъ на свѣтѣ,—сказала она.

— Мари не идетъ тутъ въ сравненіе, — отвѣчалъ Хозаровъ: — Мари ангелочекъ-дѣвочка: на ней можно жениться, любить ее, знаете, какъ жену; но эта — другое дѣло: эту надобно слушать и удивляться.

— Лучше бы вы этого не говорили. Досадно слушать! — возразила Татьяна Ивановна.—Просто, вы повѣса, волокита. Вотъ бы вамъ завлечь бѣдную дѣвушку, потомъ бросить ее и влюбиться въ другую даму.

— Нѣтъ, это не то, — проговорилъ Хозаровъ и снова задумался.

Посидѣвъ немного, Татьяна Ивановна простилась съ постояльцемъ и отправилась къ Катеринѣ Архиповнѣ помогать барышнямъ одѣваться. Мы оставимъ моего героя среди его мечтаній и перейдемъ, вмѣстѣ съ почтеннѣйшею хозяйкою, въ квартиру Ступицыныхъ, у которыхъ была тоже страшная суетня. Двѣ старшія, Пашетъ и Анетъ, начали хлопотать еще съ самаго обѣда о своемъ туалетѣ; онѣ примѣривали башмаки, мѣнялись корсетами и почти до ссоры спорили, которой изъ нихъ надѣть на голову виноградъ съ французской зеленью: имъ обѣимъ его хотѣлось.

— Тебѣ совсѣмъ нейдетъ зелень, — говорила Анетъ съ сѣрыми глазами: — ты брюнетка; ты гораздо лучше будешь въ пунцовыхъ шу.

— Извините, я уже и то на трехъ вечерахъ была въ лентахъ, а вы всегда въ цвѣтахъ.

Споръ двухъ дѣвушекъ дошелъ до маменьки, которая ихъ помирила тѣмъ, что разломила виноградную вѣтку на двѣ и, каждой отдавъ по половинѣ, приказала имъ надѣть, вмѣстѣ съ зеленью, и пунцовыя шу.

Обѣ сестры, споря между собою, вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовали страшное ожесточеніе противъ младшей сестры и имѣли на это полное право: Катерина Архиповна еще за два дня приготовила своему идолу весь новый туалетъ: платье ей было сшито новое, газовое, на атласномъ чехлѣ; башмаки были куплены въ магазинѣ, а не въ рядахъ, а на голову была приготовлена прекрасная коронка отъ m-me Анетъ; но это еще не все; сегодня на вечеръ эта дѣвочка, какъ именовали ее сестры, явится и въ маменькиныхъ брильянтахъ, которые нарочно были передѣланы для нея по новой модѣ. Весьма естественно, что Мари, имѣя въ виду такого рода исключительныя заботы со стороны матери, сидѣла очень спокойно въ залѣ и читала какой-то романъ. Антонъ Ѳедотычъ, такъ же, какъ старшія дочери, былъ искренно озабоченъ своимъ туалетомъ: онъ самъ лично — своею особою — наблюдалъ, какъ гладилась его манишка, которая и должна была составлять перемѣну въ его костюмѣ противъ того, въ которомъ онъ являлся къ именинницѣ утромъ.

Между тѣмъ какъ происходили всѣ эти хлопоты, и между тѣмъ какъ волновались ими Пашетъ, Анетъ и Антонъ Ѳедотычъ, Катерина Архиповна сидѣла и разговаривала съ Рожновымъ.

— Что мнѣ дѣлать, Иванъ Борисычъ?—говорила хозяйка.

— Я самъ не знаю, что̀ дѣлать и вамъ и мнѣ,—отвѣчалъ тотъ:—но я вамъ опять повторю: я богатъ, не совсѣмъ глупъ, дочь ваша мнѣ нравится, а потому, можетъ-быть, и сумѣю сдѣлать ее счастливою.

— Все это я знаю; но она еще замужъ не хочетъ,—отвѣчала Катерина Архиповна.

— Нѣтъ-съ, это не то: она замужъ хочетъ, только не за меня.

— Я васъ очень хорошо понимаю, Иванъ Борисычъ, и очень была бы рада,—отвѣчала Катерина Архиповна.

— Я знаю, что вы-то бы рады, — отвѣчалъ Рожновъ: — впрочемъ, подождемъ, не сдѣлаетъ ли чего время?

— Подите, поговорите съ ней, полюбезничайте, — сказала старуха: — вы къ ней очень невнимательны.

— Вотъ еще что̀ выдумали! Стану я любезничать! Она и безъ того, кажется, видѣть меня равнодушно не можетъ, — проговорилъ толстякъ и задумался.

Явилась Татьяна Ивановна. Мари, увидѣвъ свою повѣренную, взяла ее за руку и посадила около себя.

— Что̀ вы не собираетесь?

— У меня все готово, — отвѣчала дѣвушка.

— Какъ васъ ждетъ одинъ человѣкъ, такъ просто ужасъ: сегодня цѣлое утро только и говорилъ, какъ увидѣться съ вами, — сказала Татьяна Ивановна.

Дѣвушка покраснѣла, однако ничего не отвѣчала и принялась читать романъ. Татьяна Ивановна начинала нѣсколько разъ опять заговаривать о Хозаровѣ, но отвѣтомъ ей было только смущеніе, и потому дѣвица Замшева рѣшилась отправиться къ двумъ старшимъ. Здѣсь она нашла обширное поле для своей дѣятельности. Обѣ дѣвицы были въ совершенномъ отчаяніи отъ дурно выглаженныхъ кисейныхъ платьевъ, но Татьяна Ивановна взялась помочь горю: со свойственнымъ только ей искусствомъ спрыснула весьма обильно платья, начала ихъ гладить черезъ тонкую простыню, и такимъ образомъ платья вышли отличныя. Часа за два началось одѣванье трехъ сестеръ. Татьяна Ивановна безпрестанно перебѣгала изъ комнаты двухъ старшихъ въ кабинетъ младшей, которую, впрочемъ, одѣвала сама мать. Толстякъ все это время сидѣлъ одинъ въ залѣ. Антонъ Ѳедотычъ тоже одѣвался. Старуха, одѣвъ своего идола, снарядилась сама очень скоро, и къ девяти часамъ всѣ были готовы. Рожновъ предложилъ всему семейству ѣхать въ его возкѣ, а самъ, съ Антономъ Ѳедотычемъ, отправился на извозчикѣ. Татьяна Ивановна проводила всѣхъ до крыльца и на этотъ разъ, не боясь мошенниковъ, отправилась домой.

Когда семейство Ступицыныхъ, въ сопровожденіи Рожнова, вошло въ залу Варвары Александровны, тамъ было уже довольно гостей. Хозаровъ стоялъ, прислонясь къ косяку дверей въ гостиную, и рисовался. Среди всей этой новоприбывшей семьи по преимуществу кинулась всѣмъ въ глаза Мари; она была очень мила въ своемъ розовомъ новомъ платьѣ и въ маменькиныхъ передѣланныхъ брильянтахъ. Двѣ старшія, поздоровавшись съ хозяйкою, тотчасъ же адресовались къ моему герою и адресовались такъ провинціально, съ такими непріятными и странными ужимками, что Хозаровъ совершенно сконфузился и, сдѣлавъ сколько возможно насмѣшливую улыбку, пробормоталъ нѣсколько словъ и ретировался въ залу; но и здѣсь ему угрожала опасность: Антонъ Ѳедотычъ схватилъ его за обѣ руки и началъ изъявлять—тоже весьма глупо и неприлично—восторгъ, что съ нимъ увидѣлся. Хозаровъ окончательно растерялся и не нашелъ ничего болѣе сдѣлать, какъ выйти вонъ изъ залы. По возвращеніи его, кадриль уже началась. Двѣ старшія дѣвицы Ступицыны были ангажированы офицерами; слѣдовательно отъ нихъ не могла ему угрожать опасность. Его безпокоилъ одинъ только Антонъ Ѳедотычъ, который стоялъ въ противоположномъ углу и съ улыбкою посматривалъ на всю публику. Увидѣвъ Хозарова, онъ, видимо, замышлялъ подойти къ нему, но, къ счастью сего послѣдняго, Ступицынъ былъ со всѣхъ сторонъ заставленъ стульями, а потому не могъ тронуться съ мѣста и ограничился только тѣмъ, что не спускалъ съ Хозарова глазъ и улыбался ему.

«Какое милое существо, а въ какомъ дурацкомъ семействѣ родилось!»—подумалъ про себя Сергѣй Петровичъ, глядя на хорошенькую Мари, танцующую съ третьимъ офицеромъ. Осмотрѣвъ внимательно ея роскошный станъ, ея пухленькія ручки, и наконецъ замѣтивъ довольно таинственные и много говорящіе взгляды, онъ не выдержалъ, подошелъ къ ней и позвалъ ее на кадриль.

Между тѣмъ хозяйка, осматривавшая въ лорнетъ всѣхъ гостей, увидѣла во второй кадрили Хозарова, танцующаго съ Мари, и съ той поры исключительно занялась наблюденіемъ надъ ними. Она видѣла все; но ни Хозаровъ ни Мари не замѣтили ничего. Въ героѣ моемъ вдругъ воскресла на время усыпленная впечатлѣніемъ Варвары Александровны страсть къ Мари, тѣмъ болѣе, что онъ, взявъ ручку *грезовской головки*, почувствовалъ, что эта ручка дрожала.

— Вы меня ненавидите, —сказалъ поручикъ, становясь съ своей дамой на избранное мѣсто.

Мари ничего не отвѣчала; она только взглянула на него, но

взглянула такъ, что Сергѣй Петровичъ понялъ многое и потому слегка пожалъ ея ручку. Ему отвѣчали тоже легкимъ пожатіемъ.

— Вы не сердитесь на меня за мою тайну, которую писалъ я вамъ въ дневникѣ?—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка.

— А вы знаете, о комъ я писалъ?

— Не знаю.

— О васъ.

Мари вся вспыхнула.

— Могу я васъ любить?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Да,—отвѣчала тоже шопотомъ дѣвушка.

— А вы?

Молчаніе...

— А вы?—повторилъ Хозаровъ.

— Да...—едва проговорила она и стремительно бросилась дѣлать шенъ.

По окончаніи кадрили Хозаровъ, разстроенный, и разстроенный въ такой мѣрѣ, что даже взъерошилъ свою прическу, сталъ опять у косяка. Къ нему подошла хозяйка.

— Я все видѣла,—сказала она:—васъ любятъ, вы напрасно сомнѣваетесь, и любятъ васъ такъ, какъ только умѣетъ любить молоденькая дѣвушка; но знаете, что̀ мнѣ тутъ отрадно: вы сами любите, вы сами еще не утратили прекрасной способности любить. Поздравляю и радуюсь за васъ.

Хозаровъ на такого рода лестные отзывы ничего не могъ даже отвѣтить и только молча и съ внутреннимъ самодовольствомъ прижалъ къ груди свою шляпу и поклонился.

Ступицыны скоро уѣхали съ вечера. Катерина Архиповна замѣтила, что идолъ ея немного поблѣднѣлъ, и потому тотчасъ же пристала къ Мари съ разспросами, что̀ такое съ ней. Мари объявила, что у нея голова болитъ, и что ей бы очень хотѣлось ѣхать домой. Старуха тотчасъ же повелѣла всей остальной семьѣ собраться. Какъ это ни было горько Пашетѣ и Анетѣ, такъ какъ обѣ онѣ были приглашены тѣми же офицерами на мазурку; какъ наконецъ ни непріятно было такое распоряженіе супруги Антону Ѳедотычу, который присѣлъ уже къ статскому совѣтнику Желюзову и началъ-было ему разсказывать, какіе у него въ деревнѣ сформированы прекрасные музыканты, — однако всѣ они покорились безотмѣнному повелѣнію Катерины Архиповны и отправились домой.

IV.

Спустя недѣлю послѣ Варварина дня, Ступицынъ вознамѣрился всѣмъ знакомымъ Катерины Архиповны сдѣлать ви-

зиты. Многое породило въ головѣ Антона Ѳедотыча подобное желаніе; во-первыхъ, ему хотѣлось еще разъ показать почтеннѣйшей публикѣ свой новый фракъ; во-вторыхъ, поговорить съ некоротко знающими его лицами и высказать имъ нѣкоторыя свои душевныя убѣжденія, и наконецъ, въ-третьихъ, набѣжать гдѣ-нибудь на завтракъ или на закуску съ двумя сортами водки, съ какимъ-нибудь канальскимъ портвейномъ и накуриться табаку. Послѣдняя причина едва ли была не главная, потому что завѣтный погребецъ его—увы!—давно уже былъ безъ содержанія; наполнить же его не было никакой возможности: расчетливая Катерина Архиповна, сшивъ супругу новое платье,—такъ какъ въ старомъ невозможно уже было показать его добрымъ людямъ, — поклялась пять лѣтъ не давать ему ни копейки и даже не покупала для него табаку. Рѣшившись, на основаніи вышеупомянутыхъ причинъ, дѣлать визиты, Антонъ Ѳедотычъ имѣлъ въ виду одно только не совсѣмъ пріятное обстоятельство: онъ долженъ былъ ходить пѣшкомъ, потому что Катерина Архиповна и на извозчика не давала денегъ. Это заставило Ступицына рѣшиться посѣтить не вдругъ всѣхъ, а дѣлать визита по два или по три въ день, разсказывая при этомъ случаѣ, что ему докторъ велѣлъ каждое утро ходить верстъ по пяти пѣшкомъ. Въ первый день зашелъ онъ къ статскому совѣтнику Желюзову, но здѣсь его не приняли, и онъ направилъ стопы къ Хозарову. Можетъ-быть, его и здѣсь не приняли бы, но онъ вошелъ вдругъ и засталъ хозяина за туалетомъ.

— Боже мой! Извините вы меня! — вскрикнулъ Хозаровъ, запахивая халатъ и стараясь прибрать туалетныя принадлежности.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь,—возразилъ гость:— иначе я лишу себя пріятнаго удовольствія побесѣдовать съ вами и уйду.

— Какъ это возможно! — возразилъ съ своей стороны хозяинъ: — но все-таки мнѣ очень совѣстно: я теперь живу на бивакахъ; мое отдѣленіе передѣлываютъ; я сюда перешелъ на время въ этотъ сарай.

— Я этого не скажу, — говорилъ Ступицынъ, усаживаясь на ближайшій къ хозяину стулъ. — Комната мнѣ нравится, очень веселенькая. Обоями нынче все больше оклеиваютъ.

— Да, но это что за помѣщеніе!.. Семейство ваше какъ въ своемъ здоровьѣ?

— Благодарю васъ, слава Богу. Мари что-то все хмурится. Позвольте мнѣ попросить у васъ трубки.

— Ахъ, сдѣлайте милость! — вскрикнулъ хозяинъ и самъ

было-бросился набивать гостю трубку: но тотъ, конечно, не допустилъ его и самъ себѣ выбралъ самую огромную трубку, старательно продулъ ее, наложилъ, закурилъ и сѣлъ, съ цѣлью вполнѣ насладиться любимымъ, но не всегда доступнымъ ему удовольствіемъ.

— Безподобный табакъ! — сказалъ онъ, втягивая дымъ.

— Очень радъ, что вамъ нравится.

— Какъ однако свѣжо на дворѣ!—сказалъ гость, усладившись куреніемъ: — я хожу вѣдь пѣшкомъ: докторъ велѣлъ; нельзя, знаете, безъ моціона,—такія ужъ лѣта; чего добраго, пожалуй, и ударъ хватитъ.

— Такъ на дворѣ, вы изволите говорить, холодно?

— Весьма свѣжо. Я такъ, знаете, прозябъ, что даже и теперь не могу согрѣться.

— Не прикажете ли чаю, или кофе?

— Нѣтъ-съ, благодарю покорно: то и другое мнѣ строжайше запрещено докторомъ. Рюмку водки, если есть, позвольте!

— Ахъ, пожалуйста! — сказалъ хозяинъ и вышелъ, чтобы попросить у Татьяны Ивановны для гостя водки.

Дѣвица Замшева, услышавъ, что у Хозарова Антонъ Ѳедотычъ и желаетъ выпить водочки, тотчасъ захлопотала.

— Дайте водочки, почтеннѣйшая, да нѣтъ ли графинчика получше, да и закусить чего-нибудь—сыру или сельдей, и, знаете, подайте понарядиѣе: на подносъ велите послать салфетку, и хлѣбъ нарѣзать и разложить покрасивѣе.

— Знаю, Сергѣй Петровичъ, знаю. Ужъ не безпокойтесь. Велю подать водки, миногъ, сыру и колбасы; да не худо бы винца какого-нибудь?

— Очень хорошо и винца — рубля въ полтора серебромъ бутылку,— отвѣчалъ Хозаровъ.— Ахъ, вы, милѣйшая моя хозяюшка! — говорилъ онъ, трепля ее по плечу.

— То-то и есть,— отвѣчала Татьяна Ивановна:—дай вамъ Богъ другую нажить такую. Вотъ посмотримъ, какъ-то вы отблагодарите меня, какъ женитесь.

— Тысячу рублей подарю вамъ, — отвѣчалъ Сергѣй Петровичъ.

— Хорошо, посмотримъ, — отвѣчала хозяйка и побѣжала хлопотать о закускѣ.

Хозаровъ между тѣмъ возвратился къ гостю, который закурилъ уже другую трубку и, развалясь на диванѣ, пускалъ мастерскія кольца.

— Извините меня, — сказалъ хозяинъ: — я захлопотался. Вотъ наша холостая жизнь: вообразите себѣ, двое у меня

людей въ горницѣ, и ни одного налицо нѣтъ, такъ что принужденъ былъ просить подать завтракъ хозяйскую дѣвушку.

— Это часто случается и у насъ; у меня вотъ здѣсь немного людей, а въ деревнѣ ихъ человѣкъ пятнадцать, а случается иногда, что даже по цѣлому дню трубки некому приготовить.

Въ это время Марѳа, одѣтая, по распоряженію Татьяны Ивановны, въ новое ситцевое платье, принесла закуску, водку и вино.

— Прошу покорнѣйше,—сказалъ хозяинъ.

— А я васъ прошу не безпокоиться: распоряжусь,—отвѣчалъ гость и залпомъ выпилъ рюмку водки, закусивъ миногою.

— Прекрасная закуска эти миноги! И кисловато и пріятно,—сказалъ онъ, прожевавъ кусокъ:—говорятъ, это маленькія змѣи?

— Не знаю. Не прикажете ли винца?

— Нѣтъ, позвольте мнѣ еще рюмку водки: все какъ-то не могу хорошенько согрѣться! Это штриттеровская?

— Нѣтъ, домашняя.

— Скажите, какая прекрасная,—замѣтилъ гость, закусывая сыромъ.—Теперь можно трубки покурить и винца потомъ выпить,—проговорилъ онъ и, закуривъ трубку, хотѣлъ-было налить себѣ въ рюмку.

— Не прикажете ли лучше въ стаканъ? Это вино совѣстно пить рюмками,—сказалъ хозяинъ, желавшій угостить гостя и замѣтивъ, что сей послѣдній любитъ выпить.

— Не много ли будетъ стаканчиками?—сказалъ гость, выпивъ рюмку.—Вы сами не кушаете; надобно начинать вѣдь съ хозяина.

— А вотъ я и самъ выпью,—сказалъ тотъ, наливъ стаканъ и ставя его передъ Ступицынымъ, а себѣ рюмку.

Антонъ Ѳедотычъ пришелъ въ совершенно блаженное состояніе отъ такого любезнаго пріема.

— Какъ мнѣ пріятно, что я имѣлъ честь съ вами познакомиться. Съ перваго раза, изволите ли помнить, какъ мы встрѣтились, я почувствовалъ къ вамъ какое-то особенное влеченіе.

— Благодарю васъ покорно; я, съ своей стороны, также дорожу знакомствомъ вашимъ и всего вашего милаго семейства.

— Да-съ, я могу похвалиться моимъ семействомъ,—началъ Ступицынъ, у котораго въ головѣ начало уже шумѣть:—одно только... Ахъ, какъ мнѣ тутъ непріятно! Даже и говорить про это больно!

— Что такое-съ?

— Такъ, знаете-съ: свои семейныя несообразности.

— Но... въ чемъ же?

— Это, я вамъ доложу, большая исторія, — проговорилъ Ступицынъ, вздыхая, и махнувъ рукой. — Я, пожалуй, вамъ разскажу; но прежде, нежели начну, позвольте мнѣ васъ попросить выпить со мной по стаканчику мадеры.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ хозяинъ и налилъ себѣ и гостю по стакану вина, которыми они чокнулись и выпили.

— Я васъ, Сергѣй Петровичъ, съ перваго раза полюбилъ, какъ сына, а потому могу открыть вамъ душу. Катерина Архиповна моя... я про нее ничего не могу сказать... Семьянинка прекрасная, только неровна къ дочерямъ: двухъ старшихъ не любитъ, а младшую боготворитъ.

— Скажите, пожалуйста!

— Да-съ, вотъ какой случай. А что прикажете дѣлать? Я хоть и отецъ, а помочь не могу. Короче вамъ сказать: была у насъ двоюродная бабка, и, замѣтьте, бабка съ моей стороны; препочтеннѣйшая, я вамъ скажу, старушка; меня, просто, обожала, всего своего имущества, еще при жизни, хотѣла сдѣлать наслѣдникомъ; но вѣдь я отецъ: куда же бы все пошло?.. Все бы, конечно, дѣтямъ—только бы поровну, никто бы изъ нихъ обиженъ-то не былъ. Такъ какъ бы вы думали, что сдѣлала супруга? Передъ самою почти смертью подбилась къ старухѣ да уговорила ее, обойдя меня, отдать одной младшей, Машетъ, а мы и сидимъ теперь на бобахъ. Вотъ что значитъ неравная-то любовь! Но вѣдь я отецъ: мнѣ горько и обидно... и себя, конечно, жалко, да и старшія-то чѣмъ же согрѣшили?

— Скажите, пожалуйста! — произнесъ Хазаровъ: — большое имѣніе?

— Триста душъ въ кружкѣ, какъ на ладони, да каменная усадьба.

— И всѣмъ ужъ теперь владѣетъ Марья Антоновна?

— Давно, по всѣмъ актамъ, но это еще мало: имѣніе теперь подъ опекою у матери; ни копейки, сударь вы мой, изъ доходовъ не издерживаетъ,—все въ ломбардъ да въ ломбардъ на имя идола: тысячъ тридцать ужъ засыпано.

— Тридцать тысячъ! — воскликнулъ въ восхищеніи Хозаровъ.

— Ровнехонько тридцать. Но вѣдь мнѣ горько: я отецъ... Я равнодушно видѣть старшихъ не могу, хуже чѣмъ сироты. Ну, хоть бы съ воспитанія взять: обѣихъ ихъ въ деревнѣ

сама учила, — ну, что она знаетъ? — а за эту платила въ пансіонъ по тысячѣ рублей... Но и это еще не все...

— Что же еще такое? — спросилъ Хозаровъ, болѣе и болѣе начинавшій интересоваться разсказомъ Ступицына.

— И это еще не все: нашла ей жениха, почти насильно влюбила его въ нее; онъ полгода уже какъ интересовался старшей; передѣлала, сударь ты мой, это дѣло въ свою пользу— да и только! Теперь тотъ неотступно сватается къ Машенькѣ.

— Сватается къ Марьѣ Антоновнѣ?

— Неотступно! Сюда за этимъ нарочно пріѣхалъ: вы, вѣрно, его знаете,—Рожновъ!

— Этотъ толстякъ! — воскликнулъ Хозаровъ.

— Да что такое толстякъ? Тысяча вѣдь душъ-съ... человѣкъ добрѣйшій... умница такая, что у насъ въ губерніи никто съ нимъ и не схватывается.

— Такъ, стало-быть, Марья Антоновна помолвлена?

— Кажется, еще нѣтъ. Я, признаться, и не знаю, потому что я и входить не хочу въ ихъ дѣла: грустно, знаете, очень грустно, право; а нечего дѣлать: мать... кто ее можетъ судить и разбирать. А и теперь Пашетъ и Анетъ все я содержу—это я могу прямо сказать. Но у меня небольшое состояніе: всего сто душъ; я самъ еще люблю пожить,— ну вотъ, напримѣръ, въ карты играю, и играю по большой; до лошадей охотникъ, и знакомыхъ тоже имѣю; а она изъ своихъ ста душъ ни синя пороха не даетъ старшимъ, а все на своего идола. Обидно, Сергѣй Петровичъ, невыносимо обидно... Позвольте мнѣ еще водки выпить.

Ступицынъ выпилъ еще водки и началъ немного покачиваться.

— Что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть? — разсуждалъ онъ какъ бы самъ съ собою: — къ несчастью, онѣ и собой-то хуже той. Но вѣдь я отецъ: у меня сердце равно лежитъ ко всѣмъ. Вы теперь еще не понимаете, Сергѣй Петровичъ, этихъ чувствъ, а вотъ возьмемъ съ примѣра: пять пальцевъ на рукѣ; который ни тронь — всѣ больно. Жаль мнѣ Пашетъ и Анетъ, — а онѣ предобрыя,—да что дѣлать!—родная мать! Вы извините меня: можетъ-быть, я васъ обезпокоилъ.

— Ахъ, какъ вамъ не совѣстно! Напротивъ, мнѣ очень пріятно, — отвѣчалъ хозяинъ.

Гость принялся-было отыскивать картузъ, но остановился.

— Не могу итти домой, не могу видѣть неравенства — и въ комъ же? — въ родной матери, которая носила всѣхъ въ утробѣ своей девять мѣсяцевъ. — Здѣсь Ступицынъ немного остановился. — Сергѣй Петровичъ, милый вы человѣкъ! — про-

должалъ онъ: — я обожаю васъ, т.-е., кажется, готовъ за васъ умереть. Позвольте мнѣ васъ поцѣловать!

— Съ большимъ удовольствіемъ...

Новые пріятели облобызались.

— Сергѣй Петровичъ! Позвольте мнѣ у васъ отдохнуть: не могу видѣть неравенства.

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Хозаровъ, въ душѣ обрадованный такому намѣренію Ступицына, потому что тотъ, придя въ такомъ видѣ домой, можетъ въ оправданіе свое разсказать, что былъ у него, и такимъ образомъ поселить въ семействѣ своемъ не весьма выгодное о немъ мнѣніе. Онъ предложилъ гостю лечь на постель; тотъ сейчасъ же воспользовался предложеніемъ и скоро захрапѣлъ.

Въ какой мѣрѣ были справедливы вышесказанныя слова Ступицына, мы увидимъ впослѣдствіи; но Хозаровъ имъ повѣрилъ.

— Триста душъ, тридцать тысячъ и каменная усадьба... недурно, очень недурно, — повторилъ онъ самъ съ собой, и между тѣмъ какъ гость его начиналъ ужъ храпѣть на третью ноту, Хозаровъ отправился къ Татьянѣ Ивановнѣ.

— Ну, что, ушелъ?—спросила хозяйка.

— Нѣтъ, пьянъ напился, и водку и вино все выпилъ и легъ спать, — отвѣчалъ постоялецъ. — Богъ дастъ, какъ женюсь,—такъ и въ лакейскую къ себѣ не стану пускать: пренесносная скотина! Впрочемъ, Татьяна Ивановна, намъ, въ отношеніи Мари, угрожаетъ опасность, и большая опасность.

— Что вы это? Какая опасность?

— Да такая опасность, что врядъ ли она не помолвлена!

— Не можетъ быть, ой, не можетъ быть. Да за кого, Сергѣй Петровичъ? Не за кого быть помолвленной...

— А за Рожнова?

— За этого толстаго господина? Постойте, батюшка Сергѣй Петровичъ, пожалуй, это и на дѣло похоже. Когда онѣ сбирались на вечеръ, Марья Антоновна была такая грустная, а этотъ господинъ сидѣлъ съ Катериной Архиповной, и все шопотомъ разговаривали...

— Это скверно,—произнесъ Хозаровъ:—впрочемъ, у нихъ въ этотъ день ничего не могло быть рѣшительнаго, потому что я въ этотъ же вечеръ объяснился ей въ любви и получилъ признаніе.

— Ну, вотъ видите! Стало-быть, пустяки. Можетъ-быть, мнѣ только такъ показалось. Она не вѣтреница какая-нибудь: этого про нее, кажется, никто не скажетъ, но только все-таки, Сергѣй Петровичъ, скажу вамъ: напрасно теряете время, пропустите вы эту красотку.

— Не слыхали ли вы, Татьяна Ивановна, что у нея есть усадьба?

— Какъ не быть усадьбы! Отличнѣйшее помѣстье. Нынче одни дворы конюшенные выстроить стоило пять тысячъ; хлѣбъ родится самъ-десятъ.

— И это вѣрно вы знаете?

— Какъ самоё себя.

— Вы дѣйствительно, почтеннѣйшая, говорите справедливо,—сказалъ Хозаровъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія.—Я глупо и безразсудно теряю время.

— Глупо, Сергѣй Петровичъ, и совершенно безразсудно,— повторила Татьяна Ивановна.

— Помолюсь-ка я Богу да пойду, объяснюсь съ Катериной Архиповной. Этому болвану и говорить нечего: онъ, кажется, ничего не значитъ въ семействѣ.

— Именно такъ,—утвердила Татьяна Ивановна.

Хозаровъ нѣсколько времени ходилъ по комнатамъ въ задумчивости.

— Знаете, что̀ мнѣ пришло въ голову? Я сдѣлаю предложеніе письмомъ: говорить объ этихъ вещахъ какъ-то щекотливо.

— Письмомъ гораздо лучше, и они пунктуальнѣе отвѣтятъ,—отвѣчала Татьяна Ивановна.

— Жалко, что у меня въ комнатѣ эта свинья спитъ. Развѣ пойти въ кофейную Печкина и оттуда послать съ человѣкомъ? Тамъ у меня есть пріятель-мальчикъ, чудный малый! Славно такъ одѣтъ и собой прехорошенькій. Велю назваться моимъ крѣпостнымъ камердинеромъ. Оно будетъ очень кстати, даже можетъ произвести выгодный эффектъ: явится, знаете, франтоватый камердинеръ; можетъ-быть, станутъ разспрашивать, а онъ ужъ себя не ударитъ въ грязь лицомъ: мастерски говоритъ.

— Превосходно вы выдумали, — сказала Татьяна Ивановна.—А то отсюда даже и послать некого: вѣдь не Марѳутку же? Въ этакомъ дѣлѣ черную дѣвку посылать и неловко.

— Ну, куда ваша Марѳутка годится! Ей впору и въ лавочку бѣгать. Я думалъ-было попросить васъ, но какъ-то нейдетъ, не принято въ свѣтѣ.

— Мнѣ совершенно невозможно. Я бы, конечно, душой рада, да не принято. Послѣ, пожалуй, схожу, хоть сегодня вечеркомъ, и поразузнаю, какъ между ними это принято; можетъ-быть, и сами скажутъ что-нибудь.

— Это дѣйствительно, вы сходите и поразвѣдайте. Adieu, почтеннѣйшая!

Возвратясь въ свой нумеръ, Хозаровъ тотчасъ же одѣлся, взялъ съ собою почтовой бумаги, сургучъ, печать и отправился въ кофейную, гдѣ въ самой отдаленной комнатѣ сочинилъ предложеніе, которое мы прочтемъ впослѣдствіи. Письмо было отправлено съ чуднымъ малымъ, которому поручено было назваться крѣпостнымъ камердинеромъ и просить отвѣта; а если что̀ будутъ спрашивать, то ни себя ни барина не ударить лицомъ въ грязь.

Между тѣмъ какъ Антонъ Ѳедотычъ, подгулявъ у Хозарова, посвящалъ его во всѣ семейныя тайны, и тотъ, на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній, рѣшился въ тотъ же день просить руки Марьи Антоновны, Рожновъ лежалъ въ кабинетѣ и читалъ какой-то англійскій романъ. Прислуга толстяка сидѣла въ лакейской и пила чай: у него ихъ было человѣка три въ горницѣ и человѣка четыре въ кухнѣ, и то потому только, что выѣхалъ въ Москву налегкѣ, а не со всѣмъ еще домомъ. Про лакеевъ Рожнова обыкновенно говорили въ губерніи, что этакихъ оболтусовъ и никуда негодныхъ лѣнтяевъ надобно заводить вѣками, а то вдругъ, какъ будто бы какой кабинетъ рѣдкостей, не составишь. Въ настоящее время вся эта братія хохотала во все горло надъ молодымъ, съ глуповатою физіономіею, парнемъ, который, въ свою очередь, хотя тоже смѣялся, но, видимо, былъ чѣмъ-то оконфуженъ.

— Эй, сеньоры, чему вы тамъ смѣетесь? — сказалъ баринъ.

Отвѣта не было.

— Григорій, а Григорій!

— Чего-съ?—отозвался наконецъ голосъ изъ лакейской.

— Соблаговолите, сеньоръ, сюда пожаловать.

Появился самый младшій изъ лакеевъ.

— Чему вы тамъ смѣялись?—спросилъ Рожновъ.

— Надъ форейторомъ,—отвѣчалъ тотъ и снова захохоталъ во все горло.

— Чѣмъ же это онъ васъ насмѣшилъ?

— Влюбленъ-съ,—едва выговорилъ отъ смѣха лакей.

— Скажите, пожалуйста, какой злодѣй,—сказалъ Рожновъ:— въ кого же онъ влюбился?

— Въ горничную Марьи Антоновны. Все спрашиваетъ насъ, скоро ли вы изволите на нихъ жениться.

— А она что̀ же?

— И она неравнодушна-съ: большія между собой откровенности имѣютъ, — отвѣчалъ лакей. — Она меня тоже все спрашиваетъ, скоро ли будетъ ваша свадьба, а не то, гово-

ритъ, у барышни есть другой женихъ,—какъ его, проклятаго? Хозаровъ, что ли?—въ котораго она влюблена.

— Влюблена въ Хозарова?—спросилъ толстякъ.

— Должно-быть, такъ,—отвѣчалъ лакей.

Рожновъ тотчасъ же всталъ, въ нѣсколько минутъ одѣлся, сѣлъ въ сани и очутился у Катерины Архиповны, которая сидѣла у себя въ комнатѣ одна.

— То, что̀ я предугадывалъ,—началъ Рожновъ:—случилось: Мари влюблена въ эту восковую рожу, Хозарова.

— Мари влюблена въ Хозарова? Что̀ это... съ чего это пришло вамъ въ голову? Откуда вы почерпнули эти свѣдѣнія?—сказала Катерина Архиповна нѣсколько даже обиженнымъ голосомъ.

— Не могу вамъ сказать именно, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ эти свѣдѣнія, но все-таки повторяю, что это вѣрно,—вѣрно по моему собственному наблюденію, вѣрно и по слухамъ, которые до меня дошли.

— Мари влюблена... ребенокъ, который еще ничего не понимаетъ; она влюблена?—говорила мать.

— Вотъ это-то мнѣ досаднѣе всего,—возразилъ Рожновъ:—какъ же вы, женщина, и не понимаете другую женщину, и еще дочь свою? Хоть бы, напримѣръ, себя-то припомнили: неужели въ восемнадцать лѣтъ вы ничего не понимали?

— Она—исключеніе, Иванъ Борисычъ, — перебила Катерина Архиповна:—это необыкновенный еще ребенокъ; въ ней до сихъ поръ я не замѣчала кокетства, а если бы вы знали, какія вещи она иногда спрашиваетъ, такъ мнѣ совѣстно даже разсказывать.

— Все-таки я вамъ разскажу, что она влюблена. Но, впрочемъ, что̀ же я васъ предостерегаю? Можетъ-быть, вамъ самимъ нравится эта наклонность?

— Вамъ грѣхъ это думать, Иванъ Борисычъ. Вы очень хорошо знаете, что мое единственное желаніе, чтобы Мари была вашею женою. Можетъ-быть, нѣтъ дня, въ который бы я не молила объ этомъ Бога со слезами. Я знаю, что вы сдѣлаете ее счастливою. Но что̀ мнѣ дѣлать? Она еще такъ молода, что боится одной мысли быть чьей-либо женой.

Въ продолженіе этой рѣчи у старухи навернулись слезы.

— Ну, полноте, не огорчайтесь,—сказалъ толстякъ:—я это сказалъ такъ... пускай ее теперь влюбляется въ кого угодно; авось придетъ очередь и до меня.

— Мамаша! Записочка отъ Сергѣя Петровича, — сказала Анетъ, входя въ комнату и подавая матери письмо.—Камердинеръ ихъ пришелъ и проситъ отвѣта,—прибавила она и вышла.

Старуха и Рожновъ вздрогнули; та принялась читать, но на половинѣ письма остановилась, поблѣднѣла, какъ полотно, и передала его Рожнову, который, прочитавъ посланіе моего героя, тоже смутился.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Старуха какъ будто бы не помнила сама себя, Рожновъ тоже; но, впрочемъ, онъ скоро опомнился и, взглянувъ насмѣшливо на Катерину Архиповну, началъ снова перечитывать письмо.

— Вы со вниманіемъ ли прочли это прекрасное посланіе?—сказалъ онъ.

— Я еще опомниться, Иванъ Борисычъ, не могу; этакой наглости, этакого безстыдства я и вообразить не могла. Мари въ него влюблена! Скажите, пожалуйста! Мари дала ему слово!

— Мари дѣйствительно въ него влюблена и дѣйствительно дала ему слово,—перебилъ Рожновъ:—только мы-то съ вами, маменька, немного поошиблись въ расчетѣ: Мари, видно, не ребенокъ, и надобно полагать, что не боится выйти замужъ. Я не знаю, чему вы тутъ удивляетесь; но, по-моему, все это очень въ порядкѣ вещей.

— Но, Иванъ Борисычъ, я этого не желаю, — возразила Катерина Архиповна.

— Да, если вы не желаете, это другое дѣло; но, впрочемъ, дѣйствительно ли вы не желаете, когда желаетъ этого Марья Антоновна? Однако погодите! Я намѣренъ вамъ вслухъ прочитать это письмо; оно такъ прекрасно написано, что, можетъ-быть, и убѣдитъ васъ перемѣнить ваше намѣреніе.

«Милостивая государыня, Катерина Архиповна!—началъ читать толстякъ:—робко и несмѣлою рукою берусь я за перо, чтобы начертить эти роковыя для меня строки. Давно, очень давно, Катерина Архиповна, люблю я вашу младшую дочь; сердце мое меня не обмануло: она меня тоже любитъ и уже почти дала мнѣ слово».

— Удивительно, какъ красно написано!—сказалъ толстякъ, остановясь читать. — Неужели эти «роковыя строки» не трогаютъ вашего материнскаго сердца, Катерина Архиповна?

Старуха ничего не отвѣчала и сидѣла, какъ уличенная преступница. Толстякъ продолжалъ читать:

«Ваше слово, ваше слово, почтеннѣйшая Катерина Архиповна! Одного вашего слова недостаетъ только для того, чтобы обоихъ насъ сдѣлать блаженными».

— Перестаньте, Иванъ Борисычъ, пожалуйста, перестаньте,—перебила Катерина Архиповна:—лучше скажите, что мнѣ дѣлать?

— Сдѣлать ихъ блаженными.

— Имѣйте, Иванъ Борисычъ, сожалѣніе къ моимъ чувствамъ,—возразила старуха.—Гдѣ же тутъ любовь съ вашей стороны? Это, я думаю, и до васъ касается; а вы, вмѣсто того, чтобы посовѣтовать мнѣ, только смѣетесь.

— Что же мнѣ вамъ совѣтовать?

— Да вѣдь я должна что-нибудь рѣшительно отвѣтить; мнѣ должно отказать, а я теперь ничего и не понимаю.

— А вы думаете отказать?

— Конечно, отказать.

— А! Это другое дѣло! Я берусь даже вамъ продиктовать письмо.

— Сдѣлайте божескую милость, войдите въ мое положеніе!—сказала Катерина Архиповна и тотчасъ же принялась подъ диктовку толстяка писать письмо къ моему герою. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, Сергѣй Петровичъ! За ваше предложеніе я, изъ вѣжливости, благодарю васъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю пояснить вамъ, что я не могу изъявить на него моего согласія, такъ какъ вполнѣ убѣждена въ несправедливости вашихъ словъ о данномъ будто бы вамъ моею дочерью словѣ и считаю ихъ за клевету съ вашей стороны, во избѣжаніе которой прошу васъ прекратить ваши посѣщенія въ мой домъ, которыя уже, конечно, не могутъ быть пріятны ни вамъ ни моему семейству».

Вотъ какой отвѣтъ получилъ мой герой съ чуднымъ малымъ и сначала, пришедъ въ сильное ожесточеніе, тотчасъ же вознамѣрился ѣхать къ Катеринѣ Архиповнѣ и объясниться съ ней, но, сѣвъ въ сани, раздумалъ и велѣлъ везти себя къ Мамиловой.

Варвара Александровна была дома и сидѣла въ своемъ кабинетѣ одна. Она очень обрадовалась пріѣзду гостя.

— Какъ вы милы, monsieur Хозаровъ,—сказала хозяйка:— что посѣтили затворницу.

Monsieur Хозаровъ на этотъ разъ не былъ, по обыкновенію, любезенъ, потому что, поклонившись, и поклонившись, разумѣется, довольно граціозно, сѣлъ и задумался.

— Что съ вами?—спросила внимательная хозяйка.

— Сегодня одна изъ лучшихъ надеждъ моихъ лопнула и взорвана на воздухъ,—сказалъ онъ и прибавилъ:—о, люди, люди!

— Вы хандрите, ха-ха-ха! И васъ посѣтила желчь. Поздравляю вашу будущую жену,—сказала Мамилова.

— Я не хандрю, но я ожесточенъ.

— Проигрались, вѣрно, — замѣтила хозяйка: — мужчины всегда приходятъ въ отчаяніе, когда проигрываютъ.

— Я проигрывалъ въ жизнь мою полъ-состоянія, но оставался такъ же спокоенъ, какъ издержавъ цѣлковый, — отвѣчалъ Хозаровъ съ благороднымъ негодованіемъ: — но сегодня я проигралъ мою лучшую надежду.

— Не понимаю васъ,— сказала хозяйка.

— Потому что вы не вѣрите въ чувства мужчинъ, — возразилъ Сергѣй Петровичъ.

— Да, я и забыла: вы влюблены... Скажите, Бога ради, что съ вами? Мнѣ очень интересно узнать, какъ мужчины страдаютъ отъ любви. Я объ этомъ читала только въ романахъ, но, признаюсь, никогда не видала въ жизни.

— Если вамъ угодно будетъ говорить въ этомъ тонѣ, то вы, конечно, ничего не узнаете отъ меня: я буду молчаливъ, какъ могила.

— Ну, не сердитесь. Я знаю, что вы лучше другихъ, лучше многихъ. Вы еще молоды. Скажите, что васъ такъ растрогало?

— Вы знаете мои отношенія къ Мари Ступицыной?

— Да, знаю: она влюблена въ васъ!

— Можетъ-быть; но сегодня я узналъ, что ее хотятъ выдать замужъ, и знаете ли за кого? — за Рожнова, котораго она терпѣть не можетъ, который скорѣе походитъ на быка, нежели на человѣка, и все оттого, что у него до тысячи душъ.

— Но что же вы-то дѣлаете?

— Что же мнѣ дѣлать? Я, любя ее и желая спасти отъ этого ужаснаго для нея брака, сегодня же сдѣлалъ ей предложеніе.

— Браво! Такъ и слѣдуетъ поступить благородному человѣку! Какой же результатъ?

— Результатъ... стыдно и говорить. Прочтите сами, — сказалъ Хозаровъ, подавая Варварѣ Александровнѣ письмо.

— Результатъ обыкновенный, — сказала она, прочитавъ письмо. — Вотъ вамъ отцы и матери... Какъ они безумно располагаютъ счастьемъ дочерей: тысяча душъ — и довольно! Что имъ за дѣло, что это бѣдное существо можетъ задохнуться въ этомъ бракѣ? Какъ не быть счастливой при тысячѣ душахъ! Что за дѣло, что нѣтъ тысячи первой души, которая одна только и нужна для счастья женщины? А эту любовь, которая живетъ въ ней, она должна умертвить ее... Ничего, это очень легко; все равно, что снять башмакъ... И что такое значитъ разлучить навѣки два существа, которыя, можетъ-быть, созданы другъ для друга?..

На этихъ словахъ Варвара Александровна остановилась и задумалась.

Сергѣй Петровичъ, созданный для Марьи Антоновны, въ продолженіе всего этого монолога сидѣлъ, тоже задумавшись.

Долго еще Варвара Александровна говорила въ томъ же тонѣ. Она на этотъ разъ была очень откровенна. Она разсказала исторію одной молодой дѣвушки, съ прекраснымъ, пылкимъ сердцемъ и съ умомъ образованнымъ, которую родители выдали замужъ, по расчету, за человѣка богатаго, но отжившаго, желчнаго, въ которомъ только и были двѣ страсти: честолюбіе и корысть, — и эта бѣдная дѣвушка, какъ южный цвѣтокъ, пересаженный изъ-подъ родного неба на бѣдный свѣтъ оранжереи, сохнетъ и вянетъ съ каждымъ днемъ.

Варвара Александровна такъ живо разсказала эту исторію, что герой мой положительно догадался, что этотъ южный цвѣтокъ не кто иной, какъ она сама.

Прощаясь съ гостемъ, Мамилова обѣщалась побывать на другой день у Ступицыныхъ и поговорить тамъ о немъ.

Молодой человѣкъ съ чувствомъ благодарности пожалъ руку у новаго своего друга.

Въ номерѣ своемъ онъ нашелъ маленькую записку отъ Ступицына слѣдующаго содержанія:

«Душевно благодарю васъ за угощеніе и надѣюсь, что все останется между нами въ тайнѣ.

«А. Ступицынъ».

Кромѣ того онъ засталъ тамъ Татьяну Ивановну.

— Сергѣй Петровичъ, что это у васъ надѣлалось?—начала хозяйка, видимо чѣмъ-то весьма взволнованная: — я сегодня такой странный пріемъ получила у Катерины Архиповны, что, просто, понять не могу: меня совсѣмъ не пустили въ домъ; а этотъ толстякъ Рожновъ подъ носомъ у меня захлопнулъ двери и сказалъ еще, что меня даже не велѣно принимать.

— Все кончено, Татьяна Ивановна, — сказалъ герой мой, садясь въ кресла.

— Нѣтъ, не кончено и не можетъ быть кончено, — возразила Татьяна Ивановна: — Марья Антоновна будетъ ваша, если захотите.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто... увезите.

— Увезите?.. Да, конечно, можно; но, впрочемъ, утро вечера мудренѣе: мнѣ очень хочется спать.

Герой мой, утомленный ощущеніями дня, дѣйствительно очень усталъ и потому, выпроводивъ Татьяну Ивановну, тотчасъ же раздѣлся, бросился въ постель и скоро заснулъ.

V.

Существуетъ на свѣтѣ довольно старинное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма справедливое мнѣніе, — мнѣніе, доказанное многими романами, — что для любви нѣтъ ни заторовъ, ни препятствій, ни даже враждебныхъ стихій; все она побораетъ и надъ всѣмъ торжествуетъ. Это старинное мнѣніе подтвердилось еще разъ и въ настоящемъ моемъ разсказѣ.

Послѣ сдѣланнаго Хозарову отказа, Катерина Архиповна долго еще совѣщалась съ Рожновымъ, и между ними было положено: предложеніе молодого человѣка скрыть отъ всѣхъ, а главное — отъ Мари; сдѣлать это, какъ казалось имъ, было весьма возможно. Хозарову уже отказано отъ дома, и теперь только надобно было выпроводить Татьяну Ивановну, которая, пожалуй, будетъ переносить какія-нибудь вѣсти. Почтеннѣйшая дѣвица не замедлила явиться въ этотъ же день, и Рожновъ взялся самъ отказать гостьѣ и, видно, исполнилъ это дѣло весьма добросовѣстно, потому что Татьяна Ивановна, послѣ довольно громкаго разговора, который имѣла съ нимъ первоначально въ залѣ, потомъ въ лакейской и наконецъ на крыльцѣ, вдругъ выскочила оттуда, какъ сумасшедшая, и цѣлые почти два переулка бѣжала, какъ будто бы за ней гналась цѣлая стая бѣшеныхъ собакъ.

Мало этого: чтобы прекратить всякую возможность для Мари видѣться съ Хозаровымъ и въ постороннихъ домахъ, Катерина Архиповна рѣшилась притвориться на нѣкоторое время больною и никуда не выѣзжать съ семействомъ. Но что значатъ человѣческія усилія противъ могущества всепреобораюшей и надъ всѣмъ торжествующей любви? Между тѣмъ какъ мать и влюбленный толстякъ думали, что они предостерегли себя со всѣхъ сторонъ отъ опасности, опасность эта имъ угрожала отвсюду.

Проснувшись на другой день, Хозаровъ внимательно разсмотрѣлъ свое положеніе. Во-первыхъ, онъ убѣдился въ томъ, что рѣшительно влюбленъ въ Мари; во-вторыхъ, тридцать тысячъ, каменная усадьба и триста душъ, — какъ хотите, это вовсе не такого рода вещи, отъ которыхъ можно бы было отказаться равнодушно. Но что предпринять? На совѣщаніе о томъ, что предпринять, была приглашена Татьяна Ивановна, очень хорошо еще помнившая ужасный пріемъ въ домѣ Ступицыныхъ, вслѣдствіе чего и была противъ всѣхъ ихъ — разумѣется, кромѣ Мари — въ какомъ-то ожесточенномъ состояніи. Она совѣтовала Хозарову увезти Мари и подать просьбу на мать за управленіе имѣніемъ; а Рожнова сама

обѣщалась засадить въ тюрьму за то, что будто бы онъ обругалъ ее, благородную дѣвицу, и обругалъ такими словами, которыхъ она даже и не слыхивала.

Но Хозаровъ смотрѣлъ на это съ другой стороны и хотѣлъ дѣйствовать въ болѣе логическомъ порядкѣ. Первоначально ему хотѣлось написать къ Мари письмо и получить отъ нея отвѣтъ.

Но какимъ образомъ передать письмо? Татьянѣ Ивановнѣ, какъ видитъ и самъ читатель, не было уже никакой возможности итти къ Ступицынымъ; но она такъ ненавидѣла Катерину Архиповну, такъ была оскорблена на ея крыльцѣ, что, на зло ей, готова была рѣшиться на все и взялась доставить письмо. Какъ ни вѣрилъ Хозаровъ въ способность Татьяны Ивановны передавать письма, но все-таки онъ пожелалъ знать, какое именно она избираетъ для этого средство. Оказалось, что средство было очень легкое и весьма надежное: у дѣвицы Замшевой есть пріятельница — тоже дѣвица — торговка, которая ходитъ почти во всѣ дома и была уже нѣсколько разъ у Ступицыныхъ, и будто бы очень дружна съ горничною Марьи Антоновны и даже кой-что про эту голубушку не совсѣмъ хорошее знаетъ. Объ остальномъ догадаться не трудно: стоитъ Хозарову написать письмо, вручить его дѣвицѣ-торговкѣ, а та уже свое дѣло сдѣлаетъ и принесетъ даже отвѣтъ и за весь этотъ подвигъ возьметъ какіе-нибудь два цѣлковыхъ.

— Вы напишите ей письмо почувствительнѣе, а главное дѣло — напишите ей про мать: какая она ей злодѣйка и какого счастья лишаетъ ее на всю жизнь.

— Знаю, какъ написать, — отвѣчалъ Хозаровъ и, разставшись съ хозяйкою, тотчасъ же принялся сочинять посланіе, на изложеніе котораго героемъ моимъ былъ употребленъ добросовѣстный трудъ. Три листа почтовой бумаги были перемараны, и наконецъ уже четвертый, розовый и надушенный, удостоился остаться бѣловымъ. Письмо было написано съ большимъ чувствомъ и прекраснымъ языкомъ.

Вотъ оно:

«Мари! Я осмѣливаюсь называть васъ этимъ отраднымъ для меня именемъ, потому что вашимъ наивнымъ *да*, сказаннымъ на вечерѣ у Мамиловой, вы связали вашу судьбу съ моей. Но люди хотятъ расторгнуть насъ: ваша мать приготовила другого жениха. Вы его, конечно, знаете, и потому я не хочу въ этихъ строкахъ называть его ужаснаго для меня имени; оно, конечно, ужасно и для васъ, потому что въ немъ заключается ваша и моя погибель.

«Вчерашній день, я не знаю, сказано ли вамъ, я просилъ

вашей руки. Простите, что сдѣлалъ это, не сказавъ предварительно вамъ; но когда любишь, то вѣришь и надѣешься. Мнѣ отказано, Мари, — отказано самымъ жесточайшимъ манеромъ!.. О, Мари! Мнѣ отказано въ надеждѣ владѣть вами, мой ангелъ; отказано и въ домѣ... Не знаю, какъ остался я вчерашній день въ своемъ умѣ и имѣю сегодня силы начертить эти грустныя строки. Теперь все зависитъ отъ васъ. Васъ не отдаютъ мнѣ люди, отдайте мнѣ сами себя и напишите мнѣ отвѣтъ. Одно слово, моя ненаглядная Мари, одно слово твое воскреситъ въ душѣ моей умершія надежды. Остаюсь влюбленный Х.....въ».

«P. S. Та же женщина, которая доставитъ вамъ это письмо можетъ принести мнѣ отвѣтъ вашъ».

Неменьшая опасность для сердца Мари — и сердца, уже нѣсколько, какъ мы видѣли изъ предыдущихъ сценъ, влюбленнаго — угрожала и съ другой стороны, это со стороны Варвары Александровны. Въ самое то утро, какъ Хозаровъ писалъ письмо къ предмету его любви, Мамилова писала таковое же къ предмету ея дружбы, какой-то двоюродной сестрѣ, съ которою она была въ постоянной перепискѣ. Такъ какъ письмо это было написано тоже прекраснымъ перомъ и отличалось глубиною мыслей, а главное — близко относилось къ предмету моего разсказа, то я и его намѣренъ здѣсь изложить съ буквальною точностью.

«Ma chère Claudine!

«Давно я не писала къ тебѣ, потому что писать было нечего. Ты знаешь, что я не имѣю собственной жизни: сердце мое, это нѣкогда страстное и пылкое сердце, оно какъ будто бы перестало уже биться; я ѣзжу въ оперу, даю вечера, наряжаюсь, если хочешь, но это только одни пустыя разсѣянія, а жизни, самой жизни — нѣтъ и нѣтъ... тысячу разъ нѣтъ... Ты, конечно бы, теперь не узнала меня: я сдѣлалась какая-то мизантропка; но я люблю людей, я могу жить счастьемъ другихъ, этимъ единственнымъ утѣшеніемъ для людей, лишенныхъ собственнаго счастья, и вотъ тебѣ примѣръ. Есть у меня одинъ знакомый, нѣкто monsieur Хозаровъ. Представь себѣ, chère Claudine, юношу въ полномъ значеніи этого слова, хорошенькаго собой, съ пылкими и благородными чувствами, которыя у него выражаются даже въ его прекрасныхъ черныхъ глазахъ; онъ влюбленъ, и влюбленъ страстно, въ молоденькую дѣвушку, Мари Ступицыну, которая тоже, кажется, его *обожаетъ*, и знаешь, какъ обыкновенно *обожаютъ* пансіонерки. Чего, подумаешь ты, недостаетъ для того, чтобы, для обоюднаго счастья, связать этихъ людей, созданныхъ одинъ для

другого, узами брака? Но ихъ расторгаютъ, — расторгаютъ съ тѣмъ, чтобы одну продать за золотой мѣшокъ сорокалѣтнему толстяку, въ которомъ столько же чувствъ, какъ и въ мраморной статуѣ. а другого... другого заставить, въ порывѣ отчаянія, можетъ-быть, броситься въ омутъ порока и утратить тамъ свою молодость, здоровье, сердце и умъ, однимъ словомъ — все, все, что̀ есть въ немъ прекраснаго. Но я, испытавшая горе на самой себѣ, я буду дѣйствовать на мать и на отца дѣвушки, на нее самоё, на молодого человѣка, чтобы только заставить сберечь ихъ въ сердцахъ своихъ эту любовь, эту дивную любовь, которая можетъ усыпать цвѣтами ихъ жизненный путь.

«Прощай, ma chère, пиши чаще! Остаюсь твоя Barbe».

Написавъ это письмо, Мамилова въ тотъ же вечеръ рѣшилась отправиться къ Ступицынымъ и начать дѣйствовать въ пользу двухъ существъ, созданныхъ одно для другого. Слуга, пойдя докладывать о ея пріѣздѣ, долго не возвращался, а возвратившись, объявилъ, что въ домѣ, должно-быть, что-нибудь случилось, потому что онъ едва добился толку, но приказали, впрочемъ, просить. Первый человѣкъ, встрѣтившій гостью, былъ самъ Антонъ Ѳедотычъ, который подошелъ къ ней на цыпочкахъ, поцѣловалъ ея руку и шопотомъ просилъ ее пожаловать въ комнату Катерины Архиповны.

— Что̀ такое у васъ? — спросила гостья.

— Машетъ больна, съ четырехъ часовъ въ истерикѣ, — отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ.

— Я этого ожидала, — сказала Варвара Александровна и вошла въ слѣдующую комнату, гдѣ увидѣла хозяйку и двухъ старшихъ дочерей ея, смиренно сидящихъ по угламъ. Всѣ онѣ тоже шопотомъ поздоровались съ гостьею.

— Что̀ съ вашей Мари? — спросила она у старухи.

— Сама не понимаю, что̀ случилось, — отвѣчала мать: — съ самаго утра въ ужасной истерикѣ, и ничто не помогаетъ. Я думаю, съ полчаса рыдала безъ слезъ, такъ что начало дыханье захватываться.

— Должно-быть, испугъ, — замѣтилъ Антонъ Ѳедотычъ: — она крысъ очень боится, вѣроятно, крысы испугалась.

Мамилова сомнительно покачала головой.

— Вы, я думаю, Катерина Архиповна, знаете, или, по крайней мѣрѣ, догадываетесь о причинѣ болѣзни Мари. Можетъ-быть, еще и не то будетъ, — проговорила она.

Катерина Архиповна посмотрѣла нѣсколько минутъ на гостью, какъ бы желая догадаться, что̀ та хочетъ сказать и къ чему именно склоняетъ разговоръ.

— Я не понимаю васъ, Варвара Александровна, — сказала она.

— По моему мнѣнію, очень немудрено, — подхватилъ Ступицынъ: — она у насъ, знаете, этакой нервной комплекціи.

— Перестаньте, пожалуйста, вы съ вашими мнѣніями, — перебила Ступицына: — лучше бы посидѣли въ залѣ: можетъ-быть, кто-нибудь подъѣдетъ, а тамъ никого нѣтъ, потому что Ивана я послала за флёръ-д'оранжемъ. — Антонъ Ѳедотычъ поднялся со стула. — Пашетъ и Анетъ, подите наверхъ, въ вашу комнату, — продолжала старуха: — и послушайте, покойно ли спитъ Мари.

Получивъ такое приказаніе, папенька и двѣ старшія дочери тотчасъ же отправились къ своимъ постамъ.

Катерина Архиповна съ умысломъ распорядилась такимъ образомъ, чтобы остаться наединѣ съ гостьей и послушать, что она еще скажетъ про Мари, и если это про сватовство Хозарова, то отдѣлать эту госпожу хорошенько, такъ какъ страстная мать вообще не любила участія постороннихъ людей въ ея семейныхъ дѣлахъ, и особенно въ отношеніи идола, за исключеніемъ, впрочемъ, участія Рожнова, въ разсужденіи котораго она, какъ мы знаемъ, имѣла свою особую цѣль.

— Я все слышала, — начала Мамилова тотчасъ же, какъ онѣ остались наединѣ: — и, признаюсь, отъ васъ, Катерина Архиповна, и тѣмъ болѣе въ отношеніи Мари, я никогда этого не ожидала: очень натурально, что она, бѣдненькая, страдаетъ, узнавъ, какъ жестоко вчерашній день рѣшена ея участь.

— А, вы говорите, — сказала Ступицына самымъ обиднонасмѣшливымъ голосомъ: — про это глупое предложеніе этого мальчишки Хозарова? Ужъ не оттого ли, вы полагаете, Мари больна, что я вчерашній день отказала этому вертопраху даже отъ дома? Въ такомъ случаѣ я могу сказать вамъ, что вы ошибаетесь, Варвара Александровна: Мари даже не знаетъ ничего; я не сочла даже за нужное говорить ей объ этомъ.

— Вы ей не говорили,—возразила съ своей стороны тоже довольно насмѣшливо гостья:—но она знаетъ. Повѣрьте мнѣ: женщинѣ, которая любитъ, говоритъ ея инстинктъ, ея предчувствіе.

— Мнѣ очень странно, Варвара Александровна, — сказала мать: — слышать отъ васъ такое, даже обидное для дѣвушки, заключеніе, тѣмъ болѣе, что Мари еще ребенокъ, который даже, можетъ-быть, и не понимаетъ этого.

— Не сердитесь на меня, Катерина Архиповна, и поймите, что я хочу вамъ сказать: дочь ваша любитъ, и любитъ до

безумія, и вы, страстная мать, припомните мои слова: вы сведете ее въ могилу.

— Сдѣлайте милость, Бога ради, прошу васъ, не говорите подобныхъ ужасныхъ вещей! — перебила мать, начавшая уже выходить изъ терпѣнія.

Но Мамилова продолжала:

— Я говорю, что̀ чувствую; выслушайте меня и взгляните на предметъ, какъ онъ есть. Я знаю: вы любите вашу Мари, вы обожаете ее, — не такъ ли? Но какъ же вы устраиваете ея счастье, ея будущность? Хорошо, покуда вы живы, я ни слова не говорю — все пойдетъ прекрасно; но если, чего не дай Богъ слышать, съ вами что-нибудь случится,— что̀ тогда будетъ съ этими бѣдными сиротами и особенно съ бѣдною Мари, которая еще въ такихъ лѣтахъ, что даже не можетъ правильно управлять своими поступками?

— Я опять вамъ скажу, Варвара Александровна, что я не понимаю, къ чему вы все это говорите,—возразила Катерина Архиповна. — Мнѣ пророчите смерть, дочь мою, говорите, я сведу въ могилу, и Богъ знаетъ что̀ такое! Я мать, и если отказала какому-нибудь жениху, то имѣю на это свои причины.

— Мнѣ извѣстны эти причины,—сказала гостья.— У васъ въ виду другой женихъ: старый, толстый, богатый. Но что̀ такое значитъ богатство? Что̀ такое деньги? Это ядъ, который отравляетъ жизнь женщины. Не губите, Катерина Архиповна, вашей дочери, не продавайте ея за деньги, если не хотите отравить ея жизнь.

Катерина Архиповна потеряла уже всякое терпѣніе и готова была выйти изъ границъ приличія, въ которыхъ старалась себя держать, какъ хозяйка дома.

— Я не продавала и не продамъ моей дочери, Варвара Александровна, и не хочу ея губить. Для васъ, кажется, наши семейныя дѣла должны бы быть постороннія, и потому прошу васъ, прекратите этотъ непріятный для меня разговоръ.

— Извольте, если онъ вамъ непріятенъ, я прекращу, но все-таки скажу, что дочь ваша любитъ Хозарова.

— А я вамъ скажу, что она его не любитъ, потому что получила не такое романическое и ученое воспитаніе. Нельзя же, Варвара Александровна, по себѣ судить о другихъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, Катерина Архиповна, что вы, бывъ такой страстной матерью, не умѣли отъ вашей дочери заслужить довѣрія.

— Я двадцать пятый годъ, какъ мать, и мать троихъ дочерей. Вы, я полагаю, не можете и судить объ этихъ чувствахъ, потому что никогда не имѣли дѣтей.

— Не смѣю и равняться съ вами въ этомъ отношеніи, я сказала только изъ желанія счастья Мари.

— Никто, конечно, какъ мать, не пожелаетъ болѣе счастья дочери.

— И съ этимъ я вполнѣ согласна, что онѣ желаютъ, но всегда ли умѣютъ устроить это счастье дѣтей? Впрочемъ, я дѣйствительно, можетъ-быть, дурно поступаю, что вмѣшалась въ совершенно постороннее для меня дѣло.

— Оно конечно, Варвара Александровна, вамъ будетъ гораздо лучше предоставить мнѣ самой знать мои дѣла.

— Совершенно согласна и прошу у васъ извиненія, — сказала опять насмѣшливымъ голосомъ Варвара Александровна.

— И меня тоже извините,—отвѣчала хозяйка:— и я, какъ мать, можетъ-быть, сказала вамъ что-нибудь лишнее.

Здѣсь разговоръ двухъ дамъ прекратился. Варвара Александровна изъ приличія просидѣла нѣсколько минутъ у Ступицыныхъ и потомъ уѣхала, давъ себѣ слово не переступать впередъ даже порога въ этотъ необразованный домъ. Вечеромъ къ ней явился Хозаровъ; онъ былъ счастливъ и несчастливъ: онъ получилъ съ торговкою отъ Мари отвѣтъ, короткій, но исполненный отчаянія и любви.

«Я васъ буду любить всю жизнь,—писала она. — Мамашѣ какъ угодно; я не пойду за этого гадкаго Рожнова. Васъ ни за что въ свѣтѣ не забуду, стану писать къ вамъ часто, и вы тоже пишите. Я сегодня цѣлый день плачу и завтра тоже буду плакать и ничего не буду ѣсть. Пускай мамаша посмотритъ, что она со мной дѣлаетъ».

— Не правда ли,—сказалъ Хозаровъ, прочитавъ это письмо Варварѣ Александровнѣ:—повидимому, это письмо небольшое, но какъ въ немъ много сказано!

— Тутъ неподдѣльный языкъ природы и наивность сердца,— отвѣчала та. — Впрочемъ,— продолжала она:— вамъ все-таки надобно отказаться отъ вашей страсти, потому что это такое дикое, такое необразованное семейство! Я даже не воображала никогда, чтобы въ наше время могли существовать люди съ такими ужасными понятіями.

— Все семейство никуда не годится, но Мари между ними исключеніе: она непохожа ни на кого изъ нихъ.

— Это правда. Отецъ еще ничего — очень глупъ и собою уродъ, сестры тоже ужасныя провинціалки и очень глупы и гадки, но мать — эта Архиповна — я не знаю, съ чѣмъ ее сравнить. И какъ въ то же время дерзка! Даже мнѣ наговорила колкостей. Конечно, надъ всѣмъ этимъ я смѣюсь въ

душѣ, но, во всякомъ случаѣ, знакома уже больше не буду съ ними.

— Но что же я долженъ предпринять? — возразилъ Хозаровъ.

— Не знаю. Entre nous soit dit, вамъ остается одно—увезти.

— Увезти? Да, это правда!

— Непремѣнно увезти,— подхватила Мамилова:— вы даже обязаны это молоденькое существо вырвать изъ душной атмосферы, которая теперь ее окружаетъ и въ которой она можетъ задохнуться, и знаете ли, какъ вамъ обоимъ будетъ отрадно вспомнить впослѣдствіи этотъ смѣлый вашъ шагъ?

— Знаю, Варвара Александровна, очень хорошо знаю; но теперь еще покуда есть препятствіе для этого.

— Для любви не можетъ быть препонъ; ну, скажите мнѣ, въ чемъ вы видите препятствіе?

— Препятствіе въ томъ отношеніи, если жена моя послѣ будетъ чувствовать раскаяніе, будетъ укорять меня.

— Никогда! Парирую моею жизнью, никогда. Женщины раскаиваются только въ тѣхъ бракахъ, въ которые онѣ вступаютъ по расчету, а не по любви. Въ чемъ ваша Мари будетъ чувствовать раскаяніе?

— Конечно...

— Нѣтъ, вы скажите, въ чемъ и почему именно она будетъ раскаиваться?

Герой мой не нашелъ, что отвѣчать на этотъ вопросъ. Говоря о препятствіи, онъ имѣлъ въ виду весьма существенное препятствіе, а именно: рѣшительное отсутствіе въ карманѣ презрѣннаго металла, столь необходимаго для всѣхъ романическихъ предпріятій; но, не желая покуда открыть этого Варварѣ Александровнѣ, свернулъ на какое-то раскаяніе, котораго, какъ и самъ онъ былъ убѣжденъ, не могла бы чувствовать ни одна въ мірѣ женщина, удостоившаяся счастья сдѣлаться его женою.

Пріѣхавъ домой, Хозаровъ имѣлъ съ Татьяной Ивановной серьезный разговоръ и именно въ отношеніи этого предмета, то-есть какимъ бы образомъ достать подъ вексель презрѣннаго металла. Сообразительная Татьяна Ивановна первоначально стала втупикъ.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула она потомъ голосомъ, исполненнымъ радости и самой тонкой и далекой прозорливости.—Ахъ, Боже мой!—повторила она:—совсѣмъ изъ головы вонъ! Нельзя ли напасть на Ѳерапонта Григорьича? Ихъ человѣкъ мнѣ сказывалъ, что они отдаютъ капиталъ въ вѣрныя руки.

— Но дастъ ли онъ?—замѣтилъ недовѣрчиво Хозаровъ.

— Да отчего бы, какъ я по себѣ сужу, не дать? Вы, вѣроятно, какъ женитесь, такъ не возьмете на свою совѣсть.

— Конечно; но, знаете, онъ, какъ я могъ замѣтить, долженъ быть ужасный провинціалъ; пожалуй, потребуетъ залога, а гдѣ его вдругъ возьмешь? У меня есть и чистое имѣнье, да въ недѣлю его не заложишь.

— Это, пожалуй, можетъ случиться, — замѣтила Татьяна Ивановна:—нынче въ этакихъ случаяхъ ужасно стало дурно: прежде, когда я жила въ графскомъ домѣ, я въ одинъ день достала у одной моей знакомой, десять тысячъ, а нынче десять рублей напросишься. Но что за дѣло? Попробуйте!

— Именно попробую, и попробую сейчасъ же,—сказалъ Хозаровъ, вставая.

— Что жъ? Можно и сейчасъ,—подтвердила Татьяна Ивановна:—онъ дома; только чай еще началъ пить.

Герой мой, довольно опытный въ дѣлѣ заниманія денегъ, рѣшился дѣйствительно тотчасъ же приступить къ этому дѣлу. Съ этою цѣлью, одѣвшись сколь возможно франтоватѣе, онъ, нимало не медля, отправился къ старому милашкѣ Татьяны Ивановны и засталъ того за самоваромъ.

— Честь имѣю представиться,— сказалъ, входя, Хозаровъ.

— А! Наше вамъ почтеніе, — отвѣчалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— Я давно желалъ имѣть честь быть у васъ и засвидѣтельствовать вамъ почтеніе, но, знаете, столица... удовольствія... дѣла... По крайней мѣрѣ теперь, если я буду не въ тягость...

— Помилуйте-съ... ничего... прошу покорно садиться... не угодно ли чаю?

— Благодарю, я пилъ. Какъ вы проводите время?

— Понемногу. Вы, кажется, к...ій помѣщикъ?

— Точно такъ, т.-е. имѣніе мое тамъ, но самъ я живу рѣдко.

— Большое ваше имѣніе?

— Нельзя сказать, что большое: пятьсотъ душъ.

— А... однако пятьсотъ душъ. А здѣсь вы изволите по какимъ причинамъ проживать?

— Какъ вамъ сказать? Я живу теперь здѣсь по причинамъ, если можно такъ выразиться, сердечнымъ: я женюсь!

— Въ бракъ изволите вступать? А... доброе дѣло: нашего полка прибудетъ. Я самъ также женатый человѣкъ, пятнадцать лѣтъ живу семьяниномъ.

Въ дальнѣйшемъ затѣмъ разговорѣ Хозаровъ, видимо, старался подѣлаться подъ тонъ помѣщика. Онъ разспросилъ его

подробно о его семействѣ и самъ о своемъ тоже разсказалъ довольно подробно; переговорили и объ охотѣ, и о лошадяхъ, и о какомъ-то общемъ знакомомъ Вондюшинѣ, который, по мнѣнію обоихъ собесѣдниковъ, былъ прекрасный человѣкъ для общества, но очень дурной для себя. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, которыя имѣлъ Хозаровъ объ этомъ прекрасномъ для общества человѣкѣ, сей послѣдній былъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что для пропитанія своего игралъ на гитарѣ и плясалъ по трактирамъ.

Герой мой замѣтно началъ нравиться Ѳерапонту Григорьичу своими интересными разговорами.

— Я къ вамъ имѣлъ бы одну маленькую просьбу, — началъ довольно смѣло Хозаровъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Въ чемъ могу служить?—спросилъ помѣщикъ.

— Вы, кажется, имѣете свободныя деньги?

— То-есть какъ деньги?—спросилъ удивленный Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— По случаю женитьбы, я имѣю надобность въ деньгахъ; не можете ли вы мнѣ ссудить тысячи три на ассигнаціи? — проговорилъ Хозаровъ опять довольно смѣло, устремивъ на сосѣда испытующій взоръ, такъ что тотъ потупился.

— Съ большимъ бы удовольствіемъ, но я не имѣю денегъ,— отвѣчалъ, придя нѣсколько въ себя, Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— Можетъ-быть, вы сомнѣваетесь, — началъ снова Хозаровъ:—такъ какъ я еще имѣю честь такъ мало времени пользоваться вашимъ знакомствомъ, но я могу представить вамъ поруку.

— Нѣтъ-съ... помилуйте, вовсе не потому; но я вовсе не имѣю денегъ, и даже самъ бы у васъ съ большимъ удовольствіемъ занялъ.

— Но это, сами согласитесь, Ѳерапонтъ Григорьичъ, пустячная сумма, я могу вамъ представить благонадежную поруку и дать хорошіе проценты.

— Помилуйте-съ... я не понимаю, къ чему вы такъ безпокоитесь; честью моей завѣряю, что я не имѣю денегъ.

— Но какъ же мнѣ говорили?

— Вѣроятно, съ вами пошутили!

— Какъ же пошутили: подобными вещами не шутятъ.

— Нѣтъ-съ, иногда шутятъ, мало ли есть проказниковъ. Да не хозяйка ли вамъ наврала? Она ужасная врунья... Не прикажете ли трубки?

— Благодарю... я курилъ, позвольте вамъ пожелать покойной ночи.

— Уже?

— Спать пора.

— Не смѣю удерживать, благодарю за посѣщеніе; завтрашній день постараюсь быть у васъ.

— Весьма много обяжете. До пріятнаго свиданія.

— И съ моей стороны также, — проговорилъ помѣщикъ, раскланиваясь.

«Этакій, подумаешь, московскій франтъ, — сказалъ онъ самъ себѣ по уходѣ Хозарова. — Видишь, на какихъ колесахъ подъѣхалъ: дай ему, чу, денегъ — пустячную сумму, три тысячи рублей, а самому, я думаю, перекусить нечего. Ну, Москва!.. Этакій здѣсь отчаянный народъ... приломилъ къ совершенно незнакомому человѣку и на горло наступаетъ: дай ему денегъ въ заемъ; поручителя, говоритъ, представлю; хорошъ долженъ быть поручитель; какой-нибудь франтъ безъ штановъ! Ай да Москва! Нечего сказать — бьетъ съ носка!.. Удивительно, какой здѣсь смѣлый народъ живетъ!»

— Это такой скотина вашъ Ѳерапонтъ Григорьичъ, — сказалъ Хозаровъ, входя къ Татьянѣ Ивановнѣ:—что уму невообразимо! Какой онъ дворянинъ... онъ чортъ его знаетъ что̀ такое! Какой-то кулакъ... выжима. Какъ вы думаете, что̀ онъ мнѣ отвѣчалъ? Въ подобныхъ вещахъ порядочные люди, если и не желаютъ дать, то отговариваются какъ-нибудь поделикатнѣе; говорятъ обыкновенно: «позвольте подумать... я скажу вамъ дня чрезъ два», и тому подобное, а этотъ медвѣдь съ перваго слова заладилъ: «нѣтъ денегъ», да и только.

— Скажите, какой странный человѣкъ, — сказала Татьяна Ивановна: — я и прежде замѣчала, долженъ быть скупецъ, и скупецъ жадный.

— Онъ мало, что скупецъ, онъ человѣкъ нетерпимый въ обществѣ. Мнѣ очень жаль, что я ходилъ къ нему, а все по милости вашей.

— Да вѣдь я, Сергѣй Петровичъ, этого не думала, что онъ такъ поступитъ. Я навѣрное думала, что онъ дастъ; къ нему какъ пристанешь, такъ онъ даетъ. Хорошо ли вы просили? Надобно съ нимъ говорить поубѣдительнѣе.

— Вотъ прекрасно! Обыкновенно, какъ берутъ деньги въ заемъ: не въ ноги же ему кланяться, мнѣ еще не до зарѣзу пришло; я найду денегъ; завтрашній же день возьму на какіе-нибудь мѣсяцы у Мамиловой.

— Чего же вамъ лучше... и прекрасно! — сказала Татьяна Ивановна.—Давно бы вамъ это придумать.

— Конечно, такъ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо благороднѣе; онѣ какъ-то деликатнѣе, лучше понимаютъ эти

вещи, а ужъ про Ваѓѣ Мамилову и говорить нечего: это какой-то феноменъ-женщина, и по сердцу и по уму—совершенный феноменъ.

Хозаровъ еще нѣсколько времени бесѣдовалъ съ Татьяной Ивановной, и между ними положено было подождать нѣсколько времени; къ Мари написать завтрашній день записку, а между тѣмъ во всевозможныхъ мѣстахъ стараться занять денегъ.

Въ продолженіе слѣдующихъ за тѣмъ двухъ дней Марья Антоновна сдержала свое обѣщаніе, то-есть плакала, лежала въ постели и ничего не ѣла. До сихъ поръ я еще ничего, съ своей стороны, не говорилъ о героинѣ моего романа, и не говорилъ, долженъ признаться, потому, что ничего не могу рѣзкаго и опредѣлительнаго сказать о ней. Что̀ можно сказать о характерѣ женщины, которая не совсѣмъ еще сформировалась? А Мари дѣйствительно была ребенокъ и весьма многаго не понимала. Учившись въ пансіонѣ, напримѣръ, она рѣшительно не понимала ни второй части ариѳметики ни грамматики и даже не понимала, что̀ это такое за науки и для чего ихъ учатъ. Бывши разъ въ театрѣ, она съ удивленіемъ смотрѣла на даму, сидѣвшую въ сосѣдней ложѣ, которая обливалась горькими слезами, глядя на покойнаго Мочалова въ «Гамлетѣ». Простодушная Мари ничего тутъ не понимала, и ей было даже скучно до тѣхъ поръ, пока въ послѣднемъ актѣ не начали биться на рапирахъ, тогда ей сдѣлалось страшно. Въ музыкѣ Мари тоже не совсѣмъ все понимала и любила больше обращать вниманіе на виньетки и рисунки, которыми обыкновенно украшаются нотныя обертки. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мы вполнѣ можемъ согласиться съ Катериной Архиповной, что Мари еще развивалась и покуда была совершенный ребенокъ. Противъ одного только я протестую, что будто бы молодая дѣвушка не имѣла никакого кокетства, до сихъ поръ не знаетъ, что̀ такое любовь, и боится одной мысли выйти за кого бы то ни было замужъ. Во-первыхъ, она имѣла кокетство, потому что еще съ двѣнадцати лѣтъ очень любила вертѣться передъ зеркаломъ и умѣла весьма ловко потуплять глаза, когда въ танцкласс̀ъ привозили какого-нибудь Васеньку или Ванечку, не по днямъ, а по часамъ вырастающихъ изъ сшиваемыхъ имъ курточекъ. Въ настоящее время она очень любила читать романы и весьма ясно понимала любовь; еще года два тому назадъ она была влюблена въ учителя исторіи, котораго, впрочемъ, обожалъ весь класс̀ъ, но Мари исключительно. Во всю бытность въ пансіонѣ она постоянно рисовала голову Париса, на которую походилъ обожаемый учитель. Къ Хозарову она

чувствовала страсть и только о томъ и помышляла, какъ бы выйти за него замужъ. Узнавъ, что Катерина Архиповна отказала ему, она очень разсердилась на мать и дала себѣ слово, во что бы ни стало, заставить старуху перемѣнить свое намѣреніе. Впрочемъ, Мари была, право, добраго характера; она умѣренно пользовалась исключительною любовью матери, не весьма часто капризничала, сестеръ своихъ она не ненавидѣла, какъ ненавидѣли тѣ ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ страстно любила кошекъ. Но обратимся къ моему разсказу. Я уже прежде сказалъ, что идолъ другія сутки ничего не ѣлъ. Страстная мать была какъ сумасшедшая: она рѣшительно не знала, что ей сдѣлать и что предпринять. Старуха очень хорошо догадывалась, что бѣдное дити сердится на нее за то, что она отказала Хозарову, но ей, матери, другу, ничего не говоритъ. Горько и обидно было ея материнскому сердцу; цѣлыя ночи она проплакивала и промаливалась, а по днямъ всѣ свои огорченія принималась вымѣщать на старшихъ дочеряхъ, а главное — на Антонѣ Ѳедотычѣ. Пашетъ и Анетъ начинали тоже приходить въ отчаяніе и, проплакавъ, послѣ маменькиной нотаціи, цѣлое утро, онѣ принимались потихоньку въ своей комнатѣ ругать маменьку, папеньку и по преимуществу чертенка Машетъ, изъявляя общее желаніе, чтобы она поскорѣе или замужъ выходила, или умирала. Антону Ѳедотычу просто житья не было: мало того, что ему строжайшимъ образомъ было запрещено курить трубку, на томъ основаніи, что будто бы табачный дымъ проходитъ наверхъ къ идолу и безпокоитъ его; мало того, что Катерина Архиповна всей семьѣ, вмѣсто обѣда, предоставила одну только три дня тому назадъ жареную говядину, — этого мало: у Антона Ѳедотыча былъ отобранъ даже матрацъ и положенъ подъ перину Машетъ; про выговоры и говорить нечего; его бранили за все: и за то, что онъ говоритъ громко, и каблуками стучитъ, и даже за какое-то безсмысленное выраженіе лица, совершенно неприличное для отца, у котораго такъ больна дочь. Все это Антонъ Ѳедотычъ переносилъ первоначально со свойственнымъ ему терпѣніемъ и даже, стараясь принять участіе въ семейныхъ хлопотахъ, самъ бѣгалъ по нѣскольку разъ въ день въ аптеку; но наконецъ не выдержалъ и, махнувъ рукой, куда-то отправился на цѣлый день. Катерина Архиповна, въ самомъ дѣлѣ, была непохожа сама на себя: она даже наговорила дерзостей добряку Рожнову, когда тотъ началъ-было ее утѣшать и успокаивать. Она прямо ему сказала, что онъ никогда не былъ матерью и потому не можетъ понимать ея горя, и что если онъ и любитъ Мари, то любитъ ее какъ

мужчина... Рожновъ замолчалъ и скоро уѣхалъ. Такимъ образомъ страстная мать была оставлена всѣми. На третій день поутру она наконецъ рѣшилась объясниться съ дочерью и узнать, что такое съ нею. Въ переводѣ это значило: узнать, чего хочется идолу, и исполнить по ея желанію. Что дѣлать? Такова ужъ натура всѣхъ страстныхъ матерей.

— Что, душа моя, лучше ли тебѣ? — сказала Катерина Архиповна, тихонько входя въ комнату больной и садясь на ближайшій стулъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ идолъ, повернувъ голову въ подушку.

— Ты бы покушала чего-нибудь, а то желудокъ ослабнетъ,— повторила мать.

— Не хочу-съ.

— Но, другъ мой! Что такое съ тобою, — позволь мнѣ послать за докторомъ.

— Не хочу-съ.

— Но... другъ мой!

— Не хочу-съ... Пожалуй, посылайте! Я ничего не буду принимать и только еще буду плакать больше.

— Но за что же ты, Машенька, на меня сердишься, что же я тебѣ, другъ мой, сдѣлала? — сказала мать почти сквозь слезы.

— Я не сержусь.

— Нѣтъ, ты сердишься — я вижу; если ты что-нибудь чувствуешь, такъ кому же ты можешь сказать, какъ не матери: ты вспомни, мой другъ, когда я тебѣ въ чемъ отказывала? Мнѣ горько, Машенька, что ты такъ перемѣнилась ко мнѣ... Другъ мой, что такое съ тобою? — проговорила Катерина Архиповна уже совершенно въ слезахъ и, взявъ руку дочери, поцѣловала ее.

Мари тоже поцѣловала руку матери, но не говорила ни слова. На глазахъ ея опять показались слезы.

— Ну, полно, другъ мой, Бога ради не плачь; а то, пожалуй, опять начнется истерика, — я сдѣлаю, какъ хочешь, ты только скажи. Развѣ онъ тебѣ очень нравится?

— Да, мамаша.

— Но отъ кого ты узнала, что онъ сватался?

— Онъ мнѣ самъ сказалъ.

— Гдѣ же онъ тебѣ сказалъ?

— Не помню гдѣ.

— Ты выслушай меня, другъ мой, но только не плачь, — это я говорю не серьезно, а такъ: — онъ совершенно неизвѣстный человѣкъ; можетъ-быть, онъ какой-нибудь развратный... мотъ... можетъ-быть, даже тебя обманываетъ?

— Нѣтъ, извините, мамаша, онъ меня любитъ.

— Развѣ онъ тебѣ говорилъ?

— Говорилъ.

— Гдѣ же?

— Не помню гдѣ.

Старуха задумалась.

— Вы ему напишите, мамаша, записочку, чтобы онъ пріѣхалъ сегодня, а то онъ очень разсердится... Пожалуй, не будетъ къ намъ и ѣздить.

— Но, другъ мой, къ чему это поведетъ: неужели ты хочешь выйти за него замужъ?

— Непремѣнно за него, мамаша! Кромѣ его, ни за кого не пойду.

— А Иванъ Борисычъ, Машенька?.. За что ты этого человѣка хочешь лишиться? Онъ очень добрый и благородный человѣкъ... тысяча душъ, другъ мой... ты будешь счастлива съ нимъ, — тебѣ и теперь уже всѣ завидуютъ.

— А вы что мнѣ, мамаша, обѣщали, чтобы никогда не говорить про этого гадкаго человѣка: я опять плакать начну.

— Ну, ну, я замолчу, не стану говорить, только ты встань, другъ мой, и покушай...

— Нѣтъ, мамаша, не хочу.

— Но если я напишу ему записочку и буду звать къ себѣ,— встанешь?

— Встану.

Старуха вздохнула, и глубоко вздохнула: всѣ надежды ея рушились. Долѣе уже не въ состояніи была она продолжать разговора съ дочерью и, придя въ свою комнату, зарыдала и почти безъ чувствъ упала на голыя доски кровати Антона Ѳедотыча. Живое и ясное предчувствіе говорило ей, что въ этомъ бракѣ ея идолу угрожаетъ погибель, и что она сама отрываетъ дочь свою отъ счастья, которое суждено бы ей было въ бракѣ съ Рожновымъ, и сама отдаетъ ее какому-то пустому щеголю, и отдаетъ, можетъ-быть, на бѣдность, на нелюбовь и тому подобное. Велико ли состояніе Мари? Всего сто душъ послѣ бабки да тысячъ десять деньгами; десять тысячъ, накопленныя ея бережливостью. Изъ имѣнія идола дѣйствительно, какъ говорилъ Ступицынъ, не издерживала Катерина Архиповна ни копейки. Отказывая во всемъ себѣ, Антону Ѳедотычу и двумъ старшимъ дочерямъ, страстная мать изъ своихъ малыхъ средствъ воспитывала Машеньку въ пансіонѣ, одѣвала ее гораздо лучше прочихъ и даже исполняла ея пустыя прихоти; но за кого теперь она принуждена выдать свою любимицу—что это за человѣкъ? Вотъ что занимало теперь

старуху послѣ разговора ея съ дочерью: остаться въ прежнемъ намѣреніи, то-есть отказать Хозарову, она уже не имѣла силъ, она уже не въ состояніи была видѣть, какъ Машенька плачетъ, страдаетъ и ничего не ѣстъ. Но отъ кого бы, по крайней мѣрѣ, узнать подробнѣе о женихѣ? Поручить Антону Ѳедотычу, но онъ не умѣетъ, да и налжетъ. Долго старуха думала и наконецъ рѣшилась обратиться къ Рожнову. Она и въ этомъ случаѣ разсчитывала на великодушіе отверженнаго искателя и полагала, что его можно будетъ упросить съѣздить и разузнать о счастливомъ соперникѣ. Съ этою цѣлью она сама поѣхала къ толстяку и застала его, по обыкновенію, лежащимъ на диванѣ и читающимъ книгу.

— А! Сердитая маменька,—сказалъ тотъ, приподнимаясь:— какими судьбами?

— Я къ вамъ съ просьбой.

— Слушаю-съ.

— Вы такъ любите наше семейство, я такъ обязана много вамъ, что даже не въ состояніи, кажется, и отблагодарить васъ, и надѣюсь, что вы не откажете въ моей просьбѣ.

— У васъ нѣтъ денегъ?—сказалъ толстякъ.

— Ахъ, нѣтъ, но у меня Маша очень страдаетъ.

— Ваша Маша не страдаетъ, а сентиментальничаетъ: страдаете тутъ вы... Ну-съ, что же вамъ угодно?

— Я къ вамъ съ просьбою.

— Это я слышалъ.

— Она любитъ его.

— То-есть она влюблена въ него, и это я знаю.

— Что мнѣ дѣлать?

— Выдать ее за того, въ кого она влюблена.

— Пожалуйста, не говорите такъ.

— Какъ же мнѣ говорить?

— Вы говорите очень насмѣшливо.

— Прикажете плакать?

— Ахъ, нѣтъ... что вы это говорите: мнѣ хотѣлось бы узнать, что это за человѣкъ?

— Зачѣмъ же вамъ это знать?

— Что это вы говорите, Иванъ Борисычъ, зачѣмъ мнѣ знать? Я мать!

— Послушайте, Катерина Архиповна, въ подобныхъ вещахъ нужно выбирать два полюса: или рѣшительно не выдавать дочь, если это невыгодно по вашимъ понятіямъ, или выдавать безъ всякаго размышленія, а такъ, потому только, что дочкѣ этого желается.

— Но мнѣ хочется узнать, что̀ это за человѣкъ. Узнайте, Иванъ Борисычъ, и скажите, я вамъ вѣрю.

— Премного благодаренъ за ваше довѣріе; только я не поѣду узнавать.

— Но какъ же я узнаю?

— Это ужъ ваше дѣло.

— Вы сердитесь, Иванъ Борисычъ, но чѣмъ же я-то виновата?

— И я не сержусь, и вы не виноваты — отвѣчалъ онъ: — но только не поѣду.

— Иванъ Борисычъ!

— Не поѣду-съ.

У старухи покатились сначала слезы, потомъ она начала даже рыдать.

— О чемъ же вы плачете?—спросилъ толстякъ.

— Всѣ меня оставили; никто не хочетъ мнѣ помочь,— говорила она: — никто не хочетъ даже узнать, что̀ это за человѣкъ?

— Да зачѣмъ же вамъ?

— Какъ зачѣмъ!..

— Ну, а если я вамъ скажу, что онъ мерзавецъ?

— Какъ же это мерзавецъ?

— Да такъ, какъ обыкновенно бываютъ мерзавцы.

— Какъ вы это такъ говорите, въ такомъ дѣлѣ, Иванъ Борисычъ; это, я думаю, на всю жизнь.

— Ну, не вѣрите и прекрасно; вы оставайтесь при своемъ убѣжденіи, а я при своемъ.

Катерина Архиповна больше не возражала: она догадалась, что Рожновъ не могъ быть безпристрастнымъ исполнителемъ ея порученія, и потому тотчасъ же отправилась домой.

Толстякъ, оставшись одинъ, нѣсколько времени ходилъ, задумавшись, взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Григорій!—закричалъ онъ.

Явился лакей.

— Вели сбираться.

— Куда-съ?—спросилъ тотъ.

— Въ деревню.

— Вотъ тебѣ на... Да зачѣмъ-съ?

— А тебѣ зачѣмъ знать, дуралей? — вскрикнулъ, сверхъ обыкновенія, разсердившійся баринъ.

— Извѣстное дѣло, что̀ мнѣ: да коляска-то еще у кузнеца.

— Я дамъ вамъ у кузнеца, остолопы! Чтобъ сегодня же у меня было все готово.

— Да что вы на меня кричите: спрашивайте съ кучеровъ; мнѣ что?—мое дѣло сѣсть да поѣхать.

— Ну, не разсуждать! Пошелъ... собирайтесь.

Слуга, впрочемъ, не пошелъ собираться, а, надѣвъ шапку и позвавъ другого лакея, отправились вмѣстѣ въ трактиръ.

Впрочемъ, какъ прислуга ни лѣниво сбиралась, какъ ни представляла барину тысячу препятствій, но на другой день въ одной изъ московскихъ заставъ былъ записанъ выѣхавшимъ: надворный совѣтникъ Рожновъ въ К...

VI.

На другой же день послѣ описанной въ предыдущей главѣ сцены, Катерина Архиповна наконецъ рѣшилась послать мужа къ Хозарову съ тѣмъ, чтобы онъ первоначально осмотрѣлъ хорошенько, какъ молодой человѣкъ живетъ, и, поразузнавъ стороною о его чинѣ и состояніи, передалъ бы ему отъ нея письмо. Страстная мать уже окончательно не въ состояніи была бороться съ желаніемъ дочери, тѣмъ болѣе, что Мари все еще ничего не ѣла и лежала въ постели. Посланіе Катерины Архиповны, если не высказывало полнаго согласія на предложеніе моего героя, то въ то же время было совершенно написано въ другомъ духѣ, чѣмъ прежнее ея письмо,—это была ласковая пригласительная записка пріѣхать и переговорить объ интересномъ и важномъ дѣлѣ. Цѣлый день былъ употребленъ на отысканіе Антона Ѳедотыча, скрывавшагося гдѣ-то отъ семейныхъ непріятностей; наконецъ онъ былъ найденъ у трехъ офицеровъ, жившихъ на одной квартирѣ. Первоначально онъ, какъ водится, получилъ достодолжный выговоръ за свое ни съ чѣмъ несообразное поведеніе, а потомъ уже ему было объявлено и самое порученіе, которому Антонъ Ѳедотычъ, съ своей стороны, очень обрадовался. Пояснивъ супругѣ, что онъ все очень хорошо понялъ и потому прекрасно обдѣлаетъ это дѣло, тотчасъ же отправился къ Хозарову, и даже отправился, сверхъ ожиданія, по распоряженію Катерины Архиповны, на извозчикѣ.

Въ этотъ же самый день, часу въ четвертомъ пополудни, Хозаровъ вбѣжалъ такъ нечаянно и такъ быстро въ номеръ Татьяны Ивановны, что она, лежа въ это время на своей кровати и начавъ уже немного засыпать послѣобѣденнымъ сномъ, даже испугалась и вскрикнула.

— Что это, почтеннѣйшая, вы изволите такъ бездѣйствовать, тогда какъ я обдѣлываю великія дѣла!—вскрикнулъ онъ, стаскивая хозяйку за руку съ постели.

Онъ былъ, видно, въ весьма хорошемъ расположеніи духа и, какъ кажется, немного навеселѣ.

— Постойте, проказникъ, дайте поправиться. Ахъ! Какой вы шалунъ! Ну, что такое тамъ у васъ случилось?

— Случился случай случайнѣйшій. Во-первыхъ: voyez-vous, madame!—сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана футляръ и раскрывъ его передъ глазами Татьяны Ивановны.

— Ахъ, какіе прекрасные брильянты. Батюшка, ай, батюшка, посмотрите, средній-то съ орѣхъ... Какія отличнѣйшія вещи! Гдѣ это вы взяли, купили, что ли?

— Это еще не все, мадамъ; я вамъ сказалъ прежде во-первыхъ, но теперь во-вторыхъ: voyez!—и онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, въ которомъ было положено съ тысячу рублей ассигнаціями.

— Да что вы, проказникъ этакій, кладъ, что ли, нашли?

— Погодите, погодите, терпѣніе, мадамъ, это еще не все: regardez! — И онъ сдернулъ перчатку съ руки, на большомъ пальцѣ которой красовался богатый перстень.

— Ахъ, какой отличный солитеръ! Батюшка, Сергѣй Петровичъ, да гдѣ вы всѣ эти богатства пріобрѣли?

— Ужъ, конечно, не у вашего скота, Ѳерапонта Григорьича, позаимствовался. Всѣмъ этимъ богатствомъ, что видите, наградила меня заимообразно моя милая фея, моя безцѣнная Barbe Мамилова.

— Варвара Александровна? Скажите, какая превосходнѣйшая женщина!

— Да-съ, найдите-ка другую въ нашемъ свѣтѣ! Съ перваго слова, только-что заикнулся о нуждѣ въ трехъ тысячахъ, такъ даже сконфузилась, что нѣтъ у ней столько наличныхъ денегъ; принесла свою шкатулку и отперла. «Берите, говоритъ, сколько тутъ есть»! Вотъ такъ женщина! Вотъ такъ душа! Истинно будешь благоговѣть передъ ней, потому что она, кажется, то существо, о которомъ именно можно сказать словами Пушкина: «Въ ней все гармонія, все диво, все выше міра и страстей».

— Ну, я думаю, и вещи тоже цѣнныя?—сказала Татьяна Ивановна.—Ахъ какая прелестная работа,—продолжала она, съ любопытствомъ разсматривая баулъ.

— Да-съ, я вамъ скажу, что для этой женщины нѣтъ словъ на языкѣ, чтобы выразить всѣ ея добродѣтели: мало того, что отсчитала чистыми деньгами тысячу рублей; я бы, безъ сомнѣнія, и этимъ удовлетворился, и это было бы для меня величайшее одолженіе, такъ нѣтъ, этого мало: принесла еще вещи, говоритъ: «возьмите и достаньте себѣ денегъ подъ нихъ; это, я полагаю, говоритъ, самое лучшее употребленіе, какое только можетъ женщина сдѣлать изъ своего украшенія».

А?.. Какъ вамъ покажется? Сколько въ этихъ словахъ благородства, великодушія! Я, разумѣется, намѣренъ ей отплатить тѣмъ же и потому тотчасъ же поѣхалъ къ маклеру и написалъ ей въ три тысячи вексель; такъ даже и этого не хотѣла взять. Я убѣдилъ ее только тѣмъ, что я человѣкъ, и человѣкъ смертный, могу умереть, и потому за ея великодушіе не хочу на тотъ свѣтъ унести черной неблагодарности. Вотъ какова эта женщина, Татьяна Ивановна!

— Прекрасная должна быть дама! Вотъ, какъ я по всѣмъ словамъ вашимъ вижу, такъ, должно-быть, предобрѣйшее она имѣетъ сердце!

— И говорить нечего, она выше всякихъ словъ. Но постойте, я никогда и нигдѣ не позволялъ себѣ забывать людей, сдѣлавшихъ мнѣ какое-либо одолженіе: сегодняшнее же первое мое дѣло будетъ хоть часть заплатить моей Татьянѣ Ивановнѣ, и потому не угодно ли вамъ взять покуда полтораста рублей!—сказалъ Хозаровъ.—Примите, почтеннѣйшая, съ моею искреннею благодарностью,—продолжалъ онъ, подавая хозяйкѣ пачку ассигнацій, и затѣмъ первоначально сжалъ ея руку, а потомъ поцѣловалъ въ щеку.

— Что это, безстыдникъ какой, какъ это вамъ не совѣстно?..—сказала, сконфузившись, но съ явнымъ удовольствіемъ дѣвица Замшева: — да постойте еще, повѣса этакій, расплачиваться, дайте прежде сосчитаться.

— Безъ счетовъ, почтеннѣйшая!—воскликнулъ Хозаровъ:—сегодня для меня такой веселый и торжественный день, что я рѣшительно не могу вести никакого рода счетовъ. Будемъ жить и веселиться, ненадолго жизнь дана!—произнесъ онъ и, вскочивъ, схватилъ Татьяну Ивановну и началъ съ нею вальсировать по комнатамъ.

— Перестаньте, проказникъ этакій! Ай, батюшки, завертѣли... посмотрите, гребенка выпала,—говорила сорокалѣтняя дѣвица, дѣлая быстрые туры съ ловкимъ танцоромъ.

— C'est assez, m-me, merci, grand merci,—сказалъ Хозаровъ, останавливая и сажая даму на стулъ.

Походя по комнатѣ, онъ остановился передъ хозяйкой.

— Мнѣ пришла въ голову прекрасная идея,—сказалъ онъ:—я хочу вашимъ постояльцамъ дать маленькую вечеринку.

— Ой, Сергѣй Петровичъ, не совѣтовала бы я вамъ,—возразила Татьяна Ивановна:—народъ-то, знаете, такой, все пустой, не вашего сорта люди; да и зачѣмъ вамъ?

— Нѣтъ, очень есть зачѣмъ: у меня тутъ есть особые виды. Вотъ, напримѣръ, если я вздумаю увезти Мари, а это очень можетъ случиться, въ такомъ случаѣ эти господа могутъ

сказать мнѣ великую помощь; то-есть одни будутъ свидѣтелями, другой господинъ кучеромъ, третій лакеемъ. Подобныя вещи всегда дѣлаются въ присутствіи благородныхъ людей; а во-вторыхъ, если будетъ оттуда, для спроса обо мнѣ, какой-нибудь подсылъ, то теперь они на меня могутъ Богъ знаетъ что наболтать; но, побывавъ на пирушкѣ, другое дѣло; тутъ они увидятъ, что я живу не по-ихнему, и невольно, знаете, по чувству этакого уваженія и даже благодарности, отзовутся въ пользу мою. Я намѣренъ позвать ихъ всѣхъ, кромѣ этого свиньи, вашего Ѳерапонта Григорьича.

— Позовите и его: онъ хорошій человѣкъ, только, знаете, этакій деревенскій, грубъ немного на словахъ.

— Ну, и то дѣло, — зла не надобно помнить.

— А музыканта позовете?—спросила Татьяна Ивановна не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Непремѣнно; какъ же могу я его не позвать? Это было бы, кажется, низко и неблагородно съ моей стороны.

— Онъ прекрасный человѣкъ и васъ чрезвычайно любитъ. Ревнуетъ даже меня къ вамъ.

— Скажите, какой Отелло,—сказалъ Хозаровъ съ улыбкой.

— Вы, мужчины, всѣ таковы... Что же у васъ будетъ на вечеринкѣ?.. Когда думаете, такъ ужъ время приготовляться.

— Да, это правда. Впрочемъ, я большого не думаю: подать сперва чай, потомъ сварю жженку, а тутъ можно подать мороженое и какіе-нибудь фрукты.

— Ой, не годится... совсѣмъ не годится... вовсе будетъ не по гостямъ вечеръ. Это вѣдь хорошо для какихъ нибудь модныхъ дамъ, а этимъ гораздо будетъ приличнѣе велѣть приготовить чаю съ ромомъ, да послѣ велѣть подать закуску съ водкой и винца побольше.

— Но это будетъ какъ-то гадко, пошло... что-то такое купеческое.

— Вовсе не купеческое, а такъ, какъ обыкновенно между мужчинами.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, между мужчинами другого сорта это бываетъ не такъ; но, впрочемъ, хорошо... будь по-вашему; однако все-таки безъ шампанскаго нельзя.

— Ну, шампанское, конечно, будетъ очень прилично.

— Итакъ, почтеннѣйшая, первоначально отправляйтесь и возьмите, сколько по вашему соображенію нужно будетъ, вина и извольте готовить чай, а я между тѣмъ пойду сзывать братію, и вотъ еще кстати: свѣчей возьмите побольше, чтобы освѣщеніе было приличное, я терпѣть не могу темноты. А propos: мнѣ пришла въ голову счастливая мысль! По всѣмъ

номерамъ таскаться и всякаго звать особо — скучно, да и не принято въ свѣтѣ, а потому я всѣмъ этимъ господамъ напишу пригласительныя записки, какъ обыкновенно это дѣлается.

— Что же, можно и такъ, — сказала Татьяна Ивановна. — Ахъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я вотъ посмотрю на васъ, живали вы, видно, въ богатствѣ, видали вы людей.

— Да, почтеннѣйшая моя, живалъ и видалъ людей, да и опять такъ заживу... Однако скажите мнѣ имена и фамиліи этихъ господъ: на адресѣ надобно будетъ означить имена ихъ и фамиліи.

— А какъ ихъ фамиліи-то. Въ первомъ номерѣ: спбаритъ— Викторъ Прохорычъ Казаненко; во второмъ—Семенъ Дмитричъ Мазаневскій; въ третьемъ... этого вы знаете, — Ѳерапонтъ Григорьичъ Телятинъ; въ четвертомъ ужъ и позабыла, да: черноволосый—Разумникъ Антіохычъ Рушевичъ, а бѣлокурый— Эсперъ Аркадьичъ Нумизмацкій. Но, впрочемъ, лучше бы вы не приглашали ихъ... непріятный такой народъ.

— Нельзя, почтеннѣйшая, этого между порядочными людьми не принято: если приглашать, такъ приглашать всѣхъ. Дальше?..

— Да что дальше?.. Этотъ, я думаю, не придетъ... больной человѣкъ.

— Но все-таки, какъ его?..

— Клементій, кажется, Иванычъ, или Кузьмичъ, должно-быть, Иванычъ.

— Ну, положимъ, Иванычъ, а фамилія?

— Фамилія — Сидоровъ.

— Ну, Сидоровъ такъ Сидоровъ. Прощайте, почтеннѣйшая, хлопочите и приготовляйте, — проговорилъ Хозаровъ и, соображаясь съ составленнымъ реестромъ, придя въ свой номеръ, началъ писать пригласительные билеты, утвердившіе заключеніе Татьяны Ивановны касательно знанія свѣтской жизни, знанія, которымъ безспорно владѣлъ мой герой. Во-первыхъ, эти билеты, какъ повелѣваетъ приличіе свѣта, были всѣ одинаковаго содержанія; а во-вторыхъ, они были написаны самымъ краткимъ, но правильнымъ и удобопонятнымъ языкомъ, именно:

«Сергѣй Петровичъ Хозаровъ покорнѣйше проситъ васъ пожаловать къ нему, сего же числа, на холостую пирушку, въ семь часовъ вечера». На оборотѣ были написаны, какъ водится, имена и фамиліи приглашаемыхъ. Такого рода распоряженіе Хозарова, исполненное тонкой, свѣтской вѣжливости, произвело на его сожильцовъ довольно странное и весьма разнообразное впечатлѣніе. Сибаритъ, прочитавъ пригласительную записку, сначала очень обрадовался. Ему уже зара-

нѣе началъ представляться холостой вечеръ съ винами, съ ужиномъ, но вдругъ задумался, потому что всякому хозяину недостаточно было пригласить сибарита, но ему надобно было вмѣстѣ съ тѣмъ прислать гостю сюртукъ, галстукъ и нѣкоторыя другія принадлежности мужского костюма. Позови Хозаровъ такъ, просто, не по билетамъ, сибаритъ къ нему рискнулъ бы отправиться въ своемъ единственномъ другѣ—шинели. Но этотъ вечеръ долженъ быть, хотя и холостой, но парадный. Всю свою надежду гость возложилъ на Татьяну Ивановну и рѣшился покорнѣйше просить ее доставить ему отъ Хозарова приличный костюмъ и такимъ образомъ дать ему возможность быть на вечерѣ.

Секретный милашка Татьяны Ивановны — музыкантъ, по скромности характера, на своемъ лицѣ, покрытомъ угрями, не выразилъ никакого чувства по прочтеніи пригласительнаго билета, а только лаконически отвѣтилъ: «приду», и принялся писать ноты. Ѳерапонтъ Григорьичъ, получивъ приглашеніе, расхохотался.

«А... каковъ въ Москвѣ народецъ,—началъ онъ разсуждать самъ съ собой:—вчера денегъ просилъ взаймы, а сегодня вечеръ даетъ... Ну—мотыга же, видно! Еще не мошенникъ ли какой-нибудь? Нѣтъ, братъ, не надуешь, не пойду: пожалуй, и въ карманъ залѣзутъ».

— Ванька! Не слыхалъ ли ты, что̀ такое у этого франта?

— Балъ даетъ, сказывала хозяйка... Меня звали служить; полтинникъ, говорятъ, дадутъ-съ,—отвѣчалъ возившійся около чемодана Ванька.

— Ну такъ что жъ? Ступай, дуракъ, — коли ты будешь, такъ и я схожу,—сказалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ:—да смотри у меня не зѣвай; посматривай на меня, и какъ мигну тебѣ, такъ не выдавай!

— Зачѣмъ выдавать,—отвѣчалъ лакей.

— Схожу... ничего, схожу... и посмотрю, что̀ тамъ такое,—говорилъ Ѳерапонтъ Григорьичъ. — Этакія, подумаешь, на свѣтѣ есть ухарскія головы! Вчера безъ копейки былъ, а сегодня вечеръ даетъ, и Богъ его знаетъ, гдѣ взялъ: можетъ-быть, кого-нибудь ограбилъ?..

Двѣ неопредѣленныя личности тоже не обратили должнаго вниманія на приглашеніе, по крайней мѣрѣ въ первую минуту его полученія. Это, можетъ-быть, произошло вслѣдствіе того, что черноволосый, остававшійся прежде почти въ постоянномъ выигрышѣ, на этотъ разъ заремизился, а потому очень разгорячился. Бѣлокурый, въ надеждѣ выиграть, тоже разгорячился.

По окончаніи пульки они, хотя довольно односложно, но переговорили о вечерѣ.

— Это зовутъ,—сказалъ черноволосый.

— Да,—отвѣчалъ бѣлокурый.

— Будутъ ли картишки-то?—замѣтилъ черноволосый.

— Я думаю... только ты смотри, дѣлай пальцами-то этакъ знаки.

— Извѣстное дѣло,—не маленькій, понимаю немного игру-то. Ты пойдешь въ пальто?

— Въ пальто.

— Ну, ладно, а я во фракѣ.

Радушнѣе всѣхъ принялъ приглашеніе танцовальный учитель: несмотря на сильную ломоту, которую чувствовалъ во всемъ тѣлѣ, онъ, прочитавъ записку, тотчасъ же вскочилъ съ одра болѣзни и началъ напѣвать извѣстный куплетъ:

„Кума шенъ, кума крестъ;
Кума дальше отъ комоду;
Кума чашки разобьешь“,—

выдѣлывая въ то же время мастерскія па изъ французской кадрили. Но духъ его, стремящійся къ разсѣянію, недолго торжествовалъ надъ болѣющимъ тѣломъ. Ревматизмъ отъ сильнаго движенія разыгрался: учитель повалился на постель и началъ первоначально охать, потомъ стонать и наконецъ заплакалъ.

Почтеннѣйшая Татьяна Ивановна, не ограничивая свои заботы хозяйственными приготовленіями, успѣла обѣжать всѣ номера и всѣмъ объявить, что у Хозарова будетъ пріятельская пирушка, потому что онъ скоро женится на милліонеркѣ и потому хочетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ угостить. Сибариту достала сюртукъ; даже въ Ѳерапонтѣ Григорьичѣ успѣла поселить совершенно другое мнѣніе о Хозаровѣ; а милашкѣ-музыканту, не знаю почему, сочла за нужное весьма подробно объяснить, сколько и какого именно рода приготовлено винныхъ питій. На лицѣ, покрытомъ угрями, появилось самое пріятное выраженіе.

Между тѣмъ хозяинъ, задумавшись, сидѣлъ въ своемъ номерѣ.

Ему было грустно, что у него такая дрянная квартира, а потому онъ не можетъ дать вечера своимъ знакомымъ дамамъ, какъ дѣлывалъ это нѣсколько разъ въ полку.

Настоящую же пирушку онъ затѣвалъ такъ, безъ всякаго особаго удовольствія, потому только, что привыкъ жить хорошо и, почувствовавъ въ карманѣ деньги хотѣлъ показать себя этой дряни въ настоящемъ свѣтѣ.

Татьяна Ивановна, просто, совершала чудеса: зная наклонность своего милашки имѣть все въ порядочномъ видѣ, она достала гдѣ-то подсвѣчники изъ накладного серебра и серебряную сахарницу; у Ѳерапонта Григорьича выпросила, на свое собственное имя, совершенно новенькій судокъ для водки и у одной знакомой достала гирную и прекрасную скатерть и дюжины полторы салфетокъ.

Въ восемь часовъ все было готово. Хозяровъ принималъ всѣхъ въ легонькомъ пальто и, какъ надобно ожидать отъ свѣтскаго человѣка, былъ очень вѣжливъ къ гостямъ. Сибариту, одѣтому въ его собственный сюртукъ, онъ сжалъ дружески обѣ руки, съ музыкантомъ даже поцѣловался; Ѳерапонту Григорьичу, поблагодаря за лакея, какъ и слѣдуетъ, оказалъ исключительное почтеніе и тотчасъ же просилъ его сѣсть на диванъ. У каждой изъ неопредѣленныхъ личностей пожалъ по рукѣ съ прибавленіемъ: «очень радъ васъ видѣть, господа!». Что касается до гостей, то Ѳерапонтъ Григорьичъ сохранялъ какую-то насмѣшливую мину и былъ очень важенъ; музыкантъ немного дикъ: поздоровавшись съ хозяиномъ, онъ тотчасъ же усѣлся въ уголъ; двѣ неопредѣленныя личности, одна въ тепломъ пальто, а другая во фракѣ бутылочнаго цвѣта, были таинственны; сибаритъ веселъ и только немного женировался тѣмъ, что хозяйскій сюртукъ былъ не совсѣмъ впору и сильно тянулъ его руки назадъ. Ванька, въ сопровожденіи Татьяны Ивановны, внесъ чай со стаканами, между которыми уже красовалась бутылка съ ромомъ.

— Прямо пригласите пуншемъ,—шепнула Хозарову Татьяна Ивановна, знавшая лучше его наклонности своихъ жильцовъ.

Хозаровъ сдѣлалъ гримасу.

— Господа, прошу начинать съ пунша,—сказалъ онъ:—я человѣкъ холостой; у меня чай дурной, но ромъ долженъ быть порядочный. Ѳерапонтъ Григорьичъ, сдѣлайте одолженіе.

— Нѣтъ-съ, благодарю; я не пью пуншу,—отвѣчалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ.—«Нѣтъ, братъ, не надуешь,—думалъ онъ самъ про себя:—ты, пожалуй, напоишь да и обдѣлаешь. Этакій здѣсь народецъ,—продолжалъ разсуждать самъ съ собою помѣщикъ, осматривая гостей:—какія у всѣхъ рожи-то нечеловѣческія: образина на образинѣ! Хозяинъ лучше всѣхъ съ лица: хватъ малый; только, должно-быть, страшная плутина!»

Другіе гости не отказались, подобно Ѳерапонту Григорьичу; они всѣ сдѣлали себѣ по пуншу и принялись пить.

Хозаровъ, какъ человѣкъ порядочнаго тона, началъ чувствовать скуку въ подобномъ обществѣ; съ досады на себя, что ни съ того ни съ сего затѣялъ подобный глупый зовъ,

онъ и самъ рѣшился пить и спросилъ себѣ пуншу. Черезъ нѣсколько минутъ стаканы были пусты, но окончаніи которыхъ почти у всѣхъ явилось желаніе покурить. Довольно полный комплектъ хозяйскихъ чубуковъ мгновенно былъ разобранъ, и комната въ нѣсколько минутъ наполнилась непроницаемымъ дымомъ. Между тѣмъ распорядительная Татьяна Ивановна поднесла гостямъ новый пуншъ, который тоже былъ принятъ всѣми, и даже Ѳерапонтъ Григорьичъ соблазнился и рѣшился выпить съ *ромашкой*. Самъ хозяинъ тоже не отставалъ отъ гостей. Разговоръ оживился.

Черноволосая личность подошла къ Хозарову и просила составить для него и для бѣловолосаго пріятеля партію въ преферансъ. Хозаровъ съ своей стороны былъ готовъ, но только не отыскалось третьяго партнера. Сибаритъ началъ ходить по комнатѣ и мурлыкать какую-то пѣсню. Ѳерапонтъ Григорьичъ тоже оживился и, подозвавъ къ себѣ своего Ваньку, велѣлъ подать себѣ еще пуншу. Но неусыпная дѣвица Замшева видѣла и замѣчала все; она сама, въ собственныхъ рукахъ, поднесла старому милашкѣ стаканъ съ крѣпчайшимъ пуншемъ, одѣля таковымъ же и прочую компанію. Всѣ сдѣлались неимовѣрно живы и веселы; всѣ закурили и заговорили, даже музыкантъ началъ что-то нашептывать на ухо Татьянѣ Ивановнѣ. Хозаровъ тоже замѣтно подгулялъ.

— Господа! — сказалъ онъ, вставая съ своего мѣста: — я вамъ очень обязанъ за сегодняшнее посѣщеніе и надѣюсь, что съ этого дня могу васъ считать своими товарищами.

— Идетъ! —отвѣчалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ, уже окончательно перемѣнившій свое мнѣніе о Хозаровѣ.

— Конечно, можете,—отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— Господа! Я, можетъ-быть, на-дняхъ буду имѣть нужду въ вашей помощи, потому что думаю увезти дѣвушку, и васъ, какъ товарищей, буду просить помочь мнѣ.

— Браво!.. — закричалъ сибаритъ, оканчивая уже третій стаканъ.

— Я готовъ,—замѣтилъ разговорившійся музыкантъ, который, по расположенію Татьяны Ивановны, справлялся уже съ пятымъ стаканомъ.

— Пожалуй, — проговорили вмѣстѣ двѣ неопредѣленныя личности.

— Ну, знаете, я бы и готовъ, но вѣдь мнѣ быть...—сказалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ.

— Я не смѣю васъ и безпокоить. Вы женатый человѣкъ; а всѣ женатые для меня священныя особы: они неприкосновенны! Но дѣло въ томъ, что я въ одну прекрасную лунную ночь...

На этомъ словѣ Хозаровъ остановился, потому что въ комнату вбѣжала Татьяна Ивановна.

— Антонъ Ѳедотычъ,—сказала она.

— Бога ради, господа, ни слова о томъ, что̀ я говорилъ! Это отецъ моей невѣсты.

Едва успѣлъ проговорить эти слова хозяинъ, какъ въ дверяхъ номера, сквозь табачный дымъ, обрисовалась колоссальная фигура Антона Ѳедотыча.

— Фу, какъ накурено,—сказалъ гость:—видно, что кавалерійская компанія. Здравія желаемъ,—проговорилъ онъ, подходя къ хозяину.—Мое почтеніе, господа,—проговорилъ онъ, раскланиваясь съ гостями.—Очень радъ, что имѣлъ удовольствіе застать васъ дома и, какъ вижу, въ такомъ пріятномъ обществѣ.

— Очень радъ, мой драгоцѣннѣйшій Антонъ Ѳедотычъ, — проговорилъ хозяинъ. — Прошу садиться. Не прикажете ли трубки... пуншу?

— Трубки и пуншу, т.-е. того и другого?.. Можно-съ... — произнесъ Ступицынъ.—Извините,—прибавилъ онъ, немного задѣвъ музыканта, который съ большимъ любопытствомъ осматривалъ новаго гостя и вертѣлся около него.

— Иванъ! Трубки и пуншу сюда!—сказалъ хозяинъ.—Позвольте мнѣ вамъ представить: Ѳерапонтъ Григорьичъ Телятинъ!.. Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ!..—проговорилъ хозяинъ, желая познакомить двухъ помѣщиковъ.

— Очень пріятно,—сказалъ Ступицынъ.

— Весьма радъ вашему знакомству, — отвѣчалъ Телятинъ; и оба они помѣстились на диванѣ.

Антону Ѳедотычу сейчасъ были предоставлены и трубка и пуншъ; но онъ на этотъ разъ былъ нѣсколько страненъ, потому что, вмѣсто того, чтобы приняться за пуншъ и войти въ разговоры съ Ѳерапонтомъ Григорьичемъ, онъ всталъ, кивнулъ какъ-то таинственно головою хозяину и вышелъ изъ комнаты. Хозаровъ, разумѣется, тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ.

— Извините меня, — сказалъ Ступицынъ: — я имѣю къ вамъ маленькій секретъ: я слышалъ — на-дняхъ вы дѣлали честь моей младшей дочери, и жена моя ничего вамъ не сказала окончательнаго. Я, конечно, какъ только узналъ, тотчасъ все это рѣшилъ. Теперь она сама пишетъ къ вамъ и проситъ васъ завтрашній день пожаловать къ намъ...

Съ этими словами Ступицынъ подалъ Хозарову записку Катерины Архиповны, который, прочитавъ ее, бросился обнимать будущаго тестя.

— Вамъ бы надобно было дѣйствовать не такъ,—говорилъ Ступицынъ: — вамъ бы прямо тогда же сказать мнѣ; я бы сдѣлалъ это сейчасъ; но вѣдь, знаете, онѣ — женщины, очень мнительны, боятся и сомнѣваются во всякихъ пустякахъ.

— Антонъ Ѳедотычъ!—началъ съ чувствомъ Хозаровъ.—Я не могу теперь вамъ выразить, какъ я счастливъ и какъ одолженъ вами; а могу только просить васъ выпить у меня шампанскаго. Сегодня я этимъ господамъ дѣлаю вечерокъ; хочется ихъ немного потѣшить: нельзя!.. Люди очень добрые, но бѣдные... Живутъ безъ всякаго почти развлеченія... наша почти обязанность—людей съ состояніемъ—доставлять удовольствія этимъ бѣднякамъ.

— Я тоже такого характера, — отвѣчалъ Ступицынъ: — и мнѣ очень пріятно, что мы сходимся съ вами въ этомъ отношеніи. Богъ дастъ, со временемъ мы будемъ затѣвать этакія, знаете, маленькія пирушки; это, по моему мнѣнію, очень пріятно.

— Послушайте, Антонъ Ѳедотычъ, я сегодня такъ счастливъ, такъ счастливъ, что даже ничего не понимаю. Пойдемте!.. Я надѣюсь, что вы у меня будете пить.

— Выпьемъ-съ, потому что я въ жизнь мою еще не отказывалъ ни въ чемъ моимъ знакомымъ; но только напередъ ваше честное слово: Катерина Архиповна велѣла непремѣнно просить васъ завтрашній день откушать у насъ. Будете?

— Буду, конечно, буду. Неужели же вы думаете, что я не буду? Меня зовутъ въ рай, а я не пойду... Это было бы сумасшествіе съ моей стороны.

Будущій тесть и зять еще разъ поцѣловались и вошли въ номеръ.

— Шампанскаго!..—закричалъ Хозаровъ.

— Напередъ бы водки,—замѣтилъ Ступицынъ, принимаясь за свой стаканъ пуншу.

— Ахъ, да... Татьяна Ивановна!.. Почтеннѣйшая! Пожалуйте намъ водки!

Водка и закуска, конечно, были давно уже приготовлены, и приготовлены самымъ порядочнымъ образомъ: кромѣ того, что закуска состояла изъ колбасы, сельдей, сыру, миногъ, къ ней поданы были еще роскошное блюдо сосисокъ подъ капустою и полдюжины жареныхъ голубей. Антонъ Ѳедотычъ первый принялся за водку; пожелавъ всѣмъ гостямъ всякаго счастья въ мірѣ, онъ залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки, затѣмъ рюмку вина, еще рюмку вина, и потомъ, освѣжившись рюмкою водки, принялся за роскошное блюдо съ сосисками. Прочіе гости тоже не положили охулки на руку. Два гра-

фина водки, четыре бутылки вина, колбаса, сельди и все прочее мгновенно было уничтожено. Очередь наконецъ дошла и до шампанскаго. Хозяровъ распорядился первоначально только на три бутылки вдовы Клико, но, разгулявшись, велѣлъ принести еще полдюжины. Антонъ Ѳедотычъ разговорился до-нельзя и, познакомившись на короткую ногу со всѣми и разсказавъ каждому что-нибудь интересное про себя, объявилъ, что у него на-дняхъ будетъ особенный случай, и что онъ тогда поставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность просить всѣхъ господъ пожаловать къ нему откушать, надѣясь угостить ихъ удивительною бѣлорыбицею, купленною чрезъ одного давнишняго его комиссіонера въ самомъ устьѣ Волги. Окончаніе вечера было очень весело: всѣ пѣли хоромъ; музыкантъ единогласно былъ избранъ въ регенты. Сибаритъ и Татьяна Ивановна тянули дисканта; двѣ неопредѣленныя личности пѣли теноромъ; хозяинъ изображалъ альта; Антонъ Ѳедотычъ и Ѳерапонтъ Григорьичъ, равнымъ образомъ какъ и самъ регентъ, держали баса. Пѣли первоначально: «Въ старину живали дѣды», потомъ «Лучинушку» и наконецъ: «Мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ»; все это не совсѣмъ удавалось хору, который однако весьма хорошо поладилъ на старинной, но прекрасной пѣснѣ: «Въ темномъ лѣсѣ, въ темномъ лѣсѣ» и проч. Антонъ Ѳедотычъ началъ отпускать удивительныя штуки: не ограничиваясь тѣмъ, что пилъ со всѣми очередную, онъ схватилъ цѣлую бутылку шампанскаго и взялся ее выпить, не переводя духа, залпомъ, — и дѣйствительно всю почти вытянулъ мгновенно; но на самомъ уже концѣ поперхнулся, фыркнулъ на всю честную компанію, пошатнулся и почти безъ памяти упалъ на диванъ. Къ Татьянѣ Ивановнѣ всѣ были необыкновенно вѣжливы: даже черноволосая личность начала съ нею заигрывать; но ревнивый музыкантъ остановилъ его и чуть-было не сочинилъ исторіи. Гости разошлись часу въ пятомъ. Антонъ Ѳедотычъ прежде всѣхъ уснулъ на диванѣ. Всѣ вообще были очень довольны: даже Ѳерапонтъ Григорьичъ ушелъ въ самомъ миротворномъ расположеніи духа и, при прощаніи, цѣловался со всѣми.

VII.

Какъ ни подгулялъ Антонъ Ѳедотычъ, но, озабоченный порученіемъ Катерины Архиповны, проснулся гораздо ранѣе своего хозяина и началъ ломать свою голову, какую бы выдумать передъ женой благовидную причину, вслѣдствіе которой онъ не ночевалъ дома. Но—увы!—голова Антона Ѳедотыча имѣла то несчастное свойство человѣческихъ головъ,

что, послѣ всякой пріятельской пирушки, не только не въ состояніи была ничего порядочнаго изобрѣсть, но даже съ толкомъ отвѣчать на вопросы. Долго Антонъ Ѳедотычъ дѣлалъ усиліе, чтобы заставить вмѣстилище разума мыслить, но оно не повиновалось и только болѣло во всевозможныхъ углахъ.

«Что будетъ, то будетъ»,—подумалъ Ступицынъ и, приведя, сколько возможно, свою наружность въ приличный видъ, отправился держать отвѣтъ передъ супругой.

Катерина Архиповна была въ сильномъ безпокойствѣ и страшномъ ожесточеніи противъ мужа, который вмѣсто того, чтобы, по ея приказанію, отдать Хозарову письмо и развѣдать аккуратнѣе, какъ тотъ живетъ, есть ли у него состояніе, какой у него чинъ, — не только ничего этого не сдѣлалъ, но даже и самъ куда-то пропалъ. Ощущаемое ею безпокойство тѣмъ было сильнѣе, что и Мари, знавшая, куда и зачѣмъ посланъ папенька, ожидала его возвращенія съ большимъ нетерпѣніемъ и даже всю ночь, бѣдненькая, не спала и заснула только къ утру.

Часу въ девятомъ Антонъ Ѳедотычъ наконецъ явился и, предчувствуя неминуемую грозу, хотѣлъ приласкаться къ Катеринѣ Архиповнѣ и подошелъ-было къ ея рукѣ, но рука была отдернута.

— Это что такое значитъ? Откуда вы изволили пожаловать?.. Боже мой! Что это у васъ за лицо? Посмотрите, пожалуйста, въ зеркало, какова ваша физіономія.

— Что физіономія?.. — спросилъ Ступицынъ.

— Да то физіономія; совершенно, какъ у мужика послѣ праздника. Пили, что ли, вы всю ночь?

— Ничего физіономія.

— Вотъ прекрасно—ничего... весь опухъ... и ничего!

— Я угорѣлъ,—отвѣчалъ невпопадъ Ступицынъ.

— Онъ угорѣлъ; скажите ради Бога, онъ угорѣлъ!.. Гдѣ же это вы изволили угорѣть? Гдѣ вы ночевали-то? Отчего вы домой не пришли?

— Угорѣлъ...

— Да что вы такое говорите! Мнѣ кажется, вы ничего не понимаете; я васъ спрашиваю, гдѣ вы ночевали?

— У Хозарова.

— Да развѣ я васъ ночевать туда посылала?.. Что я вамъ говорила? Что поручила? Помните ли вы это?.. Отдали ли, по крайней мѣрѣ, письмо, которое я съ вами посылала?

— Письмо?.. Письмо отдалъ.

— А узнали ли, что я вамъ говорила?

— Извѣстно, что узналъ.

— Ну, разсказывайте!

Какъ ни ломалъ Антонъ Ѳедотычъ свою странную голову для того, чтобы изобрѣсть какой-нибудь приличный отвѣтъ, но ничего не могъ придумать.

— Что̀ разсказывать-то?..—произнесъ онъ.

— Господи Боже мой! — воскликнула, всплеснувъ руками, Катерина Архиповна:—это превосходитъ всякое терпѣніе: человѣкъ вы или нѣтъ, милостивый государь? Похожи ли вы хоть на животное-то? И тѣ о щенкахъ своихъ попеченіе имѣютъ, а въ васъ и этихъ-то чувствъ нѣтъ... Подите вы отъ меня куда-нибудь; не терзайте по крайней мѣрѣ вашей физіономіей. Великое дѣло поручила отцу семейства: подробнѣе разсмотрѣть, какъ живетъ, гдѣ, и что̀, и какъ? Такъ и этого-то не сумѣлъ и не хотѣлъ сдѣлать.

— Я вамъ говорю, что я разсмотрѣлъ...—возразилъ Антонъ Ѳедотычъ.

— Что̀ же вы разсмотрѣли?

— Все разсмотрѣлъ, все отлично.

— Велика квартира?

— Велика.

— Сколько комнатъ?

— Одна.

— Какъ? Велика—и одна? Да что̀ вы такое говорите? Съ ума, что ли, вы сошли? Или еще не проспались?

— Ну, ладно-съ! — возразилъ Антонъ Ѳедотычъ, всталъ и пошелъ.

— Постойте!.. Куда же вы идете?.. Скажите по крайней мѣрѣ: будетъ ли Сергѣй Петровичъ сегодня?

— Будетъ, непремѣнно пріѣдетъ,— отвѣчалъ Антонъ Ѳедотычъ и вышелъ.

Странная голова его мало того, что ничего не понимала, но начала еще кружиться, такъ что Ступицынъ почувствовалъ необходимую потребность выйти на свѣжій воздухъ.

— Этакій отвратительный человѣкъ, — говорила Катерина Архиповна:— вѣроятно, тотъ обрадовался и послалъ за шампанскимъ, а этотъ безобразный уродъ и напился.

Часовъ въ десять Мари проснулась, и первый ея вопросъ, который она сдѣлала матери, былъ: возвратился ли папенька, и пріѣдетъ ли сегодня Сергѣй Петровичъ?

— Пріѣдетъ, другъ мой, непремѣнно пріѣдетъ, — отвѣчала старуха.

Мари тотчасъ встала, спросила себѣ чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ и потомъ начала одѣваться. Она потребовала себѣ свое

любимое шелковое платье и вообще туалетомъ своимъ очень много занималась; Пашетъ и Анетъ, интересовавшіяся знать, что̀ такое происходитъ между папенькой, маменькой и Мари, подслушивали то у тѣхъ, то у другихъ дверей и наконецъ начали догадываться, что врядъ ли дѣло идетъ не о сватовствѣ Хозарова къ Мари, и обѣ почувствовали страшную зависть, особенно Анетъ, которая все время оставалась въ пріятномъ заблужденіи, что Хозаровъ интересуется собственно ею. Катерина Архиповна ушла къ себѣ въ комнату, затворилась и начала молиться. Антонъ Ѳедотычъ, чѣмъ болѣе странная голова его приходила въ нормальное состояніе, тѣмъ яснѣе началъ сознавать, въ какой мѣрѣ онъ дурно исполнилъ возложенное на него порученіе, и что ему непремѣнно послѣдуетъ отъ супруги брань, и брань такого сорта, какой онъ никогда еще не получалъ, потому что дѣло шло объ идолѣ, а въ этомъ случаѣ Катерина Архиповна не любила шутить.

Поразду̀мавшись, онъ рѣшился на цѣлый день дать куда-нибудь тягу и явиться домой въ то время, какъ у Катерины Архиповны поуходится сердце.

Въ одиннадцать часовъ всѣ дамы, въ ожиданіи торжественнаго представленія жениха, были одѣты наряднѣе обыкновеннаго и сидѣли по своимъ обычнымъ мѣстамъ. Всѣ онѣ, конечно, испытывали весьма различныя ощущенія. Старуха въ своей комнатѣ была грустна, Мари сидѣла съ нею; она была весела, но взволнована; въ сердцахъ Пашетъ и Анетъ, сидѣвшихъ въ залѣ, бушевали зависть и досада.

Женихъ подъѣхалъ въ щегольской парной каретѣ, изъ которой проворно выскочилъ, и, взбѣжавъ на крыльцо, сбросилъ свою шубу сопровождавшему его лакею и вошелъ. Пашетъ и Анетъ сухо ему поклонились; онъ прошелъ къ Катеринѣ Архиповнѣ. При появленіи его Мари вся вспыхнула; старуха силилась улыбнуться. Герой мой былъ тоже нѣсколько взволнованъ и даже сѣлъ на предлагаемый ему стулъ не съ обычною ему ловкостью и свободою. Катерина Архиповна посмотрѣла на дочь; та поняла и вышла. Нѣсколько минутъ мать и женихъ сидѣли молча. Хозаровъ, очень хорошо уже понявъ, что въ семействѣ рѣшено дать ему слово, рѣшился не начинать первый; а старухѣ, кажется, было тяжело начать говорить о томъ, чего она не желала бы даже и во снѣ видѣть.

— Вы сердитесь на меня, Сергѣй Петровичъ? — проговорила она.

— Напротивъ: я считаю за счастье, — отвѣчалъ Хозаровъ.

— Вы такъ меня тогда удивили, что я даже вдругъ хоро-

шенько сообразиться не могла и, какъ мать, даже испугалась.

— Я очень понимаю, Катерина Архиповна, ваши чувства— и даже самъ бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ точно такимъ же образомъ. Въ настоящемъ случаѣ позвольте мнѣ, Катерина Архиповна, попросить у васъ извиненія въ моей дерзости. Что дѣлать. Любовь заставляетъ насъ иногда забывать общественныя условія.

— Скажите мнѣ одно, Сергѣй Петровичъ, вы любите Мари?— спросила Ступицына.

— Катерина Архиповна! — отвѣчалъ Хозаровъ, прижавъ руку къ сердцу:—есть чувства, которыхъ человѣкъ не въ состояніи выразить словами. Мнѣ не выразить моихъ чувствъ словами, я могу только сознавать ихъ въ сердцѣ.

— Да постоянно ли вы будете любить ее, не перемѣнитесь ли?

— Перемѣна во мнѣ можетъ произойти тогда только, когда изъ этой груди вынутъ мое сердце и вмѣсто него поставятъ чье-нибудь другое.

— Это всѣ женихи, Сергѣй Петровичъ, говорятъ такъ, а какъ женятся, такъ и выходитъ другое.

— Зачѣмъ же смѣшивать себя съ толпою? Почему же не быть исключеніемъ? Я, Катерина Архиповна, не мальчикъ; я много жилъ и много размышлялъ. Я видѣлъ уже свѣтъ и людей и убѣдился, что человѣкъ можетъ быть счастливъ только въ семейной жизни... Да и неужели же вы думаете, что кто бы это ни былъ, женясь на Марьѣ Антоновнѣ, можетъ разлюбить это дивное существо: для этого надо быть не человѣкомъ, а какимъ-то звѣремъ безчувственнымъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, это и не звѣри, а люди дѣлаютъ; мало ли мы видимъ примѣровъ: мужья разлюбляютъ прекрасныхъ женъ и мѣняютъ ихъ Богъ знаетъ на кого.

— Клянусь моей любовью къ Марьѣ Антоновнѣ, которая, конечно, для меня дороже всего, клянусь этою любовью, что я всю жизнь буду любить ихъ!—произнесъ Хозаровъ.

Разговоръ на нѣсколько времени прекратился.

— Вотъ еще что я хотѣла сказать, Сергѣй Петровичъ, — начала старуха: — мы небогаты: у Мари всего бабушкина усадьба съ какими-нибудь...

— Бога ради, Катерина Архиповна, не говорите мнѣ объ этихъ вещахъ, которыхъ я и знать не хочу, — перебилъ Хозаровъ, очень, впрочемъ, довольный, что услыхалъ о бабушкиномъ состояніи: — я женюсь только на вашей дочери и желаю только владѣть ими, а больше мнѣ ничего не надобно.

— Очень вѣрю, Сергѣй Петровичъ, вашему благородству, и повѣрьте, что я награжу Машеньку, и награжу больше, чѣмъ даже слѣдуетъ по нашему состоянію, но достаточно ли это будетъ для семейной жизни?.. Имѣете ли вы сами состояніе?

— Я имѣю и свое состояніе... вы видите, я живу—и живу въ столицѣ,—отвѣчалъ Хозаровъ:—но этого мало: имѣю же я нѣкоторыя способности, которыя могу употребить на службу?.. И наконецъ у меня, Катерина Архиповна, двѣ здоровыя руки, которыя готовы носить каменья для того только, чтобы сдѣлать Марью Антоновну счастливою.

— Не обманывайте меня, Сергѣй Петровичъ, вся моя жизнь, все мое счастье только въ ней. Я не знаю, что со мною будетъ, если увижу, что я ошиблась; она еще молода, она сама не понимаетъ, какой дѣлаетъ теперь важный шагъ, но я мать; я должна ею руководить.

Въ продолженіе этой рѣчи у старухи навернулись на глазахъ слезы. Хозаровъ тоже былъ, кажется, растроганъ и прижалъ къ глазамъ платокъ.

— Я ничего не могу говорить и только благоговѣю передъ вашими материнскими чувствами,—отвѣчалъ онъ.

— Поклянитесь мнѣ еще, что вы сдѣлаете ее счастливою,— сказала Катерина Архиповна, взявъ героя моего за руку.

— Еще разъ клянусь моею любовью сдѣлать вашу дочь счастливою!—произнесъ Хозаровъ.

— Берите ее — она ваша,— сказала старуха и, зарыдавъ, упала на диванъ.

Хозаровъ между тѣмъ взялъ руку будущей маменьки и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее съ чувствомъ. Далѣе затѣмъ призвана была Мари. Катерина Архиповна, не переставая плакать, объявила дочери о предложеніи Хозарова. Мари сконфузилась и бросилась обнимать мать, а потомъ подала жениху руку, которую тотъ, какъ водится, страстно поцѣловалъ. Въ слѣдующей затѣмъ бесѣдѣ Сергѣй Петровичъ, бывъ нѣженъ съ невѣстою, въ то же время старался какъ можно болѣе изъявлять почтенія и глубокаго уваженія къ Катеринѣ Архиповнѣ и началъ ее уже именовать belle mère. Онъ не позабылъ также и своихъ будущихъ belles soeurs и съ ними, по-родственному, очень мило шутилъ, обѣщаясь на будущее время подмѣчать, кто имъ нравится, и нынѣшнею же зимою выдать ихъ замужъ. На это обѣ дѣвицы объявили, что онѣ еще не хотятъ замужъ; но Хозаровъ, по правамъ близкаго родственника, обѣщалъ, какъ дѣлалось это въ старину, выдать ихъ насильно и уморительно описалъ эту сцену, какъ пове-

зетъ онъ ихъ съ связанными руками въ церковь вѣнчать. Обѣ дѣвицы, несмотря на чувствуемую зависть, расхохотались и утвердительно сказали, что не дадутъ себя связывать; однимъ словомъ, въ это утро герой мой успѣлъ до невѣроятности всѣмъ понравиться. Невѣста, какъ мы и прежде еще знали, его обожала; Пашетъ и Анетъ остались весьма довольными его любезностью и вниманіемъ; даже сама Катерина Архиповна начала его понимать въ другомъ смыслѣ; изъ предыдущей сцены она убѣдилась, что будущій зять очень любитъ Мари, потому что онъ не только самъ не спросилъ о приданомъ, но и ей не далъ договорить объ этомъ предметѣ. Заискавъ такимъ образомъ во всѣхъ членахъ семейства, Сергѣй Петровичъ началъ просить позволенія—съѣздить на нѣсколько времени домой и распорядиться по нѣкоторымъ экстреннымъ домашнимъ дѣламъ, обѣщаясь въ шесть часовъ вечера явиться на пріятнѣйшее для него дежурство у ногъ невѣсты.

Откровенно говоря, Хозаровъ не имѣлъ никакихъ экстренныхъ дѣлъ; но ему хотѣлось побывать у Варвары Александровны, разсказать ей, что съ нимъ случилось, и порисоваться передъ нею своими пылкими чувствами.

Мамилова очень обрадовалась пріѣзду друга.

— Гдѣ вы и что съ вами? — спросила она гостя, подавая ему руку.

— Судьба моя рѣшена—я женюсь,—отвѣчалъ тотъ.

— Право? Какимъ же образомъ это случилось?

— И самъ не знаю; вчера получилъ пригласительную записку, а сегодня дано и слово.

— Слава Богу, опомнились; это было бы съ ихъ стороны просто сумасшествіе — отказать вамъ. Ну, что же вы, счастливы теперь?

— Я не понимаю еще хорошенько, что со мною; у меня какъ-то замерло сердце, и я ничего ясно не могу ни чувствовать ни понимать.

— Вотъ вы мужчина, а говорите, что у васъ замерло сердце; что же должна чувствовать женщина въ эти страшныя для нея минуты! Что ваша невѣста—весела?

— Да, она очень весела; она еще очень молода и потому безпечна.

— Нѣтъ, это не потому, что молода, но она любитъ васъ... Ахъ, какъ это первое время тяжело для тѣхъ женщинъ, которыя идутъ не по любви! Послѣ какъ-то свыкнешься съ этою мыслью, но вначалѣ—это ужасно.

— Что вы, Варвара Александровна, чувствовали въ это время?

— Что я чувствовала?..—отвѣчала со вздохомъ и нѣсколько смутившись хозяйка:—я ничего не чувствовала; я была тогда глупа, слѣпа, нѣма; я выходила, или, лучше сказать, это выходила замужъ не я, а кто-то другая; я не понимала, что я для жениха моего такъ, игрушка, временная забава, и уже послѣ, гораздо позже, когда воротить было невозможно, я поняла, что такое мужчина, и особенно мужчина въ сорокъ лѣтъ. Но, впрочемъ, не спрашивайте меня: зачѣмъ вамъ знать исторію моего сердца, она скучна и неинтересна; я могу только сказать, что я не живу, а прозябаю.

— Знаете ли, что я думаю? Вамъ, съ вашей поэтической душой, не слѣдовало бы выходить замужъ.

— Это почему вы такъ думаете?

— Потому, что вы такъ умны; ваше сердце столько возвышенно, что вамъ изъ мужчинъ нѣтъ равнаго: они всѣ ниже васъ.

— Ахъ, какъ вы ошибаетесь, Сергѣй Петровичъ! Какъ мало нужно для моего великаго ума и для моего возвышеннаго сердца—одна любовь и больше ничего... Любовь, если хотите, среди бѣдности, но живая, страстная любовь; чтобы человѣкъ понималъ меня, чувствовалъ каждое біеніе моего сердца, чтобы онъ, изъ симпатіи, скучалъ, когда мнѣ скучно, чтобы онъ былъ веселъ моимъ весельемъ. Вотъ что бы надобно было, и я сочла бы себя счастливѣйшей въ мірѣ женщиной.

— Неужели же Левъ Павловичъ не отвѣчаетъ на ваши прекрасныя требованія? Неужели онъ вашимъ благороднымъ стремленіямъ не сочувствовалъ?

— Левъ Павловичъ?.. Левъ Павловичъ, какъ и всѣ мужчины: онъ съ самыхъ первыхъ поръ или скучалъ, или даже смѣялся надъ моими стремленіями. Онъ окружалъ меня богатствомъ, удовлетворялъ мои прихоти, впрочемъ, всегда съ оговорками, и потому полагалъ, что уже все сдѣлалъ, что я даже не должна смѣть ничего желать болѣе. Но, Бога ради, не спрашивайте меня: видьте во мнѣ вашего друга... старуху, которая вамъ желаетъ счастья... и больше ничего! Разскажите мнѣ лучше что-нибудь про себя: когда вы думаете назначить свадьбу?

— Я, съ своей стороны, буду настаивать какъ можно скорѣе: знаете, любовь нетерпѣлива...

— Да, кончайте эту скучную процедуру скорѣе, будутъ толки, сплетни, и зачѣмъ вамъ допускать подобныя пошлости въ вашемъ бракѣ, который не долженъ походить на другія свадьбы? Гдѣ вы думаете послѣ жить?

— Безъ сомнѣнія, въ Москвѣ, — отвѣчалъ Хозаровъ.—Неужели же ѣхать въ эту ужасную провинцію?

— Не забывайте вашихъ старыхъ друзей, а въ томъ числѣ и меня,—сказала Мамилова.

Хозаровъ всталъ и поцѣловалъ у ней руку.

— То, что вы сдѣлали для меня, — сказалъ онъ съ чувствомъ: — такъ заключено глубоко въ моемъ сердцѣ, такъ срослось съ этимъ сердцемъ, что одна только смерть можетъ уничтожить чувство благодарности... одно это одолженіе деньгами...

— Не говорите, пожалуйста, объ этихъ пустякахъ,—перебила хозяйка.—Знаете ли что? Я не люблю денегъ и считаю ихъ рѣшительно за какіе-то пустяки: по-моему, кажется, отдать кому деньги или самому у кого-нибудь взять — это такая обыкновенная вещь, о которой не стоитъ и думать.

— Я въ этомъ несогласенъ съ вами. Деньги — рычагъ всего. При деньгахъ можно все сдѣлать.

Мамилова сомнительно покачала головой.

— Не спорьте, Варвара Александровна, въ этомъ, а лучше скажите мнѣ: чего нельзя сдѣлать для своего удовольствія на деньги!

— А, напримѣръ, найти, милостивый государь, друга,—перебила рѣзко хозяйка. — Найдите съ вашими всемогущими деньгами друга!

— Да, это другое дѣло; но, впрочемъ, есть пословица, что съ деньгами и друзей много.

— Не друзей, Сергѣй Петровичъ, а льстецовъ, вы хотите, вѣрно, сказать. Но друга, истиннаго друга не купите вы на деньги.

— Зачѣмъ же такъ углубляться въ жизнь. Мы можемъ и льстецовъ считать за друзей; есть прекрасные на этотъ предметъ стихи: «у дружбы есть двойчатка лесть: онѣ съ лица отчасти схожи».

— Ну, Богъ съ ними—и съ деньгами и съ лестью,—все это не моего романа. Скажите лучше мнѣ, какъ вы думаете вести себя съ вашей будущей женой?

— То-есть какъ?—спросилъ Хозаровъ:—какъ обыкновенно, я полагаю, обращаются люди образованные, когда они любятъ.

— Бога ради, не обращайтесь такъ, какъ обращаются образованные и умные мужья. Это значитъ, съ перваго же раза, начать передѣлывать молоденькое и покорное существо на свой ладъ. Оно, конечно, будетъ повиноваться и поддѣлываться подъ ваши понятія; но въ то же время оно будетъ убивать самоё себя. Ведите себя просто, какъ Богъ васъ создалъ, занимайтесь съ этимъ молоденькимъ созданіемъ пустяками, которые ее занимаютъ, болтайте съ ней, играйте. Что вы

смотрите на меня съ удивленіемъ? Если вы любите ее, то вамъ самимъ будетъ весело; а если нѣтъ, то и говорить нечего. Повѣрьте мнѣ, что если вы хотите быть счастливымъ въ вашемъ бракѣ, то и не должны себя вести иначе.

— Я люблю мою невѣсту,—и изъ этого слова можете ясно заключить, какъ я буду вести себя.

Долго еще продолжалась бесѣда между женихомъ и Варварой Александровной. Брачныя отношенія были разобраны ими въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ: много, конечно, Варвара Александровна, обладающая такимъ умомъ, высказала глубокихъ и серьезныхъ истинъ; много и герой мой, тоже обладавшій даромъ слова, сдѣлалъ прекрасныхъ замѣчаній; но я не рѣшаюсь передать во всей подробности разговоръ ихъ, потому что боюсь утомить читателя, и скажу только, что Хозаровъ отобѣдалъ у Мамиловой и уѣхалъ отъ нея часу въ шестомъ. Домой заѣхалъ онъ на минуту для того только, чтобы, пользуясь свободою жениха, перемѣнить свой фракъ на сюртукъ. Здѣсь, конечно, явилась къ нему другой его другъ— Татьяна Ивановна, и, конечно, Сергѣй Петровичъ поставилъ себѣ въ обязанность и ей объявить весьма подробно о всемъ томъ, что̀ касалось до женитьбы.

— Вотъ ваше дѣло обдѣлалось, слава Богу, хорошо,—сказала Татьяна Ивановна грустнымъ голосомъ: — а я все-таки осталась обижена; меня, можетъ-быть, не будутъ и въ домъ къ себѣ пускать.

— Вотъ пустяки, — кто изъ нихъ смѣетъ это подумать, я всѣхъ ихъ заставлю васъ уважать!

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, это невозможно, — возразила Татьяна Ивановна.

— А вотъ посмотрите,—отвѣчалъ Хозаровъ.

Въ шесть часовъ онъ отправился на пріятнѣйшее для него дежурство, гдѣ невѣста и Катерина Архиповна ожидали его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Впрочемъ, герой мой, какъ слѣдуетъ влюбленному жениху, заѣхалъ первоначально къ Люке и взялъ тамъ фунтовъ десять различныхъ сортовъ конфетъ. Пріѣхавъ, онъ былъ неимовѣрно милъ; зная изъ прежнихъ разговоровъ, что Катерина Архиповна очень любитъ грецкіе орѣхи въ сахарѣ, будущій зять не преминулъ въ кондитерской отобрать для тещи штукъ тридцать конфетъ именно этого сорта; невѣстѣ были привезены цѣлые пять фунтовъ и сверхъ того въ прекрасномъ картонѣ; для Пашетъ и Анетъ у Хозарова тоже были приготовлены конфеты, но онъ имъ ихъ не показалъ, а объявилъ, что привезъ имъ жениховъ, которыхъ и держитъ покуда въ карманѣ. Пашетъ и Анетъ сначала помирали со

смѣху, а потомъ приступили къ нему, чтобы онъ показалъ и не держалъ бы несчастныхъ жениховъ въ карманѣ.

Хозаровъ долго мучилъ любопытныхъ двухъ дѣвицъ и наконецъ вынулъ и представилъ имъ женихов. Оказалось, что они были изъ краснаго леденца. Одинъ изъ нихъ, для Пашетъ, былъ, кажется, французскій кирасиръ въ шишакѣ и съ руками, сложенными на груди крестообразно; для Анетъ же— въ круглой шляпѣ и державшій руки на подобіе ферта. Кромѣ сего, къ обоимъ женихамъ было приложено по цѣлому фунту конфетъ.

Посмѣявшись и пошутивъ такимъ образомъ съ своими belles soeurs, Хозаровъ началъ заниматься съ невѣстою и вступилъ во всѣ права жениха. Первоначально онъ увелъ ее въ залу и, взявъ за талію, началъ съ нею ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Разговоръ между ними былъ слѣдующій:

— Итакъ, Мари, наши желанія увѣнчаются успѣхомъ,— сказалъ Сергѣй Петровичъ: — теперь я могу васъ спросить, давно ли вы меня любите?

— Давно... постойте... это именно съ того вечера, какъ, помните, въ К. на вечерѣ я танцовала съ вами польку.

— Вообразите, Мари, что̀ значитъ симпатія! Въ этотъ же вечеръ рѣшилась и моя участь: увидя васъ, я какъ будто переродился; во мнѣ вдругъ явилось желаніе жениться, чего мнѣ прежде и не снилось... Вся моя прошлая жизнь показалась мнѣ такъ пошла, такъ глупа, что я возненавидѣлъ самого себя.

— Что̀ это значитъ симпатія?—спросила Мари.

— О! Это слово имѣетъ большое въ жизни значеніе,—сказалъ Хозаровъ: — симпатія значитъ родство душъ; такъ что, если расторгнуть эти двѣ души, между которыми существуетъ симпатія, то жизнь ихъ будетъ неполна; въ каждой изъ нихъ какъ будто бы будетъ чего-то недоставать. Возьмите этотъ билетикъ, — продолжалъ онъ, развертывая конфетный билетикъ:—тутъ написано: «Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ, до гроба ты хранитель мой». Тутъ есть полная мысль, но разорвите его пополамъ: на одной половинѣ осталось: «я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ», а на другой—«до гроба ты хранитель мой». Хоть въ каждой есть смыслъ, но неполный, — таковъ смыслъ и двухъ разрозненныхъ душъ, связанныхъ симпатическимъ родствомъ.

Здѣсь герой мой остановился, замѣтя, что ужъ черезчуръ забрался въ отвлеченности, которыя Мари совсѣмъ не понимала, да и самъ онъ не очень ясно уразумѣвалъ то, о чемъ говорилъ.

— Кто живетъ на лунѣ?—спросила вдругъ Мари:—неужели и тамъ есть люди? Имъ, я думаю, холодно.

— Ну, Мари, этотъ вопросъ могутъ рѣшить только ученые.

— Неужели же они знаютъ, что̀ тамъ дѣлается!.. Это очень далеко.

— У нихъ для этого есть трубы, въ которыя они наблюдаютъ.

— Кисъ, кисъ, кисъ!..—вскрикнула Мари и, оставивъ жениха, бросилась къ двери, въ которой показался огромный рыжій котъ. — Сергѣй Петровичъ, посмотрите, какіе у него маленькіе глазки—и какія онъ славныя пѣсни поетъ, — прибавила она, взявъ кота на руки и поднося его къ Хозарову, который сначала погладилъ кота, а потомъ взялъ его за усы и потихоньку потянулъ. Котъ оскорбился и царапнулъ дерзкую руку. Хозаровъ отдернулъ. Маша покатилась со смѣху. Возня съ котомъ продолжалась около четверти часа: Мари гладила его, заставляла танцовать, поднявъ на заднія лапки, и наконецъ повязала ему голову носовымъ платкомъ, отчего у кота дѣйствительно сдѣлалась преуморительная физіономія, такъ что даже Сергѣй Петровичъ расхохотался.

Послѣ исторіи съ котомъ, рѣчь зашла о новой полькѣ-мазуркѣ, которую Сергѣй Петровичъ уже щегольски танцовалъ, но невѣста еще не знала. Хозаровъ началъ ее учить, и оказалось, что Мари весьма способна и понятлива для танцовальнаго дѣла: съ двухъ-трехъ разъ она выдѣлывала пà правильно и отчетливо. Отъ танцевъ щечки ея разгорѣлись; шелковая мантилья спала и открыла полную, бѣлую шею и грудь; черные глазки разгорѣлись еще живѣе, роскошные волосы распустившимися кудрями падали на плечи и на лобъ. Герой мой затрепеталъ, созерцая свою невѣсту, и потому, на правахъ жениха, посадилъ ее съ собою на диванъ, обнялъ и началъ цѣловать ея ручки, щечки, глазки, шейку и грудь. Мари слабо сопротивлялась. Въ это время чрезъ залу прошла Катерина Архиповна. Женихъ и невѣста сконфузились.

Катерина Архиповна ничего имъ не сказала, но, пройдя въ другую комнату, крикнула Анетъ и велѣла той итти сидѣть въ залѣ, и если куда нужно будетъ выйти, то послать туда сестру. Когда Анетъ пришла въ залу, женихъ и невѣста сидѣли все еще рядомъ, и Хозаровъ держалъ Мари за руку. Зависть, усыпленная на время любезностью Хозарова, снова закралась въ сердце дѣвушкѣ: съ серьезнымъ лицомъ усѣлась она на дальній стулъ и уставила свои глаза на оконный переплетъ, чтобы только не видѣть счастья другой — счастья, о которомъ она когда-то сама мечтала.

— Ma belle soeur!— сказалъ Хозаровъ: — что̀ подѣлываетъ вашъ сладкій женихъ?

— Не знаю, — отвѣчала сухо дѣвушка: —я его куда-то засунула.

— А Павлы Антоновны?

— Она своему голову скусила, — отвѣчала съ улыбкою Анетъ.

Сергѣй Петровичъ и Мари померли со смѣху.

— O mon Dieu, mon Dieu,—вскликнулъ Хозаровъ:—какая же жалкая участь вашихъ жениховъ! Вы своего затеряли, а Павла Антоновна даже скусила своему голову! Не поступайте вы, Мари, со мною такъ жестоко, — прибавилъ онъ, обращаясь къ невѣстѣ, которая, съ своей стороны, ничего не отвѣчала и только крѣпко пожала руку жениху.

Пашетъ въ самомъ дѣлѣ жестоко распорядилась съ подаркомъ Хозарова: наслѣдуя отъ папеньки прекрасный аппетитъ ко всему съѣдомому, она первоначально съѣла всѣ доставшіяся на ея долю конфеты, а потомъ принялась и за жениха; сначала откусила ему ноги, а потомъ, не утерпѣвъ, покончила и всего, и послѣдній остатокъ — женихову голову въ шишакѣ; вѣроятно, съ цѣлью продлить наслажденіе, очень долго сосала. Анетъ не засунула своего жениха; она его, вмѣстѣ со всѣми подаренными конфетами, прибрала далеко, въ самый потайной свой ящикъ, имѣя въ виду со временемъ показать ихъ какой-нибудь задушевной пріятельницѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказать, что эти конфеты подарилъ ей одинъ человѣкъ, который любилъ ее, но теперь уже не любитъ, потому что умеръ. Намъ извѣстно, что Анетъ, какъ и папенька, любила сказать красное словцо, то-есть задушевныя свои мечтанія выдать за дѣйствительность.

Далѣе, въ этотъ вечеръ, ничего уже не случилось болѣе достопримѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что Анетъ была смѣнена съ своего дежурства пришедшимъ папенькою и потому тотчасъ же ушла къ себѣ наверхъ. Антонъ Ѳедотычъ явился домой съ головой, окончательно приведенною въ нормальное состояніе, и потому сильно трусилъ предстоящаго ему объясненія съ супругою. Увидѣвъ Хозарова, онъ очень обрадовался, потому что по опыту уже зналъ, что Катерина Архиповна въ присутствіи постороннихъ не входила въ крайности и ограничивалась только тѣмъ, что развѣ скажетъ ему небольшую колкость. Увидѣвъ, что Хозаровъ сидитъ рядомъ съ Мари и даже держитъ ее за руку,—онъ сообразилъ, что дѣло уже покончено, вслѣдствіе чего и рѣшился передъ будущимъ зятемъ немного поважничать.

— Здравствуйте, Антонъ Ѳедотычъ, — сказалъ женихъ довольно фамильярно.

— А... ваше вамъ почтеніе!.. Отчего не накрываютъ на столъ: развѣ не знаютъ, что я въ одиннадцать часовъ ужинаю?..—сказалъ Антонъ Ѳедотычъ, садясь на стулъ. — Нѣтъ ли, Сергѣй Петровичъ, съ вами сигарокъ? Я свои захватилъ всѣ съ собою и потерялъ портсигаръ дорогой.

Хозаровъ подалъ тестю сигару, которую Антонъ Ѳедотычъ тотчасъ же и закурилъ.

— Ты не давай папенькѣ сигаръ,—сказала шопотомъ Мари:— маменька терпѣть не можетъ, чтобы онъ курилъ, потому что онъ все соритъ.

Ужинъ Ступицыныхъ на этотъ разъ не походилъ на обычные ихъ ужины. Катерина Архиповна распорядилась, чтобы къ нему были приготовлены котлеты изъ телятины, и вѣчножареная говядина замѣнена тетеркою. Кромѣ того, передъ ужиномъ была подана водка и потомъ поставлена на столъ бутылка съ мадерою. Антонъ Ѳедотычъ, разумѣется, воспользовался случаемъ: онъ почти залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки, заставя то же сдѣлать и Сергѣя Петровича. За ужиномъ Ступицынъ очень боялся того, чтобы жена не начала выговаривать, но все-таки сохранилъ присутствіе духа и, вмѣстѣ съ Пашетой, уничтожилъ бо́льшую часть каждаго блюда и выпилъ почти полбутылки вина. Прочіе ничего не ѣли; Хозаровъ пилъ мадеру и разговаривалъ съ невѣстой, которая, вѣроятно, отъ волненія, тоже пила очень много воды. Катерина Архиповна и Анетъ были скучны.

VIII.

«Chère Claudine!

«Опять я давно не писала къ тебѣ и опять по той же причинѣ, что нечего писать. Каждый день мой есть томительное повтореніе вчерашняго, а вчерашніе дни мои ты знаешь очень хорошо. Послѣднее время меня развлекала и занимала свадьба Хозарова, о которой я тебѣ уже писала. Наконецъ они женились. Стыдно сказать, Claudine, но я любуюсь и завидую ихъ счастью. О, какъ должно быть полно это счастье! Они такъ любятъ, такъ сто́ятъ другъ друга, они восторжествовали надъ препятствіями, которыя ставили имъ свѣтъ и люди. Вотъ уже болѣе недѣли, какъ они обвѣнчаны и живутъ въ маленькомъ, но прелестномъ домикѣ на Гороховомъ полѣ. Я у нихъ провожу почти цѣлые дни. Если хочешь, они немного смѣшны: представь себѣ, цѣлые дни цѣлуются; но я, опять повторяю тебѣ, радуюсь за нихъ; холодные свѣтскіе умы, можетъ-быть, назовутъ это неприличнымъ; но—Боже мой!—неужели для этого несноснаго благоразумія мы должны приносить въ жертву са-

мыя лучшія минуты нашей жизни!.. А сколько на свѣтѣ людей, для которыхъ даже и не существовало и не будетъ существовать этого поэтическаго времени! Я моимъ птенцамъ сочувствую. Для самой меня, какъ я ни желала, какъ я ни мечтала объ этомъ, не существовало подобныхъ минутъ. На самыхъ первыхъ порахъ я сама была, да и заставили меня быть, благоразумною и приличною. Прощай, мой другъ! Твоя Barbe Мамилова».

Вскорѣ за симъ письмомъ, въ маленькомъ, но прелестномъ домикѣ происходила, по крайней мѣрѣ вначалѣ, самая утѣшительная, самая отрадная семейная сцена. Это было вечеромъ: Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, въ бархатномъ халатѣ, сидѣлъ на краю мягкаго дивана, на которомъ полулежала Марья Антоновна, склонивъ прекрасную головку свою на колѣни супруга, и дремала. Хозаровъ тоже полудремалъ. Одна только Катерина Архиповна бодрствовала и вязала чулокъ. Страстная мать уже переселилась къ молодымъ и спровадила Антона Ѳедотыча съ двумя старшими дочерями въ деревню.

— Мари, а Мари! Вставай, другъ мой,—сказалъ Хозаровъ, которому, видно, наскучило сидѣть въ положеніи подушки.

Мари открыла ненадолго глаза, улыбнулась и опять задремала. Хозаровъ наклонился и поцѣловалъ жену.

— Перестаньте, Сергѣй Петровичъ, тормошить ее... что это, какой вы странный! Не дадите успокоиться, — сказала Катерина Архиповна.

— Но что жъ такое, мамаша? Я полагаю, что по вечерамъ спать очень вредно,—возразилъ Хозаровъ.

— Какъ это вы смѣшно говорите: вредно! Развѣ вы знаете, въ какомъ она теперь положеніи; можетъ-быть, ей это даже нужно; можетъ-быть, этого сама природа требуетъ.

— Мнѣ самому бы, мамаша, встать хотѣлось.

— Да, вотъ это справедливѣе, что вамъ самому скучно. Ну, это, Сергѣй Петровичъ, не большое доказательство любви.

— Помилуйте, Катерина Архиповна, любовь доказывается не въ подобныхъ вещахъ.

— Къ чему же вы все это говорите такъ громко?.. Вѣроятно, чтобы разбудить ее. Я этого, признаюсь, не ожидала отъ васъ, Сергѣй Петровичъ!

— Я не знаю, почему вамъ, мамаша, угодно такимъ образомъ перетолковывать мои слова.

— Я не перетолковываю вашихъ словъ, и очень странно, если бы я, мать, стала перетолковывать что бы то ни было... А я все очень хорошо вижу и все очень хорошо понимаю.

— То-есть вамъ угодно видѣть и понимать все въ дурную сторону.

Катерина Архиповна хотѣла-было возразить, но остановилась, потому что Мари проснулась и сѣла.

— Что ты, другъ мой, видѣла во снѣ?—сказалъ Хозаровъ, беря жену за руку.

— Ничего... снились только премиленькіе черные котятки— и пресмѣшные: я ихъ кормила все молокомъ, а они не ѣли.

— Развѣ ты думала, другъ мой, о котяткахъ?

— Нѣтъ, сегодня не думала.

— Ты ужасное еще, Мари, дитя,—сказалъ Хозаровъ.

— Самъ ты дитя! Почему же я дитя?

— Да такъ, мой другъ, ты дитя; но только милое дитя, даже во снѣ видишь котятъ; это очень мило и наивно!

— Сами вы наивный. Куда же ты всталъ?

— Мнѣ, другъ мой, надобно съѣздить въ клубъ.

— Вотъ прекрасно... не извольте ѣздить; я сижу дома, а онъ поѣдетъ въ клубъ —и я съ тобой поѣду...

— Другъ мой, это не принято.

Катерина Архиповна, слушавшая всю эту сцену съ лицомъ сердитымъ и непріятнымъ, наконецъ вмѣшалась въ разговоръ.

— Я не знаю, Сергѣй Петровичъ, какъ вы поѣдете въ клубъ,—жена ваша не такъ здорова, а вы ее хотите оставить одну... тѣмъ болѣе, что она этого не желаетъ.

— Но сами согласитесь, мамаша, что это странно.

— Для васъ, можетъ-быть, дѣйствительно это странно; но что же дѣлать, если она васъ любитъ и желаетъ быть съ вами.

— Господи Боже мой! Я самъ ее люблю; но все-таки могу съѣздить въ клубъ.

— Поѣзжайте!.. Кто же васъ удерживаетъ? — сказала наконецъ Мари:—мнѣ все равно; я и съ мамашей буду сидѣть.

— Другъ мой, нельзя же совершенно отказаться отъ общества!—возразилъ Хозаровъ.

— Поѣзжай,—сказала Машетъ и надулась.

— Семьянинъ, мнѣ кажется, не долженъ и думать объ обществѣ, — замѣтила рѣзко Катерина Архиповна: — кромѣ того, Сергѣй Петровичъ, чтобы ѣздить по клубамъ, для этого надобно, мнѣ кажется, имѣть деньги, а вы еще не совершенно устроили себя, у васъ еще нѣтъ и экипажа, который вы даже обѣщались имѣть.

Хозаровъ ничего не отвѣчалъ на этотъ намекъ и вышелъ въ залу, по которой началъ ходить взадъ и впередъ, задумавшись. Спустя четверть часа къ нему вышла Катерина Архиповна.

— Что же вы, Сергѣй Петровичъ, оставили вашу жену? Что вы хотите этимъ показать?

— Помилуйте-съ... я дома и, какъ слѣдуетъ семьянину, не уѣхалъ въ клубъ,—отвѣчалъ Хозаровъ.

— Все равно: вы ушли отъ нея; вы подите посмотрите; она почти въ истерикѣ отъ вашихъ фарсовъ. Это безчеловѣчно, Сергѣй Петровичъ... Зачѣмъ же вы женились, когда такъ любите свѣтскую жизнь?

Хозаровъ ничего не отвѣчалъ тещѣ и пошелъ въ гостиную, гдѣ дѣйствительно нашелъ жену въ слезахъ.

— Не плачьте, Мари, что это за ребячество,—сказалъ онъ, садясь около нея на диванъ и обнимая ее.

— А зачѣмъ же вы въ клубъ сбирались? Мнѣ, я думаю, одной скучно,—отвѣчала Мари.

— Ну, не извольте же плакать отъ всякихъ пустяковъ; я не поѣхалъ — и довольно; лучше давай въ ладошки играть.

Затѣмъ молодые начали играть въ весьма занимательную игру, которую Сергѣй Петровичъ назвалъ «въ ладошки»; она состояла въ томъ, что оба они первоначально ударяли другъ друга правой ладонью въ правую и лѣвой въ лѣвую; потомъ правой въ лѣвую и лѣвой въ правую, и наконецъ снова правой въ правую, лѣвой въ лѣвую, и такъ далѣе.

Такого рода замысловатую игру молодые продолжали около получаса. Марьѣ Антоновнѣ было очень весело. Катерина Архиповна, увидѣвъ, что молодые начали заниматься игрою въ ладошки, ушла въ свою комнату. Хозаровъ первый покончилъ играть.

— Ну, довольно!—сказалъ онъ.

— Давай, Сержъ, еще играть.

— Будетъ, милочка! Мнѣ еще надобно съ тобой поговорить о серьезномъ предметѣ. Послушай, другъ мой!—началъ Хозаровъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица:—Катерина Архиповна очень дурно себя ведетъ въ отношеніи меня: за всю мою вѣжливость и почтеніе, которое я оказываю ей на каждомъ шагу, она говоритъ мнѣ безпрестанно колкости; да и къ тому же, къ чему ей мѣшаться въ наши отношенія: мы мужъ и жена; между нами никто не можетъ быть судьею.

— Она на тебя сердится, Сержъ. Она говоритъ, что ты обманщикъ и все неправду сказалъ, что у тебя есть состояніе.

— И это не ея дѣло, есть ли у меня состояніе, или нѣтъ; она должна только отдать тебѣ твое и наградить тебя, какъ слѣдуетъ,—и больше ничего! Я даже полагаю, что ей гораздо было бы приличнѣе жить съ своимъ семействомъ, чѣмъ съ нами.

— Она говоритъ, что ни за что этого не сдѣлаетъ; сама

будетъ управлять имѣніемъ и жить съ нами, а намъ давать двѣ тысячи въ годъ.

— Вотъ тебѣ на!.. Прекрасно... безподобно... Сама будетъ твоимъ имѣніемъ управлять и намъ будетъ выдавать по копейкамъ... Надзирательница какая, скажите, пожалуйста! Ты сдѣлай милость, Мари, поговори ей, что это невозможно: я для свадьбы задолжалъ, и у меня ни копейки уже нѣтъ; мнѣ нужны деньги; не безъ обѣда же быть.

— Я ужъ ей говорила, Сержъ, по твоей просьбѣ; она говоритъ, что все у насъ будетъ; только деньги тебѣ въ руки не хочетъ давать; она говоритъ, что ты вѣтренъ еще, въ одинъ годъ все промотаешь.

— О, чортъ возьми! Опять это не ея дѣло! Состояніе твое — и кончено... Что же, мы такъ цѣлый вѣкъ и будемъ на маменькиныхъ помочахъ ходить? Ну, у насъ будутъ дѣти, тебѣ захочется въ театръ, въ собраніе, вздумается сдѣлать вечеръ: каждый разъ ходить и кланяться: «маменька, сдѣлайте милость, одолжите полтинничекъ!» Фу, чортъ возьми! Да изъ-за чего же?—изъ-за своего состоянія! Ты, Мари, еще молода; ты, можетъ-быть, этого не понимаешь, а это будетъ не жизнь, а какая-то адская мука.

— Что дѣлать, Сержъ! Она очень разсердилась, что ты состояніемъ-то своимъ обманулъ, и на прошедшей недѣлѣ цѣлый день плакала.

— Что жъ такое, что я, можетъ-быть, и прибавилъ, или, лучше сказать, что, любя тебя, скрылъ, что имѣніе мое разстроено. Катерина Архиповна сама меня обманула чрезъ Антона Ѳедотыча; онъ у меня при постороннихъ людяхъ говорилъ, что у тебя триста душъ, тридцать тысячъ, а гдѣ онѣ?

— Ай, нѣтъ, Сержъ! У меня нѣтъ трехсотъ душъ; всего только сто.

— Ну, а денегъ сколько?

— Денегъ я не знаю; тебѣ мамаша подарила сколько-то?

— Да что она мнѣ подарила? Полторы тысячи; это до тридцати тысячъ еще очень далеко. Стало-быть, мы всѣ неправы.

— Да тебѣ кто это, Сержъ, говорилъ?.. Папаша?

— Антонъ Ѳедотычъ.

— Ну, вотъ видишь, онъ все говоритъ неправду. Меня сколько онъ разъ маленькую обманывалъ: пойдетъ въ городъ куда-нибудь: «погоди, Мари, говоритъ, я принесу тебѣ конфетъ», — и воротится съ пустыми руками. Я ужъ и знаю, но нарочно и пристану: «дай, папаша, конфетъ».—«Забылъ»,—говоритъ, и все каждый разъ забываетъ, такой смѣшной!

— Все-таки, Мари, мнѣ ужасно нужны деньги. Сдѣлай милость, поди и попроси для себя у Катерины Архиповны хоть рублей семьсотъ,—проговорилъ Хозаровъ.

— А если она спроситъ, зачѣмъ мнѣ деньги?

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ!.. Ну, скажи, что хочешь бѣднымъ дать.

— Нѣтъ, не повѣритъ! Семьсотъ рублей бѣднымъ, — этого много!

— Да, это правда — неловко. Скажи просто, что ты меня очень любишь, и что завтрашній день—мое рожденіе.

— А развѣ въ самомъ дѣлѣ завтра твое рожденіе?

— Кажется, завтра, — ну, такъ какъ въ рожденіе обыкновенно дарятъ, то и ты скажи, что хочешь подарить мнѣ семьсотъ рублей; только, смотри, непремѣнно настаивай, чтобы деньгами; вещей мнѣ никакихъ не надо. Неужели она въ этихъ пустякахъ откажетъ!

— Не знаю, Сержъ; семьсотъ рублей очень много; мамаша безпрестанно мнѣ говоритъ, чтобы я берегла деньги, а тутъ скажетъ, что тебѣ на какіе-нибудь пустяки дать столько денегъ.

— Ну, такъ ты вотъ какъ, мой ангелъ, объясни ей: скажи, что завтрашній день мое рожденіе, и что ты непремѣнно хочешь подарить мнѣ семьсотъ рублей, потому что я тебѣ признался въ одномъ срочномъ долгѣ пріятелю, и скажи, что я вотъ третью ночь глазъ не смыкаю. А я тебѣ скажу прямо, что я дѣйствительно имѣю долгъ, за который меня, можетъ-быть, въ тюрьму посадятъ.

— За что же это въ тюрьму посадятъ?

— За то, что я несостоятельный должникъ.

— Ахъ, Сержъ, это страшно!

— Еще бы... Но что же дѣлать? Я тебя такъ любилъ, что готовъ былъ занять не только семьсотъ рублей, но даже семь тысячъ, чтобы только обладать тобой. Знаешь ли ты, другъ мой, что въ самую нашу помолвку я былъ безъ копейки!.. Кажется, не велика бѣда! Это можетъ случиться съ первымъ богачомъ въ мірѣ. Я, конечно, занялъ эту пустячную сумму; потомъ получилъ изъ деревни тысячу рублей. Вотъ и всѣ деньги. Желалъ бы я знать, гдѣ Катерина Архиповна могла найти болѣе расчетливаго зятя, который на какія-нибудь полторы тысячи рублей сыгралъ бы свадьбу; такъ нѣтъ: подобнаго самоотверженія не хотятъ даже и видѣть и понимать. Пришла въ голову ложная мысль, что я мотъ, и больше знать ничего не хотятъ. Чувства жалости даже не имѣютъ и, можетъ-быть, за ничтожные семьсотъ рублей заставятъ итти въ тюрьму.

— Нѣтъ, Сержъ, какъ это возможно! Я пойду, выпрошу у мамаши.

— Сдѣлай милость, Мари, и если ты меня любишь, то попроси Катерину Архиповну — быть справедливѣе и великодушнѣе ко мнѣ, и скажи прямо ей: «если вы, мамаша, отдали ему меня, то неужели пожалѣете какихъ-нибудь семисотъ рублей, чтобы сохранить его честь».

Проговоря это, Хозаровъ обнялъ и страстно расцѣловалъ жену, которая тотчасъ же отправилась къ матери. Во время прихода Мари, Катерина Архиповна была занята чѣмъ-то очень серьезнымъ. Передъ ней стояла отпертая шкатулка, и она пересматривала какія-то бумаги, очень похожія на ломбардные билеты. Услышавъ скрипъ двери, она хотѣла-было все спрятать, но не успѣла.

— Что̀ это, мамаша, такое? — спросила Мари.

— Ничего, мой другъ, разные документы.

— А деньги тутъ есть, мамаша?

— Нѣтъ, другъ мой, это все бумаги.

— А въ бумажникѣ что̀?

— Ничего, — тоже бумаги.

— Ахъ, мамаша! Зачѣмъ вы неправду говорите? Дайте мнѣ посмотрѣть.

— Зачѣмъ тебѣ? Тутъ, право, ничего нѣтъ.

— Дайте мнѣ, мамаша, денегъ; мнѣ очень нужно семьсотъ рублей.

— Тебѣ семьсотъ рублей! Для кого же это тебѣ?

— Завтра Сергѣя Петровича рожденіе, и я хочу ему подарить семьсотъ рублей.

— Другъ мой! Съ чего это тебѣ пришло въ голову? Кто же даритъ деньгами и особенно мужа? Если завтра дѣйствительно день его рожденія, такъ мы поѣдемъ и купимъ ему какую-нибудь вещь по твоему вкусу.

— Нѣтъ, мамаша, пожалуйста, я не хочу дарить вещами, да и онъ не возьметъ, у него очень много вещей, а вы дайте мнѣ семьсотъ рублей.

— Послушай, Мари, это, вѣрно, онъ научилъ тебя, — сказала Катерина Архиповна, понявъ очень хорошо, съ какой стороны ее атакуютъ: — я вижу, что ты любишь его, — это прекрасно; но ты пойми, другъ мой, что онъ вѣтреникъ и тебя въ глаза обманываетъ. Ну, скажи мнѣ, зачѣмъ ему семьсотъ рублей? Квартира у васъ есть, столомъ я распоряжаюсь, нарядовъ я тебѣ сдѣлала, кромѣ того еще прибавлю; самъ онъ одѣтъ очень прилично. Ну зачѣмъ ему деньги? Больше не зачѣмъ, какъ на мотовство. Ты разсуди только сама: состояніе

у тебя небольшое; можетъ-быть, будутъ у васъ дѣти, а у него вѣдь ничего нѣтъ. Онъ насъ во всемъ обманулъ. Ну, чѣмъ и на что вы будете жить? Служба Богъ знаетъ еще когда будетъ, а ты, не видя, что̀ называется, съ его стороны ничего, станешь дарить ему по семисотъ на рожденіе.

— Мамаша, его посадятъ въ тюрьму!

— Кого въ тюрьму?

— Сержа.

— За что же въ тюрьму?

— Онъ занялъ, мамаша, семьсотъ рублей... всѣ ночи теперь не спитъ.

— Лжетъ, мой другъ! Безстыдно лжетъ; у него, можетъ-быть, долгу и не семьсотъ рублей; но и за то не посадятъ его въ тюрьму, а деньги просто ему нужны на мотовство.

— Да, мамаша, вамъ хорошо говорить, а если его посадятъ?

— Не посадятъ, другъ мой; клянусь моей честью, не посадятъ.

— Нѣтъ, мамаша, вы этого сами не знаете и не понимаете. Онъ говоритъ: неужели вы пожалѣете семисотъ, когда вы отдали ему меня?..

— Ахъ, другъ мой, — перебила Катерина Архиповна, вздыхая:—не отдавала я тебя, не желала я этого; Богу такъ угодно. Не то бы было, если бы ты вышла за Ивана Борисыча: тотъ не сталъ бы тянуть деньги и самъ бы еще свои употребилъ для твоего счастья. Ну, если онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ, такъ пусть скажетъ: кому?

— Онъ долженъ, мамаша, одному пріятелю.

— Ну, что̀ же, пріятелю? Не долги онъ, другъ мой, хочетъ выплачивать, а ему самому нужны деньги: въ клубъ да по кофейнямъ не на что ѣздить, ну и давай ему денегъ; можетъ-быть, даже и возлюбленную заведетъ, а жена ему приготовляй денегъ. Мало того, что обманулъ рѣшительно во всемъ, еще хочетъ и твое состояніе проматывать.

Въ продолженіе этого монолога у Мари навернулись на глазахъ слезы.

— Другъ мой Машенька, не огорчайся, не плачь, — проговорила старуха, тоже со слезами на глазахъ.—Я передѣлаю его по-своему: я не дамъ ему сдѣлать тебя несчастной и заставлю его думать о семействѣ. Я это все предчувствовала и согласилась только потому, что видѣла, какъ ты этого желаешь. Слушайся только, другъ мой, меня и, Бога ради, не вѣрь ему ни въ чемъ. Если только мы не будемъ его держать въ рукахъ и будемъ ему давать денегъ, онъ тебя забудетъ и измѣнитъ тебѣ.

— Онъ, мамаша, въ самомъ дѣлѣ какой-то странный! Или цѣлуетъ меня, или сбирается куда-нибудь уѣхать.

— Этимъ ты, другъ мой, не огорчайся; мужчины всѣ таковы. Но главное дѣло: ему не надобно давать денегъ и надо заставить служить для того, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь занятіе, — и я берусь это устроить; только, пожалуйста, не слушайся его и будь благоразумнѣе. Ну, вотъ хоть бы тѣперь: вѣрно вѣдь, онъ тебя научилъ попросить у меня денегъ?

— Онъ, мамаша!

— Вотъ, видишь, — я это знала напередъ; ты ему скажи, или лучше ничего не говори; я съ нимъ за тебя поговорю.

— Мамаша! Да отчего же онъ перемѣнился ко мнѣ?

— Онъ не перемѣнился, другъ мой! Мужчины всѣ таковы. Въ женихахъ они обыкновенно умираютъ отъ любви, а какъ женятся, такъ и начнутъ обманывать. Это, другъ мой, ничего; его надобно заставить, чтобы онъ любилъ тебя, — и я его заставлю, потому что ни копейки не стану давать ему денегъ. Повѣрь ты мнѣ, онъ опомнится и начнетъ слушаться и любить.

— А что же, мамаша, я завтрашній день ему подарю?

— Объ этомъ ты не безпокойся. Я сама куплю приличную для него вещь, а сегодня съ нимъ поговорю. Гдѣ онъ теперь, въ гостиной, что ли? Ты посиди здѣсь, а я съ нимъ поговорю.

Мари осталась въ кабинетѣ, а Катерина Архиповна отправилась для объясненія съ зятемъ.

— Ваше завтра рожденіе, Сергѣй Петровичъ? — сказала она, входя въ гостиную.

— Да, кажется, что завтра, — отвѣчалъ Хозаровъ.

— Вы даете, вѣрно, вечеръ или что-нибудь такое для вашихъ знакомыхъ?

— Я ни о какомъ вечерѣ и не думалъ.

— Для чего же вамъ такъ нужны семьсотъ рублей?

— Какіе семьсотъ рублей?

— Да такіе, которые вы присылали свою жену требовать отъ меня.

— Мнѣ вашихъ семисотъ рублей никогда не было, да, конечно, и не будетъ нужно.

— Перестаньте, Сергѣй Петровичъ, притворяться; это еще возможно было въ женихахъ, но не для мужа; теперь уже все ясно, и я пришла васъ спросить, зачѣмъ вамъ такъ нужны семьсотъ рублей, за которыми вы присылали жену вашу ко мнѣ?

— Жены моей я къ вамъ, Катерина Архиповна, не посылалъ, а если она сама знаетъ, что мнѣ нужны семьсотъ рублей,

такъ это, я полагаю, весьма извинительно, — потому что между мужемъ и женою не должно быть тайны.

— Вы должны какому-то пріятелю?

— Да-съ, я долженъ.

— Кому же это?

Хозаровъ смутился и молчалъ.

— Если ужъ я вамъ долженъ отвѣчать на это, — сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія: — то извольте: человѣкъ, который обязалъ меня, не желаетъ, чтобы это знали всѣ.

— Я, кажется, платя за васъ деньги, могу же спросить, кому я должна ихъ отдать?

Хозаровъ совершенно сконфузился.

— Если вы, мамаша, не вѣрите, то какъ вамъ угодно; я, впрочемъ, кажется, и не просилъ у васъ вашихъ денегъ.

— Все равно, вы прислали жену вашу просить у меня денегъ.

— Если жена моя желала снабдить меня деньгами, то, конечно, не вашими, а своими, которыми она, такъ какъ вышла уже изъ малолѣтства, имѣетъ, я думаю, право располагать, какъ ей угодно.

— А... такъ вотъ вы къ чему все ведете, Сергѣй Петровичъ! Теперь я понимаю, —сказала Катерина Архиповна, поблѣднѣвъ отъ досады: — только этого-то съ вашей стороны и недоставало. Теперь я васъ узнала и поняла какъ нельзя лучше, — и повѣрьте, что себя и дочь предостерегу отъ вашихъ козней. Нѣтъ, милостивый государь, вы не думайте, что имѣете дѣло съ женщинами и потому можете, какъ вамъ угодно, обманывать. Я сама живу пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ; видала людей и, позвольте вамъ сказать, имѣю нѣкоторыя связи, которыя сумѣютъ васъ ограничить.

— Я даже не понимаю, Катерина Архиповна, къ чему вы все это говорите.

— Нѣтъ, вы очень хорошо понимаете, а также и я понимаю; но вы ошибаетесь, очень ошибаетесь въ вашихъ расчетахъ, и теперь я отъ васъ настоятельно требую объяснить мнѣ, для какой собственно надобности вы подсылали ко мнѣ вашу жену требовать денегъ?

— Я опять вамъ объявляю, что не подсылалъ къ вамъ жены, но я ей только открылся.

— И вы утверждаете, что не подсылали ее ко мнѣ?

— Я молчу-съ и предоставляю вамъ думать, что̀ угодно.

— Да, Сергѣй Петровичъ, конечно, ужъ лучше молчать, когда говорить нечего; можно обмануть молоденькую женщину, но я старуха.

Послѣднихъ словъ Сергѣй Петровичъ ужъ не слыхалъ; онъ вышелъ изъ гостиной, хлопнувъ дверьми, прошелъ въ свой кабинетъ, дверьми котораго тоже хлопнулъ и сверхъ того еще ихъ заперъ, и легъ на диванъ.

Марья Антоновна, видѣвшая изъ наугольной, что Сергѣй Петровичъ прошелъ къ себѣ, хотѣла къ нему войти, но дверь была заперта; она толкнулась разъ, два, — отвѣта не послѣдовало; она начала звать мужа по имени, — молчаніе. Нѣсколько минутъ Мари простояла въ раздумьѣ, потомъ пошла къ матери.

— Онъ, мамаша, заперся, — сказала она.

— Что жъ мнѣ, другъ мой, дѣлать, не ломать же дверь? Онъ, можетъ-быть, еще и не такіе фарсы начнетъ выдѣлывать; отъ него надобно всего ожидать.

У Мари навернулись слезы.

— Ты-то за что мучишь себя и огорчаешься, другъ мой?

— Какъ же, maman, если его въ тюрьму посадятъ!

— Ахъ, другъ ты мой, какъ ты молода! Ну, гдѣ слыхано, чтобы за семьсотъ рублей въ тюрьму посадили?

— Мамаша, дайте мнѣ, пожалуйста, денегъ.

— Нѣтъ у меня, Маша, для этого безстыднаго человѣка денегъ.

Мари разрыдалась. Старуха не выдержала, пошла въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ пачкою ассигнацій.

— На, Маша, возьми, это твои деньги. Онъ мнѣ прямо давеча сказалъ, что я даже не имѣю права располагать твоимъ состояніемъ.

Мари тотчасъ же перестала плакать, взяла деньги и поцѣловала у матери руку, но зато расплакалась Катерина Архиповна.

— Отдавай ему, мой другъ, хоть все; онъ еще и не то будетъ дѣлать; будетъ, можетъ-быть, тебя учить и изъ дому меня выгнать.

— Нѣтъ, мамаша; онъ не смѣетъ этого и думать, — возразила Мари.

— Онъ все смѣетъ думать; онъ на все можетъ рѣшиться.

— Вы не сердитесь на него, мамаша... онъ, ей-Богу, добрый.

— Видѣла я, другъ мой, и очень хорошо поняла его доброту. У него, я думаю, теперь одна мысль въ головѣ, чтобы какъ-нибудь разлучить меня съ тобою и захватить твое имѣніе.

Старуха очень разстроилась и, подобно своему зятю, ушла въ свою комнату и затворилась.

Мари тотчасъ же подошла къ дверямъ мужнина кабинета и начала снова стучаться; но отвѣта, какъ и прежде, не послѣдовало.

— Сержъ! Я тебѣ денегъ принесла, поди сюда, — проговорила она. — Что ты тутъ сидишь одинъ въ темной комнатѣ?

Послышался шорохъ, замокъ щелкнулъ, и дверь растворилась.

— А, это вы, Мари? Я не узналъ вашего голоса,—сказалъ Хозаровъ, выходи изъ кабинета.

— На деньги, я выпросила у мамаши.

— Нѣтъ, Мари, послѣ всѣхъ этихъ исторій я не могу принять отъ тебя денегъ.

— На, Сержъ, возьми. Куда же мнѣ ихъ? Я не то брошу ихъ на полъ.

— Ты можешь ихъ бросить, сжечь, возвратить опять своей маменькѣ, но только я ихъ не могу принять.

Говоря это, молодые входили въ гостиную. Сергѣй Петровичъ сѣлъ на диванъ и задумался. Мари стала передъ нимъ и обняла его голову.

— Ну, душка, не сердись... Возьми! Мамаша такъ только погорячилась, она очень скупа,—и ей вотъ жаль денегъ.

— Изволь, Мари, я возьму эти деньги, потому что, хотя онѣ и лежатъ у Катерины Архиповны, но все-таки твои, и она ихъ неправильно захватила по правамъ матери.

Сергѣй Петровичъ еще нѣсколько времени бесѣдовалъ съ своею супругою и, по преимуществу, старался растолковать ей, что если она его любитъ, то не должна слушаться матери, потому что маменьки, какъ онѣ ни любятъ своихъ дочерей, только вредятъ въ семейномъ отношеніи,—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно объявилъ, что онъ съ сегодняшняго дня намѣренъ прекратить всякія сношенія съ Катериной Архиповной и даже не будетъ съ ней говорить. Мари начала-было просить его не дѣлать этого, но Хозаровъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Еще письмо Варвары Александровны:

«Я разскажу тебѣ, chère Claudine, одинъ смѣшной и грустный случай: въ прошломъ письмѣ моемъ я тебѣ писала о молодыхъ Хозаровыхъ, и писала, что видаюсь съ ними почти каждый день; но теперь мы не видимся, и знаешь ли почему? Напередъ тебѣ предсказываю, что ты будешь смѣяться до истерики: старуха-мать меня приревновала къ зятю и отъ имени дочери своей объявила мнѣ, что та боится моего знакомства. Она—эта молоденькая женщина—боится, что я могу нарушить ея счастье, когда я, сближаясь съ ними, только и

помышляла о счастьѣ ея. Вотъ тебѣ, chère Claudine, люди! Они, видно, всегда и вездѣ одинаковы; а знаютъ ли эти люди, что сердце мое давно уже похоронено въ могилѣ, что въ памяти моей живетъ мертвецъ, которому я принадлежу всѣми моими помыслами; но оставимъ мое прошедшее. Я его таю; я никому и никогда, кромѣ тебя, не поднимала еще съ него завѣсы; но пусть они взглянутъ на мое настоящее: у меня есть мужъ, котораго я уважаю, если не за сердце, то, по крайней мѣрѣ, за умъ; и вотъ эти люди поняли меня, какъ пустую вѣтреную женщину, которая готова повѣситься на шею встрѣчному и поперечному... Я искала одной чистой и благородной дружбы, а они сочли, что мнѣ надобна интрига; но Богъ съ ними! Досаднѣе всего, что изъ-за меня, какъ сказывала ихъ горничная моей дѣвушкѣ, вышла между матерью, Мари и мужемъ цѣлая исторія: укоры, слезы, истерика и тому подобное. Что мнѣ оставалось сдѣлать въ подобномъ положеніи? Въ душѣ моей я ихъ не обвиняю: они поняли меня ложно. Долго я думала, долго размышляла, и наконецъ рѣшилась прервать съ ними совершенно знакомство. Молодой человѣкъ, котораго я и до сихъ еще люблю и уважаю, нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но я не велѣла его принимать; Богъ съ ними, пусть будутъ они счастливы. О, chère Claudine! Я теперь уже начала окончательно бояться людей.

«Barbe Мамилова».

IX.

Прошло еще два мѣсяца. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, одѣтый въ щегольскую бекешку, вошелъ въ квартиру дѣвицы Замшевой и прямо прошелъ въ занимаемый хозяйкою номеръ, которую засталъ въ обыкновенныхъ ея утреннихъ разговорахъ съ кухаркою.

— Здравствуйте, почтеннѣйшая, — сказалъ, входя, мой герой.

— Ахъ, Сергѣй Петровичъ, — вскрикнула хозяйка, бросившись убирать нѣкоторыя, не весьма благовидныя принадлежности ея туалета: — ступай и дѣлай такъ, какъ я тебѣ говорила,—прибавила она кухаркѣ.

Стряпуха вышла.

Хозаровъ, не снимая бекешки, сѣлъ.

— Я вами очень недоволенъ, почтеннѣйшая; зачѣмъ вы каждый день ходите къ тещѣ и просите, чтобы она заплатила вамъ мой долгъ.

— Сергѣй Петровичъ! Нужда, видитъ Богъ, нужда! Что мнѣ прикажете дѣлать? Никто не платитъ; вы не повѣрите:

какъ уѣхалъ Ѳерапонтъ Григорьичъ, ни съ кого не получила ни копейки.

— Это вы все не то говорите, Татьяна Ивановна. Кто вамъ долженъ?—Я. Слѣдовательно вы и должны адресоваться ко мнѣ.

— Да, батюшка, Сергѣй Петровичъ, я знаю, что у васъ денегъ нѣтъ. Катерина Архиповна, какъ жила съ вами, прямо мнѣ сказала: «что ты, говоритъ, къ нему ходишь, у него полушки за душой нѣтъ».

— Вы все говорите чушь, — возразилъ Хозаровъ. — Развѣ теща моя можетъ знать, есть у меня деньги или нѣтъ?

— Сергѣй Петровичъ, не обижайтесь на меня, а выслушайте. Я прежде къ вамъ ходила; у самихъ васъ всегда просила; припомните, что вы мнѣ говорили:—«Подождите, говорили, у меня теперь нѣтъ, а я у маменьки выпрошу». Ну, поэтому я къ нимъ и адресовалась. Заплатите, отецъ мой, право, нужда; вѣдь не шуточка восемьсотъ рублей.

— Конечно, по вашимъ понятіямъ, восемьсотъ рублей ужасная сумма, но что это такое значитъ для мужчины? Плевокъ, нуль... и потому честью завѣряю васъ, что заплачу вамъ, и заплачу даже съ процентами; только, Бога ради, не извольте являться ни къ женѣ моей ни къ тещѣ за моимъ долгомъ.

— Да гдѣ же вы, Сергѣй Петровичъ, возьмете? Теперь открытое дѣло, что у васъ ничего нѣтъ.

— Скажите, какъ вы прекрасно считаете въ чужомъ карманѣ... Полноте, почтеннѣйшая, вздоръ молоть, не извольте и безпокоиться объ этихъ пустякахъ.

— Милый мой постоялецъ, какъ же мнѣ не безпокоиться? У васъ вѣдь, право, ничего нѣтъ. Ну, хоть бы службу какую имѣли, или, по крайней мѣрѣ, у меня квартировали, все бы надежда была впереди.

— У васъ, Татьяна Ивановна, можетъ-быть, нѣтъ надежды, а у меня ихъ на милліонъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, не вѣрю, нынче совсѣмъ милліоновъ на свѣтѣ нѣтъ.

— Есть, Татьяна Ивановна, и даже больше чѣмъ милліоны. Припомните только мои обстоятельства передъ свадьбою. А?.. Въ какомъ я тогда былъ положеніи? Ужъ, кажется, рѣшительно безъ копейки, а что же вышло потомъ? Въ одинъ день хватилъ три тысячи.

— Это случайность, Сергѣй Петровичъ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, вовсе не случайность. Умная вы женщина, а не совсѣмъ жизнь-то понимаете. Вспомните, гдѣ я взялъ денегъ тогда?

— Да что̀ припомнить? Какъ теперь помню, что взяли у Варвары Александровны; закладчикъ-то, у котораго ея вещи, каждый день ходитъ ко мнѣ.

— Я не про то говорю, почтеннѣйшая, ходитъ или нѣтъ къ вамъ этотъ болванъ закладчикъ; но вы рѣшите мнѣ одинъ вопросъ: неужели же я съ этой же стороны не могу достать и теперь денегъ?

— Не можете, Сергѣй Петровичъ, никакимъ образомъ не можете; тогда было другое дѣло, тогда вы были человѣкъ холостой.

— А если я вамъ представлю доказательство? Не угодно ли взглянуть!—проговорилъ Хозаровъ и подалъ Татьянѣ Ивановнѣ маленькую записку, которую дѣвица Замшева, хотя съ трудомъ, но все-таки прочла.

— Ну, ужъ этого дѣла я не знаю, это ваше дѣло, — сказала она.

— Нѣтъ, вы скажите: понимаете ли тутъ главный смыслъ?

— Какъ не понять, извѣстное дѣло: тайное свиданіе будете имѣть. Только какой вы обманчивый человѣкъ, Сергѣй Петровичъ! Когда женились, такъ думали: вотъ станете боготворить жену; вотъ тебѣ и боготворить!—году не прошло еще, а рога приставилъ; недаромъ я васъ звала вѣтреникомъ; сердце мое говорило, что вы опасный для женщинъ человѣкъ.

— Согласенъ, почтеннѣйшая, что опасный. человѣкъ, но все-таки скажите, понимаете ли вы результатъ моихъ отношеній къ Барбѣ Мамиловой?

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, наше дѣло темное, и понимать ничего не хочу.

— Ну, такъ я вамъ растолкую. Она любитъ меня; вы это видите.

— И напрасно любитъ,—перебила Татьяна Ивановна.

— Ну, ужъ это ея дѣло; а вы слушайте, — возразилъ Хозаровъ.—Она любитъ и богата: слѣдовательно, любя меня, будетъ давать и денегъ.

— Сомнѣваюсь, Сергѣй Петровичъ, очень сомнѣваюсь, — сказала Татьяна Ивановна.—Если бы вы были холостой человѣкъ, другое дѣло; а теперь ужъ женатый. Женщины къ женатымъ очень недовѣрчивы: это я знаю по себѣ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, умный человѣкъ и женатый умѣетъ поддержать себя. Умный человѣкъ не отступится отъ своихъ правъ. Онъ скажетъ: «если любишь, такъ и дай денегъ, а не то мужу скажу», такъ не безпокойтесь, расплатится; и расплатится богатѣйшимъ манеромъ.

— Ой, Сергѣй Петровичъ, страшное да и не дворянское вы затѣваете дѣло!

— Я этого не затѣваю; но говорю только одинъ примѣръ, чтобы успокоить васъ. Скажите мнѣ только, успокоились ли вы?

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, все еще сомнѣваюсь. Хоть бы срокъ назначили, отецъ мой! Право, большая нужда.

— Извольте! Въ запискѣ, кажется, назначено свиданіе семнадцатаго февраля; въ тотъ же самый день, но только вечеромъ, вы можете пожаловать ко мнѣ, и я съ вами разочтусь самымъ благороднѣйшимъ образомъ. Adieu, почтеннѣйшая! Но только уговоръ лучше денегъ, чтобы къ тещѣ и къ женѣ за деньгами ни шагу.

— Не пойду, Сергѣй Петровичъ, ей-Богу, не пойду. Хоть и трудно немного, но что же дѣлать, перебьюсь!

Хозаровъ ушелъ.

Въ прескверное зимнее утро, семнадцатаго февраля, на Тверскомъ бульварѣ сошлись мужчина въ бекешкѣ и дама въ салопѣ и шляпкѣ; это были Сергѣй Петровичъ Хозаровъ и Варвара Александровна Мамилова. Оба они, пройдя нѣсколько шаговъ, остановились.

— Сама природа противъ меня, — сказалъ Хозаровъ, протирая глаза, залѣпленные снѣгомъ.—Мнѣ очень совѣстно, что я въ такую погоду обезпокоилъ васъ.

— Ничего,— отвѣчала Мамилова:—дѣлая доброе дѣло, не надобно раскаиваться. Взойдемте въ кондитерскую, — прибавила она и вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ вошла въ извѣстную, конечно, каждому читателю бесѣдку на срединѣ бульвара. Усѣлись они въ отдаленной комнатѣ. Мамилова тотчасъ же спросила себѣ огня, закурила папиросу и предложила такую же своему спутнику. Въ послѣднее время Варвара Александровна сдѣлала еще шагъ въ прогрессѣ эмансипаціи: она стала курить. На первыхъ порахъ этотъ подвигъ былъ весьма труденъ для молодой дамы; у ней, обыкновенно, съ половины выкуренной папиросы начинала кружиться голова до обморока: но чего не сдѣлаетъ женщина, стремящаяся стать въ уровень съ вѣкомъ! Мамилова пріучила свои нервы и въ настоящее время могла уже выкуривать по три папиросы вдругъ.

— Итакъ, Сергѣй Петровичъ, — начала она, закуривъ папироску:—вы писали мнѣ, что у васъ на сердцѣ много горя, и что это горе вы хотѣли бы раздѣлить со мною. Я благодарю васъ за вашу довѣренность и приготовилась слушать. Мое правило—пусть съ горемъ идутъ ко мнѣ всѣ люди; я готова съ ними плакать, готова ихъ утѣшать; но въ радости человѣка мнѣ не надо, да и я ему не нужна, потому что не найду ничего съ нимъ говорить.

— Неужели же вы не пожелаете раздѣлить даже счастье друзей вашихъ?

— Да, счастье друзей, это другое дѣло; но и то — нѣтъ; развѣ я не радовалась вашей радости, не хотѣла жить вашимъ счастьемъ? Но какъ это поняли? Ваша теща мнѣ въ глаза сказала, что посѣщенія мои непріятны ея дочери и неприличны для меня. Я оставила вашъ домъ, я не хотѣла влить капли горя и непріятности въ чашу вашихъ радостей, и съ этой минуты поклялась бѣгать счастливыхъ людей. Я, конечно бы, даже никогда не увидѣлась съ вами, но вы писали мнѣ, что вы несчастливы, — и этого довольно, чтобы я пренебрегла всѣмъ и рѣшилась съ вами видѣться, — и даже нѣсколько романически: на бульварѣ и въ бесѣдкѣ. Ну-съ! Разсказывайте мнѣ ваше горе, я слушаю.

— Горе мое, — началъ Хозаровъ нѣсколько театральнымъ голосомъ и бросивъ на полъ недокуренную папироску:—горе мое,—продолжалъ онъ:—выше, кажется, человѣческихъ словъ. Во-первыхъ, теща моя демонъ скупости и жадности; ее можно сравнить съ аспидомъ, который стережетъ сундукъ, наполненный деньгами, и уязвляетъ всѣхъ, кто только осмѣлится приблизиться къ его сокровищу.

— Во-первыхъ, Сергѣй Петровичъ,—возразила Мамилова:— это еще не большое горе, потому что теща для зятя, какъ я полагаю, лицо совершенно постороннее, тѣмъ болѣе, что она съ вами ужъ не живетъ.

— Это ваша правда, она съ нами не живетъ, — отвѣчалъ Хозаровъ.—Я настоялъ наконецъ, чтобы она изволила существовать отдѣльно отъ насъ и даже не бывала въ моемъ домѣ, но какая отъ этого польза? Я не вижу только ея прекрасной особы; но ея идеи, ея мысли живутъ въ моемъ домѣ, потому что онѣ вбиты въ голову дочери, которая, къ несчастью, сама собою не можетъ сообразить, что дважды-два—четыре.

— Богъ съ вами, Сергѣй Петровичъ! Что вы такое говорите, — возразила Варвара Александровна: — неужели Мари такъ...

— Такъ проста, хотите вы сказать? Даже болѣе чѣмъ проста. Она—глупа, Варвара Александровна,—глупа, какъ вотъ это дерево!—проговорилъ грустнымъ голосомъ Хозаровъ и постучалъ по столу рукой.

Мамилова нѣкоторое время ничего не отвѣчала.

— Изъ чего вы заключили, — начала она нѣсколько даже строгимъ голосомъ: — что жена ваша глупа? Что васъ такъ разочаровало въ женщинѣ, которую вы нѣкогда боготворили, которую вы сами избрали въ подруги вашихъ дней и, можно

сказать, насильно вырвали ее изъ семейства, гдѣ она была счастлива и безпечна?

— Я этого вопроса съ вашей стороны ожидалъ, Варвара Александровна; имѣя такой возвышенный взглядъ на бракъ, вы не могли меня не спросить объ этомъ; но когда я вамъ объясню подробно, то вы согласитесь со мною и оправдаете меня. Знаете ли, въ чемъ мы проводимъ все время? Мы или въ дурацкія ладошки играемъ, или бѣгаемъ по комнатѣ, или наконецъ съ котятами возимся,—и больше ничего! Ни одной, знаете, серьезной бесѣды, никакимъ искусствомъ не занимается,—даже на фортепіано не умѣетъ сыграть польки. Если бы вы знали, какъ читаетъ она романы: вмѣсто того, чтобы въ романѣ слѣдить за происшествіями, возьметъ, да конецъ и посмотритъ. «Я ужъ все знаю»,—говоритъ, да и броситъ книгу; но я не говорю про русскіе романы: они не могутъ образовать человѣка; но она такъ же читаетъ Дюма и Сю и другихъ великихъ писателей. Вмѣсто того, чтобы образовать себя чтеніемъ, даже заучивать нѣкоторыя хорошія фразы—ничего не бывало! Посмотритъ конецъ, и кончено дѣло.

— Изъ всего, что вы мнѣ, Сергѣй Петровичъ, говорили,— начала Варвара Александровна, закуривъ другую папиросу:— я еще не могу васъ оправдать; напротивъ, я васъ обвиняю. Ваша Мари молода, неразвита, — это правда; но образуйте сами ее, сами разверните ея способности. Ахъ, Сергѣй Петровичъ! Женщинъ, которыя бы мыслили и глубоко чувствовали, очень немного на свѣтѣ, и онѣ, я вамъ скажу, самыя несчастныя существа, потому что мужья не понимаютъ ихъ, и потому все, что вы ни говорили мнѣ, одни только слова, слова, слова...

— Прекрасно-съ,—перебилъ Хозаровъ:—я отказываюсь отъ этихъ словъ; но я имѣю другія несчастія. Вы говорите: образовать? Какъ я могу ее образовать, когда она смотритъ на все глазами матери, понимаетъ все провинціальнымъ умомъ этой старухи. Скажу вамъ одинъ примѣръ: у Мари состояніе, конечно, небольшое—всего сто душъ и тысячъ десять денегъ; но велико ли, мало ли это состояніе, все-таки оно ея, предоставленное ей по всѣмъ законнымъ правамъ, и потому должно находиться въ общемъ нашемъ распоряженіи, такъ какъ мужъ и жена—это два нераздѣльныя существа. Весьма естественно, что я, желая жить самостоятельнымъ семьяниномъ, требовалъ, чтобы Мари взяла отъ матери принадлежащее ей имѣніе, потому что желалъ бы и въ усадьбѣ сдѣлать нѣкоторыя улучшенія и прикупить бы къ ней что-нибудь, соображаясь съ мѣстностью; не тутъ-то было: съ первыхъ моихъ словъ начались слезы, истерика, послѣ которыхъ мы не смѣемъ и за-

икнуться объ этомъ сказать маменькѣ, которой, конечно, весьма пріятно имѣть въ своихъ рукахъ подобный лакомый кусокъ.

— Знаете ли, Сергѣй Петровичъ, что бы я сдѣлала на мѣстѣ вашей жены?—перебила Варвара Александровна.—Я бы взяла, даже потребовала бы свое состояніе отъ матери и отдала бы его вамъ; но уважать бы васъ не стала; и даже, можетъ-быть, разлюбила бы...

— Вы не такъ поняли мои слова, Варвара Александровна,— возразилъ Хозаровъ:—вы, можетъ-быть, тутъ видите...

— Я тутъ вижу расчетъ, корыстолюбіе, я тутъ вижу то, чего никогда не предполагала видѣть въ васъ, и, простите меня, я начинаю въ васъ разочаровываться.

— Послушайте, Варвара Александровна! Глядя на этотъ предметъ поверхностно, вы, конечно, въ правѣ вывести такого рода невыгодное для меня заключеніе, но нужно знать секретныя причины, которыхъ, можетъ-быть, человѣкъ, скованный свѣтскими приличіями, и не говоритъ и скрываетъ ихъ въ глубинѣ сердца. Вы, Варвара Александровна, богаты, вы, можетъ-быть, съ перваго дня вашего существованія были окружены довольствомъ, комфортомъ, и потому не можете судить о моемъ положеніи.

— Развѣ вы бѣдны?

— А если бы и такъ.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ прямо, бѣдны вы или нѣтъ?

— Я не бѣденъ, я имѣлъ большія средства, но...

— Но вы промотались, не такъ ли?

— Да, можетъ-быть, это и такъ, но я хотѣлъ, Варвара Александровна, въ семейной жизни успокоить себя, хотѣлъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, потому что все это мнѣ наскучило! Я женился на существѣ, которое любилъ, но въ то же время имѣлъ въ виду существенное; но какъ же меня поняли, какъ меня третировали?—Окрестили мотомъ и съ перваго же раза начали опасаться. Я очень любилъ Мари и, конечно, обожалъ бы ее всю жизнь, если бы она поняла меня; но что же прикажете дѣлать, она лучше понимаетъ свою мать и также видитъ во мнѣ мота. Вотъ корень всѣхъ непріятностей между нами, которыя зашли уже очень далеко! Вы только вспомните, какъ эти люди поняли васъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣлились требовать отъ меня, чтобы я манкировалъ вашею дружбою, которая для меня, можетъ-быть, дороже всего на свѣтѣ; конечно, я ихъ не послушалъ, однако все-таки въ умахъ ихъ было это нелѣпое намѣреніе. Я все это перенесъ, но вы спросите меня, каково мнѣ все это было. Вы, конечно, имѣете право думать, что я съ умысломъ избѣгалъ встрѣчи

съ вами, потому что занялъ у васъ три тысячи рублей и до сихъ поръ не въ состояніи еще съ вами расплатиться.

— Грустно мнѣ отъ васъ, Сергѣй Петровичъ, это слышать, очень грустно!—сказала Мамилова.

— Нѣтъ, позвольте, это еще не все, — возразилъ Хозаровъ:—теперь жена моя цѣлые дни проводитъ у матери своей подъ тѣмъ предлогомъ, что та больна; но знаете ли, что она дѣлаетъ въ эти ужасныя для семейства минуты? Она цѣлые дни любезничаетъ съ однимъ изъ этихъ трехъ господъ офицеровъ, которые всегда къ вамъ ѣздятъ неразлучно втроемъ, какъ три граціи. Сами согласитесь, что это глупо и неприлично.

— Послушайте, — сказала Варвара Александровна: — если вы въ самомъ дѣлѣ такъ несчастливы, то я васъ не оставлю: я буду помогать вамъ словомъ, дѣломъ, средствами моими; но только, Бога ради, старайтесь все это исправить,—и вотъ на первый разъ вамъ мой совѣтъ: старайтесь, и старайтесь всѣми силами, доказать Мари, какъ много вы ее любите и какъ много въ васъ страсти. Повѣрьте, ничто такъ не заставитъ женщину любить, какъ сама же любовь, потому что мы великодушны и признательны!

— Женщинѣ трудно доказать любовь, — возразилъ Хозаровъ:—она часто самой сильной страсти не понимаетъ.

— Никогда!.. Готова спорить съ цѣлымъ міромъ, что женщина видитъ и чувствуетъ истинную любовь мужчины въ самомъ еще ея зародышѣ. Но чтобы она не поняла сильной страсти,—никогда!

— Я испытываю это, Варвара Александровна, на себѣ.

— Что жъ вы думаете, что ваша Мари не сознаётъ и не понимаетъ вашей любви, если вы только истинно ее любите?

— Я говорю не про жену,—вы не хотите меня понять.

— Не про жену?.. Вы говорите это не про Мари?.. Въ такомъ случаѣ я дѣйствительно васъ не понимаю.

— Въ томъ-то и дѣло, Варвара Александровна, что женщины не понимаютъ сильной страсти.

Варвара Александровна нѣсколько минутъ смотрѣла на Хозарова съ удивленіемъ.

— Я васъ сегодня совсѣмъ не понимаю,—проговорила она.

Хозаровъ пожалъ плечами.

— Вы или больны, или очень разстроены, и потому прощайте!—продолжала она, вставая.

— Одно слово!—произнесъ Хозаровъ:—позвольте мнѣ сегодня вечеромъ быть у васъ.

— Зачѣмъ?—спросила Мамилова, устремивъ на собесѣдника вопрошающій взоръ.

— Именемъ нашей дружбы заклинаю васъ, позвольте мнѣ.

— Хорошо; но только съ условіемъ: прійти въ себя и не говорить того, что̀ вамъ стыдно, а для меня обидно слушать.

Проговоривъ это, она подала Хозарову руку, которую тотъ съ жаромъ поцѣловалъ, но которую Варвара Александровна вырвала стремительно, и проворно вышла изъ кондитерской.

Оставшись одинъ, Хозаровъ цѣлый почти часъ ходилъ, задумавшись, по комнатѣ; потомъ прилегъ на диванъ, снова всталъ, выкурилъ трубку и выпилъ водки. Видно, ему было очень скучно: онъ взялъ-было журналъ, но недолго читалъ. «Какъ глупо нынче пишутъ, какихъ-то уродовъ выводятъ на сцену!» — произнесъ онъ какъ бы самъ съ собою, оттолкнулъ книгу и потомъ рѣшился заговорить съ половымъ; но сей послѣдній, видно, былъ человѣкъ неразговорчивый; вмѣсто отвѣта онъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ и ушелъ. Хозаровъ рѣшительно не зналъ, какъ убить время.

— Эй, ты, болванъ! Дай мнѣ листъ почтовой бумаги, перо и чернильницу!—вскричалъ онъ молчаливому половому.

Тотъ подалъ, и герой мой принялся писать письмо къ тому пріятелю, къ которому онъ писалъ въ первой главѣ моего романа.

«Незамѣнимый для меня другъ мой Миша!

«Оба тянемъ мы, дружище, съ тобою одну лямку; то-есть оба женаты, и потому оба очень хорошо понимаемъ, что вся эта аркадская любовь не что̀ иное, какъ мыльные пузыри, когда нѣтъ существеннаго, то-есть денегъ! Другой бы на моемъ мѣстѣ упалъ духомъ; но ты знаешь меня: я не люблю хандрить и ходить повѣся носъ, но умѣю всегда пріискать какое-нибудь развлеченіе, которымъ нынче и служитъ для меня милашка — Мамилова. Она была въ меня еще въ холостого влюблена до такого сумасшествія, что ни съ того ни съ сего подарила мнѣ три тысячи рублей; но тогда я былъ занятъ моей глупой женитьбой, и потому между нами прошло такъ, серьезнаго почти ничего не было, а только, знаешь, сентиментальничали въ разговорахъ; но теперь другое дѣло: я постарѣлъ, поумнѣлъ; а главное—мнѣ нужно развлеченье и деньги. Сегодня было у насъ первое тайное свиданіе, послѣ котораго я тебѣ и пишу. Дѣло идетъ на ладъ; я сдѣлалъ намекъ, послѣ котораго, конечно, сконфузились, даже разсердились немного и тому подобное. Однако я долженъ тебѣ сказать, mon cher, что женщины какое-то неуловимое существо. Это я ясно вижу на Barbe Мамиловой. Вообрази себѣ: любитъ меня, и любитъ до безумія; но скрываетъ и говоритъ чортъ знаетъ какія отвлеченности, надъ которыми, конечно, я скоро восторже-

ствую; но, при всемъ томъ, досадно и скучно. Сегодня вечеромъ я опять пойду къ ней и сдѣлаю рѣшительный приступъ, о послѣдствіяхъ котораго тебя извѣщу весьма подробно.

«Хозаровъ».

Для сочиненія и написанія этого письма героемъ моимъ было употреблено полтора часа; потомъ онъ спросилъ себѣ легонькій обѣдъ, бутылку портера и бутылку мадеры, и все сіе употребилъ въ достаточномъ количествѣ. Нетерпѣливость ожиданія грядущаго свиданія съ Варварой Александровной возросла въ немъ до-нельзя, и потому онъ, не ожидая законнаго вечерняго часа, то-есть семи часовъ, отправился въ четыре. Вѣроятно, герой мой былъ въ сильно-возбужденномъ состояніи: пріѣхавъ къ Варварѣ Александровнѣ, онъ даже не велѣлъ доложить о себѣ человѣку и прошелъ прямо въ кабинетъ хозяйки, которая встрѣтила на этотъ разъ гостя не съ обычнымъ радушіемъ, но, при появленіи его, сконфузилась и, чтобы скрыть внутреннее состояніе духа, тотчасъ же закурила папиросу.

— Первое мое слово будетъ просить у васъ извиненія, что я пріѣхалъ не въ урочный часъ. Что жъ мнѣ дѣлать? Я не могу уже болѣе владѣть собою.

— Я васъ рада видѣть всегда, Сергѣй Петровичъ,—отвѣчала хозяйка.

— Послушайте, Варвара Александровна, вы немилосердны ко мнѣ; но какъ бы ни было, какъ бы меня ни поняли, я рѣшился открыть вамъ тайну, которую я до сихъ поръ скрывалъ даже отъ самого себя.

Мамилова взглянула на гостя съ удивленіемъ.

— Вы все-таки еще не пришли сами въ себя, — сказала она, не спуская съ него глазъ:—и все-таки продолжаете говорить смѣшныя нелѣпости.

Хозаровъ былъ на этотъ разъ очень дерзокъ и продолжалъ:

— Всякія чувства можно скрывать нѣкоторое время, но потомъ они должны обнаружиться. Я не люблю моей жены, вы это слышали, и не люблю ее болѣе потому, что боготворю и увлеченъ другою; однимъ словомъ: я люблю васъ, и въ вашихъ рукахъ моя жизнь и смерть.

Послѣднія слова герой мой произнесъ, уже стоя передъ Варварой Александровной на колѣняхъ. Мамилова нѣсколько минутъ ничего не отвѣчала и не отнимала своей руки, которую Хозаровъ взялъ и цѣловалъ.

— Больно, досадно и грустно мнѣ все это слышать и видѣть, Сергѣй Петровичъ! — сказала она. — Не стойте передо мною на колѣняхъ. Ей-Богу, это очень водевильно и смѣшно.

Я васъ спрошу только одно: зачѣмъ вы все это говорите и дѣлаете?

— Затѣмъ, что я боготворю васъ,—возразилъ Хозаровъ, начиная приподниматься съ колѣнопреклоннаго положенія.

— А я васъ не люблю, Сергѣй Петровичъ! Прежде я чувствовала къ вамъ дружбу, искреннюю дружбу, но теперь я васъ презираю, и презираю потому, что вы похожи на другихъ.

Хозаровъ всталъ и, ни слова не говоря, началъ ходить по комнатѣ.

— Изъ всего этого я вижу,—сказалъ онъ:—что вы не понимаете и не хотите понять того, что совершается въ душѣ моей.

— Я боялась это и думать, Сергѣй Петровичъ, и боялась потому, что все-таки васъ уважала. Но если въ самомъ дѣлѣ въ васъ закралась эта несчастная страсть, то зачѣмъ вы мнѣ говорите объ этомъ, какую вы думаете имѣть для этого цѣль? Вы думали успѣть, вы думали сдѣлать меня вашей любовницей, не такъ ли? О, Боже мой, какъ мнѣ горько слышать такое обидное для меня ваше мнѣніе! Но, несмотря на это, я рѣшаюсь объяснить вамъ, что вы ошиблись и жестоко ошиблись во мнѣ. Я люблю не васъ, а другого, котораго вы не знаете и не можете знать, потому что онъ давно умеръ. Кромѣ того я вамъ скажу словами Татьяны: «я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна»; и къ вамъ, Сергѣй Петровичъ, могу питать одно только сожалѣніе.

На эти слова герой мой ничего не отвѣчалъ, но снова всталъ передъ хозяйкой на колѣни, первоначально расцѣловалъ ея руку и потомъ вдругъ совершенно неожиданно обхватилъ ее за талію, и обхватилъ весьма дерзко и совершенно неприлично. Варвара Александровна вся вспыхнула и хотѣла-было вырваться; но Хозаровъ держалъ крѣпко; гнѣвъ овладѣлъ молодою женщиною: съ несвойственною ей силою, она вырвала свою руку и ударила дерзкаго безумца по щекѣ. Хозаровъ вскочилъ; Мамилова тоже и выбѣжала изъ комнаты. Нѣсколько минутъ Сергѣй Петровичъ простоялъ, какъ полоумный, потомъ, взявъ шляпу, вышелъ изъ кабинета, прошелъ залу, лакейскую и очутился на крыльцѣ, а вслѣдъ затѣмъ, сѣвъ на извозчика, велѣлъ себя везти домой, куда онъ возвратился, какъ и надо было ожидать, сильно взбѣшенный: разругалъ отпиравшую ему двери горничную, опрокинулъ стоявшій немного не на мѣстѣ стулъ и, войдя въ свой кабинетъ, первоначально легъ внизъ лицомъ на диванъ, а потомъ всталъ и принялся писать записку къ Варварѣ Александровнѣ, которая начиналась слѣдующимъ образомъ: «Я не позволю вамъ смѣяться надъ

собою, у меня есть документъ — ваша записка, которою вы назначаете мнѣ на бульварѣ свиданіе и которую я сейчасъ же отправлю къ вашему мужу, если вы...» Здѣсь онъ остановился, потому что въ комнатѣ появился другой его другъ, Татьяна Ивановна.

— Вотъ я и пришла, Сергѣй Петровичъ,—сказала дѣвица Замшева.

Герой мой, и безъ того уже разстроенный, при видѣ другакредиторши затрясся отъ досады.

— А вамъ что̀ еще надобно отъ меня? — вскрикнулъ онъ не совсѣмъ ласковымъ голосомъ, такъ что Татьяна Ивановна попятилась нѣсколько назадъ.

— Да все о деньгахъ-то. Вы сами говорили мнѣ побывать семнадцатаго числа.

— Какія у меня деньги для васъ? Что̀ такое за деньги?

— Какъ какія деньги? Мои деньги, — которыя вы зажили у меня.

— Что̀ у васъ зажито, давно отдано,—и потому извольте, почтеннѣйшая, убираться; я занятъ, мнѣ некогда.

— Какъ отданы? Когда вы это отдали? Что̀ вы это такое говорите? Не стыдно ли вамъ выдумывать этакія нелѣпости? Я думаю, вся Москва знаетъ, какъ я васъ содержала. Что̀ вы это говорите?

— Я говорю, что извольте убираться, почтеннѣйшая, вонъ! Вотъ что̀ я говорю.

— Нѣтъ, извините, я не пойду; я пришла за своимъ, а не за вашимъ; у меня есть расписка.

— Убирайтесь къ чорту съ вашей распиской! Этакихъ животныхъ я по шеѣ имѣю привычку гонять и съ вами такъ же распоряжусь.

— Видали ли? Со мной такъ распорядиться? — сказала Татьяна Ивановна, тоже вышедшая изъ себя, показывая Хозарову два кукиша. — Подайте деньги мои, а не то въ тюрьму посажу. Провалиться мнѣ сквозь землю, если я тещѣ не разскажу всѣ ваши подлыя намѣренія! Да и Варварѣ Александровнѣ объясню, безстыдникъ этакій, пусть знаютъ, какія вы для всѣхъ козни-то приготовляете.

— Я говорю тебѣ: убирайся вонъ, пряничная форма!—закричалъ Сергѣй Петровичъ, вскакивая съ своего мѣста.

Почтеннѣйшая Татьяна Ивановна, видно, очень не любила, чтобы называли ее пряничной формой. Лицо ея поблѣднѣло, руки, ноги задрожали и губы посинѣли.

— Врешь, обольститель, я не пойду! Не смѣешь тронуть, извини: сама плеваться умѣю! — закричала она звонкимъ и

рѣзкимъ голосомъ; но Хозаровъ, схвативъ ее за плечи, началъ толкать изъ комнаты.

Дѣвица Замшева, съ своей стороны, защищалась храбро; на получаемые толчки она отвѣчала, насколько достало у ней силъ, тоже толчками. Но такъ какъ мужчины, дѣйствуя физическою силою, всегда берутъ верхъ надъ слабыми женщинами, то и почтеннѣйшая хозяйка, несмотря на сильный отпоръ, была вытолкана неблагодарнымъ постояльцемъ на крыльцо до самыхъ дверей, которыя передъ самымъ ея носомъ были быстро захлопнуты. Сверхъ того она еще получила такой толчокъ, что не въ состояніи была устоять на ногахъ и кувыркомъ скатилась съ лѣстницы.

При этомъ паденіи благородная дѣвица, вѣроятно, сильно зашибла ногу, потому что, когда она встала и, залившись горькими слезами, отправилась домой, то весьма замѣтно прихрамывала на правую ногу.

X.

Въ настоящей главѣ я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Послѣ того случая, какъ Мари просила у Катерины Архиповны для мужа денегъ, между зятемъ и тещею окончательно нарушилось всякое родственное расположеніе: Хозаровъ до-нельзя взбѣсился на свою belle mère и поклялся, во что бы ни стало, выжить ее изъ дому, зная напередъ, что ничѣмъ такъ не можетъ досадить страстной матери. Для этой цѣли онъ первоначально пересталъ съ Катериной Архиповной кланяться, говорить и даже глядѣть на нее; но это не помогало: старуха жила попрежнему и сама, съ своей стороны, не обращала на зятя никакого вниманія. Хозаровъ рѣшился дѣлать и говорить все на зло ей: проговаривала ли она, что въ комнатѣ холодно, онъ нарочно отпиралъ форточку; если же она говорила, что слишкомъ тепло, — въ ту же минуту отворялись всѣ душники; но Катерина Архиповна оставалась хладнокровна, и всѣ эти продѣлки Сергѣя Петровича, направленныя на личную особу тещи, не принесли желаемаго успѣха. Герой мой рѣшился мучить старуху тѣмъ, что сталъ при ней, на правахъ мужа, бранить Мари, которая была такъ еще молода, что даже не умѣла, съ своей стороны, хорошенько отбраниваться и только начинала обыкновенно плакать. Этого Катерина Архиповна уже не въ состояніи была переносить равнодушно; она обыкновенно заступалась за дочь и пропекала зятя, какъ говорится, на обѣ корки, но въ этомъ случаѣ Хозаровъ уже не обращалъ вниманія и только смѣялся, отчего еще болѣе плакала Мари и выходила изъ себя Катерина Архиповна.

Всѣ такого рода сцены для Мари оканчивались слезами, но для Катерины Архиповны это была пытка. Она доходила до полнаго ожесточенія; она готова была разорвать зятя на куски и принуждена была ограничиваться только бранью, надъ которой онъ смѣялся.

Далѣе затѣмъ, въ одно прекрасное утро, герой мой затѣялъ еще новую штуку: онъ объявилъ женѣ, что нанялъ для себя особую квартиру, на которой намѣренъ жить, и будетъ приходить къ Мари только тогда, когда Катерина Архиповна спитъ или дома ея нѣтъ, на томъ основаніи, что будто бы онъ не можетъ уже болѣе равнодушно видѣть тещу, и что у него отъ одного ея вида разливается желчь.

Маша, какъ водится, расплакалась, а потомъ пересказала все матери. Старуха сначала смѣялась надъ новой продѣлкой зятя, но дочь плакала, и материнское сердце снова не вытерпѣло: она рѣшилась объясниться съ Сергѣемъ Петровичемъ, но сей послѣдній на всѣ ея вопросы не удостоилъ даже и отвѣтить и продолжалъ сбирать свои вещи. Катерина Архиповна, разумѣется, не могла не осердиться на подобнаго рода глупость и, наговоривъ зятю дерзостей, ушла къ себѣ въ комнату, а чрезъ полчаса, призвавъ къ себѣ дочь, объявила ей, что она сама хочетъ переѣхать на другую квартиру, потому что не хочетъ ихъ стѣснять. Мари первоначально испугалась этого рѣшенія матери и начала ее упрашивать не переѣзжать отъ нихъ; но Катерина Архиповна растолковала дочери, что если ея мерзавецъ-муженекъ въ самомъ дѣлѣ переѣдетъ на другую квартиру, то это будетъ весьма неприлично и уже ни на что не будетъ походить. Маша успокоилась. Сергѣй Петровичъ, очень довольный успѣхомъ своей продѣлки, тоже успокоился и снова разложилъ свои вещи.

На другой день старуха переѣхала, но, видно, эта разлука съ идоломъ была слишкомъ тяжела для Катерины Архиповны, и, видно, страстная мать справедливо говорила, что съ ней Богъ знаетъ что̀ будетъ, если ошибется въ выборѣ зятя, потому что, тотчасъ же по переѣздѣ на новую квартиру, она заболѣла, и заболѣла Богъ знаетъ какою-то сложною болѣзнью: сначала у нея разлилась желчь, потомъ вся она распухла, и наконецъ у нея отнялись совершенно ноги. Мари цѣлые дни начала проводить у матери, которая, съ своей стороны, стараясь предостеречь дочь отъ вліянія мужа, безпрестанно толковала ей, какой тотъ мотъ, какой онъ пустой и безчувственный человѣкъ, и какъ онъ мало любитъ ее. Маша съ каждымъ днемъ начала болѣе и болѣе соглашаться съ матерью,—тѣмъ болѣе, что Сергѣй Петровичъ дѣйствительно день ото дня становился

къ ней холоднѣе: кромѣ того, что часто уходилъ на цѣлые дни изъ дому, но даже когда бывалъ дома, то или молчалъ, или спалъ, и никогда уже съ ней не игралъ—ни въ ладошки ни въ рыжаго кота, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно настаивалъ, чтобы она требовала отъ матери имѣніе.

Послѣднее время Мари уже цѣлые дни проводила у матери; ей было даже очень нескучно, потому что къ старухѣ началъ ходить одинъ изъ числа трехъ офицеровъ—подпоручикъ Пириневскій. Онъ былъ очень милый и веселый молодой человѣкъ и владѣлъ двумя прекрасными способностями, а именно: прекрасно разсказывалъ страшныя сказки о различныхъ царевичахъ и разбойникахъ и безподобно пѣлъ теноромъ подъ гитару многіе новые романсы. Мари онъ очень занималъ. День ото дня молодые люди, сами не замѣчая того, начали сближаться: подпоручикъ началъ уже называть Мари cousine, а она его cousin. Кромѣ того между ними проявилось еще новое занятіе: они начали для практики танцовать вновь появившійся тогда танецъ *редову* *). Катерина Архиповна, смотрѣвшая сначала сквозь пальцы на сближеніе молодыхъ людей, начала супиться и сдѣлалась къ офицеру очень суха; но Мари не обращала вниманія и продолжала звать офицера ходить къ нимъ каждый день. Однажды, это было именно на другой день послѣ свиданія Хозарова съ Мамиловой, Мари оставила своего новаго cousin обѣдать у мамаши.

Пириневскій въ этотъ разъ ее очень занималъ, и когда она его начала просить разсказать ей какую-нибудь еще страшную сказку, то онъ объявилъ, что простыя сказки онъ всѣ пересказалъ, но что сегодня прочтетъ ей наизусть прекрасную сказку Лермонтова про Демона.

Послѣ обѣда молодые люди, одинъ для чтенія, а другая для слушанія, усѣлись рядомъ на диванѣ. Пириневскій началъ читать и дѣйствительно всю поэму зналъ весьма твердо на память и кромѣ того произносилъ ее съ большимъ чувствомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ Демонъ говоритъ:

„Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чью мысль ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ“,—

на этомъ мѣстѣ Мари его остановила.

— Перестаньте; страшно, — сказала она.

---

*) Редова — народный богемскій танецъ въ родѣ польки-мазурки. *Прим. Ред.*

— Ничего-съ, — отвѣчалъ офицеръ: — дальше будетъ еще страшнѣй.

— Ну такъ не читайте, — страшно, а лучше разскажите мнѣ, что же будетъ дальше,—она его полюбитъ?

— Непремѣнно-съ полюбитъ.

— Да вѣдь какъ же? Онъ, я думаю, страшный!

— Отчего же страшный! Можетъ-быть, и не страшный, — отвѣчалъ Пириневскій.

— Ай, нѣтъ, онъ долженъ быть гадкій. Я бы его ни за что не полюбила.

— А кого же вы бы полюбили?—спросилъ молодой офицеръ.

— Конечно, можно полюбить только хорошенькаго... Спойте что-нибудь!

— Я гитары не взялъ.

— Ничего, спойте безъ гитары.

— Но я могу маменьку обезпокоить, онѣ, кажется, почиваютъ.

— Ничего; она не услышитъ—спойте.

Офицеръ повиновался и довольно звучнымъ, чистымъ теноромъ запѣлъ: «Ты, душа-ль моя, красна дѣвица». Взоры молодого человѣка ясно говорили, что онъ подъ именемъ красной дѣвицы разумѣетъ Мари, которая, кажется, съ своей стороны, все это очень хорошо поняла и потупилась. Затѣмъ молодые люди разсѣлись по дальнимъ угламъ и нѣсколько времени ни слова не говорили между собою.

— О чемъ вы задумались? — спросила наконецъ Мари.

Офицеръ не отвѣчалъ.

— Вамъ, можетъ, скучно, — заговорила снова она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я думаю, Марья Антоновна, о томъ, что намъ скоро должно выступить изъ Москвы.

— Куда вамъ выступить?

— Въ Калугу...—отвѣчалъ офицеръ.

— Да вы не ѣздите.

— Нельзя-съ, служба.

— Вотъ какіе вы! Зачѣмъ же вы уѣдете?

— Вамъ развѣ жаль насъ, Марья Антоновна?

— Еще бы, — отвѣчала молодая женщина, вспыхнувъ, и офицеръ тоже вспыхнулъ, и затѣмъ воцарилось молчаніе. Пириневскій принялся разсматривать лежавшую на окошкѣ «Библіотеку для чтенія», а Мари сидѣла, задумавшись.

— Что вы смотрите,—сказала она, подойдя къ офицеру: — найдите мнѣ, какое вамъ слово больше нравится?

Подпоручикъ началъ перелистывать журналъ и наконецъ,

въ отдѣлѣ Словесности, видно, отыскалъ желаемое слово и показалъ его Мари, которая, посмотрѣвъ, очень сконфузилась, но, впрочемъ, взяла у офицера книгу и сама показала ему на какое-то слово и, отойдя отъ него, снова сѣла на прежнее мѣсто. Показанныя молодыми людьми другъ другу слова были весьма значительныя. Офицеръ показалъ на слова: «я васъ люблю», а Мари на слово: «любите». За симъ послѣдовала какая-то странная и необъяснимая сцена. Пириневскій всталъ, прошелся по комнатѣ и потомъ, неизвѣстно почему, очутился рядомъ съ Мари на диванѣ, протянулъ какъ-то странно руку, въ которой очень скоро очутилась рука Мари...

Но здѣсь я остановлюсь и попрошу читателя перейти со мной въ квартиру Варвары Александровны. Послѣ непріятнаго объясненія, которое имѣла она съ Хозаровымъ, ей не спалось всю ночь; и даже на другой день—печальная и грустная сидѣла она въ своемъ кабинетѣ. Человѣкъ доложилъ, что пришла какая-то Замшева и желаетъ ее видѣть.

— Проси! — сказала Мамилова.

Явилась Татьяна Ивановна, тоже грустная, взволнованная и нѣсколько прихрамывающая на правую ногу. Цѣлую ночь дѣвица Замшева придумывала, чѣмъ бы отомстить Хозарову, и наконецъ рѣшилась подать его расписку ко взысканію и насказать на него Мамиловой, отъ которой, она думала, онъ получаетъ деньги.

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ Варварой Александровной, — сказала, входя и присѣдая, Татьяна Ивановна.

— Къ вашимъ услугамъ, — отвѣчала Мамилова, закуривая папиросу.

— Честь имѣю рекомендоваться: я дѣвица Замшева, у которой Сергѣй Петровичъ, бывши холостымъ, квартировалъ.

— А!.. Что же вамъ угодно? — произнесла Мамилова, взглянувъ на Татьяну Ивановну довольно подозрительно.

— Онъ поручалъ мнѣ, Варвара Александровна, заложить ваши вещи, но теперь уже давно срокъ истекъ, ни капитала ни процентовъ они не платятъ, такъ я пришла васъ предувѣдомить.

— Благодарю васъ, моя милая! Въ какой суммѣ мои вещи заложены?

— Двѣ тысячи семьсотъ пятьдесятъ рублей съ процентами; взято было только на одинъ мѣсяцъ; а теперь вотъ сколько времени прошло безъ всякой уплаты!

— Благодарю васъ... Я знаю: мы поправимъ какъ-нибудь это дѣло.

— Сергѣй Петровичъ, вѣроятно, на васъ и надѣялись. Сами

они, это ужъ извѣстно, ничего не имѣютъ, но говорятъ, что они отъ васъ тысячъ десять въ годъ могутъ получить.

— Отъ меня получить десять тысячъ... Это почему?

— Да вѣдь какъ? Кто ихъ разберетъ: они говорятъ, что могутъ; еще говорятъ, если захочу, такъ и не это получу; какъ липку, говорятъ, обдеру, такъ и тутъ ни слова не скажетъ, потому что влюблена.

Мамилова поблѣднѣла.

— Онъ говорилъ вамъ, что я въ него влюблена? Онъ осмѣлился это сказать вамъ?

— Не мнѣ одной. Варвара Александровна, онъ, я думаю, это цѣлой Москвѣ разблаговѣстилъ.

— Довольно... Бога ради, довольно! Или нѣтъ, скажите!.. Я должна выпить горькую чашу до дна... Сядьте и разскажите, что онъ вамъ еще говорилъ про меня?

— Варвара Александровна! Я очень хорошо понимаю ваше положеніе и потому пришла къ вамъ,—сказала Татьяна Ивановна. — Онъ говоритъ ужасныя вещи. Онъ говоритъ, что вы въ него влюблены, или, прямѣе сказать: у васъ съ нимъ интрига, и потому онъ надѣется съ васъ получить деньги. Я сама, Варвара Александровна, имъ обманута, потому-то мнѣ и горько. Сначала вѣдь, какъ бѣсъ какой-нибудь, обольстилъ: ну, пришелъ нарядный, ласковый, вѣжливый, просто прелесть: ну, думала, человѣкъ съ совѣстью, отчего же не оказать довѣрія. А вотъ что вышло послѣ: во снѣ не снилось такой обиды; на цѣлый вѣкъ хотѣлъ уродомъ сдѣлать; какъ будто какую-нибудь развратную изувѣчилъ. И съ вами такимъ же образомъ хотѣлъ поступить. «Прибью, говоритъ, если денегъ не дастъ».

Въ концѣ этого монолога у Татьяны Ивановны, отъ полноты горестныхъ чувствованій, на глазахъ появились слезы.

— Нѣтъ... Довольно... Заклинаю васъ, довольно!.. Я не въ состояніи болѣе слушать вашихъ ужасныхъ словъ, — сказала, тоже очень разстроившись, Варвара Александровна. — Нѣтъ, это выше моихъ силъ, — сказала она, вставая: — я должна сорвать съ него маску, я сама отравлю его семейное счастье, которое устроила; я все разскажу женѣ и предостерегу, по крайней мѣрѣ, на будущее время несчастную жертву общей нашей ошибки.

Варвара Александровна была, видно, сильно взволнована, и, не помня себя, она даже докурила папироску донельзя и обожгла себѣ губы.

— Ничего... — говорила она какъ будто бы сама съ собою. — Люди жгутся больнѣе огня. Не огорчайтесь, моя ми-

лая, — продолжала она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ: — мы обѣ обмануты.

— Ваше дѣло, Варвара Александровна, другое; вы имѣете состояніе, а у меня только вѣдь собственные труды и больше ничего, — около тысячи рублей для меня не бездѣлица. Не можете ли, благодѣтельница моя, мнѣ хоть частичку уплатить? Васъ онъ, можетъ, посовѣстится и заплатитъ вамъ.

— Ни за него ни для него я не имѣю денегъ, — отвѣчала Варвара Александровна: — но если вы бѣдны, вотъ вамъ пятьдесятъ рублей, но только это отъ меня; его же вы можете и должны считать подлецомъ на всю жизнь.

Татьяна Ивановна весьма обрадовалась пятидесяти рублямъ; поцѣловала въ восторгѣ у Варвары Александровны руку и потомъ, попросивъ не оставлять ее и на дальнѣйшее время своимъ расположеніемъ, отправилась домой.

Варвара Александровна тотчасъ же рѣшилась ѣхать къ старухѣ Ступицыной и, вызвавъ Мари, объявимъ имъ разсказать о низкихъ поступкахъ Хозарова. Нетерпѣнье ея было чрезвычайно сильно: не дожидаясь своего экипажа, она отправилась на извозчикѣ, и даже безъ человѣка, а потомъ вошла безъ доклада. Странная и совершенно неожиданная для нея сцена представилась ея глазамъ: Мари сидѣла рядомъ съ офицеромъ, и въ самую минуту входа Варвары Александровны уста молодыхъ людей слились въ первый поцѣлуй преступной любви.

Пириневскій и Мари, при появленіи посторонняго лица, отскочили одинъ отъ другого. Варвара Александровна едва имѣла силы совладать съ собою. Сконфузившись, растерявшись и не зная, что начать дѣлать и говорить, спросила она тоже совершенно потерявшуюся Мари о матери, потомъ сѣла, а затѣмъ, услышавъ, что Катерина Архиповна больна и теперь заснула, гостья встала и, почти не простившись, отправилась домой.

Тамъ написала она слѣдующее письмо къ извѣстной своей пріятельницѣ:

«Chère Claudine!

«Я дура, я сумасшедшая и безумная женщина; я носила до сихъ поръ на глазахъ моихъ повязку, но которую теперь люди сорвали съ меня, и я уже все ясно понимаю. Я ошиблась, chère Claudine, въ моихъ Хозаровыхъ, они дали мнѣ новый урокъ. Они еще разъ заставили меня выпить горькую чашу разочарованія. Онъ — этотъ юноша, въ которомъ я предполагала столько благородныхъ чувствованій — онъ отвратительный и жадный заемщикъ чужихъ денегъ, — онъ развратъ-

ный интриганъ, неспособный даже понять порядочную женщину. Онъ не сумѣлъ даже понять моей дружбы; но хотѣлъ, посмѣйся, Claudine, меня развратить и за порокъ мой заставить меня платить ему деньги. Про эту бабенку я и говорить не хочу. Она, кажется, только и умѣетъ цѣловаться: цѣловалась прежде съ женихомъ и съ мужемъ безпрерывно, а теперь начала цѣловаться и съ другими поклонниками. Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду того времени, когда мужъ мой увезетъ меня въ К., дальше отъ свѣта, дальше отъ людей; ни въ немъ ни между ними нѣтъ ни дружбы ни любви!..»

1850 года.
Ноября 2-го.

ТЮФЯКЪ.

Повѣсть.

I.

Родственница.

Однажды — это было въ концѣ августа — Перепетуя Петровна уже очень давно наслаждалась послѣобѣденнымъ сномъ. Въ спальнѣ было темно, какъ въ закупоренной бочкѣ. Средство это употреблялось ради спасенія отъ мухъ, необыкновенно злыхъ въ этомъ мѣсяцѣ. Часу въ шестомъ Перепетуя Петровна проснулась и пробыла нѣсколько минутъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ не знаетъ еще хорошенько, проснулся онъ или нѣтъ, а потомъ старалась припомнить, день былъ это или ночь; однимъ словомъ — она заспалась, что, какъ извѣстно, часто случается съ здоровыми людьми, легшими послѣ сытнаго обѣда успокоить свое бренное тѣло. Это полусознательное состояніе Перепетуи Петровны было прервано приходомъ горничной дѣвки со свѣчою.

— Палашка! Это ты? — сказала барыня, жмуря глаза, которымъ, видно, было непріятно ощущеніе свѣта.

— Я, матушка.

— Что тебѣ?

— Ѳеоктиста Саввична пріѣхали.

— Что же ты, дура, давно мнѣ не скажешь, — проговорила Перепетуя Петровна, вставая проворно съ постели, насколько можетъ проворно встать женщина лѣтъ около 50-ти и пудовъ шести вѣса, а потомъ, надѣвъ передъ зеркаломъ траурный тюлевый чепецъ, съ печальнымъ лицомъ, медленнымъ шагомъ вышла въ гостиную. Гостья и хозяйка молча поцѣловались и усѣлись на диванѣ.

— Я, въ моемъ горестномъ положеніи, — сказала печаль-

нымъ тономъ Перепетуя Петровна: — сижу больше тамъ у себя, даже съ закрытыми окнами: какъ-то при свѣтѣ-то еще грустнѣе.

— Что̀ мудренаго, что̀ мудренаго! — повторяла гостья тоже плачевнымъ голосомъ, покачивая головою: — впрочемъ, я вамъ откровенно скажу: Бога ради, не убивайте вы себя такъ... Конечно, несчастье велико: въ одно время, что̀ называется, умеръ зять и съ сестрою параличъ; но, Перепетуя Петровна, нужна покорность... Что̀ дѣлать! Вѣдь ужъ не поможешь. Я, признаться сказать, таки-нарочно пріѣхала провѣдать, какъ и васъ-то Богъ милуетъ; полноте... берегите свое-то здоровье — не молоденькія, матушка.

Перепетуя Петровна ничего не отвѣчала на эти утѣшительныя слова; но съ половины монолога начала рыдать, закрывъ лицо носовымъ платкомъ. Этотъ обычный пріемъ плачущихъ былъ весьма кстати для Перепетуи Петровны, потому что выраженіе лица ея въ эту горькую минуту очень было некрасиво: слезы какъ-то не шли къ ея полной, отчасти грубоватой и лишенной всякаго выраженія физіономіи. Ѳеоктиста Саввична, тожественная своею наружностью и вѣсомъ тѣла Перепетуѣ Петровнѣ, смотрѣла на нее нѣсколько минутъ съ участіемъ, а потомъ и сама принялась плакать.

— Я видѣть ее не могу, мою голубушку, — проговорила наконецъ Перепетуя Петровна, всхлипывая: — представить ее даже не могу.

— Это-то и дурно, Перепетуя Петровна, — перебила утѣшительница: — ну, зятя, конечно, ужъ не воротишь, человѣкъ мертвый; а сестрица, вотъ вамъ какъ Богъ святъ, выздоровѣетъ. У меня покойникъ два раза былъ въ параличѣ, все лицо было сворочено на сторону, да прошло; это вѣдь проходитъ.

— Нѣтъ, матушка! — говорила Перепетуя Петровна: — я ужъ совѣтовалась о ней съ Карломъ Иванычемъ, — съ ней не пройдетъ. Охъ, Господи! Грудь даже начала болѣть; никогда прежде этого не бывало. Онъ говоритъ, у ней началось съ помѣшательства, съ гипохондріи.

— Что жъ такое гипохондрія — ничего! — возразила Ѳеоктиста Саввична. — Да вотъ недалеко примѣръ — Басуновъ, Саши, племянницы моей, мужъ, цѣлый годъ былъ въ гипохондріи, однако прошло, теперь здоровъ совершенно. Что̀ же послѣ открылось? Его безпокоило, что имѣніе было въ залогѣ; жена глядѣла-глядѣла, видитъ — дѣлать нечего, заложила свою деревню, а его-то выкупила, и — прошло.

— Какъ странно однако это случилось! — начала Пере-

петуя Петровна: — она сначала, какъ умеръ Василій Петровичъ... ничего... Конечно, грустила, только слезъ какъ-то не было: не плакала... Ну, безъ сомнѣнія, я каждый день то сама, то посылаю; не повѣрите, всѣ ночи не сплю, не знаю, какъ и самоё-то Богъ подкрѣпляетъ; вотъ, сударыня моя, наканунѣ Троицына дня приходитъ ея Мароутка-ключница и говоритъ мнѣ:—«Что̀ это, говоритъ, матушка, у насъ барыня-то все задумывается?» А я и говорю:—«Какъ же, я говорю, не задумываться: это по-вашему ничего, кто бы ни умеръ, мать ли, мужъ ли — все равно». А она мнѣ на это и говоритъ (она, даромъ что простая, — умная этакая, смѣтливая женщина):— «Нѣтъ, говоритъ, матушка, барыня-то что-то очень сумнительна: все насъ изволитъ высылать вонъ и все перебираетъ письма Василья Петровича да Павла Васильевича, а вчера какъ будто бы и заговариваться стала: говоритъ, а что̀ — и понять невозможно». Я такъ и не опомнилась! Охъ, Боже мой! Разсказывать даже тяжело. Какъ сидѣла вотъ на этомъ диванѣ, такъ руки и ноги охолодѣли; ничего не помню! Въ безпамятствѣ меня одѣли, снарядили, привезли къ ней, и вижу: параличъ во всей; кажется, и меня даже не узнала.

Перепетуя Петровна замолчала и вздохнула; Ѳеоктиста Саввична тоже сидѣла, задумавшись.

— Да, вотъ, можно сказать, истинное-то несчастье! — начала послѣдняя: — непритворное-то чувство! Видно, что было тяжело перенесть эту потерю; я знаю это по себѣ. Ахъ, какъ это тяжело! Вотъ ужъ можно сказать, что потеря мужа ни съ чѣмъ не можетъ сравниться! Кто ближе его? Никто! Другъ, что̀ называется, на всю жизнь человѣческую. Гдѣ дѣти-то Анны Петровны?

— Лиза писала, что пріѣдетъ и съ мужемъ сюда совсѣмъ на житье; а Паша ужъ мѣсяца съ три какъ пріѣхалъ изъ Москвы: онъ, слава Богу, всѣ ихные тамъ экзамены кончилъ хорошо: въ ниверситетѣ вѣдь онъ былъ.

— Это я слышала. Что-то онъ, бѣдненькій? Его-то положеніе ужасно: онъ былъ, какъ говорится, маменькинъ сынокъ.

Перепетуя Петровна вздохнула.

— Что̀ онъ? Ничего... мужчина! У нихъ, знаете, какъ-то чувствъ-то этакихъ нѣтъ... А ужъ онъ и особенно всегда былъ такой неласковый. Ну, вотъ хоть ко мнѣ: я ему, недалеко считать, родная тетка! Вѣдь никогда, сударыня моя, не придетъ, чтобы этакъ приласкаться: поговорилъ бы, посовѣтовался, разсказалъ бы что-нибудь, — никогда! Придетъ, сидитъ да ногой болтаетъ, — согрѣшила, грѣшная, я съ вами, Ѳеоктиста Саввична, говорю откровенно...

— Э, полноте, Перепетуя Петровна, — перебила Ѳеоктиста Саввична — вы, я думаю, знаете: я не болтушка какая-нибудь; слава Богу, десятый годъ живу здѣсь, а никогда, можно сказать, ни въ одной скандалезности не была замѣшана.

— Потому-то я съ вами и говорю. Грустно этакъ на сердцѣ-то носить, особенно семейныя непріятности, — продолжала Перепетуя Петровна. — Охъ, Боже мой! Опять забыла, о чемъ начала...

— О Павлѣ Васильевичѣ.

— Да, о Пашѣ. Конечно, я хоть и родная тетка, а всегда скажу: онъ не картежникъ, не мотъ какой-нибудь, не пьяница— этого ничего нѣтъ, да ученья-то въ немъ какъ-то не видно, а ужъ его ли, кажется, не учили? Шесть лѣтъ въ гимназіи сидѣлъ да въ Москвѣ лѣтъ пять былъ; ну вотъ, хоть и теперь, безпрестанно все читаетъ, да только толку-то не видать: ни этакого, знаете, обращенія, ловкости этакой въ обществѣ, какъ у другихъ молодыхъ людей, или этакихъ умныхъ, солидныхъ разговоровъ — ничего нѣтъ! Лѣность непомѣрная, моціону никакого не имѣетъ: цѣлые дни сидитъ да лежитъ... тюфякъ, совершенный тюфякъ! Я еще его маленькаго прозвала тюфякомъ.

— Что это за странность? Стало-быть, онъ и въ военную службу не пойдетъ?

— Какой онъ военный! Сама сестра тутъ виновата: конечно, ужъ теперь про нее говорить нечего... человѣкъ больной... не внушала ему никогда, надзору настоящаго не было: «Паша! Паша!»—и больше ничего; что Паша ни дѣлай, все хорошо. Паша не выходитъ при гостяхъ въ гостиную и сидитъ тамъ у себя... Прекрасно, батюшка: бѣгай хорошаго общества! Отдали танцовать учиться, чрезъ мѣсяцъ пришелъ: «я не хочу, маменька, учиться танцовать, я неспособенъ!» Какая тутъ способность? Всякій молодой человѣкъ способенъ!— И то прекрасно: не учись, сынокъ, будь медвѣдемъ. А опять, хоть бы за столомъ... у меня всегда, бывало, ссора: чернаго хлѣба совершенно не ѣстъ, а теперь вотъ на здоровье жалуется... Ему, бывало, очень непонутру, какъ я пріѣду; я вѣдь не люблю, безпрестанно замѣчаю: «Паша, сиди хорошенько; Паша, будь поразвязнѣе, поди умой руки!» Ну и получше: поисправится... какъ быть дворянскій мальчикъ. Сестра добрая женщина, а мать была слабая. Говорятъ, въ собственныхъ дѣтяхъ нельзя видѣть недостатковъ; пустое! Будь у меня дѣти, я бы первая все видѣла! Вотъ Лиза совсѣмъ не то; какъ была отдана съ малолѣтства въ чужіе люди, такъ и вышла другая! Ее, еще четырехъ лѣтъ, увезла сестра Ва-

силья Петровича, классная дама... Ну, а какъ сюда пріѣхала, манеры-то тоже очень начала терять. Хорошо, что я же нашла жениха, а то, пожалуй, и теперь бы сидѣла въ дѣвкахъ... никто бы и не замѣтилъ. Ну, сначала было все хорошо, очень были рады, что выходитъ замужъ, а послѣ на меня же была претензія; Василій Петровичъ часто говаривалъ: «Богъ съ вами, сестрица, спровадили отъ насъ Лизу за тридевять земель, жила бы лучше поближе къ намъ; зять — человѣкъ неизвѣстный, Богъ знаетъ, какъ и живетъ». Что же вышло? Человѣкъ прекрасный, каждую почту пишетъ ко мнѣ преласковыя письма: «почтеннѣйшая тетушка!», и потомъ все такъ умно излагаетъ. Очень, очень неглупый человѣкъ.

Въ продолженіе всей этой рѣчи Ѳеоктиста Саввична качала головой и по временамъ вздыхала.

— Сколько у васъ непріятностей-то было, Перепетуя Петровна,—начала она послѣ непродолжительнаго молчанія: — особенно, зная вашу родственную-то любовь... Какъ вѣдь это грустно, когда видишь, что дѣлается не такъ, какъ бы хотѣлось!

— Что дѣлать, Ѳеоктиста Саввична? Вся жизнь моя, можно сказать, прошла въ горестяхъ: въ молодыхъ годахъ жила съ больнымъ отцомъ, шесть лѣтъ въ церкви Божьей не бывала, ходила за нимъ, что называется, денно и нощно, никогда не роптала; только, бывало, и удовольствія, что съѣзжу въ ряды да нарядовъ себѣ накуплю: наряжаться любила... Говорили послѣ, что я вдвое больше получила противъ сестры... пустое! Дѣло ужъ прошлое: лишней копейки нѣтъ на моей совѣсти. А и теперь, для чего я живу?.. Племянники — не родныя дѣти; нынче и на родныхъ-то дѣтей нельзя положиться, и въ нихъ иногда нѣтъ утѣшенія.

— Именно такъ, именно... — подтверждала Ѳеоктиста Саввична.

Разговоръ еще нѣсколько времени продолжался на ту же тему. Наконецъ Ѳеоктиста Саввична начала прощаться. Перепетуя Петровна умоляла ее пробыть вмѣстѣ съ нею вечеръ; но Ѳеоктиста Саввична рѣшительно отказалась: она почувствовала непреоборимое желаніе передать въ одномъ дружественномъ для нея домѣ все, что она узнала отъ Перепетуи Петровны насчетъ ея семейныхъ непріятностей. Хозяйка, видя невозможность оставить у себя свою гостью на вечеръ, рѣшилась сама, отъ-нечего-дѣлать, исполнить священный долгъ и навѣстить свою больную сестру. Такимъ образомъ обѣ дамы сошли вмѣстѣ съ крыльца и разсѣлись по своимъ экипажамъ.

Ѳеоктиста Саввична... Но здѣсь я долженъ нѣсколько оста-

новиться и обратить вниманіе читателя на дружественный для нея домъ. Домъ этотъ состоялъ изъ отца, матери и двухъ дочерей и принадлежалъ къ высшему губернскому кругу. Владиміръ Андреичъ Кураевъ былъ представитель и родоначальникъ его. Жилъ онъ открыто и былъ человѣкъ въ обществѣ видный, рѣзкій немного на языкъ, любилъ порезонерствовать и владѣлъ даромъ слова; наружность имѣлъ онъ очень внушительную, солидную и даже нѣсколько строгую. Говорили въ городѣ, что будто бы онъ былъ немного деспотъ въ своемъ семействѣ, что у него всѣ домашніе плясали по его дудкѣ, и что его властолюбіе прорывалось даже иногда при посторонихъ, несмотря на то, что онъ, видимо, стараясь дать женѣ вѣсъ въ обществѣ, называлъ ее всегда по имени и отчеству, то-есть Марьей Ивановной, относился часто къ ней за совѣтами и спрашивалъ ея мнѣнія, говоря такимъ образомъ: «Какъ вы думаете, Марья Ивановна?» — «Что вы на это скажете, Марья Ивановна?» Покупая какую-нибудь вещь въ лавкахъ, онъ обыкновенно говорилъ приказчику:—«Принеси, братецъ, на домъ, я посовѣтуюсь съ Марьей Ивановной!» Вещь приносили, и Владиміръ Андреичъ оставлялъ ее за собою въ долгъ. Что касается до Марьи Ивановны, то это было какое-то существо совершенно безличное, и она служила только слабымъ отраженіемъ своего супруга: что бы она вамъ ни говорила, вы непремѣнно это слышали, за нѣсколько дней, отъ Владимира Андреича. Были слухи, будто бы Марья Ивановна говорила иногда и отъ себя, высказывала иногда личныя свои мнѣнія, такъ, напримѣръ: жаловалась на Владимира Андреича, говорила, что онъ рѣшительно ни въ чемъ не даетъ ей воли, а все потому, что взялъ ее безъ состоянія, что онъ человѣкъ хитрый и хорошъ только при людяхъ; на дочерей своихъ она тоже жаловалась, особенно на старшую, которая, по ея словамъ, только и боялась отца. Въ обществѣ Марья Ивановна слыла за женщину недальную, но добрую и рѣшительно не сплетницу. Двѣ дочери ихъ, Юлія и Надежда, были первыя красавицы во всемъ городѣ, или, по крайней мѣрѣ, такъ убѣждены были ихъ родители. Стоявшіе въ этомъ городѣ армейскіе офицеры старшую прозвали гордою брюнеткой, а младшую—рѣзвою блондинкой. Брюнетка была похожа на отца и вела себя въ обществѣ скромно и даже нѣсколько гордо; дома же, особенно у себя въ комнатѣ, была гораздо говорливѣе, давала своей горничной безпрестанныя нотаціи за различныя упущенія по туалету. Блондинка была одинакова какъ въ обществѣ, такъ и у себя въ комнатѣ, то-есть немного скора и необдуманна: съ дѣвками больше смѣялась, никогда не да-

вала имъ наставленій и очень скоро одѣвалась на балы. О состояніи Кураевыхъ носились какіе-то двусмысленные слухи. По моему мнѣнію, судя по ихъ образу жизни, прямо бы надобно было заключить, что они богаты; но нашлись подозрительные умы, которые будто бы очень хорошо знали, что у Кураевыхъ всего 150 мотанныхъ и промотанныхъ душъ, что денегъ ни гроша, и что хотя Владиміръ Андреичъ и разсказывалъ, что онъ очень часто получаетъ наслѣдства, но живетъ онъ, по словамъ тѣхъ же подозрительныхъ умовъ, не совсѣмъ благородными аферами, начиная съ займа, гдѣ только можно, и кончая обдѣлываніемъ разнаго рода маленькихъ подрядцевъ. Вотъ что говорили подозрительные умы.

Ѳеоктиста Саввична, несмотря на то, что могла быть отнесена къ вышеозначеннымъ подозрительнымъ умамъ, являлась и теперь явилась въ дружественный для нея домъ съ почтеніемъ, похожимъ даже нѣсколько на подобострастіе. Хозяйкѣ и барышнямъ раскланялась она жеманно, свернувъ нѣсколько голову набокъ, а Владиміру Андреичу, видно, для выраженія своего почтенія, присѣла ниже, чѣмъ прочимъ. Усѣвшись, она тотчасъ же начала разсказывать, что вчера, на обѣдѣ у Жустковыхъ, Махмурова наговорила за мужа большихъ дерзостей Подслѣповой, что Бахтіаровъ купилъ еще лошадь у ея двоюроднаго брата, что какой-то Августинъ Августинычъ третій мѣсяцъ страдаетъ насморкомъ, и что эта несносная болѣзнь заставляетъ его, несмотря на твердый характеръ, даже плакать. Владиміръ Андреичъ сидѣлъ, развалясь въ креслахъ, и рѣшительно не обращалъ вниманія на разсказы Ѳеоктисты Саввичны; барышни также мало ею занимались: онѣ въ это время, отъ-нечего-дѣлать, разсматривали модную картинку и потихоньку растолковывали ее другъ другу.—«Это, должно-быть, тюлевая пелеринка», — говорила одна.—«Нѣтъ, та сѣге, это блондовая», и тому подобное. Слушала Ѳеоктисту Саввичну одна только Марья Ивановна, но и та скоро вышла къ себѣ въ комнату.

— Чѣмъ это вы, Юлія Владимировна, занимаетесь? — отнеслась Ѳеоктиста Саввична къ дѣвушкамъ.

— Смотримъ, — отвѣчала брюнетка.

— Что это такое смотрите?

— Картинку изъ журнала.

Ѳеоктиста Саввична пододвинулась къ барышнямъ.

— Что же это такое? Моды?

— Моды.

— Нынѣшнія?

— Нынѣшнія.

— Нынче наряжайтесь, барышни, наряднѣе: у васъ зимой будетъ новый кавалеръ.

— Ихъ всегда много, — отвѣчала съ гримасою брюнетка.

— Кто такой? — спросила блондинка.

— Ловкій... красавецъ изъ себя... богатый.

— Кто же это такой? — проговорилъ Владимиръ Андреичъ.

— Василья Петровича Бешметева сынъ; чай, изволите знать?

— Знаю. Да откуда же ему богатство-то досталось?

— Я вѣдь смѣюсь. Мѣсяцъ только и танцовать-то учился: молодой еще человѣкъ, только просто медвѣдь; сидитъ да ногой болтаетъ; и родные-то тюфякомъ зовутъ. Не больно, кажется, и уменъ; говорить рѣшительно ничего не умѣетъ.

— Жалкій какой! — замѣтила брюнетка.

— А собой хорошъ? — спросила блондинка.

— Не такъ красивъ: волосы взъерошенные, руки неумытыя.

— Фи, гадость какая! Хочется вамъ это разсказывать! — произнесла брюнетка.

— За что же его зовутъ тюфякомъ? — спросила блондинка.

— Очень ужъ неловокъ, неразвязенъ, — отвѣчала Ѳеоктиста Саввична.

— Какъ это смѣшно! Тюфякъ! — продолжала блондинка: — я непремѣнно пойду съ нимъ танцовать; я очень люблю танцовать съ этими *несчастными*.

— Вотъ этого-то тебѣ и не позволятъ сдѣлать, — возразилъ Владимиръ Андреичъ: — я ужъ замѣтилъ, что ты всегда съ дрянью танцуешь. А отчего? Оттого, что все готово. Какъ бы своя ноша потянула, такъ бы и знала, съ кѣмъ танцовать, да! — заключилъ онъ выразительно и вышелъ.

Блондинка покраснѣла.

На другой день Ѳеоктиста Саввична, на крестинахъ у своего двоюроднаго брата, у котораго Бахтіаровъ купилъ лошадь, разсказывала, что Перепетуя Петровна до сихъ поръ все еще плачетъ по зятѣ и очень недовольна пріѣхавшимъ изъ Москвы племянникомъ, потому что онъ вышелъ человѣкъ грубый, безъ всякаго обращенія, рѣшительно тюфякъ. На этотъ ея разсказъ по преимуществу обратили вниманіе: рябая дама, знакомая Перепетуи Петровны, и какой-то мозглый старичокъ, пользовавшійся, по его словамъ, расположеніемъ Анны Петровны. А дней черезъ нѣсколько, съ помощью Ѳеоктисты Савичны и исчисленныхъ мною особъ, многіе, очень многіе узнали, что послѣ покойнаго Бешметева пріѣхалъ сынъ, ужасный чудакъ неловкій, да, кажется, и недальній — просто тюфякъ.

II.

Братъ, сестра и тетка.

Между тѣмъ какъ такимъ образомъ разносился слухъ о молодомъ Бешметевѣ, онъ сидѣлъ, задумавшись, въ своей комнатѣ. Невдалекѣ отъ него помѣщалась молодая женщина: это была его сестра, Лиза, какъ называла ее Перепетуя Петровна. Бешметевъ дѣйствительно никакимъ образомъ не могъ быть отнесенъ, по своей наружности, къ красивымъ и статнымъ мужчинамъ: средняго роста, но широкій въ плечахъ, съ впалою грудью и съ большими руками, онъ подлинно былъ, какъ выражаются дамы, очень дурно сложенъ и даже неуклюжъ; въ движеніяхъ его обнаруживалась какая-то вялость и неповоротливость; но если бы вы стали всматриваться въ его широкое, блѣдное и неправильное лицо, въ его большіе голубые глаза, то постепенно стали бы открывать что-то такое, что̀ вамъ понравилось бы, очень понравилось. Говорятъ, что это — оттѣнки мысли и чувствъ, которые въ иныхъ лицахъ не даютъ себя замѣтить при первомъ взглядѣ. Бѣлые волосы его не были взъерошены, какъ говорила Ѳеоктиста Саввична, но, умѣренно-подстриженные, они, конечно, лежали, какъ имъ хотѣлось, что̀, впрочемъ, очень шло къ его блѣдному и большому лбу; одѣтъ онъ былъ небрежно.

Совершенно другой наружности была Лизавета Васильевна; высокая ростомъ, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, съ роскошными волосами, которые живописно собирались сзади въ одну темную косу, она была почти красавица въ сравненіи съ братомъ. Въ одеждѣ ея замѣтны были вкусъ и опрятность, что̀, какъ извѣстно, дается въ удѣлъ немногимъ губернскимъ барынямъ. Въ выраженіи лица молодой женщины высказывалось что-то грустное, почему она и казалась какъ бы старше двадцати пяти лѣтъ, которыя прожила на бѣломъ свѣтѣ. Братъ и сестра сидѣли задумавшись; глаза Лизаветы Васильевны были заплаканы. Они только вышли отъ больной матери. Старуха была разбита параличомъ, отнявшимъ у нея движеніе и языкъ и затмившимъ почти совершенно умственныя способности; она помнила и узнавала одного только Павла. Большею частью она была въ безпамятствѣ, а пришедши въ себя, то истерически смѣялась, то плакала. Лизавету Васильевну она совершенно не узнала: напрасно Павелъ старался ей напомнить о сестрѣ, которая съ своей стороны начала-было разсказывать о дѣтяхъ, о мужѣ: старуха ничего не понимала и только, взглядывая на Павла, улыба-

лась ему и какъ бы силилась что-то сказать; а черезъ нѣсколько минутъ пришла въ безпамятство.

Павелъ, получившій отъ медика приказаніе не безпокоить мать въ подобномъ состояніи, позвалъ сестру, и оба они усѣлись въ гостиной. Долго не вязался между ними разговоръ: они такъ давно не видались, у нихъ было такъ много горя, что слово какъ бы не давалось имъ для выраженія того, что совершалось въ эти минуты въ ихъ сердцахъ: они только молча мѣнялись ласковыми взглядами.

— Какъ мы съ тобой давно не видались, Поль! — начала наконецъ Лизавета Васильевна.

— Давно, Лиза.

— Перемѣнилась я съ тѣхъ поръ?

— Очень перемѣнилась.

— У меня двое дѣтей; старшій сынъ ужасно похожъ на тебя.

— А мужъ твой, Лиза?

— Мужъ у меня, братецъ... Онъ немного вѣтренъ; но, впрочемъ, добрый человѣкъ и, кажется, любитъ меня.

— Зачѣмъ же ты за него вышла?—спросилъ Павелъ, глядя на сестру.

— Богу такъ угодно! Насъ сосватала тетушка: она уговорила батюшку и матушку, насказавши имъ о безчисленномъ богатствѣ моего мужа.

— И что жъ? Это вышло правда?

— Правда, — отвѣчала, съ горькою улыбкою, молодая женщина.

— Помнишь, что ты мнѣ говорила?

— Что я тебѣ говорила?

— Что ты...

Молодая женщина улыбнулась.

— Это давно уже прошло, — отвѣчала она, вспыхнувъ.

— Тебя не уговаривали выйти за другого?

— Нѣтъ, Поль, я сама первая согласилась, — отвѣчала молодая женщина.

— Не можетъ быть!

— Отчего же не можетъ быть?.. Но, впрочемъ, перестанемъ говорить объ этомъ, Поль... Это была глупость, и больше ничего.

— А я на-дняхъ еще встрѣтилъ Бахтіарова.

Лизавета Васильевна вдругъ поблѣднѣла.

— Развѣ онъ здѣсь? — спросила она, стараясь скрыть внутреннее волненіе; но голосъ ея дрожалъ, губы слегка посинѣли...

Павелъ молчалъ и только внимательно посмотрѣлъ на сестру.

— Лучше поговоримъ о себѣ, — начала Лизавета Васильевна, стараясь перемѣнить предметъ разговора: — что ты съ собой хочешь дѣлать?

Этотъ вопросъ смутилъ въ свою очередь Павла.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ты думаешь здѣсь служить?

— Нѣтъ.

— Такъ, стало-быть, ты хочешь уѣхать, опять съ нами разстаться надолго?

— Да, мнѣ надобно бы было ѣхать.

— Но матушка? Какъ ты ее оставишь?

Павелъ задумался.

— Мое положеніе, — началъ, онъ: — очень непріятно... Я думалъ непремѣнно ѣхать.

— Поживи, братецъ, съ нами.

— Нельзя, Лиза, мнѣ бы хотѣлось подготовить себя и выдержать на магистра.

— Ну, а потомъ что?

— А потомъ... Потомъ можетъ быть очень хорошо... Это лучшая для меня дорога.

— Такъ поѣзжай.

— А матушка?..

Лизавета Васильевна нѣсколько минутъ ничего не отвѣчала.

— Ей, можетъ-быть, сдѣлается лучше, — начала она: — и ты поѣдешь; она тоже къ тебѣ пріѣдетъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ пріѣздомъ Перепетуи Петровны.

— Лизанька! Другъ мой! Ты ли это? — вскрикнула она, почти вбѣжавши въ комнату, и бросилась обнимать племянницу; затѣмъ слѣдовало съ полдюжины поцѣлуевъ; потомъ радостныя слезы.

— Давно ли ты, милушка моя, пріѣхала?—говорила тетка нѣсколько успокоившись и усаживаясь на диванѣ.

— Сегодня утромъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Что сестричушка-то? Я и не спросила о ней.

— Матушка заснула, — отвѣчалъ Павелъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Пусть ее почиваетъ. Здравствуй, Паша. Я тебя-то и не замѣтила; подвинь-ка мнѣ скамеечку подъ ноги: этакій какой неловкій — никогда не замѣтитъ. — Павелъ подалъ скамеечку. — Погляди-ка на меня, дружокъ мой, — продолжала Перепетуя Петровна, обращаясь къ племянницѣ: — какъ ты похорошѣла, пополнѣла. Видно, мать моя, не въ загонѣ живешь? Не съ прибылью ли ужъ?

Ну, что муженекъ-то твой? Я его, голубчика, ужъ давно не видала.

— Онъ дома остался; слава Богу, здоровъ, — отвѣчала Лизавета Васильевна, цѣлуя у тетки руку.

Перепетуя Петровна больше любила племянницу, чѣмъ племянника, потому что та была къ ней ласковѣе.

— Что дѣточки-то твои? Михайла Николаичъ писалъ, что они просто милашки.

— Я завтра ихъ привезу къ вамъ, тетушка.

— Непремѣнно привези! Смотри же, одна и не ѣзди! Паша, полно сидѣть букой-то; пододвинься, батюшка, къ намъ; поговори хоть съ сестрой-то; вѣдь, я думаю, лѣтъ пять не видались?

— Мы съ нимъ ужъ, тетушка, наговорились и наплакались.

— Счастье твое, мать моя! А со мной — такъ онъ не больно говорливъ. О чемъ это съ тобою-то говорилъ?

— Разсказывалъ свои обстоятельства.

— Мнѣ никогда ни слова не говорилъ. Какія же его обстоятельства? Да скажи, батюшка, хоть что-нибудь. Что ты скрываешь? Что я тебѣ чужая, что ли? Зла, что ли, я тебѣ желаю? Я, кажется, ничего тебѣ не показывала, кромѣ моего расположенія; грѣхъ тебѣ, Паша! Какія же это обстоятельства?

— Сестра вамъ лучше разскажетъ; она знаетъ все, — отвѣчалъ Павелъ, съ величайшимъ терпѣніемъ выслушивавшій претензіи тетки.

— Какія же обстоятельства? — спросила снова любопытная Перепетуя Петровна, уже обращаясь къ племянницѣ.

— Вотъ видите, тетушка, брату нужно ѣхать въ Москву.

— Это зачѣмъ? — почти вскрикнула Перепетуя Петровна.

— Ему надобно выдержать на магистра.

— Что же это, должность, что ли, какая?

— Все равно, что должность, — отвѣчалъ Павелъ.

— А жалованье велико ли?

— Жалованья нѣтъ.

— Такъ какая же это должность? Этакихъ-то должностей и здѣсь много. Какъ же ты мать-то оставишь?

— Это-то меня и безпокоитъ, тетушка.

— Отчего ты не хочешь здѣсь служить? Не хуже тебя служитъ Ѳедосьи Парфентьевны сынъ; ужъ именно, можно сказать, прекрасный молодой человѣкъ: съ обращеніемъ, по-французски такъ и рѣжетъ, да вѣдь служитъ же; скоро, говорятъ, чинъ получитъ; а тебѣ отчего не служить? Ты вспомни мать-то свою, чѣмъ она для тебя не жертвовала? Здоровья своего, что называется, не щадила; немало съ тобой возилась,

не молоденькая была, а тебѣ не хочется остаться успокоить ее въ послѣднія, что̀ называется, минуты. Лиза... конечно! Ну, да что же дѣлать? Она ту меньше любила, да вѣдь она ужъ и отрѣзанный ломоть: у нея свои обязанности, свое семейство; иной бы разъ и рада угодить матери, да не можетъ, впору и мужу угождать да тѣшить его; а ты свободный человѣкъ, мужчина! Нѣтъ, сударь, не слѣдуетъ; за это Богъ тебѣ всю жизнь не дастъ счастья! Нечего супиться-то, я правду говорю.

— Все это хорошо... и я самъ знаю, тетушка, — возразилъ Павелъ.

— Нѣтъ, видно, не знаешь, коли хочешь дѣлать другое.

— Я думаю ѣхать, если матушка сама мнѣ это позволитъ, а послѣ и ее къ себѣ перевезти.

Перепетуя Петровна при этихъ словахъ покраснѣла, какъ вареный ракъ.

— Нѣтъ уже, Павелъ Васильичъ, извините, — начала она непріятно-звонкимъ голосомъ: — этого-то мы никакъ не допустимъ сдѣлать; да я первая не позволю увезти отъ меня больную сестру; чѣмъ же ты насъ-то послѣ этого считаешь? Чужая, что ли, она намъ? Она такъ же близка нашему сердцу, можетъ-быть, ближе, чѣмъ тебѣ. Ты умница, я вижу: отдай ему мать таскать тамъ съ собой, чтобы какой-нибудь дряни,— согрѣшила, грѣшная, — отдалъ подъ начало.

— Тетушка! — началъ-было Павелъ.

— Не смѣйте, сударь, этого и думать! — возразила Перепетуя Петровна. — Она, конечно, человѣкъ больной... пожалуй, онъ это сдѣлаетъ, увезетъ ее... Да вотъ, дай Господи мнѣ на этомъ мѣстѣ не усидѣть: я первая до начальства пойду, ей-Богу! Губернатору просьбу подамъ...

— Успокойтесь, тетушка, — сказала Лизавета Васильевна.

— Что̀ это, сударыня, какъ это возможно? Вишь какой финти-фантъ! Пожалуй, гляди ему въ зубы-то... Пусть одинъ ѣдетъ, уморитъ ее; по крайней мѣрѣ, на совѣсти-то у насъ не будетъ лежать. Ему, я думаю, давно хочется ее спровадить.

Павелъ весь вспыхнулъ.

— Богъ съ вами, тетушка! — проговорилъ онъ и ушелъ къ себѣ въ комнату.

Больная въ это время простонала.

— Матушка-то моя простонала, — заговорила вдругъ совершенно другимъ голосомъ Перепетуя Петровна и вошла въ спальню къ сестрѣ. — Здравствуй, голубушка, поздравляю тебя съ радостью; вотъ у тебя обѣ твои пташки подъ крылышками. О, голубушка моя! Какая она сегодня свѣжая; дай ручку поцѣловать.

При этихъ словахъ Перепетуя Петровна поцѣловала у сестры руку.

— Позови, матушка, Павла-то сюда, — прибавила она, обращаясь къ племянницѣ.

Лизавета Васильевна пошла за братомъ. Павелъ стоялъ, прислонясь къ окну; слезы, невѣдомо для него самого, текли по его щекамъ.

— Братецъ! Пойдемъ къ матушкѣ, — сказала тихо Лизавета Васильевна.

Павелъ, какъ бы пробудившись отъ сна, вздрогнулъ; потомъ, увидѣвъ, что это была сестра, обнялъ ее, крѣпко поцѣловалъ, утеръ слезы и пошелъ къ матери.

— Вотъ тебѣ и Паша! Подойди къ матери-то, приласкайся, — говорила Перепетуя Петровна, усѣвшаяся на кровати рядомъ съ сестрою.

Больная, не обращая вниманія на ея слова, взяла сына за руку и начала глядѣть на него.

— Будь спокойна, матушка сестрица, онъ не поѣдетъ, — заговорила Перепетуя Петровна: — какъ ему ѣхать? Онъ не можетъ этого и подумать; его Богъ накажетъ за это.

На глазахъ старухи показались слезы.

— Не уѣдетъ, матушка, ей-Богу, не уѣдетъ! Какъ это возможно? Мы всѣ его не отпустимъ. Скажи, сударь, самъ-то, что не поѣдешь. Что молчишь?

Больная сначала расхохоталась, потомъ перешла къ слезамъ и начала рыдать.

— Что это, Павелъ Васильевичъ! — вскрикнула Перепетуя Петровна, вышедъ изъ себя: — до чего ты доводишь мать-то? Безстыдникъ этакій! Бога не боишься!

— Поль! Успокой маменьку, — сказала Лизавета Васильевна брату.

— Я не поѣду, матушка, — проговорилъ наконецъ Павелъ.

Но старуха не унималась и продолжала плакать.

— Я не ѣду, матушка, я всю жизнь буду при васъ, — говорилъ онъ, цѣлуя мать.

Лизавета Васильевна и Перепетуя Петровна плакали; послѣдняя даже рыдала очень громко, приговаривая: — Давно бы такъ, сударь, что это за неблагодарность такая, за нечувствительность?

Еще съ полчаса продолжалась эта сцена. Наконецъ больная успокоилась и заснула. Тетка уѣхала вмѣстѣ съ Лизаветой Васильевной, за которой мужъ прислалъ лошадей, а Павелъ ушелъ въ свою комнату.

— Господи! Что мнѣ дѣлать? — сказалъ онъ, всплеснувъ руками, и бросился на постель.

Цѣлый часъ почти пролежалъ онъ, не измѣнивъ положенія; потомъ всталъ и, казалось, былъ въ сильномъ волненіи: руки его дрожали; въ лицѣ, обычно задумчивомъ и спокойномъ, появилось какое-то странное выраженіе, какъ бы всѣ мышцы лица были въ движеніи, темные глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Онъ началъ разбирать свои бумаги и, отложивъ изъ нихъ небольшую часть въ сторону, принялся остальныя рвать. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ мудрыя рукописи, какъ-то: лекціи, комментаріи, конспекты, сочиненія, были перерваны на нѣсколько кусковъ. Павелъ принялся-было и за книги, но корешковые переплеты устояли противъ его рукъ, и онъ удовольствовался только тѣмъ, что подложилъ ихъ къ печкѣ, видно — съ намѣреніемъ сжечь ихъ на другой день. Этотъ энергическій припадокъ, кажется, былъ не въ духѣ Павла; онъ, видимо, не былъ похожъ на тѣхъ горячихъ людей, которые, разсердившись, кричатъ, колотятъ стекла, часто бьютъ своихъ лакеевъ и даже женъ, если таковыя имѣются, а потомъ, черезъ четверть часа, преспокойно курятъ трубку. Мой студентъ, послѣ варварскаго поступка съ своими тетрадями, упалъ въ изнеможеніи на постель; въ полночь однако онъ всталъ и, кажется, нѣсколько успокоился, потому что бережно началъ собирать разорванныя бумаги и переложилъ книги отъ печки на прежнее мѣсто. Заснулъ онъ, впрочемъ, ужъ утромъ.

III.

Михайла Николаичъ Масуровъ.

На другой день, часу въ первомъ пополудни, Михайла Николаичъ Масуровъ, мужъ Лизаветы Васильевны, стоялъ у себя на дворѣ, въ шелковомъ казакинѣ, въ широкихъ шароварахъ, безъ шапки, съ трубкою въ зубахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ. Передъ нимъ гоняли на кордѣ лошадь, приведенную ему для продажи цыганомъ. Масуровъ имѣлъ курчавые волосы, здоровое, смазливое лицо и довольно красивые усы. Его шелковый казакинъ, его широкія шаровары, даже хлыстъ въ рукѣ и трубка въ зубахъ очень шли къ его наружности: во фракѣ или сюртукѣ онъ былъ бы, кажется, гораздо хуже.

Цыганъ нахваливалъ лошадь, а Масуровъ, какъ знатокъ, находилъ въ ней недостатки.

— Смотри, баринъ,— говорилъ цыганъ: — переднія-то ноги какъ несетъ! Корабли пройдутъ.

— Передняя-то хорошо несетъ, да задними-то хлябитъ; на двуногой-то, братъ, далеко не уѣдешь. Ванька! Подведи-ка ее сюда! — Ванька подвелъ лошадь къ барину. — Вотъ она гдѣ хлябитъ-то,—говорилъ Масуровъ, толкая сильно кулакомъ лошадь въ заднюю лопатку, такъ что та покачнулась:—шеи-то, смотри, ничего нѣтъ; вонъ и копыта-то точно у лошака: это ужъ, братъ, значитъ, не тово, не породиста.

— Что копыта?—говорилъ цыганъ, поднимая ногу у лошади:—ты посмотри, какая нога-то у лошади.

— Сашка! Куда ты бѣжишь? — сказалъ Масуровъ, хватая за платье горничную, которая бѣжала изъ избы съ утюгомъ.

— Полноте, сударь, гладить пора, ей-Богу, обожгу; вонъ барыня смотритъ въ окошко.

— Эка важность барыня!—И онъ ужъ хотѣлъ-было обхватить ее за талію, но она дотронулась до дерзкой руки утюгомъ; тотъ невольно отдернулъ ее, и горничная, пользуясь минутой свободы, юркнула въ сѣни.—Эка пострѣлъ хорошенькая!—замѣтилъ Масуровъ, глядя ей вслѣдъ.

Горничная дѣйствительно была хорошенькая. Лизавета Васильевна, несмотря на слабость своего супруга въ отношеніи прекраснаго пола, не оберегала себя съ этой стороны, подобно многимъ женамъ, выбирающимъ въ горничныя уродовъ или старухъ. Она въ это время точно сидѣла съ братомъ у окна; но, увидѣвъ, что ея супругъ перенесъ свое вниманіе отъ лошади къ горничной, встала и пересѣла на диванъ, приглашая то же сдѣлать и Павла; но онъ видѣлъ все—и тотчасъ же отошелъ отъ окна и взглянулъ на сестру: лицо ея горѣло, ей было стыдно за мужа; но оба они не сказали ни слова.

На кругломъ столѣ, стоявшемъ около дивана, лежала какая-то бумага. Лизавета Васильевна машинально взяла ее и развернула: это была записка слѣдующаго содержанія: «Пріѣзжайте сегодня; мы васъ ждемъ. Вы вчера зарвались; нужно же было понадѣяться на шельму валета». Лизавета Васильевна поблѣднѣла. Она очень хорошо знала смыслъ подобныхъ записокъ; безпокойство ея еще болѣе увеличилось, когда вспомнила она, что вчерашній день, сверхъ обыкновенія, оставила ключи отъ шкатулки дома. «Онъ, вѣрно, вчера игралъ»,—подумала она и вышла въ спальню. Увы!—подозрѣнія ея оправдались: шкатулка была даже не заперта; изъ пяти тысячъ, единственнаго капитала, оставшагося отъ продажи съ аукціонаго торга мужнина имѣнія, она не досчиталась ровно трехъ тысячъ. Видно, Лизаветѣ Васильевнѣ было очень жаль этихъ денегъ: она не въ состояніи была выдержать себя и заплакала; она не скрыла и отъ брата своего горя, — разсказала,

что имѣніе ихъ, въ Саратовской губерніи, продано, и что отъ него осталось только пять тысячъ рублей, изъ которыхъ прекрасный муженекъ ея успѣлъ уже проиграть больше половины; теперь у нихъ осталось только ея состояніе, т.-е. тридцать душъ. Но чѣмъ этимъ будешь жить? А главное, на что воспитывать дѣтей, которыхъ уже теперь двое? Вотъ что̀ узналъ Павелъ о ея семейныхъ обстоятельствахъ. Лизавета Васильевна просила его поговорить мужу. Павелъ обѣщался.

— Ты только сама начни, сестрица: вдругъ неловко, — замѣтилъ онъ.

Въ то же время послышался голосъ Масурова.

— Ухъ! Ой, батюшки, отцы родные!—говорилъ онъ, входя въ комнату:—ой, отпустите душу на покаяніе! — продолжалъ онъ, кидаясь въ кресла: — ой, занемогу! Ей-Богу, занемогу!— И залился громкимъ смѣхомъ.

— Что̀ тебѣ такъ весело?—спросила Лизавета Васильевна.

— Ахъ, душка моя! Ты себѣ представить не можешь, что̀ видѣлъ сейчасъ. Вообрази... вспомнить не могу...

Но звонкій смѣхъ, которымъ разразился онъ, снова прервалъ его рѣчь.

Братъ и сестра невольно улыбнулись, глядя на наивную веселость Михайлы Николаича.

— Да что̀ такое?—повторила Лизавета Васильевна.

— Вы сами умрете со смѣха, — продолжалъ Масуровъ, утирая выступившія отъ смѣха на глазахъ слезы. — Можешь себѣ представить: вхожу я въ кухню, и что̀ же? Долговязая Марѳутка сидитъ на мужѣ верхомъ и бьетъ его кулаками по рожѣ, а онъ, знаешь, пьяный, только этакъ руками барахтается.

Тутъ онъ представилъ, какъ пьяный мужъ барахтается руками, и самъ снова захохоталъ во все горло, но слушатели его не умерли со смѣха и даже не улыбнулись. Лизавета Васильевна только покачала головой, а Павелъ еще болѣе нахмурился. «И это человѣкъ,—думалъ онъ:—семьянинъ, который вчера проигралъ почти послѣднее достояніе своихъ дѣтей? Въ немъ даже нѣтъ раскаянія; онъ ходитъ по избамъ и помираетъ со смѣха, глядя на безпутство своихъ дворовыхъ людей». Михайла Николаичъ еще долго смѣялся; Павелъ потихоньку началъ разговаривать съ сестрою.

— Ну, душка,—говорилъ, унявшись, Масуровъ, обращаясь къ женѣ:—вели-ка намъ подать закусить, знаешь, этого швейцарскаго сырку да хереску. Вы, братецъ, извините меня, что я ушелъ: страстишка! Нельзя: старый, знаете, коннозаводчикъ. Да, чортъ возьми, славный былъ у меня заводъ! Какъ вамъ

покажется, Павелъ Васильичъ? Послѣ батюшки мнѣ досталось однѣхъ матокъ двѣ тысячи.

Павелъ съ удивленіемъ взглянулъ на зятя; Лизавета Васильевна только улыбнулась: она, видно, привыкла къ подобнымъ эффектнымъ выходкамъ своего супруга.

— У тебя, Мишель, всегда есть привычка прибавлять по два нуля,—замѣтила она ему.

— Вотъ прекрасно! Да ты-то почемъ знаешь? Когда ты пріѣхала, я ихъ давно проигралъ. Много, чортъ возьми, я въ жизнь мою проигралъ!

— А вчера много ли проигралъ? — спросила Лизавета Васильевна.

Масуровъ очень сконфузился.

— Я вчера не проигралъ,—отвѣчалъ онъ, запинаясь.

— Гдѣ же три-то тысячи?

Масуровъ покраснѣлъ и ничего не отвѣчалъ; онъ только моталъ головой женѣ, показывая глазами на брата, который сидѣлъ въ задумчивости.

— Нечего кивать головой-то, — говорила Лизавета Васильевна:—при братѣ я могу говорить все. Ну, скажи, Поль, хорошо ли это въ одинъ вечеръ проиграть три тысячи рублей?

— Очень нехорошо!—началъ Павелъ:—женатому человѣку не слѣдуетъ рисковать не только тысячами, но даже рублями.

Говоря это, онъ, видимо, дѣлалъ надъ собою большое усиліе.

Михайла Николаичъ переминался.

— Не стыдно тебѣ? — сказала Лизавета Васильевна.

— Ну, душка, извини, — говорилъ Масуровъ, подходя къ женѣ: — счастье сначала ужасъ какъ везло, а подъ конецъ какъ будто бы какой чортъ ему нашептывалъ: каждую карту бралъ, сѣдая крыса. Ты не повѣришь: въ четверть часа очистилъ всего, какъ липку; предлагалъ-было на вексель: «я вижу, говоритъ, вы человѣкъ благородный».

— Это еще лучше! Сколько же ты по векселю-то проигралъ?

— Ей-Богу, душка, ни копеечки. Что я? Сумасшедшій, что ли? Ты думаешь, я не понимаю, — что братецъ не скажетъ! Я семейный человѣкъ, мнѣ стыдно это дѣлать. Вотъ, какъ три тысячи проигралъ, такъ и не запираюсь: дѣйствительно проигралъ. Ну, прости меня, ангельчикъ мой, Лиза, ей-Богу, не стану больше въ карты играть: чортъ съ ними! Онѣ мнѣ даже опротивѣли... Сегодня вспомнилъ поутру, такъ даже тошнитъ.

— Немудрено послѣ такого проигрыша,—замѣтилъ Павелъ.

— Ну, душка моя, — продолжалъ Масуровъ, ласкаясь къ женѣ:—скажи, простила меня? Дай ручку поцѣловать!

Лизавета Васильевна, кажется, мало вѣрила въ раскаяніе своего мужа.

— Пустой ты человѣкъ! — сказала она, отнимая у него свою руку.

— Лизочка, душка моя! Ну, дай хоть мизинчикъ поцѣловать! Хочешь, я стану на колѣни? — И онъ дѣйствительно сталъ передъ женою на колѣни. — Павелъ Васильичъ, попросите Лизу, чтобы она дала мнѣ ручку.

Павелъ молчалъ; ему, видимо, непріятна была эта сцена. Лизавета Васильевна глядѣла на мужа съ чувствомъ сожалѣнія, очень похожимъ на презрѣніе, но подала ему руку, которую тотъ звонко поцѣловалъ.

— Важно! Гуляй теперь: жена простила! — вскричалъ Масуровъ, поднявшись на ноги и потирая руки. — Ну, теперь, душка, вели же намъ подать хересокъ и закусить... О, милашка! Славная у меня, чортъ возьми, жена, — продолжалъ онъ, глядя на уходящую Лизавету Васильевну. — Я вѣдь ее очень люблю, даже побаиваюсь.

— Вамъ нужно поосторожнѣе издерживать деньги,—началъ Павелъ, когда сестра ушла: — вы небогатый и семейный человѣкъ.

— Да вѣдь, братецъ, я, ей-Богу, даже очень скупъ: спросите хоть жену; вчера вотъ только, чортъ его знаетъ, какъ-то промахнулся. Впрочемъ, что жъ такое? У меня еще прекрасное состояніе: въ Орловской губерніи полтораста отлично устроенныхъ душъ; одни сады даютъ пять тысячъ годового дохода.

— Мнѣ сестра говорила, — возразилъ Павелъ, не могшій снести этой лжи: — что у васъ имѣніе осталось только въ здѣшней губерніи.

— Вотъ пустяки-то, такъ ужъ пустяки!—вскричалъ Масуровъ, нисколько не сконфузившись:—вѣрьте ей: она ужасная притворщица!

Подали закуску.

— Выпьемте-ка, любезный братецъ, по стаканчику хереску въ честь нашего знакомства.

Отъ стаканчика Павелъ отказался и выпилъ только рюмку; но Масуровъ выпилъ цѣлый стаканъ.

— Послушайте, братецъ, — началъ онъ, садясь около Павла:—что если я васъ о чемъ попрошу, исполните?

— Что такое?

— Нѣтъ, скажите напередъ, что вы не откажете.

— Я не знаю, въ чемъ еще состоитъ просьба.

— Нѣтъ ли у васъ рублей двухсотъ взаймы? Я такъ издержался, что, ей-Богу, даже совѣстно! Только женѣ, ради

Бога, не говорите,—продолжалъ онъ шопотомъ:—она терпѣть этого не можетъ,—мнѣ, знаете, маленькая нуждишка на собственные депансы.

Морозъ пробѣжалъ по кожѣ Павла; онъ почувствовалъ полное отвращеніе къ зятю.

— Я не имѣю денегъ,—отвѣчалъ онъ сухо.

— Ахъ, чортъ возьми, это скверно! Не знаете ли, по крайней мѣрѣ, у кого занять? — продолжалъ не унывавшій Масуровъ:—покутили бы, канальство, вмѣстѣ.

Павелъ на это ничего не отвѣтилъ, но молча всталъ и пошелъ-было въ сосѣднюю комнату.

— Куда это вы?—спросилъ его Масуровъ.

— Я ищу сестру; хочу проститься.

— Посидите! Она сейчасъ выйдетъ. Вы, видно, не охотники пошалить? А еще... — Продолженіе этой рѣчи было прервано приходомъ Лизаветы Васильевны.

— Прощай, сестрица, — сказалъ Павелъ, не могшій подавить въ себѣ непріятнаго чувства.

— Обѣдай у насъ, Поль!

Павелъ хотѣлъ-было отказаться, но ему жаль стало сестры, и онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ съ нянькой старшій сынъ Лизаветы Васильевны. Онъ, ни слова не говоря и только поглядывая искоса на незнакомое ему лицо Павла, подошелъ къ матери и положилъ ей головку на колѣни. Лизавета Васильевна взяла его къ себѣ на руки и начала цѣловать. Павелъ любовался племянникомъ и, кажется, забылъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на него зятемъ: ребенокъ былъ дѣйствительно хорошъ собою.

— Полинька! Кто это сидитъ?—спрашивала его Лизавета Васильевна, указывая на брата.

Ребенокъ глядѣлъ на Павла и молчалъ.

— Постой, я тебѣ на ушко шепну, — продолжала мать и, пригнувъ его головку, что-то ему шепнула.

— Кто же?—снова повторила она, указывая на брата.

— Дада,—отвѣчалъ шопотомъ ребенокъ.

— Полька! Поди сюда,— кричалъ Масуровъ, видно, желавшій тоже приласкать сына.

Ребенокъ посмотрѣлъ на него и не думалъ сходить съ колѣней матери.

— Поди сюда, говорятъ тебѣ!—повторилъ Масуровъ, протягивая руки:—Лиза, душка моя, пошли его ко мнѣ.

— Поди къ отцу,—сказала Лизавета Васильевна, ссаживая Поля съ колѣнъ.

Ребенокъ нехотя началъ переходить комнату, но только-что подошелъ къ папенькѣ, какъ сейчасъ же заревѣлъ. Михайла Николаичъ, по обыкновенію, ухватилъ его пухленькую щечку между пальцами и началъ трясти.

— Экій какой! Сейчасъ и заплакалъ!

Лизавета Васильевна молча встала и взяла опять сына къ себѣ на колѣни; дитя тотчасъ же замолчало.

Обѣдъ прошелъ обыкновеннымъ своимъ порядкомъ. Павелъ и Лизавета Васильевна мало ѣли и больше молчали; но зато много ѣлъ и много говорилъ Михайла Николаичъ. Онъ разсказывалъ шурину довольно странныя про себя вещи: такъ, напримѣръ, онъ говорилъ, что въ турецкую кампанію какой-то янычаръ, съ дьявольскими усами, отрубилъ у него у правой ноги икру; но ихъ полковой медикъ, отличнѣйшій знатокъ, такъ что всѣ петербургскіе врачи противъ него ни къ чорту не годятся, пришилъ ему эту икру, и не его собственную, которая второпяхъ была затеряна, а икру мертваго солдата. О своей физической силѣ и охотничьихъ своихъ способностяхъ онъ тоже отзывался не очень скромно: съ божбой и клятвою увѣрялъ онъ своихъ слушателей, что въ прежніе годы останавливалъ шесть лошадей, взявшись обѣими руками за заднее каретное колесо; билъ пулей бекасовъ и затравливалъ съ четырьмя борзыми собаками въ одинъ день по двадцати паръ волковъ.

Павелъ ушелъ отъ сестры съ грустнымъ и тяжелымъ чувствомъ. «Она болѣе чѣмъ несчастна,—говорилъ онъ самъ съ собою.—Добрая, благородная! И кто же ея мужъ? Кто этотъ человѣкъ, съ которымъ суждено ей провести всю жизнь? Онъ—мотъ, лгунъ, необразованный, невѣжа и даже, кажется, низкій человѣкъ!»

IV.

Павелъ.

Съ наступленіемъ зимы губернскій городъ, гдѣ происходили описываемыя мною происшествія, значительно оживился: составились собранія и вечера. Общество, какъ повѣствуетъ преданіе, было самое блистательное, такъ что какой-то господинъ, проживавшій въ томъ городѣ цѣлую зиму, отзывался о немъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, называя тамошнихъ дамъ душистыми цвѣтами, а все общество чрезвычайно чистымъ и опрятнымъ. Всѣ веселились, даже Перепетуя Петровна ѣздила въ два-три дома играть въ преферансъ. Роднымъ племянникомъ она была

очень недовольна. «Что это за молодой человѣкъ,—говорила она:—скажите на милость? Не хочетъ показаться въ общество: право, въ немъ ничего нѣтъ дворянскаго-то, совершенный семинаристъ. Вонъ посмотришь на другую-то молодежь: что это за ловкость, что это за вѣжливость въ то же время къ дамамъ! Вчужѣ, можно сказать, сердце радуется; а въ немъ рѣшительно ничего этого нѣтъ! Съ нами-то насилу слово скажетъ, а съ посторонними такъ и совсѣмъ не говоритъ. Чего у него недостаетъ? Платье безподобно, фракъ отличнѣйшій—самаго тонкаго сукна, выѣздъ хорошій: слава Богу, послѣ покойника-то однѣхъ городовыхъ саней осталось двое; мать бы ему никогда въ этомъ не отказала, по крайней мѣрѣ, былъ бы на виду у хорошихъ людей! Нѣтъ, сударь ты мой, сидитъ сиднемъ, въ Рождество даже никого не съѣздилъ поздравить». Но зато вездѣ являлся и всѣхъ поздравлялъ со всевозможными праздниками другой ея племянникъ, Михайла Николаичъ Масуровъ. Онъ очень успѣлъ, по словамъ тетки, заискать въ обществѣ, а все потому, что ласковъ и обходителенъ; и къ ней онъ тоже былъ очень ласковъ. Она начинала къ нему чувствовать болѣе и болѣе родственнаго расположенія. «Что онъ мнѣ?—говорила она:—вѣдь почти посторонній человѣкъ, а лучше родного-то племянника, ей-Богу. Пріѣдетъ—разскажетъ, гдѣ былъ, что видѣлъ и куда опять поѣдетъ,—прекраснѣйшій человѣкъ!»

Перепетуя Петровна была совершенно права въ своихъ приговорахъ насчетъ племянника. Онъ былъ очень неговорливъ, безъ всякаго обращенія и въ настоящее время дѣйствительно никуда не выѣзжалъ, несмотря на то, что владѣлъ фракомъ отличнѣйшаго сукна и парными санями. Но такъ какъ многіе поступки человѣка часто обусловливаются весьма отдаленными причинами, а поэтому я не излишнимъ считаю сказать здѣсь нѣсколько словъ о дѣтствѣ и юношествѣ моего героя.

Павелъ родился на свѣтъ очень худенькимъ и слабымъ ребенкомъ; всѣ ожидали, что онъ на другой же день умретъ, но этого не случилось: Паша жилъ. Въ продолженіе всего своего младенчества онъ почти не давалъ голоса и только, бывало, покряхтитъ, когда захочетъ ѣсть. Ходить онъ началъ на третьемъ году и еще позднѣе того заговорилъ. Мать съ восторгомъ разсказывала, что Паша съ превосходнымъ характеромъ; и дѣйствительно ребенокъ былъ необыкновенно тихъ, послушенъ и до невѣроятности добръ: сынъ ключницы, ровесникъ Павла, приходившій въ горницу играть съ барчонкомъ, обыкновенно выпивалъ у него чай, обиралъ всѣ игрушки

и даже не считалъ за грѣхъ дать ему при случаѣ туза. Павелъ не сердился за это, но сносилъ все молча и никогда не жаловался. Другіе дворовые люди были тоже очень довольны барчонкомъ, потому что онъ никогда на нихъ не ябедничалъ, и они обыкновенно дѣлали при немъ все, что имъ вздумается. Павелъ никогда не рѣзвился и не бѣгалъ, а сидѣлъ больше въ дѣтской на лежанкѣ, поджавши ноги. Любимымъ его занятіемъ было вырѣзывать изъ бумаги людей, съ какими-то необыкновенно узкими таліями, и раскрашивать ихъ красками: цѣлые дни онъ игралъ ими, какъ въ куклы; водилъ ихъ по лежанкѣ, сажалъ, заставлялъ другъ другу кланяться и все что-то нашептывалъ. Собой былъ Паша очень нехорошъ и страшно неопрятенъ. Нанковые казакинчики, въ которые его одѣвали, были вѣчно перепачканы; сапоги свои онъ обыкновенно стаптывалъ и очень скоро изнашивалъ; послѣднее обстоятельство даже невозможно и объяснить, потому что Паша, какъ я и прежде сказалъ, все почти сидѣлъ. Ребенокъ, кажется, сознавалъ, что онъ нехорошъ собою, потому что очень не любилъ, когда пріѣзжали гости, особливо нарядные, которые часто привозили съ собою прехорошенькихъ дѣтей и говорили съ ними по-французски; ему было очень совѣстно сидѣть при нихъ въ гостиной; онъ пряталъ свои руки и ноги, или, лучше сказать, весь старался спрятаться въ уголъ, въ которомъ обыкновенно усаживался. Ему казалось, что всѣ смотрятъ на него съ пренебреженіемъ и сожалѣніемъ, его никто никогда, кромѣ матери, не ласкалъ; молодыя барышни никогда не подзывали его для поцѣлуя и для разговоровъ, какъ это бываетъ съ хорошенькими дѣтьми; въ его старообразомъ лицѣ было дѣйствительно что-то отталкивающее.

Василья Петровича отдали подъ судъ, и съ этого времени къ нимъ рѣшительно перестали ѣздить гости. Паша этому душевно радовался и съ тѣхъ поръ почти никого не видалъ, кромѣ отца и матери. Для образованія его былъ нанятъ семинаристъ. Перепетуя Петровна пришла въ отчаяніе и чуть не поссорилась съ сестрою, доказывая ей, что семинаристы ничему не научатъ, потому что они безъ всякаго обращенія. Однажды (Павлу минуло въ это время двѣнадцать лѣтъ) къ Бешметевымъ пріѣхалъ какой-то дальній родственникъ изъ Петербурга. Видно, этотъ господинъ былъ не кое-кто, потому что хозяева безмѣрно ему обрадовались, приняли съ какимъ-то подобострастіемъ и безпрестанно называли его «ваше превосходительство».

— Что это, Василій, твой сынъ, что ли? — спросилъ генералъ за столомъ, взглянувъ на Павла.

— Сынъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Василій Петровичъ.

— Чему ты, милый мой, учишься? — сказалъ генералъ, обращаясь къ ребенку.

— Мы еще многому-то, по слабости здоровья, не начинали учить; теперь иногда семинаристъ ходитъ,— отвѣчала мать.

Генералъ покачалъ головой.

— Да что же такое тутъ здоровье-то? За что же вы ребенка-то губите, оставляя его въ невѣжествѣ?—У Павла навернулись на глазахъ слезы.—Смотрите, ужъ онъ самъ плачетъ,—продолжалъ генералъ:—сознавая, можетъ-быть, то зло, которое причиняетъ ему ваша слѣпая и невѣжественная любовь. Плачь, братецъ, и просись учиться: въ противномъ случаѣ ты погибъ безвозвратно.

Много послѣ того генералъ говорилъ въ томъ же тонѣ и очень убѣдительно доказалъ хозяевамъ, что человѣкъ безъ образованія — звѣрь дикій, что они, то-есть родители моего героя, если не понимаютъ этого, такъ потому, что сами необразованы и отстали отъ вѣка.

Василій Петровичъ и Анна Петровна, пристыженные генераломъ, на другой же день рѣшились приготовлять сына въ гимназію. Паша обрадовался этому рѣшенію: онъ очень хорошо понялъ, что генералъ правъ, и ему самому хотѣлось учиться. Семинаристъ, имѣвшій, между прочимъ, извѣстную слабость Александра Македонскаго, былъ замѣненъ приходскимъ священникомъ и учителемъ математики изъ уѣзднаго училища. Ребенокъ оказалъ неимовѣрные успѣхи и черезъ годъ былъ совершенно готовъ въ первый классъ гимназіи. Пашу повели на экзаменъ. Богу одному развѣ извѣстно, чего стоило моему герою прійти первый разъ въ школу; но экзаменъ онъ выдержалъ очень хорошо, хотя и сконфузился чрезвычайно. Товарищи приняли Павла, какъ обыкновенно принимаютъ новичковъ: только-что онъ усѣлся въ классѣ, какъ одинъ довольно высокій ученикъ подошелъ къ нему и крѣпко треснулъ его по лбу, приговаривая: «Эка, парень, лбина-то!» Потомъ другой шалунъ пошелъ и нажаловался на него учителю, говоря, что будто бы онъ толкается и не даетъ ему заниматься, тогда какъ Павелъ сидѣлъ, почти не шевелясь. Учитель, любившій задавать новичкамъ острастку, поставилъ на цѣлый день Павла на колѣни. Послѣ этого Бешметевъ началъ бояться учителей и чуждаться товарищей, и обыкновенно старался прійти въ гимназію передъ самымъ началомъ класса, когда уже всѣ сидѣли на мѣстахъ. Учиться ему, впрочемъ, было очень легко.

Незамѣтно шелъ годъ за годомъ. Павелъ подрасталъ. Изъ некрасиваго и робкаго ребенка онъ сдѣлался мѣшковатымъ юношей. Перепетуя Петровна просто приходила въ отчаяніе, глядя на своего племянника, и не называла его иначе, какъ тюфякомъ. Въ гимназіи Павелъ рѣшительно не шалилъ, не грубилъ учителямъ и хорошо учился. Директоръ называлъ его «благонравный господинъ Бешметевъ», но товарищи его называли зубрилой; они не то чтобы не любили Бешметева, но какъ-то мало уважали. Всѣ почти товарищи, нѣкоторые изъ зависти, а другіе просто для удовольствія, любили подтрунить надъ нимъ, разсказывая, что будто бы онъ спитъ съ нянькою и по вечерамъ безпрестанно долбитъ уроки, а трубки покурить не смѣетъ и подумать, потому что маменька высѣчетъ. Молча переносилъ Павелъ эти насмѣшки, но видно было, что онѣ ему непріятны: онъ очень не любилъ бывать съ товарищами, ни къ кому изъ нихъ никогда не ходилъ и къ себѣ не звалъ. Дома Павелъ не безпрестанно долбилъ, какъ думали товарищи: онъ даже не много занимался, часто сидѣлъ съ матерью и разсказывалъ ей что-нибудь. Анна Петровна внимательно слушала сына, хотя ничего не понимала изъ его словъ; но болѣе всего Павелъ любилъ быть одинъ, лежать на кровати и мечтать. Восемнадцати лѣтъ онъ кончилъ курсъ въ гимназіи и началъ собираться въ Москву, чтобы поступить въ университетъ. Анна Петровна, еще за мѣсяцъ передъ отъѣздомъ сына, принялась плакать, а въ минуту разставанія съ нимъ упала въ страшный обморокъ и цѣлые полгода послѣ того не осушала глазъ.

Павелъ пріѣхалъ въ Москву и отыскалъ квартиру со столомъ на Смоленскомъ рынкѣ, у одной титулярной совѣтницы Подхлѣбовой, по рекомендательному письму отъ Перепетуи Петровны, находившейся съ Подхлѣбовой когда-то въ большой дружбѣ. Титулярная совѣтница очень опасалась взять къ себѣ на квартиру молодого человѣка, потому что вообще въ числѣ молодыхъ людей очень много пьяницъ, развратныхъ и буяновъ; но Перепетуя Петровна писала весьма убѣдительно, и Подхлѣбова рѣшилась, тѣмъ болѣе, что третья комната нанимаемой ею квартиры была рѣшительно не нужна. Скоро страхъ титулярной совѣтницы совершенно разсѣялся: молодой человѣкъ оказался скроменъ и тихъ, даже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Она прозвала его *старичкомъ* и всѣмъ своимъ знакомымъ разсказывала, что «постояльца ей просто Богъ послалъ, что онъ второй феноменъ, что этакой скромности она даже сама въ дѣвицахъ не имѣла, что онъ, кромѣ университета, никуда даже шагу не сдѣлалъ, а ужъ не то чтобы заводить какія-

нибудь дебоширства. Придетъ — пообѣдаетъ, полежитъ, почитаетъ книжку, попишетъ и, видно, чрезвычайно много занимается науками; даже съ ней мало вступаетъ въ разговоры, хотя она и старается его обласкать».

Съ озабоченнымъ и нѣсколько сердитымъ лицомъ явился Павелъ въ университетъ, сѣлъ на самую дальнюю скамейку и во все время экзаменовъ не сказалъ почти ни съ кѣмъ ни слова. Такъ же началъ онъ ходить и на лекціи: приходилъ, садился гдѣ-нибудь вдали, записывалъ слова профессора, а потомъ уходилъ. Онъ не сошелся ни съ однимъ изъ товарищей и ни съ однимъ изъ нихъ даже не кланялся. Дома онъ дѣйствительно, какъ говорила титулярная совѣтница, велъ самую однообразную жизнь, то-есть обѣдалъ, занимался, а потомъ ложился на кровать и думалъ, или, скорѣе, мечталъ: мечтою его было сдѣлаться со временемъ профессоромъ; мечта эта явилась въ немъ послѣ отлично выдержаннаго экзамена перваго курса; живо представлялъ онъ себѣ часы первой лекціи, эту внимательную толпу слушателей, передъ которыми онъ будетъ излагать строго обдуманныя научныя положенія, общее удивленіе его учености, а тамъ общественную, а за ней и міровую славу. Съ теченіемъ времени однако такого рода исключительно созерцательная жизнь начала ему замѣтно надоѣдать: «хоть бы сходить въ театръ,—думалъ онъ:—посмотрѣть, напримѣръ, «Коварство и любовь»,—но для этого у него не было денегъ, которыхъ едва доставало на обыденное содержаніе и на покупку книгъ; хоть бы въ гости куда-нибудь съѣздить, гдѣ есть молодыя дѣвушки, но—увы!—знакомыхъ онъ не имѣлъ рѣшительно никого. Часто, часу въ десятомъ-одиннадцатомъ вечера, выходилъ онъ изъ дома и долго ходилъ по улицамъ безъ всякой цѣли, и только иногда останавливался передъ какимъ-нибудь освѣщеннымъ домомъ... Внутри было свѣтло: въ какомъ-то фантастическомъ свѣтѣ являлись ему движущіяся тамъ фигуры людей; ему казалось, что тамъ должно быть очень хорошо и весело. Лежа по вечерамъ на кровати, онъ съ какимъ-то страннымъ чувствомъ прислушивался къ говору женскихъ голосовъ, раздававшемуся въ комнатѣ хозяйки. Къ ней очень часто ходили ея пріятельницы, но всѣ, какъ нарочно, были очень дурны собой.

За два года передъ выпускомъ Бешметевъ, пріѣхавъ домой на вакаціи, увидѣлъ въ первый разъ сестру свою. Сначала онъ очень дичился ея, но Лиза была живѣе брата; она начала его мало-по-малу пріучать къ себѣ, и къ концу вакацій онъ даже просиживалъ съ нею цѣлые дни и разговаривалъ. Передъ отъѣздомъ она ему намекнула, что ей. по преимуще-

ству, нравится нѣкто Бахтіаровъ. Павла, кажется, это очень заинтересовало: онъ въ каждомъ письмѣ послѣ того намекалъ сестрѣ на это обстоятельство. На третьемъ курсѣ Бешметевъ перемѣнилъ квартиру. Хозяйка его, титулярная совѣтница Подхлѣбова, несмотря на то, что двѣнадцатый годъ вдовѣла, была женщина строгой нравственности. Сначала она, какъ мы видѣли, очень опасалась взять къ себѣ на квартиру молодого студента, но потомъ успокоилась, увидѣвъ, что этотъ студентъ совершенный старичокъ, и очень скоро къ нему привыкла. Она вмѣстѣ съ нимъ обѣдала, поила его чаемъ, часто приходила въ его комнату и даже упросила быть при ней въ халатѣ, очень справедливо замѣчая, что, живши вмѣстѣ, на всякій часъ не уберешься. Потомъ... Титулярная совѣтница, несмотря на сорокъ пятый годъ жизни, хранила еще въ груди своей сердце, способное любить: когда Бешметевъ уѣхалъ на вакаціи, она съ ужасомъ догадалась, что питаетъ къ своему постояльцу не привычку, а чувство болѣе нѣжное, болѣе страстное, потому что, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ его отсутствія, безмѣрно грустила и скучала, а когда Павелъ пріѣхалъ, она до сумасшествія обрадовалась ему и чрезвычайно сконфузилась. Въ головѣ ея образовалась довольно смѣлая мысль: она вздумала выйти замужъ за Павла, когда онъ кончитъ курсъ, а до тѣхъ поръ постараться внушить ему любовь къ себѣ. Съ этого времени жизнь Павла сдѣлалась гораздо комфортабельнѣе: въ комнатѣ его поставлена была новая мебель, и даже придѣлано было новое драпри къ окошку; про столъ и говорить нечего! Его кормили какъ на убой, сама титулярная совѣтница начала просиживать цѣлые дни въ его комнатѣ; послѣднее, кажется, очень надоѣдало Павлу, потому что онъ каждый разъ, когда входила къ нему хозяйка, торопился раскрыть книгу и принимался читать. «Я вамъ не буду мѣшать, а только такъ посижу»,—говорила хозяйка и, сѣвъ напротивъ, начинала пристально на него смотрѣть, вздыхать и даже набивала ему трубки; холодность Павла относила она къ робости. Титулярная совѣтница чувствовала непреоборимое желаніе объясниться съ своимъ постояльцемъ и ободрить его. Десятаго октября, въ день своего рожденія, она, кажется, исполнила свое намѣреніе: за ужиномъ она много поила Павла виномъ, а потомъ пришла къ нему въ комнату и очень долго тамъ сидѣла. Но на другой день Павелъ чуть свѣтъ ушелъ изъ дома и нанялъ другую квартиру. Къ титулярной совѣтницѣ онъ болѣе не возвращался; даже за вещами своими просилъ съѣздить своего новаго хозяина, честнаго нѣмца, питаемаго повивальнымъ искусствомъ своей супруги.

Госпожа Подхлѣбова, кажется, не ожидала такого поступка со стороны своего постояльца. «Что вамъ угодно? Я васъ не знаю... Не можетъ быть... Я не могу вѣрить!..»—говорила она и рѣшительно-было не хотѣла отдавать вещей пришедшему за ними нѣмцу.—«Моя Каролинъ Ивановна кочетъ, я кочетъ, господинъ студентъ кочетъ: ви не можете не давать... Когда ви, мой дамъ, не катите, то я пашелъ на квартальный»,—сказалъ нѣмецъ и дѣйствительно пошелъ-было за квартальнымъ; но титулярная совѣтница сочла за лучшее покориться судьбѣ и отпустить вещи... Впрочемъ, она написала къ Павлу предлинное письмо и послала его къ нему съ горничною дѣвкой. Содержаніе этого письма мнѣ тоже неизвѣстно, потому что и самъ Бешметевъ, не прочитавъ его, разорвалъ и бросилъ въ печь.

На новой квартирѣ Павелъ началъ жить такъ же однообразно и еще уединеннѣе. Хозяева его не безпокоили, повивальная бабка почти никогда не бывала дома, а честный нѣмецъ предавался по цѣлымъ днямъ невинному и любимому его занятію: онъ все переписывалъ прописи, питая честолюбивые замыслы попасть со временемъ въ учителя каллиграфіи. Вскорѣ у Павла появилось новое занятіе: онъ очень долго началъ засиживаться у окна и все смотрѣлъ на крыльцо противоположнаго дома, откуда часто выходила молоденькая дѣвушка, въ сопровожденіи пожилой дамы, садилась въ парныя сани, куда-то уѣзжала и опять пріѣзжала. Въ теплые дни дѣвушка выходила съ какою-то дамою, а иногда съ господиномъ въ бекешкѣ, гулять пѣшкомъ и была одѣта, въ такомъ случаѣ, въ теплый шелковый капотъ. Боже мой! Какъ хороша казалась Павлу его сосѣдка! Какая была чудная у ней талія! А глаза... даже на такомъ дальнемъ разстояніи видно было, что у ней чудные черные глаза. Жизнь Павла какъ будто бы сдѣлалась полнѣе. Каждый день онъ просыпался съ надеждою увидѣть сосѣдку и дѣйствительно каждый день ее видѣлъ. Онъ очень хорошо заучилъ, въ которомъ часу она ходитъ гулять, долго ли гуляетъ; зналъ дни, въ которые она уѣзжала часовъ въ двѣнадцать и возвращалась уже поздно. По праздникамъ дѣвушка и дама выѣзжали изъ дома часу въ одиннадцатомъ и часу въ двѣнадцатомъ возвращались домой. Павелъ догадался, что онѣ ѣздятъ къ обѣднѣ, а потомъ узналъ—и куда именно: оказалось, что въ сосѣдній приходъ. Онъ самъ пошелъ туда, видѣлъ ее, видѣлъ вблизи, и каждое воскресенье, каждый праздникъ, началъ ходить въ эту церковь. Съ этого времени онъ почти пересталъ заниматься и вполнѣ предался своимъ мечтамъ. Ему очень хотѣлось, чтобы дѣвушка его замѣтила, но этого ему никакъ не удавалось достигнуть.

Въ концѣ первой недѣли Великаго поста сосѣдній домъ запустѣлъ; ни дѣвушки, ни дамы, ни господина въ бекешкѣ не стало видно: они уѣхали. Трудно описать, какъ Павлу сдѣлалось скучно и грустно; онъ даже потихоньку плакалъ, а потомъ неимовѣрно началъ заниматься и кончилъ вторымъ кандидатомъ. Профессоръ, по предмету котораго написалъ онъ кандидатское разсужденіе, убѣждалъ его держать экзаменъ на магистра. Все это очень польстило честолюбію моего героя: онъ рѣшился тотчасъ же готовиться, но Богъ судилъ иначе.

Чрезъ нѣсколько времени Павелъ получилъ письмо отъ тетки, которая увѣдомляла его, что отецъ его умеръ, а мать въ параличѣ, и просила его непремѣнно пріѣзжать какъ можно скорѣе домой. Павла это очень огорчило, и онъ тотчасъ же поѣхалъ, съ твердымъ однако намѣреніемъ снова возвратиться въ Москву. Мы видѣли, какія печальныя обстоятельства встрѣтили Бешметева на родинѣ; видѣли, какъ приняли родные его намѣреніе — уѣхать опять въ Москву: мать плакала, тетка бранилась; видѣли потомъ, какъ Павелъ почти отказался отъ своего намѣренія, перервалъ свои тетради, хотѣлъ сжечь книги, и какъ потомъ отложилъ это, въ надеждѣ, что мать со временемъ выздоровѣетъ и отпуститъ его; но старуха не выздоравливала: герой мой безпрестанно переходилъ отъ твердаго намѣренія уѣхать — къ рѣшенію остаться, и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же приходила ему въ голову завѣтная мечта о профессорствѣ, — онъ вспоминалъ любимый свой трудъ и грядущую славу. Грустно, тошно становилось Павлу. «Поѣду, непремѣнно поѣду», — говорилъ онъ самъ съ собою и только день отъѣзда откладывалъ въ дальній ящикъ... Онъ не могъ себѣ безъ ужаса представить той минуты, когда мать, прощаясь съ нимъ, можетъ-быть, не перенесетъ этого и умретъ на его рукахъ; кромѣ того, не будучи самонадѣянъ, онъ, кажется, не слишкомъ твердо былъ убѣжденъ, что достигнетъ своей любимой цѣли — профессорства, или, по крайней мѣрѣ, эта цѣль была слишкомъ еще далека. Весьма естественно, что въ настоящемъ своемъ положеніи Бешметевъ не былъ спокоенъ: онъ чувствовалъ невыносимую тоску, грусть и скуку; заниматься ему почти не давали, потому что то кликали къ матери, то пріѣзжала тетка или сестра, да, кажется, и самъ онъ былъ не слишкомъ расположенъ къ дѣятельности. Оставаясь одинъ, онъ обыкновенно ложился на кровать и Богъ знаетъ о чемъ начиналъ думать, а сердце между тѣмъ безпрестанно ныло и тосковало. Семейная жизнь сестры была для Бешметева новымъ источникомъ непріятностей. Масуровъ казался ему отвратительнѣйшимъ существомъ, а сестра—стра-

далицею, тѣмъ болѣе, что ей угрожало впереди существенное зло — бѣдность. Впрочемъ, Лизавета Васильевна впослѣдствіи ни слова не говорила брату о своихъ семейныхъ непріятностяхъ, была какъ будто бы спокойна и очень ласкалась къ Павлу. Цѣлые дни проводили они вдвоемъ. Бешметевъ началъ все болѣе сближаться съ сестрою, сдѣлался съ нею говорливъ, откровененъ, и даже повѣрилъ ей свою мечту. Женщины, какъ извѣстно, очень находчивы. Лизавета Васильевна нашла, что братъ можетъ заниматься, не уѣзжая въ Москву, и что, если ему нужны книги, онъ можетъ ихъ выписать. Бешметевъ счелъ эту мысль довольно справедливою и рѣшился, при первомъ же полученіи оброковъ, выписать рублей на двѣсти книгъ и начать приготовляться. Успокоившись на этомъ рѣшеніи, онъ между тѣмъ цѣлые дни началъ просиживать у сестры.

Случайно или умышленно, но только разговоры ихъ, по преимуществу, стали склоняться на любовь. Лизавета Васильевна въ этомъ отношеніи была гораздо опытнѣе брата: она знала любовь въ самыхъ тонкихъ ея ощущеніяхъ; она, какъ видно, очень хорошо знала страданія и счастье влюбленнаго. Съ отрадою и не безъ волненія прислушивался Павелъ къ словамъ сестры и понималъ ихъ какимъ-то неяснымъ чувствомъ; въ первый разъ еще сблизился онъ съ женщиною и взглянулъ въ ея сердце.

— Гдѣ это ты, сестрица, все узнала? — спросилъ онъ однажды, прослушавъ отъ сестры живой разсказъ о нечаянной встрѣчѣ одной молодой дѣвушки съ любимымъ человѣкомъ.

— Я много читала романовъ,—отвѣчала она.

Павелъ сомнительно покачалъ головой.

— Женщина въ двадцать лѣтъ много знаетъ, много чувствовала,—продолжала Лизавета Васильевна.

— И много испытала?—перебилъ Павелъ.

— Можетъ-быть, и такъ,— отвѣчала Лизавета Васильевна.

Результатомъ такихъ бесѣдъ было то, что Павелъ, приходя отъ сестры и улегшись на постель, не сознавая самъ того, по преимуществу началъ думать о женщинахъ. Московская сосѣдка была припомнена въ малѣйшихъ подробностяхъ.

«Какъ хороша вообще женщина!—думалъ онъ:—какое блаженство любить хорошенькую женщину!»

Праздное воображеніе его дополняло ему то, что̀ не досказывала сестра. Онъ потомъ разсказалъ ей слегка о своей любви въ Москвѣ къ сосѣдкѣ, которую онъ, по его словамъ, до сихъ поръ слишкомъ хорошо помнитъ, какъ будто бы видѣлъ ее вчера.

V.

Неожиданная встрѣча.

Лизаветѣ Васильевнѣ случилась надобность уѣхать на цѣлый мѣсяцъ въ деревню. Павлу сдѣлалось очень скучно и грустно. Онъ принялся-было заниматься, но—увы!—все шло какъ-то не попрежнему: формулы небесной механики ему сдѣлались какъ-то темны и непонятны, брошюрка Вирея скучна и утомительна.

— Не могу!—говорилъ онъ, оставляя книгу, и вслѣдъ затѣмъ, по обыкновенію, ложился на кровать и начиналъ думать о прекрасной половинѣ рода человѣческаго.

Проскучавъ недѣли двѣ, Павелъ вздумалъ съѣздить къ теткѣ. Перепетуя Петровна, при его приходѣ, стояла передъ зеркаломъ и надѣвала что-то въ родѣ мантильи, сшитой по ея собственному воображенію.

— Насилу-то, батюшка, пожаловалъ,—сказала она, увидѣвъ племянника:—ну, что, какова маменька-то?

— Все такъ же-съ,—отвѣчалъ Павелъ.

— Палашка,—говорила Перепетуя Петровна, отряхая шелковое платье:—вѣдь юбка-то у меня все-таки видна.

— Нѣтъ, матушка, это такъ.

— Какое, дура, такъ! Паша, видна у меня юбка-то?

— Я ничего не вижу.

— Наклонись, батюшка, пониже, посмотри хорошенько; нехорошо—растрепой-то пріѣдешь.

— Я ничего не вижу.

— Ну, ужъ и этого-то не умѣешь сдѣлать порядочно; экій какой! Еще кавалеръ! Что у меня сегодня какой нехорошій цвѣтъ лица? Этакая краснота непріятная! Палашка! Подай-ка мнѣ лодиколону обтереться. Оботрись-ка, Павелъ, и ты.

— Да мнѣ-то зачѣмъ, тетушка?

— Пустяки, сударь, изволь-ка обтереться да поѣдемъ вмѣстѣ со мной.

— Это куда?

— Къ Ѳеоктистѣ Саввичнѣ. Небось, не привезу въ какое-нибудь неприличное мѣсто.

— Помилуйте, тетушка! Я съ ней незнакомъ.

— Это что за вздоръ? А я-то на что? Я знакома, все равно. Нечего, извольте-ка собираться: вмѣстѣ и поѣдемъ, отпусти свою лошадь-то. Палашка, вели его лошади домой ѣхать!

— Тетушка...

— Вздоръ, сударь, вздоръ!— затараторила Перепетуя Петровна.

Какъ мой герой ни противился, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ былъ вытертъ изъ собственныхъ рукъ Перепетуи Петровны одеколономъ и повезенъ въ гости. Онъ едва могъ опомниться у крыльца Ѳеоктисты Саввичны. Перепетуя Петровна, всходя по деревянной лѣстницѣ, освѣщенной фонаремъ, опиралась на руку племянника какъ для поддержанія своей особы, такъ и для прекращенія Павлу всякой возможности улизнуть, что̀ уже и было имъ прежде того одинъ разъ сдѣлано. Они вошли въ лакейскую, гдѣ было съ десятокъ шубъ, три лакея и сильный запахъ саломъ. Въ залѣ... Но я предварительно долженъ сказать нѣсколько словъ о хозяйкѣ дома и ея гостяхъ. Ѳеоктиста Саввична, такъ, какъ и Перепетуя Петровна, не принадлежала къ высшему губернскому кругу, но имѣла изъ этого круга одинъ только дружественный домъ— Кураевыхъ; сфера же ея знакомства ограничивалась незначительнымъ чиновнымъ людомъ. Въ настоящее время у Ѳеоктисты Саввичны были въ гостяхъ: нѣкто помѣщикъ Иванъ Иванычъ, дающій деньги подъ проценты, уѣздный стряпчій, человѣкъ очень бы хорошій, но, къ несчастью, по нѣскольку разъ въ годъ предающійся запою, и наконецъ учитель гимназіи, мѣтившій въ инспекторы, и еще кое-кто. Всѣ эти господа привезли съ собою женъ, а нѣкоторые и своячницъ; но вечера свои Ѳеоктиста Саввична обыкновенно скрашивала, приглашая къ себѣ дружественное для нея семейство изъ высшаго круга — Кураевыхъ. Владиміръ Андрепчъ никогда самъ не ѣздилъ къ Ѳеоктистѣ Саввичнѣ, но, занимая иногда черезъ нее деньги, жену и дочерей отпускалъ. Брюнетка, какъ сама она говорила, очень скучала на этихъ жалкихъ вечерахъ: она съ пренебреженіемъ отказывалась отъ подаваемыхъ ей конфетъ, жаловалась на духоту и жаръ и безпрестанно звала мать домой; но Марья Ивановна говорила, что Владиміръ Андрепчъ знаетъ, когда прислать лошадей, и, въ простотѣ своего сердца, продолжала играть въ преферансъ съ учителемъ гимназіи и Иваномъ Иванычемъ съ такимъ же наслажденіемъ, какъ будто бы въ ея партіи сидѣли самые важные люди; что касается до блондинки, то она выкупала скуку, пересмѣивая то красный носъ Ивана Иваныча, то неуклюжую походку стряпчаго и очень некстати помѣстившуюся у него подъ лѣвымъ глазомъ бородавку, то... ну, однимъ словомъ, всѣмъ доставалось! Гости же Ѳеоктисты Саввичны, въ отношеніи особъ высшаго круга, держали себя почтительно, а хозяйка оказывала имъ исключительное вниманіе, хотя въ то же

время всѣ почти знали, что эти особы — пуфъ, или, какъ говорили многіе, «сидятъ на овчинахъ, а бьютъ соболей», то-есть крѣпко небогаты. Но ихъ изящная форма? Что дѣлать: ихъ изящная форма внушала невольное къ нимъ уваженіе.

Хозяйка встрѣтила еще въ залѣ Перепетую Петровну и Павла.

— Честь имѣю представить племянника,—сказала Перепетуя Петровна, цѣлуясь съ хозяйкой.

— Очень пріятно,—отвѣчала Ѳеоктиста Саввична, жеманно кланяясь Павлу и глядя на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ: она представляла его себѣ вовсе не такимъ.—Милости прошу, Перепетуя Петровна,—продолжала она, указывая на дверь въ гостиную:—Павелъ Васильичъ, сдѣлайте одолженіе.

Но Павелъ не сдѣлалъ одолженія, не пошелъ въ гостиную. Постоявъ нѣсколько минутъ, онъ сѣлъ невдалекѣ отъ гостя въ коричневомъ фракѣ, который тоже, видно, не принадлежалъ къ числу дамскихъ любезниковъ, а потому сидѣлъ одинъ-одинехонекъ въ залѣ. Брюнеткѣ и блондинкѣ сдѣлалось очень скучно и жарко въ гостиной, въ которой дѣйствительно была страшная духота. Обѣ дѣвушки, взявшись подъ руки, вышли въ залу; онѣ взглянули вскользь на Павла и на его сосѣда, а потомъ насмѣшливо переглянулись между собою; Павелъ тоже замѣтилъ ихъ, и страшное измѣненіе произошло въ его наружности: онъ сначала вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ бы дотронувшись до лейденской банки, потомъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ, взглянулъ какъ-то странно на гостя въ коричневомъ фракѣ, а вслѣдъ затѣмъ началъ слѣдить глазами за ходившими взадъ и впередъ дѣвушками: въ брюнеткѣ мой герой узналъ свою московскую сосѣдку. Барышни, съ своей стороны, не глядѣли болѣе ни на Павла ни на его собесѣдника, а разговаривали громко о недавно бывшемъ маскарадѣ, на французскомъ языкѣ, что онѣ всегда дѣлали въ укоръ невѣжественнымъ гостямъ Ѳеоктисты Савичны. Вскорѣ вошла хозяйка и начала умолять Юлію Владимировну что-нибудь пропѣть. Юлія отказывалась.

— Вы не повѣрите, — говорила Ѳеоктиста Саввична, обращаясь къ Павлу и къ господину въ коричневомъ фракѣ: — что у нихъ за ангельскій голосочекъ!

Коричневый фракъ всталъ, кашлянулъ и ничего не сказалъ: выраженіе лица его какъ будто бы говорило: «Не могу знать-съ, не мое дѣло!». Но еще страннѣе велъ себя Павелъ: онъ даже не всталъ и не сказалъ ни слова хозяйкѣ.

— Кто это такой? — шепнула блондинка.

— Бешметевъ, — отвѣчала хозяйка.

Блондинка сжала губки и слегка кивнула головой.

— Юлія Владимировна,—заговорила снова Ѳеоктиста Савична, мучимая меломаніей: — сжальтесь надъ нами, доставьте намъ это наслажденіе.

Юлія Владимировна сжалилась и съ кислою миною усѣлась за фортепіано. Съ первымъ же ея аккордомъ всѣ гости, игравшіе и не игравшіе въ карты, вышли въ залу, а потомъ со второго куплета (она пѣла: «Что ты, вѣтка бѣдная»...) многіе начали погружаться въ пріятную меланхолію.

— Я не могу безъ слезъ слушать этого романса, — говорила растроганная Марья Ивановна:—такъ, знаете, много въ немъ души!

— Да-съ, — отвѣчалъ Иванъ Иванычъ: — прекрасная пѣсенка, да и Юлія Владимировна прекрасно изволятъ пѣть.

— У ней хорошенькій голосокъ, — подтвердила мать.

Между тѣмъ Павелъ все сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и въ томъ же положеніи. Блондинкѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ, по похвальной ея наклонности сближаться съ несчастными.

— Вы любите музыку? — спросила она его.

— Я не знаю музыки, — отвѣчалъ Бешметевъ.

— Вы ни на чемъ не играете?

— Ни на чемъ-съ.

— А какъ вамъ нравится голосъ сестры?

При этомъ вопросѣ Павелъ замѣтно сконфузился и молчалъ.

«Какой онъ странный!—подумала блондинка:—какъ бы его заставить поговорить? Можетъ-быть, скажетъ что-нибудь смѣшное».

Въ этомъ намѣреніи она сѣла рядомъ съ Павломъ.

— Вы бываете въ собраніи? — спросила она

— Нѣтъ-съ.

— Отчего же?

— Я не люблю собраній.

— Отчего вы не любите собраній?

Въ это время брюнетка подошла къ сестрѣ.

— Послушай, ma soeur,—продолжала блондинка: — m-r не любитъ собраній.

Юлія отвѣчала сестрѣ улыбкою и, взявъ ее за руку, отвела отъ Павла.

Часу въ 12-мъ за Кураевыми были присланы лошади, и онѣ, несмотря на убѣдительныя просьбы хозяйки — закусить чего-нибудь, уѣхали домой. Павелъ уѣхалъ вмѣстѣ съ теткою послѣ ужина. Придя въ свою комнату, онъ просидѣлъ съ четверть часа, погруженный въ глубокую задумчивость, а потомъ принялся писать къ сестрѣ письмо. Оно было слѣдующее:

«Лиза, другъ мой! Ты себѣ представить не можешь, что сегодня со мною случилось. Пришелъ я къ теткѣ, она собиралась въ гости на вечеръ и требовала, чтобы и я съ ней ѣхалъ. Я, разумѣется, не хотѣлъ; но она закричала, забранилась, почти насильно посадила меня въ сани и привезла къ Ѳеоктистѣ Саввичнѣ,—и здѣсь я встрѣтилъ—знаешь ли кого?—я встрѣтилъ ее... ту, которую видѣлъ въ Москвѣ. До сихъ поръ я не могу еще хорошенько опомниться. Тетка говоритъ, что она здѣшняя: фамилія ея—Кураева. Боже мой, какъ она еще похорошѣла! Лицо ея сдѣлалось еще правильнѣе... Что за чудныя у ней ручки, Лиза! Когда она играла на фортепіано, это была не женщина, а античная статуя, совсѣмъ, какъ есть, статуя»...

Написавъ это, Павелъ легъ на кровать. Губернскій учитель музыки былъ, впрочемъ, совершенно другого мнѣнія: онъ всегда выговаривалъ брюнеткѣ за то, что она рѣшительно не умѣетъ держать себя за фортепіано, потому что очень ломается. Пролежавъ нѣсколько минутъ, Павелъ всталъ и снова принялся писать:

«Я рѣшительно влюбленъ: во мнѣ совершается что-то странное и непонятное. Богъ знаетъ, что бы я готовъ былъ отдать, если бы она меня полюбила! Я бы за это готовъ былъ отказаться отъ всего».

На этомъ мѣстѣ онъ снова остановился, снова полежалъ на постели и, вставши, еще приписалъ:

«Пріѣзжай, Лиза, Бога ради скорѣе,—мнѣ безъ тебя смертная скука; мнѣ такъ много надобно съ тобою переговорить... Что ты тамъ дѣлаешь? Пріѣзжай! Остаюсь любящій тебя и влюбленный

«Бешметевъ».

Заключивши такимъ образомъ письмо, онъ запечаталъ его и улегся уже совсѣмъ, но долго еще не спалъ и ворочался съ боку на бокъ. Вставъ на другой день, Павелъ распечаталъ свое письмо, перечиталъ его нѣсколько разъ и, видно, раздумавъ посылать его, разорвалъ на мелкіе куски; но тотчасъ же написалъ другое:

«Милая Лиза! Что ты дѣлаешь въ деревнѣ? Пріѣзжай скорѣе: мнѣ очень скучно. Матушка въ томъ же положеніи, тетка бранится; мужа твоего не видалъ, а у дѣтей былъ: они, слава Богу, здоровы. Пріѣзжай! Мнѣ о многомъ надобно съ тобой переговорить. Братъ твой и пр.».

Это письмо Павелъ отправилъ и принялся читать какую-то книгу, но черезъ четверть часа швырнулъ ее, легъ внизъ лицомъ на кровать и почти цѣлый день пролежалъ въ такомъ положеніи.

VI.

Поѣздка въ собраніе и ея послѣдствія.

Бешметевъ, въ своемъ бездѣйствіи, думалъ рѣшительно объ одной брюнеткѣ: ему страшно хотѣлось видѣть ее. Онъ узналъ, гдѣ ихъ домъ, и часа по два прохаживался невдалекѣ отъ него и поджидалъ, не пойдетъ ли она, какъ бывало это въ Москвѣ, гулять, или, по крайней мѣрѣ, не поѣдетъ ли куда-нибудь; былъ даже раза два въ театрѣ, но ничто не удавалось. Пріѣхала Лизавета Васильевна. Павелъ только чрезъ недѣлю, и то опять слегка, разсказалъ сестрѣ о встрѣчѣ съ своей московской красавицей; но Лизавета Васильевна догадалась, что братъ ея влюбленъ не на шутку, и очень этому обрадовалась; въ головѣ ея, въ силу извѣстнаго закона, что всѣ сестры очень любятъ женить своихъ братьевъ, тотчасъ образовалась мысль о женитьбѣ Павла на Кураевой; она сказала ему о томъ, и герой мой, хотя видѣлъ въ этомъ странность и несбыточность, но не отказывался. Страшно и отрадно становилось ему, когда онъ начиналъ думать, что эта дѣвушка, столь прекрасная, и которая теперь такъ далека отъ него, не только полюбитъ его, но и отдастся ему въ полное обладаніе, будетъ принадлежать ему тѣломъ и душой, а главное, душой... Какъ все это отрадно и страшно! Впрочемъ, Павелъ все это только думалъ, сестрѣ же говорилъ: «Конечно, недурно... Но вѣдь какъ?»... Со времени появленія въ головѣ моего героя мысли о женитьбѣ, онъ началъ чувствовать какое-то безпокойство, постоянное волненіе въ крови: мечтанія его сдѣлались какъ-то раздражительны, а желаніе видѣть Юлію еще сильнѣе, такъ что, чрезъ нѣсколько дней, онъ пришелъ къ сестрѣ и самъ началъ просить ее ѣхать съ нимъ въ собраніе, гдѣ надѣялся онъ встрѣтить Кураевыхъ. Лизавета Васильевна съ удовольствіемъ согласилась: ей самой очень хотѣлось видѣть Юлію. Но здѣсь явилась новая забота: Павелъ боялся показаться въ собраніе и нѣсколько разъ былъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія; даже морозъ пробѣгалъ по тѣлу при одной мысли, какъ неловко и непріятно будетъ его положеніе въ ту минуту, когда онъ войдетъ въ залу, полную незнакомыхъ людей! Что ему тамъ дѣлать? Какъ вести себя? О чемъ и съ кѣмъ говорить? Не удивляйтесь, свѣтскій читатель, послѣднимъ чувствованіямъ моего героя. Вы образовывались совершенно подъ другими условіями, вы, можетъ-быть, подобно Онѣгину, выйдя изъ-подъ ферулы вертляваго, но съ прекрасными манерами француза, еще съ

17-ти лѣтъ, вѣроятно, сдѣлались принадлежностью свѣта и баловъ. Но Бешметевъ во всю жизнь былъ только на одномъ балѣ, куда его, еще маленькаго, привезла мать, и онъ до сихъ поръ не забылъ, какъ было ему неловко и скучно въ свѣтлой залѣ. Въ день собранія онъ очень много занимался своимъ туалетомъ, долго смотрѣлся въ зеркало, нѣсколько разъ умылся, завился сначала самъ, собственноручно, но, оставшись этимъ недоволенъ, завился въ другой разъ, чрезъ посредство цырюльника, и все-таки остался недоволенъ, даже совсѣмъ не хотѣлъ ѣхать, тѣмъ болѣе, что горничная прескверно вымыла манишку, за что Павелъ сверхъ обыкновенія разсердился; но, спустя нѣсколько времени, онъ снова рѣшился. Часовъ въ восемь онъ нарядился въ черный фракъ и какой-то цвѣтной жилетъ. Фракъ отличнѣйшаго сукна сидѣлъ на немъ отлично. Когда Павелъ пришелъ къ сестрѣ, она была еще въ блузѣ; но голова ея была уже убрана побальному. Въ лицѣ Бешметева очень замѣтно было волненіе; поздоровавшись съ сестрою, онъ безпокойными шагами началъ ходить по комнатѣ.

— О чемъ ты думаешь, Поль? — спросила Лизавета Васильевна.

— Такъ, ни о чемъ.

— Какъ ни о чемъ? Ты чѣмъ-то разстроенъ.

— Право, такъ; мнѣ что-то не хочется ѣхать.

— Но вѣдь ты самъ меня звалъ.

— Знаю, но видишь...

— Нѣтъ, ничего не вижу.

— Мнѣ что-то нездоровится.

— Полно, Поль, пустяки-то говорить; что за робость!

Павелъ не отвѣчалъ.

— Что жъ, мы не ѣдемъ?—спросила Лизавета Васильевна послѣ минутнаго молчанія.

— Я не знаю,—отвѣчалъ Павелъ.

— Что это у тебя, братецъ, за дикость? Отчего это?

— Вовсе не дикость.

— Какъ не дикость? Чего же ты боишься людей?

— Я не боюсь, но не люблю общества; мнѣ какъ-то неловко бывать съ людьми; всѣ на тебя смотрятъ: нужно говорить, а я рѣшительно не нахожусь,—въ головѣ моей или пустыя фразы, или ужъ черезчуръ серьезныя мысли, а что прилично для разговора,—никогда ничего нѣтъ.

Лизавета Васильевна покачала головой.

— Странный ты человѣкъ! Другой на твоемъ мѣстѣ еще въ Москвѣ бы познакомился съ Кураевыми.

— Вотъ прекрасно! Какимъ же образомъ я могъ бы познакомиться?

— Очень просто: пріѣхать въ домъ да и только.

— Съ какой же стати я пріѣхалъ бы?

— Да какъ же другіе-то знакомятся?

— Я не знаю: ихъ, вѣрно, зовутъ.

— Вовсе нѣтъ: сами пріѣзжаютъ.

— Въ такомъ случаѣ это нахальство!

— Никакого тутъ нѣтъ нахальства.

— Конечно, нахальство; вдругъ ни съ того ни съ сего пріѣхать и рекомендоваться. Очень, я думаю, интересенъ я для нихъ.

— Всякій молодой человѣкъ интересенъ въ семейномъ домѣ, потому что онъ женихъ. Нѣтъ, Поль, это не оттого... ты еще мало влюбленъ.

— Нѣтъ, Лиза.

— Что же?

— Такъ... Ты неправду думаешь.

Сказавъ эти слова, Павелъ вспыхнулъ.

Братъ и сестра замолчали.

— Послушай, Поль,—начала Лизавета Васильевна:—вотъ мы теперь съѣздимъ въ собраніе; ты еще посмотришь на нее, и я посмотрю, а потомъ...

— Что же потомъ?

— Потомъ стороной и разузнаемъ, что и какъ... А тамъ ты съѣздишь въ домъ раза два...

— Ни за что не поѣду.

— Нѣтъ, это пустяки: ты поѣдешь, а тутъ и я съѣзжу, и, смотришь, вдругъ скажутъ: «Павелъ Васильичъ съ супругою пріѣхали!»

— Нѣтъ, сестрица, это невозможно... Это такъ, одно пустое предположеніе...

— А вотъ посмотримъ... Что жъ? Прикажете одѣваться? Угодно вамъ ѣхать?—шутила Лизавета Васильевна, вставая.

— Одѣвайся,—отвѣчалъ Павелъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

Лизавета Васильевна вышла. Павелъ задумался, и черезъ полчаса она возвратилась уже совсѣмъ одѣтая. Бешметевъ, несмотря на внутреннее безпокойство, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія: такъ была она хороша съ своею стройною таліею, затянутою въ корсетъ, съ обнаженными руками и шеею, покрытыми бѣлою и нѣжною кожею, съ этимъ умнымъ выразительнымъ лицомъ, оттѣненнымъ роскошными, смолистыми кудрями. Павелъ невольно взглянулъ въ зеркало, и,

Боже мой, какъ некрасива и непредставительна показалась ему его собственная фигура! Съ приближеніемъ къ собранію, безпокойство его увеличилось; сердце ныло; онъ нѣсколько разъ покушался просить сестру воротиться назадъ, но промолчалъ.

Въ залу Бешметевъ вошелъ въ лихорадочномъ состояніи; лицо его было блѣдно и съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Масурову тотчасъ же замѣтили.

— Лизавета Васильевна! Наконецъ-то вы показались, — говорила толстая, почтенная дама, пожимая ей руку: — съ кѣмъ это вы,—продолжала она, увидя Павла:—съ мужемъ?

— Нѣтъ, это мой братъ,—отвѣчала Лизавета Васильевна и взглянула-было на брата, въ намѣреніи представить его почтенной дамѣ; но Павелъ очень серьезно глядѣлъ на сестру и не трогался съ мѣста.

Масурову окружили еще многія старыя знакомыя; нѣкоторыя уже знали о ея пріѣздѣ, другія же, подходя къ ней, издавали звуки удивленія и радости: «Mon Dieu! Est-ce bien vous?»—«C'est vous, madame?» Даже слышалось: «ma bonne Lise», «ma chère» и «Lisette»,—но никто не замѣтилъ, никто не привѣтствовалъ Павла. Ему сдѣлалось, какъ и ожидалъ онъ, страшно неловко: онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ руками, ногами и съ шляпою, или, лучше сказать, онъ рѣшительно не находился, какъ прилично расположить всю свою особу. Павелъ не зналъ ни одного обычнаго въ то время пріема молодыхъ людей: онъ не умѣлъ ни закладывать за жилетъ граціозно руку, ни придерживать живописно этою рукою шляпу, слегка прижавъ ее къ боку, ни выступить умѣренно впередъ лѣвою ногою, а тѣмъ болѣе не въ состояніи былъ ни насмѣшливо улыбаться ни равнодушно смотрѣть — выраженіе лица его было черезчуръ грустно и отчасти даже сердито. Постоявъ нѣсколько минутъ въ положеніи смѣшавшагося въ своей роли трагическаго актера, онъ счелъ за лучшее сѣсть. Не излишнимъ считаю здѣсь замѣтить, что Павелъ, по своей наружности, былъ не самый послѣдній въ собраніи. Не говоря уже о толстыхъ, усѣвшихся играть въ преферансъ или вистъ, было даже нѣсколько тоненькихъ молодыхъ людей съ гораздо болѣе неприличными, чѣмъ онъ, для бала физіономіями и фраками: нѣкоторые изъ нихъ, подобно ему, сидѣли вдали, а другіе даже танцовали. Конечно, были и такіе, которые далеко превосходили Бешметева; къ числу такихъ, по преимуществу, принадлежалъ высокій господинъ лѣтъ тридцати пяти, стоявшій за колонною: одѣтъ онъ былъ весь въ черномъ, начиная съ широкаго, англійскаго

покроя, фрака, до небрежно завязаннаго атласнаго галстука. Желтоватое лицо его, покрытое глубокими морщинами и оттѣненное большими черными усами, имѣло самое модное выраженіе, выраженіе разочарованія, доступное въ то время еще очень немногимъ лицамъ. Каріе глаза его лѣниво смотрѣли на составлявшуюся невдалекѣ отъ него французскую кадриль. Высокимъ господиномъ интересовались, кажется, многія дамы: нѣкоторыя на него взглядывали, другія привѣтливо ему кланялись, а одна молодая дама даже съ умысломъ сѣла близъ него, потому что, очень долго заставивъ своего кавалера, какого-то долговязаго юношу, носить по залѣ стулъ, наконецъ показала на колонну, около которой стоялъ франтъ; но сей послѣдній рѣшительно не обратилъ на нее вниманія и продолжалъ лѣниво смотрѣть на свои усы. Молодая дама, усѣвшись, нѣсколько разъ повертывала къ нему голову и поднимала на него большіе сѣрые глаза.

— М-г Бахтіаровъ!—сказала наконецъ она, не утерпѣвъ.

Франтъ лѣниво взглянулъ на нее.

— Посмотрите, — продолжала дама, указывая на Бешметева:—за что этотъ господинъ сердится?

— Я вдали не вижу.

— Да это недалеко, на стулѣ у третьяго окна.

— Не вижу-съ.

— Да что̀ это? Посмотрите.

— Право, не вижу.

Дама нѣсколько обидѣлась и отворотилась отъ Бахтіарова.

— Вы сегодня не въ духѣ?—начала снова она.

— Какъ и всегда.

— Пожалуйста, посмотрите на этого сердитаго господина!

Бахтіаровъ насмѣшливо улыбнулся.

— Странное желаніе! — проговорилъ онъ и, нехотя приложивъ къ глазу одностекольный лорнетъ, взглянулъ на Павла: равнодушное выраженіе лица его мгновенно измѣнилось; онъ какъ будто бы покраснѣлъ.—«Какое сходство!»—проговорилъ онъ какъ бы самъ съ собою.

— Съ кѣмъ?—спросила она.

Бахтіаровъ не отвѣчалъ.

— Съ кѣмъ сходство?—проговорила дама.

— Съ вами,—отвѣчалъ Бахтіаровъ.

Дама пожала плечами и надула губы.

— Вы забываете, вамъ начинать, — сказалъ Бахтіаровъ послѣ небольшого молчанія.

Дама начала ходить въ первой фигурѣ, но смѣшалась въ шенѣ. Между тѣмъ Бахтіаровъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ

танцовала Лизавета Васильевна, и лицо его снова измѣнилось. Когда сосѣдка его возвратилась на свое мѣсто, онъ выдвинулся изъ-за колонны и началъ съ нею весело разговаривать.

— У васъ, должно-быть, сегодня истерика?—сказала дама.

— Это отчего?

— Да какъ же! Вы то грустны, то веселы черезчуръ. Со мною бывало это.

— Со мною не то, что̀ съ вами,—отвѣтилъ Бахтіаровъ.— Знаете ли что̀? Судьба иногда даритъ человѣка въ его скучной жизни вдругъ, неожиданно, такимъ... какъ бы это выразить?—удовольствіемъ, или, пожалуй, даже счастьемъ...

— Право? — перебила дама: — не случилось ли съ вами того же?

— Отчасти.

— Поздравляю васъ! Стало-быть, вы счастливы?

— Отчасти.

— Нельзя ли узнать причину?

— Невозможно.

— Почему же?

— Потому что вы всѣмъ разскажете.

— Честное слово, никому не скажу.

— Извольте: я встрѣтилъ одного стараго пріятеля.

Дама сомнительно покачала головой и старалась угадать, по направленію взгляда Бахтіарова, на кого онъ смотритъ.

— Полно, не пріятельницу ли?—сказала она.

— У меня нѣтъ пріятельницъ.

— Это почему?

— Пріятельницами могутъ быть только женщины.

— Ну, такъ что̀ же?

— А женщинъ я давно не люблю.

— А М., а К., а Д.? А дама въ очкахъ?

— Это онѣ меня любили, а не я ихъ.

— Послушайте: это неблагородно такъ говорить о женщинахъ.

— А еще неблагороднѣе сплетничать на пріятельницъ.

— Кто жъ на нихъ сплетничаетъ?

— Вы.

— Ахъ, Боже мой!.. Это всѣ говорятъ... Это вы сами сейчасъ говорили.

— Я хотѣлъ поддѣлаться подъ вашъ тонъ.

— Подъ какой же мой тонъ?

— Посплетничать.

— Это ни на что не похоже!—сказала дама, очень обидѣвшись, и встала съ своего мѣста.

Кадриль въ это время кончилась. Бахтіаровъ тоже довольно быстро пошелъ на другой конецъ залы: тамъ стояла Лизавета Васильевна и разговаривала съ какимъ-то плѣшивымъ господиномъ. Бахтіаровъ подошелъ къ ней и нѣсколько минутъ оставался въ почтительномъ положеніи.

— Je vous salue, madame! — произнесъ онъ потомъ довольно тихо.

Лизавета Васильевна вздрогнула и обернулась: все лицо ея вспыхнуло, и она отвѣтила однимъ молчаливымъ поклономъ. Бахтіаровъ тоже, кажется, не находился, что говорить, и только пригласилъ ее на слѣдующую кадриль. Лизавета Васильевна колебалась.

— Извольте, — отвѣчала она послѣ минутнаго размышленія.

Оба они простояли еще нѣсколько минутъ въ странномъ молчаніи; наконецъ Лизавета Васильевна опомнилась и подошла къ брату.

— Поль, которая же она?—спросила молодая женщина, не могши скрыть внутренняго безпокойства.

— Ея здѣсь нѣтъ, — отвѣчалъ Павелъ, сидѣвшій все это время въ прежнемъ положеніи.

— Пойдемъ, походимъ, — сказала она, взявъ его за руку.

— Нѣтъ, я не пойду.

— Бога ради, Поль; ты мнѣ нуженъ.

— Не могу, сестрица.

— По крайней мѣрѣ, сядь около меня, когда я буду танцовать. Пожалуйста, Поль.

— Хорошо.

Лизавета Васильевна тотчасъ подхватила какую-то рыжую даму и начала съ ней ходить по залѣ. Бахтіарову, кажется, очень хотѣлось подойти къ Масуровой; но онъ не подходилъ и только слѣдилъ за ней глазами. Проиграли сигналъ. Волненіе Лизаветы Васильевны, когда она сѣла съ своимъ кавалеромъ, было слишкомъ замѣтно: грудь ея подымалась, руки дрожали, глаза искали брата; но Павелъ сидѣлъ, задумавшись, и ничего не видѣлъ.

Всю эту сцену видѣла молоденькая дама, разсердившаяся на Бахтіарова: она видѣла, какъ онъ всталъ и пошелъ къ Лизаветѣ Васильевнѣ; видѣла обоюдное смущеніе ихъ и, сообразивши слова Бахтіарова о неожиданномъ его счастьѣ, тотчасъ поняла все.

— Какъ я сейчасъ взбѣсила Бахтіарова, — сказала она, подойдя къ дамѣ въ очкахъ.

— Онъ всегда золъ.

— Я открыла тайну его сердца.

— Давно ли у него стало сердце?

— А вотъ посмотрите,—сказала молоденькая дама:—какимъ тигромъ смотритъ онъ за дамою въ коричневомъ платьѣ.

Блѣдная дама въ очкахъ еще болѣе поблѣднѣла.

— У нихъ старая интрига. Она еще въ дѣвушкахъ...

— Я догадалась, — перебила молоденькая дама и отошла, по случаю начала французской кадрили. — Посмотрите, какъ счастливъ Бахтіаровъ,—замѣтила она своему кавалеру, очень еще молодому человѣку, но съ замѣчательно-рѣшительною наружностью.

— Именно,—подтвердилъ тотъ:—онъ даже пересталъ кисло улыбаться.

Молодой человѣкъ, постоянно сердившійся на Бахтіарова за то, что на томъ всегда былъ фракъ самой послѣдней моды, придя въ буфетъ и рѣшительно бросившись на диванъ, сказалъ сопровождавшему его пріятелю, армейскому офицеру:

— Какъ эти господа не умѣютъ себя выдержать!

— А что?—спросилъ тотъ, безбожно затягиваясь издѣліемъ Жукова.

— Мрачный Бахтіаровъ цѣлую кадриль, какъ аркадскій пастушокъ, любезничалъ съ своей дамой.

— Онъ танцовалъ съ Лизаветой Васильевной Масуровой,— отвѣчалъ офицеръ, имѣвшій необыкновенную способность знать имена и фамиліи всѣхъ, даже незнакомыхъ ему дамъ.

Офицеръ, выйдя въ залу, всталъ около другого офицера, тоже своего пріятеля. Сей послѣдній, увидѣвъ проходившую мимо ихъ Лизавету Васильевну, замѣтилъ:

— Посмотри-ка, братъ, какія плечи-то... тово...

— Нѣтъ, братъ, тутъ не тово... занята вакансія.

— А кто?

— Да Бахтіаровъ.

— Ну, такъ ужъ, конечно, не тово...

Между тѣмъ Бахтіаровъ дѣйствительно велъ себя какъ-то странно и совершенно не попрежнему: въ лицѣ его не было уже обычной холодности и невниманія, которое онъ оказывалъ ко всѣмъ городскимъ дамамъ и въ которыхъ, впрочемъ, былъ, какъ говорили въ свѣтѣ, очень счастливъ; всю первую фигуру сохранялъ онъ какое-то почтительное молчаніе. Лизавета Васильевна тоже молчала и безпрестанно взглядывала на брата. Въ половинѣ кадрили Павелъ наконецъ, взглянувъ на сестру и увидѣвъ, что она танцуетъ съ Бахтіаровымъ, тотчасъ всталъ, быстро подошелъ къ танцующимъ и сѣлъ невдалекѣ отъ нихъ. Въ это время Бахтіаровъ заговорилъ:

— Я не могу еще опомниться, — началъ онъ:—я такъ неожиданно васъ увидѣлъ, такъ пораженъ былъ...

— Мы года четыре съ вами не видались,—перебила Лизавета Васильевна.

Бахтіаровъ нѣсколько смѣшался.

— Вашъ супругъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Онъ остался дома... Я съ братомъ.

— Боже мой! Какъ я васъ давно не видалъ... — началъ было Бахтіаровъ прежнимъ тономъ.

Лизавета Васильевна прежде времени отошла дѣлать соло.

— Вы несправедливы ко мнѣ, — продолжалъ онъ, одушевляясь:—мало того, вы были жестоки ко мнѣ!..

— Поль, подержи мой вѣеръ,—сказала Лизавета Васильевна, обращаясь къ Павлу.

— Это вашъ братъ?

— Да...

И она снова отошла.

Бахтіаровъ съ досады началъ щипать усы.

— Вы позволите мнѣ быть у васъ?..—спросилъ онъ, уведя Лизавету Васильевну, въ послѣдней фигурѣ, на другую сторону отъ брата.

Молодая женщина нѣсколько колебалась.

— Это отъ васъ зависитъ,—отвѣчала она.

Кадриль кончилась.

— Поѣдемъ, Лиза,—сказалъ тихо Павелъ.

— Поѣдемъ,—отвѣчала молодая женщина.

— Accordez-moi la mazurque?

— Pardon, monsieur: je pars.

— Mais...

— Allons, Paul...

Лизавета Васильевна вышла съ братомъ.

Бахтіаровъ, разстроенный, снова сталъ у колонны.

— Вы, вѣрно, скучаете, не видя одной особы? — сказала блѣдная дама въ очкахъ, проходя мимо него съ молоденькою дамою.

— Гораздо менѣе, чѣмъ видя другую особу, — отвѣчалъ Бахтіаровъ.

Постоявъ еще нѣсколько времени, онъ ушелъ въ бильярдную и сѣлъ между зрителями на диванъ. Ему, видно, было очень скучно. Около бильярда ходили двое игроковъ: одинъ изъ нихъ былъ, какъ кажется, человѣкъ солидный и немного сердитый на видъ, другой... другой былъ нашъ старый знакомый, Масуровъ.

Солидный игрокъ далъ промахъ.

— А вотъ мы—такъ не такъ!.. — сказалъ Масуровъ, живо перекинувшись черезъ бортъ бильярда, и, вывернувъ неимовѣрно локти, принялся цѣлиться. — Бацъ! — вскрикнулъ онъ, сдѣлавъ довольно ловко желтаго шара въ среднюю лузу:— вотъ оно что̀ значитъ на контру-то, каковъ ударъ! А?—продолжалъ онъ, обращаясь къ зрителямъ.

— Отлично играютъ! — отнесся къ Бахтіарову худощавый господинъ, котораго въ городѣ называли платяной вѣшалкой.

— Кто?—спросилъ Бахтіаровъ.

— Я говорю: Михайла Николаичъ отлично играютъ.

— Какой Михайла Николаичъ?

— Масуровъ.

— Это развѣ Масуровъ?

— Масуровъ... ловкій игрокъ.

Бахтіаровъ сейчасъ же всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ игрокамъ.

— Каковъ ударъ-то! — повторилъ Масуровъ, замѣтивъ его около себя.

— Славный!—отвѣчалъ Бахтіаровъ.

— Вотъ какъ долго цѣлитесь, а еще говорите, что съ Тюрей играли... на «себя», ей-Богу, на «себя»!.. — повторилъ Масуровъ, между тѣмъ какъ прицѣливался его партнеръ.

— Перестаньте говорить подъ руку,—возразилъ тотъ, отнимая съ досадою кій.

— Да я и такъ ничего не говорю; играйте; что̀ мнѣ за надобность.

— Какъ же не говорите? Какъ колоколъ надъ ухомъ, — возразилъ партнеръ, снова принимаясь цѣлиться.

— Сами вы колоколъ. Ну, смотрите, такъ и есть: на «себя»!— вскрикнулъ онъ и залился смѣхомъ.

Партнеръ дѣйствительно сдѣлалъ на «себя».

— Съ вами невозможно играть, — сказалъ онъ, отнимая кій.

— Ну, ужъ вы и сердитесь... Всяко бываетъ! А вотъ мы такъ поиграемъ: краснаго сдѣлаемъ, да подъ желтаго выходъ!.. Есть! Вотъ тутъ-то мы васъ, батенька, и поймали! Эй, ты, маркерина, считай; разъ 12, два 12; честь имѣю васъ поздравить; партія кончена!

— Будетъ! — сказалъ партнеръ, выкидывая на бильярдъ десятирублевую.

— Давайте играть! Что̀ за пустяки?

— Не буду я играть, безпрестанно говорите подъ руку.

— Я не стану, ей-Богу, не стану: слова не скажу.

— Не буду, — отвѣчалъ лаконически партнеръ и вышелъ.

— Экій какой! — проговорилъ ему вслѣдъ Масуровъ:—кутнулъ на красненькую да испугался... Я, чортъ возьми, по десяти тысячъ проигрывалъ въ вечеръ, да и тутъ не отставалъ.

— Не хотите ли со мной?—сказалъ Бахтіаровъ.

— Очень радъ,—отвѣчалъ обрадовавшись Масуровъ: — вы вѣдь, кажется, гусаръ?

— Гусаръ.

Они начали играть. Масуровъ былъ въ восторгѣ: какъ-то такъ случилось, что онъ то съ одного удара кончалъ партію, то шары разбивались такимъ образомъ, что Бахтіарову оставалось дѣлать только бѣлаго.

— Что это съ вами? — говорили нѣкоторые зрители, обращаясь къ Бахтіарову.

— Онъ хорошо играетъ!—отвѣчалъ тотъ и начиналъ какъ будто бы сердиться.

— Нѣтъ, вамъ нельзя играть со мной такъ и такъ!..— сказалъ Масуровъ:—возьмите десять впередъ.

— Я оттого проигрываю, что мы играемъ по маленькой: давайте по пятидесяти рублей.

— Вотъ еще что вздумали! Какъ это возможно? Это значитъ навѣрняка взять у васъ деньги. На вино давайте.

— Извольте.

И вино проигралъ Бахтіаровъ.

— Будетъ!—сказалъ Масуровъ.—Нѣтъ, вамъ нельзя со мной играть, давайте пить.

Они сѣли за дальній столикъ.

— Я очень радъ, что съ вами познакомился, — произнесъ Михайла Николаичъ, протягивая руку Бахтіарову.

— Взаимно и я,—отвѣчалъ тотъ, пожимая ему руку.

— Фамилія моя Масуровъ.

— А я Бахтіаровъ.

— Ну, и прекрасно.

— Славно вы играете.

— Такъ ли еще прежде игралъ! Не повѣрите: въ полку, бывало, никто со мной не связывался. Разъ шельма-жидъ какую штуку выкинулъ въ Малороссіи, на ярмаркѣ: привозитъ бильярдъ безъ бортовъ... Какъ вамъ покажется?

— Не можетъ быть.

— Честью моей завѣряю. Но... какимъ же образомъ однако играть?.. Тотъ... другой: были хорошіе игроки; посмотрѣли; нѣтъ, видятъ—хитро! Что, я думаю...—«Послушай, свиное ухо,— говорю я жиду:—когда у тебя пуста бильярдная?»—«Отъ четырехъ часовъ ноци до восьми утра, васе благородіе», говоритъ. Хорошо! Прихожу въ четыре часа ночи, начинаю катать ша-

рами, всю ночь проигралъ одинъ,—что же? Поутру его каналью самого обыгралъ на двѣ партіи. Тутъ было-схватились со мной другіе: было человѣкъ десять улановъ; всѣхъ обдулъ, какъ липокъ; а смѣшнѣе всего, одинъ чиновникъ, съ позволенія сказать, все бѣлье съ себя проигралъ.

— Но я не понимаю, какимъ же образомъ играютъ?—сказалъ Бахтіаровъ, внимательно выслушавъ весь этотъ разсказъ.

— Очень просто: дублетовъ вовсе нѣтъ, и тише бьютъ шары, чтобъ не падали на полъ. Чокнемся, monsieur... позвольте узнать ваше имя?

— Александръ Сергѣичъ.

— Чокнемтесь, Александръ Сергѣичъ!

Они чокнулись.

— Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе танцовать съ вашей супругой.

— Что вы? Да развѣ она здѣсь?

— Была здѣсь; а вы, видно, и не знаете?

— А я и не знаю... Я дома цѣлый день не былъ: помню что-то говорила...

— Я зналъ ихъ еще дѣвушкой.

— Не правда ли, что славная женщина?

— Чудная!

— Да, чортъ возьми, кабы не была жена, даже приволокнулся бы за нею.

— А вы развѣ охотники волочиться?

— Даже очень люблю. Допьемте другую бутылку и пойдемте волочиться.

— Пойдемте.

— Тамъ я, еще въ прошлое собраніе, видѣлъ даму: ухъ, чортъ возьми, съ какими каленными глазами!

Новые знакомцы вышли, подъ-руку, въ залу, но Масуровъ скоро юркнулъ отъ Бахтіарова; онъ былъ въ залѣ собранія, какъ у себя дома, даже свободнѣе, чѣмъ ловкій и свѣтскій Бахтіаровъ: всѣмъ почти мужчинамъ подавалъ руку, дамамъ кланялся, инымъ даже что-то шепталъ на ухо, и Бахтіаровъ только чрезъ четверть часа замѣтилъ его усѣвшимся съ дамою въ ожиданіи мазурки. Михайла Николаичъ, увидя своего пріятеля, показывалъ ему пальцемъ на свои глаза и въ то же время подмигивалъ на свою даму. У дамы были дѣйствительно странные глаза; они были, если хотите, и черные, но какъ будто бы кто-то толкалъ ихъ изнутри, и имъ сильно хотѣлось выпрыгнуть. Бахтіаровъ чуть не засмѣялся и, желая не поддаться пріятелю въ выборѣ дамы, отыскалъ какую-то дѣвушку, тоже съ довольно необыкновенными глазами. Эти

глаза были, впрочемъ, совершенно другого свойства: они уходили внутрь, и какъ владѣтельница ихъ ни растягивала свои красноватыя вѣки, глаза прятались и никакъ не хотѣли показаться на свѣтъ. Масуровъ захохоталъ во все горло, увидѣвъ помѣщающагося съ своей дамой около него Бахтіарова.

— Браво, Александръ Сергѣичъ! То, что у васъ очень закрыто, у меня очень открыто!

Оба знакомца немного дурачились въ мазуркѣ; они очень ловко вертѣли дамъ, подводя ихъ къ мѣстамъ, то черезчуръ выдѣлывали па, то просто ходили, выдумывая какія-то странныя пословицы. Въ отношеніи же дамъ своихъ они вели себя нѣсколько различно: Бахтіаровъ молчалъ и даже иногда зѣвалъ, но зато рѣкой разливался Масуровъ: онъ говорилъ дамѣ, что очень любитъ женскіе глаза, что взглядъ женщины для него невыносимъ, что онъ зналъ одну жидовочку и... Тутъ онъ разсказалъ такую исторію про жидовку, что дама не знала — сердиться на него или смѣяться. Въ промежуткахъ разговора, Масуровъ обращался къ Бахтіарову и спрашивалъ его вслухъ, знаетъ ли онъ романсъ: «Ахъ, не глядите на меня, вы, пламенныя очи», и, въ заключеніе, объявилъ своей дамѣ, что онъ никогда не забудетъ этой мазурки и запечатлѣлъ ее въ сердцѣ. Дама молча поворотила на него свои глаза и отошла.

Бахтіаровъ и Масуровъ отужинали вмѣстѣ, выпили еще бутылки двѣ шампанскаго, и Масуровъ началъ называть своего пріятеля просто—mon cher.

Дружеское сближеніе Бахтіарова съ Масуровымъ замѣтили многіе, и многіе угадали настоящую причину: это были по преимуществу дамы, которыя, какъ извѣстно, въ подобныхъ случаяхъ обнаруживаютъ необыкновенное любопытство и невыразимую смѣтливость. На другой же почти день было рѣшено, что гордецъ Бахтіаровъ заискиваетъ въ Масуровѣ и поддѣлывается подъ его дурной тонъ, потому что интригуетъ съ его женой. Слухъ объ этомъ дошелъ и къ Кураевымъ: брюнетка, говорятъ, услышавъ объ этомъ, тотчасъ вышла къ себѣ въ комнату и цѣлый день не выходила, жалуясь на головную боль. Горничная ея даже разсказывала, что будто бы барышня все это время изволила лежать въ постели и плакала.

VII.

Всякая всячина.

Еще печальнѣе, еще однообразнѣе потекла жизнь Павла послѣ его неудачной поѣздки въ собраніе: цѣлые дни проводилъ онъ въ совершенномъ уединеніи. Съ сестрою видался

онъ гораздо рѣже. Лизавета Васильевна какъ-то измѣнилась, сдѣлалась нѣсколько странною и совершенно иначе держала себя въ отношеніи къ брату. По пріѣздѣ изъ собранія она нѣсколько дней была больна или, по крайней мѣрѣ, сказывалась больною и лежала въ постели. На другой же день поутру пріѣхалъ къ нимъ Бахтіаровъ. Михайла Николаичъ просилъ-было жену выйти къ его новому знакомому, который, по его словамъ, былъ старинный его пріятель, видѣлъ ее въ собраніи и теперь очень желаетъ покороче съ ней познакомиться. Лизаветѣ Васильевнѣ очень непріятно было это посѣщеніе, и она рѣшительно сказала мужу, что больна и не можетъ выйти.

— Богъ съ тобой, Лиза, ты мнѣ все дѣлаешь напротивъ!.. Этотъ вѣдь совершенно непохожъ на другихъ моихъ пріятелей: человѣкъ съ огромнымъ вѣсомъ, для дѣтей нашихъ даже можетъ быть полезенъ.

Сказавъ это, Масуровъ вышелъ изъ спальни. Гость и хозяинъ, кажется, скоро совершенно забыли о Лизаветѣ Васильевнѣ. Они усѣлись играть въ бостонъ и проиграли до вечера. На третій день, когда снова пріѣхалъ Бахтіаровъ, Лизавета Васильевна спросила мужа: долго ли этотъ человѣкъ будетъ надоѣдать имъ?

— Нѣтъ, душа моя,—почти закричалъ Михайла Николаичъ:— ты хоть зарѣжь меня, а мы каждый день будемъ играть: этакого отличнѣйшаго и благороднѣйшаго игрока я во всю жизнь не видалъ.

— Что же вы не играете у него?

— У него невозможно, ей-Богу, невозможно: во всемъ домѣ передѣлываютъ печи... Намъ бы все равно.

— Это несносно, Мишель: цѣлый день чужой человѣкъ.

— И не говори лучше, Лиза; это невозможно; въ чемъ хочешь приказывай.

— Но какъ же?

— Душа моя, ангелочекъ, Бога ради, не говори,—произнесъ Масуровъ и ушелъ проворно.

На четвертый день повторилась та же сцена. На пятый Лизавета Васильевна проснулась блѣднѣе обыкновеннаго, глаза ея были красны и распухли. Видно было, что она провела не слишкомъ спокойную ночь. Часу въ двѣнадцатомъ пріѣхалъ Бахтіаровъ, и Михайла Николаичъ тотчасъ усѣлся съ нимъ за карты. На этотъ разъ Лизавета Васильевна не сказалась больною; она вышла въ гостиную и довольно сухо поклонилась гостю, проговорившему ей свое сожалѣніе о ея болѣзни; въ лицѣ Бахтіарова слишкомъ было замѣтно волненіе, и онъ часто мѣшался и даже забывалъ карты. Что касается до Ли-

заветы Васильевны, то она была какъ будто бы спокойна: работала, занималась съ дѣтьми, выходила часто изъ комнаты и, повидимому, рѣшительно не замѣчала присутствія посторонняго человѣка; но къ концу дня, ссылаясь на головную боль, легла снова въ постель. На слѣдующіе дни стали повторяться тѣ же сцены. Павелъ былъ всему постояннымъ свидѣтелемъ. Онъ очень подозрѣвалъ, что Бахтіаровъ неравнодушенъ къ сестрѣ, и что она, если и не любитъ, то когда-то очень любила этого человѣка; ему очень хотѣлось поговорить объ этомъ съ нею, но Лизавета Васильевна замѣтно уклонялась отъ искреннихъ разговоровъ и даже, по пріѣздѣ изъ собранія, перестала говорить съ братомъ о его собственной любви. Когда Павелъ начиналъ думать объ отношеніяхъ сестры къ Бахтіарову, ему становилось какъ-то грустно; непріятное предчувствіе западало на сердцѣ; положеніе его въ домѣ Масуровыхъ начало становиться неловкимъ: Бахтіаровъ и Масуровъ его мало замѣчали, сестра чуждалась, онъ пересталъ къ нимъ ходить. «Для чего это сестра перемѣнилась ко мнѣ?— часто думалъ Павелъ:—отчего жъ она не скажетъ мнѣ, если точно любитъ этого человѣка? Но достоинъ ли онъ? Онъ свѣтскій человѣкъ; онъ мнѣ не нравится». Павелъ прощалъ сестрѣ чувство любви, но только ему казалось, что избранный ею предметъ былъ недостоинъ ея; впрочемъ, при такихъ размышленіяхъ Павлу всегда какъ-то становилось грустно и непріятно. «Лучше, если бы этого не было, — заключалъ онъ: — и что будетъ изъ этой любви?» На послѣдній вопросъ Павелъ боялся отвѣчать. Больше всего онъ сердился на Михайлу Николаича. «Этотъ пустой человѣкъ, — думалъ онъ:—рѣшительно погубитъ все свое семейство, онъ въ состояніи продать жену; онъ подлъ, низокъ, развратенъ... Какъ сестрѣ не предпочесть Бахтіарова, который, можетъ-быть, тоже развратный человѣкъ, но, по крайней мѣрѣ, приличенъ, солиденъ». Были даже минуты, когда Павелъ завидовалъ сестрѣ и Бахтіарову: они любятъ, они любимы, тогда какъ онъ?.. Здѣсь въ воображеніи его невольно началъ воскресать образъ брюнетки, не той холодной брюнетки, которую онъ видѣлъ, которая не пріѣхала въ собраніе, нѣтъ, другой—доброй, ласковой, привѣтливой къ нему брюнетки; она подавала ему руку, шла съ нимъ... Но мечты прерывались; его то звали къ матери, то пріѣзжала тетка или сестра и заставляли его разсказывать, что дѣлала и какъ себя чувствовала старуха въ продолженіе двухъ дней, и не хуже ли ей? На всѣ вопросы Павелъ отвѣчалъ односложно. Тетка при этихъ посѣщеніяхъ обыкновенно выговаривала Павлу, почему онъ не служитъ, почему не бываетъ у нея,

и какъ ему не грѣхъ, что онъ такъ холоденъ къ матери, которая для него была истинно благодѣтельница?

Однажды—это было въ началѣ Великаго поста — Перепетуя Петровна пріѣхала къ сестрѣ. Она была очень взволнована, почему, съ несвойственною ей быстротою и небережливостью, сбросила на полъ салопъ и вошла въ залу; все лицо ея было въ красныхъ пятнахъ.

— Гдѣ Паша?—спросила она.

— У себя въ комнатѣ,—отвѣчала горничная.

Перепетуя Петровна прошла къ Павлу.

— Здравствуй, Паша!.. Полно, нечего одѣваться-то, и въ халатѣ посидишь. Что это у тебя какая нечистота въ комнатѣ? Полъ не вымытъ; посмотри, сколько на столѣ пыли; мало ли, батюшка, этихъ оболтусовъ-то? Притвори дверь-то: мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Павелъ затворилъ дверь. Перепетуя Петровна усѣлась въ кресла.

— Давно ли ты видѣлъ сестру?

— Дня съ три.

— У нихъ былъ?

— Нѣтъ, Лиза у насъ была.

— А у нихъ давно ли былъ?

— У нихъ былъ недѣлю назадъ.

— Что она, съ ума, что ли, сошла?

— Кто?

— Да сестрица-то твоя. — Павелъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на тетку.—Я себя не помню; можно сказать, если бы не мой твердый характеръ, я не знаю что... Кто у нихъ былъ при тебѣ?

— Никого.

— Нѣтъ, ты лжешь, что никого: у нихъ былъ Бахтіаровъ! Бываетъ каждый день, только-что не ночуетъ: вотъ что!

Павелъ тутъ только началъ догадываться, въ чемъ дѣло.

— Это пріятель Михайлы Николаича,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не пріятель; онъ скорѣй злодѣй его: онъ злодѣй всего нашего семейства. Прекрасно! Михайла же Николаичъ виноватъ!.. Сваливайте на мужа вину: мужья всегда виноваты! Ты и этого не понимаешь.

— Мнѣ нечего понимать.

— Нѣтъ, ты долженъ понимать: ты братъ.

— Что же мнѣ такое понимать?

— А то понимать, что сестра твоя свела интригу.

— Тетушка...

— Нечего «тетушка». Ты думаешь—мнѣ легко слышать, какъ

цѣлый городъ говоритъ, что она съ этимъ Бахтіаровымъ въ интригѣ, и въ интригѣ мерзкой, скверной.

Павелъ весь вспыхнулъ.

— Это клевета! Прошу васъ, тетушка, не говорите этого при мнѣ.

— Нѣтъ, я буду при тебѣ говорить: ты долженъ дѣйствовать.

— Мнѣ нечего дѣйствовать: это сплетни подлыхъ людей.

— Ты не можешь этого сказать: это говорили мои хорошіе знакомые, это говорятъ вездѣ... люди постарѣе, посолиднѣе тебя; они жалѣютъ тутъ меня, зная мое родственное расположеніе, да бѣднаго Михайлу Николаича, котораго спаиваютъ, обыгрываютъ, можетъ-быть, отправятъ на тотъ свѣтъ. Вотъ что говорятъ вездѣ.

— Тетушка, пощадите сестру! — произнесъ Павелъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, мнѣ нечего ее щадить; она сама себя не щадитъ, коли такъ дѣлаетъ; я говорю, что чувствую. Я было-хотѣла сейчасъ же ѣхать къ ней, да Михайлу Николаича пожалѣла, потому что не утерпѣла бы, при немъ же бы все выпечатала. А ты такъ съѣзди да и поговори ей; просто скажи ей, что если у нихъ еще разъ побываетъ Бахтіаровъ, то она мнѣ не племянница. Слышишь?

— Я не поѣду, тетушка.

— Какъ тебѣ ѣхать? Я напередъ это знала; давно ужъ извѣстно, что ты никакихъ родственныхъ чувствъ не имѣешь, что сестра, что чужая — все равно; въ тебѣ даже нѣтъ дворянской гордости; тебѣ вѣдь ни почемъ, что безславятъ наше семейство, которое всегда, можно сказать, отличалось благочестіемъ и нравственностью.

— Это одна клевета.

— Да за что же вы меня-то мучите, за что же я-то терзаюсь? Вы, можно сказать, мои злодѣи!.. Въ комъ мое утѣшеніе? О чемъ я всегда старалась? Чтобы было все прилично... хорошо... что же на повѣрку вышло? Мерзость... скверность... подлость... Я дѣвокъ своихъ за это сѣку и ссылаю въ скотную. Богъ съ вами, Богъ васъ накажетъ за ваши собственные поступки. Съѣздить не хочешь! Лѣнтяй ты, сударь, этакій тюфякъ... ты рѣшительно безъ всякихъ чувствъ, жалости ни къ кому не имѣешь!

Въ продолженіе этой рѣчи голосъ Перепетуи Петровны дѣлался болѣе и болѣе печальнымъ, и наконецъ она начала всхлипывать.

— Нѣтъ, видно, мнѣ въ жизни утѣшенія ни отъ чужихъ

ни отъ родныхъ: маятница на бѣломъ свѣтѣ, прибралъ бы поскорѣе Господь; по крайней мѣрѣ успокоилась бы въ сырой землѣ!

Перепетуя Петровна очень разстроилась.

Вошла горничная и сказала, что больная проснулась.

— Не сказывайте ей обо мнѣ,—говорила Перепетуя Петровна:—я не могу ее видѣть, мою голубушку; страдалицы мы съ ней, по милости прекрасныхъ дѣтушекъ! Я сейчасъ уѣду...

И дѣйствительно уѣхала, не простясь даже съ Павломъ.

Перепетую Петровну возмутила Ѳеоктиста Саввична. Она разсказала ей различные толки о Лизаветѣ Васильевнѣ, носившіеся по городу и, по преимуществу, развиваемые въ дружественномъ для нея домѣ, гдѣ прежде очень интересовались Бахтіаровымъ, а теперь замѣтно на него сердились, потому что онъ рѣшительно пересталъ туда ѣздить и цѣлые дни просиживалъ у Масуровыхъ.

Ѳеоктиста Саввична, поговоривъ съ Перепетуей Петровной, вздумала заѣхать къ Лизаветѣ Васильевнѣ посидѣть вечерокъ и собственнымъ глазомъ кой-что замѣтить. Она непремѣнно ожидала встрѣтить тамъ Бахтіарова; но Лизавета Васильевна была одна и, кажется, не слишкомъ обрадовалась гостьѣ. Сначала разговоръ шелъ очень вяло.

— А вы не выѣзжаете?—спросила Ѳеоктиста Саввична.

— Нѣтъ, я не выѣзжала эти дни... Голова болитъ.

— Время такое, насморки вездѣ. А я такъ сегодня цѣлый день не бывала дома; бездомовница такая сдѣлалась, что ужасъ; теперь вотъ у васъ сижу, послѣ обѣда была у вашей тетушки... какъ она васъ любитъ!.. А цѣлое утро и обѣдала я у Кураевыхъ... Что это за прекрасное семейство!

— А вы знакомы?

— Господи помилуй! Мало, что знакома: я, можно сказать, дружна, близка къ этому семейству.

— Которая изъ дочерей у нихъ лучше?— спросила Лизавета Васильевна.

— Ахъ, Лизавета Васильевна, я, просто, не могу вамъ на это отвѣчать! Онѣ обѣ, можно сказать, какъ два амура или какія-нибудь двѣ бѣлыя голубки.

— Которая у нихъ брюнетка?

— Старшая.

— Она мнѣ лучше нравится.

— Да, это Юлія Владимировна: прекрасная дѣвица. Дай только Богъ ей партію хорошую; а изъ нея выйдетъ превосходная жена; напередъ можно сказать, что она не огорчитъ

своего мужа ни въ малѣйшихъ пустякахъ, не только своимъ поведеніемъ или какими-нибудь неприличными поступками, какъ дѣлаютъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ другія жены.

Послѣднія слова Ѳеоктиста Саввична произнесла съ большимъ выраженіемъ, потому что, говоря это, имѣла въ виду кольнуть Лизавету Васильевну.

— Она очень нравится одному молодому человѣку,—сказала та, не понявъ послѣднихъ словъ Ѳеоктисты Саввичны.

— Право, кому же это?

— Этотъ молодой человѣкъ видѣлъ ее раза два. Онъ говоритъ, что она чудо какъ хороша собой, граціозна и безподобно поетъ.

— Ай, батюшки! Кто же это такой? — спросила Ѳеоктиста Саввична, и у ней уже глаза разгорѣлись, какъ будто дѣло шло объ ея собственной красотѣ или о красотѣ ея дочери.

— Онъ меня очень просилъ, — продолжала Лизавета Васильевна: — чтобы узнать стороной, какъ о немъ думаютъ у Кураевыхъ и что бы они сказали, если бы онъ сдѣлалъ предложеніе.

— Ахъ, Боже мой! Кто бы это былъ?—сказала Ѳеоктиста Саввична, еще болѣе заинтересованная. — Постойте, я вѣдь догадываюсь: не Бахтіаровъ ли?

Лизавета Васильевна покраснѣла.

— Это съ чего вамъ пришло въ голову? Съ какой мнѣ стати говорить за него?

— Ну, я думала, такъ, по дружбѣ; онъ такъ часто бываетъ у васъ.

— Онъ часто бываетъ у моего мужа. Нельзя ли вамъ, Ѳеоктиста Саввична, переговорить съ Кураевыми?

— Да про кого, матушка, поговорить-то: я еще не знаю, про кого?

— Нѣтъ, вы напередъ дайте слово, что переговорите.

— Извольте; про кого же?

— Про моего брата.

— Про Павла Васильича? Не можетъ быть!

— Отчего же не можетъ быть?

— Нѣтъ, вы шутите!

— Вовсе не шучу.

— Да какъ же? Вѣдь онъ еще не служилъ.

— Что жъ такое, у него ужъ три чина.

— Да кто ихъ далъ?

— Царь далъ. Онъ кандидатъ.

— Ей-Богу, не знаю... Позвольте, мнѣ отъ своего слова отпираться не слѣдуетъ: поговорить поговорю; конечно, же-

нихи дѣвушкѣ не безчестье, только откровенно вамъ скажу— не надѣюсь. Главное дѣло—не чиновенъ. Кабы при должности какой-нибудь былъ — другое дѣло... Состояніе-то велико ли у нихъ?

— У него своихъ пятьдесятъ душъ, да послѣ тетки еще достанется.

Ѳеоктиста Саввична размышляла. Она была въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи: съ одной стороны, ей очень хотѣлось посватать, потому что сватанье сыздавна было ея страстью, ея маніею; половина дворянскихъ свадебъ въ городѣ началась чрезъ Ѳеоктисту Саввичну; но, съ другой стороны, Бешметевъ и Кураева въ головѣ ея никоимъ образомъ не укладывались въ приличную партію, тѣмъ болѣе, что она вспомнила, какъ сама она невыгодно отзывалась о Павлѣ и какое дурное мнѣніе имѣетъ о немъ невѣста; но манія сватать превозмогла все.

— Поговорю, Лизавета Васильевна, съ большимъ удовольствіемъ поговорю; я такъ люблю все ваше семейство! Мнѣ очень будетъ пріятно устроить это для васъ. Вы говорите, у него пятьдесятъ душъ и три чина?..

Разговоръ этотъ прервался приходомъ блѣднаго и разстроеннаго Павла. Лизавета Васильевна очень ему обрадовалась.

— Вотъ и онъ, легокъ на поминѣ! Какъ я тебя давно не видала, Поль, — говорила она, цѣлуя брата въ лобъ и глядя на него:—но что съ тобой? Чѣмъ ты разстроенъ?

Павелъ ничего не отвѣчалъ и, почти не кланяясь Ѳеоктистѣ Саввичнѣ, сѣлъ поодаль; Лизавета Васильевна долго вглядывалась въ брата и сама задумалась. Ѳеоктиста Саввична, внимательно осмотрѣвъ Павла, начала съ нимъ разговаривать, вѣроятно, для узнанія его умственныхъ способностей: она сначала спросила его о матери, а потомъ и пошла допытываться,—гдѣ онъ, чему и какъ учился, что такое университетъ, на какую онъ должность кандидатъ; и вслѣдъ затѣмъ, услышавъ, что ученый кандидатъ не значитъ кандидатъ на какую-нибудь должность, она очень интересовалась знать, почему онъ не служитъ и какое ему дадутъ жалованье, когда поступитъ на службу.

Павелъ говорилъ очень неохотно, такъ что Лизавета Васильевна нѣсколько разъ принуждена была отвѣчать за него.

Часу въ восьмомъ пріѣхалъ Масуровъ съ клубнаго обѣда и былъ немного пьянъ. Онъ тотчасъ же бросился обнимать жену и началъ разсказывать, какъ онъ славно кутнулъ съ Бахтіаровымъ. Павелъ взялся за шляпу и, несмотря на просьбу сестры, ушелъ. Ѳеоктиста Саввична тоже вскорѣ отправилась

и, еще разъ переспросивъ о состояніи, чинѣ и лѣтахъ Павла, обѣщалась увѣдомить Лизавету Васильевну очень скоро.

VIII.

Сватовство.

Ѳеоктиста Саввична, возвратясь отъ Лизаветы Васильевны, почти цѣлую ночь не спала; сердце ея каждый разъ замирало и билось, когда она вспоминала, что судьба сжалилась наконецъ надъ ней и доставила ей случай посватать. Будь другая на мѣстѣ Ѳеоктисты Саввичны, не имѣя для этого дѣла истиннаго призванія, она, конечно бы, не рѣшилась сватать какого-либо полуплебея губернской аристократкѣ, по причинамъ выше уже изложеннымъ. Собственно, два только благопріятные шанса имѣла Ѳеоктиста Саввична: во-первыхъ, она слышала стороной, что будто бы у Кураевыхъ продаютъ имѣніе съ аукціона, и что вообще дѣла ихъ сильно плохи, а во-вторыхъ, Владиміръ Андреичъ, обыкновенно человѣкъ гордый и очень мало съ нею говорившій, вдругъ, на-дняхъ, ни съ того ни съ сего, подсѣлъ къ ней и сказалъ:—«Чѣмъ вы, любезная Ѳеоктиста Саввична, занимаетесь? Хоть бы молодымъ дѣвушкамъ жениховъ пріискивали»,—а она, какъ будто бы предчувствуя, и отвѣтила, что она рада, но только въ состояніи ли будетъ найти достойныхъ молодыхъ людей; Владиміръ же Андреичъ на это возразилъ:—«Нынче дѣвушкамъ копаться нечего!» И что вотъ хоть у него двѣ дочери, дѣвушки не изъ послѣднихъ, а онъ зарываться не будетъ, былъ бы человѣкъ хорошій.

На другой день Ѳеоктиста Саввична сходила къ заутренѣ, къ обѣднѣ, и молилась, чтобы хорошо начать и благополучно кончить, и вечеромъ же рѣшилась отправиться къ Кураевымъ. Ѣхавъ дорогой, она имѣла два опасенія: первое, чтобъ не было постороннихъ, а второе, чтобы Владиміръ Андреичъ не очень ужъ былъ важенъ и сердитъ, потому что она его безмѣрно уважала и отчасти побаивалась; даже, можетъ-быть, не рѣшилась бы заговорить съ нимъ, если бы онъ самъ прежде не далъ тону. Первое ея опасеніе было напрасно: Кураевы только своей семьей сидѣли въ угольной комнатѣ, второе же, то-есть въ отношеніи Владимира Андреича, отчасти оправдалось: онъ былъ, видно, чѣмъ-то очень серьезнымъ разстроенъ, а вслѣдствіе того и вся семья была не въ духѣ; но Ѳеоктиста Саввична не оробѣла передъ этимъ не совсѣмъ благопріятнымъ для нея обстоятельствомъ и рѣшилась во что бы то ни стало начать свое дѣло.

— Что это нынче за времена,—начала она, просидѣвъ съ полчаса и переговоря о различныхъ предметахъ:—что это нынче за годы! Прошла цѣлая зима... танцовали... ѣздили на балы... тоже веселились, а свадьбы ни одной.

На это замѣчаніе никто не отвѣтилъ; Владимиръ Андреичъ поднялъ, впрочемъ, нахмуренные глаза и поглядѣлъ на нее.

— А вѣдь женихи-то есть: и очень бы желали, — продолжала она.

— Да гдѣ вы нашли жениховъ? — проговорилъ Владимиръ Андреичъ:—и танцовали наша братія женатые да мальчики.

— Мало ли есть, которые и не выѣзжаютъ. Право, нынче молодой человѣкъ, который посолиднѣе, то и не поѣдетъ въ общество-то. Не тѣ времена: жизнь какъ-то не веселитъ. Вотъ, напримѣръ, Василья Петровича Бешметева сынъ: прекраснѣйшій человѣкъ, а никуда не ѣздитъ, все сидитъ дома.

— Это тюфякъ-то?—перебила его блондинка. — Мы еще у васъ его видѣли: смирный такой!

— И который еще рукъ не моетъ?—прибавила насмѣшливо брюнетка.

— То-то и есть! Я, не знавши, это говорила, анъ вышло не то,—возразила увертливая Ѳеоктиста Саввична. — Послѣ, какъ узнала, такъ вышелъ человѣкъ-то умный; не шаркунъ, правда; что жъ такое? Занимается своимъ семействомъ, хозяйствомъ, читаетъ книги, пятьдесятъ душъ чистаго имѣнія, а въ домѣ-то чего нѣтъ? Одного серебра два пуда, да еще послѣ тетки достанется душъ восемьдесятъ. Кромѣ того, у Перепетуи Петровны и деньги есть. Я это навѣрно знаю. Чѣмъ же не женихъ? По моему мнѣнію, такъ всякую дѣвушку можетъ осчастливить.

Родитель и родительница весь этотъ разсказъ выслушали очень внимательно.

— Да это его сестра за Масуровымъ?—спросила мать.

— Его самаго.

— Семейство-то очень ужъ дурное: тетка Перепетуя Петровна... сестра Масурова... Богъ знаетъ что такое! — говорила Кураева, глядя на мужа и какъ бы спрашивая его: «слѣдуетъ ли это говорить?»

— Что жъ такое сестра?—возразила Ѳеоктиста Саввична:—она совершенно отдѣлена. Если дѣйствительно про нее есть тамъ, какъ говорятъ, какіе-то слухи, она не указчица брату.

— Это пустяки: что такое сестра?—проговорилъ Кураевъ.—Служитъ онъ гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, нигдѣ не служитъ.

— Отчего же, лѣнивъ, что ли?

— Ай, нѣтъ, какъ это возможно? Холостой человѣкъ, одинокій; думаетъ, не для чего! Состояніе обезпеченное, у него ужъ три чина: онъ какой-то коллежскій регистраторъ, что ли.

— Коллежскій секретарь.

— Такъ точно, коллежскій секретарь.

Ѳеоктиста Саввична, смѣтливая въ дѣлѣ сватанья, очень хорошо поняла, что родители были почти на ея сторонѣ. Впрочемъ, она даже нѣсколько удивилась, что такъ скоро успѣла: «видно, больно ужъ дѣлишки-то плохи», — подумала она и прямо рѣшилась приступить къ дѣлу.

— Я, признаться сказать, — начала она не совсѣмъ твердымъ голосомъ:—нарочно сегодня къ вамъ и пріѣхала. Въ своемъ семействѣ можно говорить откровенно,—онъ очень меня просилъ узнать, какое было бы ваше мнѣніе насчетъ Юліи Владимировны?

— Насчетъ меня?—спросила брюнетка и поблѣднѣла.

— То-есть въ какомъ же отношеніи насчетъ? — сказалъ Владимиръ Андреичъ, переглянувшись съ женою.

— Ну, то-есть, извѣстно, въ какомъ. Онъ видѣлъ Юлію Владимировну: она ему очень понравилась, такъ онъ очень бы желалъ быть осчастливленъ. Конечно, его мало знаютъ; но онъ говоритъ: «я, говоритъ, со временемъ постараюсь, говоритъ, заслужить».

Владимиръ Андреичъ думалъ. Впрочемъ, по выраженію его глазъ замѣтно было, что слова Ѳеоктисты Савввичны были ему не непріятны.

— Что жъ, онъ дѣлаетъ формальное предложеніе, что ли?— спросилъ онъ.

— Да!.. Конечно.... все равно и черезъ меня... дѣлаетъ формальное предложеніе.

— Формальное предложеніе,—проговорилъ какъ бы самъ съ собою Владимиръ Андреичъ и поглядѣлъ на дочь.

Юлія сидѣла почти не жива; на глазахъ ея навернулись слезы. Блондинка, съ испуганнымъ и жалкимъ лицомъ, смотрѣла на сестру; у нея тоже показались слезы. Марья Ивановна глядѣла то на дочь, то на мужа. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Какъ ты думаешь, Марья Ивановна?—началъ Владимиръ Андреичъ, обращаясь къ женѣ.

Та глядѣла ему въ глаза и ничего не отвѣчала.

— Ну, а ты что, Юлія? — отнесся онъ къ дочери.

Юлія Владимировна едва собралась съ духомъ отвѣчать:

— Я не хочу еще замужъ, папенька.

— Это пустое ты говоришь: всякая дѣвушка замужъ хочетъ.

— Онъ мнѣ не нравится, папенька.

— И это пустое...

Рѣшивъ такимъ образомъ, Владимиръ Андреичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ; всѣ другія сидѣли молча и потупившись. У Ѳеоктисты Саввичны очень билось сердце, и она безпокойнымъ взоромъ слѣдила за Кураевымъ.

— Пойдемъ туда, Маша,—проговорилъ наконецъ Владимиръ Андреичъ, показавъ женѣ глазами на кабинетъ.

Марья Ивановна встала и пошла за мужемъ. Барышни тоже недолго сидѣли въ угольной. Брюнетка взглянула исподлобья на Ѳеоктисту Саввичну и, взявъ сестру за руку, ушла съ нею въ другую комнату.

Ѳеоктиста Саввична, чтобы не мѣшать семейному совѣщанію, тоже вышла въ залу и, прислонившись къ печкѣ, съ удовольствіемъ начала припоминать ту ловкость, которую обнаружила въ этомъ дѣлѣ. «Задала же я имъ задачу, — думала она:—Господи, хоть бы мнѣ эту свадьбу устроить, четвертый годъ безъ всякаго дѣла. Старики-то, кажется, на моей сторонѣ; невѣста, пожалуй, заупрямится; ну, да Владимиръ Андреичъ не очень чувствительный родитель: у него и не хочешь да запляшешь. Признаться сказать, не ожидала я для себя этого. Дѣлишки-то, главное, дѣлишки, видно, больно плохи. Какъ бы подслушать, что̀ барышни-то говорятъ?»—подумала Ѳеоктиста Саввична и, зная очень хорошо расположеніе дружественнаго для нея дома, тотчасъ нашла дверь въ комнату барышень и, подойдя весьма осторожно, приложила къ небольшой щели ухо. Въ комнатѣ царствовало молчаніе, и только слышались глухія рыданія. Ѳеоктиста Саввична тотчасъ же догадалась, что это плачетъ невѣста.

— Не плачь, ma soeur,—заговорила блондинка:—папенька, можетъ-быть, еще не согласится... Ты скажи, что просто не можешь; что у тебя къ нему антипатія.

— Какая тутъ антипатія? Больше, ma soeur, чѣмъ антипатія. Я представить его не могу, имя его теперь ужъ мнѣ противно. Что̀ это такое? Выдаютъ за дурака!

— Именно, — подхватила блондинка: — лицо гадкое, ноги кривыя. Очень весело... такой мужъ своими немытыми руками будетъ обнимать; фуй, гадость какая!

Брюнетка ничего не отвѣчала, нѣсколько минутъ не было слышно ни слова.

— Если меня выдадутъ за него, — начала довольно тихо брюнетка:—я знаю, что̀ дѣлать.

— А что̀ такое, ma soeur?

— А вотъ увидишь.

— Скажи, душенька!

— А то, что я буду держать его, какъ лакея...

— Конечно: онъ того и стоитъ.

— Еще какъ стоитъ!

Снова продолжалось нѣсколько минутъ молчаніе.

— Мнѣ тебя, ma soeur,—начала блондинка:—очень жаль, мы съ тобой ужъ не будемъ жить вмѣстѣ.

Брюнетка молчала.

— Все это гадкая Ѳеоктиста Саввична,—продолжала блондинка.

— Конечно, она, уродъ проклятый!—подхватила Юлія.

— Дыня гнилая!

— Кіевская вѣдьма!

— Чортъ съ хвостомъ!

Ѳеоктиста Саввична не сочла за нужное долѣе подслушивать и снова вышла въ залу. Ей очень была обидна неблагодарность Юліи Владимировны, о счастьѣ которой она старалась. — «Впрочемъ, Богъ съ ней! — подумала она: — это происходитъ отъ глупости и молодости: имъ бы все — за богачей выдавай; гдѣ же ихъ взять? Для меня бы все равно сватать; сами виноваты; хорошій-то женихъ спроситъ и приданаго, а приданое въ трубѣ прогорѣло, даромъ, что модницы этакія! Вотъ посмотримъ, сколько отвалятъ; анъ смотришь: старую перину, новый вѣникъ да полтину денегъ; конечно, тряпокъ много, да вѣдь на тряпки-то хорошаго человѣка не пріобрѣтешь». Ѳеоктиста Саввична много еще думала въ этомъ же родѣ: въ головѣ ея проходили довольно серьезныя мысли. Такъ, напримѣръ: что если нѣтъ въ виду хорошаго приданаго, такъ дѣвушекъ не слѣдуетъ по модѣ и воспитывать, а главное дѣло — не нужно учить по-французски; что отъ этого онѣ только важничаютъ, а толку нѣтъ, и тому подобное.

Но еще болѣе серьезныя мысли, какъ и надобно было ожидать, высказывалъ Владиміръ Андреичъ въ своемъ совѣщаніи съ супругою.

— Какъ ты думаешь, Марья Ивановна?—началъ онъ.

— Я, ей-Богу, еще, Владиміръ Андреичъ, опомниться не могу. Мнѣ кажется это даже дерзостью.

— Пустое! Гдѣ же тутъ дерзость?

Марья Ивановна не отвѣчала.

— Я тебя спрашиваю, гдѣ же тутъ дерзость?

— Конечно, если ужъ не дерзость, такъ, самъ согласись, странность.

— И странности никакой нѣтъ. А это не странность, что у насъ имѣніе-то все съ молотка продадутъ? Это не стран-

ность, что я въ пятьдесятъ лѣтъ долженъ ѣхать въ Петербургъ— надѣвать лямку и тереться въ частной службѣ за какія-нибудь четыре тысячи въ годъ? Это не странность, по-вашему, это не странность? Понимаете ли вы, что̀ изъ этого выйдетъ?

— Я сама знаю, Владимиръ Андреичъ, что наше состояніе очень разстроено.

— Не разстроено, сударыня, а совсѣмъ его нѣтъ. Что̀ теперь у насъ? Домашняя рухлядь да экипажи: далеко-то не уѣдешь. Хорошо, что еще хоть частное мѣсто удастся пріятелямъ выхлопотать, а то хоть по міру ступай; впору съ одной-то возиться. Слава Богу, что выискался добрый человѣкъ да беретъ, что̀ называется, изъ одного расположенія. Нѣтъ ужъ, сударыня, по милости вашей, у меня шея-то болитъ давно; вамъ все готово, а я, можетъ-быть, цѣлыя ночи верчусь, какъ карась на горячей сковородѣ; у меня только и молитвы было, чтобы взялъ кто-нибудь. Знаешь ли ты, что чрезъ мѣсяцъ мы должны ѣхать отсюда? Ну, если бъ еще здѣсь оставались, можно бы было погодить, да и то... четыре зимы ихъ вывозили; а что̀ толку-то? Ѣздили, ухаживали, обѣдали, а не одинъ не присватался; припомни, сколько было этихъ франтовъ-то: Портновъ, Караевъ, Мелуса, Коваревскій, Умновъ, Глазопаловъ, Бахтіаровъ, а вѣдь ни одного не умѣли завлечь хорошенько; сами виноваты, мнѣ дѣлать нечего, въ самого себя ужъ не влюбишь.

— Конечно... впрочемъ все-таки... ты не разсердись, Владимиръ Андреичъ: я говорю это такъ; все-таки ужасно пожертвовать дочерью...

— Да какой чортъ ею жертвуетъ? Не въ Сибирь ссылаютъ; замужъ выдаютъ; она, я думаю, сама этого желаетъ. Жертвуютъ ею! Въ этомъ дѣлѣ скорѣй нашъ братъ жертвуетъ. Будь у меня состояніе, я, можетъ-быть, въ зятья-то пригнулъ бы и не такого человѣка.

— Да вѣдь это я такъ только сказала...

— И такъ говорить не слѣдуетъ. Надобно ли намъ о себѣ-то подумать?

— Конечно, надобно.

— Нашъ вѣдь вѣкъ еще не опредѣленъ!

— Конечно, еще не опредѣленъ: можетъ-быть, мы еще долго будемъ жить.

— То-то и есть, долго жить. Теперь позови-ка Юлію... Я поговорю съ ней, а послѣ и ты ей внуши хорошенько: во-первыхъ, что она бѣдная дѣвушка, что лучше ей жениха быть не можетъ, а въ дѣвкахъ оставаться нехорошо да и неприлично въ нашъ вѣкъ.

Марья Ивановна вышла. Владимиръ Андреичъ, оставшись одинъ, погрузился въ размышленія. Черезъ нѣсколько минутъ вошла, въ сопровожденіи матери, невѣста, съ заплаканными глазами и блѣдная, какъ полотно.

— Поди, поцѣлуй меня, Юлія,—сказалъ Владимиръ Андреичъ ласковымъ тономъ: — сядь поближе.

Юлія поцѣловала отца и сѣла.

— Знаешь ли ты,—началъ онъ своимъ внушительнымъ тономъ: — что всякая порядочная дѣвушка, въ двадцать лѣтъ, должна думать выйти замужъ?

— Знаю, папа.

— Ты порядочная дѣвушка?

Юлія молчала.

— Тебѣ двадцать лѣтъ? Что жъ изъ этого слѣдуетъ? То, что ты должна думать выйти замужъ.

— Но, папа, я еще не хочу.

— Ты не можешь не хотѣть, на томъ основаніи, какъ я сказалъ, что порядочная дѣвушка въ двадцать лѣтъ хочетъ замужъ; но теперь другой вопросъ: за кого выйти замужъ?

— Мнѣ онъ очень гадокъ.

— Хорошо: этотъ гадокъ, — положимъ, такъ. Стало-быть, ты кого-нибудь имѣешь въ виду. Можетъ-быть, въ тебя кто-нибудь влюбленъ и ужъ дѣлалъ тебѣ предложеніе? Кто жъ это такой? Бахтіаровъ, что ли?

— Мнѣ никто не дѣлалъ предложенія,—отвѣчала, вспыхнувъ, Юлія Владимировна.—Я пойду, папенька, въ монастырь.

— Прекрасно! Ступай въ монастырь, только завтра же. Зачѣмъ же тебѣ отягощать насъ? Мы, стало-быть, ничего уже не можемъ для тебя сдѣлать. Мы поѣдемъ въ Петербургъ, а ты ступай въ монастырь.

Юлія залилась слезами.

— Вотъ видишь, — началъ снова Владимиръ Андреичъ: — это только пустыя слова; а въ такомъ важномъ дѣлѣ пустыхъ словъ говорить не слѣдуетъ. Плакать нечего, а надобно слушать, что говорятъ.

— Мнѣ хочется, папенька, пожить съ вами.

— Пожить съ нами? Это всего лучше! На все, сударыня, свое время: съ нами ты ужъ пожила: теперь тебѣ надобно выйти замужъ... Вѣдь ты съ этимъ сама согласна. Ну, скажи, согласна ли?

— Согласна.

— Прекрасно! Что жъ тебя останавливаетъ? Каковъ этотъ человѣкъ?

— Онъ совершенный тюфякъ, папа.

— Вотъ то-то и есть: тебѣ, по молодости, не должно ни въ чемъ полагаться на собственныя понятія. А я тебѣ лучше растолкую, что это за человѣкъ. Во-первыхъ, я зналъ его отца и мать; отецъ былъ очень честный человѣкъ, а мать умная и добрая женщина; во-вторыхъ, онъ самъ учился въ университетѣ и имѣетъ уже три чина. Что же изъ этого выходитъ? Этотъ женихъ умный человѣкъ, по мѣсту своего воспитанія, потому что это высшее заведеніе, и долженъ быть добрый человѣкъ по семейству, въ которомъ онъ родился, а главное — состояніе: пятьдесятъ душъ не заложенныхъ, это значитъ сто душъ, домъ, какъ полная чаша — это я знаю, потому что у Василія Петровича бывалъ на завтракахъ; экипажъ будетъ у тебя приличный; знакома ты можешь быть со всѣми; будешь дамой, мужъ будетъ служить, а ты будешь веселиться; народятся дѣти, къ этому времени тетка умретъ: вотъ вамъ и на воспитаніе ихъ. Чего жъ недостаетъ въ этомъ женихѣ?

— Онъ очень необразованъ, папа.

— Нѣтъ, необразованъ быть онъ не можетъ; развѣ только неловокъ, не шаркунъ: да, вѣдь мужъ не танцовальный учитель. Это вѣдь въ танцмейстеры да въ паяцы выбираютъ ловкихъ.

Владимиръ Андреичъ замолчалъ. Изъ всѣхъ его разсужденій Юлія поняла, кажется, только то, что папенька непремѣнно рѣшился ее выдать за Бешметева, и что теперь онъ говоритъ ласково, только убѣждаетъ, а потомъ, пожалуй, начнетъ кричать и, чего добраго, посадитъ въ монастырь.

— Ну, Марья Ивановна, ты теперь съ нею поговори,—сказалъ Владимиръ Андреичъ и вышелъ.

Юлія по уходѣ отца принялась плакать. Марья Ивановна тоже едва удерживалась.

— Онъ меня, пожалуй, прогонитъ,—говорила Юлія, утирая слезы.

— Что мудренаго, другъ мой? Выходи лучше, Джулинька. Что? Богъ милостивъ.

— Да онъ мнѣ гадокъ, maman.

— Привыкнешь, душа моя, ей-Богу, привыкнешь. Этого вѣдь нельзя напередъ сказать; сначала не нравится, а послѣ полюбишь; а иногда и по любви выходятъ, да послѣ даже ненавидятъ другъ друга. Онъ добрый человѣкъ: по крайней мѣрѣ, онъ будетъ тебѣ повиноваться, а не ты ему.

— Да, ужъ если я выйду, — сказала разгнѣваннымъ голосомъ Юлія:—такъ я ему дамъ знать себя; я ему докажу, что значитъ жениться насильно. У него пятьдесятъ душъ, maman?

— Пятьдесятъ душъ, мой ангелъ.

— Сколько же это доходу?

— Я думаю, тысячъ до трехъ; да еще, я думаю, деньги у нихъ должны быть.

— Всѣ деньги себѣ буду брать; ему никогда копейки не дамъ; буду ѣздить по знакомымъ, по баламъ; дома рѣшительно не стану сидѣть.

— Да это какъ ты хочешь... — говорила мать. — Ну, что пользы-то, посуди ты сама: вотъ я вышла за Владимира Андреича: ну, молодецъ, уменъ и богатъ. Конечно, жила въ обществѣ, зато домашняго-то удовольствія никакого не имѣла. Рѣшись, мой другъ; въ наше время въ дѣвушкахъ оставаться даже неприлично.

И на это замѣчаніе Юлія ничего не отвѣчала и, казалось, была въ раздумьѣ.

— Позвольте мнѣ, maman, поговорить съ сестрой, — сказала она послѣ минутнаго размышленія.

Марья Ивановна вышла въ угольную комнату: тамъ сидѣли Владиміръ Андреичъ и Надя.

— Ну, что?—спросилъ онъ, увидя жену.

— Она почти согласна,—отвѣчала Марья Ивановна:—хочетъ только съ сестрой поговорить.

Надя встала и хотѣла-было итти.

— Постой,—сказалъ Владиміръ Андреичъ:—ты смотри, не разбивай сестру: я вѣдь послѣ узнаю. Ты скажи, что ты бы на ея мѣстѣ тотчасъ пошла.

— Да вѣдь онъ очень смѣшонъ, папа, — возразила блондинка.

— Я тебѣ за это уши выдеру, болтунья этакая! — прикрикнулъ Владиміръ Андреичъ.

У блондинки на глазахъ навернулись слезы.

— Ты должна ей говорить, что ей необходимо выйти замужъ, потому что этого хотятъ родители, а родителей должно уважать, что папенька, то-есть я, разсердится и отдастъ въ монастырь... Ступай!

Блондинка вошла къ сестрѣ, которая сидѣла въ задумчивости.

— Меня за тебя, ma soeur, прибранилъ папа, — сказала она, садясь, надувши губы, на диванъ.

— За что?

— Что ты замужъ не выходишь. Выходи, пожалуйста, скорѣе... Я-то чѣмъ виновата? Онъ и тебя хочетъ посадить въ монастырь.

— Я лишу его этого удовольствія, потому что выйду замужъ.

— Я сама бы вышла за кого нибудь замужъ; все бранятся безпрестанно; сегодня третій разъ.

— Знаешь, ma soeur, кого мнѣ хочется взбѣсить, если я выйду замужъ?

— Кого?.. Б...?

— Ну, да. Ты не знаешь еще, какой онъ ужасный человѣкъ. Мнѣ именно хочется выйти замужъ, чтобъ доказать ему...

— Онъ славно ѣздитъ верхомъ,—перебила блондинка.

— Конечно, хорошо. А все-таки ужасный человѣкъ: ты не знаешь еще всего... Помнишь, какъ онъ лѣтомъ за мной ухаживалъ? Ну, я думала, что онъ въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ неравнодушенъ.

— Ты въ него, ma soeur, была вѣдь очень влюблена, — перебила блондинка:—цѣлыя ночи все говорила о немъ.

— Ну, да, конечно. Но вообрази себѣ, что онъ сдѣлалъ со мной на обѣдѣ у Жарковыхъ: я стою у окна, онъ подходитъ ко мнѣ.—«Что вы дѣлаете, говоритъ, на что вы смотрите? Не завѣтные ли вензеля пишете?»—А я и говорю:—«Да, завѣтный вензель». Онъ говоритъ:—«Напишите при мнѣ». Я думаю, что жъ такое? Взяла да и написала его вензель. Онъ посмотрѣлъ на окошко, сдѣлалъ, знаешь, эту его насмѣшливую гримасу и отошелъ. Самолюбіе у меня вспыхнуло; и съ этихъ же поръ я перестала его замѣчать. Послѣ онъ очень опять ухаживалъ:—«нѣтъ, извините»,—теперь пусть пойметъ, что это значитъ. Я сдѣлаюсь дамой и рѣшительно не буду обращать на него вниманія. Онъ, говорятъ, дамъ гораздо больше любитъ.

Сестры нѣсколько минутъ молчали.

— Гдѣ папенька?—спросила наконецъ брюнетка.

— Въ угольной: сидитъ съ мамà.

— Поди, скажи, что я согласна...—произнесла Юлія Владимировна рѣшительнымъ тономъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ma soeur?—спросила та.

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Я пойду скажу.

— Поди.

— Ты не шутишь?

— Нѣтъ.

Наденька постояла еще нѣсколько минутъ, ожидая, что не откажется ли сестра отъ своего намѣренія. Но Юлія Владимировна молчала, и Надя вошла въ угольную комнату.

— Сестра согласна, папа,—сказала она, войдя къ Владиміру Андреичу.

— И прекрасно! — сказалъ тотъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.—Что жъ она сама нейдетъ?

— Она тамъ, папа.

Владиміръ Андреичъ вошелъ въ кабинетъ.

— Ну что, Джули?

— Я согласна.

— Поцѣлуй меня, душа моя... Нѣтъ, поцѣлуй три раза... въ этихъ торжественныхъ случаяхъ цѣлуются по три раза. Ты теперешнимъ своимъ поступкомъ очень хорошо зарекомендовала себя: во-первыхъ, ты показала, что ты дѣвушка умная, потому что понимаешь, что тебѣ говорятъ, а во-вторыхъ—своимъ повиновеніемъ обнаружила доброе и родителямъ покорное сердце; а изъ этихъ данныхъ напередъ можно пророчить, что изъ тебя выйдетъ хорошая жена, и что ты будешь счастлива въ своей семейной жизни.

Юлія хотѣла поцѣловать руку отца, но Владиміръ Андреичъ не позволилъ этого сдѣлать и самъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты посиди здѣсь, а я переговорю съ Ѳеоктистой Саввичной.

Сказавъ это, Владиміръ Андреичъ вышелъ въ угольную и снова усѣлся на диванѣ. Чрезъ четверть часа предстала передъ нимъ и Ѳеоктиста Саввична.

— Ну что, любезнѣйшая моя Ѳеоктиста Саввична? — началъ Владиміръ Андреичъ.—Такъ какъ вы, я думаю, и сами знаете, что дочери моей, съ одной стороны, торопиться замужъ еще нечего: жениховъ у ней было и будетъ; но, принимая во вниманіе съ другой стороны, что и хорошаго человѣка обѣгать не слѣдуетъ, а потому я прошу, не угодно ли будетъ господину Бешметеву завтрашній день самому пожаловать къ намъ для личныхъ объясненій: и я бы ему кое-что сообщилъ, и онъ бы мнѣ объяснилъ о себѣ.

— Да вѣрно ли это, батюшка Владиміръ Андреичъ? Вѣрно ли это по крайней мѣрѣ?

— Почти вѣрно.

— Онъ, признаться сказать, мало надѣется и говорилъ мнѣ: «Я бы, говоритъ, Ѳеоктиста Саввишна, и самъ сдѣлалъ предложеніе, да сами посудите, я вѣдь рѣшительно не знаю, какъ обо мнѣ разумѣютъ».

— Невѣста и все наше семейство разумѣютъ о немъ очень хорошо. Вы его ободрите.

— Можно ли, Владиміръ Андреичъ, надежду-то ему подать?

— Даже больше, чѣмъ надежду. Мы хорошаго человѣка никогда не обѣгали.

Ѳеоктиста Саввична была почти въ восторгѣ. Она очень

хорошо поняла, что Владимиръ Андреичъ дѣлаетъ эту маленькую проволочку такъ только, для тону, по своему самолюбивому характеру, и потому, не входя въ дальнѣйшія объясненія, отправилась домой. Ѣхавши, Ѳеоктиста Саввична вспомнила, что она еще ничего не слыхала отъ самого Бешметева и что говорила только его сестра, и та не упоминала ни слова о формальномъ предложеніи.

«Что, если онъ откажется, даже потому только,— подумала она:—что у нихъ къ свадьбѣ ничего не готово?»

Эта мысль сильно безпокоила немного далеко взявшую сваху. Она тотчасъ было-хотѣла ѣхать къ Лизаветѣ Васильевнѣ, но было уже довольно поздно, и потому она только написала къ ней письмо, содержаніе котораго читатель увидитъ въ слѣдующей главѣ.

IX.

Помолвка съ предыдущими и послѣдующими ей сценами.

Павелъ ничего не зналъ о переговорахъ сестры съ Ѳеоктистой Саввичной, и въ то самое время, какъ Владимиръ Андреичъ рѣшалъ его участь, онъ думалъ совершенно о другомъ и былъ подъ вліяніемъ совершенно иныхъ впечатлѣній. Долго не могъ онъ послѣ посѣщенія тетки опомниться. Ему очень было жаль сестры.

«Бѣдная Лиза,—думалъ онъ:—теперь отнимаютъ у тебя и доброе имя, безславятъ тебя, взводя нелѣпыя клеветы. Что мнѣ дѣлать?—спрашивалъ онъ самъ себя:— не лучше ли передать ей объ обидныхъ сплетняхъ? По крайней мѣрѣ она остережется; но какимъ образомъ сказать? Этотъ предметъ такъ щекотливъ! Она никогда не говоритъ со мною о Бахтіаровѣ. Я передамъ ей только разговоръ съ теткою»,—рѣшилъ Павелъ и пріѣхалъ къ сестрѣ.

Но ему, какъ мы видѣли, не удалось этого сдѣлать. Съ разстроеннымъ духомъ возвратился онъ домой и цѣлую почти ночь не спалъ.

«Что, если она его любитъ, если эти сплетни имѣютъ нѣкоторое основаніе?» — думалъ Павелъ и, самъ не желая того, начиналъ припоминать небольшія странности, которыя замѣчалъ въ обращеніи сестры съ Бахтіаровымъ.

Такъ, напримѣръ, Лизавета Васильевна, не любившая очень картъ, часто и даже очень часто садилась около мужа въ то время, какъ тотъ игралъ съ своимъ пріятелемъ, и въ продолженіе цѣлаго вечера не сходила съ мѣста; или... это было, впрочемъ, одинъ только разъ... она, по обыкновенію, какъ бы

совершенно не замѣчавшая Бахтіарова, вдругъ осталась съ нимъ вдвоемъ въ гостиной и просидѣла болѣе часа. Павелъ въ это время, подъ диктовку Масурова, переписывалъ какую-то бумагу въ сосѣдней комнатѣ, и когда онъ вошелъ, то замѣтилъ на лицахъ обоихъ собесѣдниковъ сильное волненіе. Видно было, что они о чемъ-то говорили, но при его появленіи замолчали, и потомъ Бахтіаровъ, чѣмъ-то разстроенный, тотчасъ же уѣхалъ, а Лизавета Васильевна, ссылаясь на обыкновенную свою болѣзнь — головную боль, улеглась въ постель.

Размышленія Павла были прерваны пріѣздомъ Лизаветы Васильевны, которая прошла прямо къ нему въ комнату. Увидя сестру, онъ нѣсколько смѣшался. Ему предстояло разсказать ей все, что говорила тетка; но герою моему, какъ уже, можетъ-быть, успѣлъ замѣтить читатель, всегда было трудно говорить о томъ, что лежало у него на сердцѣ. Лизавета Васильевна вошла съ веселымъ лицомъ и, почти ни слова не говоря, подала Павлу какое-то письмо. Бешметевъ, ничего не подозрѣвая, началъ читать и, прочитавъ, весь растерялся: лицо его приняло такое странное и даже смѣшное выраженіе, что Лизавета Васильевна не могла удержаться и расхохоталась.

— Что съ тобой, Поль? — проговорила она.

Павелъ молчалъ.

Письмо это было отъ Ѳеоктисты Саввичны, довольно оригинальной орѳографіи и слѣдующаго содержанія:

«Почтеннюющая Илисавета Василѣвна, ни магу выразить скакимъ нѣтерпенемъ спишу вазъ уведомить што я пожеланію вашому, вчерасъ была у В. А. здѣлала прѣдложеніе на счетъ вашаго браца, къ Юли Владимировны, онѣ поблагородству собственной души незахотятъ мне зделать непріятности и нѣпрѣставять миня лгуньею придъ такимъ прекраснымъ семействомъ, сегодняшняго числа въ двенадцать часовъ поедутъ книмъ знакомитца, тамъ они всѣ узнаютъ, принося мое почтеніе и цолуя вашихъ милыхъ детачекъ остаюсь покорная куслугамъ

«Фиктиста Панамарѣва».

— Я тебѣ все скажу, — начала Лизавета Васильевна: — вчера мнѣ пришло въ голову попросить Ѳеоктисту Саввичну узнать, какъ о тебѣ думаютъ у Кураевыхъ, а она не только что узнала, но даже сдѣлала предложеніе, и они, какъ видишь, согласны.

Павелъ все еще не могъ прійти въ себя.

— Извольте одѣваться и ѣхать! Васъ ждутъ,— продолжала Масурова.

— Но это, должно-быть, какая-нибудь болтовня, — возразилъ наконецъ Бешметевъ.

— Нечего тутъ разсуждать, а извольте одѣваться и ѣхать. Константинъ! Дай барину одѣться.

И Лизавета Васильевна, вмѣстѣ съ лакеемъ, начала наряжать брата. Герой мой какъ будто былъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ, по крайней мѣрѣ рѣшительно не имѣлъ яснаго сознанія и, только одѣвшись, немного опомнился: усѣлся на диванъ и объявилъ, что не поѣдетъ, потому что Ѳеоктиста Саввична врунья, и что, можетъ-быть, все это вздоръ. Лизавета Васильевна начала терять надежду, но отъ свахи получено было новое, исполненное отчаянія письмо, въ которомъ она заклинала Павла ѣхать скорѣе и умоляла не губить ея. Этотъ новый толчокъ и убѣжденія Лизаветы Васильевны подѣйствовали на Павла, какъ одуряющее средство: утративъ опять ясное сознаніе, онъ сѣлъ на дрожки и, не замѣчая самъ того, очутился въ передней Кураевыхъ, а потомъ объявилъ свое имя лакею, который и не замедлилъ просить его въ гостиную.

Простоявъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ и видя, что уже нѣтъ никакой возможности вернуться назадъ, Павелъ быстро пошелъ по залѣ, рѣшившись во что бы то ни стало не конфузиться, и дѣйствительно, войдя въ гостиную, онъ довольно свободно подошелъ къ Кураеву и произнесъ обычное:

— Честь имѣю представиться.

— Очень пріятно, весьма пріятно, — перебилъ Владимиръ Андреичъ, взявъ гостя за обѣ руки:—милости прошу садиться... Сюда, на диванъ.

Павелъ сѣлъ. Владимиръ Андреичъ внимательнымъ взоромъ осмотрѣлъ гостя съ головы до ногъ. Бешметеву начало становиться неловко. Онъ чувствовалъ, что ему надобно было что-нибудь заговорить, но ни одна приличная фраза не приходила ему въ голову.

— Я зналъ вашего батюшку и матушку, — началъ опять Владимиръ Андреичъ.—Мнѣ очень пріятно васъ видѣть у себя въ домѣ. Вы, какъ слышно, не любитель общества: сидите больше дома, занимаетесь науками.

— Да, я больше бываю дома, — проговорилъ наконецъ Павелъ.

— Это очень похвально... Разсѣянные молодые люди какъ-то бываютъ неспособны къ семейной жизни, теряются... заматываются... Конечно... кто говоритъ?.. Съ одной стороны, не должно бѣгать и людей...

Владимиръ Андреичъ остановился съ тѣмъ, чтобы дать возможность заговорить своему собесѣднику; но Павелъ молчалъ.

«Ужъ черезчуръ неговорливъ: видно, самому придется начать»,—подумалъ Владимиръ Андреичъ и началъ.

— Вчерашній день Ѳеоктиста Саввична...

Здѣсь опять онъ замолчалъ и остановился въ ожиданіи, не перебьетъ ли его рѣчь Бешметевъ; но тотъ сидѣлъ потупившись и при послѣднихъ словахъ весь вспыхнулъ.

— Чрезъ Ѳеоктисту Саввичну, — продолжалъ Владимиръ Андреичъ: — угодно было вамъ сдѣлать намъ честь... искать руки нашей старшей дочери.

— Я былъ бы очень счастливъ... — проговорилъ наконецъ Павелъ.

— Очень вѣрю и благодарю васъ за это,—возразилъ Владимиръ Андреичъ: — но позвольте мнѣ съ вами говорить откровенно: участь ваша совершенно зависитъ отъ выбора дочери, которой волю мы не смѣемъ стѣснять. Очень естественно, и въ чемъ я даже почти увѣренъ, что она, руководствуясь своимъ сердцемъ, согласна. Но мы, старики-родители, на эти вещи смотримъ иначе: во-первыхъ, намъ кажется, что дочь наша еще молода, намъ какъ-то страшно отпустить ее въ чужія руки, и очень натурально, что насъ безпокоитъ: какъ она будетъ жить? Любовь—сама по себѣ, а средства жизненныя—сами по себѣ, и поэтому, изъявляя наше согласіе, намъ, по крайней мѣрѣ для собственнаго спокойствія, хотѣлось бы знать, что она, будучи награждена отъ насъ по нашимъ силамъ, идетъ тоже не на бѣдность, и потому позвольте узнать ваше состояніе?

— У меня пятьдесятъ душъ.

— Чистыя?

— Чистыя-съ.

— И деньги есть?

— Есть небольшія.

— Примѣрно, сколько?

— Тысячъ пять.

— Стало-быть, послѣ старика-батюшки ничего еще не продано, не заложено и не истрачено?

— Нѣтъ, ничего-съ.

— Благодарю васъ за откровенность; я, признаться сказать... вы извините меня: теперь, конечно, прошлое дѣло,—я, признаться, какъ-то не рѣшался... Мало даже совѣтовалъ... Но, замѣтя ея собственное желаніе... счелъ себя не въ правѣ противорѣчить; голосъ ея сердца въ этомъ случаѣ старше всѣхъ... У нея были прежде, даже и теперь много есть жениховъ—очень настоятельныхъ искателей; но что жъ дѣлать? Не нравятся... Такъ Богу угодно... Родствомъ своимъ я могу

похвастать: вотъ вы, когда войдете въ наше семейство, увидите сами, и надѣюсь, что вы любовью своею и уваженіемъ вознаградите насъ за нашу въ этомъ случаѣ жертву... Сейчасъ я приглашу жену... Марья Ивановна!

Марья Ивановна вошла и, жеманно поклонившись Павлу, сѣла на ближайшее кресло.

— Павелъ Васильичъ, — началъ Кураевъ: — дѣлаетъ честь нашему семейству и проситъ руки Юліи. Я говорилъ имъ, что это зависитъ отъ нея самой.

— Конечно, это зависитъ совершенно отъ ея желанія, — отвѣчала Марья Ивановна.

— Нынче на бракъ,—подхватилъ Владимиръ Андреичъ:— не такъ уже смотрятъ, какъ прежде: тогда, бывало, невѣстъ и связанныхъ вѣнчали. Мы этого себѣ ужъ не позволимъ сдѣлать.

— Какъ можно? Мы этого никогда не позволимъ себѣ сдѣлать, — подтвердила Марья Ивановна.

— Позовите же Юлію.

Марья Ивановна вышла и скоро возвратилась съ Юліею.

— Подойди сюда поближе, Джули, — началъ Владимиръ Андреичъ. — Павелъ Васильевичъ дѣлаетъ тебѣ честь и проситъ твоей руки, на что ты вчерашній день нѣкоторымъ образомъ и изъявила уже твое согласіе. Повтори теперь твои слова.

Юлія, съ блѣднымъ лицомъ, съ висящими на рѣсницахъ слезами, тихо проговорила:

— Я согласна.

Павелъ, кажется, ничего не слышалъ, ничего не понималъ; онъ стоялъ потупившись, какъ бы не смѣя ни на кого взглянуть, и только опомнился, когда Владимиръ Андреичъ сказалъ ему, подавая руку дочери:

— Примите, Павелъ Васильичъ, и, какъ водится, поцѣлуйте.

Бешметевъ схватилъ руку и поцѣловалъ. Онъ чувствовалъ, какъ рука невѣсты дрожала въ его рукѣ, и, взглянувъ наконецъ на нее, увидѣлъ на глазахъ ея слезы. Какъ хороша показалась она ему съ своимъ печальнымъ лицомъ! Какъ жаль ему было видѣть ея слезы! Онъ готовъ былъ броситься передъ ней на колѣни, молить ее не плакать, потому что намѣренъ посвятить всю свою жизнь для ея счастья и спокойствія; но онъ ничего этого не сказалъ и только тяжело вздохнулъ.

— Какъ вы думаете насчетъ сговора, Павелъ Васильевичъ? — спросилъ Владимиръ Андреичъ.

— Я не знаю.

— Не угодно ли вамъ сегодня?

— Очень радъ.

— И прекрасно! Священникъ готовъ.

Всѣ вошли въ залу.

Священникъ былъ дѣйствительно готовъ и сидѣлъ около образовъ. При появленіи Кураевыхъ онъ указалъ молча жениху и невѣстѣ ихъ мѣста. Павелъ и Юлія стали рядомъ, но довольно далеко другъ отъ друга; Владиміръ Андреичъ, Марья Ивановна и Наденька молились. Нѣсколько горничныхъ дѣвокъ выглядывало изъ коридора, чтобы посмотрѣть на церемонію и на жениха; насчетъ послѣдняго сдѣлано было ими нѣсколько замѣчаній.

— Ой! какой нехорошій!—говорила бѣлобрысая дѣвка.

— Нехорошъ и есть, дѣвонька, — подхватила женщина съ сердитымъ лицомъ.

— Лицо-то какое широкое!—замѣтила дѣвчонка лѣтъ тринадцати.

— Постойте, чертовки, дайте-ка посмотрѣть,—говорила, продираясь сквозь толпу, прачка.—Ахъ, какой славный! Красавецъ!

Горничныя потихоньку засмѣялись надъ простодушіемъ прачки. Лакеи тоже выдвинулись изъ лакейской, но они стояли молча; только одинъ изъ нихъ, лѣтъ шестидесяти старикъ, въ длинномъ замасленномъ сюртукѣ и въ бѣлыхъ воротничкахъ, клалъ безпрестанно земные поклоны и потихоньку подтягивалъ дьячку. Церемонія кончилась.

— Шампанскаго! — закричалъ Владиміръ Андреичъ.

Но шампанскаго что-то долго не подавалось. Въ буфетѣ вышелъ споръ. Старикъ въ бѣлыхъ воротничкахъ никому не хотѣлъ уступить честь разносить.

— Полно, старый хрѣнъ: разобьешь, вѣдь оно двѣнадцать рублевъ, — говорилъ молодой лакей, отнимая у старика подносъ.

— Ахъ, ты, молокососъ! Давно ли былъ ты свинопасомъ-то? Туда же учить... Анна Семеновна, разлей, матушка, напитокъ-то, — говорилъ старый лакей, не давая подноса и обращаясь къ ключницѣ.

— Не тронь, Сеня, его, — говорила та и разлила вино.

Спиридонъ Спиридонычъ (такъ звали старика) съ довольнымъ лицомъ вынесъ шампанское въ залу. Онъ шелъ очень модно, какъ слѣдуетъ старинному лакею.

— Развѣ тамъ другихъ нѣтъ? — спросилъ Кураевъ, недовольный тѣмъ, что передъ женихомъ явился лакей въ замасленномъ сюртукѣ

— Извините, батюшка Владиміръ Андреичъ, — отвѣчалъ старикъ: — по собственному моему расположенію я отнялъ у Семена: молоденекъ еще.

— Это слуга моего отца,—сказалъ Кураевъ, обращаясь къ Павлу: — и по сю пору большой охотникъ до всѣхъ церемоній. Батюшка жилъ барономъ.

— Блаженной памяти Андрей Михайлычъ,—отвѣчалъ старикъ:—изволили меня любить и имѣли всегда большія праздненства: насъ по трое за каретой ѣздило.

— Довольно. Подавай!—проговорилъ Владимиръ Андреичъ.

Начались поздравленія. Первый поздравилъ жениха и невѣсту самъ хозяинъ, потомъ Марья Ивановна, потомъ Наденька и наконецъ священникъ.

— Осмѣлюсь, батюшка Владимиръ Андреичъ, — заговорилъ опять Спиридонъ:—и я поздравить отъ моей персоны.

Всѣ захохотали; даже Павелъ улыбнулся.

— Ну, поздравь, — сказалъ Владимиръ Андреичъ: — да, знаешь, повысокопарнѣе, своимъ слогомъ...

— По недоразумѣнію моему готовъ: честь имѣю васъ проздравить, батюшка Владимиръ Андреичъ, и честь имѣю васъ проздравить, благодѣтельница наша Марья Ивановна. Проздравленіе мое приношу вамъ, Надежда Владимировна,—говорилъ онъ, подходя къ рукѣ барина, барыни и барышни:—а вамъ и выразить не могу,—отнесся онъ къ невѣстѣ-—А вамъ осмѣливаюсь только кланяться и возносить за васъ молитвы къ Богу, — заключилъ онъ, обращаясь къ жениху, и раскланялся передъ нимъ, шаркнувши обѣими ногами.

— Позови же и другихъ, — сказалъ Владимиръ Андреичъ, желая передъ зятемъ похвастать количествомъ дворни.

— Не молоденьки ли еще, батюшка Владимиръ Андреичъ?— замѣтилъ Спиридонъ, видно, не желавшій, чтобы прочая прислуга удостоилась чести поздравленія.

— Нѣтъ, позови,—повторилъ Кураевъ.—Преуморительный старикъ!—продолжалъ онъ, когда Спиридонъ вышелъ:—впрочемъ, довольно еще здоровый; больше дѣлаетъ у меня молодыхъ-то.

— Какое, папа, больше дѣлаетъ, ничего не можетъ дѣлать,—перебила блондинка.

Владимиръ Андреичъ значительно посмотрѣлъ на дочь.

— Онъ преусердный, престарательный, — замѣтила Марья Ивановна, вторя мужу.

Между тѣмъ Спиридонъ Спиридонычъ прошелъ въ дѣвичью.

— Ступайте вы, егозы, поздравьте господъ-то!

— Да что, приказано, что ли? — спросила баба съ сердитымъ лицомъ.

— Приказано не приказано, а порядокъ такой. Эхъ, вы, необразованныя! Смотрите, хорошенько поцѣлуйте у всѣхъ руки.

— Спиридонъ Спиридонычъ, поучи-ка проздравить-то,—сказала съ насмѣшкою молоденькая горничная, очень хорошенькая собою, такъ что въ нее былъ, говорятъ, влюбленъ какой-то поручикъ.

— Ну, какъ проздравлять!—отвѣчалъ Спиридонъ Спиридонычъ, очень довольный тѣмъ, что у него просятъ совѣтовъ:—извѣстно какъ: имѣю-де счастье обличить вамъ свое проздравленіе.

Научивши такимъ образомъ, старый лакей пошелъ въ лакейскую и тамъ велѣлъ итти къ поздравленію.

Въ залу начала входить цѣлая гурьба горничныхъ, съ различными лицами и таліями. Всѣ начали подходить сначала къ рукѣ жениха и невѣсты, а потомъ къ Владимиру Андреичу, Марьѣ Ивановнѣ и Наденькѣ. Молодые свои поздравленія бормотали сквозь зубы и улыбались; но старые говорили ясно и съ серьезными лицами. Спиридонъ Спиридонычъ и въ этотъ разъ не утерпѣлъ, чтобъ не поздравить еще: онъ подошелъ къ жениху, говоря:—«честь имѣю еще разъ кланяться!», поцѣловалъ руку и шепнулъ ему на ухо:—«я, батюшка, иду въ приданое за Юліей Владимировной». Павелъ хотѣлъ-было дать ему денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ, что и всѣмъ слѣдовало бы дать; но денегъ съ нимъ не было: это еще болѣе его сконфузило.

Наконецъ поздравленія кончились, и скоро сѣли за столъ. Жениха и невѣсту помѣстили, какъ слѣдуетъ, рядомъ; но они въ продолженіе цѣлаго обѣда не сказали другъ другу ни слова. Юлія сидѣла съ печальнымъ лицомъ и закутавшись въ шаль. Что же касается до Павла, то выраженіе лица его если не было смѣшно, то, ей-Богу, было очень странно. Онъ несвязно и отрывисто отвѣчалъ Владимиру Андреичу, безпрестанно вызывавшему его на разговоръ, взглядывалъ иногда на невѣсту, въ намѣреніи заговорить съ ней, но, видно, ни одна приличная фраза не приходила ему въ голову. Блондинка нехотя разсказывала матери, что поутру ихъ поваренокъ очень больно треснулъ чью-то чужую собаку, забѣдшую въ кухню ради ремонта, такъ что та, бѣдная, съ полчаса бѣгала, поджавши хвостъ, кругомъ по двору, визжала и лизала, для уврачеванія, расшибленный свой бокъ. Вообще всѣмъ какъ-то было неловко.

Послѣ обѣда Павелъ хотѣлъ ѣхать домой, но Владимиръ Андреичъ не отпустилъ. Къ вечеру невѣста сдѣлалась внимательнѣе къ Павлу: она получила отъ папеньки выговоръ за то, что была неласкова съ женихомъ, и обязана была впредь, особенно при постороннихъ людяхъ, какъ можно больше обнаруживать чувства любви и не слишкомъ хмуриться. Часу

въ восьмомъ съѣхались друзья Владимира Андреича: откупщикъ, предсѣдатель уголовной палаты, статскій совѣтникъ Коротаевъ, однимъ словомъ — тузы губернскіе. Пошли новыя поздравленія. Павелъ очень конфузился, невѣста дѣлала надъ собою видимое усиліе, чтобы казаться веселою. Скоро гости усѣлись за карты. Юлія подошла, сѣла около жениха и начала съ нимъ разговоръ.

— Вы не любите играть въ карты?

— Нѣтъ-съ, не люблю.

— А я такъ очень люблю... Я умѣю даже въ штосъ... Меня выучилъ одинъ мой cousin: онъ теперь, говорятъ, совсѣмъ проигрался.

Павелъ ничего не отвѣчалъ; разговоръ прервался.

— А вы гдѣ до сихъ поръ жили?—заговорила опять Юлія.

— Я жилъ въ Москвѣ.

— Что жъ вы тамъ дѣлали?

— Я учился въ университетѣ.

— Учились? Который же вамъ годъ?

— Двадцать второй.

— Зачѣмъ же вы такъ долго учились?

— У насъ великъ курсъ: я былъ четыре года въ гимназіи да четыре въ университетѣ.

— Сколько же вы времени учились?

— Восемь лѣтъ.

— Какъ долго! Вамъ, я думаю, очень наскучило. Я всего два года была въ пансіонѣ, и то каждый день плакала.

— Я не скучалъ.

Разговоръ опять прервался.

— Я здѣсь не думалъ остаться, — началъ Павелъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Зачѣмъ же остались?

Читатель, конечно, согласится, что на этотъ вопросъ Павлу слѣдовало бы отвѣчать такимъ образомъ: «я остался потому, что встрѣтилъ васъ, что вы явились передо мною какимъ-то видѣніемъ, которое сказало мнѣ: останься, и я...» и проч., какъ сказалъ бы, конечно, всякій молодой человѣкъ, понимающій обращеніе съ дамами. Но Павелъ, если и чувствовалъ, что надобно было сказать нѣчто въ родѣ этого, проговорилъ только:

— Я остался по обстоятельствамъ.

— Напрасно. Въ Москвѣ, я думаю, веселѣй здѣшняго жить.

И здѣсь опять слѣдовало Павлу объяснить, что ему теперь въ этомъ городѣ веселѣе, чѣмъ во всей вселенной; но онъ даже ничего не сказалъ и только въ слѣдующее затѣмъ

довольно продолжительное молчаніе робко взглядывалъ на Юлію. Она вздохнула.

— Вы такъ печальны!—едва слышнымъ голосомъ проговорилъ Бешметевъ.

— На моемъ мѣстѣ каждая была бы грустна.

— Отчего же?

Невѣста отвѣчала только горькою улыбкою.

Вечеръ кончился. При прощаніи Юлія сказала жениху довольно громко, такъ, что всѣ слышали:

— Жду васъ завтра.

Павелъ вышелъ отъ Кураевыхъ въ какомъ-то тревожномъ и полусознательномъ состояніи. Пріѣхавъ домой, онъ съ несоотвѣтственной ему быстротою вбѣжалъ, не снимая шинели, къ матери и бросился обнимать старуху:

— Матушка, я женюсь!—повторялъ онъ нѣсколько разъ.

Но больная не отвѣчала ничего на ласки сына и, кажется, ничего не понимала, хотя онъ и старался въ продолженіе получаса втолковать ей, что онъ нашелъ невѣсту, сговорился и теперь счастливъ. Старуха ничего не отвѣчала и только крестила его, глядя на него какимъ-то грустнымъ взоромъ. Онъ вышелъ отъ матери и легъ на постель. Но, видно, ему не спалось и, кажется, очень хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими ощущеніями, потому что онъ велѣлъ-было закладывать себѣ лошадь, но, не дождавшись ея, пошелъ пѣшкомъ къ сестрѣ. Пройдя нѣсколько переулковъ, онъ задохнулся и принужденъ былъ остановиться.

«Не спитъ ли сестра? Теперь ужъ поздно,—подумалъ онъ.— Конечно, спитъ. Досадно... ей-Богу, досадно!.. Какъ бы мнѣ хотѣлось ее видѣть! Не обязаны же всѣ не спать ночи, потому что намъ не спится. Она, я думаю, никакъ не ожидаетъ, что со мной случилось. Впрочемъ, я лучше завтра къ ней пойду!»

Проговоря это, Павелъ пошелъ обратно домой. Возвратившись къ себѣ въ комнату и снова улегшись на постель, онъ не утерпѣлъ и сказалъ раздѣвавшему его лакею:

— Константинъ, ты слышалъ? Я женюсь.

— Слышалъ-съ. Хороша ли невѣста-то, Павелъ Васильичъ?

— Хороша.

— И крестьяне есть?

— Есть. Я и тебѣ невѣсту приведу, и ты женишься.

— Коли ваша милость, Павелъ Васильичъ, будетъ, я не прочь.

X.

Опять всякая всячина.

На другой день Павелъ проснулся часу въ двѣнадцатомъ, потому что съ вечера раздумался и заснулъ только на-утрѣ. Различныя мысли, безъ всякаго порядка, приходили ему въ голову въ продолженіе цѣлой ночи; то представлялся ему добрый Владимиръ Андреичъ, такъ обласкавшій его (Владимиръ Андреичъ показался Павлу очень добрымъ), то невѣста—дѣвушка, отъ которой онъ еще поутру былъ такъ далекъ, которой почти не надѣялся никогда видѣть, но вдругъ—не только видѣлъ ее, но сидѣлъ съ нею, говорилъ: она — невѣста его, она, говорятъ, влюблена въ него, и недѣли черезъ двѣ, какъ объявилъ уже Владимиръ Андреичъ, она сдѣлается его женою. Не похоже ли все это на сонъ?

Онъ съ восторгомъ помышлялъ, что завтрашній день опять увидитъ брюнетку, будетъ видѣть каждый день, можетъ-быть, найдетъ случай сказать ей, какъ онъ ее давно любитъ, можетъ-быть, она сама ему признается въ томъ. «Какъ-то она объ этомъ скажетъ? Я думаю, вся вспыхнетъ, и какъ будетъ она хороша въ эту минуту!..» Но нѣтъ, я рѣшительно не въ состояніи прослѣдить все то, что̀ Павелъ перемечталъ о своей невѣстѣ, о ея возвышенныхъ чувствахъ, о взаимной любви, однимъ словомъ, о всѣхъ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя представляетъ человѣку любовь и которыхъ, впрочемъ, мой герой еще хорошо не зналъ, но смутно предполагалъ. Самая прекрасная будущность представлялась ему: вотъ онъ теперь женится, выпишетъ изъ Москвы книги, будетъ заниматься; выдержитъ экзаменъ, сдѣлается профессоромъ, весь погрузится въ науку. Боже мой! Что̀ можетъ быть лучше этого?—счастье въ домашней жизни, слава въ публикѣ.

Проснувшись, Павлу очень не хотѣлось вставать: ночныя мечтанія снова начали овладѣвать его воображеніемъ. Онъ лежалъ, повернувшись къ стѣнѣ, какъ вдругъ почувствовалъ, что съ него сдернули одѣяло. Бешметевъ обернулся: передъ нимъ стоялъ Масуровъ.

— Здравія желаемъ, господинъ женихъ!—вскричалъ гость:—развѣ такъ долго спятъ? Какую вы, батенька, выкинули штуку! Славно, право, славно... Я сегодня только узналъ. Вставайте да давайте шампанское пить!

Павелъ, нѣсколько сконфузившись, торопился надѣвать халатъ и спальные сапоги.

— Фу, ты, канальство, какая пышная фигура! — говорилъ Масуровъ.

— Что̀ сестра?

— Чего сестра? Еще вчера ночью уѣхала въ деревню. Такая досада, что ужасъ: ну, сами посудите, зачѣмъ теперь въ деревню ѣхать?

— Зачѣмъ же она уѣхала?—спросилъ Павелъ, удивленный и озабоченный этимъ извѣстіемъ.

— Богъ ее знаетъ; вчера приступила, чтобы я не былъ знакомъ съ Бахтіаровымъ: «это, говоритъ, неприлично; я молодая женщина, въ обществѣ могутъ перетолковать»; чортъ знаетъ, какая чушь пришла въ голову! Очень мнѣ нужно, что болтаютъ тамъ сороки.

Павелъ очень хорошо понялъ причину нечаяннаго отъѣзда сестры: видно, она была у тетки, а та передала ей по-своему всѣ сплетни.

Вотъ теперь онъ одинъ. Ему даже не съ кѣмъ посовѣтоваться въ столь важное для него время; но, размысливъ, что это почти необходимо для Лизаветы Васильевны, потому что только этимъ однимъ могли прекратиться городскіе толки насчетъ ея отношеній къ Бахтіарову, онъ былъ радъ ея отъѣзду.

— Надолго ли же Лиза уѣхала?—спросилъ онъ.

— Право, не знаю; и дѣтей увезла,—скука смертная! Сегодня всю ночь не спалъ. Досадно, ей-Богу, смерть досадно. Напишите, пожалуйста, братецъ, ей письмо; что̀ это за глупости? Сегодня ужъ Перепетуѣ Петровнѣ на нее жаловался. Ну, батюшка, какъ она на васъ сердится! Такъ, просто, я вамъ скажу, и не ходите лучше: высѣчетъ. Отъ нея я и узналъ, что ваша милость женится на Кураевой. Важнительно! Очаровательная, чортъ возьми, дѣвушка! Тетка всѣхъ пушитъ: и васъ, и Лизу, и Кураевыхъ, со всѣмъ ихъ потрохомъ. Съ Ѳеоктистой Саввичной, за сватанье, такую при мнѣ пановщину сочинила, что я хотѣлъ послать за квартальнымъ; ругательски разругались... Меня только хвалитъ: на-дняхъ денегъ хотѣла дать взаймы. Вы лучше не ходите, ей-Богу; если не высѣчетъ, такъ непремѣнно прибьетъ; «и на свадьбу, говоритъ, не поѣду; знать ихъ не буду, на нищей, женится, по міру пойдутъ». Когда у васъ свадьба-то?

— Скоро.

— Меня въ шафера возьмите.

— Извольте.

— Смотрите же. А я новый фракъ себѣ шью: вчера пятьсотъ рублей выигралъ у Бахтіарова. У васъ есть ли деньги-то на свадьбу? А то я, пожалуй, дамъ взаймы. Какой славный

малый Бахтіаровъ! Чудо просто, а не человѣкъ! Отъ васъ, просто, онъ въ восторгѣ. Напишите, пожалуйста, Лизѣ-то, чтобы пріѣхала; меня-то она не послушаетъ. Прощайте. Я сегодня вечеромъ пріѣду къ Кураеву; я, правда, съ нимъ мало знакомъ, да ничего: такъ, молъ, и такъ... честь имѣю рекомендоваться. Влюблена въ васъ невѣста?

— Я не знаю.

— Кто же знаетъ? Славная вамъ будетъ теперь жизнь! Прощайте. Мнѣ надобно еще къ Бахтіарову. Къ матушкѣ не заходить? Отчего она меня никогда не узнаётъ?

— Оттого, что вы рѣдко бываете.

— Некогда, братецъ, ей-Богу, некогда; прощайте, напишите къ Лизѣ-то; я нарочно за этимъ пріѣзжалъ къ вамъ. Прощайте, вечеромъ увидимся.

По отъѣздѣ Масурова Павелъ началъ одѣваться. Туалетомъ своимъ въ этотъ разъ онъ занимался еще болѣе, чѣмъ передъ поѣздкою въ собраніе; разъ пять заставлялъ онъ цырюльника перевивать свои волосы и все-таки остался недоволенъ. Фракъ свой онъ назвалъ мерзѣйшимъ фракомъ, а про жилетъ и говорить нечего—даже самого себя Павелъ назвалъ неопрятнымъ дуракомъ, который въ Москвѣ не умѣлъ завестись порядочнымъ платьемъ. Часу въ двѣнадцатомъ онъ былъ готовъ; но доложили о пріѣздѣ Владимира Андреича. Павелъ сконфузился; ему совѣстно было принять будущаго тестя въ своемъ домѣ, который, конечно, ни въ какомъ отношеніи не могъ ровняться съ аристократическимъ домомъ Кураевыхъ, и поэтому онъ встрѣтилъ гостя съ озабоченнымъ лицомъ. Что касается до Владимира Андреича, то онъ вошелъ, какъ надобно было ожидать, съ прилично-важнымъ видомъ. Сначала объявилъ, что онъ желалъ самъ быть у него, съ тѣмъ, чтобы поклониться ему отъ всего своего семейства и по преимуществу отъ невѣсты, которая будто бы уже ожидаетъ его съ восьми часовъ утра, а потомъ, спрося Павла о матери и услышавъ, что она заснула, умолялъ не безпокоить ее, а вслѣдъ затѣмъ онъ заговорилъ и о другихъ предметахъ, коснувшись слегка того, что у него дорогой зашалила необыкновенно злая въ упряжкѣ пристяжная, и незамѣтно перешелъ къ дому Павла (у Бешметева былъ свой домъ).

— Теплый долженъ быть домикъ, — замѣтилъ Владиміръ Андреичъ: — впрочемъ, все-таки вамъ надобно сдѣлать небольшія поправки. Вы извините меня: я, по праву будущаго тестя, желалъ бы дать вамъ въ этомъ отношеніи маленькій совѣтъ.

— Мнѣ очень пріятно,—отвѣтилъ Павелъ.

— Иначе я и не думаю. Я совѣтовалъ бы вамъ, такъ какъ уже теперь штукатурить некогда, попросту обить французскими обоями: это будетъ недорого и красиво.

— Я сдѣлаю.

— Да... ну, ужъ и мебель надобно другую. Послѣ покойнаго Калинина продается отличнѣйшая мебель, рѣшительно за бездѣлицу: отдадутъ за какіе-нибудь рублей девятьсотъ, на двѣ комнаты — на спальную и гостиную. Въ первой — вся мебель безъ дерева, обита малиновымъ бараканомъ, съ черными стальными пуговицами: прелесть, просто прелесть! Подушки всѣ эластикъ, и эластикъ-то неимовѣрный; краснаго дерева трюмо съ двумя бронзовыми бра необыкновеннаго искусства, а для гостиной все орѣхъ, самой утонченной нѣжности въ работѣ.

И на этотъ совѣтъ Владимира Андренча Павелъ согласился и объявилъ, что готовъ купить, съ большимъ даже удовольствіемъ. Кураевъ также поинтересовался узнать, каковы у Павла экипажи, и такъ тонко довелъ разговоръ, что Бешметевъ самъ пригласилъ будущаго тестя въ сарай и конюшню. Здѣсь Кураевъ учтиво раскритиковалъ пару карихъ лошадей, желтую коляску, дрожки съ разбитыми колесами и даже двое городскихъ саней, о которыхъ съ такою похвалою отзывалась Перепетуя Петровна. По его словамъ, у всякаго порядочнаго человѣка должно быть не болѣе трехъ экипажей, но только чтобъ они были въ своемъ видѣ, а именно, нужно всего только: парную карету для выѣзда жены по парадным визитамъ и на балы, пролетку собственно для себя и хорошенькія городскія парныя сани, да три лошади,—двѣ чтобы были съѣзжены парою у дышла, а одна ходила въ одиночкѣ. Павелъ съ этимъ вполнѣ согласился и объявилъ, что онъ готовъ бы все это сейчасъ купить, но только не знаетъ гдѣ. Оказалось, что Владимиръ Андреичъ знаетъ, гдѣ все это можно пріобрѣсти по самой умѣренной цѣнѣ: двумѣстная карета, напримѣръ, продается у того же покойнаго Калинина, на вѣнскомъ ходу и съ кузовомъ петербургской работы, и продается за какія-нибудь ничтожныя полторы тысячи рублей. Лошадей онъ совѣтовалъ купить на заводѣ у Киркина, у котораго лошади, при чистотѣ во всѣхъ статьяхъ, необыкновенно добронравны и крѣпки въ ѣздѣ. Говоря такимъ образомъ, Кураевъ и Павелъ возвратились въ комнаты.

— Свадьба такое дѣло,—продолжалъ Владимиръ Андреичъ:— что тутъ каждый человѣкъ, начиная съ самого себя, обновляется во всемъ, вступаетъ нѣкоторымъ образомъ въ другую сферу и запасается уже на новую жизнь. Возьмите даже въ примѣръ мужика: и тотъ для свадьбы дѣлаетъ синій армякъ;

для этого случая даже занять не стыдно, потому случай экстренный. Даже у древнихъ грековъ, какъ извѣстно по описаніямъ, устраивались свадебныя пиршества и празднованія, потому что тутъ человѣкъ хочетъ показать себя обществу въ самомъ приличномъ видѣ. Вотъ съ пустого взять: какъ семейная-то жизнь далеко не походитъ на жизнь холостого человѣка. Вотъ, напримѣръ, взять съ посуды, тарелокъ, мисокъ, плошекъ и тому подобной дрянн... пустяки... а все деньги, всѣмъ надобно завестись; хорошо, у кого много, а у другого молодого человѣка ничего этого нѣтъ. Вотъ у васъ такъ, я думаю, послѣ батюшки много этого хлама осталось?

— У насъ этого очень много,—отвѣчалъ Павелъ.

— Я припоминаю, что у покойнаго Василья Петровича видѣлъ вазу серебряную, что ли, или подносъ, или самоваръ, но только удивительно-древней работы рококо.

— Это, вѣрно, вы стопку видѣли.

— Нѣтъ, не стопку, а что-то такое въ родѣ бокала, что ли? Рѣшительно не помню. Сами посудите: можетъ-быть, тому уже нѣсколько лѣтъ; помню только, что видѣлъ преинтересную, большую серебряную вещь. У васъ есть серебро?

— Есть.

— Перечислите, пожалуйста, покрупнѣе вещи: мнѣ очень хочется припомнить.

— Стопка серебряная.

— Нѣтъ.

— Подносъ, кофейникъ, чайникъ.

— Нѣтъ, не то.

— Корзинка, два большіе бокала.—Павелъ остановился.

— Ну-съ?

— Все-съ.

— Все? Серебра больше нѣтъ?

— Есть еще ложки и ножи.

— Ну, да этихъ, я думаю, много у васъ.

— Я, право, и не знаю; ложекъ, кажется, дюжинъ съ семь есть.

— Ну, такъ, стало-быть, это я дѣйствительно корзинку видѣлъ.

— Можетъ-быть.

— Позвольте мнѣ ее видѣть. Признаться сказать, я очень люблю античныя вещи.

Павелъ хотѣлъ-было итти за корзинкой; но Владимиръ Андреичъ было столько вѣжливъ, что не позволилъ ему этого сдѣлать и просилъ его просто подвести къ шкапу, гдѣ хранилось серебро. Павелъ провелъ своего гостя въ угольную ком-

нату и представилъ ему на разсмотрѣніе два огромные стеклянные шкапа съ серебромъ, фарфоромъ и хрусталемъ.

Владимиръ Андреичъ, кажется, остался весьма доволенъ тѣмъ, что̀ видѣлъ. Серебра было, съ придачею ложекъ и ножей, по крайней мѣрѣ съ пудъ; а про фарфоръ и хрусталь и говорить нечего. Возвратившись въ гостиную, Владимиръ Андреичъ продолжалъ разговоръ съ свойственною ему тонкостью; выспросилъ у Павла, въ какомъ уѣздѣ у него имѣніе, есть ли усадьба, и чѣмъ занимаются мужики. Услышавъ, что мужики по большей части обручники и стекольщики, и что они ходятъ по лѣтамъ въ Петербургъ и Москву, онъ очень справедливо замѣтилъ, что подобное имѣніе, съ одной стороны, спокойнѣе для хозяевъ, но зато менѣе выгодно, потому что на чужой сторонѣ народъ балуется и привыкаетъ пить чай, и что отъ этого убываетъ народонаселеніе и значительно портится нравственность. Наконецъ онъ началъ прощаться, изъявилъ предварительно искреннее свое сожалѣніе о томъ, что не видалъ старушки, и поручилъ ей передать свое глубочайшее уваженіе, и потомъ, объявивъ Павлу, что его ожидаютъ черезъ полчаса, сѣлъ молодцовато на дрожки. Сердитая пристяжная варварски согнулась, а коренная съ мѣста же пошла крупной рысью.

Когда Владимиръ Андреичъ уѣхалъ, Павелъ нѣсколько минутъ думалъ о немъ. «Какой онъ умный, практическій человѣкъ!—говорилъ онъ самъ съ собой: — онъ будетъ мнѣ очень полезенъ своими совѣтами. Боже мой! Думалъ ли я когда-нибудь объ этакомъ счастьѣ: женюсь: на дѣвушкѣ, въ которую страстно влюбленъ; вступаю въ умное, образованное семейство! Какъ досадно, что нѣтъ теперь Лизы здѣсь! Какъ бы она порадовалась со мною! Чудная она женщина!» Когда Павелъ вспомнилъ о сестрѣ, ему сдѣлалось какъ-то грустно, и онъ съ нетерпѣніемъ началъ поглядывать на часы: до назначеннаго Владимиромъ Андреичемъ срока оставалось еще съ часъ. Тутъ Бешметеву пришло въ голову, что до свадьбы осталось очень немного: нужно торопиться, дѣлать закупки и надобно скорѣе взять изъ приказа пять тысячъ. Рѣшившись исполнить это, онъ пришелъ къ матери и началъ ей толковать, что ему нужны деньги, и чтобы она дала ему билетъ. Старуха опять, кажется, не вполнѣ поняла, въ чемъ дѣло; впрочемъ, подала сыну ключъ, перекрестила его и поцѣловала въ лобъ.

Между тѣмъ Владимиръ Андреичъ заѣхалъ къ Перепетуѣ Петровнѣ, но хозяйки не было дома. Кураевъ велѣлъ къ себѣ вызвать кого-нибудь поумнѣе изъ людей. На зовъ его явилась Пелагея.

— Скажи, любезная,—началъ Владиміръ Андреичъ:—Перепетуѣ Петровнѣ, что пріѣзжалъ Кураевъ, будущій ея родственникъ, и что-де очень сожалѣетъ, что не засталъ ихъ дома, и что на-дняхъ самъ опять заѣдетъ и пришлетъ рекомендоваться все свое семейство, которое все ее очень уважаетъ. Ну, прощай; не переври же!

Отъ Перепетуи Петровны Кураевъ поѣхалъ къ Ѳеоктистѣ Саввичнѣ, которую засталъ дома.

— Здравствуйте, моя любезнѣйшая Ѳеоктиста Саввична! Во-первыхъ, позвольте поцѣловать вашу ручку и передать вамъ низкій поклонъ отъ нашихъ.

Ѳеоктиста Саввична сильно переполошилась отъ пріѣзда почтеннаго Владимира Андреича и его ласковаго обращенія. Она выбѣжала въ дѣвичью, заказала въ одинъ разъ «для дорогого гостя» чай, кофе и закуску; а потомъ, накинувъ на обнаженныя свои плечи какой-то платокъ и вышедъ къ Кураеву, начала передъ нимъ извиняться, что она принимаетъ его не такъ, какъ слѣдуетъ.

Владиміръ Андреичъ говорилъ, что ничего, чтобы не безпокоилась, а потомъ объявилъ, что онъ былъ сейчасъ у Бешметева, въ которомъ нашелъ прекраснѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, но что онъ, то-есть Бешметевъ, еще немного молодъ и, какъ видно, въ свадебныхъ дѣлахъ совершенно неопытенъ и даже врядъ ли знаетъ обычай дарить невѣсту вещами, матеріею на платье и тому подобными бездѣлушками; но что ему самому, Владиміру Андреичу, говорить объ этомъ было какъ-то неловко, пожалуй, еще покажется жадностью, а порядокъ справить для общества необходимо.

Догадливая Ѳеоктиста Саввична тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло.

— Что это, батюшка Владиміръ Андреичъ? Да я-то на что? Худа ли, хороша ли, все-таки сваха. Въ этомъ-то теперь и состоитъ мое дѣло, чтобы все было прилично: на родныхъ-то нечего надѣяться. Перепетуя Петровна вышла гадкая женщина, просто ехидная: я только говорить не хочу, а много я обидъ приняла за мое, что называется, расположеніе.

— Такъ ужъ вы, пожалуйста,—началъ Владиміръ Андреичъ:—знаете... Этакъ слегка замѣчайте ему: вотъ то-то, это-то необходимо. Вотъ, напримѣръ, фермуаръ нужно подарить невѣстѣ, какіе-нибудь браслеты, не для себя, знаете, а больше для общества: въ обществѣ-то чтобъ знали. Прощайте, матушка.

— Почтеннѣйшій Владиміръ Андреичъ! Да покушайте чего-нибудь, хоть бы кофейку или бы водочки выкушали; вѣдь свѣжо на дворѣ-то.

— Не могу, ей-Богу, не могу; вы вѣдь, я думаю, знаете: до обѣда не пью, не ѣмъ. Прощайте.

Павелъ ѣхалъ къ Кураевымъ въ этотъ разъ съ бо́льшимъ присутствіемъ духа. Онъ далъ себѣ слово быть какъ можно разговорчивѣе съ невѣстою и постараться съ нею сблизиться. Онъ даже придумалъ, что̀ съ ней говорить: онъ разскажетъ ей, что видѣлъ сонъ, а именно: будто бы онъ живетъ въ Москвѣ, на такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ, а противъ этого дома другой большой, желтый каменный домъ; вотъ онъ смотритъ на него; вдругъ выходитъ дѣвушка, чудная, прекрасная дѣвушка; ему очень хотѣлось къ ней подойти, но онъ не рѣшился и только каждый день все смотрѣлъ на эту дѣвушку; потомъ вдругъ не сталъ ея видѣть. Юлія, конечно, догадается, что эта дѣвушка она сама; такимъ образомъ онъ дастъ ей знать, что онъ еще въ Москвѣ въ нее былъ влюбленъ... Все это думалъ Павелъ, ѣхавъ дорогой, но, войдя въ гостиную, гдѣ сидѣли дамы, опять сконфузился.

Марья Ивановна сказала ему, что они давно уже его ожидаютъ, а невѣста сухо поклонилась. Павелъ сѣлъ поодаль. Владиміръ Андреичъ былъ въ кабинетѣ; разговоръ не вязался, хотя Марья Ивановна нѣсколько разъ и начинала: спросила Павла о матери, замѣтила, что сыра погода, и что поэтому у Юліи очень голова болитъ, да и у ней самой начинаетъ разбаливаться. Юлія молчала. Наденька играла съ собачкою. Павелъ, несмотря на свое желаніе заговорить, рѣшительно не находился; ему очень хотѣлось сѣсть рядомъ съ Юліей, но у него недоставало даже смѣлости глядѣть ей въ лицо, и онъ, потупя глаза, довольствовался только тѣмъ, что любовался ея стройною ножкой, кокетливо выглядывавшей изъ-подъ платья.

Пришелъ Владиміръ Андреичъ.

— А! Вы здѣсь,—сказалъ онъ, увидя Павла, и пожалъ ему руку; потомъ велѣлъ подавать горячее.

— Ну, что̀, гдѣ вы побывали? — продолжалъ онъ.

— Я былъ въ приказѣ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Это зачѣмъ?

— Деньги получилъ.

— А!.. — произнесъ протяжно Владиміръ Андреичъ: — а много ли получили?

— Пять тысячъ.

— Славно... Что жъ, вы закупки думаете дѣлать?

— Да-съ, но я не знаю, гдѣ и какъ...

— Объ этомъ хлопотать нечего; я самъ, пожалуй, съ вами поѣду; вотъ послѣ обѣда же и поѣдемъ. Давайте скорѣе обѣдать! Вы ужъ. Юлія Владиміровна, извините насъ! Мы у васъ

опять жениха увеземъ, нельзя; Богъ дастъ, женитесь, такъ все будетъ сидѣть около васъ. Что, покраснѣла? Ну, поди, поцѣлуй же меня за это.

Юлія молча и съ нѣсколько сердитымъ лицомъ подошла и поцѣловала ласковаго папеньку.

За столомъ занималъ всѣхъ разговорами, какъ и прежде, Владиміръ Андреичъ. Онъ разсказывалъ Павлу объ одномъ богатомъ обѣдѣ, данномъ отъ дворянства какому-то важному человѣку, и что онъ въ означенномъ обѣдѣ, по его словамъ, былъ выбранъ главнымъ распорядителемъ и исполнилъ свое дѣло очень недурно, такъ что важный человѣкъ послѣ обѣда расцѣловалъ его. Къ концу стола Павлу подали письмо. Это была записка отъ Ѳеоктисты Саввичны, слѣдующаго содержанія и уже извѣстной ея орѳографіи:

«Милъастивеющій Государь
«Павилъ Васильичъ!

«Сичасъ я была у ваши маминкѣ, и вазъ састатъ ни магла, вы верна, нахотетесъ у сваи дарагіи нивезты и патаму рашъаюсь, писать квамъ, у атнои знакомои моеи Аграфѣны Матъвевны Салъубиевы продаютца по самои дишовой цене расные дамскии украшении брислѣтъ, фармуаръ и два колъца и нѣугодно ли, вамъ повашимъ въ семъ опстоятельствамъ ихъ купитъ, для вашии Юли Владимировны, я могу ихъ привѣстъти когда ѣжели назъначете, вождъаніи приятнава вашаго гли миня атвасъ отъвета остаюсъ

«пакорная куслугамъ
«Фиктиста Панамарѣва».

Вышедъ изъ-за стола, Павелъ написалъ Ѳеоктистѣ Саввичнѣ отвѣтъ, въ которомъ благодарилъ ее за безпокойство и просилъ привезти къ нему вещи на другой день, а потомъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреичемъ, отправился дѣлать покупки. Болѣе достопримѣчательнаго въ этотъ день ничего не случилось. Павелъ проѣздилъ съ Владиміромъ Андреичемъ до девяти часовъ и, возвратившись, услышалъ, что у Юліи сильно болитъ голова, а потому она теперь лежитъ въ постели. Марья Ивановна вязала шерстяную косынку, а Наденька читала какой-то французскій романъ. Владиміръ Андреичъ, услышавъ о болѣзни дочери, прошелъ въ комнату къ барышнямъ и, чрезъ нѣсколько минутъ вернувшись, предложилъ Павлу, не угодно ли ему повидать невѣсту. Павелъ, безъ сомнѣнія, согласился и съ трепещущимъ сердцемъ пошелъ за Владиміромъ Андреичемъ по темному коридору, ведущему въ комнату къ барышнямъ.

Странное, обаятельное впечатлѣніе производитъ на насъ, въ

пору молодости, комната всякой молоденькой дѣвушки, и особенно комната той, въ которую мы влюблены. Доказательствомъ тому можетъ служить значительное число стихотвореній, написанныхъ собственно по этому предмету. Одинъ модный когда-то поэтъ сказалъ, что воздухъ въ комнатѣ дѣвушки напоенъ дѣвственнымъ дыханіемъ. Когда Павелъ вошелъ въ комнату, то почувствовалъ, кромѣ дѣвственнаго дыханія, сильный запахъ одеколона, которымъ Юлія примачивала голову. Боже мой! Нѣтъ, я откажусь... Слабому перу моему не выразить того, что̀ чувствовалъ Павелъ. Юлія лежала на постели въ широкой блузѣ, приникнувъ повязанною головою къ батистъ-декосовой подушкѣ. Напротивъ самой постели стояло зеркало съ комодомъ, на комодѣ стояли въ футлярѣ часы, двѣ склянки съ духами, маленькій портфель для писемъ, колокольчикъ, гипсовый амуръ, грозящій пальчикомъ, и много еще различныхъ кабинетныхъ вещей; у окна стояли вольтеровскія кресла и небольшой столикъ, оклеенный вырѣзнымъ деревомъ, а у противоположной стѣны помѣщалась кровать Наденьки, покрытая шелковымъ одѣяломъ и тоже съ батистъ-декосовыми подушками. Чудно-хорошо показалось все это Павлу!

— Ну, вотъ тебѣ и Павелъ Васильичъ! — сказалъ Владиміръ Андреичъ, войдя въ комнату дочери. — Посидимте-ка здѣсь, садитесь на вольтерово-то кресло, а я усядусь на кровать.

— Вы больны? — проговорилъ Павелъ едва слышнымъ голосомъ.

— Да, у меня очень голова болитъ.

У Бешметева было такое печальное лицо, что это даже замѣтилъ Владиміръ Андреичъ.

— Посмотри, Джули, онъ чуть не плачетъ. Ничего, молодой человѣкъ, не теряйте присутствія духа; къ свадьбѣ выздоровѣетъ. Садитесь: что̀ же вы не садитесь?

Павелъ сѣлъ и молча продолжалъ глядѣть на невѣсту.

— Вы долго не пріѣзжали, — проговорила Юлія, замѣтивъ, что папенька кидаетъ на нее значительные взгляды.

— Мы были во многихъ мѣстахъ,—отвѣчалъ Павелъ.

— Лучше скажите, что мы купили на двѣ тысячи. Да-съ, Юлія Владимировна, вотъ каковы мы! Вы только лежите, а мы, чортъ возьми, мужчины, народъ дѣятельный.

— Я бы сама умѣла покупать,—отвѣчала Юлія:—покупать очень весело.

— Видишь, какая храбрая... А что̀, голова болитъ?

— Болитъ, папа.

— Хочешь, я тебѣ лѣкарство скажу?

— Скажите.

— Поцѣлуй жениха, сейчасъ пройдетъ; не такъ ли, Павелъ Васильичъ?

— Что это, папа? — сказала Юлія.

Павелъ покраснѣлъ.

— Непремѣнно пройдетъ. Ну-те-ка, Павелъ Васильичъ, лѣчите невѣсту; смѣлѣй.

Онъ взялъ Павла за руку и поднялъ со стула.

— Поцѣлуй, Юлія: съ женихомъ-то и надобно цѣловаться.

Павелъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, да, кажется, и Юліи не слишкомъ было легко исполнить приказаніе папеньки. Она нехотя приподняла голову, поцѣловала жениха, а потомъ сейчасъ же опустилась на подушку и, кажется, потихоньку отерла губы платкомъ; но Павелъ ничего этого не видѣлъ.

«Ну, оба сконфузились!.. Охъ, дѣти, дѣти! Какъ опасны ваши...—«лѣта», конечно, думалъ сказать Владимиръ Андреичъ, но остановился, видно, найдя, что подобное окончаніе рѣшительно нейдетъ въ настоящемъ случаѣ.

Вскорѣ Владимиръ Андреичъ увелъ Павла отъ невѣсты, ради толкованія съ пришедшимъ торговаться обойщикомъ.

По уходѣ ихъ Юлія, всплеснувъ руками, начала плакать.

Павелъ уѣхалъ отъ Кураевыхъ послѣ ужина. Онъ заходилъ прощаться къ невѣстѣ и на этотъ разъ поцѣловалъ только у ней руку.

Ѣхавъ домой, онъ предавался сладостнымъ мечтаніямъ. Перспектива будущей семейной жизни рисовалась передъ нимъ въ чудномъ свѣтѣ; вотъ будетъ свадьба: какой это чудный и въ то же время страшный день! Какое нужно имѣть присутствіе духа и даже нѣкоторое... А тамъ, тамъ будетъ лучше, тамъ пойдетъ все ровнѣе, попривыкнешь къ новому положенію; тутъ-то вотъ и можно наслаждаться мирно, тихо. Въ это время Павелъ подъѣхалъ къ крыльцу, и необходимость вылѣзти изъ дрожекъ остановила на нѣсколько времени его мечтанія.

По пріѣздѣ его домой, ему подали записку отъ Лизаветы Васильевны.

«Прости меня, Поль,—писала она:—что я уѣхала, не сказавъ тебѣ, оставила тебя въ такое время. Я не могла поступить иначе: этого требуетъ отъ меня мой долгъ и мои бѣдныя дѣти. О самой себѣ я разскажу тебѣ послѣ, когда буду сама въ состояніи говорить объ этомъ, а теперь — женись безъ меня: молись, чтобы тебѣ Богъ далъ счастья, о чемъ молюсь и я; но ты долженъ быть счастливъ съ своею женою. Прощай»

Письмо это прочиталъ герой мой почти механически: такъ былъ онъ занятъ новымъ положеніемъ, своими новыми чувствованіями!

XI.

Свадьба.

Двѣ недѣли, назначенныя Владимиромъ Андреичемъ по свадьбы, прошли очень скоро. Это поэтическое время для каждаго почти жениха прошло для Павла слишкомъ прозаически. Онъ обыкновенно отправлялся рано поутру къ Кураевымъ и каждый разъ съ твердымъ намѣреніемъ сблизиться съ невѣстой; но этого ему никогда не удавалось: во-первыхъ, по застѣнчивости собственнаго характера и по холодности невѣсты, а во-вторыхъ, и потому, что рѣшительно было некогда. Владиміръ Андреичъ безпрестанно ѣздилъ съ нимъ закупать для него различныя вещи. Домъ былъ уже оклеенъ французскими обоями, экипажи и лошади куплены, подарки невѣстѣ сдѣланы, вслѣдствіе чего пяти тысячъ какъ будто бы и не бывало у Павла въ карманѣ, но расходовъ предстояло еще очень много; нужно было занимать, но у кого занять? Павелъ былъ въ очень трудномъ положеніи и сѣлъ бы совершенно на мель, если бы сама судьба, въ образѣ Перепетуи Петровны, не подала ему руку помощи. Тетка, сердившаяся на Павла за то, что онъ, по словамъ ея, не хотѣлъ принять участія въ отвращеніи погибели сестры, совершенно разобидѣлась на сватовство моего героя безъ предварительнаго совѣта съ нею; но, сверхъ ожиданія, вдругъ умилостивилась, искренно расположилась къ новому родству и приняла живѣйшее участіе въ хлопотахъ племянника. Причина такой перемѣны заключалась въ тонкой вѣжливости Владимира Андреича, заѣхавшаго къ Перепетуѣ Петровнѣ и прославшаго къ ней потомъ все свое семейство. Старая дѣвушка была очень честолюбива. Это, незаслуженное еще съ ея стороны, вниманіе отъ Кураевыхъ измѣнило совершенно ея образъ мыслей насчетъ женитьбы Павла. Она пріѣхала къ нему и, намыливъ, какъ водится, ему голову за то, что онъ начиналъ хорошее дѣло тайкомъ, стала хлопотать и даже снова помирилась съ Ѳеоктистой Саввичной. Обѣ пріятельницы безпрестанно переѣзжали одна къ другой въ домъ, заѣзжали къ Павлу, въ одинъ голосъ кричали на людей его и удивлялись тому, какъ скоро идетъ время. Перепетуя Петровна, узнавъ стороной, что Павелъ ѣздилъ занимать къ кому-то деньги и не занялъ, намылила въ другой разъ ему голову и сама предложила изъ собственной казны три тысячи

рублей ассигнаціями, впрочемъ, подъ вексель и за проценты. Павелъ ожилъ духомъ. О невѣстѣ во все это время некогда было ему и подумать; онъ, какъ угорѣлый, день и ночь ѣздилъ по мастеровымъ, исполняя порученія, которыя давалъ ему каждое утро Владимиръ Андреичъ. Самъ Кураевъ былъ рѣшительно въ это время полководецъ: онъ ѣздилъ самъ, посылалъ Павла, посылалъ жену, Наденьку и людей, — и все это дѣлалъ, впрочемъ, для Павла, то-есть на его деньги. Менѣе всѣхъ принимала участіе во всѣхъ хлопотахъ сама невѣста. Она обыкновенно, вставъ поутру, завивала съ полчаса свои волосы въ папильотки, во время кофе припекала ихъ, а часу въ первомъ, приведя въ окончаніе свой туалетъ, выходила въ гостиную, гдѣ принимала поздравленія, здоровалась и прощалась съ женихомъ, появлявшимся на нѣсколько минутъ; послѣ обѣда она обыкновенно уходила къ себѣ въ комнату и не выходила оттуда до тѣхъ поръ, покуда не вызывали ее внимательные родители, очень прилежно слѣдившіе за нею. Бѣдная Юлія! Въ настоящее время она одна переживала драму, она одна страдала; всѣмъ было хорошо, всѣ дѣлали, что имъ хотѣлось, и были довольны собою. Владимиръ Андреичъ былъ счастливъ, потому что пристраивалъ дочь, обдѣлывалъ довольно трудное дѣло, и только силою характера преодоралъ препятствія и утонченностью ума заинтриговывалъ зятя. Марья Ивановна наслаждалась тѣмъ, что Владимиръ Андреичъ, занятый хлопотами, не кричалъ на нее. Ей, впрочемъ, было иногда жаль Юліи, но, по размышленіи, она постоянно доходила до той мысли, что часто и по страсти женившіеся живутъ какъ кошка съ собакой. Перепетуя Петровна сдѣлалась похожа на индѣйскаго пѣтуха, растопырившаго крылья. Она начала ходить, поднявъ голову, въ необыкновенно накрахмаленныхъ юбкахъ и, неизвѣстно для чего, принялась говорить въ носъ. Вниманіе Кураевыхъ сильно развило въ ней важность. «Эта подлая семейка такъ обошла ее,—говорила она впослѣдствіи:— что ей даже не пришло въ голову спросить племянника, даютъ ли что-нибудь за невѣстой». Ѳеоктиста Саввична была тоже очень счастлива. Она до того говорила со всякимъ встрѣчнымъ-поперечнымъ о свадьбѣ, ею устроенной, что рѣшительно потеряла голосъ. Про жениха и говорить нечего: неопытный, довѣрчивый, увлеченный первою еще страстью къ женщинѣ, Павелъ ожидалъ, что вотъ такъ и окунется въ море блаженства, не видѣлъ и не понималъ, что невѣста почти не можетъ его равнодушно видѣть. Хитрый Владимиръ Андреичъ безпрестанно ему твердилъ, что Юлія чрезвычайно скромна и никогда не выражаетъ того, что чувствуетъ. Наденька болѣе

всѣхъ обнаруживала участія къ положенію сестры, но, впрочемъ, и та часто увлекалась мечтою о грядущемъ балѣ и объ обѣщанномъ новомъ бальномъ платьѣ. Юлія же оставалась постоянно грустною. Боже мой! Такую ли думала она составить партію! Она думала, что непремѣнно выйдетъ за какого-нибудь гвардейскаго офицера, который увезетъ ее въ Петербургъ, и она будетъ гулять съ нимъ по Невскому проспекту, блистать въ высшемъ свѣтѣ, будетъ представлена ко двору, сдѣлается статсъ-дамой. И что же, вмѣсто этихъ роскошныхъ мечтаній, давала ей горькая существенность? Всю жизнь прожить въ губернскомъ городѣ, и добро бы еще женою какого-нибудь ловкаго, богатаго человѣка, а то выйти за тюфяка, съ которымъ даже стыдно въ люди показаться. Сверхъ того, сердце... читателю уже извѣстно, что сердце Юліи не было свободно и принадлежало жестокому, но все-таки интересному Бахтіарову. Размышляя такимъ образомъ, она начинала чувствовать къ жениху еще болѣе непріятное чувство. «Уродъ этакій! Тюфякъ!»—шептала она сама съ собою и начинала съ досады плакать. Чтобы избавиться отъ предстоящаго брака, нѣсколько несбыточныхъ плановъ составлялось въ головѣ ея: такъ, напримѣръ, броситься передъ отцомъ на колѣни и просить его не губить ея; объясниться съ самимъ Павломъ: сказать ему, что она не можетъ быть его женою, потому что любитъ другого, и просить его, какъ благороднаго человѣка, не принуждать ея дѣлать жертву, которая, можетъ-быть, сведетъ ее во гробъ. Мало этого, — она вздумала-было написать письмо къ Бахтіарову, признаться ему, что она его любитъ и умоляетъ его спасти несчастную отъ ужаснаго брака, увезти куда-нибудь дальше,—напримѣръ, въ Парижъ. Эта мысль нравилась Юліи болѣе другихъ. Но, отчасти по робости, а отчасти отъ самолюбія, она не рѣшилась сдѣлать этотъ неосторожный шагъ. Хорошо, если Бахтіаровъ пойметъ ее; а если станетъ смѣяться, и потомъ узнаетъ объ этомъ папенька? Одно только утѣшало Юлію въ ея положеніи—это мысль, что она наконецъ выйдетъ изъ-подъ родительской ферулы, будетъ дамой, станетъ выѣзжать одна и куда ей угодно.

Свадебные чины были розданы слѣдующимъ образомъ:

Перепетуя Петровна, несмотря на дѣвическое состояніе, никому не уступила чести быть посажёной матерью жениха, пунктуально доказывая, что дѣвушка въ пятьдесятъ лѣтъ все равно что дама; а въ посажёные отцы для Павла Владиміромъ Андреичемъ былъ вызванъ сосѣдъ по деревнѣ, который по сю пору все со слезами вспоминалъ Василья Петровича, его друга, сосѣда и сослуживца. Ѳеоктиста Саввична

возведена была въ званіе почетной дамы; шаферомъ со стороны жениха опредѣленъ былъ Масуровъ, который, несмотря на свое обѣщаніе, не познакомился еще съ новыми родственниками и неизвѣстно гдѣ пропадалъ. Со стороны невѣсты, какъ водится, отецъ, мать. Почетной дамой была баронесса Клукштукъ, очень похожая на пиковую даму; шаферомъ — двоюродный братъ невѣсты, извѣстный въ городѣ подъ именемъ Петруши Масляникова, который, по случаю своего званія, купилъ около дюжины перчатокъ и всѣхъ спрашивалъ, что ему нужно будетъ дѣлать? Здѣсь я долженъ замѣтить, что Владиміръ Андреичъ, какъ самъ послѣ разсказывалъ, обставилъ бы свадьбу и другими людьми, поважнѣе, да со стороны жениха родство-то было уже слишкомъ плоховато; такъ этакихъ-то людей съ такими-то людьми не такъ ловко было свести.

Наконецъ наступилъ день свадьбы. Павелъ проснулся очень рано; онъ былъ въ какомъ-то истеричномъ состояніи: ему было грустно и весело, ему хотѣлось плакать и смѣяться. Старуха проснулась тоже очень рано. Перепетуя Петровна, съ помощью горничныхъ, наконецъ втолковала ей, что Павелъ женится, и что высокій господинъ, пріѣзжавшій къ ней и цѣловавшій у ней руку, тесть его. Она расплакалась. Павелъ самъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Перепетуя Петровна и Ѳеоктиста Саввична, бывшія при этой сценѣ, тоже плакали. Плакалъ, кажется, и весь домъ, по крайней мѣрѣ Константинъ, нашивавшій въ лакейской на новую шинель галуны, заливался слезами и безпрестанно сморкался, приговаривая: «экъ ихъ пустилось!». Вѣнчаніе было назначено въ четыре часа, потомъ молодые должны были прямо проѣхать къ Кураеву и прожить тамъ цѣлую недѣлю; къ старухѣ же, матери Павла, заѣхать на другой день. Часу въ первомъ Перепетуя Петровна и Ѳеоктиста Саввична разъѣхались по домамъ, чтобы одѣться. Онѣ непремѣнно хотѣли присутствовать при вѣнчаніи и потомъ уже пріѣхать къ Кураевымъ, гдѣ былъ назначенъ парадный танцовальный вечеръ. Обѣ дамы весьма хлопотали о своихъ нарядахъ и обѣ гнѣвались на своихъ горничныхъ: одна за то, что измятъ былъ блондовый чепецъ, а другая—другая даже и не знала за что, но только дала своей femme de chambre урокъ... Павелъ, кажется, совсѣмъ растерялся; какъ бы не понимая ничего, онъ переходилъ безпрестанно изъ комнаты матери въ свой кабинетъ, глядѣлъ съ четверть часа въ окошко на улицу, гдѣ, впрочемъ, ничего не было замѣчательнаго, кромѣ какого-то маленькаго мальчишки, ходившаго босыми ногами по лужѣ. Отошедши отъ

окна, онъ ложился на кровать, вздыхалъ и наконецъ, затворясь въ своей комнатѣ, молился.

Часа за два до вѣнчанія Павелъ вспомнилъ, что онъ не видалъ еще своего шафера Масурова, хоть и писалъ къ нему. Очень естественно, что зять, по своей вѣтренности, забудетъ и не пріѣдетъ. Онъ послалъ за нимъ лошадь. Черезъ четверть часа кучеръ явился и объявилъ, что онъ объѣхалъ весь городъ, но Масурова не могъ отыскать нигдѣ. Что было дѣлать? Пріѣхали Перепетуя Петровна и Ѳеоктиста Саввична, пріѣхалъ наконецъ посажёный отецъ, — шаферъ не являлся. Тетка и сваха были просто въ отчаяніи. Перепетуя Петровна, несмотря на свою привязанность къ Масурову, назвала его, въ присутствіи посторонняго человѣка, мерзавцемъ, а сосѣдъ пожалъ плечами. Но времени терять невозможно было; надобно было ѣхать. Павелъ, одѣтый въ новый фракъ, цвѣтомъ аделандъ, въ бѣломъ жилетѣ-пике и бѣломъ галстукѣ, который, между нами сказать, къ нему очень не шелъ, началъ принимать благословенія, сначала отъ матери, посажёнаго отца, а потомъ и отъ тетки.

Плачъ и вопль снова начались; старуха была очень дурна; посажёный отецъ со слезами вспомнилъ Василья Петровича, благословилъ Павла, поцѣловалъ его и пожелалъ ему жить въ счастьѣ и нажить кучу дѣтей, и потомъ понюхалъ табаку, посмотрѣлъ на часы и взялся за шляпу. Перепетуя Петровна, проплакавшись и осушивши батистовымъ платкомъ слезы, начала такъ:

— Ну, Павелъ Васильичъ, дай тебѣ Богъ счастья, дай Богъ, чтобы твоя будущая жена была тебѣ и намъ на утѣшеніе. Насъ тоже не забывай: мы тебѣ не чужіе, а родные. Можно сказать, что всѣ мы живемъ въ тебя; конечно, супружество дѣло великое, хоть сама и не испытала, а понимаю: тутъ — иной человѣкъ, иныя и мысли. Ну, съ Богомъ, тронемтесь.

Павелъ, накинувши шинель, сѣлъ въ свой фаэтонъ. Пара вороныхъ жеребцовъ дружно подхватила его отъ подъѣзда, такъ что у Константина едва удержалась круглая шляпа; и весь поѣздъ двинулся къ церкви ни шибко ни тихо, но какъ слѣдуетъ свадебному дворянскому поѣзду.

Съ большою торжественностью и въ лучшемъ порядкѣ шли предсвадебныя сцены въ домѣ Кураевыхъ. Избранный въ шаферы Петруша Масляниковъ давно уже былъ въ залѣ и наивно разсказывалъ барону Клукштукъ, супругу почетной дамы, что онъ не бывалъ еще ни на одной свадьбѣ и даже вѣнчаніе видѣлъ только одинъ разъ, когда женился его лакей.

Невѣсту одѣвали. При туалетѣ ея присутствовали: почетная дама, троюродная сестра Владимира Андреича, очень обижавшаяся тѣмъ, что не получила никакой должности въ свадебной церемоніи, Наденька, которая, какъ извѣстно, была обязана подать сестрѣ крестъ и серьги, и еще три дѣвицы, изъ коихъ двѣ были дочери троюродной сестры Кураева. Юлія была вся въ слезахъ до такой степени, что ее нѣсколько разъ принимались утирать мокрымъ полотенцемъ, и всѣ убѣждали не плакать, потому что будутъ очень красны глаза.

Марья Ивановна сидѣла въ гостиной на диванѣ и тоже плакала, взглядывая по временамъ на Владимира Андреича, ходившаго съ заложенными за спину руками взадъ и впередъ по комнатѣ. На столѣ стояли приготовленные для благословенія образа. Наконецъ невѣсту вывели, и всѣ сошлись въ гостиную. Владиміръ Андреичъ взялъ икону. Юлія поклонилась отцу въ ноги; дыханіе у нея захватило; она не могла уже сама встать; ее подняли на рукахъ, и на этотъ разъ уже всѣ совѣтовали проплакаться. Кураевъ поцѣловалъ дочь и самъ прослезился. Съ Марьей Ивановной сдѣлалась истерика; она рѣшительно не могла благословить дочери. Невѣсту подъ-руки вывели и посадили въ карету съ почетной дамой. Шаферъ сѣлъ на парныя дрожки, баронъ Клукштукъ — съ троюродною сестрою Владимира Андреича, а барышень усадили всѣхъ въ карету. Имъ очень хотѣлось посмотрѣть на вѣнчаніе; но онѣ, какъ не принадлежавшія къ поѣзду, должны были пріѣхать послѣ. Владиміръ Андреичъ и Марья Ивановна остались дома. Вѣнчаніе началось и кончилось своимъ порядкомъ. Въ церкви было пропасть народу, и цѣлая толпа еще ломилась извнѣ. Квартальный надзиратель нѣсколько разъ принужденъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Онъ, еще до пріѣзда невѣсты, поставленъ былъ въ необходимость ударить какую-то личность во фризовой шинели, порывавшуюся въ церковь, толкнулъ, и толкнулъ довольно больно, въ шею звонкоголосую мѣщанку и жестоко надралъ волосы мальчишкѣ, перепачканному въ сажѣ и очень похожему, по словамъ квартальнаго, на дьяволенка. Женихъ и невѣста во время всей церемоніи даже не взглянули другъ на друга. На ихъ счетъ зрителями было произнесено нѣсколько сужденій, по которымъ оказалось, что у жениха носъ великъ и лицо плоско, а что невѣста гораздо лучше его. Какой-то маленькій гимназистъ прозвалъ Перепетую Петровну дыней-канталупкой. Почетная дама, баронесса Клукштукъ, имѣла довольно длинный и серьезный разговоръ съ Ѳеоктистой Саввичной насчетъ того, что у жениха нѣтъ шафера.

Наконецъ молодые возвратились. Владимиръ Андреичъ и Марья Ивановна встрѣтили ихъ въ залѣ. Они, сопровождаемые всѣмъ своимъ поѣздомъ, вошли и начали принимать благословенія.

— Дѣти мои! — началъ Владимиръ Андреичъ своимъ внушительнымъ тономъ: — позвольте мнѣ въ настоящемъ, важномъ для васъ случаѣ, сказать небольшую рѣчь.

При этихъ словахъ Владимиръ Андреичъ вынулъ изъ бокового кармана небольшую тетрадку. Такое намѣреніе Кураева, кажется, всѣмъ присутствующимъ показалось нѣсколько страннымъ, и нѣкоторые изъ нихъ значительно между собою переглянулись.

— Нынѣ вы вступили, дѣти мои, — началъ Владимиръ Андреичъ:—въ новую жизнь, въ новыя обязанности: для нѣкоторыхъ эти обязанности легки и пріятны, а для нѣкоторыхъ цѣпи брака тяжелѣе кандаловъ преступника. Отчего же это происходитъ? Это происходитъ отъ насъ самихъ. Мужья хотятъ слишкомъ много властвовать, а жены — слишкомъ мало повиноваться. Возьмите вы въ примѣръ двухъ голубковъ: эти пернатыя могутъ служить прекраснымъ образцомъ для человѣка. Они искренно любятъ другъ друга. Голубь трудолюбивъ и нѣженъ къ своему семейству и заботится о немъ; голубка покорна, нѣжна къ своему другу. Будьте подобны двумъ голубкамъ, мои дѣти, и вы будете счастливы. Вы, Павелъ Васильичъ, можно сказать, отрываете отъ нашего сердца лучшую часть, берете отъ насъ нашу чистую, нѣжную голубицу, а потому на васъ лежитъ священная обязанность замѣнить для нея нѣкоторымъ образомъ наше мѣсто, успокоить и разогнать ея скуку, которую, можетъ-быть, она будетъ чувствовать, выпорхнувъ изъ родительскаго гнѣзда. Можетъ-быть, вы сами будете отцомъ и тогда узнаете, какъ тяжелы теперешнія наши чувствованія; одно, можетъ-быть, только приличіе удерживаетъ насъ отъ безпрерывныхъ слезъ, которыми бы мы готовы разлиться, отпуская наше милое дитя въ чужіе люди. Да, примите еще разъ отъ меня благословеніе!

Съ этими словами Владимиръ Андреичъ проворно спряталъ рѣчь въ боковой карманъ и, поклонившись, осѣнилъ молодыхъ руками.

— Отличная рѣчь!—замѣтилъ шаферъ барону Клукштукъ.

Баронъ только пожалъ губами и слова не отвѣчалъ.

Всѣ вошли въ гостиную; начали подавать чай; невѣсту повели переодѣвать изъ вѣнчальнаго платья въ бальное. Часовъ въ восемь пришли музыканты, и начали съѣзжаться гости.

Честолюбивый Владимиръ Андреичъ не утерпѣлъ, чтобы не позвать на свадебный вечеръ знакомыхъ своего круга. Также приглашены были, ради танцованья, и молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и Бахтіаровъ. Молодая еще не выходила. Павлу, кажется, было очень неловко: онъ видѣлъ, что на него взглядывали искоса всѣ дамы, а нѣкоторые изъ мужчинъ, хотя почти ему незнакомые, никакъ не могли удержаться, чтобы не сдѣлать нѣсколько двусмысленныхъ намековъ. Перепетуя Петровна была не въ духѣ, потому что Кураевъ ее принялъ не съ подобающей честью, какъ слѣдовало бы принять посажёную мать жениха, и, пройдя въ гостиную, попросилъ сѣсть на диванъ не ее, а баронессу Клукштукъ. Даже Марья Ивановна не занялась съ нею, а подсѣла къ троюродной сестрѣ Владимира Андреича, тоже усѣвшейся на другомъ концѣ дивана. Такимъ образомъ Перепетуѣ Петровнѣ почти пришлось сѣсть на крайнемъ креслѣ, чего она никакъ не хотѣла сдѣлать, и сѣла къ окошку.

Наконецъ вышла невѣста, и вскорѣ затѣмъ пріѣхала Марья Николаевна, помѣщица трехъ тысячъ душъ. Дамъ и кавалеровъ было уже достаточное число. Изъ приглашенныхъ молодыхъ людей не явился только одинъ Бахтіаровъ. Владимиръ Андреичъ махнулъ музыкантамъ: заиграли польскій.

— Не угодно ли вамъ начинать?—сказалъ Кураевъ, обращаясь къ зятю.

Бѣдный Павелъ рѣшительно смѣшался. Онъ даже не понималъ, какой это начинается танецъ. Онъ стоялъ и все еще не бралъ руки невѣсты, давно уже стоявшей около него. Юлія догадалась и, сдѣлавъ гримасу, сама взяла его за руку и повела въ залу.

— Вы, вѣрно, не умѣете танцовать? — спросила она его тихо.

Павелъ покраснѣлъ: ему было очень совѣстно.

— Я... нѣтъ-съ... Но, знаете... Давно очень учился...

— Такъ вы скажите папенькѣ, что у васъ нога болитъ, а то неловко: будете путать.

Вслѣдъ за молодыми слѣдовалъ Владиміръ Андреичъ съ Марьей Николаевной. Этотъ поступокъ Кураева жестоко оскорбилъ Перепетую Петровну. Она думала, что онъ непремѣнно возьметъ ее на польскій.

— Это ужъ, видно, не свадебный вечеръ, а балъ какой-то,—сказала она проходившей мимо Ѳеоктистѣ Саввичнѣ.

— А чтò?—спросила та.

— Да такъ ужъ... Насъ ужъ съ вами, кажется, совсѣмъ забыли, все знатными людьми занимаются.

Не знаю, что бы отвѣтила на это Ѳеоктиста Саввична, но ее въ это время кликнули къ Марьѣ Ивановнѣ.

Польскій кончился. Юлія подошла къ отцу.

— Папа, онъ совсѣмъ не умѣетъ танцовать.

— Кто?

— Бешметевъ.

— Не можетъ быть; французскую пройдетъ.

— Какое французскую, онъ и польскій не умѣетъ. Я съ нимъ ни за что не пойду; я ужъ ему велѣла сказать, что у него нога болитъ.

Владимиръ Андреичъ махнулъ рукою, говоря: «хорошо!».

— Какая непріятность! — сказалъ онъ потомъ, выходя въ залу: — у насъ молодой нашъ отказывается отъ танцевъ, вчерашній день ногу ушибъ, выскакивая изъ кареты. Павелъ Васильичъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ вдали стоящему Бешметеву: — что ваша нога болитъ еще?

— Болитъ-съ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Досадно, а дѣлать нечего. Постойте-ка, батюшка, у косячка да полюбуйтесь, какъ женушка съ другими будетъ любезничать; вотъ и узнаете, каково мужнино-то дѣло; ничего.

Все это Владимиръ Андреичъ говорилъ довольно громко, такъ, что слышали всѣ почти кавалеры и многія дамы. Началась французская кадриль. Молодая танцовала съ шафером.

Во время другой кадрили въ залу вошелъ Бахтіаровъ. Въ этотъ разъ, кажется, онъ былъ еще молодцоватѣе и интереснѣе собою. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ прямо подошелъ къ невѣстѣ, поздравилъ ее, потомъ поздравилъ попавшагося ему навстрѣчу Владимира Андреича и поклонился Павлу. А вслѣдъ затѣмъ, въ своей обычной, равнодушной позѣ, расположился стоять у окна, объявивъ рѣшительно хозяину, что онъ танцовать не будетъ. Молодая, несмотря на то, что очень была грустна и разстроена, замѣтила, что Бахтіаровъ пріѣхалъ очень блѣденъ и чѣмъ-то разсерженъ; она слышала его отказъ танцовать и перетолковала все это рѣшительно въ свою пользу.—«Онъ, вѣрно, влюбленъ въ меня,— думала она: — страдалъ, услыхавъ, что я выхожу замужъ, и потому очень блѣденъ и разстроенъ; но она этому очень рада и начнетъ его мучить съ этого же вечера». По окончаніи кадрили Юлія подошла къ Павлу, сидѣвшему невдалекѣ отъ Бахтіарова.

— Какъ жаль, Поль, что ты не танцуешь! Я бы желала съ тобою только танцовать.

Павелъ быстро всталъ на ноги; на глазахъ его, кажется, навернулись слезы; онъ никакъ не ожидалъ подобной выходки;

ему было и стыдно и пріятно. Юлія Владимировна подала ему руку. Павелъ едва догадался, что ему надобно было поцѣловать эту руку.

Начались снова танцы. Бахтіаровъ не танцовалъ; Юлія Владимировна, чтобы окончательно взбѣсить губернскаго льва, казалась веселою, счастливою и нѣсколько разъ обращалась съ нѣжными выраженіями къ Павлу; но Бахтіаровъ уѣхалъ, и она сдѣлалась грустна, задумчива и рѣшительно не стала замѣчать мужа. Павелъ все стоялъ у притолки и все глядѣлъ на жену. Наденька очень любезничала съ однимъ молодымъ чиновникомъ, необыкновенно ловко танцовавшимъ вальсъ. Перепетуя Петровна рѣшительно выходила изъ себя отъ невниманія, оказаннаго ей хозяиномъ: ее даже не посадили играть въ преферансъ. Владиміръ Андреичъ рѣшительно былъ занятъ губернскими тузами, а Марья Ивановна все егозила около помѣщицы трехъ тысячъ душъ.

За ужиномъ Перепетуя Петровна поставлена была въ такое положеніе, что только отъ стыда не расплакалась. Мало того, что она, какъ бы слѣдовало посажёной матери, не была посажена на первое мѣсто, мало этого, — цѣлый столъ голодала она, какъ собака, и попила только кваску. Вотъ въ чемъ дѣло: свадебный день былъ постный, а столъ былъ приготовленъ скоромный, и у добраго хозяина не стало настолько вниманія, чтобы узнать: нѣтъ ли такихъ гостей, которые не ѣдятъ скоромнаго. «Что она, попадья, что ли, какая? Она, кажется, дворянка и, можно сказать, тутъ первое лицо; для нея бы для одной можно приговить столъ приличный. Ѳеоктиста Саввична — извѣстное мелево, — ей хоть козла подай на Страстной недѣлѣ, такъ съѣстъ. Сами посудите, въ какое она поставлена была положеніе, точно проклятая какая-нибудь, ни къ чему прикоснуться не можетъ; не скоромиться же нарочно для этого раза; кромѣ грѣха, тутъ нѣкоторые знаютъ, что она соблюдаетъ посты. Это, просто, насмѣшка!» Вотъ что думала Перепетуя Петровна, сидя за столомъ; гнѣвъ ея возрасталъ съ каждымъ блюдомъ, у ней едва доставало присутствія духа сказать, что она не ужинаетъ; сами же хозяева какъ будто бы этого ничего не замѣчали и не видѣли. Невѣста была блѣдна и ничего не ѣла, Павелъ тоже сидѣлъ, потупившись, и ни къ чему не прикасался.

— Посмотрите, имъ ужъ хлѣбъ нейдетъ на умъ, — замѣтилъ армейскій офицеръ сидѣвшему около него молодому человѣку съ рѣшительными манерами, съ которымъ мы еще въ собраніи познакомились.

Молодой человѣкъ, съ прическою à la diable m'emporte,

сдѣлалъ гримасу и, проговоря: «это все глупости!», залпомъ вышилъ стаканъ краснаго вина. Послѣ ужина бальные гости всѣ разъѣхались; остались одни только непосредственные участники свадьбы. Молодыхъ проводили въ спальню съ извѣстными церемоніями. Видимымъ образомъ, кажется, все шло своимъ порядкомъ. Впрочемъ, Перепетуя Петровна никакъ не могла удержаться, чтобы не высказать своего неудовольствія Владимиру Андреичу.

— Позвольте васъ поблагодарить за ваше вниманіе и угощеніе, — говорила она, прощаясь съ хозяевами: — мы хоть, конечно, и небогаты, но все-таки понимаемъ что-нибудь, и постараемся съ своей стороны отплатить тѣмъ же, что̀ сами получили.

Проговоря это, она раскланялась и ушла въ лакейскую.

На другой день свадьбы въ чайной дома Кураевыхъ происходилъ слѣдующій разговоръ, который ключница Максимовна, пользовавшаяся отъ господъ большимъ довѣріемъ за пятнадцатилѣтнія передъ ними сплетни на всю остальную братію, вела съ одною ея знакомой торговкою:

— Ну что̀, матушка Марья Максимовна, каковъ вашъ молодой-то баринъ? — спрашивала та.

— Смиренекъ очень, Ѳедотовна; не подъ пару нашей-то, я люблю сказать правду: ей бы надобно муженька посердитѣе, чтобы побранивалъ да пошколивалъ. А этому она скоро голову свернетъ.

— Вишь ты, какое дѣло! — заключила глубокомысленно торговка.

XII.

Домашнія сцены.

Болѣе полугода прошло послѣ женитьбы Павла. Наступила снова зима, снова начались удовольствія. Въ городѣ ничего не случилось достопримѣчательнаго. Значительной перемѣны въ жизни главныхъ лицъ моего разсказа никакой не было. Павелъ жилъ съ женою и съ матерью. Кураевъ не уѣзжалъ еще въ Петербургъ; хорошіе пріятели его по сю пору еще не пріискали ему тамъ частнаго мѣста. Лизавета Васильевна жила въ деревнѣ. Перепетуя Петровна рѣшительно разошлась съ своимъ роднымъ племянникомъ, даже голубушку сестрицу третій мѣсяцъ не видала. Она нѣкоторымъ образомъ, дѣйствительно, была права въ своемъ неудовольствіи на Бешметевыхъ: во-первыхъ, если читатель помнитъ поступокъ съ нею Владимира Андреича на свадьбѣ, то, конечно, уже согласится,

что это поступокъ скверный; во-вторыхъ, молодые, дѣлая визиты, объѣхали сначала всѣхъ знатныхъ знакомыхъ, а къ ней уже пожаловали на другой день послѣ обѣда, и потомъ, когда она начала имъ за это выговаривать, то оболтусъ-племянникъ, по обыкновенію, сидѣлъ дуракомъ, а племянница вздумала еще вздернуть свой носъ и съ гримасою пропищать, что «если, говоритъ, вамъ непріятно наше посѣщеніе, то мы и совсѣмъ не будемъ ѣздить», а послѣ и кланяться перестала. Она ужъ сама не станетъ заискивать: извините, — не такого характера, и потому совершено прервала съ неблагодарными всякое сношеніе и подала на Павла ко взысканію вексель. Впрочемъ, она очень тосковала, что не видитъ бѣдную сестрицу, и каждый день посылала Палашку навѣдаться о ея здоровьѣ, а тутъ, къ слову, конечно, спрашивала, каково поживаютъ и молодые. Палашка обыкновенно, на вопросъ Перепетуи Петровны, сначала отвѣчала, что все—слава Богу—хорошо, а ужъ послѣ кой-что и поразскажетъ. Изъ разсказовъ ея Перепетуя Петровна узнала, что Владимиръ Андреичъ по сю пору еще ничего не далъ за дочкою; что въ приданое приведенъ всего только одинъ Спиридонъ Спиридонычъ, и тотъ ничего не можетъ дѣлать, только развѣ пыль со столовъ сотретъ да подсвѣчники вычиститъ, а то все лежитъ на печи, но хвастунъ большой руки; что даже гардероба очень мало дано, — всего четыре шелковыя платья, а изъ бѣлья такъ — самая малость. Хозяйствомъ молодая барыня ничего не занимается, даже столъ приказываетъ самъ Павелъ Васильичъ, а она все для себя изволитъ дѣлать наряды, этта на дняхъ отдала одной портнихѣ триста рублей; что молодые почиваютъ въ разныхъ комнатахъ: Юлія Владимировна взяла себѣ кабинетъ Павла Васильича и всѣ окошки обвѣшала тонкой-претонкой кисеей, а баринъ почиваетъ въ угольной, днемъ же постель убирается; что у нихъ часто бываютъ гости, особенно Бахтіаровъ, что и сами они часто ѣздятъ по гостямъ; Павлу Васильичу иногда и не хочется, такъ Юлія Владимировна сейчасъ изволятъ закричать, расплачутся и въ истерику впадутъ. Слушая эти разсказы, Перепетуя Петровна обыкновенно приговаривала:— «Такъ ему, дураку, и надобно,—еще по щекамъ будетъ бить; какъ бы родство-то свое больше уважалъ да почиталъ, такъ бы не то и было!»

Вечеромъ, наканунѣ Новаго года, Павелъ сидѣлъ въ комнатѣ у матери. Старуха цѣлую осень замѣтно слабѣла, а этотъ день съ нею повторился параличный припадокъ; послали за докторомъ, который поставилъ ей около десятка горчичниковъ и обѣщался ночью еще разъ заѣхать. Видно было, что

онъ даже опасался за жизнь больной, которая была въ совершенномъ безпамятствѣ и никого не узнавала. Павелъ послалъ сказать Перепетуѣ Петровнѣ и отправилъ нарочнаго къ сестрѣ. Несмотря на болѣзнь матери, Юліи Владимировны не было дома, — она находилась у модистки, гдѣ дѣлалось для нея новое платье, въ которомъ она должна была явиться на балъ въ дворянское собраніе. Павелъ былъ худъ и блѣденъ. Видно, золотое время для новобрачныхъ не слишкомъ-то счастливо прошло для него. Онъ сидѣлъ около больной и держалъ ее за руку; ключница Марѳа стояла въ ногахъ, пригорюнившись, и вздыхала; молодая горничная дѣвка приготовляла новый горчичникъ, перемаравъ въ немъ руки и лицо. Пріѣхала Юлія Владимировна, въ сопровожденія гризетки, бережно несшей новое платье. Сначала она прошла въ свой кабинетъ, или, какъ она его называла, будуаръ, и еще разъ начала примѣривать обнову. Платье сидѣло необыкновенно ловко. Юлія Владимировна съ полчаса любовалась передъ большимъ зеркаломъ своимъ платьемъ и собой; она оглядывала себя во всевозможныхъ положеніяхъ — и спереди и съ боковъ, и загибала даже голову, чтобы взглянуть на свою турнюру, и потомъ подвигала стулъ и садилась, чтобы видѣть, каково будетъ платье, когда она сядетъ. Платье было отличное. Переодѣвшись, Юлія Владимировна вошла въ комнату больной.

— Что жъ вы не сбираетесь? По сю пору не бриты, — сказала она, не поздоровавшись съ мужемъ.

— Я сегодня не могу ѣхать, Юлія, — проговорилъ Павелъ.

— Вотъ прекрасно! Вотъ хорошо! — вскрикнула Юлія какимъ-то непріятно-звонкимъ голосомъ: — зачѣмъ же я платье дѣлала? Зачѣмъ вы это меня дурачите?

— Вы видите, матушка умираетъ.

— Скажите, пожалуйста, что̀ выдумалъ! Во-первыхъ, матушка не умираетъ, а обыкновенно больна; а во-вторыхъ, развѣ вы поможете, что тутъ будете сидѣть?

— Воля твоя, я не въ состояніи.

— И вы рѣшительно говорите?

— Вы знаете, когда можно ѣхать, я ѣду.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, что вы рѣшительно не хотите ѣхать.

— Я не могу ѣхать.

— Очень хорошо! Отлично! Вы думали меня испугать — ужасно испугалась, — я одна поѣду.

Павелъ ничего не отвѣчалъ.

— И непремѣнно поѣду. Нарочно; зналъ, что мнѣ хочется, выдумалъ предлогъ, какого совсѣмъ нѣтъ.

— Предлогъ у васъ передъ глазами, Юлія.

— Никакого у меня нѣтъ передъ глазами предлога, а есть только ваши выдумки... Я одна поѣду.

Проговоря это, Юлія вышла въ угольную и, надувши губы, сѣла на диванъ. Спустя нѣсколько минутъ она начала потихоньку плакать, а потомъ довольно громко всхлипывать. Павелъ прислушался и тотчасъ догадался, что жена плачетъ. Онъ тотчасъ было-всталъ, чтобъ итти къ ней, но раздумалъ и опять сѣлъ. Всхлипыванія продолжались. Герой мой не въ состояніи былъ долѣе выдержать свой характеръ: онъ вышелъ въ угольную и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на жену. Юлія, при его приходѣ, еще громче начала рыдать.

— О чемъ же вы плачете? — спросилъ онъ.

— Всегда — напротивъ, — говорила сквозь слезы Юлія: — если бы я знала, я просила бы папеньку. Какъ я поѣду одна? Зачѣмъ же я дѣлала платье? Вѣчно съ вашими глупостями; я не служанка ваша... Смѣяться надо мной; поутру сбиралась, а вечеромъ сиди дома.

— Ахъ, какъ вы малодушны!

— Самъ ты малодушенъ—тюфякъ!

Павелъ улыбнулся и сѣлъ около жены, но Юлія отодвинулась на другой конецъ дивана.

— Не извольте садиться около меня... Неблагодарный... Вчера что вечеромъ говорилъ?

— Я и теперь скажу то же.

— Очень нужны мнѣ твои слова!.. Притворяется туда же: умереть для васъ готовъ, а съѣздить на вечеръ не хочется!

— Какъ вы несправедливы ко мнѣ! Что, если мы поѣдемъ, а матушка умретъ, — что даже посторонніе скажутъ? Съ какими чувствами мы будемъ веселиться?

— Вотъ прекрасно!.. Съ какими чувствами! Не прикажете ли все сидѣть да плакать? Подите вонъ: видѣть васъ не могу! Наказалъ меня Богъ по милости папеньки. Наденька теперь, я думаю, ужъ совсѣмъ одѣлась.

При этихъ словахъ Юлія снова залилась слезами и упала на подушку дивана.

— Юлія, это вѣдь смѣшно, вы ребячитесь, — сказалъ Павелъ, подходя снова къ женѣ.

— Отойдите отъ меня,—вскрикнула Юлія, оттолкнувъ мужа рукой, и продолжала плакать.

Павлу жаль было жены; онъ, замѣтно, началъ сдаваться.

— Не плачьте, Юлія, я поѣду, — проговорилъ онъ.

Юлія не унималась.

— Я поѣду, я пойду сейчасъ бриться. Ну, вотъ видите, я

пошелъ бриться, — говорилъ Павелъ и дѣйствительно пошелъ въ залу.

По уходѣ мужа Юлія тотчасъ встала и утерла глаза.

«Дуракъ этакій, — говорила она про себя, глядясь въ зеркало: — вотъ теперь съ красными глазами поѣзжай на балъ, очень красиво!»

Мужъ и жена начали одѣваться. Павелъ готовъ былъ уже чрезъ четверть часа и, въ ожиданіи одѣвавшейся еще Юліи, пришелъ въ комнату матери и сѣлъ, задумавшись, около ея кровати. Послышались шаги и голосъ Перепетуи Петровны. Павелъ обмеръ: онъ предчувствовалъ, что безъ сцены не обойдется, и что тетка непремѣнно будетъ протестовать противъ ихъ поѣздки.

— Батюшки мои! Что это у васъ надѣлалось? — говорила Перепетуя Петровна, входя впопыхахъ въ комнату и не замѣчая Павла. — Господи! Она совсѣмъ кончается... Матушка сестрица! Господи! Какой въ ней жаръ! Да былъ ли у нея лѣкарь-то?

— Лѣкарь былъ, тетушка, — произнесъ Павелъ.

Перепетуя Петровна наконецъ замѣтила племянника.

— Что, батюшка, — сказала она: — уморилъ матушку-то, дождался этакого счастья? Смотри, какимъ франтомъ, модный какой!.. На какой радости-то?.. Что мать-то умираетъ, что ли?

Павелъ не смѣлъ объявить теткѣ, что онъ ѣдетъ въ собраніе. Но Перепетуя Петровна сама догадалась.

— На балъ, что ли, они куда ѣдутъ праздновать кончину матери? — спросила она, обращаясь къ ключницѣ.

Марѳа молчала.

— На балъ, что ли, ѣдете съ супругой-то? — продолжала она, обращаясь къ Павлу.

— Насъ звали, тетушка, на дворянскій балъ.

— Да что, Павелъ Васильичъ, съ ума, что ли, вы сошли, помѣшались, что ли, вы совсѣмъ съ своей благовѣрной-то? Царица небесная! Не позволю вамъ этого сдѣлать, не позволю срамить вамъ нашего семейства! Извольте сейчасъ раздѣваться и остаться при матери, и жену не пускайте. Что такое? На что это похоже? Вы, пожалуй, и на похороны-то цыганскій таборъ приведете, цыгане этакіе... фигуранты! Только по баламъ ѣздить! Проюрдонитесь еще, по міру пойдете! Много отвалили за женушкой-то? Въ кулакѣ, я думаю, все приданое унесешь! Не смѣйте, сударь, ѣздить!

Старуха въ это время застонала.

— Матушка моя! Голубушка! И ты мучишься, — какъ не

мучиться, видя этакую неблагодарность и безстыдство! Мое не такое здоровье, да и то въ груди закололо.

Въ это время въ комнату вошла совсѣмъ одѣтая Юлія. Увидѣвъ тетку, она нахмурила брови и даже не поклонилась ей, но обратилась къ мужу.

— Что жъ? Поѣдемъ, пора!

Павелъ рѣшительно не зналъ, что̀ дѣлать. Перепетуя Петровна вся вспыхнула.

— Нѣтъ, не пора и не можетъ быть пора, потому что у него мать умираетъ.

Юлія сдѣлала гримасу и продолжала натягивать французскія перчатки.

— Велите подавать лошадей,—сказала она стоявшей тутъ горничной.

— Велите отложить лошадей, — перебила Перепетуя Петровна, поднимаясь со стула и придя въ совершенный азартъ.— Павелъ Васильичъ, что̀ же вы молчите? Велите сейчасъ отложить лошадей. Останьтесь дома и оставьте и ее: она не смѣетъ противъ вашего желанія дѣлать!

Юлія взглянула на Перепетую Петровну и залилась самымъ обиднымъ смѣхомъ.

— Что̀ ваша тетка, вѣрно, сумасшедшая?—спросила она Павла.

Перепетуя Петровна, не слишкомъ осторожная въ собственныхъ выраженіяхъ, не любила, впрочемъ, чтобъ ей говорили дерзости.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, а сумасшедшіе-то вы съ муженькомъ! Какъ вы смѣли мнѣ это сказать? Я, сударыня, дворянка... почище васъ... я не выходила въ одной рубашкѣ замужъ... не командовала своимъ мужемъ. Я не позволю ругаться надъ нашимъ семействомъ, которое васъ облагодѣтельствовало,— нищая этакая! Какъ вы осмѣлились сказать мнѣ это? Не смѣй ѣхать! Говорятъ тебѣ, Павелъ, не смѣй ѣхать. Командирша какая!.. Много ли лошадей-то привели? Клячи не дали. Франтить, туда же! Слава Богу, пріютили подъ кровлю, кормятъ... такъ нѣтъ еще...

Юлія сначала съ презрѣніемъ улыбалась; потомъ въ лицѣ ея появились какія-то кислыя гримасы, и, при послѣднихъ словахъ Перепетуи Петровны, она рѣшительно не въ состояніи была себя выдержать и, проговоря: «сама дура!», вышла въ угольную, упала на кресло и принялась рыдать, выгибаясь всѣмъ тѣломъ. Павелъ бросился къ женѣ и сталъ даже передъ нею на колѣни, но она толкнула его такъ сильно, что онъ едва устоялъ на мѣстѣ. Перепетуя Петровна, стоя въ дверяхъ, продолжала кричать:

— Вишь какъ кобенится, вишь какъ гнетъ; вставай, батюшка, на колѣни, еще пощечину дастъ; вотъ такъ, въ губу бы еще ногой-то! Таковскій...

— Ой-ой! Умираю! — кричала Юлія.

Больная, обезнокоенная крикомъ, застонала. Павелъ былъ точно помѣшанный; не помня себя, вошелъ снова въ комнату матери и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Чтобы окончательно дорисовать эту драматическую сцену, явился Михайла Николаичъ Масуровъ, весь въ мѣлу, съ взъерошенными волосами и съ выбившеюся изъ-подъ жилета манишкою. Вошелъ онъ, по обыкновенію, быстро. Первый предметъ, попавшійся ему на глаза, была лежавшая на диванѣ Юлія.

— Это что такое? — проговорилъ онъ: — вѣрно, умерла матушка? Юлія Владимировна! Юлія Владимировна, что вы такое дѣлаете?

Вслѣдъ затѣмъ Масуровъ вошелъ въ спальню матери и увидѣлъ тамъ сидѣвшаго Павла и державшагося обѣими руками за голову. Перепетуя Петровна въ это время была въ дѣвичьей и передъ лицомъ дѣвокъ ругательски-ругала ихъ молодую барыню и, запретивъ имъ строго ухаживать за ней, велѣла тотчасъ же отложить лошадей.

— Что они угорѣли всѣ, что ли? Матушка-то, кажется, жива... еще дышитъ. Павелъ Васильичъ, братецъ! Полноте, что вы тутъ дѣлаете?

— Спасите жену, она умираетъ, — проговорилъ Павелъ: — Бога ради, спасите.

Масуровъ пожалъ плечами и пошелъ къ Юліи.

— Должно-быть, угорѣли; старуху, вѣрно, оттого и схватило.

Юлія попрежнему лежала на диванѣ съ закрытыми глазами, всхлипывая и вздрагивая всѣмъ тѣломъ; по щекамъ ея текли крупныя слезы.

— Сестрица! Юлія Владимировна! Вставайте, перестаньте плакать, что это вы дѣлаете? Перестаньте гнуться, шею сломаете, — постойте, хоть я вамъ платье-то разстегну. Платье-то какое славное, видно, бальное.

Масуровъ остановился и нѣсколько минутъ посмотрѣлъ на невѣстку.

— Что жъ мнѣ съ ней дѣлать? Ей-Богу, не знаю; развѣ водой спрыснуть?.. Пожалуй, умретъ еще: никого нѣтъ, проклятыхъ.

Съ этими словами онъ вышелъ въ залу, въ лакейскую; но и тамъ никого не было изъ людей. Дѣлать было нечего, Масуровъ вышелъ на дворъ, набралъ въ пригоршни снѣгу и,

вслѣдъ затѣмъ, вернувшись къ своей паціенткѣ, началъ обкладывать ей снѣгомъ голову, лицо и даже грудь. Юлія сначала задрожала, чихнула и, открывъ глаза, начала потихоньку приподыматься. Павелъ, подглядывавшій потихоньку всю эту сцену, хотѣлъ-было, при началѣ лѣченія Масурова, выйти и остановить его; но, увидя, что жена пришла въ чувство, онъ только перекрестился, но войти не рѣшился и снова сѣлъ на прежнее мѣсто. Между тѣмъ Юлія совершенно уже опомнилась и, водя рукою по лбу, какъ бы старалась припомнить все, что̀ случилось.

— Здравствуйте, сестрица! Что̀ это такое съ вами? Я думалъ, что вы совсѣмъ ужъ умерли.

— Велите подать лошадей мнѣ, — говорила она: — я не могу здѣсь оставаться: меня скоро бить начнутъ. Скорѣй лошадей мнѣ! Онѣ заложены.

Масуровъ вышелъ и скоро вернулся.

— Лошади отложены, сестрица! — сказалъ онъ.

Юлія пожала плечами.

— Есть съ вами лошади? Дайте мнѣ вашихъ лошадей.

— У меня извозчикъ, ma soeur.

— Ничего, проводите меня.

— Извольте, сестрица, да вотъ какъ же Павелъ-то Васильичъ? Ему надобно сказать: онъ очень безпокоится.

— Пусть онъ безпокоится о своей мерзкой тетушкѣ! Дайте мнѣ салопъ; онъ въ лакейской виситъ.

Масуровъ повиновался. Юлія уѣхала.

— Куда это Юлія поѣхала? — спросилъ Павелъ, выйдя къ Масурову.

— Право, не сказала. Вотъ узна̀емъ отъ извозчика, какъ вернется. Что̀ такое у васъ вышло?

Павелъ вздохнулъ и не въ состояніи былъ ничего сказать. Явилась Перепетуя Петровна и разсказала Масурову, въ чемъ дѣло было.

Вернувшійся извозчикъ донесъ, что Юлія поѣхала къ отцу. Масуровъ еще съ полчаса пробылъ у брата и по-своему успокоивалъ его и тетку. Павлу онъ говорилъ, что это ничего, что у него Лиза первый годъ, вышедши замужъ, каждый день падала въ обморокъ, что будто бы дѣвушки, сдѣлавшись дамами, всегда бываютъ какъ-то раздражительны, чувствительны, и что только на это не надобно смотрѣть и много уважать. У Перепетуи Петровны онъ внимательно выслушалъ трижды разсказъ о злодѣйскихъ поступкахъ племянницы и вполнѣ согласился съ нею, что Юлія даже не сто̀итъ названія благородной женщины; а потомъ, объяснивъ, что онъ еще не доигралъ партію

въ бостонъ, отправился, куда ему нужно. Перепетуя Петровна осталась у сестры и говорила, что она пробудетъ у нея всю ночь и день, хоть бы отъ этого ея племянницу разорвало пополамъ, потому что для ней, Перепетуи Петровны, обязанности сестры всего дороже.

Между тѣмъ какъ происходили такого рода происшествія, Владимиръ Андреичъ сидѣлъ дома и встрѣчалъ Новый годъ одинъ. Онъ слегка страдалъ подагрой и потому, боясь простуды, не выѣзжалъ. Семейство же свое онъ не хотѣлъ лишить удовольствія и отпустилъ Марью Ивановну съ Наденькой на дворянскій балъ. Владимиръ Андреичъ былъ на этотъ разъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ только сегодня поутру получилъ письмо изъ Петербурга, извѣщавшее его, что наконецъ нашли ему тамъ мѣсто, и въ настоящее время онъ разсчитывалъ свои средства. Отъ заложеннаго въ опекунскій совѣтъ имѣнія онъ совсѣмъ хотѣлъ отступиться. Частные долги у него были всѣ по мелочи и по распискамъ. Слѣдовательно о нихъ безпокоиться было нечего. Онъ продастъ домъ, экипажи, лошадей, мебель, всю домашнюю утварь,— всего будетъ тысячъ пятнадцать,—и слѣдовательно пріѣхать въ Петербургъ и обзавестись на первый разъ будетъ у него съ избыткомъ, Наденьку сейчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ выдастъ замужъ, а Марьѣ Ивановнѣ на весь домашній расходъ будетъ давать двѣ тысячи, а остальныя двѣ тысячи на собственное удовольствіе,— недурно, право, недурно.

На этой самой мысли Владимира Андреича вошла Юлія.

— А! Ты какъ появилась? Что это значитъ, и въ бальномъ платьѣ? Отчего ты не на балѣ?

Юлія молча поцѣловала руку отца и, бросившись въ кресла, закрыла глаза платкомъ.

— Что съ тобой, Джули?— спрашивалъ удивленный и нѣсколько испуганный Владимиръ Андреичъ.

— Я не могу съ нимъ жить, папа.

— Съ кѣмъ не можешь жить?

— Съ мужемъ... Меня разругали, обидѣли... Выгнали...

Владимиръ Андреичъ сильно обезпокоился.

— Кто тебя разругалъ? Кто тебя выгналъ?

— Онъ, съ своей мерзкой теткой; она говоритъ, что я нищая, что они меня хлѣбомъ кормятъ...

При этихъ словахъ Юлія залилась слезами.

— Ей-Богу, ничего не понимаю! Перестань плакать-то, разскажи, что такое?

— Сегодня поутру...

— Ну?

— Сегодня поутру я сбиралась ѣхать на балъ, онъ — ничего... Хотѣлъ ѣхать...

— Дальше.

— Потомъ я, послѣ обѣда, поѣхала за этимъ платьемъ; пріѣзжаю, ужъ совсѣмъ не то: «я, говоритъ не могу ѣхать, матушка умираетъ»... Ну, вѣдь, знаете, папа, она каждый день умираетъ.

— Ну, конечно. Старуха полумертвая, давно бы ужъ ей пора въ Елисейскія поля! Продолжай.

— Я начала ему говорить, что это нехорошо, и что я сдѣлала платье; ну, опять ничего, согласился: видитъ, что я говорю правду. Совсѣмъ ужъ собрались. Вдругъ чортъ приноситъ этого урода толстаго, Перепетую, и кинулась на меня... Ахъ! Папа, вы, я думаю, дѣвку горничную никогда такъ не браните, я даже не въ состояніи передать вамъ. Съ моимъ-то самолюбіемъ, каково мнѣ все это слышать!

— Ну, что же онъ-то?

— Ну, что онъ... Какъ будто вы, папа, не знаете его, тюфяка; вѣдь онъ очень глупъ. Я не знаю, какъ вы этого не видите.

Владимиръ Андреичъ задумался и началъ ходить по комнатѣ.

— Во-первыхъ, тебя, стало-быть, не выгоняли, а бранилась только эта дура, Перепетуя. Отчего жъ ты сама ее не бранила?

— Я не могу, папа. Я только и назвала ее дурой. У меня грудь захватило, и сдѣлалась со мною, по обыкновенію, истерика.

Владимиръ Андреичъ снова задумался и началъ ходить большими шагами по комнатѣ.

— Все это пустяки, — произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія. — Я сейчасъ выпишу его сюда и дамъ ему хорошую головомойку, чтобъ онъ дурьей породѣ своей не позволялъ властвовать надъ женою.

— Выпишите, папа, и поговорите, чтобъ онъ просто не пускалъ въ домъ эту мерзавку-тетушку.

Владимиръ Андреичъ сѣлъ и написалъ зятю записку слѣдующаго содержанія:

«Павелъ Васильичъ! Прошу васъ покорно немедля пожаловать ко мнѣ; мнѣ нужно очень съ вами объясниться. Надѣюсь, что исполните мое желаніе.

«Доброжелатель вашъ такой-то...»

— Припиши и ты, Юлія, — сказалъ Кураевъ, подавая дочери записку.

Юлія написала:

«Павелъ! Пріѣзжай сію секунду къ папенькѣ; въ противномъ случаѣ ты никогда меня не увидишь».

Человѣкъ былъ отправленъ.

— Есть ли вамъ жить-то чѣмъ? Деньги есть ли у васъ?— спросилъ Кураевъ.

— Какія, папа, деньги! На-дняхъ пятьсотъ рублей заняли, а теперь всего двѣсти осталось. Вы ему поговорите о службѣ; служить не хочетъ.

— Отчего же онъ не хочетъ?

— Оттого, что въ Москву хочетъ ѣхать; профессоромъ, говоритъ, меня тамъ сдѣлаютъ. Какой онъ профессоръ! Я думаю, ничего и не знаетъ.

— Что жъ, ему тамъ обѣщали, что ли?

— Я не знаю. Поговорите ему, пожалуйста. Намъ скоро будетъ нечѣмъ жить совсѣмъ.

— То-то и есть поговорить... Самой надобно не малодушничать... Онъ человѣкъ добрый; изъ него можно, какъ изъ воску, все дѣлать. Изъ чего сегодня алярму сдѣлали! Очень весело судить васъ! Гдѣ нельзя силой, надобно лаской, любовью взять... Такъ вѣдь нѣтъ, намъ все хочется повернуть, чтобы сейчасъ было по-нашему. Ну, если старуха дѣйствительно умираетъ, можно было бы и пріостаться, не ѣхать, что за важность?

Юлія слушала выговоръ папеньки, потупившись.

Явился Павелъ.

— Ну, что у васъ тамъ такое? Садитесь-ка сюда, — началъ довольно ласково Владимиръ Андреичъ.

Павелъ сѣлъ и, кажется, рѣшительно не смѣлъ взглянуть на жену.

— Я васъ хочу попросить, Павелъ Васильичъ, — началъ Владимиръ Андреичъ: — пожалуйста, не позволяйте теткѣ въ вашемъ домѣ дѣлать этакихъ комедій!.. Что это такое? На что это похоже? Между благородными людьми, образованными, браниться... Фу ты, мерзость какая! Дочь моя такъ воспитана, что она рѣшительно не только не испытала на себѣ, даже не видала, не слыхала ничего подобнаго: даже не въ состояніи была передать мнѣ всѣхъ сальныхъ выраженій: у нея языкъ не поворачивается! Конечно, это происходитъ отъ невѣжества Перепетуи Петровны, такъ ваша обязанность остановить ее. Вы, кажется, человѣкъ, получившій воспитаніе. Не нравится, не ѣзди... Какая вамъ надобность въ ней?

— Она пріѣхала къ матушкѣ.

— Прекрасно! Такъ она и сиди у матушки. На васъ-то она какое имѣетъ вліяніе? До васъ ей какое дѣло? Помилуйте, въ нашемъ образованномъ вѣкѣ отцы родные не мѣшаются въ семейныя дѣла дѣтей. Ну вотъ я, скажите, пожалуйста,

мѣшался ли хоть во что-нибудь? Позволилъ ли я себѣ оскорбить васъ хоть какимъ-нибудь ничтожнымъ словомъ? Вы вѣжливы, а я еще того вѣжливѣе, и прекрасно.

Павелъ сидѣлъ потупившись и, кажется, вполнѣ соглашался съ словами Владимира Андреича, будучи самъ убѣжденъ, что Перепетуѣ Петровнѣ не въ свое дѣло не слѣдовало мѣшаться.

— Ну, что̀ матушка-то, скажите, пожалуйста, плоха?

— Очень слаба. Сейчасъ былъ докторъ и пустилъ ей кровь.

— Да, вотъ еще кстати. Я, признаться сказать, хотѣлъ съ вами давно поговорить объ этомъ, — началъ Владимиръ Андреичъ. — Что̀ вы съ собой думаете дѣлать? Отчего вы не служите?

Этотъ вопросъ очень смѣшалъ Павла.

— Я приготовляюсь на магистра-съ.

— Что жъ, вы занимаетесь? Повторяете старое, что ли, или впередъ учите?

— Ничего не дѣлаетъ, — подхватила Юлія.

— Нѣтъ еще. Я буду заниматься, — отвѣчалъ Павелъ, совершенно сконфузившись.

Съ самой свадьбы, или, лучше сказать, съ самаго сговора онъ почти не бралъ книги въ руки. Сначала, какъ мы видѣли, хлопоталъ о свадьбѣ и мечталъ о грядущемъ счастьѣ, а потомъ... потомъ... мы увидимъ впослѣдствіи, что̀ занимало умъ и сердце моего героя.

— Вотъ видите, что̀ я вижу изъ вашихъ предположеній, — разсуждалъ Владимиръ Андреичъ. — Вы еще не начали заниматься; а времени ужъ у васъ много пропущено; а слѣдовательно я полагаю, что вамъ трудно̀ будетъ выдержать экзаменъ. Это я знаю по себѣ: я тоже первые чины получалъ по экзаменамъ, такъ куда это трудно! Ну, положимъ, что вы и выдержите экзаменъ, что жъ будетъ дальше?

— Я надѣюсь получить каѳедру профессора.

— Какъ же, то-есть, васъ сейчасъ и сдѣлаютъ профессоромъ послѣ экзамена?

— Нѣтъ еще... Но большая надежда получить.

— Такъ, стало-быть, это пустяки, однѣ только надежды. Нѣтъ, Павелъ Васильичъ, на жизнь нельзя такъ смотрѣть: жизнь серьезное дѣло; пословица говорится: «Не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки». Полноте, батюшка, пріискивайте-ка здѣсь мѣсто; терять время нечего: вы теперь человѣкъ женатый. Вотъ ужъ двѣнадцать часовъ. Честь имѣю васъ поздравить съ Новымъ годомъ. Малый, дай шампанскаго! Вотъ видите, жизнь-то какова: пришелъ Новый годъ, нужно

бутылку шампанскаго, а это стоитъ двѣнадцать рублей. Вотъ жизнь-то какова!

Подали бутылку шампанскаго. Владиміръ Андреичъ заставилъ дочку выпить цѣлый бокалъ, а Павла стаканъ, и самъ тоже выпилъ стаканъ; а вслѣдъ затѣмъ, разгулявшись, предложилъ дѣтямъ еще, и самъ тоже выпилъ.

— Ну, теперь помиритесь же, да смотрите, не ссориться, жить въ любви. Юлія, поцѣлуй мужа, да крѣпче, чтобъ сердце мое родительское радовалось.

Юлія подошла къ мужу и, все-таки нехотя, поцѣловала его; но Павелъ... Вино великое дѣйствіе оказываетъ на человѣка. Онъ обхватилъ жену и началъ цѣловать ее. Напрасно Юлія толкала его въ грудь, напрасно дѣлала гримасы: онъ не выпускалъ ея и цѣловалъ ея лицо, шею и грудь.

— Браво... важно! — говорилъ старикъ: — выпьемте еще по стакану, а ты, Юлія, еще полъ-бокала, непремѣнно. Чокнемтесь!

Павелъ на этотъ разъ не заставилъ себя упрашивать, залпомъ выпилъ стаканъ и совершенно ожилъ.

— Батюшка, я сдѣлаю все, что вы прикажете. Я готовъ умереть для Юліи. Юлія, я васъ боготворю.

— А тетка гдѣ?

— Тетка у насъ.

— Я, Павелъ, не поѣду домой, если тетка у насъ,—возразила Юлія.

— Я ее прогоню, я ее въ шею вытолкаю, если хочешь.

— Въ шею толкать не слѣдуетъ, — замѣтилъ Владиміръ Андреичъ: — а напишите ей отсюда письмо, въ которомъ попросите ее убраться, куда ей угодно.

— Хоть двадцать напишу,—сказалъ Павелъ.

— И прекрасно,—сказалъ Владиміръ Андреичъ:—вотъ вамъ бумага.

Павелъ началъ писать, но, написавъ: «Милостивая государыня Перепетуя Петровна!», остановился.

— Позвольте мнѣ вамъ продиктовать,—сказалъ Владиміръ Андреичъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Кураевъ началъ:

«Давешній вашъ поступокъ, выходящій изъ всякихъ границъ приличія, поставляетъ меня въ необходимость попросить васъ немедленно удалиться изъ моего дома, въ который ни я ни моя жена, въ противномъ случаѣ, не можемъ возвратиться, опасаясь скандалезныхъ сценъ, столь неприличныхъ и невыносимыхъ для каждаго образованнаго человѣка».

Павелъ написалъ и тотъ же часъ отправилъ это письмо къ себѣ на домъ. Бешметевъ еще часа два сидѣлъ у тестя. Допили всю бутылку. Въ припадкѣ нѣжности, Павелъ далъ слово Владимиру Андреичу отказаться отъ своей мысли о профессорствѣ и завтра же начать пріискивать себѣ должность. Возвратившійся слуга донесъ, что Перепетуя Петровна, по полученіи письма, тотчасъ же уѣхала.

Павелъ, возвращаясь съ женою домой, обхватилъ ее, сверхъ обыкновенія, за талію и началъ цѣловать.

— Оставь, пожалуйста, пригласи завтра Бахтіарова у насъ обѣдать: онъ такой милый, такъ любитъ тебя!

— Оставлю, душа моя, оставлю,—чего я для тебя не сдѣлаю? Хоть это, знаешь, для меня...

— Что̀ такое?

— Такъ, ничего... Горько... Немного...

— Вотъ какія глупости выдумалъ!

Пріѣхавъ домой, они застали священника, который соборовалъ старуху.

XIII.

Всякая всячина.

Старуха умерла. Смерть ея не произвела на Павла того сильнаго впечатлѣнія, какого бы слѣдовало ожидать по его искренней къ ней любви. Герой мой думалъ о себѣ, о своемъ тяжеломъ и безотрадномъ положеніи. Несмотря на свою неопытность, онъ скоро, и очень скоро, догадался, что жена не любитъ его, что вышла за него замужъ такъ,—можетъ-быть, для того только, чтобъ сдѣлаться дамой, можетъ-быть, даже ее принудили къ тому. Павелъ проклиналъ свою недальновидность, помѣшавшую ему узнать чувства Юліи, когда она еще была невѣстой. «Что̀ теперь мнѣ дѣлать? — думалъ онъ. — Буду стараться внушить ей любовь къ себѣ, буду угождать малѣйшимъ ея желаніямъ, прихотямъ, даже капризамъ. Постараюсь ей объяснить самого себя». Утвердившись на этой мысли, Павелъ каждый день просыпался съ твердымъ намѣреніемъ высказать женѣ, какъ онъ ее любитъ, какъ онъ страдаетъ, видя ея холодность, и объяснить ей, что такимъ образомъ жить невозможно въ супружествѣ, — просить ее хоть приневоливать себя и постараться къ нему привыкнуть. Но герою моему не только не удавалось вполнѣ объясниться съ женою, но даже заговорить объ этомъ. Юлія вѣчно была занята: она то капризничала и сердилась на Павла, то хлопотала о своемъ туалетѣ, то прини-

мала гостей, или собиралась на балъ, и только иногда—что̀, можетъ-быть, случилось не болѣе двухъ или трехъ разъ — она дѣлалась какъ бы внимательнѣе къ мужу и заговаривала съ нимъ ласково. Обрадованный Бешметевъ тотчасъ приступалъ къ объясненію; но Юлія слушала его довольно невнимательно и почти всегда перебивала просьбой — дать ей денегъ, или познакомиться съ какимъ-нибудь новопріѣзжимъ молодымъ человѣкомъ.

Такъ проходили дни за днями. Павелъ, какъ робкій любовникъ, подмѣчалъ каждое слово жены, каждое движеніе, каждый взглядъ ея, и старался ихъ перетолковать въ свою пользу. «Вотъ, она, кажется, начинаетъ привыкать ко мнѣ и любить меня», — думалъ онъ; но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ кидался невольно ему въ глаза такой поступокъ Юліи, который очень ясно выказывалъ не только отсутствіе любви, но даже уваженія.

Мученія Бешметева еще не ограничивались этимъ: онъ ужъ ревновалъ Юлію къ довольно опасному человѣку, къ общему мучителю мѣстныхъ губернскихъ мужей—Бахтіарову. Губернскій левъ бывалъ у нихъ довольно часто, но съ какой цѣлью—рѣшить было трудно, потому что съ Юліей онъ былъ только вѣжливъ; но зато сама хозяйка очень много обнаруживала къ гостю вниманія. Она обыкновенно, безъ всякой скрытности, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала его пріѣзда, съ самымъ глубокимъ вниманіемъ прислушивалась къ каждому его слову, не пускала его, когда онъ сбирался ѣхать домой, и ревновала его ко всѣмъ городскимъ дамамъ. Въ его отсутствіе она старалась со всѣми говорить о немъ и приходила въ искренній восторгъ, говоря о его наружности или припоминая разсказываемые имъ анекдоты.

Незадолго до смерти старухи Бахтіаровъ сдѣлался гораздо внимательнѣе къ Юліи и началъ бывать у ней безъ Павла. Я не въ состояніи описать тѣхъ мученій, которыя переживалъ Бешметевъ. Нѣсколько разъ онъ думалъ отказать Бахтіарову отъ дома; но положитъ ли этимъ конецъ? Ему очень хотѣлось разспросить людей, что̀ дѣлаетъ Бахтіаровъ, когда бываетъ у жены въ его отсутствіе; но и этого герой мой не рѣшался сдѣлать изъ деликатности: ему казалось, что подобными разспросами онъ унизитъ и себя и Юлію.

Нечаянный пріѣздъ Лизаветы Васильевны значительно успокоилъ ревность Павла, во-первыхъ, потому, что Бахтіаровъ съ перваго же дня началъ къ нимъ ѣздить рѣже и снова сблизился съ Масуровымъ; а во-вторыхъ — Лизавета Васильевна была на этотъ разъ откровеннѣе и вполнѣ посвя-

тила Павла въ тайну своихъ отношеній къ Бахтіарову и своихъ чувствованій къ этому человѣку. Она разсказала брату, какъ губернскій левъ съ перваго ея появленія въ обществѣ началъ за ней ухаживать, какъ она сначала привыкла его видѣть, потомъ стала находить удовольствіе его слушать и потомъ начала о немъ безпрестанно думать, однимъ словомъ— влюбилась и влюбилась до такой степени, что въ обществѣ и дома начала замѣчать только его одного; всѣ другіе мужчины казались ей совершенно ничтожными, тогда какъ онъ владѣлъ всѣми достоинствами: и умомъ, и красотою, и образованіемъ, а главное—онъ былъ очень несчастливъ, онъ очень много страдалъ прежде, а теперь живетъ на свѣтѣ съ растерзаннымъ сердцемъ, не зная, для кого и для чего. Съ юныхъ лѣтъ онъ хотѣлъ быть чѣмъ-то выше посредственности и, можетъ-быть, достигнулъ бы этого; но люди и страсти испортили его на первыхъ порахъ. Вотъ въ чемъ увѣрялъ ее Бахтіаровъ и просилъ у ней сочувствія, просилъ ее врачевать его больное сердце своею юною любовью. Лиза сочувствовала, тѣмъ болѣе, что все это такъ возможно, такъ походитъ на многихъ героевъ романовъ, которые она читала. Предусмотрительная Перепетуя Петровна замѣтила любовь племянницы къ Бахтіарову и довольно тонко начала съ того, что ласково вошла съ нею въ искреннее объясненіе по этому предмету. Довѣрчивая Лиза призналась теткѣ, что Бахтіаровъ говорилъ ей о любви своей, и что она сама его тоже любитъ. Старая дѣвушка, услышавъ, какой опасности подверглась ея племянница, всплеснула руками и подняла на цѣлый домъ тревогу: разбранила не слишкомъ деликатно Лизу за ея будто бы безнравственные поступки и, призвавъ сестру и зятя, торжественно объявила имъ, что дочь ихъ погибла, потому что ее поймалъ въ свои сѣти модникъ Бахтіаровъ. Старики перепугались и уже всѣмъ хоромъ принялись бранить Лизу, толкуя ей каждый по-своему, что мужчина имѣетъ право говорить о любви только невѣстѣ; если же онъ скажетъ это не невѣстѣ, то тотчасъ же долженъ сдѣлать предложеніе; въ противномъ случаѣ онъ низкій человѣкъ и ищетъ только одной погибели дѣвушки. Въ примѣръ приведена была какая-то Машенька Жилова, которую увезъ музыкальный учитель и потомъ бросилъ, а это уморило старика ея отца, уморило потомъ и ее самоё. Лиза плакала въ продолженіе всѣхъ этихъ выговоровъ, плакала и остальной весь день, а къ вечеру написала Бахтіарову письмо, въ которомъ, пересказавъ о случившемся, просила его на другой же день сдѣлать ей предложеніе и успокоить папеньку, маменьку и ее. На это

письмо Бахтіаровъ на другой день прислалъ самый страстный отвѣтъ, въ которомъ, проклиная судьбу, признался, что онъ жениться не можетъ, потому что женатъ, но умолялъ Лизу любить его попрежнему и не проклинать его. Лиза цѣлую недѣлю послѣ этого открытія не осушала глазъ; но видѣть Бахтіарова уже болѣе не хотѣла. Каждодневные визиты, дюжина самыхъ страстныхъ писемъ, даже нѣсколько ночныхъ прогулокъ подъ окнами со стороны губернскаго льва остались безъ всякаго успѣха. Ему не удавалось ни видѣться ни поговорить съ m-lle Бешметевой. Родственная Перепетуя Петровна, чтобы окончательно исправить бѣду, не замедлила пріискать для племянницы жениха въ особѣ Михайлы Николаича Масурова. Старики согласились; Лиза тоже согласилась, и чрезъ недѣлю была сыграна свадьба, а чрезъ мѣсяцъ молодые супруги уѣхали въ дальнее имѣніе Масурова, въ которомъ, по его словамъ, было три каменныя усадьбы.

Лизавета Васильевна не переставала любить Бахтіарова. Мужа она не уважала. Встрѣчу ея съ Бахтіаровымъ и дальнѣйшую тактику съ той и другой стороны мы видѣли уже прежде. Въ деревню уѣхала Лизавета Васильевна послѣ свиданія съ теткою, отъ которой она узнала всѣ городскіе толки; но, кажется, главною причиною ея отъѣзда было то, что бѣдная женщина стала очень бояться самоё себя. Живя въ деревнѣ, она приходила въ состояніе полнаго отчаянія: ходила въ весеннее время по сырой землѣ въ однихъ башмакахъ, съ цѣлью получить горячку, ѣздила верхомъ на невыѣзженныхъ лошадяхъ, и — вотъ теперь разстроила свое здоровье совершенно. Бахтіаровъ писалъ къ ней нѣсколько писемъ, надъ которыми плакала она по цѣлому дню, но не допускала себя прочитать ихъ и даже нераспечатанными отправляла обратно. Но теперь она чувствуетъ себя болѣе способною владѣть собою и не допустить Бахтіарова заговорить съ нею о любви; но не видѣть его совершенно — у ней недостаетъ силъ.

Вотъ что̀ разсказала Павлу Лизавета Васильевна.

Что̀ касается до Юліи, то она въ настоящее время тоже страдала не менѣе другихъ. Лишенная правильнаго, или, лучше сказать, всякаго нравственнаго воспитанія, она имѣла свой идеалъ мужа, къ которому, конечно, никакимъ образомъ не могъ подходить неуклюжій и неловкій въ обращеніи Павелъ. Внутреннихъ его достоинствъ, которыя бы могли составить счастье другой женщины, Юлія не могла ни понять ни оцѣнить. Она вышла замужъ, главное, затѣмъ, что этотъ бракъ выгоденъ. Но и въ этомъ отношеніи она ошиблась: Павелъ

былъ не богатъ и не чиновенъ. Часто она проплакивала почти цѣлыя ночи послѣ встрѣчи въ обществѣ съ другою какою-нибудь молоденькой дамой въ богатомъ, нарядномъ платьѣ, пріѣхавшею шестерней въ каретѣ, съ чиновнымъ, но не старымъ еще мужемъ, съ которымъ обходятся за панибрата всѣ сильные въ губерніи. Но еще невыносимѣе были для нея слухи о новыхъ партіяхъ, дѣлаемыхъ ея сверстницами, которыя, какъ она была убѣждена, не стоили ея башмака, а между тѣмъ выходили за красивыхъ и богатыхъ людей. Кромѣ того, она, какъ мы знаемъ, была влюблена, еще въ дѣвушкахъ, въ того же счастливца Бахтіарова, который такъ жестоко оскорбилъ ея самолюбіе своимъ невниманіемъ. Выходя замужъ, она думала досадить губернскому льву, быть съ нимъ какъ можно холоднѣе и ласкаться въ его присутствіи къ Павлу. Все это легко бы было исполнить для Юліи, потому что Бахтіаровъ бывалъ у нихъ довольно часто. Но вышло совсѣмъ иначе: въ присутствіи его она дѣлалась еще холоднѣе къ мужу и какъ бы невольно заговаривалась съ гостемъ и по цѣлымъ часамъ не спускала съ него глазъ, а недѣли черезъ двѣ уже рѣшительно убѣдилась, что она обожаетъ этого человѣка, и дала себѣ слово употребить всѣ средства, чтобы и его заставить полюбить себя. Юлія начала дѣйствовать безъ всякой осторожности: видимо, старалась остаться съ Бахтіаровымъ наединѣ, заговаривала съ нимъ о любви. Однажды, въ бесѣдѣ tête-à-tête, Бахтіаровъ молча и довольно нецеремонно взялъ у Юліи руку и поцѣловалъ ее. М-me Бешметева хотѣла-было разсердиться, но франтъ посмотрѣлъ на нее такимъ убѣдительнымъ взоромъ, что она только вздохнула. Пріѣхавшая въ это время съ визитомъ одна почтенная дама прервала эту сцену. Уѣзжая, Бахтіаровъ спросилъ у Юліи, когда она будетъ дома одна.

— Послѣзавтра поутру,—отвѣчала она.

Въ продолженіе этихъ двухъ дней Юлія одумалась и дала себѣ слово держать Бахтіарова въ почтительномъ отдаленіи и только влюбить его въ себя и заставить его, на досаду прочимъ дамамъ, предпочтительно передъ всѣми заниматься ею одною въ обществѣ. Въ назначенный день она приняла его въ гостиной, съ умысломъ растворивъ дверь въ сосѣднюю комнату, въ которой сидѣла горничная и что-то шила. Бахтіаровъ замѣтилъ эту предосторожность и съ кислою гримасою усѣлся противъ Юліи. Разговоръ начался на французскомъ языкѣ. Юлія, въ сильномъ волненіи, призналась льву, что она его давно любитъ, но любовью чистою, что будто бы его не любила такъ ни одна женщина. Бахтіаровъ былъ совершенно

спокоенъ и только немного скученъ; впрочемъ, онъ увѣрилъ Юлію, что онъ тоже ее любитъ давно, но жениться на ней не могъ по одной тайной причинѣ, холоденъ съ нею былъ потому, что боялся увлечься безполезною страстью.

Пріѣздъ Лизаветы Васильевны измѣнилъ ходъ происшествій, потому что измѣнилъ совершенно Бахтіарова, который сталъ гораздо рѣже ѣздить къ Бешметевымъ и цѣлые дни попрежнему проспиживалъ у Масуровыхъ; съ Юліей же онъ болѣе не заговаривалъ о любви.

Истинно страдала бѣдная Юлія, терзаемая досадою, любовью, обиженнымъ самолюбіемъ и ревностью. Не видя почти цѣлую недѣлю Бахтіарова, она рѣшилась написать ему письмо на французскомъ языкѣ, которое и имѣю честь представить въ переводѣ:

«Что ты со мною сдѣлалъ? Я плачу, я умираю, я чувствую всѣ муки ада, потому что не вижу тебя. Если ты меня не любишь, скажи мнѣ, умертви меня, и я тебя буду благословлять, потому что теперь я умираю каждую минуту. О, приди, приди! Дай мнѣ тебя видѣть, пересказать тебѣ все, что я чувствую! А если нѣтъ... я умру. Видишь, я забываю стыдъ, самолюбіе, и пишу къ тебѣ. Вся твоя».

Юлія въ этомъ письмѣ хотѣла поразить Бахтіарова силою страсти, но ни подозрѣнія, ни ревности, ни самолюбія не хотѣла высказать. Павелъ въ этотъ день на весь вечеръ ушелъ къ сестрѣ. Юлія отправила письмо съ своей преданной горничной, которая, впрочемъ, забѣжавъ въ кухню, не преминула разсказать прочей братіи, что барыня послала ее съ какою-то записочкой къ Бахтіарову. Отправивъ свое посланіе, Юлія, въ ожиданіи отвѣта, безъ преувеличенія, начала переживать муки ада. Ей вдругъ сдѣлалось стыдно и страшно своего поступка. Что, если Бахтіаровъ не любитъ ея и только обманываетъ? Что, если онъ будетъ показывать это письмо своимъ знакомымъ и объ этомъ узнаетъ весь городъ и папенька Владиміръ Андреичъ? Юлія расплакалась и молила Бога, чтобъ ея посланіе какимъ-нибудь образомъ не дошло по своему назначенію. Она рѣшилась даже уѣхать къ отцу, пробыть у него цѣлый вечеръ; но... Бахтіаровъ явился. Юлія задрожала; она даже была не въ состояніи отвѣчать на его обычное привѣтствіе и сидѣла, какъ уличенная преступница.

— Вы желали меня видѣть, — сказалъ онъ, усаживаясь очень близко около хозяйки.

Юлія была не въ состояніи ничего отвѣчать.

— Вы любите меня, — продолжалъ онъ, беря ее за руку.

Юлія потихоньку выдернула руку и отодвинулась; но Бахтіаровъ опять взялъ ея руку.

— А вы такъ меня не любите, вы меня обманываете, — проговорила она со слезами на глазахъ.

— Съ чего же вы это взяли? Я васъ очень люблю, — проговорилъ левъ и хотѣлъ взять Юлію за талію.

Но она быстро встала и перешла на другой конецъ комнаты.

— Я не хочу, чтобы вы такъ любили меня, — сказала она.

— Какъ же вы хотите? — спросилъ Бахтіаровъ.

— Я хочу, чтобъ вы меня любили, какъ братъ, какъ другъ; чтобъ вы только гуляли со мной, говорили; мы станемъ вмѣстѣ читать, заниматься музыкой. Я васъ люблю чистою любовью.

На словѣ «чистая любовь» Бахтіаровъ сдѣлалъ гримасу.

— Adieu, madame, — проговорилъ онъ, взявшись за шляпу.

Юлія взглянула ему въ глаза.

— Куда же вы? — спросила она.

— Куда-нибудь, — отвѣчалъ франтъ. — Я не могу васъ видѣть, я не долженъ даже васъ видѣть, потому что я слишкомъ страстенъ, слишкомъ люблю васъ. Въ письмѣ вашемъ вы гораздо болѣе обнаружили чувствъ: стало-быть, вы меня обманывали...

— Нѣтъ, я писала, что̀ чувствовала, ты самъ это очень хорошо знаешь.

— Adieu, madame, — проговорилъ опять Бахтіаровъ.

— Постой, выслушай меня, — сказала Юлія, взявъ его за руку: — развѣ это не любовь, что я о тебѣ только и думаю, что ты для меня я не знаю что̀ такое?

— Право? — спросилъ Бахтіаровъ.

Пріѣхавшій отъ сестры Павелъ остановилъ дальнѣйшее развитіе ихъ объясненій. Бахтіаровъ успѣлъ уже пересѣсть въ почтительное отдаленіе отъ хозяйки. Разговоръ не начинался; всѣмъ было неловко.

Павелъ на этотъ разъ почти не обратилъ никакого вниманія на то, что засталъ губернскаго льва наединѣ съ женою. Онъ думалъ о бѣдной Лизаветѣ Васильевнѣ, которая разсказала ему, что Бахтіаровъ пересталъ къ нимъ ѣздить и прислалъ къ ней письмо, которое она, противъ собственной своей воли, приняла и прочитала. Бахтіаровъ писалъ, что онъ отказывается отъ свиданія съ нею, потому что страсть его возрастаетъ съ каждымъ днемъ; что онъ ужъ долѣе не въ состояніи владѣть собою и готовъ, несмотря на ея холодность, при ея мужѣ броситься къ ея ногамъ и молить о любви. Послѣ этого письма Бахтіаровъ цѣлую недѣлю не бывалъ у нихъ. Лизавета Васильевна говорила, что она ужъ привыкла не видѣть его; что Бахтіаровъ сдѣлалъ это потому, что благороденъ и не хочетъ погубить ее. Сказавъ это, бѣдная женщина расплакалась и проплакала цѣлый вечеръ.

XIV.

Соперницы.

Кураевъ наконецъ уѣхалъ въ Петербургъ, а Павелъ опредѣлился на службу. Случилось это слѣдующимъ образомъ: Владиміръ Андреичъ, какъ мы видѣли еще въ первой главѣ, совѣтовалъ зятю, не разсчитывая на профессорство, опредѣлиться къ должности, а потомъ началъ убѣждать его сильнѣе и даже настаивать, говоря Павлу, что семейный человѣкъ не то, что холостой, — онъ долженъ трудиться каждую минуту и не имѣетъ никакого права терять цѣлые годы для слишкомъ невѣрныхъ надеждъ, что семьянину даже неприлично сидѣть, какъ школьнику, за учебникомъ.

— Павелъ Васильичъ, — говорилъ Владиміръ Андреичъ своимъ внушительнымъ голосомъ: — мы вамъ отдали дочь не для того, чтобы она терпѣла нужду; тѣмъ болѣе, отчего проистекаетъ эта нужда? Извините меня: просто отъ вашей лѣности. Что вы теперь дѣлаете? — Ничего! Я вамъ долженъ прямо сказать: вы не можете быть профессоромъ; вы, вѣрно, уже все перезабыли; но вы можете, и по вашимъ способностямъ и по вашему воспитанію, быть хорошимъ чиновникомъ. Полноте, милый мой, выкиньте изъ головы ваши бредни и завтра же поѣдемте со мной къ доброму и почтенному Назанову; онъ васъ полюбитъ и выведетъ въ люди.

Павелъ не возражалъ тестю, потому что въ словахъ Владиміра Андреича, пожалуй, было много и правды. Грустно и тошно сдѣлалось моему герою, когда онъ попристальнѣе вгляднулся въ самого себя и свое положеніе: заниматься науками онъ дѣйствительно не могъ; для чего же онъ трудился десять лѣтъ? Чѣмъ вознаграждены эти труды? Въ обществѣ онъ до сихъ поръ не имѣетъ никакого значенія, а въ домашней жизни... Въ домашней жизни онъ могъ бы быть счастливъ, но Юлія, жестокая Юлія, она рѣшительно не любитъ его, она не можетъ даже выслушать его, когда онъ начнетъ ей говорить о самомъ себѣ или даже о чемъ бы то ни было, не говоря уже о томъ счастьѣ, которое могло бы возникнуть изъ взаимной любви, дружескихъ вечернихъ бесѣдъ, изъ этой обоюдной угодливости и проч. и проч. Ничего этого не было, а между тѣмъ нужда, этотъ бичъ даже счастливыхъ супруговъ, начала уже ощутительно показываться въ ихъ жизни. Деньги были всѣ прожиты, надѣлано тысячи три долговъ, карета сломалась, одну лошадь совершенно испортили, — все бы это слѣдовало исправить; а на что? Денегъ всего пятьдесятъ

рублей, которыхъ едва достанетъ на недѣлю. «Богъ съ нимъ, съ профессорствомъ, — рѣшилъ Павелъ: — опредѣлюсь на службу и стану трудиться».

Здѣсь я долженъ замѣтить, что при этихъ размышленіяхъ Павлу, несмотря на всю его неопытность въ практической жизни, невольно пришло въ голову: отчего Владиміръ Андреичъ самъ ничего не далъ за дочерью, почему всѣ заботы складываетъ на него, а въ то же время рѣшительно не оцѣниваетъ ни его благородства ни его любви къ Юліи; что Владиміру Андреичу слѣдовало бы прежде внушить дочери, чтобы она любила и уважала мужа, а потомъ ужъ и отъ него требовать строгаго и предусмотрительнаго исполненія обязанностей семьянина.

Но, какъ бы то ни было, Павелъ рѣшился служить и на другой же день объявилъ о своемъ намѣреніи тестю. Тотъ сейчасъ же свезъ его къ Назанову, занимавшему довольно значительное мѣсто, который собственно изъ одного расположенія къ Владиміру Андреичу, послѣ нѣсколькихъ недѣль испытанія и приготовленія, далъ ему мѣсто столоначальника. Павелъ началъ работать неутомимо: написанные имъ доклады и бумаги невольно кидались въ глаза отчетливостью, краткостью и ясностью изложенія; дѣла принятаго имъ стола пошли гораздо быстрѣе и правильнѣе; однимъ словомъ, въ какіе-нибудь два или три мѣсяца Бешметевъ успѣлъ заслужить, что̀ называется, канцелярскую славу; начали даже поговаривать, что врядъ ли начальство не готовитъ его въ секретари. Всѣ эти служебные подвиги герой мой совершалъ съ величайшимъ усиліемъ надъ самимъ собою, или, лучше сказать, надъ своимъ сердцемъ. Онъ былъ привыченъ и способенъ ко всякому занятію, но трудно было ему просиживать почти цѣлые дни, не видавшись съ Юліей: онъ не зналъ, что̀ она дѣлаетъ, а главное, его мучило подозрѣніе, не сидитъ ли у ней Бахтіаровъ. Какъ бы желая разсѣять себя, онъ еще прилежнѣе и внимательнѣе начиналъ работать, цѣлое утро, цѣлый вечеръ — до поздней ночи. Возвращаясь домой, находилъ Юлію постоянно печальною и чѣмъ-то разстроенною. Она тоже боролась съ своимъ сердцемъ. Бахтіаровъ сдержалъ свое слово и не бывалъ у нихъ. М-me Бешметева ровно двѣ недѣли не давала воли этому бѣдному сердцу и только посылала къ Бахтіарову то за книгами, то за нотами, который все это присылалъ къ ней, но самъ не являлся. Наконецъ въ ней не стало больше силы не видѣть его; она написала къ нему письмо, въ которомъ умоляла его прійти къ ней. Посланіе это отправлено было съ тою же горничной.

Поутру въ этотъ день случилось одно ничтожное и неважное происшествіе, имѣвшее, какъ увидитъ читатель, довольно важное послѣдствіе. Юлія сбиралась ѣхать съ визитами и велѣла себѣ, между прочимъ нарядомъ, подать тюлевый воротничокъ, который и былъ поданъ; но оказалось, что надѣть этого воротничка не было никакой возможности, потому что онъ скверно вымытъ и еще хуже того выутюженъ. Юлія Владимировна очень разсердилась на горничную, которая, въ оправданіе свое, донесла госпожѣ, что воротничокъ этотъ мыла не она, а ключница Марѳа. Юлія Владимировна позвала Марѳу и спросила ее, какъ она смѣла такъ скверно вымыть. Старая и почтенная ключница, очень обижавшаяся тѣмъ, что ее заставляютъ, какъ простую прачку, полоскать всякую дрянь, объяснила, что она лучше мыть не умѣетъ, и что уже она стара, и потому съ нея грѣхъ спрашивать, какъ съ молоденькой. Юлія, конечно, еще болѣе разсердилась за подобную дерзость и закричала на Марѳу, говоря, что она ее заставитъ мыть хорошо, и назвала ее, въ заключеніе своего монолога, мерзавкою. Марѳа, съ своей стороны, тоже очень разсердилась и возразила госпожѣ, что она не мерзавка, что ее никогда такъ не называла — царство небесное! — старая барыня, и что отчего-де Юлія Владимировна не спрашиваетъ ничего съ своего приданаго человѣка, который будто бы уже скоро очумѣетъ отъ сна, а требуетъ только съ людей барина, и что лучше бы-де привести съ собою молодыхъ горничныхъ да и распоряжаться ими.

— Вонъ пошла, скверная! — закричала Юлія Владимировна и плюнула. — Ахъ, ты, негодная! Сегодня же заставлю Павла Васильича наказать тебя! Вонъ пошла, тебѣ говорятъ, — выгоните ее вонъ.

Марѳа, не переставая говорить и расплакавшись, ушла въ дѣвичью, ворчала цѣлое утро и не явилась даже къ столу, говоря, что она оплеванная, а въ вечеру отправилась къ людямъ Лизаветы Васильевны. Юлія Владимировна была вспыльчива, но не зла. Когда возвратился Павелъ, она даже забыла разсказать ему про грубость Марѳы, и, кажется, тѣмъ бы все и должно было кончиться; но Марѳа сидѣла очень долго у прислуги Лизаветы Васильевны, жаловалась на барыню, разсказывала утреннее происшествіе и къ слову разсказала много кой-чего еще и другого, а именно: что баринъ хоть ничего и не видитъ, а барыня-то пришаливаетъ съ высокимъ бариномъ, съ Бахтіаровымъ, что у нихъ переписка, что все будто бы за книжками посылаетъ свою приданую дуру. Анъ дѣло-то не то: вотъ и сегодня отправлена къ нему записочка. Петрушка своими глазами видѣлъ въ щелку, какъ они цѣловались.

— Вѣдь въ него и наша-то влюблена, — замѣтила горничная Лизаветы Васильевны на слова Марѳы и вечеромъ, раздѣвая барыню, никакъ не утерпѣла, чтобы не разсказать ей новости, сообщенной Марѳою, и съ нѣкоторыми даже прибавленіями. Лизавета Васильевна, выслушавъ весь этотъ разсказъ, сначала вспыхнула, а потомъ страшно поблѣднѣла, какъ будто бы вся кровь бросилась къ сердцу.

— Кто же это тебѣ наболталъ? — спросила она.

— Ключница ихняя. Она не станетъ врать. Сегодня цѣлый вечеръ сидѣла у насъ и все, все, что ни есть, разсказала.

— Да отчего же они знаютъ, что у нихъ переписка?

— Ну, какъ, матушка, не знать! Вотъ и сегодня послала свою горничную опять съ записочкою.

— И сегодня? — едва могла выговорить Масурова.

— И сегодня, — отвѣчала горничная. — А этта такъ все за книжками будто бы посылала къ нему, раза по два въ день. Ну, а ужъ извѣстно, какія книжки-то.

— Все это пустяки; у меня не смѣйте никому болтать, — проговорила Лизавета Васильевна и выслала горничную отъ себя.

Нѣсколько минутъ она не могла прійти въ себя, — такъ поразила ее сообщенная горничною новость. «Неужели это правда? — думала она: — неужели Бахтіаровъ обманывалъ ее? Неужели онъ такой интриганъ,—онъ, который былъ при ней всегда такъ холоденъ со всѣми другими женщинами? Неужели онъ влюбленъ въ Юлію и интригуетъ съ нею? Нѣтъ, этого не можетъ быть: они изъ пустяковъ обыкновенно выводятъ свои заключенія. Можетъ-быть, она такъ только привѣтлива съ нимъ, какъ хозяйка; но эта переписка? Прислугѣ не придетъ въ голову выдумать о перепискѣ». Вотъ что думала Лизавета Васильевна, а между тѣмъ сердце ея разрывалось на части. Сила любви, говоритъ Жоржъ-Зандъ, заключена въ насъ самихъ и никакъ не обусловливается достоинствомъ любимаго человѣка, котораго мы сами украшаемъ изъ собственнаго воображенія и такимъ образомъ любимъ въ немъ свой призракъ. Лизаветѣ Васильевнѣ Бахтіаровъ казался чѣмъ-то выше всѣхъ другихъ людей. Отторгнувшись отъ его исканій еще до замужества своего, отторгаясь и теперь отъ нихъ, вслѣдствіе нравственнаго инстинкта, она все-таки не переставала любить и уважать его. Въ своихъ отношеніяхъ съ нимъ она видѣла что-то поэтически-прекрасное; она воображала, что они оба страдальцы, родные по душѣ, но отторгнутые обстоятельствами, хотя и должны жить далеко другъ отъ друга, но съ непрестанною мыслью одинъ о другомъ, съ вѣчною и

неизмѣнною любовью. Вотъ что она думала прежде; но что же выходитъ теперь: онъ обманывалъ ее, какъ обманывалъ другую, третью. Можно ли, любя одну, интриговать съ другою? Въ состояніи ли, напримѣръ, она не только полюбить другого мужчину, но—Боже мой! — даже подумать о другомъ, кромѣ него, тогда какъ онъ, можетъ-быть, теперь, въ эту минуту, счастливъ съ другою, съ которою смѣется надъ нею и надъ ея любовью? Напрасно разсудокъ говорилъ бѣдной женщинѣ, что это не должно ее безпокоить, что, отторгнувшись отъ Бахтіарова, она не имѣетъ никакого права обязывать его, какъ мужчину, на вѣрность, что это даже лучше, потому что предохранитъ ее самоё навсегда отъ паденія. Но сердце не слушало, оно тосковало, грустило и ревновало. Пріѣхалъ Михайла Николаичъ и, какъ обыкновенно, немного пьянъ; онъ началъ-было длинный разсказъ о томъ, что кто-то, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, прибилъ кого-то стуломъ. Но Лизавета Васильевна, ссылаясь на болѣзнь, просила мужа итти въ свою комнату. Тотъ ушелъ, но только не въ свою комнату, а велѣлъ заложить лошадь и опять куда-то уѣхалъ.

На другой день поутру, часу въ двѣнадцатомъ, Масурова отправилась къ брату. Я не могу здѣсь умолчать о томъ, что единственной причиною этой поѣздки былъ разсказъ горничной дѣвки. «Я, вѣрно, застану его у нея,—думала Лизавета Васильевна:—а если нѣтъ, то нарочно буду заговаривать о немъ и увижу, какъ она будетъ себя вести». Пріѣхавъ къ Бешметевымъ и увидя у крыльца лошадь Бахтіарова, она тихо прошла лакейскую, въ которой никого не было, и еще осторожнѣе пошла по залѣ. Дверь въ гостиную была притворена, и оставалось небольшое отверстіе. Лизавета Васильевна не могла утерпѣть и, не входя въ комнату, заглянула въ щель. Всѣ сомнѣнія рушились: Бахтіаровъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ Юліей, которая одною рукой, опирающеюся на столъ, поддерживала свою голову, а другою держала затянутую въ перчатку руку льва. Она была грустна и въ замѣтномъ волненіи. Что же касается до Бахтіарова, то онъ тоже смотрѣлъ довольно пристально на Юлію, но съ какимъ именно выраженіемъ — Масурова не могла уже замѣтить, потому что сама едва удержалась на ногахъ. Дрожащими руками схватилась она за косякъ двери и нѣсколько минутъ пробыла какъ бы въ безсознательномъ состояніи. Придя нѣсколько въ себя, она отошла отъ двери, начала довольно громко кашлять и съ этими уже предосторожностями вошла въ гостиную. При входѣ ея, хозяйка сидѣла у окна за пяльцами, Бахтіаровъ оставался на прежнемъ мѣстѣ. Юлія въ смущеніи поздоровалась съ сестрой

мужа и просила ее сѣсть. Нѣсколько минутъ продолжалось странное молчаніе.

— А братъ гдѣ? — спросила наконецъ Лизавета Васильевна.

— Онъ на службѣ, — отвѣчала Юлія. — Какъ теперь ваше здоровье?

— Мнѣ лучше.

Здѣсь разговоръ прекратился на нѣсколько минутъ.

— Какъ здоровье Михайлы Николаича?

— Онъ здоровъ.

И опять разговоръ прекратился.

— Какое у васъ миленькое платье! Гдѣ брали?

— У Кривоногова.

— У него всѣ товары со вкусомъ.

— Нельзя сказать!

Опять молчаніе, которое прервала уже Лизавета Васильевна.

— Что вы теперь подѣлываете?—спросила она.

— Ничего особеннаго, вышиваю подушку.

— А я такъ ужасно скучаю: книгъ совершенно нѣтъ. Вы, я слышала, ma soeur, берете книги у Александра Сергѣича,— сказала Лизавета Васильевна, указавъ глазами на Бахтіарова.

При этомъ намекѣ Юлія вся вспыхнула. Что же касается до губернскаго льва, то въ первую минуту онъ надулся, но потомъ на устахъ его появилась улыбка, какъ будто бы ему былъ пріятенъ намекъ Масуровой. Возобновившійся потомъ, послѣ продолжительнаго молчанія, разговоръ также какъ-то не вязался, но зато очень много говорили глаза: Бахтіаровъ, не говорившій почти ни слова, нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на Лизавету Васильевну, которая, видно, была не въ состояніи вынести его взгляда и потупилась; Юлія, повидимому, глядѣвшая на свою работу, въ то же время прилежно слѣдила за Бахтіаровымъ и, поймавъ его продолжительный взглядъ на Масурову, посмотрѣла на него съ нѣмымъ укоромъ. Губернскій левъ тотчасъ началъ глядѣть на потолокъ. Лизавета Васильевна, съ своей стороны, тоже все видѣла и наконецъ встала.

— Куда же вы? — спросила Юлія тѣмъ тономъ, которымъ обыкновенно говорятъ хозяева гостямъ, когда искренно желаютъ, чтобы они поскорѣе убирались во-свояси.

— Домой. Дѣти одни. Прощайте ma soeur, adieu, m-r, — проговорила Масурова и уѣхала.

Во всей этой сценѣ Масурова, какъ мы видѣли, по возможности владѣла собою. Но, когда она возвратилась домой, силы ее оставили: блѣдная, истерзанная, упала она на кресло и долго сидѣла въ такомъ положеніи, а потомъ позвала - было

къ себѣ Костю, игравшаго у окошка бумажною лошадкою, хотѣла ласкать его, заговаривала съ нимъ, но все напрасно,— слезы невольно текли по щекамъ ея. «Господи!»—проговорила она, оттолкнула отъ себя ребенка и ушла въ свою комнату. Пріѣхалъ Михайла Николаичъ и не могъ добиться отъ жены ни одного слова. Она сидѣла задумавшись и, кажется, рѣшительно не понимала и не видѣла, что происходитъ вокругъ нея.

По отъѣздѣ Масуровой Бахтіаровъ и Юлія нѣсколько минутъ молчали.

— Она все знаетъ,—сказала, вздохнувъ, Бешметева.—Вотъ видишь ли,—продолжала она, устремивъ на Бахтіарова нѣжный взоръ: — что я еще сдѣлала? — ничего, а между тѣмъ злые люди клевещутъ на меня. Но я теперь спокойна, совѣсть меня не укоряетъ; если бы даже и папенька узналъ, я бы и тому сказала, что я люблю тебя, но люблю благородною любовью. Я не понимаю, что у васъ, мужчинъ, за страсть отнимать у женщинъ спокойствіе души, дѣлая изъ нихъ — чистыхъ и прекрасныхъ—какихъ-то гадкихъ существъ, которыхъ вы сами будете послѣ презирать.

Бахтіаровъ не обратилъ, кажется, должнаго вниманія на этотъ прекрасный монологъ, потому что занятъ былъ какими-то собственными соображеніями, и при послѣднихъ словахъ онъ всталъ и взялся за шляпу.

— Куда же?—спросила Юлія.

— Нужно. Надо поздравить одного именинника,—отвѣчалъ левъ.

— Опять меня оставляешь! Богъ съ тобой!

— Нужно. Увидимся.

— Скоро?

– Скоро.

— Постой, два слова. Было у тебя что-нибудь съ Масуровой?

— Рѣшительно ничего.

— Лжете вы, m-r. Она въ васъ влюблена по уши, а теперь ревнуетъ.

— Ты думаешь?

— А ты не видишь будто бы... Охъ, какой ты хитрецъ!

— Adieu,— проговорилъ франтъ и, какъ бы желая загладить свою холодность, взялъ руку Юліи и крѣпко поцѣловалъ ее...

Долго, очень долго смотрѣла Юлія вслѣдъ ему и потомъ въ раздумьѣ сѣла за пяльцы, но не могла вышивать, потому что въ подобномъ состояніи только для вида садилась за работу.

Между тѣмъ Бахтіаровъ пріѣхалъ домой. Здѣсь я считаю себя обязаннымъ представить читателю моему тотъ монологъ, который произнесъ онъ самъ съ собою, ходя взадъ и впередъ по своей залѣ. «Чудная эта женщина — Масурова,—думалъ онъ:—какія у ней прекрасныя манеры! Насколько она лучше этой Бешметевой! А эта, рѣшительно, дрянь: въ каждомъ словѣ, въ каждомъ ея движеніи такъ и лѣзетъ въ глаза провинціей; покуда молчитъ, еще ничего... свѣжа... грудь хорошо развита... и, должно-быть, довольно страстная женщина... Но Масурова... чортъ знаетъ, что за женщина. Вотъ три года какъ я за ней ухаживалъ, и какъ она себя выдерживаетъ. Не можетъ же быть, чтобы это было одно кокетство. Ну, а если это проистекаетъ изъ нравственнаго чувства, изъ какого-то прирожденнаго благородства? Но страннѣе всего, я самъ съ нею теряюсь, я не могу быть ни рѣшительнымъ ни настойчивымъ, дѣлаюсь какимъ-то приторнымъ вздыхателемъ, то-есть отъявленнымъ дуракомъ. Сегодня она рѣшительно ревнуетъ. Давно бы мнѣ схватиться за эту мысль. Притворюсь спокойнымъ, заведу у ней подъ носомъ интригу, а женщины изъ ревности, что̀ въ переводѣ значитъ—изъ самолюбія, рѣшаются на все. Интереснѣе всего, что и эта госпожа Бешметева толкуетъ о какомъ-то идеализмѣ».

Затѣмъ губернскій левъ еще глубже началъ вглядываться въ свое сердце, и нижеслѣдующія мысли родились въ его головѣ:—«Я просто ее люблю, какъ не любилъ ни одной еще въ мірѣ женщины. Какъ иначе объяснить, что я по цѣлымъ вечерамъ припоминаю то время, когда она была еще дѣвушкой? Что̀ это было за умное и милое существо! Какъ былъ я счастливъ, просиживая у нихъ, въ ихъ душныхъ комнатахъ, цѣлые дни и наслаждаясь только тѣмъ, что глядѣлъ и любовался на нее! Даже теперь я женился бы на ней и, право, былъ бы, по возможности, счастливъ. Мой расчетъ вѣренъ; какая, и въ настоящемъ своемъ положеніи, она нѣжная мать и терпѣливая жена».

Результатомъ этихъ размышленій было то, что Бахтіаровъ рѣшился ѣхать къ Масуровымъ.

Время до 7 часовъ показалось ему очень долго: онъ безпрестанно глядѣлъ на часы и наконецъ, не дождавшись, отправился въ шесть съ половиною. Въ расчетѣ его было не застать Масурова дома, но, сверхъ ожиданія, Михайла Николаичъ оказался налицо. Увидѣвъ Бахтіарова, онъ искренно обрадовался.

— А, ваше баронство! — вскричалъ Масуровъ. — Лиза! Баронъ пріѣхалъ... Я васъ все зову барономъ; у васъ въ лицѣ

есть что-то такое важное... баронское. Милости прошу. Мы съ женою часто о васъ говоримъ. Я васъ ужъ съ недѣлю не видалъ... Ну, думаю, мой баронъ, должно-быть, какую-нибудь баронессу обхаживаетъ.

Говоря такимъ образомъ, Масуровъ ввелъ своего гостя въ гостиную. Прозвать пріятеля барономъ Михайла Николаичъ выдумалъ экспромтомъ, отъ радости, что его увидѣлъ. Лизавета Васильевна сидѣла за самоваромъ. Она поклонилась гостю довольно сухо.

— Честь имѣю представить вамъ г-на барона, — говорилъ Масуровъ. — Прошу покорнѣйше къ столу. Я надѣюсь, что ваше баронство не откажетъ намъ въ чести выпить съ нами чашку чаю. Милости прошу. Чаю намъ, Лиза, самаго сладкаго, какъ, напримѣръ, поцѣлуй любви! Что, важно сказано? Эхъ, чортъ возьми! Я когда-то вѣдь стихи писалъ. Помнишь, какъ ты еще была невѣстой, я къ тебѣ акростихъ написалъ:

Лицомъ прелестна, какъ богиня,
Или какъ будто бъ самъ амуръ,
За все, за все тебя я обожаю нынѣ,
А прежде все влюблялся въ дуръ.

Этотъ акростихъ Михайла Николаичъ тоже создалъ экспромтомъ.

— Что, вѣдь недурно?.. Ну, а ваше баронство, вы, я думаю, переписали акростиховъ всякаго рода: и къ Катенькамъ, и къ Машенькамъ, и къ Лизанькамъ, ко всему женскому календарю. Нынче, впрочемъ, я очень началъ любить Перепетую, потому что имя это носитъ драгоцѣнная для меня особа, собственно, моя тетка. На-дняхъ дала триста рублей взаймы. Что же вы трубки не курите? Малый, дай трубку, вычисти хорошенько, горячей водой промой, знаешь!.. Люблю я васъ, Александръ Сергѣичъ, ей-Богу, славный вы человѣкъ.

Бахтіаровъ поклонился.

— Право, ей-Богу, — продолжалъ Масуровъ: — я очень склоненъ къ дружбѣ. Будь я подлецъ, если не готовъ, вотъ такъ, какъ теперь мы сидимъ, прожить десять лѣтъ въ деревнѣ. Жена... пріятель, чортъ возьми! Чего же больше?

Такъ говорилъ безъ умолку Масуровъ, очень обрадованный пріѣздомъ Бахтіарова. Онъ потомъ разсказалъ, что въ Малороссіи даже и были такіе два помѣщика и жили почти такимъ образомъ въ деревнѣ, одинъ женатый, а другой холостой, и что прожили, кажется, двадцать лѣтъ, никуда не выѣзжая. Бахтіаровъ, замѣтно, мало слушалъ хозяина, и все вниманіе его было обращено на хозяйку. Лизавета Васильевна занималась съ сидѣвшимъ около нея Костей, съ которымъ случилось

весьма печальное приключеніе: онъ забилъ въ ротъ огромный кусокъ кренделя, намоченный въ горячемъ чаѣ, и обжегся. «Выброси»,—говорила мать; но Костя не выпускалъ и, со слезами на глазахъ, продолжалъ управляться съ горячимъ кускомъ. Наконецъ терпѣнія не стало: онъ заплакалъ. Мать взяла его къ себѣ на руки и утѣшала, говоря, что это ничего, что все прошло. Ребенокъ утѣшился и, ставъ къ матери на колѣни, началъ съ нею играть, заливался громкимъ смѣхомъ и притопывалъ ножонками.

Вотъ на что смотрѣлъ съ искреннимъ чувствомъ Бахтіаровъ.

— Юлія Владимировна пріѣхала, — сказалъ вошедшій слуга.

— А! — закричалъ Масуровъ и бросился встрѣчать гостью.

Лизавета Васильевна взглянула на Бахтіарова и вышла въ залу. Въ лицѣ губернскаго льва ясно обозначилась досада.

Здѣсь я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Бешметева, по отъѣздѣ Бахтіарова, осталась, какъ мы знаемъ, въ странномъ состояніи духа. Ей очень хотѣлось скорѣй его опять увидѣть и поговорить съ нимъ. У ней едва достало терпѣнія дождаться того времени, въ которое Павелъ обыкновенно снова уходилъ въ вечернее присутствіе. Наконецъ время это пришло. Юлія тотчасъ же написала Бахтіарову страшно страстную записку, въ которой заклинала его прійти къ ней на вечеръ. Воротившаяся горничная донесла, что Бахтіарова нѣтъ дома, и что онъ сейчасъ куда-то уѣхалъ со двора. Юлія едва не умерла отъ досады. Но гдѣ ему быть? Куда онъ уѣхалъ? Неужели онъ отправился къ Масуровымъ? И въ сердцѣ Юліи Владимировны забушевало то же чувство ревности, которое за нѣсколько часовъ такъ сильно мучило Лизавету Васильевну, и она, подобно той, вздумала съѣздить къ невѣсткѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Но на лошади уѣхалъ Павелъ. Нетерпѣніе Юліи было слишкомъ сильно. Она не въ состояніи была даже подождать экипажа и пѣшкомъ отправилась къ Масуровымъ. Шла она, видно, очень быстро, потому что, придя въ лакейскую, принуждена была сѣсть и едва уже переводила дыханіе.

— Сестрица, прекраснѣйшая изъ всѣхъ сестрицъ! — говорилъ Масуровъ, цѣлуя ея руку. — Ужасно какъ я люблю цѣловать ваши ручки. Что это какія вы блѣдныя? Не опять ли истерика?

— Нѣтъ, я пѣшкомъ пришла... устала. Кто у васъ

— Никого нѣтъ, все свои.

— Кто же?

— Одинъ только Бахтіаровъ.

Юлія вздрогнула, но, впрочемъ, встала и пошла въ залу, гдѣ ее встрѣтила хозяйка.

— Вотъ какъ я вамъ скоро отплатила визитъ, даже пѣшкомъ пришла. Павелъ уѣхалъ, но мнѣ хотѣлось пройтись.

Войдя въ гостиную, Юлія небрежно кивнула головой Бахтіарову и сѣла на диванъ. Михайла Николаичъ не замедлилъ усѣсться близъ нея.

— Помните, сестрица, какъ я васъ снѣгомъ-то оттиралъ,— началъ онъ: — вы такія были тогда хорошенькія, что просто ужасъ...

— А теперь что же? — спросила Юлія.

— А теперь еще лучше, — честное слово! Знаете что, сестрица, признаться вамъ? — продолжалъ Масуровъ.

— Въ чемъ признаться?

— Я въ васъ влюбленъ.

— Право? Отчего же вы давно мнѣ этого не скажете? Бѣдненькій! Мнѣ васъ очень жаль.

— А вы, я думаю, кузина, меня терпѣть не можете.

— Напротивъ, вы сами у насъ никогда не бываете.

Юлія Владимировна любезничала съ Масуровымъ для того, чтобы досадить Бахтіарову; но, къ вящшему ея мученію, замѣтила, что тотъ почти не обращаетъ на нее вниманія и разговариваетъ вполголоса съ Лизаветой Васильевной. Ей очень хотѣлось къ нимъ прислушаться. Но голосъ Михайлы Николаича заглушалъ всѣ ихъ слова.

Юлія справедливо желала послушать разговоръ Бахтіарова съ Лизаветой Васильевной, который былъ весьма многозначителенъ.

— Я не могъ исполнить своего слова и не видѣть васъ,— говорилъ вполголоса и съ чувствомъ Бахтіаровъ.

— Вы, вѣрно, пріѣхали къ мужу, — отвѣчала, тоже вполголоса и съ чувствомъ, Масурова.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ васъ видѣть.

— Mercі.

— Позвольте мнѣ опять бывать у васъ, видѣть васъ хоть ненадолго, хоть на минуту.

— Какъ вы смѣшны, Бахтіаровъ!

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что говорите теперь...

Бахтіаровъ насупился. Въ это время на него взглянула Бешметева.

— М-г Бахтіаровъ, есть съ вами лошадь? — спросила она.

— Есть, — отвѣчалъ тотъ.

— Довезите меня до дому, — я пѣшкомъ.

Бахтіаровъ нѣсколько минутъ думалъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ и отошелъ отъ Лизаветы Васильевны.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что Юлія рѣшилась на опасную и не весьма приличную поѣздку съ Бахтіаровымъ съ цѣлью досадить Лизаветѣ Васильевнѣ. Тотъ съ своей стороны согласился на это съ удовольствіемъ, имѣя въ виду окончательно возбудить ревность въ Масуровой.

Послѣ вышеописанной сцены всѣмъ сдѣлалось какъ-то неловко; Лизавета Васильевна потупилась; Бахтіаровъ сѣлъ поодаль и продолжалъ по временамъ взглядывать на нее. Юлія была въ тревожномъ состояніи и едва могла выслушивать любезности Масурова, который увѣрялъ ее, что онъ никому въ мірѣ такъ не завидуетъ, какъ Павлу. Чрезъ четверть часа Юлія уѣхала съ Бахтіаровымъ. Масуровъ очень просилъ-было взять его съ собою и позволить ему стать на запятки; но запятки были заняты лакеемъ. М-me Бешметева сѣла въ экипажъ, почти не помня себя отъ ревности. Въ противномъ случаѣ, какъ я уже и прежде успѣлъ замѣтить, она никакъ бы не позволила себѣ сдѣлать подобнаго неосторожнаго поступка.

— И послѣ этого вы скажете, что у васъ ничего нѣтъ съ Масуровой? — сказала она, схвативъ своего обожателя за руку и крѣпко сжавъ ее.

— Что же такое у меня съ ней?

— Какъ что? Зачѣмъ ты сегодня къ нимъ пріѣхалъ?

— Такъ, отъ-нечего-дѣлать.

— Послушай, зачѣмъ ты меня обманываешь? Если не любишь, скажи мнѣ прямо. Что у тебя за желаніе терзать и мучить бѣдную женщину, которая тебя боготворитъ?

Послѣ этихъ словъ Юлія принялась потихоньку плакать.

— Перестаньте, Юлія; вы до безумія ревнивы, — говорилъ Бахтіаровъ. — Пойдемте, мы пріѣхали.

Бешметева опомнилась.

— Гдѣ мы? — спросила она, замѣтивъ, что это былъ не ихъ домъ.

— Выходите, m-me, — говорилъ вышедшій уже Бахтіаровъ.

— Что ты хочешь со мной дѣлать? — почти вскрикнула Юлія. — Ни за что... ни за что на свѣтѣ! Лучше умру, а не пойду.

Бахтіаровъ пожалъ плечами и захлопнулъ дверцы экипажа.

— Къ Бешметевымъ,—сказалъ онъ кучеру и, не поклонившись Юліи, ушелъ въ домъ.

XV.

Павелъ все узналъ.

Лизавета Васильевна сдѣлалась больна. Болѣзнь ея была, видно, слишкомъ серьезна, потому что даже самъ Михайла Николаичъ, который никогда почти не замѣчалъ того, что̀ дѣлается съ женою, на этотъ разъ замѣтилъ и, совершенно растерявшись, какъ полоумный, побѣжалъ бѣгомъ къ лѣкарю, вытащилъ того изъ ванны и, едва давъ ему одѣться, привезъ къ больной. Врачъ этотъ пользовался въ городѣ огромной извѣстностью. Онъ былъ человѣкъ еще не старыхъ лѣтъ, былъ немного педантъ въ своемъ ремеслѣ, т.-е. любилъ потолковать о болѣзняхъ и о способахъ своего лѣченія, выражаясь по преимуществу на французскомъ языкѣ, съ которымъ, впрочемъ, былъ не слишкомъ знакомъ. Онъ щупалъ нѣсколько секундъ пульсъ больной, прикладывался ухомъ къ ея груди и потомъ съ очень серьезнымъ лицомъ вышелъ въ гостиную, гдѣ, увидѣвъ Масурова со слезами на глазахъ, сказалъ:

— У ней воспаленіе въ легкихъ.

— Что̀ же, это опасно? — спросилъ Масуровъ.

— Какъ вамъ сказать? Каковъ будетъ исходъ болѣзни; но вотъ видите, я бы желалъ, главное, знать основную причину болѣзни. Позвольте мнѣ съ вами переговорить.

— Сдѣлайте милость, — отвѣчалъ Масуровъ.

— Во-первыхъ, я вамъ объясню, что воспаленіе въ легкихъ есть двоякое: или чисто-чахоточное, вслѣдствіе худосочія, и въ такомъ случаѣ оно болѣе опасно; но есть воспаленіе простое, которое условливается простудою, геморроидальною посылкою крови, или даже, часто, какимъ-нибудь нравственнымъ потрясеніемъ, и въ этомъ случаѣ оно болѣе излѣчимо. Но дѣло въ томъ, что при частомъ повтореніи этихъ варварскихъ воспаленій можетъ образоваться худосочіе, т.-е. почти чахотка. Теперь позвольте васъ спросить: супруга ваша золотушна?

На этотъ вопросъ Михайла Николаичъ рѣшительно ничего не могъ отвѣчать.

— Не жаловалась ли она, по крайней мѣрѣ, часто на грудную боль?

Михайла Николаичъ сказалъ, что жена больше жаловалась на головную боль.

Врачъ задумался.

— Не было ли у ней прежде кашля, кровохарканія? — спросилъ онъ.

Михайла Николаичъ не зналъ и этого. Лизавета Васильевна никогда не говорила мужу о своихъ болѣзняхъ.

— Впрочемъ, я вамъ скажу, — продолжалъ докторъ: — что способы лѣченія одинаковы; но мнѣ хотѣлось бы основательнѣе узнать, потому что я поставляю себѣ за правило—золотушныхъ субъектовъ, пораженныхъ легочнымъ воспаленіемъ, по исходѣ воспалительнаго періода, излѣчивать радикально, т.-е. дѣйствовать противъ золотухи, исправлять самую почву.

Блеснувъ такимъ образомъ передъ Масуровымъ медицинскими терминами, врачъ велѣлъ пустить больной кровь, поставить къ лѣвому боку шпанскую мушку, и прописалъ какой-то рецептъ.

Масуровъ всю ночь не спалъ, а поутру послалъ сказать Павлу, который тотчасъ же пришелъ къ сестрѣ. Михайла Николаичъ дня три сидѣлъ дома, хоть и видно было, что ему очень становилось скучно: онъ безпрестанно подходилъ къ женѣ.

— Ну, вѣдь тебѣ лучше, Лиза? Вѣдь ты, по виду-то, ей-Богу, совсѣмъ здорова. Хоть бы посидѣла, походила, а то все лежишь. Встань, душка: вѣдь лежать, ей-Богу, хуже. Вотъ бы вышла въ гостиную, посидѣла съ братцемъ, а я бы съѣздилъ— мнѣ ужасно нужно въ одномъ мѣстѣ побывать.

Лизавета Васильевна улыбалась.

— Да ты поѣзжай.

— Нѣтъ, душа моя, я далъ себѣ слово, покуда ты лежишь, ни шагу изъ дома. Павелъ Васильичъ, сдѣлайте милость, сядемте въ бостончикъ, я васъ въ двѣ игры выучу, или вотъ что: давайте въ штосъ — самая простая игра.

Павелъ не рѣшался играть ни въ бостончикъ ни въ банкъ, говоря, что онъ ненавидитъ карты. Михайла Николаичъ отъ скуки принялся-было возиться съ Костей на полу, но и это запретилъ пріѣхавшій докторъ, говоря, что шумъ вреденъ для больной. Масурову сдѣлалось невыносимо скучно, такъ что онъ вышелъ въ гостиную и легъ на диванъ. Павлу, который обыкновенно очень мало говорилъ съ зятемъ, наконецъ сдѣлалось жаль его; онъ вышелъ къ нему.

— Какимъ образомъ сестра захворала? — спросилъ Бешметевъ.

— Должно-быть, простудилась, — отвѣчалъ Масуровъ: — я ужъ это и не помню какъ. Только была у насъ ваша Юлія Владимировна да Бахтіаровъ, вечеромъ сидѣли. Только она ихъ пошла провожать. У Юліи-то Владимировны лошади, что ли, не было, только она поѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ экипажѣ.

— Съ кѣмъ?—спросилъ, вспыхнувъ, Павелъ.

— Съ Бахтіаровымъ; а Лиза вышла провожать ихъ на крыльцо, да, я думаю, съ часъ и стояла на улицѣ-то. Я и кричалъ ей нѣсколько разъ:—«Что ты, Лиза, стоишь? Простудишься».—«Ничего, говоритъ, мнѣ душно въ комнатѣ». А оттуда пришла такая блѣдная и тотчасъ же легла.

— А въ которомъ часу Юлія уѣхала? — спросилъ Павелъ.

— Да очень еще рано — только-что мы чай отпили. Ну, вѣдь вы знаете, весна время сырое. Я помню, разъ въ полку, въ весеннюю ночь, правду сказать, по любовнымъ дѣлишкамъ, знаете... да такую горячку схватилъ, что просто ужасъ. Ахъ, чортъ возьми, эта любовь! Да вѣдь ужасъ и женщины-то! Онѣ въ этомъ отношеніи отчаяннѣе насъ, въ огонь, кажется, полѣзутъ!

Павелъ на этотъ разъ очень недолго оставался у сестры и скоро ушелъ домой.

Прошла недѣля. Лизаветѣ Васильевнѣ сдѣлалось лучше. Докторъ объявилъ, что воспаленіе перехвачено. Услышавъ, что у ней уже съ полгода есть небольшое кровохарканіе, и прекративъ, какъ онъ выражался, сильное воспаленіе, онъ хотѣлъ приняться лѣчить ее радикально противъ золотухи. Между тѣмъ Павелъ день ото дня дѣлался задумчивѣе и худѣлъ, онъ даже ничѣмъ почти не занимался, въ присутствіи сидѣлъ потупя голову и закрывъ лицо руками. Его мучила ревность... страшная, мучительная ревность. Случайно сказанныя слова Масуровымъ, что Юлія уѣхала отъ нихъ въ одномъ экипажѣ съ Бахтіаровымъ, не выходили у него изъ головы. Чрезъ нѣсколько дней борьбы съ самимъ собою онъ наконецъ рѣшился спросить объ этомъ жену.

— Вы на-дняхъ отъ сестры пріѣхали съ Бахтіаровымъ?

— Да, онъ довезъ меня въ своемъ экипажѣ, — отвѣчала Юлія совершенно спокойнымъ голосомъ.

«Или она дьяволъ, или она невинна! Я бы на ея мѣстѣ, при такомъ вопросѣ, умеръ отъ стыда»,—подумалъ Павелъ и уже не разспрашивалъ болѣе жены.

Подозрѣнія его еще болѣе увеличились отъ нѣкоторыхъ вопросовъ Лизаветы Васильевны; такъ, напримѣръ, она спрашивала: «Кто у нихъ часто бываетъ? Нельзя ли Павлу перемѣнить мѣсто и уѣхать въ Петербургъ, потому что въ здѣшнемъ городѣ всѣ помѣшаны на сплетняхъ и интригахъ», а также и отъ нѣкоторыхъ замѣчаній ея: что Юлія еще очень молода и немного вѣтрена, и что надъ нею надобно имѣть внимательный надзоръ. Благородная Лизавета Васильевна была не въ состояніи сказать брату прямо того, что

она знала; но, съ другой стороны, ей было жаль его, ей хотѣлось предостеречь его. «Но къ чему это поведетъ?—думала она: — можетъ-быть, зло пройдетъ, и онъ не узнаетъ». А что думала о самой себѣ, на это можетъ отвѣчать ея болѣзнь.

Наконецъ у Павла недостало болѣе силы переживать свои мучительныя сомнѣнія. «Скажу, что пойду на цѣлый вечеръ къ сестрѣ, а самъ возвращусь потихоньку домой,—онъ, вѣрно, у ней,—и тогда... надобно будетъ поступить рѣшительно, но, Боже мой, какъ бы я желалъ, чтобъ это были одни пустыя подозрѣнія». Вотъ что думалъ герой мой, возвращаясь домой обѣдать. Придя къ себѣ, онъ боялся взглянуть на Юлію: ему было совѣстно ея, ему казалось, что она уже знаетъ его намѣреніе и заранѣе оскорбляется имъ. Юлія была дѣйствительно въ этотъ день чѣмъ-то очень встревожена.

— Ты рано ли сегодня придешь? — спросила она Павла.

— По обыкновенію, — отвѣчалъ Павелъ.

У него едва достало силы проговорить эти слова.

Читатель, конечно, догадывается, что Павелъ не занимался въ присутствіи своими дѣлами и сидѣлъ насупившись.

— Зачѣмъ это вы, Павелъ Васильичъ, ходите, когда у васъ голова болитъ? — сказалъ молодой писецъ: — и намъ бы полегче было, и мы бы не пришли, — у насъ очень мало дѣлъ-то.

— Я сегодня уйду рано: у меня очень голова болитъ,— отвѣчалъ Павелъ.

— Павелъ Васильичъ, и мнѣ нужно уйти, у меня дяденька именинникъ.

— Вишь какой подхалимъ, вѣчно выпросится, — подхватилъ другой, необыкновенно бѣлокурый и страшно рябой писецъ.

Павелъ ушелъ черезъ полчаса. Онъ шелъ домой быстро и, кажется, ничего ясно не сознавалъ и ничего опредѣлительно не чувствовалъ; только, подойдя къ дому, онъ остановился. Не лучше ли вернуться назадъ и остаться въ счастливомъ невѣдѣніи? Но какъ будто бы какая внѣшняя сила толкала его. «Что будетъ, то будетъ», — подумалъ онъ и вошелъ въ лакейскую, въ твердомъ убѣжденіи, что непремѣнно застанетъ Юлію въ объятіяхъ Бахтіарова. Онъ прошелъ залу,—въ ней было темно; прошелъ гостиную, — и тамъ темно. Весь домъ былъ пустъ, только въ дѣвичьей свѣтился огонекъ. Павелъ вошелъ туда.

— Никого нѣтъ дома? — спросилъ онъ.

— Никого-съ, — отвѣчала, вставъ на ноги, Марѳа.

Павлу очень хотѣлось спросить, гдѣ барыня, но онъ опять не рѣшился.

— Дайте мнѣ свѣчку въ гостиную, — проговорилъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ и вышелъ изъ дѣвичьей.

Свѣча была подана.

«Гдѣ же она? — подумалъ онъ: — я непремѣнно долженъ спросить: гдѣ она? Есть же на свѣтѣ люди, которые сдѣлали бы это, не думавъ».

— Марѳа! — закричалъ Павелъ необыкновенно громкимъ голосомъ.

Марѳа предстала.

— Есть какое-нибудь тамъ вино?

— Есть, Павелъ Васильичъ. Мадеры, что ли, прикажете?

— Давай мадеры!

Марѳа принесла цѣлую бутылку и рюмку, но Павелъ потребовалъ стаканъ и, не переводя духъ, выпилъ стакана три. Вино значительно прибавило энергіи моему герою. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, онъ неровнымъ шагомъ вошелъ въ дѣвичью и позвалъ Марѳу въ гостиную. Марѳа пошла за нимъ съ нѣсколько испуганнымъ лицомъ.

— Гдѣ барыня? — спросилъ Павелъ, не подымая глазъ на служанку.

— Я не знаю, батюшка.

— Врешь, ты знаешь... Гдѣ барыня?

— Батюшка, Павелъ Васильичъ, наше дѣло рабское.

— Гдѣ барыня? — повторилъ Павелъ.

— Павелъ Васильичъ! Я маменькѣ вашей служила, я не могу вамъ льстить. Онѣ изволили уѣхать, батюшка Павелъ Васильичъ.

— Куда?

— Наше дѣло подчиненное, — вы со мной можете все дѣлать, а я скрыть не могу, потому что я маменькѣ вашей служила и вамъ служу.

— Куда же она уѣхала, тебя спрашиваютъ?

— Онѣ изволили уѣхать, Павелъ Васильичъ, не въ доброе мѣсто. Горько намъ, батюшка Павелъ Васильичъ; мы не осмѣливались только вамъ докладывать, а намъ очень горько.

— Говори все!

— Если вы изволите приказывать, я не смѣю ослушаться. Онѣ изволятъ быть теперь у Бахтіарова. Я своими глазами видѣла нашу пролетку у его крыльца. Я кучеру-то говорю:— «Злодѣй! что ты дѣлаешь? Куда барыню-то привезъ?»—«Не твое, говоритъ, дѣло, старая чертовка»; даже еще выругалъ, разбойникъ. Нѣтъ, думаю я, злодѣй этакій, не дамъ я господина своего срамить, тотчасъ же доложу, какъ пріѣдетъ домой!

Черезъ нѣсколько минутъ Павелъ ужъ былъ близъ квар-

тиры Бахтіарова. Пролетка его дѣйствительно стояла у крыльца губернскаго льва. Кучеръ, разобидѣвшій Марѳу, полулежалъ на барскомъ мѣстѣ и мурлыкалъ тоненькимъ голоскомъ: «Разлапушка-сударушка».

— Съ кѣмъ ты здѣсь? — проговорилъ Павелъ, быстро подойдя къ нему, и толкнулъ его въ бокъ.

Кучеръ вскочилъ, вытянулся и поблѣднѣлъ.

— Съ кѣмъ ты здѣсь? — повторилъ Павелъ.

— Я-съ... на лошади-съ... — отвѣчалъ кучеръ.

— Гдѣ барыня? — сказалъ Павелъ.

— Не могу знать, Павелъ Васильичъ,— отвѣчалъ кучеръ.

— Гдѣ барыня? — закричалъ уже Павелъ и, схвативъ кучера за воротъ, началъ съ несвойственною ему силою его трясти.

— Батюшка Павелъ Васильичъ, я не могу ничего знать! Онѣ изволили сюда уйти.

Павелъ выпустилъ его изъ рукъ и нѣсколько минутъ глядѣлъ на него, какъ бы размышляя: убить ли его, или оставить живымъ; потомъ, рѣшившись на что-то, повернулся и быстрыми шагами пошелъ домой. Дорогой онъ прямикомъ прорѣзывалъ огромныя лужи, наткнулся на лотокъ съ калачами и свернулъ его, сшибъ съ ногъ какую-то нищую старуху, и когда вошелъ къ себѣ въ домъ, то у него ужъ не было и шляпы. Кучеръ остался тоже въ безпокойномъ раздумьѣ...

— Вотъ что! — проговорилъ онъ, почесывая затылокъ: — пожалуй, вѣдь и въ части высѣчетъ. Вотъ тебѣ и синенькая! Эка чортова оказія вышла!

Придя домой, Павелъ тотчасъ же написалъ къ женѣ письмо слѣдующаго содержанія:

«Я знаю, гдѣ вы. Тамъ вы, съ вашимъ любовникомъ, конечно, счастливѣе, чѣмъ были съ вашимъ мужемъ. Участь ваша рѣшена: я васъ не стѣсняю болѣе, предоставляю вамъ полную свободу; вы можете оставаться тамъ сегодня, завтра и всю жизнь. Черезъ часъ я пришлю къ вамъ ваши вещи. Я не хочу васъ ни укорять ни преслѣдовать; можетъ-быть, я самъ виноватъ, что осмѣлился искать вашей руки, и не знаю, по какимъ причинамъ, противъ вашего желанія, получилъ ее».

Написавъ это письмо, Павелъ нѣсколько минутъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, потомъ всталъ, быстро вошелъ въ комнату матери, которая сдѣлалась его кабинетомъ, и взглянулъ на бритвенный ящикъ... Но въ это время что-то стукнуло. Павелъ вздрогнулъ, обернулся, и глаза его остановились на иконѣ Божьей Матери, передъ которой такъ часто молилась его мать-старуха. Онъ бросился передъ образомъ на колѣни. Выраже-

ніе лица его умилилось, спасительныя слезы полились изъ глазъ. Долго и какъ бы забывъ все молился Павелъ, а потомъ, замѣтно уже успокоившись, вышелъ въ гостиную, позвалъ къ себѣ горничную Юліи и велѣлъ ей собрать всѣ вещи жены.

Чтобы хоть нѣсколько оправдать совершенно неприличный поступокъ Юліи, я долженъ вернуться назадъ и объяснить нижеслѣдующія обстоятельства.

Мы видѣли уже, какъ въ послѣдній разъ разстался Бахтіаровъ съ Юліею. Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ не ѣздилъ къ Бешметевымъ, но, видимо, безпокоился о здоровьѣ Лизаветы Васильевны, потому что каждый день стороной навѣдывался о ней. Напрасно Юлія посылала къ нему за книгами, писала къ нему полныя отчаянія записки, — Бахтіаровъ книги присылалъ, но самъ не ѣхалъ и приказывалъ сказать, что онъ боленъ и никуда не выѣзжаетъ. «Я пойду къ нему; для его здоровья я рѣшусь на все. Пусть онъ пойметъ, какъ я его люблю,—можетъ-быть, онъ, бѣдненькій, умираетъ теперь, и я должна забыть все». Принявъ такое намѣреніе, Юлія, какъ и прежде, начала переживать муки ада. Не сознавая почти ясно того, что дѣлаетъ, призвала она кучера, дала ему ни съ того ни съ сего пять рублей на водку, а часовъ въ шесть вечера, велѣвъ заложить лошадь и выѣхавъ изъ дома, приказала везти себя къ Бахтіарову. Дорогой, впрочемъ, она придумала: «приду, взгляну на него, скажу ему, что я пожертвовала для него всѣмъ, чтобы только видѣть его, и тотчасъ же уѣду домой».

Между тѣмъ какъ Юлія принимала и исполняла свое намѣреніе, губернскій левъ, какъ говорится, проводилъ этотъ день глупо. Поутру онъ всталъ, отъ скуки ли или отъ чего другого, въ дурномъ расположеніи духа и часа до двѣнадцатаго хандрилъ, а потомъ придумалъ, для разсѣянія, угостить свою особу завтракомъ на крѣпкую руку. Вслѣдствіе чего призванъ былъ поваръ, который объявилъ, что у него готовится необыкновеннаго свойства бифштексъ, который и былъ тотчасъ же спрошенъ, и къ оному потребованы бутылки двѣ вина. Часу ко второму пополудни все это было употреблено дочиста, а затѣмъ, пообѣдавъ, насколько достало силъ, Бахтіаровъ подъ пасмурную погоду заснулъ и часу въ шестомъ проснулся, уже въ совершенно дурномъ состояніи духа и съ неимовѣрною жаждой, которую онъ и рѣшился утолить холоднымъ шампанскимъ съ сельтерской водой. Въ это самое время лакей доложилъ, что пріѣхала какая-то дама. Бахтіаровъ едва успѣлъ запахнуть надѣтое на немъ широкое пальто, какъ явилась

Юлія. Она вошла немного сценически, какъ входятъ трагическія актрисы въ послѣднихъ актахъ драмъ.

— Ты, конечно, не ждалъ меня,— сказала она, беря франта за руку: — но я пришла, чтобъ видѣть тебя, — продолжала она, усаживаясь на диванъ и устремляя на льва отчаянно-нѣжный взоръ.

Не знаю, что думалъ Бахтіаровъ, но только нѣсколько минутъ онъ глядѣлъ на гостью съ довольно страннымъ выраженіемъ.

— Неужели ты и теперь сомнѣваешься въ моей любви?

— Юлія, я васъ очень радъ видѣть, — проговорилъ наконецъ хозяинъ: — позвольте, впрочемъ: я скажу, чтобы никого не принимали.

И вслѣдъ затѣмъ, вышедъ на нѣсколько минутъ, онъ вернулся къ своей гостьѣ и усѣлся рядомъ съ нею.

— Право, вы очень милы, — продолжалъ онъ: — что рѣшились посѣтить меня въ моей хандрѣ. Долой вашу шляпу, и давайте ваши ручки; онѣ удивительно хороши.

— Я къ тебѣ на минуту; я хотѣла только тебя видѣть, и прощай.

— Вотъ пустое! Куда вамъ торопиться-то? Кто можетъ знать, что вы у меня?

— Я сама знаю, какія я глупости дѣлаю, и никогда себѣ этого не прощу.

— Пустое вы говорите, Юлія! Какія это глупости? Малый! Давай намъ скорѣй шампанское и воду. Выпейте со мною вина. Я сегодня въ удивительномъ расположеніи духа пить вино.

— Но ты вѣдь боленъ, другъ мой. Можетъ-быть, тебѣ это будетъ вредно.

— Мнѣ вино никогда не бываетъ вредно. Мы съ вами будемъ пить вмѣстѣ.

— Я не могу.

— Вотъ пустяки. А если я буду просить у васъ какъ жертвы?

— Если требуешь какъ жертвы — изволь; но только сейчасъ же поѣдемъ ко мнѣ.

— Хорошо.

Вино было подано.

Въ это самое время подано было также и письмо отъ Павла къ Юліи, которая, прочитавъ его, поблѣднѣла и передала Бахтіарову. Тотъ, въ свою очередь, тоже замѣтно сконфузился.

— Отъ кого же онъ узналъ? — проговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія.

— Я не знаю, — отвѣчала Юлія.

Бахтіаровъ вошелъ въ залу. Стоявшій въ лакейской кучеръ объяснилъ ему все.

— Онъ самъ здѣсь былъ у крыльца, — сказалъ Бахтіаровъ, возвратившись къ совершенно растерявшейся Юліи.

— Что мнѣ теперь дѣлать? — спросила она.

— Вамъ надобно ѣхать.

— Я боюсь, Александръ, — возразила Юлія: — поѣдемъ вмѣстѣ со мной; скажемъ, что мы катались, и я къ тебѣ заѣхала на минуту.

— Вотъ прекрасно! Вы хотите, чтобы при васъ же была дуэль.

— Ахъ, я боюсь, Александръ!

— Что жъ вы боитесь?

— Я не знаю. Я прежде его никогда не боялась. Если онъ меня убьетъ?

— Вотъ что выдумала. Много что побранитесь! Еще сами прикрикните на него и скажите въ самомъ дѣлѣ, что катались.

— Я скажу, что тебѣ дала лошадь, а сама гдѣ-нибудь была.

— Ну, и чудесно.

Юлія встала, надѣла шляпку, но остановилась: ей, видно, очень не хотѣлось ѣхать.

— Ахъ, Александръ, до чего ты меня довелъ! Что теперь со мною будетъ?

— Вы сами очень неосторожны, Юлія.

— Вотъ прекрасно! Я же виновата. Ты ужасный человѣкъ; ты рѣшительно не понимаешь меня. Какъ же мнѣ быть осторожной, когда я однимъ только тобою дышу, когда ты — моя единственная радость? Я ненавижу моего мужа, я голоса его слышать не могу. Что же мнѣ дѣлать? Научи меня, какъ разлюбить тебя.

— Можно любить и быть болѣе скрытною.

— Нѣтъ, Александръ, я не могу скрываться, я сегодня же скажу ему, что я люблю тебя, и пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ, пусть убьетъ меня, пусть прогонитъ. Я рѣшительно не могу безъ тебя жить. Другъ мой, милый мой! Возьми меня къ себѣ, спаси меня отъ этого злодѣя; увези меня куда-нибудь, я буду служить тебѣ, буду рабою твоею.

— Все это иллюзіи; вы, Юлія, еще слишкомъ молоды.

— Нѣтъ, другъ мой, это не иллюзіи, а любовь. Послушай, если мужъ меня прогонитъ—развѣ ты не обязанъ меня взять къ себѣ? Развѣ ты уже не отнялъ теперь у меня добраго имени?

— Вамъ пора ѣхать, Юлія.

— Если онъ меня прогонитъ или будетъ кричать, я сегодня же приду къ тебѣ. Я не въ состояніи съ нимъ жить.

Бахтіаровъ ни слова не сказалъ на это. Послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительности Юлія уѣхала.

— Чортъ возьми!—проговорилъ самъ съ собою губернскій левъ: — эта сумасшедшая женщина, пожалуй, навяжется мнѣ на руки. Она совершенно какъ какая-нибудь романическая героиня изъ дурацкаго романа. Надобно отъ нея рѣшительно отвязаться. Я предчувствую, что она сегодня непремѣнно придетъ. Уѣхать развѣ куда-нибудь? Такъ завтра пріѣдетъ; надобно какъ-нибудь однимъ разомъ кончить. Напишу я къ ней записку и отдамъ Жаку, чтобы вручилъ ей, когда пожалуетъ. Даже комнаты велю запереть; чтобы въ домъ не пускали, а то, пожалуй, усядется да станетъ дожидаться.

Рѣшивъ такимъ образомъ, Бахтіаровъ тотчасъ же написалъ записку къ Юліи.

«Я не могу принять васъ къ себѣ, потому что это повлечетъ новое зло. Мужъ вашъ узналъ, — слѣдовательно наши отношенія не могутъ долѣе продолжаться. Увезти васъ отъ него — значитъ погубить васъ навѣкъ. Это было бы глупо и безчестно съ моей стороны. Образумьтесь и помиритесь съ вашимъ мужемъ. Если онъ считаетъ себя обиженнымъ, то я всегда готовъ, какъ благородный человѣкъ, удовлетворить его».

Бахтіаровъ позвалъ человѣка, одѣлся, отдалъ ему записку и велѣлъ передать ее Юліи, если она пріѣдетъ; про себя велѣлъ сказать, что онъ уѣхалъ на нѣсколько дней и приказалъ запереть комнаты.

Догадливый Жакъ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Онъ тотчасъ же заперъ двери и, закуривъ сигарку, усѣлся на рундукѣ крыльца...

— Матушка, Юлія Владимировна! Ваше высокоблагородіе! Заступитесь за меня, сдѣлайте божескую милость, примите все на себя: вамъ вѣдь ничего не будетъ. Я, молъ, его чрезъ силу заставила. Ваше высокоблагородіе! Заставьте за себя вѣчно Бога молить!

Все это говорилъ кучеръ, везя Юлію домой, которая и сама была въ такомъ тревожномъ состояніи, что, кажется, ничего не слышала и не понимала, что вокругъ нея происходитъ; но, впрочемъ, пріѣхавъ домой, она собралась съ духомъ и довольно смѣло вошла въ гостиную, гдѣ сидѣлъ Павелъ.

— Что это такое значитъ ваше письмо? — проговорила она, снимая шляпку и садясь на диванъ.

Павелъ, видно, не ожидавшій жены, всталъ въ недоумѣніи при ея приходѣ, а при послѣднихъ словахъ рѣшительно остолбенѣлъ.

— Я ѣздила прокатиться и заѣхала къ нему. Велика важность! У него часто бываютъ дамы.

— Юлія! Вы такъ молоды и такъ... — началъ Павелъ.

— Что такое?

— И ужъ такъ безстыдны!

— Самъ ты безстыдный человѣкъ! Выдумалъ какую исторію! Мало ли чего вамъ наскажутъ ваши люди!

— Я вамъ писалъ и теперь повторяю: я не могу съ вами жить.

Юлія посмотрѣла на мужа.

— Что жъ, вы хотите меня прогнать?

— Не прогнать, а предоставить вамъ полную свободу, — вы можете сейчасъ же ѣхать, куда вамъ угодно.

— Вы этого не можете сдѣлать: я ваша жена, вы должны меня содержать.

— Я васъ обезпечу, дамъ вамъ содержаніе; но жить съ вами не хочу.

— Ахъ, Боже мой! Какъ вы меня испугали! Я очень рада, сдѣлайте милость, только обезпечьте меня.

— Я это зналъ и потому прошу васъ сейчасъ же ѣхать.

— Что такое?

— Я сейчасъ васъ прошу выѣхать изъ моего дома.

— Куда жъ я поѣду?

— Куда угодно.

— Что жъ, ты съ ума сошелъ, или пьянъ?

— Я не сошелъ съ ума и не пьянъ, но повторяю вамъ, что вы должны сію же секунду оставить меня. Деньги и всѣ ваши вещи собраны.

— Смотри, что выдумалъ. Я думала, что онъ такъ говоритъ. Ахъ, ты, дрянь!

— Вы можете браниться, сколько вамъ угодно, потому что такой женщинѣ все прилично.

— Какая же я, по вашему мнѣнію?

— Развратная и безстыдная.

— Такъ вотъ же тебѣ за это, — вскрикнула Юлія и плюнула на мужа.

Павелъ поблѣднѣлъ и затрясся,

— Послушай, глупая женщина, я добръ, но могу быть и бѣшенъ.

Глаза его горѣли, на губахъ показалась пѣна. Юлія отскочила и упала на кресло.

— Онъ меня убьетъ! Люди! Люди! Онъ меня убьетъ!

Прибѣжало нѣсколько человѣкъ, но Павелъ былъ уже въ залѣ и, схвативъ себя за волосы, какъ полоумный, прижался къ косяку.

— Я не могу съ нимъ жить. Онъ меня убьетъ сегодня же ночью! Гдѣ мои вещи? Подайте ихъ сюда! Я сейчасъ ѣду.

Женился насильно, да еще убить хочетъ. Я завтра же къ папенькѣ напишу письмо. Если бъ я даже любила Бахтіарова, что жъ такое? Не тебя же любить. Благородный человѣкъ скрылъ бы. Велите заложить лошадей, я сейчасъ ѣду, а завтра напишу папенькѣ письмо, бумагу подамъ и вытребую себѣ слѣдующую часть.

— Вы будете получать и безъ бумаги приличное отъ меня содержаніе, — отвѣчалъ Павелъ изъ залы.

Юлія надѣла шляпку, забрала свои вещи и вмѣстѣ съ горничною куда-то уѣхала. Но чрезъ полчаса она явилась. И въ этотъ разъ она уже едва вошла въ залу. Горничная вела ее подъ руку. Войдя въ гостиную, Юлія пріостановилась и, вырвавшись изъ рукъ служанки, совершенно безъ чувствъ упала на полъ. Павелъ, услышавъ стукъ, вошелъ въ гостиную и увидѣлъ Юлію почти мертвую на полу. Служанка бросилась принести спиртъ и позвать прочихъ, чтобы поднять барыню. Бешметевъ на этотъ разъ рѣшительно не обезпокоился обморокомъ жены и возвратился къ себѣ въ комнату.

Юлія пришла въ себя, но истерическое состояніе еще продолжалось. Она плакала навзрыдъ, и несмотря на то, что стоны ея доходили до ожесточеннаго супруга, онъ не только не пришелъ къ ней помириться, но, напротивъ, послалъ къ ней горничную и велѣлъ спросить ее, когда она его оставитъ. Служанка не рѣшалась передать этого барынѣ. Но Павелъ написалъ женѣ записку, въ которой прямо просилъ ее выѣхать изъ его дома. Юлія на это отвѣчала ему словесно, что онъ дуракъ, что она, на зло ему, нарочно не поѣдетъ, и что если онъ хочетъ, такъ пусть самъ убирается вонъ.

Этимъ объясненіемъ кончился роковой для моихъ супруговъ день.

XVI.

Бахтіаровъ.

До сихъ поръ я имѣлъ честь представлять губернскаго льва или въ обществѣ, или въ его интересныхъ бесѣдахъ съ дамами, или наконецъ излагалъ тѣ отзывы, которые дѣлали о немъ эти дамы; слѣдовательно знакомилъ читателя съ этимъ лицомъ по источникамъ весьма невѣрнымъ, а потому считаю нелишнимъ хотя вкратцѣ прослѣдить прошлую жизнь, въ которой выработалась его представительная личность, столь опасная для мѣстныхъ супруговъ. Отецъ его былъ помѣщикъ двухъ тысячъ душъ. До пятидесяти лѣтъ прожилъ онъ холостякомъ, успѣвъ въ продолженіе этого времени нажить осно-

вательную подагру и тысячъ триста денегъ. Имѣніе свое держалъ онъ въ порядкѣ и не закладывалъ, развлекаясь обыкновенно псовой охотой и двумя или тремя доморощенными шутами, и наконецъ сбиралъ къ себѣ раза по три въ годъ всю свою огромную родню и задавалъ имъ на славу праздники. Но подъ старость, къ ужасу своей родни, мечтавшей уже о грядущемъ послѣ него наслѣдствѣ, онъ женился на молоденькой француженкѣ, жившей въ гувернанткахъ у его сосѣда. Первымъ и единственнымъ плодомъ этого брака былъ нашъ губернскій левъ. Несмотря на обидные толки обманутой въ ожиданіяхъ родни, ребенокъ, заимствовавъ отъ матери черные глаза и нѣжную кожу, видимо, наслѣдовалъ крѣпкія мышцы и длинный ростъ папеньки. Не минуло еще ребенку семи лѣтъ, какъ старикъ-отецъ умеръ. Бахтіарова тотчасъ же переѣхала въ Петербургъ, чтобъ заняться воспитаніемъ сына. Еще десяти лѣтъ Саша, красивый какъ амуръ, щегольски танцовалъ всевозможные танцы, говорилъ на трехъ языкахъ, ѣздилъ мастерски верхомъ и дрался на рапирахъ. Дальнѣйшее воспитаніе сына Бахтіарова вздумала докончить въ Парижѣ. Услышавъ это намѣреніе, вся родня пришла въ отчаяніе, пророча, что сиротка самъ непремѣнно будетъ года чрезъ три парижскимъ ветошникомъ, потому что матушка, конечно, не замедлитъ промотать все состояніе съ какимъ-нибудь своимъ старымъ любовникомъ. Злопророчество это отчасти начало сбываться, потому что Бахтіарова, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Парижъ, отдала сына одному дальнему ея родственнику, профессору какой-то парижской школы, съ видимою цѣлью свободнѣе насладиться удовольствіями парижской жизни. Двадцать тысячъ въ одинъ мѣсяцъ утонуло въ модныхъ магазинахъ, и, можетъ-быть, къ концу года къ этому числу прибавился бы еще нуль, но судьба берегла сироту. Француженка простудилась на одномъ гуляньи и умерла тифомъ. Саша остался въ полномъ распоряженіи своего наставника, который былъ по породѣ и по душѣ истый нѣмецъ. Систему воспитанія онъ имѣлъ свою и довольно правильную: онъ полагалъ, что всякій человѣкъ до десяти лѣтъ долженъ быть на рукахъ матери и воспитываться матеріально, то-есть спать часовъ по двадцати въ сутки, поѣдать неимовѣрное количество картофеля и для укрѣпленія тѣла поиграть полчаса въ сутки мячикомъ или въ кегли; на одиннадцатомъ году поступить къ родителю или наставнику, подъ ферулой котораго обязанъ выучить полупудовыя грамматики и лексиконы древняго міра и десятка три всякаго рода учебниковъ; послѣ этого, лѣтъ въ восемнадцать, съ появленіемъ страстей, поступить въ какой-нибудь германскій университетъ,

для того, чтобы пріобрѣсть факультетское воспитаніе и насладиться жизнью.

Такого рода системѣ воспитанія хотѣлъ подвергнуть почтенный профессоръ и сироту Бахтіарова, но, къ несчастью, увидѣлъ, что это почти невозможно, потому что ребенокъ былъ уже четырнадцати лѣтъ и не зналъ еще ни одного древняго языка, и кромѣ того оказывалъ рѣшительную неспособность выучивать длинные уроки, а лѣтъ въ пятнадцать, ровно тремя годами ранѣе противъ системы нѣмца, началъ обнаруживать явное присутствіе страстей, потому что, несмотря на всѣ предпринимаемыя нѣмцемъ мѣры, каждый почти вечеръ присутствовалъ за театральными кулисами, бѣгалъ по бульварамъ, знакомился со всѣми сосѣдними гризетками и наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, пойманъ былъ наставникомъ въ довольно двусмысленной сценѣ съ молоденькой экономкой, взятою почтеннымъ профессоромъ въ домъ для собственнаго комфорта. Убѣдившись рѣшительно послѣднимъ обстоятельствомъ въ присутствіи страстей въ молодомъ воспитанникѣ, нѣмецъ рѣшился отправить его въ одинъ изъ германскихъ университетовъ. Юноша, съ своей стороны, очень этому обрадовался, потому что нѣмецъ, а главное дѣло, его кухня, несмотря на привлекательную экономку, страшно ему надоѣли, и такимъ образомъ мѣсяца черезъ два онъ уже былъ въ Германіи.

Наставникъ снабдилъ Бахтіарова цѣлою дюжиной рекомендательныхъ писемъ къ знаменитымъ ученостямъ. Но онъ не явился ни къ одной изъ нихъ и даже, можетъ-быть, не поступилъ бы и въ университетъ, если бы еще существовавшая въ то время бурша не подѣйствовала сильно на его воображеніе. Онъ тотчасъ же перемѣнилъ модный парижскій фракъ на полу-испанскій колетъ, запасся лосиною курткой и рапирами, началъ выпивать неимовѣрное количество пива, курить крѣпкій кнастеръ и волочиться за нѣмками. Прошло два года. Бахтіаровъ по слуху узналъ философскія системы, понялъ духъ римской исторіи, выучилъ нѣсколько монологовъ Фауста; но наконецъ ему страшно надоѣли и туманная Германія, и бурша, и кнастеръ, и медхенъ; онъ рѣшился ѣхать въ Россію и тотчасъ же поступить въ кавалерійскій полкъ, и не болѣе какъ черезъ годъ изъ него вышелъ красивый, ловкій и довольно исполнительный офицеръ.

Обезпеченность состоянія, прекрасныя манеры и почти ученое воспитаніе сблизили Бахтіарова на дружескую ногу съ нѣкоторыми изъ его аристократическихъ товарищей. Но честолюбивому корнету хотѣлось болѣе, — ему хотѣлось попасть въ тотъ завѣтный кругъ, въ которомъ жили его друзья, посмотрѣть

поближе на тѣхъ милыхъ женщинъ, о которыхъ они безпрестанно говорили и въ которыхъ были влюблены. Его представили, но замѣченъ онъ не былъ. Бахтіаровъ, впрочемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не отступятся отъ своего намѣренія при первой неудачѣ. Онъ поклялся заставить себя замѣтить и съ этою цѣлью вздумалъ удивить Петербургъ богатствомъ: покупалъ превосходные экипажи, перемѣнялъ ихъ чрезъ мѣсяцъ, нанялъ огромную и богатую квартиру и началъ давать своимъ породистымъ пріятелямъ лукулловскіе обѣды, обливая ихъ съ ногъ до головы шампанскимъ и старымъ венгерскимъ.

Слухъ о неимовѣрныхъ издержкахъ его достигъ до будуаровъ, его стали замѣчать; остроуміе его начало смѣшить: и такимъ образомъ прошло три года. Но между тѣмъ какъ честолюбивый корнетъ предавался обаяніямъ общества, въ которомъ все такъ льстило его самолюбію, такъ пріятно развлекало, такъ умно и такъ умѣло заинтересовать и умъ его и сердце, родительское состояніе приходило къ обычному концу, т.-е. къ продажѣ за долги съ аукціоннаго торга. Бахтіаровъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы дойти до-нельзя. Разсчитавъ въ одно прекрасное утро, что онъ уже никакъ не можетъ жить долѣе такимъ образомъ, рѣшился сразу перемѣнить образъ жизни и, убѣдя почти вполнѣ своихъ пріятелей, что онъ въ сплину и что ему все надоѣло, скрылся изъ общества и принялся, для поправленія рессурсовъ, составлять себѣ выгодную партію.

Звѣзда его еще не угасла. Онъ успѣлъ сыскать себѣ, сообразно съ своими планами, невѣсту. Это была богатая купеческая вдова, нѣкогда воспитанная, по волѣ родителей, въ какомъ-то пансіонѣ и потомъ, тоже по волѣ родителей, выданная за купца съ бородою, который, впрочемъ, умеръ отъ удара, предоставивъ супругѣ три фабрики и до милліона денегъ. Пять лѣтъ купчиха вдовствовала, питая постоянно искреннее желаніе выйти замужъ за молодого, красиваго и здороваго офицера. Всѣми этими качествами въ избыткѣ владѣлъ Бахтіаровъ, и потому неудивительно, что онъ очень скоро успѣлъ въ своихъ исканіяхъ и получилъ, по совершеніи брака, сверхъ титула супруга, тысячъ пятьдесятъ на собственные его расходы. Какъ ни выгоденъ былъ этотъ бракъ, но все-таки честолюбіе корнета, принадлежащаго нѣкогда къ иному кругу, должно было сильно пострадать; потому, на другой же день брака, къ ужасу богатой вдовы онъ подалъ въ отставку, съ намѣреніемъ тотчасъ же переѣхать въ Москву. Какъ молодая супруга ни убѣждала не снимать мундира, который къ нему такъ шелъ, онъ его снялъ, и такимъ обра-

зомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ они переселились въ Москву. Цѣлый годъ для обоихъ прошелъ сносно. Бахтіаровъ развлекался въ клубахъ, обѣдалъ въ гостиницахъ, а остальное время выѣзжалъ рысаковъ и присутствовалъ на бѣгахъ. М-me Бахтіарова между тѣмъ наряжалась до-нельзя и ѣздила на всевозможныя гулянья. Наконецъ все это надоѣло Бахтіарову; выпросивъ у жены всѣми неправдами довольно значительную сумму, онъ разошелся съ ней и рѣшился переѣхать въ провинцію. Съ этою цѣлью онъ купилъ въ той губерніи, гдѣ мы первый разъ съ нимъ познакомились, имѣніе и переѣхалъ туда съ намѣреніемъ осуществить на практикѣ свои агрономическія свѣдѣнія. Но вышла неудача. Какъ поля ни отдыхали въ шестипольной системѣ, какъ ни сѣялся клеверъ, какъ ни укатывался овесъ — ни хлѣба, ни овса, ни сѣна не только что не прибывало, но, напротивъ того, года чрезъ два агрономъ долженъ былъ еще съ февраля мѣсяца начать покупку хлѣба и корма. Проклиная жестокій климатъ и дурную почву, Бахтіаровъ переселился въ губернскій городъ и съ перваго же появленія въ свѣтѣ сдѣлался постояннымъ и исключительнымъ предметомъ разговоровъ губернскихъ дамъ, что, конечно, было результатомъ его достоинствъ: привлекательную наружность его читатель уже знаетъ, про французскій, нѣмецкій, англійскій языки и говорить нечего — онъ зналъ ихъ въ совершенствѣ; разговоръ его былъ, когда онъ хотѣлъ, необыкновенно занимателенъ и остроуменъ; по крайней мѣрѣ, въ это вѣрили, какъ въ аксіому, всѣ дамы. И въ самомъ дѣлѣ, Парижъ, напримѣръ, онъ зналъ какъ свою деревню, половину Германіи пѣшкомъ выходилъ и цѣлые два года жилъ въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ. Но я, какъ безпристрастный историкъ, долженъ здѣсь замѣтить, что съ дамами онъ вообще обращался не съ большимъ уваженіемъ, и одна только Лизавета Васильевна составляла для него какъ бы исключеніе, потому ли, что онъ не могъ, несмотря на его старанія, успѣть въ ней, или оттого, что онъ дѣйствительно понималъ въ ней истинныя достоинства женщины, или наконецъ потому, что она и станомъ, и манерами, и даже лицомъ очень много походила на тѣхъ милыхъ женщинъ, которыхъ онъ видалъ когда-то въ большомъ свѣтѣ, — этого не могъ рѣшить себѣ даже самъ Бахтіаровъ.

XVII.

Деревня.

На другой день послѣ описанной мною между Павломъ и Юліею сцены, оба они были больны. Бешметевъ, видя, что

жена не хочетъ его оставить, рѣшился самъ отъ нея уѣхать, съ благороднымъ, впрочемъ, намѣреніемъ — предоставить ей половину своего состоянія. Принявъ такое намѣреніе, онъ еще раннимъ утромъ выпросился въ отпускъ, съ тѣмъ, чтобы на другой же день уѣхать, и велѣлъ Марѳѣ сказать объ этомъ женѣ. Лично они не видались. Юлія испугалась не на шутку. Разойтись съ мужемъ! Но что объ этомъ скажутъ въ свѣтѣ, а главное — какъ приметъ это Владиміръ Андреичъ? И наконецъ за что же онъ такъ съ ней поступаетъ? Что такое она сдѣлала? Однако надобно было что-нибудь предпринять. Павелъ рѣшительно сбирался въ деревню. Не просить же у него прощенія! И кто теперь безъ папеньки внушитъ дураку? На этой самой мысли застала ее старинная наша знакомая Ѳеоктиста Саввична, которая — только ей одной извѣстными средствами — уже знала все недавно описанное происшествіе до малѣйшихъ подробностей и въ настоящее время пришла навѣстить людей въ горѣ.

— Сейчасъ только услышала отъ вашей дѣвушки, что вы не такъ здоровы, — говорила она, поздоровавшись съ хозяйкой: — давно сбиралась зайти, да все некогда. У Маровыхъ свадьба затѣвается; ну, вѣдь вы знаете: этотъ домъ, послѣ вашего папеньки, теперь, по моимъ чувствамъ, въ глаза и за глаза можно сказать, для меня первый домъ. Что съ вами-то? Время-то сырое — простудились, вѣрно?

— Я очень несчастлива, Ѳеоктиста Саввична, — отвѣчала Юлія, закрывъ глаза.

— Что это, Юлія Владимировна, что такое съ вами?

— Мужъ не хочетъ жить со мной.

— Павелъ Васильичъ? Да что это ему сдѣлалось?

— Ревнуетъ меня, — нельзя мнѣ шагу сдѣлать; вчера поѣхала я кататься, вдругъ ему пришло въ голову, что я заѣзжала...

— Куда же это, онъ думаетъ, вы заѣзжали?

— Ну, къ этому мерзавцу Бахтіарову.

— Скажите, пожалуйста, — говорила Ѳеоктиста Саввична, качая головою: — какая ревность! Но, впрочемъ, я вамъ скажу, не огорчайтесь очень, Юлія Владимировна. Мужчины всѣ таковы: имъ бы все самимъ дѣлать, а намъ бы ничего.

— Но онъ не хочетъ жить со мной, — перервала Юлія: — ѣдетъ въ деревню. Поговорите ему: что онъ, съ ума, что ли, сошелъ, что благородные люди такъ не дѣлаютъ, что это подло, что онъ меня можетъ ненавидѣть, но все-таки пусть живетъ со мной по крайней мѣрѣ для людей, — я ему не помѣшаю ни въ чемъ.

— Ой, Юлія Владимировна! Какъ васъ можно ненавидѣть? Такъ, въ горячности, больше ничего. Извольте, я поговорю, только сначала сторонкой кой-что поразузнаю, и сегодня же дамъ отвѣтъ. Вамъ бы давно ко мнѣ прислать. Какъ вамъ не грѣхъ? Случилось этакое дѣло, а меня не требуете. Вы знаете, какъ я предана вашему семейству. Еще на-дняхъ получила отъ Владимира Андреича письмо: поручаютъ старую коляску ихъ кому-нибудь продать. До пріятнаго свиданія.

Выйдя отъ Бешметевыхъ, Ѳеоктиста Саввична начала обдумывать свои дѣйствія во вновь предпринятомъ ею на себя подвигѣ. Она очень сожалѣла, что на этакій случай въ городѣ нѣтъ Перепетуи Петровны, которая, разсердившись на племянника, все лѣто жила въ деревнѣ и даже на зиму не хотѣла пріѣзжать въ городъ, чтобы только не видѣть семейнаго срама, и которая, конечно, въ этомъ дѣлѣ приняла бы самое живое участіе и помогла бы ей уговорить Павла. Но дѣлать нечего. Сваха отправилась къ Лизаветѣ Васильевнѣ: лично самой говорить Павлу она считала и неудобнымъ и безполезнымъ.

Масуровой только-что передъ приходомъ Ѳеоктисты Саввичны разсказала горничная, что случилось у Бешметевыхъ. Она встревожилась и хотѣла послать за братомъ.

— Матушка, что это у вашихъ-то надѣлалось? — начала прямо Ѳеоктиста Саввична. — Я сейчасъ отъ нихъ; Юлія Владимировна въ слезахъ, Павелъ Васильичъ огорченъ, — и не видала его. Говорятъ, онъ совсѣмъ хочетъ уѣхать въ деревню, а супругу оставить здѣсь. Сами посудите, — вѣдь это разводъ! На что это похоже? Мало ли что бываетъ между мужемъ и женою! Вы сами по себѣ знаете. А вѣдь все вышло-то изъ пустяковъ: вчерась поѣхала кататься съ этимъ вертопрахомъ Бахтіаровымъ.

Лизаветѣ Васильевнѣ было очень непріятно, что происшествіе это знала уже и Ѳеоктиста Саввична; но дѣлать было нечего.

— Я ничего хорошенько не слыхала, — отвѣчала она: — это, вѣрно, какіе-нибудь пустяки.

— Какое, матушка! Я сейчасъ отъ нихъ, — возразила Ѳеоктиста Саввична: — Юлія Владимировна со слезами просила меня пересказать вамъ. «Вы знаете, говоритъ, какъ я люблю и уважаю сестрицу; я бы сама, говоритъ, сейчасъ къ ней поѣхала, да не могу, — очень разстроена... Попросите, чтобы она поговорила брату не дѣлать этого. Ну, ужъ коли ему такъ хочется ѣхать въ деревню, можно ѣхать вмѣстѣ».

— Если братъ думаетъ ѣхать въ деревню, то, конечно, поѣдетъ съ женой, — отвѣчала Лизавета Васильевна.

— Въ томъ-то и дѣло, что хотятъ ѣхать одни; это-то и безпокоитъ Юлію Владимировну. Пошлите-ка за нимъ, родная, да поговорите съ нимъ. Я бы ему сама сказала, да мое дѣло стороннее, какъ-то неловко. Я вотъ хоть тутъ за ширмами посижу, а вы ему поговорите.

— Когда же онъ хочетъ ѣхать?

— Да сегодня въ ночь, или завтра утромъ.

Лизаветѣ Васильевнѣ самой хотѣлось видѣться съ братомъ, но только безъ Ѳеоктисты Саввичны. Съ другой же стороны, она знала, что госпожу Пономареву отклонить отъ какого бы то ни было дѣла, въ которомъ она уже приняла участіе, не было никакой возможности, а потому ограничилась только тѣмъ, что отослала сваху въ мезонинъ къ дѣтямъ и тотчасъ же послала за братомъ. Прошелъ часъ, другой, третій—Павелъ не являлся. У дѣятельной Ѳеоктисты Саввичны недостало терпѣнія дожидаться, и потому она, отправившись, куда ей было нужно, обѣщала вечеркомъ непремѣнно забѣжать.

Часу въ третьемъ пришелъ Павелъ.

Нѣсколько минутъ братъ и сестра молчали.

— Ты, братецъ, поссорился съ женой? — спросила наконецъ Лизавета Васильевна.

Павелъ молчалъ.

— Ты не огорчайся, другъ мой. Мало ли что̀ бываетъ въ семействѣ? Я съ моимъ благовѣрнымъ раза три въ иной день побранюсь. Правда ли, что ты хочешь одинъ ѣхать въ деревню?

— Да, я сегодня въ ночь ѣду.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Не дѣлай, братецъ, этого, — это грѣхъ. Ты мужчина — долженъ быть великодушенъ.

— Я могу великодушно простить слабость, но никогда — порокъ.

— Но отчего же прощаетъ мнѣ мой мужъ?

— Какое сравненіе!

— Одно и то же. Я также любила другого человѣка.

— Не говори мнѣ этого, Лиза. Ты ангелъ.

— Хорошо, я не буду говорить; только дай мнѣ слово ѣхать съ ней вмѣстѣ въ деревню. Какъ хочешь понимай ее самъ, но общественно ее безславить ты не имѣешь права, потому что самъ женился на ней противъ ея воли.

Послѣднія слова, кажется, очень поколебали рѣшимость Павла.

— Мнѣ трудно съ ней жить, Лиза. Я теперь ее очень хорошо понялъ и больше не могу ее любить.

— Не говори, братъ, — все время. Ты прежде ее любилъ, теперь не любишь, а послѣ опять будешь. Такъ же и она: прежде тебя не любила, а теперь полюбитъ. Повѣрь, мой другъ, въ бракѣ связуетъ насъ Богъ, и этими узами мы не можемъ располагать по собственному произволу.

— Лиза, вели мнѣ дать вина. Мнѣ очень грустно, — прервалъ вдругъ Павелъ.

Лизавета Васильевна посмотрѣла съ удивленіемъ на брата и велѣла, впрочемъ, подать вина. Бешметевъ залпомъ выпилъ цѣлый стаканъ.

— Цѣлый годъ я приносилъ этой женщинѣ жертвы,—началъ онъ:—цѣлый годъ она ничего не видѣла и не понимала; даже теперь, я увѣренъ, она не раскаивается, а вотъ еще ты хочешь, чтобы я принесъ ей новую жертву.

— Не для нея, братъ, но для меня: я тебѣ совѣтовала жениться, и на моей совѣсти ваше счастье.

— Я дѣйствительно неправъ, — продолжалъ Павелъ:—что женился наобумъ, не понимая ничего; но теперь я ее знаю. Вотъ что она такое, выслушай меня, Лиза: она необразована, дурного характера, не любитъ, даже терпѣть не можетъ меня и—тяжело сказать—развратна. Долженъ ли я жить съ ней?

— Долженъ. Мало этого, ты долженъ ее исправить: на твое попеченіе она отдана Богомъ. Еще разъ прошу тебя,—прости ее и не оставляй!

— Изволь, Лиза; но только здѣсь я не могу оставаться: мнѣ стыдно стѣнъ.

— И не оставайтесь; сегодня же поѣзжайте въ деревню.

— Но я не могу съ ней говорить.

— Не говори. Я ей напишу, или велю сказать. Когда ты думаешь выѣхать?

— Завтрашній день.

Братъ и сестра разстались.

Не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ ухода Павла явилась къ Лизаветѣ Васильевнѣ Ѳеоктиста Саввична и, къ удивленію своему, услышала, что у Бешметевыхъ ничего особеннаго не было, что, можетъ-быть, они побранились, но что завтра утромъ оба вмѣстѣ ѣдутъ въ деревню. Сваха была, впрочемъ, опытная женщина; обмануть ее было очень трудно. Она разомъ смекнула, что дѣло обдѣлалось, какъ она желала, но только отъ нея скрываютъ, чѣмъ она очень оскорбилась, а потому, посидѣвъ недолго, отправилась къ Бешметевой.

— Ну вотъ, матушка, дѣло-то все и обдѣлалось. Извольте-ка сбираться въ деревню,—объявила она, придя къ Бешметевой.— Ну ужъ, Юлія Владимировна, выдержала же я за васъ стойку...

Я вѣдь пошла отсюда къ Лизаветѣ Васильевнѣ. Сначала было, куды, такъ на стѣну и лѣзутъ... «Да что, говорю я, позвольте-ка васъ спросить, Владимиръ-то Андреичъ еще не умеръ, пріѣдетъ и изъ Петербурга, да вы, я говорю, съ нимъ и не раздѣлаетесь за этакое, что называется, безчестіе». Ну, и струсили. «Хорошо, говорятъ, только чтобы ѣхать въ деревню».

— Я, пожалуй, въ деревню поѣду,—отвѣчала Юлія, которая самая чувствовала, что въ городѣ ей оставаться не такъ-то ловко, тѣмъ болѣе, что можетъ встрѣтиться съ ужаснымъ Бахтіаровымъ.—Видѣли вы мужа?—спросила она.

— Какъ же, грустный такой! Онъ вѣдь васъ очень любитъ. Что, онъ теперь дома?

— Кажется, дома.

— А вотъ я съ нимъ поговорю.—Съ этими словами Ѳеоктиста Саввична отправилась въ комнату Павла.

— А вы въ деревню изволите собираться, Павелъ Васильичъ? Надолго ли, отецъ мой?

— Не знаю.

— Да супруга-то съ вами ли ѣдетъ?—прибавила она вполголоса:—онѣ что-то ничего не говорятъ.

— Мы оба ѣдемъ,—отвѣчалъ Павелъ.

— Такъ-съ, въ коляскѣ?

— Въ коляскѣ.

Переговоривъ такимъ образомъ, сваха пришла къ Юліи и посовѣтовала ей велѣть горничной тотчасъ же укладываться. Такимъ образомъ на другой день поутру супруги вышли, каждый изъ своей комнаты, не говоря другъ съ другомъ ни слова, сѣли въ экипажъ и отправились въ путь.

Небольшая усадьба Бешметева не отличалась ни живописнымъ мѣстоположеніемъ ни широкимъ довольствомъ капитальныхъ помѣщичьихъ усадьбъ. Она была въ страшной глуши, окружалась со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и болотами. Небольшой барскій домъ, или—скорѣе — флигель, нѣсколько людскихъ строеній, амбаръ, погребъ, сарай да покосившаяся нàбокъ толчея, — вотъ и все тутъ. Въ продолженіе своего путешествія супруги мои, вмѣсто того чтобъ объясниться и яснѣе разузнать роковое для нихъ происшествіе, ни слова почти не сказали объ этомъ и говорили только о совершенно посторонникъ для нихъ предметахъ,—такъ, напримѣръ, о попавшемся имъ на пути скверномъ мостѣ, объ очень худой коровѣ, о какой-то необыкновенно живописной въ сторонѣ усадьбѣ, и наконецъ убѣждали вмѣстѣ хозяина постоялаго двора, заломившаго съ нихъ тройную цѣну за ночлегъ.

Пріѣхавъ въ усадьбу, они начали съ того, что взяли себѣ совершенно отдѣльныя комнаты, на противоположныхъ концахъ дома, и каждый изъ нихъ помѣстился въ своемъ отдѣленіи по-своему. Юлія повѣсила на маленькія окна драпировку, разставила на комодѣ свои модныя вещицы и, впяливъ канву, рѣшилась вышивать какого-то длинноногаго рыцаря. Что касается до Павла, то онъ разложилъ свои книги, въ намѣреніи заниматься. Между собою они видались только за столомъ, и то не всегда, и почти ничего не говорили другъ съ другомъ Вотъ какова была внѣшняя жизнь Бешметевыхъ, и, конечно, она была результатомъ того, какъ они понимали другъ друга. Юлія своею порочною измѣною,—въ порокѣ жены Павелъ нимало уже не сомнѣвался,—эта, нѣкогда обожаемая, Юлія въ одинъ махъ упала съ пьедестала, на которомъ герой мой прежде держалъ ее въ своемъ воображеніи. Будь на мѣстѣ Павла другой мужъ, болѣе опытный въ житейскомъ дѣлѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, предварительно разузналъ бы все хорошенько и, убѣдившись, что ничего серьезнаго не было, не произвелъ бы, конечно, никакой тревоги, а заключилъ бы все дѣло приличнымъ наставленіемъ; при болѣе грубомъ характерѣ—двумя-тремя тузами коварному существу. Но не такъ взглянулъ на это Павелъ, пуританинъ по своимъ понятіямъ, образовавшимся въ одностороннемъ воспитаніи, и изъятый самъ отъ юношескихъ дурачествъ своею вялою и флегматическою природою. Въ чувствахъ къ женѣ онъ какъ-то раздвоился: свой призракъ, видимый нѣкогда въ ней, онъ любилъ попрежнему; но Юлію живую, съ ея привычками, словами и дѣйствіями, онъ презиралъ и ненавидѣлъ, даже жить съ ней остался потому только, что считалъ это своимъ долгомъ и обязанностью. Юлія, съ своей стороны, еще болѣе стала не любить Павла. Въ своихъ отношеніяхъ съ Бахтіаровымъ она не видала ничего преступнаго; напротивъ того, она постоянно боролась и осталась вѣрна мужу. Но такъ строго и за что же осудилъ ее этотъ безалаберный человѣкъ? Что такое она сдѣлала? Ничего: она любила другого, но не его же, болвана, любить; онъ дуракъ, рѣшила она, и не хотѣла оставить его оттого только, что боялась общества и папеньки. Къ этимъ горькимъ размышленіямъ моей героини присоединялась еще страшная ненависть къ Бахтіарову, о которомъ она не могла равнодушно вспомнить.

Прошла недѣля, другая, третья и наконецъ мѣсяцъ. Обоимъ супругамъ сдѣлалось невыносимо скучно. Юлія рѣшительно не знала, что дѣлать: наскучавшись, даже наплакавшись, она обыкновенно принималась вышивать рыцаря, у

котораго, вслѣдствіе того, въ какія-нибудь двѣ недѣли обозначились даже ноги и уже начиналась лежащая у этихъ ногъ собака. Павелъ, думавшій заниматься, ничего не дѣлалъ, но обыкновенно лежалъ и думалъ; предметомъ его размышленій были, по преимуществу, женитьба и Юлія. Онъ, какъ нарочно, вспоминалъ всѣ—не слишкомъ чистые—поступки Владимира Андреича, дававшаго только совѣты и не сдѣлавшаго лично для дочери ничего; вспоминалъ все невниманіе и даже жестокосердіе, которое обнаруживала Юлія въ отношеніи къ его больной матери, всю нелюбовь ея и даже неуваженіе, оказываемое ею въ отношеніи его самого, наконецъ ея грязную измѣну и то презрѣніе, которое обнаруживалъ Бахтіаровъ къ безстыдной женщинѣ. О поступкѣ губернскаго льва съ Юліей Павелъ былъ увѣдомленъ отъ людей, съ которыми онъ уже не стыдился говорить о женѣ. Герой мой, въ своемъ желчномъ расположеніи, въ бездѣйствіи и скукѣ, не замѣчая самъ того, началъ увеличивать обычную порцію вина, которое онъ прежде пилъ въ весьма маломъ количествѣ. Обѣдъ былъ, какъ я и прежде замѣчалъ, единственное время, въ которое супруги видались. Къ этому-то именно времени Павелъ и дѣлался значительно навеселѣ. Въ подобномъ состояіи непріязненное чувство къ женѣ возрастало въ немъ до ожесточенія, и онъ ее начиналъ, какъ говорится, шпиговать.

— Что, Константинъ,—говорилъ, напримѣръ, онъ, обращаясь къ стоящему лакею:—не хочешь ли, братецъ, жениться?

— Никакъ нѣтъ-съ, Павелъ Васильичъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же, братецъ? Ничего!.. Будетъ только на свѣтѣ лишній дуракъ.

— Сохрани Богъ, Павелъ Васильичъ,—возражалъ лакей.

— Далъ мнѣ Богъ умъ и другія способности,—разсуждалъ потомъ Павелъ вслухъ:—родители употребили послѣднія крохи на мое образованіе, и что же я сдѣлалъ для себя? Женился и пріѣхалъ въ деревню. Для этого достаточно было ѣсть и спать, чтобы вырасти, а потомъ ѣсть и спать, чтобы умереть.

— Кто же васъ заставлялъ жениться?—возражала Юлія.

— Собственная глупость и неблагопріятная судьба.

Юлія пожимала только плечами.

— Сегодня именины у Портновыхъ, и у нихъ, вѣрно, балъ,—сказалъ однажды Бешметевъ.

Въ этотъ день онъ былъ даже пьянъ.

— Какъ вамъ, Юлія Владимировна, я думаю, хотѣлось бы туда попасть!

Юлія не отвѣчала мужу.

— Вы бы тамъ увидѣлись и помирились съ однимъ чело-

вѣкомъ; онъ бы васъ довезъ въ своемъ фаэтонѣ, а можетъ-быть, даже вы бы и къ нему заѣхали и время бы провели препріятно.

Юлія не могла этого вынести и залилась слезами.

— Подлый и низкій человѣкъ!—въ состояніи была только проговорить она и ушла къ себѣ въ комнату.

Цѣлый день послѣ того она плакала. Павелъ не обратилъ сначала вниманія на слезы и уходъ жены; но, выспавшись, ему, видно, сдѣлалось совѣстно своихъ словъ: онъ спрашивалъ у людей, что дѣлаетъ жена. Ему отвѣчали, что лежитъ въ постели, плачетъ и нѣсколько разъ принимала гофманскія капли.

Дня три послѣ этого супруги не видались. Юлія не могла понять, что сдѣлалось съ мужемъ. Она прежде была увѣрена, что онъ въ нее влюбленъ, и поэтому она можетъ дѣлать все, что ей угодно, и что ей достаточно ласково взглянуть на него, чтобы осчастливить на цѣлую недѣлю; но что жъ выходитъ теперь? Онъ осмѣливается ей дѣлать безпрестанныя обиды! Откуда въ немъ эта дерзость? Марѳа разрѣшила ея сомнѣнія.

— Не плачьте, матушка,—сказала она, утѣшая плачущую Юлію послѣ одной новой выходки Павла:—вѣдь это онъ сказалъ такъ... не къ своемъ разумѣ: хмѣльненекъ былъ маленько.

— Такъ хмѣльненекъ? Развѣ онъ пьетъ?—спросила Юлія,

— Пьетъ, матушка, и порядочно-таки этимъ занимается,— отвѣчала служанка.

— Господи! Только этого недоставало!—воскликнула Юлія, всплеснувъ руками.—Онъ дуракъ, злой и пьяница; теперь онъ говоритъ колкости, а тамъ и бить начнетъ.

Она рѣшилась-было написать обо всемъ къ отцу, но потомъ раздумала: Владимиръ Андреичъ, вѣроятно, будетъ спрашивать Павла, а тотъ ужъ, конечно, напишетъ ему все, а этого ей очень не хотѣлось. Не зная рѣшительно, что будетъ съ нею впередъ, она дала себѣ слово не уступать Павлу и на колкости его, насколько станетъ силъ, отвѣчать бранью и угрозами. Такимъ образомъ непріязненное расположеніе моихъ супруговъ другъ къ другу росло съ каждымъ днемъ. Сколько оба они страдали, я не въ состояніи описать. Оба худѣли и блѣднѣли съ каждымъ днемъ. Для Юліи не проходило дня безъ слезъ, а Павелъ, добрый мой Павелъ рѣшительно сдѣлался мизантропомъ. Въ обыкновенномъ состояніи онъ страдалъ и тосковалъ, выпивъ, начиналъ проклинать себя, людей, жену и даже Елизавету Васильевну, съ которой совершенно пересталъ переписываться и не отвѣчалъ ни слова на ея письма.

XVIII.

Сосѣдка.

Между тѣмъ переѣздъ Бешметевыхъ въ деревню послужилъ значительнымъ предметомъ для толковъ. Молва о случившемся происшествіи между Бешметевымъ и Бахтіаровымъ дошла до сосѣдей прежде еще ихъ пріѣзда. Исторія эта въ различныхъ мѣстахъ разсказывалась различно. Одни говорили, что Юлія, влюбившись въ Бахтіарова, ушла къ нему ночью; мужъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ-было за ней, но его выгнали, и онъ былъ столько глупъ, что не въ состояніи былъ ничего предпринять; что на другой день поутру Юлія возвратилась къ мужу, потому что Бахтіаровъ, которому она, видно, наскучила, прогналъ ее, и что теперь между ними все уже кончено. Болѣе же подозрительные умы говорили, что интрига не кончена, что это только одинъ отводъ, что Бахтіаровъ скоро пріѣдетъ къ нимъ въ деревню. Какъ бы то ни было, надъ Павломъ всѣ смѣялись, а Юлію обвиняли въ безнравственности. Дамы, особенно позначительнѣе, говорили вслухъ, что онѣ даже не заплатятъ визита, если новая сосѣдка вздумаетъ пріѣхать къ нимъ. Но Бешметева ни съ кѣмъ не знакомилась.—«И прекрасно дѣлаетъ,—говорили тѣ же дамы:—по крайней мѣрѣ этимъ она доказываетъ, что она умная женщина, и, понимая себя, не хочетъ собою компрометировать другихъ». Впрочемъ, я долженъ сказать, что, несмотря на подобные обидные возгласы, были нѣкоторыя дамы, которымъ очень желалось познакомиться съ Бешметевыми, особенно съ тѣхъ поръ какъ всѣ уже убѣдились, что новые сосѣди не думаютъ знакомиться ни съ кѣмъ.

По преимуществу это желаніе овладѣло одною почтенною помѣщицей и самою ближайшею сосѣдкой Бешметевыхъ, Катериной Михайловной Саничъ. Дама эта была уже старуха и съ незапамятныхъ годовъ вдовствовала въ своей усадьбѣ, поправляя всю жизнь разстроенное покойнымъ супругомъ состояніе. Происхожденія она была темнаго и какъ говорилъ слухъ, выйдя весьма двусмысленно въ Петербургѣ замужъ за немолодого уже Санича, переѣхала съ нимъ въ деревню, привезя съ собою и того времени столичныя моды и столичный тонъ. Съ самаго пріѣзда обнаружила она мягкосердное къ несчастіямъ ближнихъ сердце и рѣшительную наклонность протестовать противъ мнѣній сосѣдей. Выгоняетъ ли кто управляющаго за пьянство и плутовство, спасаетъ ли жена отъ жестокосерднаго мужа, отказывала ли какая-нибудь дама молодень-

кой гувернанткѣ за то, что ту почтилъ особеннымъ вниманіемъ супругъ,—всѣхъ принимала къ себѣ Саничъ и держала при себѣ, покуда судьба несчастныхъ жертвъ не устраивалась. Услышавъ о пріѣздѣ Бешметевыхъ и о случившейся съ ними непріятной исторіи, и затѣмъ узнавъ, что деревенскія дамы не хотятъ этой новой сосѣдкѣ заплатить даже визита, она начала съ того, что во всеуслышаніе объявила нижеслѣдующее свое рѣшеніе:—«Дама эта поступила дурно, но онѣ не должны ее судить строго, потому что это можетъ случиться со всякой, и потому она Бешметеву приметъ, сама къ ней поѣдетъ; а какъ бы это ни показалось другимъ, для нея все равно».

— Вѣрно, думаетъ занять у нихъ денегъ, — замѣтилъ одинъ сосѣдъ, имѣвшій наклонность каждый поступокъ человѣка перетолковывать въ дурную сторону.

Желаніе, хотя и невысказанное, познакомиться съ Бешметевыми, раздѣляли также бѣдныя дворянки, для полученія законнаго права выносить на моихъ героевъ всевозможныя сплетни, за которыя онѣ обыкновенно получаютъ отъ своихъ покровителей мѣсто за столомъ и поношенныя платья. Эти личности уже нѣсколько разъ порывались войти въ домъ Бешметевыхъ, но Павелъ велѣлъ отказывать всѣмъ. Даже, можетъ-быть, добрѣйшей госпожѣ Саничъ не удалось бы исполнить ея христіанскаго дѣла — познакомиться съ Бешметевыми, если бы сама судьба не распорядилась такимъ образомъ, что знакомство это началось рѣшительно безъ всякаго вѣдома съ той и другой стороны.

Юлія Владимировна пріѣхала къ обѣднѣ въ свой приходъ. Почтенная Саничъ была уже тамъ и послѣ обѣдни, какъ бы случайно, не замедлила подойти къ Бешметевой. Разговоръ, какъ водится, начался съ пустяковъ, съ хорошей погоды; затѣмъ Катерина Михайловна была такъ любезна и внимательна, что Юлія разговорилась, ярко описала новой знакомой скуку деревенской жизни, къ которой она еще совершенно не привыкла. Саничъ не преминула объяснить, что она очень хорошо знаетъ Владимира Андреича и до-нельзя его уважаетъ. Однимъ словомъ, дамы познакомились. Катерина Михайловна пригласила сосѣдку, безъ церемоніи, по-деревенски, для того только, чтобы провести еще нѣсколько пріятныхъ часовъ въ столь миломъ для нея знакомствѣ, — ѣхать къ ней. Юлія, поблагодаря за ея лестное расположеніе, согласилась на предложеніе съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ обѣ дамы поѣхали въ одномъ экипажѣ

Здѣсь я долженъ объяснить, что милосердная Катерина

Михайловна въ это время дала пріютъ въ своемъ обширномъ домѣ одному безмѣстному французу-гувернеру, котораго завезъ въ эту глушь одинъ сосѣдній помѣщикъ за довольно дорогую плату, но чрезъ двѣ же недѣли отказалъ ему, говоря, что m-r Мишо (имя гувернера) умѣетъ только выѣзжать лошадей, но никакъ не учить дѣтей. Почтенный отецъ семейства до того желалъ отдѣлаться отъ наставника, что даже отказался отъ данныхъ ему впередъ 300 цѣлковыхъ и просилъ только m-r Мишо убираться, куда ему угодно. Гувернеръ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи: у него не было ни копейки, и я не знаю, чѣмъ бы все это для него кончилось, если бы милосердная Катерина Михайловна, узнавъ о новой жертвѣ, не послала къ нему тотчасъ лошадей съ приглашеніемъ пріѣхать къ ней. Французъ, разумѣется, не замедлилъ согласиться и, предоставя о будущемъ заботиться своей судьбѣ, пріѣхалъ и поселился весьма комфортабельно въ нижнемъ этажѣ дома своей покровительницы, прося ее безпрестанно занять гдѣ-нибудь, хотя на прокатъ, сынка или дочку, которыхъ бы онъ, по его словамъ, удивительно воспиталъ. Проживая такимъ образомъ, онъ обыкновенно разсказывалъ различные комеражи, происходившіе въ домѣ почтеннаго, но выгнавшаго его помѣщика. Старуха помирала со смѣху, слушая разсказы своего милаго француза, который былъ дѣйствительно милъ. Имѣлъ ли онъ собственно достоинства воспитателя — я не знаю; по крайней мѣрѣ, если ихъ и имѣлъ, то тщательно скрывалъ таковыя. Но зато онъ владѣлъ другими достоинствами, а именно: имѣлъ чисто-французскую выразительную физіономію, былъ прекрасно одѣтъ, щегольски ѣздилъ верхомъ и мастерски стрѣлялъ, игралъ довольно недурно на фортепіано, а главное — надѣленъ былъ способностью болтать по цѣлымъ днямъ на всевозможные тоны и насвистывать цѣлыя оперы, при чемъ обыкновенно представлялъ оркестръ, всѣхъ пѣвцовъ и даже самый хоръ. По-русски m-r Мишо говорилъ чисто, что̀ и заставляло думать, что врядъ ли онъ и не родился въ Россіи; но, впрочемъ, самъ онъ увѣрялъ, что произошелъ на свѣтъ на берегахъ Сены и даже въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, откуда, для развлеченія, пріѣхалъ въ Россію и принялся образовывать юношество. Вотъ какого человѣка встрѣтила Юлія въ домѣ своей новой знакомой.

Старуха еще дорогой разсказала Бешметевой о своемъ миломъ жильцѣ и, пріѣхавъ, тотчасъ же познакомила ихъ. Разговоръ сейчасъ завязался. М-r Мишо не замедлилъ пропѣть комическимъ тономъ нѣсколько арій изъ «Лючіи», представилъ оркестръ изъ «Фра-Діаволо», потомъ описалъ породу норманд-

скихъ лошадей, описалъ также ужасное происшествіе, постигшее одинъ французскій фрегатъ, попавшій въ плѣнъ къ дикимъ, и въ заключеніе нарисовалъ карикатуру одного знакомаго сосѣда. Юліи было невыразимо весело; она забыла свои непріятности, забыла мужа, смѣялась и говорила безпрестанно. Милосердная хозяйка тоже покатывалась со смѣху, слушая безцѣннаго m-r Мишо, который не ограничился еще этимъ, но, перестроивъ себя на печальный ладъ, продекламировалъ нѣсколько стихотвореній изъ Виктора Гюго, при чемъ, возведя очи къ небу, вспомнилъ о своей невѣстѣ, будто бы два года тому назадъ умершей, и потомъ, расчувствовавшись, усѣлся за фортепіано и проигралъ двѣ аріи изъ Шуберта.

Такимъ образомъ день прошелъ весьма скоро. Юліи не хотѣлось ѣхать; она готова была остаться тутъ еще день, недѣлю, мѣсяцъ. Когда она сѣла въ экипажъ, сердце ея замерло при одной мысли, что она, послѣ такого пріятнаго общества, должна воротиться въ свою лачугу, встрѣтиться съ несноснымъ супругомъ.

Пріѣхавъ домой, впрочемъ, она не видала Павла и встрѣтилась съ нимъ уже на другой день за обѣдомъ. Бешметевъ даже не спросилъ жену, гдѣ она была цѣлый день.

На третій день Юлія сама уже рѣшилась сказать мужу, что завтрашній день пріѣдетъ къ нимъ отплатить визитъ Саничъ, съ которою она познакомилась въ прошлое воскресенье. Павелъ на это ничего не отвѣчалъ, но только на другой день, еще часу въ десятомъ утра, уѣхалъ въ городъ.

Катерина Михайловна пріѣхала въ четвергъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій, спросила Юлію о мужѣ. Бешметева нѣсколько сконфузилась и нашлась только сказать, что Павелъ, по очень нужнымъ дѣламъ, уѣхалъ въ городъ, но что, пріѣхавъ, онъ непремѣнно пріѣдетъ съ нею представиться къ Катеринѣ Михайловнѣ, которую онъ будто бы безмѣрно уважаетъ. Просидѣвъ часа два, Саничъ уѣхала, взявъ съ Юліи честное слово быть у нея въ слѣдующее воскресенье. Юлія обѣщалась, рѣшившись, впрочемъ, не везти мужа къ новой знакомой, а если та спроситъ о немъ, то солгать или на болѣзнь, или на что-нибудь подобное. Поэтому она ничего и не говорила Павлу, который, пріѣхавъ изъ города, велъ себя попрежнему, т.-е. цѣлые дни не видался съ женою, а за обѣдомъ говорилъ ей колкости. Юлія дала себѣ слово не обращать вниманія на дурака и сносила все молча, даже не слушая того, что онъ говоритъ.

Въ слѣдующее посѣщеніе Бешметевой къ Саничъ, французъ превзошелъ самъ себя; по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ

Юліи онъ такъ былъ любезенъ, что та какъ бы невольно проговорила съ нимъ цѣлый вечеръ, и когда она собралась домой, то Мишо объявилъ ей рѣшительное намѣреніе провожать ее верхомъ и защищать, въ случаѣ какой-либо опасности, до послѣдней капли крови. Сказано и сдѣлано. До самыхъ послѣднихъ воротъ французъ галопировалъ подлѣ коляски Бешметевой и при прощаніи объявилъ, что на-дняхъ же явится съ визитомъ. Бешметева, не подумавъ, согласилась на это посѣщеніе; но, пріѣхавъ домой, она вспомнила о Павлѣ, объ этомъ отвратительномъ Павлѣ. «Что же такое? — подумала она: — я ему скажу завтра рѣшительно, и онъ, вѣрно, куда-нибудь уѣдетъ. Не стѣснять же себя для него на каждомъ шагу!»

На этой мысли Юлія успокоилась.

XIX.

Отъѣздъ.

Павелъ, несмотря на то, что даже и не спросилъ Юлію о новомъ ея знакомствѣ съ добрѣйшею Катериною Михайловною и милымъ m-r Мишо, зналъ уже все. Петрушка, подсмотрѣвшій нѣкогда въ щелку, какъ Юлія цѣловала Бахтіарова, подсмотрѣлъ и на этотъ разъ и, какъ водится, сообщилъ въ людской со всевозможными подробностями о посѣщеніи Юліею сосѣдки, о самой сосѣдкѣ, и наконецъ и о ловкомъ учителѣ. Все это подслушала Марѳа и тѣмъ же вечеромъ сообщила барину. Такимъ образомъ Бешметевъ узналъ, что Юлія цѣлый вечеръ говорила по-французски съ гувернеромъ, что этотъ гувернеръ игралъ на фортепіанахъ, а Юлія Владимировна слушала, что наконецъ m-r Мишо провожалъ ее верхомъ до самыхъ воротецъ въ озимое поле. Для мнительнаго и рѣшительно предубѣжденнаго противъ своей супруги моего героя было слишкомъ достаточно. «Это, вѣрно, новая интрига»,—рѣшилъ онъ и далъ себѣ слово на этотъ разъ не быть такимъ дуракомъ, какъ прежде, и не пускать къ себѣ этого новаго мерзавца въ домъ. Принявъ это намѣреніе, онъ почти ни слова не говорилъ съ женою и даже, во избѣжаніе непріятныхъ съ нею встрѣчъ, придумалъ уйти съ ранняго утра на цѣлый день охотиться. М-r Мишо, какъ нарочно, пріѣхалъ въ этотъ день съ первымъ визитомъ. Юлія, обрадованная тѣмъ, что гость пріѣхалъ такъ кстати, т.-е. безъ мужа, встрѣтила его очень любезно и, конечно, такъ же бы любезно провела съ нимъ цѣлый день, если бы не услышала, часу въ первомъ, что Павелъ воротился. Ожидая каждую секунду, что милый супругъ

войдетъ и, можетъ-быть, сочинитъ сцену, она совершенно растерялась, и потому, какъ m-r Мишо ни былъ занимателенъ и любезенъ, Юлія, ссылаясь на головную боль, сдѣлалась молчалива и рѣшительно не въ состояніи была поддерживать разговоръ. Гувернеръ догадался и скоро уѣхалъ; на него произвела самое невыгодное впечатлѣніе нелюбезность хозяйки, которая, вмѣстѣ съ ея некомфортабельною гостиною, рѣшительно уронила ее въ его глазахъ. Онъ съ перваго свиданія счелъ ее, по ея развязнымъ манерамъ и умѣнью выражаться на французскомъ языкѣ, дамою comme il faut, имѣющею свой будуаръ съ извѣстными прихотями, хорошій завтракъ и цѣльное вино. Но что же вышло? — Она живетъ только-что не въ кухнѣ, ничего не дала ему пить и ѣсть, — а главное, была молчалива какъ сова, при всей его любезности.

Здѣсь я долженъ объяснить, что Павелъ воротился домой совершенно случайно. Собравшись на охоту, онъ сыскалъ себѣ предварительно довольно опытнаго руководителя въ особѣ сосѣдняго мужика Ѳаддея, перебившаго на своемъ вѣку безчисленное множество пернатыхъ и около полусотни медвѣдей. Ѳаддей за любезное ему дѣло принялся, какъ и надобно ожидать отъ истаго охотника, горячо, т.-е. провелъ моего героя верстъ пять по болоту, убилъ двухъ утокъ и одного даже бекаса, и хотѣлъ уже вести барина еще далѣе къ мѣсту, гдѣ, по его словамъ, была уйма рябчиковъ. Бешметевъ, вооруженный ружьемъ, былъ однимъ только жалкимъ зрителемъ успѣховъ своего спутника и усталъ до невѣроятности. Услышавъ, что ему предстоитъ отойти отъ дома еще верстъ пять, онъ рѣшительно отказался и возвратился домой черезъ силу, съ полнымъ убѣжденіемъ, что охота не можетъ служить ему времяпрепровожденіемъ. Войдя въ домъ, онъ еще въ лакейской замѣтилъ модное пальто и, не спрашивая, догадался, кому оно принадлежитъ. Онъ ограничился только тѣмъ, что посмотрѣлъ на ружье, и, вернувшись къ себѣ въ комнату, бросилъ его на полъ съ такою силою, что стволъ выскочилъ изъ ложи...

Однако надобно было что-нибудь предпринять: послать лакея сказать французу, чтобъ онъ убирался, откуда пришелъ, или позвать Юлію и требовать отъ нея, чтобъ она сейчасъ же выпроводила гостя, или наконецъ войти самому и оказать ему явную невѣжливость, напримѣръ, спросить его, зачѣмъ онъ пожаловалъ? Между тѣмъ какъ такимъ образомъ Павелъ, выходя изъ себя отъ досады и ревности, придумывалъ средства, какими слѣдуетъ выпроводить m-r Мишо, тотъ уѣхалъ, и потому герой мой рѣшился все выместить на Юліи; вмѣстѣ съ тѣмъ, не замѣчая самъ того. выпилъ нѣсколько рюмокъ

водки. Юліи не менѣе супруга была разсержена. «Господи,— говорила она сама съ собою: — до чего довелъ меня этотъ уродъ! Я не могу принять посторонняго человѣка въ свой домъ, провести два часа въ недѣлю пріятно. Онъ меня истерзаетъ, живую положитъ въ могилу».

Съ такого рода чувствованіями супруги сошлись къ обѣду и нѣсколько минутъ не говорили другъ съ другомъ ни слова.

— Если сегодняшній господинъ,—началъ Павелъ, обращаясь къ лакею: — когда-нибудь пріѣдетъ еще, то сказать ему, что его не велѣно пускать.

— Если Мишо пріѣдетъ, — возразила Юлія, насколько стало у ней силы, рѣшительнымъ голосомъ: — то сказать ему, что я его принимаю.

— А я приказываю сказать, — перебилъ Павелъ: — что его не велѣно пускать, слышишь ли? А если не пойдетъ, такъ вытолкать его въ шею! Кто хочетъ съ нимъ видѣться, такъ могутъ найти мѣсто въ полѣ, на улицѣ, у него въ спальнѣ, только не въ моемъ домѣ.

Въ продолженіе всей этой рѣчи Павла, Юлія дрожала и, при послѣднихъ словахъ, будучи не въ состояніи ничего отвѣчать на несправедливую обиду, упала со стула въ страшной истерикѣ. Павелъ не бросился къ женѣ, какъ онъ это дѣлалъ прежде; онъ даже не позвалъ къ ней на помощь и ушелъ къ себѣ въ комнату. Съ Юліей былъ неподдѣльный и сильный истерическій припадокъ: она рыдала на цѣлый домъ. Нѣсколько минутъ Павелъ сидѣлъ въ какомъ-то ожесточенномъ состояніи и потомъ, видно, будучи не въ состояніи слышать стоны жены, выбѣжалъ изъ дома и почти бѣгомъ пошелъ въ поле, въ лугъ, въ лѣсъ, самъ не зная куда и съ какою цѣлью. Пробѣжавъ версты три, наконецъ утомился, упалъ на траву и, какъ малый ребенокъ, началъ рыдать. Трудно перечислить и опредѣлить тѣ чувствованія, которыя породили эти слезы; это были ревность, злоба, жалость, раскаяніе, однимъ словомъ — все то, что̀ можетъ составить для человѣка нравственный адъ. Но отчего страдали и терзали другъ друга эти два человѣка? Странно сказать, но оно справедливо: отъ одного только непониманія одинъ другого, разницы въ воспитаніи и рѣшительной неопытности въ практической жизни.

Между тѣмъ Юлія проплакалась. Слезы облегчили ее, и затѣмъ, нѣсколько успокоившись, она рѣшилась тотчасъ же ѣхать къ Катеринѣ Михайловнѣ, разсказать ей все и просить у ней совѣта, что̀ ей дѣлать. Долѣе жить съ Павломъ, она уже видѣла, для нея нѣтъ никакой возможности.

Въ это самое время милосердная Катерина Михайловна была

въ исключительно филантропическомъ расположеніи духа, вслѣдствіе того, что ей принесли оброку до полуторы тысячи ассигнаціями и неизвѣстно откуда явился кочующій по помѣщикамъ разносчикъ съ краснымъ товаромъ, и потому старуха придумывала, кому изъ горничныхъ, которыхъ было у ней до двухъ десятковъ, и что̀ именно купить на новое платье, глубоко соображая въ то же время, какой бы подарокъ сдѣлать и милому m-r Мишо, для котораго всѣ предлагаемыя въ безграмотномъ реестрѣ матеріи — начиная отъ англійскаго трико до индійскаго кашемира — казались ей недостойными Въ это самое время пріѣхала Юлія. Катерина Михайловна обрадовалась до невѣроятности, выбѣжала встрѣтить гостью еще въ лакейскую и, замѣтивъ, что у Бешметевой заплаканы глаза и что она очень блѣдна, перепугалась и тотчасъ же спросила:

— Что̀ это съ вами, безцѣнная моя? Вы больны, или плакали? Боже мой! Не умеръ ли кто-нибудь изъ близкихъ вамъ?

На этотъ радушный вопросъ Юлія ни слова не отвѣчала и только, сжавъ руку доброй Катерины Михайловны, просила отвести ее въ отдаленную комнату и позволить поговорить съ ней наединѣ. Просьба эта, конечно, сейчасъ же была исполнена. Въ самой отдаленной и даже темной комнатѣ, предназначенной собственно для храненія гардероба старухи, Юлія со слезами разсказала хозяйкѣ все свое горькое житье-бытье съ супругомъ, который, по ея словамъ, былъ ни болѣе ни менѣе, какъ пьяный разбойникъ, который, конечно, на-дняхъ убьетъ ее, и что она, только не желая огорчить папеньку, скрывала все это отъ него и отъ всѣхъ, но что теперь уже болѣе не въ состояніи и готова бѣжать хоть на край свѣта и даже ѣхать къ папенькѣ, но только не знаетъ, какъ это сдѣлать, потому что у ней нѣтъ ни копейки денегъ: мерзавецъ-мужъ обобралъ у ней все ея состояніе и промоталъ, и теперь у ней только брильянтовые серьги, фермуаръ и брошки, которые готова она кому-нибудь заложить, чтобъ только уѣхать къ отцу. Катерина Михайловна, исполненная, какъ извѣстно моему читателю, глубокой симпатіи ко всѣмъ страданіямъ человѣческимъ, пролила предварительно обильныя слезы, но потомъ пришла въ истинный восторгъ, услышавъ, что у Юліи нѣтъ денегъ, и что она свои полторы тысячи можетъ употребить на такое христіанское дѣло, т.-е. отдать ихъ m-me Бешметевой для того, чтобъ эта несчастная жертва могла сейчасъ же уѣхать къ папенькѣ и никакъ не оставаться долѣе у злодѣя-мужа. Юлія, разумѣется, на все это согласилась съ удовольствіемъ и благодарностью. Принявъ такое намѣреніе, обѣ дамы начали придумывать, какъ бы все это сдѣлать безъ шума и безъ

огласки. Катерина Михайловна рѣшительно объявила, чтобы за вещами послали ея человѣка, а между тѣмъ сама хоть недѣльку бы у ней отдохнула и подкрѣпилась къ такому дальнему вояжу. Юлія и на это согласилась. Посланъ былъ человѣкъ съ запискою отъ Бешметевой къ ея горничной, которой было поручено, забравъ вещи Юліи, тотчасъ же пріѣхать къ Катеринѣ Михайловнѣ, а если будетъ спрашивать баринъ, такъ ему сказать, что она ничего не знаетъ, а только ей такъ приказано.

Предпринятое дамами намѣреніе онѣ не открыли никому и даже m-r Мишо сказали только, что Юлія пріѣхала къ Катеринѣ Михайловнѣ на нѣсколько дней. Французъ, съ своей стороны, хотя уже и разочарованный въ m-me Бешметевой, однако очень обрадовался, узнавъ, что она прогоститъ нѣсколько времени у m-me Саничъ.

Чувство удовольствія одушевило еще болѣе и безъ того уже довольно одушевленнаго m-r Мишо, поэтому въ тотъ вечеръ онъ превзошелъ всякую мѣру любезности. Не говоря уже объ анекдотахъ, о каламбурахъ, объ оркестрѣ изъ «Фенеллы», просвистанномъ имъ съ малѣйшими подробностями, онъ представилъ даже бразильскую обезьяну, лѣзущую на дерево при видѣ человѣка, для чего и самъ влѣзъ удивительно ловко на дверь, и наконецъ вечеромъ усадилъ Юлію и Катерину Михайловну за столъ, велѣвъ имъ воображать себя дѣвочками—m-me Саничъ безпамятною Катенькою, а Юлію шалуньей Юленькою, и самого себя — надѣвъ предварительно чепецъ, очки и какую-то кацавейку старой экономки — ихъ наставницею, подъ именемъ m-me Гримардо, которая и преподаетъ имъ урокъ, и затѣмъ началъ имъ разсказывать нравственные анекдоты изъ дѣтской книжки, укоряя безпрестанно Катеньку за безпамятство, а Юленьку за рѣзвость. М-r Мишо такъ былъ милъ въ этой шуткѣ, такъ уморительно гримасничалъ, что даже лакеи и горничныя, выглядывавшіе изъ-за дверей, не могли удержаться отъ смѣха, а сама хозяйка и Юлія смѣялись почти до истерики. Юлія не только не безпокоилась, но даже почти совсѣмъ забыла въ этомъ пріятномъ обществѣ свое непріятное положеніе, тѣмъ болѣе, что пріѣхавшая горничная, привезшая ей вещи, объявила, что Павелъ даже и не спросилъ, куда и зачѣмъ это везутъ.

Павла мы оставили бѣжавшимъ изъ дому отъ стоновъ и рыданій жены. Нѣсколько успокоившись, онъ началъ придумывать, какимъ бы образомъ помириться съ Юліей, противъ которой онъ чувствовалъ себя на этотъ разъ совершенно неправымъ. Но какимъ образомъ это сдѣлать? Заговорить съ

ней? Но она, конечно, не будетъ отвѣчать. Прійти прямо и просить у ней прощенія? Это смѣшно, да и онъ не въ состояніи до того унизиться. Написать ей записку, въ которой сказать ей, что онъ ее ревнуетъ и проситъ ее, чтобъ она откровенно призналась, если любитъ этого француза, и въ такомъ случаѣ предложить ей, не стѣсняя болѣе ни себя ни его, разъѣхаться, и что онъ, съ своей стороны, предоставитъ ей полную свободу и даже часть состоянія. Съ такимъ намѣреніемъ возвратился онъ домой. Первый его вопросъ былъ: что̀ барыня? И каково же было его удивленіе, когда онъ услышалъ, что Юлія, которую онъ ожидалъ увидѣть въ страшной истерикѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ слезахъ, вскорѣ же послѣ его ухода уѣхала, и уѣхала къ Саничъ, т.-е. къ французу, а послѣ того прислала записку къ горничной, чтобы та привезла ей всѣ вещи! Такъ, стало-быть, все это притворство, комедія, и теперь уже она вполнѣ обличила себя, потому что уѣхала къ Саничъ и требуетъ своихъ вещей, вѣроятно, съ намѣреніемъ бѣжать съ Мишо. Что̀, если и этотъ обожатель поступитъ такъ же съ этою безнравственною женщиною, какъ и Бахтіаровъ, т.-е. прогонитъ ее? Неужели же и на это новое безчестіе онъ долженъ смотрѣть равнодушно? «Лучше не останусь живой, — думалъ Павелъ: — чѣмъ позволю ей переступить порогъ моего дома. Суди меня Богъ и люди, я съ ней не буду болѣе жить!» Рѣшившись на это, Бешметевъ призвалъ Марѳу и Константина и строго приказалъ имъ не пускать рѣшительно жену ни ея посланныхъ въ домъ и не принимать никакихъ писемъ. То же было сказано и собравшейся горничной Юліи, которая, впрочемъ, какъ мы видѣли, не передала этого барынѣ. Подобное рѣшеніе, видно, было слишкомъ тяжело моему герою. Съ какимъ-то отчаяніемъ бросился онъ на постель и, не смыкая глазъ, пролежалъ цѣлый вечеръ и цѣлую ночь.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ, Юлія просила Катерину Михайловну позволить съ ней поговорить наединѣ, которая, конечно, сейчасъ исполнила ея желаніе. Такимъ образомъ обѣ дамы опять очутились въ отдаленной и темной комнатѣ, гдѣ Юлія начала умолять Саничъ завтрашній же день, чѣмъ свѣтъ, отпустить ее въ Петербургъ, говоря, что она слышала, будто бы Павелъ хочетъ пріѣхать и силою ее взять. Какъ ни жаль было добрѣйшей Катеринѣ Михайловнѣ разстаться съ Юліей, но дѣлать нечего: она сама очень хорошо понимала, какая можетъ произойти непріятная исторія, если мужъ пріѣдетъ и вздумаетъ взять Юлію силою. Согласившись отпустить Бешметеву, она тотчасъ же принялась хлопотать объ экипажѣ,

собственно предназначенномъ для развозки несчастныхъ жертвъ и въ которомъ Юлія должна была доѣхать до губернскаго города. Юлія же, съ своей стороны, приказала горничной укладывать всѣ свои вещи. Всѣ эти приготовленія обѣ дамы дѣлали со всевозможною скрытностью. Но m-r Мишо провѣдалъ и началъ разспрашивать, что̀ такое это значитъ, сначала людей, а потомъ приступилъ и къ Катеринѣ Михайловнѣ, которая, для христіанскаго дѣла, рѣшилась даже солгать и объявила любопытному французу, что Юлія на нѣсколько дней ѣдетъ домой, потому что у ней боленъ мужъ, и что дня черезъ три она возвратится къ ней и уже прогоститъ цѣлый мѣсяцъ.

Вечеръ прошелъ довольно скучно; хозяйка грустила, что она должна будетъ разстаться съ Юліей, которая должна одна, въ такомъ ужасномъ положеніи, проѣхать такое длинное пространство, и наконецъ придумала сама проводить несчастную жертву хоть до губернскаго города. Юлія тоже не могла безъ ужаса себѣ представить, какъ поѣдетъ она одна, а главное, какъ приметъ папенька ея поступокъ. Французъ былъ недоволенъ тѣмъ, что дамы что-то такое замышляютъ и скрываютъ отъ него. Часовъ въ десять всѣ разошлись: Юлія съ хозяйкой въ ея спальню, а французъ въ свой нижній этажъ. Катерина Михайловна, оставшись съ Юліей наединѣ, начала съ того, что подала Юліи полторы тысячи, и очень обидѣлась, услышавъ, что та хочетъ дать ей въ нихъ расписку; а потомъ, когда Юлія хотѣла у ней поцѣловать руку, она схватила ее въ объятія и со слезами на глазахъ начала ее цѣловать и вслѣдъ затѣмъ объявила, что сама ѣдетъ провожать ее до губернскаго города.

Еще m-r Мишо покоился мирнымъ сномъ и даже видѣлъ очень пріятные сны, какъ двѣ дамы, съ предварительными слезами и прощаніемъ, усѣлись въ экипажъ и отправились въ дальній путь.

XX.

Опять родственница.

Въ той же самой гостиной, въ которой мы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, познакомились съ почтенною Перепетуей Петровной и ея знакомою Ѳеоктистой Саввичной, онѣ попрежнему сидѣли на диванѣ, и попрежнему Перепетуя Петровна была въ траурѣ. Обѣ онѣ тожественно пополнѣли, и разговоръ былъ между ними, какъ и прежде, на печальный ладъ.

— Легко сказать, — говорила Перепетуя Петровна: — въ какіе-нибудь три года перенесла я три потери.

— И говорить ничего не могу и утѣшать не смѣю, — перебила Ѳеоктиста Саввична: — одно только скажу: берегите себя. Что̀ вы теперь остались? Круглая, можно сказать, сирота, а я по себѣ знаю, что̀ такое одиночество, особенно для женщины, когда не видишь ни въ комъ опоры.

— Матушка моя, — возразила Перепетуя Петровна: — о прочихъ я не говорю: старики уже были; всѣ должны ожидать одного конца. Но Павелъ-то, голубчикъ мой! Только бы что̀ называется, жить да радовать всѣхъ, только-что въ возмужалость началъ приходить...

При послѣднихъ словахъ старуха зарыдала.

— Полноте, Перепетуя Петровна, успокойтесь; умоляю васъ, не кладите вы на себя руки, вѣдь это грѣхъ, — говорила Ѳеоктиста Саввична.

— Охъ, Господи, Боже мой! — отвѣчала Перепетуя Петровна.—Жила въ деревнѣ, ничего того не знала, не вѣдала, слышу только, что была какая-то исторія, что переѣхали въ усадьбу, и больше ничего. И вы вотъ, Ѳеоктиста Саввична, Богъ съ вами! Хоть бы строчку написали.

— Не говорите этого, Перепетуя Петровна, не претендуйте на меня,—перебила Ѳеоктиста Саввична: — вы знаете, я думаю, мой характеръ: гдѣ не мое дѣло, а особенно въ семейныхъ непріятностяхъ, я никогда не вмѣшиваюсь; за это, можно сказать, всѣ меня здѣсь и любятъ, потому что болтовни-то отъ меня пустой не слышатъ. Что̀ я вамъ могла написать? Одно только огорченіе доставить. Такъ ужъ извините, какъ вы тамъ хотите понимайте меня, а мнѣ ваше-то здоровье дорого не меньше своего.

— Знаю, голубушка моя, все ваше расположеніе очень хорошо понимаю и цѣню; да вы вѣдь знаете мою родственную любовь: самой себя, кажется, для ихъ счастья не пожалѣла бы. Да вышло-то вовсе не такъ, какъ не послушались старой тетки-то. Недѣли черезъ двѣ уже узнала, что она изъ деревни-то отъ него уѣхала. Что̀, думаю, мнѣ дѣлать? Однако написала къ нему письмо, и письмо, знаете, этакое строгое: «сейчасъ, пишу, пріѣзжай ко мнѣ». Не тутъ-то было: ни самъ не ѣдетъ ни письма не шлетъ; я другое—и на это ничего; пишу въ деревню къ Лизѣ — та отвѣчаетъ, что тоже ничего не знаетъ и сбирается сама къ нему ѣхать. Я — въ городъ, къ тому, къ сему, васъ тогда не было; никто ничего не знаетъ. Вдругъ, говорятъ, Владиміръ Андреичъ пріѣхалъ, а на другой день и самъ явился... Я такъ и обмерла: ну, сами посу

дите, каково было встрѣтиться послѣ этакихъ происшествій?..— «Что такое, говоритъ, почтеннѣйшая Перепетуя Петровна, ребятишки-то наши надѣлали?»—«Не знаю, говорю, батюшка. Вамъ лучше должно быть извѣстно».—«Все, говоритъ, пустяки: вамъ бы, Перепетуя Петровна, по родственному-то вашему расположенію, тому и другому намылить голову да еще и поучить, какъ надобно жить въ супружествѣ; свою-то я ужъ поучилъ и привезъ ее теперь съ собою, а со своимъ-то вы поуправьтесь, такъ дѣло и поправимъ. Мое, говоритъ, при отъѣздѣ было первое и послѣднее слово: слушайтесь и уважайте Перепетую Петровну».—«Нѣтъ, говорю, Владимиръ Андреичъ, я прежде и не это сказала, да знаете, какую непріятность получила, такъ благодарю покорно!»

— Какой, можно сказать,—перебила Ѳеоктиста Саввична:— Владимиръ Андреичъ примѣрный отецъ: изъ Петербурга прискакалъ. Нынче родители-то выдадутъ дочку замужъ да и не думаютъ,—живи себѣ, какъ хочешь.

— Кто говоритъ?—подхватила Перепетуя Петровна: — конечно, человѣкъ умный, понимаетъ все... Ахъ, Боже мой! На чемъ я остановилась? Памяти совсѣмъ нѣтъ.

— Ну, ужъ извините, и я не помню,—отвѣчала Ѳеоктиста Саввична:—нынче и я совсѣмъ растеряла соображеніе.

— Да, вотъ, какъ Владимиръ Андреичъ ко мнѣ пріѣхалъ, сидимъ, разговариваемъ. Юлія Владимировна тоже пріѣхала; ну, этакая, знаете, почтительная на этотъ разъ, нечего сказать, очень довольна; цѣлуетъ руки: «тетенька, говоритъ, поучаствуйте въ нашей жизни; мы, говоритъ, люди молодые». И придумали мы, сударыня ты моя, за нимъ послать экипажъ,—мою бричку, будто бы отъ меня. Только-что мы этакъ рѣшили, я еще не успѣла хорошенько заснуть—тоска такая; вдругъ въ полночь будятъ: что такое? Говорятъ, Константинъ пріѣхалъ. Такъ и обмерла заранѣе. Является, и—знаете нашу прислугу, никакой вѣдь не имѣютъ осторожности — съ перваго слова, ни съ того ни съ сего: «Павелъ Васильичъ приказали долго жить; третьяго-дня изволили скончаться». Охъ, Господи, Боже мой! Какъ сидѣла на постели, такъ и упала, и только ужъ на другой день въ состояніи была разспросить хорошенько. Холера, говорятъ, въ полторы сутки свернула.

— Что мудренаго, что мудренаго. У меня такъ четыре кухарки умерли. Какъ найму, такъ и умретъ. На пьяницъ она какъ-то все больше нападала.

— Извѣстное дѣло: что ужъ у пьянаго взять, и распотѣетъ, и холоднаго напьется, и съѣстъ какую-нибудь дрянь. Всего

вреднѣе грибы: я, признаться сказать, до нихъ большая охотница, а въ холеру-таки не ѣла.

— А что, Перепетуя Петровна, вамъ, по расположенію вашему, сказать мнѣ можно: правду ли говорятъ, что Павелъ Васильичъ испивалъ?

— Было, Ѳеоктиста Саввична,—отвѣчала со вздохомъ Перепетуя Петровна:—и порядочно было, особенно подъ конецъ; въ семейныхъ непріятностяхъ закатитъ за галстукъ да и пойдетъ, говорятъ, ее писать: такая и этакая, все отпоетъ; мало ли что ему, можетъ-быть, извѣстно было, чего мы и не знаемъ. Отъ этого, говорятъ, она его и оставила.

— Послушайте, Перепетуя Петровна,—перебила Ѳеоктиста Саввична: — они, должно-быть, давно этого ужаснаго порока придерживались. Помните, какъ вы мнѣ говорили, еще задолго до свадьбы, что онъ уединеніе любитъ, тогда, конечно, говорить не хотѣла, а сама съ собой подумала: пьетъ, думаю, и пьетъ, должно-быть, запоемъ. У меня были этакіе знакомые, на видъ ничего, а пьютъ, и только этакъ благороднаго общества чуждаются, да кой-что еще заводятъ; этого-то я смертельно боялась: думаю, будетъ скоро *и это*, — а убьетъ это Перепетую Петровну.

— Нѣтъ,—возразила Перепетуя Петровна:—этого-то бы я уже никакъ не допустила, сама бы своими руками расплескала рожу, хоть купчиха какая будь.

— Гдѣ, матушка, теперь Лизавета Васильевна?

— Съ мужемъ въ деревнѣ теперь живетъ; вы вѣдь, я думаю, слышали, имъ наслѣдство досталось. И какой, можно сказать, благородный человѣкъ Михайла Николаичъ! Какъ только получилъ имѣніе, тотчасъ же все на дѣтей перевелъ; конечно, Лиза настояла, но другой бы не послушался. Она-то, голубушка моя, все хилѣетъ, особенно послѣ смерти брата.

— Какъ Павла-то Васильича имѣніе теперь?

— Все женѣ отдалъ, еще при жизни сдѣлалъ ей купчую. Владимиръ Андреичъ пріѣзжаетъ ко мнѣ благодарить, а я, признаться сказать, прямо выпечатала ему: какъ бы, говорю, тамъ ни понимали покойника, а онъ былъ добрый человѣкъ; дай Богъ Юліи Владимировнѣ нажить мужа лучше его, пусть теперь за Бахтіарова пойдетъ да и посмотритъ.

— Да гдѣ его взять-то теперь? Въ Одессу уѣхалъ, провалиться бы ему съ головой, проклятому. Не любила, сударыня, этого человѣка,—точно разбойникъ какой! Сколькимъ онъ, можно сказать, непріятностей сдѣлалъ? Вотъ хоть бы между нами сказать, вы вѣдь на меня не разсердитесь, какъ и Лизавету-то Васильевну онъ срамилъ!

— Не говорите лучше мнѣ про этого мерзавца, чтобы околѣть ему, проклятому...

— Вѣдь этакій былъ, можно сказать, безстыдный человѣкъ. Послѣ этой исторіи, какъ я слышала, началъ опять ѣздить къ Михайлѣ Николаичу. Хорошо, что вѣдь Лизавета-то Васильевна женщина съ характеромъ—просто не велѣла его пускать въ домъ, да и только; а то вѣдь, пожалуй, и тутъ что-нибудь бы было.

Апрѣля 29.
1850 года.

ОЧЕРКИ ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА.

I. Питерщикъ.

I.

Чухломскій уѣздъ рѣзко отличается, напримѣръ, отъ Нерехотскаго, Кинешемскаго, Юрьевецкаго и другихъ *), — это вы замѣтите, въѣхавши въ первую его деревню. Положительно можно сказать, что въ каждой изъ нихъ вамъ кинется въ глаза большой домъ, изукрашенный разными разностями: узорными размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, Богъ вѣсть для чего устроенными, потому что на нихъ ниоткуда нѣтъ выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которыхъ иногда попадаются довольно странные предметы, именно: летящая слава съ трубой; счастье, вертящееся на колесѣ, съ завязанными глазами, амуръ какого-то особеннаго темнаго цвѣта, и прочее. Если такихъ домовъ два или три, то прихоти въ украшеніяхъ еще болѣе усиливаются, какъ будто домохозяева стараются перещеголять въ этомъ случаѣ одинъ другого; и когда вы, проѣзжая лѣтомъ деревню, спросите попавшуюся вамъ навстрѣчу бабу:—«Чей это, голубушка, домъ?», она вамъ сначала учтиво поклонится и навѣрно скажетъ:—«Богачей, сударь».—«А этотъ другой чей?»—«А это другихъ богачей». Произношеніе женщины, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя ваше вниманіе: представьте себѣ московское нарѣчіе нѣсколько на *а* и усильте его до невѣроятной степени, такъ что, говоря на немъ, надобно, какъ и для англійскаго языка, дѣлать гримасу. Я сказалъ, что вы встрѣтите женщину, на томъ основаніи, что лѣтомъ вы ужъ, конечно, не увидите ни одного мужика, а если и протащится по перегородкѣ какой-нибудь въ нитяной понёвѣ, нечесаный и въ разбитыхъ лаптяхъ, то вы, вѣроятно,

*) Костромской губерніи.

догадаетесь, что это работникъ,—и это дѣйствительно работникъ и непремѣнно *леменецъ* *).

Зима — другое дѣло; зимой мужиковъ много появляется. У Богоявленія, что на горѣ, съ которой видно на тридцать верстъ кругомъ, въ Крещенье храмовой праздникъ: съ ранняго еще утра стоятъ кругомъ всей ограды лошади въ пошевняхъ. Такой нарядной сбруи я въ другихъ мѣстахъ нигдѣ и не видывалъ. На уздѣ, напримѣръ, навязано по крайней мѣрѣ съ десятокъ бубенцовъ, на шлеѣ мѣдный наборъ сплошь — вѣсомъ въ полпуда, а дуга по золотому фону расписана розанами. Войдите въ церковь: народъ стоитъ удивительно чистый, лица умныя, благообразныя, на всѣхъ почти синіе кафтаны; а вонъ напереди стоятъ одна лисья и двѣ енотовыя шубы — это-то и есть самые богачи: они изъ Терентьева, да ихъ и много; вонъ въ синемъ кафтанѣ, рублей по восемнадцати сукно,—это изъ Овсянова: заѣзжайте къ нему въ гости: увѣряю, что безъ цымлянскаго не уѣдете! Въ сѣрой поддевкѣ, рыжая борода, тоже богачъ изъ Маслова; однимъ словомъ, очень много, всѣхъ и не перечтешь!

Дѣло въ томъ, что весь тамошній народъ ходитъ на чужую сторону, то-есть въ Москву или въ Петербургъ; а есть и такіе, которые забираются и въ Гельсингфорсъ и даже въ Одессу, и промышляютъ тамъ по столярному, стекольному, слесарному мастерству. Очень трудной работы — каменной, плотничной, кузнечной — чухломецъ не любитъ.

Жизнь почти каждаго изъ нихъ проходитъ однимъ обычнымъ порядкомъ: приходитъ къ барину крестьянка — полустаруха.

— Что скажешь, Михайловна? — спрашиваетъ тотъ.

— Къ вамъ, сударь, — парнишку съ анофревскимъ Веденеемъ Иванычемъ сговорила.

— А по какой это части?

— По стекольной, батюшка, части.

— Что это у васъ все стекольщики?.. Хоть бы кто-нибудь изъ васъ въ колесники въ Макарово отдалъ? А то по деревнѣ колеса некому сдѣлать.

— Гдѣ ужъ, батюшка, мнѣ это затѣвать; дѣло вдовье, непривычное, а тутъ все на знакомствѣ-съ.

— На сколько же лѣтъ?

— На пять-съ лѣтъ, а по выходѣ отъ хозяина сто рублей да синій кафтанъ съ обувкой.

— Ну, что же? Хорошо, съ Богомъ!

---

*) Вологодской губерніи волость.

И отправляютъ парнишку съ Веденеемъ Иванычемъ, и бѣгаетъ онъ по Петербургу, или по Москвѣ, съ ногъ до головы перепачканный: щелчками да тасканьемъ не обходятъ — нечего сказать, — уму-разуму учатъ. Но вотъ прошло пять лѣтъ: парень изъ ученья вышелъ, подросъ совсѣмъ, получилъ отъ хозяина синій кафтанъ съ обувкой и сто рублей денегъ и сходитъ въ деревню. Матка первое время, какъ посмотритъ на него, такъ и зареветъ отъ радости на всю избу, а потомъ идутъ къ барину.

— Кто тамъ? — кричитъ тотъ изъ кабинета.

— Афимья съ своимъ питерцемъ пришла, — отвѣчаютъ ему изъ дѣвичьей, съ любопытствомъ оглядывая новичка.

— А, хорошо! Войдите.

Входитъ питерецъ: волосы приглажены, кафтанъ подпоясанъ съ форсомъ, сапоги свѣтятся и скрипятъ; кланяется барину и кладетъ ему на столъ рыбу, или яблоковъ, или просто полтинникъ.

— Полно, братецъ, не надобно, — замѣчаетъ баринъ.

— Пожалуйте *), — отвѣчаетъ питерецъ, встряхнувъ головой.

— Молодецъ выросъ, а мастерству выучился ли?

— Про себя, сударь, говорить нельзя, а все могимъ сдѣлать, что отъ хозяина было показано.

— Это хорошо: жениться теперь пора, да и въ тягло.

Парень, слегка покраснѣвъ, улыбается.

— Не оставьте ужъ, батюшка, — отвѣчаетъ за него мать и при этомъ случаѣ опять прослезится.

— А у кого же думаете взять? — спрашиваетъ помѣщикъ.

— У кого ваше приказанье будетъ, а мы, по нашему сирочеству, никого не обѣгаемъ, — отвѣчаетъ мать.

— Какое же мое приказаніе: вы знаете, я въ этомъ случаѣ не приказываю... сходитесь по себѣ, полюбовно.

— На томъ благодаримъ, батюшка, покорно, — отвѣчаетъ все мать: — коли милость ваша будетъ, такъ у Ефья Петровича дѣвушку желаемъ взять.

— У Ефья, такъ у Ефья, ваше дѣло, — только чтобы съ той стороны не было сопротивленья.

— Сопротивленья не полагаемъ, разговоръ ужъ объ этомъ былъ.

— А тебѣ она нравится ли? — относится баринъ къ парню.

— Нравится, сударь, — дѣвушку похулить нечѣмъ, какъ быть слѣдуетъ.

---

*) Это значитъ — примите.

И женятъ такимъ образомъ парня въ мясоѣдъ, между Рождествомъ и масленицей. Но какъ пришелъ Великій постъ, такъ и начали молодого въ Питеръ сбирать: прибрали попутчиковъ, привязалъ онъ къ спинѣ котомку и пошелъ, а тамъ, мѣсяца черезъ два, и поотпишетъ что-нибудь, въ родѣ того:

«Милостивѣющая государыня матушка Афимья Михайловна и дражайшая сожительница Катерина Ефьевна, просимъ вашего родительскаго благословенія и навѣки нерушимо; о себѣ увѣдомляю, что проживаю по тепериче у Веденея Иваныча за триста рублевъ въ лѣто, и при семъ прилагаю десять цѣлковыхъ на подушную, чего и вамъ желаю.

«Крестьянинъ, вашъ сынъ такой-то».

На Петровъ день и барину оброкъ выслалъ, а къ Новому году и остальную половину, и самъ сошелъ въ деревню. Такъ онъ ходитъ каждый годъ, а тамъ, какъ Богъ посчастливитъ, такъ и хозяйство заведетъ: смотришь — и домъ съ белендрясами вытянулъ... Все это хорошо, когда хорошо идетъ, а бываетъ и другое.

Лѣтомъ въ 184... г. пріѣхалъ я въ чухломскую деревню Наволоки и, зная хорошо мѣстность, вовсе не удивился, когда на крикъ моего ямщика:—«Эй, десятскій, подь сюда!»—вышла молоденькая и прехорошенькая собой баба.

— Ты, голубушка, десятскій? — спросилъ я ее.

Она улыбнулась.

— Я, сударь.

— А какъ тебя зовутъ?

— Марьей.

— А строга ли ты?

— Да съ чего мнѣ строгой-то быть? Что за строгость такая, я и не знаю.

— Можно ли мнѣ остановиться въ этомъ большомъ домѣ?

— Для чего не остановиться... Погодите, я поспрошаю,— отвѣчала десятскій Марья и начала стучать въ окошко большого дома.

— Клементій Матвѣичъ, а, Клементій Матвѣичъ, вона баринъ пріѣхалъ, на фатеру къ тебѣ позывается!

Въ окно выставилось мужское лицо.

— Позволь мнѣ, мужичокъ, остановиться въ твоемъ домѣ, я пріѣхалъ по службѣ, — сказалъ я.

— Сдѣлайте милость, батюшка,—отвѣчалъ тотъ проворно.— Не больно приглядно у насъ...

— Дарья Михайловна, уберите тамъ въ горницѣ, что не надо, — услышалъ я его голосъ въ избѣ, а черезъ нѣсколько минутъ онъ и самъ показался на улицѣ.

Это былъ лѣтъ тридцати пяти, видный собой мужикъ: волосы русые, борода клиномъ; на лбу нѣсколько морщинъ, взглядъ умный, лицо истощенное.

— Пожалуйте сюда на лѣсенку, — отнесся онъ ко мнѣ: — ужъ извините на этотъ случай, что въ такомъ нарядѣ васъ принимаемъ, дѣло деревенское... — На немъ была, наскоро накинутая, значительно поношенная купеческая сибирка.— Ты, любезный, возьми кругомъ; тамъ подъ навѣсомъ и поставишь, — прибавилъ онъ извозчику: — а то тутъ въ ворота не пройдешь; нашъ экипажъ — телѣга не громоздка, въ калитку продернуть можно.

Въ сѣняхъ, у окошка, сидѣла худая сгорбленная старуха и что-то ворчала, замахиваясь клюкой на пятилѣтняго мальчишку, который къ ней то подскакивалъ, то отскакивалъ.

— Ѳедька, перестань баушку дразнить! Что ты?—крикнулъ на него Клементій.

— Она сама начинаетъ.

— Я тебѣ дамъ: сама начинаетъ!.. Вотъ ужъ пословица справедлива: старый, что малый... Цѣлый день у нихъ этакія баталіи идутъ... Въ горенку пожалуйте, сюда налѣво, — говорилъ хозяинъ, провожая меня.

Я вошелъ и, осмотрѣвшись, тотчасъ же догадался, что я у питерщика. Комната вся была оклеена сборными обоями: нѣсколько полосокъ французскихъ атласныхъ, нѣсколько хорошихъ русскихъ и наконецъ нѣсколько дешевенькихъ; штукатурный потолокъ былъ весь расписанъ букетами, такъ что глазамъ было больно смотрѣть на него; въ переднемъ углу стояла краснаго дерева кіота съ образами и столъ, на которомъ были нарисованы тарелки, а на нихъ — разрѣзанные фрукты, а около — серебряные ножи и вилки; лавокъ не было, ихъ замѣняли деревянные стулья, выкрашенные какъ будто бы подъ орѣхъ. Въ заднемъ углу стояла кровать съ ситцевыми занавѣсками, къ которой Клементій бросился тотчасъ, какъ мы вошли, и началъ выкидывать оттуда различную дрянь, говоря:—«Экъ у нихъ тутъ навалено! Что это за баба необрядная, все ей не въ замѣтку!..»

— Извините ужъ, батюшка, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — въ чемъ застали, въ томъ и судите, не чаяли вашей милости.

Я просилъ его не хлопотать, а велѣть, если у него есть, согрѣть мнѣ самоваръ.

— Какъ, сударь, не быть этого заведенья; не тѣ нынче времена и не такія здѣсь мѣста, чтобы не быть... Дарья Михайловна! — крикнулъ онъ въ дверь: — поживѣе самоваръ, да

приготовьте тамъ чайникъ и чашки—все, какъ слѣдствуетъ,—главная причина, перемойте почище.

— Славный у тебя домъ,—сказалъ я.

— Живетъ, батюшка, по деревнѣ.

— Самъ строилъ, или еще старикъ?

— Нѣтъ, ужъ самъ выводилъ; лѣсъ какъ-то нынче не противъ старины: крѣпости и ядрености никакой не имѣетъ.

— А эти цвѣты на потолкѣ не самъ ли рисовалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: чужіе по найму мазали.

— Да ты питерщикъ?

— Питерщикъ былъ-съ.

— А по какому мастерству?

— Да тоже вотъ по этой по малярной части.

— Въ домахъ, что ли, расписывалъ?

— Всяко-съ! И по наружности занимались и внутри отдѣлку брали.

— То-есть какъ же?

— Да, то-есть, стѣны и потолки по трафарету расписывали, и историческую живопись тоже немного маракуемъ.

— Все тоже по трафарету?

— Все по трафарету, нечего хвастать: отъ руки все какъ-то не доходимъ. Хватались-было нѣкоторые изъ нашихъ, да не выходитъ, по тому случаю, что мужику противъ ахадемика не быть, ученья такого мы не имѣемъ. Наше, сударь, доложу вамъ, мастерство такое, что и конца ему нѣтъ: крыши, да заборы, да стѣны красить—особь статья; а, напримѣръ, полы подъ паркетъ выводить, или тамъ двери и косяки подъ слоновую кость отдѣлать,—это выходитъ вторая статья; экипажная часть тоже по себѣ, мебельное дѣло другого требуетъ, а комнатная живопись настоящая—опять другое, а названье у всѣхъ одно: маляръ, да и баста; а кто дѣло разберетъ, такъ маляръ маляру рознь—кто до чего дошелъ.

Понятно, что Клементій былъ мужикъ оборотливый и немного резонеръ, потому что, какъ видно, любилъ обо всемъ поразсудить и потолковать.

— Какое ремесло самое выгодное?—спросилъ я, желая снова вызвать его на разговоръ.

— Какъ вамъ, сударь, сказать, это все въ зависимости отъ самого человѣка. Конечно, по хозяйской части, какъ и въ купеческомъ дѣлѣ, много и глупаго счастья бываетъ, а если насчетъ работниковъ взять, такъ все едино—единственно зависитъ отъ того, кто какъ ремесло въ толкъ взялъ; а другая главная причина состоитъ и въ томъ: каковъ ты и въ поведеніи, особенно нонече, потому что народъ годъ отъ году

сталъ баловатѣе: иной парень бываетъ по мастерству и не такъ расторопенъ, да поведенія смирнаго, такъ онъ для хозяина нужнѣй первѣйшаго работника. Матеріалу, напримѣръ, временемъ нужно закупить, за рабочими присмотрѣть, артель тамъ гдѣ-нибудь за глаза раздѣлать,—онъ его сейчасъ въ эвто дѣло и употребитъ, и у насъ этакіе люди рублей по семисотъ въ лѣто получаютъ.

— Не по всѣмъ же мастерствамъ дается жалованье равное?

— Жалованье идетъ разное, про это кто говоритъ, только въ карманѣ выходитъ одно и то же. На что ужъ, кажись, по жалованью, лучше кузнечнаго дѣла! Послѣдній работникъ получаетъ четыреста, а который поискуснѣе и холодную тамъ подковку знаетъ, такъ и четыреста на серебро хватитъ, а много ли богачей? Ни одного! Отъ малаго до большого, что̀ въ недѣлю заработалъ, то на праздникъ въ харчевнѣ и спустилъ; а тепериче, если взять и другую линію: портной, сапожникъ и гравировщикъ,—у насъ считается на что есть хуже изъ всѣхъ: у нихъ, съ позволенья сказать, зимой, въ субботу, въ баню надобно сходить, такъ старшій подмастерье выпроситъ у дворника рукавицы, надѣнетъ ихъ вмѣсто сапогъ на ноги да такъ и отваляетъ, а и по этому дѣлу выходятъ въ люди... Недалеко взять: у нашего барина дворовый человѣкъ сначала тоже въ Москвѣ поучился портняжничать, тутъ вернулся въ губернію и теперь первый сталъ во всемъ городѣ портной,—и значитъ, что все человѣкомъ выходитъ.

— Неужели же портные менѣе прочихъ получаютъ жалованья?

— Жалованье жалованьемъ... Имъ, точно, и жалованья меньше идетъ противъ прочихъ, но главная вещь: присмотру за ними никакого нѣтъ. Проживаютъ они больше по нѣмцамъ, а нѣмцу что̀?.. Платитъ онъ ему поштучно, спрашиваетъ въ работѣ чистоты—и только: разсчитаютъ, что̀ слѣдуетъ, а тамъ и распоряжайся жалованьемъ своимъ, какъ знаешь: хочешь, оброкъ высылай, а нѣтъ, такъ и пропей, пожалуй; у нихъ хозяину еще барышъ, какъ работникъ загуляетъ: онъ ему въ глухую нору каждый день въ рубль серебра поставитъ, а намъ, хозяевамъ, этого дѣлать нельзя: у насъ, если парень загулялъ, такъ его надобно остановить, чтобы было чѣмъ барина въ оброкѣ удовлетворить да въ домъ тоже выслать, потому что здѣсь все дѣло сосѣдское, все на-знати; а нѣмецъ ничего этого во вниманіе не беретъ...

Вошла хозяйка съ самоваромъ—женщина еще молодая, но очень непріятной наружности, рыжеватая, въ веснушкахъ, съ приплюснутымъ носомъ, узенькими глазами и вообще съ вы-

раженіемъ лица ничего не выражающимъ. Сарафанъ на ней былъ хоть и ситцевый, но полинялый, рубашка грязная. Недаромъ Клементій говоритъ: «эка баба необрядная...»—«Это, должно-быть, не чухломка, — подумалъ я. — Чухломка къ постороннему человѣку, а тѣмъ болѣе къ барину, никогда бы въ такомъ нарядѣ не пришла...» Хозяйка между тѣмъ, поставивъ самоваръ, сходила за чашками. Клементій смотрѣлъ на нее, какъ мнѣ показалось, съ какимъ-то затаеннымъ чувствомъ досады...

— Хоть бы ты, Дарья Михайловна, для гостей-то умылась, — произнесъ онъ и покачалъ головой.

— Ну, батюшка, — проговорила баба, поклонилась и ушла.

Я пригласилъ Клементія напиться съ собою чаю и сѣсть; то и другое онъ принялъ съ большимъ удовольствіемъ. Разговоръ между нами опять завязался, именно, о табакѣ, потому что я закурилъ въ это время трубку.

— Вы трубку изволите курить?—спросилъ меня Клементій.

— Да, трубку, — а что же?

— Такъ, сударь; нынче господа къ сигарамъ больше пристрастія имѣютъ, и какъ еще эти — проклятыя — вотъ и названье-то забылъ — тоненькія такія.

— Папиросы?

— Именно папиросы: на удивленье вѣдь по первоначалу было: бумагу вздумали курить, бѣдность такая пришла, точно вотъ какъ иные мужики у насъ по деревнѣ: курить-то охотникъ, а табаку нѣтъ, денегъ тоже не бывало, такъ онъ моху этого лѣсного насушитъ, накладетъ въ трубку и запалитъ, точно настоящій табакъ, и поодурманитъ себя немножко, будто какъ и курилъ.

— А самъ ты куришь, или нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, сударь, по здѣшнимъ мѣстамъ отсталъ, а въ Питерѣ всего было: пуда съ три пережегъ этого добра... и здѣсь-было, правду сказать, начиналъ, да старуха бранится, такъ и бросилъ... Не стаканъ ли для чаю-то прикажете подать?

— Нѣтъ; а что же?

— Да мы вотъ тоже по чужой сторонѣ видали, что господа нынче больше въ стаканахъ употребляютъ.

— Мнѣ все равно... У васъ здѣсь по чужой сторонѣ промышляютъ?

— Всѣ-съ. По нашимъ мѣстамъ, мужику проживать въ деревнѣ все равно, что чорту ладанъ.

— Отчего же это?

— Выгодъ, сударь, здѣсь нѣтъ никакихъ; мужику копейки здѣсь не на чемъ заработать: земля все илякъ, и слѣдственно хлѣбо-

пашество самое скудное; сплавовъ лѣсныхъ, какъ примѣрно по Макарьеву, Ветлугѣ и другимъ прочимъ мѣстамъ, не бывало; фабрикъ по близности тоже нѣтъ — чѣмъ мужику промышлять?.. За-неволю пойдетъ на чужую сторону.

— И давно это промежъ васъ завелось?

— Давно или нѣтъ, я ужъ не знаю-съ, а только былъ, сударь, у меня дѣдъ, померъ онъ на сто седьмомъ году, я еще тогда былъ почти малый ребенокъ; однакоже помню, какъ онъ разсказывалъ, что еще при Петрѣ-государѣ первые ходаки отседова пошли, вотъ когда еще это началось! А теперь ужъ насъ, прямо сказать, отъ этого промысла не отучишь. Съ малаго будемъ говорить: такъ мы всѣ, — не тс что хозяева или приказчики, а даже артельные, — всѣ содержаніе имѣемъ отличное, по тому самому, что хоть бы взять въ нашемъ ремеслѣ: отпусти-ка въ артельную кашу мало масла, такъ онъ тебѣ, красимши, на одну половицу масла за цѣлый годъ вылѣетъ, и мы въ этомъ, хозяева, никогда не стоимъ, кормимъ на убой, только чтобы въ работѣ не зѣвали да проворили; а здѣсь не очень раскуражишься; швыряй, пожалуй, молоко, а мы, признаться сказать, не очень къ нему привычны. Мнѣ такъ вотъ даромъ его не надобно!.. Когда даже бабы ѣдятъ, такъ просто моторитъ *), а насчетъ того же чаю, мы — питерцы—къ нему большое пристрастіе имѣемъ. Тамъ какой-нибудь, съ позволенья доложить, лядащій мальчишка, завелся у него гривенникъ, и бѣжитъ въ трактиръ, и сидитъ бариномъ, и туда же еще командуетъ, а въ деревнѣ самоваровъ не наставишься, прокладки ужъ этой и нѣтъ.

— А главное, я думаю, вамъ не нравится полевая работа.

— Есть и это... отвыкаемъ очень... невелика, кажется, хитрость орать, а меня хоть зарѣжь, такъ косули по-настоящему не уставить... косить тоже неловокъ: машу, машу, а дѣло не прибываетъ... руки выломаешь, голову тебѣ распечетъ на солнцѣ, словно дуракъ какой-нибудь... и все бы это ничего, и къ этому мы бы дѣлу попривыкли, потому что здѣсь народъ все расторопный, старательный, да тутъ есть, пожалуй, другая штука...

— Какая же это?

— А вотъ какая-съ: здѣсь, я вамъ доложу, мы всѣ бахвалы, именно, такъ сказать, бахвалы наголо: сойдетъ мужикъ изъ Питера или изъ Москвы и начнетъ гнуть штуки: я да я, мы да мы, а бабы да дѣвки сидятъ да слушаютъ, разиня ротъ, а намъ это и повадно, и куражимся... А какъ по де-

*) Тошнитъ.

ревнѣ-то живешь, такъ нечего прибавить: все на виду... Не дальше, какъ въ этой комнатѣ, было у меня этакое дѣло, на Никольщинѣ; есть здѣсь мужичокъ, верстахъ въ трехъ отсюда живетъ, старикъ простой, смирный, а денежный; на чужую сторону онъ не ходитъ, а занимается около дома торговлей: саломъ, солью, мясомъ и прочимъ этакимъ товаромъ перебивается; сидитъ онъ у меня въ гостяхъ, и другіе тоже кое-кто былъ, народъ все хорошій, — вдругъ приходитъ нашей деревни мужичонка—Гришка, питерецъ коренной, но человѣкъ, то-есть, никуда негодный. Не взирая ни на кого и ни на что, шасть прямо въ передній уголъ, сѣлъ и началъ хвастать: и денегъ, говоритъ, у него много, и анараловъ тамъ всѣхъ знаетъ, и во дворцѣ бывалъ; то-есть, я вамъ скажу, такую понесъ околесную, хоть святыхъ выноси вонъ. Деревенскій этотъ мужичокъ слушалъ-слушалъ да и говоритъ: «Полно, говоритъ, Гриша, не высоко ли берешь?..» Что же, сударь, какъ вы думаете?.. Этотъ шельма — Гришка—оборвалъ старика, на чемъ свѣтъ стоитъ! «И толоконное, говоритъ, ты брюхо! И лѣсная кочерга!..» Просто сказать, раскостилъ, а тотъ только смолчалъ, дѣлать нечего, на чужой сторонѣ не бывалъ, разсуждать объ этомъ много не можетъ... Вонъ вѣдь у насъ какая здѣсь практика заведена, такъ и не больно манитъ проживать около дома! А все лестно, нельзя ли какъ-нибудь въ Питеръ или Москву... Это, батюшка, полагаю, и въ вашемъ званіи бываетъ: вотъ молодые господа изъ Питера съѣзжаютъ, такъ большой тоже форсъ держатъ. Къ нашему барину пріѣзжалъ оттедова двоюродный братъ: мы, какъ его по Питеру знаемъ, такъ господинъ очень непыратый: на службѣ нигдѣ не состоитъ, капиталовъ за собой никакихъ не имѣетъ, а только что, примѣрно, по-питерски сказать, тортуары тамъ гранитъ; а подите-ка: какъ пріѣхалъ сюда, какой тонъ повелъ! У нашего помѣщика въ усадьбѣ все расхаялъ: и домъ безъ скусу, и скотные дворы выстроены не по плану... Я тутъ невдалекѣ слушалъ, какъ они объ этомъ разговаривали, и только самъ съ собой подумалъ: «у тебя-то, думаю, выжига питерская, какія тамъ палаты разстроены!»

Клементій остановился.

— Отчего же ты самъ нынче не въ Питерѣ?— спросилъ я его вдругъ.

Клементій весь вспыхнулъ.

— Какъ вамъ сказать, сударь,—началъ онъ послѣ минутнаго молчанія, почесавъ въ головѣ и вздохнувъ слегка:—линія ужъ такая вышла, что пенья копать дома пришлось.

— Покутилъ, видно?

— То-то и есть, прогорѣлъ маленько: пожару не было, а дымомъ вышло... Мужикъ глупъ: какъ бы намъ не деревня, такъ бы мы и Бога забыли.

— Баринъ, что ли, тебя не пускаетъ?

— Да оно и баринъ, видно, повыдержать немного хочетъ... А другой случай, что на чужой сторонѣ мнѣ почесть, такъ сказать, и быть не у чего... въ работники итти какъ-то зазорно, а хозяйствомъ обзавестись моготы не хватаетъ...

— А ты самъ хозяйствовалъ?

— Тридцать человѣкъ одной артели держалъ-съ, дѣла большія имѣлъ; кабы не своя глупость, такъ деньги бы теперь лопатой загребалъ...

— Отчего же? Попивать, видно, началъ?

— Не безъ того... у насъ безъ этого не бываетъ; хотя и то сказать: выпивка рабочему человѣку ничего, она ему по времени еще въ пользу идетъ... А то худо, когда мужикъ съ горя начинаетъ опрокидывать, когда у него на сердцѣ болитъ.

— А у тебя болѣло тоже сердце?

— А такъ, сударь, болѣло, что вотъ я теперича не жиренъ, а напредь сего былъ кожа да кости!.. Исторія моя длинная, опечатать ее стоитъ... Вотъ какая моя исторія!

Въ это время дверь пріотворилась.

— Клементій Матвѣичъ?..—произнесъ женскій голосъ. Это была хозяйка.

— Что тебѣ? — отвѣчалъ съ досадою питерщикъ.

— Подь сюда: работникъ вопитъ, запахивать неча... Подь, батька, засѣй загончиковъ хоть пятокъ!

— Ну, ладно: изготовь тамъ жито-то... Извините, сударь, въ поле требуютъ... На угощеньи благодаримъ покорно.

— Ты зайди ко мнѣ послѣ.

— Съ большимъ нашимъ удовольствіемъ, если вамъ будетъ не въ тягость... Затѣмъ наше почтеніе-съ,—проговорилъ Клементій и ушелъ.

II.

Оставшись одинъ, отъ-нечего-дѣлать, я пошелъ въ избу. Хозяйка парила крынки, Ѳедька сидѣлъ на лавкѣ и что есть силы колотилъ по столу косаремъ; бабушка-старуха переправилась изъ сѣней на голбецъ... На меня изъ нихъ никто не обратилъ вниманія.

— Вона худы валенки-то, во что обуемься теперь,—ворчала старуха, постанывая по временамъ. — Немало толстолобому говорила: купи да купи, такъ на базарѣ нѣтъ... эка, братъ,

и валенокъ про насъ на базарѣ не стало... а сивку... да... продали... не самъ еще заводилъ... ловокъ больно... да... а не говоримъ—и не говорю... Успенье на дворѣ, а еще и паръ не запарили... жди, паря, хлѣба... то-то... порядки какіе... Ой, батюшки, тошнехонько! Ой-ой, тошнехонько!..

— Чѣмъ мать больна? — спросилъ я невѣстку.

— Не знаю: давно ужъ она мозгнетъ,—отвѣчала та нехотя.

— Что у тебя, старушка, болитъ?—отнесся я къ больной.

— Что болитъ?.. Все болитъ, во всей болѣзнь ходитъ... Рученьки, ноженьки ломитъ, у сердца тошно; съ печи падала не одинъ разъ, пора бока отбить... Не такъ было прежде, жили... да... что станешь дѣлать... не больно нынче матокъ слушаютъ: хоть говори, хоть нѣтъ... третій годъ въ Питерѣ не бывалъ, какое ужъ это дѣло!.. О-о-ой, тошнехонько!..

И мнѣ сдѣлалось тошно отъ болѣзненныхъ стоновъ старухи, а сверхъ того Дарья ввалила въ крынку огромный, раскаленный камень и всю избу наполнила паромъ.

«Плохо же житье питерцу,—подумалъ я:—понятно, что въ семьѣ у него было не очень ладно: жена какая-то рабочая полуидіотка, мать больная и, должно-быть, старуха блажная. Отчего это онъ, по его выраженію, прогорѣлъ и почему не въ Питерѣ?..»

Съ такого рода размышленіями пошелъ я по деревнѣ. Картины увидѣлъ обыкновенныя: на самой серединѣ улицы стояло цѣлое стадо овецъ, изъ которыхъ одна, при моемъ приближеніи, фыркнула и понеслась маршъ-маршемъ въ поле, а за ней—и всѣ прочія; съ одного двора съѣхала верхомъ на лошади лѣтъ четырнадцати дѣвочка; на ободворкѣ пахала баба, по крѣпкому сложенію которой и по тому, съ какой ловкостью управлялась она съ сохой и заворачивала лошадь, можно было заключить объ ея не совсѣмъ женской силѣ; нѣсколько подальше, у воротъ, стояла другая женщина и во все горло кричала: «Тёлъ, тёлъ, тёлъ!... Тёлонька, тёлонька, тёлъ!..» По дорогѣ, навстрѣчу мнѣ, шла десятскій Марья съ ималомъ *) и уздой въ рукахъ.

— Что это баба кричитъ? — спросилъ я ее.

— Корову, сударь, выкликаетъ: коровка, должно-быть, отстала,—отвѣчала она.

— Развѣ у васъ не за пастухами?..

— Нѣтъ, не за пастухами: у насъ пастуху нечего дѣлать. Скотина гуляетъ не по чистополью, а по лѣсамъ, что тутъ

---

*) *Имало* — овесъ въ какой-нибудь чашкѣ или плетушкѣ, которымъ поднося къ мордѣ лошади, приманиваютъ ее и такимъ образомъ ловятъ.

пастухъ сдѣлаетъ? Разбредется по кустамъ, такъ и онъ ничего не увидитъ...

— А если украдутъ?

— Николи у насъ не крадутъ, звѣрь такъ обижаетъ, а воровства здѣсь не чуть.

— Волкъ, что ли?

— Нѣтъ, не волкъ, — медвѣдь: нынѣшнее лѣто изъ нашей деревни, проклятый, двухъ коровокъ изломалъ.

— Вы бы стрѣляли его?

— Кому у насъ стрѣлять? Былъ въ Терентьевѣ одинъ стрѣлокъ, да и тотъ передъ заговѣньемъ померъ... Тоже вотъ этакъ по веснѣ сѣлъ на лабазъ; медвѣдь-то пришелъ, падалину только обнюхалъ, а его стрясъ съ елки и почалъ ломать, всю шабалку своротилъ; тѣмъ и померъ, никакъ залѣчить не могли.

— Ты сама куда ходила?

— Лошадь ловить ходила, да не дается, песъ ее далъ.

— А развѣ въ домѣ у васъ нѣтъ мужика?

— Нѣтъ, сударь, ни одного нѣтъ-съ: батюшка-тесть и мой-то мужъ—оба въ Питерѣ.

— Отчего же мой хозяинъ дома проживаетъ?

— Клементій Матвѣичъ?

— Ну да.

— Видно, не больно умно жилъ на чужой сторонѣ, такъ теперь задѣлье и правитъ.

— Загулялъ, что ли, онъ?

— Не безъ того, чай.

— Мнѣ жена его очень не понравилась.

— Она нездѣшняя, отъ Макарья взята.

— Я это догадался: она ему не пара.

— Извѣстно, что противъ него не будетъ; этакому мужику надобно бабу покрасивѣе.

— Вотъ бы тебя, напримѣръ.

— По что ему меня, у меня свой не хуже его.

— Будто и не хуже?

— А чѣмъ хуже? Только еще человѣкъ молодой, а не хуже.

— Не волочится ли за тобой Клементій? — спросилъ я ее вдругъ.

Она вся вспыхнула, потомъ посмотрѣла на меня пристально и улыбнулась.

— Что за волоченье? Онъ здѣсь смирно живетъ, — произнесла она и потупилась.

— А прежде?

— Прежде я не знаю; мало ли чего у нихъ въ Питерѣ

бываетъ? Человѣкъ былъ богатый, такъ ужъ, вѣстимо, безъ того жить не станетъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ моей квартирѣ. Насъ нагналъ Клементій, который уже возвращался съ поля.

— Хоть бы вы, сударь, нашего хожалаго постращали, а то онъ ничего своей должности не исполняетъ, — сказалъ Клементій, указавъ головою на Марью.

— Что меня стращать: не мнѣ бы, а тебѣ, длинноносому, надобно эту должность исправлять,—отвѣчала та съ улыбкой.

— Нѣтъ, ужъ я, тетка, въ сотскіе буду проситься, чтобы ты у меня подъ началомъ была.

— Что же тебѣ такое въ подначальствѣ моемъ?

— Извѣстно что... Ахъ, ты, голубка: ноги тонкія, бока звонкіе!—проговорилъ Клементій, ударивъ ее слегка по плечу.

— Перестань болтать-то: мало тебѣ въ Питерѣ бока назвонили.

Этотъ быстрый разговоръ и нѣсколько взглядовъ, которыми перебросились Клементій съ Марьей, показались мнѣ подозрительными.

Я вошелъ въ свою комнату; питерщикъ не замедлилъ явиться. Мы усѣлись на прежнихъ мѣстахъ, и разговоръ между нами тотчасъ же начался.

— Ты говорилъ, что съ тобой была исторія; разскажи мнѣ ее, пожалуйста!—сказалъ я.

Клементій сначала призадумался немного, потомъ усмѣхнулся.

— Разсказать, сударь, пожалуй, наше дѣло: слабы на языкъ-то; только то, чтобы не наскучить вамъ: похожденія мои длинныя.

— Вовсе нѣтъ, я тебя прошу объ этомъ.

Клементій поправилъ бороду.

— Похожденія мои, — началъ онъ: — хоть бы взять съ того, что я вдовецъ и теперичe женатъ на другой: первая моя хозяйка, всякій вамъ скажетъ, была этакая красавица, что другой, ей подобной, можетъ-быть, по всей имперіи изъ простого званья не найти. Восемь лѣтъ мы съ ней прожили, наперекоръ слова не бывало, а не токмо что брани или тамъ драки этакія, какъ промежъ другими бываетъ. И я, сударь, не хвастаясь сказать, въ полтора года изъ простыхъ мальчиковъ въ приказчики попалъ, а черезъ два года и самъ хозяйствомъ обзавелся, и такое у меня объ домѣ стараніе было: спать ложучи, объ домѣ думаешь; поутру встанешь, лба еще не перекрестишь, а все на умѣ, какъ бы денегъ спроворить да въ домъ послать... А въ пятый годъ такъ раздышался, что и

бабу въ Питеръ выписалъ, еще у меня споръй пошло: она была, надо сказать, окромя красоты изъ лица, женщина умная, расторопная, чистоту любила на всякомъ мѣстѣ. Пойдешь, бывало, раннимъ утромъ по дѣламъ, воротишься домой,— въ фатерѣ любо поглядѣть: прибрано, примыто, сама сидитъ лучше другой барыни; и такъ мнѣ все это было по нраву, что иной разъ всплачешь потихоньку... Господи Боже мой, думаешь, за чьи Ты молитвы меня этакимъ счастьемъ поискалъ?..

Проговоря это, Клементій пріостановился.

— Далѣе! — сказалъ я.

— А дальше, сударь, только два годочка я покрасовался съ ней въ Питерѣ, и самъ не понимаю, что̀ такое приключилось: врядъ ли ужъ тутъ не было чьего-нибудь дурного глаза. Больно мнѣ многіе изъ своей братьи въ зависть брать начали, а можетъ-быть, и понапрасну клеплю, можетъ-быть, и отъ простуды!.. Пришла она у меня — дѣло это было по осени — отъ всенощной и прямо на постель.—«Что̀ это, говорю я, Машенька, ты спозаранку спать забираешься?» — «Такъ, говоритъ, мнѣ все что-то не по себѣ».—«Такъ полно, говорю, дурочка, валяться-то, напейся чайку съ мадеркой, лучше испарина прошибетъ».—«Хорошо», говоритъ, и встала, и надо полагать, что, черезъ принужденье, выпила одну чашку, а больше ужъ и не могла, и опять легла. Поутру еще хуже: я къ доктору, тотъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ ее: «горячка, говоритъ, у нея начинается». А за тѣмъ самымъ горячка да горячка... Лѣчили, кажись, всякимъ,—легче нѣтъ. Недѣлю помаялась, а въ восьмой день и Богу душу отдала...

Клементій опять остановился; на глазахъ его навернулись слезы.

— Позвольте, сударь, трубочки покурить, — сказалъ онъ, смигивая слезы.

Я подалъ ему свою трубку.

— Вотъ этакъ-то лучше, пораскуражитъ маленько, — сказалъ онъ, вытянувъ сразу всю трубку, и продолжалъ:—какъ случилось со мной этакое несчастье, я впалъ попервоначалу въ какое-то безчувствіе: какъ тамъ эти похороны и все этакое срядили да обрядили, ничего не помню... Все, говорятъ, смѣялся этакимъ смѣхомъ нехорошимъ... Такъ полагали, что совсѣмъ съ ума спятилъ, — однакоже поопомнился. Самъ чувствую, что въ разумъ вхожу, а на сердцѣ часъ отъ часу становится тяжелѣе,—только и говорю работникамъ: не оставляйте, говорю, братцы, меня одного, я грѣхъ сдѣлаю, руки на себя наложу!.. Недѣли въ двѣ меня сломило совсѣмъ: ни аппетиту ни силы, ничего не стало!.. Провалялся я такъ до

Новаго года почесть... Надобно было расчеты сдѣлать, долги тоже кой-какіе получить, ничто не мило, все бросилъ и въ деревню съѣхалъ, — думалъ хоть этимъ облегченье получить, — не тутъ-то было... Видючи, какъ я убиваюсь, стали мнѣ хорошіе люди совѣтовать въ Тотьму къ чудотворцу сходить. Мнѣ это очень пришлось по душѣ, и какъ только я это, батюшка, задумалъ,—сразу легче стало. Никогда, прежде живучи, больше пятнадцати верстъ не хаживалъ, а тутъ прибѣгло такое желаніе, чтобы пѣшкомъ итти. Согласился я съ однимъ старичкомъ, — тронулись. На первыхъ порахъ отошелъ я двадцать пять верстъ и такую усталость почувствовалъ, что хоть подводчиковъ нанимать. Однакоже пересилилъ себя и дошелъ на другой день до Солигалича, — верстъ тридцать, примѣрно, сдѣлалъ, не отдыхаючи, — усталости ужъ такой не было. Въ самомъ Солигаличѣ зашелъ я съ моимъ товарищемъ къ одному юродивому — Андрюшкѣ: какъ я къ нему пришелъ, подалъ колачикъ,—онъ вдругъ запѣлъ: «со святыми упокой». Пропѣвши нѣсколько разъ, водочки попросилъ. Я по глупости подумалъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ водки желаетъ: сходилъ сейчасъ въ питейный и принесъ ему. Взялъ онъ у меня полштофъ, да какъ швыркнетъ въ уголъ, и запѣлъ: «Исаія ликуй». Какъ его потомъ ни спрашивалъ, ничего больше не сказалъ... И такимъ манеромъ я въ Тотьму сходилъ благополучно. Воротился домой. Баринъ у насъ тогда домъ отстраивалъ. «Возьми, говоритъ, Клементій, внутреннюю отдѣлку на себя». Я не поперечилъ, взялъ: такъ все лѣто и почти-что всю осень и проработалъ у него; и это меня заняло оченно много. Отдѣлать тоже хотѣлось для барина получше. Въ первую пору, думалъ, и не перенесть горя; а тутъ пришло, что и о другой свадьбѣ задумалъ.

— О другой?

— Да-съ, и самъ ужъ не знаю, какъ это и вышло! Вамъ, сударь, можетъ-быть, не безызвѣстно наше обнаковенье, что молодому мужику вдовымъ жить не приходится. У меня есть тоже старуха-мать, — кажись, видѣли ее: начала она мнѣ говорить разные тамъ, то-есть этакіе наши крестьянскіе резоны представлять, а тутъ и браниться, пожалуй. За глаза меня, сударь, сговорили да помолвили на дѣвушкѣ изъ макарьевскаго имѣнья: я и не разсмотрѣлъ хорошенько, наканунѣ только свадьбы и въ рожу-то увидалъ невѣсту. По чужимъ рѣчамъ все дѣло-то произошло; наговорили да натолковали: дѣвушка-де смирная, изъ дому идетъ хорошаго. Ну, думаю, что будетъ, то будетъ, не проживешь цѣлый вѣкъ безъ бабы.

— А съ той стороны, видно, было большое желаніе?

— Еще бы имъ не желать: дѣло ихъ было небогатое, а я, не хвастаясь, по тогдашнему времени былъ первый крестьянинъ изъ всего имѣнья. Во всю свадьбу поили меня на убой, чтобы многаго не разсмотрѣлъ. Опомнился отъ ихняго угощенья, какъ домой пріѣхалъ, и только всплеснулъ руками! Женщина дѣйствительно вышла тихая, да для насъ — питерцевъ — не годится! Теперь-то плоха, а первое время и говорить по-нашему не умѣла: ты ей толкуешь одно, а она понимаетъ другое. Затаилъ я, сударь, все на сердцѣ и черезъ недѣлю же послѣ свадьбы въ Питеръ махнулъ. Прежде, бывало, изъ дома ѣдешь, станціи двѣ слезами обливаешься, а въ тотъ разъ словно вольнымъ воздухомъ вздохнулъ, какъ изъ деревни вывалился. Пріѣхамши, прямо на дѣла кинулся. Въ годъ съ небольшимъ нажилъ деньги большія, а о деревнѣ и думушку думать забылъ. Выплатишь оброкъ, вышлешь малую толику на подушную, разсчитаешь работника—и только. А чтобы тамъ этакъ въ домъ къ украшенью что-нибудь, или подарки какіе-нибудь — и на разумъ не приходило. Матушкѣ такъ еще угождалъ кое-чѣмъ по времени, а благовѣрной двадцатикопеечнаго платка не присылывалъ: словно какъ ея совсѣмъ на свѣтѣ не бывало. Этого мало, сударь: отписываютъ, что парнишка родился, — никакого чувствія не было, словно какъ у чужихъ сдѣлалось. А кабы, кажись, первая Машенька родила, такъ сблаговалъ бы отъ радости!..

Воспоминанія эти привели Клементія въ какое-то возбужденное состояніе. Глаза у него разгорѣлись, на лбу выступилъ градомъ потъ, по блѣдному лицу появились красныя пятна.

— Прожилъ я, сударь, такимъ дѣломъ, — началъ онъ снова: — не сходя, въ Питерѣ три года и, всю правду вамъ скажу, прожилъ смирно и началъ-было уже въ деревню собираться. Вдругъ вышелъ мнѣ такой случай: былъ у меня одинъ знакомецъ, и дядей еще какъ-то мнѣ приходится, съ батькиной стороны, тоже этакъ подрядчикъ изъ здѣшнихъ мѣстъ; въ Питерѣ проживаетъ безвыѣздно, вдовый, человѣкъ умный, въ капиталѣ хорошемъ, по дѣламъ ловкій, только временемъ любилъ закучивать. Если ужъ раскутится, такъ ему все ни по чемъ: рублевъ сто-двѣсти серебромъ въ два часа просадитъ. Встрѣтимши меня разъ поутру, — «пойдемъ, говоритъ, Клементій, въ трактиръ, чайку напиться». Пошли — и сначала ничего, все шло, какъ слѣдствуетъ: напились чаю, прошлись потомъ по водочкѣ, по мадеркѣ, въ голову-то и попало маненько. Онъ спросилъ бутылочку суданкаго; я тоже, съ своей стороны, откупорилъ, стало-быть, двѣ, а тутъ прилучилась третья, четвертая... Раскутился мой дядя!..

«— Клементій, говоритъ, поѣдемъ со мной къ Аннушкѣ.

«— Какая, говорю, дядя, Аннушка?

«— Есть ужъ, говоритъ, такая!.. Только молчи, и тебѣ будетъ хорошо...

«Ладно... Поѣхали... Подвезъ онъ меня къ большущему дому... Извозчика раздѣлали... «Иди, говоритъ, за мной», и ввелъ на самый верхній этажъ. отворилъ дверп, вошли: вижу — комната хорошая. хоть бы у господъ такая. Вдругъ изъ-за перегородки выскакиваетъ мамзелька въ платьѣ, ловкая такая, собой красивая, и прямо чмокъ дядю въ лобъ. «Ахъ, ты, суконное рыло!—подумалъ я.—Какое ему счастье выходитъ!» Поцѣловавшись съ моимъ благопріятелемъ, и мнѣ ножкой шаркнула.

«— Чѣмъ прикажете, говоритъ, дорогихъ гостей угощать?

«— Судацкаго! — требуетъ дядя и сейчасъ же выкинулъ на столъ двадцатипятирублевую серебромъ.

«Хозяюшка подхватила ее ловко на лету и сейчасъ же распоряженье сдѣлала, и потомъ закурила намъ трубочки. Сидимъ, покуриваемъ. Посидѣвши такъ немного, дядя отозвалъ ее въ сторону и шепнулъ ей что-то...—«Сейчасъ», говоритъ. и убѣжала.

«— Погоди, Клема, — говоритъ мнѣ дядя: — сейчасъ другая штучка будетъ, на гитаркѣ намъ сыграетъ и споетъ,—и только покончилъ онъ эти слова, какъ точно входитъ ужъ не одна, а двѣ, прежняя и другая съ гитаркой; и такъ мнѣ, сударь, эта вторая съ перваго же раза изъ лица понравилась, что, кажись, не хуже моей покойной Машеньки показалась. Принесли судацкое, и началось у насъ угощенье. Хозяйка тянетъ съ нами очередную, а гостья все въ отказку — почесть что поневолѣ принудили бокальчикъ одинъ принять. Однакоже ничего: поогляделвшись немного, и на гитаркѣ заиграла, и пѣсенку запѣла, и такой голосъ показала, что я отродясь не слыхивалъ, даже въ жаръ меня кинуло, въ головѣ-то блажи ужъ много было. Видѣвши, что дядя препровождаетъ время съ хозяйкой, я къ гитарщицѣ подсѣлъ.

«— Какъ, говорю, васъ, сударыня, по имени и отчеству звать?

«— Палагея, говоритъ, Ивановна.

«— Что это, господа купцы, хоть бы вы разъ въ тіатеръ свозили, — говоритъ Аннушка.

«— Что жъ такое? Въ тіатеръ, такъ въ тіатеръ, — говорю я.

«— Идетъ, — порѣшилъ дядя.

«Хозяйка принимаетъ это въ большое удовольствіе, а Па-

лагея Ивановна отказъ дѣлаетъ, — и тетенька какая-то гнѣваться будетъ, и сама не такъ здорова. Мы эти слова ея во вниманье не беремъ, упрашиваемъ, — я пуще всѣхъ. Уламывали ее съ полчаса, насилу согласилась. Поѣхали: мы съ дядей по себѣ, а для нихъ особый извозчикъ. Старикъ мой совсѣмъ раскутился: не хочу, говоритъ, наверху, въ тѣснотѣ и жарѣ, сидѣть. Взялъ въ пять цѣлковыхъ ложу. Я до тіатеру еще въ мальчишкахъ былъ непомѣрный охотникъ. Эту, напримѣръ, «Аскольдову могилу», танцы тамъ разные, или этакіе, гдѣ иностранные принцы въ свѣтлой одеждѣ выходятъ, каждую штуку разъ по семнадцати видалъ; а въ тотъ разъ какое представленье шло—и не знаю: всѣмъ своимъ взоромъ пристрастился къ Палагеѣ Ивановнѣ. Она тоже, надо полагать, никакого удовольствія не имѣла: сидитъ этакая печальная, голову опустивши, глаза потупивши.

«Сдѣлавъ имъ уваженье насчетъ тіатеру, дядя ладилъ, чтобы опять къ нимъ въ гости ѣхать. Однакоже эта самая Аннушка сказала наотрѣзъ, что нельзя: время, говоритъ, теперь позднее, а милости просимъ въ другую пору. Дѣлать нечего, отпустили ихъ, а сами поѣхали къ своимъ мѣстамъ. Но мнѣ цѣлую ночь и сна нѣтъ: все на умѣ Палагея Ивановна. На другой день—тоже, а на третій такъ пришло, что къ дому ея разъ семь подходилъ, а войти не смѣю. Маялся я такъ съ недѣлю. Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову такая мысль, словно дьяволъ ее подшепнулъ: жила на одномъ со мной дворѣ старушонка, обзывала себя торговкой, а почти-что нищая была. Купитъ какихъ-нибудь копеекъ на двадцать печенки, изжаритъ, съ моего позволенья, въ артельной да цѣлый день съ этимъ товаромъ и шляется по Питеру. Призываю я ее къ себѣ, угощаю чаемъ, водкой и дѣлаю ей всю откровенность. Видѣлъ, говорю, въ такомъ-то мѣстѣ дѣвушку, оченно она мнѣ понравилась, такъ нельзя ли, говорю, узнать, какъ и что съ ея стороны. Старушонка разомъ смекнула, въ чемъ дѣло: тѣмъ же часомъ свилась — собралась и полетѣла. Прождалъ я ее до вечера: нетерпѣнье такое было, что все стоялъ у воротъ да выглядывалъ; наконецъ катитъ...—«Что?» спрашиваю.—«Да то, говоритъ, была и видѣла, дѣвушка отличная и не такая, какъ вы, можетъ-быть, полагаете». Отъ этихъ словъ старухи у меня еще больше сердце разгорѣлось... Выставилъ я ей бутылку мадеры, сталъ ее ублажать всякими словами,—этого мало: дарю ей пятнадцать рублевъ.—«Вотъ, говорю, старушка, возьмите на первый разъ, а на предбудущій случай и ничего не пожалѣю, только научите, какъ лучше сдѣлать». Принявши отъ меня деньги и выпивши всю мадеру,

старушонка поразговорилась и дѣлаетъ мнѣ такое признаніе: «Я, Клементій Матвѣичъ, желая вамъ услужить и понимаючи, какъ надобно вести себя, прилгала имъ на всякъ случай и объяснила такъ, что вы купецъ, человѣкъ вдовый, и желаете пожениться, а иначе тутъ объ васъ и говорить нельзя. Ихнее дѣло скромное, живетъ она при теткѣ, по имени Натальѣ Абросимовнѣ; занимаются онѣ обѣ золотошвейнымъ мастерствомъ и званіе имѣютъ оберъ-офицерское,—какъ хотите, такъ и поступайте, а я васъ на путь направила,—прозѣваете, себя вините». Взяло меня, сударь мой, раздумье: солгать, впжу, надобно много, и, можетъ-быть, тѣмъ бы самымъ все и кончилось; но начала эта самая старушонка шляться ко мнѣ каждый день и все про одно толкуетъ. То ей въ удивленье, что я, бывши молодымъ еще человѣкомъ, проживаю въ такой скукѣ, то будто бы съ той стороны принесетъ поклонъ. Больше недѣли не давалъ ей никакого отвѣта. Не вытерпѣлъ однакоже и покончилъ тѣмъ, что, призвавши ее разъ вечеромъ, «дѣлай, говорю, какъ знаешь, а мнѣ не жить не быть—видѣть Палагею Ивановну желается». На такое мое распоряженье отвѣтъ получаю въ тотъ же день,—просятъ-де вечеромъ чаю напиться. Пошли у меня сборы; франтился я часа четыре: одежда у меня всегда была отличная, а тутъ стала не нравиться. Бороду подстригъ, волосы распомадилъ, взялъ перваго съ биржи лихача. Прикатилъ: вхожу, куда было сказано, и только-что не ахнулъ, словно въ мурью какую попалъ: помѣщенье такое,—хуже курной деревенской избы. Стоитъ на трехъ ногахъ столишко, огарокъ шестериковой свѣчи, самоваришко какой-то; по одну сторону столика сидитъ, какъ я догадался, эта тетенька, женщина изъ лица красная и собой этакая обрюзглая, а на другую сторону—и сама Палагея Ивановна. Сдѣламши имъ, какъ умѣлъ, рекомендацію о себѣ, сажусь. Тетенька сейчасъ въ разговоръ вступила и съ перваго же слова начала меня вывѣдывать, кто я такой, какую торговлю веду, давно ли вдовъ. Вру я ей, что въ голову придетъ, и, по наученью старухи, такой тонъ держу, что будто бы жениться желаю. Просидѣлъ я у нихъ часа три: Поленька хоть бы слово сказала, такъ что мнѣ стало и досадно. Однакоже виду не даю и начинаю прощаться, — и тутъ какъ-то къ слову, и не помню хорошенько, фатеру ихнюю похаялъ.—«Фатера, говорю, оченно черна».—«Черна,—говоритъ мнѣ на это тетенька:—большое бы желанье имѣли куда-нибудь переѣхать. Здоровье Поленьки слабое, а въ этакой сырости еще больше пропадаетъ».—«Что жъ такое?—говорю я:—можно и перемѣнить: въ Питерѣ фатеры есть всякія». Эти мои слова, надо пола-

гать, онѣ на усъ и намотали. На другой день старушонка моя, чуть свѣтъ, ко мнѣ стучится. Объяснимши, что я тамъ слишкомъ понравился, вдругъ мнѣ открываетъ, что приказали просить, что не могу ли я, на свой счетъ, фатеру для нихъ пріискать, такъ какъ я человѣкъ богатый и для меня это большого расчета не сдѣлаетъ. — «Ладно, говорю, мы въ этомъ не постоимъ»,—и въ тотъ же день пріискалъ двѣ комнаты съ кухней, по-моему, слишкомъ порядочныя, и сейчасъ же имъ вѣсть даю. Пріѣжаетъ ко мнѣ сама тетка на извозчикѣ, благодарность говоритъ мнѣ большую и проситъ, чтобы я позволилъ ей посмотрѣть. Свезъ я ее, оглядѣла, — не нравится, и то нехорошо, и то ненарядно, и окна на дворъ. «Ахъ, ты, Боже мой! — думаю я про себя: — сами жили въ мурьѣ — ничего, а тутъ этакое помѣщенье хулятъ». Поѣхали мы съ ней назадъ. Она ужъ прямо говоритъ, что у меня или капиталу нѣтъ, или мнѣ жалко. И такъ, сударь, расконфузила она меня этими послѣдними словами—на чемъ свѣтъ стоитъ. Мы—питерцы — народъ форсистый: лучше чѣмъ-нибудь другимъ-прочимъ обидь, а насчетъ денегъ не затрогивай. У насъ въ карманѣ сотня, а манеру мы держимъ на тысячи. Ну, думаю, душа моя, я себя въ грязь лицомъ не ударю, предоставлю вамъ такую фатеру, что тебѣ въ носъ кинется; ты, можетъ-быть, въ этакихъ сроду и не бывала, а ужъ, навѣрнякъ, никогда не живала, даромъ что оберъ-офицерскаго званья. Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ. Было въ нашемъ домѣ совсѣмъ черное отдѣленіе, комнатъ въ пять, — прежде была отличнѣйшая фатера на улицу, да запустили. Сговорился я объ немъ съ хозяиномъ, послалъ своихъ молодцовъ и въ двѣ недѣли отдѣлалъ на самую лучшую ногу: паркетъ подклеилъ, отчистилъ, дубовыя двери отшлифовалъ, лучше новыхъ стали; на окна занавѣски шелковыя повѣсилъ, мебель купилъ настоящую орѣховую, обивки первостатейной; денегъ просадилъ много, однако не жалѣю. Спроворимши все это, приглашенье имъ дѣлаю, чтобы пожаловали на новую фатеру чаю откушать. Пріѣзжаютъ, смотрятъ и только посмѣиваются отъ радости. Проводимъ мы вечеръ въ большомъ удовольствіи, угощенье я имъ даю отличное: чай, сладкія закуски разныя, ужинъ идетъ изъ лучшей ресторація. Мадера, портвейнъ, краснепькое, чего угодно, все есть. Тетенька выпила сильно, такъ что едва на стулѣ сидитъ; Палагея Ивановна отпила стаканчика два легонькаго винца и начала со мной погоравать,—и даже по моей просьбѣ послала къ себѣ извозчика за гитарой, сыграла и спѣла мнѣ, по крайней мѣрѣ, пѣсенъ двадцать. Слушаю я ее, разиня ротъ, точно соловья какого,

и то очень еще мнѣ нравится въ ней, что держитъ себя она благородно. Шутки мои, напримѣръ, принимаетъ отъ меня, а сама ничего не говоритъ и только тупится. Послѣ этого нашего вечера онѣ на другой день переѣзжать: имущество свое свезли въ одинъ разъ на ломовомъ извозчикѣ, да сами пріѣхали на подресоркахъ, и все тутъ. Начинаемъ потомъ жить, я ихъ посѣщаю, какъ слѣдствуетъ. Содержанье—чай, сахаръ, запасъ къ столу—все идетъ отъ меня. Старушонка-торговка все продолжаетъ мной руководствовать и такое мнѣ понятіе даетъ, что онѣ желаютъ мной одолжиться временно, и что въ скорости сами получатъ большія деньги, и что, если я ее—старуху—отведу отъ нашего дѣла, такъ все сразу кончится. Даже по сей день, сударь, я самому себѣ удивляюсь: кажись, этакими пустыми словами, какъ разсуждать со стороны, такъ малаго ребенка провести нельзя, а тутъ всѣму вѣру давалъ. Денегъ у меня въ ту пору было много: тысячи три серебромъ въ карманѣ, да въ получкѣ слишкомъ тысяча: кути—валяй,—словно имъ и конца не будетъ. Хожу я къ нимъ, моимъ сосѣдкамъ, два раза въ день и безъ подарковъ не являюсь: то матеріи принесешь на платье, то платочекъ, то мантильку цѣлковыхъ въ двадцать, а вечеркомъ мадеркой да ромкомъ забавляешься. Палагея Ивановна тоже привыкаетъ потягивать: первую начнетъ какъ будто бы поневолѣ, вторую тоже робко, и сейчасъ же возьметъ гитару и запоетъ. Чудное дѣло, сударь: по сю пору всѣ ея пѣсни у меня въ памяти. Ничѣмъ бы, кажись, другимъ она столько не понравилась, какъ своимъ пѣньемъ! Словно за сердце хватала, какъ она пѣла,—и сама въ такое чувство приходила, что я и не привидывалъ. Ни на кого изъ насъ не смотритъ, а слезы такъ градомъ и сыплютъ. Какъ напоется досыта,—вдругъ сама безъ всякаго приглашенья полный стаканъ выпьетъ; но особеннѣе всего мнѣ то было удивительно, что какъ она этакъ выпьетъ, сейчасъ же у ней на тетку злость нападаетъ. Та, самъ вижу, угождаетъ ей сильно, а она все фыркаетъ. Проводя такимъ манеромъ все мое время, о дѣлахъ не думаю, къ хмельному получилъ пристрастіе большое. Встанешь поутру, и вмѣсто того, чтобы, какъ прежде бывало, чаю напиться,—не могу, моторитъ: съ самимъ собой тоска, раздумье о томъ, о другомъ,—но все еще ничего, живемъ, и вдругъ мнѣ, сударь, черезъ ту же прежнюю старушонку передаютъ, что Палагеѣ Ивановнѣ экипажъ свой завести желается. Надобно сказать, что желанье это у меня у самого было и прежде того; но когда мнѣ это еще подсказали,—охота пришла сильнѣе прежняго. Мы хоть и купцы, а насчетъ выѣзду не только въ Питерѣ, а даже по здѣшнимъ

мѣстамъ, большіе щеголи. Пріобрѣлъ я сѣраго рысака, заплатилъ за него триста на серебро, и то по случаю; санки— тоже полтораста, сбруя накладного серебра. Сядемъ мы съ Палагеей Ивановной, медвѣжьей полостью перекинемся. Салопъ на ней безподобный, шляпка отъ француженки; я тоже въ дорогой лисицѣ, и дѣлаемъ мы, сударь, такимъ манеромъ прогулку, что твои купцы первой гильдіи, а между тѣмъ въ карманѣ — становится больно тонко. Выпалъ-было для меня сподручный въ казнѣ подрядъ, надобно было взять безпремѣнно, а въ залогъ представить нечего. Толкнулся-было къ другимъ, третьимъ подрядчикамъ насчетъ обезпеченія, — но тѣ, видючи, какъ я шибко началъ жить, попріостереглись, не дали. Стало меня за виски забирать: самъ понимаю, что дѣлаю глупо, и пересилилъ бы, кажись, себя на тѣхъ же порахъ, кабы на свѣтѣ этого окаяннаго вина не было. Вотъ въ этакихъ-то случаяхъ, какъ мой, оно подлѣйшая штука для нашего брата мужика, по тѣмъ причинамъ, что больно дѣлаетъ человѣка беззаботнымъ; пьешь больше для куражу, а какъ проспишься, такъ хуже прежняго. Рожу у меня раздуло, руки начали трястись, хорошихъ людей стало мнѣ совѣстно, о деревнѣ подумать страшно, — а прежняго все не оставляю. Съ Палагеей Ивановной тоже нехорошее творится: худѣетъ и кашляетъ день ото дня больше, пищи никакой не имѣетъ, а безъ мадеры уже и жить не можетъ. Кутимъ мы такимъ манеромъ ровно годъ. Артель свою я нарушилъ, изъ капитала осталась самая малость. Подарковъ дѣлать не на что; пріемъ. замѣчаю, начинаютъ мнѣ дѣлать другой, — ко всему этому, началъ къ нимъ ходить какой-то будто бы двоюродный братецъ, чиновникъ. Мнѣ это не понравилось; сталъ я спрашивать, какъ и что такое за гость? Сначала отшучивались, а тутъ въ серьезное говорятъ: «не попрекайте, говорятъ, насъ этимъ человѣкомъ, онъ у насъ изъ всей нашей родни остался одинъ и теперь хлопочетъ по нашимъ дѣламъ». Этими словами однако онѣ меня не успокоили, стала меня ревность мучить: молчу покуда, а на сердцѣ досада непомѣрная, и выжидаю только случая; наконецъ выходитъ между нами такое дѣло. Встаю я разъ утромъ, вдругъ подаютъ мнѣ записку оттедова. Пишетъ тетка, что такъ и такъ, имъ, по ихнимъ дѣламъ, нужно триста цѣлковыхъ, и проситъ, чтобы не отказалъ въ ихней нуждѣ, а что послѣ онѣ заплатятъ. И какая, батюшка, бываетъ съ человѣкомъ глупость! Сколько я ни былъ досаденъ на нихъ, все понимаючи очень хорошо и бымши самъ въ самыхъ разстроенныхъ обстоятельствахъ, вдругъ мнѣ стыдно сдѣлалось, что денегъ не имѣю. Думаю, хоть умру, да

добуду, по крайней мѣрѣ послѣ покуражусь, сколько душѣ угодно. Сказамши посланной, что къ вечеру доставлю, пошелъ по всѣмъ своимъ прежнимъ пріятелямъ занимать; завѣряю ихъ, что будто бы на дѣло хорошее беру, и что завтра же по долгамъ долженъ получить двѣ тысячи, но всѣми этими словами тѣшилъ только самъ себя: всѣ мы, подрядчики, другъ друга знаемъ по пальцамъ. Прошлялся я цѣлое утро, довѣрія никто не сдѣлалъ. Задумалъ я тогда другу увертку: пришло мнѣ въ голову въ картахъ счастья попробовать. Есть тамъ, въ желѣзномъ ряду, купецъ — картежникъ записной, мнѣ немного человѣкъ знакомый. Захожу я будто бы случайно къ нему въ лавку, слово за слово, и наконецъ прямо говорю: «нельзя ли, говорю, у васъ вечеркомъ въ карты поиграть?» Дѣловъ моихъ, надо полагать, онъ не зналъ хорошо, потому что тотчасъ же дѣлаетъ приглашенье. Размѣнялъ свои пятьдесятъ цѣлковенькихъ, что были въ карманѣ, на мелкія, и отправился. Между нами, мужиками и купечествомъ попростѣе, идетъ игра подъ названіемъ—въ горку; игра, такъ сказать, нехитрая, но презадорливая; главная въ ней пружина выжидать хорошей карты: она тебѣ однимъ кономъ воротитъ всѣ убытки. Прежде, когда я былъ при деньгахъ, всегда такъ и дѣлалъ и всегда почти былъ въ барышахъ, но по теперешнимъ обстоятельствамъ вышло не то. Сдали карты; взялъ я ихъ въ руки, руки дрожатъ. Пришла ко мнѣ какая-то шушера. Подручный товарищъ пошелъ цѣлковымъ, я помирилъ этотъ цѣлковый, да два подъ другого товарища, тотъ тоже, и выставилъ ужъ пять; такъ у насъ и пошла круговая. Накидали мы въ конъ цѣлковыхъ до пятидесяти, я не отступаюсь, все хочется на пустую сбить, — не тутъ-то было! Проставилъ я цѣлковыхъ двадцать, а взялъ подручный, потому что имѣлъ на рукахъ сильный хлюстъ. Идетъ у насъ игра потомъ дальше. Мнѣ счастья нѣтъ: выпиваю я съ досады графина два водки,— и хмель не беретъ... Просадивши всѣ свои пятьдесятъ цѣлковенькихъ, сталъ я хозяина упрашивать еще играть на рысака съ упряжкой. «Поставьте, говорю, во что хотите, только игры не останавливайте». Убѣдилъ я ихъ, начали:—опять же мнѣ досталось по бокамъ. Покончивши лошадку со всѣми экипажами, за одежу принялся и къ утру остался въ одной только поддевкѣ, такъ что хозяина жалость взяла. Платья не хотѣлъ и брать; послѣ, говоритъ, какъ-нибудь сосчитаемся; но я не согласился, предоставилъ имъ все дочиста. Прихожу домой, почти что такъ, полоумный: первый человѣкъ встрѣчаетъ меня прежняя старушонка съ новой запиской. Пишетъ мнѣ эта тетка разные выговоры, или просто, такъ сказать,

называетъ прямо подлецомъ, и что если-де я такъ желаю себя вести, такъ она и принимать меня не станетъ, и что Палагея Ивановна отъ горести даже больна очень сдѣлалась. Злости и тоски было у меня и безъ того много на сердцѣ. Выгналъ я эту старушонку въ шею отъ себя и самъ пошелъ къ нимъ. Встрѣчаетъ меня тетка, и говорю я ей, какъ понимать вашу записку?

«— А такъ и понимайте... Вы теперь, какъ мы это видимъ и слышимъ, идете въ разоренье, на всѣхъ словахъ вашихъ насъ обманули: сказали вы намъ, что вы купецъ, человѣкъ вдовый, а въ самомъ дѣлѣ вы не что иное, какъ сѣрый мужикъ и человѣкъ женатый, — и потому извините: знакомство ваше намъ зазорно.

«Такъ мнѣ сдѣлалось отъ этихъ ея словъ горько и стыдно, что чуть я не всплакалъ.

«— Ну, говорю, Наталья Абросимовна, не вамъ бы мнѣ это поученье дѣлать!.. Конечно, много я виноватъ передъ Богомъ, передъ моимъ господиномъ и передъ семействомъ, но не передъ Палагеей Ивановной. Про васъ я молчу, вы тутъ дѣло стороннее,—Богъ знаетъ, какъ и вмѣшались тутъ; а если вы попускаете, что я васъ нѣкоторыми моими словами обманулъ, такъ ужъ это — извините — вы говорите пустыя слова. Вы живете на одномъ со мной дворѣ: здѣсь вамъ малый мальчишка скажетъ, кто я и что я такое; но вы до сего дня слова со мной объ этомъ не говорили, а если я теперь въ такое разстройство пришелъ, такъ только единственно для вашего удовольствія. Капиталъ у меня былъ прежде настоящій, какъ слѣдуетъ подрядчику. Въ эти полтора года я рюмки вина не выпилъ, куска хлѣба безъ васъ не съѣлъ, на себя сапоговъ новыхъ не сдѣлалъ,—такъ гдѣ же мои деньги, какъ не въ вашихъ сундукахъ?.. Поступать вамъ со мной такъ стыдно!.. По несчастному моему положенію, поддержать бы меня слѣдовало, а не то что, какъ паршивую собаку, отгонять отъ себя!..

«— Сдѣлайте милость, у насъ ничего вашего нѣтъ,—отвѣчаетъ она мнѣ.

«— Какъ, говорю, сударыня, нѣтъ?.. Да эта самая фатера— и та моя.

«— Про фатеру, говоритъ, не безпокойтесь, мы завтра же очистимъ ее.

«— Нѣтъ-съ, говорю, позвольте, я васъ не спущу. Надобно еще прежде маленькій расчетецъ сдѣлать, — и не съ вами: васъ я и знать не хочу, хоть вы и ставите себя очень высоко, а собственно—съ Палагеей Ивановной.

«— Палагея Ивановна, говоритъ, никакого съ вами расчета дѣлать не будетъ, а стращать вы насъ не можете, мы васъ не боимся. Нашъ чиновникъ-родственникъ хорошо знакомъ съ частнымъ приставомъ. Если вы станете много грубіянить, такъ васъ за насъ въ острогъ посадятъ.

«— Въ острогъ меня посадить не за что. Вашъ чиновникъ и частный приставъ, можетъ-быть, люди и хорошіе и сильные, но и я тоже въ обиду не дамся: найду начальство и выше, представлю дѣло, какъ оно есть, — они насъ разсудятъ лучше.

«Послѣ этихъ моихъ словъ начала тетка, безъ всякаго зазрѣнья, браниться, я тоже не уступаю... Чѣмъ бы между нами кончилось—не вѣдаю... Только вдругъ выходитъ сама Палагея Ивановна, худая этакая, слабая.

«— Какой,—говоритъ она мнѣ:—угодно вамъ со мной счетъ имѣть?

«— А такой, говорю, что тетенька обнесла меня на письмѣ и словами, но для меня все это самое ничего не значитъ, и я хочу только знать, какъ вы меня понимаете?

«— Я, говоритъ, тоже вамъ скажу, чтобы вы оставили меня въ покоѣ. Я, говоритъ, и напредь сего все дѣлала черезъ силу, а теперь имѣю другого жениха и пойду за него замужъ.

«— Это, говорю, сударыня, дѣло доброе, но чѣмъ же я-то виноватъ? За что мнѣ-то пришлось для васъ приданое давать?

«— Не корите меня вашимъ добромъ, — сказала она мнѣ на это:—я ничего вашего за собой не оставлю,—и тотчасъ же подскочила къ шкапу, отмахнула его и начала выкидывать всѣ платья.

«Какъ тетка ни отговаривала, не слушаетъ, изъ лица поблѣднѣла, губы дрожатъ, на глазахъ слезы, началъ кашель ее бить, и вдругъ, сударь, — я этакого страха и не ожидалъ, — вдругъ кровь горломъ пошла. Стало мнѣ ее жаль непомѣрно, забылъ я всю свою досаду...

«— Не горячитесь, говорю, Палагея Ивановна, ничего я изъ этого не возьму, по пословицѣ: дарятъ, такъ не корятъ... Сказалъ я вамъ не по злобѣ, а отъ своего собственнаго горя. Прощайте, говорю, не поминайте меня лихомъ, а добромъ, можетъ-быть, и не за что.

«— Ну, Клементій Матвѣичъ,—отвѣчаетъ она мнѣ:—Богъ насъ разсудитъ, кто изъ насъ противъ кого виноватѣе: вы много на меня денегъ потратили, а я изъ-за васъ здоровье потеряла.

«Тѣмъ наше свиданье и кончилось. Какъ пришелъ я въ свою фатеру, ничего не помню, и тутъ же слегъ,—сразу весь

пожелтѣлъ, точно шафраномъ всего выкрасили. Стащили меня въ больницу, провалялся я тамъ два мѣсяца, и когда на третій выписался: ни крова, ни пищи, ни денегъ, ничего нѣтъ. Иду я къ дядѣ, съ котораго вся и исторія началась. Принялъ онъ меня, дай ему Богъ здоровья, не взираючи на все мое убожество, ласково. Разсказалъ я ему всѣ мои похожденія.—«Ничего, говоритъ, Клементій: со мной въ молодыхъ годахъ бывало то же самое, два раза изъ Питера въ одной рубахѣ сходилъ. Совѣтъ мой тебѣ такой: иди ты теперь въ деревню, тамъ ты поочувствуешься».—«Нѣтъ, говорю, дядя, ни за какія тысячи не пойду въ деревню въ этакомъ безобразіи; помоги ты мнѣ здѣсь, дай ты мнѣ здѣсь поопрaвиться». Какъ меня старикъ ни отклонялъ, я стою въ одномъ; онъ видитъ—дѣлать нечего; принялъ меня къ себѣ, жалованья положилъ пятнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, только никуда не отпускалъ и съ артелью работать заставилъ. Проку выходитъ мало: руки на дѣло не поднимаются, почесть половина работниковъ къ нему отъ меня отошло, прежде подъ началомъ были, а тутъ стали подтрунивать; я же былъ всегда большой гордецъ. Для меня это показалось пуще востраго ножа. Сказамши, что будто бы думаю въ деревню сойти, отошелъ; жалованье, какое пришлось, пропилъ и поступилъ къ мяснику, говядину таскать на лоткѣ. Дѣло непривычное: первый день проторговалъ цѣлый рубль, на другой день поостерегся, такъ ничего не продалъ,—и затѣмъ, сударь, начались мои разныя похожденья: былъ я дворникомъ, былъ водовозомъ. Отрада была только въ томъ, что, какъ появится въ карманѣ хоть гривенникъ, сейчасъ его въ кабакъ. Дня по два совсѣмъ не ѣмши былъ, одежа—словно рубище, сапоги — только одно званіе... Стыдно признаться, а грѣхъ потаить: бывали такіе случаи, что Христа ради просилъ».

— А Палагеи Ивановны ты больше ужъ не видалъ?

— Встрѣтилъ разъ: ѣдетъ съ какимъ-то хватомъ, еще худѣе стала, точно мертвая сидитъ: не на счастье мы, видно, другъ съ другомъ сходились.

— Ну, а здѣсь какъ? Будто ужъ здѣсь и смирно живешь? Мнѣ кажется, что у васъ съ Марьей — десятскимъ-то — кое-что идетъ, — замѣтилъ я.

Клементій улыбнулся и слегка покраснѣлъ.

— Вы ужъ много видите, чего бы и не надобно, — только нѣтъ, сударь, напраслину взводите; будетъ, что и на словахъ пошучу. Прежняя дурь изъ головы выскочила; сердце болитъ каждую минуту, видючи себя въ такомъ положеніи, послѣ того, чѣмъ я былъ прежде.

— Какъ же въ деревню ты попалъ?

— Почти-что насильно. Пачпортъ у меня вышелъ, изъ деревни не шлютъ; я-было къ одному господину, которому отъ нашего помѣщика приказанье было, — такъ и такъ, говорю, нельзя ли мнѣ выдать билетъ.—«А вотъ, говоритъ, погоди, я тебѣ выдамъ, — я ужъ давно до тебя, голубчика, добираюсь». Задержалъ онъ меня у себя на фатерѣ, прiискалъ попутчика изъ здѣшнихъ мѣстъ, человѣка этакого аккуратнаго, крутого, сдалъ ему меня подъ расписку,—тотъ и свезъ, только-что не на привязи. До сихъ поръ, батюшка, я этого господина поминаю добромъ. Не распорядись онъ со мной такимъ дѣломъ, можетъ-быть, погибъ бы я совсѣмъ. Предоставилъ меня мой извозчикъ прямо въ нашу усадьбу... И стыдно-то и страшно. Чуть не умеръ въ это утро, ожидаючи, когда въ горницу позовутъ; наконецъ требуютъ: посмотрѣлъ на меня баринъ. Я весь дрожу, слезы у меня въ три ручья такъ и текутъ по щекамъ.—«Ну, братецъ,—говоритъ онъ мнѣ:—много мнѣ объ тебѣ дурного говорили, но я не вѣрилъ, а теперь вижу, что правда. Наказывать мнѣ тебя стыдно, хотя ты и стоишь того, а скажу тебѣ только одно, что чужой стороны тебѣ въ глаза не видать. Коли не умѣлъ тамъ обстоятельно жить, такъ ходи за косулей и справляй задѣлье». Такъ-то теперь я здѣсь и живу. Въ Питеръ хочется, а попроситься не смѣю; а если бы, кажись, попалъ туда, и хоть бы какая маленькая линія вышла, такъ бы въ полгода раздышался лучше прежняго.

Клементій утомился и замолчалъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ внимательно на его выразительное лицо. Это былъ не кулакъ-мужикъ, который всѣ свои стремленія ограничиваетъ тѣмъ, чтобы всевозможными чистыми и нечистыми средствами набивать себѣ копейку. Его душѣ, какъ мы видѣли, были доступны нѣжныя и почти тонкія ощущенія. Даже въ самомъ разумѣ его было что-то широкое, размашистое, а въ этомъ мудромъ опознаніи своихъ проступковъ сколько выказалось у него здраваго смысла, который не далъ ему пасть окончательно и который, вѣроятно, поддержитъ его и на дальнѣйшее время.

III.

Какъ Клементій говорилъ, такъ и случилось. Не болѣе какъ черезъ три года я встрѣтилъ его въ Петербургѣ въ одномъ трактирѣ. Онъ сидѣлъ въ волчьей шубѣ, съ золотымъ перстнемъ на пальцѣ, въ ботфортоподобныхъ сапогахъ, съ двумя другими, тоже, надо полагать, подрядчиками, и что-то имъ толковалъ; они его слу-

шали съ большимъ вниманіемъ, хотя и были гораздо старше его. Я подошелъ къ нимъ. Клементій меня узналъ и просилъ напиться съ нимъ чаю. Я сѣлъ. Онъ держалъ себя далеко гордѣе прежняго, говорилъ меньше, какъ-то истово и совершенно ужъ купеческимъ тономъ. Потомъ онъ звалъ меня убѣдительно зайти къ нему на квартиру, — и я былъ. Жилъ онъ со всѣми признаками довольства, хотя и не совсѣмъ опрятно. Для меня онъ приготовилъ ту, невѣдомо по чьему вкусу составленную закуску, на которую, вѣроятно, попадалъ и читатель въ купеческихъ домахъ, то-есть въ одно время было поставлено на столъ: водка, вино, икра, пряники, какія-то маленькія конфетки, огурцы, жареный въ постномъ маслѣ лещъ, колбаса, орѣхи,—и всего этого я, по неотступной просьбѣ хозяина, долженъ былъ отвѣдать. О себѣ Клементій мнѣ разсказалъ, что года два тому назадъ баринъ отпустилъ его въ Питеръ опять, и что, мало того, взялъ подъ свой залогъ его подрядъ и сдалъ ему, и что онъ съ этого, по милости Божьей, и пошелъ опять въ гору, и теперь имѣетъ тысячъ до десяти чистаго капитала; что блажи теперь у него никакой нѣтъ; въ деревню съѣздитъ каждую зиму, хмельного ничего въ ротъ не беретъ, потому что отъ хмельного мужику все нехорошее и въ голову приходитъ. Парнишку отдалъ въ ученье къ одному пріятелю, по тому же малярному мастерству, по тѣмъ причинамъ, что если учить его при своей артели и на своихъ глазахъ, такъ либо перебалуешь, либо заколотишь... и тому подобное.

Порадовавшись успѣху питерщика, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лицѣ его порадовался и вообще за русскаго человѣка.

1852 года.
Сентября 30-го.

II. Лѣшій.

Разсказъ исправника.

I.

Я былъ командированъ для производства одного уголовнаго слѣдствія въ Кокинскій *) уѣздъ вмѣстѣ съ тамошнимъ исправникомъ, котораго лично не зналъ, но слышалъ о немъ много хорошаго: всѣ почти говорили, что онъ очень добрый человѣкъ и распорядительный исправникъ, сверхъ того большой говорунъ, ловкій и великій мастеръ представлять, какъ мужики и бабы говорятъ. Получивъ общее съ нимъ порученіе, я хотѣлъ самъ за нимъ ѣхать въ Кокинъ, но онъ меня предупредилъ и дожидался уже въ усадьбѣ Марковѣ, которая стоитъ на самомъ поворотѣ съ кокинскаго торговаго тракта на проселокъ, ведущій къ мѣсту нашего назначенія.

Только-что я вышелъ изъ повозки, онъ подошелъ ко мнѣ и проговорилъ офиціальнымъ голосомъ:

— Честь имѣю представиться: кокинскій земскій исправникъ.

Онъ былъ уже человѣкъ пожилой, но еще бодрый, свѣжій и вообще имѣлъ наружность пріятную и умную. За его служебную вѣжливость, на которую, впрочемъ, давали мнѣ нѣкоторое право наши служебныя отношенія, я поспѣшилъ отвѣтить ему тѣмъ же и взаимно представился, чѣмъ онъ остался съ своей стороны, кажется, весьма доволенъ. Я спросилъ его, когда мы выѣзжаемъ.

— Я думаю, сейчасъ же: зачѣмъ золотое время терять! — отвѣчалъ онъ и тутъ же распорядился — мнѣ объ обывательскихъ, а себѣ велѣлъ закладывать свой тарантасъ.

Въ ожиданіи лошадей, мы сѣли съ нимъ на привалокъ около избы.

---

*) Названіе вымышленное.

— Давно вы служите? — началъ я.

— Давненько-съ... По вниманію дворянства, выбираюсь три трехлѣтія и второе шестилѣтіе.

— Хлопотлива ваша служба?

— Не безъ того-съ... Привычка; сначала, когда поступилъ, такъ очень было дико; только-что вышелъ изъ военной службы, никого, ничего не знаю; первое время надъ бумагами покорпѣлъ, а тутъ, какъ поогляделся, такъ понялъ, что, сидя въ судѣ, многаго не сдѣлаешь, и маршъ въ уѣздъ, да съ тѣхъ поръ все и ѣзжу.

— А судъ какъ же?

— Въ судѣ что-съ? Всѣ эти суды, я вамъ доложу, пустое дѣло; ежели по правдѣ теперь сказать, такъ вѣдь только мы, маленькіе чиновники, которые по улицамъ-то вотъ бѣгаемъ да по проселкамъ ѣздимъ, — дѣло-то и дѣлаемъ-съ, а прочіе только вѣдь и есть, что предписываютъ,—повѣрьте, что такъ!

Пока мы разговаривали такимъ образомъ, около насъ собралась толпа мальчишекъ. Маленькій, худощавый, со всклоченными волосами горбунъ притащилъ съ ведро величины дегтярницу и силился на жерди поднять задокъ моей брички.

— Перестань, косолапый; достатки хребетъ сломаешь! — крикнулъ исправникъ.

— Ничаво, кормилецъ: може, и смогу, — отвѣчалъ тотъ.

— Перестань, надорвешься! — крикнулъ опять исправникъ. — Матвѣй! Смажь бричку. Гдѣ этому хрычу возиться тутъ! — сказалъ онъ хлопотавшему около тарантаса своему кучеру, парню лѣтъ двадцати пяти, съ намасленною головою, въ красной рубашкѣ, въ плисовыхъ штанахъ и съ мѣдною сережкою въ ухѣ.

Матвѣй подошелъ.

— Что, дядя, видно, это не кузовья таскать? А на спинѣ, кажись, и подкладка есть... Не замай, пусти, — сказалъ онъ и молодцовато поднялъ задокъ брички, подставилъ дугу подъ жердь, однимъ взмахомъ руки сдернулъ колесо и началъ мазать.

— Здоровъ, паря, — проговорилъ горбунъ, глядя съ удовольствіемъ на кучера.

— Эй, ты, горбатка! Тройка, что ли, у тебя завелась? Извозничать, что ли, началъ? — спросилъ его исправникъ.

— Нѣту-тка, сударь. Какая тройка! Всего двѣ: одна-то кобылка, а другой меринокъ — почесть-что жеребенокъ; всего весною три годка минуло.

— А третья чья же?

— Третья отъ дяди Захара пойдетъ.

— По охотѣ, что ли, везете?

— Какое, родимый, по охотѣ: время рабочее, самъ знаешь... Какое по охотѣ!.. Отъ Егора Парменыча приказъ былъ, меня и Захара нарядилъ... Какое ужъ по охотѣ!

— А Егоръ Парменовъ дома?

— Дома-тка, надо-быть: дома утрось былъ.

— Для чего же барскими лошадьми не справляютъ подводъ: баринъ это разрѣшилъ, я вамъ толковалъ.

— Ты-то, кормилецъ, толковалъ, да гдѣ! Все мы справляемъ.

Исправникъ нахмурился.

— Вы не повѣрите, сколько у меня битвы съ этими управителями. Только и ладятъ себѣ въ карманъ; а чтобы барину угодить, такъ ѣдетъ на мужикѣ, — отнесся онъ ко мнѣ и потомъ крикнулъ: — Ѳедька!

Одинъ изъ мальчиковъ, повыше и поумнѣе на лицо, подошелъ.

— Поди, позови ко мнѣ управителя. Знаешь, гдѣ онъ?

— Знаю, — отвѣчалъ мальчикъ.

— А гдѣ?

— Во хлигелѣ, — чай, поди, во хлигелѣ пьетъ.

— Ну, такъ ступай и позови его сюда... Валяй!

Мальчишка побѣжалъ въ прискочку; за нимъ побѣжали двое и еще двое; осталась только лѣтъ трехъ дѣвчонка, которая заревѣла во все горло, приговаривая: «нянька ушелъ, нянька ушелъ».

— А кто здѣсь управитель? — спросилъ я.

— Здѣсь управитель персона важная-съ,—отвѣчалъ исправникъ: — бывшій камердинеръ господина и вступившій въ законный бракъ съ мамзелью, исправлявшей нѣкоторое время при баринѣ должность мадамы, а потомъ прибылъ сюда отращивать себѣ брюхо и набивать карманъ; не знаю, чѣмъ кончится, а я его поймалъ на одну штуку — кажется, что сломлю ему голову. Не могу, сударь, видѣть этого лакейства, особенно когда они въ управители попадутъ.

— Стало-быть, вы думаете, что бурмистры изъ мужиковъ лучше? — замѣтилъ я.

— Невпримѣръ лучше-съ, — отвѣчалъ исправникъ: — я, скажу вамъ, наблюдалъ надъ этимъ много. Конечно, и изъ нихъ есть плуты, особенно который ужъ много силы заберетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы возьмите, сколько у него противъ лакея преимуществъ: хозяйственную часть онъ знаетъ во сто разъ основательнѣе, и какъ самъ мужикъ, такъ все-таки мужицкую нужду испыталъ, слѣдовательно больше посовѣстится обидѣть какого-нибудь бѣдняка; потомъ-съ: уваженья въ немъ больше, потому что никогда не былъ къ барину такъ прибли-

женъ, какъ какой-нибудь лакей, который господина, можетъ-быть, до послѣдней косточки вызналъ; и наконецъ главное — нравственность! Я вамъ прямо скажу: всѣ эти господа камер-динеры, дворецкіе, они съ малыхъ лѣтъ живутъ на свободѣ, въ городѣ, а городъ — баловникъ для людей; въ деревнѣ чего бы и въ голову не пришло, а тутъ какъ разъ научатъ. Онъ и трубку куритъ, и въ карты играть охотникъ, и шампанское пить умѣетъ, и выходитъ поэтому, что толку-то на дѣлѣ нѣтъ, а только форсъ держатъ, да еще какой, посмотрѣли бы вы! Ни одинъ господинъ не рѣшится надъ мужикомъ такъ важничать, какъ ломаются эти молодцы. Я многимъ изъ нихъ посшибалъ головы.

— Какимъ же образомъ вы принимаете участіе въ ихъ управленіи?

— Да и самъ ужъ не знаю, какъ это вышло: по службѣ-то вѣдь безпрестанно сталкиваешься съ этими молодцами, и я, какъ, бывало, прежніе исправники, не сближаюсь съ ними, а вхожу прямо въ переписку съ барами и такой своей манерой добился теперь до того, что на всѣ почти имѣнія имѣю довѣренныя письма; и если я теперь какія-нибудь распоряженія дѣлаю, мнѣ никто изъ нихъ не ткнетъ въ зубы: «барину напишу», — врешь! Я первый напишу.

— Вамъ, я думаю, и всѣ помѣщики благодарны?

— Ну, не всѣ-съ. Впрочемъ, — продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: — многія важныя особы, когда сюда пріѣзжаютъ, со мной знакомятся, ласкаютъ меня, благодарятъ... Я даже, милостивый государь, имѣю нѣсколько собственноручныхъ писемъ отъ князя Дмитрія Владимирыча, бывшаго московскаго генералъ-губернатора, удостоился потомъ чести быть лично съ ними знакомымъ и пользовался ихъ покровительствомъ. Чего жъ мнѣ больше? Я бьюсь не такъ чтобы ужъ особенно изъ-за денегъ. Дѣти у меня, благодаря Бога и по милости этого моего хорошаго знакомства, всѣ ужъ они пристроены, всѣ на своихъ мѣстахъ, и не только что отъ меня ничего не требуютъ, но еще мнѣ же помогаютъ. Если вамъ откровенно сказать, такъ я и служу больше по привычкѣ; силы еще есть, начальству, вижу, пріятна моя служба, потому что, кто ни будетъ на моемъ мѣстѣ, другой, неопытный, такъ не вдругъ еще привыкнетъ; на первыхъ порахъ, какъ онъ ни бейся, а того не сдѣлаетъ, что я... Привычка-съ!.. Вонъ катитъ, полюбуйтесь: какой гогъ-магогъ, — заключилъ исправникъ, указывая глазами на идущаго управителя, который съ перваго же взгляда давалъ въ себѣ узнать растолстѣвшаго лакея: лицо сальное, охваченное бакенбардами, глаза ма-

ленькіе, черные и безпрестанно бѣгающіе, надъ которыми шли густыя брови, сросшіяся на переносьѣ.

Одѣтъ онъ былъ презентабельно и, какъ требовало время года, совершенно по-лѣтнему: въ сѣромъ казинетовомъ пальто, въ пике-жилетѣ, при часахъ и золотой цѣпочкѣ, съ золотымъ перстнемъ на грязной рукѣ и въ соломенной шляпѣ, которую онъ, подойдя къ намъ, приподнялъ и расшаркался.

— Приказаніе получилъ явиться къ вамъ!—отнесся онъ къ исправнику.

— Здравствуйте, батюшка Егоръ Парменычъ! Повидаться съ вами захотѣлось: сами вы ужъ заспесивѣлись и глазъ не кажете, — отвѣчалъ исправникъ.

Управитель переступилъ съ ноги на ногу.

— Сбирался еще до присыла вашего, да такъ полагалъ, знавъ усердіе ваше, что дѣлами изволите заниматься, а очень было бы пріятно, если бы осчастливили меня и пожаловали ко мнѣ чаю или кофейку откушать, или закусить бы чего-нибудь: дѣло дорожное.

Исправникъ взглянулъ на меня.

— Съ удовольствіемъ бы, да не охотникъ я до закусокъ-то, — сказалъ онъ.

— Ужъ это точно, справедливо изволили сказать про себя. Чѣмъ только вы живы, мы тому удивляемся! Этакого постника и въ Петербургѣ не видывалъ, хотя и тамъ господа тоже очень воздержны на пищу, — проговорилъ управитель и потомъ, видя, что исправникъ ничего ему не возражаетъ, продолжалъ, вздохнувъ: — все это, я полагаю, отъ вашей заботливости происходитъ. Вотъ хоть бы и нашъ господинъ,— проходитъ онъ, какъ небезызвѣстно вамъ, должности большія, и часто, бывало, когда я еще при особѣ ихъ состоялъ, если получатъ они какое-нибудь повышеніе или награжденіе, поздравишь ихъ, одѣвая поутру, они только головкой помотаютъ: «Эхъ, говоритъ, Егоръ Парменовъ, повышенію я радъ, да и заботъ прибавится». И точно-съ: и сна, посмотришь, лишатся и пищи ужъ меньше употребляютъ... Очень тоже старательны къ службѣ.

— Что и говорить! — возразилъ исправникъ съ усмѣшкою: — ты не только что по господину, и по себѣ можешь судить это.

— Именно могу, Иванъ Семенычъ. Если сравнить свое положеніе съ простымъ мужикомъ, такъ увидишь большую разницу: какая ему забота! Отпашетъ онъ свою полосу, натреплется тюри, да и спать; а ты, напримѣръ — пять запашекъ однѣхъ: все надобно присмотрѣть: конскій заводъ, сплавные

лѣса, четыре тяжебныхъ дѣла на рукахъ, межеванье теперь идетъ; а непріятностей-то сколько получишь! Иногда какая-нибудь посконная бабенка, за которую двухъ грошей дать нельзя, и та тебя такъ разстроитъ, что ничему не радъ. Все это въ воображеніи имѣешь: какой тутъ сонъ или пища! Ничего на умъ не пойдетъ.

При послѣднихъ словахъ исправникъ взглянулъ на управителя пристально; тотъ остановился и началъ глядѣть по сторонамъ.

— Приказанья больше никакого не будетъ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да приказанье такое: ты все прежней своей методы не оставилъ — подводы мужиками справляешь! Я ужъ объ этомъ барину писалъ и отвѣтъ получилъ.

— Я, признаться, и самъ объ этомъ господину отписывалъ. Неужели же, Иванъ Семенычъ, я смѣлъ бы имѣть противъ васъ какое-нибудь сопротивленіе, если бы силъ моихъ только хватало; сами изволите знать, половина запашки идетъ на барскихъ лошадяхъ — сморены такъ, что кожа да кости. Вдругъ баринъ наѣдетъ, куда я тогда поспѣлъ?

— А у мужика развѣ лошадь не въ работѣ? Она больше твоихъ барскихъ работаетъ.

— У нихъ лошади особенныя: сносливыя, — ихнимъ лошадямъ ничего; а наши кони нѣжные; ихъ должно беречь пуще зѣницы ока.

— Зачѣмъ же самъ-то по праздникамъ на тройкахъ гоняешь?

— Мнѣ, сударь, нельзя не выѣхать: должность моя такая, что я долженъ ѣздить.

— Экая у тебя должность славная — все по праздникамъ! Вотъ этта ѣздилъ въ Введенское на храмовой праздникъ, къ скарловановскому Ѳедору Діеву на новоселье, къ вонышевскимъ мужикамъ на Никольщину... Отличная у тебя должность! Хоть бы и намъ такую.

— На сосѣдствѣ безъ знакомства не проживешь; безъ этого ужъ нельзя: самъ принимаешь къ себѣ, такъ и меня тоже просятъ.

Горбунъ привелъ своихъ двухъ лошадей, которыхъ онъ весьма справедливо называлъ уменьшенными именами, потому что въ каждой изъ нихъ было немного болѣе двухъ аршинъ росту; вслѣдъ за нимъ велъ и дядя Захаръ свою; она была въ томъ же родѣ, только гораздо худѣе и вся обтерта. Горбунъ началъ-было закладывать.

— Не можете ли вы доѣхать со мною въ тарантасѣ? Бричку

вашу здѣсь оставимъ: сюда же вернемся, — сказалъ мнѣ исправникъ.

Я согласился.

— Эй, вы, не надо! Ведите лошадей домой, — проговорилъ онъ мужикамъ.

— На томъ те спасибо, кормилецъ, — проговорилъ горбунъ и, снявъ шапку, поклонился въ поясъ.

Захаръ тоже, хотя не такъ скоро и не сказавъ ничего, но приподнялъ шапку и поклонился. Оба мужика повели лошадей назадъ. Меринокъ горбуна, кажется, былъ радъ не менѣе своего хозяина, избѣжавъ необходимости везти: онъ вдругъ заржалъ и лягнулъ задомъ.

— Эка, паря, веселый какой!—проговорилъ ласковымъ голосомъ горбунъ и повелъ коней въ поле.

Дядя Захаръ иначе распорядился: онъ вывелъ свою худощавую лошаденку на половину улицы, снялъ съ нея узду и, проговоря: «ну, ступай, одеръ экій!», что есть силы стегнулъ ее поводомъ по спинѣ. Та, разумѣется, побѣжала; но онъ и этимъ еще не удовольствовался, а нагналъ ее и еще разъ хлестнулъ.

— Эй, ты, длинновязый, за что ты лошадь бьешь?—вскрикнулъ исправникъ.

— Что, бачка?

— За что ты бьешь лошадь?

— Я, бачка, не бью ее, а такъ только шугнулъ.

— Я тебѣ дамъ, шугнулъ! Этакій лошадиный живодеръ! Каждый годъ, сударь мой, лошади двѣ заколотитъ... Только ты у меня загони эту лошадь, я съ тобой справлюсь.

— Ништо бы ему! Кормилецъ, справедливо баешь, — отозвался подошедшій и ставшій около насъ, съ сложенными руками, рыжій мужикъ: — этакій озорникъ на эту животинку, что и Боже упаси!

Управитель на всю эту сцену глядѣлъ съ насмѣшливою улыбкою.

— Звѣрь безчувственный, и тотъ больше понимаетъ, чѣмъ этотъ народъ, — заговорилъ онъ: — сколько имъ отъ меня внушеній было, — на головѣ зарубилъ, что блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ... ничего въ толкъ не берутъ!

— Не всѣ такіе,—хоть бы изъ нашего брата, Егоръ Парменычъ, — возразилъ рыжій мужикъ: — можетъ, во всей вотчинѣ одинъ такой и выискался. Вотъ горбунъ — такой же мужикъ, а по-другому живетъ: самъ куска не съѣстъ, а лошадь накормитъ; и мы тоже понимаемъ, у скота языка нѣтъ: не пожалуется,—что хошь съ ней, то и дѣлай.

— Понимаете вы! Ничего вы не понимаете, — кто васъ знаетъ хорошо!

— Твое дѣло: какъ знаешь, такъ и бай; а намъ Захарка не указъ: худой человѣкъ, худой и есть — не похвалимъ.

Подали тарантасъ. Мы начали съ исправникомъ усаживаться. Егоръ Парменовъ немного струсилъ.

— Батюшка Иванъ Семенычъ, что вы изволите тѣсниться,— отнесся онъ къ намъ:—если вамъ угодно, я сейчасъ же велю господскихъ лошадей изготовить, самую лучшую тройку велю заложить.

— Спасибо! Доѣдемъ какъ-нибудь... Пошелъ! — отвѣчалъ исправникъ.

Мы тронулись.

— Я того очень опасаюсь... не подумайте вы чего-нибудь,— говорилъ управитель, хватаясь за край тарантаса и идя за нами:—къ-капризу моему не отнесите. Мы никогда этимъ не потятотимся. Толкомъ мнѣ давеча не сказали, потому такое распоряженіе и вышло. Смѣю ли я что-нибудь! Какъ это возможно! У насъ и отъ помѣщика есть приказъ, чтобы чиновниковъ не останавливать. Сдѣлайте милость, — продолжалъ онъ: — пріостаньтесь на минуту, а тѣмъ временемъ, какъ лошадей закладываютъ, пожаловали бы ко мнѣ... Если васъ, Иванъ Семенычъ, не смѣю попросить чего-нибудь откушать, такъ, можетъ, господинъ губернаторскій чиновникъ не откажутъ мнѣ въ этой чести. Мы высоко должны цѣнить ваше вниманіе: если вы къ намъ милостивы не будете, что жъ мы послѣ этого значимъ? — ничего!

— Нѣтъ, братъ, теперь некогда... Трогай живѣе!—крикнулъ исправникъ.

Кучеръ взмахнулъ кнутомъ и какъ-то особенно присвистнулъ; лошади разомъ хватили, такъ что Егоръ Парменовъ отлетѣлъ въ сторону и едва устоялъ на ногахъ.

II.

Проѣхать намъ надобно было верстъ тридцать проселкомъ. Мы трусили, гдѣ только можно, и все-таки ѣхали очень медленно. У меня изъ головы не выходилъ управитель.

— Вы говорили, Иванъ Семенычъ, что управителя этого поймали на какую-то штуку, — сказалъ я, желая вызвать исправника на прежній его разговоръ.

— Поймалъ, милостивый государь, есть такой грѣхъ, — отвѣчалъ онъ съ самодовольствомъ.—Казусъ этотъ замѣчательный. Если хотите, я вамъ разскажу. Только ужъ вы извините,

я начну издалека: скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается.

— Сдѣлайте одолженіе, — сказалъ я.

Исправникъ откашлялся, понюхалъ табаку и началъ:

— Есть у меня, сударь, въ уѣздѣ, на самой почти границѣ, волость, подъ названіемъ Погорѣлки, — дичь страшная, лѣсовикъ раменной; на верхушку дерева посмотришь, такъ шапка съ головы валится. На всемъ этомъ протяженіи всего и стоятъ только три деревнюшки да небольшой приходецъ въ одно дѣйствительство, и все это, извольте замѣтить, и деревнюшки и лѣсныя дачи принадлежатъ одному господину съ Марковымъ. Ну, и здѣсь, какъ вы видите, народъ не бойкій, а тамъ еще простѣе: смиренница такая, что не только дѣлъ какихъ-нибудь, а разсыпь, кажется, въ любой деревнюшкѣ кучу золота на улицѣ, поставь палочку да скажи, чтобъ не трогали, такъ версты за двѣ обходить станутъ. Въ начальныя десять лѣтъ моей службы я почти-что и не бывалъ тамъ: не зачѣмъ! Вдругъ въ управители пріѣзжаетъ этотъ хватъ, является ко мнѣ съ письмомъ отъ барина. Поговорилъ я съ нимъ: вижу, парень неглупый, должно-быть, грамотный, — говоритъ бойко. Одно только мнѣ не понравилось въ немъ, какъ и вы, можетъ-быть, замѣтили, — глаза его: никакъ, сударь, онъ ни на кого не можетъ смотрѣть прямо: все у него эти буркалы бѣгаютъ,— и не то, чтобы онъ косъ былъ, а такъ какъ-то, просто плутоватый взглядъ; сейчасъ видно, душонка нечиста. Впрочемъ, я обласкалъ его для перваго раза, но взялъ себѣ за правило — наблюдать за нимъ строго. Онъ не промедлилъ-съ выкинуть штуку такого рода, что написалъ барину, будто бы по имѣнію все въ страшномъ безпорядкѣ, все запущено, разорено, и такимъ, сударь, манеромъ представилъ прежняго стараго бурмистра, мужика хорошаго, что совсѣмъ-было погубилъ того; я это узнаю стороною и, конечно, понялъ его канальскую выдумку: до меня-де было все мерзко да скверно, а какъ сталъ я управлять, такъ все пошло прекрасно. Ну, думаю, голубчикъ, не знаю, какъ при тебѣ пойдетъ, а вотъ тебѣ на первыхъ порахъ слѣдуетъ дать сдачи, чтобы ты не завирался,—и тотчасъ же пишу въ барину письмо совсѣмъ въ другомъ духѣ и объясняю прямо, что донесенія новаго управителя вовсе несправедливы, что по имѣнію, какъ досконально извѣстно мнѣ по моей службѣ, никакихъ не было особыхъ злоупотребленій, и что оно управлялось такъ, какъ дай Богъ, чтобы управлялось каждое заглазное имѣніе, и вмѣстѣ къ тому присоединяю, не то, чтобы прямо, а такъ стороной, давешнюю мою сентенцію, которую и вамъ высказалъ, что

я, съ своей стороны, считаю совершенно безвыгоднымъ замѣнять бурмистровъ изъ мужиковъ управителями, ибо они въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ очень неопытны да и по нравственности своей не могутъ быть вполнѣ благонадежны. Послѣ моего письма, слышу, прислали Егору Парменову сверху зуботычку, и зуботычку порядочную; мнѣ тоже письмо собственноручное отъ помѣщика: благодаритъ меня за участіе, проситъ на будущее время, если что замѣчу, то и самъ могу отмѣнить, или, по крайней мѣрѣ, увѣдомилъ бы его. Сталъ меня Егорка побаиваться; но, невзирая на это, плутни его вижу на каждомъ шагу: то нападетъ онъ на мужика, который побогаче, — я заступлюсь, — то сдѣлаетъ съ купцами сдѣлку и запродастъ хлѣбъ не въ пору за полъцѣны, — я опять поймаю и найду другихъ покупщиковъ. Вдругъ разъ доноситъ господину, что конскіе дворы пристоялись, и что онъ уже подрядилъ новые за три тысячи серебромъ, а я пишу барину, что дворы требуютъ только небольшой поправки, и что три тысячи серебромъ за такіе дворы въ здѣшнемъ мѣстѣ—цѣна неслыханная, — ему опять плюха. Игралъ я съ нимъ въ эту игру года четыре, точно кошка съ мышью: поотпущу его немного, дамъ обнюхать какую-нибудь плутню, и только бы ему сплутовать, а я его и цапъ. Сбирался-было, признаюсь, нѣсколько разъ написать барину письмо рѣшительное, но все какъ-то останавливался: какъ, думаю, еще примется, по услугѣ его ему, можетъ-быть, многое прощается: ихнія дѣла, кто ихъ знаетъ; жду, что будетъ дальше, — и можете себѣ вообразить, каковъ шельма этотъ человѣкъ: пять лѣтъ я, милостивый государь, не зналъ его главной продѣлки и открылъ какъ-то ужъ случайно. Какъ прежде я вамъ докладывалъ объ этой Погорѣловской волости... вдругъ доходятъ до меня слухи, что Егоръ Парменовъ начинаетъ туда ѣздить каждую недѣлю, и что-де тамъ барскую запашку завелъ, флигель выстроилъ и назвалъ Новоселкомъ. Что такое, думаю, это значитъ? Если ради выгодъ барскихъ, такъ тамъ выгодъ большихъ не у чего соблюсти, и первое, что, признаться, пришло мнѣ въ голову: мужиковъ, думаю, каналья, хочетъ стѣснить. По Маркову и по другимъ селеніямъ я часто наѣзжаю и воли ему не даю, а тамъ въ захолустьѣ дѣлаетъ, что хочетъ. Началъ и я ѣздить въ Погорѣлки, въ новую эту усадьбу; какъ этакъ, знаете, невдалекѣ, верстахъ въ пяти, въ шести, ѣду, такъ ужъ непремѣнно заверну. Онъ меня ловитъ, какъ молодой мѣсяцъ, и покуда я тамъ, точно адъютантъ мой, такъ по стопамъ моимъ и слѣдуетъ. Однако же я урывками, ущипками разспрашиваю мужиковъ: что-де и какъ, и нѣтъ ли

какихъ отъ управителя притѣсненій?—«Нѣту-тка, любезненькій, грѣха на душу не возьмемъ, никакихъ намъ отъ Егора Парменыча притѣсненій нѣтути, а еще противъ прежняго лучше стало». Задалъ онъ мнѣ, милостивый государь, этимъ задачу; вижу, что тутъ что-нибудь кроется, а поймать не знаю на чемъ. Заѣзжаю я разъ въ этотъ флигель ночевать; дѣло было въ субботу, а на другой день, по воскресному дню, поѣхалъ къ приходу помолиться. Егоръ Парменовъ тутъ же и не отстаетъ отъ меня; я въ своемъ тарантасѣ, а онъ верхомъ. Пріѣзжаемъ: ну, я, по званію своему, знаете, сталъ впереди; Егоръ Парменовъ немного сбоку, или такъ, что почти рядомъ со мною, и двѣ вещи дѣлаетъ: либо Богу усердно молится, либо обернется ко мнѣ и начинаетъ на ухо шептать разные этакіе пустяки, и я очень хорошо понимаю, съ какими мыслями онъ это дѣлаетъ: молится, извольте видѣть, чтобы мнѣ угодить, потому что знаетъ, что я люблю богомольныхъ, а со мною шепчется, чтобы мужикамъ дать тонъ: вотъ-де я съ исправникомъ на какой ногѣ. Въ половинѣ обѣдни, только-что запѣли херувимскую, вдругъ около меня что-то стукнуло, застонало, потомъ зарыдало. Я обернулся, смотрю, народъ столпился; спрашиваю, что̀ такое?

«— Кликуша, говорятъ, батюшка, кликуша!

«— Откудова?

«— Изъ Дмитрева, говорятъ, изъ самой этой, знаете, дальней деревни по волости.

«— Ну такъ что̀ жъ,—говорю я:—помочь надобно!

«— Ничего, родименькій: прикрыли ужъ; только бы не измѣшать.

«Повѣрье у нихъ, знаете, этакое: коли ужъ случился съ кѣмъ припадокъ, такъ не надо трогать, а только прикрыть. Однако я на это не посмотрѣлъ: велѣлъ вынести ее на паперть и самъ вышелъ. Смотрю—дѣвушка молодая, лежитъ вверхъ лицомъ, слезы градомъ, сама всхлипываетъ. Были со мною въ дорогѣ гофманскія капли, далъ я ей, почти-что насильно разинулъ ротъ и влилъ,—почувствовалась. Начала-было опять проситься въ церковь—я не пустилъ, а позвалъ сейчасъ изъ нихъ деревни мужика и велѣлъ отвести ее въ домъ къ священнику. Егоръ Парменовъ тоже вышелъ за мною и что-то очень сѣменитъ; я съ нимъ не говорю. Надобно вамъ сказать, что кликушъ этихъ въ простонародіи бываетъ много-съ, и они, по-своему, толкуютъ, что это отъ порчи дѣлается. а господа другіе понимаютъ, что это одно только притворство, шалость, а въ самомъ дѣлѣ ни то ни другое,—просто истерика, какъ и съ нашими барынями бываетъ! Душа вѣдь тоже и у нихъ есть!.

Другая, которая понѣжнѣе, почувствительнѣе, житьишко, можетъ-быть, плохое: то свекоръ въ дугу гнетъ, то свекровь поѣдомъ ѣстъ, а можетъ, и мужъ поколачиваетъ: вотъ она недѣлю-то-недѣльски тоскуетъ-тоскуетъ, придетъ въ церковь, начнетъ молиться, расчувствуется, а тутъ еще ладаномъ накурено, духота, ну и шлепнется. Много я этакихъ примѣровъ видѣлъ. Впрочемъ, эта новая кликуша какъ-то, и самъ не знаю отчего, больше другихъ меня заинтересовала. Какъ только обѣдня кончилась, выхожу я изъ церкви; внижу — впереди идетъ сельскій мужикъ, по прозванію «братикъ»; поговорку онъ, знаете, этакую имѣлъ, съ кѣмъ бы ни говорилъ: съ бариномъ ли, съ мужикомъ ли, съ бабой ли, съ мальчишкой ли, всѣмъ приговариваетъ: «братикъ»; а мужикъ этакій правдивый: если ужъ что знаетъ, такъ ужъ не потаитъ, да и лишняго не прибавитъ. Нагоняю я его, поздоровался съ нимъ.

«— Пойдемъ, говорю, Савельичъ, въ сторону: переговорить мнѣ съ тобою надо.

«Отошли мы съ нимъ.

«— А что,—я говорю:—кликуша эта при мачехѣ, что ли, живетъ?

«— Какое, братикъ, при мачихѣ... при родной матери! Устинью кривую, чай, знаешь? — отвѣчалъ онъ мнѣ.

«— Ну, не совсѣмъ: слыхать-то слыхалъ, что баба хорошая, а не видалъ.

«— Ну да, братикъ, старуха умная, домовитая: разумомъ-то будетъ, пожалуй, противъ хорошаго мужика, особенно по здѣшнему мѣсту.

«— Отчего жъ съ дѣвкою сдѣлалось?

«— Много, братикъ, болтаютъ, — обереги Богъ всякаго человѣка, — доподлинно я не знаю: за что купилъ, за то те и продаю.

«— Извѣстно, говорю, что ты сторона: испортили, что ли, ее?

«— То-то, братикъ, не испортили! Кабы отъ человѣка шло, можетъ, и помогли бы; а тутъ хуже того.

«— Что же такое хуже того?—спрашиваю я.

«Братикъ мой, знаете, этакъ пріостановился немного, подумалъ, потомъ вдругъ мнѣ на ухо говоритъ:

«— Лѣшій, говоритъ, ее, братикъ, полюбилъ.

«— Какъ, говорю, лѣшій полюбилъ?

«— Полюбилъ, говоритъ, тамъ какъ знаешь, такъ и суди; а баютъ, что полюбилъ: нынѣшнимъ лѣтомъ таскалъ ее: мѣсяца четыре пропадала,—это ужъ я завѣрное знаю.

«— Да какъ же, братецъ, таскалъ? Я что-то этого не понимаю.

«— Я самъ тоже, братикъ: кто ихъ знаетъ! Мало ли что врутъ въ народѣ. Я опять те скажу: за что купилъ, за то и продаю; а болтаютъ много: всего и не переслушаешь.

«Исторія,—думаю,—начинаетъ становиться заманчива.

«— Какъ же, говорю, она опять дома очутилась?

«— Богъ ихъ, братикъ, знаетъ! Намъ всего сказывать не станутъ, а мать проговаривала, будто въ сѣни ее подкинули въ безчувствѣ; а какъ тамъ взаправду было, не знаю: самъ при этомъ дѣлѣ не былъ,

«Толкую-съ я такимъ манеромъ съ мужикомъ, вдругъ Егоръ Парменовъ какъ изъ-подъ земли выросъ.

«— Вы, ваше высокоблагородіе, говоритъ, эту нашу изъ Дмитрева больную дѣвку изволили къ священнику послать?

«— Точно такъ, говорю, любезный.

«— А я, сударь, говоритъ, осмѣлился перемѣнить ваше приказаніе и отправилъ ее домой.

«— Напрасно! Для чего ты это сдѣлалъ?

«— Потому что-съ время теперь, говоритъ, праздничное: къ матушкѣ-попадьѣ и безъ того много народа идетъ, и родственники тоже наѣхали: побоялся, чтобы не было имъ какого безпокойства отъ больной,—да и той на народѣ зазорно.

«— Ну, ладно: коли ужъ такъ распорядился, такъ дѣлать нечего, будь по-твоему,—говорю я ему, а самъ съ собою думаю: — «шалишь, любезный, у тебя тутъ что-то недаромъ, какая-нибудь плутня да кроется».

«Въ это время подали мой тарантасъ; я сажусь, онъ тоже усаживается на своего коня. Дай, думаю, по горячимъ слѣдамъ поразспрошу его: не проболтаетъ ли чего-нибудь.

«— Эй, кричу, Егоръ Парменычъ! Полно тебѣ трястись на сѣдлѣ: садись со мною въ тарантасъ.

«Онъ принимаетъ это съ большимъ удовольствіемъ. Поѣхали мы съ нимъ. Народу идетъ тьма и въ селѣ и по дорогѣ, кланяются намъ, другой еще гоны за три шапку ломитъ; я тоже кланяюсь, а Егоръ Парменычъ мой, какъ мышь на крупу, надулся и только слегка шапочкою поводитъ. И досадно-то и смѣшно было мнѣ смотрѣть на него, каналью.

«— А что это, говорю, Егоръ Парменычъ,—какъ объѣхали мы весь народъ:—что это такое за кликуша? И отчего это съ ними бываетъ?

«— Это-съ, говоритъ, бываетъ неспроста: это по колдовству.

«— Да какъ же, говорю, братецъ, какъ оно и въ чемъ состоитъ?

«— А такъ-съ, говоритъ, здѣсь этой мерзости очень много. Здѣсь народъ прехитрый: даромъ, что онъ свиньей смотритъ, а такой документщикъ,—и то выдумаетъ, чего намъ и во снѣ не снилось.

«— Да кто же именно колдуетъ, на кого покленъ-то идетъ?— спрашиваю я.

«— Клеплютъ больше на старыхъ бобылокъ; и точно-съ: превредныя! Иную и не узнаешь, а она дѣлаетъ, что хочешь: и тоску на человѣка наведетъ, или такъ, примѣрно, чтобы мужчина къ женщинѣ или женщина къ мужчинѣ пристрастіе имѣли,—все въ ея власти; и не то, чтобы въ пищѣ или питьѣ что-нибудь дала, а только по вѣтру пуститъ—на пять тысячъ верстъ можетъ дѣйствовать.

«Выслушалъ я всю эту болтовню, и еще меня большее сомнѣніе взяло. Знаю, что этакій плутъ и не въ колдуній, а во что-нибудь и поважнѣе не сразу повѣритъ, а тутъ такъ настоятельно утверждаетъ. Началъ я ему пристально въ рожу смотрѣть и потомъ вдругъ спрашиваю:

«— А что,—говорю я:—эта сегодняшная дѣвушка: отчего она выкликала?

«Вижу, его немного подернуло; но плутъ, будто бы ненарочно, сейчасъ вынулъ платокъ, обтеръ лицо и отвѣчаетъ:

«— Признаться, говоритъ, я и не знаю хорошенько; своихъ много хлопотъ, такъ и не разспрашивалъ, — а думаю, тоже съ порчи: домъ у нихъ получше другихъ, она изъ себя этакъ красивая, такъ, можетъ-быть, кто-нибудь отъ зависти взялъ да и сдѣлалъ съ нею это.

«— Да какъ же, — возразилъ я: — ты что-то мнѣ неладно говоришь; съ дѣвкою этою приключилось не отъ того. Я знаю, что ее лѣшій воровалъ, она, слышно, пропадала долгое время. Зачѣмъ же ты меня обманываешь?—А самъ все ему въ рожу гляжу и вижу, что онъ отъ послѣднихъ моихъ словъ позеленѣлъ, даже и въ языкѣ позамялся.

«— Какъ, говоритъ, пропадала?

«— Да такъ же и пропадала, какъ пропадаютъ.

«— Ничего, сударь, говоритъ, я не знаю, — а у самого голосъ такъ и дрожитъ. — Отъ васъ только въ первый разъ, говоритъ, и слышу, и очень вамъ благодаренъ, что вы мнѣ сказали.

«— Не стоитъ, говорю, благодарности. Только зачѣмъ же ты меня-то морочишь? Кто тебѣ повѣритъ, чтобы ты, такой печный управитель, и будто бы не зналъ, что дѣвка изъ ближайшей вотчины сбѣгала? Клеплешь, братъ, на себя.

«Закрестился, забожился.

«— Провалиться, говоритъ, мнѣ на этомъ мѣстѣ, если мнѣ кто-нибудь объ этомъ доводилъ. Сами изволите видѣть, говоритъ, какой народецъ здѣсь: того и жду, что, пожалуй, что-нибудь хуже того сдѣлаютъ и отъ меня скроютъ. Я все здоровье свое съ ними потратилъ. Дѣлать, видно, нечего: буду писать къ барину и стану просить себѣ смѣны. Коли въ мужикахъ настолько страху нѣтъ, что по сторонамъ вездѣ болтаютъ, а отъ меня утаиваютъ, какой ужъ я послѣ этого управитель!..—И понесъ, знаете, въ этомъ родѣ околесную и все наговариваетъ мнѣ на мужиковъ и то и сё: что будто бы они и меня бранятъ и сбираются на меня подать прошеніе губернатору; я все слушаю и ничего ему не возражаю. Въѣзжаемъ наконецъ въ новоселковское поле.

«— Ну, говорю, Егоръ Парменычъ, прощай!

«— Куда это вы, сударь?

«— Такъ, говорю, надобно заѣхать тутъ невдалекѣ,—а между тѣмъ самъ рѣшился ѣхать прямо въ Дмитревское.

«Онъ, шельма, должно-быть, проникъ мое намѣреніе.

«— Я-было, батюшка, къ вамъ съ просьбицей.

«— Что такое?

«— Да нельзя ли, говоритъ, вамъ со мною въ нашу подгородную усадьбу съѣздить. Тамъ, говоритъ, теперь идетъ у меня запродажа пшеницы, такъ чтобы послѣ какихъ-нибудь озадковъ не было, и чтобы мнѣ отъ помѣщика моего не получить неудовольствія: лучше, говоритъ, какъ на вашихъ глазахъ дѣла сдѣлаются, — и вамъ будетъ безъ сумлѣнія, да и мнѣ спокойнѣе.

«Это, изволите видѣть, онъ ладилъ отвезти меня верстъ на семьдесятъ отъ Погорѣлокъ, а тамъ, покуда въ другой разъ наѣду, такъ можно успѣть обдѣлать все, что надо.

«— Нѣтъ, говорю, Егоръ Парменычъ, извини меня на этотъ разъ, сомнѣнія отъ меня не опасайся, продавай съ Богомъ, а мнѣ теперь некогда,—прощай!

«Онъ видитъ, дѣлать нечего-съ, вышелъ у меня изъ тарантаса, сѣлъ на своего коня и поскакалъ во всѣ лопатки къ Новоселкамъ. Я тоже велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе; но, знаете, проселокъ: все лѣсомъ, рытвины, колеи, коренья — того и гляжу, что либо ось пополамъ, либо дрога лопнетъ. Ну, думаю, чортъ его дери, «пошелъ, говорю, тише!». Ѣдемъ мы маленькою рысцою; вдругъ слышу, кто-то скачетъ за нами; обернулся я, гляжу: верховой, и только-что насъ завидѣлъ, сейчасъ въ лѣсъ своротилъ и хотѣлъ, видно, объѣхать кустами. «Стой, кричу я, кто ѣдетъ?» Не отвѣчаетъ. «Стой, говорю, и подъѣзжай ко мнѣ: я — исправникъ; а не то, говорю, велю

пристяжную отстегнуть, нагонимъ—хуже будетъ». Выѣзжаетъ изъ лѣсу молодецъ, лошадь вся въ мылѣ; оказывается, что Николашка, кучеръ Егора Парменова и любимецъ его, малый плутина, учился въ часовые мастера — ничему не выучился, присланъ былъ по пересылкѣ, и прочее.

«— А, говорю, Николаша, здравствуй! Куда это путь держишь?

«Парень замялся.

«— Я такъ-съ... ничего-съ... по своимъ дѣламъ.

«— Да по какимъ по своимъ дѣламъ?

«— Да, говоритъ, посланъ-съ въ деревни.

«— Какія тутъ деревни! Дорога только въ Дмитревское.

«— Въ Дмитревское, да-съ; я въ Дмитревское и посланъ, говоритъ.

«— Зачѣмъ въ Дмитревское?

«Опять переминается.

«— Посланъ-съ, говоритъ.

«— Да зачѣмъ?

«— Нарядить-съ, говоритъ, мужиковъ.

«— Ну такъ, говорю, не надобно, не ѣзди: я самъ сейчасъ въ Дмитревское ѣду и наряжу; а ты поѣзжай домой.

«— Нѣтъ, говоритъ, сударь, я не смѣю этого сдѣлать.

«— Мнѣ, говорю, любезный, все равно, смѣешь ли ты, не смѣешь ли это сдѣлать, а я тебѣ приказываю, и дѣлай по-моему; поѣзжай домой, скажи Егору Парменову отъ меня, что я тебя не пустилъ, и прибавь еще, что, покуда я въ Дмитревскомъ, онъ ни тебя и никого другого не посылалъ бы туда, да и самъ бы не ѣздилъ.

«— Да какъ же, сударь. — говоритъ онъ мнѣ, знаете, съ этакою дерзостью: — по какому же это случаю такое ваше приказаніе? Я, говоритъ, человѣкъ подчиненный: съ меня спросятъ.

«— А по такому, говорю, случаю, что капризъ на меня нашелъ; а если вы не послушаетесь такъ... «Эй! говорю, Пушкаревъ!—своему, знаете, разсыльному, отставному унтеръ-офицеру, который всѣ приказанія двумя нотами выше исполняетъ: — мы теперь, говорю, ѣдемъ въ Дмитревское, и если туда кто-нибудь изъ новоселковскихъ явится, хоть бы даже самъ управитель, такъ распорядись». Пушкаревъ мой, знаете, только кекнулъ и поправилъ усы.

«— Слушаю-съ, говоритъ, ваше благородіе, — и тутъ же сейчасъ, оборотившись къ парню, прибавляетъ:—Не разговаривай, говоритъ, любезный, маршъ!» Я тоже говорю—«маршъ!». Парень мой постоялъ недолго, почесалъ голову и поѣхалъ въ

обратную; а мы своей дорогою. Въ Дмитревское я попалъ тогда еще въ первый разъ. Надобно сказать-съ, что захолустьевъ и дичи, по своей службѣ, много видывалъ, но этакихъ печальныхъ мѣстъ, какъ эта деревня, не встрѣчалъ: стоитъ въ лощинѣ, кругомъ лѣсъ, и не то что этакій хорошій лѣсъ, а какой-то паршивый: елоха и осина наголо, развѣ кое-гдѣ изрѣдка попадется сосенка; а сама деревня ничего: обстроена чистенько, и поля распаханы, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. У захолустнаго, знаете, мужика хоть выгодъ и меньше, да какъ-то все спорѣе. Пословица справедлива-съ: выгодно жить на бору да близко къ кабаку. Спрашиваю домъ Аксиньи кривой. Показываютъ. Вхожу въ избу: сидитъ старуха съ однимъ глазомъ и ткетъ.

«— Ты Аксинья?

«— Я, батюшка.

«— Ну, здравствуй, говорю; я, говорю, пріѣхалъ къ тебѣ потолковать. Знаешь, кто я?

«— Какъ, кормилецъ, не знать: кажись, асправникъ.

«— Ну, исправникъ, такъ исправникъ, и ладно, коли знаешь. Сегодня я былъ у вашего прихода и видѣлъ твою дочку: что это она у тебя хвораетъ?

«— Хвораетъ, говоритъ, родименькій, не то, чтобы лежнемъ лежала, а временемъ шибко ухватываетъ.

«— Да что̀ это, отчего съ нею?

«— Не вѣдаю, кормилецъ, какъ тебѣ сказать, ничего не вѣдаю.

«— Полно, говорю, старуха: какъ ты не вѣдаешь! Вѣдь она у тебя сбѣга̀ла?

«— Ну, кормилецъ, коли извѣстенъ, такъ баять нечего: сбѣгать сбѣга̀ла. Помилуй, не засади ты ее куда-нибудь у меня, не загуби ты досталь моей головушки,—отвѣчаетъ она, а сама мнѣ въ ноги.

— Ничего я, говорю, ей не сдѣлаю, а ты вотъ что̀ лучше мнѣ скажи: ради чего она у тебя сбѣга̀ла? Не было ли у ней любовника, не сманивалъ ли ее кто?

«— Ой, родимый, какой у дѣвушки любовникъ! Никогда, кажись, я ее въ этомъ не замѣчала. По нашей сторонѣ дѣвушки честныя, ты хоть кого спроси, а моя ужъ подавно: до двадцати годковъ дожила, не игрывала хорошенько съ парнями-то! Вотъ тоже на праздникахъ, когда который этакъ пошутитъ съ ней, такъ чѣмъ ни попало и свистнетъ.—«Не балуй, говоритъ, я тебя не замаю». Вотъ она какая у меня была; на это, по-моему, приходить нечего.

«— Постой, говорю, старуха, если ты та̀къ говоришь, такъ

слушай: я пріѣхалъ къ тебѣ на пользу; дочку твою я вылѣчу, только ты говори мнѣ правду; не скрывай ничего, разсказывай сначала: какъ она у тебя жила, не думала ли ты противъ воли замужъ ее выдать, что она дѣлала и какъ себя передъ побѣгомъ вела, какъ сбѣжала и какъ потомъ опять къ тебѣ появилась?—Все подробно съ самаго начала.

«Старуха этакъ поохала, повздыхала и начала разсказывать.

«— Ой, батюшка, говоритъ, по началу такъ было дѣло: послѣ покойника остались мы въ хорошемъ дому: однихъ ульиковъ было сорокъ — сколько денегъ выручали, самъ сосчитай; да и теперь тоже; вѣстимо, что не противъ прежняго, а все Бога гнѣвить нечего... всего по крестьянству довольно; во вдовствѣ правлю полное тягло, безъ отягощенья. Жила она у меня, моя доченька, не хвастаясь тебѣ сказать, въ холѣ и довольствѣ, а баловать ее не баловала, держала все на глазахъ. Ну, самъ посуди, коимъ вѣкомъ одно дитятко нажито, только и свѣту и радости, что въ ней; къ работѣ нашей, крестьянской, она съ малыхъ лѣтъ была ловкая, легкая: на покосѣ ли, на жнитвѣ ли, все первая, противъ всѣхъ впереди идетъ. Бывало, мнѣ и сусѣди всѣ смѣялись.—«Ну, говорятъ, Аксинья, въ себя ты дочку принесла: больно ужъ вы къ работѣ шустры, недаромъ у васъ денегъ много». Все ее, кормилецъ, ко мнѣ примѣняли тѣмъ, что я и по сей день работяща—всякое дѣло у меня въ рукахъ проворится. О, Царица Небесная! Съ надсады-то и говорить разучилась. Стала моя дѣвушка на возрастъ приходить; ну и женишки тоже были, и много было, но все какъ-то опасалась. Все имѣла большое желаніе выдать ее въ домъ къ одному экономическому мужичку, не тѣмъ, чтобы нашу вотчину обѣгала или порочила, а только то, что самъ старикъ съ покойникомъ моимъ былъ большой благопріятель и ко мнѣ тоже наѣзжалъ. Дружелюбіе между нами было старинное. Егоръ Парменычъ, дай Богъ ему здоровья, не принуждалъ очень: кто этакъ намекнетъ на мою Марѳушку, онъ только скажетъ:—«Устинья, говоритъ, дочку просятъ, припасайся». Ну, опосля, извѣстно, сходишь къ нему, поклонишься чѣмъ-нибудь,—ну, и отмѣнитъ. Такъ мы, кормилецъ, и жили до самыхъ тѣхъ поръ, какъ завели здѣсь барскую запашку. Всю нашу деревню Егоръ Парменычъ повѣстилъ на задѣлье. Мое дѣло одинокое, пошла я къ нему.—«Кормилецъ, говорю, Егоръ Парменычъ, какъ мнѣ прикажешь, не оставишь ли ты меня въ оброкѣ? Мужичка у меня въ домѣ нѣтъ: кѣмъ мнѣ тебѣ задѣлье править?»—«Ничего, говоритъ, старуха, я тебя не обижу: мужика мнѣ съ тебя не надо, а пусть задѣлье правитъ дочка».—«Кормилецъ,—говорю я:—

гдѣ дѣвчонкѣ это справить! Дѣло ея непривычное, молодое; ты станешь спрашивать многаго; ну, какъ она тебѣ не угодитъ, для меня будетъ нехорошо; а если ты ужъ такъ порѣшился, такъ лучше я тебѣ работника выставлю». — «Дура, говоритъ, ты баба: работникъ будетъ тебѣ отяготителенъ, да и мнѣ не къ рукамъ: запашку, говоритъ, я здѣсь дѣлаю больше лѣнную, а со льномъ, сама ты знаешь, мужику не возиться; съ дочки твоей я лишняго не спрошу: что̀ поработаетъ, то и ладно». Ублажилъ онъ меня, кормилецъ, этими словами; поперечить ему тоже не посмѣла. Прихожу домой и говорю Марѳушкѣ: — «На задѣлье, говорю, тебя, Марѳушка, требуетъ: какъ ты насчетъ этого полагаешь?» Она поохотилась. — «Ничего, говоритъ, мамонька, стану бѣгать; ничего: отъ насъ много дѣвокъ пойдетъ». Тѣмъ мы съ ней и порѣшили. Начала она у меня ходить. Ну, и сперва заботно было: все я ее спрашивала: — «Не тяжело ли, говорю, голубонька, тебѣ тамъ?» — «Нѣтъ, мамонька, какое тяжело! На экомъ народѣ тяжело! Дома въ одиночку больше умаешься». А у меня, кормилецъ, все какъ-то сердце болѣло; съ половины, кажись, лѣта, али съ Успенковъ, стала я примѣчать, что съ моей дѣвкой что-то не то: все словно въ задумкѣ, изъ себя тоже худѣетъ. Начала я опять ей говорить: — «Полно, говорю, дурочка, не замай, говорю, работницу найму; гдѣ тебѣ задѣлье вести! Ишь ты какая стала! Такая ли ты была у меня прежде?» Такъ осержается, кормилецъ. — «Что̀ я, говоритъ, дворянка, что ли? Денегъ-то у тебя, что ли, много: съ работницами проклажаться!» Выждала я еще недѣли съ двѣ; вижу, что ничего къ лучшему нѣтъ. Придетъ съ барщины и прямо въ темный чуланъ ляжетъ: на своей работѣ синя пороха не переложитъ,—все лежитъ. Ну, я тоже спрашиваю:—«Что̀ ты, дѣвонька?» — «Такъ, мамонька, что-то не по себѣ», — только одинъ отвѣтъ и былъ, а какъ придутъ барскіе дни, слова мнѣ не скажетъ, соберется и уйдетъ прежде всѣхъ. Стало у меня сердце еще пуще болѣть, чего ни передумала; тоже, какъ и твое дѣло, кормилецъ, сперва намекала, нѣтъ ли у ней чего на сердцѣ, не мужчинка ли ее какой приманиваетъ; дѣвушка, думаю, на возрастѣ, тамъ же всякъ часъ наѣзжаютъ дворовые ребята, народъ озорникъ, прямо те сказать, дѣвушники; сама своими глазами, думаю, ничего не вижу, а другихъ, хоть бы и сусѣдей, спросить объ этакомъ дѣлѣ стыдно. Взяла я, кормилецъ, не сказавъ ей ничего, прямо пошла къ Егору Парменычу.—«Такъ и такъ, говорю, Егоръ Парменычъ, я не молодая молодка: одной мнѣ при домѣ справляться спина трещитъ; задѣлье я те справлю наймомъ, а дочку ты освободи мнѣ».

Онъ вдругъ: сударь мой, осерчалъ.—«Вы-ста, говоритъ, шельмы этакія, только знаете, что отъ барскаго дѣла отваливаетесь».—«Я, говорю, сударь, отъ барскаго дѣла не отваливаюсь и, какъ прежде сказала, хошь работника за дѣвку выставлю, а ей, вся твоя воля, задѣльничать не приходится».—«Ну, да, какъ же, говоритъ, много-ста будетъ, какъ стану я каждую дуру тѣшить! Пошла-ста вонъ и не надоѣдай мнѣ, коли своей пользы не понимаешь!» Я нейду: стою въ своемъ. Онъ, кормилецъ, затопалъ-затопалъ надо мной, пѣна у рта: у меня такъ сердечушко и замерло: того и гляжу, что прибьетъ; раза три замахивался, а ужъ брани да руганья и числа нѣтъ, сколько было, едва изъ хлигеля жива вышла... Иду по усадьбѣ да горючьми слезами обливаюсь; вдругъ мнѣ навстрѣчу его супружница съ маленькимъ сыномъ, разряженная этакая, расфранченная.

«— Здравствуй, говоритъ, голубушка! О чемъ ты это плачешь?

«— Такъ и такъ, говорю, сударыня,—и разсказала ей все мое горе.

«— Ахъ, Боже мой, говоритъ, для чего же Егорушка, говоритъ, не хочетъ тебѣ сдѣлать въ этомъ удовольствія. Онъ что-нибудь тебя не понялъ. Я, говоритъ, ему, душенька, поговорю о тебѣ.

«Я ей поклонилась.

«— Противности, говорю, сударыня, отъ меня никогда никакой не было, а что всякой матери, хоть бы и крестьянкѣ, свое дитятко болѣзно. Если, говорю, Егоръ Парменычъ станетъ ее у меня въ задѣлье тянуть и не ослободитъ ее, такъ я, говорю, пойду къ исправнику: вся его воля, что хочетъ, то со мною и дѣлаетъ.

«— Ничего, говоритъ, душечка, не будетъ; будь покойна, я твое дѣло сдѣлаю,—сказала она и ушла.

«А я, признаться, взяла да и пообождала маненько въ усадьбѣ, въ скотной, и слышала такъ, отъ горничной дѣвушки, что у нихъ за меня большой разговоръ былъ. Она, голубушка, дай ей Богъ здоровья, такъ его, слышь, ругала, такъ ругала, всѣмъ выкорила и въ глаза наплевала. Прихожу я опосля этого домой и говорю дочкѣ. Она мнѣ, батюшка, опять всупротивку стала говорить. Душенька-то у меня ужъ наболѣла и безъ того; взяла меня на ее такая злость, что не стерпѣла я, кормилецъ, ухватила ее и почала бить, всю избу вытаскала за косы; чѣмъ она пуще проситъ: «мамонька, мамонька!», а меня пуще досада рветъ, ругаю ее по-пёски и все, знаешь, къ нечистому посылаю. Реветъ моя дѣвка послѣ этого ровно

два дни; стало мнѣ ее хошь бы и жаль: сбѣгала я потихоньку къ приходу, купила ей тутъ у одного мужичка-торговца кумачу на рубаху и принесла; она—ничего, взяла и словно повеселѣла, а въ сумерки и говоритъ мнѣ:

«— Отпусти, говоритъ, мамонька, меня на посѣдки сходить къ дядѣ Ѳомѣ.

«— Ступай, говорю, только не засиживайся долго.

«— Нѣту, говоритъ, ненадолго сбѣгаю.

«Наряжилась она въ нарядъ хорошій, надѣла теплый полушубочекъ и ушла. Жду я ее: прошли первые пѣтухи—нейдетъ, прошли вторые—нѣтъ!

«Эка воръ-дѣвка: вѣрно, тамъ ночевать осталась»,—думала я и пошла, кормилецъ, сама за ней.

«Подхожу, смотрю,—на посѣдкахъ ужъ и огонь погашенъ; едва достучалась; отворяетъ мнѣ дверь дѣвушка ихняя, дочь хозяйская.

«— Что тебѣ, тетонька?—говоритъ.

«— Да я, говорю, за Марѳуткой пришла; что это, я говорю, за ночевка такая? Зачѣмъ это ночевать унимаете?

«— Нѣту, говоритъ, тетонька, она ушла.

«— Полно, что за шутки такія: ушла! Гдѣ ей, говорю, быть! Домой не бывала, а ушла.

«— Вотъ-те Христосъ, тетонька, ушла,—говоритъ.

«Ну, думаю, согрѣшила грѣшная!..—Разбойница этакая, говорю, кто у васъ сегодня былъ? Не было ли дворовыхъ ребятъ?

«— Нѣту, говоритъ, тетонька, никого не бывало: только двѣ дѣвушки да твоя Марѳа,—только и было.

«Разбудила я стариковъ, потолковали мы съ ними, погоревали, поохали, не знаемъ, что такое; обѣжала я всѣ другія избы по деревнѣ,—нѣтъ нигдѣ, нигдѣ и не бывала. Протосковала я всю ноченьку, а на другой день, дѣлать нечего, пошла въ усадьбу къ управителю, заявила ему.

«— Какъ бы, батюшка Егоръ Парменычъ, хоть бы ее поискать, говорю.

«— Гдѣ-ста мнѣ ее тебѣ искать! Много васъ у меня! Ищи сама, какъ знаешь.

«И говорить больше не сталъ.

«Такъ, кормилецъ, опосля того пропала да пропала. Всѣ-то поженьки отбѣгала, ищучи ее и по селамъ и по деревнямъ; всѣ лѣса, почесть, выходила—ни слуху ни духу ниотколѣ нѣтъ; такъ и положила, что сдѣлала надъ собой что-нибудь! Теперь вотъ дѣло прошлое, втѣпоры никому не открывалась, а на сердцѣ все держала, что это отъ побой моихъ и

побранки съ ней приключилось. Прошло такимъ дѣломъ времени много; отъ тоски да отъ маяты стала и сама еле ноги таскать... Взяла я себѣ для охоты сироту-дѣвушку: сидимъ мы съ ней вечеркомъ; я на голбчикѣ лежу, а она прядетъ. Слышу я, кормилецъ, въ сѣняхъ что-то стукнуло, словно кольцомъ кто брякнулъ.

«— Кто это, говорю, Палагеюшка, выдь-ка, глянь: ровно стучится кто.

«— Это, говоритъ, баунька, овцы!

«— Полно, говорю, какія овцы! Выдь, погляди; не съѣдятъ.

«Засвѣтила она лучину, пошла и опять вбѣжала сейчасъ въ избу.

«— Баунька, говоритъ, у насъ, говоритъ, кто-то въ сѣняхъ лежитъ.

«— Такъ ты бы, говорю, окликала.

«— Нѣтъ, баунька, я боюсь.

«Слѣзла съ голбца, пошла сама: глянь, моя Марѳушка лежитъ плашмя поперекъ сѣней. Заголосила я, завопила, бросилась къ ней, притащила ее въ избу, посадила, стала разспрашивать,—ничего не баетъ, только руками показываетъ, что молвы нѣтъ. Я-было ей, чтобъ поужинала; молочка было-палила, яишенку сдѣлала,—только головкой мотаетъ, а самоё такъ и бьетъ, какъ на пругѣ. Уложила я ее, родимый, на печку, окутала еще сверху и всю ночь надъ ней просидѣла. Похудѣла, голубушка, такъ, что и не глядѣлъ бы! Ну, думаю, воля Божья; были бы кости, а мясо будетъ; хоша, по милости Божьей, жива осталась!.. На другой день спровѣдали наши мужики, стали ко мнѣ находить, спрашиваютъ и говорятъ мнѣ такъ:

«— Ты, говорятъ, Аксинья, дѣвку не балуй, а накажи ее міромъ, чтобы другимъ повадки не было.

«Ну-ка, кормилецъ, каково мнѣ было слушать эти ихъ рѣчи!

«— Братцы-мужички,—говорю я имъ:—противъ міра я неспорщица и непотатчица моей дочкѣ, кабы она была здорова, и кабы я доподлинно знала, что она худое что сдѣлала.

«Вдругъ наѣзжаетъ самъ Егоръ Парменычъ. Узналъ онъ мое дѣло и говоритъ:

«— Пальцемъ, говоритъ, не смѣйте дѣвку трогать; она ни въ чемъ не виновата; а насчетъ молвы тоже не принуждайте: она, говоритъ, и по лицу видно, что языка лишилась.

«Я его слушаю, а сама съ собою думаю: какъ, думаю, насчетъ молвы не принуждать! И начала ее возить къ знахарямъ, по лѣкаркамъ, служила надъ ней молебны, а сама все приступаю къ ней:

«— Полно, говорю, дурочка, попринудь себя, пробай что-нибудь.

«Отъ этого ли, кормилецъ, али отъ чего другого, вдругъ она проговорила: ѣсть попросила! Я всплеснула руками и начала Богу молиться; она тоже зарыдала, и, Господи! какъ зарыдала, и начала поговаривать, немного да немного, а потомъ и все, какъ прежде бывало. Обождавъ сутки двои, стала я ее спрашивать:

«— Скажи,—я говорю:—Марѳушка, что̀ съ тобою дѣлалось, и гдѣ ты была?

«— А вотъ что̀, говоритъ, мамонька, скажу я тебѣ правду-истину: меня, говоритъ, лѣшій таскалъ.

«Я такъ и обомлѣла: наше мѣсто свято, тоже отъ старины идетъ слухъ про это; не въ первый разъ онъ это въ околоткѣ дѣлаетъ: дѣвокъ таскивалъ; одна такъ никакъ совсѣмъ такъ и пропала; только то, что на нашей памяти не чуть было этого. И пришла мнѣ, кормилецъ, на разумъ опять моя побранка, какъ я тогда грѣшнымъ дѣломъ, въ сердцахъ-то, все къ *нему* посылала. Это хоть бы и съ другими приключалось тоже отъ маткиныхъ нехорошихъ словъ; а мы, дуры-бабы, будто поопасимся?.. не то, что взрослыхъ, а и младенцевъ почасту: «чортъ бы тя побралъ, лѣшій бы тя взялъ»; хорошихъ словъ говорить не умѣемъ, а эти поговорки всѣ на языкѣ.

«— Какъ это, говорю, голубушка, онъ тебя утащилъ?

«— А такъ, говоритъ, мамонька; шла я съ посѣдокъ, вдругъ на меня словно вихорь набѣжалъ, подхватилъ какъ на руки, перекреститься я не успѣла, онъ и понесъ меня, несъ... несъ— все дичью.

«— Что̀ же, говорю, дѣвонька, ты тамъ-то дѣлала, гдѣ жила, что̀ пила, ѣла?

«— Не спрашивай, говоритъ, мамонька, меня про это: противъ этого мнѣ сдѣланъ большой запрѣтъ. Пила и ѣла я тамъ хорошо, а если хоша еще одно слово тебѣ скажу больше того, что̀ я те баяла, такъ тѣмъ же часомъ должна моя жизнь покончиться.

«Не стала я ее, батюшка, больно принуждать: може, думаю, и правда.

«— Какъ же,—говорю я:—ты домой-то попала?

«— Тѣмъ же, говоритъ, мамонька, вихремъ; принесли да бросили въ сѣни,—а тутъ что̀ было, не помню.

«Только то мнѣ, кормилецъ, и сказала; до сегодня больше ничего отъ нея добиться не могу, вижу только, что всякій часъ въ тоскѣ: работы али пищи и не спрашивай!»

«Выслушалъ я, знаете, старуху.

«— Давно ли же, говорю, съ нею припадки начались дѣлаться?

«— Припадки съ ней, батюшка, начались дѣлаться съ перваго же воскресенья. Пошла я съ нею къ обѣднѣ, тутъ ее впервые и ухватило; хлястанулась на полъ и начала выкликать.

«Надобно сказать, что при всемъ этомъ нашемъ разговорѣ присутствовалъ и дуракъ мой Пушкаревъ; выслушавъ старуху, онъ вдругъ вздумалъ власть свою полицейскую и удаль свою военную передъ ней показывать.

«— Ну, говоритъ, баушка, мы дочку твою полѣчимъ; у насъ отличное отъ этого есть лѣкарство: березовая лапша.

«Старуха такъ и заревѣла.

«Я сталъ ее унимать, а онъ, болванъ, продолжаетъ свое.

«— Гдѣ же, говоритъ, у васъ этотъ лѣшій?—сказывай! Я его за воротъ притащу и тысячу палокъ дамъ, такъ скажетъ, кто такой и какого званія.

«— Это, сударь, какъ сказать,—замѣчаетъ ему Аксинья:—ну, какъ, говоритъ, не притащишь?

«— Притащимъ, не безпокойся,—отвѣчаетъ тотъ:—у насъ, говоритъ, ваше благородіе,—обращается ко мнѣ:—въ полку одинъ солдатъ тоже сталъ колдуномъ прикидываться. Стояли мы тогда по деревнямъ. Онъ поймаетъ въ лѣсу корову, намажетъ ей языкъ мыломъ, та и ну метаться, какъ благая: прибѣжитъ на дворъ, языкъ шероховатый, слюны много, валомъ-валитъ пѣна. А бабы: «Ахъ, ахъ! Тёлонька! Что сдѣлалось съ тёлонькой?..» А онъ тутъ и прикатитъ.—«Что, говоритъ, голубушки, на дворѣ, что ли, у васъ не здорово? Дай-ка я, говоритъ, попользую».—«Попользуй, кормилецъ, попользуй, поилецъ». Онъ сдеретъ съ нихъ рублевъ пять, промоетъ языкъ щелокомъ и вылѣчитъ корову! Вотъ вѣдь ихніе колдуны какіе! И лѣшій здѣшній какой-нибудь изъ этакихъ.

«— Не знаю, служивый, какъ у васъ было,—продолжаетъ возражать старуха:—а здѣсь не то; вы, може, сегодня ночуете, такъ самъ послушаешь: голоситъ кажинную, почесть, ночь, индо на дворъ боязно выйти.

«— Да вѣдь это, тетка,—говорю я:—филинъ, птица.

«— Баяли, кормилецъ, многіе это намъ баютъ, а только нѣтъ, родимый, не птица; филиновъ у насъ мальчишки лавливали, съ полгода одинъ жилъ, никакого голосу не далъ, а ужъ этотъ противъ птицы ли, на весь околотокъ чуть, какъ голоситъ.

«Что станешь дѣлать, не переувѣришь ихъ!

«— Ну, говорю, старуха, много ты говорила дѣла, да много

и вздору намолола: пошли-ка лучше ко мнѣ дочку: я съ ней поговорю; авось она мнѣ больше правды скажетъ. Сможетъ ли она прійти?

«— Сможетъ, кормилецъ, для-ча не смочь: пролежалась теперь.

«— Пошли, говорю, се ко мнѣ, а сама не приходи: мы съ ней побесѣдуемъ вдвоемъ.

«Пушкареву тоже велѣлъ выйти. Пришла ко мнѣ дѣвка-съ; оглядѣлъ ее внимательно: пріятная изъ лица, глаза голубые, навыкатѣ, сама бѣлая и, что̀ удивительно, съ малолѣтства въ работѣ, а руки нѣжныя, какъ у барыни.

«— Здравствуй, говорю, красавица.

«— Здравствуйте, говоритъ, сударь.

«— Садись, говорю, чѣмъ стоять.

«— Ничего-съ, говоритъ, постою.

«— Полно, говорю, вѣдь ты больна: устанешь; садись!

«Сѣла она этакъ поодаль, поглядываетъ на меня исподлобья.

«— Чѣмъ это ты, говорю, больна? Что̀ такое съ тобой бываетъ?

«— А бываетъ, сударь: привалитъ у сердца, въ головѣ сдѣлается этакій бахмуръ, въ глазахъ потемнѣетъ, а опосля и сама ничего не помню-съ.

«— Отчего это съ тобой сдѣлалось?

«— Изволили, чай, слышать,—отвѣчаетъ, а сама еще болѣе потупилась.

«— Это, говорю, что лѣшій-то тебя таскалъ?

«— Да-съ, говоритъ, съ самой съ той поры и начало ухватывать.

«— Слушай, говорю, Марѳушка, ты, я вижу, дѣвушка умная: скажи мнѣ, какъ по-твоему, лгать грѣхъ, али нѣтъ?

«— Какъ, сударь, не грѣхъ! Вѣстимо, что грѣхъ.

«— Такъ какъ же, говорю, знать ты это знаешь, а сама лжешь, и не въ пустякахъ какихъ-нибудь, а призываешь на себя нечистую силу. Ты не шути этимъ: грѣха этого тебѣ, можетъ-быть, и не отмолить. Все, что̀ ты матери плела на лѣшаго, какъ онъ тебя вихремъ воровалъ и какъ послѣ подкинулъ,—все это ты выдумала, ничего этого не бывало, а если и сманивалъ тебя, такъ какой-нибудь человѣкъ, и тебѣ не слѣдъ его прикрывать.

«— Ничего я, сударь, окромя, что̀ мамонькѣ говорила, ничего я не знаю больше! — А у самой, знаете, слезы такъ и текутъ.

«Бился я съ ней по крайней мѣрѣ съ полчаса: все думалъ лаской взять;

«— Будь, говорю, Марѳушка, со мной откровенна; вотъ тебѣ клятва моя, я старикъ, имѣю самъ дѣтей, на вѣтеръ словъ говорить не стану: скажи мнѣ только правду, я твой стыдъ дѣвичій поберегу, даже матери твоей не скажу ничего, посовѣтую. хорошее и дамъ тебѣ лѣкарства.

«Ничего не беретъ, уперлася въ одномъ: «знать не знаю, вѣдать ничего ее вѣдаю», такъ что даже разсердила меня.

«— Ну, говорю, Марѳа, ты, я вижу, не боишься Божьяго суда, такъ побойся моего: я твое дѣло стороною раскрою, тогда ужъ не пеняй.

«Молчитъ.

«Отпустилъ я ее; досадно немного: солнце ужъ садилось, день, значитъ, потерянъ. Ѣхать — пожалуй, и дороги не найдешь. Остался я у Устиньи ночевать, напился чаю и только хотѣлъ улечься въ свой тарантасъ,—вдругъ подходитъ Пушкаревъ.

«— Ваше благородіе, лѣшій, говоритъ, заправду началъ кричать; не угодно ли послушать?

«Заинтересовало это меня: слыхалъ я объ этихъ лѣшихъ,— слыхалъ много, а на опытѣ самъ не имѣлъ. Вышелъ я изъ своего логовища къ калиткѣ, и точно-съ, на удивленье: гулъ такой, что я бы не повѣрилъ, если бы не своими ушами слышалъ: то ржетъ, напримѣръ, какъ трехгодовалый жеребенокъ, то вдругъ захохочетъ, какъ человѣкъ, то перекликаться, аукаться начнетъ, потомъ въ ладоши захлопаетъ, а по зарѣ, знаете, такъ во всѣ стороны и раздается.

«Храбрецъ мой Пушкаревъ стоитъ только да бормочетъ про себя: «Эка поганая сторонка!». Да и со мной, воображеніе, что ли, играетъ: самъ очень хорошо понимаю, что это птица какая-нибудь, а между тѣмъ морозъ по кожѣ пробѣгаетъ. Послушалъ я эту музыку, но такъ какъ день-то денской, знаете, утомился, легъ опять и сейчасъ же заснулъ богатырскимъ сномъ. На другой день проснулся часу въ девятомъ, кличу Пушкарева, чтобы велѣть лошадей закладывать. Является онъ ко мнѣ.

«— Ваше благородіе, говоритъ, у насъ неблагополучно.

«— Что такое?

«— Дѣвка-то опять пропала!

«— Какъ, говорю, пропала! Земская, говорю, полиція, мы съ тобой здѣсь, а она пропала: ты чего смотрѣлъ?

«— Я, ваше благородіе, говоритъ, всю ночь не спалъ, до самой, почесть, зари песъ этотъ гагайкалъ: до сна ли тутъ! Всю ночь, говоритъ, сидѣлъ на сѣновалѣ и трубку курилъ, ничего не слыхалъ.

«Иду я на улицу-съ; мужиковъ, бабъ толпа, толкуютъ промежъ собой и приходятъ попрежнему на лѣшаго. Аксинья мечется, какъ полоумная, по деревнѣ, все ищетъ, знаете. Сдѣлалось мнѣ на этого лѣшаго не въ шутку досадно: это ужъ значитъ изъ-подъ носу у исправника украсть. Сдѣлалъ я тутъ же по всей деревнѣ обыскъ, разослалъ по всѣмъ дорогамъ гонцовъ, — ничего нѣтъ; ѣду въ Марково: тамъ тоже обыскъ. Егоръ Парменычъ дома, юлитъ передо мной.

«— Что такое, говоритъ, значитъ? Что такое случилось?

«Я ему ни слова не говорю, перебилъ все до синя пороха, однако, чего искалъ, не нашелъ.

«Ну, думаю, за это дѣло надобно приниматься другимъ манеромъ.

«Былъ у меня тогда въ Михайловской сотнѣ сотскій, прерасторопный мужикъ: лѣтъ пятнадцать въ службѣ, знаете, понаторѣлъ, и, кромѣ того, если въ какомъ дѣлѣ порастолкуешь да припугнешь немного, такъ и не обманетъ. Пріѣхавъ въ городъ, вызываю я его къ себѣ.

«— Слушай, говорю, Калистратъ: въ Погорѣловской волости мостъ теперь строятъ натурой: ты командируешься присматривать туда за работами,—это дѣло тебѣ само по себѣ; а другое: тамъ, изъ Дмитревскаго, дѣвка пропадаетъ во второй ужъ разъ, и приходятъ, что будто бы ее лѣшій воруетъ. Это, братецъ, пустяки!

«— Пустяки-съ, говоритъ, сударь, безъ сумлѣнія, что пустяки.

«— Ну, стало-быть, ты это понимаешь, и потому, бывъ тамъ, не зѣвай и разспрашивай, кого знаешь, что и какъ. Если слухъ будетъ, сейчасъ же накрой ее и ко мнѣ представь. Сверхъ того, въ этомъ дѣлѣ Егоръ Парменычъ что-то плутуетъ, держи его покуда на глазахъ и узнавай, гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Однимъ словомъ, или сыщи мнѣ дѣвку, или, по крайней мѣрѣ, обтопчи ея слѣдъ и провѣдай, какъ и отчего и съ кѣмъ она бѣжала. Самъ я тоже буду узнавать, и если что помимо тебя дойдетъ до меня, значитъ, ты плутуешь; а за плутни самъ знаешь, что бываетъ.

«— Понимаемъ, сударь, говоритъ, не первый годъ при васъ служимъ; только какъ донесеніе прикажете дѣлать?

«— Донесеніе, говорю, если что важное откроешь, такъ сейчасъ же, а если нѣтъ, такъ, какъ кончится работа, тутъ и донесешь.

«— Слушаю-съ, — говоритъ онъ и отправился.

«Жду недѣлю, жду другую — ничего нѣтъ; между тѣмъ выѣхалъ въ уѣздъ и прямо во второй станъ. Опредѣлили тогда

мнѣ молодого станового пристава; онъ и самъ позашалился и дѣла позапуталъ; надобно было ему пару поддать; пріѣзжаю, начинаю свое дѣло дѣлать, вдругъ тотъ же Пушкаревъ приходитъ ко мнѣ съ веселымъ лицомъ.

«— Ваше благородіе, дмитревская, говоритъ, дѣвка, что̀ сбѣжала, явилась.

«— А, говорю, доброе дѣло! Гдѣ ты узналъ это?

«— Матка пришла сюда съ ней въ станъ, къ вамъ просятся!

«— Давай ихъ сюда!

«Обрадовался, знаете. Входитъ ко мнѣ Аксинья, покуда одна.

«— Здорово, старуха!

«— Здравствуйте, кормилецъ!

«— Что̀, дочку нашла?

«— Нашла, родимый!

«— Какимъ манеромъ? Опять лѣшій подкинулъ?

«— Какое, ваше высокоблагородіе, лѣшій! Дѣло совсѣмъ другое выходитъ. На васъ только теперь и надежда осталась: не оставьте хоша вы насъ, сиротъ, вашей милостью.

«— Идетъ, говорю, только ты много не разглагольствуй, а говори прямо дѣло.

«— Нѣтъ, сударь, може, вы мнѣ и не повѣрите; оспросите ее самоё; она сама собой должна заявить; я ее нарочно привела.

«— Ладно, говорю, позовите дѣвку.

«Входитъ, худая этакая, изнуренная.

«— Ну, дѣвица красная, очень радъ тебя видѣть; сказывай, гдѣ ты это пропадала; только смотри, не лги, говори правду.

«— Нѣтъ, сударь, говоритъ, пошто лгать! Не для ча мнѣ теперь лгать: ни себя ни другихъ не покрою.

«— Конечно, говорю, разсказывай, кто тебя сманилъ? И гдѣ ты была во второй и въ первый разъ?

«— Въ первой, говоритъ, разъ, сударь, жила я на чердакѣ въ господскомъ домѣ, въ Марковѣ, а второй проживала у погорѣльскаго лѣсника.

«— Какъ, говорю, въ господскомъ домѣ? Какъ ты туда попала?

«Молчитъ.

«— Изъ дворовыхъ ребятъ, что ли, тебя кто затащилъ туда?

«Потупилась, знаете, этакъ покраснѣла.

«— Никакъ нѣтутка-съ, говоритъ.

«— Такъ не сама же ты туда зашла! Зачѣмъ и для чего?

«— Гдѣ, сударь, самой! Не сама.

«— Такъ кто же? Говори наконецъ!

«Молчитъ.

«— Что жъ молчишь?—вмѣшалась мать: — сама, говоритъ, пожелала господину исправнику заявить, а теперь не баешь. Бай ему все. Егоръ, сударь, Парменычъ, управитель нашъ, загубилъ ея дѣвичій вѣкъ. Разсказывай, воровка, какъ дѣло-то было; что притихла!

«— Разсказывай, говорю, Марѳуша: здѣсь только мать твоя да я; оба тебѣ добра желаемъ. Егоръ Парменычъ, что ли, тебя сманилъ?

«Еще пуще моя дѣвка покраснѣла и потупилась въ самую землю.

«— Онъ-съ, — говоритъ со вздохомъ.

«— Для чего же это, — я говорю: — онъ тебя сманивалъ? Пригуляла, что ли, ты съ нимъ?

«Опять молчитъ. Я посмотрѣлъ на матку: та стоитъ пригорюнившись и на мои слова кивнула мнѣ головой, и прямо говоритъ:

«— Пригуляла, кормилецъ,—таитъ передъ тобой чего, пригуляла, страмовщица этакая! Кабы не мое материнское сердце, изорвала бы ее въ куски... Дѣвка песъ — больше ничего, — губительница своя и моя!.. То мнѣ, кормилецъ, горько, въ кого она, варварка, родилась, у кого брала эти примѣры да науки!

«Дѣвка въ слезы, а старуха и пошла трезвонить. Мать-съ,— обидно и больно, какъ дѣти худо что дѣлаютъ. Я самъ отецъ: по себѣ сужу; только, откровенно вамъ сказать, въ этотъ разъ стало мнѣ больше дочку жаль. Вижу, что у ней слезы горькія, непритворныя.

«— Перестань, говорю, сбрёхъ: стараго не воротишь; дѣвкѣ не легче твоего. Не слушай, говорю, Марѳуша, матери, разговаривай со мной: полюбила, что ли, ты его?

«— Да, сударь.

«— Очень любила?

«— Очень, сударь, большое пристрастіе мое къ нему было.

«— Какъ же, говорю, ты такая хорошенькая — и влюбилась въ такую скверную, сильную рожу? Деньгами, что ли, онъ тебя соблазнилъ?

«— Нѣту-тка, сударь! Дѣло мое дѣвичье: пошто мнѣ деньги? На деньги бы я николи не пошла, если бы не пристрастка моя къ нему.

«Я только, знаете, пожалъ плечами,—вотъ, думаю, по пословицѣ, понравится сатана лучше яснаго сокола, и, главное, мнѣ хотѣлось узнать, какъ у нихъ все это шло, да и фактами

желалъ запастись, чтобъ ужъ Егорку цапнуть ловчѣе. Сталъ я ее дальше разспрашивать, — только тупится.

«— Что же ты, — говоритъ ей мать опять: — коли дѣло дѣлали, такъ разсказывай!

«— Ничего, говоритъ, мамонька, не стану я говорить: какъ, говоритъ, мнѣ про мою стыдобушку самой баять! Ничего я не скажу,—а сама, знаете, опять навзрыдъ зарыдала.

«Никогда, сударь мой, во всю мою жизнь, во всю мою полицейскую службу, такихъ слезъ не видывалъ. Имѣлъ я дѣло съ ворами, мошенниками настоящими, и многіе изъ нихъ передо мной раскаивались; но этакого, знаете, стыда и душевнаго раскаянія, какъ у этой дѣвки, не встрѣчалъ: вообразить, напримѣръ, она себѣ не можетъ свой проступокъ, и это, по-моему, признакъ очень хорошій. Я вотъ и по дѣламъ замѣчалъ: котораго этакъ начнешь разспрашивать, стыдить, а ему ничего, только и говоритъ: «моя душа въ грѣхѣ, моя и въ отвѣтѣ», — тутъ ужъ добра не жди, значитъ, человѣкъ потерянный; а эта дѣвушка, вижу, не изъ такихъ. Больше ее разспрашивать мнѣ даже стало жаль.

«— Ну, говорю, Марѳушка, коли не можешь, такъ и не говори,—и велѣлъ, знаете, выйти ей въ сѣни—будто освѣжиться отъ слезъ,—а Аксиньѣ мигнулъ, чтобы пріосталась.

«— Что, говорю, старуха, хоть ты не знаешь ли, что у нихъ было?

«— Выпытывала я, кормилецъ, изъ нея: баяла она мнѣ много; не знаю, все ли правда!

«— Какъ и когда и какимъ это манеромъ, говорю, онъ ее соблазнилъ?

«— Вотъ видишь, говоритъ, онъ и напредъ того, на праздникахъ тамъ, али бо што, часто ко мнѣ наѣзжалъ, иной разъ ночку и двѣ ночуетъ; я вотъ, хоть убей на мѣстѣ, ничего въ замѣтку не брала, а онъ, слышь, по ея рѣчамъ, и втѣпоры еще большія ласки ей дѣлалъ.

«— А тутъ, говорю, на барщину потребовали!

«— Ну, да, родимый, тутъ барщина эта подошла; свиданія у нихъ стали частыя. Онъ ее, слышь, кормилецъ, все въ одиночку на работу посылалъ, то въ саду заставитъ полоть, либо пшеницу тамъ обшастать, баню истопить, бѣлье вымыть, а самъ все къ ней заходитъ, будто надсматривать; хозяйка его тѣмъ лѣтомъ прытко хворала, и онъ будто такое имѣлъ намѣренье: «какъ, говоритъ, супружница моя жизнь покончитъ, такъ, говоритъ, Марѳушка, я на тебѣ женюсь; баринъ мнѣ невѣстою не постоитъ: кого хочу, того и беру». Самъ, знаешь, хитрый человѣкъ: хошь кого на словахъ уговоритъ да ума-

слитъ: а она что еще? Теперь-то разума немного, а втѣпоры и подавно... Не была бы она у меня, кормилецъ, такая, кабы не этотъ человѣкъ! Не въ кого быть такой, — хоть бы про себя самоё мнѣ сказать: смолоду была сердцемъ любчива, а чтобы насчетъ худого—нѣтъ у насъ такихъ въ роду.

«— Это такъ, говорю, старуха, про это и толковать нечего; только мнѣ хочется знать, зачѣмъ онъ ее увозилъ и какъ онъ это сдѣлалъ.

«— Увезъ онъ ее, кормилецъ, одно дѣло то, что я отъ задѣлья ее отвела, пошугала тоже маненько: видитъ, на моихъ глазахъ ему дѣлать нечего больше было; а другое: не знаю, може, ея слова справедливы, а може, и нѣтъ, она мнѣ баяла, что до самаго сбѣга ея промежъ ихъ была одна сухая любовь... Пучеглазый его Николашка кучеръ съ самой весны живмя жилъ въ нашей деревнѣ: все, знаешь, за охотой ходилъ; мѣста, вишь, у насъ больно хороши для охоты. Черезъ него онъ ей вѣсточку и далъ, чтобы вечеромъ къ нимъ на ободворки вышла. Съ посѣдокъ-то она, кормилецъ, къ нимъ и прибѣжала, а они, сударикъ, ее будто отъ холода и уговорили выпить цѣлый стаканъ винища, — крѣпкаго винища... Дѣвкѣ непривычной много ли надо: сразу обезпамятѣла! Что у нихъ тутъ было, не знаю; волей, али неволей, только усадили они ее въ сани да въ усадьбу и увезли, и сначала онъ ее, кормилецъ, поселилъ въ барскомъ кабинетѣ, а тутъ, со страху, что ли, какого, али такъ, перевелъ ее на чердакъ, и стала она словно арестантка какая: что хотѣлъ, то и дѣлалъ; а у ней самой, кормилецъ, охоты къ этому не было: съ первыхъ дней она въ тоску впала и все ему говорила:—«Экое, говоритъ, Егоръ Парменычъ, ты надо мною дѣло сдѣлалъ; отпусти ты меня къ мамонькѣ; не май ты ни ее ни меня». Онъ обѣщалъ ей кажинный разъ и все обманывалъ; напослѣдокъ она ему говоритъ:—«Если ты меня изъ моей заперти не выпустишь, такъ я, говоритъ, либо въ окошко прыгну, либо что надъ собой сдѣлаю». Этихъ словъ онъ, кормилецъ, поопасился:—«Хорошо, говоритъ, Марѳушка, я тебя къ матери привезу; только ты ничего не разсказывай, а притворись лучше нѣмой, а если, паче чаянія, какова пора не мѣра, станутъ къ тебѣ шибко приступать, или сама собой проговоришь какъ-нибудь, такъ скажи, говоритъ, что тебя лѣшій воровалъ, вихремъ унесъ, а что тамъ было, ты ничего не помнишь. Кто бы тебя, говоритъ, ни сталъ спрашивать, хоша я самъ, али какой чиновникъ, не сговаривай: стой въ одномъ, а не то будетъ хуже: сама пропадешь, да и мнѣ не уйти». Дальше, кормилецъ, что было, самъ знаешь. Послушаться она его точно послушалась, только

сердцемъ начала больно тосковать, а съ тоски этой, вѣстимо, и припадки стали приключаться; въ церковь Божью сходить хочется, а выстоять не можетъ.—«Много разъ, говоритъ, мамонька, сбиралась тебѣ всю правду открыть, только больно стыдно было».

«— По какому же чорту, — спрашиваю я: — она опять съ нимъ убѣжала?

«— Тоже не своей волей: втѣпоры, какъ ты къ намъ наѣхалъ и началъ развѣдывать, онъ той же ночью влѣзъ къ ней въ чуланчикъ въ слуховое окно и почалъ ее пугать: такъ и такъ, говоритъ, Марѳушка, за тобой, говоритъ, наѣхалъ исправникъ, и онъ тя завтра посадитъ въ кандалы и пошлетъ въ Сибирь на поселенье, а коли хочешь спастись, сбѣги опять со мной; я, говоритъ, спрячу тебя въ такое потаенное мѣсто, что никто николи тебя не отыщетъ. Отъ страху да отъ глупости опять пошла по его стопамъ. Посадилъ онъ ее этимъ разомъ къ лѣснику въ сторожку. Напала на нее пуще того тоска несосвѣтимая; двѣ недѣли только и знала, что исходила слезами; отпускать онъ ее никакъ не отпускалъ, приставилъ за нею караулъ крѣпкій, и какъ ужъ она это сговорила, не знаю, только ночью отъ нихъ, кормилецъ, тайкомъ сбѣжала и блудилась по лѣсу, не пимши, не ѣмши, двое сутокъ, вышла опосля къ Николѣ-на-Гриву, верстъ за тридцать отъ нашей деревни. Спасибо, что знакомый мужичокъ довезъ. Словно полоумная пришла, повалилась мнѣ въ ноги и все открыла, что̀ те баяла. Какъ хошь, кормилецъ, вѣрь или не вѣрь, а я словечка не прибавила.

«— Вѣрю, говорю, и даю тебѣ честное слово, что я съ вашимъ губителемъ, Егоромъ Парменовымъ, распоряжусь отлично: я давно до него добираюсь!

«— Нѣтъ, кормилецъ,—отвѣчаетъ мнѣ старуха:—я не то, что къ тебѣ съ жалобой, али тамъ, чтобы ему худо чрезъ насъ было; говорить неча: сама дура-дѣвка виновата,—не оправляю я ее! Ты только тѣмъ, родимый, заступись, чтобъ онъ насъ прижимать шибко не сталъ.

«Между тѣмъ, знаете, является и сотскій, котораго я командировалъ, и такимъ манеромъ я, чтобы и его испытать да и матку съ дочкою повѣрить, ихъ сейчасъ въ особую комнату, а его къ себѣ.

«— Что̀, говорю, братецъ, скажешь хорошенькаго?

«— Дмитревская дѣвка, говоритъ, ваше благородіе, нашлась, сама пришла къ матери.

«— Гдѣ же это она была и пропадала? — спрашиваю я, будто самъ, знаете, ничего еще не знаю.

«— Была-съ невдалекѣ: по лѣсу шлялась, съ управителемъ прибаловала. Онъ ей самъ и пристанодержательствовалъ въ тотъ и этотъ разъ.

«— Полно, говорю, братецъ, не можетъ быть.

«— Вѣрно, ваше благородіе: онъ на эти дѣла преловкій; это не первая-съ.

«— Не первая, говорю, значитъ, онъ ходокъ?

«— Ходокъ-съ. Я по вашему приказу обтопталъ всѣ его слѣды, — отвѣчаетъ мнѣ сотскій и началъ, знаете, насчитывать:—и въ Марковѣ — Палагея да Марья, и въ Варгунихѣ— солдатка Ѳекла, и на мельницѣ — мельничиха, и такъ далѣе.

«— Что же, говорю, жена-то его: чего смотритъ?

«— До жены не доводятъ, а коли гдѣ сама что замѣтитъ, потачки не дастъ: строго спроситъ.

«Я только плюнулъ. Дѣлай онъ это, каналья, гдѣ-нибудь въ бойкихъ мѣстахъ, — чортъ его дери! А тутъ, знаете, народъ нравственный въ этомъ отношеніи: онъ эту моду завелъ, а съ его примѣру, пожалуй, и другіе начнутъ. Однакожъ, чтобъ на словахъ сотскаго не раскусить пустышки, подъ разными предлогами объѣхалъ я всѣ эти показанныя мѣста, ласками да шуточками повыспросилъ, что мнѣ нужно было: оказалось, что все правда, и только-что потомъ я вернулся въ станъ, вдругъ докладываютъ, что Егоръ Парменовъ пріѣхалъ и желаетъ меня видѣть. Милости, говорю, просимъ. Входитъ, расшаркивается. — «Здравствуйте, говорю, молодой человѣкъ! Какъ ваши дѣла и обстоятельства?»

«— Да что, говоритъ, сударь, дѣла мои плохія: я такъ и такъ наслышанъ, что меня оговариваетъ бѣглая дмитревская дѣвка, аки бы я самъ ее сманивалъ, и тамъ будто бы прочее другое.

«— Да, говорю, Егоръ Парменычъ, есть такое дѣльце.

«— Сдѣлайте милость, батюшка, говоритъ, я, говоритъ, пріѣхалъ просить вашего снисхожденія. Позвольте мнѣ противъ этого имѣть свое оправданіе: это все дѣлается не что иное, какъ по злобѣ противъ меня; на первый разъ точно-съ, какъ эта дѣвка сбѣжала, я, по молодости ея лѣтъ, заступился даже за нее передъ вотчиной, но ей и матери сказалъ такъ, что если будетъ въ другой разъ, такъ не помилую. Она этому не вняла: сдѣлала еще разъ, а теперь, чтобы имѣть увертку, чего лучше, — свали на меня, да и баста. Если она говоритъ, что я ее сманивалъ: одинъ я этого сдѣлать не могъ, не въ карманѣ же мнѣ было ее держать! Пусть она покажетъ, кто ее, по моему приказу, держалъ, да тѣхъ людей и спроситъ: что они скажутъ, тогда и раскроется, кто правъ и кто виноватъ. Про самоё старуху всякій вамъ скажетъ: маята моя изо

всей вотчины, хуже всякаго потеряннаго мужика, — хитрая, злобная, грубая; а дочка тоже-съ, яблоко отъ дерева недалеко падаетъ, съ двѣнадцати лѣтъ пошла, можетъ-быть, на всѣ четыре стороны. Коли ужъ послѣ этого этакимъ людямъ станутъ вѣру давать, такъ лучше не жить на бѣломъ свѣтѣ.

«Слушаю я его и едва только себя сдерживаю: значитъ, у человѣка совѣсть потеряна, лжетъ нагло и хоть бы въ одномъ словѣ заикнулся, — какъ по-писаному катаетъ.

«— Что же, говорю, Егоръ Парменычъ, такъ ужъ очень эту дѣвушку ты порочишь? Какая-нибудь Палагея марковская, солдатка Ѳекла изъ Варгунихи, или тамъ мельничиха не лучше ея.

«Онъ немного сконфузился, но на секунду-съ, и опять какъ ни въ чемъ не бывало.

«— Я ее, сударь, говоритъ, не порочу противъ другихъ: она или другія прочія, всѣ мнѣ равны.

«— Полно, говорю, Егоръ Парменовъ, петли мѣшать, фиглимигли выкидывать: я вашей братьи говоруновъ черезъ свои руки тысячи пропустилъ! По слову разберу, что солгалъ и что правду сказалъ. Тебѣ меня не обмануть: я все знаю.

«— Я, сударь, — заюлилъ онъ: — не ради обмана, а только припадаю къ вашимъ стопамъ: вотчина начинаетъ противъ меня строить разныя выдумки, заступы я себѣ ни отъ кого не вижу, не замарайте меня, маленькаго человѣка, навѣки предъ господиномъ, а за добродѣтель вашу я благодарность чувствовать могу, хоть бы изъ денегъ, что ли, али вещами какими не потягощусь, а еще за благодѣяніе сочту.

«Я усмѣхнулся, и вздумалось мнѣ, знаете, съ нимъ, мошенникомъ, маленькую шутку сыграть.

«— Если, говорю, Егоръ Парменычъ, ты сталъ такимъ манеромъ говорить, такъ дѣло, значитъ, принимаетъ другой оборотъ; какъ бы съ этого ты началъ, такъ мы, можетъ-быть, давно бы все и покончили.

«— Не смѣлъ-съ, сударь, говорить; откровенно вамъ доложу, человѣкъ я отъ природы робкій, иной разъ, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, и подступиться къ вамъ не смѣешь: съ вами говорить не то, что съ кѣмъ-нибудь, — ума вы необыкновеннаго, а мы люди самыхъ маленькихъ понятій.

«— Это, говорю, что! Это присказки: а ты мнѣ говори сказку, какъ и что будетъ отъ тебя?

«— Я бы, сударь, говоритъ, спросилъ васъ самихъ назначеніе сдѣлать. Вы чиновникъ не маленькій: назначать я вамъ не могу, а долженъ только удовлетворить съ удовольствіемъ, чего сами потребуете.

«— Хорошо, братецъ, я отъ этого не прочь, изволь,—говорю я:—только вотъ видишь что: совѣсти моей до сей поры я еще не продавалъ, слѣдовательно мнѣ на первый разъ за пустяки ее уступить не слѣдуетъ, — десяти цѣлковыхъ не возьму.

«— Какъ возможно-съ — десять цѣлковыхъ! Совѣсть — вещь драгоцѣнная, — возражаетъ онъ мнѣ.

«— Не то, что, говорю я, совсѣмъ ужъ драгоцѣнная, а за твое, напримѣръ, дѣло можно взять тысченокъ сто на ассигнаціи.

«Его, знаете, такъ и попятило: и смѣется, и поблѣднѣлъ, и не знаетъ, какъ понять мои слова.

«— Какъ, сударь, говоритъ, сто тысячъ!

«— А что же такое?—говорю я.

«— Очень много-съ, говоритъ, этакихъ денегъ у меня и въ рукахъ не бывало, мнѣ и не сосчитать.

«— Ничего, говорю, вмѣстѣ сосчитаемъ; не обочту, не бойся.

«— Оно точно-съ; только, сударь, помилуйте: сумма-то ужъ эта ни съ чѣмъ несообразна.

«— Отчего жъ несообразна? У тебя, я думаю, въ карманѣ лежитъ около того, а чего недостанетъ, я и въ долгъ повѣрю.

«— И сотой части, сударь, около того нѣтъ. Шутить надо мной изволите; я не больше того, какъ въ шутку принимаю ваши слова.

«— То-то и есть, любезный,—началъ ужъ я ему говорить серьезно: — хорошо, что ты скоро догадался. Неужели же ты думаешь, что я изъ-за денегъ стану съ тобой заодно плутовать и мошенничать?

«И началъ ему потомъ высчитывать вся и все: всѣ ему его добрыя дѣянія представилъ, какъ въ зеркалѣ; но... какъ бы вы думали, милостивый государь... у него достало духу отъ перваго до послѣдняго моего слова во всемъ запереться: по его понятію, правѣй человѣка на свѣтѣ нѣтъ! Хоть бы маленькое раскаяніе въ томъ, что дурно дѣлалъ! Толковалъ-толковалъ съ нимъ такъ, что въ горлѣ пересохло, наконецъ выслалъ отъ себя и съ первой же почтою написалъ барину письмо, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ. Что будетъ на это письмо, не знаю-съ, и жду отвѣта съ большимъ нетерпѣніемъ».

III.

Слѣдствіе мы производили около двухъ недѣль. Передъ самымъ потомъ отъѣздомъ исправникъ пришелъ ко мнѣ съ торжествующимъ лицомъ.

— Что это, Иванъ Семенычъ, вы сегодня что-то очень веселы? — замѣтилъ я ему.

— Да-съ, веселенекъ, — отвѣчалъ онъ: — сегодня я получилъ письмо отъ барина Егора Парменова, которое душевно меня порадовало.

— Какого же содержанія? — спросилъ-было я.

— Ну, ужъ этого я теперь вамъ не скажу, а вы сами увидите, когда поѣдемъ назадъ черезъ Марково, — сказалъ онъ и во всю дорогу, несмотря на мои разспросы, ничего мнѣ не объяснилъ, а пріѣхавъ въ Марково, велѣлъ собрать сходъ.

Егоръ Парменовъ сейчасъ явился къ намъ, блѣдный, худой, такъ что я его едва узналъ.

— Батюшка Иванъ Семенычъ, — отнесся онъ прямо къ исправнику: — позвольте мнѣ съ вами два слова наединѣ сказать.

— Да зачѣмъ же наединѣ? — возразилъ ему тотъ: — если тебѣ что нужно, такъ говори и при господинѣ чиновникѣ. Секретовъ у меня съ тобою не было, да и быть не можетъ.

— Это дѣла-съ собственныя мои, домашнія, такъ какъ я получилъ отъ господина моего письмо, съ большими къ себѣ и женѣ моей выговорами, — за что и про что, не знаю: только и сказано, чтобъ я сейчасъ же исполнилъ какое отъ васъ будетъ приказаніе. Разрѣшите, сударь, Бога ради, какъ и что такое? Я однимъ мнѣніемъ измучился пуще Богъ знаетъ чего.

— Приказаніе мое я объявлю тебѣ на сходкѣ, — отвѣчалъ исправникъ.

— Сходка готова; только мнѣ до сходки желалось бы знать ваше распоряженіе, — проговорилъ Егоръ Парменовъ.

— А коли готова, такъ и пойдемъ, — сказалъ исправникъ и пошелъ.

Я послѣдовалъ за нимъ, Егоръ Парменовъ тоже. Проходя мимо флигеля, въ которомъ тотъ жилъ, исправникъ обернулся къ нему и сказалъ:

— Потрудись, Егоръ Парменычъ, зайти и за женою: надобно, чтобы и она тамъ была.

— Да она-то тамъ зачѣмъ же нужна-съ?

— Да такъ ужъ, такъ надобно.

Егоръ Парменовъ пожалъ плечами, пошелъ во флигель, но скоро вернулся.

— Нельзя ли, батюшка, жены не требовать: женщина она непривычная, на сходкахъ мужицкихъ не бывала. Сдѣлайте-съ такую божескую милость, освободите ее, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, любезный, нельзя, — возразилъ хладнокровно исправникъ.

Егоръ Парменовъ вздохнулъ, махнулъ рукою и пошелъ опять во флигель.

— Иванъ Семенычъ, не жестоко ли это? — замѣтилъ я ему.

— Ничего-съ! Она вотъ услышитъ и распорядится съ супругомъ лучше всѣхъ насъ.

Мы вошли въ соборную избу, гдѣ ужъ была цѣлая толпа мужиковъ.

— Здравствуйте, братцы! — сказалъ исправникъ.

— Здорово, бачка! Здорово, кормилецъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Какъ живете-можете?

— Помаленьку, кормилецъ! Какъ твое благополучіе?

— Тоже помаленьку: живу да хлѣбъ жую.

— И дай те Господи много лѣтъ жить да здравствовать,— сказали мужики, всѣ въ одинъ голосъ.

— Спасибо, ребята, — отвѣчалъ Иванъ Семенычъ и потомъ, оглядѣвъ толпу, прибавилъ: — а что, Петръ Ивановъ здѣсь?

— Здѣсь, сударь, — отвѣчалъ изъ толпы, выступивъ немного впередъ, какъ лунь сѣдой старикъ, который, по своей почтенной наружности, былъ какъ отлетный соболь между другими мужиками.

— Ну что, старина, каково твое здоровье? Поправляется ли?

— Нешто, судырь; не противъ прежняго, а все надо Бога благодарить. Съ нынѣшняго лѣта начинаю напольную работу порабатывать.

— Это-съ, рекомендую вамъ, — отнесся ко мнѣ исправникъ: — прежній здѣшній бурмистръ, старикъ добрый, богомольный, начетникъ священнаго писанія.

— Благодарствую, что хвалить изволишь, а ужъ какое наше читанье: въ книгѣ видимъ одно, а дѣлаемъ другое.

— Больно ужъ ты тогда барскимъ-то гнѣвомъ огорчился.

— Что дѣлать-то, сударь, — отвѣчалъ старикъ съ грустной улыбкой: — хлибки мы вѣдь ужъ оченно... что маненько не по насъ, сейчасъ и въ ропотъ... къ мірскому-то большую привязку имѣемъ.

— Ну, а писать-то можешь еще? Не разучился? — спросилъ исправникъ.

— Пишу еще; земскимъ я теперь отъ управителя поставленъ: письма-то много.

— Какъ земскимъ? — спросилъ Иванъ Семенычъ. — Я этого и не зналъ. Это значитъ, онъ тебя ужъ совсѣмъ своимъ подначальнымъ сдѣлалъ.

— Не знаю, сударь: его дѣло и его разумѣнье; только то, что должность эта мнѣ маненько не по лѣтамъ. Онъ вонъ ужъ и самъ въ очки смотритъ, а я, пожалуй, годовъ на тридцать постарше его, — отвѣчалъ старикъ.

— А что, братцы, — началъ Иванъ Семенычъ послѣ минутнаго молчанія, обращаясь къ мужикамъ: — какъ вы ду-

маете и желаете, не лучше ли бы было, если бы вами опять началъ управлять Петръ Ивановъ, а Егора Парменова въ смѣну?

При этомъ объявленіи старикъ остался совершенно спокоенъ; у мужиковъ на всѣхъ почти лицахъ отразилось удовольствіе, и всѣ они переглянулись между собою.

Рыжій мужикъ, спорившій съ Егоромъ Парменовымъ въ тотъ нашъ проѣздъ, первый заговорилъ:

— Это бы, ваше высокородіе, лучше не надо быть, — въ глаза и за глаза скажемъ: Егору Парменычу противъ Петра Иваныча не начальствовать.

— Это ты, братецъ, говоришь одинъ, — возразилъ исправникъ: — а что скажетъ міръ? Говорите, братцы, всѣ вдругъ, какъ вы думаете?

— А что, бачка, міромъ те скажемъ: за Петра Иваныча мы окромя только Бога молили, а отъ Егора Парменыча временемъ, пожалуй, жутко бываетъ! — послышалось разомъ нѣсколько голосовъ.

— Одинъ въ дѣлѣ, по разсудку, спроситъ, а другой просто те сказать—обидчикъ: оборветъ да облаетъ—вотъ-те и порядки всѣ, — добавилъ рыжій мужикъ.

На эти слова вошелъ Егоръ Парменовъ, вмѣстѣ съ женою своею, которая точно была премодная; собою недурна; одѣлась она, вѣроятно, для внушенія къ себѣ вящшаго уваженія, въ шелковое платье и даже надѣла шляпку, а въ рукахъ держала зонтикъ; вошла она прямо и довольно дерзко обратилась къ исправнику:

— Что такое вамъ угодно отъ меня?

— Сейчасъ, милостивая государыня, — отвѣчалъ тотъ и, ставъ по срединѣ избы, вынулъ изъ бокового кармана письмо.

— Это я, — началъ онъ: — читаю письмо вашего господина: «Милостивый государь Иванъ Семенычъ! Приношу вамъ мою чувствительную благодарность за увѣдомленіе о безпутствахъ моего управителя — Егора Парменова. Оставить его въ настоящей должности я считаю вреднымъ для себя и для имѣнія, и потому покорнѣйше прошу, по добротѣ вашей, принять участіе и немедленно сдѣлать распоряженіе о смѣнѣ его и о назначеніи въ управляющіе болѣе благонадежнаго, по усмотрѣнію вашему, человѣка; онъ же, какъ обманувшій мое довѣріе, долженъ поступить заурядъ въ число дворовыхъ людей».

Егоръ Парменовъ, поблѣднѣвшій, какъ преступникъ въ минуты объявленія ему судебнаго приговора, прислонился только къ стѣнѣ, а жена его зарыдала, — но, впрочемъ, проговорила:

— Что такое вы писали!.. Мы сами тоже будемъ господину писать: можетъ-быть, будетъ что-нибудь и другое!

— Пишите, сударыня; и я желаю отъ души вашему мужу

оправдаться, — возразилъ Иванъ Семенычъ. — Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ты меня, Егоръ Парменычъ, впослѣдствіи не обвинилъ, что я на тебя что-нибудь налгалъ или выдумалъ, такъ вотъ, братцы-мужички, что̀ я писалъ къ вашему барину, — и затѣмъ, вынувъ изъ кармана черновое письмо, прочиталъ его во всеуслышаніе. Въ письмѣ этомъ было написано все, что̀ онъ мнѣ говорилъ.

— Солгалъ ли я, выдумалъ ли я тутъ что-нибудь? — заключилъ онъ, обращаясь къ мужикамъ.

Управительница взглянула на мужа такъ, что мнѣ сдѣлалось страшно за него.

— Ничего этого и въ помышленіяхъ моихъ не бывало; я и смолоду этими дѣлами не занимался, а не то что по теперешнимъ моимъ заботамъ. Выдумать на человѣка по злобѣ можно все, — возразилъ-было онъ.

Нѣкоторые изъ мужиковъ усмѣхнулись.

— Ну, какъ, Егоръ Парменычъ, не бывало! — сказалъ опять рыжій мужикъ, видно, заклятой въ душѣ врагъ его: — доказывать-то на тебя не смѣли, а може, бывало и больше... гдѣ лаской, а гдѣ и другимъ бралъ...

— Вмѣсто Егора Парменова, — заговорилъ опять исправникъ: — я назначаю, по вашему желанію, Петра Иванова. Желаете ли вы?

— Желаемъ, бачка, всѣ мы того желаемъ.

— Стало, быть дѣлу такъ. Ты, Егоръ Парменовъ, изволь сдать всѣ счеты и отчеты руками, а ты, Петръ Ивановъ, прими аккуратнѣе; на себя ничего не принимай: самъ послѣ отвѣчать будешь... Прощайте, братцы! Прощай, Егоръ Парменовъ, не пеняй на меня: сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ, — заключилъ Иванъ Семенычъ, и мы съ нимъ вышли и тотчасъ же выѣхали.

IV.

Годъ спустя пришелъ ко мнѣ изъ Кокинскаго уѣзда мужичокъ, предобродушный на лицо и немного пьянъ, поклонился сначала отъ исправника и началъ просить о своемъ дѣлѣ, котораго, какъ водится, не сумѣлъ растолковать.

— Да ты чей? — спросилъ я его.

Онъ сказалъ: оказалось, что марковскаго господина.

— Кто у васъ — Петръ Ивановъ нынче управителемъ? — сталъ я его разспрашивать.

— Нѣту, родименькій, — отвѣчаетъ онъ: — Петръ Иванычъ — дай ему Богъ царство небесное — побывшился; теперь не Петръ Иванычъ — другой.

— Кто же такой?

— Изъ нашихъ же, бачка, мужичковъ. Баринъ ладилъ-было такъ, что изъ Питера наслать, али тамъ нанять кого, да Иванъ Семенычъ заартачился: вы, говоритъ, кого хотите тамъ выбирайте, а я, говоритъ, своего поставлю,—своего и посадилъ.

— Ну, а прежній, — спросилъ я: — гдѣ управитель, который до Петра Иванова былъ?

— Прежній-то?

— Да, прежній.

— О... это *лѣшій*-то... какъ его по имени-то, песъ дралъ, и забылъ ужъ.

— Егоръ Парменовъ, — подхватилъ я.

— Такъ, такъ, бачка, Егоръ Парменовъ... Тутъ же, при усадьбѣ живетъ.

— Отчего же онъ *лѣшій*-то?

— Прозванье ужъ у насъ ему, кормилецъ, такое идетъ: до дѣвокъ, до бабъ молодыхъ былъ очень охочъ. Вотъ тоже этакъ дѣвушку изъ Дмитрева отъ матки на уводъ увелъ, а опосля, какъ отпустилъ, и велѣлъ ей на лѣшаго сговорить. Исправникъ тогда объ этомъ дѣлѣ спозналъ — наѣхалъ: ну, такъ будь же ты, говоритъ, и самъ *лѣшій*; такъ, говоритъ, братцы-мужички, и зовите его *лѣшимъ*. А мы, дураки, тому и рады: съ правителей-то его тѣмъ времечкомъ смѣнили — посмѣлѣй стало... *лѣшій* да *лѣшій*... такъ *лѣшимъ* и остался.

— Гдѣ же теперь эта дмитревская дѣвка?

— При маткѣ, бачка, при матери живетъ.

— Замужъ не вышла?

— Ну, гдѣ, родимый, гдѣ ужъ!.. Хошь и мужички, а обѣгаемъ этого: парнишку тоже принесла; матка ладила-было подкинуть, такъ Марѳутка-то не захотѣла: сама, говоритъ, выпою и выкормлю. Такая дикая теперь дѣвка стала, слова съ народомъ не промолвитъ. Все богомольствуетъ... по богомольямъ ходитъ.

— Ну, а жена Егора Парменова гдѣ?

— При немъ, бачка, живетъ; тоже по немъ и ее *лѣшачихой* дразнятъ.

— А ее-то за что же?

— Сердцемъ-то она ужъ больно люта да и на руку дерзка; теперь ужъ воли-то ни надъ кѣмъ нѣтъ, такъ съ мужемъ батальствуютъ; до того дерутся да лаются, что въ избѣ-то ужъ мѣста мало: на улицу выбиваются, — прямые *лѣшіе!*..

Августа 22.
1851 года.

Оглавленіе

I ТОМА.

стр.

Автобіографія (по двумъ спискамъ) 3
А. Ѳ. Писемскій. Критико-біографическій очеркъ *В. В. Зелинскаго.* 9

Богатый женихъ. Романъ въ двухъ частяхъ 75
Нина. Этюдъ изъ дневника моего пріятеля. 265
Сергѣй Петровичъ Хозаровъ и Мари Ступицына (Бракъ по страсти).
Повѣсть 287
Тюфякъ. Повѣсть 415
Очерки изъ крестьянскаго быта:
I. Питерщикъ 583
II. Лѣшій. Разсказъ исправника. 612

University of
Connecticut
Libraries

39153029421783